

А. А. Зализняк

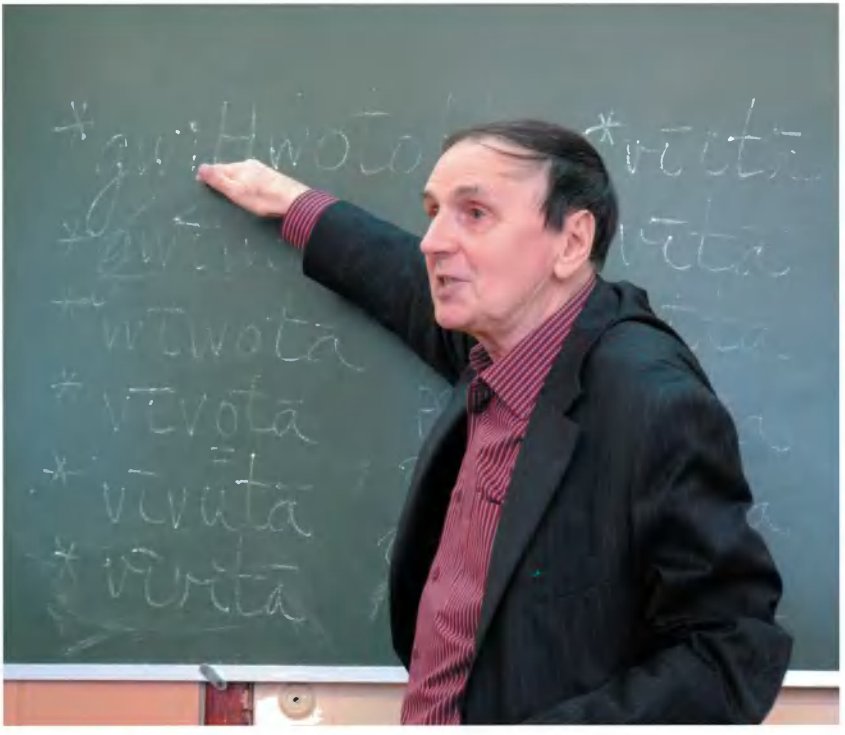
✦

ТРУДЫ ПО АКЦЕНТОЛОГИИ

Том I

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Андрей Анатольевич Зализняк (род. в 1935 г.) — лингвист, специалист в области современной и исторической грамматики русского языка, сравнительного и общего языкознания. Ряд работ посвятил исследованию новгородских берестяных грамот. Действительный член РАН, профессор. Работает в Институте славяноведения РАН и преподает на филологическом факультете МГУ. Преподавал также в университетах Экс-ан-Прованса, Парижа и Женевы; выступал с лекциями в ряде университетов Италии, Франции, Швейцарии, Германии, Австрии, Швеции, Англии и Испании. С 1982 г. постоянно участвует в работе Новгородской археологической экспедиции.

Основные книги: Русское именное словоизменение (издания: 1967, 2002), Грамматический словарь русского языка (1977, 1980, 1987, 2003), Грамматический очерк санскрита (в составе «Санскритско-русского словаря» В. А. Кочергиной; 1978, 1987, 2005), От праславянской акцентуации к русской (1985), «Мерило Праведное» XIV века как акцентологический источник (1990), Древненовгородский диалект (1995, 2004), Новгородские грамоты на бересте (совместно с В. Л. Яниным) — тома VIII (1986), IX (1993), X (2000), XI (2004), «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста (2004, 2007, 2008), Древнерусские энклитики (2008), Из заметок о любительской лингвистике (2010).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

А. А. Зализняк

✦

ТРУДЫ ПО АКЦЕНТОЛОГИИ

Том I

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2010

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус-67-1
З 55

Издание подготовлено в рамках Программы ОИФН РАН
«Генезис и взаимодействие социальных,
культурных и языковых общностей»

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 09-04-16065

Зализняк А. А.

З 55 Труды по акцентологии. Т. 1. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 848 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0420-1

В настоящем издании собраны работы по современной русской и древнерусской акцентологии, написанные на протяжении нескольких десятилетий, — как уже публиковавшиеся ранее, так и новые.

Первый том содержит исследования в области современной и исторической акцентологии русского языка. Важнейшую его часть составляет обобщающая работа «От праславянской акцентуации к русской», содержащая изложение основ акцентологии современного русского языка и основ истории русского ударения.

За ней следуют работы, посвященные отдельным более узким проблемам современного русского ударения и истории его формирования. Особое место среди них занимает подробное акцентологическое описание двух важных для истории русского ударения памятников — «Мерила Праведного» XIV века и «Космографии» Мартина Бельского XVI века.

Второй том содержит древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель, включающий около 6500 слов. Он состоит из двух частей — общей и специальной (посвященной именам собственным). Словарь-указатель отражает, во-первых, весь древнерусский и старовеликорусский материал, обсуждаемый в первом томе, во-вторых, дополнительный акцентологический материал, извлеченный непосредственно из более чем 70 памятников XI–XVII веков.

Словарь-указатель совмещает функцию обычного указателя с функцией акцентологического словаря. В этом последнем качестве он представляет собой пособие, которое в рамках достаточно представительного корпуса слов позволит читателю непосредственно получить ответ на вопрос, каково было прежнее ударение того или иного современного слова и что случилось с его ударением за последние 500–700 лет. Специальным знаком (♦) выделены слова, у которых современное ударение отличается от древнерусского. Это даст читателю удобную возможность непосредственно обозреть те группы слов, где происходило изменение ударения в ходе истории.

Издание предназначено как для специалистов (лингвистов, литературоведов, историков), так и для всех интересующихся историей русских слов и их ударения.

ББК 81.2

ISBN 978-5-9551-0420-1

© А. А. Зализняк, 2010
© Языки славянских культур, 2010

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том первый

Предисловие VII

Раздел 1. От праславянской акцентуации к русской

Глава 1. Акцентная система современного русского литературного языка 8
Глава 2. Праславянская и раннедревнерусская акцентные системы 113
Глава 3. Акцентные системы XIV–XVII веков 166
Глава 4. Основные направления акцентной эволюции 371
Указатели 394

Раздел 2. Другие работы по акцентологии современного русского языка

Ударение в современном русском склонении 431
«Условное ударение» в русском словоизменении 448
Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода 464
О некоторых связях между значением и ударением у русских прилагательных 513

Раздел 3. Другие работы по истории русского ударения

«Мерило Праведное» XIV века как акцентологический источник 531
Глава 1. Новые данные о русских памятниках XIV–XVII веков с различением двух фонем «типа *о*» 536
Глава 2. Противопоставление букв *о* и *ѡ* в «Мериле Праведном» 560
Глава 3. Акцентная система «Мерила Праведного» 589
Глава 4. Дополнительные замечания об омеге в «Мериле Праведном» 671
Указатель слов 685

Акцентная система южновеликорусской рукописи XVI века «Космография» Мартина Бельского 709
Глава 1. Глагольная акцентуация в «Космографии» Мартина Бельского 709
Глава 2. Акцентуация существительных в «Космографии» Мартина Бельского 797

Отдельные статьи 804

Перенос ударения на проклитики в старовеликорусском 804
Ударение просодических комплексов в истории русского языка 817

Литература, источники, сокращения 827
Библиографическая справка 837

Том второй

Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV–XVII вв.)

Структура словаря-указателя

Общий акцентологический словарь-указатель

Акцентологический словарь-указатель имен собственных

Источники

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга представляет собой собрание работ по современной русской и древнерусской акцентологии, написанных в разные годы, — как уже публиковавшихся ранее, так и новых.

Первый том состоит из трех разделов.

Раздел 1 образует обобщающая монография «От праславянской акцентуации к русской», содержащая изложение основ акцентологии современного русского языка и основ истории русского ударения.

Раздел 2 составляют работы, посвященные частным вопросам современного русского ударения. Сюда входят статьи:

Ударение в современном русском склонении.

«Условное ударение» в русском словоизменении.

Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода.

О некоторых связях между значением и ударением у русских прилагательных.

Раздел 3 составляют работы, посвященные частным вопросам русской исторической акцентологии.

Сюда входят, во-первых, описания акцентных систем двух важных памятников:

Монография ««Мерило Праведное» XIV века как акцентологический источник».

Работа «Акцентная система южновеликорусской рукописи XVI века “Космография” Мартина Бельского». Эта работа представляет собой объединение статьи «Глагольная акцентуация в “Космографии” Мартина Бельского» (прежнее название: «Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в.») и новой статьи «Акцентуация существительных в “Космографии” Мартина Бельского».

Во-вторых, в этот раздел входят две отдельные статьи:

Перенос ударения на проклитики в старовеликорусском.

Ударение просодических комплексов в истории русского языка.

Второй том (новая работа) — это акцентологический словарь-указатель, отражающий, во-первых, весь древнерусский и старовеликорусский материал, который представлен в статьях настоящей книги, во-вторых, дополнительный акцентологический материал нескольких десятков рукописей, вводимый в научный оборот впервые. Словарь-указатель делится на две части: общую и специальную — посвященную именам собственным.

Словарь-указатель представляет собой нетрадиционную форму лексикографической работы. Он совмещает функцию обычного указателя, позволяющего читателю найти упоминания интересующего его слова в тексте настоящей книги, с функцией акцентологического словаря, который непосредственно указывает акцентологические характеристики каждого слова, в частности, основные сведения о его акцентной эволюции на временно́й дистанции от древнерусского языка к современному русскому. Поскольку материал рукописей учтен здесь гораздо более полно, чем в монографии «От праславянской акцентуации к русской» и в публикуемых статьях, словарь-указатель намного более представителен с лексикографической точки зрения, чем эти сочинения.

Читатели смогут использовать словарь-указатель, в частности, для ответа на вопрос, на который существующие словари пока еще не отвечают, — каково было прежнее ударение того или иного современного слова. Специальным знаком (♦) выделены слова, у которых современное ударение отличается от древнерусского. Это даст читателю удобную возможность непосредственно обозреть те зоны, где происходило изменение ударения в ходе истории.

Чтобы избежать чрезвычайно трудоемкой операции по повторной выверке текста и в особенности всех специальных знаков, опубликованные прежде работы почти во всех случаях воспроизведены механически с прежнего набора (с исправлением замеченных опечаток). Соответственно, в книге не проводилась унификация оформления, и в разных работах может быть использован не только разный шрифт, но и несколько различные сокращения или способы оформления отсылок и т. п. (например, в разных статьях юс малый может передаваться как *ѧ* или как *я*, оборот листа может обозначаться буквой *б* или пометой *об.* и т. д.).

В книге имеется единая сводная библиография, но при многих работах сохранена также и библиография, относящаяся именно к данной работе.

Названия ранее опубликованных статей в некоторых случаях несколько сокращены, поскольку в рамках настоящего сводного издания часть уточнений становится излишней.

А.А.ЗАЛИЗНЯК

От праславянской акцентуации к русской

Книга представляет собой первое целостное описание исторической эволюции акцентной системы русского языка от праславянской к современной. Монография входит в цикл работ (коллектива авторов) по диахроническому обследованию славянских акцентных систем, подготавливающих создание «Сравнительного акцентологического словаря славянских языков».

Ответственный редактор
В. Н. ТОПОРОВ

Рецензенты
В. А. ДЫБО, Б. А. УСПЕНСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

§ 0.1. Задача настоящей книги — обрисовать контуры истории русского ударения.

Исследование строится методом синхронических срезов. При этом, однако, порядок изложения не соответствует хронологии. В главе 1 дается описание акцентной системы современного литературного русского языка. Этот синхронический срез поставлен первым, поскольку здесь мы можем опереться на самый широкий и в то же время максимально надежный с фактографической точки зрения материал. Этот материал позволяет построить описание с полнотой и точностью, недостижимой для других синхронических срезов; выработанная здесь техника описания в наибольшей степени доступна для непосредственной проверки.

В главе 2 описывается противоположный конец хронологической дистанции, рассматриваемой в настоящей книге, — поздняя праславянская и раннедревнерусская акцентные системы. Эти системы разбираются вместе, поскольку различия между ними незначительны: вторая в сущности является лишь диалектной разновидностью первой. В основу изложения положена раннедревнерусская система; в особом разделе рассмотрены ее отличия от праславянской. Данные главы 2 представляют собой результат реконструкции (сравнительно-исторической и внутренней). Следует отметить, что в этой реконструкции автору принадлежит лишь общая аранжировка и разработка ряда частных моментов; во всем существенном она непосредственно опирается на работы Х. Станга, В. М. Иллич-Свитыча и в особенности В. А. Дыбо.

Глава 3 посвящена позднедревнерусскому (XIV в.) и старовеликорусскому (XV—XVII вв.) периодам. В отличие от главы 2, она опирается непосредственно на письменные источники: материалом для исследования служат около 70 рукописей и старопечатных книг XIV—XVII вв. Использованы только такие памятники, где указано место их создания или где удалось по диалектологически значимым признакам хотя бы приблизительно локализовать говор писца. По материалам памятников анализируется ударение в значительном числе звеньев морфологической системы (преимущественно в сфере словоизменения). При этом особое внимание уделено диалектным различиям в области акцентуации; важнейшие различия такого рода отражены в серии специальных историко-диалектологических карт.

В главе 4 сравниваются описанные синхронические срезы и дается обзор основных тенденций акцентной эволюции русского языка.

Если современное литературное русское ударение изучено в настоящее время сравнительно глубоко (особенно в части, касающейся словоизменения), то история русского ударения представляет собой недостаточно разработанную область. Несколько полнее обследовано ударение XVII—XIX вв.; см. прежде всего монографии: Нахтигал, Станг 1952, Кипарский 1962, Шелюто, Хазагеров 1973а, Воронцова. Но ударение более раннего времени, если не считать статей по частным вопросам, исследуется только в книгах: Васильев (о двух фонемах «типа *о*») и Колесов 1972 (по именам).

Настоящая книга не претендует на всесторонний разбор истории русского ударения. Рассмотрены лишь некоторые узловые проблемы и узловые хронологические точки. В итоге достаточно ясно видны контуры развития, но, разумеется, многие частные звенья выпущены. Так, например, мы не рассматриваем интервал, отделяющий старовеликорусский срез от современного, т. е. XVIII—XIX вв. (см. указанные выше работы). Далее, в книге лишь в очень ограниченной степени затрагивается проблематика ударения в современных русских говорах. Причина здесь прежде всего в недостатке систематической (а не разрозненной и случайной) информации об ударении в говорах. В самом деле, вопросы по ударению, входящие в диалектологические программы, затрагивают лишь малую часть тех слов или словоформ, сведения о которых необходимы для полной характеристики акцентной системы говора. С другой стороны, достаточно полных акцентных описаний отдельного говора в диалектологической литературе чрезвычайно мало; они никоим образом не составляют сетки, покрывающей великорусскую территорию.

Ввиду необходимости вместить в ограниченный объем большое количество конкретной информации (включая цитирование исходного материала), изложение во многих случаях ведется весьма сжато. Как один из способов сокращения нередко используется дифференциация однотипных разделов по степени подробности анализа: например, один из таких разделов дается с развернутой аргументацией и с приведением обширного материала, другие же — гораздо более бегло. Сокращены до минимума разделы, достаточно хорошо разработанные в существующей лингвистической литературе, например, раздел об ударении в современном русском словоизменении. Изложение ряда частных вопросов, разобранных нами в других работах (РИС, Грамм., Однослож., Акц. Мер., Глаг. акц. и др.), пришлось полностью или почти полностью заменить соответствующими отсылками. Почти к нулю сведены обзор мнений по разбираемым вопросам и полемика.

§ 0.2. В книге используется техника так наз. акцентных маркировок, которая уже нашла применение (в нескольких разновидностях) в ряде акцентологических работ (см., в частности, Дыбо 1973, 1981, Гард 1976, 1978, Кипарский — Халле 1977).

В идеальном случае эта техника выглядит так. Имеется некоторый выбранный исследователем инвентарь возможных акцентных мар-

кировок для морфем (маркировками служат те или иные условные символы). Каждой морфеме языка в качестве ее постоянной характеристики приписывается одна из этих маркировок (понятно, что это равносильно разбиению множества всех морфем на непересекающиеся акцентные классы). Далее, задается единое общее правило, позволяющее указать акцентуацию произвольной словоформы (или более крупного просодического единства) на основании акцентных маркировок всех морфем, входящих в рассматриваемую единицу. Идеал достигнут, если полученная по этому правилу акцентуация всегда совпадает с действительной.

В неидеальном случае такое совпадение достигается не всегда, т. е. остается некоторое количество словоформ (или иных единиц), которые должны квалифицироваться как исключения. Другой вид нарушения идеальной схемы состоит в том, что некоторые морфемы получают в одном окружении одну маркировку, а в другом другую. Заметим, что различие между этими двумя видами нарушений непринципиально: одно может быть сведено к другому путем некоторых перемен в расстановке маркировок.

Там, где акцентную систему можно описать с помощью очень малого инвентаря маркировок и достаточно простого общего правила, преимущества такой системы описания очевидны. Если акцентная система требует более обширного инвентаря маркировок и более сложного общего правила, эти преимущества уменьшаются. При дальнейшем увеличении сложности уже может оказаться, что рассматриваемая техника больше вообще не дает выигрыша в простоте по сравнению с более прямолинейными приемами описания (понятно, впрочем, что едва ли возможно точно указать, когда именно наступает этот критический момент).

В процессе описания акцентных систем разных периодов истории русского языка было выявлено, что техника акцентных маркировок дает максимальный выигрыш в простоте для ранних этапов (праславянского и раннедревнерусского). Для современного этапа этот выигрыш меньше; он все еще достаточно велик при описании словообразования, но малоощутим при описании словоизменения (в особенности у непроизводных слов). В связи с этим в настоящей книге техника маркировок используется при описании разных хронологических этапов несколько по-разному: для ранних этапов эта техника носит всеобъемлющий характер, для современного этапа она ограничена лишь описанием акцентной структуры производных основ (ср. § 1.21).

§ 0.3. В лингвистических работах обычно нечетко разграничиваются термины «ударение», «акцентуация», «акцентовка» (в некоторых работах в этом ряду стоит еще термин «акцент», который в настоящей книге не используется). Ниже мы придерживаемся следующего частичного (и не вполне строгого) разграничения этих терминов.

Термин «ударение» означает в первую очередь выделение одного из слогов в единичной словоформе (например: «в словоформе *корбва*

ударение падает на 2-й слог») и способ расстановки таких выделений в некоторой группе словоформ или слов (например: «существительные с суффиксом *-изм* имеют неподвижное ударение на суффиксе»). Во втором значении как синоним «ударения» может выступать слово «акцентовка» (например: «такой-то класс словоформ [или слов] имеет накоренное ударение» или, что то же, «накоренную акцентовку»).

Термин «акцентуация» используется главным образом там, где соответствующее явление обладает известной степенью сложности. Эта сложность может определяться тем, что в языке имеется два или более противопоставленных типа просодического выделения (например, с различением интонаций), или просто обширностью рассматриваемого класса словоформ или слов и сложностью правил расстановки в нем ударений. Соответственно, термин «акцентуация» может употребляться, в частности, применительно к языку в целом (например, «праславянская акцентуация», «современная русская акцентуация»). В этом случае возможен также термин «ударение», но он уместен лишь там, где существует только один тип просодического выделения (например, «современное русское ударение», но не «праславянское ударение»; отсюда формулировка названия настоящей книги).

Кроме того, термины «акцентовка» и «акцентуация» могут использоваться применительно к графическому уровню — в значении «расстановка знаков ударения».

Общее прилагательное от терминов «ударение», «акцентуация», «акцентовка» — *акцентный* (с вариантом *акцентуационный*, не отличающимся от него по значению).

Для нашего анализа фактически существен лишь фонемный состав разбираемых словоформ, их графический облик самостоятельного значения не имеет. Из практических соображений, однако, мы везде, где это не затрудняет нашего разбора, пользуемся обычной орфографической записью. Для древнерусского и старовеликорусского используется нормализованная запись, кроме случаев прямого цитирования из памятников (где сохраняется подлинная орфография, если не считать некоторых частностей).

В тех случаях, где орфографическая запись (современная или древняя) создает неудобства, например, затрудняет вычленение или идентификацию морфем, применяются (в нужной точке словоформы) элементы фонемной записи, а именно, *j* и *'*. В результате возникает комбинированная запись, например, *земл'а*, *свин'jу* в современном языке, *земл'а*, *jьгла*, *своjь* в древнерусском.

Для каждого синхронического среза в принципе используется та морфологическая номенклатура, которая наиболее обычна для соответствующих описаний; например, мы говорим о членных и нечленных формах прилагательных в древнерусском и о полных и кратких в современном русском. Однако там, где это упрощает диахронические формулировки, допускаются также обозначения, основанные на принципе исторического тождества.

Основные морфологические классы древнерусских и старовеликорусских имен обозначаются как *a*-склонение, *o*-склонение, *i*-склонение и т. д., более узкие классы — как *o*-masculina, *o*-neutra, *i*-feminina и т. д.

Для глаголов используется следующая номенклатура (она показана здесь для древнерусского уровня, но имеет силу для всех периодов). Как к о р н е в ы е обозначаются глаголы, у которых показатель инфинитива присоединяется непосредственно к корню (например, *дати*, *бити*, *пѣти*, *нести*, *беречи*), а также глаголы на *-ерети*, *-ороти*, *-олоти* (например, *мерети*, *колоти*). Корневые глаголы подразделяются на *V*-корневые (инфинитив оканчивается на гласную + *ти*) и *C*-корневые (инфинитив оканчивается на согласную + *ти* или на *-чи*). Подразделения н е к о р н е в ы х глаголов: *aj*-глаголы — инфинитив на *-ати*, презенс (3 ед.) на *-аеть*; *ěj*-глаголы — соответственно *-ѣти*, *-ѣеть*; *ova*-глаголы — соответственно *-овати* (где *-ова-* — суффикс), *-уеть*; *a*-глаголы — прочие на *-ати*, *-еть* (например, *писати*, *пишеть*, *брати*, *береть*, *совати*, *суеть*); *i*-глаголы — *-ити*, *-ить*; *ě*-глаголы — *-ѣти* (*-ати* после шипящих и *j*), *-ить*; *nǫ*-глаголы — *-нути*, *-неть* (не входят в перечисленные классы лишь несколько изолированных глаголов). В структуре некорневых глаголов выделяются так наз. т е м а т и ч е с к и е э л е м е н т ы, а именно: в основе инфинитива — морфемы *-a-*, *-ѣ-*, *-ова-*, *-а-*, *-и-*, *-ѣ-*, *-ну-* (соответственно классу некорневых глаголов); в основе презенса — *-aj-*, *-ѣj-*, *-уj-*, *-н-* соответственно у *aj-*, *ěj-*, *ova-*, *nǫ*-глаголов (в прочих классах в презенсе тематический элемент не выделяется).

При работе над книгой автор постоянно пользовался дружеской поддержкой В. А. Дыбо, беседы с которым способствовали прояснению многих положений этой книги. Неоценимую помощь в разыскании, источниковедческой оценке и датировании обследованных в книге рукописей автору оказали О. А. Князевская, Н. Б. Тихомиров и А. А. Турилов. Постоянное содействие работе автора над рукописями ГИМ'а оказывал И. В. Лёвочкин. В работе над диалектологическими материалами сектора истории и диалектологии Института русского языка АН СССР автор пользовался помощью и советами С. В. Бромлей и Е. Г. Буровой. Большую помощь в техническом оформлении работы оказали С. М. Евграфова и Е. А. Гришина. Указатели к книге составлены Е. А. Гришиной. Всем названным лицам автор приносит глубокую благодарность.

Глава первая

АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 1.1. Ударение в современном русском языке представляет собой некоторый способ выделения одного из слогов словоформы (или цепочки последовательных словоформ). Физической природы этого выделения мы в настоящей работе не касаемся; для нас достаточно исходить из того, что носитель русского языка без всякого труда улавливает (при нормальных условиях коммуникации) место ударения в услышанной им словоформе (даже если он не обучен самому понятию «ударения») и может повторить эту словоформу с тем же ударением. Русское ударение при всех возможных вариациях своего физического выражения с функциональной точки зрения едино, т. е. не существует двух (или более) разных типов ударения, противопоставление которых служило бы для различения словоформ.

Примечание. В некоторых словах (преимущественно сложных), помимо основного, или главного, ударения, имеется еще так наз. второстепенное (обычно несколько более слабое, чем основное; оно обозначается ˋ), например: *нѐфтеперерабо̀тка*, *ко̀нтрразвѐдчик*; возможно даже более одного второстепенного ударения: *а̀втомдтоклу́б*. При этом, однако, главное и второстепенное ударения все же не могут рассматриваться как функционально противопоставленные друг другу, поскольку это различие никогда не выступает в качестве единственного средства различения двух словоформ.

Ударение отдельной словоформы в нормальном случае постоянно, т. е. оно одинаково во всех вхождениях этой словоформы в речевую цепь. Отклонения от этой нормы составляют: 1) сравнительно немногочисленные случаи, когда полнозначная словоформа в сочетании с определенными служебными словами выступает без ударения, а служебное слово (в других случаях безударное) несет ударение, например, *на́ голову*, *по́ морю*; 2) словоформы с колеблющимся ударением, т. е. неодинаковым у разных носителей языка[1] или даже в разных точках речи одного и того же носителя языка; число таких словоформ довольно значительно, ср., например, *про́дал* и *продал́*, *сле́сарей* и *слесаре́й*, *си́льны* и *сильны́* и т. п.; 3) аномальные случаи (очень редкие), например, Р. ед. *у́тра* (*све́жесть у́тра* и т. п.), но *до утра́*, *до са́мого утра́*.

[1] Имеются в виду носители литературного языка; если включить в рассмотрение также местные говоры и другие формы нелитературной речи, сфера колебаний окажется гораздо шире.

Русское ударение с в о б о д н о (т. е. не существует никаких общих ограничений на место ударения внутри словоформы по счету от конца или от начала) и п о д в и ж н о (т. е. разные словоформы одной лексемы, а также разные производные от одного корня, могут иметь ударение на разных слогах [по счету как от конца, так и от начала]).

Русское ударение существенным образом связано с морфологическим членением; в частности, оно может быть закреплено за определенной морфемой (или отсчитываться от нее влево или вправо). Соответственно, можно говорить о корневом, префиксальном, суффиксальном, флексионном ударении. Выделим, кроме того: н а о с н о в н о е ударение — на основе; п р е д ф л е к с и о н н о е — на последнем слоге основы.

Из неморфологических характеристик ударения выделим понятие колонности: к о л о н н ы м ударением в группе словоформ (например, в парадигме) называется ударение на одном и том же слоге по счету от начала.

ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ

§ 1.2. Основная задача, которую должно решать описание русской акцентной системы, состоит, очевидно, в том, чтобы тем или иным способом указать для каждой русской словоформы ее акцентуацию. Наиболее прямолинейное решение здесь — списочное. Заметим, что как одно из возможных решений данной задачи (для массива в 100 000 слов) можно рассматривать Грамм.: ударение в исходных словоформах слов указывается здесь списочным способом, ударение в прочих словоформах «вычисляется» далее по соответствующим индексам и таблицам. Понятно, однако, что списочные решения, с одной стороны, чрезвычайно громоздки, с другой стороны, не обладают достаточной «объяснительной силой», в частности, не позволяют предсказывать акцентные свойства слов, не вошедших в список. Отсюда необходимость в построении менее прямолинейного и, быть может, логически менее простого, зато более компактного и более обобщенного описания акцентуации.

В современном русском языке круг факторов, от которых хотя бы в некоторых случаях может зависеть акцентуация слова, весьма значителен. Помимо фактора традиции (т. е. прямого наследования установившегося в прошлом ударения), сюда прежде всего относятся: морфемный состав слова, его словообразовательная история, его значение, длина (число слогов) его основы, характер конечной фонемы его основы, а также степень его освоенности (для данного говорящего).

Как можно видеть из этого перечня, многие из тех свойств слова, от которых зависит его ударение, определяются нестрого; в их оценке в части случаев возможны сомнения и разногласия. Это значит, что неизбежно окажутся нестрогими и все те правила об акцентуации, которые основаны на учете таких свойств. Очевидно также, что в рамках акцентологического исследования было бы совершенно нереально и неуместно пытаться предварительно довести до формаль-

ной строгости все относящиеся к делу морфологические, семантические и иные разграничения.

Соответственно, если бы требовалось обязательно достичь полной формальной строгости, пришлось бы вообще отказаться от правил, опирающихся, например, на значение слова, и заменить все такие правила списками (как это сделано, например, в РИС). В настоящей работе мы ставим перед собою, однако, несколько иную цель: по возможности выявить и отобразить факторы, реально влияющие на современную акцентуацию (в том числе действующие не абсолютно, а лишь «статистически»), и показать иерархию этих факторов и их взаимодействие. В этой ситуации мы вынуждены мириться с частичной потерей строгости. Ряд уточнений, даваемых ниже по ходу изложения, помогает несколько уменьшить этого рода потери.

В дальнейшем предполагается, что о любой словоформе мы знаем, помимо ее фонемного (и буквенного) состава, принадлежности к определенной лексеме, лексического и грамматического значения, также ее морфологический состав (т. е. членение на морфы) и отношения морфологической и семантической производности, в которых она участвует (а в части случаев еще и некоторые другие неформальные характеристики, см., в частности, § 1.4, 1.5).

Остановимся несколько подробнее на некоторых необходимых для дальнейшего неформальных характеристиках.

Непроизводные и производные слова

§ 1.3. Большое значение имеет противопоставление непроизводных и производных слов; к сожалению, граница между этими двумя классами, как известно, недостаточно строга.

Для акцентологического анализа целесообразно провести это разграничение таким образом, чтобы в категорию непроизводных были включены, во-первых, слова, не являющиеся семантически производными ни от какого реально существующего слова языка (например, *вода́*, *бага́ж*, *ма́стер*, *живо́й*, *бле́дный*, *кре́пкий*, *сурóвый*, *брать*, *копа́ть*, *ходи́ть*, *бре́зговать*), во-вторых, все вообще слова с одноморфной[2] основой, даже если с семантической точки зрения такое слово производно (как в случае *бег*, *лай*). В число непроизводных попадают также все опростившиеся слова.

Из числа непроизводных выделяется подгруппа «членимых непроизводных», т. е. таких, у которых конечный элемент основы может быть отождествлен с некоторым суффиксом (например, *бле́дный*, *кре́пкий*, *сурóвый*, *бага́ж*, *саботи́ровать* и т. п.).

В категорию производных включаются слова с неодноморфной основой, семантически производные от некоторого другого слова (или слов), например: *колоко́льчик*, *кре́пость*, *прохóд*, *тупоголóвый*.

[2] Нулевые словообразовательные морфемы (если таковые признаются) не в счет (однако морфема -'-, выражаемая смягчением [§ 1.43], учитывается как отдельная).

Плотное и неплотное присоединение морфем

§ 1.4. Для акцентологического описания необходимо отличать от обычного («плотного») способа присоединения морфем друг к другу в составе словоформы особые случаи, когда морфема присоединена к остальной части словоформы более свободно («неплотно») — примерно так, как обычно соединяются две самостоятельные словоформы. Основная часть словоформы в этих случаях почти всегда совпадает с некоторой самостоятельно существующей словоформой. Важнейшее акцентологическое свойство неплотно присоединенной морфемы (или основы в составе сложного слова) состоит в том, что она никак не меняет акцентуации основной части словоформы; ср., например, *непроходно́й* и *проходно́й*, *двухвинтово́й* и *винтово́й*, *нефтепереработка* и *переработка* и т. п. В составе сложного слова неплотно присоединенная основа в большинстве случаев несет второстепенное ударение.

Различие между плотным и неплотным присоединением можно проиллюстрировать с помощью скобок.

Плотное присоединение	Неплотное присоединение
(неотвя́з)-ный	*не-(проходно́й)*
(межзу́б)-ный	*меж-(племенно́й)*
(двуру́ч)-ный	*двух-(винтово́й)*
(водосли́в)-ный	*нефте-(наливно́й)*

Как легко видеть, одни и те же морфемы могут в одних случаях присоединяться плотно, в других неплотно. Возможно даже прямое варьирование, например, *(первоочерёд)-ный* и *перво-(очередно́й)*. Существенно то, что выбор плотного или неплотного присоединения далеко не всегда соответствует семантической деривационной истории слова. Например, *двухвинтово́й* с семантической точки зрения есть относительное прилагательное к «два винта» (как *двуру́чный* — к «две ручки»), т. е. «семантические скобки» стоят здесь иначе, чем морфонологические. Ср. также отсутствие смысловых различий между вариантами *первоочерёдный* и *первоочередно́й*.

Таким образом, вопрос о выборе плотного или неплотного присоединения составляет для современного языка особую морфонологическую проблему. В настоящей работе мы не ставим себе целью ее решить; формально мы будем исходить далее из того, что способ присоединения (плотный или неплотный) заранее задан; практически нас почти везде будет интересовать только плотное присоединение (поскольку случай с неплотным присоединением с акцентологической точки зрения тривиален). Отметим здесь лишь некоторые наиболее важные факты. Как правило, присоединяются неплотно, в частности: 1) приставка *не-*, например, *неживо́й*, *непроходно́й*, *неспециали́ст*; 2) элемент *полу-*, например, *полуживо́й*, *полуподва́л*, *полусиде́ть*; 3) приставка *пре-* со значением «в высшей степени» (у прилагательных

и наречий), например, *препроти́вный, пренепри́ятно*; 4) элементы *вне-, внутри-, до-, меж-, после-, пред-, противо-* в прилагательных и существительных, производных, с семантической точки зрения, от сочетаний «предлог + существительное», например, *внѐземно́й, внутрѝчерепно́й, дородово́й, мѐжплеменно́й, послеродово́й, предпосевно́й, противоболево́й*.

Помимо неплотного присоединения слева, примеры которого рассмотрены выше, возможно также неплотное присоединение справа. Так присоединяются частицы, пишущиеся через дефис (*-то, -либо, -нибудь, -ка, -таки*), и глагольные постфиксы *-ся (-сь)* (кроме некоторых особых случаев, см. § 1.12) и *-те* (в императиве).

Освоенные и неосвоенные слова

§ 1.5. В акцентологическом описании оказывается необходимым учитывать также то обстоятельство, что для конкретного носителя языка некоторое слово может быть о с в о е н н ы м («своим», привычным) или н е о с в о е н н ы м (чуждым, непривычным, ранее не слышанным или слышанным редко). Таким образом, речь здесь идет о некотором внеязыковом, прагматическом различии. Соответственно, мы будем ниже называть влияние этого различия на акцентуацию (или на иные характеристики слова) п р а г м а т и ч е с к и м фактором.

Для взрослого носителя языка освоенными являются слова повседневной обиходной лексики, названия предметов, связанных с его профессиональной деятельностью, слова, специфические для его микроколлектива или ограниченной среды. Неосвоенными являются, в частности, названия предметов из жизни других стран или прошлых эпох, термины незнакомых данному человеку профессий, слова чужих микроколлективов, для большинства носителей языка — также все слова возвышенно-книжного и архаизирующего стиля. Неосвоенным для данного человека является также всякое слово, которое он только что узнал; однако через некоторое время, иногда довольно короткое, он может вполне освоить это слово.

Таким образом, разделение слов на освоенные и неосвоенные индивидуально для каждого носителя языка и, кроме того, меняется в ходе его жизни.

Между полной освоенностью и полной неосвоенностью слова возможны, конечно, и промежуточные случаи. К сожалению, мы не имеем средств для объективной оценки этой градации, и поэтому в основном ограничиваемся выявлением тех акцентных эффектов, которые рассматриваемое противопоставление дает в несомненных, ярко выраженных случаях. Подробнее об этом противопоставлении см. Однослож., § 5, 21.

СТРУКТУРА ОПИСАНИЯ

§ 1.6. Описание русской акцентной системы строится ниже так. За основную единицу рассмотрения принимается слово (лексема), а не отдельная словоформа. Соответственно, чтобы узнать место ударения в некоторой словоформе, необходимо вначале установить (по определенным правилам) акцентные характеристики соответствующего слова, а затем по этим характеристикам установить ударение интересующей нас словоформы.

Акцентных характеристик слова две: 1) так наз. схема ударения; 2) место ударения внутри основы. Для аномальных слов в качестве особой дополнительной характеристики выступают сведения о наличии и характере акцентной аномалии. Указанные акцентные характеристики однозначно определяют место ударения во всех словоформах слова. Заметим, что акцентная характеристика 2 реально необходима лишь при одном из возможных значений характеристики 1 (а именно, при схеме ударения *a*, см. ниже). В прочих случаях ударение во всех словоформах слова однозначно устанавливается по одной лишь схеме ударения.

Соответственно, с формальной точки зрения, все дальнейшие правила предназначены для того, чтобы в конечном счете позволить указать для произвольного слова его схему ударения и место ударения внутри основы. Вначале вводятся необходимые рабочие понятия и указываются наиболее общие закономерности русской акцентной системы (§ 1.7—13). Далее рассматривается вопрос о распределении непроизводных слов по схемам ударения; однако списки слов здесь, как правило, не приводятся, поскольку они могут быть найдены в ряде других работ. Наконец, разбирается акцентуация производных слов; этот разбор проведен подробно, поскольку существующие изложения данного вопроса недостаточно полны.

§ 1.7. Набор словоформ одного слова, рассматриваемый в акцентологии, не всегда в точности совпадает с морфологической парадигмой слова. Отличия здесь таковы.

У существительных форма В. мн. (которая у одушевленных совпадает с Р. мн., у неодушевленных с И. мн.) в акцентном описании самостоятельно не рассматривается и в схему ударения не включается. Кроме того, некоторые парадигмы с разными основами ед. и мн. чисел с акцентологической точки зрения целесообразно трактовать не как единые парадигмы, а как пары неполных (а именно, одночисловых) парадигм. Сюда относятся: 1) случаи супплетивизма — *челове́к, ребёнок* (мн. *лю́ди, де́ти*); сюда же примыкает *дитя́* (мн. *де́ти*); 2) слова на *-ин*, утрачивающие это *-ин* во мн. числе (*армяни́н, господи́н* и т.д.); 3) слова на *-ёнок, -о́нок* (мн. *-я́та, -а́та*); слова с дополнительным морфом *-j-* (*-ej-*) во мн. числе (*де́рево—дере́вья, клок—кло́чья* и т.п.). Во всех случаях образование мн. числа рассматривается с акцентологической точки зрения как словообразовательная, а не словоизменительная операция.

У прилагательных не считаются частью парадигмы сравнительная и превосходная степени; они трактуются как производные слова (заметим, что такое решение возможно и для собственно морфологического описания, ср. РИС, § 2.23). Как и у существительных, выведены из сферы словоизменения супплетивно образуемые словоформы (*велúк* и т. д. при *большóй*, *мал* при *мáленький*).

Не рассматриваются как единые словоформы составные числительные, у которых склоняются обе части (*пятьдеся́т*, *пятьсо́т* и т.д.); каждая из этих частей учитывается по отдельности.

У глаголов в акцентологическом описании не включаются в парадигму (а рассматриваются вместе с производными) причастия и деепричастия.

Далее, с акцентологической точки зрения целесообразно разделять многие морфологические парадигмы на части, которые можно обозначить как субпарадигмы.

Так, у прилагательных парадигма делится на атрибутивную субпарадигму (включающие полные [атрибутивные] формы) и неатрибутивную субпарадигму (включающую краткие [неатрибутивные] формы). Одна из двух субпарадигм может в частном случае отсутствовать. У притяжательных прилагательных с суффиксами *-ин*, *-ов*, *-(и)j* и у местоимений-прилагательных (*тот*, *весь*, *мой*, *ваш*, *сам* и т. д.) все имеющиеся формы считаются относящимися к атрибутивной субпарадигме.

У глаголов парадигма делится на презентную субпарадигму (презенс и императив) и претеритную субпарадигму (прошедшее время и инфинитив).

У существительных отдельно от остальной части парадигмы рассматривается так наз. 2-й предложный падеж ($П_2$) единственного числа. Ради единообразия последующих формулировок эти две неравные части субстантивной парадигмы формально тоже признаются субпарадигмами.

Замечание. В принципе допустимо также делить парадигму существительного на субпарадигмы ед. и мн. числа (как это делается в ряде описаний русского ударения); но для решения задач настоящей работы прямой необходимости в этом не оказалось.

СХЕМЫ УДАРЕНИЯ

§ 1.8. Важнейшим понятием для описания словоизменительного ударения является схема ударения (или, что то же, акцентная кривая [3]). Формальное определение данного понятия см. в РИС, § 6.15 — 16. Несколько менее строгое определение таково: схема ударения некоторой парадигмы — это запись, показывающая, на каком компоненте (основе или окончании) находится ударение в каждой из словоформ данной парадигмы; при этом, однако, для словоформ, у кото-

[3] Практически мы используем в настоящей работе термин «схема ударения» в применении к современному языку, а термин «акцентная кривая» — в применении к древнерусскому и старовеликорусскому.

рых один из двух основных компонентов (основа или окончание) неслоговой, учитывается не фактическое ударение данной словоформы (которое вынужденным образом стоит на слоговом компоненте), а ударение некоторой другой, так наз. «контрольной», словоформы той же парадигмы[4]. Понятие схемы ударения можно использовать применительно как к целым парадигмам, так и к субпарадигмам.

Необходимо отметить, что разделение на основу и окончание, представляющее собой для именных словоформ достаточно простую и естественную операцию, для глагольных словоформ иногда сопряжено с трудностями. Основная из них состоит в том, что в роли «окончаний» здесь оказываются морфемы или морфемные последовательности более сложной природы, чем в случае с именами, и нередко квалифицируемые в морфологии не как окончания, а как иные категории морфем. Так обстоит дело, в частности, с показателями инфинитива *-ть*, *-ти*, *-чи* и с исходами *-л*, *-ла*, *-ло*, *-ли* в прош. времени. Глагольные постфиксы *-ся (-сь)*, *-те* обычно присоединяются к основной части словоформы неплотно (§ 1.4) и, соответственно, оказываются вне сферы действия акцентных правил; об одном исключении, когда *-ся (-сь)* функционирует как полноценная часть окончания, см. § 1.12.

§ 1.9. Ниже перечисляются схемы ударения, встречающиеся в разных типах субпарадигм. Общими для всех типов субпарадигм являются две главные схемы ударения:

a — ударение всегда на основе;

b — ударение всегда на окончании[5].

Прочие схемы ударения, хотя и обозначаются символами из одного и того же набора, определяются по-разному для разных субпарадигм.

У существительных (в их основной субпарадигме):

c — ударение на основе в ед. числе, на окончании во мн. числе;

d — на окончании в ед. числе, на основе во мн. числе;

e — на основе в ед. числе и в И. мн., на окончании в косвенных падежах мн. числа;

f — на окончаниях везде, кроме И. мн.;

b′ — как в схеме *b*, но в Т. ед. ударение на основе;

d′ — как в схеме *d*, но в В. ед. ударение на основе;

f′ — как в схеме *f*, но в В. ед. ударение на основе;

f″ — как в схеме *f*, но в Т. ед. ударение на основе.

См. образцы в Грамм., с. 31—32.

Ударение в $П_2$ ед. оценивается особым образом, а именно, различаются два случая: 1) $П_2$ ед. совпадает с П. ед.; 2) эти две словоформы

[4] «Контрольной» словоформой является: у существительных и в атрибутивной субпарадигме прилагательных — дательный падеж того же числа (и рода), что у рассматриваемой словоформы; в неатрибутивной субпарадигме прилагательных и в претеритной субпарадигме глаголов — словоформа ед. сред. (если в этой словоформе ударение колеблется, учитывается только вариант с наосновным ударением); в презентной субпарадигме глаголов — словоформа 1 ед.

[5] Здесь и далее в формулировке «ударение на окончании» подразумевается: кроме случая, когда окончание неслоговое (подробнее см. РИС, § 6.15, 6.18).

не совпадают (в этом случае ударение в $П_2$ ед. всегда флексионное). Первый случай рассматривается как стандартный и никак специально не отмечается; во втором случае к символу схемы ударения (рассматриваемого слова) добавляется «$+П_2$». Например, схема ударения слова *бе́рег* обозначается как $c+П_2$.

В адъективных атрибутивных субпарадигмах, кроме схем *a* и *b*, представлена (только у слова *сам*) схема *f*: ударение на основе в И. мн., в прочих формах на окончании.

В адъективных неатрибутивных субпарадигмах:

c — ударение на окончании в ед. жен., на основе в ед. сред. и во мн. числе.

Кроме того, здесь в качестве особых схем оказывается целесообразным выделить ряд схем с колебаниями (поскольку колебания представляют собой в этой части акцентной системы не исключения, а массовое явление). Эти схемы ударения таковы:

a′ — колеблющееся ударение в ед. жен., ударение на основе в ед. сред. и во мн. числе (= колебание между схемами *a* и *c*);

b′ — колеблющееся ударение во мн. числе, ударение на окончании в ед. числе;

c′ — колеблющееся ударение во мн. числе, ударение на окончании в ед. жен., на основе в ед. сред.;

c″ — колеблющееся ударение во мн. числе и ед. сред., ударение на окончании в ед. жен.

См. образцы в Грамм., с. 33.

В презентных субпарадигмах глаголов:

c — ударение на окончании в 1 ед. презенса и в императиве, на основе в прочих формах презенса:

c′ (только глагол *хоте́ть*) — ударение на основе в *хо́чешь*, *хо́чет*, в прочих случаях на окончании.

См. образцы в Грамм., с. 80.

В претеритных субпарадигмах глаголов:

c — ударение на окончании в ед. жен. прош. времени, на основе в прочих формах;

c′ (схема с колебаниями; только у глаголов *дать*, *взять*) — колеблющееся ударение в ед. сред. прош. времени, ударение на окончании в ед. жен., на основе в прочих формах;

c″ (схема с колебаниями; возможна только для возвратных глаголов) — колеблющееся ударение во мн. числе, в ед. сред., а также в ед. муж. (см. § 1.12), ударение на окончании в ед. жен.

См. образцы (для прош. времени) в Грамм., с. 81. В инфинитиве слоговое *-ти* возможно (если не считать глаголов с *вы-*) только при схеме ударения *b* (например, *нести́*, ср. *несла́*, *-о́*, *-и́*); инфинитивы на *-ть*, *-чь* имеют вынужденное наосновное ударение.

Схема ударения слова в целом складывается из схем составляющих его субпарадигм. Обозначения при этом таковы. У существительных к символу схемы ударения основной субпарадигмы в определенном

случае добавляется «+ $П_2$», см. выше. У прилагательных и глаголов символы схем ударения двух субпарадигм пишутся через косую черту (первыми отражаются соответственно атрибутивная и презентная субпарадигмы), например: *a*/*a*, *a*/*c*, *b*/*c*″.

Для сокращения записи у прилагательных разрешается заменять *a*/*a* на *a*, *a*/*a*′ на *a*′, *b*/*b* на *b*; у глаголов разрешается опускать *a*, стоящее во второй части (т. е. заменять, например, *a*/*a* на *a*, *b*/*a* на *b*).

АКЦЕНТНЫЕ ТИПЫ

§ 1.10. Наряду с классификацией субпарадигм по схемам ударения, для акцентного описания оказывается полезной также несколько иная (хотя и тесно связанная с нею) классификация — по так наз. акцентным типам. Эта классификация возникает в результате следующих трех последовательных дихотомий.

1. Различаются субпарадигмы с тривиальным и с нетривиальным ударением. К первым относятся субпарадигмы с ударением во всех словоформах на основе, причем на одном и том же (по счету от начала) ее слоге; ко вторым — все остальные.

Примечание. В рамках тривиального ударения особо стоят существительные группы singularia tantum, например, *лай*, *грбхот*. Поскольку их мн. число существует лишь потенциально, а реально почти никогда не употребляется, его ударение в сущности неизвестно. Между тем некоторые из таких singularia tantum проявляют себя при словообразовании как слова с нетривиальным ударением. Таким образом, мы иногда сталкиваемся со своего рода «латентным» нетривиальным ударением. Учитывая такую возможность, мы будем называть тривиальное ударение у singularia tantum непоказательным (в отличие от показательного тривиального ударения у прочих слов).

2. Нетривиальное ударение распадается на флексионное и подвижное. Флексионное ударение означает ударение на окончании во всех словоформах субпарадигмы, имеющих слоговое окончание; в прочих случаях нетривиальное ударение является подвижным.

3. В подвижном ударении выделяются два основных типа: смежно-подвижный и маргинально-подвижный. Для субпарадигм, где хотя бы одна словоформа со слоговым окончанием имеет неодносложную основу, эти типы определяются так. Если в субпарадигме в словоформах со слоговым окончанием ударение бывает: 1) только на окончании или на последнем слоге основы (например, *величина́*, *величи́ны*; *собрала́*, *собра́ли*) — это смежно-подвижный тип; 2) только на окончании или на начальном слоге основы (например, *ко́локолу*, *колокола́м*; *голова́*, *го́лову*; *молода́*, *мо́лоды*) — это маргинально-подвижный тип.

В принципе возможно подвижное ударение, не соответствующее ни одному из двух типов. Оказывается, однако, что таких случаев ничтожно мало, а именно, таковы: *о́зеро*, *зна́мя* (мн. *озёра*, *знамёна*); существительные схемы *c* на *-тор*, *-ссор* со срединным ударением (*дире́ктор*, *профе́ссор* и т. п.), а также *учи́тель*. Кроме того, формально в эту категорию попадают слова, полученные путем неплотного при-

соединения (§ 1.4) различных морфем к существительным с маргинально-подвижным ударением (например, *полуо́стров*, *спѐцпро́пуск* и т. п.). Слова этих групп именуются ниже «примыкающими к маргинально-подвижному типу» (и обычно рассматриваются при этом типе).

Для субпарадигм с односложной основой разграничение смежно-подвижного и маргинально-подвижного ударения проводится по иному принципу (поскольку изложенный выше принцип здесь неприменим), см. § 1.11.

Основные акцентные типы, существенные для дальнейшего, — это конечные звенья приведенных дихотомий: 1) тривиальный (наосновный) акцентный тип; 2) флексионный; 3) смежно-подвижный; 4) маргинально-подвижный (ср. выделение этих же типов, при несколько иной терминологии, в работе: Курилович 1946). При необходимости могут быть использованы также «суммарные» типы: нетривиальный, подвижный.

Из акцентных типов субпарадигм выводится акцентный тип слова в целом. Для существительных правило таково: существительные со схемой ударения «$a+П_2$» относятся к маргинально-подвижному типу; в прочих случаях акцентный тип определяется просто по основной субпарадигме (т. е. наличие или отсутствие символа $П_2$ несущественно). Для прилагательных и глаголов нам в дальнейшем потребуется различать всего два акцентных типа слов: тривиальный и нетривиальный. К тривиальному акцентному типу относятся прилагательные и глаголы, у которых обе субпарадигмы имеют тривиальное ударение, к нетривиальному — те, у которых это не так.

§ 1.11. Между схемами ударения и акцентными типами имеются некоторые регулярные соотношения (в одних случаях просто вытекающие из соответствующих определений, в других — не вытекающие).

Исключим временно из рассмотрения субпарадигмы подвижного акцентного типа с односложной (во всех словоформах со слоговым окончанием) основой. Для оставшейся совокупности субпарадигм верно (если отвлечься от нескольких исключений) следующее: любые две субпарадигмы, относящиеся к одной части речи и к одной схеме ударения, принадлежат к одному и тому же акцентному типу. Иначе говоря, зная часть речи и схему ударения, мы можем однозначно предсказать акцентный тип. Приводим эти соответствия (на уровне субпарадигм): 1) схема ударения a — тривиальный акцентный тип; 2) схема b — флексионный тип; 3) схемы d, a', b', c'' (в именах), c, c'' (в глаголах) — смежно-подвижный тип; 4) схемы c, e, f, c', f' (в именах) — маргинально-подвижный тип.

Исключения: 1) *бзеро*, *зна́мя* (мн. *озёра*, *знамёна*) — схема ударения *a*, однако они входят в число примыкающих к маргинально-подвижному типу (см. выше); 2) *ступе́нь* (в переносном значении), *дере́вня*, *четы́ре*, *поста́в*, *коки́ль* — схема ударения *e* (*ступе́нь*, *дере́вня*, *четы́ре*) и *c* (*поста́в*, *коки́ль*), но смежно-подвижный тип; 3) *удало́й* (*//уда́лый*) — в неатрибутивной субпарадигме схема ударения *c*, но смежно-подвижный тип; 4) глаголы, полученные добавлением одиночной односложной приставки к *быть*, *дать*, *-чать*, *-нять*, *жить*, *лить*, *пить*, *клясть*, *мере́ть*, а также глаголы *переда́ть*, *перея́ть*, *пережи́ть*, *пере-*

мере́ть, *запере́ть*, *отпере́ть*, *проби́ть* (о часах), *созда́ть* — в претеритной субпарадигме схема ударения *c*, но маргинально-подвижный тип (правда, почти во всех случаях [конкретно см. по Грамм.] лишь наряду со смежно-подвижным).

Что касается субпарадигм с односложной основой, то у них различить смежную и маргинальную подвижность в прямом смысле этих терминов, разумеется, нельзя. Однако для акцентного описания оказывается все же целесообразным не отказываться в этом случае от данного разделения, но провести его здесь по другому, косвенному признаку, экстраполировав на случай с односложной основой установленное выше соответствие между схемами ударения и типами подвижности. Иначе говоря, в данном классе субпарадигм принадлежность к смежно-подвижному или к маргинально-подвижному типу определяется через схему ударения. Такое решение упрощает акцентные правила, касающиеся словообразования (в один и тот же акцентный тип попадают слова, дающие один и тот же акцентный эффект при словообразовании).

В особом положении остались лишь те субпарадигмы (весьма немногочисленные), которые принадлежат к схемам ударения, вообще не представленным у слов с неодносложной основой. Так обстоит дело, например, со схемой ударения *d′* у существительных. Для достижения полной общности в разделении подвижного типа на смежный и маргинальный, условимся и такие субпарадигмы отнести к одному из этих двух типов (основанием для выбора здесь служит акцентный эффект, проявляющийся в словообразовании).

В результате получаем уточненное правило соответствия между схемами ударения и акцентными типами (на уровне субпарадигм), которое приводится ниже в виде таблицы. Символы в клетках таблицы означают схемы ударения; квадратными скобками отмечены схемы, представленные лишь 1 — 3 словами.

Таблица 1

Соотношение между схемами ударения и акцентными типами

Типы субпарадигм	Акцентные типы			
	Тривиальный	Нетривиальный		
		Флексионный	Смежно-подвижный	Маргинально-подвижный
Субстантивная (основная)	a	b	d, [b′]	c, e, d′ f*, f′, [f″]
Адъективная атрибутивная	a	b	—	[f]
Адъективная неатрибутивная	a	b	a′, c″, [b′]	c, c′
Глагольная презентная	a	b	c, [c′]	—
Глагольная претеритная	a	b	c, c″, [c′]	—

* Однако существительные мужского рода схемы *f* (а именно, *конь*, *гвоздь*, *груздь*, *червь*) относятся к смежно-подвижному типу.

ПРАВИЛА ПОСТАНОВКИ УДАРЕНИЯ В СЛОВОФОРМАХ ПО СХЕМЕ УДАРЕНИЯ СЛОВА

§ 1.12. Опираясь на введенные выше понятия и соотношения, мы можем теперь сформулировать правила, позволяющие указать место ударения в любой словоформе слова, если известна схема ударения этого слова (а для слов схемы *a* — также место ударения внутри основы). В некоторых случаях в этих правилах используется также дополнительная информация — морфологическая (тип склонения) или морфонологическая (наличие беглой гласной).

Предварительные операции: 1) установить по табл. 1 (с учетом исключений, указанных в § 1.11) акцентный тип той субпарадигмы, в которую входит рассматриваемая словоформа; 2) установить из § 1.9, куда (на основу или на окончание) должно падать, в соответствии со схемой ударения данного слова, ударение в рассматриваемой словоформе.

Далее, если в составе словоформы имеется неплотно присоединенная часть (§ 1.4), на время работы акцентных правил ее следует просто отбросить. При этом необходимо учитывать, что глагольный постфикс *-ся* (*-сь*), обычно присоединяемый неплотно, в качестве исключения присоединяется плотно в прош. времени при претеритной схеме ударения *c″* (а также в словоформах *начал-ся́*, *-а́сь*, *-о́сь*, *-и́сь*, *занял-ся́*, *-а́сь*, *-о́сь*, *-и́сь*); здесь он трактуется как часть окончания.

После этого правила таковы.

I. Если в рассматриваемой словоформе ударение по схеме должно падать на окончание, то оно фактически падает:

1) при слоговом окончании — на первый слог окончания (кроме окончаний *-ого*, *-ому* [а также *-ое* в *её*, *самоё*] в местоименном склонении, где ударение падает на последний слог);

2) при неслоговом окончании — на последний слог основы.

Примеры: *колоколáми* (от *кóлокол*, схема *c*), *молодá*, *молодóе*, *молодýю* (от *молодóй*, схема *b*/*c*), *всегó*, *всемý*, (от *весь*, схема *b*, местоименное склонение), *берегý*, *бережёте*, *бережётся*, *берегú*, *берегúте*, *берегли́* (от *берéчь*, схема *b*/*b*); *голóв* (от *головá*, схема *f′*), *берёг*, *берёгся* (от *берéчь*).

Исключения: *ýгол*, *ýголь* (вариант со схемой *b* или *f*), *ýгорь*, *ýзел*; *вóсемь*, *дéвять*, *дéсять*, *двáдцать*, *трúдцать*, *сóрок*; *дéнэг*, *мáсел*, *крýжев*, *сáжен*, *сýдий* (от *судия́*); *бóлен*, *лёгок*, *тёпел*, *рáвен*, *тёмэн*, *чёрен*, *свéтел*, *вóлен* (вариант со схемой *a*/*b*), *дóлжен*. Во всех этих случаях ударение падает на предпоследний слог основы вместо последнего.

II. Если в рассматриваемой словоформе ударение по схеме должно падать на основу, то фактическое положение ударения таково:

1) при тривиальном акцентном типе (соответствующей субпарадигмы) оно определяется признаком «место ударения внутри основы»;

2) при смежно-подвижном акцентном типе ударение падает: если окончание неслоговое, а основа содержит беглую гласную — на пред-

последний слог основы; в прочих случаях на последний слог основы;

3) при маргинально-подвижном акцентном типе — на начальный слог основы [6].

Примеры: *парохóды* (от *парохóд*, схема *a*), *полóтен* (от *полотнó*, схема *d*; *e* — беглая гласная), *величúны* И. мн., *величúн*, *величúнами* (от *величинá*, схема *d*), *гóлову*, *гóловы* И. мн. (от *головá*, схема *f′*), *вéсело*, *вéселы* (от *весёлый*, схема *a*/*c′*).

Исключения: И. ед. *заём*, *наём*; Р. мн. *гумён*, *земéль*, *колéц*, *овéц*, *свинéй*, *семéй*, *сестёр*, *судéй*, *хлопóт*, *яúц*; ед. муж. *хитёр*, *остёр*, *шустёр*, *силён*, *дурён*. Во всех этих случаях ударение падает на последний слог основы вместо предпоследнего; в части случаев (см. Грамм.) такое ударение неправильно только при одной из двух допускаемых схем ударения.

ПЕРЕНОС УДАРЕНИЯ НА ПРЕДЛОГ ИЛИ ЧАСТИЦУ

§ 1.13. Особое акцентное явление, представленное в современном русском языке у ограниченной группы существительных и числительных, — перенос ударения на предлог с именной словоформы, например: *зá год*, *нá голову*, *пó два*. Этот эффект проявляется, за очень немногими исключениями, лишь у слов маргинально-подвижного акцентного типа (но далеко не у всех из них). Словоформы, дающие этот эффект, в самостоятельном виде имеют (или хотя бы допускают) начальное ударение (исключения: *пó двору*, *пó столу*). Следует различать два основных типа сочетаний с ударением на предлоге.

К первому типу (наиболее важному с точки зрения синхронического функционирования акцентной системы) принадлежат нелексикализованные или слабо лексикализованные сочетания. Ударение на предлоге выступает здесь (в меньшинстве случаев обязательно, в большинстве — факультативно) при многих возможных значениях данного сочетания — обычно при всех часто встречающихся; ср., например, *надел шляпу нá голову*, *штукатурка свалилась ему нá голову*, *ребенок упал нá голову*, *нá голову выше* и т. д. Лишь при редко встречающихся значениях (обычно абстрактных, а не пространственных или временны́х, ср. *обратите внимание на гóлову*, *надеюсь на гóлову* и т. п.) или в составе синтаксических конструкций, ослабляющих связь имени с предлогом (ср. *несмотря на гóлову*, *на гóлову и плечи*), обязательно выступает ударение на имени. Подробнее о первом типе сочетаний с ударением на предлоге см. Грамм., с. 72 — 73.

Ко второму типу (менее существенному для характеристики системы) относятся сочетания с высокой степенью лексикализации, например: *б бок* (в *бóк б бок*), *дб смерти* ‘очень сильно’. С ударением на предлоге они выступают только в составе определенного более

[6] Но у существительных, лишь примыкающих к маргинально-подвижному типу (§ 1.10), ударение иное: мн. от *бзеро*, *знáмя* имеет основы *озёр-*, *знамён-*; у прочих слов ударение как в исходной форме.

крупного сочетания (иногда целого речения) или в строго определенном значении. Как правило, они в той или иной мере адвербиализованы; в предельном случае это чистые наречия (*на́бок*, *за́муж* и т. п.).

Списки сочетаний с ударением на предлоге можно найти, в частности, в работах: Редькин, Федянина, АГ-70 (с. 433—444), АГ-80 (§ 1269). Сведения о степени лексикализации каждого из этих сочетаний содержатся в АО и Грамм.

Перенос ударения на частицы (не превратившиеся в приставки) представляет собой в современном языке исключительное явление: он сохранился только в сочетаниях *не́ был*, *ни́ был*, *не́ дал*, *не́ жил* (то же при соответствующих словоформах ед. сред. и мн. — *не́ было*, *не́ были* и т. д.)

УДАРЕНИЕ НЕПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

§ 1.14. Данные выше правила сводят задачу дальнейшего описания к вопросу о том, как установить для произвольного слова его схему ударения и (в случае схемы *а*) место ударения внутри основы. Непроизводные и производные слова оказываются в этом отношении в разном положении.

Для непроизводных слов указанная задача решается в общем случае лишь списочным способом. Иначе говоря, схема ударения и место ударения внутри основы в принципе являются здесь особыми словарными характеристиками отдельного слова, невыводимыми, с формальной точки зрения, из каких-либо иных его характеристик.

В отличие от производных слов, для непроизводных нет каких-либо общих ограничений на набор возможных схем ударения. Все те многочисленные схемы ударения, которые входят в подвижный тип, обслуживают в русском языке, за немногими исключениями (§ 1.18), именно непроизводные слова.

В качестве источника, где схема ударения дана (для обширного массива слов) в явной форме, можно указать Грамм.; разумеется, из этого источника извлекается также и информация о месте ударения внутри основы.

В настоящей работе мы не считаем необходимым приводить списки слов каждой схемы ударения, поскольку эти списки (или эквивалентную им информацию) можно найти в ряде других работ, в частности: РИС (по именам), Редькин, Федянина, АГ-70, АГ-80.

Следует учитывать, однако, что тезис о списочном характере акцентного распределения непроизводных слов верен именно в общем случае. В ряде частных случаев обнаруживается некоторая связь этого распределения со структурой основы, со значением слова или с прагматическим фактором (§ 1.5). Обычно эта связь носит не вполне строгий характер: влияние указанных факторов создает лишь некоторые сдвиги в традиционном акцентном распределении, но не перестраивает

его до конца. Соответственно, на уровне непосредственного наблюдения картина оказывается непоследовательной.

Акцентный эффект, создаваемый морфонологическим (число слогов основы, характер ее исхода) или семантическим фактором, всегда носит локальный характер, т. е. ограничен определенным морфологическим классом слов. За рамками данного класса тот же самый фактор в одних случаях вообще не влияет на акцентуацию, в других дает какой-то иной акцентный эффект.

Более универсальный характер носит влияние прагматического фактора. У непроизводных слов везде, где он вообще действует, его акцентный эффект таков: неосвоенное слово обнаруживает (в речи соответствующего носителя языка) тенденцию к тривиальному акцентному типу, освоенное — к нетривиальному.

Замечание. Данный акцентный эффект фактически наблюдается не только у непроизводных, но и в ряде классов производных слов. Однако у производных картина оказывается сложнее: 1) воздействие прагматического фактора здесь возможно лишь в тех узких пределах, которые оставляют ему акцентные свойства аффикса (если аффикс однозначно определяет акцентуацию производного, прагматический фактор не имеет силы); 2) у производных различие освоенного и неосвоенного в определенных случаях отражается в виде оппозиции «ударение на суффиксе — ударение на корне», например *мускули́стый—му́скулистый* (а не в виде оппозиции нетривиального и тривиального акцентных типов), ср., в частности, § 1.50.

Ниже рассматриваются некоторые важные группы непроизводных слов, где ударение частично подчиняется правилам несписочного характера.

§ 1.15. Одной из таких групп являются непроизводные существительные мужского рода с односложной исходной словоформой. Их акцентуация подробно рассмотрена нами в работе: Однослож. Поэтому здесь мы ограничимся лишь констатацией основных закономерностей, действующих в этой сфере. Не учитываются существительные с неслоговой основой (*лёд*, *льда* и т. п.), поскольку их ударение носит вынужденный характер.

В данной группе ярко проявляется действие прагматического фактора: неосвоенные слова обнаруживают тенденцию к тривиальному ударению (т. е. к схеме ударения *a*), освоенные — к нетривиальному. Нетривиальный акцентный тип может реализоваться в виде различных схем ударения, но продуктивны среди них только две — *b* и *c*. Общим для схем ударения *b* и *c* является флексионное ударение во мн. числе. Соответственно, главным внешним различием между освоенными и неосвоенными существительными данной группы оказывается противопоставление флексионного и наосновного ударения во мн. числе. Ср., например, *быки́*, *столы́*, *блины́*, *супы́*, *меха́*, *долги́* и т. п. (освоенные) и *до́жди*, *сме́рды*, *ску́нсы*, *я́ки*, *бри́ги*, *гне́йсы*, *пу́тчи*, *жа́нры*, *пе́нсы*, *ги́мны* и т. п. (для большинства носителей языка являющиеся неосвоенными). У большого числа слов ударение колеблется, причем в профессиональной или просто в разговорной речи выступает нетривиальное ударение (например, *банты́*, *зонды́*,

краны́, *троса́*, *шарфы́*, *лифты́*, *шлюзы́*, *шторма́* и т. п.), тогда как литературная норма требует тривиального ударения (*ба́нты*, *зо́нды* и т. д.).

Далее, для слов рассматриваемой группы, имеющих во мн. числе флексионное (или подвижное) ударение, а также для singularia tantum, действует семантический принцип, который может быть огрубленно сформулирован так: названия предметов, не поддающихся счету («неисчисляемых»), получают в ед. числе наосновное ударение, названия предметов, поддающихся счету («исчисляемых»), — флексионное. Таким образом, для освоенных неисчисляемых нормой является схема ударения *c* (например, *суп*, *су́па*, *супы́*), для освоенных исчисляемых — схема *b* (например, *бык*, *быка́*, *быки́*).

Большей точностью обладает более расчлененная формулировка данного принципа:

1. «Сильно склонны к схеме *c*» (т. е. обнаруживают ярко выраженную тенденцию к такой акцентовке) названия нерасчлененных однородных масс (а также деревьев), абстрактных понятий (т. е. действий, событий, состояний, свойств, оснований классификации, единиц измерения и т. п.), пространств, поверхностей, направлений; примеры: *суп*, *шёлк*, *дым*, *долг*, *цвет*, *час*, *пуд*, *луг*, *мир*, *край*, *верх*, *низ*.

2. «Умеренно склонны к схеме *c*» названия коллективов, оград, четко ограниченных территорий, помещений, больших вместилищ; примеры: *хор*, *тын*, *порт*, *дом*, *цех*, *шкаф*. Кроме того, без прямой связи с основным принципом в эту категорию попадают также термины родства, например: *муж*, *сын*.

3. «Сильно склонны к схеме *b*» названия исчисляемых материальных предметов (кроме входящих в группу 2) и животных, а также названия лиц по занятию и оценочные; примеры: *болт*, *нож*, *крюк*, *бык*, *кит*, *поп*, *шут*, *хлыщ*.

4. «Умеренно склонны к схеме *b*» названия гор, груд, отверстий, фигур, начертательных знаков, монет; примеры: *холм*, *крест*, *штрих*, *грош*.

5. Вне сферы действия данного принципа остаются несколько маленьких групп, устойчиво сохраняющих традиционную акцентовку (таковы названия частей тела, названия лиц, не входящие в группы 2 и 3, и несколько других слов).

Списки исключений, а также слов, у которых данный принцип реализован только в профессиональной или разговорной речи, но не в литературной норме, см. в Однослож.

Дополнительное воздействие на акцентуацию рассматриваемой группы оказывает, в частности, морфонологический фактор: исход основы на согласную (не взрывную) + *т* способствует переходу слова к схеме *b*. Правда, при конфликте этого фактора с семантическим последний обычно побеждает, ср., например, Р. ед. *спи́рта*, *ду́ста*, *гва́лта*; но в просторечии возможен и противоположный результат, например, Р. ед. *финта́*, *лифта́*, *порта́*.

Описанные закономерности реализуются (с небольшими отклоне-

ниями) также у слов с односложной основой, содержащей беглую гласную, например: *пе́пел, пе́пла — орёл, орла́* (см. Однослож. § 43).

§ 1.16. Другой фрагмент акцентной системы, где действуют особые правила, составляет акцентуация неатрибутивных субпарадигм (т. е. кратких форм) непроизводных прилагательных (а также производных с суффиксами *-н-*, *-к-*, *-л-*, имеющих в полных формах наосновное ударение). Эта акцентуация лишь в очень малой степени зависит от акцентуации соответствующих полных форм. Прежде всего здесь действует следующее морфонологическое правило: при односложной основе (беглая гласная не в счет) в кратких формах возможно как тривиальное, так и нетривиальное ударение, при неодносложной — только тривиальное. Отклоняются только: а) *хоро́ший, здоро́вый* 'большой, сильный' (простореч.), *вели́кий* 'большой'; их краткие формы акцентуированы по схеме *b*; б) *дешёвый, дорого́й, молодо́й, холосто́й, вели́кий* 'выдающийся' — краткие формы по схеме *c*; в) *весёлый, зелёный, голо́дный, холо́дный, коро́ткий, уда́лый* — краткие формы по схеме *c′* (сюда можно добавить еще *солёный, со́лон, солона́, со́лоно, со́лоны́*).

При односложной основе распределение, с формальной точки зрения, задается списками (см. РИС, с. 169—170). На неформальном уровне здесь можно, однако, отметить некоторые общие закономерности.

Прежде всего, действует прагматический фактор, а именно, неосвоенность (непривычность, редкость) соответствующих кратких форм влечет за собой тривиальное ударение. В данном классе словоформ противопоставление, лежащее в основе прагматического фактора, в сущности сводится к различию по степени употребительности соответствующих кратких форм в живой речи и к наличию или отсутствию у них книжной (возвышенной, архаичной) окраски. Примеры тривиального ударения, обусловленного данным фактором: *а́ла, -ы, я́ра, -ы, тле́нна, -ы, пра́здна, -ы, ско́рбна, -ы, ко́сна, -ы, кра́тна, -ы, кла́ссна, -ы, дре́вня, -и, ёмка, -и* и т. п. Сюда же относятся и «потенциальные» словоформы, которые реализуются лишь как окказиональные образования, например: *ме́дны, кро́вны* и т. п.

Нетривиальное ударение возможно лишь для освоенных (относительно более частых, привычных) неатрибутивных субпарадигм. Каждая из трех кратких форм с ненулевым окончанием (ед. жен., ед. сред. и мн.) имеет свои акцентные особенности.

Форма ед. жен. у освоенных слов всегда имеет флексионное ударение: *честна́, крепка́, чиста́* и т. д. Колебания типа *властна́ // вла́стна* отражают переходное состояние с точки зрения освоенности слова.

В форме мн. числа в настоящее время наблюдается интенсивное распространение флексионного ударения вместо более раннего наосновного, например: *честны́, верны́, сильны́, страшны́, крепки́, чисты́, милы́, пьяны́* и т. п. Такие ударения свойственны прежде всего разговорной речи, но они все шире проникают также и в литературный язык.

Более сложный вопрос составляет акцентуация форм на *-о* (*-е*). Здесь необходимо различать синтаксические функции: 1) именной части сказуемого, согласованной в роде и числе с подлежащим (например, *мое слово крéпко*); 2) так наз. предикатива, или «предикативного наречия» (*легкó сказать*, *мне теплó*); 3) обычного наречия (*крéпко держать*, *легкó одет*). Следует подчеркнуть, что формы на *-о* только в 1-й функции входят в один парадигматический ряд с краткими формами других родов и чисел (например, *крéпок*, *крепкá*, *крéпки́*). Между тем именно в этой функции они встречаются в живой речи реже всего (а некоторые из них практически вообще не встречаются, ср. нереальность фраз типа *это молоко теплó*).

Акцентные свойства форм на *-о* в этих трех функциях близки, но не тождественны.

Для обычных наречий нормой является наосновное ударение (например, *ведет себя вóльно*, *бóльно ударился*, *пóлно описан*, *мáло тренируется*, *слáбо знаком*). В немногочисленных случаях типа *легкó одет*, *хитрó придумано*, *пестрó раскрашено*, как правило, мы имеем дело просто с сохранением старого ударения (в большинстве таких случаев уже возможен также и новый вариант, например: *хúтро придумано*, *пёстро раскрашено*).

Для предикативов нет единой нормы; выделяется, однако, значительная группа с устойчивым ударением на *-о́*: *теплó*, *свежó*, *светлó*, *темнó*, *легкó*, *полнó* (чего-либо, кого-либо), *грешнó*, *вольнó* (кому-либо что-либо делать); ср. еще просторечн. *слабó*. Сюда же попадают цветообозначения (ср. ниже) в контекстах типа *кругом чернó* (также в усилительной модели *чернúм-чернó*, *белúм-белó* и т. п.).

В собственно адъективной функции формы на *-о* в литературном языке преимущественно выступают с наосновным ударением. Имеется, однако, ряд случаев, где во всех кратких формах, включая ед. сред., представлено флексионное ударение.

Таковы, во-первых, краткие формы, в значение которых входит семантический элемент «слишком», отсутствующий у соответствующих полных форм. Примеры: *это платье вам малó* (*узкó*, *длиннó*)[7], ср. также *эти брюки вам малú* (*узки́*, *длинны́*); *это уже старó*. Круг прилагательных, систематически обнаруживающих этот эффект, невелик (он практически исчерпан в наших примерах); но окказионально эта модель может выступать и в других случаях.

Далее, таковы цветообозначения: *белó*, *чернó*, *краснó*, *желтó*, *пестрó* (наряду с *бéло*, *чёрно*, *крáсно*, *жёлто*, *пёстро*); ср. ненормативные *серó*, *синё*. Близки по значению также *светлó*, *темнó*.

Помимо этого, краткие формы на *-о* выступают у нескольких прилагательных на *-нóй* (*больнó*, *грешнó*, *смешнó*, *чуднó*), а также в отдельных случаях, где просто сохраняется традиционное ударение:

---

[7] Аналогичный эффект при неодносложной основе: *это платье вам велúкó* (*широкó*); ударение *велúко*, *широ́ко*, в других случаях допустимое, здесь невозможно.

мертво́, *остро́*, *равно́*, *свежо́*, *умно́*, *хитро́* (наряду с *мёртво*, *о́стро*, *хи́тро*); малоупотребительны в данной функции *легко́*, *тепло́*. Однако в разговорной речи и тем более в просторечии флексионное ударение может встретиться и у других прилагательных, ср. нелитер. *мое слово крепко́*, *это дело не так уж страшно́* и т. п.

Таким образом, если неосвоенности отвечает схема ударения кратких форм *a*, то освоенность выражается в первую очередь схемами *c′* (*верна́*, *ве́рно*, *верны́* // *ве́рны*) и *b* (*умна́*, *-о́*, *ы́*). Схемы *a′* (*властна́* // *вла́стна*, *вла́стно*, *-ы*) и *c* (*славна́*, *сла́вно*, *-ы*) — это лишь этапы перехода от неосвоенности к освоенности.

Хотя нормативные словари (например, АО, Грамм.), в соответствии со своей основной установкой, указывают для одной части рассматриваемых неатрибутивных субпарадигм схему ударения *a′*, для другой — *c*, для третьей — *c′*, необходимо признать, что в живой речи носителей русского литературного языка (не говоря уже о нелитературной речи) четких границ здесь нет. Неслучайно в этом вопросе имеется множество частных расхождений между разными словарями.

Картину акцентной неустойчивости, наблюдаемую в настоящее время в кратких формах с односложной основой, по-видимому, следует истолковывать как этап движения к последовательной акцентной оппозиции полных и кратких форм (по модели *у́мный* — *умна́*, *-о́*, *-ы́*, поскольку подавляющее большинство качественных прилагательных, в особенности производных, имеет наосновное ударение в полных формах, ср. § 1.56). В кратких формах мн. числа акцентная перестройка совершается на наших глазах. «Отставание» кратких форм ед. сред., вероятно, связано с их относительной редкостью (ср. выше) и с влиянием омонимичных им наречий на *-о* (у которых наосновное ударение вполне устойчиво).

§ 1.17. Еще один особый фрагмент акцентной системы составляет акцентуация презенса *i-* и *ě*-глаголов с ударением на тематическом элементе в инфинитиве. Непроизводные и производные в данном случае целесообразно рассматривать вместе (хотя это различие и играет определенную роль для акцентуации, см. ниже).

В презенсе здесь конкурируют флексионное (*говорю́*, *говори́т*, *лежу́*, *лежи́т*) и смежно-подвижное ударение (*варю́*, *ва́рит*, *держу́*, *де́ржит*). С формальной точки зрения их распределение задается просто списками (см., в частности, Редькин, с. 127—130, Федянина, с. 225 — 230, АГ-80, I, § 1611). На неформальном уровне, однако, можно указать ряд факторов, оказывающих влияние (хотя и не всегда решающее) на их акцентуацию.

Прежде всего на акцентуацию влияет стилистическая характеристика глагола: глаголы с книжной или возвышенно-архаической окраской почти всегда имеют в презенсе флексионное ударение, например: *обличи́т*, *умертви́т*, *упразднит*, *оскверни́т*, *осени́т*, *утоли́т*, *хули́т*, *предвари́т*, *согреши́т*, *водрузи́т*, *сокруши́т*, *воскреси́т*, *уничижи́т*, *сотвори́т*. Имеются также некоторые внешние признаки, которые

почти безошибочно указывают на то, что глагол принадлежит именно к данной группе: неполногласие в корне (ср. *омрачи́т*, *наслади́тся*, *устрани́т*, *возврати́т*, *сохрани́т* и т. п.), наличие чередования *т/щ* или *д/жд* (а не *т/ч*, *д/ж*) в парадигме (*посети́т*, *воплоти́т*, *убеди́т* и т. п., ср. *посещу́*, *воплощу́*, *убеждённый*). Показательно различие ударения в таких парах, как, например, *возбуди́т — разбу́дит*, *погрузи́т* (в жидкость) — *погру́зит* (на транспорт), *одари́т — пода́рит*, *вкуси́т — уку́сит*, *насади́т* (учение) — *наса́дит* (картошки), *учини́т — почи́нит*, *влачи́т — воло́чит*, *храни́т — хоро́нит*, *загради́т — заго-ро́дит*, *преврати́т — перевороти́т* и т. п. (ср. Грот, с. 328, Воронцова, с. 228).

Имеется также следующее морфонологическое ограничение на смежно-подвижное ударение в презенсе: такое ударение невозможно, если слог перед *-и́ть* не является первым слогом корня (этого ограничения нет лишь для корней с *оро*, *оло*). Пример: *тормоши́т*, *потроши́т*, *кипяти́т*, *говори́т*, *лебези́т*, *нагромозди́т*, *окровени́т*, *освободи́т;* с другой стороны, *польсти́т*, *отомсти́т*, *почти́т* и т. п. Исключениями являются только *шеве́ли́т(ся)*, *стано́вит(ся)*, *облоко́ти́т(ся)*.

Далее действует правило, согласно которому глаголы на *-и́ть*, имеющие, с синхронической точки зрения, прозрачный отыменный характер, получают в презенсе флексионное ударение. Это правило реализуется тем последовательнее, чем стандартнее семантическое соотношение между исходным именем и глаголом. Укажем наиболее типичные модели для переходных глаголов: отадъективная модель 'делать таким-то' (ср., например, *грязни́т*, *оздорови́т*, *укороти́т*, *смягчи́т*, *молоди́т*, *освежи́т*, *черни́т*); отсубстантивные модели — 'обрабатывать с помощью *X*', 'покрывать *X*-ом' (*бомби́т*, *когти́т*, *обдерни́т*, *серебри́т*, *осмоли́т*, *застекли́т*, *зачехли́т*), 'делать *X*-ом' (*удочери́т*, *осиротй́т*, *копни́т*, *изрешети́т*), 'вызывать *X*' (*гневи́т*, *смеши́т*, *страши́т*). Кроме того, имеется ряд моделей для непереходных глаголов, например, 'вести себя таким-то образом', 'выступать в качестве *X*' (*груби́т*, *ловчи́т*, *хитри́т*; *гости́т*, *шофери́т*, *хами́т*, *ханжи́т*) и другие. При менее стандартных семантических отношениях между именем и глаголом становится возможным также и смежно-подвижное ударение, например: *бе́лит* (исходное значение 'делать белым' сузилось, ср. семантически стандартные *желти́т*, *сини́т*, *зачерни́т*); *да́рит*, *све́тит*, *ле́нится* (семантические отношения с именами *дар*, *свет*, *лень* нестандартны, нечетко выявляется даже само направление словопроизводства); такие глаголы, как *се́рдится*, *пору́чит*, уже по существу утратили синхроническую связь с *се́рдце*, *рука́* (ср. также § 1.18).

Наконец, там, где указанные выше факторы еще не определили акцентуацию презенса, для *i-* и *ě*-глаголов действует следующее семантическое правило: переходные глаголы (и глаголы движения кратного подвида, хотя бы и непереходные) получают в презенсе смежно-подвижное ударение, непереходные глаголы (и глаголы речи, хотя бы

и переходные) — флексионное ударение. Примеры: 1) *бу́дит*, *ва́рит*, *горо́дит*, *де́лит*, *ло́вит*, *поло́жит*, *полу́чит*, *ле́чит*, *заме́нит*, *по́ит*, *пу́стит*, *поса́дит*, *застре́лит*, *у́чит*, *почи́нит*; *бро́дит*, *хо́дит*; *ве́ртит*, *де́ржит*, *те́рпит*; 2) *бурли́т*, *угоди́т*, *грусти́т*, *норови́т*, *следи́т*, *спеши́т*, *шали́т*; *брани́т*, *вопи́т*, *кори́т*; *бежи́т*, *дрожи́т*, *лежи́т*, *сиди́т*, *стои́т*, *кричи́т*, *молчи́т*, *храпи́т*. Показательны такие противопоставления, как *ва́лит* 'опрокидывает' — *вали́т* (дым, народ), *ко́сит* (траву) — *коси́т* (глазами). В исключительных случаях данное различие проявляется даже между простым глаголом и соответствующим возвратным: (*по*)*са́дит*, но *сади́тся*, *поло́жит*, но *ложи́тся*, ср. еще *полу́чит* и *случи́тся*; однако нормой здесь все же является единое ударение внутри пары, например: *де́лится*, *ле́чится*, *у́чится* как *де́лит*, *ле́чит*, *у́чит*.

Отклонения от совокупности приведенных правил немногочисленны. Это главным образом сохраняющиеся по традиции старые ударения, в частности: а) *же́нится*, *слу́жит*, *мо́лит*, *про́сит* (по-видимому, сюда же *те́лится*, *очу́тится*, *шу́тит*); б) *прости́т*, *расти́т*, *роди́т*. В ряде случаев литературное ударение еще отклоняется от этих правил (например, *включи́т*, *сори́т*, *долби́т*, *накали́т* и др.), но в разговорной речи уже представлено новое ударение. С другой стороны, преобладающая тенденция к смежно-подвижному ударению иногда преодолевает барьеры, создаваемые приведенными правилами, например: *предъя́вит*, *я́вится* (книжные слова), *со́лит* (отыменный глагол), *ле́нится*, *дру́жит*, разговорное *зво́нит* (непереходные глаголы).

Разобранными в § 1.15—17 группами слов не ограничиваются случаи, когда акцентуация непроизводных слов фактически управляется несписочными правилами. Так, например, среди существительных на *-а*, *-я* схем ударения *f′* и *d′* (т. е. с В. ед. типа *ру́ку*) значительную часть составляют названия частей тела: *голова́*, *борода́*, *нога́*, *рука́*, *щека́*, *спина́*, *коса́*, сюда же *душа́*. Показательно, что при выводе слова из указанной семантической группы оно переводится в более простую схему ударения — с колонным ударением в ед. числе, например: *городского голову́*, *сорвиголову́*. Однако подобные группы сравнительно малочисленны, и, соответственно, выигрыш от несписочного описания здесь не столь ощутим.

УДАРЕНИЕ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 1.18. У производных слов, в отличие от непроизводных, схема ударения и место ударения внутри основы в принципе выводятся по определенным правилам из морфологического состава слова (в части случаев также из его значения и некоторых других характеристик). Лишь в меньшинстве случаев фактические акцентные характеристики

производного слова не соответствуют этим правилам и должны быть указаны в списочном порядке.

Важнейшая черта, отличающая в русском языке акцентуацию производных слов (кроме приставочных глаголов[8]) от акцентуации непроизводных, — почти полное отсутствие у них подвижного акцентного типа (ср. Курилович 1946, с. 438). Для производных слов нормальными являются (на уровне субпарадигм) лишь две схемы ударения: *a* и *b*; все прочие носят характер исключений. Если для производного слова (кроме приставочных глаголов) установлено, что оно относится к нетривиальному акцентному типу, это в принципе означает, что оно относится к схеме ударения *b* (т. е. у существительных *b*, у прилагательных *b*/*b*, у глаголов *b*/*a*, см. § 1.9).

Исключения составляют следующие группы производных слов (списки даны в рамках литературной нормы)[9].

Существительные:

1) *бтруб, прúстав, бкруг, пбезд, прóвод, пóдрез, прóпуск* (документ), *бтпуск, прóбел* (в иконописи), *прóмысел, бткуп, дóговор, вбзраст*, также *постáв* — схема *c* (см. также в § 1.28 [А II, замеч. 1] список опростившихся слов, однотипных с приведенными здесь);

2) *дирéктор, инспéктор, инструктор, кондýктор, коррéктор, прожéктор, профéссор, редáктор, учúтель*, также *пéкарь, тóкарь, пúсарь* — схема *c*;

3) *глазóк, зубóк, рожóк, сапожóк* (уменьшительные) — схема *d*;

4) *мы́ло, дéревце, бблачко* — схема *c*;

5) *меньшинствó, ушкó, скреблó, теслó, бельмó, письмó, озерцó, жнивьё* — схема *d*;

6) существительные с суффиксами *-от-á, -ин-á, -изн-á* (например, *высотá, старшинá*), а также *судьбá, резьбá, стрельбá* — схема *d*;

7) *прúстань, пóдать, чéтверть, прóпасть, пóвесть, нóвость, плóскость, пóлость, вéдомость, дóлжность, крéпость, скóрость, мéлочь, свóлочь* — схема *e*;

8) *бтруби, пóмочи, пóхороны* — схема *e*.

Прилагательные:

1) прилагательные с односложной основой, содержащей суффикс *-н-*, *-к-* или *-л-*, получившие в кратких формах нетривиальное ударение в силу § 1.16 (например, *вéрный, звóнкий, смéлый*);

2) *жестóкий* — схема *a*/*a′*, *велúкий* 'большой', *горя́чий, тяжёлый, мудрёный* — *a*/*b*, *велúкий* 'выдающийся', *удáлый* — *a*/*c*, *корóткий, голóдный, холóдный, солёный* — *a*/*c′*, *далёкий, глубóкий, широ́кий, высóкий* — *a*/*c″*.

3) причастия на *-ённый* (и отпричастные прилагательные типа *влюблённый*, см. РИС, с. 239), также *дáнный, сдáнный, передáнный* — схема *a*/*b*; причастия (но не с приставкой *вы-*) на *житый, литый, нятый, чатый*, также *звáнный, вúтый, пúтый, запертый, бтпертый, взя́тый, прóклятый* — схема *a*/*c*; причастия (но не с *вы-*) на *данный, витый, питый* (кроме указанных выше) — схема *a*/*a′*.

Глаголы: отыменные *белúть, бесúть, винтúть, глушúть, дружúть, женúть, косúть* (траву), *крестúть, крошúть, кружúть, облокотúться, лудúть, пилúть, служúть, солúть, сторонúться, строчúть, сушúть, телúться, тупúть, удúть, ценúть, чертúть* и соответствующие приставочные (правда, не все, см. Грамм.) — схема *c*/*a* (у части глаголов наряду с *b*/*a*). Заметим, что у многих

[8] Точнее говоря, кроме глаголов, производность которых состоит только в наличии у них приставки.

[9] Производный характер некоторых из приводимых слов неочевиден (т. е. они могут, вообще говоря, расцениваться и как опростившиеся). У некоторых слов нетривиальное ударение представлено лишь как акцентный вариант или лишь при определенном значении; эти детали см. в Грамм. и РИС.

слов этого списка словообразовательные связи уже в той или иной мере затемнены (ср. заведомо опростившиеся *поручи́ть*, *сели́ть*, *серди́ться*, *застрели́ть*). Имеется, кроме того, ряд глаголов схемы *с/а*, для которых направление словообразовательной связи между именем и глаголом устанавливается, с синхронической точки зрения, недостаточно определенно: *грузи́ть*, *дари́ть*, *корми́ть*, *лени́ться*, *мути́ть*, *плати́ть*, *свети́ть*, *суди́ть*, *труди́ться*, *тужи́ть*, *хвали́ть*.

Помимо всех перечисленных групп, подвижное ударение имеют также слова, полученные из приведенных здесь неплотным присоединением каких-либо морфем, например, *электропо́езд*.

Что касается присоединения приставок к глаголам, то этот тип словообразования не создает ограничений на подвижность ударения. В нормальном случае приставочный глагол просто сохраняет акцентные свойства бесприставочного (если не считать страдательного причастия прош. времени, где иногда только приставка дает возможность ударению отступить влево, ср. *гну́тый — со́гнутый*). Особые случаи, когда это не так, должны рассматриваться в списочном порядке вместе с вопросом об ударении непроизводных слов. Соответственно, в настоящем разделе приставочное словообразование глаголов не рассматривается.

Приведенные списки позволяют нам свести дальнейший разбор акцентуации производных слов к вопросу о выборе между тривиальным и нетривиальным акцентными типами и о месте ударения внутри основы при тривиальном типе. Для производных слов эти два признака целесообразно объединить в понятии акцентуации основы: для слов тривиального акцентного типа речь идет о месте ударения внутри основы (у таких слов оно постоянно); у производных слов нетривиального акцентного типа ударение нормально находится на окончаниях, т. е. основа безударна, если только за ней не следует неслоговое окончание (отклонения от этого принципа имеются только у слов, входящих в приведенные выше списки).

§ 1.19. Для дальнейшего разбора необходимо условиться о терминах, связанных со словообразованием. Простейший случай суффиксального словообразования выглядит так. Имеется слово *A* (скажем, *доро́га*) с основой *a* (*доро́г-*). От основы *a* с помощью суффикса *s* (скажем, *-н-*) получена основа *b* (*доро́жн-*) слова *B* (*доро́жный*). При соединении *a* и *s* возможны какие-то морфонологические эффекты (в частности, чередования, как *г/ж* во взятом примере), несколько изменяющие фонемный состав *a* и/или *s*; таким образом, *b* не всегда в точности равно *as*.

Мы будем говорить в этом случае, что *A* — исходное, или производящее, слово, *B* — производное слово, *a* — производящая основа, *b* — производная основа. Кроме того, нам потребуется термин «базовый компонент» для обозначения той части (*a′*) производной основы *b*, которая остается после вычета суффикса *s* (в данном случае *дорож-*) (ср. Устинова 1974, с. 245, Поливанова 1976, с. 10). Понятно, что базовый компонент в большинстве случаев просто совпадает с производящей основой. Однако иметь здесь особый термин все же целесообразно — не только потому, что сочетание «производящая

основа данной производной основы» слишком тяжеловесно и что *a′* не всегда равно *a*, но главным образом потому, что понятие базового компонента полезно и в тех случаях, когда самостоятельного слова *A* вообще не существует (такой базовый компонент называется ниже остаточным, или связанным; ср., например, *смороˊд-ин-а*, *малˊ-инˊ-а*, *бессердеˊч-н-ый*, *быстроходˊ-н-ый*).

Помимо понятия основы словоформы, необходимо также понятие основы слова и основы субпарадигмы (некоторого слова). Если во всех словоформах слова (или субпарадигмы) основа одинакова, она же и является основой слова (субпарадигмы). Если различие сводится только к наличию или отсутствию беглой гласной (например, *остáток—остáтка*, *сестрá—сестёр*, *вéрный—вéрен*), то основой слова (субпарадигмы) считается вариант без беглой гласной (например, *остатк-*, *сестр-*, *верн-*). В прочих случаях признается наличие у слова (субпарадигмы) более чем одной основы. Внутри субпарадигмы после принятия соглашений, указанных в § 1.7, таких случаев практически не бывает. Внутри парадигмы в целом такая ситуация характерна только для глаголов, а именно, у глаголов систематически различаются основа инфинитива (которая у всех глаголов, кроме *C*-корневых, оканчивается на гласную) и основа презенса (которая всегда оканчивается на согласную).

В состав глагольной основы в большинстве случаев входит так наз. тематический (или основообразующий) элемент, см. § 0.3. С морфологической точки зрения, тематический элемент отличается от обычного (полноценного) суффикса тем, что не имеет отчетливого и постоянного самостоятельного значения (если не считать таковым общее значение глагольности [«процессуальности»], которое тем самым оказывается одинаковым у всех тематических элементов). Важная для нашего разбора проблема состоит в том, что один и тот же внешне аффикс, например, *-a(j)-*, может в одних глаголах (например, *копáть*, *штóпать*) играть роль основообразующего элемента, а в других (например, *разрубáть*, *решáть*) — роль полноценного суффикса. Этим двум функциям могут соответствовать разные акцентные свойства; так, тематический элемент *-a(j)-* может быть как ударным, так и безударным (ср. примеры выше), тогда как суффикс вторичных имперфективов *-a(j)-* обязательно несет ударение. Поскольку, однако, описание во многих отношениях усложнится, если считать, в частности, что одни глаголы на *-ать*, *-аю* (*копáть*, *штóпать*) имеют тематический элемент, а другие (*разрубáть*, *решáть*) нет, мы будем в дальнейшем исходить из того, что в глаголах типа *разрубáть* аффикс *-a(j)-* выполняет одновременно две функции: полноценного суффикса и тематического элемента; разумеется, то же верно для *-e(j)-*, *-и-*, *-ну-/-н-* и т. д. (подробнее см. Лопатин, с. 63—74).

При отглагольном словообразовании тематический элемент в одних случаях сохраняется (*рéза-ние*, *рéза-тельный*, *рéза-лка*), в других отбрасывается (*рез-нóй*, *резь-бá*, *рéз-ка*, *отрéз-ок*). Соответственно, можно говорить о полной и усеченной глагольной основе.

Из сферы морфонологии нам потребуется разделение морфем на: 1) полновокальные, т. е. содержащие хотя бы одну небеглую гласную; 2) неполновокальные, т. е. не содержащие гласных вообще («безгласные») или содержащие только беглую гласную [10]. Морфемы с беглой гласной имеют не менее двух разных морфов: один с гласной (например, *гон-ец*, *яр-ок*) и один «безгласный» (*гон-ц-а*, *яр-к-ий*).

Как известно из русской морфонологии, глагольные корни (или основы), оканчивающиеся на гласные, могут при словообразовании получать дополнительный элемент *в*, *j*, *л*, *т* или *н* [11], функция которого состоит лишь в том, что он дает корню возможность участвовать в сочетаниях, где требуется морф, оканчивающийся на согласную. Ср. *про-ход* и *про-ли-в*, *при-твор-ств-о* и *у-би-й-ств-о*, *греб-ец* и *жи-л-ец*, *о-грыз-ок* и *о-ста-т-ок*, *объ-ед-к-и* и *о-ста-н-к-и*. Мы будем называть такое *в*, *j*, *л*, *т* или *н* консонизатором корня (основы); уточнение «корня (основы)» может быть опущено. С акцентологической точки зрения основная особенность консонизаторов состоит в том, что в отличие от суффиксов они не имеют самостоятельной акцентной характеристики, т. е. морф с консонизатором (например, *лив-*, *бий-*, *жил-*, *стат-*, *стан-*) обладает ровно теми же акцентными свойствами, что и без консонизатора (*ли-*, *би-*, *жи-*, *ста-*).

§ 1.20. Существующие описания акцентуации производных в русском языке, как правило, построены в виде акцентологических сведений о каждом из выделяемых в морфологическом описании суффиксов (аналогично и для несуффиксальных способов словообразования). В частности, в Академических грамматиках (АГ-52, АГ-70, АГ-80) такие сведения даются по отдельности при каждом алломорфе каждого суффикса в каждом из обслуживаемых им словообразовательных значений. Такое описание полезно для получения справки об отдельном суффиксе, но общие закономерности словообразовательной акцентуации из него не видны или видны очень неполно.

Оказывается, что для выявления этих закономерностей необходимо прежде всего отказаться от постулата (на который в неявной форме опираются существующие описания) о том, что все акцентные правила должны применяться именно к тому членению словоформ и к тому представлению деривационной истории слов, которые оптимальны для морфологического описания. В действительности же в этих вопросах потребности акцентологического и морфологического описания могут в некоторых частностях расходиться.

---

[10] Беглой считается гласная, которая чередуется с нулем при вхождении данной морфемы в разные окружения. Отметим специально, что частным случаем беглой гласной является *е* в суффиксальных морфах *-еск-*, *-еств-о* (например, *княжеский*, *княжество*), ср. отсутствие этого *е*, например, в *зверский*, *зверство*, где суффикс стоит в ином окружении (не после шипящей).

[11] Не смешивать с морфемами *-в-*, *-j-*, *-л-*, *-т-*, *-н-*, выступающими в образовании глагольных времен и причастий.

Прежде всего, в акцентологическом описании обычно оказывается ненужной та степень «раздробления» внешне единого суффикса по словообразовательным значениям, которая естественна для морфологического описания. Подавляющее большинство суффиксов (в том числе такие многозначные, как, например, *-ок*, *-иц-а*) обладает постоянными акцентными свойствами, не зависящими от того, в каком словообразовательном значении используется суффикс.

Далее, большинство составных (многоморфных) суффиксов с акцентологической точки зрения не являются самостоятельными единицами, а функционируют как свободная последовательность простых суффиксов, в которой каждый член последовательности проявляет свои обычные акцентные свойства. Например, в акцентологическом описании не должны фигурировать суффиксы *-итель*, *-ительн-*, *-ил-а*, *-ил-о*, *-илк-а*, *-ильн-*, *-ильн-я*, *-ильщик*, выделяемые в морфологическом описании. Все они должны рассматриваться здесь как последовательности морфов, начинающиеся с морфа *-и-*, акцентными свойствами которого (см. ниже) и определяется ударение всех производных этой группы. Возможны и другие, более сложные расхождения между морфологическим и акцентологическим анализом производных; см., в частности, § 1.32 о способах представления деривационной истории производных типа *безлошáдный*, *обессáхарить*, *разноязы́чный* в акцентологии и в морфологии.

В настоящей главе морфологическое членение словоформ, отождествление морфов и представление деривационной истории производных проводятся с теми коррективами (оговариваемыми по ходу изложения), которых требует собственно акцентологическое описание. Понятно, что согласование полученных при этом результатов с данными обычного морфологического описания потребует некоторой дополнительной процедуры (впрочем, довольно несложной). Но этот небольшой технический проигрыш безусловно перевешивается очевидным выигрышем в понимании акцентологических механизмов как таковых.

В частности, с акцентологической точки зрения целесообразны следующие соглашения. Если в состав отглагольного производного входит оканчивающаяся на гласную инфинитивная основа исходного глагола, то такое производное в нормальном случае считается образованным от данной основы как от единого целого. Если при этом в составе производного за такой основой следует *в*, *j*, *л*, *н* или *т* (кроме *т*, входящего в суффикс *-тель*), то это *в*, *j*, *л*, *н* или *т* трактуется как консонизатор и, соответственно, входит в базовый компонент (а не в состав суффикса). Примеры (базовый компонент отделен): *ли́в-ень*, *уби́й-ца*, *жиль-jó*, *жил-и́ще*, *остáн-ки*, *знáн-ие*, *выть-jó*, *поня́т-ливый*, *задáт-ок; умéл-ец*, *сéял-ка*, *плáкаль-щик*, *оборвáн-ец*, *послáн-ец*, *рвань-jó*, *владéн-ие*, *собирáн-ие*, *собирá-тель*; слова *прили́в*, *помój-и* и т. п. попадают в категорию бессуффиксальных производных.

Данный принцип не распространяется, однако: 1) на образование неличных форм исходного глагола, а также отпричастных прилага-

тельных (*чёсаный*, *ва́ляный* и т. п.)[12]; 2) на случаи, когда основа производного равна основе глагола + *л*, например, *уста́лый*, *было́й*, *пожило́й*, *покрыва́ло*, *мери́ло*, *обира́ла* (*-л-* считается здесь суффиксом, а не консонизатором).

Особенность *i*-глаголов: здесь производное, сохраняющее *-и-* (например, *гладильщик*, *правитель*, *верительный*), считается образованным не прямо от основы инфинитива, а с заменой в ней тематического *-и-* на омонимичный ему особый словообразовательный морф *-и-*, имеющий другую акцентную характеристику (а именно, требующий постановки ударения на самом этом морфе, подробнее см. § 1. 41). В остальном соблюдаются изложенные выше правила; в частности, *л* в *гладильщик*, *морозилка* и т. п. трактуется как консонизатор.

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МОРФЕМ

Система маркировок

§ 1.21. Как уже указано в § 0.2, в настоящей работе акцентологическая классификация морфем проводится с использованием техники маркировок.

Маркировка отдельной морфемы складывается из нескольких самостоятельных акцентных характеристик. При этом обязательно представлена одним из символов (↓, ←, →) только характеристика «позиция ударения». Все прочие характеристики строятся по принципу: «есть ли у морфемы такая-то особенность?». Если да, то в маркировку включается соответствующий символ (буквенный), если нет, то это никак не отмечается.

Наиболее важными являются две характеристики: «позиция ударения» и «доминантность—недоминантность». Они вместе образуют основную маркировку морфемы. У подавляющего большинства морфем маркировка этим и ограничивается. Лишь у совсем немногих морфем (а именно, у некоторых суффиксов) помимо основной маркировки имеется еще и дополнительная.

Ниже перечислены все символы, используемые в маркировках. Приводимые при этом пояснения носят нестрогий, содержательный характер. Формальный смысл каждого символа состоит в способе его использования в правилах, которые даются в последующих параграфах.

1. Акцентная характеристика «позиция ударения» (более точно: «позиция ударения в случае, если ударение привязано к данной морфеме»; о выражении «привязано» см. § 1.22). Символы:

[12] Такое же членение, как для причастий, необходимо принять и для слов, которые с синхронической (не с исторической) точки зрения произведены от причастий или от отпричастных прилагательных, например, *ка́танки*, *чёсанки*, *ва́ленки* (= **ва́лянки*): ср. сохранение такими словами ударения соответствующих причастий. Поскольку отличить такие производные от *оборва́нец*, *посла́нец* и т. п., не обращаясь заранее к их ударению, затруднительно, с формальной точки зрения для разграничения здесь необходимы списки.

↓ («самоударность») — ударение падает на саму данную морфему;
← («левоударность») — ударение падает левее данной морфемы;
→ («правоударность») — ударение падает правее данной морфемы.

2. Акцентная характеристика «доминантность—недоминантность» (т. е. наличие или отсутствие регулируемого определенными правилами преимущества в «конкуренции» морфем за ударение). Символ доминантности: D.

3. Символы, используемые в дополнительной части маркировки, таковы (они возможны только у суффиксов):

Init — «начальное ударение»;

Monosyll — «ударение требует поправки при односложности базового компонента»;

Polysyll — «ударение требует поправки при неодносложности базового компонента»;

Marg — «суффикс становится правоударным при маргинальной подвижности в производящем слове»;

Triv — «маргинально-подвижное ударение производящего слова трактуется как тривиальное»;

Deox — «флексионное ударение производящего слова трактуется как тривиальное».

Выписанные здесь ярлыки, разумеется, не раскрывают точного смысла перечисленных символов (этому повящен § 1.34).

Отметим, что разделение суффиксов на 6 групп по их основной маркировке (←, ↓, →, ←D, ↓D, →D) в целом соответствует разделению на группы I 1, I 2, I 3, II 1, II 2, II 3, принятому в работе: Редькин.

Для упрощения ряда последующих формулировок маркировка считается приписанной к определенной фонеме внутри морфемы (морфа). Маркировка с ↓ приписывается к некоторой небеглой гласной в составе морфемы (а именно, к той, которая фактически несет ударение в словоформах, где оно привязано [§ 1.22] к данной морфеме); например, маркировка приписана к гласной первого слога в морфеме *ягод-*, второго — в *мороз-*. Маркировки с → и ← (а также с ↓ у неполновокальных морфем) приписываются к последней фонеме в составе морфемы.

Допустимо также говорить о маркировке морфа (а не только морфемы в целом). В принципе все морфы одной морфемы имеют единую маркировку; но в некоторых исключительных случаях этот принцип может нарушаться.

В настоящей работе в описании современной русской акцентуации (в отличие от раннедревнерусской) маркировки используется только для морфем, входящих в состав основы (корней, приставок, суффиксов), но не для окончаний. Информация об акцентных свойствах окончаний дана в другой форме — в виде описания схем ударения в парадигмах словоизменения (§ 1.8—9). Иначе говоря, предлагаемая здесь система маркировок предназначена для акцентологического опи-

сания словообразования, а не словоизменения (точнее, этой системой не может быть полностью отражено словоизменение непроизводных слов). Такое решение обусловлено тем, что в современном языке, в отличие от древнерусского, для словообразования и для словоизменения актуальны разные разбиения корневых морфем на акцентные классы. В самом деле, в современном русском языке при одном и том же наборе окончаний могут противопоставляться до семи разных схем ударения, например: *ве́ра* — схема *a*, *черта́* — *b*, *беда́* — *d*, *губа́* — *f*, *спина́* — *d′*, *нога́* — *f′* (ср. еще единичное *до́ля* — схема *e*). Чтобы отобразить эти различия с помощью маркировок, нужно в идеале ввести семь различных маркировок корня. Если допустить некоторое количество индивидуальных исключений, инвентарь маркировок можно сократить; однако попытка обойтись менее чем четырьмя маркировками уже приводит к непомерно длинным спискам исключений или к иным модификациям техники маркировок, которые в сущности компрометируют саму эту технику[13]. Между тем для современного русского словообразования в подавляющем большинстве случаев актуально противопоставление всего двух акцентных классов корней: ↓ и → (соответствующих тривиальному и нетривиальному типам в словоизменении). Лишь в немногих случаях в качестве реликта более ранней системы обнаруживается особый акцентный эффект при словообразовании у корней, соответствующих маргинально-подвижному типу.

Базисное правило

§ 1.22. Если выписать последовательно маркировки всех морфов, входящих в некоторую основу, мы получим цепь маркировок этой основы. Точно так же можно построить цепь маркировок для той или иной части основы, скажем, для ее базового компонента[14].

Имеется следующее, так наз. базисное правило о связи ударения с цепью маркировок произвольной основы.

А. 1. Ударение привязано к самой правой маркировке, содержащей D; но если таковой окажется маркировка →D, стоящая не последней в цепи, то ударение привязывается к следующей маркировке.

2. Если маркировок с D нет, ударение привязано к самой левой маркировке, содержащей ↓ или ←.

3. Если маркировок с ↓ или ← нет, ударение привязано к самой правой маркировке, содержащей →.

Б. Формула «ударение привязано к некоторой маркировке» означает:

---

[13] Именно в такое положение попадает П. Гард (Гард 1978, с. 369—376), который постулирует для корней всего три маркировки, но, чтобы справиться, например, с различием между *чертам* и *бе́дам*, вынужден приписать окончанию *-ам* (и другим подобным) неустойчивую маркировку (без строгих правил, регламентирующих эту неустойчивость).

[14] Однако для целой словоформы этого сделать нельзя, поскольку, как отмечено выше, в нашем описании окончания не получают маркировок.

если маркировка содержит ↓, то ударение падает на саму соответствующую гласную[15];

если ←, то ударение падает на ближайшую гласную слева[16];

если →, то ударение падает на ближайшую гласную справа; если таковой в пределах основы уже нет, основа безударна (точнее: слово относится к нетривиальному акцентному типу, см. § 1.18).

Примеры действия базисного правила (морфема, к которой привязано ударение, подчеркнута):

банд-ит-изм- — *бандити́зм-*
↓ ↓D ↓D

черт-ёж-ик- — *чертёжик-*
→ →D ←

горош-ин-к-(а) — *горо́шинк-(а)*
↓ ↓ ←

слеп-ыш- — *слепыш-* (безударная основа,
→ → ср. *слепыша́*, *-у́* и т. д.).

Необходимо сразу же подчеркнуть, однако, что фактическое ударение значительного количества основ не соответствует базисному правилу; оно определяется серией более частных правил, представляющих собой различного рода поправки к базисному правилу. В частности, как легко видеть, в базисном правиле вообще не фигурируют элементы дополнительной части маркировок; это значит, что акцентный эффект, который порождают эти элементы, всегда носит характер поправки к базисному правилу. Таким образом, базисное правило отражает закономерности русской словообразовательной акцентуации в сильно идеализированном виде. В ряде случаев оно используется как эталон, сравнение с которым позволяет выявить и точно охарактеризовать некоторое акцентное отклонение.

Перемаркировка

§ 1.23. Когда две или более морфемы соединяются в процессе образования производной основы (или какой-то ее части), с акцентной точки зрения имеется две возможности: акцентуация полученной основы либо соответствует базисному правилу, либо не соответствует. В первом случае мы будем говорить о «простом акцентном суммировании» морфем, во втором — об отклонении от такового.

Часть таких отклонений описывается ниже через прямое указание того, как отличается фактическое ударение от ожидаемого по базисному правилу. Но в некоторых случаях наиболее целесообразной оказывается несколько иная техника — описание через так наз. п е р е м а р к и р о в к у; иначе говоря, акцентное отклонение представ-

[15] Если же такая маркировка приписана к согласной, ударение падает на ближайшую гласную слева.

[16] Если влево гласных больше нет, ударение падает на начальный слог основы.

ляется как результат замены первоначальной цепи маркировок на некоторую другую (которая уже дает по базисному правилу действительную акцентуацию основы).

Соответственно, необходимо различать первоначальную (или исходную) маркировку некоторой морфемы и ее реальную маркировку в составе определенной словоформы (которая из-за перемаркировок иногда не совпадает с первоначальной).

Заметим, что у корней и приставок вся первоначальная маркировка состоит только из символа ↓ или →; любая более сложная первоначальная маркировка (равно как символ ←) возможна только для суффиксов. Но в результате перемаркировок корень может получить также символ D.

При перемаркировке может происходить также «акцентное склеивание» морфов (т. е. своего рода «акцентное опрощение»), когда два соседних морфа объединяются в единый элемент, имеющий уже не две раздельные маркировки, а одну общую.

МОРФЕМНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

§ 1.24. В современном русском языке некоторые последовательности морфем обладают особыми акцентными свойствами, не вытекающими (в общем случае) из свойств составляющих их морфем; мы называем их ниже м о р ф е м н ы м и к о м п л е к с а м и. Как будет видно из дальнейшего, значение морфемных комплексов для русской акцентологии очень велико (в существующих описаниях оно сильно недооценено).

Приставочно-корневые комплексы

Из всех типов морфемных комплексов наибольшее значение для русской акцентологии имеют п р и с т а в о ч н о - к о р н е в ы е к о м п л е к с ы, т. е. морфемные последовательности вида «приставка (или несколько приставок) + корень» (причем только такие, в которых все морфемы плотно присоединены друг к другу, см. § 1.4). Примеры: *при-хóд*, *при-ход-*(*и́ть*), *у-грóз-*(*а*), *раз-бóр-*(*чивый*), *за-на-вéс-*(*ка*), *не-от-вя́з-*(*ный*), *бес-сты́д-*(*ство*), *без-дéл-*(*ье*), *без-нóг-*(*ий*); однако, скажем, *неживóй* не содержит приставочно-корневого комплекса, так как *не* здесь неплотно присоединено к корню; по той же причине в слове *непроходнóй* представлен лишь комплекс *про-ход*, но не *не-про-ход*.

Корень, имеющий при себе консонизатор (§ 1.19), входит в состав приставочно-корневого комплекса вместе со своим консонизатором; примеры: *про-лив*, *о-стат-*(*ок*).

Различаются п р о с т ы е приставочно-корневые комплексы (где приставка одна) и с л о ж н ы е (где приставок две или больше).

Приставочно-корневые комплексы представлены в русском языке в основном в следующих категориях слов: 1) глаголы, например, *приходи́ть*, *победи́ть*, *разбира́ть*, *украша́ть*, *проле́зть*; 2) бессуф-

фиксальные имена, например, отглагольные *прихо́д*, *побе́да*, *разбо́р*, *проли́за*, *пока́тый*, неотглагольные *по́дпол*, *безно́гий*; 3) суффиксальные имена, производные от слов групп 1 и 2, например, *прихо́дский*, *победи́тель*, *разбо́рчивый*, *подпо́лье*, *проли́зничество*.

Между группами 1 и 2 обнаруживаются существенные различия в акцентуации приставочно-корневых комплексов, а в части случаев также и в выборе корневых морфов. Для группы 1 наиболее характерно ударение правее приставочно-корневого комплекса, ср. примеры выше (реже встречается иное ударение — обычно корневое, ср. *проле́зть*, *проле́зет*, *прихо́дит*, *укра́сить* и т. п.). Напротив, в группе 2 господствует корневое ударение, ср. примеры выше (и лишь в незначительном меньшинстве случаев находим иное ударение — обычно префиксальное, ср. *вы́ход*, *по́дпол*, *о́тпуск*, *про́волока* и т. п.).

Различия в выборе корневого морфа между группами 1 и 2 возможны лишь для немногих (но очень употребительных) корней. Единых для всех этих корней правил выбора морфов нет; для наших целей достаточно привести ряд характерных примеров: *зарек-а́ться — заро́к*; *задр-а́ть*, *задер-у́*, *задир-а́ть — задо́р*, *зади́р-а*; *подня́-ть*, *подним-а́ть* (*подым-а́ть*) — *подъём*; *привез-ти́*, *привоз-и́ть — приво́з*; *отби́-ть*, *отобь-ю́*, *отбив-а́ть — отбо́й*, *отби́в*. Как видно из приведенных примеров, даже и у этой группы корней нет полного разграничения между «глагольными» и «именными» алломорфами: так, неоднозначны в этом отношении, например, алломорфы *-дир-*, *-воз-*, *-бив-* (с консонизатором *в*).

Что касается группы 3, т. е. суффиксальных производных, то здесь прежде всего встает вопрос о том, от имени или от глагола произведено соответствующее слово, например, *разбо́рчивый* (ср. *разбо́р* и *разбира́ть*), *входно́й* (ср. *вход* и *входи́ть*), *привязно́й* (ср. *при́вязь* и *привяза́ть*) и т. п.

В этой проблеме необходимо различать два аспекта: 1) семантический; 2) морфонологический (т. е. связанный с выбором морфов и акцентуацией); ср. Земская, с. 69 и далее.

Семантическая производность выражается в сохранении у производного (с модификацией, привносимой суффиксом) всех или хотя бы некоторых значений производящего. При установлении семантической производности особенно показательным является «наследование» производным словом специфических (не вытекающих с необходимостью из его морфемного состава) значений производящего. Например, слово *похо́дный* явно семантически производно от *похо́д* «особый вид военного или туристического передвижения», а не от глагола *походи́ть* (не имеющего этого специфического значения); *зали́вный* семантически производно от *зали́в* «определенная часть моря», а *заливно́й* — от *залива́ть*.

Следует учитывать, однако, что существуют все же случаи, где не удается однозначно установить семантическую производность, поскольку семантические связи производного с глаголом и с от-

глагольным именем примерно одинаковы; примеры: *входно́й* (*входи́ть* и *вход*), *объе́здчик* (*объезжа́ть* и *объе́зд*) и т. п.

Морфонологическая производность выражается в том, что производное либо просто сохраняет основу производящего слова и ее акцентуацию, либо трансформирует их по некоторым стандартным правилам. Например, *разбо́рчивый* морфонологически производно от *разбо́р* (а не от *разбира́ть* или *разобра́ть*); напротив, *разбира́тельство* морфонологически производно от *разбира́ть* (а не от *разбо́р*).

Может оказаться, однако, что некоторое слово по своим морфонологическим свойствам (акцентуация, выбор морфов) должно быть признано, скажем, отыменным производным, а соответствующее исходное имя в языке отсутствует. Например, слово *вы́боина*, судя по морфу *-бой-* (ср. *отбо́й*, *прибо́й* и т. п.), должно квалифицироваться как морфонологически производное от **вы́бой* (а не от *вы́бить*, *выбива́ть*); между тем слова **вы́бой* нет. В связи с этим имеет смысл говорить просто о морфонологически глагольных и морфонологически именных приставочно-корневых комплексах в составе производных слов — в соответствии с их акцентуацией и выбором морфов и вне зависимости от того, существует ли соответствующее исходное слово реально.

Нормальным для русского языка является такое положение, при котором слова, семантически производные от глаголов, содержат морфонологически глагольный приставочно-корневой комплекс, а от имен — морфонологически именной. Однако в некоторых случаях это соответствие все же оказывается нарушенным. Так, в парах *дога-да́ться—дога́дливый*, *въеда́ться—въе́дливый*, *удуша́ть—уду́шливый*, *запаса́ть—запа́сливый* семантические отношения практически такие же, как, например, в парах *бода́ть—бодли́вый*, *болта́ть—болтли́вый*, *хва́стать—хвастли́вый*, *говори́ть—говорли́вый*. Во всех этих случаях прилагательное семантически производно от глагола (заметим, что соответствующих существительных — **дога́д*, **въед*, **бод* и т. п. — для большинства примеров здесь просто нет). Между тем в группе *дога́дливый*, *въе́дливый*, *уду́шливый*, *запа́сливый* приставочно-корневой комплекс, судя по ударению, — морфонологически именной, а не глагольный. (Объяснить здесь корневое ударение просто тем, что суффикс *-лив-* требует ударения слева от себя, нельзя из-за акцентовки слов *бодли́вый*, *болтли́вый* и т. д.). Ср. сходную ситуацию у производных на *-чив-* (*бранчи́вый*, но *изме́нчивый*, *усту́пчивый* и т. п.), *-ист-* (*некази́стый*, но *зали́вистый*, *прерывистый* и т. п.) и ряда других. Таким образом, необходимо признать, что некоторые суффиксы отглагольного (с семантической точки зрения) словообразования требуют замены морфонологически глагольного приставочно-корневого комплекса морфонологически именным.

§ 1.25. Изложенные факты дают основания для следующего общего решения вопроса о приставочно-корневых комплексах.

Всякий приставочно-корневой комплекс, входящий в состав основы определенной словоформы, является либо морфонологически глагольным,

либо морфонологически именным. В общем случае это различие проявляется в ударении и/или в выборе морфов, но в частных случаях оно может и никак внешне не проявляться. В дальнейшем для упрощения терминологии мы будем говорить просто о глагольных и именных приставочно-корневых комплексах (считая, что уточнение «морфонологически» подразумевается).

По своей способности непосредственно присоединяться к глагольным приставочно-корневым комплексам суффиксы делятся на две группы: так наз. первичные способны к этому, так наз. вторичные — неспособны. Первичные суффиксы фактически всегда универсальны, т. е. могут присоединяться к любому приставочно-корневому комплексу — как глагольному, так и именному. Из вторичных суффиксов большинство способно присоединяться к именному комплексу, но некоторые (например, *-ач*) вообще неспособны присоединяться ни к какому приставочно-корневому комплексу.

Если в процессе словообразования предстоит присоединить вторичный суффикс (например, *-чив-*) к приставочно-корневому комплексу, входящему в основу некоторого глагола (например, *сговори́ться*, *разби́ра́ть*), этот комплекс должен быть предварительно превращен в именной. Практически это обычно означает определенные изменения в акцентуации и иногда в выборе морфов; так, в данном случае получаем *сгово́рчивый*, *разбо́рчивый* (а не **сговорчи́вый*, **разбирчи́вый*).

Для дальнейшего необходимо уметь решать следующую практическую задачу: установить, является ли приставочно-корневой комплекс в составе некоторой словоформы глагольным или именным, не обращаясь при этом к сведениям об акцентуации данной словоформы [17] (при том что разделение суффиксов на первичные и вторичные, напротив, предполагается уже известным). Правила здесь таковы.

Случай 1: приставочно-корневой комплекс завершает основу (в частности, равен основе) в словоформе любой части речи, кроме глагола. Такой комплекс — именной. Примеры: *прихо́д*, *не-прихо́д*, *побе́д-а*, *пе́ревяз-ь*, *за́навес*, *безно́г-ий*, *пока́т-ый*.

Случай 2: приставочно-корневой комплекс входит в основу глагольной словоформы (личной или неличной) и либо равен этой основе, либо отличается от нее только на тематический элемент [18]. Такой комплекс — глагольный (например, *проле́з-ть*, *приход-и́-ть*, *улет-а́ющий*), за исключением тех немногочисленных случаев, когда глагол (на *-ить*, *-овать* или *-ать*) является производным от имени, содержащего приставку (например, *прока́з-и-ть*, *расхо́д-ова-ть* от *прока́за* 'шалость', *расхо́д*; в этих случаях комплекс именной).

Случай 3: в составе основы за приставочно-корневым комплексом непосредственно следует словообразовательный суффикс.

---

[17] Указанное ограничение обусловлено тем, что ответ на поставленный вопрос сам должен служить одним из шагов в процедуре установления места ударения в произвольной словоформе.

[18] Аффиксы неличных форм, если они есть, не принимаются во внимание.

Если этот суффикс вторичный — комплекс именной. Примеры: *сгово́р-чив-ый*, *приди́р-чив-ый*, *изворо́т-лив-ый*, *поде́л-к-а*, *вы́дел-к-а*.

Если этот суффикс первичный, то комплекс именной, если слово семантически производно от имени (например, *наро́д-н-ый*, *поезд-н-о́й*, *про́волоч-н-ый*, *прока́з-и-ть* — от *наро́д*, *по́езд*, *про́волока*, *прока́за* 'шалость') или от сочетания предлога с именем[19] (например, *безло-ша́д-н-ый*, *безнадзо́р-н-ый*, *подру́ч-н-ый*, *бесче́ст-и-ть*), и глагольный, если слово семантически производно от глагола или семантически двусмысленно (т. е. связано одновременно с глаголом и с отглагольным именем), например, *залив-н-о́й*, *выход-н-о́й*, *привяз-н-о́й*.

Кроме того, специально для суффикса *-н-*, с которым связано наибольшее число трудностей в решении данной проблемы, имеется ряд вспомогательных правил (см. § 1.60).

Другие типы комплексов

§ 1.26. Помимо приставочно-корневых, для акцентологии существенны также некоторые другие типы морфемных комплексов. Таковы прежде всего двукорневые комплексы, т. е. морфемные последовательности вида «корень + соединительная гласная + корень» (причем такие, где все морфемы соединены между собой плотно), например, *землекоп*, *машинопис-ь*, *светоно́с-ный*. Возможны также и другие типы комплексов, получаемые усложнением основных типов за счет замены корней на целые основы или за счет увеличения числа корней. Таковы, в частности, приставочно-осно́вные комплексы, например, *безра́-дост-ный*. С акцентологической точки зрения подавляющее большинство комплексов всех этих типов аналогично именным приставочно-корневым комплексам. К глагольному типу относятся только комплексы в *руководи́ть*, *путеводи́тель*, *благослови́ть*, *благоволи́ть*, *благодари́ть*, *животвори́ть*, *благотвори́тельный*, *боготвори́ть*; они представляют собой архаизмы, ср. более новые образования типа *верхово́дить*, *пустосло́вить* (с обычным именным комплексом).

В дальнейшем под общим названием именных комплексов объединяются именные приставочно-корневые комплексы и все прочие морфемные комплексы, кроме перечисленных выше исключений.

«Опорное» -ов-

§ 1.27. Хотя именные комплексы практически никогда не передают ударения присоединяемым к ним полноценным суффиксам, они в некоторых случаях передают его «пустому» морфу *-ов-*. Примеры: *Поднепро́вье*, *безотцо́вщина*, *поножо́вщина* (ср. *Повóлжье*, *подёнщина* и т. п.). Мы будем называть такое *-ов-* «опорным». С акцентологической точки зрения опорное *-ов-* ведет себя как составная часть имен-

[19] Комплекс с *без-* — всегда именной, даже если его вторая часть не соответствует никакому реальному имени, например, *беспробу́д-н-ый*, *безопа́с-н-ый*.

ного комплекса (а не как внешний по отношению к нему морф); именно так оно и рассматривается ниже. С формальной стороны комплексы *по-днепро́в-*, *без-отцо́в-*, *по-ножо́в-* вполне аналогичны приставочно-осно́вным типа *без-ра́дост-*, *пред-верши́н-*. Разница лишь в том, что замена основ *днепр-*, *отц-*, *ножс-* на *днепро́в-*, *отцо́в-*, *ножо́в-* не связана здесь ни с каким изменением смысла; *днепров-*, *отцов-*, *ножов-* выступают просто как своего рода «удлиненные» (и более удобные для соединения с суффиксами) варианты основы слов *Днепр*, *отец*, *нож*. Эта замена, в частности, позволяет избежать сложных сочетаний согласных, которые должны были получиться в **Поднепрье*, **безотечщина*, **пономжщина*. В ряде случаев (например, *приднепро́вский*, *беспопо́вский*, *безгрехо́вный*) равно допустимы интерпретация через опорное *-ов-* и через неплотное присоединение морфемы слева. Относительно возможного совмещения функций опорного *-ов-* и суффикса *-ов-* см. § 1.62.

Теоретически возможно также безударное опорное *-ов-* (скажем, *приара́ксовский*); практически, однако, подобные примеры (все они довольно искусственны) проще интерпретировать иначе (через суффикс типа *-овск-* или через неплотное присоединение).

Перемаркировка морфем в составе комплексов

§ 1.28. Особые акцентные свойства, имеющиеся у части морфемных комплексов, на техническом уровне проще всего отобразить с помощью перемаркировок (§ 1.23), т. е. указать, каким изменениям подвергается первоначальная маркировка морфемы в том случае, когда морфема вступает в морфемный комплекс. Правила здесь таковы.

А. В именном комплексе (но не с приставками *вы-*, *па-*[20]) второй член взамен своей первоначальной маркировки получает новую, а именно ↓ D[21]. Например, в словах *захо́д*, *нахо́дчивый*, *безлю́дный*, *скорохо́д*, *лукомо́рье* корни *ход-*, *люд-*, *мор-* получают маркировку ↓ D; особо отметим *про́рва*, *подо́шва*, *бе́здна* и т. п., где ↓ D появляется при безгласном морфе. Если в качестве второго члена выступает целая основа, а не просто корень, маркировку ↓ D получает та морфема, которая несет ударение в исходной форме слова с такой основой (если же основа в этой форме безударна или если такого слова вообще нет, то последняя морфема основы); при наличии опорного *-ов-* (§ 1.27) маркировку ↓ D получает это *-ов-*. Примеры: в словах *безра́достный*, *предверши́нный*, *низкочасто́тный*, *безотцо́вщина* ↓ D появляется при морфемах *рад-*, *-ин-*, *-от-*, *-ов-*.

---

[20] Именные комплексы с приставками *вы-* и *па-* (которые имеют маркировку ↓) перемаркировке не подвергаются. Исключения: *выно́сливый*, *выбы́тие* (где *вы-* ведет себя как обычная приставка); в слове *паску́да* приставка уже невыделима. Фактически не подчиняется данному правилу также приставка *пра-*, см. ниже, пункт I.

[21] Это практически означает, что все остальные маркировки внутри комплекса уже несущественны; ничто не изменится, если считать, что они просто сняты.

При замене маркировок место приписки маркировки внутри морфемы в нормальном случае не меняется. Соответственно, например, в словах *обмоло́т*, *безголо́вый*, *длинноборо́дый*, *безлоша́дный* маркировка ↓ D приписывается к последней фонеме морфем *молот-*, *голов-*, *бород-*, *лошад-* (поскольку эти морфемы ранее имели маркировку →, ср. *молоти́ть*, *голова́*, *борода́*, *лошаде́й*). Имеются, однако, следующие особые случаи. 1. Если второй член комплекса — это неодносложная [22] основа существительного маргинально-подвижного типа с наосновным ударением в исходной форме (кроме слов с полногласным сочетанием в корне, слов на *-мя* и *ве́чер*, *ко́зырь*, *но́готь*, *ло́коть*, *ле́мех*, *ло́шадь*, *сте́пень*, *зе́ркало*, *о́зеро*), то маркировка ↓ D ставится при гласной первого слога такой основы. Отсюда такие ударения, как, например, *белока́менный*, *безо́блачный*, *безъя́корный*, *беспа́русный*, *двупо́лостный*, *двухло́пастный*, *обесцве́тить*. Сверх того, такую акцентовку имеют комплексы с *-времен-* (кроме *со-*, *по-*, *одно-*, *разно-времённый*), например, *своевре́менный*, *безвре́менный*. Исключения: *подмасте́рье*, *Лосиноостро́вская*, *Белоцерко́вский*; колеблются *великово́зра́стный*, *каменноу́го́льный*. 2. Индивидуальные отклонения: комплексы с *-образ-* (кроме *безо́бразный* 'лишенный образа, образности'), например, *безобра́з-ный*, *-ие*, *крестообра́зный*, *дикобра́з*; *беспринци́пный*, *безвозду́шный* (↓ D при конце комплекса).

Замечание. При окказиональном образовании подобных комплексов (в т. ч. образовании заново реально существующих слов) здесь может наступить эффект неосвоенности, состоящий в том, что любое существительное с начальным ударением в исходной форме трактуется как относящееся к тривиальному акцентному типу (ср. действие пометы Triv, § 1.34). Отсюда возможность таких окказиональных ударений, как *бескло́локольный*, *безза́ркальный* и т. п. В слове *безо́бразный* (см. выше) этот эффект закреплен нормой для отличения от традиционного *безобра́зный*.

Из приведенного общего правила о перемаркировке внутри именного комплекса в пользу ↓ D при втором члене имеется, однако, несколько групп исключений (объем приводимых ниже списков определяется теми же принципами, что в описании суффиксов, см. § 1.39).

I. Приставки *пра-* и *су-* в значительной части случаев удерживают ударение на себе (что является следом древнего состояния, ср. § 2.22); технически это означает, что приставка получает маркировку ↓ . Таковы: *пра́дед*, *пра́внук*, *пра́щур*, *пра́отец*, *пра́внучка*; *су́мрак*, *су́песок*, *су́толока*, *су́кровица*, *су́прядки*, *су́мерки* (ср. также опростившиеся *су́дорога*, *су́тки*; в словах *пра́зелень*, *су́темь*, *су́песь*, *су́толочь* начальное ударение можно объяснить эффектом суффикса -'-, § 1.43). Чаще, однако, приставка *су-* ведет себя по общему правилу, например, *суста́в*, *сугли́нок*, *сумя́тица*, *супоро́сая*, а приставка *пра-* неплотно присоединяется к имени, например, *праязы́к* (с сохранением флексионного ударения), *праро́дина*, *праде́душка*.

---

[22] Неодносложная в том виде, в котором она входит в состав комплекса; таким образом, сюда относятся и случаи типа *подлоко́тник*, *белока́менный*.

II. Наиболее многочисленная группа исключений — существительные мужского рода с основой, равной приставочно-корневому комплексу, обнаруживающие не корневое, а начальное ударение (типа *за́пуск*). Строгих правил распределения слов данной структуры между моделями *захо́д* (по основному правилу) и *за́пуск* нет. Обнаруживается, однако, некоторая связь этого распределения с фонологическим составом корня (ср. Устинова 1980); соответственно, ниже слова модели *за́пуск* указаны с разделением по данному признаку.

1. Существительные с односложной приставкой и корнем, оканчивающимся на *к* (кроме односложных корней на /ок/, /ек/ — графически *ок*, *ёк*, *ек*). Примеры[23]: *при́знак*, *при́зрак*, *о́блик*, *о́тклик*, *о́крик*, *на́волок*, *о́бморок*, *у́молк* (*без у́молку*), *ро́счерк*, *на́сморк*, *про́блеск*, *на́плеск*, *по́иск*, *ро́зыск*, *на́тиск*, *за́пуск*, *про́пуск*, *по́рыск*, *о́тпрыск*, *при́звук*, *при́стук*, *на́вык*, *про́мельк*; также *не́ук*. Отклонения: *прили́к*, *упу́ск*, *нары́ск*, *приты́к* (все эти слова очень редкие); они идут по общему правилу.

2. Существительные с односложной приставкой и корнем, оканчивающимся на сочетание /и/, /у/ + шумная глухая согласная (за которой может также следовать еще одна согласная). Фактически это прежде всего корни *куп*, *ступ*, *сып*, *дых*, *дух*, *слух*, *кус*, *свист*, *кис(е)л*, *мыс(е)л* (для конечного *к* см. пункт 1). Примеры: *по́дкуп*, *о́ткуп*, *до́ступ*, *при́ступ*, *про́сы́п* (*без про́сы́пу*), *о́тдых*, *про́дух*, *на́вис*, *при́кус*, *иска́ус*, *по́свист*, *при́свист*, *на́хлыст*, *о́кисел*, *про́мысел*, *у́мысел*; также *не́слух*, *не́уч*; особо отметим *при́вкус* (с двумя приставками). Отклонения: *усту́п*, *заку́т* (но также и *за́кут*), *уку́с*, *надку́с*, *проку́с*, *отку́с*, *понюх*; они идут по общему правилу (см. также выше примеры с колебанием).

3. Следующие существительные такой же структуры, как в пункте 2, но со звонкой, а не глухой согласной: *по́гиб*, *по́шиб* (в иконописи), *о́труб* (земельный участок), *при́визг*, *о́бжиг*, *ро́зжиг*, *о́тжиг*, *на́стри́г*, *по́стриг*, *о́круг*, *за́стру́г*, *на́стру́г*, *по́дгру́здь* (ср. еще разг. *ра́струб*); также *не́друг* и сокращение *не́уд*. Ср. идущие по общему правилу *ушиб*, *разру́б*, *испу́г* и т. п.

4. Прочие: *на́долб*, *при́став* (должностное лицо), *о́тзыв* (мнение, документ), *за́берег* (от *бе́рег*), *о́берег* (от *оберега́ть*), *по́тяг*, *про́пад* (*пропа́ду́ про́падом*), *по́езд*, *при́вод* (в технике), *до́вод*, *по́езд*$_{1-2}$, *про́вод*, *при́город*, *у́держ* (*у́держу не́т*), *по́дрез* (у полоза), *про́сек*, *про́бел* (в иконописи), *ра́зум*, *по́дпол*, *за́говор* (тайное соглашение), *до́гово́р*, *сго́вор*, *во́зглас*, *за́навес*, *о́тсве́т*, *за́ворот* (*кишок*), *во́зраст*, *про́мах*, *за́пах*, *при́порох*, *по́длинь* (ср. еще разг. *ро́злив*, *при́говор*); также *не́клен*, *не́чет*.

Замечание 1. Исторически относились сюда же, но к настоящему времени опростились (хотя степень забвения первоначальной структуры у них и различна) слова: *по́греб*, *спо́соб*, *бстов*, *бстров*, *по́двиг*, *по́лог*, *и́зверг*, *за́пад*, *о́вод*, *о́браз*, *за́мок*, *о́корок*, *о́трок*, *за́кром*, *о́цеп*, *по́вар*, *у́жас*, *по́яс*, *при́чет*, *о́мут*,

[23] В списке отражены почти все реально встретившиеся корни.

о́пыт, *спо́ло́х*, *по́трох*, *по́сох*, *о́бу́х*, *во́здух*, *о́бруч*. Возможно, следует считать опростившимися также и *по́шиб*, *о́круг*, *по́езд*, *при́зрак*, *о́блик*, *о́черк*, *по́черк*, *ра́зум*, включенные выше в общие списки.

Замечание 2. В некоторой части случаев между словами основной акцентной модели (*прое́зд*) и акцентной модели *по́езд* обнаруживается следующее семантическое различие: для модели *прое́зд* более характерно значение собственно действия (или места действия), для модели *по́езд* — значение объекта (возникающего в результате действия, служащего для действия или как-то иначе с ним связанного). Этому часто сопутствует еще одно различие: значение существительного связано со значением глагола в модели *прое́зд* более прямо и прозрачно, в модели *по́езд* — более отдаленно и нередко даже идиоматично. Приведем характерные примеры: *прово́д* (действие) — *про́вод* (электрический), *приво́д* (действие) — *при́вод* (элемент технического устройства), *отзы́в* (посла) — *о́тзыв* (мнение, документ), *отру́б* (место, по которому отрублено) — *о́труб* (земельный участок), *подре́з* (место, по которому подрезано) — *по́дрез* (железная полоска на полозе); ср. также, например, *прое́зд* — *по́езд*, *испу́г* — *и́зверг* и др.

С технической точки зрения, у слов *о́труб*, *при́став*, *о́круг*, *по́езд*, *про́вод*, *по́дрез*, *про́пуск* (документ), *о́тпуск*, *про́бел*, *о́ткуп*, *до́говор* (факультативно также у *про́мысел*, *во́зраст*) основа вместо своей прежней двучленной маркировки получает единую маркировку → при последнем слоге. Соответственно, эти слова имеют нетривиальное ударение (а именно, схему *c*, см. § 1.18). Такую же маркировку из числа опростившихся имеют *по́греб*, *о́стров*, *о́браз* ‘икона’, *о́корок*, *за́кром*, *по́вар*, *по́яс*, *по́трох*, *о́бруч* (факультативно также *о́вод*, *о́мут*). У всех прочих приведенных выше (включая замеч. 1) слов основа вместо прежней двучленной маркировки получает единую маркировку ↓ при первом слоге. Пример:

до-вод-	заменяется на	*довод-*
→ →		↓
с-говор-	» »	*сговор-*
→ →		↓

III. Исключениями из общего правила являются также следующие существительные и прилагательные: 1) *замо́к*, *посо́л* (лицо) (ср. также опростившееся *уто́к* ‘поперечные нити ткани’); 2) *бла́говест*; 3) *на́долба*, *за́берега*, *про́жига*, *за́друга*, *за́стру́га*, *засе́ка*, *про́сека*, *за́волока*, *на́волока*, *по́двболо́ка*, *про́волока*, *за́суха* (ср. также опростившееся *при́толока*); *про́воды*, *про́иски*, *по́хороны*[24]; 4) *по́слушник*, *за́работок*, *при́работок*, *за́росток*, *на́игрыш*, *про́игрыш*, *ро́зыгрыш*, *о́тыгрыш*; *на́волочка*, *при́го́ршня*; *за́говенье*, *ро́зговенье*, *за́волочье*; *за́морозки*, *за́говены*, *ро́зговены*; *за́городный*, *на́бережная*, *на́божный*, *за́работный*, *на́рочный*, *при́стальный* (ср. также опростившиеся *за́понка*, *при́торный*). В словах *замо́к*, *посо́л*, *по́хороны* приставочно-корневой комплекс получает единую (вместо прежней двучленной) маркировку → при корне; в прочих словах он получает единую маркировку ↓ при начальном слоге.

---

[24] В словах *о́трубя*, *по́дмости*, *по́ручи* и т. п. начальное ударение объясняется эффектом суффикса -’-.

Замечание 3. Для комплексов с неслоговым корнем действие общего правила (пункт А) в принципе приводит к результату, представленному в словах *заём* (Р. ед. *за́йма*), *наём* (Р. ед. *на́йма*). Однако в современном языке такое ударение резко отклоняется от синхронического стандарта, требующего для существительных с беглой гласной колонного ударения (по крайней мере, в рамках одного числа) — либо типа *котёл, котла́*, либо типа *дя́тел, дя́тла*. Отсюда два типа выравниваний: 1) *замо́к, посо́л, уто́к* акцентуируются по модели *котёл, котла́*, ср. Р. ед. *замка́, посла́, утка́*; 2) в *по́жня, при́тча, причт* (*при́чет*) обобщилось начальное ударение (уже не переходящее на беглую гласную, ср. *по́жен, при́точник, при́чет*); формально сюда же относятся *су́тки, су́ток* (фактически здесь сохраняется древняя ударность *су-*), *за́мок, за́мка* (заимствование из польского). Еще шире представлена перестройка, устранившая чередование беглой гласной с нулем: ср., с одной стороны, *про́рва, подо́шва, бе́здна, при́тча, у́йма, про́йма* и т. п. (Р. мн. *прорв, подо́шв, бездн, притч, уйм, пройм*), также *по́шлый, пошл, сонм, со́нма, причт, при́чта*, с другой стороны, *подъём, приём, учёт, расчёт* и т. п. (Р. ед. *подъёма, приёма, учёта, расчёта*). В значительной части приведенных примеров перестройке способствовало опрощение слова (выводившее его за рамки синхронических словообразовательных закономерностей).

В связи с исключениями, указанными выше (пункты I—III), необходимо дополнительно указать следующее. Слова, семантически производные непосредственно от существительных, указанных в этих пунктах (например, *за́падный, при́городный, при́зрачный, су́мрачный, на́сморочный, про́волочка, бла́говестить, поездно́й, окружно́й, поводо́к*), акцентуируются на базе этих существительных (т. е. сохраняют их ударение или трансформируют его по общим правилам словообразования). Исключения: *безобра́зный* и прочие с *-образ-* (см. выше), *разу́мный, загово́рный* (от *за́говор* 'заклинание, колдовство'), *похоро́нный*; для опростившихся слов можно указать еще *подви́жник, ужа́сный, возду́шный*. Если же производное семантически связано с глаголом (или одновременно с именем и глаголом), действует общее правило пункта А; примеры: *сгово́рчивый, отзы́вчивый, засу́шливый, послу́шный, неподку́пный, досту́пный, пое́здка, довёдка, прома́шка, проволо́чка*. То же и в случаях, когда производное имеет какую-то иную деривационную историю, но произведено не от рассматриваемого существительного, например: *спосо́бный, подпо́льный, обли́чье*.

IV. Совершенно особую группу слов, образованную с помощью приставок, составляют наречия типа *на́сухо, по́суху, слегка́, налегке́* (в Обр. их около 180). Их акцентуация не подпадает под действие общего правила пункта А; в то же время она лишь в малой степени зависит и от акцентуации соответствующих прилагательных. У рассматриваемых наречий встречается три типа акцентовки: 1) ударение на приставке (*на́сухо*); 2) конечное ударение (*налегке́*); 3) ударение на базовом компоненте (*помно́гу*); если базовый компонент неодносложен, в этом типе акцентовки сохраняется ударение краткой формы ед. сред. соответствующего прилагательного (*понапра́сну*). При неслоговой приставке противопоставление типов 1 и 3 нейтрализуется (*вско́ре*). Принадлежность наречия к тому или иному типу

акцентовки в значительной мере зависит от морфологической модели.

1. Для моделей *из—а*, *сыз—а*, *на—о*, *за—о* нормой является ударение на приставке, например, *и́зредка*, *и́здавна*, *и́скоса*, *и́счерна*, *и́скрасна*, *и́ззелена*, *и́зжелта*; *сы́знова*, *сы́змала* (также *сы́змалу*), *сы́здавна*; *на́криво*, *на́ново*, *на́мертво*, *на́коротко*, *на́бело*, *на́черно*, *на́скоро*, *на́чисто*, *на́глухо*, *на́сухо*, *на́двое* (также *пе́рво-на́перво*, *стро́го-на́строго* и т. п.); *за́дешево*, *за́живо*, *за́мертво*, *за́светло*, *за́темно*, *за́просто*. Отклонения: *издалека́* (и *издале́ка*), *издале́ча* (*издале́че*); *напра́во*, *нале́во*, *надо́лго*, *намно́го*, *наско́лько*, *насто́лько*, *наве́рно*, *наве́чно*; *задо́лго* (ср. нелитер. *за́долго*), *заеди́но*. Колеблются *на́зло́*, *на́голо́* (ср. также устаревшие варианты *набело́*, *начерно́*).

2. Группа наречий с приставочным ударением представлена в модели *по—у*: *по́ровну*, *по́просту*, *по́пусту*, *по́суху* (ср. также редкие и устаревшие *по́люби*, *по́розну*, *по́темну*, *по́часту*). Однако чаще здесь выступает ударение на базовом компоненте, например, *подо́лгу*, *помно́гу*, *неподале́ку*, *посто́льку*, *пома́лу*, *понапра́сну*, также *потихо́ньку* и т. п.; особо стоит *подобру́-поздоро́ву*.

Специально отметим, что приставочное ударение представлено в современном языке отнюдь не только у тех наречий, которые образованы от прилагательных маргинально-подвижного типа; ср., в частности, *и́счерна*, *на́мертво*, *на́бело*, *на́чёрно* и др.

3. В модели *на—е* представлено конечное ударение: *налегке́*, *накоротке́*, *навеселе́*, *наравне́*, *наедине́*; ср. также *настороже́*. Отклонение: *нагото́ве* (ср. нелитер. *наготове́*).

4. Модель *до—а* колеблется между конечным и приставочным ударением: *донага́*, *допоздна́*, *дополна́*, *дотемна́*; *до́чиста*, *до́сыта* (устар. *досы́та*), *до́суха*; *до́бела́*, *до́красна́*, *до́черна́*, *до́пьяна́*.

5. Значительные группы наречий с конечным ударением представлены в моделях *в—е* и *с—а*: *вдалеке́*, *вдвойне́*, *втройне́*, *вполне́*, *вчерне́* (также *вообще́*, *вотще́*); *сперва́*, *слегка́*, *сполна́*, *сглупа́*, *неспроста́*, *сгоряча́*. Однако чаще здесь выступает начальное ударение, например, *вно́ве*, *вта́йне*, *вско́ре*, *вкра́тце*, *спра́ва*, *сле́ва*, *спьяна*; только такое ударение в модели *с—у*, например, *смо́лоду*, *спьяну*, также *со́слепу*. Особый случай: *во́все*.

6. В прочих случаях (их сравнительно немного) выступает ударение на базовом компоненте, например, *пода́вно*, *воеди́но*, *впра́во*, *вчетверо*, *впя́теро*, *издре́вле*. Особо отметим *неда́вно*, с плотно присоединенным *не* (ср. *давно́*).

Б. Если в составе основы имеется глагольный приставочно-корневой комплекс с *вы-*, то везде, кроме словоформ с грамматическим значением совершенного вида[25], у приставки *вы-* маркировка ↓ меняется на → (практически это значит, что *вы-* здесь будет безудар-

[25] Грамматическим значением вида обладают только личные формы, причастия, деепричастия и инфинитивы.

ным). Например, в *выбира́ть*, *выезжа́ет*, *вынесе́ние*, *выпрями́тель*, *вырази́тельный* *вы-* получает → . Исключение: в глаголе *вы́глядеть* ‘иметь вид’ *вы-* сохраняет ↓ , несмотря на несовершенный вид.

Замечание 4. В силу индивидуальных особенностей приставки *вы-* противопоставление именных и глагольных приставочно-корневых комплексов выступает здесь в составе имен (но не глаголов) особенно наглядно: первые имеют ударение на *вы-* (кроме слов *вы́нос*ливый, *вы́бытие*), вторые — не на *вы-*. Примеры: 1) *вы́ход*, *вы́пуск*, *вы́жига*, *вы́дирка*, *вы́шивка*, *вы́боина*, *вы́водок*, *вы́севки*, *вы́гонщик*, *вы́кидыш*; 2) *выгребно́й*, *вышивно́й*, *выпивно́ха*, *вынесе́ние*, *выпрями́тель*, *вытрезви́тель*, *вырази́тельный*, *вычисли́тельный*. Это свойство приставки *вы-* особенно ценно при анализе суффиксов с маркировкой ← (например, *-к-а*): регулярное ударение на *вы-* (*вы́дирка*, *вы́кладка*, *вы́ставка* и т. д.) сразу показывает, что суффикс требует именного комплекса, т. е. относится к числу вторичных, тогда как по примерам типа *обди́рка*, *кла́дка*, *подста́вка* этого еще непосредственно не видно (поскольку корневое ударение могло бы объясняться здесь и маркировкой суффикса).

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ОСНОВ

§ 1.29. Базисное правило (§ 1.22) предназначено для непосредственного перехода от цепи маркировок произвольной основы к ее акцентуации. Если бы это правило сразу давало правильный результат для любой основы, оно было бы, конечно, самым простым средством определения акцентуации производных слов. Однако, как уже было отмечено, на самом деле действие базисного правила отягощено большим числом разнообразных поправок, из-за которых во многих случаях вычисление акцентуации по базисному правилу превращается в слишком громоздкую операцию.

Кроме того, в ряде случаев требуется определить акцентный результат присоединения некоторого аффикса к целой основе (в частности, многоморфемной). В принципе базисное правило может дать ответ и на этот вопрос, но довольно сложным путем — через обращение ко всей цепи маркировок данной основы. При этом существенно следующее: если некоторое производное слово является исключением из акцентных правил, т. е. имеет аномальное ударение, дальнейшие производные «наследуют» (т. е. сохраняют или закономерно преобразуют) именно это аномальное ударение; его аномальность нисколько не мешает тому, чтобы в последующем словопроизводстве к нему применялись стандартные общие правила. Например, ударение *беспринци́пный* аномально (ср. *при́нцип*); но оно без всяких затруднений «наследуется» словом *беспринци́пность*. В подобных случаях обращение к базисному правилу означает, что мы вновь должны пройти все формальные трудности, связанные с наличием аномалии в производящей основе, при том что интересующий нас шаг (присоединение суффикса) сам по себе акцентно регулярен.

Таким образом, с практической точки зрения полезно иметь, помимо базисного правила, также поэтапные правила, отражающие акцентный эффект каждого из последовательных шагов деривационной истории слова. Понятно, что для таких правил требуется не-

которая акцентологическая классификация целых основ (а не только отдельных морфем).

Используемая ниже классификация такова. Основы слов (как непроизводных, так и производных) делятся на так наз. с и л ь н ы е, с л а б ы е[26] и п р о м е ж у т о ч н ы е. Далее, сильные основы делятся на д о м и н а н т н ы е и н е д о м и н а н т н ы е.

Этой классификации в подавляющем большинстве случаев достаточно для того, чтобы правильно установить акцентуацию производных; лишь в нескольких исключительных случаях (а именно, когда суффикс имеет акцентную особенность Marg, Triv или Deox, см. § 1.21), необходима дополнительная информация — о принадлежности производящего слова к маргинально-подвижному или флексионному акцентному типу.

§ 1.30. Сила или слабость основы определяются в первую очередь акцентным типом соответствующего слова. Основной принцип состоит в том, что у слова с тривиальным ударением основа сильная, а с нетривиальным — слабая [27].

От этого принципа имеются, однако, некоторые отклонения.

А. В определенных случаях основа является, вопреки основному принципу, слабой, а не сильной.

1. Часть существительных с непоказательным тривиальным ударением (§ 1.10, примеч.), т. е. singularia tantum, ведет себя при словообразовании как слова маргинально-подвижного акцентного типа. Это как бы латентная (с точки зрения словоизменения) маргинальная подвижность, которая становится явной в словообразовании. Таковы, во-первых, следующие singularia tantum[28]: а) все непроизводные, содержащие (в исходной словоформе) полногласные сочетания *бóло*, *бро*, *éле*, *éре* в корне, например, *гóлод*, *хворост*, *нéрест*, *мóрось*, *зóлото*; б) слова (условно обозначенные в дальнейшем как «группа *воск*») *хлад*, *блуд*, *мрак*, *рок*, *риск*, *воск*, *лоск*, *хлам*, *срам*, *шум*, *крен*, *хрен*, *дёрн*, *тёрн*, *сап*, *мир* ‘рах’, *сор*, *тёс*, *ворс*, *форс*, *гнус*, *блат*, *фарт*, *бут*, *страх*, *смех*; *дúво*, *пúво*, *сéно*, *прóсо*, *мя́со*, *тéсто*, *брю́хо*; *сталь*, *гниль*, *лень*, *дрянь*, *дурь*, *лесть*, *грусть*. Во-вторых, следующие существительные с И. мн. на *-ья* (которые в силу § 1.7 оказываются в таком же положении, как singularia tantum): *пóлоз*, *кóлос*, *дéрево*; *ббод*, *пбвод*; *друг*, *муж*, *кум*, *сын*, *князь*, *зять*. Наконец, сюда же примыкают неизменяемые слова *сквозь* и *сплошь*. Все эти слова имеют слабую основу; более того, везде, где это может быть существенно для словообразования, эти слова в дальнейшем

---

[26] В основе наименования лежит образ силы или слабости в «борьбе» за сохранение за собой ударения.

[27] Если ударение слова колеблется между тривиальным и нетривиальным типом, основа оценивается (кроме особо оговариваемых случаев) по нетривиальному варианту, т. е. как слабая.

[28] Помимо «чистых» singularia tantum, в список включены также слова *шум*, *страх*, *сéно*, *мя́со*, *брю́хо*, *сталь*, у которых мн. число относительно более реально, чем у остальных.

считаются принадлежащими именно к маргинально-подвижному типу.

2. В особом положении находятся глаголы с односложным корнем, имеющие тривиальное ударение, например: *мáзать*, *смáзать*, *рéзать*, *разрéзать*, *стáвить*, *подстáвить*. Их полная основа, включающая тематический элемент, — сильная (в соответствии с основным принципом); отсюда такие ударения у производных, как *рéзательный*, *рéза-лка* и т. п. Но их усеченная основа (§ 1.19), т. е. оканчивающаяся корнем, — слабая; отсюда такие ударения у производных, как *смаз-нóй*, *рез-нóй*, *подстав-нóй* и т. п. Таким образом, всякая глагольная основа, оканчивающаяся односложным корнем, — слабая, независимо от акцентуации глагола. Следует учитывать только, что акцентный эффект этого правила может проявиться лишь там, где не возникло именного приставочно-корневого комплекса (в противном случае ударение производного уже определяется правилами о таких комплексах); в частности, он никогда не может проявиться перед вторичным суффиксом.

Б. У слов мужского рода со срединноударной (в И. ед.) трехсложной основой, примыкающих к маргинально-подвижному типу, например, *прожéктор*, *профéссор*, *учúтель* (условное обозначение — «группа *прожектор*»), основа сильная.

В. Следующие группы слов имеют так наз. промежуточную по силе основу (об акцентных свойствах таких основ см. § 1.33). В приводимых ниже определениях групп везде подразумевается оговорка «кроме слов, указанных в А».

1. «Группа *рак*»: непроизводные существительные мужского и женского рода с нулевым окончанием (графически нуль, *-ь*) в И. ед., имеющие односложную[29] основу и тривиальное ударение. Примеры: *рак*, *тигр*, *заяц*, *хам*, *трус*, *гнев*, *нить*, *мысль*.

2. «Группа *буйвол*»: существительные мужского и женского рода с нулевым окончанием в И. ед. (не оканчивающиеся на *ий*, *ик*, *ук* и не содержащие приставок *вы́-*, *на́-*, *су́-*), имеющие двусложную основу и тривиальное ударение на начальном слоге. Примеры: *бу́йвол*, *дья́вол*, *во́рон*, *му́скул*, *хо́хот*, *му́сор*, *за́пах*, *ме́бель*, *ру́хлядь*, *при́хоть*.

3. «Группа *якорь*»: существительные мужского рода с нулевым окончанием в И. ед., имеющие двусложную основу (но без полногласного сочетания *оло*, *оро*, *еле*, *ере*), оканчивающуюся на сонант (/л/, /л'/, /м/, /н/, /н'/, /р/, /р'/) или *с*, и маргинально-подвижное ударение, кроме слов *со́боль*, *по́вар*, *ве́чер*, *ко́зырь*. Примеры: *я́корь*, *о́кунь*, *бу́фер*, *ку́пол*, *о́рден*, *па́рус*, *а́дрес*. Сверх того, в «группу *якорь*» входят: *ка́мень*, *у́голь*, *ла́поть* (где основа содержит беглую гласную) и *па́спорт*.

Г. Инфинитивная основа (неусеченная) некорневых глаголов (например, *писа́-*, *спа-*, *сиде́-*) в словообразовании всегда выступает как сильная.

[29] Беглая гласная здесь и в последующих пунктах в счете слогов не участвует.

Замечание. У небольшого числа слов имеется та индивидуальная особенность, что все закрепленные узусом производные от них как бы образованы от основы с иной, чем в исходном слове, акцентуацией. Таковы, прежде всего: *кбло́кол*, *гбспита́ль*, *пбхоро́ны*; *же́мчуг*, *ра́зум*, *у́жас*, *вбзду́х*, *бсень*, *пе́чень*, *пбсконь*, *пре́лесть*, *за́висть*, *не́нависть*, *рбсько́шь*; также *про́тив*. Все они ведут себя при словообразовании так, как если бы имели неподвижное ударение на последнем слоге основы, ср. *колокбльный*, *жемчу́жина*, *возду́шный*, *печёнка*, *зави́стник* и т. д. Близки к этой группе также *ле́карь*, *пе́карь*, *тбкарь*, *сле́сарь*. Далее, слова *сбгол*, *свёкла* (схема *а*) проявляют себя как **сокбл*, **свекла́* (схема *b*); *мы́ло* (схема *с*), *де́ньги* (схема *е//а*) — как слова схемы *а*. Производные, опирающиеся на реальное ударение исходного слова, возможны здесь лишь в сфере окказионального словообразования по продуктивным моделям (скажем, *колоколбк*, *жемчужбк*, *свёколка*). Как показывает история, в большинстве указанных здесь случаев аномалия возникла за счет изменения акцентуации исходного слова (тогда как в производных изменения не было).

Доминантной является сильная основа, в которой корень получил свойство доминантности. Практически это возможно только в силу правила о именных комплексах (§ 1.28, А). Таким образом, деление сильных основ на доминантные и недоминантные должно производиться после действия правил об именных комплексах. Примеры доминантных основ: *нарбд-*, *нарбдн-ый*, *нарбдничеств-о*, *обнарбдова-ть*, *безвре́дн-ый*, *обезвре́ди-ть*, *унавбзи-ть*, *напрока́зи-ть*.

Классификация основ непосредственно применима также и к базовым компонентам, образованным этими основами. В целях общности целесообразно распространить предложенную классификацию также на остаточные базовые компоненты. Поскольку в этом случае нет реального слова с интересующей нас основой, при классификации нельзя использовать акцентный тип слова. Вместо этого приходится обращаться к цепи маркировок и базисному правилу. Если по базисному правилу (с необходимыми поправками там, где в маркировках есть дополнительные части) цепь маркировок рассматриваемого базового компонента дает ударение на нем самом — этот компонент считается сильным, если правее него — он считается слабым. Что касается доминантности, то она устанавливается на основе общих правил об именных комплексах (эти правила не зависят от наличия или отсутствия самостоятельного слова с рассматриваемой основой). Пример: в *бездёл-иц-а* остаточный базовый компонент *бездел-* — сильный доминантный (он равен именному приставочно-корневому комплексу).

Разумеется, указанные приемы в принципе можно применить и к реальным основам (а не только к остаточным базовым компонентам). Теоретически при этом должен получиться тот же результат, что и при учете акцентного типа соответствующего слова. Практически, однако, возможно и расхождение: реальное слово может оказаться исключением из тех или иных акцентных правил. Поскольку, как уже отмечено выше, в словопроизводстве «наследуется» реальное (хотя бы и аномальное) ударение производящей основы, акцентологическая классификация основ строится (везде, где это возможно) на учете реального ударения слова, а не теоретически ожидаемого.

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ НА СОЧЕТАЕМОСТЬ МОРФЕМ

§ 1.31. В современном русском языке действует следующее важное ограничение на сочетаемость морфем внутри словоформы: доминантный базовый компонент не может сочетаться с доминантным суффиксом, требующим постановки ударения правее базового компонента (т. е. с основной маркировкой ↓D или →D). По этой причине невозможны, например, слова: **народ-ист*, **двоебор-ист*, **беспутн-оват-ый*, **унавож-а-ть* (хотя возможны *служби́ст*, *значки́ст*, *шахмати́ст*, *щеголева́тый*, *унижа́ть* и т. п.); ср. свободную сочетаемость тех же базовых компонентов с недоминантными суффиксами: *нарбдник*, *двоебрец*, *беспу́тненький*, *унавбживать* и т. п.

Прямых исключений из данного правила ничтожно мало. Таковы: *подслепова́тый*, *подуздова́тый*, *придуркова́тый*, *продолгова́тый*; *безделу́шка*; *простолюди́н*. При этом в *подслепова́тый* явно произошло переосмысление структуры слова: из *подсле́п-ый* (почти забытое ныне слово) + *-оват-ый* оно превратилось в *под-* + *слепова́тый*, т. е. 'немного слеповатый' (где *под-* неплотно присоединено к *слепова́тый*); нечто похожее можно предполагать и для других слов на *-оватый*. Слово *безделу́шка* образовано под влиянием семантически сходных *погрему́шка*, *побряку́шка* (где приставочно-корневой комплекс глагольный, следовательно, недоминантный). Относительно соединения доминантных основ с суффиксом *-анин* (обладающим неустойчивой доминантностью) см. § 1.69.

Принцип несовместимости доминантного базового компонента с доминантным суффиксом имеет большое значение для всей русской словообразовательной системы. Этот принцип делает необходимым существование в языке большого числа недоминантных суффиксов, поскольку именные морфемные комплексы, представленные в русской лексике очень широко, могут сочетаться только с такими суффиксами. Тем самым создается сильный противовес общей тенденции к приобретению суффиксами доминантности, наблюдаемой в истории русского языка (ср. § 4.6). В результате складывается характерная для современного русского языка специфическая ситуация, когда практически для каждого доминантного суффикса имеется по меньшей мере один синонимичный ему недоминантный. Так, например, при доминантном суффиксе вторичных имперфективов *-а-ть* (*унижа́ть* от *уни́зить*, *повреждать* от *повреди́ть* и т. д.) имеется синонимичный недоминантный суффикс *-ыва-ть*, который дает возможность образовать аналогичные производные (*унавбживать*, *обезвре́живать*) также от *унавбзить*, *обезвре́дить* и т. п., где основа доминантна. Ср. еще, например: *правди́ст*, но *сменове́ховец*; *велосипеди́ст*, но *пулемётчик*; *раси́ст*, но *нарбдник*; *бандити́зм*, но *злодея́ство*; *цвета́стый*, но *порбдистый*; *глухота́*, но *беззу́бость*, *косогла́зие*. Разумеется, в приведенных парах выбор суффикса определяется не только акцентными свойствами базового компонента; правила

выбора везде более сложны. Для нас существенно лишь то, что во всех этих случаях язык обеспечивает возможность выражения соответствующего значения как при обычном, так и при доминантном базовом компоненте.

Таким образом, в современном русском языке совершенно избыточная на первый взгляд множественность суффиксов, передающих одно и то же словообразовательное значение, по крайней мере в части случаев оправдывается потребностями акцентной системы.

ПОЭТАПНЫЕ ПРАВИЛА ОПРЕДЕЛЕНИЯ АКЦЕНТУАЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

§ 1.32. Поэтапные правила предполагают, что деривационная история любого производного представлена в виде последовательности шагов, на каждом из которых к корню или к основе (т. е. некоторой последовательности морфем, включающей корень) присоединяется один аффикс (в случае словосложения вместо аффикса выступает вторая основа[30]). Существенно то, что для такого представления необходимо отказаться от используемого в определенных случаях в морфологии понятия одновременного присоединения к корню (основе) двух или более морфем справа и слева (так наз. префиксально-суффиксальный способ, например, *безлошáдный*, *обессáхарить*, сочетание сложения с суффиксацией, например, *разноязы́чный*, и другие комбинации; см., в частности, АГ-70, с. 41—42). Все случаи такого рода для акцентологических целей должны быть представлены в виде цепи последовательных бинарных соединений[31]. Практически мы исходим из того, что первым по порядку шагом, как правило, является соединение приставки с именной основой (или соединение двух именных основ), например, *без-* + *лошад-*, *без-* + *сахар-*, *разно-* + *язык-*; лишь на следующем шагу (или шагах) присоединяются прочие аффиксы. Иначе обстоит дело лишь в глаголах со структурой типа *о-слав-и-ть*, *о-чист-и-ть*: здесь на первом шагу образуется основа отыменного глагола (*слави-*, *чисти-*), а приставка присоединяется позже. Таким образом, например, основы слов *обесчéстить*, *обессáхарить*, имеют, с акцентологической точки зрения, структуру *о-*((*бес-чест*)*-и*)*-*, *о-*((*бес-сахар*)*-и*)*-*.

Между соединяемыми морфемами иногда могут выступать так наз. соединительные (или вставные) элементы; их включение не рассматривается как отдельный шаг деривации. В некоторых случаях конечная часть производящей основы (иногда равная отдельному морфу, иногда морфологически невыделимая) в производном отсутствует (так наз. усечение). С акцентологической точки зрения некоторые регулярные случаи этого типа оказывается целесообразным

---

[30] Главной основой при этом считается правая, а присоединяемой — левая.

[31] Это, разумеется, не означает, что нужно менять трактовку этих типов производных слов в собственно морфологическом описании.

описывать в терминах замены одного суффикса другим (см. § 1.38). Акцентологическое описание через замену одной морфемы на другую применяется также для большинства неличных форм глагола.

Используемая на отдельном шагу деривации основа обычно является основой некоторого реального слова. Но возможен также случай, когда такого слова не существует; в частности, это нередко бывает с приставочно-корневыми комплексами. Например, основа слова *безлошáдный* получена в два шага (ср. выше): 1) *без-* и *лошад-* соединяются в приставочно-корневой комплекс *безлошад-*; с акцентологической точки зрения это сильная доминантная основа с ударением на последнем слоге (см. § 1.28, А), но соответствующего реального слова нет; 2) основа *безлошад-* соединяется с суффиксом *-н-*.

При неплотном присоединении (§ 1.4) аффикса или дополнительной основы никаких изменений в акцентных свойствах главной основы не происходит; присоединенная часть может получать второстепенное ударение (но вопрос о том, когда именно это происходит, в настоящей работе не рассматривается и должен решаться обращением к словарю; см., в частности, АО и Грамм.). В дальнейшем мы рассматриваем уже только плотное присоединение.

Излагаемые ниже поэтапные правила состоят в том, что для каждого из возможных типов единичных шагов деривации указывается, как из акцентных свойств двух соединяющихся компонентов вытекают акцентные свойства полученной на этом шагу деривации основы. Исходными данными являются: для аффиксов — их маркировки; для основ — их разделение на сильные, слабые и промежуточные, для сильных также на доминантные или недоминантные (§ 1.29—30); в особых случаях используются также некоторые дополнительные сведения о производящем слове. Результатом действия правил является указание акцентного типа полученной основы (по той же классификации), для сильных основ — также места ударения внутри основы. О том, как на основании этих данных восстанавливается акцентуация всей парадигмы слова, см. § 1.18.

§ 1.33. При присоединении с л е в а образуется морфемный комплекс; его акцентуация подчиняется правилам § 1.28.

При присоединении с п р а в а, т. е. суффиксации, правила таковы. При соединении базового компонента (который, в частности, может быть равным корню) с суффиксом ударение может оказаться привязанным либо к первому, либо ко второму; выбор определяется по табл. 2.

Промежуточные по силе основы (не упомянутые в табл. 2) обладают следующими свойствами. Если суффикс содержит ←, то они ведут себя как сильные недоминантные. Если суффикс содержит ↓ или →, то их поведение определяется прагматическим фактором (§ 1.5), а именно: если производное является освоенным, они ведут себя как слабые, если неосвоенным — как сильные недоминантные (примеры см. в § 1.50).

Таблица 2

Ударение суффиксальных производных

<table>
<tr><td colspan="2" rowspan="3">Базовый компонент</td><td colspan="3">Основная маркировка суффикса</td></tr>
<tr><td colspan="2">с D</td><td rowspan="2">без D</td></tr>
<tr><td>↓D, →D</td><td>←D</td></tr>
<tr><td rowspan="3">сильный</td><td>доминантный</td><td>такое соединение невозможно (§ 1.31)</td><td>ударение привязано к суффиксу</td><td rowspan="2">ударение привязано к базовому компоненту</td></tr>
<tr><td>недоминантный</td><td colspan="2" rowspan="2">ударение привязано к суффиксу</td></tr>
<tr><td colspan="2">слабый</td><td>ударение привязано к суффиксу</td></tr>
</table>

Если ударение привязано к базовому компоненту, полученная производная основа сильная (ее доминантность или недоминантность такая же, как у базового компонента); место ударения внутри основы — такое же, как в базовом компоненте. Иначе говоря, в этом случае присоединение суффикса не меняет ни места ударения, ни акцентного типа производящей основы.

Если ударение привязано к суффиксу, акцентуация производной основы определяется наличием ↓, ← или → в маркировке суффикса, а именно:

при ↓ ударение падает на сам суффикс [32]; производная основа сильная недоминантная;

при ← ударение падает на ближайшую к суффиксу гласную слева [33]; производная основа сильная недоминантная;

при → производная основа слабая; производное слово имеет нетривиальное ударение (подробнее см. § 1.18).

§ 1.34. Если в маркировке суффикса, кроме основной части, имеется еще и дополнительная, то в полученный по общему правилу результат вносятся определенные поправки. Ниже указано, какую поправку вызывает каждый из дополнительных символов.

Init («начальное ударение»). Символ встречается только при основной маркировке ← D и вызывает ударение на начальном слоге производной основы (вместо ближайшей к суффиксу гласной слева). Пример: суффикс *-ень* ← D Init от комплекса *пере-верт-* дает *пе́ревертень* (а не **перевёртень*).

Monosyll («ударение требует поправки при односложности базового компонента»): всякий недоминантный односложный базовый

[32] Если суффикс двусложный — на место, куда приписана маркировка, если неполновокальный — на ближайшую к точке маркировки гласную слева.

[33] Если таковой нет — на первый слог производной основы.

компонент (не остаточный) трактуется как слабый. Пример: суффикс *-арь* (отыменный) → Monosyll от слова *пу́шка* дает *пушка́рь*, *-я́* (а не **пу́шкарь*); ср. *апте́карь* от *апте́ка*.

Polysyll («ударение требует поправки при неодносложности базового компонента»): если ударение привязано к суффиксу, а базовый компонент неодносложен (кроме случая, когда он двусложен за счет того, что корень или приставка содержит полногласное сочетание *оло*, *оро*, *еле*, *ере*), ударение в производной основе падает на слог левее, чем было бы без данной пометы; в частности, вместо ударения на окончаниях выступает ударение на последнем слоге основы. Пример: суффикс *-ц-о/е* → Polysyll от слова *окно́* дает *око́нце* (а не **оконцо́*); ср. *винцо́* от *вино́*.

Marg («суффикс становится правоударным при маргинальной подвижности у производящего слова»): если производящее слово относится, хотя бы факультативно, к маргинально-подвижному акцентному типу, суффикс с маркировкой ↓ или ← ведет себя как при маркировке →. Пример: суффикс *-н-* (в отыменных относительных прилагательных) ← Marg от *лес* дает *лесно́й* (а не **ле́сный*).

Triv («маргинально-подвижное ударение производящего слова трактуется как тривиальное»): если производящее слово — это существительное маргинально-подвижного акцентного типа, имеющее в исходной словоформе ударение на основе, то это производящее слово трактуется как имеющее тривиальное ударение (при той же исходной словоформе). Одновременно помета Triv требует трактовки всех промежуточных по силе основ как сильных. С практической точки зрения, маркировка ↓ Triv дает в производном ударение, колонное с Р. ед. исходного существительного. Пример: суффикс *-ов* (в притяжательных прилагательных и фамилиях) ↓ Triv от *нос*, *го́лубь* дает *Но́сов*, *Го́лубев*.

Deox («флексионное ударение производящего слова трактуется как тривиальное»): если в производном слове базовый компонент неодносложен, а производящее слово — это существительное мужского рода флексионного акцентного типа, то это производящее слово трактуется как имеющее тривиальное ударение (при основе, равной исходной словоформе). С практической точки зрения, маркировка ↓ Deox дает в производном ударение, колонное с И. ед. исходного существительного. Пример: суффикс *-и-ть* ↓ Deox от слова *батра́к*, *-а́* дает *батра́чить*, от *песо́к*, *пеcка́* — *песо́чить*.

МАРКИРОВКИ ПРИСТАВОК

§ 1.35. Приставки *вы-* и *па-* (а также *не-* в составе неопределенных и отрицательных местоимений и наречий) имеют маркировку ↓; все прочие (например, *на-*, *по-*, *пред-*, *пере-*, *не-* [обычное], *недо-*, *в-*, *с-*) имеют →.

Замечание. У приставок *пра-* и *су-* отмечаются следы акцентного поведения, соответствующего маркировке ↓; см. § 1.28, пункт AI.

МАРКИРОВКИ СУФФИКСОВ

§ **1.36.** В приводимые ниже перечни включены простые (т. е. одноморфные) суффиксы, кроме самых редких [34], а также некоторые составные (многоморфные). Бóльшая часть составных суффиксов с акцентологической точки зрения несамостоятельна, т. е. они дают в точности тот же акцентологический эффект, что и последовательность простых суффиксов, с которой они внешне совпадают. Такие составные суффиксы приравниваются в акцентологическом описании к последовательности простых и, соответственно, в списках маркировок, как правило, отсутствуют.

Омонимичные суффиксы с одинаковой маркировкой могут быть даны без разделения. Там, где омонимичные суффиксы разделены, при них даются краткие уточнения (не претендующие на строгость), предназначенные лишь для того, чтобы различить омонимы, например: «отыменное», «названия женщин» и т. п.; особо отметим, что в числе таких ярлыков возможны также пометы «исконное» и «заимствованное» (ср., например, *свин-ин-а* и *синьор-ин-а*). Разделение на суффиксы-омонимы в ряде случаев проведено не совсем так, как принято в морфологических описаниях (но в бóльшем соответствии с акцентными свойствами). Условная формула «все значения» охватывает как разные словообразовательные значения, передаваемые одним суффиксом, так и суффиксы-омонимы.

Суффиксы существительных для недвусмысленности приводятся вместе с окончанием И. ед., например: *-иц-а*, *-ств-о* (в мужском роде соответствующим сигналом является отсутствие правого дефиса, например: *-ик*, *-тель*); суффиксы глаголов — с инфинитивным *-ть*, например: *-а-ть*. Суффиксы прилагательных приводятся в чистом виде, например: *-н-*, *-ов-*, *-ин-*; при этом суффиксы притяжательных прилагательных отличаются тем, что не имеют правого дефиса: *-(и)j*, *-ов*, *-ин*.

Суффиксы, как правило, даются в обычном орфографическом виде (кроме некоторых трудных случаев); при этом варьирование, связанное с твердостью—мягкостью предшествующей согласной, не отражается, например: *-ун*, *-ов-* (без упоминания о *-юн*, *-ев-*). С начальными *и*, *е*, *ё*, *я*, *ю* записываются только суффиксы, вызывающие смягчение предшествующей твердой согласной, например, *-иц-а*, *-ёр*, *-ян-*.

В неодносложном самоударном суффиксе знаком ударения показана та гласная, к которой приписана маркировка суффикса (иначе говоря, гласная, которая несет ударение в случае, когда оно привязано к данному суффиксу).

---

[34] Включать суффиксы, представленные всего в одном или нескольких словах, в общий список нецелесообразно: техника маркировок в этом случае не дает в сущности никакой экономии по сравнению с прямым перечислением производных; между тем список сильно разросся бы.

Сращенные суффиксы

§ 1.37. Особую трудную проблему для акцентологического описания составляет трактовка последовательностей из двух или более суффиксов (или суффиксоподобных морфов). Следует различать морфологический и акцентологический аспекты этой проблемы.

С морфологической точки зрения различаются простой контакт двух суффиксов (например, *-ник* и *-их-а* в *двбрничиха*) и их с р а щ е н и е в особую морфологическую единицу (например, *-овин-а* в *клейкови́на*). Эта морфологическая единица рассматривается как самостоятельный суффикс, если она обладает своим особым значением, или как алломорф соответствующего простого суффикса, если она не отличается по значению от этого суффикса (ср., например, *волóвина* и *кони́на*). Главным морфологическим основанием для признания сращений служит невозможность предложить для слова поэтапную деривационную историю из-за отсутствия промежуточного звена (например, прилагательного **клейковóй* или **клейкóвый* для слова *клейкови́на*) или семантическая неестественность поэтапной деривационной истории (так, значение слов *решéние*, *спасéние* и т. д. неестественно выводить из значения страдательных причастий *решён*, *спасён* и т. д.). К сожалению, вопрос о том, следует ли трактовать некоторую цепочку морфов как сращение, не всегда простой даже применительно к отдельному слову, чрезвычайно усложняется, когда рассматривается сразу вся совокупность слов с данной цепочкой морфов. Следует ли из-за наличия бесспорно сращенного *-овин-а* в *клейкови́на* признавать такое же сращение также и в *белкови́на*, хотя здесь имеется прилагательное *белкóвый*? С практической точки зрения, оба возможных решения имеют свои преимущества и свои недостатки, и неслучайно, что практика описания здесь колеблется.

С акцентологической точки зрения тоже необходимо различать простой контакт двух суффиксов и их сращение; однако разграничение этих двух случаев часто оказывается здесь иным, чем в морфологии. Акцентологическое сращение необходимо признать, в частности, в тех случаях, где противоположная (т. е. поэтапная) трактовка предписывала бы для производных не то ударение, которое они фактически имеют. Например, ударение слов *промысловúк*, *оптовúк*, *портовúк*, *почтовúк*, *пуховúк*, *стендовúк*, *плановúк*, *кадровúк*, *массовúк* и ряда других не объясняется, если исходить из присоединения суффикса *-ик* (маркировка →) к адъективной основе с *-ов-*: в этом случае ожидались бы **промыслóвик*, **оптóвик*, **стéндовик*, **плáновик* и т. д. Чтобы объяснить фактическое ударение, мы должны признать здесь «сращенный» суффикс *-овик* с маркировкой → Monosyll и исходить из непосредственного присоединения этого суффикса к субстантивной основе (*промысл-*, *опт-* и т. д.). Заметим, что с морфологической точки зрения, напротив, специальных оснований для выделения сращенного суффикса *-овик* нет (по крайней мере, для рассмотренных здесь случаев).

Сращенные (с акцентологической точки зрения) суффиксы делятся на два типа: так наз. поглощающие и так наз. непоглощающие (имеется в виду «поглощение» или «непоглощение» сращенным суффиксом конечного суффикса исходного слова). Пусть имеется сращенный суффикс вида s_1s_2, где s_1 и s_2 — подвергшиеся сращению суффиксы (например, *-ов-* и *-ик* в составе *-овик*). Для производных с основой вида as_1s_2 (где a — некоторая морфема или цепочка морфем) различаются два случая: 1) существует слово с основой as_1[35] (скажем, *пухо́вый* при *пухови́к*); 2) такого слова не существует (как, например, для производного *большеви́к*).

П о г л о щ а ю щ и м называется такой суффикс вида s_1s_2, который требует (для правильного предсказания акцентуации производных) разложения основ вида as_1s_2 на $a + s_1s_2$ (а не на $as_1 + s_2$, даже если слово с основой as_1 существует). Как видно из предшествующего разбора, суффикс *-овик* является именно поглощающим: он требует, например, для *пухови́к* анализа *пух-* + *-овик*, а не *пухо́в-* (*ый*) + *-ик*. Сращенный суффикс, не обладающий указанным свойством, называется н е п о г л о щ а ю щ и м. Практически мы будем исходить для всех непоглощающих суффиксов из того, что если слово с основой as_1 существует, то членение основы as_1s_2 на $as_1 + s_2$ является не просто возможным, а обязательным. У некоторых сращенных суффиксов поглощающий эффект есть, но не везде. Такие суффиксы в описании отнесены к тому типу, к которому они ближе, а отклонения от чистого типа отмечены.

П р и м е ч а н и е. У поглощающих сращенных суффиксов с начальным *-ов-* поглощающий эффект не распространяется на опорное *-ов-* (§ 1.27); например, *Поднепро́вье* с акцентологической точки зрения представляет собой *Поднепров-* + *-j-е*, а не *Поднепр-* + *-ов'j-е* (в последнем случае ожидалось бы ударение **Подне́провье*).

Заменительные суффиксы

§ 1.38. С акцентологической точки зрения (как, впрочем, и с некоторых других) целесообразно рассматривать некоторые суффиксальные производные не как результат обычного соединения основы исходного слова с суффиксом, а как результат замены одной морфемы на другую (суффикса на суффикс или окончания на суффикс). Словоформу, используемую для такой замены, можно назвать в этом случае «опорной». Примеры: суффикс *-ущ-* в *бегу́щий* рассматривается как заменитель окончания *-ут* в словоформе *бегу́т*; *-ик* в *со́чник* — как заменитель окончания *-ый* в *со́чный*; *-ец* в *гбрец* — как заменитель суффикса *-ск-* в *гбрский*.

Указанный способ включения суффикса в основу мы будем называть з а м е н и т е л ь н ы м — в отличие от обычного, или а д-

[35] При этом как s_1, так и a должны быть полноценными (не остаточными); например, *суро́вый*, *дешёвый* (где *сур-*, *деш-* — остаточные морфы) не подходят.

дитивного, способа. Один и тот же суффикс может употребляться в одних производных аддитивно, в других — заменительно. Ниже для краткости мы будем говорить просто об аддитивных и заменительных суффиксах, имея в виду разные способы использования одних и тех же суффиксов.

Смысл описываемой трактовки состоит в том, что она позволяет существенно упростить акцентологическое описание. Так, трактовка причастного суффикса *-ущ-* как заменительного позволяет в сущности свести его акцентологическое описание к простой отсылке (к форме 3 мн. презенса). Между тем, если рассматривать этот суффикс как аддитивный, то для правильного отображения его акцентных свойств пришлось бы усложнить сам аппарат акцентологического описания: введенной выше системы маркировок для этого было бы недостаточно. То же верно и для суффиксов ряда других неличных форм (при этом существенно, что разные суффиксы потребовали бы не одного и того же усложнения исходного аппарата, а разных). Трактовка слова *гóрец* как полученного заменительным способом из *гóрский* позволяет легко объяснить его корневое ударение, тогда как прямое соединение основы слова *гора́* и суффикса *-ец* должно было бы дать **горе́ц* (т. е. ударение *гóрец* пришлось бы считать исключением).

Специально отметим, что для заменительных суффиксов, вообще говоря, не требуется, чтобы на сегментном уровне речь шла о простой подстановке; например, при замене *кручу́* на *крутя́щий* не совпадают алломорфы корня. Существенно лишь, чтобы соблюдалась акцентологическая сторона замены.

Заменительные суффиксы, как и аддитивные, могут иметь различные маркировки, а именно, ↓, ← или → (доминантных заменительных суффиксов нет). Ударение производного с заменительным суффиксом устанавливается так. Часть опорной словоформы [36], стоящая слева от заменяемой морфемы (например, *бег-* в *бегу́т*, *гóр-* в *гóрский*), играет роль производящей основы — сильной, если ударение падает на эту часть, слабой — если оно падает правее ее. Акцентный результат ее соединения с суффиксом определяется по общему правилу (§ 1.33). Практически это значит, что если в опорном слове (словоформе) ударение стоит левее заменяемой морфемы, то в результирующем производном это ударение сохраняется (точнее: падает на тот же слог по счету от начала); в противном случае ударение определяется маркировкой суффикса.

Таким образом, заменительные суффиксы отличаются от аддитивных в сущности лишь тем, что они присоединяются не к основе исходного слова, взятой в ее обычном виде и с обычной акцентной характеристикой, а к некоторому отрезку, извлеченному из опорной словоформы, который хотя и похож на основу исходного слова (или

[36] Если замене подвергается суффикс, опорной считается исходная словоформа соответствующего слова, например, *гóрский*.

даже совпадает с ней), но может обладать иной акцентной характеристикой. В остальном заменительный суффикс имеет обычные свойства, определяемые его маркировкой.

СПИСКИ СУФФИКСОВ С МАРКИРОВКАМИ

§ 1.39. Суффиксы перечисляются ниже по акцентным классам, т. е. в соответствии с основной маркировкой (но самые сложные в акцентологическом отношении суффиксы выделены в особый раздел: § 1.56—69). Внутри класса раздельно даны суффиксы существительных, прилагательных, глаголов. Порядок перечисления суффиксов внутри группы — в большинстве случаев обратный алфавитный (при установлении порядка обозначения мягкости — ь или ’ — в расчет не принимаются).

Первичные суффиксы специально отмечены; все неотмеченные суффиксы являются вторичными. Специально отмечены также все сращенные поглощающие суффиксы (поскольку это непосредственно важно для применения акцентных правил); напротив, сращенные непоглощающие суффиксы могут никак специально не отмечаться.

Заменительное употребление суффикса вводится формулой «заменительное, вместо *X*», т. е. как замена морфемы *X*. Если не оговорено иное, то верно, что данный суффикс выступает как заменительный везде, где имеется соответствующее слово с морфемой *X*.

Ради краткости в примерах обычно не указывается производящее слово и его акцентные характеристики; предполагается, что читатель сам восстановит эту информацию. В различных списках бесприставочные глаголы представляют (если не оговорено иное) также соответствующие приставочные. В списках исключений не принимаются в расчет слова, полученные неплотным присоединением каких-либо элементов (например, *не-*, *само-*, *авто-* и т. п.) к другому слову (§ 1.4).

Маркировка суффикса непосредственно обеспечивает установление акцентуации: у существительных — во всей парадигме, у прилагательных — в полных формах, у глаголов — в инфинитиве и в прочих формах претеритной субпарадигмы. Ударение кратких форм прилагательных и презенса глаголов выводится из этих данных по общим правилам об ударении в словоизменении (см. также § 1.16—18).

Списки различного рода составлены в объеме Обр. (иногда с небольшими добавлениями из Грамм.); при этом, однако, могут быть опущены слова, зафиксированные только в БАС и/или у Ушакова, а также любые слова, имеющие во всех словарях, где они содержатся, пометы «устаревшее», «областное» или «просторечное». Сведения о степени нормативности тех или иных вариантов, как правило, даются в соответствии с Грамм.

При распределении суффиксов по акцентным классам особую трудность составляют суффиксы, для которых в зафиксированной

словарями лексике нет материала, позволяющего отличить доминантность от недоминантности. В этом случае для решения вопроса использовались потенциальные слова, т. е. проводился эксперимент по окказиональному словообразованию. Так, например, для суффикса *-оньк-а* словари дают только производные со слабым (*голо́вонька*, *тра́вонька*) или с сильным конечноударным (*берёзонька*, *ма́монька*) базовым компонентом; соответственно, маркировка здесь может быть ← или ← D. Однако эксперимент с производящими словами типа *я́года*, *ста́роста* дает совершенно однозначный результат: носители русского языка либо отказываются произвести нужное слово, либо дают ударение *я́годонька*, *ста́ростонька* (хотя и называют получившееся слово «искусственным», «вычурным» и т. п.); в то же время все они категорически отрицают возможность ударения **ягóдонька*, **старóстонька*. Таким образом, суффикс *-оньк-а* обнаруживает свой недоминантный характер. Рассмотренный пример показывает также, что выяснение «истинной» маркировки суффикса отнюдь не является чисто формальным занятием: очевидно, что одинаковая реакция носителей русского языка отражает здесь одинаковость соответствующего морфонологического механизма, входящего в состав общего владения русским языком.

В тех случаях, когда подобный эксперимент не дает результата (например, в связи с полной непродуктивностью суффикса), двусмысленный суффикс такого рода оценивается ниже как недоминантный. Иначе говоря, мы исходим из того, что маркированным свойством, наличие которого должно быть специально доказано, является доминантность.

Доминантные суффиксы

§ 1.40. С акцентологической точки зрения, доминантные суффиксы — самые простые. Поэтому ниже мы ограничиваемся немногими примерами (даже не для всех суффиксов; слово «например» для краткости опущено); в основном даются примеры с сильным базовым компонентом, чтобы был непосредственно виден доминантный характер суффикса.

Среди доминантных суффиксов значительную часть составляют заимствованные. Они перечисляются ниже отдельно от исконных, поскольку они обладают специфическими морфонологическими свойствами, главные из которых — высокая частота соединения с остаточными базовыми компонентами (ср. *лок-а́ция*, *аг-е́нт*, *фен-бл* и т. п.) и особая система чередований. Соответственно, в этой сфере затруднительно провести четкую границу между полноценными суффиксами и суффиксоподобными элементами, не имеющими четкого самостоятельного значения (например, *-ус*, *-инг*); не вполне ясен также морфологический статус таких единиц, как *-лог*, *-олог*, *-метр*, *-ометр*. С точки зрения основных задач настоящей книги эта проблематика является периферийной; поэтому ниже мы не занимаемся

разбором этих сложных вопросов, а в списки заимствованных суффиксов включаем лишь бесспорные (и притом не слишком редкие) суффиксы.

Основная маркировка ↓ D

§ 1.41. Суффиксы существительных. Исконные: 1) обширная группа первичных[37] суффиксов экспрессивного характера, образующих существительные общего или женского рода, с общей структурой «гласная + *к*, *г*, *х*, *ш*, *л'* или *н'*»: *-аг-а*, *-ыг-а*, *-яг-а*, *-ак-а*, *як-а*, *-ык-а*, *-юк-а*, *-ул-я*, *-юл-я*, *-ан-я*, *-он-я*, *-ун-я*, *-ах-а*, *-ох-а*, *-ёх-а*, *-ух-а*, *-уш-а* (*хапу́га*, *работя́га*, *забия́ка*, *капризу́ля*, *мама́ня*, *пройдо́ха*, *нескладёха*, *потаску́ха*); сюда же *-ашк-а* (*замара́шка*, *рюма́шка*); 2) сращенные поглощающие суффиксы *-изи́рова-ть* (первичный; *идеализи́ровать*), *-иро́вка* (первичный; *регулиро́вка*, *перебалотиро́вка*), *-иро́вщик* (*регулиро́вщик*, *проектиро́вщик*), *-овн-я* (названия помещений; *кожёвня*, *харчёвня*, *часо́вня*), *-ирова́л-* (*копирова́льный*, *копирова́льщик*), *-о́вич* (в фамилиях: *Абрамо́вич*, *Григо́рович*); 3) *-ей* (*богате́й*, *грамоте́й*), *-ик-а* (в названиях ягод; *клубни́ка*, *ежеви́ка*), неласкательное *-ушк-а* (первичный суффикс; *погрему́шка*, *побряку́шка*, *каду́шка*, *корму́шка*) и ласкательно-пренебрежительное *-ушк-а* (*речу́шка*, *гору́шка*, *собачу́шка*, *комнату́шка*, *сараю́шка*); ср. ласкательно-почтительное *-ушк-а* с маркировкой ←(§ 1.53; *ре́чушка*, *го́рушка*, *соба́чушка*, *ма́тушка*, *лебёдушка*); 4) *-ан* (*велика́н*, *старика́н*, *политика́н*, *горла́н*, *брата́н* и т. д. — схема *а*); но отклоняются *кожа́н*, *пуза́н* (схема *b*), колеблется *брюха́н* (*брюха́на* // *брюхана́*). Далее, маркировку ↓ D имеют морфы *-ён-* (в составе *-ён-ок*, *-ён-ыш*, *-ён-к-а*, ср. *цыганёнок*, *утёныш*, *работёнка*), *-ят-* (в *-ят-а*, *-ят-ин-а*, *-ят-н-я*, *-ят-ник* и др., ср. *страуся́та*, *медвежа́тина*, *лягуша́тник*).

Доминантностью обладает также морф *-и-* (первичный), выступающий в *-и-л-*, *-и-тель* и более длинных составных суффиксах (об отличии этого *-и-* от тематического *-и-* см. § 1.20); ср. *мази́ла*, *мери́ло*, *морози́лка*, *пари́лка*, *пари́льня*, *плави́льник*, *плави́льщик*, *граби́тель*, *изготови́тель*, *ограничи́тель*, *вытрезви́тель*, *скази́тель*, *попечи́тель*, *превосходи́тельство*. Морф *-и-* участвует в образовании не только существительных, ср. *гради́льный*, *краси́льный*, *служи́лый*, *расти́тельный*, *ознакоми́тельный*, *действи́тельный*. Однако в современном языке еще сохраняется некоторое число слов, где данный морф ведет себя как недоминантный (т. е. в соответствии со своим древним статусом): *ва́бильщик*, *сла́вильщик*, *утю́жиль-щик*, *-ный*, *па́ри́льщик*, *ба́грильщик*, *ме́ри́льщик*, *чи́стильщик* (но разг. *чисти́ль-*

[37] Примеры, доказывающие первичность (*задава́ка*, *выпивоха*, *втиру́ша* и т. п.), реально имеются не для всех суффиксов группы; но эти суффиксы столь однотипны, что естественно признать первичность свойством всей группы.

щик), *па́рилка* (технич.), *чи́стилка*, *мно́жи-тель*, *-тельный*, *дви́житель*; кроме того, опростившиеся *пра́вило* и *пра́вильный* (ср. прозрачные по членимости *прави́ло* 'линейка', 'колодка', 'хвост у борзой' и *прави́льный* — от *прави́ло* и от *пра́вить*). Отметим, что во всех этих случаях исходный глагол относится к несовершенному виду; тем самым *-и-* отчасти сближается с *-им-* и *-ение* (§ 1.67).

Далее, к классу ↓ D относится большинство заимствованных суффиксов: 1) первичные[38] *-а́ци-j-а*, *-и́ци-j-а*, *-изм*, *-ист*; 2) *-ад*, *-ад-а*, *-оз*, *-а́рий*, *-о́рий*, *-е́нци-j-а*, *-ал*, *-ол*, *-ин* (вещество), *-ио́н*, *-оне́р*, *-ир*, *-а́тор*, *-и́тор*, *-ур-а*, *-ис-а*, *-есс-а*, *-ат*, *-ат-а*, *-ет*, *-ите́т*, *-ит*, *-ант*, *-ент*, а также ряд более редких; ср. *канализа́ция*, *бандити́зм*, *пушкини́ст*, *лимона́д*, *колонна́да*, *сцена́рий*, *персона́л*, *метано́л*, *кофеи́н*, *лампио́н*, *бригади́р*, *реформа́тор*, *агенту́ра*, *принце́сса*, *чемпиона́т*, *генералите́т*, *банди́т*, *квартира́нт*, *рецензе́нт*. Значительная часть этих суффиксов может выступать также в соединении с различными дополнительными морфами (*-из-*, *-фик-* и др.), например, *-из-а́ци-j-а*, *-фик-а́ци-j-а*, *-из-а́тор* и т. п.

Суффиксы прилагательных. Исконные: *-ав-*, *-ляв-*, *-ю́сеньк-*, *-е́шеньк-*, *-е́хоньк-*[39], *-ин-*, *-енн-* (усилительное), *-ат-*, *-ова́т-*, *-ит-*, *-ови́т-*, *-аст-*, *-уч-* (первичный суффикс), *-яч-* (отглагольное; первичный суффикс), *-яч-* (отыменное), *-ущ-*, *-ющ-* (усилительные), ср. *велича́вый*, *костля́вый*, *малю́сенький*, *здоровёхонький*, *соколи́ный*, *крыси́ный*, *лягуши́ный*, *толсте́нный*, *морда́тый*, *коса́тый*, *витиева́тый*, *жуликова́тый*, *замыслова́тый* (от *за́мысел*), *трещинова́тый*, *знамени́тый*, *глянцеви́тый*, *ядови́тый*, *грива́стый*, *горла́стый*, *плаку́чий*, *царапу́чий*, *вися́чий*, *доезжа́чий*, *лягуша́чий*, *здорову́щий*, *хитрю́щий*; ср. еще *сутулова́тый*, *нарочи́тый* (с опростившимися базовыми компонентами). В случаях типа *клеёнчатый*, *рису́нчатый*, *кле́тчатый*, *весну́шчатый* мы имеем дело не с *-ат-*, а с *-чат-* (маркировка ←), поскольку последнее обладает поглощающим эффектом, см. § 1.54.

Суффикс *-ив-* также имеет маркировку ↓ D (*правди́вый*, *плакси́вый*, *фальши́вый* и т. д.; сюда же *молчали́вый*, *гордели́вый*, *терпели́вый*, ср. § 1.48, о суффиксе *-лив-*); но от нее есть некоторые отступления (где сохраняется прежний недоминантный характер суффикса): *ми́лостивый*, *юро́дивый* (ср. нелитер. *юроди́вый*), *незло́би́вый*, также устар. *много-*, *сладкоглаго́ливый*. Слова на *-люби́вый* (*человеколюби́вый*, *жизнелюби́вый* и т. п.) с акцентологической точки зре-

---

[38] Заметим, что признаки первичности проявляются здесь лишь в очень слабой форме: *перерегистра́ция*, *передислока́ция* и т. п. (но другие приставки, кроме *пере-*, в словарях не отмечены); *отзов-и́зм*, *-и́ст*, *уклон-и́зм*, *-и́ст*, *наплеви́зм* (ср. *отзову́*, *уклонюсь*, *наплева́ть*).

[39] В *-ю́сеньк-*, *-ёшеньк-*, *-ёхоньк-* маркировка ↓ D в сущности принадлежит морфам *-ю́с-*, *-ёх-* (*-ёш-*), а *-еньк-*, *-оньк-* здесь то же самое, что в § 1.54 (для полных форм) и § 1.48 (для кратких форм). Заметим, что с сильными основами эти суффиксы соединяются с трудом (ср. потенциальные *суровёхонек*, *красивёхонек*).

ния имеют неплотно присоединенную начальную часть. См. также выше об *-и-ль-н-*, *-и-тель-н-*.

Из числа заимствованных маркировку ↓ D имеют первые морфы в составных суффиксах *-и́ч-еск-*, *-ич-н-*, *-ан-ск-*, *-иа́н-ск-*, *-ив-н-*, *-оз-н-*, *-аль-н-*, *-а́бель-н-*, *-он-н-*, *-ар-н-* и некоторых более редких; ср. *мифи́ческий*, *дифтонги́ческий*, *дипломати́чный*, *республика́нский*, *мальтузиа́нский*, *спорти́вный*, *религио́зный*, *колониа́льный*, *транспорта́бельный*, *революцио́нный*, *дисциплина́рный*. При этом суффиксы *-ич-еск-*, *-ич-н-* обладают поглощающим эффектом по отношению к суффиксам *-ик* (заимствованное), *-ик-а* (заимствованное): *лири́ческий*, *лири́чный* (ср. *ли́рик*, *ли́рика*), *хими́ческий* (ср. *хи́мик*), *геральди́ческий* (ср. *гера́льдика*); однако *со́бственнический*, *пря́ничный*, *у́личный* (где суффиксы исконные).

Маркировку ↓ D имеют также первые морфы в *-ий-ск-*, *-ей-ск-*, *-ий-н-*, *-ей-н-*, причем они поглощают *-ij-*, *-ej-* (любого происхождения) в конце производящей основы (даже если эти *-ij-*, *-ej-* являются не полноценными суффиксами, а субморфами): *инди́йский*, *инде́йский*, *арме́йский*, *кали́йный*, *лине́йный*, *оруже́йный*, *кофе́йный* (ср. *И́ндия*, *а́рмия*, *ка́лий*, *ли́ния*, *ору́жие*, *ко́фе* [или *ко́фей*]). Однако здесь встречаются и некоторые отклонения (только в редких, неосвоенных словах): *гра́вийный*, *ле́звийный*, *мо́лнийный*, *о́пийный*, *ко́рпийный*, *ма́нти́йный*.

Суффикс глаголов: *-а-ть* во вторичных имперфективах (после корня на гласную *-в-а-ть*; но *в* здесь естественно интерпретировать просто как консонизатор корня); ср. *изготовля́ть*, *осведомля́ть*, *умилостивля́ть*, *выправля́ть*, *ухудша́ть*, *приседа́ть*, *открыва́ть*, *выдува́ть*.

Основная маркировка →D

§ 1.42. Суффиксы существительных (все исконные): *-еж*, *-ёж*, *-j-о* (собирательное), *-няк*, *-чак*, *-н-я* (собирательное), отглагольные *-н-я*, *-овн-я*, *-отн-я* (имена действия), *-ун* (первичный суффикс), *-от-а* (отадъективное имя качества), *-ач*, *-аш*; ср. *паде́ж*, *падёж*, *картёж*, *хулиганьё*, *бабьё*, *хамьё*, *березня́к*, *известня́к*, *стульча́к*, *солдатня́*, *ребятня́*, *мазня́*, *болтовня́*, *пачкотня́*, *потаску́н*, *царапу́н*, *пачку́н*, *правота́*, *мерзлота́* (с более конкретным значением), *цирка́ч*, *рифма́ч*, *морда́ш*. Отклонение: *дво́рня* (ср. нелитер. *дворня́*).

Основная маркировка ← D

§ 1.43. Этот класс суффиксов — самый немногочисленный. Маркировку ← D в чистом виде (без пометы Init) имеют только неисконные суффиксы: *-ик* (заимствованное), *-ик-а* (заимствованное), *-тор*, *-сор*; ср. *евангели́ст*, *ишиа́тик*, *догма́тик*, *анали́тик*, *дистро́фик*, *перио́-*

дика, *симво́лика*, *топони́мика*, *рито́рика*, *синте́тика*, *архите́ктор*, *компре́ссор* (ср. также *-а́тор*, *-и́тор*; слово *мото́р* нечленимо).

Маркировку ← D Init имеют первичные суффиксы (исконные): *-ень* (с беглым *е*; мужской род) и суффиксы женского рода *-'-* (условное обозначение нулевого суффикса, вызывающего смягчение последней согласной основы), *-ть*, *-ль*, *-нь*. Таким образом, основы всех производных этой группы оканчиваются на мягкую согласную (заметим, что суффиксы *-ть*, *-ль*, *-нь* в принципе можно рассматривать как составные, включающие в качестве второго элемента *-'-*). Примеры: *би́вень*, *скво́родень*, *ба́ловень*, *ко́лышень* 'зыбь', *про́лежень*, *о́ползень*, *сби́тень*, *о́боротень*, *пе́ревертень*, также pluralia tantum *бре́дни*, *ро́ссказни*, *ро́звальни* и т. п.; *мо́лодь*, *по́гань*, *зе́лень*, *те́мень*, *го́речь*, *ме́лочь*, *ве́тошь*, *ре́тушь*, *про́рубь*, *за́поведь*, *и́згородь*, *пе́ревязь*, *о́торопь*, *пе́рекись*, *сво́лочь*; *че́тверть*, *по́дать*, *не́жить*, *про́пасть*, *за́висть*, *не́нависть*; *па́даль*, *не́видаль*, *о́трасль*, *по́росль*; *ру́гань*, *клёпань*, *при́стань*. Особый интерес представляют производные с заведомо именным (следовательно, доминантным) комплексом в качестве базового компонента, например: *при́хвостень*, *по́ручни*, *на́леть*, *про́сеть*, *о́тмель*, *о́зимь*, *бе́здарь*, *и́скопыть*, *бе́столочь* (также *не́погодь*, *не́чисть* и т. п.); *и́ноходь*, *ко́новязь*, *ру́копись*, *и́конопись*, *сы́ромять*, *во́дорость*. Здесь видно, что доминантный базовый компонент совместим с доминантным суффиксом класса ← D (в отличие от суффиксов классов ↓ D и → D, см. § 1.31); при этом по общему правилу «побеждает» суффикс.

Имеются, однако, небольшие отклонения: 1) в сторону маркировки → (без D) у *-ень* — *слепе́нь*, *плете́нь*, *переступе́нь*, *копы́тень*, *поддо́бень*, *чересседе́лень*; 2) в сторону маркировки → (без D) у *-'-*, *-ть-* — *посте́ль*, *нашесть*, *напасть*, *гололе́дь*, *круговерть*, *благода́ть*, *рукоя́ть* (ср. еще опростившееся *супо́нь*); 3) особое отклонение: *маши́нопись*.

Суффиксы с непостоянной маркировкой

§ 1.44. Некоторые доминантные суффиксы колеблются между разными классами.

У суффиксов *-ак*, *-як* главной является маркировка → D, ср. *рыба́к*, *больша́к*, *туля́к*, *сибиря́к* и т. д. — схема *b*. Однако в небольшой группе слов (включающей в основном названия национальностей) мы находим здесь маркировку ↓ D: *австря́к*, *поля́к*, *слова́к*, *коря́к*, кроме того, *маньяк* и заимствованные *юна́к*, *краковя́к* — схема *a*.

У суффикса *-аж* главной является маркировка → D Polysyll, ср. *типа́ж*, *метра́ж*, *литра́ж*, *монта́ж*, *листа́ж* и др. — схема *b*, но *подхалима́ж*, *шпиона́ж*, *персона́ж*, *демонта́ж*, *репорта́ж* и др. — схема *a* (в силу эффекта Polysyll). Однако наряду с этим суффикс *-аж* обнаруживает также маркировку ↓ D; она выступает как

правило при неосвоенности слова. Так, в частности, слова *зондáж*, *дренáж*, *тренáж*, *барráж*, *массáж* в профессиональной речи относятся к схеме *b*, а в непрофессиональной речи (и в литературной норме) — к схеме *a*. Литературная норма закрепляет схему *a* также за словами *кливáж*, *пейзáж*, *лекáж*, *блокáж*, *кулáж*, *примáж*, *гренáж*, *тоннáж*, *увráж*, *вирáж* (в фотографии), *фиксáж*, *корсáж*, *пассáж*, *плантáж*, *каптáж*, *куртáж* (во многих из них базовый компонент — остаточный); в слове *мирáж* допускаются схемы *a* и *b*. Как легко видеть, в этом списке в основном представлены слова либо книжные, либо малоизвестные основной массе носителей языка, т. е. именно такие, для которых литературная норма обычно предписывает ударение, соответствующее неосвоенности.

У суффикса *-ар*, *-яр-* при главной маркировке ↓ D (ср. *коммунáр*, *эмиссáр*, *гонорáр*, *формулярь*, *овчáр* — схема *a*) в части слов действует маркировка → D: *бочáр*, *маляр*, *школяр*, *столяр* (также опростившееся *гончáр*) — схема *b*; колеблется *гусляр*.

Усложненные отношения связывают суффиксы *-ёр* и *-ер* в названиях лиц и устройств (трудность в том, что безударное *-ер* в принципе можно идентифицировать как с *-ёр*, так и с *-ёр*). В тех случаях, где *-ёр* (*-ер*) является полноценным суффиксом (а не просто субморфом), имеется тенденция к следующему распределению: *-ёр* ↓ D (первичное) и *-ер* ↓ D в названиях лиц, *-ер* ← D в названиях устройств. Примеры: *ухажёр*, *боксёр*, *шахтёр*, *билетёр*, *киоскёр*, *парламентёр*; *костюмéр*, *легионéр*, *миллионéр*; *контрóллер* (прибор), *абсóрбер*, *конвéртер*, *компóстер*. Имеется, однако, довольно много отклонений: ср. названия устройств *тренажёр*, *электролизёр*, *маркёр*, *рафинёр*, *трассёр*, *стартёр*, *меланжéр*, названия лиц *дóкер*, *фейервéркер*, *фéрмер*, *трéнер*, *комбáйнер* (// *комбайнёр*), *спри́нтер*. Ситуация осложняется тем, что субморф (не суффикс) *-ер* (без ударения) представлен в названиях лиц весьма широко: *гáер*, *юнкер*, *мáклер*, *шýлер*, *снáйпер*, *мáстер*, *шáфер*, *кýчер* и т. д.

§ **1.45**. Сложна акцентуация суффикса *-ий-а* (не в составе *-аций-а*, *-иций-а*, *-ций-а*, *-сий-а*). Здесь конкурируют две маркировки: ← D и ↓ D. Их распределение определяется несколькими факторами, главный из которых — семантический. Преобладает маркировка ← D, поэтому проще перечислить случаи, где выступает более редкая маркировка, т. е. ↓ D. Эти случаи таковы (производные с обычным и с остаточным базовым компонентом здесь и далее рассматриваются вместе).

1. Названия а) состояний (в частности, биологических, в т. ч. болезней) и свойств, б) областей практической деятельности (в частности, врачебной) — при их употреблении в профессиональной речи. Примеры: а) *невралги́я*, *аллерги́я*, *ностальги́я*, *абули́я*, *анеми́я*, *гипертони́я*, *истери́я*, *эйфори́я*, *атрофи́я*, *дистрофи́я*; *синоними́я*, *ахроми́я*, *изотерми́я*, *эвфони́я*, *энтропи́я*, *мимикри́я*, также *содоми́я*, *симони́я*, *тирани́я*, *деспоти́я*; колебание — *афази́я*, *сим-*

ме́трия [40], *акри́бия*; б) *хирурги́я*, *терапи́я*, *рентгеноскопи́я*, *ветеринари́я*, *санитари́я*, *педиатри́я*, *фармаци́я*; *филатели́я*, *телефони́я*, *маркшейдери́я*, *телеграфи́я*; колебание — *ортопе́дия*, *металлу́ргия*, *кулинари́я*, *инду́стрия*, *полигра́фия*. Среди редких слов имеются также некоторые отклонения, но не исключено, что лексикографам просто осталось неизвестным соответствующее профессиональное ударение.

В непрофессиональной речи в этих же семантических группах представлено ударение по классу ← D; ср. такие общеупотребительные слова, как *меланхо́лия*, *ма́ния*, *апа́тия*, *эне́ргия*, *фанта́зия*, *гармо́ния*, *иро́ния*, *мизантро́пия*, *филантро́пия*, *антипа́тия*, *симпа́тия*, *демокра́тия*, *ана́рхия*, *ине́рция*, *гастроно́мия*, *фотогра́фия* (как род занятия). Такое же ударение закреплено литературной нормой и за рядом более специальных, но все же широко известных вне профессиональной сферы слов: *аго́ния*, *эпиле́псия*, *иди́ллия*, *гегемо́ния* (ср. возможность таких ударений, как *агони́я*, *эпилепси́я* в профессиональной речи). В то же время, например, слова *маляри́я*, *гипертони́я*, *хирурги́я*, *тирани́я*, *деспоти́я* закреплены нормой в их профессиональном виде (несмотря на достаточную распространенность).

2. Слова церковной сферы (сохраняющие церковнославянское ударение) *панаги́я*, *литурги́я*, *хиротони́я*, *месси́я*, *патриа́рхия*; сюда же примыкает *вити́я*; поздние заимствования (сохраняющие иноязычное ударение) *остери́я*, *тратто́рия*, *сеньори́я*, *синьори́я*, *жакери́я*. Особо стоят церковнославянизмы *лития́*, *паремия́* (с флексионным ударением).

В прочих случаях *-ij-a* ведет себя (за несколькими исключениями) по классу ← D. Приводим примеры по семантическим группам. Живые существа: *бе́стия*, *фу́рия*, *инфузо́рия*, *ну́трия*. Исчисляемые материальные предметы: *санда́лия*, *ма́нтия*, *каме́лия*. Территории, помещения, учреждения: *импе́рия*, *губе́рния*, *Ита́лия*, *сту́дия*, *акаде́мия*, *гимна́зия*, *канцеля́рия* (исключение: *периферия́*). Литературные, музыкальные, графические произведения: *коме́дия*, *би́блия*, *биогра́фия*, *а́рия*, *симфо́ния*, *фотогра́фия* (предмет). События, единичные акты: *ава́рия*, *церемо́ния*, *амни́стия*, *эпиде́мия* (исключения: *перипети́я*, *пандеми́я*, *эндеми́я*). Различные исчисляемые абстрактные объекты: *ли́ния*, *ста́дия*, *катего́рия*, *фами́лия*, *кало́рия* (исключения: *стихи́я*, *дио́птри́я*). Вещества: *магне́зия*, *матери́я*. Коллективы, собирательные понятия: *а́рмия*, *бра́тия*, *жандарме́рия*, *аристокра́тия*, *бижуте́рия*, *топони́мия* (исключение: *буржуази́я*). Науки, учения, теории, формы словесности: *хи́мия*, *исто́рия*, *геоло́гия*, *астроно́мия*, *геоме́трия*, *геогра́фия*, *анато́мия*, *филосо́фия*, *космого́ния*, *орфоэ́пия*; *рели́гия*, *тео́рия*, *страте́гия*, *поэ́зия*, *мифоло́гия*, *демаго́гия*, также *ма́гия* (исключения: *драматурги́я*, *теурги́я*).

---

[40] Бытующее у математиков ударение *симме́трия* следует объяснять как результат сознательного отталкивания от распространенного в других профессиях (и в непрофессиональной сфере) ударения *симметри́я*.

Заметим, что последняя семантическая группа уже сравнительно близка к названиям областей практической деятельности (которые входят в другой акцентный класс, см. выше), поэтому здесь возможны переходные и семантически нечеткие случаи (где соответственно снижается и действенность правила). Существенно, однако, что в семантически ясных случаях акцентные различия здесь достаточно четки; ср., например, *геоме́трия*, *геогра́фия*, *анато́мия* (науки) и *спироме́трия*, *телеграфия́*, *телефония́* (области практической деятельности).

Недоминантные суффиксы

§ 1.46. Недоминантные суффиксы с акцентологической точки зрения сложнее доминантных; поэтому они разбираются ниже с бо́льшей подробностью. При разборе отдельного суффикса вначале даются примеры со слабым базовым компонентом, а после тире — с сильным (если имеется соответствующий материал); доминантные базовые компоненты отличны от прочих тем, что входящий в их состав именной морфемный комплекс (получивший доминантность в силу § 1.28) выделен квадратными скобками. После формулы типа «эффект Deox» даются примеры, иллюстрирующие акцентное действие соответствующей дополнительной пометы. Слова «например», «примеры» для краткости обычно опускаются.

В списки отклонений не включаются те производные, где акцентная неправильность состоит только в нестандартном месте ударения внутри приставочно-корневого комплекса, например, *за́работок*, *ро́зыгрыш*, *на́бережная*; см. общий список таких слов в § 1.28, А III. Никак специально не отмечаются также производные, относящиеся к иным схемам ударения, чем *a* и *b* (например, *стрельба́*, *высота́* — схема *d*, *но́вость* — схема *e*); см. соответствующие указания в § 1.18.

Примечание. Среди отклонений от ожидаемого ударения особое место занимают случаи, когда неправильность состоит в ударении *ои́*, *аи́*, *еи́* вместо *ои́*, *аи́*, *еи́*, например, *тро́ица*, *гно́ище*, *на́игрыш*, *про́игрыш*, *кле́ить*, *удво́ить*, *утро́ить*. По крайней мере часть таких отклонений с исторической точки зрения обусловлена чисто фонетическим процессом (см. § 3.2, замеч.).

Основная маркировка ↓

§ 1.47. Ниже даются примеры со слабыми и сильными базовыми компонентами; о промежуточных базовых компонентах при суффиксах класса ↓ см. § 1.50.

Суффиксы существительных.

-а́й (первичный суффикс): *расстега́й*, *урожа́й*, *нагоня́й*, *негоду́й*, *молоча́й*; ср. после морфа *-ат-* ↓ в составе сращенного *-а́тай* — *согляда́тай*, *ходата́й*. Отклонения: 1) в сторону вторичности — *слу́чай*, *обы́чай*, *сво́ячай*; 2) *полица́й*.

-ов'j-е (поглощающий сращенный суффикс): *гнездо́вье*, *низо́вье*, *зимо́вье*, *стано́вье*, *кочёвье* (относительно *Поднепро́вье*, *средневеко́вье* и т. п. см. § 1.37, примеч.).

-овк-а (кроме случаев с заменительным *-к-а*, § 1.53; первичный суффикс): *голодо́вка*, *распило́вка*, *сверло́вка* — *забега́ловка*, *обира́ловка*, *принуди́ловка*. Ср. доминантное *-ировк-а*, § 1.41.

-о́вник ↓ Monosyll (поглощающий сращенный суффикс): *кочёвник*, *чаёвник*, *солодо́вник*, *полко́вник*, *храмо́вник*, *гербо́вник*, *пихто́вник*, *грушо́вник* — *горо́ховник*. Отклонения в сторону непоглощающего типа: 1) *дневни́к*, *баловни́к* (с *-ик* →); 2) *са́говник*, *ма́ковник*, *ту́товник* (с *-ник* ←). Прочие отклонения: *духовни́к*, *столовни́к*, *чаровни́к*; *азбуко́вник*.

-я́ник ↓ Monosyll (поглощающий сращенный суффикс): *конопля́ник*, *ольша́ник*, *доща́ник*, *жестя́ник*, *нефтя́ник*. Отклонения в сторону непоглощающего типа: *дровяни́к*, *водяни́к*, *волосяни́к*, *торфяни́к* (но разг. *торфя́ник*), *ма́сляник*, *серебряник* (все с обычным *-ик* →).

-инк-а (кроме случаев с заменительным *-к-а*, § 1.53): *вечери́нка*, *песчи́нка*, *тропи́нка* — [*зава́л*]*инка*.

-ишк-а, *-о*: *шалуни́шка*, *пиджачи́шко*, *мелочи́шка*, *городи́шко*, *сыни́шка*, *ружьи́шко* — [*огоро́д*]*ишко*, [*дохо́д*]*ишко*, *челове́чишка*, *здоро́вьишко*, *си́лишка*, *пла́тьишко*. Отклонение: *кафта́ни́шко*. Особый случай: *приготови́шка* (получено знаменительным способом из *приготови́тельный*).

-ин (сингулятивное): *господи́н* — *тата́рин*, *крестья́нин*, *ба́рин*. Отклонение: *простолюди́н* (с нарушением правила об акцентуации двукорневых комплексов).

-ин-а (исконное; все значения, кроме отадъективного имени качества), маркировка ↓, но в функции сингулятива (от неисчисляемых) — ↓ Deox. Примеры: *мужичи́на*, *осетри́на*, *хворости́на*, *масли́на*, *доми́на*, *вощи́на* — [*червото́ч*]*ина*, [*домотка́н*]*ина*, [*разва́л*]*ина*, [*вмя́т*]*ина*, [*пощёч*]*ина*, [*окра́j*]*ина*, *вы́боина*, *цара́пина*, *бара́нина*, *грома́дина*, *горбшина*, *старе́йшина*, *ры́бина*, *бспина*, *я́година*, *вся́чина*, *пе́жина*. Эффект Deox у сингулятивов: *кирпи́чина*, *чесно́чина*, *камы́шина*, *минда́лина* [41], также *песо́чина*, *уто́чина* ‘отдельная нить утка’ (с нерегулярным сохранением беглого *о*); ср. отсутствие эффекта Deox у увеличительных, например, *кирпичи́на*, *чесночи́на*, *балычи́на*. Отклонения: 1) *хле́бина* ‘цветочная пыльца’, *жа́дина*, *ро́дина*, *ста́рина* ‘былина’, *лы́сина*, *о́тчина* (*во́тчина*), *тре́щина*, разг. *о́бщина* (при нормативном *общи́на*); ср. еще *ры́твина*; 2) *жемчу́жина*, *стерля́жина* (последнее получено заменительным способом из *стерля́жий*); 3) *старшина́*, *купина́* (о *быстрина́*, *седина́*, *целина́* см. § 1.51). См. также *-овин-а*, *-щин-а* ниже.

---

[41] Эффект Deox здесь не совсем устойчив: в сингулятивном значении изредка встречаются также и *камыши́на*, *кирпичи́на* и т. п.

Слова на *-овин-а* распадаются на две группы. В первую группу входят: а) названия мяса (шкуры) животного, например, *волóвина*, *бобрóвина*, *бáрсовина* (шкура); б) чистые сингулативы, например, *мáковина*, *лýковина*; в) экспрессивные (или даже вульгарные), обычно пренебрежительные, слова со значением ‘произвольный единичный предмет’, например, *фигóвина*, *хренóвина*, *пустякóвина*, *чепухóвина*. В этой группе почти везде есть соответствующее прилагательное с *-ов-* (*волóвый*, *мáковый*, *пустякóвый* и т. д.); от него и образуется слово на *-овин-а* (с помощью обычного *-ин-а*). Особо стоят только *штукóвина* (слово подгруппы «в») и отчасти близкое к нему по значению слово *дикóвина*. Во вторую группу входят слова на *-овин-а* со всеми прочими значениями, например, *мочевúна*, *белковúна*, *шелковúна*, *мешковúна*, *сердцевúна*, *седловúна*, *котловúна*, *крестовúна*, *пуповúна*, *половúна*. Во всех этих случаях выступает поглощающий сращенный суффикс *-овúн-а* ↓ Monosyll. Примеры эффекта Monosyll: *клетковúна*, *клейковúна*. Поглощающий характер виден, например, в словах *белковúна*, *шелковúна*, *крестовúна*.

-щин-а (после *д*, *т* [но не *нт*] — *-чин-а*). 1. Аддитивное: *годовщúна*, *дармовщúна*, *штурмовщúна*, *групповщúна* — *митингóвщина*, *небывáльщина*, также *поножóвщина*, *безотцóвщина* (с опорным *-ов-*, § 1.27). 2. Заменительное, вместо *-ск-* и *-н-*: *ямщúна* — *зéмщина*, *гéтманщина*, *дья́вольщина*, *солдáтчина*, *уголóвщина*, *кустáрщина*, *воéнщина* (ср. *ямскóй*, *зéмский*, *гéтманский*, *дья́вольский*, *солдáтский*, *уголóвный*, *кустáрный*, *воéнный*). Особое орфографическое оформление в *немéтчина*, *турéтчина*. Отметим еще опростившиеся *мужчúна*, *жéнщина*. Отклонения: *чертовщúна*, *матерщúна* (при *чертóвский*, *мáтерный*).

-ын-я: *рабы́ня*, *богúня*, *пусты́ня* — *государы́ня*, *бáрыня* (ср. *бáры*) Отклонение: *героúня*.

-от-а (отглагольное; первичный суффикс): *потягóта*, *икóта*, *зевóта*. Отклонения: 1) *маетá*, *тошнотá*, *хрипотá*, *сипотá*; 2) *тя́гота*, *пáхота*.

-их-а (первичный суффикс): *облепúха*, *неразберúха*; *воробы́ха*, *сторожúха*, *купчúха*, *портнúха*, *слонúха* — [*урóд*]*иха*, *медвéдиха*, *стáростиха*, *двóрничиха*, *городнúчиха*.

-иц-а. 1. Аддитивное: *рукавúца*, *мастерúца*, *сестрúца*, *волчúца*, *светлúца*, *темнúца*, *больнúца*, *пояснúца*, *передовúца*, *власянúца* — [*разноголóс*]*ица*, [*бездéл*]*ица*, [*пересóрт*]*ица*, [*разлáд*]*ица*, [*богорóд*]*ица*, *медвéдица*, *книжица*, *лечéбница*, *кóнница*, *лýковица*, *селúтряница*, *пýтаница*. Слово *петлúца* соотносится с акцентным вариантом *петля́*. Отклонения: а) *девúца* (ср. народно-поэт. *дéвица*), *кобылúца*, *ступúца* (но професс. *стýпица*), *кашúца* ‘полужидкая масса’ (ср. ласкательное *кáшица*); *гробнúца*, *снежнúца*, *слезнúца*, *дойнúца*, *колеснúца*; *единúца*, *рожéнúца*, *сушенúца*; *шелковúца*, *свекловúца*, *багрянúца*; *императрúца*; б) *úглица* (растение), *веретé-*

ни́ца (ящерица), *пья́ница*, *ста́рица* ‘старое русло’, *я́дрица*; *ро́вница*, *у́мница*, *во́льница*; особо стоят *две́ица*, *тро́ица* (§ 1.46, примеч.); в) *ви́селица*.

2. Заменительное (в названиях женщин), вместо *-ец* и *-ик* (в т. ч. в составе суффиксов *-ник*, *-чик*, *-щик*): *жили́ца*, *проводни́ца*, *поставщи́ца* — *краса́вица*, *пра́ведница*, *зака́зчица* (ср. *жиле́ц*, *проводни́к*, *поставщи́к*, *краса́вец*, *пра́ведник*, *зака́зчик*).

-ниц-а (не в названиях женщин, соотнесенных с производными на *-ник*, и при отсутствии соответствующего прилагательного с *-н-*, ср. выше): *скребни́ца*, *мазни́ца*, *возни́ца*, *божни́ца*, *бойни́ца*, *зарни́ца*, *пороховни́ца* — *поле́нница*, *здра́вница*, *пя́тница*. Отклонения: *звонница*, *ва́рница*, *ме́льница*.

-о́вич ↓ Triv (в апеллятивах и отчествах): *попо́вич*, *царе́вич*, *Петро́вич* — *Семёнович*, *Серге́евич*; ср. доминантное *-ович* в фамилиях (§ 1.41).

-ищ-а: *бороди́ща*, *руки́ща* — *соба́чища*, *ла́пища*. Отклонение в сторону доминантности: *скучи́ща*.

-ищ-е: *городи́ще* (два омонима), *костри́ще* (два омонима), *волчи́ще*, *жили́ще* — [*убе́ж*]*ище*, [*сбо́р*]*ище*, [*побо́j*]*ище*, [*приста́н*]*ище* (с консонизатором *н*), [*посме́ш*]*ище*, [*про́зв*]*ище*, *моро́зище*, *храни́лище*. Отклонения: *чу́дище*, *то́ржище*, *ко́злище*, *ржа́нище*, *поло́тнище*, *и́грище*, *де́тище*, *по́лчище* (все в сторону ←); особо стоит *гно́ище*. См. также *-бищ-е*, § 1.53.

-ови́щ-е: *токови́ще*, *серпови́ще*, *косови́ще*. Отклонения: *чудо́вище*, *зимо́вище* (ср. еще нелитер. *стано́вище* при нормативном *станови́ще*).

§ 1.48. Суффиксы прилагательных.

-лив- ↓ Monosyll Deox: *бережли́вый*, *тороплúвый*, *говорли́вый*, *сиротли́вый*, *пугли́вый*, *болтли́вый*, *пытли́вый*, *сонли́вый*, *дождли́вый* — [*прожо́р*]*ливый*, [*приверé́д*]*ливый*, [*въе́д*]*ливый*, [*поня́т*]*ливый*, [*насме́ш*]*ливый*, [*засу́ш*]*ливый*, *тала́нтливый*, *конфу́зливый*, *соба́чливый*. Эффект Monosyll: *драчли́вый*, *счастли́вый* (ср. ниже), *бурли́вый* (если связывать это слово с *бу́ря*). Эффект Deox: *чуда́чливый*. В ряде случаев слово с *-лив-* можно соотносить как с глаголом, так и с существительным. С акцентной точки зрения это безразлично; например, ударение слов *шкодли́вый*, *сварли́вый*, *дура́чливый* (*дура́шливый*), *кура́жливый* регулярно при соотнесении их как с глаголами (что́ предпочтительно), так и с существительными (в последнем случае действуют характеристики Monosyll и Deox). Особые случаи: в нескольких словах произошло опрощение базового компонента, приведшее к потере им доминантности: *счастли́вый* (ср. сохранение старого ударения в кратких формах: *сча́стлив*, *-а*), *скучли́вый*, *сметли́вый* (устар. *сме́тливый*), *смазли́вый*, *спотыкли́вый*; также *особли́вый*, *справедли́вый*, *прозорли́вый* (где вдобавок суффикс *-лив-* ведет себя как доминантный). Прочие особые случаи: *выно́сливый*, *зави́стливый*, *боязли́вый*, *шаловли́вый*; колебание: *вью́жли́вый*. Отметим еще *ве́жливый* (с остаточным базовым компонентом). В словах *молчали́вый*, *тер-*

пели́вый, *гордели́вый* правильнее усматривать не *-лив-*, а суффикс *-ив-* после консонизатора *л*.

-чив-: *бранчи́вый* — [*сгово́р*]*чивый*, [*влю́б*]*чивый*, [*воспри́им*]*чивый*, [*ужи́в*]*чивый*.

-ов ↓ Triv (притяжательные прилагательные и фамилии): *отцо́в*, *попо́в*, *Петухо́в* — *племя́нников*, *Семёнов*, *Со́лнцев*. Эффект Triv: *чёртов*, *Гу́сев*, *Го́лубев*, *Ра́ков*, *Дьяконов*.

Примечание. В фамилиях на *-иков* это *-иков* в большинстве случаев функционирует как поглощающий сращенный суффикс с маркировкой ←, например: *Ста́риков*, *Го́ликов*, *Но́виков*, *Бе́ликов*, *Кру́гликов* (однако, например, *Городовико́в*).

-е́нек (после *к*, *г*, *х* *-о́нек*; вторая гласная беглая), производное имеет только краткие формы (см. Грамм., с. 75, § 11): *тяжеле́нек*, *слабе́нек*, *велико́нек*, *строго́нек* — *тяжелёхонек*, *радёшенек* (после морфов *-ёх-*, *-ёш-* ↓ D, см. сноску 39). С сильными основами (без дополнительных *-ёх-*, *-ёш-*) суффикс не соединяется.

-ок-: только *далёкий*, *глубо́кий*, *высо́кий*, *широ́кий*, *одино́кий*.

-овск- ↓ Triv (кроме семантической группы «отрицательных действий типа колдовства, плутовства, хвастовства», см. § 1.52): *толсто́вский* — *бу́ндовский*, *ма́ртовский*, *а́вгустовский* (ударение *августо́вский* устарело).

-ом- (причастия, прилагательные со значением потенциальности; первичный суффикс): *веду́мый*, *несо́мый* — *коле́блемый*, *чита́емый*, *несгора́емый*.

-овн- ↓ Monosyll: *плаче́вный*, *сано́вный*, *духо́вный* (относительно *безгрехо́вный* и т. п. см. § 1.37, примеч.). Отклонение: *дневно́й*.

-ённ- (причастия; первичный суффикс). Заменительное, вместо *-ит* в 3 ед. презенса (у *i*-глаголов) или вместо *-ла* в ед. жен. прош. времени (у *С*-корневых глаголов) [42]: *прощённый*, *закалённый* — *зажа́ренный*, *изно́шенный* (ср. *прости́т*, *закали́т*, *зажа́рит*, *изно́сит*); *сплетённый*, *учтённый* — *укра́денный*, *постри́женный* (ср. *сплела́*, *учла́*, *укра́ла*, *постри́гла*). У *i*-глаголов имеется, однако, довольно значительное число отклонений. Причастия с «незаконным» ударением *-ённ-ый* имеют глаголы схемы *с*: *дели́ть*, *-мени́ть*, *цени́ть*, *клони́ть*, *крести́ть* и все их приставочные производные; *влюби́ть*, *оседи́ть* (из раствора), *об-*, *при-*, *о-суди́ть*, *восхвали́ть*, *умоли́ть*, *преломи́ть*, *под-*, *по-дразни́ть*, *пере-*, *вз-беси́ть*; факультативно также глаголы на *-мани́ть*, *за-*, *пере-дразни́ть*, *иссуши́ть*. Такое же причастие при колебании в презенсе (схемы *с*//*b*) имеют *-дружи́ть*, *бели́ть*, *шевели́ть*, *сели́ть*, *-слони́ть* и производные, также *осади́ть* (город), *вспои́ть*, *поглоти́ть*. Примеры: *разделённый*, *наклонённый*, *поселённый* (ср. *разде́лит*, *накло́нит*, *посе́ли́т*). Особое отклонение

[42] У немногочисленных *ё*-глаголов, использующих данный суффикс, ударение корневое, например, *ви́денный*, *проси́женный*, *прове́рченный*.

составляют причастия *при-, по-нуждённый, осведомлённый* (*//освéдомленный*) от глаголов схемы *a*. Отметим, что существенная часть перечисленных здесь глаголов (например, *умоли́ть, преломи́ть, иссуши́ть*) имеет книжный оттенок, ср. в этом отношении также *-жд-* и *-щ-* в *осаждённый, осуждённый, поглощённый*. Противоположное отклонение (причастие с корневым ударением) имеют глаголы схемы *b*: *трубúть, кроúть, зубри́ть* ‘делать зазубрины’, *трусúть* ‘сыпать’, *цветúть, торочúть* и все их производные, также *за-, про-, ис-следúть, раз-, с-жидúть, под-, раз-зудúть, сболтúть, за-, пере-, раз-, по-золотúть*; факультативно также *-редúть, затвердúть, раз-, по-громúть, раздвоúть, строúть, пере-, с-, рас-, ис-косúть* ‘искривить’, *гатúть* (и производные), *изрешетúть*. Такое же причастие при колебании в презенсе (схемы *b//c*) имеют *городúть, скоблúть, солúть, доúть, зубри́ть* ‘учить’, *винтúть, строчúть, сучúть* и все их производные, *пере-, по-, от-лудúть, перетрудúть, рядúть* ‘нанимать’, *по-, прокружúть, поúть* (и производные, кроме *на-, вс-*), *вз-, про-, от-мутúть*. Примеры: *скрóенный, позолóченный, огорóженный* (ср. *скроúт, позолотúт, огородúт*). В этой группе господствуют глаголы, вполне обычные в разговорной речи; значительная их часть имеет технический характер.

-ён- (отпричастные прилагательные; первичный суффикс). Заменительное, вместо тех же форм, что для *-ённ-* (см. выше): *прощёный, калёный, плетёный — жáреный, нóшеный, крáденый, стри́женый*. Таким образом, если бы не было отклонений, *-ён-* всегда давало бы тот же эффект, что *-ённ-*. Однако отклонения от правила для этих двух суффиксов не совпадают; вдобавок, *-ен-* выступает, как правило, при бесприставочных основах, тогда как *-енн-*, напротив, соединяется с ними с большим трудом. Отсюда необходимость раздельного разбора. «Незаконное» ударение *-ён-ый* представлено при основах *посаж-, цеж,- груж-, хвал-, бел-, пил-, топл-, чин-, вар-, дар-, моч-, точ-, уч-, круч-, гаш-, душ-, суш-, туш-, крещ-*; также *дoj-, пoj-, сол-, мор-* (где в презенсе колебание), *клej-, смышл-* (в презенсе схема *a*); примеры: *посажёный, варёный, солёный*. От *хóлить* возможно *хóленый* и *холёный*. Противоположного отклонения в чистом виде нет; отметим *пря́деный, сéченый* (при колебании *пря́ла́, сéкла́*). Не имеют прямой связи с глаголом *студёный, червлёный, рифлёный, мудрёный, ядрёный*.

-ист- ↓ Deox (кроме терминов со значением ‘содержащий соответствующее вещество’, см. § 1.54): *волокни́стый, голоси́стый, золоти́стый, змеи́стый, леси́стый, маши́стый, некази́стый — [убóр]истый, [зали́в]истый, [извúл]истый, [размáш]истый, [разлáп]истый, болóтистый, мозóлистый, жúлистый, пéнистый*. Эффект Deox: *пузы́ристый, пупы́ристый, творóжистый* (от *творóг, -á*). Отклонения: 1) *фрази́стый, и́скри́стый, шелкови́стый*, также *сноровúстый* (но чаще акцентно регулярное *снорóвистый*); 2) *кря́жистый, пéристый, ячéистый*.

-ейш-, *-айш-*. 1. Заменительное, вместо *-ej(e)* в компаративе (только для алломорфа *-ейш-*): *тяжелéйший*, *белéйший*, *древнéйший* — [*разнообрáз*]*нейший*, *свирéпейший*, *красúвейший*. 2. Аддитивное: *широчáйший*, *крепчáйший*, *чистéйший*, *малéйший*. Отклонение: *богатéйший*.

-ущ- (причастия и отпричастные прилагательные; первичный суффикс). Заменительное, вместо *-ут* в 3 мн. презенса: *сосýщий*, *бегýщий*, *загребýщий* — *пúшущий*, *читáющий*. Отклонение: *могýщий* (сюда же *всемогýщий*); ср. разг. *мбгущий*. Аддитивное употребление в *завидýщий*, *плодýщий*, *имýщий*; также *свéдущий*, *всевéдущий* (с формально неправильным корневым ударением).

-ящ- (причастия и отпричастные прилагательные; первичный суффикс). Заменительное, вместо *-у* в 1 ед. презенса: *крутя́щий*, *нося́щий*, *свистя́щий* — *прáвящий*, *конфýзящий*. В современном языке, однако, наблюдается сильная тенденция к тому, чтобы акцентологически трактовать *-ящ-* так же, как *-ущ-*, т. е. и здесь ориентировать ударение (по крайней мере у невозвратных глаголов) на 3 мн. презенса, а не на 1 ед. Различие затрагивает, естественно, только глаголы схемы *c*. Так, по Грамм., у невозвратных глаголов ударение типа *лю́бящий* (ср. *люблю́*, *лю́бят*) постоянно представлено при основах *губ-*, *руб-*, *люб-*, *служ-*, *пил-*, *жен-*, *цен-*, *чин-*, *леп-*, *луп-*, *черт-*, *леч-*, *моч-*, *уч-*, *душ-*, *суш-*, *туш-*, *тащ-*, *терп-*, *дыш-*, факультативно также при *дав-* [43], *цед-*, *суд-*, *друж-*, *туж-*, *вал-*, *хвал-*, *бел-*, *дел-*, *дразн-*, *коп-*, *вар-*, *гас-*, *бес-*. У возвратных глаголов ударения типа *же́нящийся* представлены гораздо у́же (при *руб-*, *жен-*, *цен-*, *леп-*, *леч-*, *суш-*, факультативно также *лен-*, *душ-*, *тащ-*). Следует учитывать, однако, что приведенный список в значительной мере условен, поскольку в живой речи (в т. ч. литературной) в этом классе причастий колебания наблюдаются очень широко. При колебаниях, как правило, корневое ударение (*гáсящий*, *вáрящий* и т. д.) имеет более разговорную окраску, суффиксальное (*гася́щий*, *варя́щий* и т. д.) — более книжную. В ряде случаев корневое ударение воспринимается как чисто причастное, суффиксальное — как соответствующее адъективированному употреблению (ср. *дáвящий* и *давя́щий*).

К настоящей группе примыкают также суффиксы компаратива и деепричастия презенса.

-ej (e): *тяжелéе*, *холоднéе*, *белéе*, *вернéе* — [*разнообрáз*]*нее*, *свирéпее*, *сурóвее*, *красúвее*, *цветúстее*. Отклонения: 1) *здоровéе* (в прямом значении), *розовéе*, *лиловéе* (ср. также нелитер. *красивéе*); 2) *рослéе*, *древнéе*, *сноснéе*, *срочнéе*, *хищнéе*, *дельнéе* (данная группа очерчена нестрого, поскольку у этих и ряда других прилагательных с односложной основой ударение в краткой форме жен. рода фактически неустойчиво).

---

[43] Но только суффиксальное ударение в *давя́щий* 'мрачный, тяжелый'.

-я (первичный суффикс). Заменительное, вместо *-у* в 1 ед. презенса: *несу́, бормочу́, свищу́, люблю́* — *чита́ю, ве́рю*. Отклонения: *лёжа, сто́я, си́дя, гля́дя* (деепричастия и наречия); также чистые наречия *мо́лча, не́хотя, за́годя, по́ходя*, сложные предлоги *су́дя по, гля́дя по*.

§ 1.49. Суффиксы глаголов.

а-ть (отыменное; первичный суффикс): *холода́ть, козыря́ть, захомута́ть, велича́ть, листа́ть, серча́ть, ветша́ть* — *за́втракать, обе́дать, у́жинать, ла́пать*. Отклонения: 1) в сторону доминантности — *сквита́ть, фигуря́ть, пуля́ть* (*пеня́ть* семантически оторвалось от *пе́ня*; *петля́ть* соотнесено с ударением *петля́*); 2) *опя́сать*.

-е-ть (первичный суффикс): *голубе́ть, тяжеле́ть, осатане́ть, трезве́ть, темне́ть, вдове́ть, глазе́ть* — *о[безлю́д]еть, о[безголо́с]еть, о[полоу́м]еть, о[беспа́мят]еть, парши́веть, посерьёзнеть*. Отклонения: 1) *здорове́ть, свирепе́ть, богате́ть, одревесне́ть, осточерте́ть*, ср. также *запечатле́ть*; отметим разг. *ржаве́ть* при нормативном *ржа́веть*; 2) *обве́треть, проя́снеть* (о погоде), *обу́треть*.

-ове́-ть ↓ Monosyll, *-ене́-ть* (*-яне́-ть*) ↓ Monosyll (первичные поглощающие сращенные суффиксы): *розове́ть, багрове́ть, заглянцеве́ть, столбене́ть, стервене́ть, оцепене́ть, деревяне́ть, багряне́ть, пламене́ть* — *кори́чневеть, бере́менеть*. Отклонения: *я́ловеть, пле́сневеть, и́ндеветь* (но разг. *плесневе́ть, индеве́ть*), *махро́веть*. Отметим еще *лилове́ть*, но *сурбеть* (слова с остаточно выделяемыми корнями).

-ну-ть (не выпадающее в прош. времени) со значением однократного действия. Заменительное, вместо *-а-ть, -и-ть*. Суффикс выступает как заменительный там, где есть соответствующий бесприставочный глагол на *-ать* или *-ить*, причем с той же, что и при *-нуть*, гласной в корне [44] (таким образом, в приставочном глаголе на *-нуть* приставка должна не приниматься во внимание). Примеры: *пры́гнуть* (также *подпры́гнуть* и т. д.), *дёрнуть, кли́кнуть, тро́нуть, то́пнуть, хлебну́ть, пугну́ть, нырну́ть, махну́ть, пальну́ть* (ср. *пры́гать, дёргать, кли́кать, тро́гать, то́пать, хлеба́ть, пуга́ть, ныря́ть, маха́ть, пали́ть*). Отклонения: 1) *мазну́ть, резну́ть, всплакну́ть, сыпну́ть* (ср. *ма́зать, ре́зать, пла́кать, сы́пать* [45]); 2) *шмыгну́ть, юркну́ть, черпну́ть* (*при*)*хвастну́ть, нюхну́ть, струхну́ть* (ср. *шмы́гать, ю́ркать, че́рпать* [но разг. *черпа́ть*], *хва́стать, ню́хать, тру́сить*); 3) *ки́нуть* (ср. *кида́ть*).

Примечание. Глаголы на *-нуть*, образованные от *ĕ*-глаголов, в отличие от рассмотренных выше, обычно не сохраняют ударения исходного глагола, а именно, при *ĕ*-глаголах на *-е́ть, -а́ть* глагол на *-нуть* имеет корневое ударение, например: *сту́кнуть, бу́ркнуть, ви́згнуть, дро́гнуть, кри́кнуть, пи́скнуть, скри́пнуть, хру́стнуть, сви́стнуть* (при *стуча́ть, бур-*

---

[44] Соответственно, пары *су́нуть—сова́ть, клю́нуть—клева́ть, плю́нуть—плева́ть, рази́нуть—разева́ть* сюда не относятся.

[45] Эта группа отклонений охватывает все производные на *-нуть* от *а*-глаголов с ударным корнем, не имеющих параллельных вариантов по *aj*-типу; ср. еще окказиональные *лайну́ть, взлайну́ть* от *ла́ять*.

ча́ть, *визжа́ть*, *дрожа́ть*, *крича́ть*, *пища́ть*, *скрипе́ть*, *хрусте́ть*, *свисте́ть*). Иначе акцентованы только *блесну́ть*, *шумну́ть*, *гудну́ть*, *всхрапну́ть*, *дыхну́ть* (при *блесте́ть*, *шуме́ть*, *гуде́ть*, *храпе́ть*, *дыша́ть*); более отдаленно связаны *верну́ть* и *верте́ть*. В части приведенных случаев глагол на *-нуть* соотнесен одновременно с *ĕ*-глаголом и *aj*-глаголом, ср. *сту́кнуть* — *стуча́ть* и *сту́кать*.

§ 1.50. При промежуточном по силе базовом компоненте у слов с суффиксом класса ↓ ударение, как указано в § 1.33, определяется прагматическим фактором [46].

В освоенных словах промежуточный базовый компонент ведет себя как слабый. Примеры [47]: 1) «группа *рак*» — *перчи́нка*; *брати́шка*, *трусы́шка*, *зайчи́шка*, *фрачи́шка*, *мыслы́шка*; *плеши́на*; *графи́ня* (с нерегулярным смягчением *ф*); *трусы́ха*, *франты́ха*, *рысы́ха*, *зайчи́ха*, *крольчи́ха* [48]; *грани́ца*, *тигри́ца*; *вони́ща*; *тигри́ще*, *рачи́ще*; *статы́стый*; *заштиле́ть*, *хаме́ть*; 2) «группы *буйвол*, *якорь*» — *сахари́нка*; *кофеи́шко*, *месячи́шко*, *мебели́шка*; *пестряди́на*, *лососи́на* (в соответствии с вариантом *ло́сось*), *парусы́на*, *образи́на*; *герцоги́ня*; *щеголи́ха*, *соколи́ха*; *цесаре́вич*; *пепели́ще*, *голени́ще*; *молотови́ще*; *прихотли́вый*, *похотли́вый*; *студени́стый*, *каменистый*; *пуделя́ть*, *щеголя́ть* (заметим, впрочем, что для части приведенных слов такое ударение является достаточно старым).

Прямыми исключениями (где, несмотря на достаточную освоенность, сохраняется традиционное ударение на базовом компоненте) здесь можно считать: 1) *га́дина*, *гра́д-ина*, *-инка*, *кра́п-ина*, *-инка*, *ри́с-ина*, *-инка*, *шква́листый*, *и́листый*, *и́нистый*, *гне́ваться*; 2) *би́сер-ина*, *-инка*, *ми́лостыня*, *я́щерица*, *ло́говище*, *ту́ловище*, *со́вестливый*, *жа́лостливый*, *па́мятливый*. В ряде случаев конкурируют два акцентных варианта, причем ударение, соответствующее освоенности, носит более разговорный (или даже просторечный) характер. Примеры: разговорные *буйволи́ца*, *дьяволи́ца*, *мускули́стый*, *сахари́стый*, нелитературные *месячи́на*, *инокиня*, при нормативных *бу́йволица*, *дья́волица*, *му́скулистый*, *са́харистый*, *ме́сячина*, *и́нокиня*, ср. также разг. *плесневе́ть*, *индеве́ть*, отмеченные в § 1.49. Просторечное суффиксальное ударение иногда встречается даже в некоторых словах, отнесенных выше к исключениям (например, просторечн. *памятли́вый*).

При неосвоенности промежуточный базовый компонент ведет себя как сильный. Такое ударение достаточно прочно удерживается за устаревшими, книжными и т. п. словами (например, *де́дина*, *хра́мина*, *дья́коница*, *со́нмище*, *и́долище*); оно зафиксировано литературной нормой также за большинством редких и узкоспециальных слов

---

[46] Кроме случаев, когда промежуточный базовый компонент подпадает под действие пометы Monosyll или Triv при суффиксе (а именно, Monosyll превращает основы «группы *рак*» в слабые, Triv превращает все промежуточные основы в сильные). Такие случаи вошли выше в основную часть разбора.

[47] В списки примеров здесь и ниже включено большинство реально употребительных слов соответствующих категорий.

[48] Ввиду односложности базового компонента *крольч-* это слово акцентно правильно, хотя оно и нерегулярно соотносится с основой *кролик-*.

(например, *пáлтусина*, *члéнистый*, *шрáмистый*, *лáистый*). Характерно, что книжное слово *благостыня*, для которого нормой является древнее ударение, люди, недостаточно знакомые с этим словом, произносят как *блáгостыня*.

Основная маркировка →

§ 1.51. Суффиксы существительных.

-б-а: *городьбá*, *ворожбá*, *мольбá*, *резьбá* — [*усáдь*]*ба*, *женúтьба*, *селúтьба* (два последних с консонизатором основы *т*). Отклонения: 1) в сторону первичности — *похвальбá*; 2) *слýжба*, *дрýжба*, *тя́жба*, *свáдьба*, *прóсьба*.

-j-е[49] → Monosyll (не собирательное), в т. ч. в составе имен действия на *-тье*, *-нье* (кроме *-енье*, о котором см. § 1.67); *косьё* ‘косовище’, *битьё*, *мытьё*, *жильё* — [*богомóл*]*ье*, [*челобúт*]*ье*, [*двоебóр*]*ье*, [*отрóд*]*ье*, [*раздýм*]*ье*, [*изголóвь*]*ье*, [*взмóр*]*ье*, [*перепýт*]*ье*, *купáнье*, *здорóвье*. Эффект Monosyll: *жнивьё*, *спаньё*, *враньё*. Отклонения: 1) в сторону первичности — *забытьё*, устар. *прожитьё*; 2) *суровьё* ‘суровая ткань’, *колотьё* и *кóлотье* (наряду с *колóтье*); 3) *весéлье*, *ýстье* (ср. также опростившиеся *плáтье*, *зéлье*). См. также *-ов'j-е*, § 1.47.

-ик (отадъективное). Заменительное, вместо окончания (*-ый*, *-ий*, *-ой*) в исходной форме соответствующего прилагательного (или причастия): *коренни́к*, *крепостни́к*, *штрафни́к*, *тупи́к* — [*толстоло́б*]*ик*, [*подсне́ж*]*ник*, *волоса́тик*, *голова́стик*, *ды́мник*, *у́мник*, *со́чник*, *пы́льник*, *ры́жик*, *чи́стик*, *воспи́танник*, *отпу́щенник*, *пу́таник*, *му́ченик*, *варе́ник* (от *варёный*), *вече́рник*, *зи́мник*. Слова *временни́к*, *мелочни́к*, *матери́к* соотносятся с ударениями *временно́й*, *мелочно́й*, *матеро́й*. Особый случай составляют производные от числительных на *-еро*: *четвери́к*, *пятери́к* и т. д.; здесь опорными являются словоформы косвенных падежей исходных слов (*четверы́х*, *пятеры́х*), поскольку И. ед. на *-ый* нет. Отклонения: 1) *нови́к*, *мали́к*, *цели́к*, *голи́к*, *стари́к*, *части́к*; *кровави́к* (//*крова́вик*), *учени́к*; 2) *посла́нник*, *изгна́нник*, *избра́нник*. Кроме того, см. список слов с «незаконным» ударением *-ни́к* в разборе суффикса *-ник* (§ 1.53). См. также *-овик* ниже, *-ник* (§ 1.53), *-овник* (§ 1.47), *-яник* (§ 1.47), *-чик* (§ 1.53), *-щик*, *-овщик* (§ 1.68).

-овик → Monosyll (поглощающий сращенный суффикс): *передови́к*, *промыслови́к*, *фронтови́к*, *портови́к*, *пухови́к*, *змееви́к* — [*подоси́н*]*овик*, *горóховик* (см. об этом суффиксе также § 1.37). Эффект Monosyll: *биржеви́к*, *гиреви́к*, *массови́к*, *почтови́к*, *планови́к*, *стендови́к*, *большеви́к*, *меньшеви́к*. Отклонения в сторону непоглощающего типа: *рублёвик*, *целкóвик*, *грéчневик*, *ячневик*, *нáстовик*.

---

[49] Не смешивать с алломорфом *-uj-е* (§ 1.53).

-ок (с беглым *о*; все значения): *кулачóк*, *узелóк*, *голубóк*, *погребóк*, *дымóк*, *желтóк*, *бросóк*, *плевóк*, *витóк* — [*первопýт*]ок, [*саморóд*]ок, [*набрóс*]ок, [*свúт*]ок, [*задáт*]ок, [*напúт*]ок, [*снúм*]ок, [*недоýм*]ок, [*отголóс*]ок, [*перелéс*]ок, *фáртучек*, *овráжек*, *орéшек*, *бараш̀ек*. Если, однако, суффикс *-ок* присоединяется к слову, уже оканчивающемуся на *-ок* (с беглым *о*), происходит эффект Deox: *кусóчек*, *звонóчек*, *молотóчек* (от *кусóк*, *кускá* и т. д.). Отклонения в сторону первичности: *поплавóк*, *помазóк*, *погремóк*, *позвонóк*, *завитóк*, *поддавкú* (ср. также опростившееся *смычóк*).

Примечание. В уменьшительном значении суффикс *-ок* несоединим с сильным базовым компонентом, кроме случая, когда он оканчивается на шипящую (что практически возможно только при исходном слове на *к*, *г*, *х*, а также *н*, см. примеры выше). В других значениях этого ограничения нет.

Уменьшительное *-ок* часто выступает при промежуточном базовом компоненте. В силу особенности, указанной в примечании, у слов не на *к*, *г*, *х* такое производное, если оно вообще образуется, имеет ударение *-óк*: *кленóк*, *сватóк*, *братóк*, *сахарóк*, *юморóк*, *шепотóк*, *запашóк*, *адресóк*, *якорёк*, *флигелёк* и т. п.; также *рачóк*, *слушóк*, но *внýчек* или *внучóк*.

-изн-а → Polysyll (первичный суффикс): *новизнá*, *белизнá*, *прямизнá*. Эффект Polysyll: *дешевúзна*, *дороговúзна*, *укорúзна*. Отклонения: 1) *головúзна*, *отчúзна*, 2) *голубизнá*.

-ин-а (отадъективное имя качества): *величинá*, *тишинá*, *ширинá*, *желтинá* — *сутýлина*. Акцентологически сюда же относятся *сединá*, *быстринá*, *целинá*, имеющие более конкретные значения.

-арь → Monosyll (отыменное): *золотáрь*, *главáрь*, *дикáрь*, *сухáрь* — [*виноградá*]арь, *библиотéкарь*, *аптéкарь*. Эффект Monosyll: *буквáрь*, *волгáрь*, *штукáрь*, *пушкáрь*, *почтáрь*. Отклонения: *мытарь*, *кýхарь* (эти слова примкнули к отглагольным производным с *-арь*, § 1.53); *рыбáрь*. Слова *календáрь*, *секретáрь* синхронически уже не связаны с *калéнды*, *секрéт*.

-ц-а (после сочетания «согласная + *л* или *р*» — *-ец-а*): *хрипотцá*, *крепостцá*, *зеленцá*, *пыльцá*, *трусцá*, *наглецá*, *хитрецá* (ср. *памятцá*, при промежуточном базовом компоненте) — [*убúй*]ца, [*пропóй*]ца, [*прохлáд*]ца, *ехúдца*, *шпóрца*. Отклонение: *двéрца* (ср. также опростившееся *мышца*).

-ц-о/е → Polysyll: *словцó*, *мясцó*, *дрянцó*, *винцó*, *сельцó* — *одеяльце*, *колéнце*, *болóтце*, *сáльце*. Эффект Polysyll: *веретёнце*, *волокóнце*, *окóнце*, *седéльце*. Отклонения: 1) *дéльце*, *тéльце*, *дбнце*; 2) эффект Polysyll неустойчив в *решётце* // *решетцó*, *долóтце* // *долотцó*; 3) *зéркальце*, *злóтце* (т. е. эффект Triv), также *дéревце* // *деревцó*, *крýжевце* // *кружевцó*; 4) *озерцó*.

-ец-о/-иц-е (алломорф предыдущего суффикса, выступающий после сочетания согласных; различие *ец/иц* — чисто орфографическое):

письмецо́, ружьецо́, пальтецо́, серебрецо́ — строе́ньице, назва́ньице, пла́тьице, кре́слице. Отклонение: *ма́слице.*

-ец[50] (не уменьшительное). 1. Аддитивное (маркировка → Monosyll): *плавуне́ц, холоде́ц, образе́ц, погребе́ц, дворе́ц, юне́ц, лове́ц, резе́ц, жиле́ц, певе́ц* — [*песнопе́в*]*ец*, [*заимода́в*]*ец*, [*честолю́б*]*ец*, [*голодра́н*]*ец*, [*оборва́н*]*ец*, [*повста́н*]*ец*, [*пришёл*]*ец*, *лука́вец, скита́лец, корми́лец, румя́нец.* Эффект Monosyll: *рыбе́ц, стерве́ц, шельме́ц, бегле́ц, исте́ц.* Отклонения: 1) в сторону первичности — *продаве́ц* (при правильных *книгопрода́вец, христопрода́вец*), *поставе́ц, изразе́ц, сорване́ц, остане́ц,* устар. *пришле́ц*; 2) *студене́ц, варене́ц, ме́кладене́ц*; 3) *ли́пец* (мед), *ста́рец, ма́ле́ц, шпо́ре́ц,* народно-поэт. *мо́лодец* (слова *па́лец, не́мец, сла́нец, а́гнец* и т. п. синхронически уже не являются производными).

2. Заменительное (маркировка →), вместо *-ск-* и вместо *-ij-* в составе *-енij-е*; *-ец* используется заменительно везде, где есть хотя бы одно из указанных опорных производных (между собой они акцентно не расходятся), кроме слов *са́женец, варене́ц, отве́рженец,* которые образованы от причастий. Примеры: *доне́ц* — *го́рец, ду́мец, толсто́вец, кантиа́нец* (ср. *донско́й, го́рский* и т. д.); *ижди́вене́ц, выдвиже́нец, ополче́нец* (ср. *ижди́вение* и т. д.); также *парти́ец* (заменительно от *парти́йный*).

-ич: *костроми́ч, москви́ч, тверя́ч* (ср. *в Твери́*), *Фоми́ч* — [*соро́д*]*ич*, [*собо́тч*]*ич*, *шля́хтич, ба́рич* (ср. *ба́ры*), *вя́зьмич, Ники́тич.* Ср. также *псковя́ч, гдовя́ч* (промежуточный базовый компонент). Отклонения: *ро́дич, кня́жич.* См. также *-ович*, § 1.47.

-ыш: *коротыш, малыш, голыш, глупыш, крепыш* — [*зарод*]*ыш*, [*вклад*]*ыш*, [*оборв*]*ыш*, *выкидыш, выигрыш, пога́ныш, несмышлёныш, ду́тыш.* Отклонения: *ка́тыш, гла́дыш, найдёныш* (отпричастное).

§ 1.52. Суффиксы прилагательных.

-ин (фамилии; в число прилагательных помещены условно): *Кочерги́н, Бороди́н, Ильи́н, Зими́н, Ноги́н — Коро́вин, Ла́пин, Воло́дин* (ср. *-ин* в притяжательных прилагательных, § 1.54). Имеется, однако, довольно много отклонений в сторону маркировки ←. Помимо *Гу́бин, Стру́нин, Сытин*, где с исторической точки зрения просто сохраняется старое ударение, таковы, например: *Вдо́вин, Ду́дин, Ко́зин, Смо́лин, Стре́лин, Тра́вин, Стари́нин* (исчерпывающий список здесь нереален).

-овск- → Monosyll (поглощающий сращенный суффикс). С такой маркировкой *-овск-* выступает только в семантической группе «отрицательных действий (или качеств) типа колдовства, плутовства, хвастовства» (ср. обычное *-овск-*, § 1.48). Перечислим все входящие в эту группу слова с *-овск-* (а также с *-овств-о*, которое связано

[50] После сочетания согласных *е* устойчивое (*мудре́ц, мудреца́*), в прочих случаях беглое.

с *-овск-* отношениями замены): *колдов-ско́й*, *-ство́*, *ведьмов-ско́й*, *-ство́*, *ведов-ско́й*, *-ство́*, *воров-ско́й*, *-ство́*, *плутов-ско́й*, *-ство́*, *шельмов-ско́й*, *-ство́*, *бунтовско́й*, *баловство́* (ср. также акцентно сходное *баловно́й*), *шутов-ско́й*, *-ство́*, *хвастов-ско́й*, *-ство́*, *мотов-ско́й*, *-ство́*, *фатов-ско́й*, *-ство́*, *франтов-ско́й*, *-ство́*. В современном языке имеет отрицательную окраску и тем самым примыкает к данной группе также *кумов-ско́й*, *-ство́*. Обособленно стоит *сватов-ско́й*, *-ство́* (не имеющее отрицательной окраски), но оно семантически связано с *кумовство́*. Акцентные исключения: *чертовский*, *бесовский*. Характерно, что примерно при половине слов данной группы имеются также глаголы на *-ова́ть*: *колдова́ть*, *ведьмова́ть*, *ворова́ть*, *плутова́ть*, *бунтова́ть*, *балова́ть*. Других слов на суффиксальные *-овск-о́й*, *-овств-о́*, кроме перечисленных выше, в русском языке нет. Таким образом, единая акцентная структура всех слов данной группы отчетливо ассоциируется с указанным кругом значений (ср. в этом отношении окказиональные образования вроде *курвовство́*). Примечательно, что у нескольких слов со сходным значением, имеющих неодносложный базовый компонент, требуемая акцентная структура достигается за счет отсутствия морфа *-ов-*: *волшебство́*, *озорство́* (ср. *озорно́й*), *удальство́* (ср. *удало́й*), *щеголь-ско́й*, *-ство́*. Сюда же примыкали устаревшие акцентные варианты *ханже-ско́й*, *-ство́*, вытесненные ныне акцентологически стандартными *ха́нже-ский*, *-ство*.

Основная маркировка ←

§ 1.53. Для суффиксов класса ← свидетельства их недоминантности часто лежат в сфере потенциальных слов (см. § 1.39); некоторые из таких слов приводятся ниже. При суффиксах данного класса промежуточные базовые компоненты ведут себя как сильные (§ 1.33). Особенность данного класса суффиксов состоит также в том, что при неосвоенности производного эти суффиксы могут вести себя в соответствии с маркировкой ← Triv. Например, при окказиональном словообразовании могут появиться такие уменьшительные, как *бо́бровчик*, *при́ставчик*, *сте́рлядка* и т. п. Ниже этот факт уже более не отмечается.

Суффиксы существительных.

-ов-о, *-ив-о*: *хлёбово*, *ва́рево*, [*по́жн*]*иво*, *ме́сиво*. Отклонение: *огни́во* (но разг. *о́гниво*). В словах *жни́во*, *чти́во* суффиксальное ударение вынужденное.

-тв-а: *би́тва*, *жа́тва*, *кля́тва*, *моли́тва*. Отклонение: *жратва́* (простореч.).

-ств-о (после шипящих *-ейств-о*). 1. Аддитивное: *семе́йство*, *бе́гство*, *высо́чество*, *о́бщество* — [*уби́й*]*ство*, [*изли́ш*]*ество*, *ла́комство*, *иму́щество*, *де́вство*; ср. также *но́вшество*, *пи́ршество* (с морфом *-и-*). Отклонения: 1) *вдовство́*, *родство́*, *сродство́*, *свойство́* ‘родство’ (ср. *сво́йство* ‘качество’), *мастерство́*, *божество́*, *рождество́*, *есте-*

ство́, *вещество́*, *существо́*; кроме того, *волшебство́*, *озорство́*, *удальство́*, о которых см. при *-овск-*, § 1.52; отметим также *старшинство́*, *большинство́*, *меньшинство́* (с морфом *-ин-*); 2) *лека́рство*, *роско́шество*; 3) *та́инство*.

2. Заменительное, вместо *-ск-* (*-еск-*); используется заменительно везде, где есть прилагательное с *-(е)ск-*, кроме слов *свойство́*, *мастерство́*, *божество́*, *лека́рство* (см. выше). Примеры: *щегольство́*, *плутовство́* — *де́тство*, *зве́рство*, *толсто́вство*, *и́ночество* (ср. *щегольско́й*, *плутовско́й*, *де́тский*, *зве́рский* и т. д.).

-j-а (названия женщин; множ. число [у неодушевленных] и собирательные pluralia tantum): *колду́нья* (и прочие на *-у́нья*), *гбстья*; *лоску́тья*, *дере́вья*, *коло́сья*, *коре́нья*, *пе́рья*, *ли́стья*, *дреко́лья*, *лохмо́тья* — *игу́менья*, *сва́тья*; *кли́нья*, *бру́сья*, *поле́нья*, [*отре́п*]*ья*, [*объе́д*]*ья*. Особые случаи: *повбдья*, *каме́нья*.

Примечание. Для современного языка уже являются устаревшими собирательные на *-ье*, параллельные формам мн. числа на *-ья* (Р. *-ьев* и т. д.), например, *ли́стье*, *лохмо́тье* при обычных *ли́ст-ья*, *-ьев*, *лохмо́т-ья*, *-ьев*. Ударение этих устаревших собирательных — такое же, как во мн. числе на *-ья* (тогда как у живых собирательных с данным суффиксом акцентовка иная, см. § 1.42).

-ij-е (в т. ч. в составе имен действия на *-тие*, *-ние*, кроме *-ение*, о котором см. § 1.67): *вели́чие*, *те́рние*, *зва́ние*, *зна́ние* — [*раболе́п*]*ие*, [*полуша́р*]*ие*, [*бесси́л*]*ие*, [*дове́р*]*ие*, [*уны́н*]*ие*, [*призна́н*]*ие*, [*собра́н*]*ие*, [*сня́т*]*ие*, [*вскры́т*]*ие*, *броса́ние*, *де́лание*, *отбра́сывание*. Исключения: *остриё*, *бытие́*, *небытие́*, *житие́*, *питие́*; *зна́мение*.

-к-а. 1. Аддитивное: *сковоро́дка*, *кочерёжка*, *чуда́чка*, *лоша́дка*, *перепёлка*, *игблка*, *ды́рка* — [*наббй*]*ка*, [*загоро́д*]*ка*, *я́годка*, *ка́пелька*, *пу́говичка*, *кача́лка*, *пры́галка*, *морози́лка* (морф *-и-* ↓ D). Отклонения: 1) *де́нежка*, *це́ркбвка*, *со́сенка* (//*сосёнка*); 2) *лине́йка* (ср. *-ейн-*, *-ейск-*, § 1.41), *черпа́лка*, *невиди́мка*, *гребёнка*, *щебёнка*, *куха́рка*, *венге́рка*.

2. Заменительное: а) в названиях женщин, вместо *-ец*, *-ин*; б) в производных, служащих сокращением для сочетания «прилагательное + существительное», вместо *-н-*, *-н'-*, *-ск-*. Примеры: *бе́женка*, *торгбвка*, *са́мка*, *афи́нянка*, *тата́рка*, *арма́нка* (ср. *бе́женец*, *торгбвец*, *само́ец*, *афи́нянин*, *тата́рин*, *армяни́н*); *вечбрка*, «*Комсомблка*», *ми́чманка*, разг. *слеса́рка* (ср. *вече́рняя газета*, «*Комсомбльская пра́вда*», *ми́чманская фуражка*, *слеса́рные работы*). См. также *-очк-а* ниже, *-овк-а*, *-инк-а*, *-ишк-а* (§ 1.47).

-к-о: *ведёрко*, *сердёчко*, *коле́чко* — *я́блочко*, *око́шечко*. Отклонения: 1) *пивко́*, *мяско́*, *ушко́* 'отверстие', *у́шко́* (уменьшительное), *брюшко́*, *озерко́* (следы более старой маркировки с Marg), также *молочко́*; 2) *зблотко*, *бблачко*, *дйтятко*. Особо стоят названия лошадиных мастей: здесь *-к-о* ведет себя по классу →: *воронко́*, *гнедко́*, *серко́*, *була́нко*. См. также *-очк-о* ниже.

-ик (уменьшительное [отсубстантивное]): *каранда́шик*, *кома́рик*, *волбсик*, *козы́рик*, *слбник*, *дбмик* — [*расска́з*]*ик*, *скве́рик*, *автббусик*,

ср. также свободно образуемые окказиональные *ми́нусик*, *што́порик*, *па́русик*, *ко́мпасик* и т. п.

-ник. С акцентологической точки зрения, основная сложность здесь в различении случаев типа *наста́в-ник* (где выступает суффикс *-ник* ←, который действует как поглощающий, т. е. несмотря на существование слова *наставно́й*) и типа *отставн-и́к* (где выступает просто *-ик* →, т. е. *-ник* не дает поглощающего эффекта). После приставочно-корневого комплекса *-ник* обычно бывает поглощающим, ср. *наста́вник*, *отхо́дник*, *зака́зник*, *запа́сник*, *отсту́пник*, *уго́дник*, также при отсутствии прилагательного — *вса́дник*, *нае́здник* и т. п.; особо отметим *помо́щник*, *подви́жник*. Исключения составляют слова, семантически эквивалентные субстантивированному прилагательному (*отставни́к*=*отставно́й военнослужащий*, также *выходни́к*, *отпускни́к*, *выпускни́к*, *приписни́к*, ср. еще *озорни́к*); кроме того, *подрывни́к*, *взрывни́к*, *проводни́к*, *связни́к*, *пропускни́к*. Этому образцу следует также *истопни́к*. Не после приставочно-корневого комплекса *-ник*, как правило, бывает непоглощающим, ср. *кореннй-и́к*, *мясн-и́к*, *капу́стн-ик*, *со́чн-ик* и т. п. Единое *-ник* выступает здесь лишь при отсутствии соответствующего прилагательного с *-н-* (*-н'-*): *оси́нник*, *рабо́тник*, *лоша́дник*, *сло́вник*. Имеется, однако, значительная группа слов, где выступает «незаконное», с точки зрения современных правил, ударение *-ни́к* (в приводимом списке соединены случаи, где прилагательное с *-н-* есть, но имеет иное ударение, и где его просто нет): *бечевни́к* (//*бечёвник*), *ледни́к* (в горах; ср. *ле́дник* 'погреб'), *холодни́к*, *блудни́к*, *рудни́к*, *межни́к*, *должни́к*, *острожни́к* (от *острога́*), *плужни́к*, *пазни́к*, *слезни́к*, *лозни́к*, *тайни́к*, *гнойни́к*, *ройни́к*, *денни́к*, *голосни́к*, *колосни́к*, *росни́к*, *клеветни́к*, *локотни́к*, *золотни́к*, *потни́к*, *воротни́к*, *похотни́к*, *тростни́к*, *мутни́к*, *шутни́к*, *колошни́к*, *сошни́к*, *душни́к*, *пальни́к*, *тальни́к*. Большая часть этих слов отражает более старую маркировку суффикса *-ник*: ← Marg. В *ви́сельник* (от *ви́селица*) суффикс *-ник* действует как заменительный.

-чик (все значения): *каба́нчик*, *рука́вчик*, *колоко́льчик*, *су́пчик*, *во́зчик*, *но́счик*, *да́тчик* — *дива́нчик*, *а́нгельчик*, *кла́панчик*, [*нала́д*]*чик*, [*захва́т*]*чик*, [*сда́т*]*чик*. Отклонение: *метчи́к* (инструмент).

-очк-а, *-оньк-а*: *звёздочка*, *ко́сточка*, *голо́вонька*, *но́ченька* — *секу́ндочка*, *да́мочка*, *берёзонька*, *тётенька*; ср. также потенциальные *ка́федрочка*, *я́годонька* и т. п. Отклонения: *цепо́чка*, *дощечка*.

-очк-о, *-ечк-о*: практически только *вре́мечко*, *се́мечко* (и прочие от слов на *-мя*), *у́тречко*, *си́течко*, *не́щечко*, *ча́дочко*; отклонение: *местечко*. В прочих внешне сходных словах (*словечко*, *ведёрочко*) выступает простое *-к-о*.

-ушк-а (ласкательно-почтительное, в частности, народно-поэтическое) *голо́вушка*, *лебёдушка*, *жёнушка* — [*сосе́д*]*ушка*, *свекро́вушка*; ср. также потенциальные слова вроде *ста́ростушка*. Относительно *-ушк-а* в других значениях см. § 1.41.

-ушк-о, *-ышк-о*, *-ушек*, *-ышек*: *по́люшко*, *зёрнышко*, *пупы́рышек*, *ко́лышек* — *го́рлышко*, *кли́нышек*; ср. также потенциальные слова вроде *ло́коныщек*.

-л-а (первичный суффикс): *хны́кала*, *запева́ла*, *заправи́ла* (морф *-и-* ↓ D).

-л-о (первичный суффикс): *нача́ло*, *би́ло*, *пе́кло*, *сто́йло* — *бры́згало*, *хрю́кало*, *покрыва́ло*, *мери́ло* (морф *-и-* ↓ D). Ударение *черпа́ло* соотнесено с разг. *черпа́ть*. Отклонения: 1) в сторону класса →: *помело́*, *гребло́*, *скребло́*, *седло́*, *мазло́*, *трепло́*, *тесло́*, *путло́* (ср. также опростившиеся *сопло́*, *жерло́* и др.); 2) *ны́гало*, *ды́хало*.

-тель (первичный суффикс): *изда́тель*, *жи́тель* — *дви́гатель*, *де́латель*, *иссле́дователь*, *прави́тель* (морф *-и-* ↓ D).

-н-я (все значения, кроме отглагольных имен действия и отыменных собирательных, ср. § 1.42): *вече́рня*, *пова́рня*, *гонча́рня*, *скворе́чня*, *двбйня*, *бо́йня*, *па́шня* — [*каменоло́м*]*ня*, [*шерстомо́й*]*ня*, [*сплёт*]*ня*, *што́пальня*, *краси́льня* (морф *-и-* ↓ D), *голубя́тня*, *карау́льня*, *печа́тня*. Отклонения: 1) в сторону первичности и класса →: *западня́*, *размазня́*, *ступня́*, *мотня́* ('часть невода' и др.), *квашня́*; *четверня́*, *пятерня́* и т. д. (от числительных); также *лыжня́* (с эффектом Monosyll или D), *ро́вня́*, *нербвня́* (ср. еще *головня́*, *пешня́*, *клешня́*, с остаточными базовыми компонентами); ударению *-ня́* здесь способствует взаимодействие с теми группами слов на *-ня*, где такое ударение регулярно (§ 1.42); 2) *кофе́йня*, *пека́рня*, *тока́рня*, *слеса́рня* (в соответствии с прилагательными на *-ный*), *конюшня*, *исповеда́льня*. См. также *-овн-я* (§ 1.41, 42), *-отн-я* (§ 1.42).

-арь (отглагольное): только *ле́карь*, *пе́карь*, *то́карь*, *пи́сарь*, *па́харь*, также *зна́харь*. Сюда же примкнуло непроизводное *сле́сарь*, а также отыменные производные *мы́тарь*, *ку́харь*. Отклонение: *сека́рь*; кроме того, *бунта́рь*, *коса́рь*, *звона́рь* в акцентном отношении ведут себя как производные от *бунт*, *коса́*, *звон*, хотя семантически они теснее связаны с соответствующими глаголами.

-ость: *жи́вость*, *свя́тость*, *весёлость*, *мудрёность*, *ве́рность* — *сурбвость*, *ка́верзность*, [*порыв*]*истость*. Вынужденное суффиксальное ударение: *злость*. Отклонения: *мо́лодость*, *хо́лодность*.

Примечание. Суффикс *-ость* несоединим с неодносложными (а также с производными односложными) основами прилагательных на *-бй*, кроме *мо́лодость* от *молодбй*. Слова *ра́звитость*, *уда́лость*, *очерёдность* соотносятся с акцентными вариантами *ра́звитый*, *уда́лый* и ненормативным *очерёдный*.

-ец ← Triv (уменьшительное): *счётец*, *хле́бец*, *су́пец* — *моро́зец*, *биле́тец*, [*наро́д*]*ец*, *бра́тец*. Производные с ударным *-е́ц* (*столбе́ц*, *ларе́ц* и др.) в современном литературном языке уменьшительное значение, как правило, уже утратили. В разговорной речи и просторечии возможны, однако, экспрессивные образования на *-(е)цу́* в Р. ед.: *спиртецу́*, *овсецу́* и т. п.

-ш-а ← Triv (названия женщин): *опеку́нша, секрета́рша, при́ставша — генера́льша, фе́рмерша, до́кторша, сле́сарша, ха́нша.*

-бищ-е (поглощающий сращенный суффикс): *кла́дбище, сто́йбище, стре́льбище, гу́льбище.*

§ 1.54. Суффиксы прилагательных.

-(и)j (притяжательные прилагательные): *собо́лий, лебя́жий, стерля́жий, каза́чий, ко́зий, бо́жий — кро́личий, чино́вничий, стару́шечий, оле́ний.*

-к-: *громо́здкий, сторо́жкий, ло́мкий, бо́йкий — [трудоём]кий, [дальнозо́р]кий,* обл. *си́веркий.* Отклоняется только обл. *то́ропкий.*

-ск-, -еск-: *янва́рский, посо́льский, же́нский, сво́йский, зве́рский, го́рский, де́тский, оте́ческий, пасту́шеский, дру́жеский, кня́жеский — [поса́д]ский, банди́тский, това́рищеский, а́нгельский, до́кторский, ма́стерский, о́рденский, ха́мский.* Отклонения: *островско́й, слободско́й, городско́й, людско́й, рядско́й, мужско́й, ямско́й, поварско́й, писарско́й (//пи́сарский), кучерско́й, мирско́й, морско́й, хуторско́й, де́нь-день-ско́й,* также *мастерска́я*; в этих случаях отразилась более старая маркировка данного суффикса (← Marg). О словах *щегольско́й, ханжеско́й (//ха́нжеский)* см. при *-овск-*, § 1.52. В словах *заводско́й* и *складско́й* аномальным образом приставочно-корневые комплексы трактуются как глагольные (по модели *заводно́й, складно́й*). Особую группу слов на *-ско́й* образуют географические наименования: *псковско́й* (но чаще *пско́вский*), *серпуховско́й, чудско́й, чухломско́й, костромско́й, сумско́й, двинско́й (//дви́нский), донско́й.* Другой тип отклонения: *венге́рский.* См. также *-овск-* (§ 1.48, 52), *-ийск-, -ейск-* (§ 1.41).

-еньк- (также *-оньк-* после *к, г, х*); производное имеет только полные формы (см. Грамм., с. 75, § 11): *моло́денький, голу́бенький, холо́дненький, про́стенький — краси́венький, кори́чневенький.*

-л- (первичный суффикс): *уста́лый, уны́лый, спе́лый, па́лый, вя́лый, ча́хлый, ро́слый, при́шлый — лежа́лый, очуме́лый, заплесневе́лый.* Отклонения: *удало́й (//уда́лый), жило́й, пожило́й, гнило́й, было́й, прибыло́й, убыло́й*; фактически это производные от глаголов с подвижным ударением в прош. времени (но с синхронической точки зрения данный тип связи с ударением глагола уже не может быть описан никаким регулярным способом).

-н'-: *дочерний, осе́нний, сторо́нний — [иногоро́д]ний, [многосторо́н]ний, [заму́ж]ний, бра́тний.* Отклонение: *ма́терний.*

-ин (притяжательные прилагательные) ← Triv: *же́нин, се́стрин, до́черин, ма́терин — па́пин, тётин, Воло́дин* (ср. *-ин* в фамилиях, § 1.52). Отклонение: *Ильи́н* (схема *b*) в сочетании *Ильи́н де́нь.*

Примечание. Продуктивно здесь только соединение с сильными основами; соединение со слабыми основами в литературном языке исчерпывается словами *же́нин, се́стрин, до́черин, ма́терин, Ильи́н.*

-нн- (причастия и отпричастные прилагательные), *-н-* (отпричастные прилагательные); первичные суффиксы с маркировкой ← Poly-

syll: *да́нный*, *зва́нный*, *про́данный*, *пере́вранный* [51], *раско́панный*, *разрисо́ванный*, *тка́ный*, *трёпаный* — *проде́ланный*, *поми́лованный*, *вы́работанный*, *што́паный*. Отклонения: 1) причастия *венча́нный* (царским венцом), *обуя́нный*; прилагательные *несказа́нный*, *жела́нный*, *недрема́нный*, *окая́нный*, *покая́ный*, *постоя́нный*, *назва́ный* (однако в *беспреста́нный*, *неуста́нный*, *благоуха́нный*, *бездыха́нный* следует усматривать просто суффикс *-н-* после основы на *н*); 2) *пе́реданный*.

Замечание. Хотя формально помета Polysyll действует здесь совершенно так же, как обычно, в сущности мы имеем здесь дело с особой ситуацией, нормой фактически является ударение типа *разрисо́ванный*, *про́данный* (на второй гласной слева от суффикса), а ударение типа *да́нный* выступает как вынужденное. Дело в том, что здесь (как и в причастиях с *-т-*, ср. ниже) в действительности представлена техника акцентовки, характерная для словоизменения, а не для словообразования: акцентная оппозиция типа *разрисова́л—разрисо́ван* выражает противопоставление залогов внутри претеритной субпарадигмы (ср. § 4.4).

-енн- (отыменное): *торже́ственный*, *ро́дственный* — *соло́менный*, *фи́рменный*, *коли́чественный*. Отклонения: *таи́нственный*, *вои́нственный*.

-шн'-: *вчера́шний*, *вне́шний*, *ны́нешний*, *сего́дняшний*.

-т- (причастия и отпричастные прилагательные; первичный суффикс). 1. Заменительное (с маркировкой ←), вместо *-ли* в мн. прош. (у корневых глаголов, кроме глаголов на *-олоть*): *наду́тый*, *разби́тый*, *за́пертый*, *на́чатый*, *пе́режи́тый* (ср. *наду́ли*, *разби́ли*, *за́перли*, *на́чали*, *пе́режи́ли*); при этом, однако, для глаголов на *-нять* с неодносложной основой литературная норма не допускает ударения *-ня́тый*, даже если допустимо *-ня́ли*, ср., например, *о́бнятый* при *о́бняли* // *обня́ли*. Отклоняется ряд отпричастных прилагательных: 1) *вито́й*, *завито́й*, *развито́й* (//*ра́звитый*), *обжито́й*, *лито́й*, *налито́й*, *разлито́й*, *пропито́й*, *спито́й*, *испито́й*, *занято́й*, *снято́й*, также субстантивированное *понято́й*; 2) *прокля́тый* (ср. еще *завзя́тый*, *предвзя́тый*, для которых нет глаголов). 2. Аддитивное, с маркировкой ← Polysyll (у *по*-глаголов и глаголов на *-олоть*): *гну́тый*, *изо́гнутый*, *сту́кнутый*, *ко́лотый*, *вы́колотый*.

-чат- (поглощающий сращенный суффикс): *жело́бчатый*, *бахро́мчатый*, *бревёнчатый*, *иго́льчатый*, *се́тчатый* — [*взры́в*]*чатый*, [*вы́ем*]*чатый*, *ресни́тчатый*. Поглощающий эффект ясно виден, например, в *про́бчатый*, *клеёнчатый*, *рису́нчатый*, *па́льчатый*, *ко́льчатый* и т. п. (от *про́бка*, *клеёнка*, *рису́нок*, *па́лец*, *кольцо́*): делению типа *кробч-ат-ый*, *кольч-ат-ый* соответствовало бы ударение на *-ат-*,

[51] Как видно из этих примеров, обычная приставка образует часть глагольной основы (т. е. плотно присоединена к корню); ср. неплотное присоединение приставки *не*, например, в *незва́ный*, *нежда́нный*. Ударение не переходит также на первую основу в сложениях: *домотка́ный*, *первозда́нный* и т. п. (это можно интерпретировать как эффект неплотного присоединения или как эффект именного комплекса).

поскольку *-ат-* относится к классу ↓ D. Поглощающий эффект распространяется только на суффиксальное *-ч-* (*-ц-*, *-к-*), поэтому его нет в *камча́тый*, *внуча́тый*, *доща́тый* (*досча́тый*). Отклонения: сравнительно устойчивые — *тройча́тый*, *крупча́тый*, *брусча́тый*, *крестча́тый*; неустойчивые — *сто́лбча́тый*, *звёздча́тый*, *гла́зча́тый*; ср. также нормативные *зубча́тый*, *хлопча́тый* и разговорные *зу́бчатый*, *хло́пчатый*. Отклонения представляют собой акцентные архаизмы, которые в разговорной речи имеют тенденцию устраняться.

-ист- ← Triv (в химических и технических терминах со значением ‘содержащий соответствующее вещество’): *слю́дистый*, *у́глистый*, *ста́листый*, *йо́дистый*, *хро́мистый*, професс. *се́рнистый* (при нормативном *серни́стый*) — [*кремнезём*]*истый*, *фо́сфористый*, *ни́келистый*, сюда же примыкает *сли́зистый*. Специально отметим, что близкие по значению прилагательные нетерминологического характера (качественные), например: *золи́стый*, *смоли́стый*, *и́листый*, сюда не относятся; они входят в основную группу слов с *-ист-* (§ 1.48).

-вш-, *-ш-* (причастия), также *-в*, *-вши*, *-ши* (деепричастия): *растёр-ший*, *-ши*, *растере́в*, *сберёг-ший*, *-ши*, *сде́лав-ший*, *-ши*, *сде́лав*. Отклонения: *за́перший*, *запершúсь*, *о́тперший*, *отперши́сь*, *за́ме́рший*, *-ши* (аналогично с *об-*, *по-*), *пе́реме́р-ший*, *-ши*, *опершúсь*.

В данную группу входят также показатели компаратива *-е*, *-ше*: *моло́же*, *чи́ще*, *ста́рше*, *до́льше*.

§ 1.55. Суффиксы глаголов.

-(е)ствова-ть (поглощающий сращенный суффикс): *вдо́вствовать*, *бе́дствовать*, *зве́рствовать*, *купе́чествовать* — *здра́вствовать*, *ора́торствовать*. Отклонения: 1) *благовествова́ть*, *повествова́ть*, *торжествова́ть*, *вспомествова́ть*, *существова́ть*, *долженствова́ть*; 2) *вои́нствовать*.

-ыва-ть (первичный суффикс): *завя́зывать*, *пошеве́ливать*, *ха́живать* — *раску́поривать*, *заса́харивать*, *о*[*безвре́ж*]*ивать*.

-ича-ть, *-нича-ть*: *на́гличать*, *по́дличать*, *жа́дничать* — [*рото-зе́й*]*ничать*, *броде́жничать*, *я́бедничать*, *попроша́йничать* (от *попроша́йка*), *су́мерничать* (от *су́мерки*). Отклонение: *домовни́чать*. Слово *озорнича́ть* акцентно правильно при разложении *озорнич-а́-ть*. В прочих случаях между разложением типа *я́бед-нича-ть* и типа *я́беднич-а-ть* акцентной разницы нет.

-ну-ть (выпадающее в прош. времени [хотя бы в части форм]; первичный суффикс): *осла́бнуть*, *окре́пнуть*, *прогóркнуть*, *охри́пнуть*, *сти́хнуть*. Такая акцентовка представлена и в тех случаях (довольно многочисленных), когда глагол не может рассматриваться как производный от какого-либо морфологически более простого слова, например: *зя́бнуть*, *насти́гнуть*, *пове́ргнуть*, *ме́ркнуть*, *па́хнуть*, *вя́нуть*, *сты́нуть* и т. п.

СУФФИКСЫ С УСЛОЖНЕННОЙ АКЦЕНТНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКОЙ

Связь акцентуации с противопоставлением качественных и относительных прилагательных

§ 1.56. В современном русском языке у производных прилагательных обнаруживается следующая закономерность: качественные прилагательные за очень немногими исключениями имеют в полных формах наосновное ударение (тогда как у непроизводных этого ограничения нет, ср. *сухо́й*, *молодо́й* и т. п.). Так, суффиксы, с помощью которых образуются именно качественные прилагательные, никогда не имеют → в своей маркировке; ср., в частности, *-к-* ← (например, *жа́ркий*), *-еньк-* ← (*моло́денький*), *-лив-* ↓ (*хвастли́вый*), *-ист-* ↓ (*цвети́стый*), *-аст-* ↓ D (*цвета́стый*), *-ав-* ↓ D (*велича́вый*), *-ив-* ↓ D (*краси́вый*), *-ит-* ↓ D (*масти́тый*), *-ущ-* ↓ D (*длинню́щий*) и др. Что же касается суффиксов, дающих как качественные, так и относительные прилагательные, то здесь может произойти акцентное «расщепление» суффикса; а именно, оно обязательно происходит там, где относительные прилагательные образуются в соответствии с маркировкой →: для качественных прилагательных в этом случае используется другая маркировка (← или ↓). В таком положении находятся прежде всего суффиксы *-н-* и *-ов-*: ср., например, *дверно́й*, *подвесно́й*, *путево́й* и *дру́жный*, *протя́жный*, *путёвый* (в менее яркой форме эти соотношения выступают при суффиксе *-ян-*, см. § 1.64).

Общеизвестно, однако, что противопоставление качественных и относительных прилагательных нестрогое: во-первых, потому, что нестроги сами понятия качественного и относительного значений, во-вторых, потому, что во многих случаях у одного и того же прилагательного имеются как относительные, так и качественные значения. Тем самым использование в акцентологических правилах понятий качественного и относительного прилагательного неизбежно означает потерю формальной строгости. Однако, сколь бы ни была огорчительной такая потеря, анализ материала все же заставляет признать, что современное русское ударение фактически реагирует именно на это различие. В «чистых» случаях эта зависимость проявляется совершенно отчетливо; более размытая картина, наблюдаемая в различного рода промежуточных и нечетких случаях, не может поставить под сомнение наличие самой зависимости.

Таким образом, при описании акцентуации прилагательных с *-н-* и *-ов-* полная формальная строгость может быть достигнута лишь с помощью списков; как сводный список такого рода можно рассматривать, например, Грамм. С другой стороны, полезные обобщения (позволяющие, в частности, делать предсказания о новом материале) здесь можно достичь лишь на уровне неполной строгости (по крайней мере, при современном уровне точности в описании

значений). Во всяком случае, совершенно иллюзорны встречающиеся иногда попытки повысить в этом пункте строгость акцентологического описания, подменив противопоставление «качественные — относительные» противопоставлением «имеющие краткие формы — не имеющие их» (см., в частности, Редькин, с. 189). В самом деле, наличие или отсутствие кратких форм фактически само определяется, во-первых, качественным или относительным значением прилагательного, во-вторых, ударением полных форм (ср., например, отсутствие кратких форм у *пробивно́й*, *рокова́й*). Главное же в том, что в сознании носителей русского языка нет четкого разграничения между прилагательными, имеющими краткие формы и не имеющими их; тем самым опора на этот признак никак не повышает строгости изложения.

Таким образом, практически мы будем исходить из традиционного нестрогого представления о качественных и относительных прилагательных; см., в частности, АГ-80, т. I, с. 541. Отметим здесь лишь некоторые детали, существенные для дальнейшего. Прилагательные со значением цвета, в соответствии с традицией, рассматриваются как качественные (хотя они несколько отличаются от основного массива качественных прилагательных в том, что касается возможных вариаций интенсивности признака). У отглагольных прилагательных относительные значения носят несколько специфический характер. Наиболее типичны здесь значения: 1) ‘получаемый в результате соответствующего действия’ (например, *нашивно́й*, *заказно́й*); 2) ‘предназначенный (приспособленный) для того, чтобы быть объектом соответствующего действия’ (например, *откидно́й*, *раздвижно́й*, *складно́й*). Заметим, что последнее значение иногда сближается с качественными; в прилагательных *слы́шный*, *неслы́шный*, *ви́дный* ‘visibilis’, семантически близких к этой группе, мы имеем дело уже просто с качественным значением.

Для акцентологического описания суффикса *-ов-* оказывается необходимым также подразделение относительных прилагательных на: 1) прилагательные, которым мы даем рабочее обозначение «полукачественные», и 2) чисто относительные, т. е. остальные. К категории «полукачественных» принадлежат прилагательные со следующими значениями (символ *X* заменяет исходное имя): а) ‘мерой в одну единицу *X*’ (или ‘в несколько единиц *X*’ — при сложной основе), например, *пудо́вый*, *двухметро́вый* (это значение близко к качественным);

б) ‘масти *X*’, ‘из категории, отмеченной знаком *X*’, например, *бубно́вый*, *ге́рбо́вый* (это значение близко к цветовому);

в) ‘изготовленный из мяса (шкуры, костей и т. д.) животного *X*, из древесины (ветвей, листьев) растения *X*, из ткани (нити, шерсти) *X*, из твердого стройматериала *X*’, например, *бобро́вый*, *дубо́вый*, *шёлковый*, *тесо́вый*;

г) ‘приготовленный из *X* или с *X* в качестве определяющего компонента’ (о кушанье), например, *медо́вый*, *фруктово́вый*.

Прочие значения являются чисто относительными. Таковы, в частности, значения ‘свойственный *X*’, ‘касающийся *X*’, ‘предназначенный для *X*’, ‘происходящий от (из-за) *X*’, ‘снабженный *X*-ом’, ‘расположенный в (около) *X*’, ‘имеющий вид *X*’, ‘являющийся частью *X*’, ‘являющийся *X*-ом’ и др.

Большая практическая трудность связана с тем, что производные прилагательные, как правило, многозначны и нередко совмещают качественные значения с относительными (или полукачественные с чисто относительными). При таком совмещении может оказаться, что одно значение требует по правилу одной акцентовки, а другое — другой. Фактически, однако, акцентное единство лексемы в таких случаях почти никогда не нарушается, а именно, одно из значений выступает как главное и определяет акцентовку слова в целом (во всех значениях). Например, у слова *дубо́вый* акцентуация определяется значением «сделанный из древесины дуба» (ср. *дубо́вый стол*), но она выступает и при других значениях (например, в *дубо́вый лист*, *дубо́вая роща*), которые сами по себе требовали бы иной акцентуации.

Как правило, акцентуация определяется тем значением, в котором слово выступает чаще всего. Трудные случаи совмещения разнотипных значений отмечены ниже индивидуально. Здесь укажем лишь следующий более общий факт: для производных с *-ов-* от названий животных, деревьев (и иных растений) и тканей акцентологически главным является полукачественное значение (см. выше, пункт «в»). Лишь у нескольких слов это не так, поскольку здесь полукачественное значение неактуально или даже вовсе отсутствует: *трутнево́й*, *шершнево́й*, *зверово́й*, *хмелево́й*, *плющево́й*.

Суффикс -н-

§ 1.57. Суффикс *-н-* (первичный) — самый сложный в акцентологическом отношении из всех русских суффиксов. На его акцентное поведение влияют: 1) несколько собственно лингвистических факторов — качественное или относительное значение производного прилагательного, его отыменный или отглагольный характер, акцентный тип производящего слова; 2) прагматический фактор (§ 1.5).

Акцентное действие прагматического фактора здесь таково: неосвоенное (непривычное, редкое) прилагательное с *-н-* стремится получить тривиальное ударение, совпадающее по месту с И. ед. производящего слова (если только ударение здесь не флексионное). Формально это значит, что суффикс *-н-* ведет себя в данном случае в соответствии с маркировкой ← Triv. Так, в индивидуальной речи при неосвоенности соответствующего слова могут встретиться, например, такие ударения, как *те́ремный*, *ско́ростный*, *пло́скостный*, *ку́зовный*, *шта́бный*, *зе́ркальный*, *ве́тошный*. В сущности речь здесь идет о построении этих слов в акте речи заново по простейшим моделям. Существенно, однако, что для части слов тривиальное ударение,

вызванное прагматическим фактором, включено в литературную норму. Сюда относятся, во-первых, слова устаревшие или имеющие возвышенно-книжную окраску, например, *че́рмный*, *хла́дный*, *гро́бный*, во-вторых, многие редкие слова, которые для подавляющего большинства носителей языка в сущности относятся к категории потенциальных слов (конструируемых заново в случае необходимости), например, *зо́бный*, *бро́вный*, *о́бручный*. Действие прагматического фактора накладывается на действие собственно лингвистических факторов, создавая в сфере редких слов ряд отклонений от основных правил.

Отвлекаясь от индивидуальных отклонений, акцентные свойства суффикса *-н-* в терминах маркировок можно представить так [52].

I. При неосвоенности: ← Triv.

II. При освоенности.

1. В качественном значении: ←.
2. В относительном значении
   а) у отыменных: ← Marg;
   б) у отглагольных: →.

Примечание. Имеется несколько особых случаев, когда при соединении производящей основы с суффиксом *-н-* в ней происходит сдвиг ударения на конечный слог (не связанный с акцентными свойствами суффикса *-н-* как такового). Сюда относятся: 1) прилагательные на *-ийный*, *-ейный*, например, *лине́йный*, *гарантийный* (подробнее см. § 1.41), а также *случа́йный*, *необыча́йный*; 2) *бонда́рный* [53], *пека́р-*, *тока́р-*, *слеса́р-*; *служе́б-*, *смоко́в-*, *поле́з-*, *разу́м-*, *поско́н-*, *характе́р-*, *пу́рпу́р-*, *ужа́с-*, *прелест-*, *завист-*, *ненависть-*, *роско́ш-*, *ветош-*, *пусто́ш-*, *возду́ш-*, *свекло́вь-* (ср. § 1.30, замеч.); также *а́томный вес* (отметим еще нелитер. *свадебный*, *кухонный*) [54]. В дальнейшем разборе эти слова в списках исключений уже не упоминаются.

Рассмотрим действие приведенных правил более конкретно.

Качественные прилагательные

§ 1.58. Маркировка ← реализуется в этом классе прилагательных (насчитывающем несколько тысяч слов) с высокой степенью последовательности. Примеры: *бе́д-ный*, *голо́д-*, *холо́д-*, *дру́ж-*, *гря́з-*, *стра́ст-*, *стра́ш-*; *го́д-*, *то́м-*, *спе́ш-*, *нища́д-*, *развя́з-*, *опа́с-*, *зауны́в-*, *беспрерыв-*, *непрерыв-* [55]; также для слов с промежуточной по силе

---

[52] Напомним, что маркировки непосредственно предназначены для установления акцентуации полных форм производного прилагательного; акцентуация кратких форм (если они есть) устанавливается затем по общим правилам (см. § 1.16).

[53] Общая часть *-ный* для сокращения записи опущена; аналогично и в ряде последующих списков.

[54] Слова (*не*)*доступный*, *неприступный*, *способный* образованы не от *доступ*, *приступ*, *способ*, а по общей модели отглагольных производных (§ 1.60).

[55] Приставка *не-* в словах типа *непрерывный*, *неотвязный* и т. п. присоединена плотно; она практически синонимична здесь приставке *без-* и создает значение 'неспособный (непригодный) к соответствующему действию'.

основой (§ 1.30, В): *гнéв-ный*, *стáт-*, *óбраз-*, *плáмен-*, *трéпет-*, *гóрест-*, *я́рост-*, *мéлоч-*. Отметим, что наосновное ударение имеют и те качественные прилагательные с *-н-*, где исходного слова в современном языке уже нет, например: *блéдный*, *кóсный*, *тéсный*. Особенно наглядны случаи, где прямо противопоставлены качественное и относительное прилагательное с одинаковой основой, в частности: *степéнный — степеннóй* (в математике); *врéменный — временнóй* (например, интервал); *óбразный — образнóй* 'иконный'; *мéлочный человек — мелочнáя лавка*; *стрáстная любовь — страстнáя неделя*; *квáсный* 'квашеный, кислый' — *кваснóй* (чан и т. п.); *плáвный переход — плавнáя сеть*; *свя́зный рассказ — связнóй офицер*; *склáдная речь — складнóй стул*; *неотлóжное дело — отложнóй воротник*; *протя́жный звук — протяжнóй механизм*.

Поскольку граница между качественными и относительными прилагательными нестрога, понятие исключения в данном случае тоже оказывается нестрогим. Явными исключениями можно считать: а) *чуд-нóй*, *блаж-*, *срам-*, *дрян-*, *дур-*, *цвет-*, *смеш-*, *шаль-*, *хмель-* (*//хмéльный*), *боль-*; *корен-*, *сволоч-* [56]; б) *балов-*, *пробив-*, *пролив-*, *показ-*, *озор-*, *разбит-*. Здесь сохранено ударение, свойственное: в группе «а» — относительным прилагательным (§ 1.59; флексионное ударение определяется здесь эффектом Marg), в группе «б» — отглагольным прилагательным (§ 1.60). Кроме того, качественные значения занимают существенное место в семантической структуре прилагательных: *род-нóй*, *зем-*, *руч-*, *сплош-*, *основ-*, *продув-*, *потай-* (данный список, вообще говоря, можно несколько расширить). Неправильное место ударения внутри основы: *бéрежный*, *врéменный*. См. также § 1.57, примеч.

Относительные прилагательные

§ 1.59. У отыменных относительных прилагательных с *-н-* действует, хотя и не совсем последовательно, архаичный принцип акцентовки, отражаемый маркировкой ← Marg. Примеры с сильными производящими основами: *ры́б-ный*, *лы́ж-*, *сéр-*, *жи́т-*, *глагóль-*, *канáт-*, *троллéйбус-*, *настóль-*, *безлошáд-*, *левобережь-*, *подъéзд-* (от *подъéзд* 'часть здания'); со слабыми (но не маргинально-подвижными): *тру́б-ный*, *звёзд-*, *бли́н-*, *кóн-*, *ствóль-*, *колбáс-*, *ширóт-*, *багáж-*, *кулáч-* [57]; с промежуточными (которые в силу основной маркировки ← у суффикса ведут себя как сильные, см. § 1.33): *пля́ж-ный*, *ю́ж-*, *штáт-*, *му́скуль-*, *кóмпас-*, *гáлстук-*, *фáкель-*, *мéбель-*. Специально отметим, что в числе прочих промежуточных основ как сильные ведут себя и основы слов «группы *якорь*» (т. е. они не под-

[56] Отметим еще устаревшие *честнóй*, *мирнóй*, также *мелочнóй* (о человеке); ср. обычные *чéстный*, *ми́рный*, *мéлочный*.

[57] Сюда же прилагательные на *-есный*, например, *небéсный*, *словéсный*: в современном языке они должны рассматриваться как производные от отдельных лексем *небесá*, *словесá* и т. д. (а не от *небо*, *слóво*).

падают под действие пометы Marg); примеры: *я́кор-ный*, *бу́фер-*, *ла́гер-*, *ве́ксель-*, *а́дрес-*, *па́рус-*, *па́спорт-*, *ка́мен-*, *у́голь-*, *ла́пот-* и т. п.

Примеры эффекта Marg: *штаб-но́й*, *губ-*, *зуб-*, *нож-*, *глаз-*, *двой-*, *зем-*, *стен-*, *спин-*, *степ-*, *двер-*, *лес-*, *спирт-*, *свеч-*, *печ-*, *ноч-*, *руч-*, *уш-*, *пуш-*; *кружев-*, *голов-*, *остров-*, *площад-*, *тормоз-*, *зелен-*, *племен-*, *имен-*, *череп-*, *четвер-*, *номер-*, *четверт-*, *област-*, *должност-*, *крепост-*, *щелоч-*, *овощ-*; *очеред-*, *поезд-*, *окруж-*, *подат-*, *возраст-*. То же для «группы *воск*»: *сап-ной*, *блат-*, *пив-*, *сен-* (от *се́но*), *мяс-*, *брюш-*, *сталь-*; ср. также *сквозно́й*, *сплошно́й*. Эффект Marg наступает даже при факультативной маргинальной подвижности у производящего слова, ср., например, *избно́й*, *речно́й*, *челюстно́й*. В нескольких случаях ударение производного соответствует ненормативной акцентовке исходного слова: *штрафно́й*, *гребенно́й*, *хоботно́й*, *прочностно́й* (ср. простореч. *штрафы́*, професс. *гребне́й*, *хобото́в*, *прочносте́й*).

Отметим еще несколько слов с остаточным базовым компонентом: *порт-но́й*, *тряп-*, *треф-*.

Важнейшее отклонение от маркировки ← Marg состоит в отсутствии эффекта Marg. Из слов с односложной основой сюда относятся [58]: *хле́б-ный*, *зо́б-*, *бро́в-*, *ста́д-*, *во́д-*, *сне́ж-*, *ча́й-*, *са́н-*, *го́р-*, *сы́р-*, *флю́с-*, *ме́ст-*, *ко́ст-*, *шёрст-*, *о́ч-*, *ве́щ-*, *ба́ль-*, *до́ль-*, *те́ль-*, *мы́ль-*, *ты́ль-* (ударение колеблется при базовых компонентах *сет-* [от *сеть*], *шкаф-*, *строч-*). Из этих слов часто встречаются следующие (в скобках указана их частота по Частотн.): *ме́стный* (135), *го́рный* (94), *сне́жный* (38), *во́дный* (31), *хле́бный* (22), *ча́йный* (17). Остальные слова — относительно редкие (у *ба́льный*, *мы́льный* частота 6, *ты́льный* 3, *те́льный* 1, прочие вообще не попали в Частотн.). По крайней мере для части этих слов (*ве́щный*, *ба́ль-*, *до́ль-*, также узкие термины *зо́б-ный*, *бро́в-*, *шёрст-*, *флю́с-*, *се́т-*, *шка́ф-*) следует предполагать действие прагматического фактора. В нескольких случаях наосновному ударению, по-видимому, способствует наличие у прилагательного качественных значений (*ста́д-ный*, *ве́щ-*, *до́ль-*, *те́ль-*, *мы́ль-*; то же верно для *сне́жный*, *хле́бный*). В слове *о́чный* ударение выровнено по антониму *зао́чный*.

Из слов с неодносложной основой сюда относятся: а) *о́труб-ный* (от *о́труби*), *де́неж-*, *при́стан-*, *зна́мен-*, *ска́терт-*, *ло́паст-*, *о́блач-*, *о́короч-*, *о́бруч-* (//устар. *обру́ч-*); ср. также *ма́терный*; б) *сковоро́дный*, *госпита́ль-*, *колоко́ль-* (ср. *похоро́н-*, *догово́р-*, которые можно отнести также к § 1.60); *церко́в-*, *жемчу́ж-*, *сажен-*, *простын-*, *стремя́н-* (//*стременно́й*), *озёр-*, устар. *козы́р-* (//*козырно́й*), *воло́с-* (//*волосно́й*), *поло́с-* (но *полосно́е железо*), *леме́ш-*, *зерка́ль-*, *земе́ль-*. В группе «а» представлено (если не считать архаизмов *де́неж-ный*, *зна́мен-*, *ма́тер-*) ударение по модели ← Triv, определяемое прагматическим фактором (для *о́блачный* существенно также наличие качественных значений). В группе «б» у трехсложных основ, по-види-

[58] В списки включены только слова, представленные в МАС и/или у Ожегова.

мому, представлен эффект, отчасти сходный с Polysyll (но непоследовательный, ср. *очередно́й*, разг. *договорно́й*); прочие случаи носят характер индивидуальных отклонений. См. также § 1.57, примеч.

Обратное отклонение, т. е. «незаконное» флексионное ударение, представлено существенно реже. Из бесприставочных сюда относятся прежде всего: *гриб-но́й*, *чум-*, *сып-*, *лич-* (*лично́е полотенце* и т. п.), *муч-*, *белен-*, *курен-*; из редких слов можно отметить еще *штанно́й*, *рапно́й*, устар. *дворно́й*.

Из приставочных сюда с определенностью следует отнести *уставно́й* (*//уста́вный*), *суставно́й*, *основно́й* (от *уста́в*, *суста́в*, *осно́ва*); по-видимому, сюда же *обувно́й*, *упряжно́й*, *прописно́й* (от *о́бувь*, *у́пряжь*, *про́пись*). Во всех этих случаях выступает акцентовка, свойственная отглагольным производным. Прочие внешне сходные примеры (*посевно́й*, *запасно́й*, *выхлопно́й* и т. п.) обнаруживают семантическую связь не только с именем, но и с глаголом; они относятся к следующему параграфу.

§ 1.60. В отглагольных относительных прилагательных суффикс *-н-* выступает с маркировкой →.

В бесприставочных производных эта маркировка реализуется без каких-либо осложнений. Примеры: *гребно́й*, *лепно́й*, *курно́й*, *строчно́й* (о воротнике и т. п.) [59] — *печа́тный*, *купа́льный*, *спа́льный*, *тяну́льный* (ср. также качественное *баловно́й*, построенное по этой же модели). Поскольку базовый компонент, равный односложному глагольному корню, всегда слабый (§ 1.30, А2), флексионное ударение представлено, например, в *плавно́й* (о сети, лесе), *ставно́й* (о сети), *резно́й*. Отклонения: *до́йный*, *мо́йный*, *лётный*.

Гораздо сложнее тот случай, когда базовый компонент содержит приставку: во-первых, здесь возникает проблема разграничения отглагольных и отыменных производных, которая далеко не всегда решается с достаточной определенностью; во-вторых, в современном языке суффикс *-н-* еще не полностью закрепил за собой статус первичного суффикса; в части производных он ведет себя в соответствии со своим более старым статусом вторичного суффикса.

Что касается вопроса о семантической производности прилагательного с *-н-* от существительного или от глагола, то ниже практически достаточно различать: 1) случаи, где прилагательное определенно произведено не от глагола, т. е. оно обнаруживает прямую семантическую связь с существительным при отсутствии столь же прямой связи с глаголом (например, *отпускно́й* от *о́тпуск*, *подъе́здный* от *подъе́зд* ‘часть здания’, *помо́йный* от *помои* и т. п., ср. § 1.24) или подходящего глагола вообще нет (например, *безлоша́дный*, *распу́тный*); 2) случай, где прилагательное либо определенно произведено от глагола (например, *раздвижно́й*), либо обнаруживает семантическую связь одновременно с глаголом и отглагольным су-

[59] Ср. наосновное ударение в качественных прилагательных, например, *го́дный*, *та́йный*, *то́мный*, *спе́шный*, *бе́режный* (также *слы́шный*, *ви́дный*, ср. § 1.56).

ществительным (например, *связно́й*, *подъездно́й*, *заказно́й*). В первом случае мы будем говорить об отыменном, во втором — об отглагольном производном.

Напомним, что в соответствии с правилами, изложенными ранее, из приставочных производных с *-н-*: 1) качественные прилагательные имеют наосновное ударение (например, *испра́в-ный*, *протя́ж-*, *разве́з-*, *досту́п-*, *опа́с-*, *заня́т-*, *неотры́в-*, *беспросы́п-*, *необъя́т-*, *безда́р-*, *безопа́с-*, *распу́т-*); 2) отыменные относительные прилагательные имеют ударение, определяемое исходным существительным (т. е. обычно наосновное, например, *при́город-ный*, *на́сморо́ч-*, *у́езд-*, *расхо́д-*, *снаря́д-*, *предло́ж-*, *око́п-*, *пожа́р-*, но в определенных случаях флексионное, например, *погребно́й*, *поездно́й* от *по́греб*, *по́езд*).

После вычета этих двух групп остаются отглагольные относительные прилагательные. Поскольку суффикс *-н-* первичный, для них маркировка суффикса → должна означать (в случае освоенности) флексионное ударение, в частности, при любом односложном корне (§ 1.30, А2), причем даже приставка *вы-* должна быть безударна (§ 1.28, Б). Именно такую картину дают более 300 прилагательных данного класса, например: *сплав-но́й*, *отправ-*, *подстав-*, *посев-*, *набив-*, *пришив-*, *надув-*, *взрыв-*, *откид-*, *проезд-*, *вход-*, *разрез-*, *запас-*, *вколот-*, *пропаш-*; *выгреб-*, *вышив-*, *выезд-*, *вытяж-*, *выхлоп-*, *вынос-*. В ряде случаев имеется прямое акцентное противопоставление отглагольного и отыменного производных, например: *заливно́й* (от *залива́ть*) — *зали́вный* (от *зали́в* ‘часть моря’), *подъездно́й* (от *подъежа́ть*) — *подъе́здный* (от *подъе́зд* ‘часть здания’), *разводно́й* (ключ; от *разводи́ть*) — *разво́дный* (от *разво́д* ‘расторжение брака’), *взводно́й* (от *взводи́ть*) — *взво́дный* (от *взвод*) и др.

Однако имеются также значительные группы отглагольных относительных прилагательных, где ударение наосновное. Эти группы таковы.

1. При определенных корнях суффикс *-н-* ведет себя как вторичный, а не первичный (с исторической точки зрения мы имеем здесь дело с частичным сохранением его прежнего статуса). Это значит, что стоящий перед ним приставочно-корневой комплекс трактуется как именной (независимо от характера семантической производности); соответственно, ударение здесь наосновное (а именно, приставочное в случае приставки *вы-*, в прочих случаях корневое). К этой категории относятся корни: 1) оканчивающиеся на сонант (реально /j/, /л’/, /м/, /н/, /р/), кроме корней *жим-*, *вар-*, *пар-*; ср., например, *уби́йный*, *перести́й-*, *отбе́ль-*, *пересы́ль-*, *подъём-*, *смен-*, *перего́н-*, *оборо́н-*, *похоро́н-*, *обди́р-*, *разби́р-*, *вы́гуль-*, *вы́бор-*; 2) *ряд-*, *чёс-*, *кос-*, *прос-*, *сос-*, *хват-*, *лёт-*, *мёт-*, *чёт-*, *мот-*, *ворот-*, *сеч-*, *тёч-*, *роч-*, *точ-*; ср., например, *заря́д-ный*, *опро́с-*, *захва́т-*, *взлёт-*, *перемо́т-*, *приворо́т-*, *натёч-*, *прото́ч-*, *вы́ворот-*. Отклонения: *потайно́й*, *наклейно́й*, также разг. *договорно́й* (при литер. *догово́рный*).

2. Даже от корней, допускающих производные на *-но́й*, наряду с таковыми могут быть и производные на *-ный*. Возможны также пря-

мые колебания, например, *обводнóй* и *обвóдный*, аналогично с базовыми компонентами *отвод-*, *обход-*, *привоз-*, *провоз-*, *зажим-*, *нажим-*, *обжим-*, *разжим-*, *прижим-*, *отжим-*, *уступ-*, *запар-*, *провес-*, *унос-*, *сброс-*, *обкат-* и некоторыми другими. В живой речи таких колебаний больше, чем отмечается в словарях. При этом вариант с *-нóй*, как правило, носит более профессиональный оттенок, чем вариант с *-ный*. Факторы, способствующие здесь наосновному ударению, таковы: 1) фактор традиции (наосновное ударение всегда является в этом классе слов более старым), ср., например, *исхóдный*, *отхóдный*; 2) неосвоенность; 3) наличие у прилагательного побочных качественных значений, ср., например, *нанóсный*, *перекáтный*; 4) высокая употребительность соответствующего отглагольного существительного (которое может оказывать прямое акцентное влияние на прилагательное), ср., например, *отрáвный*, *прокáтный*. Строго очертить круг прилагательных данного класса с нормативным наосновным ударением невозможно, поскольку нестроги границы между относительными и качественными, отглагольными и отыменными прилагательными. Из достаточно употребительных сюда можно отнести: *отрáв-ный*, *ввóд-*, *свóд-*, *исхóд-*, *отхóд-*, *завóз-*, *ввóз-*, *подвóз-*, *занóс-*, *нанóс-*, *разнóс-*, *принóс-*, *накáт-*, *обкáт-*, *перекáт-*, *прокáт-*, *скáт-*, *уплáт-* (у части из них имеются нелитературные варианты с *-нóй*).

Суффикс -ов-

§ 1.61. На акцентное поведение суффикса *-ов-*[60] (не смешивать с притяжательным *-ов*, § 1.48) в современном языке влияют: 1) собственно лингвистические факторы — качественное, «полукачественное» (§ 1.56) или чисто относительное значение производного прилагательного, число слогов базового компонента и наличие в нем определенных суффиксов; 2) прагматический фактор.

Акцентное действие прагматического фактора здесь таково: при неосвоенности суффикс *-ов-* ведет себя в соответствии с маркировкой ↓Triv (ср. § 1.57 о суффиксе *-н-*); при освоенности ударение определяется прочими факторами. Подробнее о действии данного фактора см. в разборе материала. Здесь специально отметим лишь тот факт, что термины зоологической и ботанической классификации (*вóроновые*, *кáрповые* и т. п.) акцентно всегда оформляются как неосвоенные.

Акцентные свойства суффикса *-ов-* могут быть представлены так.

I. При неосвоенности: ↓Triv.

II. При освоенности.

1. В качественном или полукачественном значении: ↓.

2. В чисто относительном значении: → Polysyll Monosyll.

---

[60] В описании данного суффикса существенным образом использованы работы: Устинова 1974, 1977. Списки составлены в объеме Грамм. (иногда с небольшими добавлениями).

Замечание. Наличие пометы Polysyll в том случае, где *-ов-* имеет основную маркировку → (при основной маркировке ↓ в прочих случаях), в принципе (т. е. если пренебречь исключениями) означает, что при неоднослож-ном базовом компоненте, не содержащем полногласного сочетания, не бывает ударения *-овóй* (т. е. при таком базовом компоненте, вообще говоря, нет необ-ходимости учитывать тип значения прилагательного).

Приведенная схема отражает основное правило акцентовки производных с *-ов-* в современном русском языке. Однако наряду с ним существует и другое, более старое правило, ныне для бóльшей части системы уже неактуальное; оно выражается единой маркировкой ↓Marg для всех случаев. Там, где старое правило вступает в конфликт с новым, обычно побеждает новое правило. Есть лишь одна небольшая зона, где старое правило пока еще сильнее нового: чисто относительные прилагательные, образованные от существительных с суффиксом *-ок* или *-ец* (с беглыми *о*, *е*). При этом, однако, в данной зоне нет случаев, где могла бы проявиться помета Marg, т. е. архаичная маркировка ↓Marg здесь фактически сводится к простейшей маркировке ↓. За пределами этой зоны старое правило создает лишь некоторое число исключений из основного синхронического правила.

Ниже разбирается материал; действие прагматического фактора рассматривается по ходу разбора собственно лингвистических факторов.

Качественные и «полукачественные» прилагательные

§ 1.62. Суффикс *-ов-* имеет здесь маркировку ↓.

Примеры производных со слабым базовым компонентом. Качественные: *путёвый*, *бед-óвый*, *бред-*, *толк-*, *махр-*, *ерунд-*, *чепух-*; *борд-*, *багр-*; *бас-*, *альт-* [61]. Заметим что значительная часть приведенных слов имеет отчетливую разговорную окраску [62]. Особенно характерны такие прилагательные для просторечия, ср. *рискóвый*, *фартóвый*, *шельмóвый*, а также многочисленные прилагательные с общим значением «плохой» (*дерьмóвый*, *хренóвый* и т. д.). Качественные прилагательные на *-óвый* широко представлены также в различных арго (например, студенческом).

«Полукачественные» (примеры даются по группам, указанным в § 1.56): а) *рублёвый*, *пуд-óвый*, *грош-*; б) *черв-óвый*, *бубн-*, *крест-*, *очк-* (змея); в) *лос-ёвый*, *собол-*, *морж-óвый*, *треск-*, *слон-*, *бобр-*, *кит-*, *осетр-*; *боб-*, *дуб-*, *хрен-*, *терн-*, *сосн-*, *пеньк-*, *пух-*, *свинц-*, *холщ-*, *дерн-*, *тес-*, *окорок-*, *язык-* (колбаса), *чесуч-*, *кремн-ёвый*, *миткал-* (об акцентологически главном значении в этой группе производных см. § 1.56); г) *мед-óвый*, *солод-*, *плод-*, *вереск-* (мёд), *желу-*

---

[61] Отметим также прилагательные с остаточным базовым компонентом: *кондóвый*, *сурóвый*, *готóвый*, *лилóвый*, *пунцóвый*.

[62] Ср. также такие областные слова, как *игрóвый* 'игривый, веселый', *квасóвый* 'кислый, кисловатый', *слезóвый* 'плачевный', *чудóвый* 'чудный', *прахóвый* 'мягкий, легкомысленный' и др.

дёвый (*желудёвый*) [63]. У некоторых из этих прилагательных (*грошо́вый*, *хрено́вый*, *медо́вый*) имеются и собственно качественные значения.

Отклонения: 1) определяемые действием старого правила (т. е. ↓Marg, см. § 1.61) — *рок-овой*, *год-*, *век-*, *час-*, *рог-*, *воск-*, *мел-*, *мех-* [64]; также *громово́й* // *громо́вый* (о голосе; но только *громово́й* в чисто относительных значениях); 2) в сторону Deox — *ге́рбовый* (при более редком *гербо́вый*), *минда́левый*, *щаве́левый*, *томпа́ковый*, *голавлевый* // *голавлёвый*; ср. также *бузи́новый*; 3) *шёлковый* (ср. народно-поэт. *шелко́вый*), *бро́совый*, *ка́зовый*.

Для редкого слова *се́льдевый* литературной нормой закреплено ударение, определяемое неосвоенностью. У слов *волево́й*, *ходово́й*, *делово́й* ударение соответствует их относительным, а не качественным значениям (ср. также наличие чисто относительных значений у слова *часово́й*). Ударение *бронево́й*, *гонтово́й* соответствует значению ‘снабженный, покрытый чем-либо’ (а не ‘изготовленный из чего-либо’). Только чисто относительные значения имеют (и потому акцентологически правильны): *верстово́й* (практически только *столб*; в значении ‘длиной в версту’ было бы **версто́вый*), *трутн-ево́й*, *шершн-*, *хмел-*, *плющ-*, *зверово́й* (см. § 1.56).

Примеры с сильным базовым компонентом: *ро́з-овый*, *ла́ск-*; *кро́лик-*, *но́рк-*; *ма́рл-евый*, *за́мш-*, *гру́ш-*, *и́в-овый*, *сли́в-*, *бро́нз-*, *ба́йк-*, *ли́п-*, *берёз-*, *кора́лл-*. Колебания *ке́то́вый*, *фо́льго́вый*, *ки́рзо́вый*, *лю́фо́вый*, *жмы́хо́вый* непосредственно соответствуют колебаниям *ке́та́*, *фо́льга́*, *ки́рза́*, *лю́фа́*, *жмы́хи́*. Отклонения (в сторону доминантности суффикса): *вишнёвый*, *трефо́вый* (// *тре́фовый*); *солодк-о́вый*, *известк-*, *семестр-*, *триместр-* (относительно *километро́вый* и т. п. см. ниже); за рамками литературной нормы также *пик-о́вый* (масть), *джинс-*, *груш-*, *вяз-*, *гротеск-* и некоторые другие.

Акцентный эффект освоенности проявляется у качественных и «полукачественных» прилагательных сравнительно слабо. Так, промежуточный по силе базовый компонент ведет себя как слабый лишь в следующих случаях: *тенор-о́вый*, *дискант-*; *дюйм-*, *грамм-*, *метр-*, *литр-*, *фунт-*; *омул-ёвый*, *лосос-*, *тигр-о́вый*; *клен-*, *лавр-* (лист, венок), *ел-*, *перц-*, *перл-* (крупа), *фрукт-*, *марганц-*, *пестряде́вый*; отметим также просторeч. *фиго́вый* ‘плохой’ (ср. выше об этой группе), нелитер. *исто́вый*, *бланко́вый* (при литер. *и́стовый*, *бла́нковый*). Колебания в *окунёвый* // *о́куневый*, *тополёвый* // *то́полевый*. В прочих случаях промежуточный базовый компонент ведет себя как сильный, даже в освоенных словах, например: *кра́б-овый*, *ра́к-*, *зу́бр-*, *ба́рс-*, *бу́йвол-*; *бя́з-евый*, *тю́л-*, *плю́ш-*, *вя́з-овый*, *ма́к-*, *ци́нк-*, *лу́к-*, *хро́м-*, *дра́п-*, *фе́тр-*, *ри́с-*, *ги́пс-*, *я́хонт-*, *ни́келевый*, не говоря уже о редких словах вроде *ску́нсовый*, *ту́нговый*.

[63] Отметим, что из «группы *воск*» производные на *-о́вый* имеют *толк*, *риск*, *хрен*, *дёрн*, *тёрн*, *тёс*, *фарт*.

[64] Еще в нескольких случаях ударение *-ово́й* сохраняется лишь в виде устаревшего варианта, например, *бредово́й*, *пудово́й*, *медово́й*, *пухово́й*.

Особый вопрос составляет ударение *-бóвый* при сложной основе [65]. Разумеется, примеры типа *двухметрóвый*, *трёхлитрóвый*, *стóграммóвый*, *многопудóвый* ничто не мешает считать результатом неплотного присоединения второй основы к готовым *метрóвый*, *литрóвый* и т. д.; ср. *двухчасовóй*, *трехгодовóй* и т. п. от *часовóй*, *годовóй*. Однако в некоторых случаях ударение *-бóвый* появляется вопреки ударению соответствующего простого прилагательного: *средневекóвый* (ср. *вековóй*), *многовекóвый* (//*многовековóй*), *одноцилиндрóвый*, *двухцилиндрóвый* (ср. *цилíндровый*), *двухходóвый* (ср. *ходовóй*), *однояйцóвый* (ср. *яйцевóй*), также ненормативные *двухмачтóвый*, *восьмилучёвый*, *коротковолнóвый* и др.[66] Особое акцентное поведение морфа *-ов-* в этих случаях следует связывать с аналогичными свойствами «опорного» *-ов-* (§ 1.27), ср. *Поднепрóвье*, *безотцóвщина*, *поножóвщина* и т. п. В самом деле, на фоне таких примеров, как *одногла́зый*, *двухголóвый*, прилагательные типа *двухцилиндрóвый* выглядят как имеющие «лишнее» *-ов-*. В слове *понизóвый* переход ударения с именного приставочно-корневого комплекса *по-низ-* на *-ов-* легко объясняется, если допустить, что *-ов-* здесь «опорное», тогда как при любой иной трактовке он должен быть признан редкой аномалией; слово *бестолкóвый* можно трактовать либо так же, как *понизóвый*, либо через неплотное соединение *без* и *толкóвый*. По-видимому, допустимо также (по крайней мере, в таких случаях, как *одноя́йцóвый* ‘происходящий из одного яйца’, где в значении явно есть элемент, свойственный суффиксу *-ов-*) интерпретировать морф *-ов-* как совмещающий в себе «опорный» элемент и суффикс (т. е. как результат «наложения»); ср. двойную функцию *-ов-* в словах типа *розовáтый* (*розов-* + *-оват-*).

Производные *килограммóвый*, *километрóвый*, *сантиметрóвый*, *миллиметрóвый* в акцентном отношении уподобились таким, как *стóграммóвый*, *многометрóвый* и т. п., т. е. основа трактуется здесь как сложная.

Чисто относительные прилагательные

§ **1.63**. Суффикс *-ов-* имеет здесь маркировку → Polysyll Monosyll. Оставив временно в стороне производные от существительных с суффиксами *-ок*, *-ец*, рассмотрим остальной материал.

Примеры производных со слабым базовым компонентом: *дожд-евóй*, *пол-*, *рул-*, *огн-*, *корн-*, *гост-*, *пут-*, *лиц-*, *плеч-*, *луч-*, *бель-*, *пить-*, *резьб-овóй*, *угл-*, *числ-*, *зерн-*, *нос-*, *щит-*, *лист-*, *хвост-*; *берег-*, *колос-*, *полос-*, *порох-*, также *перечневóй*; из отглагольных и отадъективных производных — *раневóй* (от *рáнить*), *грыз-овóй*, *скак-*, *смотр-*, *пляс-*; *легк-*, *бел-*, *черн-*, *чист-*; отметим также *сороковóй*.

---

[65] Этот вопрос рассматривается здесь для прилагательных любых семантических классов.

[66] Сюда же *право-*, *левофланговый* (ударение *фланговый*, по-видимому, само заимствовано у этих слов, см. § 1.63).

Отклонение: *ра́зовый* (относительно редких слов *ла́довый*, *па́зовый* и др. см. отдельно ниже).

Примеры эффекта Monosyll в чистом виде (т. е. при сильном базовом компоненте): *бирж-евóй*, *пул-*, *гир-*, *бур-*, *веч-*, *куч-*, *туч-*, *пищ-*, *сил-овóй*, *горл-*, *сумм-*, *форм-*, *мен-*, *групп-*, *искр-*, *цифр-*. То же при промежуточном базовом компоненте: *слиз-евóй*, *цел-*, *кил-*, *стил-*, *штил-*, *бол-*, *гребн-*, *стержн-*, *плесн-*, *кор-*, *вихр-*, *душ-* (от *душ*); *град-овóй* (туча), *груз-*, *шлюз-*, *цирк-*, *пуск-*, *звук-*, *шторм-*, *штурм-*, *шум-*, *горн-*, *тип-*, *мор-*, *центр-*, *бур-*, *курс-*, *свист-*, *текст-*. В словах *спуск-овóй*, *стык-*, *смысл-*, *вкус-*, *сбыт-* приставочно-корневой комплекс опрощен и потому утратил доминантность. Случаи с наложением морфов: *жерновóй*, *бечевóй*, *кочевóй* (однако *шварт́овый*; в принципе сюда можно отнести также и *торѓовый*).

Эффект Polysyll: при слабом базовом компоненте — *головнёвый*, *очаѓовый*, *промысл́овый* и др.; при промежуточном — *митинг-óвый*, *лозунг-*, *обод-*, *очерк-*, *поиск-*, *прииск-*, *дебет-* (также ненормативные *обжиѓовый*, *минус́овый*); ср. «законное» отсутствие данного эффекта в *береговóй* и т. п., а также в *волоковóй*, *молотовóй*. Эффект Polysyll «незаконно» отсутствует в словах: *отраслевóй*, *языковóй* (от *язык* средство общения'), *мастеровóй*.

Примеры с неодносложным сильным базовым компонентом: *комбáйн-овый*, *балáнс-*, *баллáст-*, *кóсточк-*, *подшúпник-*. Отклонения (в сторону доминантности суффикса): *маневр-óвый*, *оркестр-*, *продукт-*, *мальчик-*[67], *бороздк-*, *местечк-*; также от имен с *-ок* — *поселк-óвый*, *участк-*, нелитер. *подростк-* (в последней группе приставочно-корневой комплекс опростился и утратил доминантность).

При неосвоенности суффикс безударен, даже если это противоречит помете Monosyll. Примеры: при односложном сильном базовом компоненте — *лю́тневый*, *фу́г-овый*, *хóрд-*, *бáз-*, *фрáз-*, *лúнз-фрéск-*, *спóр-*, *рáс-*, *кáсс-*, *кáст-*; при промежуточном базовом компоненте — *шáрж-евый*, *лúвн-*, *рáнг-овый*, *рéйд-*, *стéнд-*, *фóнд-*, *кóд-*, *джáз-*, *знáк-*, *трéк-*, *чéк-*, *бáнк-*, *фúльм-*, *клáн-*, *тéмбр-*, *жáнр-*, *клáсс-*, *áкт-*, *кýльт-*, *шéльф-*, при слабом базовом компоненте (исходное слово относится к маргинально-подвижному типу) — *лáд-овый*, *пáз-*, *тáз-*, *кóн-*, *тóн-*, *прúз-*, *вóрс-* (ср. также предостережения АО против таких ударений, как *чáновый*, *шáговый*). Отклонение в сторону Deox: *фéрзевый* (наряду с акцентно правильным *ферзевóй*).

Как и в других частях системы, где активно проявляется прагматический фактор, мы сталкиваемся здесь с очень большим количеством колебаний, поскольку степень освоенности одних и тех же слов у разных носителей языка различна. Основной моделью здесь является соотношение типа *пультовóй* в речи профессионалов — *пýльтовый* в речи остальных носителей языка. Литературная норма, как и в других подобных ситуациях, отражает здесь в одних слу-

[67] В разговорной речи акцентно аномальное *мальчиќовый* часто заменяется теперь на *мальчýќовый* (акцентно совершенно правильное, ср. *барчýк*, *барчýка* и т. п.).

чаях непрофессиональное ударение (например, *чёрневый*, *рýмбовый*, *стéньг-*, *дúск-*, *бóчк-*, *тя́гл-*, *прéсс-*, *стáрт-*; оценка степени нормативности здесь и ниже дана по Грамм), в других профессиональное (например, *слиз-евóй*, *гряз-*, *штил-*, *щебн-*, *клубн-*, *трутн-*, *шершн-*, *поршн-*, *приз-овóй*, *шлюз-*, *стык-*, *храм-*, *сумм-*, *мен-*, *искр-*, *текст-*, *шрифт-*), в третьих признает допустимыми оба ударения (например, *сéлевый* и *селевóй*, аналогично при базовых компонентах *грыж-*, *усть-*, *бомб-*, *трюк-*, *русл-*, *дышл-*, *скип-*, *ворс-*, *плюс-*, *флюс-*, *сит-*, *лифт-*, *шихт-*, *пульт-*).

Иначе выглядит эффект неосвоенности там, где исходное слово относится к флексионному или смежно-подвижному типу: маркировка ↓Triv, соответствующая неосвоенности, дает в этом случае ударение *-óвый*. Примеры: *плетнёвый*, *тайг-óвый*, *тяж-*, *кирк-*, *кайл-*, *сноп-*, *тавр-*, *ядр-*, *пест-*, *хлыст-*, *жгут-*, *кнут-*. Разумеется, эти ударения можно было бы объяснить и действием старого правила (т. е. маркировкой ↓Marg). Существенно, однако, что все эти слова — очень редкие, а подавляющее большинство более употребительных слов уже подчиняются новому правилу, а не старому (см. примеры выше). Поэтому естественно связывать ударение *-óвый* в приведенных словах именно с неосвоенностью, а не просто со старым правилом. Ср. колебания в относительно более частых словах: *ножóвый* и *ножевóй*, *стволóвый* и *стволовóй*, *котлóвый* и *котловóй*. Наряду с прилагательными *ковшóвый*, *копрóвый*, *кострóвый* (от *костёр*), которые фиксируются словарями именно с таким ударением (соответствующим неосвоенности), имеются субстантивированные прилагательные (более употребительные) *ковшевóй*, *копровóй*, *костровóй*.

Замечание. Как отметил Б. О. Унбегаун, в русском языке субстантивированные прилагательные (*рулевóй*, *марсовóй* и т. п.) имеют тенденцию к ударению *-овóй*, независимо от акцентуации исходного слова (см. Кипарский 1962, с. 16). Учитывая разобранный выше материал, можно утверждать, что это не отдельная закономерность, а лишь специфическое частное проявление общего правила об ударении *-овóй* у освоенных чисто относительных прилагательных с односложным базовым компонентом. В самом деле, субстантивируются обычно лишь чисто относительные прилагательные (с общим значением 'связанный с таким-то предметом'), например: *рул-евóй*, *ковш-*, *кош-*, *звень-*, *город-овóй*, *корд-*, *люк-*, *стрел-*, *дом-*, *стан-*, *чан-*, *горн-*, *костр-*, *марс-*, *лот-*, *вест-* и др.; ср. также *часовóй* (от [*стоя́ть*] *на часáх*). При этом субстантивация (т. е. по сути дела сокращение полного сочетания типа *рулевой матрос*), как правило, наступает лишь в той среде (обычно профессиональной), где соответствующее понятие привычно; отсюда акцентный эффект освоенности. В оппозиции типа *мáрсовый* (прилагательное) — *марсовóй* (существительное) акцентологически существенно не различие частей речи, а различие по употребительности: *мáрсовый* (*марсовóй*) в собственно адъективном качестве встречается гораздо реже, чем в субстантивированном. Поэтому для первого литературная норма фиксирует ударение, соответствующее неосвоенности, для второго — соответствующее освоенности. То же верно и для пар типа *кострóвый*—*костровóй* (см. выше); особенность лишь в том, что здесь неосвоенность отражается суффиксальным ударением, а не корневым. Иначе обстоит дело в парах *коврóвый*—*ковровóй* (в цирке), *домóвый*—*домовóй* (демон); здесь разницы по степени освоенности нет, но сильно разошлись значения членов пары. Акцентно регулярны в этих парах именно субстантивированные члены (имеющие чисто относительное значение), тогда как прилагательные по индивидуальным причинам получили особое ударение.

Исключениями из основного правила (которые нельзя отнести за счет неосвоенности) являются: а) *стол-бвый*, *двор-*, *ковр-*, *шатр-*; здесь ударение *-бвый* соответствует старому правилу; б) *фланг-бвый*, *торг-*, *сад-*, *лед-*, *под-*, *дом-*, *опт-*, *порт-*, *фрахт-*, *почт-*; здесь ударение не соответствует ни новому, ни старому правилу; сюда же *сбтбвый*, *верхбвый* // *верховбй* (о ветре, о городах на реке; ср. *верховбй* от [*ездить*] *верхом*), *стеблёвый* // *стеблевбй* (ненормативные варианты с *-овбй* есть еще и для *лед-*, *под-*, *порт-*, *почт-*, *сот-*; см. также выше о субстантивированных *ковровбй*, *домовбй*). У части этих слов ударению *-бвый* способствует наличие качественных или «полукачественных» значений; ср., в частности, *коврбвая ткань* (*дорожка*, *сани*, *обои*), *ледбвая дорога*, *оптбвые закупки*. Слово *фланговый*, по-видимому, восприняло ударение слов *право-*, *левофланговый* (см. сноску 66). Ударения *торгбвый*, *подбвый*, *верхбвый* представляют собой просто архаизмы. Ударение *почтбвый*, по предположению А. В. Исаченко, пришло из польского. В прочих случаях пункта «б» источник ударения *-бвый* менее ясен.

Вернемся теперь к тому особому случаю, когда прилагательное образовано от существительного с суффиксом *-ок* или *-ец*. В этом случае действует маркировка ↓ (равносильная здесь маркировке ↓Marg, см. § 1.61). Примеры: *стрелк-бвый*, *станк-*, *звонк-*, *щипк-*, *лепестк-*, *дворц-*, *писц-*, *крестц-*, *солонц-*, ср. *слйтк-овый*, *порядк-*, *рáнцевый*. Основному правилу подчинились только: *куск-овбй*, *кружк-*, *крючк-*; *конц-евбй*, *пальц-*, *торц-* (// *торцбвый*), *вальц-* (// *вальцбвый*); ср. также регулярные *яйц-евбй*, *кольц-*, *пыльц-*, образованные от существительных среднего и женского рода. Об отклонениях в сторону доминантности (*поселк-бвый*, *участк-*, *подростк-*) см. выше.

Суффикс -ян-

§ 1.64. Суффикс *-ян-* с акцентологической точки зрения обнаруживает значительное сходство с *-ов-*; но материал здесь существенно меньше и акцентные закономерности выявляются менее отчетливо. Основные акцентные свойства суффикса *-ян-* таковы: 1) в качественном значении ↓; 2) в относительном (в т. ч. «полукачественном») значении → Polysyll Monosyll. Для выявления возможного действия прагматического фактора здесь нет подходящих условий.

Качественных прилагательных с *-ян-* совсем немного: *багрянóй*, *духмянóй*, *медвянóй*, *рдянóй*; *пьянóй*; также *охрянóй* ‘цвета охры’, с эффектом Monosyll (//*охрянбй*); ср. еще обл. *водянóй* ‘водянистый’. Кроме того, с остаточным базовым компонентом: *румянóй*, *прянóй*, *рьянóй*.

Относительные прилагательные. Примеры: *щанбй*, *ржанбй*, *льнянбй*, *трав-янбй*, *лед-*, *гвозд-*, *круп-*, *мездр-*, *нутр-*, *прос-*, *холст-*, *шерст-*, *солод-*, *волос-*, *хворост-* — *селйтряный*, *финйфтяный*. Эффект Monosyll: *полб-янбй*, *луб-*, *ив-*, *плат-*, *жест-*, *нефт-*, *верф-*,

торф-. Эффект Polysyll: *конопля́ный*; также *очерета́ный*, *таволжа́ный* (где суффикс отклоняется в сторону доминантности). Ударение *берестяно́й* соотносится с распространенным ненормативным ударением *береста́* (ср. редкое *бере́стяный* в соответствии с *берёста*).

Имеется, однако, значительное число отклонений разного типа. Нет эффекта Monosyll: *ко́жаный*, *па́кл-яный*, *су́сл-*, *гли́н-*, *ни́т-*. Прочие случаи неправильного корневого ударения: *серебряный*, *ма́сляный*, *ве́тряна́я оспа*. Нарушены правила эффекта Polysyll: *толокн-я́ный*, *полотн-*, *череп-* (наряду с правильным *черепяно́й*); с другой стороны, *отрубяно́й*. Прочие случаи неправильного суффиксального ударения: *песча́ный*, *миша́ный*, *дресвя́ный*, *соля́ная кислота* (при обычном *соляно́й*); колебание *овся́ный* // *овсяно́й*, аналогично при *сурьм-*, *рос-*, *полст-*, ср. еще разг. *жестя́ный* при литер. *жестяно́й* (см. также выше об *очерета́ный*, *таволжа́ный*). Большинство указанных прилагательных просто сохраняет свое древнее ударение.

Алломорф *-янн-* ведет себя в соответствии с маркировкой ↓: *стекля́нный*, *оловя́нный*, *деревя́нный*.

Суффиксы -ова-ть и -ирова-ть

§ 1.65. Суффикс *-ова-ть* (первичный) характеризуется двояким акцентным поведением. Более старая (непродуктивная) модель здесь *-ова́-ть* ↓, более новая (продуктивная) — *-ова́-ть* ↓D. Только старой моделью объясняется ударение следующих слов: [*доса́д*]-*овать*, *об*[*нарóд*]-, [*урóд*]-, [*прихóд*]-, [*расхóд*]-, (*об*)[*оруд*]-, [*наси́л*]-, [*соболе́зн*]-, [*собóр*]-, [*сове́т*]-; *же́ртв-*, *ра́д-*, *бесе́д-*, *кома́нд-*, *трапе́з-*, (*ис*)*по́льз-*, (*из*)*оби́л-*, *пра́здн-*, *па́мят-*, *корыстоваться*. Отметим, кроме того, не отыменные (по крайней мере, с синхронической точки зрения) глаголы с таким же ударением: *тре́б-овать*, *про́б-*, *бре́зг-*, *заве́д-* (*пропове́д-* и т. д.), *сле́д-*, *зави́д-*, *жа́л-*, *ве́р-*, *ра́т-*, *се́т-*, *пе́ст-*, *по́тчевать*; ср. также простореч. *ба́ловать*(*ся*). Нерегулярно (даже с точки зрения старой модели) *ми́ловать*; ср. акцентно регулярное *милова́ть* 'ласкать'. Следует отметить, что большая часть слов данной группы носит книжный характер.

Все прочие слова с *-ова-ть* (но не *-ирова-ть*) имеют ударение на суффиксе, например: *страх-ова́ть*, *титул-*, *псих-*, *шифр-*, *воева́ть*. При этом для значительной части из них такое ударение может быть объяснено только моделью ↓D, например: *известк-ова́ть*, *квартир-*, *интриг-*, *интерес-*, *пасынк-*, *паник-*, *рифм-*, *мышк-*.

Некоторые слова первой группы в нелитературной речи переходят во вторую, ср., например, *памя́тую*, *покорствуются*, *соболезну́ют*.

Суффикс *-ирóв-ать*[68] (первичный) имеет маркировку ↓D, но с двумя вариантами акцентовки: *-и́рова-ть* и *-ирова́-ть*. Выбор между

[68] При описании акцентных свойств данного суффикса использована курсовая работа К. К. Богатырева на эту тему; см. также Воронцова, с. 237–248.

этими вариантами подчиняется не вполне строгим правилам; имеется значительное количество колебаний. Вариант *-ирова́-ть* выступает в следующих случаях. 1. При односложном базовом компоненте и значениях: а) ‘покрывать веществом (рисунком, нарезкой и т. п.) *X*’, ‘насыщать, пропитывать *X*-ом’ (*лак-ирова́ть*, *бронз-*, *глаз-*, *брон-*, *мат-*, также *плак-*, *пол-*, *пан-*, *блинди́рова́ть*; *грим-ирова́ть*, *марк-*, *лесс-*, *грав-*, *гофр-*, *плисс-*; *фарш-*, *мебл-*, ср. *газиро́ванный*); б) ‘покрывать, укрывать предметом (одеждой) *X*’ (*маск-ирова́ть*, *драп-*, *пломб-*); в) ‘организовывать, подразделять в соответствии с *X*’, ‘упражнять, улучшать способом *X*’ (*групп-ирова́ть*, *сорт-*, *план-* [об участках земли], *норм-*, *форм-*, *трен-*, *дресс-*, *юсти́рова́ть*). 2. В нескольких глаголах с неодносложным базовым компонентом при тех же значениях, что в 1а и 1б: *эмал-ирова́ть*, *никел-*, *костюм-*, *экип-*, *татуи́рова́ть*. 3. В изолированных случаях: *марш-ирова́ть*, *рок-* (непереходные глаголы); *серв-*, *прем-* (ср. ненормативное *премі́ровать*), *пик-* (о сеянцах), *кол-*, *крок-*, *плас-*, *декати́рова́ть*. Глаголы *квартирова́ть*, *обмундирова́ть*, *брошюрова́ть* (*брошюрова́ть*) относятся не сюда: это *кварти́р-(а)* + *-ова́-ть* ↓ D и т. д. Возможность подобного разложения существует также для *командирова́ть*, *бомбардирова́ть*, *ранжи́рова́ть*, *букси́рова́ть*; она поддерживает в этих словах конечное ударение.

Из глаголов, отвечающих условиям пункта 1, лишь очень немногие имеют ударение *-и́рова-ть*; это глаголы с базовым компонентом на *р* (*хлор-и́ровать*, *нитр-*, *вир-*), а также *газ-и́ровать* (но *газиро́ванный*), *хром-* (но обычно *хромиро́ванный*), *арм-*, *гумм-*, *сульф-* и некоторые совсем редкие. Напротив, при неодносложном базовом компоненте *-и́рова-ть* является нормой (ср. *бетон-и́ровать*, *цемент-*, *асфальт-* и т. д.).

Во всех прочих случаях представлено только *-и́рова-ть* (*поз-и́ровать*, *шок-*, *форс-*, *транспорт-* и т. п.); оно же всегда выступает в составе *-изи́рова-ть*.

Суффикс -и-ть

§ 1.66. Суффикс *-и-ть* (первичный) имеет маркировку ↓ Deox. Его особенностью является то, что промежуточные базовые компоненты здесь почти всегда ведут себя как сильные (даже при освоенности). Кроме того, имеется довольно много индивидуальных отклонений (заметим, что бо́льшую часть из них составляют акцентные архаизмы; их синхроническая неправильность обусловлена лишь тем, что в ходе истории изменилась акцентовка производящего слова). Относительно случаев, где трудно выявить направление словопроизводства (от имени к глаголу или наоборот), см. § 1.18; специально отметим, что ниже трактуются как непроизводные, в частности, глаголы *пра́вить*, *зна́чить*, *-ча́лить*, *мо́лвить*.

Примеры правильного ударения: *серебри́ть*, *бороздѝть*, *веселѝть*, *солѝть*, *застолби́ть*, *грубѝть*, *уточни́ть* — [*прока́з*]*ить*, *у*[*нево́*-

з]ить, *[вздóр]ить*, *у[достój]ить*, *о[безвре́д]ить*, *о[бессáхар]ить*, *морóзить*, *усúлить*, *сáлить*, *мнóжить*, *вя́лить*, *осчастли́вить*, *пáкостить*; эффект Deox: *мая́чить*, *батрáчить*, *утю́жить*, *раскоше́литься*, *кура́житься*, *напузы́рить*, также *песóчить* (с нерегулярным сохранением беглого *о*). Отметим, что перед *-и-ть* иногда встречаются нехарактерные для русского языка в целом глагольные двукорневые комплексы, например, *руководи́ть*, *благослови́ть* (см. § 1.26). Правильное ударение имеют также производные от «группы *воск*» (§ 1.30, А1), а именно: *охлад-и́ть* [69], *омрач-*, *вощ-*, *лощ-*, *захлам-*, *срам-*, *крен-*, *обдерн-*, *мир-*, *сор-*, *ворс-*, *форс-*, *гнус-*, *фарт-*, *бут-*, *страш-*, *смеш-*; *див-*; *лени́ться*, *дур-и́ть*, *улест-*, *груст-*; *дружи́ть*, *покуми́ться* (ср. также *усынови́ть*); *просквози́ть*.

Промежуточный базовый компонент ведет себя как слабый только в словах *гнев-и́ть*, *хам-*, *бубн-*, *расчлен-*, *бур-*, *бес-*, *франт-*; *вразум-*, *щебен-*, *грохот-*, *опустош-* (ср. еще *обруси́ть*, от *ру́сский*); колеблется *гати́ть*, ср. также нелитер. *перчи́ть* (при литер. *пе́рчить*). Во всех прочих случаях такой компонент ведет себя как сильный, например: *нра́виться*, *проштра́фиться*, *га́д-ить*, *тра́л-*, *це́л-*, *заи́л-*, *тру́с-*, *озву́ч-*, *са́хар-*, *му́сор-*, *па́рус-*, *сбвест-*; как можно видеть, сюда попадают и весьма употребительные (т. е. вполне освоенные) слова.

Производные с неправильным ударением. Направильное наосновное ударение: 1) отсубстантивные производные — *гро́б-ить*, *коро́б-*, *го́рб-*, *голу́б-*, *зы́б-*, *мура́в-*, *ла́д-*, *чу́диться* (ср. правильное *чуди́ть*), *ёжиться*, *пы́житься*, *кня́ж-*, *обу́гл-*, *ма́сл-*, *чи́сл-*, *хо́хл-*, *мы́л-*, *жа́р-*, *па́р-*, *ба́гр-*, *похе́р-*, *прожи́р-*, *прове́тр-*, *посе́стриться*, *ква́с-ить*, *кра́с-*, *ве́с-*, *чуде́с-*, *пя́титься*, *ко́нч-ить*, *жу́ч-*, *крю́ч-*, *вью́ч-*; особо стоит *кле́ить* (§ 1.46, примеч.); колебание в *пристру́ни́ть*, *взви́хри́ть*, *обреше́ти́ть*; 2) отадъективные производные — *осла́б-*, *гла́д-*, *продо́лж-*, *ту́житься*, *сдю́ж-*, *прибли́з-*, *пони́з-*, *су́з-*, *опо́дл-*, *осме́литься*, *те́плиться*, *зате́пл-ить* (ср. *утепли́ть*), *опо́шл-*, *напо́лн-* (ср. *полни́ть* ‘делать более толстым на вид’), *проя́сн-* (о погоде; ср. *проясни́ть*), *одо́бр-*, *расще́дриться*, *расши́р-*, *уско́р-*, *вто́р-* (ср. *повтори́ть*), *хму́р-*, *повы́с-*, *чи́ст-*, *насы́т-*, *увели́ч-* [70]; особо стоят *удво́ить*, *утро́ить*, *усво́ить* (однако *двои́ть*, *трои́ть*), ср. *кле́ить* выше; колебание в *оки́сли́ть*.

Неправильное ударение внутри основы: *образу́мить* (ср. *вразуми́ть*), *слеса́рить*, *кухáрить*, *онеме́чить*, *отуре́чить*.

Неправильное ударение на суффиксе: *бомб-и́ть*, *язв-*, *отождеств-*, *обобществ-*, *оздоров-* (ср. *поздоро́виться*), *освобод-*, *обрам-*, *изум-*, *удревн-*, *усредн-*, *упраздн-*, *наводн-*, *соедин-*, *обремен-*, *внедр-*, *яр-*, *торос-*, *обогат-*, *поработ-*, *обвеш-*; также *табуни́ться*, *пузы-*

---

[69] Приставочные глаголы здесь и в дальнейших списках представляют также и соответствующие глаголы с другими приставками.

[70] Но *устро́жить* — это правильное производное от *стро́же* (ср. *улу́чшить*, *уме́ньшить*).

ри́ться, *петуши́ться* (без эффекта Deox); колебание в *усугу́би́ть*, *сгру́ди́ться*, *опорбжни́ть*, *багря́ни́ть*, *и́скри́ться*, ср. еще устар. *уменьши́ть* при обычном *уме́ньшить*.

Суффиксы -им- и -енийе (-ен'j-е)

§ 1.67. Первичные суффиксы *-им-* (как в причастном, так и в адъективных значениях) и *-енийе* (*-ен'j-е*) обладают общей особенностью, состоящей в том, что их акцентные свойства различны при соединении с глаголами разных видов.

При соединении с глаголами совершенного вида *-им-* (дающее в этом случае только прилагательные, не причастия) имеет маркировку ↓D, *-е́нийе*, *-ен'j-е* — маркировку ↓. Примеры: а) *неудержи́мый*, *поправи́мый*, *сопостави́мый*, *выполни́мый*, *неисповеди́мый*, *неопровержи́мый*, *неуничтожи́мый*, *неоспори́мый* (с опростившимся *спор-*); с доминантными базовыми компонентами по общему принципу (§ 1.31) соединение здесь невозможно (например, нет никакого приемлемого ударения для **неупорядочимый*, **необесцветимый* и т. п., что́ и делает эти слова невозможными); б) *рожде́ние* (*рожде́нье*), *явле́ние*, далее, в силу односложности корня в глаголе (§ 1.30, А2), также *умноже́ние*, *заве́рение*, *украше́ние*, *прославле́ние*, *улучше́ние*, *расшире́ние*, *привиде́ние*, также *приобрете́ние*; с другой стороны, *у[вековéч]ение*, *о[благорбж]ение*, *о[бесцвéч]ение*, *о[бесцéн]ение*, *у[закбн]ение*, *у[поря́д]очение*, *очелове́чение*, *одома́шнение*, *онеме́чение*, *одура́чение*, *возвели́чение*.

При этом, однако, имеется заметная тенденция (особенно в разговорной речи) трактовать при суффиксе *-енийе* (*-ен'j-е*) все недоминантные базовые компоненты как слабые. Эта тенденция уже победила в случаях: *приготовле́ние* (*за-*, *под-*, *из-* и др.), *уничтоже́ние*, *сопротивле́ние*, *осведомле́ние*, *уведомле́ние*, *ознакомле́ние*, *ограниче́ние* (*раз-*), *увеличе́ние*, *преувеличе́ние*; в нескольких случаях опростился и потерял доминантность базовый компонент, раньше бывший доминантным: *уподобле́ние* (*рас-*), *обособле́ние*, *приспособле́ние*, *успоко́ение*, *упоко́ение*. Широко распространились также ударения: *обморожéние*, *отморожéние*, *обнаружéние*, *обеспечéние* (последнее с опрощением и потерей прежней доминантности у базового компонента). Данная тенденция действует тем сильнее, чем чаще употребляется слово; в самом деле, перечисленные здесь слова высокоупотребительны, тогда как в группу *очелове́чение*, *одома́шнение* и т. д. входят лишь редкие слова (притом книжного характера).

Обратное отклонение (сохранение традиционного ударения) представлено лишь в словах: *воздви́женье*, *сре́тенье* (названия церковных праздников), *све́дение* (ср. квазиомоним *сведе́ние* от *свести́*), *наме́рение* (ср. простореч. *намере́ние*), *упрбчение* (нелитер. *упроче́ние*), *обру́шение* (наряду с *обруше́ние*), *благоприобре́тение* (нелитер. *-е́ние*), также *пове́шение*, *озву́чение* (слова, отсутствующие в разго-

ворной речи). Аномальное ударение *опро́бщение* (для лингвистического термина) носит искусственный характер (это результат «отталкивания» от нетерминологического *опроще́ние*); это ударение поддерживается как своего рода знак причастности к определенной традиции, но скорее всего не удержится в борьбе с акцентологически правильным *опроще́ние*.

При соединении с глаголами несовершенного вида картина иная: суффиксы *-им-* и *-е́нij-е* (*-ен'j-е*) используются заменительно (с маркировкой ↓), вместо окончания *-у* в 1 ед. презенса. Примеры: а) *гони́мый*, *терпи́мый* — *ви́димый*, *слы́шимый*, *мы́слимый*, *дви́жимый*, *зави́симый* (ср. *гоню́*, *терплю́*, *ви́жу* и т. д.); характер значения (причастный или адъективный) для акцентуации несуществен; ср. также производное второго ранга *сто́имость*; б) *сиде́ние*, *сиде́нье*, *пече́ние*, *пече́нье*, *моле́ние*, *веде́ние* — *гля́женье*, *жа́ренье*, *ви́дение* (процесс), *тра́ление*, *вя́ление*, *ква́шение*, *кра́шение*, *утю́женье*, *крахма́ленье*, *фордыба́ченье* (ср. *сижу́* и т. д., *гля́жу* и т. д.). Особо стоит *ве́дение* (от *ве́даю*).

От этого правила отклоняются, однако, производные с *-е́нij-е*, *-ен'j-е*, утратившие первоначальное значение процесса и развившие другие значения (например, результата), а именно: *виде́ние* ‘призрак, сон’, *значе́ние*, *строе́ние*; здесь суффикс ведет себя как при глаголах совершенного вида. Прочие отклонения: *княже́ние*, *правле́ние*, *мышле́ние* (устар. *мы́шление*), *муче́ние* (заметим, что все эти слова имеют не только процессуальное значение); *движе́ние*, *плавле́ние*, также (*не*)*противле́ние*. Аналогичное отклонение с *-им-*: *недви́жи́мый* ‘неподвижный’ (ср. *недви́жимое имущество*). Изолированно стоит архаизм *ря́женье* (обряд), с обратным отклонением.

Слова *рани́мый*, *ране́ние* (от двувидового глагола *ра́нить*) акцентно регулярны: они соотносятся с совершенным видом, что́ подтверждается и их значением (прилагательному *рани́мый* ‘уязвимый, чувствительный’, вообще говоря, можно даже противопоставить потенциальное причастие *ра́нимый* ‘тот, которому наносят рану’; во всяком случае, слово *рани́мый* этого значения передавать не может).

Действие изложенных правил создает в русском языке многочисленные акцентные противопоставления типа *ру́шимый—неразруши́мый*, *гла́димый—неизглади́мый*, *ру́шение—разруше́ние*, *кра́шение—украше́ние*, *моро́жение—обморožéние*, *ви́дение—виде́ние*.

Суффиксы -щик и -овщик

§ 1.68. Акцентные свойства этих суффиксов различны в отглагольном и в отыменном словообразовании.

В отглагольном словообразовании *-щик* выступает как вторичный суффикс с маркировкой ←, например: *ру́бщик*, *мо́йщик*, *го́нщик*, *ле́пщик*, [*сва́р*]*щик*, [*ску́п*]*щик*, [*доста́в*]*щик*, [*нати́р*]*щик*, *вы́думщик*,

плáкальщик, *гладúльщик* (морф *-и-* ↓ D). Суффикс *-óвщик* выступает здесь как первичный (непоглощающий) с маркировкой ↓[71]: *сверлóвщик*, *распилóвщик*, *потакóвщик* (от *сверлúть*, *распúливать*, *потакáть*). Однако *-овщик* как единый суффикс здесь весьма редок: подавляющее большинство отглагольных слов на *-овщик* соотнесено с глаголом на *-овать* (т. е. содержит просто суффикс *-щик*), ср. *зимóвщик*, *калибрóвщик*, *упакóвщик*, *забастóвщик* и т. п. Отклонения: 1) в словах *продавщúк*, *поставщúк*, *покупщúк*, *откупщúк* *-щик* ведет себя как первичный суффикс класса →; 2) в ряде слов на *-овщик* (бесприставочных), несмотря на наличие глагола на *-овать*, акцентуация такая, как у отыменных производных (см. ниже), — *пемз-овщúк*, *бронз-*, *дерн-*, *пресс-*, *плюс-*, *бунт-*, *грунт-*, *борт-*, *межевщúк*; во всех этих случаях слово на *-овщик* можно семантически связать и с соответствующим существительным, т. е. мы имеем дело с двусмысленной словообразовательной связью.

В отыменном словообразовании *-щик* и *-овщик* находятся в почти строгом дополнительном распределении: *-овщик* используется при односложных базовых компонентах (кроме сильных, оканчивающихся на одиночную согласную), *-щик* — в прочих случаях, ср. *гробовщúк*, *крановщúк*, *лáмповщик* и *жáлобщик*, *веретёнщик*, *фонáрщик* (но также, например, *бáнщик*); при наличии беглой гласной в производящей основе используется модель *тюрéмщик*, *стекóльщик* и т. п., т. е. без *-ов-*. Таким образом, здесь представлен яркий пример выравнивания слоговой структуры производных путем добавления «пустого» *-ов-* там, где недостает слога.

С акцентной точки зрения, отыменное *-щик* используется: 1) заменительно (с маркировкой →), вместо прилагательного с *-н-*, например, *погребщúк*, *кузовщúк*, *обувщúк*, *гребенщúк*, *зеленщúк*, *номерщúк*, *тюрéмщик*, *корабéльщик*, *аварúйщик*, *подёнщик*, *кáменщик*, *úгольщик*, *тáбельщик* (ср. *погребнóй* и т. д., *тюрéмный* и т. д.); 2) аддитивно (с маркировкой ←) — в тех немногих случаях, когда нет соответствующего прилагательного с *-н-*, например, *жестянщик*, *пáйщик*. Отклонения: 1) *ямщúк*, *денщúк*, *стерженщúк*; слово *временщúк* формально соотнесено с *временнóй*; 2) *кокóнщик*.

Отыменное *-овщик* выступает как поглощающий сращенный суффикс с маркировкой → Monosyll, например: *гроб-овщúк*, *час-*, *резьб-*, *слон-*, *плот-*, *гурт-*, *газ-*, *рост-*, *бронз-*, *пемз-*; ср. также *кладовщúк*, *мостовщúк* (от *кладовáя*, *мостовáя*). Отклонения: 1) *лáмповщик*, *нéрповщик*; 2) *старьёвщик*, *клеймóвщик*, *ковровщик*.

[71] Ср. также *-ирóвщик* ↓ D (§ 1.41).

Суффиксы -ян-е (-ан-е), -чан-е

§ 1.69. Суффиксы названий жителей *-ян-е* (*-ан-е*), *-чан-е* выступают в чистом виде во мн. числе производных (*ри́мляне*, *молдава́не*, *ростовча́не*), а в ед. числе сопровождаются сингулятивным суффиксом *-ин* ↓ (*ри́млянин*, *молдава́нин*, *ростовча́нин*). Акцентные свойства этих суффиксов сложны и отчасти аномальны. Нормальной маркировкой этих суффиксов является ↓ D; ср., например, *волжа́нин*, *парижа́нин*, *киевля́нин*, *вологжа́нин*, *россия́нин*, *персия́нин*, *молдава́нин*, *магомета́нин*, *ростовча́нин*, *харьковча́нин* (не говоря уже о случаях со слабым базовым компонентом вроде *горожа́нин*, *поезжа́нин*). Однако наряду с этим суффикс *-ян-е* (*-ан-е*) обнаруживает еще два типа акцентного поведения: 1) в названиях жителей древнего мира этот суффикс ведет себя по классу ↓ (без доминантности) — *ри́мл-янин*, *афи́н-*, *карфаге́н-*, *лати́н-*, *македо́н-*, *вавило́н-*, *финики́янин* и др. (см. Грамм.), также *волы́нянин*; в *ассири́янин* такой же сдвиг ударения, как в *-ийск-*, *-ийн-*; 2) в замкнутой группе старых слов этот суффикс, сохраняя перед окончаниями (т. е. во множ. числе) обычные свойства класса ↓ (или ↓ D), перед сингулятивным суффиксом *-ин* аномальным образом ведет себя по классу → (т. е. передает этому *-ин* свое ударение): *славяни́н* (мн. *славя́не*), аналогично *сел-яни́н*, *арм-*, *двор-*, *мещ-ани́н*, *чуж-*, *христи-*, ср. *семьяни́н* (мн. *семьяни́ны*); слова *граждани́н*, *согражданин* дважды аномальны, поскольку во мн. числе здесь выступает (*со*)*гра́ждане*. В нелитературной речи некоторые слова из этих особых групп могут следовать основной модели (например, возможны ударения *римля́не*, *афиня́не*, *вавилоня́не*, *селя́нин*, *христиа́нин*); для слова *египтя́не* такое ударение уже закреплено литературной нормой.

Аномальной акцентной особенностью суффиксов *-ян-е*, *-чан-е* является также то, что они могут перетягивать на себя ударение с доминантного базового компонента, например, *поморя́нин*; в самом деле, при *-ян-* ↓ ожидалось бы **помо́рянин*, а при *-ян-* ↓ D соединение здесь должно быть вообще невозможным (см. § 1.31). Правда, общелитературных слов с таким эффектом совсем мало: *прихожа́нин*, *поселя́нин*, *соборя́нин*, *поморя́нин* (в *однополча́нин*, *односельча́нин* естественнее видеть неплотно присоединенное *одно-*). Прочие слова такого рода имеют узкое (часто сугубо местное) распространение, например [72], *порича́нин*, *подоля́нин*, *пятигорча́нин*, *днепропетровча́нин*; сюда же *посельча́нин*. Часть подобных производных явно опирается на соответствующие более простые, ср. *заволжа́нин*, *поволжа́нин*, *приволжа́нин* и акцентно правильное *волжа́нин*, *староруша́нин* и *руша́нин*, *великоустюжа́нин* и *устюжа́нин* и т. п. (т. е. здесь применяется техника неплотного присоединения). Было бы неосторожно, однако, рассматривать местные названия рассматриваемого типа

[72] Основной источник примеров: Словарь названий жителей СССР. М., 1975.

в одном ряду с общелитературными словами: морфонологические механизмы здесь могут быть несколько особыми, к тому же разными в разных частях русской территории; ср., например, недоминантное *-ян-е* в ряде северных названий (*ки́жа́нин*, *верхова́жанин*, устар. *белозе́рянин*, *завóлжанин*, *повóлжанин*, *новгорóдчанин*).

В целом для суффиксов *-ян-е* (*-ан-е*), *-чан-е* следует констатировать преобладание маркировки ↓ D при значительных следах других, более старых маркировок, а также тенденцию к нарушению правила о несовместимости доминантного базового компонента и доминантного суффикса; по-видимому, это нарушение связано с особым способом функционирования собственных имен, при котором их морфемная членимость становится несущественной и перестает осознаваться (откуда эффект, характерный для случаев опрощения).

Глава вторая

ПРАСЛАВЯНСКАЯ И РАННЕДРЕВНЕРУССКАЯ АКЦЕНТНЫЕ СИСТЕМЫ

§ 2.1. В настоящей главе рассматриваются две очень близкие акцентные системы: поздняя праславянская и раннедревнерусская. И та и другая представляет собой результат реконструкции, но в первом случае базой для реконструкции служат все славянские языки, а во втором — главным образом восточнославянские. Раннедревнерусская акцентная система (т. е. восточнославянская система эпохи до падения редуцированных) в сущности представляет собой один из диалектных вариантов поздней праславянской системы. Поскольку основной задачей настоящей книги является изучение акцентной эволюции именно в русском языке, а также в связи с тем, что раннедревнерусская система восстанавливается с большей детальностью и однозначностью, чем праславянская, ниже в основу изложения положена именно раннедревнерусская акцентная система, а ее немногочисленные отличия от праславянской рассмотрены особо (§ 2.31—34). В частности, во всех списках корней и аффиксов, приводимых в настоящей главе, указаны именно те акцентные характеристики, которые обнаруживаются у этих морфем в восточнославянских источниках (тогда как в других ветвях славянских языков некоторые из них имели иные акцентные характеристики). Вопрос о том, какая из конкурирующих диалектных акцентовок является в таких случаях древнейшей, выходит за рамки настоящей работы и ниже, как правило, не обсуждается. Более того, мы не ставили своей целью указать все случаи подобных расхождений, поскольку это потребовало бы таких же разысканий по истории ударения других славянских языков, каким эта книга является для русского.

Основная задача настоящей главы — компактно (но в то же время относительно полно) представить акцентную систему, принимаемую в настоящей работе за начальную точку акцентной эволюции русского языка. Соответственно, здесь нет претензии на изложение лишь собственных результатов автора: предлагаемая акцентная реконструкция во всем существенном следует работам Хр. Станга, В. М. Иллич-Свитыча и в особенности В. А. Дыбо (см. в первую очередь: Станг 1957, Иллич-Свитыч, Дыбо 1962, 1968, 1981); отметим еще важную работу этого же направления: Гард, 1976. Большое значение для настоящей работы имеет тезис Р. О. Якобсона о противопоставлении фонологически ударных и фонологически безударных слогов в праславянском и существовании фонологически безударных словоформ («энклиноменов»; Якобсон 1963).

Используемая система маркировок определенным образом сообразована с той, которая применяется в гл. 1 для современного русского языка. Однако мы не стремились достичь максимума совпаде-

ний между древними и современными маркировками, поскольку, как показывает анализ, такая стратегия описания ведет к недопустимо большому числу натяжек и лишь мешает увидеть тот качественный скачок, который совершило русское ударение за последние 8—10 веков.

В соответствии с основной задачей настоящей главы, описание раннедревнерусской акцентной системы дается ниже в большинстве случаев в «декларативном» стиле, т. е. без аргументации в пользу предлагаемых акцентных реконструкций. Аргументацию по принципиальным вопросам реконструкции см. в работах названных выше авторов; некоторые более частные вопросы обсуждаются в § 2.31—32 и в гл. 3.

Особую проблему составляют диалектные различия в рамках раннедревнерусского языка. Какое-то число таких различий, в т. ч. акцентных, несомненно существовало. При этом важно, что некоторые изоглоссы, разделявшие восточнославянские диалекты, выходили за пределы восточнославянской области и продолжались на западнославянской или южнославянской территории; ср. хотя бы хорошо известную проблему диалектного распределения взрывного и фрикативного *г*. Особое значение имеют пока еще недостаточно изученные специфические особенности новгородско-псковского ареала и его связи с западнославянскими языками (в первую очередь с севернолехитскими) и с южнославянскими (в первую очередь со словенским). Таким образом, традиционное представление о монолитном правосточнославянском языке, дальнейшее развитие которого характеризовалось только дивергенцией, является по меньшей мере упрощенным: в действительности здесь значительную роль играли также конвергентные процессы. В частности, в истории великорусского языка сгладился ряд очень старых различий между новгородско-псковскими и восточными (ростово-суздальскими и рязанскими) говорами, например, различие, связанное с тем, что новгородско-псковские говоры вообще не знали второй палатализации.

В настоящей работе учтены некоторые наиболее надежные случаи диалектных акцентных расхождений в рамках раннедревнерусского (заметим, что часть из них образует изоглоссы, выходящие за пределы восточнославянской области; ср., например, § 3.41 о двух акцентовках словоформ типа И. В. мн. *моря*). Но, конечно, на нынешнем этапе исследования выявлены еще не все расхождения такого рода. Предлагаемая раннедревнерусская акцентная реконструкция в принципе отражает данные всех основных частей восточнославянской территории, но в весьма неравном объеме: полнее всего учтены данные великорусской зоны — прежде всего потому, что именно для этой зоны мы располагали обширным материалом непосредственно обследованных нами средневековых памятников; для украинско-белорусской зоны использовались в основном данные описаний. Соответственно, наша реконструкция, по-видимому,

в каких-то деталях неодинаково полно отражает особенности этих двух восточнославянских зон.

§ 2.2. Ниже словоформы рассматриваются в их раннедревнерусском облике; практически это значит, что они даются в нормализованной орфографии эпохи до падения редуцированных (кроме особых случаев, оговариваемых ниже). Для праславянского используется латинская запись; таким образом, раннедревнерусская и праславянская реконструкции легко различаются внешне без дополнительных указаний. При этом, однако, даже и для раннедревнерусского сочетания с *j* могут при необходимости передаваться средствами транскрипции, а не орфографии, например: *ja* (а не *я*), *jь* или *ju* (а не *и*; см. об этом также § 2.3).

В раннедревнерусском, как и в праславянском, так наз. редуцированные (*ъ* и *ь*) еще во всех позициях являются гласными, т. е. образуют слог. Конкретный редуцированный в составе конкретной словоформы и далее, в составе конкретной тактовой группы (см. § 2.4) может быть сильным или слабым. В раннедревнерусском сила или слабость редуцированного зависит только от фонемного окружения (и, в частности, никак не зависит от акцентуации, см. § 3.2). Здесь действуют следующие правила, применяемые последовательно от конца к началу тактовой группы: 1) конечный редуцированный тактовой группы — слабый; 2) в окружениях *С—лС*, *С—рС* (где *С* — любая согласная) редуцированный сильный; 3) в прочих случаях редуцированный является сильным, если в следующем слоге стоит слабый редуцированный, и слабым, если это не так.

Морфы делятся на о б ы ч н ы е (содержащие хотя бы одну гласную) и б е з г л а с н ы е (не содержащие гласной).

Обычные морфы делятся на э т и м о л о г и ч е с к и д о л г и е и э т и м о л о г и ч е с к и к р а т к и е [1]. Из односложных морфов к первым относятся те, которые содержат *а*, *я*, *ѣ*, *и*, *ы*, *у*, *ю* или сочетание *СълС*, *СърС*, *СьлС*, *СьрС*, ко вторым — те, которые содержат *ъ*, *ь* (не перед *р*, *л*) или *е*, *о* [2]. Особый случай составляют морфы, оканчивающиеся на *ъл*, *ър*, *ьл*, *ьр*: они этимологически долги в составе тех словоформ, где за данным морфом следует согласная (например, *тьр-л-а*, *за-пьр-т-ъ*), и этимологически кратки там, где следует гласная (например, *тьр-е-ть*, *за-пьр-е-ть*). Из двусложных морфов к этимологически долгим относятся, во-первых, те, которые содержат полногласное сочетание *оло*, *оро*, *ело*, *ере*, во-вторых, те, у которых последний слог по приведенным выше правилам попадает в число этимологически долгих; прочие этимологически кратки.

---

[1] Для раннедревнерусского этимологическая долгота или краткость, возможно, еще была и синхронически реальной (хотя бы в некоторых позициях; ср. § 2.33). Но в целях общности с более поздними периодами целесообразно везде говорить именно об этимологической характеристике.

[2] Однако в церковнославянизмах с неполногласным сочетанием *СлеС* или *СреС* (например, *млеко*, *брегъ*) корневой морф считается этимологически долгим.

Требуемое для акцентологии членение раннедревнерусских словоформ на морфы в нормальном случае происходит просто на фонетическом уровне, например: *јав-и-л-ъ*, *бож-ьј-а*. Особый случай составляют рефлексы раннепраславянского морфа *-j-* в положении после согласной (**vol-j-a*, **mold-j-e* и т. п.); здесь и для раннедревнерусского в некоторых категориях словоформ целесообразно усматривать особый морф (он обозначается *-j-), хотя его внешнее выражение на этом историческом этапе уже очень разнообразно и может быть даже нулевым. Тем самым в данном случае мы оперируем с «глубинным», а не «поверхностным» морфом. Случаи, где для акцентологии существенно выделять морф *-j-, отмечаются в дальнейшем по ходу разбора.

В отношении морфологического членения словоформ отметим, что для раннедревнерусского принимается в целом такое же разделение словоформ на основу и окончание, как в современном языке. Окончания членных форм прилагательных считаются состоящими из двух морфов: а) вокалический соединительный морф; б) собственно окончание. Примеры: *молод-ъ-јь*, *молод-а-јa*, *молод-ы-хъ*, *молод-ы-ми*. Между тем в местоименном склонении такого разделения нет: окончания здесь одноморфны, например: *т-ого*, *мој-ему*, *-еѣ*, *-ими*, *вьс-ѣми*. Окончания презенса глаголов (не атематических), кроме 1 ед., также считаются состоящими из двух морфов: а) вокалический соединительный морф (*е*, *у*, *и*, *я*); б) собственно окончание. Примеры: *нес-е-ть*, *нес-у-ть*, *люб-и-ть*, *люб-я-ть*; однако в 1 ед. просто *нес-у*, *люблю* (соединительного морфа здесь нет; морф *-j-, представленный в словоформе *люблю* в виде *л'*, считается частью основы). Специально отметим, что в императиве соединительный элемент отсутствует: он «поглощен» показателем императива *-и-*, *-ѣ-*; например, в *люб-и-те* морф *-и-* есть показатель императива (а не соединительный элемент). Членение на морфы в аористе видно из примеров: *вед-ох-ъ*, *вед-е-Ø*, *вед-ос-те*, *вед-ош-я*, *зна-х-ъ*, *зна-Ø*, *зна-ш-я*.

В спряжении глагола различаются так наз. система инфинитива (инфинитив, аорист, имперфект, перфект и неличные формы прош. времени) и система презенса (личные и неличные формы презенса и императив).

§ 2.3. Особую проблему составляют сочетания *ь*, *ъ*, *и*, *ы* с последующим или предшествующим *j*. Для акцентологического описания оказывается необходимым различать: 1) этимологические *ъј*, *ьј* и *ыј*, *иј*, например: *къјь* 'какой', *живъјь*, *сьјь*, *нищьјь*, *копје*, *людьјь — кыјь* 'кий', *стрыјь*, *шија*, *живыји*, *нищији*, *мыју*, *рыју*, *бриjу*, *гнију*; 2) этимологические *јь* и *ји*, например: *јьму*, *својь*, *покојьнъ — јива*, *јищю*, *своји*, *покојити*, *тројица*.

Этот тезис неочевиден, поскольку уже в раннем древнерусском (если не еще раньше) произошло совпадение (по-видимому, правда, не во всех случаях) *ыј* с *ъј*, *иј* с *ьј* и *ји* с *јь*; ср., в частности, одина-

ковость рефлексов в рус. *мой*, *рой* (императивы) и *живо́й*, *брей* и *люде́й* или в укр. *мий*, *рий* и *живи́й*.

Существенно, однако, что это совпадение не привело к последовательному включению гласных, входящих в состав этимологических *ыj*, *иj*, *jи*, в класс редуцированных со свойственным ему различием сильных и слабых аллофонов. Такие гласные, как правило, ведут себя, независимо от позиции, как сильные редуцированные, т. е., во-первых, они не падают в слабой позиции, во-вторых, редуцированный предшествующего им слога всегда слабый; ср., например, рус. *ше́я*, *мо́ю*, *ро́ю*, *во́ю*, *и́ва*, *и́ней*, *ищу́*, также *в ше́ю*, *смо́ю*, *вро́ю*, *взво́ю*, *сбре́ю*, *сгнию́*, *взыщу́*, укр. *ши́я*, *ми́ю*, *ри́ю*, *ви́ю*, *і́ва*, *і́ней*, *зми́ю*, *збри́ю*, *згнию́*. Между тем *ъ*, *ь* в составе этимологических *ъj*, *ьj*, *jь* в вопросе о силе и слабости полностью подчиняются общему правилу.

Имеется, правда, несколько случаев, когда этимологическое *иj* во всех отношениях перешло в *ьj*. Из таких случаев общими для всей восточнославянской области можно считать только презенсы *бију* (*бијеши* и т. д.), *вију*, *лију*, *пију*; они всегда ведут себя как *бју*, *вју*, *лју*, *пју* (и именно с *ь* мы и будем их далее записывать). Прочие случаи такого рода, по-видимому, были ограничены лишь той или иной частью говоров. Так, презенс *шију* дал рус. *шью*, однако сохранил гласную в укр. *ши́ю*, белор. *шыю*; ср. также рус. *сошью́* и укр. *зши́ю*. Аналогично: рус. *чей*, *чья*, *чьё* — укр. *чий*, *чия́*, *чие́*, белор. *чый*, *чыя́*, *чые́*. В отдельных великорусских говорах отмечаются такие словоформы, как *шья* 'шея', *мью* (*мъю*) 'мо́ю' (см. Шахматов 1915, § 37, 39, 363); возможно, такое же фонетическое развитие отражают и некоторые написания в памятниках.

По-видимому, варьировало по говорам также соотношение между этимологическими *jи* и *jь*. В частности, существовали говоры, в которых всякое *jи* подчинялось правилу о сильных и слабых позициях (а именно, после падения редуцированных оно дало в сильной позиции *jи*, в слабой — *j*). Один из таких говоров отразился в Мериле Праведном XIV в. (§ 3.26), где находим, например: *свѡи* /свôj/ из *своjь* и из *своjи*, также *свѡими* /свôjми/, *свѡима* /свôjма/, но *своимъ* /свɔjим/, *своихъ* /свɔjих/, см. Противоп., § 22. Конечное *-jи* в местоименном окончании Д. М. ед. *-ојu* дало *-jь* повсеместно.

С другой стороны, в определенных случаях даже этимологическое *jь* могло вести себя как *jи* и не подчиняться правилу о сильных и слабых позициях. В частности, именно так обычно вело себя начальное *jь* в говорах будущей великорусской территории (или, по крайней мере, значительной ее части), ср. рус. *идёт*, *име́ет*, *игра́*, *икра́*. Специальный интерес для дальнейшего представляют презенсы *jьдеть*, *jьметь*; для них можно предполагать следующие диалектные варианты развития: а) *jь* дало *jи*, функционирующее как гласная полного образования (или как сильный редуцированный), т. е., в частности, способное принимать на себя ударение; отсюда возможность ударений *и́деть*, *и́меть*; б) *jь* трактовалось по общему

правилу как слабый редуцированный; отсюда вынужденные ударения *идéть*, *имéть*; в дальнейшем такое *jь* давало в одних говорах *ї* (укр. *йде*), в других *и* (рус. *идёт*).

Можно предполагать, таким образом, что переходы *ыj* > *ъj*, *иj* > *ьj*, *jи* > *jь* происходили уже после того, как сформировалось различие сильных и слабых редуцированных. На сравнительно поздний характер этих переходов указывает также то, что корни с этимологическими *ы*, *и* при этом не потеряли способность нести на себе неподвижное ударение, тогда как корни со старыми *ъ*, *ь* такого ударения нести не могут (см. § 2.7); иначе говоря, эти переходы относятся к эпохе, когда указанный акцентологический запрет уже не был живым.

Неполная регулярность рассмотренных выше соотношений указывает также на то, что мы имеем здесь дело не только с чисто фонетическим развитием: на фонетический процесс рано наложились различные выравнивания. К счастью, для целей настоящей работы нет необходимости разбирать детали диалектного фонетического развития данной категории словоформ; важно лишь учитывать сам факт существования рассмотренных различий.

Ниже при записи раннедревнерусских словоформ *ыj*, *иj*, *jи* или *ъj*, *ьj*, *jь* пишется в соответствии с этимологией (кроме презенсов *бъjу*, *вьjу*, *льjу*, *пьjу*, см. выше). Этимологическая долгота или краткость морфов определяется при этом по общему правилу (§ 2.2), исходя из указанной записи. Соответственно этой же записи решается вопрос о том, подпадает ли рассматриваемая звуковая единица под действие правил о редуцированных (*ы*, *и* под эти правила не подпадают). Запись с обычным орфографическим *и* вместо *jи* или *jь* означает, что данное различие для рассматриваемого вопроса несущественно (или что неизвестно, какое из этих сочетаний здесь было представлено).

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О РАННЕДРЕВНЕРУССКОЙ ПРОСОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

§ 2.4. В раннедревнерусском в потоке речи всякое предложение с просодической точки зрения распадалось на так наз. *тактовые группы*. Тактовая группа представляет собой отдельную словоформу или несколько словоформ, объединенных в просодическом отношении (конкретнее о характере этого объединения см. § 2.6).

Все словоформы делятся на *акцентно самостоятельные* (способные хотя бы в некоторых случаях сами по себе составить отдельную тактовую группу) и *клитики* (не обладающие этим свойством). Клитик всего около 50 (см. § 2.22). Часть клитик (так наз. *проклитики*) в потоке речи входит в одну тактовую группу с последующей словоформой, другая часть (так наз. *энклитики*) — с предшествующей словоформой. В особом положе-

нии слово *да* (союз и частица [3]): в позиции после проклитики оно является энклитикой, во всех прочих позициях — проклитикой.

Тактовые группы делятся на о д н о с л о в н ы е (состоящие из одной словоформы, разумеется, акцентно самостоятельной) и н е о д н о с л о в н ы е. Последние делятся на о б ы ч н ы е (включающие хотя бы одну акцентно самостоятельную словоформу) и о с о б ы е, или п р о к л и т и к о - э н к л и т и ч е с к и е (состоящие только из одной или нескольких проклитик, за которыми следует одна или несколько энклитик). Обычные неоднословные тактовые группы делятся на п р о с т ы е (состоящие из одной акцентно самостоятельной словоформы, сопровождаемой клитикой или клитиками) и с л о ж н ы е (включающие более одной акцентно самостоятельной словоформы, с клитиками или без них). Примеры неоднословных тактовых групп: простые — *слово же*, *на слово*, *а не за кънязя*, *и не по закону ли*; сложные — *сего дьне*, *пять десятъ*, *не за пять десятъ ли*; проклитико-энклитические — *на ся*, *не за мя*, *не бо*, *ни же*, *и ли*, *да бы*.

§ 2.5. Основное просодическое противопоставление на уровне слогов таково: ф о н о л о г и ч е с к и у д а р н ы й слог — ф о н о л о г и ч е с к и б е з у д а р н ы й слог. Важнейшая особенность рассматриваемой просодической системы состоит в том, что существуют акцентно самостоятельные словоформы, у которых все слоги фонологически безударны (Якобсон 1963, с. 9). Такие словоформы называются э н к л и н о м е н а м и (термин Р. О. Якобсона и В. А. Дыбо). Им противопоставлены акцентно самостоятельные словоформы, содержащие фонологически ударный слог; они называются о р т о т о н и ч е с к и м и (термин В. А. Дыбо). Данное противопоставление действительно также для тактовых групп: они могут быть энклиноменами или ортотоническими.

Ниже фонологическое ударение обозначается знаком ˈ над ударной гласной; принадлежность словоформы или тактовой группы к числу энклиноменов обозначается знаком ˉ перед словоформой (тактовой группой). Примеры: *мъноˈго*, *женаˈ*; ˉ*слово*, ˉ*на слово*.

В каждой ортотонической словоформе фонологическое ударение закреплено за одним из ее слогов; ни при каких фразовых условиях оно никуда не сдвигается и не исчезает. При этом никаких общих ограничений на место фонологического ударения, связанных со счетом слогов от начала или от конца словоформы, в системе нет. Имеется, однако, следующее важное ограничение: фонологическое ударение не может падать на слабый редуцированный (см. § 2.2). Другое ограничение состоит в том, что в полногласных сочетаниях (*оро*, *ере*, *оло*, *ело*) фонологическое ударение может падать только на второй слог.

Фонологическая ударность фонетически реализуется в каком-то виде просодического усиления. Фонологическая безударность реали-

[3] Частица, входящая в состав оборота типа *да будетъ*; слово *да* (утвердительный ответ) — акцентно самостоятельное.

зуется двумя способами, в зависимости от позиции: 1) в начальном слоге энклиноменной тактовой группы — некоторым просодическим усилением, отличным, однако, от того, которым реализуется фонологическая ударность; 2) во всех прочих позициях — отсутствием какого бы то ни было усиления (если не считать возможности так наз. второстепенного, или ритмического, ударения в заударных слогах, о котором см. § 3.7).

Таким образом, например, словоформы *пи́ти* (инфинитив) и *¯пити* (причастие, И. мн. муж.), даже взятые в изолированной позиции, не были фонетически тождественны. Ср. еще *жи́то* (зерно) и *¯жито* (причастие, И. ед. сред.), *да́ти* и *¯дары*, *сы́тъ* и *¯сынъ*, *на́ми* и *¯на миръ*, *во́лю* и *¯воду*, *у́чьнуть* и *¯умьру* и т. п. Чем именно физически различались начальные слоги в таких парах (при изолированной позиции словоформ), в точности неизвестно. В соответствии с традиционным взглядом, в данной позиции слог с ˈ имел восходящую интонацию, а начальный слог энклиномена — нисходящую. Но даже если это было так, существенно то, что мы не имеем здесь дела с эквиполлентным противопоставлением двух интонаций (как это считалось в традиционной акцентологии), поскольку нисходящая интонация не является постоянным свойством первого слога словоформ *¯пити*, *¯жито*, *¯дары*, *¯сынъ* и т. п., а лишь автоматически появляется в определенной фразовой позиции, т. е. функционирует как позиционный вариант безударности. Р. О. Якобсон высказал типологически правдоподобное предположение о том, что фонологическое ударение выражалось увеличением интенсивности и одновременно повышением тона, тогда как начальный слог энклиномена выделялся только увеличением интенсивности, без повышения тона (Якобсон 1963, с. 9).

В дальнейшем фонологическое ударение может быть названо также а в т о н о м н ы м ударением, а позиционное просодическое усиление начального слога энклиноменной тактовой группы — а в т о м а т и ч е с к и м ударением. Такая терминология более удобна для диахронического описания, поскольку она позволяет просто сформулировать основное событие в последующей эволюции ударения: в ходе истории автономное и автоматическое ударения совпали в едином современном ударении (хотя время, к которому относится это событие, пока еще точно не установлено).

Относительно предполагаемого различения двух разных интонаций в рамках автономного ударения см. § 2.31—32.

§ 2.6. Опираясь на введенные понятия, мы можем теперь несколько уточнить вопрос о формировании тактовых групп.

1. В медленной, раздельной речи тактовые группы формируются так: всякая проклитика объединяется в одну тактовую группу с последующей словоформой, всякая энклитика — с предшествующей; никаких иных объединений соседних словоформ не происходит.

2. В обычной (и, тем более, ускоренной) речи могут объединяться в одну тактовую группу две [4] соседних тактовых группы медленной речи (кроме случая, когда обе эти группы ортотонические [5]), если они тесно связаны по смыслу. Особенно характерно такое объединение для синтагм с местоимениями и числительными и для синтагм из прилагательного и определяемого существительного. Примеры: *вы вѣстѐ, сегó дьне, ¯въ тѣ поры, ¯дъва дьни, ¯на три дьни, ¯дъвѣ сътѣ, пять деся́тъ, одúнъ на десяте, въ бѣлѣ городѣ, съпасú богъ, сú рѣчь.*

Точные правила о том, когда происходило и когда не происходило такое объединение, неизвестны. По-видимому, в широком диапазоне случаев такое объединение было факультативно и зависело непосредственно от темпа речи.

Акцентная маркировка морфем

§ 2.7. Для акцентной маркировки морфем в раннедревнерусском требуется несколько иная (более простая) система символов, чем в современном русском (ср. § 1.21). Прежде всего противопоставляются символы + (плюс) и — (минус). Далее, к символу + могут быть добавлены уточняющие символы ↓ («самоударность») и → («правоударность»), что дает + ↓ и + →. Поскольку, однако, знаки ↓ и → возможны только при +, вместо + ↓ и + → разрешается писать также просто ↓ и → (соответственно). Символ ↓, → или — образует основную маркировку морфемы.

В некоторых случаях к основной маркировке морфемы присоединена дополнительная (это возможно только для послекорневых морфем). Она состоит из пометы Re или Min.

Помета Re (от слова «ретракция») при некоторой морфеме означает, что если предшествующая морфема имеет основную маркировку →, то она заменяется на ↓ (и тем самым ударение оказывается на слог левее, чем ожидается).

Помета Min при некоторой морфеме означает, что если в составе словоформы предшествующая морфема имеет основную маркировку →, то эта маркировка заменяется на минусовую.

В нескольких особых случаях суффикс проявляет себя в акцентном отношении по-разному после этимологически долгих и этимологически кратких морфов. Поскольку эта особенность очень редка, для ее отражения не вводится дополнительных помет; она отмечается непосредственно при описании соответствующих суффиксов.

Как можно видеть, важное отличие раннедревнерусской системы

---

[4] Вероятно, иногда также и более двух; но относящийся сюда материал слишком мал.

[5] Объединение двух ортотонических групп (например, *сéмьдесятъ* из *сéмь деся́тъ*), по-видимому, становится возможным лишь в более позднее время; см. Станг 1978, где обследованы в этом отношении памятники XVII в.

от современной состоит в том, что здесь не бывает доминантных морфем; нет также и левоударных морфем (отсутствует маркировка ←).

Поскольку в принципе разные морфы одной морфемы могут иметь разную маркировку (хотя это и нетипичный случай), можно говорить, как и для современного языка, также о маркировке морфов, а не только целых морфем.

Акцентную маркировку получают все обычные (не безгласные) морфы. Маркировка считается приписанной к одной из гласных морфа. Нормально это последняя гласная морфа (в подавляющем большинстве морфов она же и единственная). Лишь в очень немногих неодносложных морфах точкой приписки служит непоследняя гласная; таковы некоторые корни (по большей части заимствованные, например, *парус-*), а также несколько окончаний (прежде всего *-ами* и *-ама*). При записи неодносложных морфов с основной маркировкой ↓ точка приписки маркировки отмечается знаком автономного ударения, например: *морóз-*, *пáрус-*, *-ами*.

Безгласные морфы маркировки, как правило, не имеют, т. е. операции, связанные с ударением, проводятся так, как если бы этих морфов в составе словоформы вообще не было. Однако в качестве исключения несколько безгласных морфов имеют маркировку (плюсовую); она приписывается к последней (обычно единственной) фонеме морфа.

Замечание. Для дальнейшего почти ничего не изменилось бы, если бы считать, что безгласные морфы, не получившие маркировки, имеют минусовую маркировку; достаточно было бы внести небольшие коррективы в определения. Принятое выше решение технически проще.

Акцентная маркировка представляет собой в раннедревнерусском независимую характеристику морфемы, которую нельзя вывести по каким-либо общим правилам из фонемного состава или значения морфемы.

При этом, однако, важно учитывать, что в (раннем) праславянском имелось следующее ограничение общего характера: морф с краткой гласной (стоящей не перед *r*, *l* + *C*), начинающий акцентно самостоятельную словоформу, не мог иметь маркировку ↓. В раннедревнерусскую эпоху это ограничение уже не было живым; это видно, в частности, из акцентуации некоторых заимствованных слов: например, корни слов *ведро* 'serenum', *кедръ* имеют здесь маркировку ↓. Тем не менее для подавляющего большинства раннедревнерусских словоформ (в частности, для всей глагольной системы) указанное ограничение фактически сохраняло силу; оно лишь превратилось из автоматического в традиционное. Соответственно, в раннем древнерусском имеется один тип регулярной мены акцентных маркировок, определяемой чередованиями фонем, а именно: если у корневой морфемы имеется этимологически долгий алломорф (см. § 2.2) с маркировкой ↓ и этимологически краткий алломорф, то этот последний получает маркировку →. Например, в *мя-л-ъ*, *тьр-л-ъ* корневые морфы *мя-*, *тьр-* (этимологически долгие)

имеют маркировку ↓; в то же время в *мьн-е-ть*, *тьр-е-ть* морфы *мьн-*, *тьр-* (этимологически краткие) имеют маркировку →.

В целом раннедревнерусский довольно близок к тому идеальному состоянию, когда каждая морфема имеет постоянную маркировку; но все же имеются и отклонения от этого принципа. Помимо случаев типа *мялъ—мьнеть*, *тьрлъ—тьреть*, отмеченных выше, укажем еще следующие. У небольшой группы глаголов корни имеют в системе презенса и системе инфинитива разную маркировку (без связи с рассмотренным выше ограничением), например: *сѣчи* (в системе презенса —, в системе инфинитива ↓), *яти* (соответственно → и —); списки таких глаголов содержатся в § 2.14—17. Далее, у ряда *aj*-глаголов с итеративным (хотя бы первоначально) значением, в частности, *бѣгати*, *глядати*, *кланятися*, *плавати*, *пълзати*, *ворочати*, *кушати* корень выступает с маркировкой ↓, тогда как у соответствующих неитеративных глаголов корень имеет (по крайней мере, в презенсе) маркировку — или →; ср. *бѣжить*, *глядить*, *клонить*, *пловеть*, *пълзеть* (—), *воротить*, *кусить* (→). Имеется также ряд других, не поддающихся обобщению случаев подобного рода; например, в *квасъ* корень имеет —, а в *квасити* ↓; в *страдати* корень имеет →, а в *страсть* —. Наконец, особый вид отступления от принципа постоянства маркировки морфемы создают определенные морфологические категории словоформ (или последовательности словоформ в тактовой группе), акцентуация которых описывается с помощью понятия перемаркировки (см. § 2.9, 21, 26—29); см. об этом понятии § 1.23.

Базисное правило

§ 2.8. Выписанные друг за другом маркировки всех морфов (имеющих маркировку), которые входят в некоторую тактовую группу, образуют так наз. цепь маркировок этой тактовой группы (ср. § 1.22). Ниже приводится правило (так наз. базисное), позволяющее установить акцентуацию произвольной раннедревнерусской тактовой группы (в частном случае — изолированной словоформы) по цепи ее маркировок.

Предварительная операция. Если в словоформе имеется морф с пометой Min, а у ближайшего слева морфа, имеющего маркировку, основная маркировка есть →, то это → заменяется на минус.

Далее следует основная часть правила.

1. Если цепь маркировок содержит только минусы — тактовая группа (или словоформа) является энклиноменом.

2. Если имеется хотя бы один плюс — тактовая группа (или словоформа) является ортотонической; ее ударение привязано к самому левому из имеющихся плюсов. Если этот плюс есть ↓, ударение падает на саму точку привязки [6], если →, то на ближайшую к точке

[6] Если морф безгласный, ударение падает на ближайшую к нему гласную слева.

привязки гласную справа. Если, однако, ударение привязано к →, а ближайшая маркировка справа содержит помету Re, то ударение остается в точке привязки.

3. Если в силу пункта 2 ударение попало на слабый редуцированный (см. § 2.2), оно сдвигается на слог влево [7].

Примеры действия базисного правила (маркировки подписаны снизу, результат действия правила показан знаком ¯ или ˈ).

К пункту 1: ¯слов-о, ¯на слов-о, ¯и не на слов-о,
— — — — — — — — —

¯порох-ъ, ¯голов-у, ¯лих-ост-ьн-о, ¯при-вед-у,
— — — — — — — — — —

¯не про-да-л-ъ, ¯въ т-ѣ пор-ы, ¯за дъв-а дьн-и.
— — — — — — — — — — — —

К пункту 2 голов-ˈа, порох-ов-ьн-ˈиц-а, стол-ˈа, голов-ьн-ик-ˈу,
— ↓ — — — ↓ ↓ → — — — → —

молод-ˈы -хъ, на слов-о ˈли, при-вед-у ˈже, про-да-л-ъ ˈся;
— ↓Re ↓ — — — ↓ — — — ↓ — — — ↓

ˈмож-е -ть, ˈдобр-ы -хъ, ˈсвоj-ему.
→ —Re ↓ → ↓Re ↓ → ↓Min

К пункту 3 ˈстол-ъ, ˈголов-ъ, голов-ьн-ˈич-еств-о;
→ — — ↓ — — → → —

ˈпо-съл-е -ть, ˈсъл-е -ть, ˈзъл-ы -хъ.
— → —Re ↓ → —Re ↓ → ↓Re ↓

Как можно видеть, в отличие от базисного правила для современного русского языка (§ 1.22), которое обслуживает только основы словоформ, базисное правило для раннедревнерусского является универсальным: оно обслуживает не только целые словоформы, но и целые тактовые группы.

§ 2.9. Неоднословные тактовые группы, в которые входят энклиномены, обладают некоторыми особыми свойствами, которые можно

[7] Если же это невозможно (в тактовой группе влево других слогов уже нет), то ударение сдвигается на слог вправо (такой слог обязательно имеется).

описать в терминах перемаркировок (предшествующих применению базисного правила). Правила здесь таковы.

1. Односложная словоформа с минусовой маркировкой, стоящая в конце тактовой группы после неодносложного энклиномена, меняет свою минусовую маркировку на ↓. Примеры: *слово сѐ*, *землю тꙋ́*, *варю вы* 'предваряю вас', *миръ сь* (из *миръ сь* по п. 3 базисного правила).

2. Если тактовая группа состоит из неодносложного энклиномена, оканчивающегося не на ъ, ь, и энклитики (или перемаркированного по п. 1 односложного энклиномена), то такой неодносложный энклиномен факультативно меняет свою минусовую маркировку (последнюю, если она не одна) на ↓. Примеры: *стыжю́ ся*, *варю́ вы*, *землю́ ту*, *оба́ та* — наряду с *стыжю ся́*, *варю вы́*, *землю ту́*, *оба та́*.

Примечание. Данный факультативный вариант рано стал господствующим в сочетаниях *l*-причастий с *ся* (например, *дало́ ся*, *родило́ ся*, *опустили́ ся*) и в *никъто́ же*, *ничьто́ же*.

3. Такой же перемаркировке, как в п. 2, факультативно подвергается первый член тактовой группы из двух неодносложных энклиноменов (перед первым из которых может также стоять предлог). Примеры: *живу́ воду*, *въ вѣки́ вѣкомъ* (ср. § 3.46), *оба́ полы* — наряду с ¯*живу воду*, ¯*въ вѣки вѣкомъ*, ¯*оба полы*.

Примечание. Данный факультативный вариант рано стал господствующим в названии Новгорода: *но́въ городъ* (из *новъ́ городъ* по п. 3 базисного правила), *нова́ города*, *нову́ городу*, *новѣ́ городѣ*. Но не исключено также, что здесь представлен след древнейшей акцентуации прилагательного *новъ* (в праславянском, в отличие от древнерусского, корень этого слова имел маркировку →).

Возможно, распределение акцентных вариантов, указанных в п. 2 и 3, определялось какими-то синтагматическими условиями (пока еще не выясненными).

Акцентные парадигмы

§ 2.10. С акцентологической точки зрения основы словоформ изменяемых слов делятся на следующие три класса:

1) цепь маркировок, входящих в основу морфов, состоит из одних минусов[8];

2) эта цепь заканчивается маркировкой →, а левее этой маркировки имеются только минусы (или вообще ничего нет);

3) эта цепь имеет любой иной вид.

---

[8] Наличие или отсутствие помет Re и Min для рассматриваемого в настоящем параграфе разделения на классы роли не играет.

Имя, у которого основы всех словоформ относятся к 3-му из перечисленных классов, называется словом акцентной парадигмы (сокращенно: а. п.) *a*, ко 2-му — словом акцентной парадигмы *b*, к 1-му — словом акцентной парадигмы *c*.

Примечание. У прилагательных разные степени сравнения рассматриваются как разные слова.

По этому же правилу определяется акцентная парадигма глагола, но здесь учитываются не все словоформы, а только словоформы презенса.

У раннедревнерусского слова в рамках указанных совокупностей словоформ в нормальном случае представлены основы одного и того же класса (как правило, основы здесь просто одинаковы или различаются только чередованием согласных). Возможна, однако, акцентная вариантность (слово допускает сразу две или даже три разных акцентных парадигмы); особый случай составляет глагол *хотѣти* (см. § 2.17). Таким образом, если отвлечься от случаев вариантности, каждое изменяемое слово относится к одной из трех акцентных парадигм.

У глаголов иногда бывает целесообразно рассматривать акцентные парадигмы отдельных частей морфологической парадигмы (чаще всего — системы презенса и системы инфинитива).

Из базисного правила непосредственно вытекают следующие свойства слов разных акцентных парадигм (для глаголов имеется в виду презенс).

Слова а. п. *a* имеют только ортотонические словоформы с неподвижным ударением на определенном слоге основы (если не считать возможных сдвигов ударения влево со слабого редуцированного).

У слов а. п. *b*, если отвлечься от немногочисленных словоформ, где окончание несет помету Min, положение таково. Они имеют ортотонические словоформы с ударением на первом слоге окончания или (в случае, когда первый послеосновный слог содержит слабый редуцированный или когда первый послеосновный морф несет помету Re) на последнем слоге основы. Таким образом, здесь представлено смежно-подвижное ударение, т. е. распределенное между смежными слогами (первым слогом окончания и последним слогом основы); ср. § 1.10. Теоретически возможно также, но практически почти не встречается неподвижное ударение на первом слоге окончания.

Описанная картина нарушается, правда, в тех словоформах, где окончание имеет помету Min. В этих словоформах слова а. п. *b* ведут себя как слова а. п. *c* (см. ниже) [9]; отсюда возможность появления, во-первых, энклиноменов (так обстоит дело в звательной форме), во-вторых, словоформ с ударением на втором слоге окончания.

[9] Дело в том, что помета Min отражает именно проникновение в а. п. *b* акцентовок, возникших по аналогии с а. п. *c*.

Слова а. п. *c* имеют словоформы двух типов: 1) если окончание имеет минусовую маркировку — энклиномены; 2) если окончание имеет плюсовую маркировку — ортотонические словоформы с ударением на окончании. Таким образом ударение здесь маргинально-подвижное (ср. § 1.10), т. е. противопоставлены автоматическое начальное ударение энклиноменов и автономное флексионное ударение. Маргинально-подвижное ударение может быть двух подтипов: 1) строгое — если во всех случаях флексионного ударения оно падает на конечный слог словоформы; 2) нестрогое — если имеется хотя бы один случай неконечного автономного ударения (на первом слоге двусложного окончания или [в силу сдвига ударения с окончания] на последнем слоге основы).

Для глаголов нормальными являются следующие акцентные соотношения между системой презенса и системой инфинитива.

Система презенса	**Система инфинитива**	
	у *C*-корневых глаголов	у прочих глаголов
а. п. *a*	а. п. *a*	а. п. *a*
а. п. *b*	а. п. *b*	а. п. *a*
а. п. *c*	а. п. *b*	а. п. *c*

Любые другие соотношения представляют собой исключения; важнейшее из них — а. п. *a* в системе инфинитива при а. п. *c* в системе презенса у группы корневых глаголов (см. § 2.17).

Акцентная парадигма *a* называется также баритонированной, *b* — окситонированной, *c* — подвижной.

Акцентные кривые

§ 2.11. Запись, показывающая, к какой из трех акцентных категорий (ортотоническая словоформа с ударением на основе, ортотоническая словоформа с ударением на окончании, энклиномен) относится каждая словоформа некоторого изменяемого слова, образует так наз. акцентную кривую (или схему ударения) данного слова. Такая форма данного определения необходима для праславянского и раннедревнерусского. Для систем более поздней эпохи, когда энклиномены перестали отличаться от начальноударных ортотонических словоформ, тройное противопоставление превращается в двойное (ударение на основе — ударение на окончании); ср. § 1.8 о схемах ударения в современном языке.

В праславянском и раннем древнерусском между акцентными кривыми и акцентными парадигмами существовало следующее простое соотношение: в каждом морфологическом классе слов каждая акцентная парадигма представлена не более чем одной акцентной кривой (т. е. ровно одной, кроме случаев, когда данная акцентная парадигма в данном классе вообще отсутствует).

В более позднее время это простое соотношение оказалось нарушенным: появились случаи «расщепления» одной акцентной парадигмы на две или более акцентных кривых в одном и том же морфологическом классе. Впрочем, первые признаки такого развития проявляются довольно рано: они отмечаются уже в памятниках XIV в. (ср. § 2.18 о словах «группы *воля*») и, возможно, их истоки относятся к раннедревнерусской эпохе.

Конкретный вид акцентных кривых в раннедревнерусском непосредственно определяется маркировками окончаний, см. § 2.18—21.

Зависимость между акцентуацией производящих и производных слов

§ 2.12. Из базисного правила вытекают также простые соотношения между акцентуацией производящих и производных слов. При суффиксальном словообразовании эти соотношения таковы.

Любые производные от слов а. п. *a* относятся тоже к а. п. *a* и сохраняют место ударения исходного слова. Например, от слов а. п. *a* *правъ*, *слабъ* получаются производные *правити*, *правление*, *правитель*, *правьда*, *правьдивыи*, *слабити*, *слабѣти*, *слабѣишии*; также с приставками (не влияющими здесь на акцентуацию) — *направление*, *направляти*, *исправительныи*, *оправьдати*, *оправьдательныи*, *ослабление*, *ослабляти*.

Производные от слов а. п. *b* в нормальном случае имеют ударение на первой гласной, не входящей в производящую основу; но если это слабый редуцированный, то ударение падает на слог левее. Например, от слов а. п. *b* *слугa*, *чьрнъ* получаются *служити*, *служьба*, *служьбьныи*, *служжька*, *чьрнити*, *чьрнило*, *чьрньць* (но *чьрньца*), *чьрньчьство*. Особый случай составляют немногочисленные суффиксы с пометами Re и Min: здесь ударение отклоняется (сообразно действию пометы) от указанного положения.

Акцентуация производных от слов а. п. *c* зависит от маркировки суффикса. Если суффикс минусовый, производное тоже относится к а. п. *c*, как, например, ¯*мужьскъ* от ¯*мужь*, ¯*чьстьнъ* от ¯*чьсть*, ¯*лѣность* от *лѣнъ*, *пустота* (В. ед. ¯*пустоту*) от ¯*пустъ*. Если суффикс плюсовый, ударение привязано к этому суффиксу (а его конкретное место определяется маркировкой ↓ или →), например: *свѣтьлица*, *лѣнивъ*, *рогатъ* (при суффиксе с ↓); *мужьство*, *мужикъ*, *-а*, *крѣпостьца* (при суффиксе с →).

Что касается словосложения и приставочного словообразования, то здесь возможны особые соотношения между акцентуацией производящих и производных слов, не вытекающие из базисного правила (см. § 2.26—29).

СВЕДЕНИЯ О МАРКИРОВКАХ КОНКРЕТНЫХ МОРФЕМ

КОРНИ

§ 2.13. Между акцентными парадигмами непроизводных слов и маркировкой их корней имеется следующее простое соотношение: при а. п. *a* ↓, при а. п. *b* →, при а. п. *c* — [10] (отклоняется только особая группа слов, рассматриваемая в § 2.15). Соответственно, маркировку корней (кроме «остаточных») можно задать, указав а. п. соответствующих непроизводных слов. Практически это даже удобнее, поскольку при таком способе задания гораздо проще решается проблема различения омонимичных корней и не возникает трудностей, связанных с особыми случаями, когда корень имеет непостоянную маркировку (см. § 2.7 о *бѣгати — бѣжить* и т. п.).

Ниже приводятся списки (неполные) раннедревнерусских непроизводных слов каждой из трех акцентных парадигм. Предлагаемая реконструкция раннедревнерусской акцентуации конкретных слов основана в первую очередь на акцентуации этих слов в обследованных нами памятниках XIV—XVII вв. (см. гл. 3). Прочие источники сведений: акцентуация соответствующих производных в памятниках XIV—XVII вв.; показания памятников и современных говоров относительно наличия /э/ или /ô/ в рассматриваемых словах и их производных (см. § 3.3—5); акцентные показания современных восточнославянских языков; акцентные показания южнославянских и западнославянских языков.

Разумеется, при реконструкции использованы результаты, полученные в имеющейся акцентологической литературе; но все они дополнительно проверялись на обследованном нами материале. Объем настоящей работы не позволяет нам разбирать существующие между разными авторами расхождения (к сожалению, весьма многочисленные) относительно первоначальной акцентуации отдельных слов, а также фиксировать и обсуждать все частные отличия настоящей реконструкции от предложенных ранее.

Как уже отмечено в § 2.1, реконструируемые раннедревнерусские акцентные характеристики не всегда совпадают с праславянскими. Следует учитывать, что в существующих работах, как правило, дается праславянская реконструкция, т. е. часть их расхождений с настоящей работой объясняется именно этим.

Специально подчеркнем, что приводимые ниже списки имеют для настоящей работы лишь вспомогательное значение; их разработка и обоснование не входит в число непосредственных исследовательских целей работы. Эти списки необходимы для того, чтобы в после-

---

[10] У слов а. п. *c* с безгласной основой (например, *т-ъ*) основа просто остается без маркировки, ср. § 2.7, замеч. 3.

дующих разделах можно было опереться на некоторый относительно надежный (но в то же время не слишком узкий) фонд реконструкций. Разумеется, в этих условиях списки не могут быть полными.

В соответствии с этой установкой в списки включались в первую очередь слова, встретившиеся в обследованных памятниках (и притом обнаружившие свои акцентные свойства достаточно ясно). Слова, не встретившиеся в этих памятниках (или засвидетельствованные лишь в недостаточно показательных формах), отмечены в списках звездочкой; из слов этой категории в списки включены лишь немногие. Вопросительный знак указывает на меньшую, чем в среднем, надежность акцентной реконструкции (при том, что отсутствие этого знака, разумеется, еще не означает полной надежности); однако большинство слов, заслуживающих вопросительного знака, в списки просто не включалось.

В списки входят, наряду с исконными словами, также некоторые церковнославянизмы (поскольку в раннедревнерусскую эпоху они, несомненно, уже употреблялись). Существенно, что они далеко не всегда акцентуируются одинаково с их русскими эквивалентами (ср., например, *врагъ* и *ворогъ*, *брада* и *борода*).

Оказалось практически целесообразным включить в приводимые ниже списки вместе с непроизводными также слова переходного типа (находящиеся на той или иной ступени опрощения) и даже некоторое число явно производных слов (в частности, существительных с суффиксом **-j-*, глаголов с суффиксом *-ну-* и др.), для которых иной способ задания акцентной информации почему-либо затруднен[11]. Так, в списки включены слова с «остаточным» корнем (при вычленимом суффиксе), типа *сьрдьце*, *овьца*; при этом для части таких слов (например, для прилагательных с *-ък-*) акцентологическая информация дана в виде непосредственного указания маркировки корня. В списках глаголов (в особенности *i*-глаголов), помимо непроизводных, содержатся также некоторые категории исторически или даже синхронически отыменных, в частности, двусмысленные в словообразовательном отношении (например, *судити*, *служити*), семантически обособившиеся (например, *простити*, *пустити*), с «остаточным» корнем (например, *высити*), а также некоторые глаголы, ударение которых не соответствует ударению исходного имени (например, *крьстити*, *поститися*).

В рамках морфологического класса первыми обычно перечисляются слова с односложной (или двусложной в силу полногласия) основой; далее идут слова иной структуры.

Неполная акцентная устойчивость слова отражается следующими пометами:

1) «следы *a* (*b*, *c*)» — наряду с основной для данного слова а. п. оно иногда может акцентуироваться по указанной здесь иной а. п.,

[11] Таким образом, одно и то же слово может оказаться упомянутым и в данном разделе и в разделе о суффиксах.

причем эта второстепенная а. п. является для данного слова исторически более старой;

2) «нов. *a* (*b*, *c*)» и «откл(онение) к *a* (*b*, *c*)» — то же, но указанная второстепенная а. п. является для данного слова исторически более новой; при этом помета «нов.» указывает на постепенный достаточно широкий (или даже всеобщий) переход к новой а. п., помета «откл.» — на спорадические, относительно неустойчивые отклонения;

3) «изредка *a* (*b*, *c*)» — то же, что при пометах «следы» и «откл.», но без указания об относительной древности конкурирующих а. п.;

4) «//*a* (//*b*, //*c*)» — слово может акцентуироваться по двум разным а. п., причем неясно, какую следует считать основной; указаний об относительной древности конкурирующих а. п. данная помета не дает; слово с такой пометой заносится в списки как одной, так и другой а. п.

Перечисленные пометы ставятся на основании акцентного поведения соответствующего слова в обследованных памятниках; при этом, однако, не учитываются те отклонения, которые можно объяснить поздними явлениями, происходившими в части говоров (обычно не учитываются также единичные отклонения, поскольку они могут быть случайными). Но, конечно, даже и при этих предосторожностях нельзя исключать того, что акцентное колебание в действительности возникло не в раннедревнерусскую эпоху, а позже; такая возможность наиболее реальна для случаев, отражаемых пометами «откл.», «нов.» и «изредка». Тем самым эти три пометы фактически дают информацию о колебаниях в XIV—XVII вв. (но все же не всех, а таких, которые могут иметь и более раннее происхождение). Помета «следы», напротив, указывает на акцентовку, которая, по нашей оценке, в раннедревнерусском определенно существовала и при этом, возможно, даже была основной.

Акцентная парадигма a

§ 2.14. Существительные. *o*- и u-masculina[12]: *адъ*, *братъ*, *волóхъ*, *вѣтръ*, *гадъ* (нов. *c*), *горóхъ*, *градъ* 'grando' (откл. к *b*), *дымъ*, *дѣдъ*, *жидъ* (нов. *c*), *жукъ*, *јилъ**, *клинъ**, *краи* (откл. к *b*), *куръ* 'петух', *кустъ*, *лукъ* (растение), *макъ*, *морóзъ*, *плачь*, *плугъ*, *порóгъ*, *порóмъ**, *пупъ*, *ракъ*, *сватъ*, *скитъ* (откл. к *b*), *стрыи*, *сыръ*, *узлъ*, *хлѣбъ*, *холóпъ*, *хорóмъ* (следы *b*), *югъ*; также церковнославянизмы *мразъ* (откл. к *c*), *нравъ* (следы *c*), *членъ* (следы *c*); сюда же ряд других специфически книжных слов — *кедръ* (откл. к *b*), *китъ* (откл. к *b*), *тигръ*, *удъ* (нов. *c*). Из слов более позднего происхождения отметим *стулъ*, *фунтъ*. Слов с многосложной основой очень много (особенно заимствованных); ограничимся характерными примерами: *апри́ль*, *бора́нъ*, *бу́бънъ*, *вельб(л)у́дъ*, *вънýкъ*, *вьртьпъ* (Р. ед. *вьртьпа*), *глаго́лъ* (изредка *b*), *жьньчю́гъ*, *июнь*, *кабáнъ*, *ка-*

[12] К u-masculina в этом списке, по-видимому, относится только *јилъ*.

нóнъ, ковьчéгъ, кумúръ, къръчáгъ, мъниxъ, орѣхъ, скомороxъ, товáръ, филосóфъ, чьвáнъ, чьртóгъ, язы́къ; áнъгелъ, бúсьръ, жюпелъ, зáяць, júньjь, кáшьль, колóдязь, мáстеръ, мѣсяць, пáрусъ, пѣнязь, сѣверъ, тúунъ, я́корь, я́стрябъ; апóстолъ, дья́волъ, дья́конъ.* Сюда же опростившиеся *коньць* (Р. ед. *кóньца*), *отьць* (Р. ед. *óтьца*); ср. также § 2.16, примеч. 1.

i-masculina: *зять, угль; господь* (//*с*), *гъртáнь, медвѣдь.* Консонантные masculina: *кáмы* (*кáмень*), *олéнь, печáть, степéнь.*

o-neutra: *берéсто*, блюдо, болóто, ведро* 'serenum', *вѣко, гърло* (изредка *ъ*), *дѣло, жито, зьрно, лѣто, лыко*, масло, миро, мѣсто, право, рало, сало, сито*, стадо, утро, чадо; желѣзо, колѣно, копы́то, коры́то, полѣно*, сълньце* (следы *ъ*); *зьркало, я́блъко.* Прочие neutra: *чюдо* (нов. *с*); *берéмя** (и *брéмя*), *рáмя* (*рáмо*); *я́гня.*

a-основы: *баба, баня, берéза, буря, вира, волóга* (и *влага*), *ворóна, вълна* 'шерсть' (откл. к *ъ*), *вѣра, глина, грива, груша, грыжа, губа* ('labium', 'spongia', 'sinus maris'), *дорóга, дума* (откл. к *ъ*), *дыня, дѣва, жаба, жила, jива, jискра, капля* (откл. к *ъ*), *каша, колóда, корóва, корóста, кыла, ласка, липа, лихва* (откл. к *ъ*), *мука* 'supplicium', *мълва* (откл. к *ъ*), *мѣра, мята, нива, нужа, папа* (римский), *пара* ('пар', 'пара'), *пасxа, пища* (ц.-сл.), *пуля, пѣна, рака* (откл. к *ъ*), *рана, риза, руга, рыба, рѣпа, ряса, сажа, сила, слава, слива, слина, соломá*, сорóка, спина, струна, ступа, сѣра* (откл. к *ъ*), *сѣча, тина, туча* (откл. к *ъ*), *уда*, уза, xаря, xула* (откл. к *ъ*), *xыжа*, чаша, шиja, щюка, язва, яма.* Для многосложных ограничимся лишь некоторыми примерами: *бесѣда, бумáга, вечéря, икóна, комóра, котóра, къни́га, могы́ла, невѣста, полáта, субóта, телѣга; ты́сяча, я́года.* Особо отметим слова с ударным редуцированным во втором слоге: *обьжа* > *óбьжа* (но Р. мн. *обьжь*), *ольxа* > *óльxа* (но Р. мн. *ольxъ*).

В особую группу («группа *чаща*») целесообразно выделить те слова с **-j-* (при этимологически долгом корне), которые в других славянских языках обнаруживают рефлексы новоакутовой интонации (см. § 2.31—32): *горóжа, гуща*, жаж(д)а* (изредка *ъ*), *круча*, купля, кърмля, сторóжа, суша, тълща* (изредка *ъ*), *тяжа, чаща* (изредка *ъ*); сюда же примыкает *клятва* (изредка *ъ*), с *-тв-*, а не **-j-*. В восточнославянском эти слова относятся к а. п. *a* при некоторых колебаниях в сторону а. п. *b*. Не исключено, что эти колебания представляют собой следы древнейшей акцентуации данной группы слов; но более вероятно, что они носят здесь такой же характер, как у ряда слов исконной а. п. *a* (ср. выше), т. е. являются вторичными. Относительно соответствующей группы слов с этимологически кратким корнем («группа *воля*») см. § 2.16.

i-feminina: *вѣтвь, долóнь** (и *длань*), *жизнь, казнь, кисть, мѣдь, мысль, мышь, нить, пѣснь, рать, скърбь* (//*с*), *стѣнь* (также муж.; следы *ъ*), *сѣнь, сѣть, тварь; кровáть, лоxáнь, псалътúрь, рътýть,*

скáтьрть, *скрижáль*, pluralia tantum *гусли*, *пьрси*, *ясли*. Консонантные feminina: *мáти* (Р. ед. *мáтере*); *бýкы* (Р. ед. *бýкъве*), аналогично *жьрны*, *пýгы**, *тьíкы*, *ýты* 'утка', *хорýгы*, *цьркы*.

Прилагательные: *быстръ* (откл. к *b*), *дългъ*, *јистъ*, *малъ*, *милъ*, *нищь*, *правъ*, *приснъ* (откл. к *c*), *пълнъ*, *пьрвъ*, *пѣшь*, *радъ*, *русъ* (?), *синь*, *слабъ*, *старъ*, *суи* (откл. к *c*), *сыръ* (нов. *c*), *сытъ*, *сѣръ* (?), *тихъ*, *хорóбръ* (и *храбръ*), *хытръ* (нов. *b*), *чистъ*; *мънóгъ*, *сверѣпъ*, *съдорóвъ* (и *съдрáвъ*), *готóвъ*. Сюда же: *вътóрьјь*, *четвьртъјь*; *четвéро*.

Маркировку ↓ имеет также корень *глад-* (в *гладъкъ*). По-видимому, такую же первоначальную маркировку имели корни *выс-*, *шир-* (см. § 2.25) и *мьрз-*. Для *близ-* и *низ-* вероятно колебание между ↓ и →.

Местоимение: *јинъ*. Числительное: *четы́ре*.

Глаголы (здесь и в § 2.15—17 приводятся в форме 1 ед. презенса, кроме *i-* и *ě*-глаголов, для которых дается основа 3 ед. презенса). *C*-корневые: *вьргу* (*верéчи*), *краду*, *лѣзу*, *съ-рячю* (*съ-рѣсти*; также церковнославянизмы *съ-рящю*, *об-рящю*), *сяду* (*сѣсти*). У *лягу* (*лечи*) система инфинитива относится к а. п. *c*.

V-корневые: *брию*, *выю*, *грѣю*, *дую*, *знаю*, *крыю*, *мыю*, *ныю*, *рыю*, *спѣю*, *об-ую*, *по-чию*, *чюю*, *шию*; также *буду* (*быти*), *стану* (*стати*).

a-глаголы: 1) с йотовым презенсом — *брызжю**, *движю*, *дышю* (*ды́хати*) (?), *зыблю*, *каплю**, *кличю*, *мажю*, *плачю*, *прыщю**, *прячю*, *пышю*, *рѣжю*, *сыплю*, *ты́чю**, *по-яшю* (также церковнославянизм *áлъчю*); *баю**, *блюю* (*бльвáти*), *вѣю*, *дѣю* (следы *c*), *каю*, *лаю*, *лелѣю**, *плюю* (*пльвáти*), *рѣю*, *сую* (*совáти*), *сѣю*, *таю* 'liquesco', *чаю* (следы *c*); 2) с безйотовым презенсом — *ѣду* (*ѣхати*).

nǫ-глаголы: *дуну*, *зину**, *плину* (позднéе *плюну*), *рину*, *суну*; *-бѣгну*, *висну*, *выкну*, *вяну*, *гасну*, *гы(б)ну*, *дви(г)ну*, *ка(п)ну**, *кликну*, *кысну*, *мьрзну*, *мьркну*, *мякну**, *никну*, *-пряну*, *по-сагну*, *-стигну*, *стыну*, *тихну*, *-тьргну*.

ě-глаголы: *вид-*, *вис-*, *движ-*, *мьрз-* (?), *слыш-*.

i-глаголы: *-бав-*, *вад-*, *выс-*, *вѣр-*, *вѣс-*, *глад-*, *граб-*, *у-дар-*, *жал-* 'lamento', *квас-*, *лаз-*, *мълв-*, *мѣт-*, *-низ-*, *нуд-*, *пар-* 'лететь', *плав-*, *плющ-*, *прав-*, *пърт-*, *ран-* 'ferio', *съ-рѣт-*, *склаб-*, *став-*, *по-сѣт-* (нов. *c*), *тѣш-*, *хыт-* (откл. к *b*), *цѣст-*, *шир-*, *ѣзд-*.

ova-глаголы: *жáлую*, *пѣстую*, *сѣтую*.

aj-глаголы: *кýтаю*, *кы́даю*, *пры́гаю**, *прáдаю**, *хвáстаю*; отметим также производные, отличающиеся от исходных слов маркировкой корня (§ 2.7): *бѣгаю*, *ворóчаю*, *вѣдаю*, *глáдаю*, *клáняю(ся)*, *кýшаю**, *плáваю*, *пълзаю*, *чьрпаю*. (Все *ěj*-глаголы а. п. *a* с корневым ударением — отыменные.)

Отметим еще некоторые неизменяемые слова с маркировкой ↓: *да* (утвердительный ответ), *ли* 'или' (союз, не частица), *у* 'уже', *ещé*.

§ 2.15. Особо стоят непроизводные слова с постоянным ударением на основообразующем элементе в тех морфологических классах,

где последний не сливается с окончанием, а входит в состав основы. Такие слова принадлежат к акцентной парадигме *a*, но корень здесь имеет маркировку → или — (а не ↓). Ударение таких слов определяется теми же правилами, что для производных: основообразующий элемент ведет себя с акцентологической точки зрения как обычный суффикс; например, у *копа́ти*, *копа́ю* основа состоит из *коп-* → и *-а(j)-* ↓, отсюда постоянное ударение на *-а(j)-*.

Укажем важнейшие слова этой категории. Глаголы: *вита́ю*, *жела́ю*, *копа́ю*, *пита́ю*, *у-пъва́ю*, *рыда́ю*, *сья́ю*, *шата́ю**; *-бо́тью*, *го́вью*, *о-доле́ю*, *желе́ю*, *зьре́ю*, *йьме́ю*, *пите́ю*, *съме́ю* (членение этого слова на морфемы спорно), *тьле́ю*, *уме́ю* (ср. *роз-уме́ю*). Существительные: *желы́* (Р. ед. *же́лъве*; также *жьлы́*, *жьлъве*) ‘черепаха’, *зълы́* (*зъ́лъве*) ‘золовка’, *Москы́* (*Мо́скъве*), *мъркы́* (*мъ́ркъве*), *смокы́* (*смо́къве*); *племя́* (*племе́не*). Сюда же можно отнести *мълни́*, Р. ед. *мъ́лнйе* (позднéе И. ед. получает *-йи* вместо *-и* и аналогическое ударение: *мъ́лнйй* или *мъ́лнйи*). Во всех этих случаях мы можем приписать корню маркировку → (ср. производные слова с заведомой маркировкой → у корня: *любы́*, *лю́бъве*; *суди́* [позднéе *су́дйй* или *су́дйи*], Р. ед. *су́дйе*).

Акцентная парадигма b

§ 2.16. Существительные. *o-* и u-masculina: *бобръ*, *бобъ*, *бои* (откл. к *c*), *бърщь*, *быкъ*, *вепрь*, *вожь*, *вои* ‘воин’, *волъ*, *врачь*, *въ́лхвъ*, *въпль*, *върхъ*, *грéхъ*, *дворъ*, *дъ́жжь* (*дъ́ждь*), *жезлъ* (*//c*), *задъ* (?), *змйь*, *клопъ*, *ключь*, *колъ*, *конь*, *король*, *котъ**, *кошь*, *кремль*, *кровъ* (откл. к *c*), *крьстъ* (откл. к *c*), *кутъ**, *ларь*, *лъ́бъ* (?), *львъ*, *мъхъ**, *мьчь* (*мечь*), *ножь*, *одръ*, *панъ* (?), *Петръ*, *плащь**, *плодъ* (откл. к *c*), *плътъ* ‘ratis’, *полонъ* (следы *c*), *попъ*, *постъ*, *прудъ*, *прыщь*, *пълкъ* (изредка *a*), *пьрстъ* (откл. к *a*), *пьсъ*, *пéстъ**, *раи* (следы *a*), *Римъ* (нов. *a*, откл. к *c*), *рои*, *рубль*, *ръ́тъ*, *сваръ*, *скотъ*, *снопъ*, *сомъ**, *стихъ*, *столъ*, *студъ* (*стыдъ*; следы *c*), *стълпъ* (*стълбъ*), *судъ* ‘iudicium’, *сънъ*, *сърпъ*, *трудъ*, *тъ́ргъ*, *умъ*, *усъ**, *хвостъ*, *хлéвъ*, *часъ* (следы *a*), *шипъ**, *шьстъ*, *щитъ*; также церковнославянизмы *вождь*, *врагъ*, *рабъ*, *стражь*. Выборочно из многосложных: *баг(ъ)ръ** (краска), *батогъ*, *воробьйь*, *Дънéпръ*, *дьякъ*, *животъ*, *кысель*, *козьлъ*, *комаръ*, *корабль*, *котьлъ*, *овощь* (следы *a* [*ово́щьи*]), *овънъ*, *овьсъ*, *олтарь*, *Ольгъ*, *орьлъ*, *осетръ*, *остьнъ*, *осьлъ*, *оцьтъ*, *пирогъ*, *псалъмъ*, *пьпьрь* ‘перец’, *пéсъкъ*, *рожьнъ*, *сапогъ*, *соболь* (?: *b* или *a*), *соколъ*, *топоръ*, *фонарь*, *хомутъ*, *хрьбътъ*, *цьсарь* (позднéе *царь*), *шатьръ*; также *генуарь*, *февраль* (*-ль*), *сентябрь* (*сеп-*), *октябрь*, *ноябрь*, *декабрь* (и ряд более поздних заимствований).

Примечание 1. Для части многосложных с редуцированным в последнем слоге основы (например, *козьлъ*, *котьлъ*, *Ольгъ*, *орьлъ*, *осьлъ*) не удается надежно отличить старое флексионное ударение (т. е. а. п. *b*) от старого предфлексионного ударения типа *козьл-* (т. е. а. п. *a*), поскольку в дальнейшем эти два типа акцентовки часто давали одинаковый результат (ср. § 3.8).

i-masculina: *огнь*, *моль* (?), *путь*.

Neutra: *весло*, *вино*, *вѣдро*, *гнѣздо*, *долото**, *дъно*, *жерело**, *звено**, *крило*, *лице*, *ложе* (откл. к *а*), *лоно* (нов. *а*), *молоко*, *мыто*, *нутро*, *пекло*, *перо*, *плече*, *плюче*, *пругло*, *ребро*, *руно*, *рухло*, *село*, *сило*, *стегно*, *стькло*, *тьло*, *чело*, *чересло**, *число*, *ядро*; также церковнославянизмы *млеко*, *чресло*; plurale tantum *уста*; *бьрвьно* (*брьвьно*), *веретено*, *волок(ъ)но**, *говьно*, *гумьно*, *копье*, *окъно**, *письмо*, *полотьно* (и *платьно*), *пьшено*, *решето**, *седьло*, *сук(ъ)но*, *сьрдьце* (изредка *с*), *сьребро* (*серебро*), *тенето**, *толок(ъ)но*, *яйце*. Отметим, кроме того, рано субстантивировавшиеся *добро*, *зъло*, *тепло*.

а-основы: *борозда**, *бръня* (откл. к *с*), *бѣда*, *вина* (следы *с*), *глиста*, *дуга*, *жена*, *змья* (*змѣя*), *йьгра*, *Илья*, *краса**, *крупа*, *лука*, *Лука* (имя), *луна*, *луча* ‘луч’, *лъжа*, *мука* ‘farina’, *мьзда*, *Ока*, *оса**, *роба*, *руда*, *ръжа**, *рѣка*, *свѣча*, *сестра*, *слуга*, *сова**, *сосна* (откл. к *а*), *стопа*, *страда*, *сьрна* (откл. к *а*), *трава*, *труба*, *туга*, *тьма*, *узда*, *уха*, *Фома*, *хвала*, *череда**, *чьрта* (откл. к *а*); также церковнославянизмы *брада* (следы *с*), *бразда*, *глава* (следы *с*), *раба*, *стража* (изредка *а*), *страна* (следы *с*), *стьзя*, *чреда*; *вьдова*, *господа*, *госпожа*, *литъва*, *мошьна*, *мърдъва*, *овьца* (*//с*), *пелена* (изредка *с*), *сатана* (*сотона*), *свинья* (откл. к *с*). Из слов более позднего происхождения отметим *казна*, *орда*, *сума*, *тюрьма*.

Примечание 2. У части твердых *а*-основ разграничение а. п. *b* и *c* оказывается для восточнославянской области весьма ненадежным (показания памятников малочисленны и отчасти противоречивы). Помимо случаев, выделенных выше соответствующими пометами, можно указать ряд слов, для которых надежно устанавливается лишь их непринадлежность к а. п. *а* (а от выбора между а. п. *b* и *c* осторожнее воздержаться), в частности: *блъха*, *борона*, *бьчела*, *коромола* (и *крамола*), *кръха*, *куна*, *кърма*, *межа*, *мѣна*, *пила*, *розга*, *рота*, *снъха*, *щепа*.

Особо стоит «группа *воля*» — слова с **-j-* (при этимологически кратком корне), обнаруживающие в других славянских языках рефлексы новоакутовой интонации; сюда относятся прежде всего: *воля*, *воня*, *доля*, *кожа*, *ловля*, *ноша*, *роща*, *тоня*, *тьща*; по-видимому, также *ноздря* (не смешивать со словом а. п. *с ноздрь*). Для двух слов из этой группы — *воля* и *воня* — в XIV в. засвидетельствована особая акцентная кривая смежно-подвижного класса (т. е. того, которым характеризуется а. п. *b*), см. § 2.18. Возможно, что эта акцентная кривая была представлена и у других слов данной группы. В более поздних памятниках слова «группы *воля*» обычно выступают с корневым ударением, но встречаются также отдельные примеры флексионного ударения (чаще прочих — у слова *воня*). В словообразовании слова этой группы обычно обнаруживают маркировку → (ср., например, *вольнъ*, *кожюхъ*; рус. *кóжаный*, *рóщица* и т. п. отражают акцентные отношения более поздней эпохи).

Возможно, что к «группе *воля*» примыкали также слова *кора*, *скора*, колеблющиеся в памятниках между а. п. *b* и *а* (ср. рефлексы нового акута в серб. *кòра*, чеш. *kůra*, слвц. *kôra*, пол. *skóra*). Точно

такая же акцентовка (*b*//*a*) представлена в части памятников у слова *гора* (в большинстве памятников акцентуированного по а. п. *c*); пол. *góra*, чеш. диал. *hůra* (при литер. *hora*). По-видимому, в этих словах по какой-то причине конечное *r* основы могло давать тот же акцентный эффект, что и сочетание с *j*; в этой связи интересно отметить словен. *skórja* 'кора' (=*skóra*) и лит. *girià*, где действительно обнаруживается *rj*, а не *r*. По своему акцентному поведению со словами *кора*, *скора*, *гора* отчасти сходно также слово *сосна*.

i-feminina: *двьрь*, *вьсь* (//*c*); счетные существительные *семь* (*седмь*), *осмь*. Еще у нескольких слов (например, *съмьрть*) сохранились лишь некоторые следы а. п. *b* (при обычной а. п. *a* или *c*).

Прилагательные: *бъдръ*, *бѣлъ*, *глупъ* (откл. к *c*), *голъ*, *добль*, *добръ*, *дряхлъ*, *жьлтъ*, *зълъ*, *круглъ*, *лютъ* (нов. *c*), *мокръ*, *мудръ*, *мьртвъ*, *наглъ*, *остръ*, *плоскъ*, *порожжь*, *прочь* (обычно *прочьjь*), *пьстръ*, *рѣзвъ*, *скупъ* (откл. к *c*), *теплъ*, *тъщь*, *тяглъ*, *хорошь*, *хромъ* (откл. к *c*), *чьрнъ*, *щедръ* (нов. *a*); *тяжелъ*, *зеленъ* (откл. к *c*), *обьщь* (но здесь не исключено также исходное **обьѣщь*, *-а*, *-е*, ср. выше примеч. 1), *утьлъ*. Сюда же: *сѐ(д)мъjь*, *о́смъjь*; такое же ударение получили членные формы *пя́тъjь*, *девя́тъjь*, *деся́тъjь* (хотя корни здесь минусовые); относительно *третьjь*, *-а́*, *-е́* см. § 2.24.

Укажем также некоторые связанные корни с маркировкой →, выступающие в составе суффиксальных прилагательных. С *-ък-*: *льг-*, *уз-*, *корот-*. С *-ьл-*: *мьд-* (в *мьдьлъ* 'медленный'). С *-ьн-*: *дав-*, *клос-*, *порож-*, *ров-*, *роз-* (и церковнославянские *праздн-*, *рав-*, *раз-*).

Конечноударные наречия, восходящие к падежным формам: *зѣло́*, *туне́*; *вънѣ́*, *кромѣ́*, *посьлѣ́*; *въдьлѣ́*, *възьлѣ́*; *вьчера́*.

Местоимения: *онъ*, *овъ* (//*c*), *вьсь*, *чиjь*, *одинъ* (и *единъ*).

Глаголы. Атематический: *jьмамь*.

C-корневые: *jьду*, *могу*.

V-корневые: 1) *борю*, *колю*, *мелю*, *полю**, *порю**; *дъму** (*дути*), *жьну* (и *жьню*), *мьну**; *жърю* (и *жьру*) 'sacrifico, immolo', *тьру* (инфинитивы *жьрти*, *тьрти*); *бью* (в части говоров также *шью* из *шию*, см. § 2.3); у всех этих глаголов система инфинитива относится к а. п. *a* (см. § 2.10); 2) *jьму*, *-чьну*; у этих глаголов система инфинитива относится к а. п. *c*. К подгруппе 2 в праславянском относился также глагол *жьму* (Дыбо 1972а, с. 76); в восточнославянском он перешел в подгруппу 1 (но неизвестно, сколь рано это произошло).

a-глаголы. 1. С йотовым презенсом (где **-j-* стоит после согласной): а) все глаголы с этимологически кратким корневым морфом в презенсе, кроме *орати* 'пахать', например: *стелю*, *стеню* (*стоню*), *сълю*, *зоблю*, *клеплю*, *лъжю* (позднéе также *лъгу*), *мечю*, *ръжю* (*ръзати*), *тешю*, *тъчю* (позднéе также *тъку*), *чешю*, *клевечю*, *лобъжю*, *скрьгъчю*, *трепечю*, *тъпъчю*, *шьпъчю*; но *глаголю* и *емлю* (*jьмати*) имеют также варианты по а. п. *c*; б) из глаголов с этимологически долгим корневым морфом в презенсе — *вяжю*, *дрѣмлю*, *жажю* (*жадати*), *зижю* (*зьдати*), *jищю*, *кажю*, *колышю**, *колѣблю*, *куплю* 'ку-

паю' (*купати*), *лижю*, *-лячю* (*-лякати*), *машю*, *нижю**, *пашю**, *пишю* (*пьсати* и *писати*), *пищю* (*пискати*), *рищю*, *скачю*, *стражю*, *стружю** (*стръгати*), *о-сяжю*, *хаплю*, *храмлю*. 2. С безйотовым презенсом: *съсу*, *серу* (см. также выше о поздних вариантах *лъгу*, *тъку*). Относительно глагола *хотѣти* см. § 2.17, *ě*-глаголы.

ǫ-глаголы: а) с этимологически кратким корневым морфом — *глъхну**, *гонезну* (или *гоньзну*), *гъну**, *дръгну*, *дъхну*, *косну*(*ся*), *въс-крьсну*, *метну*, *мокну*, *мъкну*, *пьхну*, *о-сльпну*, *у-съну*, *съхну*, *тону*, *тъкну*, *ис-чезну*; б) с этимологически долгим корневым морфом — *върну*, *вязну**, *грязну*, *дьрзну*, *у-жасну*, *-зябну*, *крикну**, *мълкну*, *сякну*, *търпну**, *тя*(*г*)*ну*.

i-глаголы: *блазн-* (откл. к *с*), *блуд-*, *борон-* 'защищать, запрещать', *брод-*, *бръс-*, *бѣс-*, *вод-*, *воз-*, *волоч-*, *ворот-* (откл. к *с*), *въп-*, *-глът-*, *гон-*, *дав-*, *казн-*, *крас-*, *куп-* 'купить', *съ-въ-куп-*, *кус-* 'кусать', *ис-кус-* 'искушать', *кърм-*, *лом-*, *луп-*, *люб-*, *мол-*, *молот-**, *съ-мотр-*, *моч-*, *мѣс-*, *нос-*, *пал-*, *плод-* (откл. к *с*), *прос-*, *ряд-*, *свѣт-* (откл. к *с*), *скоч-*, *служ-*, *соч-* 'требовать по суду', *строj-* (нов. *а*), *ступ-* (откл. к *с*), *суд-*, *у-тол-*, *том-*, *точ-* 'источать', 'заточать', *трав-*, *туж-*, *хвал-*, *хвạт-*, *ход-*, *хорон-*, *цѣп-*.

Акцентная парадигма с

§ 2.17. Существительные. *о-* и *и*-masculina: *берегъ*, *блудъ* (нов. *b*), *богъ*, *бокъ*, *боровъ**, *боръ*, *бродъ*, *бѣгъ*, *бѣсъ*, *валъ*, *вапъ* (?), *варъ*, *вередъ*, *видъ*, *возъ*, *волокъ*, *волосъ*, *ворогъ**, *воронъ*, *воротъ*, *ворохъ**, *воръ*, *воскъ*, *вълкъ*, *вѣкъ*, *вѣсъ*, *глазъ*, *гнои*, *гнѣвъ* (откл. к *b*), *годъ*, *голодъ*, *голосъ*, *городъ*, *гробъ*, *гроздъ*, *громъ*, *даръ*, *долъ*, *домъ*, *Донъ*, *дроздъ*, *другъ* 'amicus', *дубъ*, *духъ*, *дългъ*, *жаръ*, *жезлъ* (//*b*), *желобъ**, *знакъ*, *знои* (изредка *b*), *зубъ*, *квасъ*, *кленъ*, *колобъ**, *колосъ*, *коробъ*, *кругъ*, *кусъ*, *кърмъ*, *ледъ*, *ликъ* 'сонм', *листъ*, *ловъ*, *лои*, *лугъ*, *лукъ* 'arcus', *льнъ**, *лѣсъ*, *медъ*, *миръ* 'pax', *миръ* 'mundus', *мозгъ*, *молотъ**, *морокъ**, *моръ*, *мостъ*, *мужь*, *мѣлъ**, *мѣхъ*, *нерестъ**, *норовъ*, *носъ*, *пиръ*, *пискъ*, *платъ*, *полозъ*, *полъ* 'половина, sexus', *полъ* 'настил', *порозъ**, *порохъ*, *потъ*, *пругъ*, *прутъ*, *пъртъ*, *ровъ* (изредка *b*), *рогъ*, *родъ*, *ростъ*, *рубъ* 'кусок ткани, рубище', *рядъ*, *садъ* (откл. к *b*), *санъ*, *своробъ*, *свѣтъ*, *слонъ* (изредка *b*), *слухъ*, *слѣдъ*, *смѣхъ* (изредка *b*), *снѣгъ*, *сокъ*, *солодъ*, *сорокъ*, *соромъ*, *станъ*, *стогъ*, *сторожь*, *страхъ* (откл. к *b*), *стругъ*, *струпъ*, *стягъ*, *судъ* 'сосуд, судно', *сукъ**, *сынъ*, *теремъ*, *трупъ*, *трусъ* 'землетрясение', *туръ**, *ходъ*, *холодъ*, *хълмъ* (откл. к *b*), *цвѣтъ*, *черепъ*, *чинъ*, *чьлнъ*, *чьртъ*, *шюмъ**, *ядъ**; также церковнославянизмы *бракъ*, *брегъ*, *власъ* (откл. к *b*), *вредъ* (нов. *b*), *гладъ*, *гласъ*, *градъ* 'город', *класъ*, *млатъ*, *мракъ*, *плѣнъ*, *прахъ*, *срамъ*, *хладъ*, *храмъ* (изредка *а*), *чрепъ*; *вечеръ* (следы *а* [*вечѣръ*]), *господъ*, *жеребьjь*, *клопотъ*, *колоколъ*, *кънязь*, *мьчьтъ* (изредка *b*), *островъ*, *пепелъ* (*попелъ*), *Пльсковъ*, *посохъ*, *поясъ*, *трепетъ*, *троскотъ* 'трава', *угълъ*.

i-masculina: *гвоздь*, *голубь*, *господь* (//*a* [*госпо́дь*]), *гость*, *гусь*, *дѣверь**, *звѣрь*, *лось*, *тать*, *тетеревь*, *тысть*, *чьрвь*; plurale tantum *людье*; консонантные masculina: *дьнь*, *корень*, *локъть*, *ногъть*; также счетное существительное *десять* (позднее переходит в feminina).

Neutra: *брюхо*, *горе*, *дерево*, *диво*, *золото*, *имя*, *коло*, *море*, *мясо*, *небо*, *око*, *пиво*, *поле*, *просо**, *слово*, *съто*, *сѣно*, *тѣло*, *тѣсто**, *ухо*, *черево*; также церковнославянизмы *благо*, *брашьно* (откл. к *b*, нов. *a*), *время*, *древо*, *злато*, *чрево*; pluralia tantum *ворота* (и *врата*), *дръва*; *озеро*, *олово**.

a-feminina: *бедра* ‘бедро’, *борода*, *борона*, *весна*, *вода*, *вълна* ‘unda’ (изредка *b*), *вырста*, *голова*, *гора* (откл. к *b* и *a*, см. § 2.16, «группа *воля*»), *гроза*, *гряда**, *душа*, *дъска*, *звѣзда* (изредка *b*), *земля* (изредка *b*), *зима*, *зола*, *коза* (следы *b*), *копа*, *коса* (все омонимы), *лоза*, *нога*, *пора*, *пята* (откл. к *b*), *роса*, *рука*, *середа*, *сльза*, *смола*, *соха*, *сторона*, *строка*, *стрѣла* (откл. к *b*), *стѣна*, *сѣмья*, *цѣна*, *щека*; также церковнославянизмы *слана* (откл. к *b*), *среда* (откл. к *b*); *головьня* (?), *jьгъла*, *jьстъба*, *копьна*, *овьца* (//*b*), *свобода*, *сковорода*; по-видимому, также *коробьjи*, *лодьjи* (из более ранних *короби*, *лоди*). См. также § 2.16, примеч. 2.

i-feminina: *боль*, *волость*, *въшь**, *вырвь*, *высь* (//*b*), *вѣсть*, *грань*, *грудь*, *грязь*, *дань*, *дробь*, *дьбрь*, *земь*, *клѣть*, *кость*, *лысть*, *масть*, *мочь*, *мысть*, *ноздрь* (не смешивать с *ноздря*, § 2.16), *ночь*, *печь*, *плеть*, *плъть*, *пълсть*, *пыль**, *пядь* (?), *пясть*, *ръжь**, *рѣчь*, *скърбь* (//*a*), *сласть*, *соль*, *страсть*, *треть*, *тръсть*, *хлябь* (?), *часть*, *чепь*, *чысть*, *шырсть*; также церковнославянизмы *брань*, *вещь*, *власть*, *мощь*, *нощь*, *пещь*; pluralia tantum *дѣти*, *сани*; *голѣнь*, *ересь* (?), *кокошь*, *лебядь*, *лошадь*, *область*, *осень*, *площадь*, *посконь*, *Тьхвѣрь*, *студень* ‘стужа’. Кроме того, счетные существительные *пять*, *шесть*, *девять*. Консонантные feminina: *кры* (*кръвь*); *дъчи* (Р. ед. *дъчере*).

Минусовую маркировку имеют также многие связанные корни, в частности *руд-* (в *орудье*), *руж-* (в *оружье*), *ов-* (в *овьца*), *сырд-* (в *сырдьце*), *jaj-* (в *яице*), кроме того, *лон-* (в наречии *лони* ‘в прошлом году’).

Прилагательные: *блѣдъ*, *бологъ*, *босъ*, *бързъ*, *воронъ*, *глухъ*, *гнилъ*, *гнѣдъ*, *грубъ*, *густъ*, *гърдъ*, *деснъ*, *дорогъ*, *другъ*, *живъ*, *золотъ*, *косъ*, *кривъ*, *крутъ*, *лихъ*, *лѣвъ*, *лѣнъ*, *лѣпъ*, *любъ* (следы *b*), *молодъ*, *нагъ*, *новъ* (следы *b*), *нѣмъ*, *плохъ**, *половъ**, *простъ*, *прямъ*, *пръснъ*, *пустъ*, *свинъ*, *святъ*, *сиръ*, *скоръ* (следы *b*), *слѣпъ*, *соловъ*, *солонъ*, *сухъ*, *сѣдъ*, *таи*, *твырдъ*, *тугъ*, *тупъ*, *тълстъ*, *тѣснъ*, *унъ* (*юнъ*), *холостъ**, *худъ*, *цѣлъ*, *частъ*, *чырствъ**, *чюжь*, *шуи*, *яръ*; также церковнославянизмы *благъ*, *драгъ*, *златъ*, *младъ*, *плавъ*, *сланъ*, *трезвъ*; *веселъ*, *ветъхъ*, *голубъ*, *дебелъ*, *дешевъ*, *свободь*, *суровъ*. Сюда же: *шестьjь*.

Укажем также некоторые связанные корни с минусовой маркировкой, выступающие в прилагательных с хорошо выделимыми суффиксами. С *-ък-*: *брид-*, *гор’-*, *жид-* (?), *крот-*, *крѣп-*, *мяк-*, *слад-* (церковнославянизм), *тын-*, *тяж-* (*тяг-*); с *-ок-*: *жест-*; с *-ьн-*: *чырм-*;

с *-ьн'-*: *древ-*. В прилагательном *тьмьнъ* корень допускает маркировки → (как в *тьма*) и —.

Местоимения: *къто*, *чьто*, *jь*, *тъ*, *овъ* (*//b*), *самъ*, также опростившиеся *какъ*, *якъ*, *такъ*. К а. п. *c* относятся также личные местоимения 1 и 2 лица и возвратное; см. о них § 2.19. Местоимение *jьже* акцентуируется как *jь*, причем *же* ведет себя как минусовая морфема (не как обычное *же*). Местоимение *сь* акцентуируется по а. п. *c*, но в словообразовании *с-* имеет маркировку → (тем самым сохраняя следы прежней а. п. *b*).

Числительные: *дъва*, *оба*, *три*.

Глаголы. Атематические: *вѣмь*, *дамь*, *есмь*, *ѣмь* (*ямь*); при этом, однако, у *вѣдѣти* и *ѣсти* (*ясти*) система инфинитива относится к а. п. *a*.

C-корневые: *берегу*, *блюду*, *боду*, *бреду*, *веду*, *везу*, *володу**, *волоку*, *-вьрзу* (нов. *a*), *вязу**, *гнету*, *гребу*, *гряду*, *жьгу* (и *жегу*), *мету*, *мяту*, *несу*, *-ньзу*, *пеку*, *плету*, *-прягу*, *пълзу*, *реку* (и *рьку*), *росту*, *стерегу*, *съпу* 'сыплю' (*сути*), *теку*, *тепу**, *трясу*, *тълку*, *цвьту*, *чьрпу*, *чьту* (*чисти* и *чьсти*); также церковнославянизмы *брегу*, *владу**, *влеку*, *расту*, *стрегу*. У нескольких глаголов в системе инфинитива представлена а. п. *a*; таковы *грызу*, *кладу*, *паду* (следы *a* также в презенсе), *пасу* (нов. *c* во всей парадигме), *пряду*, *стригу*, *сѣку*, *шибу*; возможно, также *бляду*.

V-корневые: *вью*, *гнию*, *лью*, *пью*, *пою* (*пѣти*); *живу*, *жьру* (и *жеру*) (*жерети*, *жьрти*) 'devoro', *кльну*, *мьру* (*мерети*), *-ньру* (?), *плову* (*плути*; позднéе *плыву*, *плыти*), *пьну*, *-пьру* (*-перети*) 'запираю' и т. д., *рову* (и *реву*) (*рюти*), *слову* (*слути*; позднéе *слыву*, *слыти*), *-стьру* (*-стерети*), *тьну*.

a-глаголы: *даю* (*даяти*), *жюю** (и *жьву*) (*жьвати*), *клюю* (*кльвати*), *кую* (*ковати*), *лѣю* (*льяти*), *смѣюся* (*смьятися*), *сную* (*сновати*); *беру*, *вьру* 'болтаю, лгу', *деру*, *жеру* (и *жьру*) 'devoro', *зову*, *орю* (и *ору*) 'пашу', *ору** 'кричу', *перу* 'мою, стираю', *по-перу*, *рьву*; *жьду* (и *жиду*), *сьчю* *. У глагола *жену* (*гънати*) система инфинитива относится к а. п. *a*. О колебаниях у глаголов *емлю* (*jьмати*) и *глаголю* см. § 2.16, *a*-глаголы.

nǫ-глаголы: *по-вину* (также *обинуся*), *-ману**, *мину*, *помяну*.

ě-глаголы: *бој-*, *бол-*, *бъд-*, *бѣж-*, *вел-*, *върч-*, *върт-*, *гор-*, *грьм-*, *дръж-*, *дыш-*, *дьрж-*, *звьн-*, *зьр-*, *крич-*, *кып-*, *лет-*, *мълч-*, *мъч-*, *пол-* 'пылать', *пьр-*, *свьт-* (*свьтѣтися*), *скърб-* (изредка *a*), *смьрд-*, *стој-*, *стыд-* (*стыдѣтися*), *сѣд-* 'сидеть', *тъщ-* (*тъщатися*), *тьрп-*, *съ-тяж-*, *хрип-*, *шюм-*, *щад-*. Сюда же относится основная часть парадигмы глагола *хотѣти*, т. е. все словоформы, кроме *хочеши* (и *хочи*, *хочь*), *хочеть*, *хочемъ*, *хочете* в презенсе (также в церковнославянском варианте с *щ*), которые идут по типу *a*-глаголов и относятся к а. п. *b*; словоформа *хочю* (*хощю*) может интерпретироваться двояко (и, соответственно, двояко акцентуироваться).

i-глаголы: *буд-*, *бѣд-*, *вал-*, *вар-* 'варить', *вар-* 'предварять', *вред-*, *вьрш-*, *гас-*, *говор-*, *год-*, *город-*, *груз-*, *губ-*, *дој-*, *дроб-*, *душ-*,

дѣл-, *у-жас-*, *кад-*, *каз-* (?), *кат-*, *клон-* (откл. к *b*), *ключ-*, *кор-*, *кроп-*, *круш-*, *крьст-*, *крѣс-*, *лиш-*, *лов-*, *ложˊ-* (следы *b*), *луч-* (в *сълучитися*, *получити*), *лѣп-*, *лѣч-* (?), *мор-*, *мут-*, *съ-мѣж-*, *мѣн-* ‘менять’, *норов-*, *раз-ор-*, *въ-пер-*, *поj-*, *полон-*, *пост-*, *прост-*, *пуст-*, *рад-*, *раз-*, *род-*, *рост-* (изредка *b*), *съ-о-руд-*, *въ-о-руж-*, *рѣш-*, *сад-*, *сел-*, *скоп-*, *спѣш-*, *студ-*, *таj-*, *тащ-*, *твор-* (следы *b*), *топ-* (все омонимы), *труд-* (изредка *b*), *туш-* ‘гасить’, *уч-*, *цѣд-*, *цѣл-*, *чин-*, *яв-*; также церковнославянизмы *влач-* (следы *b*), *врат-* (следы *b*), *вред-*, *град-*, *съ-крат-* (следы *b*), *срам-* (следы *b*), *-треб-*, *хран-*.

ОКОНЧАНИЯ И СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ

§ 2.18. У окончаний плюсовая маркировка всегда означает ↓; поэтому ниже пишется просто + (без уточнений). В двусложных плюсовых окончаниях место приписки маркировки отмечено лишь в тех немногих случаях, когда это первая гласная окончания; в прочих случаях маркировка приписана к последней гласной окончания.

Пометы «следы», «нов.» и др. и символ // употребляются ниже в значениях, указанных в § 2.13. Дополнительная помета «диал.» (т. е. «диалектное распределение») означает, что сосуществующие маркировки выступали как диалектные варианты (но сведений о характере географического распределения этих вариантов помета не дает).

Тематические элементы у имен, как правило, сливаются с окончаниями и, следовательно, самостоятельных маркировок не имеют. Те, которые не сливаются с окончаниями (*-я/-ен-*, *-ес-*), имеют минусовую маркировку; для *-ы/-ъв-* маркировка неясна (— или ↓; см. § 2.25, конец).

Маркировки окончаний именного склонения показаны в табл. 3; для *а-* и *о*-основ даны только твердые варианты окончаний (соответствующие мягкие варианты имеют ту же маркировку). Клетки, для которых нет необходимой информации, не заполнены. Зв. мн. в восточнославянском не отличается от И. мн.

В дополнение к табл. 3 укажем следующее. У консонантных основ окончание *-е* в Р. ед., М. ед. и И. мн. имеет минусовую маркировку; нулевое окончание в И. ед. по общему правилу для безгласных морфов (§ 2.7) вообще не имеет маркировки (прочие окончания консонантные основы заимствуют из основных типов склонения). У *jа*-основ с И. ед. на *-и* (например, *простыни*, причастия *несучи*, *несъши*) это *-и* имеет плюсовую маркировку. В словоформах Д. Т. дв. *очима*, *ушима* окончание есть *-ѝма* + .

Относительно распределения акцентных вариантов у окончаний, отмеченных в таблице записью «диал.», см.: М. ед. *-и* — § 3.37, М. ед. *-у* — § 3.38, И. В. мн. *-а* — § 3.40, Д. мн. *-омъ* — § 3.45—46, М. мн. *-ѣхъ* — § 3.47. Можно предполагать также, что у окончания Т. ед. *-ою* рано появился диалектный акцентный вариант, выражаемый маркировкой + Min (что давало ударение типа *женою́* для слов

Таблица 3

Акцентная маркировка окончаний у существительных

		a-основы	*o*-основы		*u*-основы	*i*-основы	
			муж.	сред.		жен.	муж.
ед.	И.	*-a* +	*-ъ* —	*-o* —	*-ъ* —	*-ь* —	
	В.	*-y* —	*-ъ* —		*-ъ* —	*-ь* —	
	Зв.	*-o* —Min	*-e* —Min		*-y* — (?)	*-и* —	
	Р.	*-ы* +	*-a* —		*-y* — (следы +)	*-и* — (следы +)	
	Д.	*-ѣ* — (нов. +)	*-y* —		*-ови* —	*-и* —	
	М.	*-ѣ* + (следы —)	*-ѣ* —		*-y* +//— (диал.)	*-и* +//— (диал.)	
	Т.	*-ою* +	*-ъмь* —		*-ъмь* — (следы +)	*-ью* — (следы +)	*-ьмь* — (следы +)
мн.	И.	*-ы* —	*-и* —	*-a* +//— (диал.)	*-ове* —	*-и* —	*-ье* —
	В.		*-ы* —		*-ы* —	*-и* —	
	Р.	*-ъ* +	*-ъ* +		*-овъ* +	*-ьjь* +	
	Д.	*-а́мъ* +	*-омъ* —//+ (диал.)			*-ьмъ* —	
	М.	*-а́хъ* +	*-ѣхъ* —Re//+Re (диал.)		*-ъхъ* —	*-ьхъ* —	
	Т.	*-а́ми* +	*-ы* +		*-ъми* +	*-ьми* +	
дв.	И. В.	*-ѣ* —	*-a* —	*-ѣ* —		*-и* —	
	Р. М.	*-y* +	*-y* +			*-ьjу* +	
	Д. Т.	*-а́ма* +	*-ома* +			*-ьма* +	

а. п. *b*, ср. *рукою́* и т. п. в а. п. *c*). Говор с такой особенностью отразился в Мериле Праведном XIV в., см. Акц. Мер., § 35.

Акцентная характеристика окончания *-a* в И. В. мн. сред. представлена в табл. 3 упрощенно, а именно, не отмечена возможность появления эффекта Re (дающего ударения типа *чи́сла*, *се́ла* в а. п. *b*). В старовеликорусских памятниках этот эффект в одной диалектной

зоне регулярен, в другой нерегулярен или вообще отсутствует (см. § 3.41). Судя по наличию аналогичной оттяжки ударения влево в ряде южнославянских акцентных систем, истоки данного эффекта уходят в праславянскую эпоху. Но в настоящее время недостаточно ясно, в какой стадии развития находился этот эффект в раннедревнерусском и имелись ли уже тогда диалектные различия в этом пункте.

По данным внешнего сравнения можно предполагать также эффект Re для окончаний Т. мн. *-ы* и Р. М. дв. *-у*; но однозначных свидетельств этого эффекта в памятниках не усматривается.

Не исключено, что в М. мн. и в Д. мн. *о*-основ были какие-то акцентные различия между словами мужского и среднего родов; но надежных свидетельств этого нет (ср. § 3.45—47).

Понятно, что таблицей 3 определяется вид раннедревнерусских акцентных кривых во всех морфологических классах имен; см. § 2.11. В частности, в а. п. *c* акцентные кривые определяются тем, что минусовое окончание дает энклиномен, плюсовое — ударение на окончании.

В памятниках XIV в. (Чудовском Новом Завете и Мериле Праведном) у слова а. п. *b* *воля* (несколько менее надежно также у слова *воня*) обнаруживается особая акцентная кривая, не вытекающая из приведенных выше маркировок, а именно: И. ед. *воля́*, В. ед. *во́лю*, Д. М. ед. *во́ли*, Т. ед. *во́лею*, Р. ед. *воля́* при окончании *-я*, но *во́ли* при окончании *-и* (мн. число устанавливается ненадежно); см. Акц. Мер., § 35. Не исключено, что эта акцентная кривая была свойственна всей «группе *воля*» (§ 2.16). Пока еще не выяснено, сколь древней является эта особенность и была ли она повсеместной; вполне возможно, что она сформировалась уже в раннедревнерусскую эпоху.

Счетные существительные а. п. *c* *пять*, *шесть*, *девять* (*i*-feminina) имеют ту особенность, что у них все окончания ед. числа, кроме И. В. ед., ведут себя в соответствии с маркировкой +, например: *пяти́*, *пятью́*. Слово *десять* (консонантная основа) обладает этой особенностью только при склонении по *i*-типу.

§ 2.19. У прилагательных нечленные формы в акцентном отношении не отличаются от существительных. Акцентуация членных форм может быть представлена (несколько идеализированно) так: вокалический соединительный морф (§ 2.2) имеет маркировку ↓ Re (тем самым для собственно окончаний маркировка безразлична; можно условно считать ее плюсовой). Таким образом, в а. п. *b* ударение в членных формах всегда на последнем слоге основы (*хоро́ш-ьjь*, *-ая* и т. д.), в а. п. *c* — на соединительном морфе (*молод-ъjь*, *-а́я* и т. д.).

Однако акцентная структура членных форм не полностью стабилизировалась в указанном виде. Были возможны небольшие диалектные вариации, следы которых могли сохраняться и позже. Одну из таких вариаций отражают ударения типа *Сухово́*, *Благово́*, *Дурново́*. Другая вариация состояла в том, что отдельные прилагательные а. п. *c* получали (может быть, факультативно) наосновное ударение в членных формах (типа *холо́дьнъjь*); по-видимому, однако,

в раннедревнерусском, в отличие от южнославянских языков, такая акцентовка была представлена еще очень слабо.

В местоименном склонении в И. и В. падежах всех чисел выступают те же окончания и с теми же маркировками, что в именном склонении (у *а-* и *о*-основ). Отсюда, например, акцентовки: И. ед. *¯тъ, та́, ¯то*, В. ед. *¯ту*, И. мн. *¯ти, ¯ты, та́*//*¯та*; И. *¯дъва, ¯дъвѣ, ¯оба, ¯обѣ*. В остальных падежах все окончания имеют маркировку ↓ Min, приписанную, как и положено, к последнему слогу (при этом существенно, что в отличие от членных форм прилагательных здесь все окончания одноморфны, см. § 2.2). Практически это означает, что у слов а. п. *c* и *b* все эти словоформы конечноударны, например: *того́, тою́* (Т. ед. и Р. М. дв.), *тѣмі́, самому́, самоѣ, самѣмі́, дъвою́, дъвѣма́, обою́, обѣма́, въсего́, своему́, своею́, своеѣ*.

У личных местоимений 1 и 2 лица и возвратного: словоформы *язъ, ты, мы, вѣ* (?), И. *вы* — энклиномены, *мя, тя, ся, ми, ти, си* — плюсовые энклитики, В. Д. *ны, на, вы, ва* — минусовые энклитики. Словоформы *насъ, намъ, нами, нама, наю* и *васъ, вамъ, вами, вама, ваю* — ортотонические с ударением на первом слоге. Словоформы *мене, тебе* (*тобе*), *себе* (*собе*), *мънѣ, тобѣ* (*тебѣ*), *собѣ* (*себѣ*) — энклиномены, но наряду с этим они допускают уже и конечное ударение (более новое); *мъною, тобою, собою* имеют конечное ударение. Таким образом, эта группа местоимений акцентуирована по а. п. *c*, причем маркировки окончаний косвенных падежей — практически те же, что у тождественных именных окончаний.

§ 2.20. В глагольном словоизменении маркировки аффиксов таковы.

Тематические элементы. *aj-* и *ě̀j*-глаголы: *-a(j)-, -ѣ(j)-* ↓; *ova*-глаголы: *-ова́-* ↓ Min в инфинитиве, *-yj-* ↓ в презенсе; *ě̀*-глаголы: *-ѣ̀-* ↓ в инфинитиве; *а-* и *i*-глаголы: в инфинитиве *-а-* —, *-и-* —. В прочих случаях тематического элемента нет, или он не имеет маркировки ввиду безгласности. У *nǫ*-глаголов тематический элемент *-н(у)-* обладает особыми акцентными свойствами, см. § 2.25 (конец).

Прочие аффиксы. В личных формах презенса вокалический соединительный морф (*-е-, -у-, -и-, -я-*, § 2.2) имеет маркировку —Re (такую же маркировку имеет морф *-а-* в презенсе глагола *имамь*). Собственно окончания: 1 ед. *-у* —, *-мь* ↓; все прочие (*-ши* [*-шь*], *-ть, -мъ* [*-мо, -ме, -мы*], *-те, -ть, -вѣ, -та*) имеют ↓. Суффикс императива *-и-*/*-ѣ-* имеет ↓. Проиллюстрируем фактические различия трех акцентных парадигм на нескольких характерных формах.

		а. п. *a*	а. п. *b*	а. п. *c*
Презенс	1 ед.	*ста́влю*	*хожю́*	*¯прощю*
	3 ед.	*ста́вить*	*хо́дить*	*прости́ть*
	2 мн.	*ста́вите*	*хо́дите*	*простите́*
Императив	2 ед.	*ста́ви*	*ходи́*	*прости́*

Суффикс инфинитива *-ти* (*-чи*) имеет маркировку ↓. Особенность: в инфинитиве *а-* и *i*-глаголов, корневых глаголов на *-ити, -ыти* (кро-

ме *-ити*) и глагола *дати* минусовая маркировка конечного морфа основы заменяется на ↓; отсюда такие ударения, как *бра́ти*, *проста́ти*, *пи́ти*, *жи́ти*, *бы́ти*, *да́ти* (на формы, образованные от основы инфинитива, эта особенность, кроме специально оговариваемых случаев, не распространяется).

Примечание. В памятниках XIV—XVII вв. эту особенность обнаруживают также *ǫ*-глаголы (ср. *помяну́ти*, *мину́ти* и т. п.); возможно, распространение данной особенности на *ǫ*-глаголы (которые в праславянском ее не имели) относится еще к раннедревнерусской эпохе.

Суффикс супина *-тъ* (*-чь*) имеет минусовую маркировку.

В аористе в праславянском положение было таково. Окончания 2—3 ед. *-е* и *-тъ* были минусовыми, все прочие (*-ъ*, *-отъ*, *-те*, *-ѧ*, *-ově*, *-та*) — плюсовыми; соединительное *-о-* в новом сигматическом аористе, вероятно, было минусовым. При этом у *а-*, *i-* и корневых глаголов, подвергавшихся перемаркировке в инфинитиве (см. выше), такая же перемаркировка происходила и в аористе, кроме 2—3 ед. В древнерусском, однако, акцентуация аориста подверглась значительной перестройке, окончательный результат которой таков. Соединительное *-о-* и окончание 2—3 ед. *-е* имеют плюсовую маркировку. В аористах, где этих морфов нет, у всякой основы с минусовым конечным морфом этот минус заменяется на ↓ (тем самым маркировка окончаний, кроме *-е*, безразлична). Отсюда такие ударения, как *несо́хомъ*, *несе́*, *бъра́хъ*, *бъра́*, *прости́*, *помяну́*, *бы́сть*, *да́сть*, *проклѧ́тъ*, *нача́тъ*. Эта перестройка произошла рано: уже в XIV в. от прежней системы сохраняются лишь ничтожные следы.

Для имперфекта по восточнославянским данным можно предполагать только систему с маркировкой ↓ у морфов *-ах-*, *-аш-* (маркировка окончаний в этом случае безразлична).

Причастные суффиксы, содержащие гласную, а именно, *-уч-*, *-яч-*, *-ъш-*, *-ьш-* (в И. ед. муж. и сред. соответственно *-а*, *-я*, *-ъ*, *-ь*), *-ом-*, *-ем-*, *-им-*, *-ен-*, имеют основную маркировку —. Безгласные суффиксы (*-л-*, *-н-*, *-т-*, *-в-*) по общему правилу маркировок не получают. У глаголов с разной маркировкой корня в презенсе и в системе инфинитива причастия презенса опираются в акцентном отношении на презенс, а причастия прош. времени — на систему инфинитива. Исключение составляют причастия с *-ъш-* от *яти*, *-чати*, *жати* (*жьму*): они опираются на маркировку презенса (→), ср. *поі̯ьмъ*, *начьнъши*.

§ 2.21. В акцентуации причастий имеется, однако, ряд особенностей.

1. У *С*-корневых глаголов перед суффиксом *-л-* минусовая маркировка корня заменяется на →; отсюда такие ударения, как *несло́*, *несли́* и т. п.

2. Такой же эффект у *С*-корневых глаголов перед суффиксом *-ъш-* (*-ъ*), ср. *принёсъ*, *принёсъши* и т. п.

3. Суффикс *-ен-* в нечленных формах ведет себя в соответствии с маркировкой →, ср. *принесено́*, *прошены́*. Уже в раннедревнерус-

ском в части говоров маркировка → распространилась и на членные формы, т. е. наряду с *принесенóе*, *прощенóе* в некоторых говорах уже было *принесéное*, *прощéное*, см. Акц. Мер., § 91; позднéе последняя модель победила повсеместно.

4. Суффиксы *-ом-*, *-ем-* допускали в качестве варианта маркировку ↓, отсюда *несóмо* наряду с ¯*несомо* и т. п.; впоследствии новая маркировка повсеместно победила. Для суффикса *-им-* маркировка ↓ уже в раннедревнерусском была господствующей.

5. Суффиксы *-уч-*, *-яч-* (но не их алломорфы *-а*, *-я*, выступающие в И. ед.) и *-ен-* получали дополнительную маркировку Re, когда они выступали после этимологически долгого корневого морфа; отсюда *пѝшючи*, *лю̀бячи* (хотя *пиша̀*, *любя̀*), *су̀жено*, но *jьду̀чи*, *могу̀чи*, *нося̀чи*, *молéно*. Однако весьма рано появились диалектные системы с обобщением корневого или суффиксального ударения.

Примечание. Церковнославянские причастные суффиксы *-ущ-* и *-ящ-* в раннедревнерусскую эпоху, по-видимому, обладали теми же акцентными свойствами, что и их русские эквиваленты *-уч-* и *-яч-*.

6. Такой же, как в предыдущем пункте, особенностью обладал, по предположению В. А. Дыбо (Дыбо 1981, с. 225—226), морф *-а-* (конечная гласная основы инфинитива *а*-глагола), когда он стоял перед причастным суффиксом *-н-*; отсюда *пѝсанъ*, *нака̀занъ*, но *чеса̀нъ*, *глода̀нъ*, *посъла̀нъ*. И в этом случае процессы выравнивания начались весьма рано.

7. Окончания причастий в принципе ведут себя в акцентном отношении как обычные именные окончания. Однако у причастий действительного залога уже в Чудовском Новом Завете XIV в. представлена сильная тенденция трактовать все окончания как плюсовые (И. В. ед. муж. и сред. на *-а*, *-я*, *-ъ*, *-ь* не в счет); отсюда Д. ед. *давъшю*, И. мн. *живущé* и т. п. (ср. лексикализованный реликт такой акцентовки в современном *горя́ч*, *горяча́*, *-о́*, *-и́*). Вероятно, истоки этой тенденции относятся к раннедревнерусской эпохе.

КЛИТИКИ И ПРИСТАВКИ

§ 2.22. Энклитики. Из их числа имеют маркировку ↓: частицы *же*, *ли* [13], *бо*, *се* (*сь*) [14], также *да* в позиции после проклитики, см. § 2.4; местоименные словоформы *мя*, *тя*, *ся*, *ми*, *ти*, *си*; глагольные словоформы *бѣ*, *бы* (у этих последних имелся также и акцентно самостоятельный вариант, см. Дыбо 1975, с. 68). Основные минусовые энклитики — местоименные словоформы В. падежа *jь*, *jу*, *je*, *jѣ*, В. и Д. падежей *ны*, *на*, *вы*, *ва*. Обычно получали свойства (вероятно, минусовых) энклитик также словоформы *есмь*, *еси*, *есме* (*есмо*, *есмы*), *есте*, *есвѣ*, *еста* (2 дв.), когда они выступали в роли связки.

[13] Не смешивать с союзом *ли* 'или', который представляет собой акцентно самостоятельное слово (тоже с маркировкой ↓).

[14] Частица, возникшая из местоименных словоформ *се*, *сь*, потерявших способность к согласованию, ср. *ночь сь*, *осень сь*, *лѣто сь*.

Маркировку ↓ имеют приставки *вы-*, *па-*, *пра-*, *су-*; кроме того, *нѣ-*, образующее неопределенные местоимения и наречия.

Прочие приставки и все проклитики имеют маркировку —. Сюда относятся: предлоги, они же приставки — *без*, *въ*, *въз*, *до*, *за*, *из*, *къ*, *на*, *надъ*, *о* (*об*), *отъ* (*от*), *передъ* (также *предъ*), *по*, *подъ*, *при*, *про*, *съ*, *у*, *чересъ* (также *чресъ*); приставки *пере-*, *роз-* (также *пре-*, *раз-*); союзы и частицы — *и*, *а*, *нъ*, *не*, *ни*, также *да* не после проклитики.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ

§ 2.23. В списки включены лишь относительно более важные суффиксы, причем такие, для которых в памятниках имеется удовлетворительное количество материала. Порядок суффиксов в списках — обратный алфавитный. Суффиксы, имеющие твердый и мягкий варианты, представлены только твердым вариантом; не отмечается также вариант с *а*, выступающий после шипящих и *j* у суффиксов с *ѣ*.

Примеры за немногими исключениями даны из числа слов, реально встретившихся с указанным ударением в памятниках (разумеется, многие из них можно встретить в памятниках также и с более новым ударением). При существительных в случае необходимости дается Р. ед. (у *а*-основ — В. ед.), при прилагательных — И. ед. жен. и И. ед. сред., при глаголах — 1 ед. презенса.

Следует учитывать, что при образовании производных от глаголов с непостоянной маркировкой корня нормой является использование той маркировки, которая выступает в системе инфинитива. Например, от *класти* (а. п. *а* в системе инфинитива, а. п. *с* в презенсе) образуется *покла́дати* (опирающееся на *клад-* ↓, а не на *клад-* —). В производных от *ен*-причастий суффикс *-ен-* сохраняет минусовую маркировку, ср. *учени́къ* и т. п.

Отметим, что суффиксы, совпадающие с основообразующими элементами (точнее, одновременно играющие роль такого элемента и полноценного суффикса, ср. § 1.19), одинаковы с ними и по маркировке.

Об акцентных свойствах важнейших суффиксов на праславянском уровне см. основополагающую работу: Дыбо 1968.

Суффиксы с основной маркировкой ↓

Суффиксы существительных: *-ил-о*, *-ѣл-ь* (жен.), *-им-ъ*, *-ин-ъ* (сингулятив), *-ин-а* (все значения, кроме отадъективного имени качества), *-ын-и* (следы минусовой маркировки), *-ят-* (в названиях детенышей), *-иц-а*, *-ич-ь*, *-ищ-е*; *-еж-ь* (муж.; откл. к →), *-ък-а* (*-ък-а* после *к*, *г*, *х*) (следы маркировки →); прилагательных: *-ив-*, *-ѣj-* [15],

[15] Поскольку *-ѣj-* имеет ↓, маркировка морфа *-ыш-* (в составе *-ѣj-ыш-*, выступающего в косвенных падежах) уже безразлична.

-ик-, *-ат-*, *-ит-*, *-ист-*, *-ьн'-* (следы —); наречий (производных от местоимений): *-амо*, *-огда*, *-ъде*, *-уда* (*-уды*, *-уду*); глаголов: *-а-ти* (в *aj*-глаголах), *-ѣ-ти* (в *ѣj-* и *ѣ*-глаголах), *-ова-ти* (маркировка ↓ Min). Относительно суффикса *-ы/-ъв-* см. § 2.25 (конец).

Примеры. Производные от слов а. п. *a*: *правило*, *вѣтрило*, *мѣрило*; *отьчимъ* (от *отьц-*); *поганинъ*; *язвина*, *маслина*, *мѣсячина*, *отьчина* (от *отьц-*), *старѣишина*; *инокыни*, *милостыни*; И. мн. *ягнята*, *курята*, *утята*, *вънучата*; *рыбица*, *колодица*, *курица*, *утица*, *баг(ъ)ряница*, *плащаница*, *четверица*; *дѣдичь*, *братаничь*, *отьчичь* (от *отьц-*); *съньмище* (от *съньм-*), *съборище*, *сѣдалище*; *грабежь*, *правежь*; *полатъка*, *нитъка*; *незлобивъ*, *правьдивъ*, *милостивъ*; *слабѣе*, *старѣе* (ср. также *слабѣишии*, *старѣишии*, *малѣишии* и т. п.); *дымчатъ* (от *дымъка*), *йловатъ*, *тиноватъ*, *кручиноватъ*; *знаменитъ*, *нарочитъ*; *каменистъ*; *матерьньjь*, *утрьньjь*; *йнамо*, *йногда*, *йнъде*, *йнуду*; *оправьдати*, *ужинати*, *величати*, *остригати*, *покладати*, *въпадати*, *сѣдати*, *сънѣдати*, *избавляти*, *поставляти*, *испълняти*, *увѣряти*, *утѣшати*; *ослабѣти*, *окаменѣти*, *състарѣтися*; *печаловати*, *миловати*, *знаменовати*, *наjьмовати* (от *наjьм-*).

Производные от слов а. п. *b*: *чьрнило*, *носило*, *точило*; *купѣль*; *попинъ*; *конина*, *пьстрина* ‘пятно, крапина’, *скотина*; *рабыни*; И. мн. *орьлята*, *отрочата*; *вьдовица*, *орьлица*; *судище*, *огнище*, *дворище*; *женъка*, *рѣчька*; *лъживъ*; *добрѣе*; *коликъ*, *толикъ*; *крилатъ*, *женатъ*; *плечистъ*; *женьньjь*; *онамо*, *всегда*, *онъде*, *всюду*; *пожинати*, *ступати*, *осужати*; *бѣлѣти*; *вълхвовати*.

Производные от слов а. п. *c*: *кадило*, *солило*, *хранило*; *печаль*; *господинъ*, *гражданинъ*, *мирянинъ*; *богыни*, *кънягыни*, *святыни*, *благостыни*, также *гусыни*, *гърдыни*, *простыни*, *пустыни* (наряду с вариантом *гусынй*, В. ед. *¯гусыню*, *гърдынй*, *¯гърдыню*, *простынй*, *¯простыню*, *пустынй*, *¯пустыню*, ср. § 2.25); И. мн. *жеребята*, *поросята*; *троjица*, *шюjица*, *десница*, *гробьница*; *къняжичь*, *-а*, *островичь*, *-а*, *пльсковичь*, *-а*, *тьхвѣричь*, *-а*; *гробище*, *городище*, *пъртище*; *мятежь*, *-а* (но довольно рано появляются также примеры типа *градежь*, *-а*); *водъка*, *слободъка*, *ножька*, *дъщька* ‘досочка, доска’ (наряду с архаичным *дъчька* ‘дочка’); *лѣнивъ*, *льстивъ*, *страшивъ*; *свѣтьлѣе*, *жесточае*; *великъ*; *рогатъ*; *именитъ*; *рѣчистъ*; *середьньjь*, *мужньjь*, *дружньjь*, *зимньjь*, *осеньньjь*, *горьньjь* (однако *древньjь*); *тамо*, *тогда*, *когда*, *къде*, *куда* (*куды*); *съблюдати*, *събирати*, *являти*; *цѣловати*, *именовати*.

Маркировку ↓ можно предполагать также для ряда других суффиксов, более бедно представленных в древнерусском материале. Таковы, в частности, суффиксы, выступающие в словах: *дьржава*, *верига*, *кольчюга*, *владыка*, *братанъ*, *наjьмитъ*, *дължьбитъ* ‘должник’. Превратившийся в суффикс элемент *-шьд-ы* (первоначально часть сложного слова), по-видимому, получил маркировку *-шьды* ↓, ср. *дъвашьды*, *тришьды*, *четырешьды*.

В качестве исключения маркировку ↓ имеют некоторые безгласные суффиксы, в частности, *-тв-а*, *-зн-ь*, *-сн-ь* (см. также ниже о **-j-*). Так, например, от минусовых корней (или основ) *кля-*, *лови-*, *жи-*, *пѣ-* образованы *кля́тва* (см. об этом слове § 2.14, «группа *чаща*»), *ловѝтва*, *жѝзнь*, *пѣ́снь*.

У нескольких суффиксов имеются индивидуальные особенности. Суффикс притяжательных прилагательных *-ин-* получает маркировку ↓ в том случае, когда он прибавляется к *i*-основе (тогда как в прочих случаях он имеет маркировку → Min, см. § 2.24); ср. *гостѝнъ*, *-а*, *-о*, *звѣрѝнъ*, *-а*, *-о*, *голубѝнъ*, *-а*, *-о*, *лошадѝнъ*, *-а*, *-о* от *i*-основ а. п. *с*.

Морф **-j-* в сравнительной степени, несмотря на свою безгласность, имеет маркировку и притом нестандартную, а именно: ↓ после этимологически долгого морфа, → после этимологически краткого. Примеры: 1) *молóже*, *сýше*, *гýще*, *корóче* (Р. ед. *молóжьша* и т. д.; о морфе *-ьш-* см. сноску 15) от *молод-*, *сух-*, *густ-* (все с —), *корот-* (→); 2) *болѐ*, *мьнѐ*, *горѐ* (но Р. ед. *бóльша*, *мьньша*, *гóрьша* и т. д., поскольку *ь* здесь слабый), сюда же *древлѐ*. Указанное распределение маркировок вызвано действием древнего правила о невозможности ↓ при этимологически кратком начальном слоге (§ 2.7; ср. *мя-* ↓ и *мьн-* → и т. п.).

В значительной мере сходными (но менее четкими) свойствами обладал морф **-j-* в составе *ja*-основ (*грыжа*, *чаща*, *воля* и т. д.), а именно, при этимологически долгом корне здесь обычно получалось слово а. п. *а*, при этимологически кратком — почти всегда слово а. п. *b* (в особом варианте, представленном «группой *воля*»). Заметим, что в составе *o*-основ указанные свойства морфа **-j-* проявлялись гораздо слабее, а именно, здесь он достаточно часто выступает как обычный безгласный морф, не имеющий самостоятельной маркировки. Поскольку в раннедревнерусском существительные с суффиксом **-j-* с акцентологической точки зрения уже нерегулярно соотносятся с соответствующими исходными словами, они рассмотрены выше вместе с непроизводными (см. в особенности § 2.14, «группа *чаща*» и § 2.16, «группа *воля*»).

Суффикс вторичных имперфективов, который в более позднее время выглядит в великорусских памятниках как *-ыва-ти*, для раннедревнерусского, по-видимому, должен реконструироваться как *-ъва-ти* (ср. великорусское произношение типа *подска*[*къ*]*вать*, украинский рефлекс *-ува-ти* и в особенности белорусский рефлекс *-ва-ць*, например: укр. *покáзувати*, белор. *пакáзваць*). В составе *-ъв-а-ти* морф *-ъв-* имеет маркировку ↓ (морф *-а-* здесь тот же, что во всех *aj*-глаголах); поскольку *ъ* здесь слабый, ударение фактически всегда падает левее суффикса, например: *оправьдъвати* (от а. п. *а*), *показъвати* (от *b*), *завáрьвати* (от *c*). При последующих нефонетических заменах *ъ* на другие гласные ударение уже не менялось. Следует учитывать, впрочем, что историческое развитие данного суффикса

известно очень неполно, поскольку в раннюю книжную письменность он проникал довольно редко и, возможно, в части случаев записывался не в соответствии с произношением.

Суффиксы с основной маркировкой →

§ 2.24. Суффиксы существительных: *-ак-ъ*, *-ик-ъ* (маркировка → Re[16]), *-ин-а* (отадъективное имя качества), *-ун-ъ*, *-ар-ь*, *-ач-ь*; *-ьб-а*, *-ьств-о*, *-ьj-е* (изредка —), *-ьj-а* (изредка —), *-ък-ъ* (*-ьк-ъ* после *к*, *г*, *х*), *-ък-о* (*-ьк-о* после *к*, *г*, *х*), *-ьц-ь*, *-ьц-е*, *-ьц-а*; прилагательных: *-ин-* (кроме случая, когда этот суффикс присоединяется к *i*-основам, см. § 2.23), *-ьj-* (изредка —).

Большинство этих суффиксов впоследствии обнаруживает эффект Min. Однако по крайней мере у некоторых из них (в частности, у всех суффиксов с редуцированными) этот эффект, по-видимому, возник лишь в позднедревнерусскую эпоху, см. § 3.8. Бесспорных свидетельств раннего появления эффекта Min нет ни для одного суффикса данной группы; поэтому мы считаем возможным не включать помету Min в их раннедревнерусскую маркировку.

Примеры. Производные от слов а. п. *а*: *бра́тикъ*, *ла́рьчикъ* (от *ларьц-*); *ма́ликъ*, *ста́рикъ*, *ча́стикъ*, *люби́микъ*; *пра́вина*, *júстина*, *ти́шина*, *вели́чина*, *вься́чина*, *мьньшина* (от *мьньш-*); *пѣ́стунъ*; *рыбарь*; *сва́тьба*, *а́лъчьба*; *мъно́жьство*, *бога́тьство*, *отьчьство* (от *отьц-*); *съдоро́вье*, *коло́дье*, *ка́менье*, *вели́чье*, *зна́нье*, *би́тье*; *холо́пья*, *бра́тья*; *четвьртъкъ*, *орѣ́шькъ*; *желѣ́зко*; *ста́рьць*, *бра́тьць*, *júстьць*; *ста́дьце*; *мы́шьца*; *ба́бинъ*, *ма́теринъ*; *ба́бьjь*, *коро́вьjь*. С суффиксами *-ак-ъ*, *-ач-ь* ударений типа *рыбакъ*, *си́лачь* в памятниках не засвидетельствовано; по-видимому, они устранялись довольно рано.

Производные от слов а. п. *b*: *своя́къ*, *-а*; *ключикъ*, *но́жикъ* (уменьшительные; эффект Re); *слу́жьба*, *про́сьба* (но Р. мн. *служьбъ*, *просьбъ*, аналогично и далее); *ра́бьство*, *сво́jьство*, *головьни́чьство*; *ко́льje*, *пе́рье*, *о́стрье*, *у́стье*, *бато́жье*, *ово́щье*; *по́пья* (собират.); *бобъкъ* (*бо́бъка*), *сапожькъ* (*сапо́жька*), *пѣсъчькъ* (*пѣсъчька*); *яjьчько*; *корабльць* (*кора́бльца*), *чьрньць* (*чьрньца*), *пьпьрьць* 'перец' (*пьпьрьца*), *овьсьць* (*овьсьца*); *двьрьца*; *бычьjь* (*бычьja*, *-е*), *пьсьjь* (*пьсьja*, *-е*), *овьчьjь* (*овьчьja*, *-е*). В памятниках, однако, как уже отмечено выше, у одних суффиксов спорадически, у других постоянно проявляется эффект Min, например: *мыта́рь*, *-я́*, *писа́рь*, *-я́*, *судьба́*, *мольба́*, *борьба́*, *сатани́нъ*, *а́*, *-о́*.

Производные от слов а. п. *c*: *шеста́къ*, *-а́*; *мужи́къ*, *-а́*, *учени́къ*, *-а́*, *головьни́къ*, *-а́*; *густина́*, *таjина́*; *бѣгу́нъ*, *-а́*; *врата́рь*, *-я́*, *клеветарь*, *-я́*; *кова́чь*, *-а́*; *цѣльба́*, *татьба́*; *божьство́*, *мужьство́*, *къня-*

[16] Точнее, эффект Re достоверен для *-ик-ъ* уменьшительного; имеется ли он у *-ик-ъ* отадъективного, неясно, поскольку нет соответствующего материала.

жьство́, дѣ́тьство́, суровьство́, дебельство́; дубьје́, орудьје́, оружьје́, житьје́, питьје́, бытьје́, даньје́, веденьје́; къня́жьја́, сыновьја́; городъ́къ, -а́, лѣ́съкъ, -а́, начатъ́къ, -а́; озеръко́, ушько́, брюшько́; молодьць, -а́, слѣ́пьць, -а́; словьцје́, кольцје́; пыльца́, кре́постьца́; дъчери́нъ, -а́, -о́; божьјь, божьја́, божьје́ (но наряду с этим была возможна также акцентовка *¯божьјь, божьја́, ¯божье*), ср. еще *чи́јь, чија́, чије́*; сюда же *третьјь, третья́, третье́*.

Примечание. В отношении притяжательных прилагательных с *-ин-, -ьј-* следует учитывать, что они первоначально не имели членных форм. Появившиеся позднее (и то только в косвенных падежах) членные формы заимствовали ударение у нечленных форм; отсюда такие ударения, как, например, современные *Головины́х, Головины́ми, Бородины́х, Бородины́ми*, старовеликорус. *божьи́хъ, божьи́ми* и т. д. (но также и *бо́жьихъ, бо́жьими*).

Маркировку → можно предполагать также для суффиксов, представленных, в частности, в словах: *рука́въ, -а́, видо́къ, -а́, верете́но́, пшено́, живо́тъ, -а́; студе́нъ, -а́, -о́, зеле́нъ, -а́, -о́*. В слове *жени́хъ, -а́* суффикс ведет себя в соответствии с маркировкой → Min, но более ранним, по-видимому, было *жени́хъ, -а*.

В качестве исключения маркировку → имеет безгласный суффикс, а именно, *-л-о* (не в составе *-ил-о*, о котором см. § 2.23); так, от минусовых корней *тяг-, пек-, жере-* образованы *тяглó, пеклó, жерелó*. В опростившихся *весло́, число́* такой же акцентный эффект дал суффикс *-сл-о*.

Суффиксы с минусовой основной маркировкой

§ 2.25. Суффиксы существительных: *-ив-о, -мя* (*-мен-*), *-ян¯* (в именах жителей; откл. к ↓), *-от-а* (откл. к →), *-ост-ь* (от простой минусовой маркировки сохраняются лишь следы; обычно — Re, откл. к — Min[17]), *-ош-ь*; прилагательных: *-ав-, -ов-, -оj-* (от числительных), *-ак-* (от местоимений), *-ъск-, -ьск-, -ьл-, -ьн-, -ян-, -ес-, -ер-* (от числительных); глаголов: *-и-ти*. Минусовую маркировку имеет также соединительный морф *-ов-* (выступающий, например, в *яд-ов-итъ, поп-ов-ьскъ, поп-ов-ичь, корол-ев-ьство, сват-ов-ьство* и т. п.).

Примеры. Производные от слов а. п. *а*: *моло́зиво* (от **моло́з-* 'доить'); *зна́мя, се́мя*; И. мн. *огни́щане*; *пра́вота, вы́сота, чи́стота, ни́щета*; *сла́бость, ра́дость, ми́лость, ста́рость*; *ла́скавъ, коро́ставъ*; *а́довъ, бра́товъ, ки́товъ*; *ји́накъ*; *гла́дъкъ, ре́зъкъ*; *холо́пьскъ, бра́тьскъ*; *сла́вьнъ, ве́рьнъ, си́льнъ*; *ме́дянъ, гли́нянъ*; *ба́бити, гото́вити, пораба́тити*.

Производные от слов а. п. *b*: *огни́во*; *писмя́* (Р. ед. *писме́не*); И. мн. *дворя́не*; *рабо́та, тепло́та, хромо́та, добро́та, щедро́та, мокро́та, пьстро́та*; *бе́лость, му́дрость, лю́тость* (но встречаются

[17] По данным памятников эффекты Re и Min здесь часто бывает невозможно различить.

также следы ударений типа *мудрóсть*; с другой стороны, возможны такие примеры, как ¯*бъ́дрость*, с эффектом Min); *лукáвъ*, *ръжáвъ*; *львóвъ*, *королéвъ*, *конéвъ*; *одинáкъ*, *вься́къ*; *льгъ́къ* (*льгъ́ка*, *-о*), *узъ́къ* (*у́зъка*, *-о*), *коротъ́къ* (*корóтъка*, *-о*); *женьскъ* (*жéньска*, *-о*), *коньскъ* (*кóньска*, *-о*), *скотьскъ* (*скóтьска*, *-о*), субстантивированное *вóйьско* (из *войьско*); *мьдьлъ* (*мьдьла*, *-о*) ‘медленный’; *бѣ́дьнъ* (*бѣ́дьна*, *-о*), *вольнъ* (*вóльна*, *-о*), *огньнъ* (*óгньна*, *-о*), *серебрьнъ* (*серéбрьна*, *-о*), *животьнъ* (*живóтьна*, *-о*) (о слове *красьнъ* см. ниже отдельно); *стькля́нъ*, *пьпьря́нъ*, *овься́нъ*; *бѣ́лéсъ*; *трубúти* (*трублю́*), *служúти* (*служю́*), *женúти* (*женю́*), *чьрнúти* (*чьрню́*).

Производные от слов а. п. *с*: ¯*кружи́во*, ¯*вари́во*, ¯*сочи́во*; ¯*поломя́* (ср. *полѣ́ти* ‘пылать’); И. мн. ¯*граж(д)ане* (однако, например, *миря́не*); *тяготá* (¯*тяготу́*), *лѣпотá* (¯*лѣпоту́*), *сиротá* (¯*сироту́*), *пустотá* (¯*пустоту́*), *сухотá* (¯*сухоту́*) (однако рано появляется также акцентовка *тяготу́*, *лѣпоту́*, *сироту́*, *пустоту́*, *сухоту́* и т. п.); ¯*грубость*, ¯*благость*, ¯*лѣ́ность*, ¯*крѣ́пость*; ¯*пустошь*; ¯*кръвавъ* (*кръвавá*, ¯*кръваво*; аналогично и последующие примеры прилагательных); ¯*дубовъ*, ¯*ледовъ*, ¯*громовъ*, ¯*снѣговъ*; ¯*обоје*, ¯*двоје*, ¯*троје*; ¯*такъ*, ¯*какъ*, ¯*якъ*; ¯*крѣпъкъ*, ¯*тяжькъ*; ¯*людьскъ*, ¯*мужьскъ*, ¯*земьскъ*; ¯*свѣ́тьлъ*; ¯*свободьнъ*, ¯*холодьнъ*, ¯*вѣ́чьнъ*, ¯*чьстьнъ*; ¯*ледя́нъ*, ¯*ръжанъ*, ¯*вощанъ*; ¯*пепелесъ*; ¯*пятеро*, ¯*шестеро*, ¯*девятеро*, ¯*десятеро*; *живúти* (¯*живлю*), *дарúти* (¯*дарю*), *кръвавúти* (¯*кръвавлю*), *свободúти* (¯*свобожю*), *пустошúти* (¯*пустошю*).

В сущности равносильны минусовым также безгласные суффиксы, не получающие маркировки, т. е. все, кроме немногих, оговоренных выше в § 2.23 и 24. Так, энклиноменами являются, например, словоформы: ¯*да-н-ь*, ¯*волос-т-ь*, ¯*чьс-т-ь*, ¯*пи-в-о*, ¯*гни-л-ъ* (все корни здесь минусовые). Специально отметим, что не имеет маркировки морф **-j-* (после согласной), образующий притяжательные прилагательные; ср., например, ¯*къняжь*.

В нарушение базисного правила в отдельных случаях (сравнительно немногочисленных) энклиноменами оказываются также некоторые производные с безгласными суффиксами от плюсовых, а не минусовых корней, например: ¯*мас-т-ь*, ¯*страс-т-ь* (*маз-* ↓, *страд-* →).

Имеются также некоторые особые случаи.

Суффикс *-ок-* (у прилагательных) обнаруживает минусовую маркировку в ¯*жестокъ*, *жестокá*, ¯*жестоко*; этому не противоречат также *йúнокъ* и *одúнокъ*, *-а*, *-о*. В то же время в группе *высокъ*, *широкъ*, *глубокъ*, *далекъ* для раннедревнерусского необходимо реконструировать ударение по модели *высóкъ*, *-á*, *-ó*, т. е. а. п. *b* (со следами корневого ударения — по крайней мере для слова *высокъ*). Ударения *вы́сити*, *вы́сота* и *ши́рити* указывают на исходную маркировку ↓ у этих двух корней (для *глуб-* и *дал-* положение менее ясно). Можно предполагать, таким образом, что *-ок-* есть исконно минусовый суффикс, но в группе *высокъ*, *глубокъ*, *широкъ*, *далекъ* произошла акцентная перестройка, нарушившая регулярные акцент-

ные отношения (причем еще в праславянскую эпоху, поскольку окситонеза здесь представлена также и в южнославянском).

Ранняя акцентная перестройка произошла также в слове *красьнъ*: первоначальная акцентовка *красьнъ*, *крáсьна*, *-о* сменилась здесь (по аналогии с непроизводными типа *чьрнъ*, *чьрнá*, *-о́*) на *красьнъ*, *красьнá*, *-о́*. В более позднюю эпоху такая перестройка охватила значительное число слов (см. § 3.57); однако в слове *красьнъ* (возможно, также в *розьнъ*) она происходила раньше, чем в остальных.

Суффикс *-тел-ь* обнаруживает минусовую маркировку в словах *¯приятель*, *¯неприятель* (от архаичного *а*-глагола *прияти*, *прѣю* 'faveo', позднее преобразованного в *прияти*, *прияю*), *¯властель*, *¯волостель*. Такой маркировке не противоречат также производные типа *дѣлáтель*, *съписáтель*, *служи́тель*, *избáвитель*, где ударение в любом случае должно принадлежать производящей основе. Однако в производных *подáтель*, *предáтель*, *жи́тель*, *учи́тель*, *святи́тель* и т. п. (где все морфы производящей основы минусовые) ударение не соответствует ожидаемому; оно явно заимствовано из соответствующих инфинитивов.

Суффикс *-ну-ти* (презенс *-н-еть*) обладает нестандартными акцентными свойствами. Несколько упрощенно их можно представить так. Данный суффикс ведет себя как двуморфный: *-н-* + *-у-*; первый морф постоянен, а второй представлен только в инфинитиве, но не в презенсе. Морф *-у-* всегда имеет минусовую маркировку. Морф *-н-* имеет минусовую маркировку после корней, оканчивающихся на гласную (сюда же *мя-/мьн-* 'упоминать'), и маркировку → после корней, оканчивающихся на согласную (даже если перед *-ну-* эта согласная исчезает). Примеры (дается только презенс). Корень с ↓: *дýну*, *-еть*, *вúсну*, *-еть*. Корень с →: *мокнý*, *мóкнеть*. Корень с —: 1) *¯помяну*, *помянéть* (ср. еще *¯мину*, *минéть*, *¯ману*, *манéть*, *¯повину*, *повинéть*, где корень вычленяется с трудом); 2) *тонý*, *тóнеть*, *усънý*, *ýсънеть*, *вьрнý*, *вьрнéть*, *крикнý*, *крúкнеть* (ср. а. п. с в презенсах *топúть*, *съпúть*, *вьртúть*, *кричúть*).

Для некоторых редких суффиксов не удается установить маркировку, поскольку в имеющемся материале нет надежных примеров их соединения с минусовым корнем. Например, неясна маркировка (— или ↓) суффикса (и основообразующего элемента) *-ы/-ъв-* [18], суффикса *-об-а*. Иногда акцентные показания разных слов с одним и тем же суффиксом не согласуются между собой. Например, для суффикса *-ьн-о* слова *бървьнó* (*брьвьнó*), *говьнó*, *полотьнó* указывают на маркировку →, а *¯гузьно*, *¯судьно* — на минусовую маркировку; для *-ьн-я горóдьня*, *вечéрьня* указывают на ↓, а *головьня́* (И. мн. *¯головьнѣ*) на —. В условиях, когда общее число слов с данным суффиксом мало, выявить природу таких расхождений не удается.

---

[18] Слово *свекры* (имевшее, по-видимому, акцентовку *свекры́*, *свéкръве*) здесь недостаточно показательно, поскольку неясна маркировка корня: акцентуация слова *свекръ* устанавливается ненадежно.

ОСОБЫЕ АКЦЕНТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПРИСТАВОЧНЫХ ИМЕНАХ И СЛОЖНЫХ СЛОВАХ

§ 2.26. У имен с основой, состоящей из минусовой приставки (кроме *не*) и корня, ударение в раннедревнерусском обычно уже не подчинялось базисному правилу. Их фактическое ударение может быть описано в терминах перемаркировок.

В раннедревнерусском для *о-* и *а*-основ указанной структуры[19] (существительных и прилагательных) нормой является следующая модель («модель *потопъ*»): корень выступает с маркировкой ↓, хотя бы его исходная маркировка была иной. Примеры: *потопъ*, *-а* (*топ-* —), *перелом̀ъ*, *-а* (*лом-* →), *досад̀а* (*сад-* —), *постел̀я* (*стел-* →), *убогъ*, *-а*, *-о* (*бог-* —), *безбород̀ъ*, *-а*, *-о* (*бород-* —). Если корень содержит редуцированный, получаются такие ударения, как, например (в перечни включены как собственно русские слова, так и церковнославянизмы): *наj̀ьмъ* (*наj̀ьма*), *сънь̀мъ* (*сънь̀ма*), аналогично *зaj̀ьмъ*, *перej̀ьмъ*, *подъj̀ьмъ*, *причь̀тъ*, *учь̀тъ*, *росчь̀тъ* и др.; *прит̀ъча* (но Р. мн. *притъчь*), *подъшьва* (но Р. мн. *подъшьвъ*), аналогично *прорѣва*, *перерѣва*, *ошьва*, *прошьва*, *польза*, *прjьма*, *ујьма*, *бездѣна*, *пожьня*, *осъпа*, *засъпа*, *присъпа*, *распьря*. Специально отметим хорошо засвидетельствованные памятниками ударения *приставъ*, *облакъ*, *признакъ*, *призракъ*, *насмѣркъ*, *приступъ*, *заговоръ*, *съговоръ*, *ужасъ*, *запахъ*, *въздухъ*, *проволока*, отличающиеся от современных (ср. еще *изврагъ* ‘изверг’, *отпустъ*).

Наряду с этой основной моделью существует три второстепенных.

Модель *отрокъ*: корень выступает с маркировкой →, хотя бы его исходная маркировка была иной. Пример: *отрокъ*, *-а* (*рек-/рок-* —). Для раннедревнерусского эта модель является уже реликтовой: речь идет о следах состояния, предшествующего победе модели *потопъ*. В памятниках акцентовка по этой модели (например, *закона*, *народы*, *прилоги*, *своды*, *позорьмъ* Т. ед., *покрова*, *поклонъвъ*, *ослопы*, *обѣды*, *искуса*) обычно встречается лишь в виде крайне редкого отклонения от обычной акцентовки тех же слов по модели *потопъ*. Устойчиво следуют модели *отрокъ* только *посълъ*, *-а* и *замъкъ*, *-а* (слово *утъкъ* не встретилось). Опростившееся слово *отрокъ* сохраняет эту модель лишь в рукописях западной части великорусской территории; в восточной ее части оно выступает уже в модели *окупъ* (ср. карту 8), на украинской территории — в модели *потопъ*. Слово *побѣда* в ранних рукописях акцентуировано по модели *окупъ* или *отрокъ*, позднее переходит в модель *потопъ*; слово *похвала* акцентуируется по модели *отрокъ* или *потопъ*.

Модель *окупъ*: корень выступает с минусовой маркировкой, хотя бы его исходная маркировка была иной. К этой модели принадлежит прежде всего ряд слов с исконной минусовой маркировкой корня

[19] А также отличающихся от них только наличием суффикса **-j-* (*постеля*, *притъча*, *пожьня* и т. п.).

(для них в принципе можно предполагать простое сохранение первоначальной акцентовки), в частности: ¯*образъ* (наряду с *обра́зъ*, *-а*), ¯*поваръ*, ¯*възрастъ*, ¯*обручь*, также опростившиеся ¯*островъ*, ¯*потрохъ*, ¯*посохъ*. Однако достаточно рано акцентовка по данной модели появляется также и при иных корнях, в частности: ¯*поясъ*, ¯*розумъ* (и ¯*разумъ*), ¯*подвигъ* (следы *подви́гъ*), ¯*окупъ*, ¯*отъкупъ*, ¯*похороны*; сюда же *побѣда́* (В. ед. ¯*побѣду*, но также *побѣду́* — по модели *отрокъ*). В ряде случаев (например, *замыслъ*, *помыслъ*, *промыслъ*, *западъ*) модель *окупъ* конкурирует со следующей («*засуха*»), причем по показаниям памятников эти модели далеко не всегда удается разграничить.

Модель *засуха*: приставка меняет свою минусовую маркировку на ↓ (маркировка корня после этого уже безразлична). Пример: *за́суха* (*сух-* —); заметим, что при такой перемаркировке уже не соблюдается древнее правило, запрещающее маркировку ↓ для этимологически краткого начального слога (§ 2.7). Акцентовка по данной модели прослеживается (в том или ином объеме) в большинстве славянских языков, что заставляет относить истоки такой перестройки (природа которой еще остается невыясненной) к весьма ранней эпохе. Как показывают данные памятников и современных языков и говоров, в восточнославянской области модель *засуха* активно развивалась на украинско-белорусской территории, а также в западной и дальнесеверо-восточной частях великорусской территории. На остальной части великорусской территории она представлена слабо (тогда как модель *окупъ*, напротив, получила здесь значительное распространение). Можно предполагать, таким образом, что инновационные модели *окупъ* и *засуха* уже в раннедревнерусском конкурировали друг с другом и их распределение в основном носило диалектный характер. В ходе истории модель *засуха* особенно широко развилась в украинском; ср., например, *за́города*, *за́крутка*, *пере́гляд*, *пере́пад*, *недо́гляд*, *недо́бук* и т. п. (см., в частности, Устинова 1980). В литературном русском языке однозначно восходит к модели *засуха* лишь небольшая группа слов: *за́суха*, *про́волока*, *за́морозки*, *за́работок* и др., см. § 1.28, А III, п. 3 (слова на *-а*) и 4; очевидно, это «вклад» западных и северо-восточных говоров. В группе слов мужского рода типа *за́пуск* (§ 1.28, А II) соединилось историческое развитие древних моделей *засуха* и *окупъ* (первоначальные различия в акцентовке мн. числа здесь в значительной мере стерлись); ср., например, тотемское *pôgr'op* (Брок 1907, с. 33), где фонема /ô/ свидетельствует о модели *засуха*, и рязанское *п/о́/греб* (Васильев, с. 40), где фонема /ɔ/ свидетельствует о модели *окупъ* (об /ô/ и /ɔ/ см. § 3.3).

Сосуществование всех указанных моделей (при отсутствии каких-либо фонетических правил их распределения) говорит о том, что переход от одной модели к другой был не фонетическим, а аналогическим процессом, который охватывал не весь соответствующий массив слов одновременно.

§ **2.27**. Рассмотрим теперь *i*-основы, состоящие из минусовой приставки (кроме *не*) и корня, а также те, которые сверх того имеют суффикс *-т-ь*, *-н-ь* или *-л-ь* (*зависть*, *пристань*, *поросль* и т. п.). Здесь можно выделить те же модели акцентовки, что и выше, но их распределение иное.

Прежде всего, для значительной части слов распределение моделей *потопъ* и *окупъ* непосредственно соответствует исходной маркировке корня; иначе говоря, эти слова просто подчиняются базисному правилу (без перемаркировок). Таковы, в частности: 1) *напа́сть*, *пропа́сть* (ср. *па́сти*, *па́ли*), *зави́сть*, *ненави́сть*; 2) *¯заповѣ́дь*, *¯проповѣ́дь*, *¯исповѣ́дь* (ср. *вѣ́мы*, *вѣ́сте*), *¯зави́дь*, *¯поводь*, *¯изгородь*, *¯упря́жь*, *¯оторопь*, *¯прихоть*, *¯похоть*, *¯по́дать*, *¯область*, *¯прелесть*, *¯повѣ́сть*, *¯съвѣ́сть*, *¯почьсть*, *¯поросль*, *¯отрасль*, *¯прибыль*.

Как можно видеть, здесь практически преобладает модель *окупъ*. Такое же положение и у тех слов, где фактически происходит перемаркировка. Так, перемаркировку по модели *окупъ* можно констатировать (по крайней мере, в некоторых говорах), в частности, для слов *обувь*, *привязь*, *съвязь*, *запись*, *опись*, *недопись*, *пропись*, *опашь*, *помочь* (*помощь*); она рано отмечается также для слов *зависть*, *ненависть*, *пропасть*. Напротив, перемаркировка по модели *потопъ* очень редка, ср. опростившиеся *юдо́ль* (*удо́ль*), *утва́рь* (корневое ударение изредка отмечается также у слов *заповѣ́дь*, *помощь*). Модели *отрокъ* у *i*-основ, по-видимому, почти не было: одно лишь слово *съмьрть* обнаруживает некоторые следы флексионного ударения (при обычной акцентовке по модели *потопъ*, которая в более поздних памятниках заменяется моделью *окупъ*).

Модель *засуха* здесь довольно трудно выявить по показаниям памятников, но она несомненно существовала, ср. ударение *нена́видть* в части более поздних памятников (при *не́навидть* в большинстве великорусских памятников). Весьма показательны также современные украинские ударения *нена́висть*, *пере́в'язь*. В отличие от этих примеров, в литературных русских *не́навидть*, *пе́ревязь*, *пе́репись*, *не́допись* отразилась характерная для восточновеликорусских говоров модель *окупъ*.

Что касается сложений с плюсовыми приставками (*вы-*, *па-*, *пра-*, *су-*), то они ни в чем не отклоняются от базисного правила, т. е. ударение здесь всегда на приставке. Примеры: *вы́носъ*, *па́волока*, *па́губа*, *па́мять*, *пра́баба*, *пра́вънукъ*, *пра́родитель*, *су́губъ*, *су́мракъ*, *су́постатъ*.

Сложения с приставкой *не* также обычно подчиняются базисному правилу, ср. *¯недругъ* (*¯другъ*), *¯немочь* (*¯мочь*), *¯непростъ* (*¯простъ*), *немъно́гъ* (*мъно́гъ*). Лишь в тех редких случаях, когда сложение с *не* синтаксически не равно второму члену, *не* ведет себя как прочие минусовые приставки, а именно, сложение подвергается стандартной перемаркировке, например: *небо́гъ* ‘убогий, несчастный’, *непло́дъ* ‘бесплодный’, *недю́гъ*.

§ 2.28. В сложных словах (с бессуффиксным вторым членом) в раннедревнерусском господствует следующая акцентная модель: последний корень меняет свою маркировку на ↓, а все прочие морфы — на минус. Примеры: *богосло́въ*, *Вьсесла́въ*, *зъло́дѣ́jь* (один из акцентных вариантов), *коловоро́тъ*, *дъ́лгору́къ*, *рукоя́ть*, также *Ростисла́въ*, *Мьстисла́въ* (один из акцентных вариантов). Эта модель соответствует модели *потопъ* у приставочных имен.

В качестве второстепенной была возможна также архаичная модель без перемаркировок; она давала такие ударения, как, например: *лѣ́топись* (*лѣ́т-* ↓), *Ста́родубъ* (*стар-* ↓), *зъло́дьjь* (один из акцентных вариантов; *зъл-* →), *Вьсе́володъ* (*вьс-* →), также *Звьни́городъ* (с императивом в первой части), *Володи́мѣ́ръ*, *Мьсти́славъ* (один из акцентных вариантов). Судя по тому, что в более позднее время ударение на соединительной гласной отмечается в украинском (реже в белорусском), но не в великорусском (ср. укр. *добро́бут*, *добро́дій*, *жовтобрюх*, *зло́дій*, *зло́чин*, *чорнозем*, *чорноклен*, *чорнослив*, *терно́слив*, *конов'язь* и др.), можно предполагать, что оно достаточно рано стало приобретать диалектный характер. В современном украинском такое ударение изредка встречается также и в словах, где первый член не имел в древности маркировки →, например, *Житомир*, *правопис*, *простолюд*, *твердоколос*. Напротив, в русском языке со временем вышла за свои первоначальные рамки модель *лѣ́топись* (у *i*-feminina): ср. *ко́новязь*, *ру́копись* и т. п., где первый член не имел в древности маркировки ↓. Заметим, что различие, например, между укр. *конов'язь* и рус. *ко́новязь* сходно с различием между укр. *нена́висть* и рус. *не́нависть* и т. п.

§ 2.29. Участвуя в дальнейшем словопроизводстве, приставочные и сложные имена выступают уже в своем перемаркированном виде (т. е. особенности их ударения соответствующим образом «наследуются» их производными). Таким образом, получаются, например, ударения: *допото́пьныи*, *посте́льникъ*, *убо́жьство*, *наjьмьникъ*, *на́jьмитъ*, *на́jьмовати*, *сѣньмище*, *притъчьникъ*, *поль́зьныи*, *отроко́вица*, *отроча́*, *поясьни́ца*, *помощьни́къ*, *-а́*, *богослове́ньje*, *лицемѣ́рьje*. В ряде случаев, однако, при приставочных именах, подвергшихся перемаркировке по новым моделям *окупъ* или *засуха*, производные отражают более раннюю акцентовку по модели *потопъ*; таковы, в частности: *разу́мьнъ*, *подви́жьникъ*, *пропа́стьнъ*, *зави́ст-ьнъ*, *-ьникъ*, *ненави́ст-ьнъ*, *-ьникъ*.

Правило о перемаркировке по стандартным моделям (*потопъ*, *богословъ*) в принципе действительно и для тех случаев, когда соответствующего бессуффиксного имени нет, а образуется сразу суффиксальное производное, например: *безво́дьнъ*, *самово́льнъ*, *правовѣ́рьje*. Заметим, что сюда же относятся, например, *лѣ́топи́сьць*, *рукопи́сьнъ* и т. п., поскольку они образованы не от *лѣ́топись*, *рукопись*, а непосредственно от соответствующих словосочетаний. Интересный пример акцентно правильных производных от словосо-

четания составляют *новъгорóдьць*, *новъгорóдьскъ* (*нóвъ городъ* — первоначально не сложное слово, а словосочетание, ср. § 2.9).

Здесь мы сталкиваемся, однако, с важной для акцентологии проблемой неоднозначности деривационной истории довольно большого класса производных. Например, *бесчьстьнъјь* может трактоваться как ((*бес-чьст*)-*ьн*)-*ъјь* и тогда получит ударение *бесчьстьнъјь*, но также и как *бес*-((*чьст-ьн*)-*ъјь*) и тогда получит ударение *бесчьстьнъјь*. Аналогичная неоднозначность: ((*бѣло-горóд*)-*ьск*)-*ъјь* и *бѣло*-((*город-ьск*)-*ъјь*). В памятниках всех периодов такие производные в подавляющем большинстве случаев трактуются первым из указанных способов, что дает такие ударения, как *бесчéстныи*, *надгрóбныи* и т. д. Однако в небольшом количестве встречаются также (в ранних памятниках несколько чаще, чем в более поздних) ударения типа *бесчестнóе*, *бѣлогородскóго*, *надгробнóе*, *подземнáя*, *всенощнóе*, *обнощнóе*, *многострастнáя*, *любострастнóе*, *звѣроловцѝ*, *иконоборéць*. Эта двойственность дожила и до современного языка, где она предстает в виде различия между плотным и неплотным примыканием, например, *неотвя́зный*, *межзу́бный* — *непроходно́й*, *межплеменно́й* (см. § 1.4). Имеющийся материал пока еще недостаточен для того, чтобы восстановить историческую динамику конкуренции этих двух трактовок и закономерности их распределения; поэтому ограничимся констатацией того, что обе они существовали уже в раннедревнерусском, равно как и во все последующие периоды.

ИТОГИ РАННЕДРЕВНЕРУССКОЙ АКЦЕНТНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

§ 2.30. В предшествующем изложении фактически содержатся сведения о предполагаемой (в рамках данной реконструкции) раннедревнерусской акцентуации большинства словоформ, встречающихся в памятниках.

С формальной точки зрения, акцентуация произвольной раннедревнерусской словоформы устанавливается по этим сведениям так. По спискам, данным в § 2.14—25, определяется маркировка каждого морфа, входящего в рассматриваемую словоформу. Если хотя бы один из этих морфов в списках отсутствует, конечного результата обычно уже получить нельзя (это не так только в том случае, если окажется, что в данном окружении недостающая маркировка не может повлиять на акцентный итог). Если в списках при каком-либо из морфов даны указания о его индивидуальных особенностях (ср., в частности, § 2.21), они должны быть соответствующим образом учтены. Если словоформа подпадает под действие § 2.26—29, должны быть произведены требуемые перемаркировки. После этого акцентуация словоформы определяется по базисному правилу (§ 2.8).

Аналогичным способом можно установить также акцентуацию тактовой группы; в этом случае должны быть выполнены, сверх про-

чего, указания § 2.9. Далее, в принципе можно получить акцентуацию более длинных отрезков текста; здесь необходимо дополнительно учитывать проблему членения речевой цепи на тактовые группы (§ 2.6).

Как пример акцентной реконструкции небольшого текста разберем фрагмент из «Поучения» Владимира Мономаха. Текст дан в нормализованной записи; тактовые группы разделены знаком |, предложения — знаком ‖. Звездочка при маркировке показывает, что в данной точке произошла перемаркировка. Там, где маркировка колебалась, выбран более распространенный вариант (другие варианты отмечаются в комментариях).

тур-а мя́ дъв-а | мет-а́-л-а | ¯на роз-ѣхъ | и съ кон-ьмь ‖
— — ↓ — — → — — — — — — — → —

оле́н-ь мя | оди́н-ъ | бо́-л-ъ ‖ ¯а дъв-а лос-и | оди́н-ъ |
↓ — ↓ → — →* — — — — — — → —

ног-а́ми | тъпът-а́-л-ъ | а друг-ъ -jь | рог-ома́ | бо́-л-ъ ‖
— ↓ → — — — — ↓Re ↓ — ↓ →* —

ве́пр-ь ми | на бедр-ѣ́ | ме́ч-ь | ¯отъ-тя-л-ъ ‖ медвѣ́д-ь ми |
→ — ↓ — — ↓ → — — — — ↓ — ↓

у колѣ́н-а | подъ-кла́д-а | у-кус-и́-л-ъ ‖ лю́т-ъ -jь звѣр-ь |
— ↓ — — ↓ — — → — — → ↓Re ↓ — —

скоч-и́-л-ъ | къ мън-ѣ́ | ¯на бедр-ы | и ко́н-ь | съ мън-ою́ |
→ — — — — ↓ — — — — → — — — ↓

по-вьрж-е ‖ ¯и бог-ъ | не-вреж-ен-а́ мя | съ-блюд-е́ ‖ и съ кон-я́ |
— ↓ ↓ — — — — — →*— ↓ — — ↓ — — → —

мъног-о | па́д-а-х-ъ ‖ голов-у си́ | роз-би́-х-ъ | дъв-а́-шьд-ы ‖
↓ — ↓ ↓ ↓ — — ↓ — ↓ ↓ — — ↓ —

и руц-ѣ и ноз-ѣ | свој-и́ | вред-и́-х-ъ ‖ въ ун-ост-и́ |
— — — — — — → — — ↓* ↓ — — — ↓

свој-е́јь | вред-и́-х-ъ | ¯не блюд-а | жив-от-а́ | свој-его́ |
→ ↓Min — ↓* ↓ — — — — → — → ↓Min

¯ни щад-я | голов-ы́ | свој-ејѣ́
— — — — ↓ → ↓Min

Комментарии. Для ¯*на розѣхъ* был возможен также вариант *на розѣхъ* (§ 2.18). В *болъ* перемаркировка по § 2.21, п. 1 (*бод-—*). В *на бедрѣ* представлено слово женского (а не среднего) рода, ср. ниже *на бедры*; был возможен также вариант ¯*на бедрѣ* (§ 2.18). В словоформе *подъкла́да* такое ударение было бы и при иной исходной маркировке морфа *клад-*, поскольку здесь должна быть перемаркировка по § 2.26. Для сочетания *къ мънѣ* более архаичным является акцентный вариант ¯*къ мънѣ* (§ 2.19). В *невреженá* перемаркировка по § 2.21, п. 3. Для *съблюдѐ* более архаичным является акцентный вариант ¯*съблюде* (§ 2.20). В *вередйхъ* перемаркировка по § 2.20. Для *въ уностй* был возможен также вариант ¯*въ уностии* (§ 2.18). Разделение на тактовые группы могло быть в ряде случаев и иным, чем указано; например, *лютъjь звѣрь, и руцѣ и ногѣ* могли быть и разъединены.

Разумеется, при оценке всех полученных таким образом реконструкций нельзя забывать того, что в действительности надежность реконструкции разных элементов текста очень различна. Например, акцентуация слова *конь* восстанавливается вполне надежно, а слов *туръ*, *вепрь* — гораздо менее надежно; то же можно сказать соответственно про окончание *-ами* в *ногами* и *-ома* в *рогома*. Нет уверенности в том, что, скажем, вариантность ¯*на розѣхъ* и *на розѣхъ* относится к той же эпохе, что вариантность ¯*съблюде* и *съблюдѐ* и т. п. Во многих случаях, выглядящих как простое акцентное колебание, в действительности могло быть какое-то закономерное распределение, пока еще не выявленное.

С другой стороны, однако, существенно то, что раннедревнерусская акцентная реконструкция — сравнительно неглубокая в хронологическом отношении: лишь два столетия отделяют конец раннедревнерусского периода от первых памятников, дающих акцентологическую информацию (середина XIV в.), причем за эти столетия, насколько можно судить, никакой радикальной ломки акцентной системы не происходило. Это дает возможность предполагать, что в рассматриваемой реконструкции, даже если речь идет не о словоформах, а о фрагментах текста, ошибки и лакуны в основном касаются частностей.

В целом раннедревнерусская акцентуация предстает как сравнительно строго организованная система, в основе которой лежит противопоставление ортотонических словоформ и энклиноменов. В этой системе действуют достаточно четкие механизмы, предопределяющие принадлежность словоформы к одному из двух акцентных классов, а также место ударения внутри ортотонической словоформы. Существенно, однако, что эти механизмы в раннедревнерусском имеют уже традиционный, т. е. морфонологический (а не чисто фонетический) характер. Отсюда принципиальная возможность их нарушения под влиянием аналогии и других нефонетических воздействий. В самом раннедревнерусском таких нарушений еще сравнительно мало, но уже имеются предпосылки для их распространения в ходе дальнейшей эволюции.

АКЦЕНТНЫЕ ОТЛИЧИЯ РАННЕДРЕВНЕРУССКОГО ОТ ПРАСЛАВЯНСКОГО

§ 2.31. Акцентные отличия раннедревнерусского от (позднего) праславянского можно разделить на две группы. Во-первых, это некоторые отличия общего характера, касающиеся самой просодической системы, во-вторых — различия в маркировке отдельных морфем. Различия второго рода мы здесь рассматривать не имеем возможности (косвенным указанием на них может служить помета «следы такой-то акцентовки», данная выше при части морфем: обычно речь идет именно о следах праславянской акцентовки).

Главное различие общего характера касается вопроса об интонационных противопоставлениях в рамках автономного ударения. Для позднего праславянского обычно реконструируется противопоставление двух интонаций у этимологически долгих гласных, несущих автономное ударение: акута (или «старого акута») и нового акута. Новый акут стоит там, где автономное ударение сместилось на слог влево (со слабого редуцированного или в силу эффекта Re). Кроме того, по-видимому, та же самая интонация представлена при автономном ударении в послекорневых морфемах с так наз. «несокращающейся долготой» (с генетической точки зрения это морфемы с балтославянским циркумфлексом); см. Дыбо 1968, с. 151, 174. Акут стоит в прочих случаях. Акут (′) и новый акут (̀) могут выступать в одинаковой позиции, ср., например, **mȍrzъ*, **rãniši* и **kórljь*, **páliši*. Вполне вероятно, впрочем, что с самого момента возникновения нового акута отличие новоакутовых долгих гласных от акутовых было не чисто интонационным, а прежде всего количественным. Даже те славянские языки, которые и сейчас имеют тональные противопоставления, отражают это различие (в позициях, где не было позднейших метатоний) именно как количественное, а не как интонационное: ср. краткость в чакавск. *mrȁz*, словен. *mrȁz* и долготу в чакавск. и словен. *králj*.

Что касается этимологически кратких гласных, то здесь наличие чисто интонационного противопоставления между новым акутом (например, в **bòbъ*, **nòsiši*) и старым ударением (например, в **selȍ*, **gotóvъ*, **dobróta*) еще менее вероятно. По-видимому, разница здесь могла состоять лишь в том, что краткая гласная под новым акутом удлинялась; однако это удлинение было непоследовательно, а в части диалектов, вероятно, вообще отсутствовало.

Особенность восточнославянской ветви состоит в том, что здесь не обнаруживается никаких достоверных следов различия между старым акутом (или старым ударением на краткой гласной) и новым акутом. Правда, в ряде работ можно найти утверждение, что специфическим следом нового акута на *о* является старовеликорусская и современная диалектная фонема /ô/. Однако в действительности весь относящийся к данной проблеме материал с несомненностью показывает, что точно такой же результат (т. е. /ô/) давало *о* под старым

ударением (ср. Станг 1957, с. 13, где этот факт специально отмечается). Неизвестно ни одного великорусского памятника или говора, различающего /ɔ/ и /ô/, где /ô/ выступало бы только в соответствии с новым акутом, но не со старым ударением. Заметим, что Л. Л. Васильев в своей классической работе об этом явлении нигде не говорит именно о новом акуте как условии возникновения /ô/; он везде говорит просто о «восходящем ударении» (в котором фактически объединяются новый акут и старое ударение). Таким образом, аргумент о великорусском /ô/ как свидетельстве существования особой интонации нового акута основан просто на неточности формулировки.

В. В. Колесов выдвинул тезис о том, что в древнерусском колебания типа *дýма—думà* происходили «только в исконно баритонированных именах» (Колесов 1972, с. 22), иначе говоря, при акутовой интонации корня, но не при новоакутовой. Однако фактический материал (в т. ч. содержащийся в самой цитируемой книге) никак не согласуется с этим тезисом: колебания типа *дýма—думà* отмечаются не менее широко, чем в исконно баритонированных именах, также в словах *чаща*, *толща*, *жаж(д)а*, *воля*, *воня*, *доля*, *обжа*, *ольха* и других, где реконструируется новоакутовая интонация корня.

§ **2.32.** Единственный пункт, где можно было бы подозревать отражение былого различия акутовой и новоакутовой интонаций на восточнославянской почве, — это противопоставление украинских *орó*, *олó*, *ерé* (например, Р. мн. *воро́н*, *коло́д*, *мере́ж*) и *орí*, *олí*, *ерí* (например, Р. мн. *борíд*, *голíв*, *черíд*) в случаях, где в последующем слоге пал редуцированный. Л. А. Булаховский, как известно, выдвинул гипотезу о том, что здесь представлены прямые фонетические рефлексы соответственно акутовых и новоакутовых полногласных сочетаний (Булаховский 1947, 1961). Однако против гипотезы Л. А. Булаховского говорит то, что рефлексы *орí*, *олí*, *ерí* отмечаются (и то непоследовательно) лишь в нескольких морфологических позициях, где могла действовать аналогия с морфемами, обнаруживающими стандартное украинское чередование *о/і*; во всех прочих морфологических позициях выступают только *оро*, *оло*, *ере* (см. Гард 1974, с. 113; отметим еще Селищев 1951, с. 170, Якше 1965, с. 30). Целесообразно рассмотреть украинский материал несколько подробнее, чем это сделано у П. Гарда и других критиков гипотезы Л. А. Булаховского. Ниже материал дается в основном по словарю под редакцией Б. Гринченко и по словарю М. И. Погрибного.

Основная группа примеров с *орí*, *олí*, *ерí*, на которые опирается гипотеза Л. А. Булаховского, — это словоформы Р. мн. и производные на *-к-а*: *борода́* — *борíд*, *борíдка*; *борона́* — *борíн*, *борíнка*; *голова́* — *голíв*, *голíвка* (однако *голóвка* о луке, маке и т. п.); *сковорода́* — *сковорíд*, *сковорíдка*; *сторона́* — *сторíн*, *сторíнка*; *чередá* — *черíд*, *черíдка*; *долотó* — *долíт*; pluralia tantum *воро́та* — *ворíт*, *ворíтка*. Эти примеры ничем не отличаются от действующего морфонологического стандарта, представленного, скажем, в *нога́* — *ніг*, *ніжка*, *слобода́* — *слобíд*, *слобíдка*, *бджола́* — *бджíл*, *бджíлка*, *село́* —

сі́л и т. п. По крайней мере для непроизводных слов некнижного характера модель с чередованием представляет собой норму (в Р. мн. чередование может отсутствовать, если у данного слова мн. число малоупотребительно). Не подлежит сомнению, что эта модель оказывала сильное аналогическое воздействие на слова, первоначально к ней не принадлежавшие. Это видно, в частности, из следующих примеров, где исходным был старый акут: *корóва — корíв, корíвка*; *дорóга — дорíг, дорíжка* (наряду с *дорóжка*); *берéза — берíз, берíзка* (наряду с *берéзка*); диалектное *ворóна — ворíн* (при литературном *ворóн*); *смерéка — смерíчка* (наряду с *смерéчка*); *солóма — солíмка* (наряду с *солóмка*); *волóка — волíчка* (наряду с *волóчка*); *полóва — полíвка* (наряду с *полóвка*); *болóто — болíт*. Показательны также *блохá — блíх, блíшка, бровá — брíв, брíвка, сльозá — слíз, слíзка*, где в корне были ъ, ь, т. е. *і* не могло получиться фонетическим путем. Для сравнения приведем словоформы тех же морфологических групп, сохраняющие *орó, олó, ерé*: 1) с исходным старым акутом — Р. мн. *ворóн, колóд, сорóк, верéт, мерéж*, производные на *-к-а колóдка, верéтка, мерéжка*, также *волóшка, холóпка*; 2) с исходным новым акутом — Р. мн. *горóж, сторóж, джерéл, дерéв, черéв* (ср. также *сéред, тóлок*, от *середá, толóкá*), производные *борóзка* (от *борознá* ‘борозда’), *ворóжка* ‘гадалка’, *ворóнка, голóвка* (лука и т. п.), *горóбка* ‘воробьиха’, *дерéзка, дерéнка, корóбка, молóчка* (растение), *сорóчка* ‘рубаха’, *сторóжка*. Итак, как в группе с исходным новым акутом, так и в группе с исходным старым акутом фактически имеются рефлексы с *орí* и т. д. и с *орó* и т. д., причем даже количественные соотношения *орí* и *орó* в этих двух группах различаются довольно мало. Тот факт, что у слов типа *корóва, колóда* чередование *о/і* (*е/і*) распространилось в несколько меньшей степени, чем у слов типа *бородá, головá*, следует связывать с тем, что в украинском языке слова с неподвижным ударением вообще менее склонны к чередованиям, чем слова с подвижным ударением: подавляющее большинство слов без чередования (например, *свобóда—свобóд, опóра—опóр, затóка—затóк*) — это именно слова с неподвижным ударением.

В условиях постоянного давления со стороны стандартной модели *ногá — нíг, нíжка* сохранение *орó, олó, ерé* естественно считать архаизмом — как в случаях типа *колóд, колóдка*, так и в случаях типа *дерéв, борóзка*. В говорах встречаются и другие архаизмы; в частности, важным примером сохранения старого состояния является Р. мн. *hôlóu̯* (равно как *kôróu̯*) в закарпатском говоре села Убли, ср. *и* в Р. мн. *nuh, žun* (Брок 1900, с. 81).

Далее, *олí, ерí* в соответствии с новым акутом выступает в форме прош. муж.: *волокти́, волоклá — волíк; берегти́, береглá — берíг; стерегти́, стеглá — стерíг*. Однако точно такая же картина и в стандартных *могти́, моглá — міг, пекти́, пеклá — пік* и т. п.

Прочие случаи *орí, олí, ерí* в соответствии с новым акутом совершенно единичны (ср., например, диалектное *хорíш*, наряду с *хорóш*). В то же время имеется значительное число примеров *орі, олі, ері*

при других исходных акцентовках (т. е. явно аналогического происхождения), в частности: *смо́рід*, *Те́терів*, также *бе́ріг*, *ве́ріс*, *во́ріг*, *во́рін*, *жо́лі́б* (наряду с *бе́рег*, *ве́рес*, *во́рог*, *во́рон*, *жо́лоб*); *поріг*, *Запоріжжя*, *хорі́мці*; *болітце́*, *ворітця́*; по-видимому, сюда же *оборі́г*, *поворі́т* (наряду с *поворо́т*).

Во всех остальных случаях в соответствии с исходным новым акутом находим только *оро́*, *оло́*, *ере́* (в любой позиции, в частности, и там, где в последующем слоге пал редуцированный). Особенно показательны здесь: *коро́ль* (*короля́*), *дере́н* (*дерену́*), *хворо́ст* (*хворосту́*); *коро́ткий*, *поро́жній*; *джере́льний*, *джере́льце*, *моло́чний*, *хоро́бство*; *пере́рва*, *пере́спа*, *пере́йми* (мн.), *пере́йдеш*, *пере́ймеш*. По-видимому, сюда же относятся *поворо́зка*, *оголо́ска*, *погголо́ска*, *попере́чка*, *оторо́чка*, *похоро́нка*. Кроме того, имеется значительное число слов, где ударение на полногласном сочетании не первоначально, но, вероятно, было перенесено довольно рано и при этом должна была появиться новоакутовая интонация. Таковы, в частности: *волóсся*, *волóття*, *голóддя*, *колóсся*, *полóззя*, *черéп'я*; *голóдний*, *перéдній*, *серéдній*, *солóдкий*, *сорóмний*, *сторóнній*, *холóдний*; *горóбчик*, *жерéбчик*, *молóдчик*.

Существенно то, что рефлекс типа *оро́* в соответствии с новым акутом встречается в самых разных морфологических моделях, при этом нередко в таких словах, которые в силу своей морфологической структуры максимально ограждены от аналогических воздействий; ср., например, *пере́спа*, *поро́жній* (опростившиеся слова), *коро́ткий* (корень не встречается без суффиксов), *воро́нка*, *соро́чка* (исходные **воронá*, **сорокá* не сохранились, ср. русск. диал. *воронá* [Даль], укр. *сорочи́на*, русск. диал. *сорочи́ца* [Даль]). Между тем рефлекс типа *орí*, как уже отмечено, ограничен лишь тремя морфологическими моделями, для каждой из которых характерны регулярные чередования *o*/*i*, *e*/*i*. Такое соотношение отчетливо говорит против признания *орí* собственно фонетическим отражением *оро* под новым акутом.

Таким образом, украинское различие типа *оро́—орí* не может быть признано надежным основанием для реконструкции двух разных интонаций в рамках автономного ударения. Заметим, что в любом случае украинские данные, не находящие никакого аналога в великорусском, еще не могли бы служить достаточным основанием для реконструкции соответствующего явления во всех диалектах восточнославянской ветви.

Вопрос о том, совпали ли в восточнославянском две разные интонации праславянского (акутовая и новоакутовая) или в данной группе праславянских диалектов этого различия вообще не сформировалось, остается открытым. Для настоящей работы существенно прежде всего то, что в истории русского языка указанное различие нигде и ни в чем не проявляется.

§ 2.33. В праславянском до некоторого момента его развития каждая гласная фонема обладала постоянной количественной характеристикой: *o*, *e*, *ъ*, *ь* были краткими, *a*, *ě*, *y*, *i*, *u*, *ę*, *ǫ* — долгими;

как долгие функционировали также сочетания кратких гласных с *r*, *l* в позиции перед согласной. Эти старые количественные различия не создавали чистых противопоставлений по долготе—краткости, поскольку любые две гласные различались, кроме того, также качественно.

Новые количественные различия возникли в результате процессов сокращения старых долгих и удлинения старых кратких в определенных просодических условиях. До тех пор, пока эти условия сохранялись, различие по долготе—краткости фонологического значения не имело; но в случае исчезновения таких условий оно становилось фонологически значимым. Процессы формирования новых количественных различий протекали в разных праславянских диалектах по-разному. Поэтому единого праславянского распределения новых долгот и краткостей не было. Однако сами оппозиции типа *a*—*ā*, *i*—*ī* и т. д. в большинстве диалектов сформировались; так, по крайней мере в части диалектов противопоставлялись, например, *màzalъ* и *mâzānъ*, *rỳbina* и *jìstīna*, *stàviti* и *stâvīši*.

Как старые, так и новые количественные различия могли быть в определенных случаях существенными для действия акцентных правил.

В восточнославянских языках, однако, рассматриваемые количественные различия (как старые, так и новые, если они успели сформироваться) не сохранились, если не считать отличия слабых *ъ*, *ь* от всех прочих гласных, выразившегося впоследствии в их падении. Когда именно утратились эти различия, остается недостаточно ясным. Древнейшие заимствования из восточнославянского в балтийские и прибалтийско-финские языки еще указывают на различение долгих и кратких гласных (см. Станг 1957, с. 52—55). Но никаких достоверных свидетельств сохранения праславянских количественных различий в эпоху после падения редуцированных нет. В памятниках XIV—XVII вв. имеются, правда, некоторые случаи, когда в определенной группе словоформ место ударения обнаруживает зависимость от этимологической долготы или краткости гласной (рассматриваемой или соседней); например, в памятнике XVI в. Косм. (§ 3.28) обнаруживается акцентное противопоставление типа *могучѝ*, *носячѝ* — *пѝшучи*, *тỳжачи* (см. Глаг. акц., § 21). Однако все такие случаи могут быть истолкованы как наследие праславянской эпохи; ни для одного из них не удается показать, что акцентуация определяется синхронически актуальной долготой или краткостью.

§ 2.34. В прочих случаях, где можно говорить об акцентных различиях общего характера между раннедревнерусским и праславянским, мы имеем дело не с поздней, а с более ранними стадиями развития праславянского, т. е. речь идет уже фактически об акцентной эволюции самого праславянского. Если двигаться в процессе акцентологической реконструкции против течения времени и последовательно «снимать» относительно более поздние явления, вскры-

вается ряд более древних состояний праславянской акцентной системы. Бегло укажем здесь (в терминах маркировок) важнейшие из этих состояний.

«Снятие» определенных аналогических выравниваний выявляет систему, где еще не было эффекта Min.

Далее, «погружаясь» во время, предшествующее оттяжке ударения влево со слабых редуцированных (а также, в определенных случаях, с долгих гласных, в прошлом характеризовавшихся балтославянским циркумфлексом), мы вскрываем систему, где маркировка → во всех случаях означала ударение на следующей за данной морфемой гласной (т. е., в частности, не было эффекта Re).

На еще более раннем этапе, предшествующем переносу ударения на слог вправо со слогов с балтославянским циркумфлексом (или краткостью), не было маркировки →: имелась единая плюсовая маркировка (действовавшая как ↓). Акцентная система строилась на противопоставлении всего двух акцентных парадигм: неподвижной (при наличии хотя бы одной плюсовой морфемы в основе слова) и подвижной (при основе из одних лишь минусовых морфем).

Описание и обоснование указанных шагов акцентологической реконструкции содержится в работе: Дыбо 1981.

Глава третья

АКЦЕНТНЫЕ СИСТЕМЫ XIV—XVII ВЕКОВ

§ 3.1. После падения и «прояснения» редуцированных древнерусский язык переходит в новое состояние, с типологической точки зрения уже довольно близкое к современным восточнославянским языкам.

Так наз. п о з д н е д р е в н е р у с с к и й период охватывает время от падения редуцированных до конца XIV в. В этот период имеются весьма значительные диалектные различия (частью унаследованные от более ранней эпохи, но в основном возникшие в связи с процессом падения и «прояснения» редуцированных). Однако определяемое этими различиями диалектное членение еще далеко не соответствует трем будущим языкам.

Памятники XV—XVII вв. обозначаются уже как старовеликорусские (или старорусские), староукраинские и старобелорусские; последние две группы, впрочем, не всегда легко разграничить. В настоящей работе из памятников этого периода непосредственно изучаются только старовеликорусские.

Как показывает анализ, старовеликорусские памятники с акцентологической точки зрения распадаются на две группы: западную (исторически связанную с Новгородской и Смоленской землями) и восточную (связанную с Ростово-Суздальской, Рязанской и отчасти Черниговской землями). Различия (довольно значительные) между этими двумя группами рассматриваются на протяжении всей настоящей главы (их итоговый обзор дан в § 3.77).

Акцентные системы памятников, даже относящихся к одной диалектной зоне, как правило, в ряде деталей различаются между собой. Поэтому целесообразно говорить о т о ч е ч н ы х (по месту и времени) акцентных системах (или, иначе, акцентных м и к р о с и с т е м а х). Отдельную микросистему образует акцентуация практически любого памятника и любого говора [1].

При цитировании памятников ниже используются следующие упрощения записи. Буквы ѧ и ѩ передаются одинаково как *я*; є, ѥ, ε — как *е*; *у*, ѵ, ꙋ, ѹ — как *у*; ѣ, ы — как *ы*; *о* широкое, *о* узкое, *о* очковое — как *о* (об особых случаях см. § 3.19); *з*, ꙁ — как *з*. Надстрочные буквы передаются и в печати как надстрочные, но при этом ставятся на соответствующее им место в словоформе (знак выноса опускается), например: *кр^{с}ти́ти*. О передаче надстрочных

[1] Подобно тому, как слово «система» применяется и к языку в целом и к отдельным его уровням или звеньям, слово «микросистема» ниже тоже может использоваться как применительно ко всей совокупности языковых характеристик памятника или говора, так и к некоторой их части (например, относящейся к склонению, к какой-то группе форм и т. п.).

знаков см. § 3.18. В прочих случаях (т. е. не при цитировании) используется нормализованная запись, отражающая состояние языка после падения редуцированных. Из реальных памятников к такой записи ближе всего стоят памятники XIV в. (до начала второго южнославянского влияния), например, Чудовский Новый Завет или Лаврентьевский список «Повести временных лет». В презенсе глаголов в нормализованной записи используются окончания *-шь* и *-ть*. Ударение в такой записи обозначается над конечной гласной тактовой группы знаком `, в прочих случаях — знаком ´ (т. е. по правилам так наз. «старопечатной» системы надстрочных знаков, см. § 3.16).

Каждому из использованных памятников присвоено условное сокращенное наименование; см. описание памятников в § 3.21—33, а также общий список сокращений в конце книги. При цитировании памятников, написанных в два столбца, ссылки даются на лист и столбец (а, б, в, г), например: 12а, 35г (какие именно памятники разделены на столбцы, указано в их описании). Для прочих памятников ссылки даются на страницы (если в описании памятника не оговорено иное); при этом страница на лицевой стороне листа обозначается просто номером листа, на обороте — тем же номером с буквой «б», например: 12, 12б.

Конкретное употребление некоторой словоформы в определенном месте памятника ниже мы обычно называем просто «примером» (чтобы избежать громоздкого термина «словоупотребление»); соответственно, мы стремились использовать слово «пример» в обычном значении (‘образец’, ‘образчик’) только там, где контекст исключает двусмысленность.

Адрес примера может записываться по модели *в гной* Чуд. 35в или Чуд. *в гной* 35в — в зависимости от удобства для соседних записей. Отметим, что запись «и др.» после серии номеров страниц означает «и на других страницах» (а не «и другие словоформы»). Примеры, переходящие с одной страницы на другую, помечаются номером первой из этих страниц. Запись со знаком + типа *по лѣсо́мъ* 27 (+12б) показывает, что пример на странице 12б отличается от приведенного какими-то деталями орфографии, несущественными для нашего разбора (например, это может быть *по лѣсѡмъ*, *по лѣсо́м*, *по лесо́мъ* и т. п.). Вместо адреса может быть указано общее число встретившихся примеров (несущественное орфографическое варьирование при таких подсчетах не принимается во внимание). Знак × заменяет слово «раз». Если подсчет дан после серии примеров, при которых нет адресов (или подсчетов), то он относится ко всей серии (то же верно для указания «часто»). При перечислении словоформ возможна сокращенная запись, например: *зако́нъ, -а* (=*зако́на*); *пра́веднаго, -ому* (=*пра́ведному*). При цитировании знаки | (конец строки) и ‖ (конец страницы) даются не систематически, а только при особой необходимости.

ОСНОВНЫЕ АКЦЕНТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ПОЗДНЕДРЕВНЕРУССКОГО ПЕРИОДА

ПАДЕНИЕ РЕДУЦИРОВАННЫХ И УДАРЕНИЕ

§ 3.2. Как указано в § 2.5, уже в раннедревнерусском слабый редуцированный не мог нести автономного (т. е. фонологически значимого) ударения; ср., например: *стóлъ, пóсълеть, сълéть, зълы́хъ* и т. п. вместо **столъ, *посълеть, *сълеть, *зълыхъ*. Процесс падения и «прояснения» редуцированных сам по себе не вызывал никаких сдвигов автономного ударения; например, из приведенных р.-др.-р. словоформ получились п.-др.-р. *стóлъ, пóслеть, слéть, злы́хъ*. Специально отметим, что сказанное верно и для тех словоформ, где слабые редуцированные по тем или иным причинам сохранились в виде гласных, например: *óгньно, серéбрьно, мьртвьно, óстрье* дали *óгнено, серéбрено, мéртвено, óстрее* (*óстрие*).

Что касается энклиноменов, то процесс падения и «прояснения» редуцированных не изменил их просодического статуса, т. е. соответствующее п.-др.-р. слово тоже было энклиноменом. Например, *˜къназь, ˜съто, ˜чьстьно* дали *˜князь, ˜сто, ˜честьно*. Поскольку энклиномены с фонологической точки зрения вообще не имели ударения, здесь бессмысленно говорить о каких-либо сдвигах ударения — даже в случаях типа *князь, сто*, где в изолированной позиции автоматическое начальное усиление реально приходится уже не на тот слог, что в раннедревнерусском. Это «автоматическое ударение» (§ 2.5) падает на начальный слог тактовой группы совершенно безотносительно к тому, был ли этот слог начальным и раньше или стал таковым лишь в силу падения редуцированного. Показательны в этом отношении случаи, где слабый редуцированный факультативно сохранялся (из-за скопления согласных или по каким-либо иным причинам): как регулярные варианты *˜доску, ˜дочере, ˜лести, ˜свѣсть* ‘совесть’, *˜с свѣта, ˜в гнѣвѣ* и т. п., так и нерегулярные *˜доску, ˜дочере, ˜лести, ˜совѣсть, ˜со свѣта, ˜во гнѣвѣ* имели автоматическое ударение на начальном слоге.

Итак, хотя разделение редуцированных на сильные и слабые аллофоны в свое время заметно повлияло на позицию автономного ударения (вызвав сдвиги ударения со слабых редуцированных), сам процесс падения и «прояснения» редуцированных уже никак не менял позиции автономного ударения. С другой стороны, позиция ударения (даже автономного, не говоря уже об автоматическом) не влияла на процесс падения редуцированных (ср. также Кипарский 1963, т. I, с. 96—97).

Поскольку последнее утверждение противоречит тому, что говорится на эту тему в очень многих работах по истории русского языка, в том числе в ряде весьма авторитетных, необходимо рассмотреть этот вопрос несколько подробнее. Согласно А. А. Шахматову (Шахматов 1915, § 28), в общеславянском праязыке ударение переносилось со слабых редуцированных на предшествующий слог,

а если такового не было, то на следующий слог (приводятся примеры *vъšĺ*, *tьstĺ* из *vъ́ši*, *tъ́sti*). «Но иногда, — пишет он, — на ъ́, ь́ начального слога ударение переносилось под влиянием грамматической аналогии; они становились при этом краткими вместо полукратких» (т. е. сильными вместо слабых); приводятся примеры *dъ́skǫ*, *stь́kla* (по аналогии с *vódǫ*, *séla*). Далее в § 380 сказано: «Ударяемые ъ, ь, ѣ в начале слова (где они получали или сохраняли ударение по аналогии) перешли в *о*, *е*, *ѣ*. Примеры. В памятниках: *дощере* Добр(илово) ев. 102b. В совр. языке. Великор. *до́ску*, *стёкла*, *со́хнуть*, *до́хнуть*, *мо́ху*, *пёстрый*, *со́ты*, *те́стя*, *тёща*, *че́сти*. Малор. *мо́ху*, р. ед. *ме́сти*, р. ед. *со́та*, числ. *со́теро*, *те́ща*. Белор. *до́ждж*у, *мо́ху*». В ряде более поздних работ этот тезис предстает в следующей более категорической формулировке: ударяемые ъ, ь начального слога находились в сильной позиции (см., например, Якубинский 1953, с. 140 и многие другие работы); шахматовская оговорка о том, что такая ситуация могла возникнуть лишь аналогическим (но не собственно фонетическим) путем, здесь уже отсутствует. Заметим, что разбираемые при этом примеры нигде не выходят за рамки списка, данного А. А. Шахматовым; особенно популярен пример *до́ску* (часто используются также примеры *до́хнуть*, *со́хнуть*, где начальное ударение заведомо неисконно).

При разборе этих утверждений необходимо прежде всего указать, что для праславянского и раннедревнерусского еще никоим образом нельзя объединять автономное и автоматическое ударения: в эту эпоху их свойства совершенно различны. В частности, какие бы то ни было переносы по аналогии можно предполагать только для автономного ударения, поскольку оно в принципе могло падать на разные слоги словоформы; для автоматического ударения такой перенос был невозможен, поскольку его место было полностью предопределено фонетическим составом словоформы (тактовой группы). Тем самым совершенно нереальна гипотеза А. А. Шахматова о том, что, например, в словоформе *dъ́skǫ* (энклиномене) ударение сперва было фонетическим путем вытеснено со слабого редуцированного на второй слог, а затем по аналогии с *vodǫ* снова перешло на первый слог.

Далее, очевидно, что для получения серьезного ответа на поставленный вопрос нельзя ограничиваться разбором крохотного списка иллюстративных примеров, приводимого в курсах истории русского языка, а необходимо обозреть всю совокупность раннедревнерусских словоформ с редуцированным в первом слоге.

Рассмотрим сначала э н к л и н о м е н ы. Совокупность р.-др.-р. словоформ-энклиноменов с редуцированным в первом слоге довольно велика. Отбросим те из них, где редуцированный должен «проясниться» по общим правилам, не имеющим отношения к акцентуации, а именно, словоформы, где: 1) во втором слоге стоит слабый редуцированный (например, *чьсть*, *чьстью*); 2) редуцированный первого слога находится в окружении *С—рС*, *С—лС*, *Ср—С*, *Сл—С*, *См—С*,

Сн—С или *Св—С*. В оставшийся список войдут, в частности, следующие словоформы (мы не претендуем здесь на полноту): 1) словоформы-энклиномены (с гласной полного образования во втором слоге) существительных *дьнь*, *льнъ*, *пьнь*, *съть* 'сот, соты', *тьсть*, *кънязь* (ср. еще *Пльсковъ*), *съто*, *дъска*, *въшь*, *льсть*, *мьсть*, *ръжь*, *чьсть*, *Тьхвѣрь*, *дъчи*; 2) словоформы *къто*, *чьто*, *дъва*, *дъвѣ*, *дъвое*; 3) словоформы-энклиномены, имеющиеся у ряда производных от слов группы 1, например: *льнянъ*, *чьстьнъ*, *кънажьскъ*; 4) словоформы 1 ед. презенса *жьгу*, *жьду*, *сьчю*, *чьту*, *ръву*, *пьну*, *тьну*, *вьру*, *жьру* 'пожираю', *мьру*, *вью*, *лью*, *пью*, *бъжю*, *зьрю*, *мъчю*, *мьню*, *съплю*, *лъщю*, *мъщю*, *чьщю* и соответствующие причастия в И. ед. на *-а*, *-я* (*жьга*, *бъдя* и т. д.); 5) словоформы-энклиномены *l-* и *v*-причастий, от глаголов *бърати*, *вьрати*, *жьдати*, *жьрати*, *зъвати*, *ръвати съпати*, *сьцати*, *лъстити*, *мъстити*, *чъстити*, например, *бъралъ*, *-о*, *-и*, *бъравъ*, *мъстилъ*, *-о*, *-и*, *мъстивъ*; 6) широкий класс глагольных словоформ, состоящих из приставки *съ-* (*сън-*), *въ-* (*вън-*) или *въз-* и энклиномена (с гласной полного образования в корне), например, *въведу*, *възлечю*, *съпустя*, *съдалъ*, *съгнило*, *възяли*, *съданъ*, *възято*, *вълиты*, *съдавъ*, *въливъ*. Заметим, что с акцентологической точки зрения от словоформ группы 6 в сущности ничем не отличаются также сочетания предлогов (*въ*, *къ*, *съ*) с именными энклиноменами, например: *въ домъ*, *въ мори*, *къ носу*, *съ берега*.

Рассматривая современные русские словоформы, восходящие к приведенному списку, легко убеждаемся, что редуцированные в первом слоге в подавляющем большинстве случаев пали; ср., например: *дня*, *князь*, *сто*, *ржи*, *кто*, *два*, *жгу*, *сплю*, *брал*, *введу*, *взлечу*, *в дом*, *в море*. Случаев, где это не так, совсем немного; из бесприставочных таковы: *со́ты*, *те́стя* (*-ю* и т. д.), *ле́сти*, *ме́сти*, *че́сти* (ср. также *чещу́*), *до́ску*, *до́чь*, *до́чери*. Обращение к памятникам XIII—XVII вв. показывает, что у всех этих словоформ существовали также варианты, где редуцированный пал: *сты* 'соты', *тсти* (*цти*, также *тстя*, *цтя*, *стя*) 'тестя', *лсти*, *мсти*, *чти*, *дску* (*цку*), *дчи* (*тчи*), *дчере* (*тчере*). Легко видеть, что во всех этих словоформах, кроме *соты*, падение редуцированного приводит к сложному скоплению согласных, а, как хорошо известно, в подобных случаях редуцированный часто восстанавливался (или сохранялся). Этот эффект не зависел от места ударения: он прекрасно засвидетельствован также и в заведомо безударной (в эпоху падения редуцированных) позиции; ср., например, *дождя́*, *дожди́ть*, *стекло́*, *тоща́*, *пестро́*, *доска́* и т. п. (наряду с фонетически закономерными вариантами *джя*, *джить*, *скло*, *тща*, *пстро*, *цка*, встречающимися в памятниках). С другой стороны, в образовании словоформ *со́ты*, *те́стя*, *ле́сти*, *ме́сти*, *че́сти* и т. п., конечно, существенную роль играло также выравнивание основы внутри парадигмы; ср., например, словоформы Р. ед. *ле́сти*, *ме́сти*, сохраняющие *е* в силу прямой парадигматической связи с И. ед. *лесть*, *месть*, и словоформы презенса *лъщу*, *мъщу*, связанных с *лесть*, *месть* уже гораздо менее тесно.

Из проведенного разбора ясно, что автоматическое ударение энклиномена само по себе никоим образом не предохраняло редуцированный от падения.

Обратимся теперь к ортотоническим словоформам. Согласно § 2.8 (сноска 7), уже в раннедревнерусском действовало правило о том, что ударение, попадавшее в таких словоформах на слабый редуцированный начального слога, смещалось на последующий слог. Таким образом, тезис о «прояснении» ударяемого редуцированного начального слога имеет здесь смысл лишь при отрицании указанного правила или при постулировании (как у А. А. Шахматова) случаев аналогического переноса ударения к началу уже после завершения действия этого правила. Рассмотрим материал. До действия данного правила автономное ударение на редуцированном начального слога должны были иметь следующие группы р.-др.-р. словоформ: 1) словоформы презенса, кроме 1 ед., глаголов а. п. *b* (приводим 3 ед.) — *jьдеть*, *jьметь*, *дъметь*, *жьметь*, *жьнеть*, *мьнеть*, *тьреть*, *лъжеть*, *тъчеть*, *сълеть*, *съсеть*, *бьjеть*, *гънеть*, *дъхнеть*, *льнеть*, *пьхнеть*, *съхнеть*, *тъкнеть*, *чьхнеть* (и некоторых других); 2) членные формы прилагательных а. п. *b* — *зъл-ъjь* (*-ая* и т. д.), *лъж-ьjь* ‘ложный’, *бъдр-ъjь*, *пьстр-ъjь*, *дъхл-ъjь*, *тъщ-ьjь*, также *мьн-ьjь* ‘меньший’; 3) словоформы М. мн. существительных а. п. *b* — *лъбѣхъ*, *львѣхъ*, *мъсѣхъ* (*мъхѣхъ*), *пьсѣхъ*, *рътѣхъ*, *сънѣхъ*, *шьвѣхъ*, *дънѣхъ*, *стьклѣхъ*, *тьлѣхъ* (последняя группа словоформ менее показательна, поскольку в ходе истории она подверглась морфологической перестройке). По-видимому, сюда же относились некоторые словоформы слова *тьща* (ср. § 2.16, 18).

При сравнении с современными восточнославянскими языками здесь обнаруживается практически такая же картина, как для энклиноменов: редуцированные почти везде пали; ср., например, *жмёт*, *трёт*, *лжёт*, *бьёт*, *льнёт*, *пхнёт*, *ткнёт*, *чхнёт* и т. п., также *злой*. В нескольких случаях в русском (по крайней мере, литературном) гласная сохранена, но в украинском отсутствует: рус. *идёт*, *имёт*, *до́хнет* (и *дохнёт*), *со́хнет*, *сосёт* — укр. *йде*, *йме*, *тхне*, *схне*, *ссе*. Заметим, что расхождение *идёт*, *имёт* — *йде*, *йме* отражает хорошо известное диалектное различие в развитии начального *jь* (никак не связанное с ударением), ср. рус. *игра́ть*, *игóлка* — укр. *гра́ти*, *гóлка* и т. п. (см. также § 2.3). В памятниках встречаются, в частности, написания *ссетъ*, *дхнетъ*, *лжихъ*, *пстра́го*, *тщу́ю*, *мнии*. Таким образом, не засвидетельствованы в варианте без гласной только *бóдрый*, *дóхлый*, *тёща*. Как и в группе энклиноменов, восстановление или сохранение гласной (обычно лишь факультативное) в рассмотренных ортотонических словоформах практически везде связано с фактором «угрозы скопления согласных». Таким образом, в данной группе, как и у энклиноменов, не находится ни одного достоверного примера «прояснения» редуцированных, обусловленного ударностью и ничем более. Главное же состоит в том, что даже если бы нашлись два-три примера, где было бы

предпочтительно акцентологическое объяснение, мы все равно никоим образом не могли бы приписать этому факту характер общей фонетической закономерности, поскольку имеются десятки надежных примеров, где при таких же исходных просодических условиях редуцированный начального слога пал.

Поскольку все известные случаи «незаконного» сохранения редуцированного в начальном слоге могут быть объяснены факторами, действующими безотносительно к ударению (угроза скопления согласных, выравнивание основы внутри парадигмы), отпадает всякая необходимость в шахматовской гипотезе о раннем аналогическом переносе ударения на первый слог в случаях типа И. мн. *stьkla*.

Сделанный здесь для восточнославянских языков вывод не может, однако, быть автоматически распространен на все вообще славянские языки. Сравнение показывает, что в классе энклиноменов ситуация, по-видимому, одинакова во всех славянских языках: автоматическое ударение никак не влияет на процесс падения редуцированных. Но с ортотоническими словоформами дело обстоит иначе. Так, по крайней мере, в некоторых южнославянских языках автономное ударение на редуцированном начального слога (в этом случае оно может быть только новоакутовым) обеспечивает его «прояснение»; ср., в частности, словенские презенсы *jáme*, *máne*, *táre*, *žánje*, *láže* (см. Дыбо 1972б, с. 71—73; ср. также Станг 1957, с. 120). Таким образом, сдвиг автономного ударения вправо в случаях типа *мьнеть*, *тьреть* является восточнославянским, но не праславянским. В настоящей работе он рассматривается как событие, предшествующее падению редуцированных; но не исключено (хотя и менее вероятно), что он происходил одновременно с падением редуцированных. Между прочим, различие между восточнославянским и южнославянским в трактовке редуцированных в **mьneti*, **tьreti* и т. п. может служить дополнительным косвенным аргументом в пользу того, что в восточнославянском не сформировалась особая новоакутовая интонация (ср. § 2.32).

З а м е ч а н и е. По своему акцентологическому эффекту с падением редуцированных отчасти сходна эволюция сочетаний «гласная+*и́*, *ý*» (относящаяся частью к древнерусской, частью к более поздней эпохе). В позиции, где *и́* (*ý*) завершало слог (по позднедревнерусскому слогоделению), в таком сочетании ударение обычно сдвигалось влево. Потерявшая ударение гласная в ряде случаев становится неслоговой, например: *стоји́* > *стои́* > *стбй*; *поји́ло* (ср. польск. *poiło*) > *пои́ло* > *пбйло*; *за у́тра* > *за́wtra* (*за́втра*). В других случаях слоговой характер *и*, *у* был сохранен (или восстановлен), например: *трбица* (ср. укр. *трійця*, с утратой слоговости), *вбина* (Р. ед.), *стрбили*, *удвбили*, *утрбили*, *клéили*; *рéута* (Р. ед.), *Рéутово*; с этой группой частично сходны также *прбигрыш*, *нáигрыш* (где *и* из *jь*). В словоформах *вбин*, *рéут*, *стрбил* и т. п. ударение выровнено по остальным словоформам парадигмы. К рассматриваемой группе, возможно, относятся также *нéук*, *нéуч*. Словоформы (довольно многочисленные), где описанного акцентного эффекта нет, например, *мои́*, *твои́*, *свои́*, *бои́*, *холуи́*, *мои́ми*, *дои́*, *пои́*, *дои́ли*, *стойте*, *бои́тесь*, в большинстве случаев объясняются аналогическим выравниванием (по образцам типа *ключи́*, *вари́ли*, *сиди́те* и т. п.); у многих из таких словоформ в говорах или в памятниках отмечено сдвинутое ударение (см., в частности, Противоп., § 22).

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ФОНЕМ /ɔ/ И /ô/

§ 3.3. Одним из результатов процесса падения и «прояснения» редуцированных было возникновение на всей (или почти на всей) восточнославянской территории противопоставленных фонем /ɔ/ («*о* открытое») и /ô/ («*о* закрытое») (о способах графической передачи этих фонем см. § 3.19).

Фонемы /ɔ/ и /ô/ возникли в основном из р.-др.-р. *ъ* (там, где этот *ъ* не выпал) и *о*, в некоторых особых случаях также из *ь* и *е*. При этом следует различать обычные р.-др.-р. *о* и *е* и «вставные» *о* и *е*, т. е. вторые гласные полногласных сочетаний *оро*, *оло*, *ере*, *ело*: как показал П. Гард (Гард 1974), «вставные» *о* и *е* в раннедревнерусском еще не отождествились с фонемами /о/ и /е/.

Общим для восточнославянских диалектных систем с двумя фонемами «типа *о*» было правило: /О/ [2], восходящее к р.-др.-р. *ъ* или *ь*, есть /ɔ/. Например, в словоформах *ротъ*, *кусокъ*, *горбъ*, *шовъ* было повсеместно представлено /ɔ/.

Диалектные различия касаются распределения /ɔ/ и /ô/, возникших из р.-др.-р. *о* и *е* (обычных или «вставных»). В настоящее время известно четыре основных принципа распределения /ɔ/ и /ô/ такого происхождения (ниже они описываются очень сжато и без примеров; подробнее см. Противоп., § 3—5).

1. «Великорусский» принцип: а) /О/ из р.-др.-р. *о* (обычного или «вставного») есть /ô/ под автономным ударением и /ɔ/ во всех прочих случаях (Якобсон 1963, с. 17—20); б) /О/ из *е* (обычного или «вставного») есть /ɔ/. Данный принцип отражен во всех великорусских говорах и памятниках, различающих /ɔ/ и /ô/ (если не считать рукописи Мерило Праведное, см. пункт 4).

2. «Украинский» (точнее, «южноукраинский») принцип: а) /О/ из р.-др.-р. обычного *о* есть /ô/ в перестроенном слоге [3] и /ɔ/ в неперестроенном; б) /О/ из «вставного» *о* есть /ɔ/; в) /О/ из *е* (обычного) распределено так же, как /О/ из обычного *о*. Данный принцип отражен в двух позднедревнерусских галицко-волынских рукописях — евангелии библиотеки МГУ № 1367 (см. Новые данные, § 1) и в тексте конца XIII—нач. XIV в., писанном киноварью на полях так наз. Венского октоиха («кодекса Ханкенштейна», см. Шевелев 1978). Далее, этот принцип отражен (с переходом /ô/ в *і* и /ɔ/ в *о*) в современном литературном украинском языке и в южноукраинских говорах.

3. «Полесский» принцип: он отличается от украинского только тем, что в безударных слогах (т. е. лишенных того единого ударения, в котором совпали прежние автономное и автоматическое ударения)

---

[2] Символ /О/ используется ниже как обобщающее обозначение для фонем /ɔ/ и /ô/.

[3] Под перестроенным понимается слог, за гласной которого прежде (т. е. в раннедревнерусском) шел слог с редуцированным, впоследствии выпавшим (подробнее см. Противоп., сноска 14).

/О/ любого происхождения есть /ɔ/. Этот принцип представлен в большинстве полесских говоров (северноукраинских и южнобелорусских).

4. «Смешанный» принцип (или «принцип Мерила»), известный в настоящее время только по позднедревнерусской рукописи Мерило Праведное (см. § 3.26). Он отличается от великорусского следующей основной особенностью: в перестроенном начальном слоге словоформы (или фонетического слова) р.-др.-р. *о* (обычное) независимо от акцентуации дает /ô/. Иначе говоря, в начальном слоге здесь одновременно действуют великорусский и украинский принципы появления /ô/. Еще одна особенность Мерила состоит в том, что во втором заударном слоге ортотонической словоформы р.-др.-р. *о* здесь дает /ô/ (эффект второстепенного ударения). О некоторых более частных особенностях см. Противоп., § 4.

Таким образом, при великорусском и смешанном принципах распределение /ɔ/ и /ô/ в определенных случаях зависит от наличия или отсутствия автономного ударения (т. е. фонологического ударения древнерусской эпохи), при полесском оно зависит от наличия или отсутствия единого ударения позднейшей эпохи; при украинском принципе оно вообще не зависит от акцентуации. Разумеется, указанные принципы определяют только главнейшие особенности распределения /ɔ/ и /ô/; в конкретных говорах и памятниках возможны разнообразные вариации в частностях (см. ниже). Важным позднейшим свойством многих диалектных систем с великорусским или полесским принципом распределения /ɔ/ и /ô/ является аканье, в силу которого в безударных слогах находим уже не [ɔ], а [а] или [ə].

§ 3.4. Памятники и говоры с великорусским принципом распределения /ɔ/ и /ô/ различаются между собой небольшими деталями этого распределения. Такие различия связаны с частными отступлениями от общего принципа, которые обусловлены позднейшими фонетическими процессами или аналогическими перестройками. Эти явления изучены пока еще недостаточно полно; но уже сейчас можно указать ряд различий такого рода, имеющих определенное диалектологическое значение. Речь идет о выборе между /ɔ/ и /ô/ в следующих морфемах (или словоформах): 1) ударный элемент *-го* в Р. ед. местоимений и прилагательных (условное обозначение этой группы примеров: *его*); 2) тот же элемент в безударной позиции (точнее, не под главным ударением, поскольку второстепенное ударение здесь, очевидно, было), например, в *на́шего*, *си́льного* (или *-аго*), *живо́го* (*-а́го*) (обозначение: *нашего*); 3) конечное ударное *-о* (в ортотонических словоформах) не в составе элемента *-го*, например, в *село̀*, *красно̀*, *зашло̀* (обозначение: *село*); 4) словоформа *тотъ*; 5) ударное *-омъ* в Д. мн. существительных; 6) *-ою* (с ударением на *о*) в Т. ед. существительных и личных местоимений (обозначение: *женою*, *мною*); 7) то же в Т. ед. прилагательных (обозначение: *злою*); 8) словоформы *плоть*, *плотью*; 9) словоформы слова *воинъ* и его производных.

Исходя из различий по этим признакам, можно предложить сле-

дующую классификацию памятников и говоров с великорусским (а также смешанным) принципом распределения /ɔ/ и /ô/.

С е в е р н ы й тип: а) памятник XIV в. со смешанным принципом распределения — Мерило Праведное (Мер.), см. выше; б) северо-западная группа — Час., Т. пс., Новг., Вас. пс., Вас. сб.; в) северо-восточная группа — Муз., говоры тотемский (Тот.; по работе: Брок 1907) и вятский (Вят.; по изданию: Сборник ОРЯС, т. 95, № 1, с. 67—75); г) ближнесеверная группа — Амф., Чет., Хр.,; менее чистый представитель этой группы — Жит. (см. о нем в § 3.26).

П е р е х о д н а я (центральная) группа: Дос., Узк. и лекинский говор к юго-востоку от Москвы (Лек.; по работе: Шахматов 1913).

Ю ж н ы й тип: а) юго-восточная группа — говоры новосёлковский под Рязанью (Нов.; по работе: Васильев) и задонский (Задон.; по работе: Тростянский); б) ближнеюжная группа — Лес., Хл.; в) юго-западная группа — Трав.

В классификацию не включены памятники, содержащие недостаточное количество различительного материала (Сенн., Лих., Ег., Прол., Пат., Егор., Пск.).

Таблица 4

Диалектные различия великорусских источников в распределении /ô/ (+) и /ɔ/ (—)

Признаки	Северный тип				Переходная группа	Южный тип		
	Мер.	сев.-зап. Час. Т. пс. Новг. Вас. пс. Вас. сб.	сев.-вост. Муз. Тот. Вят.	ближне-сев. Амф. Чет. Хр.	Дос. Узк. Лек.	юго-вост. Нов. Задон.	ближнеюжн. Лес. Хл.	юго-зап. Трав.
его	+	+	+	+	+	—	—	—
нашего	+	+	п. +	+	п. —	нет	—	—
село	+	+	+	+	+	+	—	—
тотъ	+	нет	г. +	Чет., Хр. +	г. ±	Задон. —	нет	—
Д. мн. *-омъ*	—	—	п. —	—	п. — *	нет	Лес. —* Хл. —	+
женою, мною	ударение *-ою́*	+	—	—	+	+	+*	—
злою	+	+	п. ± г. +	—	+	+	+	—
плоть	+	+	п. +	Амф., Хр. —	п. +	нет	+	+
воинъ	+	+	п. —	—	п. —	Задон. —	Хл. —	—

В табл. 4 показано, в чем конкретно состоят различия перечисленных групп источников (при составлении таблицы существенным образом использованы материалы и наблюдения Е. В. Тугай). Плюс означает /ô/, минус — /ɔ/, ± — колебание. Единичные отклонения не отражены; наличие заметной доли отклонений отмечается звездочкой. Если между источниками внутри группы есть расхождения или если материал имеется только в части источников, знак дается с указанием источника; при этом «п.» означает памятники, «г.» — говоры (данной группы).

Как можно видеть из табл. 4, противопоставление северного и южного типов основано прежде всего на первых четырех признаках.

§ 3.5. Особую проблему составляет выбор между /ɔ/ и /ô/ в ударном слоге ортотонической словоформы, у которой по тем или иным причинам место ударения отличается от раннедревнерусского. Ниже рассматриваются только системы с великорусским или смешанным принципом распределения /ɔ/ и /ô/. Непосредственно наблюдаемая картина здесь довольно сложна, поскольку в данной сфере происходили многочисленные выравнивания по аналогии и междиалектные заимствования. В отвлечении от этих вторичных эффектов основные факты могут быть объяснены с помощью следующей схемы.

1. До некоторого момента сохраняется автоматическая зависимость между ударностью (фонологической) и реализацией р.-др.-р. *о* в виде /ô/. Тем самым в этот период, если автономное ударение в словоформе почему-либо сдвигается, в слоге, принявшем на себя ударение, р.-др.-р. *о* дает /ô/. Понятно, что этот принцип соблюден, в частности, для тех древнейших сдвигов, которые произошли еще в праславянском (прежде всего для сдвига ударения влево со слабых редуцированных); отсюда /ô/ в старовеликорусских *пôпъ*, *пôпѣхъ*, *кôнныи*, *мôжеть*, *пôслеть*, *прôзвище* и т. п. Примеры словоформ, отражающих несколько более поздние сдвиги ударения: *стôи*, *пôи*, *бôися* (императивы), *трôица*; *тôлико*, *кôлико* (позднéе *тôлько*, *кôлько*); *рôсти*, *мôчи*, *волôчи* (инфинитивы); *вôлю* В. ед. (позднéе также *вôля* И. ед.), *сôсна*. По-видимому, описанная ситуация сохранялась в одних говорах дольше, в других менее долго, но в среднем примерно до конца древнерусского периода; во всяком случае в говоре Мерила она еще сохранена.

2. В более поздний период, если ударение сдвигается или заменяется, в новоударном слоге в соответствии с р.-др.-р. *о* в нормальном случае выступает уже /ɔ/. Так, например, в современных говорах, различающих /ô/ и /ɔ/, находим: *сл*/ɔ/*ман*, *нам*/ɔ/*тан*, *раск*/ɔ/*пан*, *дар*/ɔ/*ван*, *облюб*/ɔ/*ван*, *осн*/ɔ/*ван* и т. п.; И. мн. /ɔ/*кна*, /ɔ/*сы* (при наличии /ô/ было бы **вôкна*, **вôсы*), *г*/ɔ/*вна*, *с*/ɔ/*вы*; *кр*/ɔ/*мѣ*, *п*/ɔ/*слѣ*, *пр*/ɔ/*тив*. Во всех этих случаях р.-др.-р. ударение было иным; появление нового ударения относится в разных случаях к разным моментам последующей истории.

Специально отметим, что как сдвинутое трактуется также «специфически книжное» ударение (см. § 3.11), с которым может выступать ряд словоформ книжного характера. Соответственно, мы почти всегда находим /ɔ/, а не /ô/, например, в *дóбрѣ* (наречие), *духóвныи*, *лóно*, мн. *скóти*, *вóи* 'воины', где ударение «специфически книжное». Очень нагляден материал памятника Хл. («каморная» система, см. § 3.28) по слову *скотъ*: примеры с «народным» ударением — *скôтъ* И. В. ед. (4×), *скотà* 305б; примеры со «специфически книжным ударением — *скóти* И. мн. 274, 275, *скóтомъ* Д. мн. 286б, *съ скóтомъ* 293. Огласовка /ɔ/ вместо ожидаемого /ô/ могла появляться в словах книжного характера даже и там, где ударение занимает исторически законное место; например, *вождь* (*вожь*), *пóприще* часто отмечаются в памятниках с /ɔ/, а не с /ô/. Вероятно, по этой же причине мы почти всегда находим в памятниках XVI в. огласовку /ɔ/ в слове *канóнъ* (тогда как в XIV в. в Мериле оно выступает с закономерным /ô/).

Как уже указано, на описанные соотношения накладываются многочисленные выравнивания по аналогии. Например, *кóсишь*, *лóвишь* в современных говорах огласованы по аналогии с *нóсишь*, *хóдишь* и т. п.; ср. в этом отношении такие недвусмысленные случаи, как *свóришь* 'сваришь', *свóлишь* 'свалишь' или *прогóтишь* (из **глът-*). Весьма интенсивными были процессы взаимного выравнивания членных и нечленных форм; например, вместо *нóвъ*, *нóвый* находим по говорам *нóвъ* и *нôвъ*, *нóвый* и *нôвый*. В ряде случаев одна и та же огласовка в принципе может определяться разными факторами и неясно, какие из них реально действовали. Например, /ɔ/ в *пóчтеть* или в Р. ед. *вóды* может объясняться как поздним характером акцентного сдвига, так и аналогией соответственно с 1 ед. *пóчту* и с В. ед. *вóду*, И. В. мн. *вóды*. В слове *рóзга* огласовка /ɔ/, выступающая постоянно во всех источниках, может быть, определяется эффектом книжности, но не исключено также выравнивание по В. ед. *рóзгу*, И. В. мн. *рóзги*, если это слово первоначально принадлежало к а. п. *c*.

Таким образом, огласовка /ô/ или /ɔ/ может быть важным аргументом в вопросе о времени возникновения того или иного ударения, но ввиду сложности общей картины для каждого конкретного примера необходим индивидуальный анализ. Так, например, тотемское *пóгреб*, тотемское и новоселковское *сóсна* указывают на раннее возникновение этих ударений, поскольку здесь не усматривается возможных источников для аналогического выравнивания. Напротив, из *кóсишь*, *лóвишь*, приведенных выше, было бы ошибочно делать вывод, что смена ударения в исконных *косúшь*, *ловúшь* относится к древнерусскому периоду: точно так же, например, *кóни* в тотемском говоре, *б/ó/бы* в Трав., *в/ó/лы* в Дос. еще не свидетельствуют о древности таких ударений, поскольку огласовка здесь могла выравниваться по И. ед. *кôнь*, *бôбъ*, *вôлъ*.

СОВПАДЕНИЕ АВТОНОМНОГО И АВТОМАТИЧЕСКОГО УДАРЕНИЙ

§ 3.6. Утрата физического различия между автономным и автоматическим ударениями представляет собой главное собственно фонетическое событие в истории восточнославянского ударения. Оно привело к образованию единого динамического ударения — такого же, как в современных восточнославянских языках. Прежние энклиномены перестали фонетически отличаться от прежних начальноударных ортотонических словоформ (в традиционных терминах это событие описывается как падение интонационных различий; П. Гард характеризует его как «реакцентуацию», т. е. как приобретение самостоятельного ударения фонологически безударными словоформами, см. Гард 1976, § 358—359). К какому времени относится это событие, в точности неизвестно. Из общих соображений можно предполагать, во-первых, что оно происходило в разных говорах неодновременно, во-вторых, что оно в целом не слишком сильно отстояло во времени от падения редуцированных (а в каких-то говорах, возможно, происходило одновременно с ним). Так, аканье реализуется в слогах, безударных по новому, а не по древнему счету, а именно, слоги с древним автоматическим ударением образуют с точки зрения аканья такую же позицию, как слоги с автономным ударением, и не такую, как безударные. Этот факт дает серьезные основания предполагать (хотя и не доказывает прямо), что совпадение автономного и автоматического ударений произошло раньше, чем возникло аканье. Новое, а не древнее разделение слогов на ударные и безударные отражено также в полесском распределении /ɔ/ и /ô/ (§ 3.3). Между тем это распределение, по-видимому, сформировалось не позже XIV в.: об этом говорит совпадение некоторых нетривиальных деталей распределения /ɔ/ и /ô/ в полесских говорах и в Мериле Праведном (сер. XIV в.) — прежде всего /ô/ в безударных окончаниях М. ед. *-омь* и *-ои* (см. Противоп., § 29). Указанные факты не позволяют отнести совпадение двух типов ударения к слишком позднему времени. С другой стороны, против отнесения этого события (для всех говоров) к очень раннему времени говорит тот факт, что Мерило Праведное содержит косвенное свидетельство сохранения просодических различий (или каких-то их остатков) между энклиноменами и ортотоническими словоформами. В отразившемся здесь говоре автономное ударение создавало после себя (т. е. в заударной части словоформы) правильное чередование безударных и полуударных (несущих второстепенное ударение) слогов, тогда как автоматическое ударение этим свойством не обладало: у энклиноменов все слоги вели себя как безударные; см. Противоп., § 12, 19. Во всех более поздних источниках, отражающих второстепенное ударение, оно уже не ограничено классом прежних ортотонических словоформ, а в равной мере проявляется и в прежних энклиноменах.

Если в раннедревнерусском сочетания типа *на золото*, *на руку* (где *золото*, *руку* — энклиномены) получали начальное ударение

в силу чисто фонетической автоматики, то после совпадения автономного и автоматического ударений стало принципиально возможным также ударение *на зóлото*, *на рýку* (как в сочетаниях *на прáвило*, *на ры́бу* и т. п.). Ударение *нá золото*, *нá руку*, хотя оно фактически еще долго господствует, определяется в этой ситуации уже морфонологическим (т. е. традиционным) правилом. Таким образом, на месте энклиноменов в первоначальном (чисто фонетическом) смысле появляется то, что можно назвать «морфонологическими энклиноменами», т. е. начальноударные словоформы, которые обычно (но все же без полной обязательности) переносят ударение на проклитики. В разные периоды и в разных говорах реальное содержание понятия «морфонологического энклиномена» несколько различно; так, со временем сокращается список проклитик, принимающих ударение, перенос становится менее регулярным и т. д. В дальнейшем изложении уточнение «морфонологический» при слове «энклиномен» обычно опускается (это не ведет к двусмысленности, поскольку в старовеликорусском собственно фонетических энклиноменов уже не было).

ВТОРОСТЕПЕННОЕ УДАРЕНИЕ

§ 3.7. Уже в позднедревнерусских памятниках (Чуд. и Мер.) обнаруживается эффект второстепенного ударения в заударной части словоформы, т. е. некоторого просодического усиления определенных заударных слогов, в значительной мере сходного с обычным автономным ударением. Первоначально второстепенное ударение выступало только в ортотонических словоформах, но не в энклиноменах; см. выше о положении в Мериле. Таким образом, второстепенное ударение заведомо сформировалось раньше совпадения автономного и автоматического ударений; вполне возможно, что оно существовало уже в раннедревнерусском. После указанного совпадения второстепенное ударение постепенно распространяется также на прежние энклиномены.

Выбор слога или слогов, на которые падает второстепенное ударение, определяется несколькими факторами. Основной из них — ритмический: второстепенное ударение падает через слог вправо от главного, затем еще одно через слог от этого второстепенного и т. д. Примеры (слоги с второстепенным ударением выделены светлой линейкой): *ми́лостиво*, *свѣдѣ́тельствуемое*. С этим основным фактором в части систем взаимодействуют дополнительные. Таков фактор конечного слога: второстепенное ударение тяготеет к конечному слогу, хотя бы это нарушало ритмический принцип, например: *ми́лостиво*, *ми́лостивое*. Далее, таков морфологический фактор: второстепенное ударение тяготеет к определенным морфемам или, напротив, никогда не падает на определенные морфемы. В частности, во многих микросистемах на элемент *-го* в Р. ед. прилагательных регулярно падает второсте-

пенное ударение (*на́шего, пра́ведного* или *пра́веднаго, зло́го* или *зла́го*, ср. также § 3.4, п. 2); с другой стороны, например, в глагольном суффиксе *-ова-* второстепенное ударение, как правило, может падать только на *ва*, но не на *о* (*вѣ́ровати, проро́чествовати*). В микросистемах, где действует сразу несколько факторов, обычно устанавливается некоторая их иерархия, но она может быть и не вполне жесткой, и тогда при конфликте разных факторов возникают колебания, например, *ми́лостиво* и *ми́лостиво* и т. п. Ситуация такого рода представлена в Мериле и в Чуд.; см. ее разбор в Противоп., § 12—19.

В рукописях XIV—XVII вв. второстепенное ударение передается теми же знаками, что и главное, но только очень редко; систематического обозначения второстепенного ударения нет ни в одной рукописи. В силу факультативности акцентных знаков иногда в словоформе оказывается проставленным лишь второстепенное ударение при необозначенном главном. Отдельные примеры второстепенного ударения встречаются во многих старовеликорусских рукописях (в основном западных и северо-восточных); повышенным количеством таких примеров отличаются рукописи Т. пс., Лет., Хлын., Авв., Цел. Ограничимся немногими иллюстрациями: Т. пс. *пра́веде́нъ* 132, *ис ка́менѐ* 151б, *разо́брша̀го* 175, *тысоуща́ми* 3б, *іерѣѡвы́ма* 163б; Ион. *ва́рвари́нъ* ‘варвар’ 250б, *го́споде́ви* 298; Хрон. *нача́льникѹ́мъ* Д. мн. 217, *иноплеме́нникомъ* Д. мн. 218б; Жит. *не*^{до}*ста́точно́е* 303; Лет. *ты́сятцкіи* И. ед. 103, *гра́моты свои* 208, *коро́левича́* В. ед. 145б, *на колоко́лницѝ* М. ед. 341; Фер. *рѡ*^{ду}*теле́ма* 496, *вся́комоу* 816; Хлуд. *еди́нь|ственѡ* 120, *кото́рогѡ* 128, *по нашемоу* 117; Смол. *ста́рѣиши́нъ* 58, *на́шемѹ̀* 44; Трав. *вели́чество́мъ* 78, *я̀щери́цино* 45, *ѡстровы* И. мн. 477б, *молока̀ ма́кова̀* 496, *ѡгнены* 43б, 275, *на́добѣ* 454; Сол. *во́логда̀* 222, *а́ггло́мъ* Д. мн. 38б; Хлын. *на*^{с}*та́вничѣ* Зв. ед. 209б, *ни еди́номѹ же* 130б, *вы́ бо хо́щетѐ* 135, *приближа́етсѧ* 14б, *слы́шавше́й* И. ед. 148; Авв. *по пра́вила́мъ* 209б, *робе́ночёкъ* 225, *богда́новичь* 238, *на лопа́тищáхъ* 86б, *бояроня́* 200б, *милостѝвъ* 214, *ска́зыва́лъ* 229б; Цел. *ра́ди бы́стростѝ* 168б, *дубо́вагѡ* 185б, *заече́й мо́згъ* 165, *прикла́дыва́ти* 47б, *хощешѝ* 170, 173б. Приведем также несколько примеров, где место второстепенного ударения определяется фактором конечного слога (а не ритмическим): Лет. *си́мановскóи* И. ед. 221; Хлуд. *чл҃ческомоу̀* 125; Клон. *васи́льевича̀* Р. ед. 55; Авв. *бе*^{з} *и́сповѣдѝ* 220б, *бѣ́гаючѝ* 209, *заду́малися̀* 204, *совѣ́товалѝ* 227; Цел. *судорогѝ* И. мн. 189, *выгорелѡ* 89, *дѣ́иствоватѝ* 172. К этой же категории относится отмечаемое во многих рукописях второстепенное ударение в сросшихся сочетаниях *нова́города̀, нову́городу̀, в новѣ́городѣ, с новы́мъгородо́мъ, бѣло́озерѡ, бѣла́озера̀, на бѣлѣ́озерѣ*; этот эффект иногда встречается и в других подобных сочетаниях, например, Лет. *из ц҃ряграда́* 211, Авв. *до иръге́ня ѡзера̀* 216б.

АКЦЕНТНЫЕ ПЕРЕСТРОЙКИ АНАЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

§ 3.8. Уже в древнерусский период начинаются частные акцентные перестройки аналогического характера (полное их развитие приходится на более позднюю эпоху). Почти все такие перестройки представляют собой акцентное выравнивание в рамках некоторой совокупности словоформ. Различаются два основных типа таких выравниваний.

1. Выравнивание происходит в рамках морфологической парадигмы (или одной из субпарадигм) отдельного слова; оно состоит в достижении колонного ударения в данной совокупности словоформ. Важнейший частный случай такого выравнивания, актуальный уже для позднедревнерусских памятников, составляют производные имена, имевшие в праславянском ударение на редуцированном последнего слога основы (например, *čьrnь̀c-ъ, pričь̀t-ъ, služь̀b-a, ženь̀sk-ъ*), откуда разноместное ударение в позднедревнерусском: *черне́ць, че́рньца; приче́тъ, при́чта; слу́жба,* Р. мн. *служе́бъ; жене́скъ, же́ньска, -о.* Направление выравнивания здесь в принципе может быть различным, например: *черне́ць, черньцà*, но *слу́жба, слу́жебъ, же́нескъ, же́ньска.* Возможны колебания, например: *при́четъ, при́чта* наряду с *приче́тъ, причтà.*

2. Выравнивание происходит внутри совокупности слов, образованных с помощью одного и того же суффикса. Оно направлено к тому, чтобы у всех этих слов ударение располагалось относительно суффикса одинаково (например, всегда на самом этом суффиксе или всегда непосредственно после суффикса). Как легко понять, достижение этого идеала означало бы не что иное, как доминантность суффикса. В позднедревнерусский период этот идеал, по-видимому, ни для одного суффикса еще не достигается; речь идет лишь о движении в данном направлении. Практически наблюдаются: 1) частичное или даже полное акцентное уподобление производных от слов а. п. *b* производным от слов а. п. *c* (при том, что производные от слов а. п. *a* сохраняют свое ударение); 2) частичное уподобление производных от слов а. п. *a* производным от слов а. п. *b* и *c* (там, где между последними нет различия).

Первый из этих процессов (в случае его полного осуществления) в терминах маркировок означает приобретение суффиксом характеристики Min (см. § 2.7). Как отмечено в § 2.24, такое развитие в особенности характерно для суффиксов с маркировкой →. У части из них оно началось не позже, чем в позднедревнерусский период, поскольку первые примеры подобного выравнивания представлены уже в Чуд. и Мер. Так, например, в Чуд. находим *молбо́ў* 35в, *молбы* В. мн. 136в (вместо **мо́льбу*, **мо́льбы*, ожидаемых в силу маркировки → у корня *мол-*), ср. *татбы* И. мн. 9в, ѡ^{т} *тате́бъ* 153а (где ударение правильно соответствует минусовой маркировке корня *тат-*). Неисконное ударение имеют также, например, Чуд.

вдовъствѣ 108а, *своиствѡ* 142в, *-оу̑* 88б, Мер. *единьствѡ* 2б (= *единьствѡ́*). Заметим, что у тех немногих морфем, маркировка которых содержит помету Min уже на раннедревнерусском уровне (например, у окончаний местоименного склонения, см. § 2.19), данная особенность сложилась в силу таких же аналогических выравниваний, только относящихся к еще более ранней эпохе.

Второй процесс внешне выглядит как замена корневого ударения суффиксальным (или постсуффиксальным) у части производных от слов а. п. *а*. Важнейшим частным случаем здесь является так наз. т е м а т и з а ц и я ударения у глаголов, т. е. перенос ударения с корня (или производящей основы) на тематический элемент (см. § 3.73), например: *оправда́ти*, *впада́ти*, *оставля́ти*, *слабѣ́ти*, *умали́ти*, *вмѣсти́ти*, *поработи́ти* вместо исконных *опра́вдати*, *впа́дати*, *оста́вляти*, *сла́бѣти*, *ума́лити*, *вмѣ́стити*, *порабо́тити*. Некоторое число примеров тематизации содержится уже в Чуд., в частности, *оправда́ющии* И. мн. 36б, *помышля́еши же ли* 99в, *пріближа́ющеᵒ* 35в, *размѣри́лъ* 110г, *ѡ҃ставити* 93б и ряд других.

Следует учитывать, однако, что, в отличие от собственно фонетических процессов, аналогические перестройки почти никогда не бывают абсолютно последовательными. Отдельные слова из перестраивающейся группы могут сохранять старое ударение дольше прочих или даже вообще не подвергнуться перестройке: ср., например, старое ударение в *слу́жба*, *дѣ́лать*, *увели́чить* при новом ударении в *мольба́*, *оправда́ть*, *обогати́ть*.

ДЕФИНАЛИЗАЦИЯ УДАРЕНИЯ

§ 3.9. В старовеликорусских памятниках, в особенности западных, в большом числе случаев мы находим предконечное ударение там, где в раннедревнерусском ударение стояло на гласной, завершающей словоформу. Примеры: *ко́ня*, *ви́но*, *тво́ю*, *блю́ди*, *кро́мѣ* в соответствии с р.-др.-р. *коня́*, *вино́*, *твою́*, *блюди́*, *кромѣ́*. Такую замену мы будем называть д е ф и н а л и з а ц и е й ударения. Первые примеры дефинализации обнаруживаются (хотя и в незначительном количестве) уже в памятниках XIV в. Чуд. и Мер.

Природа данного явления в настоящее время еще не полностью ясна. Считать его обычным собственно фонетическим процессом нельзя из-за того, что в подавляющем большинстве памятников его эффекты ограничены лишь определенными морфологическими группами словоформ. По-видимому, мы имеем здесь дело с несколькими различными явлениями, дававшими сходные результаты, причем эти явления могли быть разновременными и часть из них носила собственно фонетический, а часть морфологический характер. Важнейшим компонентом здесь является фонетическая ретракция ударения с конечного открытого слога, происходившая в основном в западновеликорусской зоне (по-видимому, также по крайней мере на части белорусско-украинской территории). Этот процесс, однако,

не осуществился до конца, и его результаты рано стали подвергаться морфологизации и лексикализации. Если в результате данного процесса ударение попадает на **o*, оно отражается в нормальном случае в виде /э/. Соответственно, этот процесс не может быть отнесен к глубокой древности (но все же вероятно, что его начатки относятся к позднедревнерусскому периоду).

Другим компонентом является более ранняя ретракция (при которой **o* отражается в виде /ô/); она представлена, в частности, в инфинитивах, ср. *мо́чи*, *бо́сти*, *ро́сти* и т. п. Характер ее диалектного распространения недостаточно ясен; по-видимому, она не ограничивалась одной лишь западной зоной. О ее древности могут свидетельствовать также некоторые данные западнославянских языков, ср. польск. *móc*, *bóść*, *róść* (где *ó* не может объясняться просто закрытостью слога, поскольку конечные согласные глухие), далее в.-лужицк. *móc*, словацк. *môct'*, чешск. *růsti*, ст.-чешск. *bósti* (однако в.-лужицк. *bosć*, *rosć*, чешск. *moci*).

Далее, в некоторых случаях смена ударения может быть результатом морфологической перестройки. Возможно, к этой категории относятся ударения И. В. мн. сред. типа *се́ла*, *чи́сла*. Во всяком случае, диалектное распространение данного явления совершенно иное, чем у типовых случаев дефинализации (см. § 3.41); с другой стороны, на относительно поздний характер явления указывают как данные акцентуированных памятников, так и огласовка /э/ в словоформах типа *о́кна*.

Поскольку, однако, разграничить перечисленные компоненты удается далеко не всегда (к тому же в ряде случаев могло действовать несколько факторов одновременно, например, инфинитивы могли подвергаться по говорам не только ранней, но также и поздней ретракции), мы будем ниже рассматривать различные явления, объединяемые именем дефинализации, вместе.

Дополнительную трудность для анализа составляет то, что результаты дефинализации как комплекса восточнославянских процессов нередко оказываются внешне неотличимыми от ударений, заимствованных из южнославянского (ср. § 3.14). И все же, несмотря на эту трудность, в принципе необходимо различать эти два разных источника оттянутых влево ударений.

Тезис о том, что многочисленные примеры типа *ко́ня*, *ви́но* и т. п., представленные в некоторых старовеликорусских памятниках, не могут целиком объясняться южнославянским влиянием, а отражают диалектный процесс ретракции ударения с конечного открытого слога, был сформулирован В. В. Колесовым на основе анализа Патриаршего списка Никоновской летописи (Колесов 1965); в то же время он отметил, что этот процесс не реализовался полностью (в связи с резко возросшим с XV в. влиянием говоров основной части Московского государства).

Наблюдаемые в конкретной микросистеме случаи дефинализации можно разделить на две группы: 1) устойчивая дефинализация;

2) неустойчивая (факультативная) дефинализация. Понятно, впрочем, что надежно провести грань между этими двумя группами можно лишь там, где материал достаточно велик. Результаты устойчивой дефинализации с синхронической точки зрения функционируют в микросистеме совершенно так же, как словоформы с исконным предконечным ударением. Напротив, словоформы, подвергающиеся неустойчивой дефинализации, так или иначе сохраняют в микросистеме свою просодическую нетождественность обычным предконечноударным словоформам. Чаще всего различие проявляется в виде оппозиции «устойчивое — неустойчивое ударение» (например, *сла́ва*, *вѣ́рю*, но *же́на* и *женà*, *ска́жу* и *скажу́*) и/или в виде разного ударения при наличии энкли ик (например, *сла́ва же*, *вѣ́рю ти*, но *жена́ же*, *скажу́ ти*). В глагольных словоформах неустойчивая дефинализация обычно порождает характерное соотношение типа *блю́ди*, *бере́чи* (наряду с *блюдѝ*, *беречѝ*) — *блюди́ся*, *беречи́ся*.

Устойчивая дефинализация, как правило, бывает морфологизованной или лексикализованной, т. е. закрепленной за определенной морфологической группой словоформ или за определенными лексемами. Примеры морфологизованной дефинализации: ударение *-и́те*, *-е́те* в 2 мн. презенса глаголов а. п. *c* (*прости́те*, *несе́те* и т. п.), ударение *-е́на*, *-е́но*, *-е́ны* в причастиях глаголов а. п. *c* (*проще́на*, *-о*, *-ы* и т. п.), предфлексионное ударение в морфологической группе *высо́ко*, *глубо́ко*, *широ́ко*, *дале́ко*.

Неустойчивая дефинализация обычно в меньшей степени соотнесена с морфологическими группами словоформ. В идеале это эффект чисто фонетического правила, позволяющего всякое конечное ударение (на открытом слоге) факультативно реализовать как предконечное. В конкретных памятниках, однако, обычно обнаруживается некоторая неравномерность этого эффекта: в одних морфологических группах он отмечается чаще, в других реже. Таким образом, и здесь возможна определенная степень морфологизации или лексикализации.

Как показывает изучение памятников, два типа дефинализации имеют неодинаковое географическое распространение. Устойчивая дефинализация в подавляющем большинстве случаев выступает лишь в пределах западной зоны; неустойчивая дефинализация характерна для более широкой территории, охватывающей всю западную зону и дальний северо-восток (подробнее см. § 3.35 и карту 3).

Для слов а. п. *b* дефинализация порождает характерную вторичную подвижность ударения типа *же́на*, *же́ны* и т. д. — *жено́ю*, *жена́мъ*, *жена́ми*, *жена́хъ*, также *ви́но* — *вино́мъ*, *сво́я* — *свои́хъ* и т. п. В некоторых случаях в таких парадигмах наблюдается, кроме того, эффект выравнивания, который дает ударения типа *же́ною*, *ви́номъ*, *сви́хъ*. Если бы такой эффект носил массовый характер, мы вправе были бы говорить просто об общей ретракции ударения на один слог; в действительности, однако, он встречается в памятниках

с дефинализацией сравнительно редко и обычно закреплен за отдельными словами (например, *трудъ*, *постъ*, *вино*, *мои*, *твои*, *свои*).

Дефинализация может проявляться также в сочетаниях, состоящих из проклитики и односложной ортотонической словоформы, например: *нé льзя*, *вó тще*, *нá зло*, *нá все*, *зá все*, *нá дно*, *вó ртѣ*. Возникшие таким путем акцентовки не следует смешивать с рефлексами прежних энклиноменных групп.

В некоторых случаях дефинализация обнаруживает определенную зависимость от длины словоформы, а именно, проявляется в более длинной словоформе и не проявляется в более короткой. Такой тип развития был характерен для разных говоров в разной степени. Довольно широко его отражает, в частности, современный украинский язык; ср., например: *гоню́—відго́ню*; *воджу́—приво́джу*; *ношу́—перено́шу*; *чого́—до чо́го*, *нічо́го*; *коли́—нікóли*. Для русского языка характерно лишь небольшое число пар такого рода (но некоторые из них отмечаются уже со времени Чуд.): *куда́ — отку́да*, *доку́да*; *туда́ — отту́да*, *доту́да*; *сюда́ — отсю́да*, *досю́да*; *давно́ — неда́вно*, *пода́вно*. В рукописи Колм. при *далекѡ* и *далéко*, *высокѡ* и *высóко* и т. п. совершенно последовательно выступает *недалéко* (см. § 3.56).

Следует упомянуть также одно диалектное явление, отчасти сходное с дефинализацией, — перенос ударения с конечного слога многосложного фонетического слова (в частном случае словоформы) на начальный. Начатки этого явления, известного сейчас преимущественно в онежских говорах, по-видимому, отразились в некоторых акцентовках, встречающихся в рукописях северного происхождения. Значительное число таких акцентовок представлено, в частности, в записях Ричарда Джемса (см. § 3.31), например: *bálaχan* 34, *béllaina* ‘белена’ 55, *bĭcheva* 62, *bóhatïr* 16, *bórona* 37, *βórota* ‘ворота’ 46, 58, *dólogï* ‘доложи’ 56, *dólota* 12, *zólotnic* 14, *cároβan* ‘караван’ 51, *córoβai* 25, *lédenets* 42, *mógorrets* ‘могорец, магарыч’ 41, *nádewait* ‘надевать’ 69, *pópetai* ‘попытай’ 18, *préχazal* ‘приказал’ 17, *prĭnemoi* ‘принимай’ 71, *sárransha* ‘саранча’ 39, *séraφan* 7, *cérebro* 8, *tárakan* 24, *tchérnaslive* 13 (при том, что в этих же записях многократно отразилась также и обычная дефинализация, например; *né βrï* ‘не ври’ 21, *zaswéati* ‘засвети’ 21, *ne osδ́di* 43, *podĭ́mi* ‘подыми’ 15, *rosbδ́di* 71, *sβéasda* ‘звезда’ 9, *skóba* 13, *skorlδ́pa* 57, *smóla* 13, *swéatkï* ‘цветки’ 11).

§ 3.10. Чтобы дать более наглядное представление о дефинализации, рассмотрим в качестве примеров два памятника, где это явление выражено очень ярко: западный памятник Пат. и северо-восточный Цел.

В Пат. словоформы с первоначальным ударением на конечной гласной представлены так. Подавляющее их большинство оставлено без знака ударения. Там, где знак ударения есть, он обычно стоит на предконечном слоге, например: *врáга*, *-оу*, *врáчя* Р. ед., *грѣ́хоу*, *-ы*, *ло́вци*, *в монасты́ри*, *о́гня*, *-ю*, *-и*, *о́цоу*, *пе́троу*, *пѣ́ска*, *по́стоу*,

поу́ти Р. ед., *-ю* Д. ед., *соу́да*, *стоу́да*, *троу́да*, *-оу*, *-ы*, *ча́сы*; *ви́но*, *-а*, *ли́це*, *сре́бро*, *чи́сло*, *-а*, *оу́сты*; *ви́на*, *-оу* (жен.), *гла́ва*, *-ы*, *же́на*, *-оу*, *-ы* И. В. мн., *стра́на*, *-ы*; *роу́ка*; словоформы Р. ед. *во́ды*, *го́ры*, *зи́мы*, *смо́лы*; *две́ри* И. В. мн.; *бѣ́ла* В. ед., *до́бра* В. ед., *зѣ́ло*, *пе́стры*, *че́рны*; *кра́сно*, *-оу*, *-ы*; *глоубо́ко*, *дале́че*; *са́ма* И. ед., *на́га* И. ед.; *к не́моу*, *к се́моу*; *възмо́гоу* (и *възмо́гоу*), *и́доу*, *лю́блю*, *ска́жоу*; *да́си*, *вѣ́си*; *е́смы*, *е́сте*; индикативы *мни́те*, *положи́те*; *слоу́жа*, *соу́дя*; аористы *вло́жи*, *за́бы*, *пре́ста*, *ре́че*; *взя́ти*, *и́ти*, *ре́щи*, *че́сти*; *бы́ла*; *положе́но*, *-а*, *прочте́но*, *-ы*, *створе́но* и т. п.; *кро́мѣ*; *и́бо*. Конечное ударение относительно последовательно показано в союзе *илѝ*, наречиях на *-гда* (*егдѝ*, *когдѝ*, *тогдѝ*, *всегдѝ* и др.) и *почтѐ*, в Р. ед. на *-го* (*егѐ*, *оу негѐ*, ѡ^{т} *негѐ*, *сегѐ*, *твоегѐ*, *своегѐ* и др.). В этой группе, напротив, почти нет предконечного ударения (встретились лишь *то́гдѝ* 572а, *все́гдѝ* 612а, *се́|гѐ* 628в, *то́гѐ* 595в и некоторые др.). Прочие примеры конечного ударения (при отсутствии энклитики) единичны: *оустѝ* 574а, 619г, *на землѝ* М. ед. 621в (ср. также *на землю́* 583б, 586в), *зѣ́лѐ* (4×), *зѣ́лѐ* 600а, *зѣ́лѐ* (3×), *селѐ* 566в (ср. также *гоустѡ̀* 589в), *идѝ* (4×), ѡ^{т}*толѝ* 617б, *занелѝ* 597г и нек. др.

При наличии энклитики первоначальное конечное ударение словоформы в Пат. часто сохраняется. Такое сохранение является нормой по крайней мере в следующих группах: существительные — отмечены *жена́ же*, *жена́ бо*, *женоу́ же*, *жены́ же* И. мн., *молва́ бѡ*, *вода́ же*, *теслы́ же*, *словеса́ же*; местоимения — *она́ же*, *они́ же*, *томоу́ же*, *к семоу́ же* и др. (особо отметим *ими́ же* Т. мн. 589б, 594б, 649б); 1 ед. презенса — *люблю́ тя*, *молю́ тя*, *молю́ же*; императив — *блюди́ же*, *коупи́ ми*, *моли́ся*, ѡ^{м}*поусти́ мя*, *прости́ мя* и др.; аорист — *показа́ ми*, *поклони́ся*, *посла́ мя*, *роди́ся*, *яви́ ми ся* и др.; инфинитивы — *възнести́ся*, ѡ^{т}*реши́ся*. Прочие примеры единичны: *наспѣ́ди бо поу́ти* 589б, *добро́ же* 643, *третиа́ же* И. ед. 640в. Таким образом, по крайней мере для указанных групп мы имеем дело в данной микросистеме с неустойчивой дефинализацией, ср. такие соотношения, как *же́на — жена́ бо*, *к се́моу — к семоу́ же*, *лю́блю — люблю́ тя*, *и́ди* (наряду с *идѝ*) — *блюди́ же*, *пре́ста — посла́ мя*, *ре́щи* — ѡ^{т}*реши́ся*. С другой стороны, в Пат. имеются также и группы словоформ с устойчивой дефинализацией, в частности, презенс с *-и́те*, причастия на *-е́на*, *-е́но*, *-е́ны*; ср., например, *аще не ѡбрати́тесѧ* 606г (впрочем, собственный материал Пат. здесь невелик; данный вывод опирается в значительной мере на показания географически близких к Пат. микросистем).

Отметим еще следующую особенность Пат.: в словоформах с исконным неконечным ударением (*бра́та*, *сла́ва*, *ма́ло*, *слы́ши* и т. п.) писец, как правило, выставляет знак ударения; между тем в словоформах типа *соуда*, *жена*, *люблю* и т. п. он выставляет его лишь в незначительном меньшинстве случаев. В этом статистическом различии естественно усматривать свидетельство того, что в говоре

писца словоформы типа *соуда* не были просодически тождественны словоформам типа *брáта*.

Бесспорных южнославянизмов в акцентуации Пат. практически нет; довольно редки также примеры обобщения сдвинутого ударения (типа *поýтемъ* Т. ед. 587в, 600а, *доýшею* 591а).

Перейдем к памятнику Цел. Для него характерна прежде всего неустойчивая дефинализация (тогда как случаев устойчивой дефинализации здесь совсем мало). Основная сфера неустойчивой дефинализации — существительные а. п. *b*. Здесь мы находим, в частности: *глúсты* (5×), *глúсты* 23б, *дегóтку* Р. ед. 114б, *по живóтȕ* 36б, *золотнúка*, *-и* (5×), *квáсцы* (6×), *квáсцы* 44б, 98, *ис кóла* 247 (от *колъ*), *с кóнѧ* 29, *на плáтки* 124, 124б (от *платокъ*), *пузы́ри* 56, *в пýти* М. ед. 274б, *о пýти* (5×), *о пýтѝ* 276б, *скóту* Д. ед. 20б, 52б, *и*^{з} *смолнúку* 95б, *на сýдѣ* 275, *с ýжа* 201б (от *ужь*), *по*^{ч}*чáса* 11; *вúно* (10×), *-а* (6×), *-ѣ* (11×), *и*^{з} *гнéзда* 245, *лúце*, *-а*, *-ѣ* (12×), *лúцѐ* В. ед. 57б, М. ед. 24, *в нýтро* 43б, *в тéпле* 262б; *змúя*, *-ю* (жен.; 3×), *змúя* И. ед. 25б, *лебѣ́ды* Р. ед. 260 (*ѣ* вместо *е*), *в мýку* ‘in farinam’ 124б, *свúн'я* 81б, *свúн'и* Р. ед. 183б, *сулéмы* Р. ед. 118б, *трáва* 72б, *-ы* Р. ед. (6×), *-у* 84б, 175б, *трáвы* Р. ед. 48, *ýха* ‘бульон’ 151, 204, *в ýхе* 151, *цѣ́лба* 270б и ряд других (не говоря уже о многочисленных случаях, где наосновное ударение в принципе может быть и архаизмом, например, *в гóршкѣ*, *на кóнце*, *бѣ́лмо*, *молóчко* и т. п.). Для тех же самых слов, как правило, отмечается (причем существенно чаще) также и конечное ударение, например: *глистȕ*, *животà*, *золотникà*, *квасцȕ*, *колà*, *конѭ*, *в путѝ*, *о путѝ*, *скотȕ*, *ужѝ*, *часà*, *винà*, *-ѣ* ‘vinum’, *и*^{з} *гнездà*, *лицѐ*, *-à*, *-ȕ*, *-ѣ*, *из нутрà*, *в теплѣ*, *змея́*, *лебедà*, *мукà*, *-ѝ*, *-ѣ*, *-ȕ*, *травà*, *-ы*, *-ȕ*, *в ухѣ*, также *в горшкѣ*, *бѣлмò*, *молочкò* и др. Отсутствие некоторых акцентовок (например, **свиньѧ*) в принципе может отражать более устойчивую дефинализацию, но, конечно, может быть и случайным. Разумеется, в Цел. есть и такие существительные а. п. *b*, для которых отмечено только конечное ударение (например, *быкà*, *врачà*, *грѣхà*, *дворà*, *по дворȕ*, *клопы*, *кнутà*, *ножà*, *прыщѝ*, *сапогѝ*, *соколà*, *угрѝ*, *молокò*, *перò*, *по писмȕ*, *сукнò*, *яицò*, *лунà*, *свѣчю́*, *трубȕ* и др.); показательно, однако, что почти все они встречаются в Цел. сравнительно редко, поэтому едва ли следует предполагать, что их ударение было более устойчивым, чем у прочих слов а. п. *b*.

Далее, дефинализация широко представлена в Цел. в императивах и в части инфинитивов. Императивы: *соблю́ди*, *сва́ри*, *завя́жи*, *де́ржи*, *издро́би*, *разóжги*, *сóжги*, *кла́ди*, *ле́жи*, *влóжи*, *испе́ки*, *пу́сти*, *поте́рпи*, *истóлки*, *истóпи*, *твóри*, *не хóди*, *процѣ́ди* и др. (также *полóжъ*, *прилóжъ*) — всего около 50 раз; но все же существенно чаще встречается конечное ударение (*сварѝ*, *приложѝ*, *не ходѝ* и т. д.). Инфинитивы на *-чи*: *сжéчи*, *ужéчи*, *истóлчи*, *стóлчи*, также

по^{d}же́чь, *испе́чъ*, *стере́чь*, *исто́лчь* и др. (всего 25×) при несколько более частых *берегчи́*, *жечи́*, *мочи́*, *истолчи́* и т. п. (всего 38×; см. § 3.71). В обеих группах при наличии *-ся* сохраняется старое ударение: только *берегти́ся*, *беречи́ся* и т. п. В инфинитивах типа *нести* дефинализация представлена заметно слабее: *розве́сти*, *скре́сти*, *блю́сти́* (всего 5×) при обычном конечном ударении (19×); ср., с другой стороны, практически устойчивую дефинализацию в инфинитивах типа *взяти* (только *взя́ти́* 89, *взя́ти́* 35, 51 на фоне господствующих *взя́ти*, *поня́ти*, *поча́ти* и т. д.). Отметим, что эти три группы инфинитивов (*взяти*, *беречи*, *нести*) отчетливо демонстрируют зависимость степени дефинализации от морфологической группы.

Из прочих примеров дефинализации в Цел. укажем: *зи́ма* 18б bis, 31 bis (ср. *зима́* 161б, *в зимѣ* 198), *и^{з} голо́вы* 66б, *и^{з}... голо́вы* 51б, *в чере́пу* М. ед. 41б, *на лоша́ди* М. ед. 159б, *тѣле́си* Р. ед. 19б, *лю́дми* 16б, 286б, *с лю́дми* 274б, *с лю́дми́* 275б; *по деве́ти* 95б, *до се́дми* 19б, *о се́дми* 5 bis, 11; *жа́рка* 269 bis, *не ско́ра* (3×), *ско́ра́* 285, *тя́жка* 221, *же́лта* 261, *высо́ка* 239, *до́бра́* 43б, *неда́вно* 265б, *неда́вно́* 221, *горя́че* 82, *-ю* В. ед. 16, *кра́сны* 9б, *че́рны* 8б, *бѣ́ла же* Р. ед. 52, *хи́тра* Р. ед. 256, *поро́вну* 59, 71; *в о́дно мѣ́сто* 35, *сво́е* 120, *-я* 224б, *сво́ю* 228, *сво́й* В. мн. 235б, *тво́я* 275, *тво́я́* 285б; *то́е* Р. ед. (5×), В. ед. 28, *то́я* Р. ед. 17, *с не́е* Р. ед. 83б, *у не́е* 205б, *в не́е* 119б, *на нѣ́е* 265б, *все́е* Р. ед. 54б, *с то́го* 22, *одно́во* 129б, *се́мѹ́* 20, *по все́мѹ́* 21б; *при́шла* 144б, *бы́ла* 91, 116б, *жи́ла* 243, *да́на* 4б. Сюда же *по́слѣ* 218, 288б, *по́сле* 178, *опо́сле* (5×), *сквозѣ* (3×), *сквозе* 215 (ср. *кромѣ* 137, *подлѣ* 155б, *опослѣ* 67, *сквозѣ* 171б, 217), также *до́брѣ* (8×), *до́брѣ* 37, 40б (ср. *добрѣ* [11×]), *не ѡдно́ва* нареч. 46, *поодно́ва* нареч. 143.

Отдельно отметим *на́ дно* 51, *во́ ртѣ* (5×: 22б и др.), *изо́ рта* (4×: 78б и др.), *на́ тше ср^{d}це* 181б, 187, *на́ тще ср^{d}це* 203 (+227б, 248) (ср. *на днѣ* 'in fundo' 252б, *вѡ ртѣ* 23, *во рту́* 234б, *изо рта́* 78, *ко лбу́* 37, *во снѣ* 24, 237б, *на дще ср^{d}це* 227б).

В Цел. иногда встречаются также случаи обобщения сдвинутого ударения: *сто́лповъ* 5, *с ви́номъ* 63, 100 (+52б), *з же́ною* 15, *ли́тво́ю* 6б, *ста́тья^{x}* 107б, также *бѣ́локъ* (муж.) 46б, *же́лтокъ* 110б, *гни́лецъ* 261б и другие; *сво́-его* 7, *-ея* 202, *-еи* 11 (+115), *-емъ* 66б, *-имъ* Т. ед. 150, Д. мн. 20б, *-ими* 163б, *тво́емъ* 287б (при более обычном флексионном ударении во всех этих случаях).

НАРОДНАЯ И КНИЖНАЯ АКЦЕНТОВКА

§ 3.11. Важнейший общий вопрос, возникающий при изучении старовеликорусской акцентуации, состоит в том, каковы были акцентные различия между двумя языковыми системами, существо-

вавшими в средневековой Руси, — собственно русской (народной) и церковнославянской (книжной).

Наблюдения над памятниками позволяют заключить, что в книжном (т. е. литературном) произношении Московской Руси XVI—XVII вв. акцентуация словоформ в большинстве случаев определялась следующим основным принципом: 1) словоформы, существующие (с тем же фонемным составом) также и в живой разговорной речи, имели в книжном произношении то же ударение, что и в разговорном; 2) словоформы, представленные (вообще или, по крайней мере, в варианте с данным фонемным составом) только в книжном языке, имели «специфически книжное» ударение — как правило, предфлексионное.

Поскольку в живом русском языке имелись диалектные акцентные различия, словоформы первого класса также и в книжном произношении акцентуировались по-разному в разных районах, например: *в до́му*, *стои́те*, *проще́но* во Пскове, но *в дому̀*, *стоитѐ*, *прощено̀* в Рязани. Это обстоятельство очень важно для лингвиста: оно позволяет извлекать сведения по диалектологии акцентных явлений даже из памятников со строжайше выдержанным книжным языком, например, из канонических церковных текстов (ср. Станг 1957, с. 180, замеч. 8). Напротив, словоформы второго класса обычно имеют единое ударение на всей русской территории, например: *вѣ́мы*, *вѣ́сте*, *стои́вѣ*, *стои́та*, *прия́лъ*, *-а*, *-и*, *прия́тъ*, *-а*, *-ы*, *избра́нныи*, *избра́нъ*, *-а*, *-ы*; для диалектологии эти словоформы не имеют значения.

Соответственно, для старовеликорусского нехарактерно, чтобы одна и та же словоформа в одном и том же фонемном составе имела в светском памятнике одно ударение, а в церковном памятнике того же места и времени — другое. Это видно, например, из сравнения Улож. и Матф., напечатанных в одном и том же 1649 г. на московском Печатном дворе. Статистические акцентные характеристики этих двух памятников в ряде пунктов различны, но это различие почти целиком возникает за счет мощного пласта книжной лексики (или книжных вариантов словоформ), содержащегося в Матф. и отсутствующего в Улож.

Контраст между народной и «специфически книжной» акцентовкой особенно заметен в памятниках восточной зоны (акцентологически более архаичной). Здесь мы нередко в одном и том же памятнике встречаем, например, *при́нялъ* и *прия́лъ*, *приняла̀* и *прия́ла*, *принятѝ* (инф.) и *прия́ти*, *воитѝ* и *вни́ти*, *говорено̀* и *рече́но*, през. *молчитѐ* (мн.) и *молчи́та* (дв.) и т. п. В западной зоне этот контраст не столь велик (а в предельных случаях почти совсем исчезает), поскольку здесь и живая разговорная речь в большинстве морфологических категорий обнаруживает тенденцию к предфлексионному ударению (*приня́лъ*, *-а*, *говоре́но*, *молчи́те* и т. п.).

§ 3.12. В качестве развернутой иллюстрации действия сформулированного выше основного принципа рассмотрим акцентовку

словоформ *даси*, *ѣси* (*яси*), *вѣси* (и соответствующих приставочных) в старовеликорусских памятниках.

У словоформ *даси*, *ѣси* (*яси*) старое ударение на *-си* представлено, если не считать памятника XIV в. Чуд., в двух ареалах.

1. Основной ареал — памятники вологодские, белозерские, онежские, часть новгородских и часть беломорских. Приводим материал (без словоформы *снѣси*, о которой см. ниже отдельно): Час. *подасѝ* 356; Т. пс. *въздасѝ* 136б; Сенн. *предасѝ* 205г (наряду с *да́си* 168б, *възда́си* 25а, 26а); Муз. *дасѝ* 204, *воздаси́ же* 22, *да ясѝ* 161б; Новг. *дасѝ* 97б, *даси́* 51б, *въздасѝ* 110б, 231б, *-и́* 220; Ион. *дасѝ* 38, 270б, 405б, *не даси́* 453, *подаси́* 216, *-и́* 481, *предасѝ* 514, *продасѝ* 404 (+427б); Корн. *даси́* 187, *подасѝ* 398, 441б; Лук. *дасѝ* 16г, *въздасѝ* 96а, *воздасѝ* 263в, *предасѝ* 267в, *ясѝ* 74а, 150а, 165а; Карг. *дасѝ* 24б, *-и́* 509б, *не асѝ* 523; Клон. *дасѝ* 76б (наряду с *пода́си* 12); Печ. *не дасѝ* 16б, 506, *воздасѝ* 137 (+483), *да подасѝ мѝ* 308б. *ясѝ* 114б (наряду с *да мѝ да́си* 246, *я́си* 114б), Цел. *ясѝ* 267.

2. Дополнительный ареал, охватывающий часть памятников центра: Биб. *дасѝ* (часто), *вдасѝ* 45б, 121б, *въдасѝ* 121б, *ѡ҃дасѝ* 83б и др., *да не предасѝ* 122б, 406б, *ясѝ* (часто), *изъясѝ* 113б и др.; Дос. *дасѝ* 11б; еще в нескольких памятниках старое ударение встретилось лишь наряду с корневым (обычно преобладающим); таковы *дасѝ* Тар. 25, Библ. 609 и др., Цв. 126б, *не дасѝ* Ап. 25б, *не подасѝ* Пер. 19б.

Во всех остальных памятниках, где эти словоформы вообще отмечены, они имеют корневое ударение. Таковы северо-западные памятники Лих., Ег., Пр., Пат., Егор., Пск., ближнезападные Дан., Лет., Фер., Рж., Сел., центральные и южные Амф., Матф., М. пс., Дом., Ряз., северо-восточные Увар., Яр., Костр., Сол., Хлын.

Словоформа *снѣси*, за исключением Корн. *снѣсѝ* 228, Новг. *снѣ́сѝ* 218б, выступает всегда в виде *снѣ́си*.

У словоформы *вѣси* (и приставочных) старое ударение на *-си* представлено, помимо Чуд., в Час., Сенн., Лих., Муз., Новг., Ион., Корн., Стар.; единичные примеры (обычно на фоне корневого ударения) отмечены также в Прол., Тар., М. пс., Печ. Во всех прочих памятниках выступает только *вѣ́си*. Таким образом, ударение *вѣсѝ* представлено существенно у́же, чем *дасѝ*, *ясѝ*; в частности, в Карг., Лук., Биб. мы находим комбинацию *дасѝ*, *ясѝ* — *вѣ́си* (близкая картина также в Печ.), в Клон., Ап., Цв., Пер. комбинацию *дасѝ* // *да́си* — *вѣ́си*.

В настоящее время словоформы *даси́*, *йеси́* ‘ешь’ отмечаются в межзональной группе северного наречия (онежские, лачские, белозерские говоры) и в западной группе южного наречия (Диал. член., с. 117, 123). В начале XX в. по данным МДК они засвидетельствованы также в ряде точек бывшей Вологодской губернии. Словоформа *вѣси* в современных говорах отсутствует. Основной ареал, где в XVI—XVII вв. господствует акцентовка *дасѝ*, *ѣсѝ*, практи-

чески совпадает, таким образом, с ареалом распространения словоформ *дасѝ*, *йесѝ* в XX в.

Приведенные факты могут быть интерпретированы следующим образом. В XVI—XVII вв. словоформы *дасѝ*, *ѣсѝ* сохранялись в значительной части северных говоров, а также в некоторых говорах центра и юго-запада; но в большинстве великорусских говоров они уже были вытеснены более новыми *дашь*, *ѣшь*. Книжники тех районов, где сохранялись *дасѝ*, *ѣсѝ*, использовали для этих словоформ такое же ударение и в своей книжной речи (и, соответственно, выставляли его на письме). Напротив, для носителей говоров, где победили *дашь*, *ѣшь*, словоформы *даси*, *яси* были чисто книжными и потому акцентуировались по-книжному: *да́си*, *я́си*. Например, в Дом. находим *дашъ* 68, *не дода́шь* 68, *прода́шь* 78б и т. п. в тексте о домашнем хозяйстве, но *да́си* 122 в моральном наставлении. Возможно, впрочем, что в каких-то говорах с развитой дефинализацией (т. е. западных или дальнесеверо-восточных) могли существовать варианты *да́си*, *ѣ́си* (в современных говорах отсутствующие); но в основной части восточной зоны таких вариантов явно не было. Соответственно, ударение *да́си* в таких памятниках, как, например, Увар., Ряз., Яр., Костр., Матф., объясняется только книжностью.

Комбинация *дасѝ*, *ясѝ* — *вѣ́си* (см. выше) прозрачным образом связана с наличием в соответствующем говоре первых двух словоформ и отсутствием третьей. Точно так же почти повсеместное ударение *снѣ́си* объясняется отсутствием этой словоформы в говорах: ей соответствовало народное *съѣси* или *съѣшь*.

§ 3.13. Сформулированный выше (в § 3.11) основной принцип не имел, однако, непреложного характера. Частные отступления от него встречаются в первую очередь там, где он вступает в противоречие с тенденцией к колонному ударению в парадигме (или субпарадигме). Например, книжная словоформа *скоти* может иметь как «специфически книжное» ударение *ско́ти*, так и ударение *скотѝ*, колонное со словоформами *скота́*, *-у̀*, *-ы̀* и т. д. Изредка встречаются и некоторые другие случаи, когда книжная словоформа оказывается втянутой в сферу действия акцентных механизмов живого говора (например, *и́збранъ*, *избрана́*).

В некоторых особых случаях может возникнуть даже противоположное обычному соотношение книжной и народной акцентовок. Это возможно прежде всего в тех немногочисленных точках системы, где даже в восточной зоне народное ударение — исторически новое (сдвинутое влево). В этих случаях принцип оппозиции народного и книжного ударения, если он вообще реализуется, может выразиться только в том, что книжные словоформы сохраняют конечное (т. е. архаичное) ударение. Описанной схеме соответствует, в частности, соотношение между народными *мочь*, *бере́чь* и т. п. и книжными *мощѝ*, *брещѝ* (ср. § 3.71), между народными И. В. мн. *я́ица*, *поло́тна*, *о́кна* и т. п. и книжными *чресла́*, *лица́* (ср. § 3.41). Далее,

в части микросистем сходная акцентная поляризация наблюдается в некоторых парах типа *голова* — *глава*: при русской огласовке выступает исконная акцентовка по а. п. *c* (*гóлову*, И. В. мн. *гóловы*, *бóроду*, *-ы*, *стóрону*, *-ы*, *скóвороду*, *-ы*), при церковнославянской — по а. п. *b* (*главу̀*, И. В. мн. *главы̀*, *браду̀*, *-ы̀*, *страну̀*, *-ы̀*, *сковраду̀*, *-ы̀*). В И. В. мн. *ja*-feminina такое же акцентное противопоставление, отмечаемое в ряде микросистем, базируется всего лишь на различии между народным окончанием *-и* и книжным *-я*; ср., в частности: Чуд. *бвци* И. мн. 84в — *овцà* И. мн. (6×), В. мн. (4×); Дан. *бвци* В. мн. 174 — *овцà* В. мн. 174; Иск. ѡвцы И. мн. 201 (при ѡвца В. мн. 262) — ѡвцà И. мн. (10×); Лет. *зáри* И. мн. 198 — *зарѧ̀* В. мн. 422, *лóѧи* В. мн. (4×) — *лѡѧ̀* В. мн. 74, *на* ѡвцá В. мн. 226 (ср. *зá* ѡвцу 3); Пер. *дшѧ̀* И. мн. 191 (ср. *дýшу* 114); Сол. *душà* В. мн. 59б (ср. *дýшу* 60); сюда же Хр. *в бронí* В. мн. 761 — *бронѧ̀* В. мн. 761.

Необходимо учитывать также, что такой внешний признак, как неполногласие, сам по себе еще не обязательно означает книжный характер словоформы: многие словоформы с неполногласием (например, *власть*, *сладкии*, *предати*) уже прочно вошли в живой старовеликорусский язык и, соответственно, обычно не обнаруживают акцентных признаков книжности. Таким образом, граница между тем, что воспринималось и что не воспринималось как специфически книжное, проходила не в точном соответствии с этимологией и, конечно, в небольших деталях варьировала в зависимости от культурного центра и от периода.

Перечислим наиболее важные категории словоформ, где в XVI—XVII вв. всегда или почти всегда выступает «специфически книжное» предфлексионное ударение.

1. У глаголов а. п. *c* — все отсутствующие в народном языке этой эпохи грамматические формы, где в данной а. п. в раннедревнерусском было конечное ударение. Таково двойственное число презенса (например, *несéвѣ*, *несéта*, *молчúвѣ*, *молчúта*), причастия и деепричастия с *-ущ-*, *-ящ-* (например, *несýще*, *-и*, *-а*, *молчáще*, *-и*, *-а* и т. д.); предфлексионное ударение выступает здесь, в частности, и в тех микросистемах, где некнижные формы имеют конечное ударение (типа *несетѐ*, *молчитѐ*, *несучú*, *говорячú* и т. п.). Примеры древних ударений типа *несевѣ̀*, *несетà* в XVI—XVII вв. совершенно единичны. «Специфически книжное» предфлексионное ударение имеют также нечленные формы *n-* и *en*-причастий (в т. ч. адъективированных) в книжном варианте — с двойным *нн* (например, *предáнно*, *избрáнна*, *речéнно*, *отрѣшéнны*); при этом варианты с одним *н*, соответствующие живой речи, в тех же микросистемах могут иметь иное ударение (*преданò* или *прéдано*, *рѣшенò* и т. п.).

Замечание. Предфлексионное ударение представлено также в аористе (кроме 2—3 ед.) и имперфекте (*несóхъ*, *несóша*, *неся̀ше*, *неся̀ху* и т. д.), но здесь оно установилось уже в более раннюю эпоху (см. § 2.20). Что касается формы 2—3 ед. аориста, то она обычно имеет ударение, колонное с остальными формами

аориста, т. е. в данном случае конечное (*несѐ*, *простѝ* и т. п., ср. *несо́хъ*, *несо́ша*, *прости́хъ*, *прости́ша*). Лишь в некоторых памятниках выступает (факультативно или последовательно) словоформа *ре́че*; прочие примеры подобного ударения (*не́се*, *про́сти* и т. п.) встречаются только в западных памятниках и потому скорее должны объясняться как результаты дефинализации (а не как эффекты книжности).

2. Атематические словоформы презенса *вѣ́мы*, *вѣ́сте*, *да́мы*, *да́сте*, *я́мы*, *я́сте* (*ѣ́мы*, *ѣ́сте*). При этом словоформы *есмѐ* (*есмя́*), *естѐ*, сохранявшиеся в живой речи, в тех же микросистемах почти всегда представлены с конечным ударением (такое ударение обычно также для словоформы *есмы́*). Относительно словоформ *вѣ́си*, *даси*, *яси* (*ѣ́си*) см. § 3.12.

3. Словоформы системы инфинитива глаголов на *-яти* ‘взять’ с [j] после приставки (т. е. *заяти*, *наяти*, *пояти*, *прияти*, *объяти*, *изъяти* и т. д.), например: *прия́ти*, *прия́лъ*, *-а*, *-о*, *-и*, *прия́тъ*, *-а*, *-о*, *-ы*. При этом в тех же микросистемах могут быть представлены, например, *принятѝ*, *при́нялъ*, *приняла́*, *при́няло*, *-и*, *при́нятъ*, *принята́*, *при́нято*, *-ы*.

Далее, имеются группы словоформ, где «специфически книжное» предфлексионное ударение реализуется не столь последовательно (главным образом, из-за конфликта с принципом колонности, ср. выше).

4. И. мн. (и аналогический В. мн.) на *-и* [4] у существительных мужского рода с твердой основой (преимущественно непроизводных). Эти книжные словоформы во многих памятниках факультативно или даже последовательно представлены как *вра́зи*, *сапо́зи*, *во́лсви*, *ско́ти*, *сто́лпи*, *бо́рли* и т. п. (особенно заметен этот эффект в словоформах с книжными *ц*, *з*, *с* на месте *к*, *г*, *х*). При этом в тех же памятниках словоформы, представленные также и в живой речи, обычно выступают с флексионным ударением; особенно показателен здесь В. мн. (и аналогический И. мн.) на *-ы* (или *-и* после *к*, *г*, *х*), например: *врагы́* (*врагѝ*), *сапогы́* (*сапогѝ*), *скоты́*, *орлы́* и т. д.[5] Как известно, в XVI—XVII вв. в живом языке прежние словоформы И. мн. на *-и* от твердых основ в большинстве случаев уже просто исчезли, а немногочисленные реликты (*сусѣди*, *черти*, *холопи*, *комари* и др.) были переосмыслены как словоформы с мягкой основой, откуда косвенные падежи мн. числа типа *сусѣдеи*, *сусѣдемъ* (*сусѣдямъ*) и т. д. Примеры подобного переосмысления отмечены и в книжном

---

[4] Сюда не относится, однако, вторичное *-и*, получившееся из *-ы* после *к*, *г*, *х* (эта оговорка действительна также для двух последующих пунктов).

[5] Было бы неверно, однако, усматривать здесь акцентное выражение противопоставления И. и В. падежей. В действительности здесь существенно только окончание: *-и* или *-ы* (у основ на *к*, *г*, *х* — соответственно исход на *-ци*, *-зи*, *-си* или на *-ки*, *-ги*, *-хи*). В силу смешения старых форм И. мн. и В. мн., которое в XVI—XVII вв. уже широко представлено даже в церковных текстах, словоформы типа *скоты́*, *сапогѝ*, *врагѝ* часто встречаются в функции именительного падежа, а словоформы типа *ско́ти*, *сапо́зи* вполне могут встретиться в функции винительного (ср. § 3.42).

языке; например, при И. мн. *волсви* встречаются Д. мн. *волсвемъ*, Т. мн. *волсвми* (с характерным обобщением *с* в корне). С акцентологической точки зрения, подобное переосмысление, по-видимому, тоже способствовало наосновному ударению в И. мн., поскольку у непроизводных мягких основ в этой форме господствовало именно такое ударение (чаще всего в рамках подвижного акцентного типа: *лю́ди—людéи*, *дѣ́ти—дѣтéи*, *звѣ́ри—звѣрéи*, *гу́си—гусéи* и т. п.); ср. в особенности современное *ко́ни*, *конéй* на месте старого *конѝ*, *конь* (*конéи*).

5. Нечленные формы прилагательных и страдательных причастий, носящие исключительно или преимущественно книжный характер. Таковы в XVI—XVII вв. практически все нечленные формы, кроме форм И. падежа ед. числа и И. мн. на *-ы*, выступающих в предикативной функции (подробнее см. § 3.51). К числу книжных форм этой группы следует присоединить также наречия на *-ѣ́*. В памятниках часто встречаются, например, ударения *ме́ртва* Р. ед., *ме́ртву* Д. ед., В. ед., *ме́ртви* И. мн., аналогично *прощена́*, *-у*, *-и*, *принесена́*, *-у*, *-и* и т. п., также наречия *до́брѣ́*, *тéплѣ́*, *высо́цѣ́* и др., при том, что в живых формах сохраняется флексионное ударение: *мертвà* И. ед., *-ò*, *-ы́*, *прощенà*, *-ò*, *-ы́*, *принесенà*, *-ò*, *-ы́*, *добрà*, *-ò*, *-ы́*, *теплà*, *-ò*, *-ы́*, *высокà*, *-ò*, *-ѝ*. Следует учитывать, правда, что у прилагательных форма И. мн. на *-и* при твердой основе на части великорусской территории (центр и юго-восток) еще была живой, ср. современные *сы́ти*, *ра́ди*, *бога́ти* и т. п. в говорах. Однако все отмечаемые диалектные словоформы типа *сы́ти* имеют наосновное ударение (примеров такого рода для старой а. п. *b* нам неизвестно); возможно, что это акцентное ограничение связано с теми же причинами, что у существительных (см. предыдущий пункт). Таким образом, предфлексионное ударение в словоформах типа *ме́ртви*, *че́рни*, *тéпли*, *прощéни*, *принесéни*, широко представленное в памятниках, для большинства районов было просто книжным, а там, где еще были живыми словоформы группы *сы́ти*, такое ударение поддерживалось также и акцентными особенностями живых словоформ этой группы.

6. Членные формы прилагательных с твердой основой, выступающие с книжными окончаниями — прежде всего И. мн. *-ии*, М. ед. *-ѣ́мь* (*-ѣ́мъ*, *-емъ*), Д. М. ед. *-ѣ́и* (*-еи*), особенно варианты с книжными *ц*, *з*, *с* на месте *к*, *г*, *х*. Так, например, во многих памятниках с регулярным ударением *ветх-а́го*, *-о́му*, *-а́я* и т. д., *вѣ́чн-а́го*, *-о́му*, *-а́я* и т. д. факультативно или даже последовательно представлены *ве́тс-ии*, *-ѣ́мъ*, *-ѣ́и*, *вѣ́чнии*, *-ѣ́мъ*, *-ѣ́и* (также *ве́тс-ѣ́хъ*, *-ѣ́ми*, *вѣ́чн-ѣ́хъ*, *-ѣ́ми* в микросистемах, где использовались окончания *-ѣ́хъ*, *-ѣ́ми*).

Помимо перечисленных, имеется и много других случаев «специфически книжного» ударения, но здесь уже речь идет о более узких группах слов (или словоформ) или даже об индивидуальных словах. Таковы, например, ударения *двѣ́ма*, *трéми* (там, где в живом говоре

уже было *двума̀*, *трема̀* или *двумя̀*, *тремя̀*), Р. М. дв. *ру́ку*, *но́гу*, *бо́ку* и т. п., Д. Т. дв. *му́жема*, *гра́дома*, *ве́щма*, *но́щма* и т. п. В ряде случаев можно предполагать взаимодействие фактора книжности с другими факторами. В частности, в Р. мн. во многих памятниках выступают словоформы на *-ии* с корневым ударением, например, *лю́дии*, *де́тии*, *но́щии*, *ве́щии*, *ко́стии*, причем нередко в том же памятнике встречаются словоформы *людéи*, *дѣтéи*, *нощéи* и т. д. Такое соотношение говорит в пользу того, что ударение типа *лю́дии* — книжное; однако следует считаться также с возможностью акцентного выравнивания по форме И. В. мн. Другой пример составляют членные формы ряда прилагательных а. п. *c*, имеющие корневое (а не флексионное) ударение, в частности, *чю́ждыи*, *духо́вныи*, *душе́вныи*, *стра́нныи*, *бра́чныи*, *ве́чныи*, *сле́зныи* и др. Есть основания полагать, что в некоторых памятниках такое ударение определяется эффектом книжности. Поскольку, однако, собственно русское развитие тоже приводило к такому ударению у значительной части прилагательных а. п. *c* (ср. § 3.58—59), вычленить здесь «вклад» фактора книжности оказывается (для большинства слов) довольно трудно.

Примеры ударений, определяемых книжным характером самой лексемы (приводимые ударения представлены не во всех микросистемах, но в очень многих): *дре́вле*, *ту́не*; *ра́вен*, *ра́вна*, *-о*, *-ы*, (ср. *рове́нъ*, *ровна̀*, *-д̀*, *-ы̀*); *пра́зденъ*, *пра́здна*, *-о*, *-ы* (ср. *порожнà*); *еди́нъ*, *-а*, *-о*, *-ы* (ср. *оди́нъ*, *однà*, *-д̀*, *-ѝ*). В XVI—XVII вв. слово *дщерь* практически повсеместно акцентируется по а. п. *a*: *у дще́ри*, *отъ дще́рии*, *о дще́рехъ* и т. д.; ср. слово *дчи* (*дочи*, *дочь*), которое в тех же памятниках относится к а. п. *c*: *на́ дочерь*, *дочере́и*, *дочермѝ* и т. д. В некоторых памятниках в сходных отношениях находятся *мле́ко* и *молокà*, *пла́тно* и *полотнà*. В XVI—XVII вв. почти везде представлены книжные ударения *во́и* (мн.), *во́пля*, *-ю*; широкое распространение имеют ударения *жи́тие*, *пи́тие*, *бы́тие*. Поскольку старовеликорусский и староукраинский в рассматриваемом отношении в принципе сходны, мы можем позволить себе здесь привести также несколько наглядных примеров из «Лексикона» Берынды: *вра́та* : *воротà* 26; *пла́тно* : *полотнà* 156; *сковра́да* : *сковородà* 220; *сре́да* : *середà* 232; *чре́да* : . . . *чередà* 305; *по*^{п}*я́тіе* : *по*^{п}*нятьѣ* 163; *преда́ніе* : *поданьѣ* 175; *прия́тіе* : *принятьѣ* 193; ср. еще *да́мы* : *дамà* 49 (следует учитывать, впрочем, что отраженная здесь староукраинская традиция в ряде конкретных деталей могла и не совпадать со старовеликорусской; ср., например, выше об акцентовке слов *глава*, *брада*, *страна*, *сковрада* в части великорусских микросистем).

§ 3.14. Особую проблему, актуальную прежде всего для памятников XV—первой пол. XVI в., но отчасти также и для более поздних, составляют южнославянские акцентовки. К сожалению, в настоящее время еще недостаточно изучен вопрос о том, в каких случаях акцент-

ные знаки, скопированные с южнославянских оригиналов, реализовались в книжном произношении русских писцов этой эпохи в виде соответствующих ударений и в каких расценивались лишь как элементы необходимого графического оформления текста. Естественно предполагать, однако, что какая-то часть таких акцентовок была фонетически реальной.

На Русь попадали южнославянские рукописи, отражавшие (в графике, морфологии, акцентуации) различные южнославянские диалекты; различна была также (в частности, по акцентуации) речь южнославянских выходцев. Поэтому нельзя говорить о какой-то единой и последовательной южнославянской акцентуации, занесенной на Русь. Речь может идти лишь о нескольких ярких чертах, характерных для большинства южнославянских акцентных систем конца XIV и XV вв. Главной из таких черт является ретракция ударения на один слог влево по сравнению с праславянским (в одних говорах всеобщая, в других ограниченная определенными морфологическими позициями), например,: *сáпогъ*, *рáбота*, *жúвотъ*, *бгня*, *жéна*, *жéнами*, *чúсло*, *твóрити*, *разбрити*, *слýжити*. Внешне сходный эффект представлен также во вторичных имперфективах: *бы́вати*, *начúнати*, *умúрати* и т. п. Из прочих особенностей можно отметить, в частности, нередкое отсутствие оттяжки ударения на предлог (например, *по чúну*), ударение по модели *óтпусти*, *отпустúсѧ* в 2—3 ед. аориста.

Как уже отмечено в § 3.9, многие южнославянские акцентовки внешне неотличимы от результатов собственно русской дефинализации (ср. *бгня*, *жéна*, *чúсло* и т. п.). Соответственно, надежными примерами южнославянской акцентовки оказываются прежде всего те, где ретракции подверглось ударение неконечного и/или закрытого слога (*сáпогъ*, *твóрити* и т. п.).

Имеется значительное сходство между южнославянской акцентовкой и «специфически книжной» акцентовкой старовеликорусского периода, а именно, в обоих случаях вместо исконного флексионного ударения выступает предфлексионное. Можно предполагать, что это сходство не случайно, т. е. что «специфически книжная» акцентовка на Руси сформировалась хотя бы отчасти под влиянием южнославянской.

Большой интерес представляют в этом отношении показания Чуд. Правда, этот памятник относится ко времени до начала так наз. второго южнославянского влияния на Руси, но он был написан в Константинополе, и потому его составители могли находиться в контакте с южнославянскими книжниками. В Чуд. имеется значительное число примеров, где ударение стоит на слог левее своего исконного места. Их можно разделить на несколько групп (приводимые списки не претендуют на полноту, поскольку ряд спорных случаев опущен).

1. Словоформы (преимущественно некнижного характера), где сдвинутое ударение в дальнейшем распространяется на всю или почти на всю восточнославянскую территорию. Таковы, в частности:

и́ми, *ни́ми*, *тѣ́ми* (также *и́ма*, *ни́ма*, *тѣ́ма*); И. В. мн. *ли́ца*, *се́ла*, *ре́бра* и т. п; инфинитивы *отплу́ти*, *помяну́ти*. В этой группе уже в Чуд. новое ударение преобладает над старым.

2. Словоформы (преимущественно некнижного характера), у которых в XVI—XVII вв. сдвинутое ударение встречается на великорусской территории, как правило, только в памятниках, отличающихся заметной дефинализацией (т. е. западных и северо-восточных). Примеры этой группы встречаются в Чуд. лишь в качестве отклонений от господствующего флексионного ударения. Таковы, в частности: *ве́рху и*^{x} 'поверх них' 11г, *ви́ну* В. ед. 'culpam' 120б, *ви́ноу* Д. ед. 'vino' 136г, *вра́гы* В. мн. 127г, *грѣ́ху* Д. ед. 45г, *в кора́бли* В. мн. 44б, *на ли́це* В. ед. 117б; *зѣ́ло* 95а, *мо́ю* В. ед. жен. 11в, *нико́го*^{жс} 51а, *то́го* 80б, *то́моу* 95а, *обѣ́ма* 30в; *во́зпи* аор. (3×), *изго́ню* 7г, *ізгбн*^{а} 17а, *преда́на* И. мн. 163б, *прило́жи* аор. 66в, *помо́лися* аор. 73г, *основа́*|*на бд* И. ед. 5г, ед. *оупо́ва* 137б; по-видимому, к этой же группе можно отнести И. мн. *и сло́уги* 51а.

3. Словоформы (обычно с теми или иными чертами книжности), которые в XVI—XVII вв. постоянно или факультативно выступают со сдвинутым ударением на всей старовеликорусской территории, будучи частью лексического пласта со «специфически книжным» ударением. Так, обобщенное новое ударение в Чуд. имеют *взе́мляи* 41в, *превзе́мляися* 134г, *прiе́млю* 43г (+ 44а), *прие́мли* 137г (и другие формы с *емл-*), *сзи́жю* 24б, *съзи́жю* 69а, *при́зри* 61а (+ 32а), *оущедрю* 103г bis. В прочих случаях речь идет о единичных примерах (обычно на фоне преобладающего старого ударения): ѡ^{т} *дще́рии* 25г, *лю́дии* 74в, *отро́чи*^{щ} И. ед. 44а, *о пе́рстѣ* 33б, *пи́тии* М. ед. 146а, *побѣ́дою* 115в, *по́лъма* 'пополам' 13г; *до́брѣ* нареч. 123г, *ни еди́но же* 142а; *обра́тять*^{с} 48в, *про́зрѣ*^{х} 46б, *изи́ти* 41г, 70в, 73а, *оуме́ртвите же* повел. 131б, *распя́ті тя* 51б, *пооу́сти-ти* 52г, *-въ* 142б, *ищѣ́знѣте* повел. 67г; далее, примеры причастий с *-е́на*, *-е́но*, *-е́ни* (*оболче́на* В. ед., *принесе́но*, *ицѣле́ни* и др., см. § 3.66) на фоне обычных *-ена̀*, *-ено̀*, *-енѝ*. Возможно, сюда же относятся *пра́здни* 137в, *ра́вна* И. мн. 24б, аористы типа *и́здъше*, *оу́спе* и др. Необходимо подчеркнуть, однако, что приведенные здесь примеры составляют лишь очень незначительную часть представленного в Чуд. массива словоформ, получивших впоследствии «специфически книжное» ударение; нормой для Чуд. является сохранение у таких словоформ «народного» (т. е. исконного) ударения.

4. Словоформы, которые в XVI—XVII вв. вообще не встречаются на великорусской территории со сдвинутым ударением или отмечаются с таким ударением лишь в памятниках с явными следами южнославянских акцентовок. В Чуд. таковы, в частности: *вѣ́нець* В. ед. 85г, *жи́во*^{т} В. ед. 44в, *и жѝво*^{т} И. ед. 90г; *не бре́же́ши ли* 33а, *бы́вае*^{т} 15в, ѡ^{т}*ве́рзае*^{т} 46г, *повѝнитеся* повел. 84в (от *повинутися*), *повѝноушася* 61г bis, *повѝноующеся* 84в, 84г, *обле́чете*^{с} 41б, ѡ*бѣ́то́ваньи* 116г, *гря́де*^{т} 43а, *дерзо́вати* 71г, *лю́бити* 85а, *при-*

ми́ренье 104г, *оумо́лчаша* 164а, *вса́диша* 60в, *ращи́неньe* 94г, *не́швена* И. ед. жен. 51в; сюда же можно отнести *обле́щися* 118а, *совле́щися* 118а.

Представляют особый интерес группы 2—4, где в принципе допустимо усматривать влияние южнославянских акцентовок. Следует учитывать, что во всех этих трех группах некоторые акцентовки (но далеко не все) могут объясняться морфологическими аналогиями. В остальном же для группы 4 можно предполагать только прямое южнославянское влияние. В группе 2 источник сдвига может быть как южнославянским, так и русским (дефинализация), но более вероятно второе. В группе 3, по-видимому, отразился начальный этап формирования «специфически книжного» ударения на Руси. Объяснить примеры группы 3 русской дефинализацией нельзя — как потому, что во многих из них исконное ударение не было конечным, так и по характеру географического распространения таких акцентовок в XVI—XVII вв. Соответственно, здесь естественнее видеть заимствование южнославянских ударений. По-видимому, в основе сформировавшегося в последующий период (в XV в.) «специфически книжного» ударения лежит прежде всего механизм закрепления за чуждыми живой речи словоформами чужого (иноязычного) ударения.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

§ 3.15. Основным источником сведений о восточнославянской акцентуации XIV—XVII вв. служат акцентуированные рукописные и (со 2-й пол. XVI в.) печатные книги. Старейшей (и при этом очень богатой по материалу) русской акцентуированной рукописью является Чуд. — Чудовский Новый Завет XIV века (по-видимому, 1355 г.). Далее, однако, следует период в 130—140 лет, крайне бедный для историка русского ударения: хотя от этого периода дошло значительное число акцентуированных рукописей, писанных на Руси, подавляющее их большинство отражает не русскую, а южнославянскую (болгарскую или сербскую) акцентуацию или какую-то форму смешения русской акцентуации с южнославянской. Немногочисленные рукописи этого периода (или отдельные их части) с русской акцентуацией бедны материалом: ударение проставлено в основном лишь в «банальных» для акцентолога случаях.

С 80—90-х годов XV в. начинается основной период создания русских акцентуированных рукописей, продолжающийся до начала XVIII в. (а именно, до петровской реформы гражданской азбуки, исключившей акцентные знаки из гражданской печати и письма). На протяжении этого периода процент рукописей, последовательно акцентуированных по-русски, постоянно возрастает; в XVII в. такие рукописи уже составляют большинство (см. Колесов 1973б, с. 229).

Дополнительным источником сведений об акцентуации являются рукописи (в т. ч. неакцентуированные) с графическим различением фонем /э/ и /ô/ (см. § 3.20), а также рукописи, где этимологическое *ѣ* последовательно отражается буквой *ѣ* в ударной позиции и (последовательно или хотя бы факультативно) буквой *е* — в безударной позиции.

Нельзя думать, однако, что знаки ударения или знаки для /э/ и /ô/, представленные в памятниках, соотнесены с фонетической реальностью столь же прямо, как знаки фонетической транскрипции. В действительности интерпретация написаний, находимых в памятниках, представляет собой самостоятельную и далеко не прямолинейную операцию. В последующих параграфах очерчены основные проблемы, которые приходится решать в ходе этой операции. После того, как удалось провести «считывание» ударений с написаний памятника, можно приступать к выявлению акцентной микросистемы этого памятника, ее сходств и различий с другими микросистемами. При этом, в частности, достигается разделение конкретных примеров ударения на типичные для данной микросистемы (или хотя бы вполне допустимые для нее) и на нетипичные, носящие характер исключений.

Следует специально остановиться на проблеме соотношения системного и единичного, с которой исследователь сталкивается на всех этапах интерпретации. Акцентология, в особенности историческая, требует системного подхода с большей императивностью, чем многие другие лингвистические дисциплины. Это объясняется прежде всего тем, что единичное акцентное показание есть результат выбора из очень малого числа возможностей (т. е., говоря математически, несет очень малую информацию). Например, для русской двусложной словоформы разных акцентных возможностей всего две; между тем любая из ее фонем есть уже результат выбора из нескольких десятков возможностей. Соответственно, даже единичное написание вроде *жемля* вместо *земля*, встретившееся в памятнике, может иметь некоторое значение для характеристики памятника, поскольку вероятность чисто случайной замены *з* именно на *ж*, а не на любую другую букву, сравнительно мала, а возможная неслучайная причина здесь в сущности одна — «шепелявость» псковского типа (у самого писца или у писца оригинала). Между тем единичное написание *зе́мля* (с надстрочным знаком в неожиданном месте), взятое в отрыве от остальных характеристик памятника, почти ничего не значит; это может быть, в частности: 1) употребление надстрочного знака для каких-то целей, не связанных с ударением; 2) «акцентная описка» (вероятность которой примерно в 15 раз выше, чем, например, для случайной замены *з* на *ж*); 3) южнославянская акцентовка; 4) результат дефинализации; 5) результат аналогического выравнивания по форме В. ед. или И. мн. На материале единичного написания различить эти возможности нельзя.

Таким образом, для исторической акцентологии единственный способ повысить надежность своих заключений — это оперировать

не с единичными фактами, а с их крупными массивами, обладающими внутренней системной организацией. При изучении памятников акцентные hapax legomena, не подтверждаемые другими аналогичными фактами в самом данном памятнике или в близких к нему акцентных микросистемах, должны расцениваться как материал второго сорта, несопоставимый по надежности с фактами, встречающимися систематически. Неслучайно многие из таких раритетов при более тщательном изучении оказываются просто ошибками интерпретации (ср. § 3.17 о примере *звѣ̀ри* у Аввакума). В настоящей книге мы рассматриваем именно типичные, широко засвидетельствованные свойства старовеликорусских акцентных микросистем.

Особая проблема связана с тем, что писец мог механически списывать некоторые акцентные знаки с оригинала. Наблюдения над рукописями позволяют предполагать, что у опытных писцов-профессионалов доля таких скопированных акцентных знаков, не соответствующих их собственной акцентной системе, как правило, была совершенно незначительна. В расстановке акцентных знаков, точно так же, как в орфографии, квалифицированные писцы руководствовались прежде всего усвоенными ими нормами, а не оригиналом. Главным основанием для такого вывода служит высокая внутренняя последовательность акцентных микросистем большинства изученных нами памятников. Соответственно, подозрение на то, что некоторый акцентный знак механически перенесен из оригинала, уместно лишь там, где соответствующее ударение резко «выламывается» из микросистемы памятника.

АКЦЕНТНЫЕ ЗНАКИ И ИХ СИСТЕМЫ

§ 3.16. Основными средствами передачи ударения в русских рукописях и старопечатных книгах являются три идущих из греческого письма надстрочных знака: ´ (оксия), ` (вария), ◠ (камора). В дальнейшем они именуются «акцентными знаками», причем не только там, где они действительно передают ударение (или, как мы будем говорить, являются и к т у с н ы м и), но и там, где они его не передают (являются н е и к т у с н ы м и). В тесной связи с акцентными знаками стоит знак ’ (спиритус, или псиль), которым снабжаются неприкрытые гласные буквы [6]. Спиритус в принципе совместим с акцентными знаками (при этом он ставится левее акцентного знака). Комбинация из спиритуса и оксии (’́) носит название исо [7].

---

[6] Прикрытая гласная буква — такая, которая непосредственно следует за согласной буквой (принадлежащей той же словоформе), причем записанной в строке, а не над строкой; в противном случае гласная буква является неприкрытой. Не следует смешивать графическую прикрытость с фонетической (например, в *юноша* начальная буква — неприкрытая).

[7] В рукописях XVI—XVII вв. имена перечисленных здесь знаков акцентуируются так: *оксúя*, *варúя*, *камóра* (*камýра*), *úсо*.

Способы применения акцентных (и прочих надстрочных) знаков в разных рукописях неодинаковы. В качестве образцовой можно рассматривать систему употребления надстрочных знаков, принятую, в частности, в старопечатных московских изданиях XVI—XVII вв.; мы обозначаем ее условно как «старопечатную». В этой системе ударение передается в нормальном случае оксией или варией, а именно, вария ставится над конечной гласной фонетического слова (т. е. акцентно самостоятельной словоформы с примыкающими к ней клитиками), оксия — в прочих случаях. Камора является заменой (обычно лишь факультативной) для варии или оксии в некоторых особых случаях, прежде всего над односложными словоформами местоимений и частью односложных служебных слов, оканчивающихся на гласную [8]. Спиритус в «старопечатной» системе регулярно ставится над начальной гласной словоформы, не вполне регулярно над неприкрытой срединной; над конечной гласной он обычно не ставится. С практической точки зрения, важнейшим свойством «старопечатной» системы является отсутствие в ней неиктусных акцентных знаков. «Старопечатная» система в ее последовательной форме встречается начиная со второй четверти XVI в.; с середины XVI в. она уже становится преобладающей, а с начала XVII в. — господствующей.

Замечание 1. В позиции «конец словоформы, но не конец фонетического слова» выбор оксии или варии фактически колеблется, т. е. возможны как написания типа *водá же*, *мнитé ли* (по общему правилу), так и типа *водà же*, *мнитѐ ли* (под влиянием обычных *водà*, *мнитѐ*). Эта особенность не рассматривается как отклонение от «старопечатной» системы.

Замечание 2. Не является также отклонением от «старопечатной» (или иной) системы акцентных знаков факультативное обозначение второстепенного ударения, встречающееся (обычно лишь изредка) во многих памятниках (см. § 3.7); второстепенное ударение обозначается теми же средствами, что и главное.

Отличия других систем, встречающихся в рукописях XIV—XVII вв., от «старопечатной», бывают прежде всего следующих двух родов.

1. Оксия, вария и камора, передающие ударение, находятся между собой не в том позиционном распределении, что в «старопечатной» системе. При этом, однако, полного отказа от принципа «вария над конечной гласной фонетического слова — оксия в прочих случаях» (прозрачным образом связанного с употреблением варии и оксии в греческом) практически не встречается. Обычно речь идет лишь о расширенном употреблении того или иного знака по сравнению со «старопечатной» системой.

2. Один, два или даже все три акцентных знака могут при определенных условиях быть неиктусными, т. е. служить не для пере-

---

[8] Круг словоформ, снабжаемых каморой, в разных памятниках со «старопечатной» системой несколько различен; соответственно, можно различать варианты «старопечатной» системы в зависимости от употребления каморы.

дачи ударения, а для каких-то других целей. Понятно, что эти свойства системы особенно существенны для исследователя, поскольку при незнании их он рискует тем, что использованный им акцентный материал окажется фиктивным. Самыми распространенными типами неиктусного использования акцентных знаков являются:

а) неиктусное исо над начальной гласной словоформы, например, *ѻ́дежда* (или *ѻ́дéжда*), *я́зыкъ* (или *я́зы́къ*); такое исо выступает просто как знак начала словоформы;

б) неиктусная вария над конечной неприкрытой гласной словоформы, например, *живаѧ̀* (или *живáѧ̀*), *вашеѭ̀* (или *вáшеѭ̀*); аналогично *свой* И. ед., *своеѝ*, *вашеѝ* и т. п. (где *и* передает неслоговой звук); такая вария есть просто знак конца словоформы.

Замечание 3. В некоторых ранних рукописях над конечной гласной может ставиться особый неиктусный знак, похожий на варию, — так наз. «долгая» (или «лонга»). Этот знак несколько длиннее варии и располагается более полого. Надежно отличить долгую от варии удается не всегда; но для акцентологического описания достаточно установить, что мы имеем дело с неиктусным знаком.

Прочие виды неиктусного использования акцентных знаков встречаются существенно реже (см. о них в § 3.18). Относительно использования каморы для передачи фонемы /ô/ см. § 3.19.

В любом акцентуированном памятнике XIV—XVII вв. встречаются пропуски знака ударения; но их количество в разных памятниках весьма различно. Отношение числа обозначенных ударений к общему числу ударений, приходившихся, по нашим предположениям, на рассматриваемый текст, можно назвать «общим коэффициентом акцентуированности» (или, иначе, «общей плотностью акцентовки») данного текста.

Необходимо учитывать, однако, что знак ударения не ставится почти никогда, если сама подударная гласная в силу сокращения (в частности, под титлом) не выписана, и лишь крайне редко, если над подударной гласной стоит выносная буква. Если отбросить все фонетические слова, которые, по нашим предположениям, подпали под действие данного правила, и подсчитать коэффициент в остальной части текста, мы получим «индивидуальную плотность акцентовки», свойственную писцу (или печатнику) данного памятника. В печатных книгах и в некоторых тщательно исполненных рукописях индивидуальная плотность акцентовки близка к 100% (но все же никогда не достигает этой величины). Для подавляющего большинства использованных нами рукописей данная характеристика превышает 60%.

При раздельном подсчете индивидуальной плотности акцентовки для разных категорий акцентно самостоятельных слов, почти во всех рукописях эта плотность оказывается более низкой для служебных слов, местоимений и глагола *быти*. Очевидно, эти слова в каких-то случаях могли быть неполноударными.

У части писцов встречаются также сознательные пропуски акцент-

ных знаков в словоформах, где ударение фактически колебалось: писец предпочитал не брать на себя ответственность за выбор одного из двух или трех возможных ударений и оставлял этот выбор читателю. Такая тактика писца может быть обнаружена с помощью статистики: например, Федор Сеннянский, писец рукописи Сенн., ни разу не выставил акцентного знака в словоформах *предано*, *-оу*, *-а*, *-и*, встретившихся 10 раз, при том, что в Сенн. индивидуальная плотность акцентовки для неслужебных слов составляет 89 %. Несколько реже встречается другая тактика: при колеблющемся ударении выставлять два (или даже три) акцентных знака; так часто поступает, например, писец рукописи Фер.

§ 3.17. Из сказанного выше ясно, что для акцентологического исследования пригоден материал только таких рукописей, в которых полностью выявлена система использования надстрочных знаков. Если рукопись писана не одним писцом, в качестве самостоятельного объекта обследования выступает каждый из почерков [9]. Для выявления системы надстрочных знаков желателен анализ всего материала рукописи (или почерка); при особенно больших объемах можно ограничиться представительной выборкой.

Прежде всего необходимо установить, каков инвентарь используемых в почерке надстрочных знаков и насколько надежно они различаются между собой. Сравнительно безвредны случаи плохого различения самих акцентных знаков, например, вертикальные штрихи, промежуточные по начертанию между оксией и варией. Гораздо более опасна возможность смешения акцентного знака со спиритусом, паерком (знаком, заменяющим ъ или ь) или иным неакцентным знаком. В некоторых системах такая опасность снята наличием дополнительного распределения между похожими знаками; например, в Косм. спиритус очень похож на камору, но он может стоять только над неприкрытой гласной, а камора — только над прикрытой. Если же такого распределения не обнаружено, исследователь не имеет права интерпретировать двусмысленные начертания как акцентные знаки; во имя надежности результатов необходимо исключать такие примеры из акцентологического анализа (или по крайней мере особо их оговаривать).

Сходная проблема возникает в тех случаях, когда акцентный знак стоит между двумя гласными — над промежуточной согласной или согласными. Здесь необходимо прежде всего выяснить, нет ли какой-то постоянной для данного почерка манеры смещения акцентного знака. Так, например, Аввакум часто смещает варию (которая в Дружининском списке [см. § 3.31] встречается не только в конце, но и в середине словоформы) вправо, если она относится к букве *ѣ* (из-за высокой верхней части этой буквы); ср. *велѣ̀лъ* 200б bis, *зарѣ̀жутъ* 201б, *крѣ̀пко* 205б, *дѣ̀ло* 209б, 212б, *тѣ̀ло* 209б, *бѣ̀дные* 212б,

[9] Иногда обнаруживается (по характеру чернил и т. п.), что часть акцентных знаков проставлена позже написания рукописи. Понятно, что подобная «редакторская» акцентовка при разборе не должна смешиваться с основной.

звѣ̀рь 212б, *тѣ̀шилъ* 214б и множество других — во всех этих случаях вария стоит над следующей за *ѣ* буквой. Напротив, смещение конечной варии влево для Аввакума нехарактерно. Поэтому, например, несомненно ошибочна интерпретация написания *звѣ̀ри* И. мн. 212 (с варией над *р*) как *звѣрѝ* (приведенная без всяких оговорок в Колесов 1972, с. 174). Важно отметить, что этот пример ударения *звѣрѝ*, если бы он не был фиктивным, был бы практически единственным во всем ныне известном старовеликорусском материале. Если в почерке каких-либо характерных приемов смещения акцентного знака не выявлено, примеры с двусмысленным положением акцентного знака не должны использоваться (по крайней мере, без специальных оговорок) в акцентологическом исследовании.

Максимального внимания требует вопрос о наличии в рукописи (почерке) неиктусных акцентных знаков. Так, например, рассматривая вопрос о неиктусной варии над неприкрытой конечной гласной, мы можем столкнуться со следующими ситуациями: 1) надежных примеров неиктусной варии в почерке нет вообще; 2) встретилось лишь очень небольшое количество таких примеров; 3) неиктусные варии встречаются сравнительно часто или даже систематически. В случае 1 мы вправе расценивать представленные в тексте конечные варии как иктусные. В случае 3, напротив, даже такие написания, как, например, *своя̀*, *свою̀*, *судия̀*, *житиѐ* (где, казалось бы, нет сомнений в конечном ударении), ни в коем случае не могут рассматриваться как акцентно значимые, поскольку в рамках данного памятника они ничем не отличаются от написаний типа *живая̀*, *покоя̀*, *знаю̀*, *знаниѐ*; из акцентологического материала памятника они должны быть просто исключены. Наиболее сложен случай 2; здесь можно различить иктусную и неиктусную варию лишь на основании статистического критерия: например, окончания *-я*, *-е*, *-ю* в словоформах местоимений *мой*, *твой*, *свой* выступают с конечной варией часто или даже систематически, а окончания *-ая*, *-ое*, *-ую* у прилагательных типа *живой* — лишь в качестве редкого исключения. Если же речь идет о редко встречающейся и морфологически нетривиальной словоформе, надежно отличить иктусную варию от неиктусной в памятниках этой категории нельзя.

Особую проблему составляют надстрочные знаки, выставленные писцом просто по ошибке. Средневековые писцы лишь в очень редких случаях зачеркивали или выскабливали ошибочный акцентный знак; иногда они ставили правильный знак рядом с ошибочным, а чаще всего просто оставляли такую ошибку без внимания. Особенно велика вероятность ошибочных акцентных знаков там, где писец делал какие-то буквенные исправления. Дело в том, что, подскабливая часть написанного слова (скажем, чтобы заменить *прбидешь* на *проидѝ*), писец обычно не зачеркивал и не соскабливал ставший ненужным знак ударения (т. е. получалось *прбидѝ* или даже *прбиди*). «Акцентные описки» встречаются в рукописях, по-видимому, не реже, чем буквенные; но выявить их труднее, поскольку случайная за-

мена буквы, как правило, приводит к несуществующей словоформе или дает бессмыслицу, тогда как ошибочное ударение обычно не выглядит как что-то принципиально невозможное. Единственное эффективное средство борьбы с ложной акцентной информацией такого рода — неполное доверие к любым акцентным hapax legomena, не подтверждаемым системой (ср. выше, § 3.15).

Следует коснуться, наконец, еще одного аспекта, от которого кардинальным образом зависит достоверность извлекаемой из памятника акцентной информации. Речь идет о правильности прочтения текста, его филологической интерпретации. К сожалению, в акцентологических работах можно встретить фиктивные акцентные данные, основанные на ошибочной интерпретации текста [10]. Анализ древнерусского текста нередко бывает очень труден; для многих переводных текстов необходимо обращаться к греческому оригиналу. Дело еще более осложняется тем, что трудные места сам переписчик мог уже понимать неверно, т. е. мы не всегда можем быть уверены, какую форму (например, Т. ед. или Д. мн.) он имел в виду, ставя знак ударения. Едва ли можно требовать от акцентолога, чтобы он в полном объеме решал все подобные филологические задачи, возникающие по ходу чтения; однако он обязан правильно оценить степень надежности своей интерпретации. Акцентная информация, полученная из темных или испорченных мест текста, должна либо просто отбрасываться, либо использоваться лишь с соответствующими оговорками. Заметим, что и здесь наибольшего недоверия заслуживают именно акцентные раритеты, не подтверждаемые остальными данными памятника (ср. в этом отношении примеры из сноски 10: почти все они при указанной там неправильной интерпретации резко «выламываются» из акцентной микросистемы Чуд.).

§ 3.18. Рассмотрим более конкретно системы акцентных знаков, используемые в памятниках, на которые опирается настоящая работа [11].

---

[10] Приводим в этой связи несколько существенных для нашего дальнейшего разбора исправлений, касающихся чтения Чудовского Нового Завета: *могоу́тъ* 66а, *преломи́тъ* 73а (приводимые как презенсы в Колесов 1974, с. 87) — это в действительности существительное и супин, ср. *аз же кыи бѣхъ могоу́тъ* (δυνατὸς) *взбрани́ти бо̀у* 66а 'а что был я за титан, чтобы воспрепятствовать богу?' (Деян. XI.17), *собра́нымъ оучн҃кмъ преломи́тъ хлѣ́ба* 73а 'когда ученики собрались, чтобы преломить хлеб' (Деян. XX.7); *ви́ноу* 136г, *изврáгоу* 114г (приводимые как В. ед. от *вина* 'culpa' и 'из оврага' в Колесов 1972, с. 38, 162) — это Д. ед. от *вино* (I Тим. III.8: μὴ οἴνῳ πολλῷ προσέχοντας) и Д. ед. от *изврагъ* 'изверг' (I Кор. XV.8); далее, *воды́* 45б — не И. мн., а Р. ед. (Ио. VII.38: ὕδατος ζῶντος), *слóва* 33а — не В. мн., а Р. ед. (Лук. X.39: ἤκουε τὸν λόγον), *слоухѝ* 144в — не И. мн., а Т. мн. (Евр. V.11: ταῖς ἀκοαῖς), *глухы̀* 33б — не мн., а членная форма И. ед. муж. (Лук. XI.14: ὁ κωφός), *не волѧ* 39в — не слово *неволя*, а слово *воля* (Лук. XXII.42: *оба*^{ч} *не волѧ моя но твоя да буде*^{тъ}) (ср. Колесов 1972, с. 43, 201, 144, 217, 20).

[11] Не рассматриваются памятники Вас. пс., Вас. сб., Нв. и памятники, перечисленные в § 3.32.

«Старопечатную» систему акцентных знаков (в чистом виде или с совсем незначительными огрехами) имеют, во-первых, все печатные книги, кроме Узк., во-вторых, рукописи (здесь и в последующих длинных списках они перечисляются по алфавиту): Биб., Библ., Дом., Ик., Кирил., Колм., Косм., Костр., Лес., Лук., М. пс., Пат., Пер., Рж., Рум., Ряз., Сел., Тамб., Тит., Тих., Увар., Хл., Хлуд., Яр. Самый ранний из этих памятников — Увар. — относится к 1540-м годам. Особенность Биб. состоит в том, что в Т. ед. здесь выступают написания типа *мною*, *тобою*, *женою*, *трубою* (где вария, возможно, является неиктусной).

Отличия прочих памятников от «старопечатной» системы таковы.

В качестве знака ударения над конечной гласной фонетического слова используется оксия (а не вария): почти регулярно — в Лих. и Амф.; в большинстве случаев — в Лет.; нередко — в Чуд., Час., Ион., Новг.; сравнительно редко — в Т. пс., Ег., Муз., Жит., Кир.; единичные примеры встречаются во многих памятниках.

В качестве знака ударения над неконечной гласной словоформы используется вария (а не оксия): сравнительно часто — в Угл., Ион., Егор., Кир., Авв. (Дружининский список), изредка — в Чуд., Новг.; единичные примеры есть и в других памятниках. В Бук. срединная вария используется для отличения причастий от словоформ презенса, например: *оублажàемъ онъ* ѡ^{т} *насъ* — *оублажя́емъ мы его*. Отметим, что в Угл. и Ион. вария обычно сдвинута (на одну, иногда даже на полторы—две буквы) влево от соответствующей гласной; напротив, в Авв. вария может сдвигаться вправо (ср. § 3.17). В ряде памятников (в частности, Новг.) в качестве знака ударения изредка встречается двойная вария (так наз. кендема).

В некоторых памятниках расширена (по сравнению со «старопечатной» системой) сфера иктусной каморы. Так, в Чуд. и Дос. камора часто стоит над конечной гласной (т. е. вместо варии); в Чуд., кроме того, она встречается (хотя и не очень часто) также над неконечной гласной. Особо стоит передача через *о̑*, ѡ̑ ударной фонемы /о̑/, см. § 3.19.

В Час., Нил., Фер., Трав., Цел. знак ударения, как правило, вытесняет спиритус (а не совмещается с ним). В Авв., напротив, при наличии спиритуса (который здесь имеет вид точки под каморой) знак ударения не ставится.

Далее следуют особенности, связанные с наличием неиктусных акцентных знаков.

Неиктусное исо в начале словоформы (иногда также внутри словоформы после гласной) встречается в следующих памятниках (звездочка здесь и в последующем списке означает, что явление представлено редко): Дос.*, Ев., Ег., Жит.*, Ион.* (только над буквой ѡ и изредка над *оу*), Клон.*, Лет.*, Муз., Пр., Сенн.*, Смол., Сол.*, Стар., Такт.*, Т. пс., Фер.*, Хлын., Хрон.* (только над ѡ), Цел. Из этого списка к XVII в. относятся только северо-восточные памятники Сол., Хлын., Цел.

Неиктусная вария над неприкрытой конечной гласной словоформы встречается в памятниках: Амф., Дан., Дос., Ев., Ег., Егор., Карг.*, Кир., Клон., Корн.*, Лет.*, Муз., Нил.*, Новг.*, Печ.*, Пр., Прол.*, Пск., Сенн., Смол., Стар., Такт., Т. пс., Узк., Хр., Час., Чет. (ср. также выше о Биб.). Самый поздний из этих памятников — Печ. — относится к 1605 г. Сверх этого списка в нескольких памятниках (в частности, Увар., Ап.) изредка встречается специфическое употребление неиктусной варии над неприкрытым конечным *и* для обозначения его слогового характера, например: *обы́чай* (Т. мн.) Увар. 541б (см. разбор этого приема в Васильев, с. 156—158).

Неиктусная вария над любой конечной гласной (т. е. даже и над прикрытой) представлена в Дорог. (ср. это же явление в сборнике 1620-х годов, ГИМ, Барсов 1466). Не исключено, что следами данного графического эффекта являются также некоторые труднообъяснимые варии в Авв., Карг., Смол., Стар., Трав., Т. пс., Хлын.

Оксия вместо спиритуса (т. е. неиктусная оксия над начальной гласной) изредка встречается в Ев., Ег., Пр., Прол., Смол., Стар., Т. пс., Трав., Фер., Час. Самый поздний из этих памятников — Трав. — относится к началу XVII в.

Неиктусная камора над прикрытой конечной гласной словоформы представлена в Ев., изредка также в Такт. и Нил. (все эти памятники относятся к XV в.).

Встречаются также многочисленные мелкие особенности; отметим здесь лишь некоторые из них. Оксия и вария над буквой ѡ могут быть неиктусными в Такт. и Стар. (т. е. они как бы составляют здесь часть буквы; ср. неиктусное исо именно над ѡ в Ион. и Хрон.). Оксия может быть неиктусной над сочетаниями *ръ*, *лъ* (в южнославянских орфограммах типа *съвръшити*, *влъна*) в Смол., изредка также в некоторых ранних северо-западных рукописях. Оксия над буквой *і*, стоящей в конце строки, может быть неиктусной в Ион. Вария над концом словоформы может быть неиктусной в Смол. (возможно, иногда и в других рукописях), если за этой словоформой стоит точка: вария образует здесь с этой точкой как бы единый знак препинания. Корень *кры-*, *кров-* ‘tego, tectum’ часто снабжается каморой (безотносительно к месту ударения) во многих рукописях XV—1 пол. XVI в.; камора своим видом как бы иллюстрирует здесь значение слова. Аналогичным образом в Такт. корень *пад-* обычно сопровождается удлиненной варией (безотносительно к месту ударения), которая символизирует здесь «падение».

В некоторых памятниках с обозначением ударения сопряжен выбор графемы в паре *оу* — ѹ, *и* — *і* или *о* широкое — *о* узкое. Так, в Улож. под ударением обычно пишется *оу*, без ударения — ѹ (хотя полной строгости здесь нет). В Фер., Корн., Карг., Кир. и Яр. соблюдается (с разной степенью последовательности) следующая система: в начале и в конце словоформы пишется *и*; в прочих позициях под ударением пишется *і*, без ударения — *и*. В Ап. и более поздних изданиях московской печати под ударением обычно ставится

о широкое, без ударения (кроме позиции начала словоформы) — *о* узкое.

Специально отметим некоторые графические особенности Чуд. (ввиду важности этого памятника). Начертание спиритуса здесь неустойчиво, поэтому он ненадежно отличается от акцентных знаков. Соответственно, над неприкрытой гласной надежным обозначением ударения обычно можно считать лишь комбинацию спиритуса с оксией или варией (но над *оу* — также и одиночную оксию или варию, поскольку в Чуд. спиритус над *оу* не ставится). Вария, передающая ударение на конечном слоге, в Чуд. может смещаться как влево (создавая иллюзию предконечного ударения, см. Акц. Мер., § 35, замеч.), так и вправо (создавая иллюзию ударения на конечном ъ или ь).

В настоящей работе при цитировании оксия, вария и камора в принципе ставятся в соответствии с оригиналом. При этом, однако, опускаются вария (конечная) и исо в памятниках с систематически представленными неиктусной варией и неиктусным исо (соответственно); см. списки таких памятников выше (помеченные звездочкой не в счет). Во всех прочих случаях акцентные знаки, которые мы считаем неиктусными, воспроизводятся, но дается соответствующее пояснение. Об особых случаях применения каморы при цитировании см. § 3.19 (конец). Спиритус не воспроизводится, за исключением комбинаций ᾽ и ᾽᾽ в Чуд. (ср. выше). Не воспроизводится также паерок (кроме случая, когда он стоит между согласной и гласной, например: *свин'я*).

СИСТЕМЫ ГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРЕДАЧИ ФОНЕМ /ɔ/ И /ô/

§ 3.19. Для передачи фонем /ɔ/ и /ô/ (§ 3.3) в памятниках XIII—XVII вв. служили «графемы[12] класса *О*»: *о* узкое, *о* широкое, *о* единое (т. е. обычное *о*, выступающее в графических системах, где нет различения *о* узкого и *о* широкого) и ѡ. Существовало несколько систем графического различения фонем /ɔ/ и /ô/.

1. Омеговая система: /ô/ передается через ѡ, /ɔ/ — через *о* узкое, *о* широкое, *о* единое.

2. Каморная система: /ô/ передается через графемы класса *О* с каморой, /ɔ/ — через те же графемы без каморы.

3. Узколитерная система: /ô/ передается через *о* узкое, /ɔ/ — через *о* широкое и ѡ.

4. Широколитерная система (обратная предыдущей): /ô/ передается через *о* широкое, /ɔ/ — через *о* узкое (графема ѡ обычно выступает в этой системе как обобщенное обозначение обеих рассматриваемых фонем).

---

[12] Об этом термине см., в частности: *Зализняк А. А.* О понятии графемы. — В кн.: Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979.

Помимо этих четырех «чистых» систем, встречаются также комбинированные.

Система 2 + 3 («каморно-узколитерная»): /ô/ передается через любую графему класса *О* с каморой, а также через *о* узкое без каморы, в прочих случаях графема класса *О* передает /ɔ/.

Система 1 + 2 + 4 (ее можно назвать «кумулятивной»). Основное значение здесь имеет выбор графемы: ѡ и *о* широкое передают /ô/, *о* узкое—/ɔ/. Дополнительным средством является камора, а именно, ѡ и *о* широкое почти всегда выступают с каморой (кроме начала словоформы), а *о* узкое — обычно без каморы. Комбинация *о* узкого с каморой в односложных словоформах передает /ɔ/; в неоднослож-ных словоформах (где она встречается очень редко) ее значение менее ясно, но, по-видимому, это тоже /ɔ/.

Каморную систему (самую распространенную) впервые обнаружил Л. Л. Васильев, омеговую — независимо друг от друга В. В. Колесов, О. А. Князевская и Дж. Шевелев, узколитерную (а также каморно-узколитерную) — Е. В. Тугай (Стадникова), широколитерную (а также кумулятивную) — автор настоящей работы.

Из памятников с различением /ɔ/ и /ô/, используемых в настоящей работе, омеговую систему имеют: Мерило, Лес., Трав. (также евангелие МГУ № 1367 и Венский октоих, см. § 3.3); каморную — Час., Т. пс., Лих., Новг., Ег., Вас. пс., Сенн., Егор., Пск., Дос., Хл., Прол.; широколитерную — Пат., Жит., Узк., Чет., Хр.; каморно-узколитерную — Муз., Вас. сб.; кумулятивную — Амф. (узколитерная система в чистом виде пока известна только в почерке 7—66б рукописи ГИМ, Хлуд. 147Д).

Поскольку в настоящей работе ради упрощения набора различие между *о* узким и *о* широким не передается, при цитировании памятников с системой 4 (или 1+2+4) используется условный прием «перевода» записи в каморную систему, а именно, *о* широкое (не в начале словоформы) передается как *ô*. Точнее говоря, *о* широкое с оксией передается в виде *ó*, с варией — *ò*, с каморой *ô*, без акцентного знака — тоже *ô*, но с пометой «б. уд.» после словоформы. Случаи, когда в системе 2+3 использовано *о* узкое без каморы, при цитировании оговариваются.

§ 3.20. Необходимо учитывать, что практически во всех памятниках, различающих /ɔ/ и /ô/, существуют те или иные графические позиции, в которых выбор графемы класса *О* подчинен каким-то механическим правилам, не связанным с передачей /ɔ/ и /ô/. Особенно часто такую позицию образует начало словоформы; например, в ряде памятников с омеговой системой в начале словоформы ставится ѡ, безотносительно к тому, какая из двух фонем там выступает. Подробнее о частных правилах такого рода см. Новые данные, § 23—24.

Важнейшим свойством всех перечисленных систем, без знания которого нельзя эффективно использовать материал памятников, является принцип факультативности выраже-

н и я фонемы /ô/. Он состоит в том, что «знаки для /э/» (т. е. графемы или их комбинации, передающие в данной системе фонему /э/), могут в принципе употребляться и там, где фактически произносилось /ô/, тогда как обратное неверно. Иначе говоря, «знак для /э/» может использоваться также в качестве общего безразличного обозначения для фонемы «типа *о*» (т. е. как /э/, так и /ô/). Запись фонемы /ô/ через «знак для /ô/» мы будем называть п о л н о й, а через «знак для /э/» — у п р о щ е н н о й. С точки зрения писцов, использование упрощенной записи не было ошибкой; это было вполне допускаемое правилами «облегчение» письма, сходное с различными сокращениями, выносом букв над строкой и т. п.

Под к о э ф ф и ц и е н т о м в ы р а ж е н н о с т и /ô/ (в некотором тексте) понимается отношение числа полных записей фонемы /ô/ к общему числу ее записей (при этом, однако, из подсчета выбрасываются те точки, где в силу каких-либо частных правил, действующих в данной графической системе, выбор графемы класса *О* не связан с противопоставлением /э/ и /ô/). Подробнее о факультативности выражения /ô/ и о коэффициенте выраженности /ô/ см. Новые данные, § 16—22.

В ряде рукописей различение /э/ и /ô/ достаточно последовательно проводится только в тех точках, где писец поставил знак ударения (в качестве такового выступает и камора); в прочих точках различение проводится небрежно или даже вовсе отсутствует. Соответственно, важным показателем здесь оказывается коэффициент выраженности /ô/ не в тексте в целом, а в совокупности акцентуированных словоформ.

В Мериле коэффициент выраженности /ô/ (за вычетом словоформ, находящихся в некоторых особых условиях, см. Новые данные, § 20) составляет около 97%. Высокий коэффициент выраженности /ô/ в совокупности акцентуированных словоформ (выше 95%) имеют: Час., Т. пс., Новг., Вас. пс., Вас. сб., Муз., Амф., Чет., Хр., Жит., Дос., Узк. (в подсчеты не включены спорные примеры и иные особые случаи). Несколько ниже (70—90%) этот коэффициент в Пат., Лес., Хл., Трав. В рукописях Сенн., Лих., Ег., Прол., Егор., Пск. этот коэффициент столь низок, что из них удается извлечь лишь очень немного сведений о распределении /э/ и /ô/.

Памятники, различающие /э/ и /ô/ (в соответствии с великорусским или смешанным принципом, см. § 3.3), представляют для акцентологии большую ценность. Во-первых, сведение о том, что в памятниках определенной диалектной группы в некоторой словоформе представлено /э/ (или /ô/), в принципе позволяет восстановить, с учетом особенностей данного диалекта, акцентуацию этой словоформы в раннедревнерусском. Особенно существенны показания этого рода для разграничения исконных ортотонических словоформ и энклиномен (о восстановлении акцентной истории слова по огласовке /э/ или /ô/ см. также § 3.5).

Во-вторых, поскольку фонема /ô/ выступает в памятниках указанного класса в нормальном случае под ударением (а без ударения только в особых, строго определенных случаях), мы часто можем, зная фонемный состав некоторой словоформы из памятника, определить ее ударение, даже если писец не поставил над ней акцентного знака [13]. Это обстоятельство немаловажно для памятников с редкой акцентуацией, но, конечно, наибольшее значение оно приобретает для неакцентуированных памятников.

Самым показательным примером здесь является Мерило. Эта исключительно важная для русской исторической акцентологии рукопись XIV в. не акцентуирована. Все сведения об ударении в соответствующей микросистеме «вычислены» по написаниям, содержащим *о* и/или ѡ (которые отражают соответственно /ɔ/ и /ô/). Так, исходя из § 3.3, п. 4, мы должны, например, заключить, что написания *злѡ*, *добрѡ*, *закѡнъ*, *прощенѡ*, *положенѡ* однозначно указывают на конечное автономное ударение, *гѡнить*, *готѡви* — на предконечное, *то*, *кто*, *просто*, *городъ*, *свободно*, *таково* — на статус энклиномена. Разумеется, во многих случаях ударение устанавливается таким методом неоднозначно, а при отсутствии в словоформе букв *о*, ѡ оно вообще не может быть установлено. Полные правила установления ударения по написаниям Мерила см. в Акц. Мер., § 2—4.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПАМЯТНИКИ

§ 3.21. Единичным объектом анализа в настоящей работе является: в рукописи — отдельный почерк, в печатном издании — все издание. Лишь в некоторых особых случаях многопочерковая рукопись рассматривается как единый объект анализа (см. ниже о Чуд. и Мер.). Всякий единичный объект анализа может быть для краткости назван просто памятником. Если в рукописи рассматривается только некоторая ее часть, то соответствующее условное обозначение (например, Мер., Прол.) относится именно к этой части, когда речь идет о любых языковых (в частности, акцентологических) характеристиках; но то же обозначение может быть использовано и применительно к рукописи в целом, когда речь идет о ее неязыковых характеристиках (время и место создания, состав и т. п.).

Особый случай составляет группа из двух или более рукописей (или их частей), написанных одним и тем же писцом (мы будем именовать такую группу «блоком»). Как показывает анализ, с акцентологической точки зрения блоки в большинстве случаев можно рассматривать как единые объекты.

Использованные памятники делятся на основные (образующие

---

[13] Заметим, что при каморной системе знак ударения ставится рядом с каморой далеко не всегда (а в некоторых рукописях почти никогда не ставится); таким образом, сам писец здесь фактически рассматривает знак закрытости (камору) одновременно и как знак ударения.

главную базу последующего анализа) и дополнительные. Основные памятники обследованы автором по некоторой относительно единой [14] программе (достаточно обширной), почти все в полном объеме [15]. Каждая из соответствующих акцентных микросистем изучена, таким образом, относительно полно. К числу дополнительных отнесены памятники, где по тем или иным причинам акцентная система выявлена не столь полно. Таковы прежде всего памятники, содержащие мало материала или обследованные по неполной программе; по последней причине сюда попадают, в частности, все памятники, материал которых почерпнут нами лишь из публикаций или из чужих росписей.

Часть дополнительных памятников обследовали (по программе, близкой к той, которая принята для основных памятников) аспиранты и студенты, работавшие под руководством автора: Е. А. Аксёнова — Бук., Дан., Ег., Лук., Пр., Сел., Тит., Тих.; Е. В. Тугай (Стадникова) — Лес., Муз., Узк., Пат. (последний памятник был прочитан также автором); К. К. Богатырев — Нил. (и Нил. М, Нил. Т). Кроме того, С. М. Евграфова обследовала прилагательные в Цв., М. А. Кронгауз — глаголы в Ап. (оба этих основных памятника были прочитаны также автором). В настоящей работе использованы как опубликованные (см. библиографию), так (с любезного согласия авторов) и неопубликованные результаты этих обследований.

Филиграни рукописей: Биб., Амф., Ик., Клон., Стар., М. пс., Цел. — определены А. А. Туриловым, Дос. — Б. М. Клоссом, Час. — Л. П. Грязиной (Саенко).

Ниже перечисляются (по географическим районам) использованные памятники. В начале каждого раздела даются основные памятники; дополнительные специально отмечены. Если памятник обследован не в полном объеме, это оговаривается; следует учитывать, однако, что в таких случаях сверх обследованного фрагмента обычно просматривались и другие части памятника и некоторые примеры из них могут быть использованы в работе в дополнение к основной выборке.

I. Новгород

§ 3.22. Час. — основной почерк (187—462) часослова, входящего в состав рукописи: Псалтирь с восследованием (623 л.), ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 329. Данная часть рукописи относится к по-

[14] Неполное единство связано с тем, что по ходу работы программа расширялась и уточнялась. Соответственно, памятники, обследованные в начальной стадии работы, были позднее прочитаны заново.

[15] Исключение составляют крупнообъемные памятники Фер., Увар., Биб., Библ., которые не было возможности расписать целиком; в каждом из них обследован фрагмент объемом в 35—50 тыс. акцентуированных словоформ (т. е. превосходящий по длине большинство прочих рукописей, взятых в их полном объеме).

следней четв. XV в. (филиграни зафиксированы под 1484, 1485 гг., см. Глаг. акц., § 13).

Т. пс., т. е. Троицкая псалтирь — почерк (не совсем ясно, единый ли) псалтири (1—186б) в составе той же рукописи. По-видимому, близок по времени к Час. (филиграней в этой части рукописи нет).

Лих. — Пролог, мартовская половина (267 лл. в два столбца). ГПБ, Соф. 1345. Писан с апреля по август 1501 г. повелением игумена св. Спаса валаамского Якима (явно в самом этом монастыре, т. е. на острове Валаам на Ладожском озере); писал дьяк Гридица Лихач [16]. Исследовано по микрофильму.

Новг. — Псалтирь лицевая (339 лл.). ГИМ, Увар. 592 (по Леониду 13). Почерк единый. Как гласит запись, книга «свершена» в 1548 г. при новгородском архиепископе Феодосии. Богатейшее, поистине роскошное оформление рукописи указывает на крупный центр, т. е. на Новгород или Псков; однако Псков можно считать практически исключенным из-за отсутствия слова «псковский» в титуле архиепископа.

Дополнительные памятники. Окт. — л. 1 рукописи: Октоих (260 лл. в два столбца, пергамен), ГИМ, Синод. 199. Новгород, 1436 г. Первый лист написан особым почерком, с плотной чисто русской акцентуацией. Основной почерк (2—260) акцентуирован очень слабо, причем со значительными южнославянскими примесями.

Ег. — Евангелие-тетр (212 лл.). ГБЛ, ф. 98 (собр. Егорова), № 20. Рубеж XV и XVI вв. (филиграни зафиксированы под 1489—1504, 1491—1515, 1492, 1498—1502 гг.).

Пр. — Пролог, мартовская половина (350 лл. в два столбца). ГБЛ, ф. 247 (Рогожское собр.), № 461. Новгород, 1518—19 г. Писал Ильинский дьякон Тимофей Никифоров сын Попов.

Муз. — часть 1—226б (без листов 51, 121, 122, 178; один или, может быть, два почерка) в рукописи: Евангелие-тетр (365 лл.), ГБЛ, ф. 178 (Музейное собр.), № 3650. 1-я пол. XVI в. (филиграни зафиксированы под 1510—13, 1523, 1525—38 гг.). Рукопись принадлежала монастырю Св. Духа в Новгороде.

Пат. — почерк 566а—662в (за вычетом ряда вкраплений, см. Тугай 1983) в рукописи: Патерики Печерский, Синайский, Азбучный, Скитский, Египетский (782 л. в два столбца), ГИМ, Синод. 216. Рассматриваемый почерк относится к Скитскому патерику. В послесловии к Печерскому патерику указано, что он писан в Новгороде в 1553 г. Следует полагать, что это верно и для остальной части рукописи (филиграни зафиксированы под 1550 и 1553—55 гг.).

Вас. пс. (Васильевская псалтирь) — Псалтирь (227 лл.). ГПБ, F.I.7., XVI в. (по-видимому, 1-я пол.).

---

[16] Рукопись отмечена в работе Колесов 1973а, с. 126; к сожалению, дата (в записи — 7009) ошибочно расшифрована в этой работе как 1491 г.

Вас. сб. (Васильевский сборник) — Сборник (496 лл.). ГПБ, Соф. 1460, XVI в. Эта и предшествующая рукописи были исследованы Л. Л. Васильевым в его основополагающей работе (Васильев). Ниже они цитируются по этой работе, а также по работам В. В. Колесова (Колесов 1972, 1974, 1978а, б), где эти рукописи обозначены соответственно как Псл. и Сб. 0.

Важной особенностью новгородской группы рукописей (кроме Пр.) является графическое различение фонем /э/ и /ô/. Для этого используются системы (см. § 3.19): в Час., Т. пс., Лих., Новг., Ег., Вас. пс. — каморная, в Муз. и Вас. сб. — каморно-узколитерная, в Пат. — широколитерная. Интересно отметить, что три примера применения каморной системы встретились уже в Октоихе 1436 г. (но не на первом листе, а в начале основного почерка: *грѣхô|въ* 3а, *живѿтъ* 3б, *плôтію* 3б).

Почти во всех рукописях этой группы имеются случаи смешения *ѣ* и *и*, в т. ч. под ударением (обычно, правда, наряду с некоторым числом смешений безударных *ѣ* и *е*); в Час., Лих. и Пр. есть примеры смешения *ц* и *ч*. В большинстве рукописей есть примеры написаний типа *кровъ*, *скорбъ* (вместо *кровь*, *скорбь*). Лингвистически значимых примеров смешения *а* и *о* не отмечено.

Отнесение к данному району тех памятников, где нет записей (Час., Т. пс., Муз., Ег., Вас. пс., Вас. сб.), основано на их сходстве с заведомо новгородскими памятниками по целому ряду признаков — прежде всего по графическому выражению фонем /э/ и /ô/ (и характеру их распределения) и по акцентной системе. На карте 2 новгородские памятники условно помещены в разные части соответствующего района, чтобы таким способом отобразить большее или меньшее сходство их акцентных систем с системами соседних районов; так, например, Муз. и Новг. обнаруживают ряд акцентных сходств с более восточными памятниками, Пат. — с псковскими.

II. Обонежье

§ 3.23. Сенн. — Толкование Феофилакта болгарского на евангелия от Матфея и от Марка (219 лл. в два столбца). ГИМ, Синод. 302 (по Горск. Нев. 87). Писано в 1499—1500 гг., при архиепископе Геннадии повелением игумена св. Спаса валаамского Якима (ср. выше Лих.); писал священноинок Феодор «Сѣнняньской». Таким образом, писец, по-видимому, происходит из Сенной Губы (Сенногубский погост на Большом Климецком острове Онежского озера). Изредка встречается камора над *о* и ѡ (для передачи /ô/), а также над *ѣ* и *у*. Отмечены случаи смешения *ц* и *ч*. Часто смешиваются *ѣ* и *и* (как без ударения, так и под ударением), тогда как случаи смешения *ѣ* и *е* крайне редки; написание *въ телѣ́жный поу*^{т} 133г (с *ле*, а не *лѣ*) соответствует диалектному произношению *телёга*, характерному для современных онежских и лачских говоров. Отме-

тим следующие примеры диалектной морфологии: ѡ^{т} *злóбѣ* 86б, *всѧ́кыѧ злóбѣ* 12г, *с высотѣ* 113г, *до высотѣ* 147б, *бóле ѡц҃нѣ* (Р. ед.) 54г; *тѣи* ‘те’ 34а, 164а; *къ и́мъ* 165а.

III. Псков

§ **3.24.** Егор. — Евангелие учительное, лицевое (570 лл.). ГБЛ, ф. 98 (собр. Егорова), № 80. Почерк единый. По оценке Н. Б. Тихомирова (устное сообщение), конец 1530-х—начало 1540-х годов.

Пск. — Житие и творения Феодора Студита (361 л.). ГБЛ, ф. 242 (собр. Прянишникова), № 134. Как явствует из записи, книгу написал в 1590 г. священник Фома, «служитель святого великомученика Дмитрия из придела от Покрова пресвятой Богородицы изо Пскова», и отдал ее в Крыпецкий монастырь (дата не полностью надежна, так как именно это место записи надорвано).

В обеих рукописях изредка встречается (в Егор. несколько чаще, чем в Пск.) камора над *о* для передачи /ô/; при этом, хотя коэффициент выраженности /ô/ крайне низок, ошибочных камор почти нет, т. е. мы имеем дело с еще живой системой различения /э/ и /ô/. В обеих рукописях встретились единичные примеры смешения *ц* и *ч*; многочисленны примеры смешения *ѣ* и *е* (обычно без ударения, изредка под ударением) при отсутствии случаев смешения *ѣ* и *и*. Имеются также некоторые примеры смешения *о* и *а* (правда, не совсем показательные). Часты написания *любóвъ*, *цр҃ковъ*, *удóбъ* и т. п. Отметим особо: Пск. *оу брáтью* ‘в братию’ 315б, *испрáливаетъ* 76 (*л* вместо *вл*), *сáвы. . . сéрбьскомоу* Д. ед. 356; Егор. *воуже* ‘веревка’ 470б, *-емъ* 470б, *возрастю́* ‘взращу’ 412б (+ 417, 418б). В Егор. многократно встретилось смешение Р. мн. и М. мн. у существительных, например: *пáче всѣ^{х} твáрехъ* 346б, *паче прô чихъ звѣ́рехъ* 396б, *умрътвіе свиніахъ* 336б, *по всѣ́хъ градѣхъ и странъ* 392 и ряд других. Особенно важно то, что в Егор. и Пск. представлена почти одинаковая акцентная система (в то же время несколько отличная даже от географически наиболее близких систем). Это сходство является наиболее веским аргументом для отнесения Егор. к тому же району, что и заведомо псковская рукопись Пск.

Дополнительный памятник. Нв. — Новгородская летопись. БАН, 34.4.32; лл. 384—634. 1-я четв. XVII в. По В. В. Колесову, предположительно Псков (Колесов 1972, с. 240); не исключено, впрочем, и новгородское происхождение памятника. Цитируется по работам Л. Л. Васильева (Васильев) и В. В. Колесова (Колесов 1972, 1974, 1978а, б).

IV. Смоленск

§ **3.25.** Смол. — Сборник епитимийных правил и уставов (178 лл.). ГБЛ, ф. 173 III (собр. Моск. духовной академии), № 108. Смоленск, 1580 г. Писал поп церкви Иоанна Богослова Михайла Фомин сын

Попов. Рукопись с множеством проявлений диалектной фонетики, в частности, с многочисленными смешениями ѣ и е (во всех позициях), безударных о и а, безударных е (также ѣ) и и; показательно *по мунастыремъ* 123б. Часты написания *кро́въ* 'кровь', *црковъ* и т. п.; отметим также *в монастыръ* 122, *па́стыръ* 127б, *ры́зы* 'ризы' 60. Имеются единичные примеры смешения ц и ч. Из морфологии отметим: *жены* Д. ед. 160б, *пущени́ую* Т. ед. 42, *о приходящи*^{х} *сщникѡвъ* 128б.

V. Ближний запад

§ **3.26.** Мер. (или Мерило) — Мерило Праведное XIV в. ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 15 [17]. Ниже рассматривается только часть рукописи — т. наз. зона А (см. Новые данные, § 9), охватывающая не менее трех почерков. Памятник подробно описан нами в работах: Новые данные, Противоп. и Акц. Мер. Рукопись не акцентуирована, но в ней различаются /э/ и /о̂/ (омеговая система), что дает возможность извлекать из нее акцентологическую информацию; см. об этом § 3.20 и подробнее — Акц. Мер., § 4. Предположительная локализация говора Мерила — от южной части Тверского княжества до юго-западных границ (будущей) великорусской территории; см. Новые данные, § 14 и Противоп., § 31. К диалектологически значимым особенностям Мерила, указанным в этих работах, можно добавить следующие.

1. Безударные окончания М. ед. *-ум* (*в до́лгум* и т. п.) и Д. М. ед. *-уй* (*в до́лгуй* и т. п.), которые естественно сопоставить с *-ѡмь*, *-ѡи*, выступающими в Мериле (*всякѡмь*, *всякѡи*, *котурѡмь*, *сельскѡмь* и др., см. Противоп. § 29), представлены, во-первых, во многих полесских говорах (белорусских и украинских) [18], а также в восточномогилевских, *-ум* еще и в полоцких и некоторых минских (см. ДАБМ, карты 118, 122), во-вторых, в отдельных пунктах Псковской, Калининской, Смоленской и Калужской областей (Атлас сводный, карта 47 — для *-ум*; Мат., вып. 8, с. 112 [г. Торопец]; Чернышев Пушк., с. 384).

2. По частным особенностям распределения /э/ и /о̂/, отраженным в табл. 4 (§ 3.4), Мерило попадает в северный тип великорусских источников, различающих /э/ и /о̂/. При этом, правда, нельзя считать показательными те пункты, где в Мериле представлены архаизмы (например, /о̂/ в *его*, *село*), поскольку они могут определяться просто древностью Мерила. Наиболее показательны здесь инновации — прежде всего /тôт/ и Д. мн. /-эм/. Огласовка /о̂/ в *тѡтъ* Мер. 149, 225 объединяет Мерило с ближнезападными памятниками Чет. и Хр. и с северо-восточными говорами (тотемским, вятским, см. Противоп., § 8); ср. еще *тôтъ бо* 271 в одном из почерков конеч-

[17] Фототипическое издание: Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961.

[18] Южноукраинские говоры в расчет не принимаются, поскольку здесь *у* (*ю*, *і*) в рассматриваемых окончаниях определяется просто закрытостью слога.

ной части рукописи Прол. Напротив, архаичный вариант /тэт/ отражен в южновеликорусском Трав. и в задонском говоре (Тростянский, с. 57, 135, 155, 156), а также в галицко-волынском евангелии МГУ № 1367 и в укр. *тóт*. Далее, /-эм/ в Д. мн. объединяет Мерило прежде всего с ближнезападными (Чет., Хр., Жит.) и с северо-западными памятниками (Час., Т. пс., Новг., Вас. сб. и др.), тогда как в Трав. (а также в полесских говорах) сохраняется архаичное /-ôм/.

3. В Мериле (в зоне А) компаративы *меньше*, *оуньше* и их производные (*меншиця*, *меншиньствѡ*) последовательно пишутся с *нш*, а не *ньш* (всего 20×), за исключением *мень|ши* 263б. Это можно было бы считать чисто орфографическим явлением, если бы не то обстоятельство, что перед суффиксами *-ск-* и *-ств-о* столь же последовательно пишется *нь* (равно как *ль* и *рь*), а не *н*, *л*, *р*, например: *женьско*, *вѡиньскихъ*, *равеньство*, *мирьскѡе*, *коварьство* (при том, что после других согласных изредка встречаются и написания без *ь*: *иерусалимско*^{е}, *городскихъ* и др.). В настоящее время твердое *н* в компаративах типа *меньше*, *тоньше* представлено в украинском и белорусском языках, а в русском языке в северных говорах, в рассеянном распространении также в западных среднерусских и в юго-западных говорах (Диал. член., карта 4). Примерно такую же зону распространения имеют и случаи сохранения в русских говорах мягких *н'*, *р'* перед *-ск-* (см. Образ., с. 205); в белорусском это явление отмечается во многих говорах (см. там же), для украинского оно представляет собой норму.

4. В Мериле встретилось написание *мнѡгѡ* 226б, которое, по-видимому, отражает колеблющееся ударение. С этим следует связать: Хр. *многô* 242, *мнóгô* (5×: 877 и др.), Т. пс. *мнѡгóô* 1, *мнôгô* 44б; Муз. *мнôгô* 212, также *мнôго* (3×) и *мнôго* (7×) с узким *о* после *г*, что в данной рукописи соответствует фонеме /ô/; Лет. *мнóгô* 167б; Цел. *многô* (часто), *непомногу̀* 93б, *неотомногà* 67. Далее, в современных говорах: [mnaγó] под Мосальском (Брок 1916, с. 31, 120, 126), под Мещовском (Мат., вып. 11, с. 56), в северной части Брянской обл. (МДК, вып. 3, с. 158; Мат., вып. 9, с. 203), *мнóгó* в Торопце (Мат., вып. 8, с. 114).

5. В Мериле последовательно проведено необычное для восточнославянских памятников ударение *икóномъ* (*икѡномъ*, *-а*, *-у* и т. д., см. Акц. Мер., § 22), не соответствующее греческому οἰκονόμος. Обнаружены следующие следы такого ударения: Дос. *икôнома* В. ед. 9б (при более частом *иконôмъ*), Пат. *икóно*^{м} 568а, *къ икóномоу* 628а. Кроме того, в словаре Берынды (Бер. 54) дано *домостроúте*^{л}: οἰκόνομος; возможно, перед нами свидетельство существования у книжников западной Руси особого «провинциального» акцентного варианта этого греческого слова.

Отметим также несколько написаний из Мерила, имеющих меньшую доказательную силу, поскольку они вполне могли быть перенесены из оригинала; *охвѡчь* 'охочий' 31 (*хв* в этой основе характерно для украинского и белорусского языков и для новгородских, псковских и архангельских говоров); *ширынѣ* (В. мн.) *мѡрьскиѣ*

35б (ср. блр. *шырыня́* и прочие на *-ыня́*); с другой стороны, *припе́ретися* ‘опереться’ 3 (ср. рус. *-пере́ть*, в отличие от укр. *-пе́рти*, блр. *-пе́рці*); *рвы* В. мн. 26б (ср. рус. *ров*, *рва*, в отличие от укр. *рів*, *ро́ву*, блр. *роў*, *ро́ва*).

В целом приведенные здесь дополнительные факты подкрепляют указанную выше локализацию говора Мерила. Если исходить из сетки позднедревнерусских диалектных зон, предложенной Г. А. Хабургаевым (Хабургаев 1980, § 86 и карта 16), Мерило должно быть отнесено к центральной диалектной зоне, причем, по-видимому, к ее северо-восточному углу. Наиболее вероятен район, очерченный примерно так: Ржев — Торопец — Смоленск — Мосальск.

Дос. — Синайский патерик в редакции Досифея Топоркова (инока Иосифо-Волоколамского монастыря, племянника Иосифа Волоцкого), 296 лл. ГИМ, Увар. 883 (по Леониду 960). Филигрань — Брике, № 13909 (1525 г.). Почерк единый. В пространном послесловии от лица Досифея сообщается, что по благословению и повелению архиепископа Великого Новгорода и Пскова Макария он (Досифей) переработал старые неисправные переводы Синайского патерика и что он начал писать в 1528 г., а кончил в 1529 г. Поскольку почерк писца не совпадает с известными автографами Досифея Топоркова (сообщение Б. М. Клосса), мы имеем здесь дело не с оригиналом, а со списком, в котором воспроизведена запись оригинала. Судя по филиграни, рукопись создана вскоре после указанной в ней даты. По-видимому, писец был связан, как и сам Досифей, с Иосифо-Волоколамским монастырем. Это предположение согласуется также с тем, что в рукописи имеются случаи смешения безударных *о* и *а*, *е* и *я*, безударных (изредка также ударных) *ѣ* и *е*. В рукописи различаются /ɔ/ и /ô/ (каморная система). Камора часто используется в качестве знака ударения также над *ѣ* и *ѳ*. По распределению фонем /ɔ/ и /ô/ Дос. относится к переходной группе, см. § 3.4, табл. 4. Важнейшее отличие от новгородских рукописей состоит здесь в том, что безударное *-го* (в *на́шего*, *си́льнаго*, *жива́го* и т. п.) не имеет здесь каморы; этим Дос. объединяется с московскими и южными рукописями (Узк., Лес., Хл., Трав.).

Фер. — Кормчая, так наз. Ферапонтовская (1001 л.). ГБЛ, ф. 98 (собр. Егорова), № 248. По-видимому, 1540-ые гг. (см. Правда Русская, I, с. 235—236). Вложена в Ферапонтов монастырь его бывшим игуменом Касьяном (известен как игумен в 1543 г.). Нами обследованы: 468—556б, 748—853, 957—1001. Имеются отдельные случаи смешения безударных *о* и *а*, безударных *е*, *ѣ* и *я*. Отражение аканья не позволяет отнести рукопись к месту ее вложения. По характеру акцентной системы она тоже сильно отличается от белозерских и вологодских памятников и более всего похожа на памятники ближнего запада (в особенности Дос., Дан., отчасти Стар., Рж.).

Лет. — основной почерк (1—432б, строка 3) так наз. Троицкого летописца (439 лл.), ГИМ, Синод. 645. По М. Н. Тихомирову, ру-

копись написана «примерно между 1544 и 1550 гг.» (Тихомиров 1942, с. 274). В рукописи нередко встречается *о̂*, но системы различения /ɔ/ и /о̂/ здесь в действительности нет: широко представлены не только написания без каморы типа *мно́го*, *ко́нь* и т. п., но и написания с ошибочной каморой типа *го̂ло*^{0}, *го̂рода*, *во̂лохи*, *ко̂ граду*, *по̂ градо*^{м} и т. п. По-видимому, в говоре писца противопоставление фонем /ɔ/ и /о̂/ уже было разрушено. Какая-то часть камор могла быть перенесена писцом из оригинала. В Лет. многократно встречается смешение безударных *о* и *а*, а также смешение *ѣ* и *е* во всех позициях. Встречаются написания *ц҃рквъ*, *кровъ* ‘кровь’, ср. еще *до́роговъ* ‘дороговизна’ 150б, *доло́въ* ‘долой’ 308, а также гиперкорректные написания типа *покро́вь* ‘покров’ 40, *из угро́вь* 96б; отметим еще *оу я́вузы* ‘у Яузы’ 366, *вв у́зское мѣ́сто* 295. Из случаев смешения *ц* и *ч* существенно *на личи* ‘на лице’ М. ед. 88б (менее показательно *не* ѡц*и́стятся* 37)[19]. Примеры *постиха́ющe* 116 (*х* вместо *г*), *четве́р*^{ъ} 138 (без *г*), вероятно, обусловлены фрикативным характером *г*; но это не вполне надежно. Из морфологических особенностей наиболее показательны: Р. ед. *с мо́сквѣ* 243б, *из вя́тькѣ* 291б, ѡ^{т} *вя́тькѣ* 293б, *сестры и*^{х} *аннѣ* 80, *у . . . странѣ* ‘у стороны’ 397б; М. ед. *на рѣки́* 168б, *на . . . рѣкы* 372, *на рѣци́* 182, ѡ *рѣки́* 113, *в руки́* 163 (исправлено на полях на *в руцѣ́*), *в орды* 202, *въ мно́зѣ же бѣ́ды* 14б, *вѣ́ градѣ*^{жс} *москвы* 347б; Т. мн. *с ро́ды свои́мы* 87б. Для локализации памятника особую ценность представляют также несколько частных акцентных особенностей, известных в современных говорах. Таковы: *молонiа̀* 338, *с молонiе́ю* 335, *с молѡ*^{н}*е́ю* 365, *маланiе́ю* 338б, *моланiа́ми* 173; *туча́* И. ед. 247 (при более частом *ту́ча*); *дочку́* В. ед. 391б; *толсто́е* 84 (ср. также фамилию *толсто́и* 337); *помо́же́*^{т} (2 уд.) 142. Диалектологический анализ (который мы здесь опускаем) приводит к выводу, что совокупность диалектных особенностей, отраженных рассмотренными выше написаниями, указывает на территорию к западу от Москвы. Правда, едва ли возможно указать современный говор, в котором соединились бы сразу все эти особенности [20]; но можно выделить район, где из них почти все присутствуют, а остальные распространены неподалеку: это примерно треугольник Торопец—Ржев—Вязьма. Если не ограничиваться зоной фрикативного *г* (для Лет. этот пункт не совсем ясен), то другим таким районом оказываются западнопсковские говоры. Характер

[19] Непоказательны смешения *ц* и *ч* в географических названиях: *ка́меневь* 46, *га́лицъ* 47, *свiслоць* 47б, *воро́на*^{ч} 49 и нек. др. В рукописи (неакцентуированной) ГИМ Увар. 188, которая списана с того же протографа, что Лет. (см. Тихомиров 1942, с. 274), в соответствующих местах во всех этих названиях выбор между *ч* и *ц* сделан совершенно так же. Таким образом, эффекты цоканья здесь следует считать перенесенными из общего протографа.

[20] Например, в настоящее время, по-видимому, не соединяются ударение *толсто́й* (северновеликорусские и псковские говоры) и ударение *туча́* (срединная часть южновеликорусских говоров и Подмосковье).

акцентной системы Лет. заставляет предпочесть первую из этих возможностей: в этой системе восточных черт почти столько же, сколько западных (что характерно для ряда памятников ближнего запада); между тем, например, система Пск. — целиком западная.

Хр. — Хронограф лицевой (1442 л.). ГБЛ, ф. 98 (собр. Егорова), № 202. Филигрань зафиксирована под 1584—92 гг. (Клосс 1980, с. 206). За вычетом листов 413, 414, 597, 604, 613, 620, 694 почерк единый. Судя по роскошному оформлению, рукопись была изготовлена для очень высокопоставленного заказчика, скорее всего для царя. Различаются /э/ и /о̂/ (широколитерная система). После *ч* всегда пишутся *я*, *ю*, *и*, *ь*, после *ж*, *ш*, *щ* и *ц* — всегда *а*, *у* и часто *ы*, *ъ*. Показательны *во ѳторыи* 1000, *іоудивь* 'Юдифь' 1233 (*іоуди*[в] 1234б и др.; ср. *о иоудивѣ* 1231б, но также *іоудивѣ* Д. ед. 1233, 1234). Вместо безударного *ѣ* обычно пишется *е*; отмечено также несколько примеров *е* вместо *ѣ* под ударением. Изредка смешиваются безударные *я* и *е* (имеющиеся случаи смешения безударных *а* и *о* не вполне показательны); отметим *и* вместо *е* в *пра́з*[ъ]*ніство́* 905б. Акцентная система носит компромиссный характер; она обнаруживает существенные сходства с рядом микросистем ближнего запада (Дос., Дан., Лет., также Фер., Чет.). По распределению /э/ и /о̂/ Хр. входит в северный тип, а внутри него наиболее близок к Чет. и Амф. (см. § 3.4, табл. 4). В целом для говора Хр. наиболее вероятна локализация к северо-западу или западу от Москвы, не слишком далеко от нее (при том, что писался памятник, по-видимому, в самой Москве).

Рж. — Псалтирь (283 л.). ГИМ, Муз. 95. Ярославль, 1612 г. Писал Георгий Евсевьев сын Комынин. Он же в 1617 г. переписал (тоже в Ярославле) сочинения Дионисия Ареопагита, ГБЛ, ф. 173, № 26 (далее обозначается: Рж. А[21]); здесь в записи сказано, что книга написана «рукою. . . Георгия Евсевиева сына Комынина ржевитина». В Рж. отмечено несколько случаев смешения безударных *о* и *а*. В настоящей работе используется рукопись Рж., а из Рж. А взято лишь несколько примеров, дополняющих картину акцентуации.

Дополнительные памятники. Хрон. — почерк 215—246б в рукописи: Хронограф, ГБЛ, ф. 113 (Волоколамское собр.), № 650. Рукопись создана в скриптории Иосифо-Волоколамского монастыря в 1520-х гг. (Клосс 1980, с. 158). Имеются случаи смешения безударных *о* и *а*.

Жит. — почерк 267—310б в рукописи: Сборник (жития святых), ГБЛ, ф. 173 (собр. Моск. духовной академии), № 57. Филигрань этой части рукописи — типа Брике, № 1734 (1522—37 гг.). Рукопись была создана в конце 1520-х или в 1530-х гг. в скриптории при ка-

[21] При ссылках на материал Рж. и Рж. А адрес некоторой словоформы может иметь, например, такой вид: Рж. 71б, А 15 (т. е. символ Рж. не повторяется). При разборе акцентологических вопросов символ Рж. представляет (если не оговорено иное) весь блок (Рж. и Рж. А). Сказанное относится и к прочим блокам.

федре митрополита Даниила; в этом скриптории работало много волоколамских писцов (см. Клосс 1980, с. 76). В рассматриваемом почерке различаются /э/ и /о̂/ (широколитерная система). Распределение этих фонем — северного типа. Внутри этого типа Жит. ближе всего стоит к ближнесеверной группе (Амф., Чет., Хр.), но отличается от нее тем, что в Т. ед. местоимений здесь выступает /о̂/ (*мно́бю*, *тобо́бю*, *собо́бю*), а в Т. ед. существительных огласовка колеблется (*-о́бю* или *-бю*); эта особенность несколько сближает Жит. с северо-западной группой. Из элементов диалектной морфологии можно отметить Т. ед. *властею* 306, *сповѣдю*^{т} (3 мн.) 289б. Акцентная система западного типа. Локализация говора Жит. внутри западной зоны не вполне определенна: он может быть волоколамским, но не исключена и более западная локализация (например, восточно-псковская).

Дан. — первый почерк (1—174) рукописи: Сборник грамматических и иных статей, ГБЛ, ф. 113 (Волоколамское собр.), № 490. Рукопись написана в 1543 г. «во Иосифов монастырь». Рассматриваемый почерк принадлежит, по свидетельствам XVI в., митрополиту Даниилу (Клосс 1980, с. 90). Отмечены случаи смешения безударных *о* и *а*, *ѣ* и *е*. Поскольку митрополит Даниил, по свидетельству его современников, имел прозвище «рязанец» (Клосс 1980, с. 103), можно было бы ожидать в его автографе рязанских диалектных особенностей. Фактически, однако, акцентная система Дан. носит отчетливо западный, а не восточный характер; она близка к системам Хрон. и Дос. и далека, например, от Ряз. Учитывая, что Даниил с юношеских лет пребывал в Иосифо-Волоколамском монастыре (причем неизвестно, где прошло его детство) и был связан с ним всю жизнь, следует предполагать, что его книжный язык вполне соответствовал нормам, принятым в этом культурном центре.

Чет. — Минея-четья на апрель, домакарьевского состава (790 лл.). ГИМ, Синод. 91. Большинство филиграней соответствует 1560-ым годам. Почерк единый. Различаются /э/ и /о̂/ (широколитерная система). Отмечены случаи смешения *ц* и *ч*. Встретились: *то̀й оутро́бы* Д. ед. 42б, *три зе́рны* В. мн. 20б. Акцентная система компромиссного типа, близкая к Стар., Лет. и Хр. Распределение /э/ и /о̂/ очень близко к Хр. и Амф. (см. § 3.4, табл. 4). Обследованы: 1—146б.

Рум. — почерк. 315—347б, 671—680б в рукописи: Творения Златоуста и Ефрема Сирина; ГБЛ, ф. 256 (Румянцевское собр.), № 181. Филигрань указанных листов зафиксирована под 1550—1585 гг. Локализация говора определяется тем, что акцентная система здесь практически совпадает с Сел.

Стар. — Книги 16 пророков (273 лл.). ГИМ, Синод. 301 (по Горск. Нев. 81). Конец XVI — нач. XVII в. (филигрань типа Хивуд, № 141: 1598 г.). Как гласит запись, писано в Старице. Обследованы: 1—51, 90—113б. Встречается смешение безударных *о* и *а*. Отметим

раскае ли ся (без *-т*). Особенностью рукописи является то, что в ней изредка встречаются южнославянские акцентовки; отсюда необходимость определенных предосторожностей в использовании ее материала.

Сел. — Канонник (487 лл.). ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 283. Писан в 1616 г. в Троице-Сергиевой лавре иноком Арсением селижаровцем. Наименование «селижаровец» указывает на Селижаровский посад (ныне поселок Селижарово) и одноименный монастырь, но, возможно, и просто на весь район озера Селигер.

Дорог. — Сборник (205 лл. малого формата). ГИМ, Барсов 1280. Село Извольское Дорогобужского уезда, 1626 г. Писал Евпл, сын местного попа Ивана. Ярко выраженное смешение безударных *а* и *о*, *е* и *я*; отметим *в чет҃вер҃хъ* 98, частое *-аю* вместо *-ую* в В. ед. жен. К сожалению, акцентной информации мало, поскольку конечная гласная получает здесь варию независимо от ударения.

VI. Москва

§ 3.27. Основные московские памятники — это следующие старопечатные книги.

Ап. — Апостол. Москва, 1564. Печатники Иван Федоров и Петр Мстиславец.

Тар. — Псалтирь. Москва, 1568. Печатники Никифор Тарасиев и Андроник Невежа. Исследован экземпляр ГБЛ с инвентарным номером 2553; часть листов в нем отсутствует, пагинация позднейшая (библиотечная).

Цв. — Триодь Цветная. Москва, 1591. Печатник Андроник Невежа. Три пагинации (ниже при ссылках вторая пагинация отмечается цифрой II, третья — III).

Улож. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича. Москва, 1649.

Матф. — Толкование Феофилакта болгарского на евангелие от Матфея; в составе издания, включающего толкование на все четыре евангелия. Москва, 1649.

Помимо собственно московских памятников в данную группу входит следующая рукопись, написанная поблизости от Москвы.

Амф. — Святцы с восследованием (282 л.). ГБЛ, ф. 7 (собр. Амфилохия), № 27 (=Муз. 667). Согласно записи, книга написана в ноябре 1571 г. в Голутвине монастыре на Коломне; правда, лист 256, содержащий запись, не первоначальный: этот лист был заменен (вместе с листом 182), судя по филиграни, в середине XVII в. (вероятно, в связи с тем, что рукопись была чем-то залита: пострадали также соседние листы). Филигрань основной части рукописи — типа Лихачев, № 4067 (1588 г.); таким образом, нет оснований предполагать, что запись была переписана с целью фальсификации даты.

Почерк рукописи единый (кроме замененных листов). Письмо отличается исключительной тщательностью и безукоризненной грамотностью (соответственно, о диалектных фонетических или морфологических особенностях не может быть и речи). В рукописи различаются /э/ и /ô/ (кумулятивная система, см. § 3.19). Распределение этих двух фонем — северного типа; в рамках этого типа Амф. стоит ближе всего к Хр. и Чет. (см. § 3.4, табл. 4). Акцентная система восточного типа, очень близкая к Ап. Таким образом, Амф. — это явно рукопись московского круга; от попыток локализовать ее говор более точно осторожнее воздержаться (во всяком случае, судя по распределению /э/ и /ô/, едва ли следует связывать его именно с Коломной).

Дополнительные памятники. Такт. — Тактикон Никона Черногорца (335 л.). ГПБ, F.I.207. Писана в Москве в Симоновом монастыре с сентября 1460 г. по апрель 1461 г. «рабом божьим Василием» (рукопись отмечена в Колесов 1973а, с. 124). Обследованы (по микрофильму): 1—100б, 300—335б. Орфография в значительной мере ориентирована на среднеболгарские нормы; так, обычно соблюдается различие этимологических *у* и ѫ (при возможности смешения ѫ и ѧ), вместо ѣ часто пишется *ѣ* и т. п. При этом, однако, письмо тщательное, без ошибок, определяемых диалектной фонетикой. В акцентуации поразительно мало для столь ранней рукописи заведомых южнославянизмов (правда, в конце рукописи их больше, чем в начале). Акцентуация (кроме первых двух листов) редкая; наиболее интересные для акцентолога словоформы чаще всего оставлены без ударения. Акцентная система (насколько ее удается выявить на основании скудного материала) носит компромиссный характер; она близка к системам некоторых ближнезападных памятников XVI в. Однако это еще не обязательно означает, что писец Василий был, скажем, волоколамцем. Вполне возможно, что именно такая акцентная система была престижной нормой для московских книжников XV в. (см. об этом также ниже).

Узк. — безвыходно́е евангелие, так наз. узкошрифтное, напечатанное в анонимной типографии, которая работала, как предполагают, в Москве в 1553—64 гг. (подробнее см. Новые данные, § 6). Различаются /э/ и /ô/ (широколитерная система). В акцентной системе наряду с восточными чертами есть и заметное число западных черт (возможно, акцентуация Узк. частично определялась новгородским оригиналом).

Лес. — почерк 1—6б, 126—268 в рукописи: Лествица, ГИМ, Чуд. 227. Москва, Чудов монастырь, 1558 г. Различаются /э/ и /ô/ (омеговая система). Акцентная система близка к Ап.

Кроме того, еще две старопечатные книги. Постн. — Триодь постная. Москва, 1589. Печатник Андроник Невежа.

Ратн. — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. Москва, 1647. Цитируется по работе: Станг 1952.

Если сравнить (в хронологической последовательности) московские церковные памятники XVI—XVII вв. Узк. (после 1553 г.), Лес. (1558 г.), Ап. (1564 г.), Тар. (1568 г.), Цв. (1591 г.), Матф. (1649 г.), то обнаруживается постепенный переход от акцентных систем с заметным числом западных черт к более последовательной восточной системе. Что же касается светских памятников XVII в. (Улож. и Ратн.), то они отражают (особенно Улож.) практически чистый восточный тип. По-видимому, причина здесь не в диалектном сдвиге, а в эволюции книжной нормы, которая постепенно отказывалась от ориентации на западные (прежде всего новгородские) системы и признавала допустимым для книжного произношения все большее число черт живой московской акцентуации. Смешанный характер акцентной системы Такт. позволяет предполагать, что Такт. представляет собой просто более раннее хронологическое звено в том же ряду. Таким образом, принцип, описанный в § 3.11, в Москве победил не сразу.

VII. Юг

§ 3.28. Чуд. — Чудовский Новый Завет (170 лл. в два столбца)[22]. XIV в. (предположительно 1355 г.). Несколько почерков, но никаких системных различий в акцентуации между разными писцами усмотреть не удается; поэтому практикуемый всеми акцентологами подход к Чуд. как к единой системе, по-видимому, можно считать оправданным. Возможно, что единая акцентная система Чуд. — это система самого митрополита Алексия, если он действительно диктовал текст перевода писцам. Эта акцентная система весьма архаична; лишь считанное число инноваций (большей частью мелких) отличает ее от раннедревнерусской. Между тем для диалектологической оценки здесь существенны (помимо тех точек системы, где уже в раннедревнерусском были диалектные варианты) именно инновации. С этой точки зрения Чуд. представляет собой довольно сложную картину.

Прежде всего здесь обнаруживается ряд великорусских инноваций (отсутствующих в староукраинском и старобелорусском); таковы, например, ударения (постоянные или хотя бы факультативные): *инóмоу*, *инѣ́ми*, *иногдѫ̀*, *второ́му*, *седма́я*, *осма́го*, *болиѝ*, *меншѝ*. При этом часть этих инноваций (см. последние четыре примера) представлены преимущественно или даже исключительно в восточновеликорусской зоне. Восточновеликорусским является также выбор акцентного варианта (для слов а. п. *с*) в формах, представленных образцами *вратѫ̀*, *въ домѹ̀*, *въ кровѝ*, *въ водѣ̀* (впрочем, такая же акцентовка была известна и в определенной части говоров будущей белорусско-украинской территории).

[22] По фототипическому изданию: Новый Завет господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси (издание Леонтия, митрополита Московского). М., 1892. Все примеры из Чуд., в том числе взятые из лингвистических работ, выверены нами по этому изданию.

С другой стороны, в Чуд. отразились некоторые инновации, общие для западновеликорусской зоны и белорусско-украинской территории, — прежде всего тематизация ударения в глаголах (§ 3.73) и акцентовка типа *продáнъ* (§ 3.69). Далее, выделяются явления, известные на белорусско-украинской территории и в соседних с ними частях великорусской территории: Чуд. *никóгоже* 51а, *пó тоⁿ* 'после' 121в (оксия не совсем надежна); ср. Бер. *нѣчóго* 120, 146 и др., укр. *нікóго*, *нічóго*, блр. *нікóга*, *нічóга*, укр. *пóтім*, блр. *пóтым*; аналогично и в юго-западновеликорусских говорах (ср. также Новые данные, § 14, п. 5 о *ни* ѡᵀ *кѡго же* и т. п. в Мер.). Большой интерес представляет акцентуация в Чуд. формы М. ед. у *o*-masculina а. п. *с* с мягкой основой: *в гноѝ* 35в, *о кнᵃ|зѝ* 17г (+ 6в), *о... кнзѝ* 7г, *о моужѝ* 71б (+64б, 77а, 110г); конечное ударение (неисконное) появилось здесь под влиянием *i*-основ. Такая инновация характерна для белорусского, ср. блр. *у баі́*, *у гаі́*, *у гля́і*, *у краі́*, *на краі́*, *у раі́*, *у страі́*, *у хмялі́*, *у плачы́* — при наосновном ударении в остальных словоформах ед. числа (Лобан 1957, с. 193); на сходство в этом пункте между Чуд. и белорусским указал В. А. Дыбо. Данная инновация известна и в юго-западновеликорусских говорах, где отмечается, в частности, *на крáй* (Диал. член., с. 123; Оч. морф., с. 74); ср. также данные близких к этому району памятников: Трав. *в майѝ* 'в мае' (регулярно), Лет. *на боѝ* 398 (однако также Цв. *въ гноѝ* 76, Увар. *о... гноѝ* 724б, Ряз. *на зноѝ* 85 — в несколько более дальних памятниках).

Наконец, в Чуд. представлены некоторые акцентовки, характерные для староукраинского и старобелорусского, но не для старовеликорусского; *трáпезы*, *-у*, *-ою* и т. д. (регулярно) (Бер. *трáпеза* 464, *-ы* 345); *храминá*, *-ы́*, *-ӯ*, *-ѣ́* (регулярно) (Бер. *храминà* 280); *сернà* 64г bis (Бер. *сернà* 105, 462); *чéрта* 4г, *-ѣ́* Д. ед. 36б (Бер. *чрѣ́та* 304); *злóдѣя* В. дв. 40б (Бер. *злóдѣй* 69, 254, укр. *злóдій*, блр. *злóдзей*); *дв҃ь|ствéници* И. мн. муж. 154г (Бер. *дв҃твéнникъ* 443). В старовеликорусских памятниках XV—XVI вв. эти слова акцентуируются (за редчайшими исключениями) как *трапéза*, *хрáмина*, *сéрна*, *чертà*, *злодѣ́и*, *дв҃вьстве(н)никъ*. В качестве единичных отклонений от иного, более обычного ударения, в Чуд. встретились также: *во имя̀ мое* 49а (Бер. *имя̀* регулярно, укр. *ім'я́*, блр. *імя́*); *нáро⁰* 9в (Бер. *нáродъ* 132); *павлóва* И. ед. жен. 127г, *-ы* 75г (ср. укр., блр. *Павлó*); ѡᵀ *такóвыˣ* 138а (Бер. *такóв-аа* 182, *-ое* 294, *-ои* Р. ед. 208); *малы́мъ* Д. мн. 153г (оксия не совсем надежна) (Бер. *мал-áа* 453, 463, *-óе* 451 и др. формы, наряду с *мáлыи* 406, 453 и др. формами; укр. *малíй*, блр. *малы́*); *изгóню* 7г, *ізгóнᵃ* (прич.) 17а, *понóсіти* 7б (ср. укр. *вигóнити*, *вигóню*, *пронóсити*, блр. *пранóсіць*); для старовеликорусских памятников приведенные ударения не характерны.

Совокупность приведенных данных указывает на какую-то форму взаимодействия будущего великорусского и будущих украинского

и белорусского языков. С другой стороны, сосуществование восточновеликорусских и западновеликорусских акцентных черт заставляет связывать Чуд. с границей между этими двумя зонами. Соответственно, на наших картах мы условно помещаем Чуд. к юго-западу от Москвы. Условность состоит здесь прежде всего в том, что Чуд. в действительности едва ли является последовательным отражением какого-то одного местного говора; вероятно, он соединяет некоторые черты (в частности, акцентные) книжной речи Москвы и юго-западной Руси. И. Огиенко предполагал (Огиенко 1928, с. 445), что митрополит Алексий, будучи сыном черниговского боярина (Федора Бяконта), мог сохранить некоторые ударения, усвоенные в детстве в семье. А. В. Дыбо, исследовавшая морфологические особенности Чуд., пришла к заключению, что они имеют западнорусский характер [23]. Фонетические особенности Чуд. сами по себе не очень выразительны (поскольку отступления от книжных норм здесь чрезвычайно редки); но они не противоречат рассмотренным выше данным. Отметим смешение *оукроу*^{х} (Р. мн.) 31г, 44а — *оукру*^{г} 44а, смешения типа *а́гарь* 123в — *а́гаръ* 123в, *кесарю* 38б — *ке́сару* 38б; далее *совоузѣ* 63г (при обычных *сооу́зѣ*, *-а*), *не истеза́и* 29в (колебание *ашю́ть* 122г и др. — *о|шю*^{т} 4г едва ли показательно) [24].

Библ. — второй почерк (474—994б) рукописи: Библия (1013 лл.), ГИМ, Синод. 30 (по Горск. Нев. 3). Вкладная запись по листам 16—26 от имени рязанского епископа (с не совсем понятно записанной датой) подверглась частичному уничтожению. По Горскому и Невоструеву, это запись епископа рязанского и муромского Сергия, относящаяся к 1570—71 г. Филиграни хорошо согласуются с этой датой; основная филигрань рукописи (с цифрой «1551») — Лауцявичюс, №№ 1752 и 3392, в рукописи 1569 г. (в Литве); филигрань последних листов рукописи — Брике, № 1844 (1562—1581 гг.). Нами обследованы: 474—494б, 590—625, 669—693, 799б—810б, 947—994б, а также записи на полях во всем почерке. Отметим случаи смешения *о* и *а* (в частности, *оугода* ‘угадал’ 949, *не ражéши* ‘не родивши’ 947б; менее показательно регулярное *испокастúти* вместо *испакостити*); ср. также ѡ^{т} *синяты* 951б (вместо *синеты*). В безударной позиции вместо *ѣ* нередко пишется *е*. Не совсем надежны примеры смешения *ц* и *ч* (*памятопúсъчи* 475б, *въ что* ѡблецéтеся 673). Отметим *в конббь* 603 (вместо *-бъ*), *гóлубы* ‘голуби’ 685б, *кумúря* В. мн. (часто), наряду с *кумúры*. Из морфологии существенны: ѡ *вбиску* 630б (+991), *гумны* И. мн. 610, *лаины* В. мн. 616б (ср.

---

[23] *Дыбо А. В.* К вопросу о диалектной принадлежности Чудовского Нового Завета. — В кн.: Филология. Исследования по древним и новым языкам. Переводы с древних языков. М., 1981, с. 41.

[24] Следует учитывать, что в Чуд. в тексте Апокалипсиса некоторые написания — позднейшие (по подтертому); так, *змеи* И. ед. 153г bis, 154а ter и др. переделано из *змии*, *востръ* 155а ter — из *остръ*, *въ|зыде* 152б — из *въ|зиде*, *в чáшѣ* 155а — из *в чáши*, *печатеи* 151б — из чего-то иного и т. д.

ла́ино В. ед. 984б). Акцентная система восточного типа, с рядом черт, характерных для южных и части московских (в особенности Цв.) рукописей. В целом наиболее вероятна локализация говора Библ. к югу от Москвы, неподалеку от нее; но не исключено также собственно московское или рязанское происхождение писца.

Косм. (или Космография) — Космографические разделы «Всемирной хроники» Мартина Бельского (191 л.), ГБЛ, ф. 152 (собр. Лукашевича и Маркевича), № 2. Последняя четв. XVI в. Почерк единый. На основании отразившихся в рукописи диалектных фонетических и морфологических особенностей говор писца должен быть отнесен к срединной части южновеликорусской территории (курско-орловские и прилегающие к ним межзональные говоры); подробнее см. Глаг. акц., § 8—11. Поскольку акцентная система Косм. носит ярко выраженный восточный характер, наиболее вероятной представляется локализация говора Косм. у восточных границ указанного ареала.

Дом. — основной почерк (4б—124) Домостроя по Коншинскому списку, ГПБ, Q.XVII.149. Конец XVI—начало XVII в. Наиболее вероятная локализация говора — к юго-западу или югу от Москвы, сравнительно недалеко от нее; подробнее см. Глаг. акц., § 12. Цитируется по изданию Орлова [25].

Трав. — Травник и лечебник (538 лл.). ГБЛ, ф. 37 (собр. Большакова), № 431. По оценке А. А. Турилова, начало XVII в. (или даже рубеж веков). Почерк единый. Рукопись с различением /э/ и /о̂/ (омеговая система); см. Новые данные, § 3, 19, 24. На основании отразившихся в рукописи диалектных фонетических и морфологических особенностей говор писца должен быть отнесен примерно к той же территории, что и Косм.; см. Глаг. акц., § 12. Судя по характеру акцентной системы, уместно локализовать Трав. несколько западнее, чем Косм.

М. пс. (Максимова псалтирь) — основной почерк (5 листов предисловия и 1—199) рукописи: Псалтирь в переводе Максима Грека, ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 62. Начало XVII в.; филигрань «две короны под ветвями» типа Гераклитов, № 1474—1476 (1606 г.), но с подписью Oradour (другой вариант: Promanei) и с датой 1607 (шестерка зеркальная). В 1665 г. была вложена в Троице-Сергиеву лавру. В тексте имеется правка другими (более бледными, чем у писца) чернилами, причем она в ряде случаев касается акцентуации. Есть примеры смешения безударных *о* и *а*; вместо безударного *ѣ* часто пишется *е*. Обычны написания типа *ве́щъ*, *по́мощъ*; отметим *пле́шма* 100б (*ш* вместо *щ*), *ѡвчы*^{х} 158; *ско́рбъ* 20. Акцентная система очень близка к Косм. и Трав., что позволяет предполагать диалектную близость М. пс. к этим рукописям.

---

[25] Домострой по Коншинскому списку и подобным, кн. 1. К изданию приготовил А. Орлов. М., 1908.

Дополнительные памятники. Хл. — почерк 271—384 в рукописи: Сборник, ГИМ, Хлуд. 147 Д. 1560-ые гг.[26] В почерке различаются /ɔ/ и /ô/ (каморная система); распределение этих фонем — южного типа, близко сходное с Лес. (см. § 3.4, табл. 4). Акцентная система компромиссного типа. Наиболее вероятна локализация говора поблизости от Москвы, к юго-западу или западу от нее.

Хлуд. — почерк 112—159б в той же рукописи. Есть случаи смешения *а* и *о*, *я* и *е*; отметим *в арханьиле* 131, *к литвы* 129. Акцентная система близка к Хл., но содержит несколько меньше западных черт. Наиболее вероятна локализация говора к юго-западу или к югу от Москвы.

Ик. — почерк 31—132б в рукописи: Иконописный подлинник, ГБЛ, ф. 209 (собр. Овчинникова), № 409. Посл. четв. XVI в.; филигрань: Лихачев, № 2992 (1589 г.). Много случаев смешения *е* и *ѣ* (в т. ч. под ударением) и безударных *а* и *о*. Прочие следы диалектной фонетики и морфологии: *вери*^{х} *'вериг'* 61б, *в шатра* 'у шатра' 90, *киновáръ* 103б, *не блени́мся* 'не обленимся' 124, *маленке* 'маленько' 55, *с лѣвою роукоу* В. ед. 51, *прáвою роýку* 58. Фонетические и акцентные особенности рукописи указывают на какой-то район к юго-западу от центра.

VIII. Юго-восток

§ 3.29. Ряз. — Лествица (335 лл.). ГИМ, Барсов 246. Писана в 1611 г. в монастыре Рождества Богородицы на Солотче повелением Феодорита, архиепископа рязанского и муромского. Имеются некоторые случаи смешения безударных *а* и *о* (впрочем, не вполне показательные), смешения *е* и *ѣ*. Отметим *мы́ша* Р. ед. 264, *мы́ша же мы́сленаго* 264. Акцентная система восточного типа.

Дополнительный памятник. Тамб. — основной почерк (1—29б) рукописи: Синодик Троицкой Новой пустыни на Цне (Тамбовской губ.), 1621 г. ГИМ, Барсов 961.

IX. Ближний северо-восток

§ 3.30. Ион. — Маргарит Иоанна Златоуста (623 л.). ГБЛ, ф. 256 (Румянцевское собр.), № 195. Книгу написал в 1530 г. «чернец Ионишко пореклом Тофа»; он же вложил ее в Ферапонтов монастырь. Этот же писец в 1542 г. написал Соборник (656 лл.), ГБЛ, ф. 178, № 6456 (далее обозначается: Ион. С) и вложил его в Кирилло-Белозерский монастырь. В настоящей работе используется рукопись Ион.; из Ион. С взято лишь несколько дополнительных примеров.

---

[26] См.: *Лопарев Х.* Описание Хлудовской рукописи № 147. — ЧОИДР, кн. III. М., 1887, отд. II, с. 1—18; Повесть о Петре и Февронии. Подготовка текстов и исследование Р. П. Дмитриевой. Л., 1979, с. 148.

Увар. — Кормчая (843 л.). ГИМ, Увар. 296 (по Леониду 560). Сер. XVI в. (филиграни зафиксированы под 1538, 1540 гг.; см. Правда Русская, I, с. 208). Почерк единый. Обследованы: 49—82, 294—307, 384—402б, 479б—618, 673б—737б, 802—843. Отклонений от орфографических норм почти нет. Акцентная система восточного типа. Совокупность акцентных особенностей делает наиболее вероятной локализацию говора Увар. несколько к северу от Москвы.

Биб. — первый почерк (1—473б) рукописи ГИМ, Синод. 30; об этой рукописи см. выше (§ 3.28) в разделе Библ. Обследованы: 71б—89, 109—123, 328—343, 365—410б, 420—427б и записи на полях во всем почерке. Отклонений от нормативной орфографии чрезвычайно мало. Изредка встречается смешение *ѣ* и *е* (в т. ч. под ударением). Отметим *гра́жены* Т. мн. 23б, *наляцѣ|на лоукѣ* Р. ед. 429, *михдалъ* 425, *посредъ со́нма* 437, *пара́ща* 'парящая, летящая' 465б, *вво́ дне* М. ед. 388; также *блю́ды* В. мн. 88, *крѣпча́е* 'крепче' 113б, *легча́е* 'легче' 435, *аще бу́де* 81б. Акцентная система восточного типа, но, в отличие от Библ., без особенностей, характерных для южных памятников. Имеется ряд частных акцентных сходств с Увар. и Пер. (есть также черты сходства с Сел. и Стар.). Таким образом, акцентологические характеристики делают наиболее вероятным отнесение говора Биб. к ближнему северо-востоку.

Костр. — почерк (4—253б) первой половины рукописи: Слова Аввы Дорофея и беседы Григория, папы римского; ГБЛ, ф. 138 (Костромское собр.), № 25. Писано в 1628 г. для костромского Ипатьевского монастыря повелением его архимандрита Пафнутия (очевидно, в самом монастыре). Отметим *во фторую́* 49, *фторо́е же* 51, *ѡтнюдъ* 61 и др., *па́житъ* 59б, *багра́ницу* 36б, *багра́но* 36б. Акцентная система сходна с другими рукописями ближнего северо-востока, но есть и некоторые частные акцентные сходства с дальним северо-востоком.

Пер. — Слова Аввы Дорофея (289 лл.). ГБЛ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 194. Как гласит запись, книгу написал в 1633 г. инок черный поп Илья; в 1644 г. он уже был игуменом переяславского патриаршего Борисоглебского монастыря, куда и вложил эту книгу (о чем имеется отдельная запись 1644 г.). Отметим частые *чы, щы*, написания *сам са* 'сам себя' 3б, *пу́тъ* 'путь' 98, *ѡтнюдъ* 179, *нѵготъ* И. ед. 185; есть случаи смешения *ѣ* и *е*, в т. ч. под ударением.

Яр. — основной почерк (33—283б, 287—289б, 292—329) рукописи: Служебник (354 л.), ГИМ, Барсов 1149. Ярославль, 1635 г.

Дополнительные памятники. Угл. — часть 10—14б в рукописи: Псалтирь с восследованием (475 лл.), ГИМ, Увар, 569 (по Леониду 671). Книга написана в Угличе в ноябре 1491 г. (или 1492 г., если дата дана по мартовскому году). Несколько почерков. Часть 10—14б соответствует началу самих псалмов и имеет довольно плотную

чисто русскую акцентуацию (восточного типа). Начиная с листа 15, хотя почерк не сменился, количество акцентных знаков резко падает и появляются южнославянские акцентовки. По-видимому, этот перелом отражает упадок усердия писца по мере удаления от начала (явление, известное и по многим другим рукописям): вначале писец прилагал специальные усилия к тому, чтобы последовательно отразить на письме реальное ударение (установка весьма редкая для его эпохи), а затем отказался от этих усилий и стал писать в стандартной для этого времени манере.

Бук. — Буковница старца Герасима Ворбозомского (грамматическое пособие, построенное как словарь форм словоизменения). ГБЛ, ф. 173 (собр. Моск. духовной академии), № 35, листы 130—234. Писана в 1592 г. в доме дьякона Тимофея Яковлева сына важенина (от названия реки Вага) по его заказу; писец — постриженик Благовещенского Ворбозомского монастыря (под Белозерском) Павел.

Кир. — основной почерк (7—162б, писец Вениамин Калганов) рукописи: Сборник (256 лл.); ГБЛ, ф. 209 (собр. Овчинникова), № 327. Кириллов монастырь, 1612 г.

Кирил. — почерк 177—218б в той же рукописи.

Тих. — первый почерк (1—117) рукописи: Сборник грамматический, ГБЛ, ф. 289 (собр. Тихонравова), № 336. Филигрань зафиксирована под 1622 г. Имеется владельческая запись о принадлежности рукописи архимандриту суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Питириму (был архимандритом в 1650—54 гг.). Судя по характеру акцентной системы, рукопись скорее всего создана примерно в том же районе, где она находилась в 1650-ые гг.

X. Дальний северо-восток

§ 3.31. Прол. — второй почерк (3б—127б) рукописи: Пролог, сентябрьская половина (391 л.), ГБЛ, ф. 354 (Вологодское собр.), № 19. Начало XVI в., не позднее 1516 г. Как гласит запись, в июне 1516 г. чернец Прохор вологжанин Трифонов сын послал эту книгу на Вологду из Великого Новгорода от Воскресения Христова из монастыря с Деревяницы. Несколько почерков; из них первый (1—3), более торжественный и более архаичный, чем все остальные, возможно, принадлежит старому мастеру, который лишь «задал тон» остальным писцам. Во всех почерках встречается *ô*, передающее фонему /ô/, но коэффициент выраженности /ô/ очень низок; при этом только второй почерк имеет относительно плотную акцентуацию. В акцентной системе этого почерка восточные черты преобладают над западными. Поэтому наиболее вероятной здесь представляется вологодская локализация (возможно, в частности, что это почерк самого Прохора вологжанина); но все же не исключена и восточно-

новгородская локализация (ср. Муз. и Новг., с которыми Прол. имеет ряд общих особенностей).

Корн. — Василия Великого о постничестве (451 л.). ГИМ, Увар. 255 (по Леониду 180). 1543 г. Писал в Перфирьевой пустыни (при Корнилиевом Комельском монастыре под Грязовцем) инок Артемий, принявший пострижение от Корнилия (основателя монастыря).

Печ. — Минеи-четьи на сентябрь и октябрь (562 л.). ГБЛ, ф. 138 (Костромское собр.), № 17. Печенгский монастырь (у «велíкого пóнта мýрманского мóря окия́на»), 1605 г. Писал Яков Иванов сын Горюшкин.

Сол. — основной почерк (1—274) рукописи: Житие Зосимы и Савватия соловецких, ГБЛ, ф. 209 (собр. Овчинникова), № 235. Соловки, 1632 г.

Хлын. — Златоуст (280 лл.). ГБЛ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 539. 2-я четв. XVII в., не позднее 1644 г. Почерк единый. Имеется запись о том, что в 1644 г. книгу продал володимирцу Федору Михайлову сыну Хорохову вятчанин Хлынова города Ивашко Андрейцев сын Воротцов. Встречается написание *въ* вместо *вь* на конце слова, смешение *ш* и *щ*. Написания *паня́ву* 211, *оуставъ ап*^{с}*тале́скъ* 'апостольский устав' 39 не свидетельствуют об аканье (первое может быть инодиалектным заимствованием; у второго иногда встречается вариант с *та*, ср. *апо́сталы* Тих. 16 в рукописи без всяких следов аканья). По акцентным характеристикам рукопись более всего сходна с вологодскими памятниками и с Авв.; таким образом. вятское происхождение рукописи вполне вероятно.

Колм. — Космография Герарда Меркатора[27]. Колмогоры, 1670 г. Насколько можно понять из предисловия издателя, почерк единый. Имеется ряд написаний, указывающих на северное происхождение писца: *роспе́ливаютъ* 'распяливают' 202, *болни́мъ* Д. мн. 82 (+ 63), *удѣ́лнимъ* 87 (и другие с *ни* вместо *ны*), *де́готъ* 232, *под*^{д}*алúсе* 212, *беретчúсь* 26, *мо*^{ш}*чи* 'мочь' 63, *ею* 'её' В. ед. 52; также ударения *то*^{г}*сто́бе* 220, *тощо́е* 149, *тощи́е* 149, *пресну́ю* 98, *на спи́не* 229. С этими примерами хорошо согласуются и многие другие (сами по себе не столь однозначные), в частности: *на лошадѣ* 68, *в бра́ку* М. ед. 151, *на́ гробу его* 129, *с лѣ́вой сторонѣ* 95, 143. Таким образом, нет причин сомневаться в местном происхождении писца (ср. Хазагеров, с. 166, где этот памятник без всякого обоснования объявлен московским).

Авв. — два автографа протопопа Аввакума: 1) Житие протопопа Аввакума, БАН, собр. Дружинина, 746 (188б—285б); исследовано по фотокопии; 2) то же в пустозерском сборнике И. Н. Заволоко (листы оригинала 1—115б, 130б—163); исследовано по фототипиче-

[27] По изданию: Космография 1670. СПб., 1878—1881. — Ссылки даются на листы оригинала (но в издании лицевая сторона листа и оборот не разделены).

скому изданию [28]. Рукописи написаны Аввакумом в пустозерской темнице, первая предположительно в 1673 г., вторая — в 1675 г. Ниже при ссылках не уточняется, какой из двух рукописей принадлежит пример: это видно просто из номера листа. Как показал В. Н. Сидоров (Сидоров 1969, с. 35—55), с фонетической точки зрения говор Аввакума — северновеликорусский и у́же, владимироповолжский (но отнюдь не московский). С акцентологической точки зрения этот говор тоже заметно отличается от московского; ближе всего он стоит к памятникам дальнего северо-востока.

Цел. — основной почерк (1—290) рукописи: Целебник с добавлениями, ГИМ, Музейск. 1226. По оценке А. А. Турилова, посл. четв. XVII—нач. XVIII в. В написаниях отразилось большое количество диалектных особенностей. Из фонетики отметим: постоянное смешение *е* и *ѣ* во всех положениях; случаи замены *я* на *е* между мягкими (*прогоре́чь* 77б, *уте́чья* Р. ед. 202б, 247б и другие); *синя́вы* ‘синяки’ 110б (при обычном *синева́*), *во пшани́чной мукѣ* 88б, *смя́рди*^{m} 177 (с перенесенным ударением, ср. *смерди́тъ* 177); *ѳ та́вту* ‘в тафту’ 175б bis (но, с другой стороны, *ври́ны* ‘урины’ Р. ед. 237, 239); случаи смешения *ш* и *щ* (но, с другой стороны, *немощны́мъ* 100б, *сча́вей* 239б). Однако самая поразительная фонетическая особенность Цел. — десятки случаев смешения твердых и мягких согласных, причем не только губных и не только на конце слова. Так, здесь встречаются, например, написания *кровъ* ‘кровь’, *голубъ* ‘голубь’, *на́ денъ*, *в денъ*, *огóнъ*, *кóренъ*, *ревéнъ*, *гортáнъ*, *кáшелъ*, *кисéлъ* ‘кисель’, *прúбылъ* ‘прибыль’, *декáбръ*, *нутръ*, *ѡ*^{т}*нюдъ*, *мокрéдъ*, *пускáтъ* (инф.), *лечúтъ* (инф.), *ломóтъ*, *ртýтъ*, *нéжитъ* (существ.) и другие и, напротив, *сóнь* ‘сон’, *пепéль*, *овéсь* и т. п. Далее, перед гласной: *нýхати* ‘нюхать’, *о ревéну*, *киселю́*, *кóлутъ* ‘колют’, *полю́бить*, *всы́плы* (повел.), *брýхо*, *горýчая*, *студонѣ*, *натыра*^{m} ‘натирать’, *мизы́нымъ пе*^{р}*стóмъ*, *изýмъ*, *краса́ть* ‘красят’ и другие и, напротив, *хренéвъ кóренъ*, *прúщъ*, *гризéтъ*, *блюда́* ‘блуда’ и т. п.; из этого ряда особо отметим словоформы *дóржитъ* ‘держит’, *дóржатъ* ‘держат’, хорошо известные в северных говорах. Морфологические особенности: *к нóче* (часто), *квáсцей* Р. мн. 130б и др., *водѣ* Р. ед. 167б, *лунѣ* Р. ед. 1, *о дрéве вéрбы* 212б, 235, *перелогúма* (по-видимому, Т. мн.) 184, *онѣ* ‘они’ 175, *к емý* 245, *тýю* В. ед. 175б, *скоря́е* 85б, *плоша́е* 114б; в Р. ед. прилагательных представлены написания *-ого*, *-ово* и *-ова*. Случаев смешения Т. мн. с Д. мн. нет. Отметим также: *ля́г* (повел.) 257, *гво*^{з}*дúга* ‘гвоздика’ 47б, *и*^{з} *кукшинцóвъ* 111, *ку*^{к}*шинцовои цвѣтъ* 111. Совокупность всех перечисленных особенностей определенно указывает на великорусский север. Вероятная более узкая локализация — район, охватывающий лачские, поморские и северновологодские говоры (сам диа-

[28] Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975.

лектологический анализ мы, к сожалению, вынуждены здесь опустить). Некоторую трудность составляет, правда, наличие нескольких случаев смешения *о* и *а*, но почти все они непоказательны; таковы колебания в заимствованных словах (типа *кордамо́нъ—кардамо́нъ*), написания *начевать* 117б, *на. . . начле́зѣ* 204б (это слово встречается в северных говорах с *на-*) и др. Существенны лишь *карми́ть* 203 и *гарнаста́леи хвбстъ* 174б; но первое может быть и опиской, а второе — инодиалектным словом. Акцентная система Цел. — восточного типа, с ярко выраженными чертами, отличающими дальний северо-восток от основной части восточной зоны (из этих черт особенно широко представлена дефинализация ударения, см. § 3.10).

Целеб. — второй почерк (292—307б) той же рукописи; по фонетическим и акцентологическим особенностям очень близок к Цел.

Дополнительные памятники. Нил. — три тома Житий святых, писанные в 1490-х гг. Нилом Сорским [29], а именно: ГБЛ, ф. 113 (Волоколамское собр.), № 630 (ниже обозначается просто Нил.); ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 684, часть 1—272б (обозначается Нил. Т); Госуд. Литературный музей, № 126 (обозначается Нил. М). Нил Сорский (около 1433—1508) был постриженником Кирилло-Белозерского монастыря; последние десятилетия жизни провел в основанной им Сорской пустыни близ Белого озера. Акцентуация автографов Нила Сорского редкая. В акцентной системе преобладают западные черты, но имеются и некоторые частные сходства с вологодскими и белозерскими памятниками.

Ев. — Евангелие-тетр (286 лл.). ГБЛ, ф. 113 (Волоколамское собр.), № 39. По-видимому, конец XV в. Было привезено Нилом Полевым с Белого озера и в 1514 г. вложено в Иосифо-Волоколамский монастырь. Листы 1, 8 и 81 — вставные. Акцентуация редкая; акцентная система в ряде черт сходна с Нил.

Тит. — Пятидесятница (404 л.). ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 146. 1541 г. Писал в Троице-Сергиевой лавре чернец Тит, постриженик Николаевского Комельского (Озерского) монастыря под Грязовцем. Акцентуация довольно редкая; акцентная система близка к Лук. и Корн.

Карг. — Василия Великого о постничестве (597 лл.). ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 133. 1556 г. Писал (по-видимому, в Троице-Сергиевой лавре) инок Исайя каргополец. Обследованы: 1—160, 478—597б.

Лук. — Скитский патерик (274 л. в два столбца). ГБЛ, ф. 256 (Румянцевское собр.), № 307. 1570 г. Писал дьякон вологодского

[29] См.: *Клосс Б. М.* Нил Сорский и Нил Полев — «списатели книг». — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974, с. 150—167; *Прохоров Г. М.* Автографы Нила Сорского. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия (письменность, искусство, археология). Ежегодник 1974. М., 1975, с. 37—54.

Богоявленского собора Лука «прозвищем Русин» для Якова Аникиева сына Строганова.

Клон. — основной почерк рукописи: Сборник житий (547 лл.), ГБЛ, ф. 209 (собр. Овчинникова), № 271. Вклад 1595 г. в Клоновской монастырь (Шенкурского уезда Архангельской губ.). Филиграни: Брике, № 12802 — 1594 г.; № 12871 — 1595 г. По-видимому, писано в самом Клоновском монастыре. Из рассматриваемого почерка обследованы части 1—131б и 254—311б.

Джемс — Записи Ричарда Джемса, сделанные в 1618—19 гг. в Колмогорах (по фототипическому изданию [30]; ссылки даются на страницы оригинала). Около 600 словоформ, записанных со знаком ударения, дают важный материал по диалектной акцентуации. Следует учитывать, однако, что гравис над конечным *е*, по-видимому, не означал у Джемса ударения; скорее всего Джемс просто показывал грависом, что *е* здесь не немое (или использовал *è* как знак для *i*-образного звука).

§ 3.32. Сверх всех перечисленных источников в отдельных случаях используются также некоторые другие.

Бер. — Памво Берында. Лексикон славенороссий и имен толкование. Киев, 1627. По фототипическому изданию: Лексикон словенороський Памви Беринди. Київ, 1961. Ссылки даются на столбцы оригинала.

Полик. — Федор Поликарпов. Лексикон треязычный. Москва, 1704.

Вед. — Ведомости времени Петра Великого, вып. I—II. М., 1903—1906.

Далее, имеется группа рукописей, материал которых (по именам) цитируется по работам В. В. Колесова (Колесов 1972, 1974, 1978а, б); рукописи обозначены (кроме Вер.) так же, как у В. В. Колесова.

Пс. — Псалтирь (по В. В. Колесову, предположительно псковская). ГПБ, Погод. 86. XV в.

Вер. — Сборник. ГПБ, F.II.255. XVI в., Верея (у В. В. Колесова обозначено как Сб. 5).

Зап. — Записная книжка монаха. ГПБ, Q.XVII.67. Конец XVI—нач. XVII в., Кубенское озеро.

Пч. — Пчела. ГПБ, Кирил.-Белоз. 114/1191. 1640 г., Вологда.

Св. — Стоглав. ГПБ, Q.II.102. 1645 г., Серпухов.

Леч. — Лечебник. ГПБ, собр. Колобова, № 649. XVII в., Шуя.

Уст. — Житие Прокопия и Иоанна устюжских чудотворцев. БАН, 45, 10.2. Конец XVII в., Великий Устюг.

---

[30] *Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959.

ВОПРОС О ПРИМЕНЕНИИ КАРТ

§ 3.33. В настоящей работе некоторые результаты акцентологического обследования старовеликорусских памятников представлены в виде карт. Поскольку само такое картографирование — занятие нетрадиционное, необходимо вначале обсудить вопрос о том, до какой степени и в каких границах оно является целесообразным. Имеется ряд причин, по которым картографирование в исторической диалектологии не может достигнуть (ни теперь, ни даже в будущем) той степени точности и надежности, которая возможна в современной диалектологии.

1. Лишь в редчайших случаях говор писца удается локализовать (например, по биографическим сведениям о писце) в строго определенной географической точке. Гораздо чаще локализация оказывается приблизительной, нередко в рамках весьма обширного района.

2. Даже если бы удалось обследовать и локализовать в несколько раз большее число рукописей, чем, например, в настоящей работе, плотность «покрытия» картографируемой территории все равно оказалась бы гораздо меньшей (и гораздо менее равномерной), чем в синхронических диалектологических атласах.

3. Невозможно собрать удовлетворительное число памятников всех районов, относящихся к одному и тому же узкому хронологическому интервалу; отсюда необходимость сравнения разновременных памятников. Так, в настоящей работе в основном используются памятники, входящие в 150-летний интервал (1500—1650 гг.); но представлено и несколько памятников более ранних и более поздних. Понятно, что в этих условиях на исторической карте могут оказаться смешанными различия собственно территориальные и различия хронологические.

4. Наконец, следует учитывать возможные искажения диалектологической картины, связанные с тем, что рукописи обычно лишь косвенно и в ограниченной степени отражают диалектные особенности речи писца.

Названные трудности столь значительны, что можно усомниться в правомерности картографирования памятников вообще. Представляется, однако, что было бы все же неправильно из-за отсутствия желаемой точности совсем отказаться от столь наглядного способа отражения диалектологических результатов. Необходимо лишь постоянно помнить, на что могут и на что не могут претендовать предлагаемые историко-акцентологические карты, и не поддаваться иллюзии, будто это документы того же порядка точности, что и современные диалектологические карты (заметим, что во избежание этой иллюзии мы предпочли не наносить на наши карты одновременно древних и нынешних границ распространения рассматриваемых явлений).

Содержащиеся в настоящей книге карты (кроме № 1) фактически соединяют некоторые свойства обычной карты со свойствами схемы.

Так, внешние границы и контуры диалектных районов даны с географической точки зрения точно; но расположение точек, соответствующих памятникам, внутри диалектных районов в значительной мере условно (т. е. отвечает принципу схемы, а не карты). Разумеется, точно локализованные памятники помещены на карте, как правило, достаточно близко к соответствующему географическому пункту; однако претензии на полную точность даже и в этих случаях нет и, чтобы подчеркнуть это, на карты (кроме № 1) вообще не наносятся города (периферийные памятники севера на карте несколько сдвинуты к центру, чтобы сделать карту компактнее; в связи с этим Онежская губа на картах № 2—20 не показана). Памятники, локализованные менее определенно, помещаются внутри своего диалектного района по возможности так, чтобы более сходные (с акцентологической точки зрения) памятники оказывались ближе друг к другу, чем менее сходные. В некоторых случаях схематичность расположения определяется также чисто графическими причинами; так, при мелком масштабе многочисленные московские памятники неизбежно должны занять на карте довольно большое пространство вокруг Москвы (аналогично и с новгородскими памятниками). Существенно, однако, что при всех элементах условности в расположении памятников на карте это расположение на всех наших картах одинаково (эталоном здесь служит карта 2).

Линии на карте, ограничивающие группы памятников с тем или иным акцентным свойством, мы будем именовать *схематическими изоглоссами*. В отличие от настоящих изоглосс, схематические изоглоссы по целому ряду причин (элементы условности в размещении памятников на карте, слишком большие пустые пространства между ними, разновременность памятников) не могут претендовать на географическую точность. Более того, например, схематические изоглоссы, разделяющие московские памятники, не соответствуют вообще никаким границам на местности. Таким образом, схематические изоглоссы, строго говоря, должны рассматриваться прежде всего как средство наглядной классификации памятников по различным акцентологическим признакам; никакая таблица не может сравниться с ними по наглядности. Лишь на следующем шагу анализа допустимо строить на основе схематических изоглосс предположения о виде реальных изоглосс рассматриваемой эпохи.

Понятно, что разрежение сетки пунктов приводит к меньшей потере информации там, где картографируемая территория распадается по рассматриваемому признаку на малое число (в идеале два) крупных связных массивов с не слишком извилистыми границами. Например, карта современного великорусского аканья и оканья, составленная на основе сетки из 50—70 пунктов, конечно, показала бы общий принцип географического распределения этих явлений (хотя граница получилась бы при этом весьма неточной). Напротив, для явлений со сложным, «чересполосным» распределением разреже-

ние сетки может привести к совершенно искаженной картине. Соответственно, в настоящей работе мы считаем целесообразным прибегать к картографированию лишь в тех случаях, где вырисовываются достаточно крупные цельные массивы памятников с одинаковой акцентной характеристикой.

Отметим некоторые дополнительные условности, соблюдаемые при картографировании. Точкой памятника на карте считается самый левый из условных знаков, относящихся к этому памятнику (обычно это кружок); таким образом, схематическая изоглосса должна правильно обходить только этот левый знак. Схематическая изоглосса, проведенная через сам этот знак, показывает, что в памятнике нет соответствующего материала. Там, где схематическая изоглосса должна быть сильно искривлена, чтобы «захватить» памятник XIV в. (Чуд. или Мер.), и есть основания полагать, что в XIV в. она проходила иначе, чем в XVI—XVII вв., памятник XIV в. заключается в знак незамкнутого круга (так наз. «хронологическая ниша») и схематическая изоглосса только подходит к этому кругу, но не охватывает его (см., например, карты 6, 11, 15). При пересечении значительного пустого пространства схематическая изоглосса проводится по возможности вдоль границ географических районов.

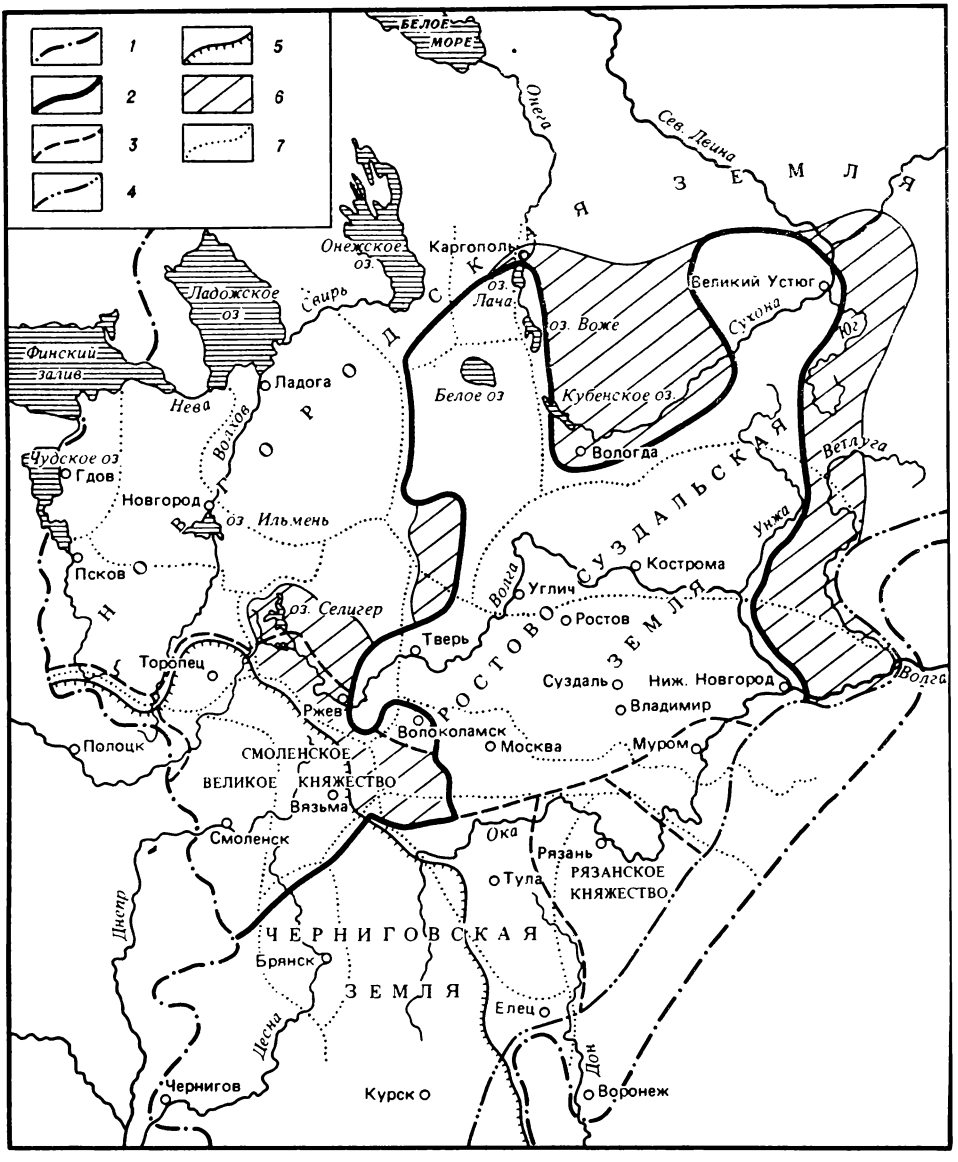
Основные условные знаки, применяемые на картах, — кружки и треугольники. Покажем используемую символику на примере кружков (допустим, они отражают акцентуацию определенного класса словоформ):

○ — 1-й тип акцентовки;
● — 2-й тип акцентовки;
◑ — колебание (с равновесием обоих типов или с незначительным преобладанием одного из них);
⊙ — господство 1-го типа акцентовки с небольшими отклонениями в сторону 2-го;
◉ — обратное соотношение.

Знаки уменьшенного размера показывают, что материал памятника по данному пункту очень мал (1—2 примера; до трех в случае колебания). Таким образом, при конкретной карте в принципе достаточно указать, что такое 1-й и 2-й типы акцентовки; дополнительные разъяснения даются лишь там, где условным знакам приписаны значения, в чем-либо отклоняющиеся от приведенной общей схемы.

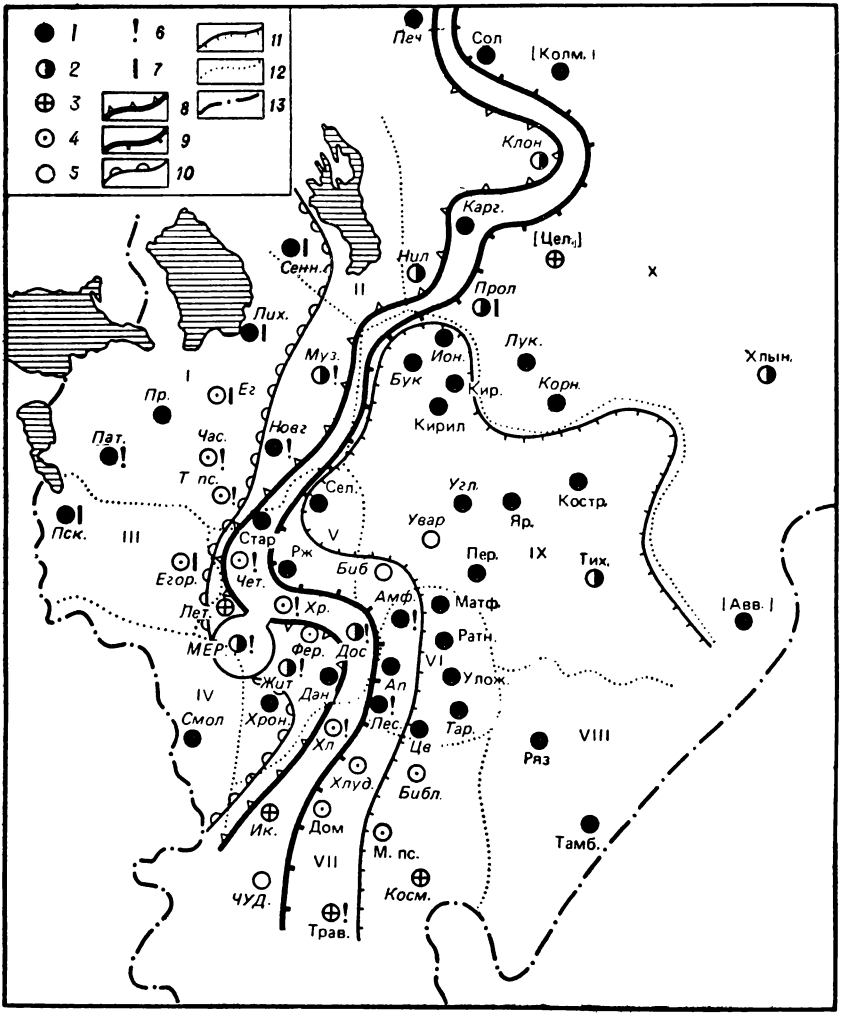
Карты 1 и 2 содержат основные историко-географические и диалектологические сведения, необходимые для понимания остальных карт.

На карте 1 показаны границы основных земель и княжеств (на территории будущего Московского государства) в первой трети XIII в., т. е. перед татаро-монгольским нашествием. Выделена черным граница между Новгородской и Смоленской землями, с одной стороны, и Ростово-Суздальской, Рязанской и Черниговской, с другой (поскольку она сыграла существенную роль в последующем формировании диалектных групп, ср. ниже). Показана также восточ-

Карта 1. Политическое деление древней Руси и современное диалектное членение русского языка:

1 — граница Московского государства к 1550 г. (все прочие границы показаны только внутри этой); *2* — граница между Новгородской и Смоленской землями, с одной стороны, и Ростово-Суздальской, Рязанской и Черниговской землями, с другой, в первой трети XIII в.; *3* — прочие границы между землями и княжествами в первой трети XIII в.; *4* — общая восточная граница русских княжеств в первой трети XIII в.; *5* — восточная граница Литовского великого княжества в 1462 г.; *6* — новгородские и смоленские земли, отошедшие к Московскому великому княжеству до 1462 г.; *7* — границы групп современных русских говоров. См. также дополнительные пояснения в § 3.33.

Карта 2. Распределение использованных памятников по географическим районам, диалектные зоны:

1 — памятник локализован в данном географическом районе на основании содержащихся в нем сведений о происхождении писца или о месте написания (причем диалектные особенности памятника, если они имеются, не противоречат такой локализации); *2* — то же на основании косвенных сведений о связи памятника с данным географическим районом (место бытования и т. п.); *3* — памятник локализован по комплексу диалектных особенностей; *4* — памятник локализован по некоторым диалектным особенностям (или особенностям графической системы) и по сходству акцентной системы с другими памятниками данного района; *5* — памятник локализован только по сходству акцентной системы с другими памятниками данного района; *6* — памятник с систематическим различением /ɔ/ и /ô/; *7* — то же с несистематическим различением (т. е. с низким коэффициентом выраженности /ô/); *8* — граница западной зоны; *9* — граница восточной зоны; *10* — граница основной части западной зоны; *11* — граница основной части восточной зоны; *12* — границы географических районов (то же на всех последующих картах); *13* — граница Московского государства к 1550 г. (то же на всех последующих картах). Шрифт, которым дано название памятника, символизирует его датировку: *ЧУД.* — XIV в.; *Хрон.* — кон. XV в. или XVI в.; Улож. — рубеж XVI и XVII веков или 1-я пол. XVII в.; [Авв.] — 2-я пол. XVII в. Районы: I — Новгород; II — Обонежье; III — Псков; IV — Смоленск; V — Ближний запад; VI — Москва; VII — Юг; VIII — Юго-восток; IX — Ближний северо-восток; X — Дальний северо-восток.

ная граница Литовского великого княжества в эпоху его максимальной экспансии (XV в.).

С другой стороны, на карту 1 нанесены (пунктиром) границы групп современных русских говоров (см. Рус. диал., карта-вкладка). Фактически показаны следующие группы или подгруппы (на карте они опознаются по городам или озерам, находящимся на их территории): Новгородская, Гдовская, Псковская, Селигеро-Торжковская, Ладого-Тихвинская, Онежская, Лачская, Вологодская, Белозерская, Костромская, Владимиро-Поволжская, восточные среднерусские акающие говоры (Москва), Западная (Смоленск), Верхне-Днепровская (Вязьма), Верхне-Деснинская (Брянск), Тульская, Рязанская и Курско-Орловская (вместе с примыкающими к ней с запада и с востока межзональными говорами). Таким образом, карта 1 дает общее представление о том, в какой степени современные диалектные группы могут быть соотнесены с древнерусскими политическими объединениями.

Карта 2 демонстрирует распределение памятников, использованных в настоящей работе, по географическим районам (не нанесены на карту лишь некоторые сравнительно мало используемые памятники из числа дополнительных). Для каждого памятника показано, на основании какого рода сведений он отнесен нами к соответствующему географическому району; об элементах условности в помещении памятника внутри географического района см. выше. С помощью шрифта различены памятники, относящиеся к разным периодам. Специально отмечены памятники, различающие /ɔ/ и /ô/.

Карта 2 показывает также само членение на географические районы, используемое нами везде в дальнейшем (названия районов условны). Как видно из сравнения с картой 1, это членение в основном представляет собой лишь некоторое укрупнение сетки современного диалектного членения. Прочие отличия незначительны: волоколамские и торопецкие говоры включены в ближнезападный район, территория к востоку от Унжи — в район дальнего северо-востока.

Наконец, на карте 2 показаны основные итоги классификации акцентных микросистем, отраженных в памятниках. С этой точки зрения выделяется два основных класса микросистем, которые образуют соответственно *восточную* и *западную зоны*; их границы показаны на карте жирными линиями. Между этими границами находится *промежуточная полоса*, включающая некоторое число микросистем переходного типа (при этом Мер. образует «хронологическую нишу», см. выше). Каждая из двух главных зон делится на *основную часть* и *кромку*. Акцентные микросистемы основной части зоны воплощают относительно чистый диалектный тип; микросистемы кромки обнаруживают некоторое число акцентных черт, свойственных противоположной зоне. Как видно из карты, кромки зон довольно узки на юге и в центре, но чрезвычайно расширяются на севере; северная часть

кромки восточной зоны охватывает почти весь дальний северо-восток. Территория, состоящая из двух кромок и промежуточной полосы, может быть названа также широкой промежуточной полосой.

Границы зон и их основных частей, нанесенные на карту 2, представляют собой результат некоторого «усреднения» тех разбиений, которые получаются на картах, посвященных частным акцентологическим характеристикам памятников. Широкая промежуточная полоса — это не что иное, как «полоса схематических изоглосс», т. е. территория, покрываемая пучком многочисленных схематических изоглосс, отделяющих восточный тип акцентовки того или иного класса словоформ от западного; см. ниже карты 3—20.

Из сравнения карт 2 и 1 видно, что основная часть восточной зоны в целом соответствует Ростово-Суздальской и Рязанской землям, а основная часть западной зоны — Смоленской и ядру Новгородской земли. Территория севера, где столкнулись новгородский и ростово-суздальский колонизационные потоки, вошла в широкую промежуточную полосу (т. е. акцентные характеристики здесь более размыты).

На всех последующих картах без дополнительных разъяснений даются, во-первых, границы Московского государства к 1550 г. (см. карту 1), во-вторых, границы выделяемых нами географических районов (пунктиром; см. карту 2).

АНАЛИЗ УДАРЕНИЯ В НЕКОТОРЫХ ВАЖНЫХ ЗВЕНЬЯХ СТАРОВЕЛИКОРУССКОЙ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

§ 3.34. В настоящем разделе разбирается акцентуация некоторых морфологических классов словоформ, точнее, их подклассов, соответствующих той или иной акцентной парадигме (например, Т. мн. *i*-feminina а. п. *c*, *v*-причастия *V*-корневых глаголов а. п. *c* и т. п.). Дать подобный разбор для всех таких классов не позволяет ни объем настоящей работы, ни характер собранного нами материала (где одни классы отразились с удовлетворительной полнотой, другие же очень неполно). Ниже для анализа выбраны классы словоформ, акцентуация которых оказывается существенной характеристикой конкретной акцентной микросистемы; практически разбор чаще всего касается слов а. п. *c*. Наибольшее внимание уделено акцентным особенностям, соотнесенным с достаточно четко очерченной территорией, т. е. имеющим непосредственное диалектологическое значение.

В основу анализа положен разбор конкретных микросистем; при этом наиболее подробно изучаются те из них, которые содержат максимум материала по рассматриваемому вопросу. Для каждого анализируемого класса словоформ предварительно выявляются по-

бочные факторы, влияющие на акцентуацию тех или иных словоформ данного класса; отделяются лексемы, обнаруживающие индивидуальные колебания или иные особенности. Тем самым вычленяется некоторое ядро рассматриваемого класса («основной материал»), которое наиболее непосредственно отражает собственную диалектную характеристику конкретной микросистемы. Указанная схема анализа позволяет во многих случаях обнаружить достаточно четкое диалектное распределение акцентовок там, где чисто «словарный» подход к материалу (от словоформы ко всем примерам ее фиксации в памятниках) оставляет лишь обескураживающее впечатление безграничного и беспорядочного акцентного варьирования.

При анализе в центре внимания везде находится акцентная эволюция целых классов словоформ (и диалектные различия в этой эволюции), а не индивидуальные особенности отдельных лексем. В самом деле, эти особенности смогут быть правильным образом оценены лишь после того, как будет проделана более «грубая» работа по выявлению соответствующих массовых фактов. Поскольку в данной области пока еще известно очень мало, мы вынуждены в основном заниматься ниже именно подобной «грубой» работой.

При изложении результатов анализа приводится в первую очередь материал наиболее показательных и хорошо документированных микросистем. Материал микросистем, вполне сходных с образцовыми, но документированных слабее, может и не приводиться. В тех случаях, когда дана карта, часть информации (касающаяся относительно менее важных памятников) передается непосредственно картой и в тексте уже не дублируется.

В разборе часто фигурирует противопоставление флексионного и наосновного ударения. Специально отметим, что при этом в понятие наосновного ударения в качестве частного случая включается также энклиномонная акцентовка, предполагающая перенос ударения на проклитику. Для презенса флексионное ударение понимается уже в том же смысле, что для современного языка, т. е. как ударение на *-ешь*, *-ишь*, *-етъ*, *-итъ* и т. д. Там, где существенно различать синхронически наблюдаемую (в рассматриваемой микросистеме) и первоначальную (раннедревнерусскую) а. п. некоторого слова, последняя обозначается как его «историческая а. п.».

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

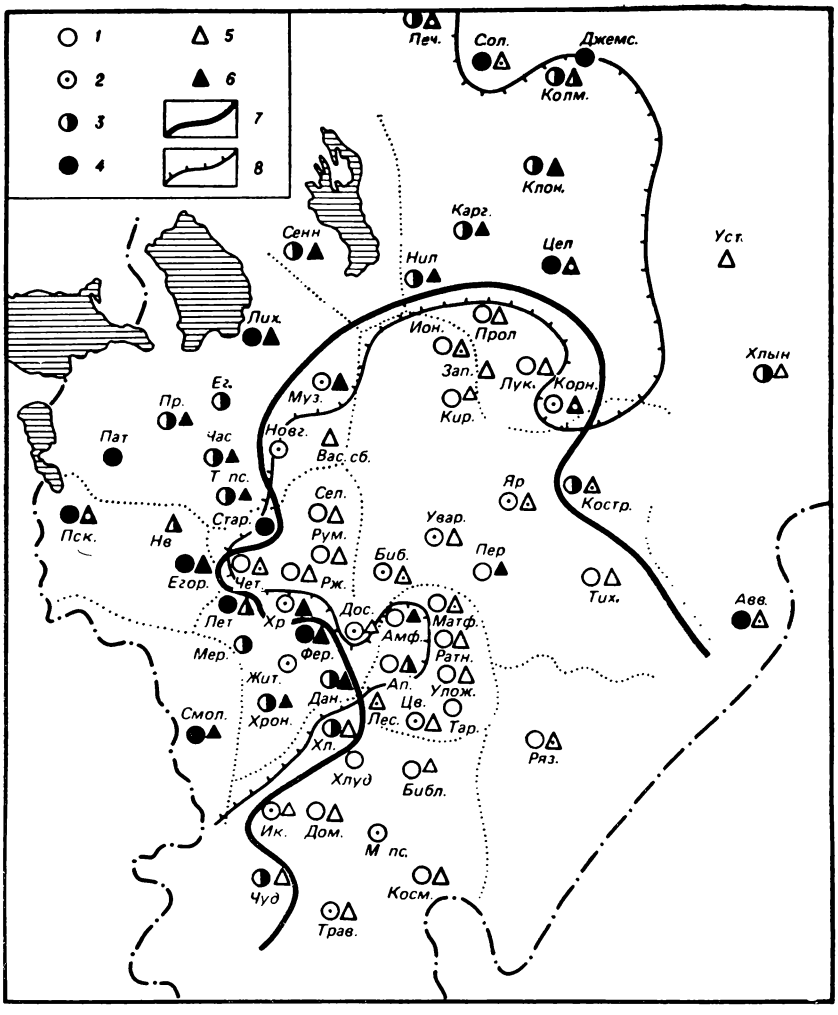
Дефинализация ударения в склонении существительных а. п. b

§ 3.35. Дефинализация ударения в словоформах ед. числа существительных а. п. *b* образует важнейший частный случай неустойчивой дефинализации (см. § 3.9) и может служить мерилом ее распространенности в конкретной микросистеме. Из карты 3 видно, что дефинализация в ед. числе существительных а. п. *b* имеет четкую

географическую границу, а именно, она характерна для западной зоны и дальнего северо-востока. В памятниках основной части восточной зоны (кроме Костр., примыкающего в этом отношении к дальнему северо-востоку) данное явление отсутствует или представлено совершенно единичными примерами.

Положение в памятниках Пат. и Цел., отличающихся особенно яркой дефинализацией, продемонстрировано выше, в § 3.10. В прочих памятниках рассматриваемое явление представлено не столь широко. Так, например, в Лет. находим: *по днѣпру* 70, 73б, ѡ *днѣпрѣ* 83б, *дьáка* 367, *дьякá* 262, *на кóни* М. ед. (3×), *в корáбли* 73, *в тóржкý* М. ед. 175б; *вúнà* Р. ед. 32, *на лúцú* М. ед. 41; *доýзѣ* Д. ед. 133, *лúтвá* 149б, *тýга* 282б, *в . . . тýзѣ* 262 (+226); менее показательны словоформы В. ед. (поскольку здесь не исключено влияние со стороны а. п. *с*) — *врáжᵊу* 127б, *в лúтву* 367, *в лúтвý* 267, *в мóрᵊву* 209, *на мóрᵊву* 150. Но во всех этих случаях много чаще выступает флексионное ударение. Лексикализованную дефинализацию можно предполагать в регулярно выступающих в Лет. *пóста, -у, óка, -и, -ѣ, -у, -ою* 'Ока'. Другие образцы. Фер.: *óгню* 532б, *по роýблю* 755б, *сéрпа* 996б, *гýмнꙋ* 982б, *сéстрà* 809, *слоýгꙋ* 992б, возможно, сюда же *о полóнѣ* 796, *чáсы* В. мн. 970, *óцꙋ* 'отцу' 519б, *кóпіе* 521, *кóпіа* Р. ед. 523, *рóта* И. ед. 507, *тáтба* 497б. Пск.: *грѣ́ха* 260, *къ врáгоу* 172, *змíа* Р. ед. 62б, 169б, *в корáбли* М. ед. 281б, *без соýда* 112, *бес троýда* 104, *оýма* 89, ѡᵀ *оýма* 222, *оýму* 7, *во оýмѣ* 256, ѡ *вúнѣ* 'vinum' 133, *срéбро* 60б, *-а* 60б, *чúсло* 57, *змíа* И. ед. 174б, *-и* Р. ед. 187, *сатáна* 98, *слоýга* 105б; возможно, сюда же *ѡцà* Р. ед. 218, 225б, *кóпіа* Р. ед. 141 и ряд других; лексикализованную дефинализацию можно предполагать в *ѡгня, -ю, -емь, -и* М. ед. (14×; флексионное ударение не встретилось), в непоследовательной форме также у некоторых других слов. Авв.: *двóрà* 208, *ко двóру* 201, *дурáка* 31, *по живóту* 278, *у . . . колъдýнà* 225, ѡлътáрѧ 206б; *по . . . лúцу* 157, *мѧсца* Р. ед. 218б; *у вдóвы* 199, *глáвы* Р. ед. 79б, *глáвѣ* Д. ед. 218, *к жéнѣ* 237б, *пелéны* Р. ед. 265б, *простóты* Р. ед. 35, *на тюрмꙋ* 37, в *тюᵖмѣ* 89б. Как и в Лет., во всех этих памятниках в тех же словах (кроме оговоренных случаев) гораздо чаще выступает флексионное ударение. Сходные примеры (в таких же или несколько меньших количествах) обнаруживаются и в других памятниках, отмеченных соответствующими знаками на карте 3.

Что касается самых ранних памятников, то в Мер. отражением дефинализации можно считать, во-первых, написания *бервьно* (1×), *вино* (3×), *гнѣздо* (1×), *гумно* (2×), *число* (2×), *люто* (4×), *мдрь* (1×), *зѣло* (4×), где конечное *-о* вместо ожидаемого *-ѡ* представлено заметно чаще, чем в среднем по Мер. (18 *-о* на 28 *-ѡ*, см. Акц. Мер., § 28, 51), во-вторых, *живѡта* Р. ед. 122б (при обычных

Карта 3. Дефинализация ударения в склонении существительных а. п. *b*, ударение в Т. мн. на *-ьми* у существительных а. п. *c*:

1 — в ед. числе непроизводных существительных а. п. *b* примеров предфлексионного ударения (*двóра*, *чúсло*, *жéна* и т. п.) нет (слова с колеблющейся а. п. не в счет); *2* — отмечено 1—2 примера такого ударения; *3* — отмечено 3—10 таких примеров; *4* — отмечено более 10 таких примеров; *5* — Т. мн. на *-ьми* у существительных а. п. *c* по модели *костьмú* (не в счет словоформы: *людьмú*; книжные *вéщьми*, *крóвьми*, *лéстьми*, *стрáстьми*; многосложные с начальным ударением, например, *пóхотьми*); *6* —Т. мн. на *-ьми* у существительных а. п. *c* по модели *кóстьми* (не в счет те же группы словоформ); *7* — граница между зоной, где ударений типа *двóра*, *чúсло*, *жéна* нет или почти нет (1—2 примера), и зоной, где они встречаются; *8* — восточная граница зоны преобладания или значительного распространения модели *кóстьми* в Т. мн. на *-ьми*.

живота, *-у*, *-ѣ* и т. д.). Относительно возможных отражений дефинализации в Чуд. см. § 3.14 (п. 2).

Рассматривая дефинализацию в склонении существительных а. п. *b* только на материале словоформ ед. числа, мы избегаем трудностей, связанных с тем, что в словоформах мн. числа (например, *чи́сла*, *слу́ги*, *же́ны*, *ко́ни*) предфлексионное ударение может иметь иной, а именно чисто морфологический источник. Это не значит, конечно, что во мн. числе дефинализации не происходило; просто здесь ее труднее надежно опознать. Так, вполне вероятно, что Лих. *бѣ́ды* В. мн. 32а, Фер. *же́ны* В. мн. 771 и некоторые другие подобные примеры отражают всего лишь неустойчивую дефинализацию (ср. § 3.49).

М. ед. в а. п. с

§ 3.36. Акцентологические характеристики М. ед. на *-у* (у *u*- и *o*-masculina) и М. ед. на *-и* (у *i*-feminina) в значительной мере сходны. Как можно видеть из карты 4, основной принцип диалектного распределения состоит в том, что в западной зоне ударение в этих формах наосновное, а в восточной — преимущественно флексионное. При этом модель *в но́чи* встречается в восточной зоне заметно чаще, чем модель *в до́му*; в частности, она распространена почти на всем северо-востоке.

Наосновное ударение в М. ед. — это почти всегда ударение энклиноменного типа, т. е. на начальном слоге фонетического слова (например, *в не́мощи*, *на́ части*, *в пи́ру*, *о́ миру*), с факультативной неоттяжкой ударения на предлог (например, *о кро́ви*, *на бе́регу*) в микросистемах, где оттяжка на проклитики уже перестала быть регулярной. Лишь в очень редких случаях встречаются ударения типа *на площа́ди*, *в чере́пу*, которые явно возникли из конечного ударения путем дефинализации (конечно, в части случаев такой же источник могут иметь и ударения типа *в че́сти*, *в пи́ру*, но этого нельзя выявить).

В XVI—XVII вв. в восточной зоне обнаруживается также зависимость акцентовки М. ед. на *-у* и на *-и* от нескольких дополнительных факторов.

1. При наличии определения между предлогом и существительным вместо акцентовки *домѹ̀*, *ночѝ* обычно выступает *до́му*, *но́чи*, например, *в домѹ̀*, но *в то́мъ до́му*, *в честѝ*, но *в вели́кои че́сти* (у существительных мужского рода сочетания типа *в то́мъ домѹ̀* могут устраняться и другим путем — заменой окончания *-у* на *-ѣ*, например, *в то́мъ до́мѣ*).

2. При неодносложной (не за счет полногласия) основе в большинстве памятников вместо флексионного ударения выступает наосновное, например, *в о́строву*, *в не́мощи* (а не *в островѹ̀*, *в немощѝ*).

3. В части памятников уже действует (хотя и не вполне строго) семантический фактор: в локативном значении представлено флекси-

онное ударение, в нелокативном (так наз. «изъяснительном») — наосновное. Например, оказываются противопоставленными *в пещѝ* и *о́ пещи* (*о пе́щи*), *в честѝ* и *о че́сти* и т. п. Возможно также противопоставление при одном и том же предлоге, например, *да омочится нога твоя в кровѝ* (в псалме 67) и *кая польза в кро́ви моеи* (в псалме 29); именно такая акцентовка представлена в этих фразах, например, в Биб. Действие данного фактора заметно прежде всего в М. ед. на *-и*; но его можно усмотреть (хотя и не в столь отчетливой форме) также и в М. ед. на *-у*, ср., например, в Лет. *на миру́* 'во время мира' (3×), но ѡ *миру* (23×).

4. Некоторые сочетания книжного характера могут выступать с наосновным ударением даже в микросистемах, в целом характеризующихся флексионным ударением. Таковы прежде всего сочетания *в пло́ти* (*во́ плоти*), *в бра́ни* (*во́ брани*), *на́ брани*, *в стра́сти* (*во́ страсти*), *в ве́щи* 'в сущности', 'по существу'. Заметим, что сама вокализация исконного ъ в предлоге в таких сочетаниях (противоречащая обычным древнерусским нормам эволюции редуцированных) является дополнительным указанием на их книжный характер.

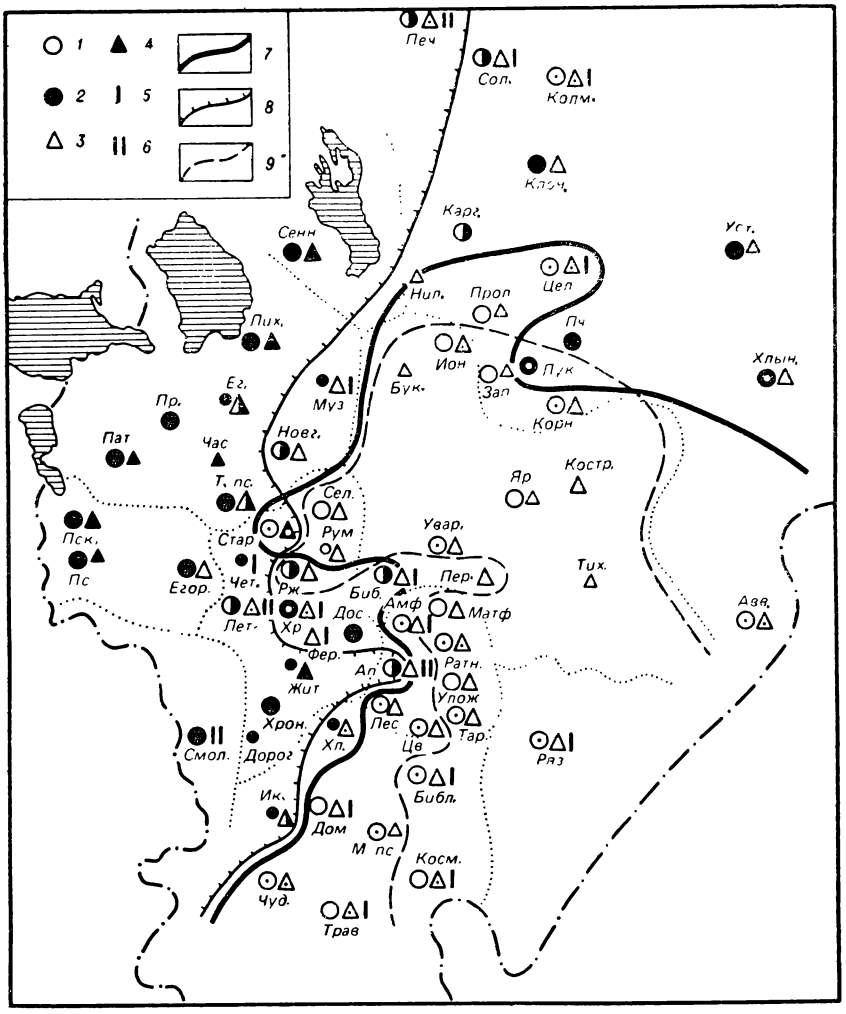
5. Наконец, для сочетаний с предлогом *по* 'после' необходимо учитывать отмечаемые уже с очень раннего времени случаи взаимного влияния акцентовки дательного и местного падежей, т. е. примеры типа *по́ страсти* 'после мучения' (вместо *по страстѝ*) под влиянием *по́ страсти* 'по мучению', 'в соответствии с мучением' и, наоборот, *по властѝ* 'по области' (вместо *по́ власти*).

Таким образом, при анализе конкретных микросистем необходимо различать основной материал по М. ед. (т. е. такой, где не действует ни один из перечисленных выше особых факторов, способствующих наосновному ударению) и дополнительный (где хотя бы один из этих факторов действует). С диалектологической точки зрения основной материал всегда является показательным; напротив, дополнительный материал показателен обычно лишь в случае флексионного ударения.

Ниже рассматривается материал памятников. При этом в первую очередь всегда приводятся слова исконной а. п. *с*. К ним могут быть добавлены и те, которые перешли в эту а. п. именно в данной микросистеме (при необходимости они могут быть выделены пометой «вторичное»). Иногда сверх того приводятся также (с указаниями «еще», «ср.» и т. п.) слова с неизвестной или неустойчивой а. п. В микросистемах, где раздельно дан основной и дополнительный материал, первый приводится без особой пометы, а второй вводится пометой «дополн.».

М. ед. на -и

§ 3.37. Микросистемы с моделью *в но́чи* (основной и дополнительный материал дается вместе, поскольку здесь между ними нет различия). Сенн.: *въ́ веси* 176б, 176в, *въ́ плоти* 45г, 100г, 203в, *въ́ брани* (М. ед.?) 128б, *прикоснои́ся* (аор.) *ри́за*^{x} *х*^{c}*вахъ се́ же е*^{c}

Карта 4. Ударение в М. ед. существительных а. п. *с*:

1 — в основном материале (§ 3.36) ударение по модели *ночи́*, *2* — по модели *но́чи*; *3* — в основном материале ударение по модели *дому́*, *4* — по модели *до́му*; *5* — в дополнительном материале встречается ударение по модели *до́му*; *6* — в дополнительном материале господствует ударение по модели *до́му* (знаки 5 и 6 не ставятся, если при этом в основном материале модель *до́му* преобладает или достаточно распространена); *7* — основная восточная и южная границы зоны преобладания или значительного распространения модели *но́чи* в основном материале; *8* — основная восточная граница преобладания или значительного распространения модели *до́му* в основном материале (или господства этой модели в дополнительном материале); *9* — граница той части восточной зоны, где отсутствуют примеры наосновного ударения в М. ед. *а*-склонения.

пло́ти его 165а, *о... ве́щи* 85а, 140а, *о... че́сти* 24г. Лих.: *в но́щи* (5×), *в пе́щи* 152г, *въ пло́ти* 163г, *в по́мощи* 220а, *въ... ве́щи* 76в, 200г, ѡ... *ве́щи* 130б, *въ ч*ᵉ*тѣ съвѣ́сти* 24г. Т. пс.: *в но́щи* 46, 100, 127б, *в нѹ́щи* 16, *въ кро́ви* 52, 75, *в че́сти* 69, *въ чѣ́сти* 66б, *во́ брани* 48, *в по́мощи* 104, *въ... со́вѣсти* 22б (особо

въ плѡти 60б). Егор.: *в нѡщи* (часто), *въ крѡви* 379, *в чѧсти* 354, *въ плѡти* 98, 159б, 427б, ѡ *плоти* 36 ter, ѡ *страсти* 250, ѡ *чести* 467, *въ... нѡщи* 294б, ѡ... *вѣщи* 301б bis, 461б, ѡ... *нѣмощи* 218 bis (особо *на... плѡти* 163б, 164, 560б). Пск.: *в нѡщи* (4×), *в пѣщи* 315, *въ стрѧсти* 141б, *вѡ стрⁿти* 118б, *нѧ брани* 59б, *вѡ плоти* 135 bis, 137б, ѡ *вѣщи* 20, 176б, *в нѣмощи* 139б, *въ... вѣщи* 115, 188, *в... стрѧсти* 82б, *въ... чѧсти* 162. Дос.: *в нѡщи* 52б, 119б, 151 (с неясной каморой), *вѡ власти* 83б, *нѧ брани* 171б, ѡ *вещи* 261, ѡ... *вѣщи* 51. Смол.: *въ крѡви* 28б, 31б, 44б, *во... ѡбласти* 103, 103б. Аналогично и в ряде других памятников (но в них материала меньше); см. карту 4.

Весьма близка к чистой модели *в нѡчи* микросистема Хр.: *в нѡщи же* 1251б, *в дѣбрі* 547, *в крѡви* 953б (+317), *нѧ плоти царѣве* 1000б, *в чѧсти* 560, 1183, *нѧ чясти* 1012 (+1011б), также *по трѣтіеи нѡщы* 1066, *во... чѧсти* 1211б quater и т. п.; отклоняется только *в нощьı* 702б. Аналогично: Лук. *в нѡщи* (часто), *в вѣси* 195б — *в весі* 189б; Хлын. *в нѡщи* (часто), *в пѣщи* 125, *вѡ плоти* 272б, *в плѡти* 183 (отметим еще *нѧ твеʳди* 117б) — *во льстѝ* 151 (+153б).

Микросистемы с моделью *в ночѝ*. Прежде всего сюда относится Чуд.: *въ благостѝ* 118б, *в вещѝ* 133в, *о всѧкои вещѝ* 10в, *о властѝ* 119г, *в кровѝ* 13а, *о кровѝ* 39б, *о его кровѝ* 100г, *о моеи кровѝ* 113а, *в кротостѝ* 81б, 139в, *о крѣпостѝ* 85в, *во лстѝ* 87б, *во всякои лстѝ* 135а, *о лстѝ* 92а, *в немощѝ* 43в, 108г, 120г, *в нощѝ* 133г, *в нощѝ* 87г, *въ областѝ* 136в, *в плотѝ* 90а, 124б, 125в и др. (часто), *на плотѝ* 100б, *на площадѝ* 153в, *в похотѝ* 86в, *въ чⁿтѣ свѣстѝ* 136г, *в чᵃ|стѝ сеи* 119в, *в сеи частѝ* 117б, *ни во чтѝ коеи* 131б (отметим еще *о дщерѝ* 31б). Отклоняются только: *в пѣщи ражженѣ* 149б, *в плѡти* 128б, *о еже пѡ тѣлоу нѣмощи* 116б. Как можно видеть, в Чуд. еще почти не ощущается различия между основным и дополнительным материалом.

В XVI — XVII вв. в значительном числе памятников в основном материале всегда или почти всегда выступает флексионное ударение, а в дополнительном наосновное или смешанное. Таково большинство памятников восточной зоны, в частности, все памятники ее основной части (подробнее см. карту 4). Приводим несколько наиболее наглядных микросистем. Ион.: *в нощѝ* (часто), *в пещѝ* 155, 230 (+49, 185), *в частѝ* 51; дополн.: *в... власти* 528б, *о... чести* 116б, *ереси* 487б, *въ прелести* 615, *о вещи* 86, *о чѣсти* 124, *пѡ стрⁿти* 363б, *пѡ прелести* (скорее М., чем Д.) 615; с другой стороны, *в бѡлшеи чѣстѝ* 119, *в немощѝ* 153б, *въ бранѝ* 312. Увар.: *в нощѝ* 689, 731б, 839б (но также *в нѡщи* 737б), *въ клетѝ* 837б, *въ кровѝ* 28 (+49б), *во ржѝ* 601б; дополн.: *въ егѡ власти* 709, *во... чести* 70, *в... вѣщи* 700, *о... вѣщи* 679б и др., *в нѣмощи* 689, *в крѡви моеи* 512 (изъяснительное значение), *нѧ брани* 244б (сюда же устаревшее к XVI в.

в ве́рви ‘в общине’ 803б), *по́ стр*ѣ*ти* ‘после мучения’ 560. Косм.: *в ночѝ* 4б, *в честѝ* 177 (отметим еще *в русѝ* 32б, *в рознѝ* 164, *в западѝ* 83б, *в за́падѝ* 77); дополн.: *в... ча́сти* (5×: 20б, 24б и др.), *во... ше́рсти* 135б, *в... рѣ́чи* 77б (+114), *во... ѡ́бласти* 11б; с другой стороны, ѡ *данѝ* 97. Дом.: *в ночѝ* 94б, *в грязѝ* 93б, *на печѝ* 102 bis, *во чтѝ* 32б, *на властѝ* 42 (ср. еще *в сушѝ* 81б); дополн.: ѡ *со́ли* 118б, ѡ *по́мощи* 17б. М. пс.: *в нощѝ* 44б, 82, 115б, 132, 139 (но также *в но́щѝ* 19б, *в но́щи* 13), *в грязѝ* 71, *в дебрѝ* 62, *в кровѝ* 70 (+27б), *в пещѝ* 170, *в честѝ* 52 (+51); дополн.: *в по́мощи* 100б (не говоря уже о таких, как *в кр*ѣ́*пости* 27, *в го́рдости* 29б), *о́ пещи* 170, *в кро́вѝ* 60б (изъяснительное значение); с другой стороны, *в бранѝ* 22б, 98б, *въ плотѝ* 39, *в пло́тѝ* 39 (ударение над *о* зачеркнуто). Авв.: *в нощѝ* (7×), *в грязѝ* 62 (но также *в гря́зи* 225б), *в кровѝ* 153б, *на лошедѝ* 202б, *в немощѝ* 142б, *в пещѝ* 135, *в печѝ* 225, 245б, *на печѝ* 225, *на чепѝ* 62, 206 bis, 247 (отметим еще *на русѝ* 219, 242б, *на ѡбѝ* 237б, *во ц҃рквѝ* 198, *в паметѝ* 204). Только дополнительный материал представлен в Костр. (в частности, ѡ *вещи* 136б, *въ стра́сти* 139б) и Пер. (в частности, *о ве́щи* 153б, *в ве́щы* ‘по существу’ 152б, *во́ плоти* 285б).

Несколько отличается от рассмотренной группы Цел. (но и здесь акцентовка восточного типа преобладает): *в нощѝ* (часто), *в ночѝ* 268, *в печѝ* (часто), *на печѝ* 83б, 267, *при печѝ* 59 (+189), *на волотѝ* 96б; с другой стороны, *в но́чи* 21б, *в пе́чи* 85, 97, 158, *в че́сти* 10; особо стоит *на лоша́ди* 159б (вероятно, результат дефинализации); дополн.: *в... пе́чи* 43, ѡ... *кро́ви* 214, *в не́мощи* 138, *о кр*ѡ́*ви* 214 (+253), *о рѣ́чи* 27, *о по́хоти* 27б, 165; с другой стороны, *в... печѝ* (8×: 93, 117б и др.), *в не́мощѝ* 113, *о кровѝ* 214.

В нескольких памятниках в основном материале оба типа акцентовки встречаются одинаково часто или слегка преобладает наосновное ударение. Таковы Лет., Новг., Карг., Ап., Биб., Рж., Печ., Сол. Приводим образцы микросистем этого типа (дополнительный материал ради краткости дается лишь выборочно). Лет.: *во твери́* (7×: 141, 166б и др.), *въ тверѝ* 246б, 286, *в тверѝ* 184, 186, *на тверѝ* 170б, 176, 263б, *на площа*^{дй} 197б (не вполне надежно), *в болести́* 51 (ср. еще *в шерти́* 406, *на весѝ* ‘на вепсах’ 70б, *на ловоти́* ‘на Ловати’ 49, *на пермѝ* 70б, *на стырѝ* 47, *в ка́знѝ* 49б) — *в но́щи* (часто), *въ тверѣ* 6, *на́ земи* 41, *в кро́ви* 219б (+155б), *в не́мощи* 36, *во ѡ́бласти* 239б, *въ ѡ̀сени* 73 (ср. еще *в ру́си* [часто], *на не́рли* 112); особо стоит *на* ^{ц}*лоща́ди* 400 (результат дефинализации). Биб.: *в нощѝ* 334б, 421б, 460, *въ кровѝ* 381б, *въ плотѝ* 5, 453б, *на плотѝ* 20 (ср. еще *на плѣшѝ* 75б bis, *на твердѝ* 392) — *в но́щи* 423б, 425б, 426, *въ́ власти* 343, *в де́бри* 121, 468, 473, *в ча́сти* 223, *в че́сти* 376б, 465, *в чѣсти* 377б, также много дополнительного материала (*на́ брани*, *въ́ брани*, ѡ *вещи*, *въ кро́ви* [изъясни-

тельное] и т. д.; сюда же *вѣ бл҃гости* 393). Печ.: *в нощѝ* 233, 365б, *въ... нощѝ* 37, 37б, 42 (+16б), *въ тверѝ* 398б, *на бранѝ* 173б bis, также вторичное *во... ратѝ* 537, *по... ратѝ* 'после битвы' 148 — *в но́щи* (7×), *в... но́щи* (3×), *в ве́си* 158б, 176, 269, *в пе́щи* 443б, *в че́сти* 546б, *во́* ѡ*бласти* 501, 516б, *о́ вещи* 354б, *о́ страсти* 128б, 142, *о́ части* 291, *о́ похоти* 428, *во́ плоти* 112б, *по́ стра*ᶜ*ти* 209б.

М. ед. на -у

§ 3.38. Разбор проводится по той же схеме, что для М. ед. на *-и* (не учитывается *полу*, входящее в состав сложений типа *полудне*, поскольку их ударение подчиняется особым правилам).

Модель *в до́му*. Сенн.: *в ми́ру* 115а, *вѣ чину* 70в. Лих.: *в до́му* 116а, *в чи́ну* 109а. Час.: *в ми́ру* 236, ѡ... *ро́ду* 199б. Пат.: *в до́моу* 618г. Пск.: *в ми́роу* 72б, 122б, *в ря́доу* 200. Жит.: *в до́моу* 279 (+275), *въ... чи́ноу* 302. Только дополнительный материал представлен в Чет. (*на то́мъ по́лу* 18) и Смол. (*в... ро́ду* 129б, *въ... са́ну* 83, *в... чи́ну* 58, *о... чи́ну* 81, 85). Та же модель с единичными отклонениями: Т. пс. *въ ста́ну* 116, *в дѡму* 134б, но также *в домѹ̀* 148; Ег. *в дѡ́моу* 33, 197, но *в дѡмоѹ̀* 43; Стар. *в до́му* (очень часто: 7б, 8б, 9б и др.), но *в домѹ̀* 32. Сравнительно близко к этой группе стоит Ик.: *во́ гробоу* 67б, 86б, *вѣ гробоу* 70, 88б, 93б, *въ* ѡ*блакоу* 80б — *во гробоѹ̀* 77, *на мостоѹ̀* 90б.

Из микросистем с моделью *в домѹ̀* необходимо прежде всего указать Чуд. За одним исключением (*в до́м*ᵘ 6б), здесь представлено последовательное флексионное ударение как в основном, так и в дополнительном материале: *в домѹ́*, *-оу́* (16×), *на домоѹ̀* 145в, *в томьᵓᶜ домѹ́* 32в, *въ велицѣ́ же домѹ́* 139б, *в мирѹ́* 81а, *въ* | *мироу́* 89а/б, *в рядоу́* 142б, *в чіноу́* 25г, *въ своеᵡ чиноу́* 115а (отметим еще *низоу̀* 'внизу' 59г).

Среди памятников XVI—XVII вв. выделяется группа со строго соблюденным флексионным ударением. Таковы: ближний северо-восток — Увар., Бук., Костр., Пер., Тих.; дальний северо-восток — Нил., Прол., Корн., Клон., Хлын.; ближний запад — Рум., Рж., Сел.; Москва — Лес., Тар., Цв., Улож., Матф.; юг — М. пс.; прочие — Новг., Егор. (следует учитывать, правда, что в некоторых из этих памятников мало материала). Приводим образцы микросистем. Увар.: *в домѹ̀* (часто), *в наи́мномъ домѹ̀* 684 (аналогично 300, 723б, 724б, 731 и др.), *в пирѹ̀* 429, 804, *в ко́емъждо родѹ̀* 598, *въ... чинѹ̀* 305 (отметим также *въ ездѹ̀* 618, *в римѹ̀* 495). Улож.: *на... воскоѹ̀* 237 и др., *в домѹ̀* 57б, 153, 318 и др., *в то́мъ домѹ̀* 318б, *в долгоѹ̀* 145, 146 и др., ѡ *долгоѹ̀* 21б (+313б), *на донѹ̀* 51б, ѡ *кормѹ̀* 51, *в лѣ́соѹ̀* 20, 158 и др., *на... станоѹ̀* 84б (отметим еще *на бою́*, *в бою́* [часто], *в дѣ́лоѹ̀* 29, 196б, *въ полонѹ̀* 44б, *в садоѹ̀* 153, а также *во... искоѹ̀* [часто], *в сыскоѹ̀* 3б, 125б и др., ѡ *сыскоѹ̀* 40б [+162], *в обыскѹ̀* 55, 56 и др., *в откупоѹ̀* 241б).

Чрезвычайно близок к данной группе также Авв.: *на берегу̀* 38, 49б, 211, 216, 228б (но один раз *на берéгу̀* 235, где *рé* является следом дефинализации), *на бору̀* 39б, *на броду̀* 102, *в году̀* 144, *в тоⁿ году̀* 282б, *в дому̀* (часто), *во единоⁿ дому̀* 153, *в лесу̀* 51б, 230б, *на носу̀* 52б, 231, *на полу̀* 28б, 68, 93б и др., *в углу̀* 90, 98б (отметим еще *на лъбу̀* 274б, *на поду̀* 245б). Аналогичная картина в Ион. и Хл. (наосновное ударение только в Ион. *в дóму* 467, Хл. *в мúру̀* 306б); по-видимому, сюда же относится Ратн. (отклоняются только *прú валу* 204б, *в стрáху* 172).

Далее, имеется группа памятников, где в основном материале всегда или почти всегда выступает флексионное ударение, а в дополнительном наосновное или смешанное. Таковы: Лет., Фер., Хр., Ап., Амф., Биб., Библ., Косм., Дом., Трав., Ряз., Печ., Сол., Колм. Приводим образцы микросистем. Лет.: *на броду́* 82, 170, *в дому́* 34, *на дону́* 218, *в леду́* 122б, *на леду́* 376б, *на миру́* ‘во время мира’ 187б, 188б, 233б, *на пиру́* 88б, *в плѣну́* 279б, *в стану́* 148 (неясно, где ударение в *на снѣ́гу* 132б; отметим еще *в полону́* 272, *на низу́* 151, *на бою̀* [часто], *в полку́* 158, *на полку́* 123) и только один раз *в пúру* 62б (ср. также *в рúму* 292б). Дополн.: сочетания с определением — ѡ *чéрноⁿ бóру*, ѡ *нѣмéцкоⁿ мúру* 402б, *в вечноⁿ мúру* 406, *на тѡ̀ⁿ мóсту* 319б, ѡ *аврáмли рóду* 59б, *в тоⁿ сáну* 383, ѡ *блуднѡ̀ⁿ сн҃у* 369б, *во мнúшескоⁿ чúну* 235, 279 (ср. еще *на тóⁿ бóю* 150), однако *во мнúшескоⁿ чи|нý* 279 (в примерах на лл. 134б, 161 место ударения неясно), сочетания с изъяснительным значением — ѡ́ *миру* ‘de pace’ (23×) ѡ̀ *мúру* 91б, *о́ мору* 242б; сочетание с *по* ‘после’ — *пó миру*ᵒᶜ ‘post pacem’ 180б. Косм.: *на берегу̀* 21, 189, *в валу̀* 46б, *в лесу̀* 74б, *на лесу̀* 75, *в миру̀* 36, 105б, *в роду̀* 33, *на роду̀* 176, *в ряду̀* 169б, *на холоду̀* 122, *в чину̀* 175 (ср. еще *на бою̀* 153), при единичном отклонении *на бéрегу* 74б; дополн.: *в тоⁿ же гóду* 28, *на... ѡ́строву* 29б, 178б, 181б, *в... ѡ́строву* 180; с другой стороны, *во вся́коⁿ году̀* 41б, *в тóⁿ же лесу̀* 48, *в тоⁿ ѡстрову̀* 142б, *во всеⁿ чину̀* 57б; также *о дону̀* 43б (ср. еще *о бою̀* 76б). Трав.: *во гною̀* 173б, *в зною̀* 523б, *в меду̀* 476б, *в цвѣту̀* 108б (отметим также *в маку̀* 491), колебание — *в рóду̀* 128; дополн.: *в тóм цвѣ́ту* 217б, *на тóмъ пúру* 328, *в мýжескомъ пóлу* 477; с другой стороны, *в... цвѣту̀* 101, 138б, 304б, *о сухóмъ листу̀* 515. Печ.: *в дому̀* (часто), *на брегу̀* 42б, *в чину̀* 247б, 542 (ср. еще *на выгу̀* [5×]), при единичном *в чúну* 418б; дополн.: *въ... дóму* 194б, *въ... чúну* 380б, *во... чúну* 29, *о́ сн҃у* 405, при единичном *на сéмъ полу̀* 170. Укажем примеры наосновного ударения в прочих памятниках данной группы: Биб. ѡ́ *домоу* 78 (ср. ѡ *домоу̀* 78, 78б), Библ. ѡ *дóму* 993 (ср. ѡ *дому̀* 505б), ѡ́ *чину* 989, ѡ *чúну* 547, Хр. *во сы́ноу* 412б, *о сы́ну* 985, *по сы́ноу своемъ* 818б, Сол. *на óстрову* 115 (*у* переправлено в *ѣ* и, может быть, ударение поставлено уже после этой переправки), Колм. *нá гробу* 129, *в брáку* 151, Амф. *о... рóду* 82,

Муз. *на... по́лу* 132, Фер. *в... ря́доу* 241; сверх этого встретились только *в... чи́ну*, *в... до́му*.

Несколько особо стоит Цел.: *на бору̀* 85б, *в вечеру̀* 145б, 153 и др., *на воротѹ̀* 104б, *при воскѹ̀* 58б, *в домѹ̀* (часто), *на жару̀* 109, *в квасу̀* 91, *на лугѹ̀* 176, *в лѣсу̀* 89, *в меду̀* 150б и др., *в носу̀* 253б, *в пару̀* 261б, *на платѹ̀* 96б, *в снѣгѹ̀* 161б, *в соку̀* 168б, *на стану̀* 204б, *в ряду̀* 100, *в холоду̀* 118б, *на холоду̀* 164б и др., *на черепу̀* 206 (отметим также *в калу̀* 140б, *в паху̀* 80, *на поду̀* 84, *в щелоку̀* 97б, 152); с другой стороны, *в до́му* 272б, *в зно́ю* 189, 239б, *в но́су* 253б, *в па́ру* 98б, 151, *в со́ку* 85б (отметим также *в го́рну* 117б, *на го́рну* 101б); явный результат дефинализации представляет собой *в чере́пу* 41б. Дополнительный материал обнаруживает здесь почти такое же распределение, как основной: *в... жару̀* 37б, 129б, *в... квасу̀* 178б, *на... мѣду̀* 81б, *в... пару̀* 75б, 158, *в... пепелу̀* 61, 107, 166б, *на... черепу̀* 206б (ср. еще *в... щелоку̀* 97б, *на... щелоку̀* 88б), также *о громѡу̀* 1 (ср. еще *о опухлу̀* ‘об опухоли’ 75, *о тускѹ̀* ‘о тусклости’ 48б); с другой стороны, *о... ду́ху* 23, 78, *в... жа́ру* 44б (ср. еще *о хме́лю* 213, 249).

М. ед. в а-склонении

§ 3.39. У существительных а. п. *с* некоторое акцентное сходство с М. ед. на *-и* и на *-у* обнаруживает также М. ед. *а*-склонения. Правда, наосновное ударение представлено здесь значительно уже, а именно, оно выступает в западных системах лишь наряду с флексионным и лишь в некоторых словах. В восточных системах в данной форме, как правило, известно только флексионное ударение.

Шире всего распространено наосновное ударение в М. ед. слова *земля*. Ударение *в зе́мли*, *на́ земли* господствует (или по крайней мере выступает не реже, чем *в землѝ*, *на землѝ*): 1) во всей основной части западной зоны, кроме Егор. (где оно представлено реже, чем конечное), — конкретно в Сенн., Лих., Час., Т. пс., Пр., Пат., Пс., Иск., Жит.; 2) из памятников кромки западной зоны и промежуточной полосы — в Чуд., Дос., Фер., Лет., Чет., Вас.сб., Новг., Клон. Наглядным образцом здесь может служить Чуд.: *в зе́мли* 62г, 63а, 67в, *на́ земли* 104а, 130б, 111б, 127а, 153в, 154б, 157а, *и на́ земли* 153а; с другой стороны, *в землѝ* 14а, *ни в землѝ* 35в, *на землѝ* 59г, 151а. Интересны также показания нецерковного памятника Лет.: *на́ земли* 41б, 44, 45б, 46, 234, но *в землѝ* 326; при наличии определения почти всегда флексионное ударение — *на... земли́* (3×), *в... земли́* (9×), но в *ля́ᵐскои зе́млѝ* 217б. Как редкие отклонения от обычных для соответствующих памятников ударений *на землѝ*, *в землѝ* выступают примеры: *в зе́мли* Хр. 603, *на́ земли* Ап. 245, Сол. 73, 79б, Хлын. (3×), *в зе́млѝ* М. пс. 83б, *на́ землѝ* Амф. 273, *на зе́млѝ* Стар. 13б, Пер. 243. Во всех остальных памятниках встретились только *на землѝ* (*-лѣ*), *в землѝ* (*-лѣ*); из западной

зоны в эту группу попадают только Муз. и Смол. (но в Смол. весь материал состоит из одного примера: *в землѝ* 60б).

В памятниках северо-запада и ближнего запада неоднократно встречается наосновное ударение в М. ед. слова *гора*. Наиболее показательны здесь *на́ горѣ* Сенн. 78а/б, Час. 270, 286, 339, Егор. 77б, 120б, 545, Пск. 266, Лет. 141б, 148б, 275, *при́ горѣ* Сенн. 163б (при этом, однако, в Сенн. представлено также *на го́рѣ* [6×], в Лет. также *на горѣ́* 26б, 253б, 265 и *на го́рѣ* 80б). Менее показательны *в го́рѣ*, *на... го́рѣ*, *в... го́рѣ* (встречающиеся в Час., Т.пс., Лих., Муз., Новг., Пат., Вас.сб., Вас.пс., Пс., Егор., Дос., Лет., Биб.), поскольку во многих микросистемах северо-западного ареала слово *гора* вообще имеет тенденцию перейти в а. п. *а*. Поэтому ограничимся примерами лишь из таких микросистем, где в И. ед. и Р. ед. последовательно сохраняется ударение *горà*, *горы́*: Новг. *в гѡ́рѣ* 92, 172, 283б (ср. *на гѡрѣ́* 4); Муз. *в гѡ́рѣ* 212; Егор. *в го́рѣ* 265б; Биб. *в го́рѣ* 30б (при обычном *в горѣ́*). Открытое /ɔ/, обнаруживаемое в словоформе М. ед. *го́рѣ* в Час., Муз., Новг., Пат., Дос., говорит об ее энклиноменном характере или по крайней мере о том, что ее вокализм выровнен по энклиноменам *го́ру*, *го́рѣ* Д. ед., *го́ры* И. В. мн. С другой стороны, в Т.пс., наряду с *в го́рѣ* (5×), представлен также вариант *на го̑рѣ* 1б (с фонемой /о̑/), ср. еще Р. ед. *го̑ры* Час. 318; этот же вариант можно предполагать при ударении *на го́рѣ*, *на го́ру*, *по го́рѣ*, *на го́ры* В.мн., отмеченном в целом ряде памятников (Сенн., Лих., Нил., Лет., Стар.).

Для прочих слов материал таков: *в во́дѣ* Чуд. 41г, Нил. 15, Лих. 130г, Цв. 186, Авв. 32, 38, Цел. 64, 122, *в во́дѣ* Печ. 35б, *в го́ловѣ* Трав. 490б, Цел. 22б, *на ду̑ши* Егор. 69б, 75б, *о́ ду̑ши* Егор. 519б, 523б (+195б), Пск. 7, *в ло́ді̑и* Сол. 257б, *в ру́цѣ* Сол. 186, 204б, Цел. 13б (+226б), *в ру́цѣ* Сол. 184, *в... роу́цѣ* Ик. 39 (+ Сол. 204б), *на ру́це* Цел. 195.

Можно предполагать, что наблюдаемые примеры наосновного ударения в М. ед. *а*-склонения имеют несколько разных источников. Часть этих примеров может объясняться просто дефинализацией; это в особенности вероятно для таких памятников, как Цел. и Сол. Для примеров с оттяжкой ударения на предлог такое объяснение невозможно. Ввиду показаний Чуд. необходимо признать, что в древнерусском языке XIV в. существовал энклиноменный вариант данной формы. Примеры *на́ земли*, *на́ горѣ*, *при́ горѣ*, *в го́ловѣ*, *на́ души*, *о́ души* (а также /го́рЪ/) в памятниках XVI—XVII вв., по-видимому, в основном отражают именно этот старый вариант. Однако следует учитывать, что определенное влияние тут могли оказывать также другие формы той же парадигмы, а именно, энклиномены Д. ед. на *-ѣ*, В. ед. на *-у*, И. В. мн. на *-ы*. Совпадение Р. ед., Д. ед. и М. ед. *а*-склонения в единой косвенной форме, наблюдаемое в большом числе западных и южных говоров, должно было приводить и к акцентному выравниванию этих форм. Ввиду первона-

чального различия их акцентовок такое выравнивание могло идти в двух направлениях; отсюда возможность акцентных колебаний в каждой из этих форм. Так, например, в микросистеме Лет. колебаниям в М. ед. (*на́ земли, в землѝ, на... землѝ, на́ горѣ, на го́рѣ, на горѣ́*, см. выше) соответствуют такие же колебания в Д. ед. и Р. ед. В Д. ед. здесь находим, в частности: *земли́* (часто), *по... земли́* (часто), *к зе*ᵘ*лѝ* 183, *зе́млѝ* 222, *по́ земли* 70, 93, *к го́рѣ* 275, *по го́рѣ* 245б, *по горѣ́* 245б, ср. еще *звѣздѣ́* 42б. В Р. ед.: *земли́* (часто), *до землѝ* 138б, *из* (ѡ^{m})... *земли́* (4×), *зе́млѝ* 288б, *зе́мли* 269б, *сре*^{ð} *зе́мли* 162, *из... зе́мли* 361, 364б, 365, *горы́* 395б, *го́ры* (часто), *з го́ры* 265, ѡ^{m} *го́ры* 115, также *го́ловы* 357б, 364 (при обычном *головы́*), *звѣ́зды* (5×).

Примеры Р. ед. а. п. *с* с начальным ударением (например, *зе́мли, до́ земли, во́ды, го́ры, ру́ки, го́ловы* и т. п.) отмечены в том или ином количестве прежде всего в западных (и близких к ним) памятниках Час., Т. пс., Лих., Новг., Пат., Егор., Хрон., Дос., Лет., Хр., Стар.; кроме того, на дальнем северо-востоке — в Нил., Прол., Клон., Авв., Цел.; на юге (и юго-востоке) — в Биб., Ик., Косм., Трав., Ряз.; наконец, в Биб., Увар., Цв. Как можно видеть, зона распространения таких ударений в значительной мере сходна с зоной, где такие же ударения встречаются в М. ед. Таким образом, фактор взаимного акцентного влияния косвенных падежей был несомненно актуальным.

И. В. мн. у neutra a. n. c и b

§ 3.40. Ниже разбирается акцентовка И. В. мн. у neutra а. п. *с* и *b*. Хотя, с нашей точки зрения, И. и В. падежи здесь акцентно не различаются (см. также § 3.41, конец), для большей достоверности мы все же обычно отмечаем падеж при цитировании примеров (кроме памятников, где в рассматриваемой точке системы нет никаких акцентных колебаний).

Рассмотрим вначале И. В. мн. у *o*-neutra а. п. *с*. Как видно из карты 5, восточная зона характеризуется господством флексионного ударения в этой форме (модель *мяса̀, врата̀*), в западной зоне представлено наосновное ударение (*мя́са, вра́та*) или компромиссные системы. Часто встречающаяся словоформа *врата* отражена на карте отдельно, поскольку она отличается от основной группы neutra а. п. *с* своим церковнославянским происхождением (и вдобавок принадлежностью к pluralia tantum); однако, как показывает карта, ее акцентовка в целом хорошо согласуется с основной группой.

Особой трактовки требуют словоформы: 1) *древа, чрева, тѣ́ла*; 2) *ворота, озера* (*езера*). При флексионном ударении они с диалектологической точки зрения вполне показательны, но при наосновном ударении это не так: ударения *дре́ва, чре́ва, тѣ́ла, е́зера* могут быть

простым проявлением книжности; относительно ударений *воро́та*, *озе́ра* (*езе́ра*) см. отдельно ниже.

Образцы микросистем с моделью *мясà*, *вратà*. Ион.: *мясà* (6×), *колà* В. 'повозки' 77б, *вратà* (7×) (ср. *дре́ва* 550б, *езе́ра* 52б). Увар.: *мясà* В. 49б, 540, 817б, 818б (но *мя́са* В. 835 [не считая менее надежных примеров]), *словà* 831б, *воротà* 617б, *вратà* 612, 724 (ср. *дре́ва* 609, *озе́ра* 600). Косм.: *словà* 54, 187 bis, *поля́* 2б, 5б (также вторичное *стадà* 147б). Дом.: *дровà* 68, 94б bis, *пивà* 105б, *воротà* 101 (также вторичное *дв҃лà* [4×] при *дв҃ла* [2×]). М. пс.: *мясà* 52б, 163б, *поля́* (4×), *моря́* 171, *вратà* (5×), *во вратà* 107б (ср. *дре́ва* 112б, *въ е́зера* 120б). Рж.: *мясà* 80, 260б, *поля́* (3×), *словà* 283, *древà* И. 174б, Зв. 249б (но *дре́ва* И. 163б), *вратà* (9×), *во вратà* 167б (иначе *ко́ла* 'повозка' А 13б, 18, 20; ср. *въ езе́ра* 187). Ратн.: *словà*, *дровà*, *воротà*, вторичные *дв҃лà*, *стадà* (см. Станг 1952, с. 22). Колм.: *мясà* (7×), *пивà* (6×), *воротà* 107, 177 (при более частом *воро́та* [14×]), *поля́* (очень часто), *на поля́* 26, 55 (но *по́ля* И. 31, *по́ля́* И. 25), *моря́* И. 179 bis (+86), *древà* (16×) (но *дре́ва* И. 213, 235, В. 56), *тв҃лà* 236, *по*^{g} *ѡблакà* 119, 131 (но *по*^{g} *ѡблака* 27) (также вторичное *дв҃лà* [часто]; ср. *ѡзе́ра* [8×], *езе́ра* [3×], *о́зера* 61, 231 bis, *в о́зера* 61; отметим еще *про́са* И. 168, 188).

Модель *мя́са*, *вра́та*. Егор.: *мя́са* И. 499, *дрѵ́ва* В. 524б, *мѵ́ря* И. 168б, *зла́та* В. 388б, *вра́та* (5×), также *дре́ва* (3×), *чре́ва* 357. Нил.: *мя́са* Т 5, 7б, *сло́ва* 17б. Хрон.: *мя́са* 246, *вра́та* 225, 232б, также *дре́ва* 241.

Приведем также некоторые микросистемы компромиссного типа. Т. пс.: *по́ля* И. 79, *вра́та* И. 163, В. 48 bis, 99б — *поля́* И. 108, *врата́* И. 176б bis. Лет.: *мя́са* В. 65б, 139, *сло́ва* И. 252, *вра́та* 226 (ср. еще *е́зера* 302б, *воро́та* 153б) — *на колà* 82б, *врата́* (6×), *во врата́* 326 (также вторичное *жита́* В. 242б; отметим еще *вѣча́* И. 341б, В. 140б). Биб.: *мя́са* В. 116б ter, 117 bis, *сло́ва* И. 420б (ср. *дре́ва* [3×], *въ е́зеро* 394б) — *мясà* В. 377б, *дровà* В. 424б, *въ дровà* 120, *поля́* И. 381, 390б, 392, *вратà* (часто).

Оттяжка на предлог отмечена только в Новг. *вѣ҃ врата* 172, Вас. пс. *во́ врата* 135б. Ср. также огласовку /ɔ/ в Т. пс. *по́ля* И. 79, Вас. пс. *мо́ря* И. 219.

У *es*-, и *en*-neutra а. п. *c* флексионное ударение в И. В. мн. господствует практически повсеместно: *словесà*, *небесà*, *древесà*, *тв҃лесà*, *именà*, *временà* и т. д. Речь может идти лишь о наличии или отсутствии отклонений от этой нормы. Важнейшими отклонениями такого рода являются случаи энклиноменной акцентовки; как видно из карты 5, они характерны в основном для западной зоны. Приводим эти случаи: *сло́веса* Т. пс. 39, 41б, 114б, Ег. 305, Стар. 10б, 27, 44, 46, *слѵ́веса* Т. пс. 2, 39, *сло́весá* Нил. Т 21б, Стар. 1, 11 (+8, 38), *слѵ́весá* Т. пс. 79, *зá слѵ́веса* Новг. 300, *за слѵ́веса*

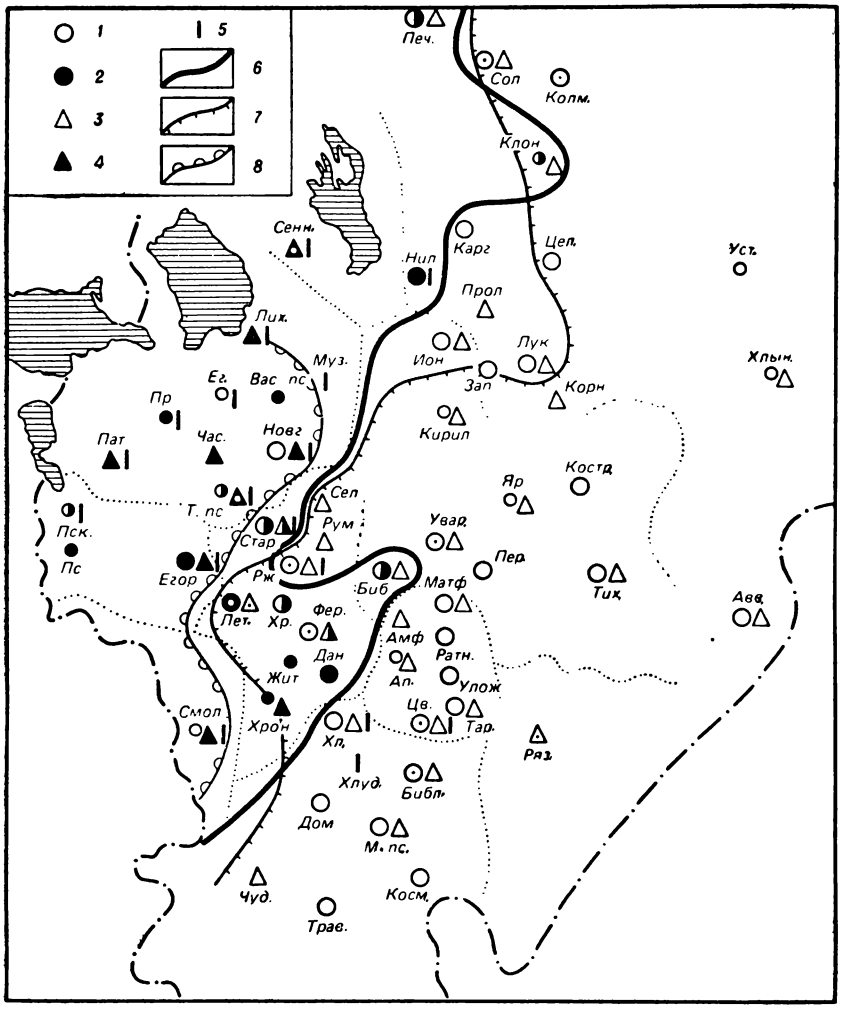
Т. пс. 41, *ѡ́чеса* Нил. Т. 33, *ко́леса* Цв. 48б bis, *на́ нб҃са* Сенн. 161б, Лих. 56г, 209в, Егор. 101б, 102 и др. (12×), Муз. 10б, Пат. 622а, Пск. 151, 260, Рж. 89б, *и́мена* Егор. 421б, *вре́мена* Хл. 294б, Хлуд. 116б, 153, *четы́ри вре҃мена* Смол. 79, *на́ времена* Пск. 15, *въ́ времена она* Егор. 395б, *вѡ́ временѣ* Рж. 175 (почти все эти словоформы и сочетания в тех же памятниках встречаются также и с флексионным ударением). Часть этих примеров несомненно порождена аналогией; например, частое *на́ нб҃са* (при отсутствии **не́беса*) явно связано с М. мн. *на́ нб҃сехъ* (или *-ѣхъ*), представленным в большинстве памятников. Едва ли можно, однако, объяснить подобным образом весь этот материал.

Другой тип отклонения, известный также у многосложных *o*-neutra, состоит в обобщении акцентовки Р. мн. Сюда относятся: *воро́та* (в Лет., Колм., см. выше), *озе́ра*, *езе́ра* (в большом числе памятников), *коле́са* Цв. 61 bis, Авв. 134б, *слове́са* Пск. 341б (+ Егор. 540), *на слове́сѣ* Т. пс. 132б, *теле́са* Пск. 21. Данная инновация не ограничивается формой И. В. мн.: она распространяется на все падежи мн. числа, которые получают здесь, таким образом, колонное предфлексионное ударение: *воро́та*, *-ъ*, *-омъ* (*-амъ*), *-ы* (*-ами*), *-ѣхъ* (*-ахъ*), *озе́ра*, *-ъ*, *-омъ* (*-амъ*), *-ы* (*-ами*), *-ѣхъ* (*-ахъ*) и т. д. Примеры таких ударений представлены во многих памятниках; ср. закрепление акцентовок *воро́та*, *озёра*, *колёса* в современном литературном языке.

Элементы такого же выравнивания по Р. мн. иногда отмечаются во мн. числе слова *поле*. Надежным примером здесь является Трав. *по пѡ́лемъ* 342, где /ô/ явно перенесено из Р. мн.; возможно, тот же источник имеют Егор. *по по́лемъ* 214б, Библ. *на по́ле*[x] 992б, Цв. *на по́лѣхъ* 183 (+ Ратн. 91).

§ 3.41. Рассмотрим теперь neutra а. п. *b* (непроизводные или опростившиеся). Для И. В. мн. в старовеликорусских памятниках представлены две акцентовки: наосновная (а именно предфлексионная) и флексионная. Как видно из карты 5, преобладание наосновной акцентовки (*се́ла*, *чи́сла*) характерно для восточной зоны, преобладание флексионной (*села̀*, *числа̀*) — для основной части западной зоны.

Несколько слов стоят особо. Во-первых, повсеместно представлено ударение *устà*, *плещà*, почти повсеместно — *чреслà*; соответственно, ниже в разбор материала первые две словоформы вообще не включаются, а последняя включается только при наосновном или колеблющемся ударении. Особое положение этих слов связано с тем, что *устà* и *чреслà* — pluralia tantum, и, по-видимому, также с тем, что все три слова имеют книжный характер; в данном случае, в отличие от большинства других, в функции книжного оказывается флексионное ударение (архаичное), поскольку оно здесь противопоставляется народному наосновному ударению (ср. § 3.13). Во-вторых, у слова *сердце* наблюдается колебание между а. п. *b* и *c* (например,

Карта 5. Ударение в И. В. мн. neutra:

1 — *мяса́*, *слова́*, *дрова́*, *пива́*, *сёна́*, *кола́*, *поля́*, *моря́* (при флексионном ударении учитываются также: *ворота́*, *древа́*, *тёла́*, *облака́*; *дёла́*, *зерна́*, *ита́*, *стада́*); *2* — *мя́са*, *сло́ва*, *дро́ва*, *пи́ва*, *сёна*, *ко́ла*, *по́ля*, *мо́ря*; *3* — *врата́*; *4* — *вра́та*; *5* — встретился хотя бы один пример из следующего списка: *во́ врата*, *на́ словеса*, *на́ времена*; *сло́веса*, *вре́мена*, *и́мена*; *6* — западная граница последовательной или почти последовательной акцентовки по модели *мяса́*, *врата́*; *7* — западная граница зоны, где в И. В. мн. neutra а. п. *b* господствует или преобладает наосновное ударение (модели *се́ла*, *ви́на*); *8* — восточная граница зоны, где в этих же словоформах господствует или преобладает флексионное ударение (модели *села́*, *вина́*).

Р. ед. *сердца́* и *се́рдца*), поэтому ниже оно из общих списков исключено.

Кроме того, слово *лице* обнаруживает заметно повышенную склонность к ударению *лица́* в И. В. мн. В ряде восточных памятников ударение *лица́* (обычно наряду с *ли́ца*) является единственным (не считая оговоренных выше слов) отклонением от последователь-

ной наосновной акцентовки в И. В. мн. а. п. *b*. Сочетание *не на лица* (в новозаветном выражении [из Яков II. 1] *не на лица зряще*) имеет ударение *лицà* повсеместно; оно сохраняет такое ударение и в нынешней церковнославянской норме. Поскольку в этом выражении ударение *лицà* несомненно функционирует как книжное, допустимо предполагать, что и в большинстве прочих случаев источником ударения *лицà* является книжный характер данного слова (особенно в значении 'persona') или его контекста; существенно, что все примеры ударения *лицà* встретились либо в церковных текстах, либо в цитатах из них.

Микросистемы с последовательным наосновным ударением. Косм.: *сéла* 16, *стéкла* 188, *гнѣ́г°а* 34 (вместо *гнѣ́зда*), *плáтна* 157б, *полóтна* 133 bis, *сýкна* 10б, 19 (ср. также *дерéвца*[31] 185). Фер.: *сéла* 245б, 290, *рéбра* 520б, 523б, *полóтна* 757, *я́ица* 493б. Хр.: *сéла* (4×), *кóлца* В. 424б bis, *кóпія* В. 1212б (но также *копіа* б. уд. [3×]), *гоýмна* 622б, *чúсла* 89б. Ряз.: *в рéбра* 187б, *лúца* 87б, *я́ица* 257, *чрéсла* 55б. Тих.: *рéбра* 102, *óкна* 48, *чúсла* (часто), *я́дра* 102 (ср. также И. В. мн. *естéства* 63б при ед. *естествó*). Ратн.: *сéла*, *рéбра*, *плéча*, *кóпья*, *крúла*, *чúсла*, *я́дра* (однако *ремеслà*) (см. Станг 1952, с. 22). Аналогично в Тар., Трав. и Улож. Памятники этой группы относятся к южной части восточной зоны и к центру.

В ряде микросистем флексионное ударение отмечено только в словоформе *лица* (ср. выше). Увар.: *сéла* И. 731, В. 600, 603, 677 и др., *рéбра* И. 395б, 542б, В. 398б, *полóтна* В. 606, *я́ица* В. 537 bis — *лицà* И. 206б, 712, 719, В. 401, 545б, *не на лицà* 633 bis. Ап.: *сéла* И. 52, *рéбра* И. 232, *в рéбра* 23, *на лúца* 93, *на лúца ли* 142б — *не на лицà* 57б. Матф.: *сéла* В. 78б, *чúсла* И. 72, *лúца* В. 89б, *трù лúца* В. 237 — *не зрúши бо на лицà* 172б. Аналогично Корн., Хл., Рж., Яр., где материала меньше (сюда же Сенн., если здесь *лицà* 104в есть В. мн., а не Р. ед.).

Микросистемы, где наосновное ударение лишь преобладает. Чуд.: *сéла* И. 79в, В. 93в, *на сé|ла* 35г, *рéбра* В. мн. 51в, *в рéбра* 52а, 66в, *гнѣ́зда* В. 32б, *лúца* И. 152г, В. 40в, *чрéсла* И. 34б — *и селá* В. 31г, *и лицá ихъ* И. 152г (*и лицá ихъ яко лúца | чл҃вкмъ*), *не на лицá* 164в, *чреслà* В. 84а; отметим также *на плещá* 12г (пример *брашнá* В. 27в двусмысленен, поскольку а. п. этого слова в Чуд. колеблется). Лет.: *сéла* В. 112, 120б и др., *плéча* И. 219б, *кóпіа* В. 282 — *в ребрà* 182б. Биб.: *сéла* И. 387, 425, *в сéла* 157, *рéбра* И. 377, В. 335, 448б, *крúла* И. 427, *соýкна* В. 339 — *яицà* В. 121б, 463, также *лиця́* В. 387. Дом.: *сéла* В. 40б, *óкна* В. 61б, *брéвна* (И. В. при инф.) 94б, *решéта* В. 61, *решóта* И. 92б, *сéдла* И. 91, *вúна* И. (?) 90б, *молóка* И. 71б, *полóтна* (И. В. при инф.) 106б, *я́ица* И. 71б, 90 — *ребрà* В. 24б, *винà* (И. В. при инф.) 91, *мытà*

[31] Здесь и ниже приводятся некоторые из отчетливо членимых производных, если их акцентовка уже подчинилась правилам для непроизводных.

В. (?) 41, также *не на лі|цѧ* 124. Колм.: *сéла* И. 208, В. 62, 145 (также *сéлы* И. 7), *лúца* В. 209, 239, 256, *вúна* (часто), *гнѣ́зда* В. 80, *полóтна* И. 186, В. 124, *сýкна* В. 15, 71, 135, 240, *чúсла* И. 143, *я́ица* И. 227, В. 90, 193_2, 212 (ср. еще *клéйма* И. 105, *дрéвка* В. 80, 197) — *селà* И. 83, *вúнà* В. 47, *платнà* В. 52, также *не на лицà* 134. Аналогично в Библ., Цв., Хлын., Цел. (отметим, что при этом в Библ. и Хлын. последовательно, в Цв. факультативно выступает И. В. мн. *лицà*).

В Дос., Дан., Жит., Рум., Сел., Кир., Клон., Сол. представлено только наосновное ударение, но материал очень скуден. С известной осторожностью здесь можно предполагать микросистемы восточного типа.

Микросистемы с флексионным ударением. Егор.: *селà* И. 19, В. 19, 270б и др. (5×), *на селà* 18, 19, *ребрá* В. 115б, 116, *в ребрà* 118, 118б (+119), *сребрà нáша* В. 554б, *гнѣ́здà* В. 223б, 226, 226б, *гнѣ́здá же* И. 226б, *лицà* В. 39б bis. Т. пс.: *ребрà* И. 68, *лицá* И. 55б. Смол.: *селà* И. 101, 123б, В. 81б, *числà* И. 7. Пск.: *в селà* 265, 352б (но также *сé|ла* В. 338б), *числà* И. 276, *лицà* В. 223б, 282, *не на лицà* 269, 274. Памятники этой группы относятся к южной части западной зоны. К данной группе приближается также Новг.: *на селá* В. 17, *ребрá* И. 92, *в ребрá* 310б — *сéла* И. 150, В. 189б.

Примерное равновесие акцентовок (если не считать слова *лице*). Ион.: *ребрà* В. 371 bis, 372, *в ребрà* 414б, *лиця́* В. (7×), *на лиця́* (4×) — *сéла* В. 530б, *на сéла* 530б, *рéбра* В. 371, 371б, 568, *лúця* В. (?) 173б, *лúця́* В. 206б, *вúна* В. 530б. Печ.: *в селà* 383, *ребрà* В. 548б, 584, *в ребрà* (3×), *лицà* И. 127, 510б, В. 72б, 102, 482б, *лицá же* И. 143 — *сéла* И. 520, В. 351, *вéсла* В. 471б, 475б, *кóпія* И. 548, *на кóпія* 494. Сюда же можно отнести Муз. (*селà* В. 147б, *гнѣ́здà* В. 220, *лицà* В. 24б — *сéла* В. 133, 215б, *чúсла* В. 2, 3б), Стар. (*селà* И. 38б, В. 38б, *ребрá* И. 76 — *сéла* И. 17б, Зв. 11б, В. 10б, 20, *гнѣ́зда* И. 76б), по-видимому, также Прол., Карг. и Лук.

В нескольких рукописях отмечены лишь единичные примеры, которые могут быть и непредставительными для соответствующей микросистемы в целом: Час. *в ребрà* 398б, *я́ица* В. 248б, 249; Нил. *сéла* В. Т 53в; Амф. *сéла* 101, *ребрá* В. 184, *лiця́* В. 130; Ик. *ребрà* И. 81б, *дрéвца* И. 119; М. пс. *рéбра* И. 50, *ребрà* В. 197б, *лúца* И. 32б, *лицà* В. 91б; Пер. *яицà* И. 19, 19б; Авв. *вéсла* И. 198б, *по плéча* 79б, *на плечà* 108б, 214.

Карта 5 показывает, что в старовеликорусском имелась определенная корреляция между акцентовкой И. В. мн. у neutra а. п. *b* и neutra а. п. *c*. В восточной зоне эволюция вела к выработке четкой акцентной оппозиции чисел: *мóре—моря́*, *селò—сéла*. В западной зоне, напротив, действовала тенденция к колонному ударению в парадигме: *мóре—мóря*, *селò—селà*. Для а. п. *c* различие восточно-

великорусской и западновеликорусской моделей, по-видимому, отражает праславянскую диалектную вариантность (ср., в частности, расхождения типа штокавск. *пòља*, *сéна*, *мéса* — чакавск. *pȍlja*, *sênа*, *mêsa*). В а. п. *b* восточновеликорусская модель закрепляет эффект Re, истоки которого восходят к праславянскому (§ 2.18); в западновеликорусской зоне этот эффект либо вообще изначально отсутствовал, либо выступал в ограниченной или непоследовательной форме и был устранен при развитии тенденции к колонному ударению.

Размежевание восточной и западной моделей наиболее отчетливо в южной половине великорусской территории; в северной половине многие микросистемы содержат элементы компромисса. Уже в XV—XVI вв. влияние восточной модели на западную заметно сильнее, чем противоположное. В дальнейшем восточная модель окончательно побеждает и становится нормой современного русского языка. В сферу ее действия втягивается также ряд слов а. п. *a*, а именно, акцентная оппозиция чисел достигается здесь путем замены наосновного ударения флексионным в одном из двух чисел. Таким путем возникают, с одной стороны, оппозиция типа *стáдо—стадà*, *дв̀ло—дв̀лà*, *мв̀сто—мв̀стà*, с другой, типа *зернò—зéрна*. Как показывают, однако, единичные примеры типа Лет. *дв̀лô* 27, Смол. *мв̀стò* 105б, Цел. *зернà* В. мн. 37б (ср. здесь же *по. . . зéрну* 37б), выбор первого или второго пути развития для названных слов определился лишь после некоторых колебаний.

В работе Колесов 1969 был выявлен ряд важных особенностей акцентной эволюции древнерусских neutra, прежде всего возможность древнего флексионного ударения в И. В. мн. а. п. *b* и древнего начального ударения в И. В. мн. а. п. *c*. При этом, однако, выдвинут тезис об акцентной дифференциации И. и В. падежей у neutra (в обоих числах), представляющийся нам крайне уязвимым. Так, для а. п. *b* в древнерусском реконструируются, в частности (с. 28): И. ед. *винó*, *селó*; В. ед. *вúно*, *селó*; И. мн. *вúна*, *сéла*; В. мн. *вúна*, *селá*. Заметим прежде всего, что в ед. числе колебания типа *винò—вúно*, вызванные дефинализацией, в действительности свойственны только одной диалектной зоне (западной) и при этом распространяются как на В., так и на И. падеж. С другой стороны, как можно видеть из приведенного выше материала, во мн. числе и в И. и в В. падежах встречаются как *вúна*, *сéла*, так и *винà*, *селà*. Правда, среди примеров с ударением типа *винà*, *селà* действительно гораздо чаще встречается В. падеж (в нашем материале примерно в 80 % случаев). Но этот факт оказывается гораздо менее значимым, если учесть, что у neutra вообще В. падеж встречается в памятниках примерно в 2,5 раза чаще, чем И. (т. е. доля В. падежа в сумме И.+В. составляет в среднем около 70 %). Таким образом, различие между ожидаемыми 70 % и наблюдаемыми 80 % сравнительно невелико; оно связано с существованием устойчивых сочетаний типа *не на лицà*, а также, возможно, с какими-то особенностями ритмических позиций, в которые по син-

таксическим причинам чаще попадают словоформы В., а не И. падежа. Вообще гипотеза о том, что в древнерусском оказался нарушенным принцип внешнего тождества словоформ И. и В. падежа у neutra, незыблемо сохранявшийся с общеиндоевропейской эпохи и прекрасно соблюдаемый (у неодушевленных) также в современном русском, столь маловероятна, что для ее обоснования нужны чрезвычайно сильные и недвусмысленные аргументы. Ясно, что отмеченное выше небольшое статистическое различие таким аргументом служить не может.

И. мн. и В. мн. у masculina a. n. c

§ 3.42. В старовеликорусский период в живом языке у masculina уже исчезло древнее противопоставление И. мн. на *-и* и В. мн. на *-ы* (типа *роди—роды*, *бози—богы* или *боги*). На их месте образовалась (в основном на базе В. мн.) единая форма на *-ы* (после мягких и *к*, *г*, *х* — *-и*), которую можно назвать исходной формой множ. числа: *роды*, *боги*, *кони*, *цари* и т. д. Эта форма у неличных существительных (позднее — только у неодушевленных) выполняет функции И. и В. падежей, у личных (позднее — у всех одушевленных) — только функцию И. падежа (тогда как В. падеж совпадает здесь с Р.). Таким образом, живой язык вообще утратил возможность внешнего различения И. и В. падежей мн. числа у неодушевленных существительных. Старая оппозиция И. и В. падежей, не зависевшая от значения слова, сменилась новой, целиком подчиненной семантическому противопоставлению личных и неличных, позднее одушевленных и неодушевленных существительных.

У нескольких существительных с твердой основой в качестве исходной формы мн. числа закрепилась древняя форма И. мн.: *черти*, *сусѣди*, *холопи*, *комари* и др. Существенно, однако, что и в этих случаях новый принцип не был нарушен: словоформы данной группы были переинтерпретированы как содержащие мягкую основу (подобно *кони*, *цари*), и, соответственно, косвенные падежи множ. числа получили вид *чертей*, *чертемъ* (*чертямъ*) и т. д.; древняя оппозиция типа И. мн. *черти*—В. мн. *черты* и в этих случаях исчезла.

Между тем книжный язык сохранял древнюю систему противопоставления И. и В. падежей — по крайней мере в идеале (поскольку на практике многочисленные нарушения — прежде всего словоформы на *-ы* в функции И. падежа — встречаются даже в канонических церковных текстах). Сосуществование двух разных морфологических систем — книжной и народной — приводило к тому, что многие пишущие воспринимали такие словоформы, как *бози*, *снѣзи*, *рози*, *скоти*, *орли*, также *домове* (и *доми*), *чинове* (и *чини*), *дарове* (и *дари*), просто как книжные эквиваленты народных *боги*, *снѣги*, *роги* (и *рога*), *скоты*, *орлы*, *домы*, *чины*, *дары*. Подобно последним, первые воспринимались просто как исходные формы мн. числа, только книжные. Отсюда многочисленные ошибки, состоящие в употреблении словоформ на *-и* или *-ове* в функции В. падежа, например: Ап. *и*

ско́ти привести́ 44, Дос. *зу́би* В. 64б, Лет. *в ко́локоли* 299б, 302, Печ. *дру́зи* В. 152б, Косм. *да́рове* В. 60, 186б.

В описанной ситуации наиболее существенным для акцентологического анализа оказывается противопоставление (у слов с твердой основой) словоформ с *-и*, т. е. книжных, и с *-ы*, т. е. народных. У слов а. п. *с* первые практически всегда выступают в памятниках с начальным ударением: *бо́зи*, *бе́си*, *во́лци*, *гла́си*, *гро́би*, *гро́ми*, *дру́зи*, *ду́си*, *кру́зи*, *ле́ди*, *ло́ви*, *по́ти*, *пру́зи*, *ро́зи*, *ро́ди*, *сне́зи*, *тру́си*, *цве́ти*, *чи́ни* и т. д. (отклонения совершенно единичны).

Что касается словоформ с *-ы* (или *-и* после *к*, *г*, *х*), то здесь исконная энклиноменная акцентовка тоже безусловно преобладает; однако наряду с ней встречается (а в XVII в. уже заметно распространяется) также флексионное ударение. Большинство имеющихся примеров с таким ударением относится к В. падежу; поэтому возникает мысль о развитии акцентного противопоставления форм И. мн. и В. мн. (см. Колесов 1972, с. 147, 188). Однако при более внимательном анализе материала это предположение не получает подтверждения. Дело в том, что из разбора должны быть прежде всего исключены все словоформы И. мн. на *-и* (при твердой основе), поскольку акцентное противопоставление типа *цве́ти—цве́ты* при всей его кажущейся наглядности может не иметь отношения к падежам, а просто отражать различие народного и книжного вариантов (ср. также § 3.13, п. 4 о соотношениях типа *ско́ти—скоты*). Что же касается примеров с *-ы*, то среди них вообще В. падеж представлен существенно чаще, чем И.; приблизительно такое же соотношение В. и И. падежей обнаруживается и среди примеров с флексионным ударением (типа *цве́ты*).

Словоформы И. В. мн. на *-и* у существительных а. п. *с* с мягкой основой (прежних *i-* и *jo*-masculina), например, *го́луби*, *го́сти*, *гу́си*, *зве́ри*, *кня́зи*, *му́жи*, *че́рви*, практически всегда имеют начальное ударение (отклонения чрезвычайно редки).

По акцентовке И. В. мн. на *-ы* у masculina а. п. *с* рассматриваемые в настоящей работе памятники можно разделить на основную и особую группы. Особую группу образуют несколько рукописей XVI в. с преобладанием или значительным распространением флексионного ударения в данной форме; для них можно предполагать несколько особый путь развития. Остальные памятники составляют основную группу; здесь флексионное ударение встречается лишь изредка, но его доля явно возрастает со временем (в некоторых памятниках XVII в. она уже довольно заметна).

Ниже приводятся образцы микросистем о с н о в н о й группы. Ввиду массового характера приводимого материала адреса примеров и их численность в большинстве случаев не указываются. Демонстрируются только существительные с твердой основой и только в И. В. мн. на *-ы* (или *-и* после *к*, *г*, *х*). Отсутствие пометы означает В. падеж; И. и Зв. особо отмечаются. Не учтено сочетание *въ вѣки*

вѣкомъ (см. § 3.46). Из многосложных (без полногласия), как правило, приводятся лишь такие, для которых в рамках данной микросистемы засвидетельствована подвижность ударения. Отдельно от основного материала учитываются примеры, где флексионное ударение может отражать тенденцию слова к переходу в а. п. *b* (например, именно такой тенденцией следует объяснять повышенную частоту ударения *власы̀*: оно представлено в Авв., Биб., Библ., Егор., Карг., Клон., Колм., Лет., Печ., Фер., Цв., Цел. и др.; ср. также И. мн. *власѝ* в Сенн., Корн. и Дос.).

Чуд.: *бо́гы* (63а; чтение *богы̀* маловероятно), *бѣ́сы*, *і́ бѣсы*, *вла́сы*, *в вѣ́ки*, *гра́ды*, *в гра́ды*, *гро́бы*, *да́ры*, *дары̀ жѐ* И., *до́лги*, *до́мы*, *дру́ги*, *кла́сы*, *в мѣ́хи*, *пи́ры*, *по́двигы*, *в по́лы* ‘пополам’, *ра́зоумы*, *ро́ды*, *на́ ряды* (пример *і ликѝ* ‘крики ликования’ 36а, вероятно, отражает акцентовку по а. п. *b*). Ион.: *бо́гы*, *бре́гы*, *вла́сы*, *гр(ѵ)мы*, *длѣ́гы*, *до́мы*, *пи́ры*, *пла́ты*, *по́вары*, *по́сохы*, *по́ты*, *пру́гы*, *ро́вы*, *ро́гы*, *са́ны*, *стру́пы*, *тлѣ́кы*, *хлѣ́мы*, *цвѣ́ты* (также *вре́ды* 481, 588б, *го́споды* 41б); *на́ бѣсовы*, *сы̀новы*; отклонения: *садѝ* 19б, *помыслѝ* 17б (ср. еще *сан(ѵ)вы* 181). Лет.: *бо́гы*, *на бѣ́сы*, *за ва́лы*, *во́зы*, *го́роды*, *гра́ды*, *на́ грады*, *да́ры*, *до́мы*, *ду́бы*, *ко́локолы*, *по⁰ колоколы*, *ли́сты*, *ло́вы*, *в ло́вы*, *в лѣ́сы*, *ме́ды*, *мо́сты*, *но́сы*, *снѣ́ги* (и *снѣ́гы* И. 372), *ста́ны*, *в ста́ны*, *за́ сторожи*, *на сто́рожи*, *стя́ги*, *су́ды* ‘naves’, ‘vasa’ В., И., *в су́ды* (также *де́ревы* ‘древлян’ 81); отклонения: *сны́* 10, 29, 155б (наряду с *сны* 153), *боры́* 285б, *луки́* 217 (наряду с *лу́ки* 277); особо стоят *власы́* 265б, *мечты́* И. 91б. Хр.: *бо́ги*, *на бѣ́сы*, *вла́сы* В., И., *за́ власы*, *гро́бы* В., И., *гро́здъı*, *да́ры*, *до́мы*, *кло́поты*, *ко́локолы* И., *но́къты*, *на́ ободы*, *на́ полы* ‘пополам’, *по́рты*, *по́ясы*, *ро́ды*, *сло́ны*, *ста́ны*, *в сто́ги*, *на́ сторожи*, *сы̀ны* В., И., *за́ сыны*, *на́ сыны*, *во́ храмы*, *цвѣ́ты* (также *бра́вы* 295, *в кро́вы* 898б, *на́ отрокі* 805б, *смо́ки* ‘драконов’ 92б); *са́новы*; отклонение: *на четы̀ре оуглы̀* 1240б (*гра́ды́* 1292б похоже на описку).

Приведем также материал нескольких памятников, где И. мн. практически всегда уже нового типа — на *-ы*. Косм.: *бо́ги* И., *во́лки* И., *во́лосы* В., И., *во́ вѣки*, *го́ды*, *го́роды* В., И., *гро́бы* В., И., *да́ры* В., И., *по́ дары*, *до́мы* В., И. (2×), *в до́мы*, *зу́бы* В., И., *лу́ки*, *лѣ́сы* И., *не́други* И., *(ѵ)бразы*, *(ѵ)стровы* В., И., *сло́ны* И., *снѣ́ги* И., *сто́рожи* И., *су́ды* ‘naves’ И., *у́глы*; отклонения: *домы̀* В. 57б, *мосты̀* В. 52. Улож.: *бе́реги* И., *во́ры* И., *го́ды*, *го́роды* В., И., *в го́роды*, *да́ры*, *до́лги* (В., И. В. при инф. — часто), *в до́лги*, *в до́мы*, *ко́рмы*, *лоу́ги* В., И. (7×), *лѣ́сы* (1×; обычно *лѣ́сà*), *мо́сты* В., И. (4×), *но́сы* (И. В. при инф.), *(ѵ)быски*, *(ѵ)ᵐкупы*, *по́вары* И., *по́гребы* И., *в по́лы* ‘пополам’, *ро́ды*, *соу́ды* ‘naves’, *чи́ны* (также *го́ны*); отклонения: *броды̀* И. 91, В. 91б, *долгы̀* (И. В. при инф.) 128, *лугы̀* И. 77, *мосты̀* В., И. (13×), *на станы̀* 82б, *ряды̀* (И. В. при инф.) 100б. Колм.: *бе́реги* И., *на бѵ(ѵ)ги*, *го́роды* И., *гро́бы* В., И., *до́мы* В., И..

в до́мы, жа́ры И., *ку́сы, на́ ловы, лу́ги* В., И., *на́ луги, но́сы, о́стровы* В., И., *про́мыслы, ро́ги* И., *снѣ́ги* И., *су́ды* 'naves', 'vasa', *те́ремы* И., *у́глы, цвѣ́ты* (2×), *чи́ны*; отклонения: *валы́* И. 94, 200, В. 187, *во^кѝ* И. 229, *о́стровы́* В. 253 (если здесь не второстепенное ударение), *пиры́* В. 203, 215, *сады́* И. 75, 249, *цвѣ́ты́* И. 89, 191; особо стоят *власы́* И. 100, 102, 215, 220 и др., В. 23, 38, 39, 93 (наряду с *вла́сы* И. 10, 36, В. 44, 233), *слоны́* И. 101, 224 bis.

В основной группе постепенное распространение акцентовок типа *валы́, мосты́*, заметно убыстряющееся в XVII в., по-видимому, следует связывать с действием общей тенденции к акцентному противопоставлению чисел с одновременным выравниванием ударения внутри субпарадигмы множ. числа. Такому выравниванию весьма благоприятствовала замена старых окончаний косвенных падежей новыми (*-амъ, -ами, -ахъ*), ср. § 3.49.

Из микросистем о с о б о й группы наиболее яркой является Егор.: *власы́* В. 496, *въ бескѡне́чныя вѣ́кѝ* 103б, *грады́* 192, 392, 560, *гробы́* 73 (+75), *домы́ бо* 192, *в домы́* 34, 298б, 313б, 404, *зубы́* И. 147б, *въ слоухѝ* 95б, *цвѣ́ты́* 313, *чины́* 157б, также *нравы́* 417б — *в вѣ́ки* (11×), *да́ры* (часто) (а. п. устанавливается не совсем надежно в примерах *гла́ды* 495б, *зра́ки* 202, *хра́мы* 176; ср. еще *оу́ды* 305б при Р. мн. *удо́въ* 293). При этом наосновное ударение представлено при многосложности (*бѣ́совы, рѡ́довы*), в В. мн. и И. мн. *i-* и *jo*-основ (*го́луби* И., *кня́зи* И., *-я* В., *моу́жи* И., *-а* В., *че́рви* И.) и в И. мн. на *-и* при твердой основе (*бо́зи, влъ́ци, гра́ди, грѡ́би, грѡ́ми, дроу́зи, са́ди*; отклонения: *градѝ* 409, *чинѝ* 20, 315). Существенно, что в Егор. флексионное ударение господствует также и в И. В. мн. *а*-feminina а. п. *с*: *воды́* В. 67б, 511, *в воды́* 246 (+246), *нѡгѝ* И. 22, *на ногѝ* 22 (+21б), *рукѝ* В. 118б, *в рукѝ* 84, 127б (+250б, 264б), *слезы́* И. 13б, В. 94, 309б, 530б, 567б—*го́ры* В. 249, *сле́зы* И. 104.

Менее продвинутую стадию такого же развития отражает Новг.: *в вѣ́кѝ* 292, *грѡ́бы* 307, *своя дх̀ы* 178, *сыны́* (14×) — *вѣ́ вѣ́кы* 156б и др., *въ вѣ́ки* 128 и др., *да́ры* (3×), *дроу́ги* 263б, *зоу́бы* И. 104б, В. 105б, *рѡ́ги* 123, 135, *строу́гы* 165б, *на́ сыны* 41, 146б (+99б, 198), *о́блаки* 178, *-ы* 223 (ср. также *крѡ́вы* 223). В И. В. мн. *а*-feminina а. п. *с* находим: *гѡры́* Зв. 118б, *роукѝ* В. 111, *в роукѝ* 111б, 256б, *слезы́* В. 323 (менее показательно И. В. мн. *доушя́* [3×], ср. § 3.13) — *вѡ́ды* (часто), *гѡ́ры* (часто), *в гѡ́ры* 215, *на́ гѡры* 221б, *за́ря* В. 133б, *зе́мли* В. 74б, *нѡ́гы* В. 262, *рѡ́сы* И. 259б, *сле́зы* В. 103б, *стрѣ́лы* (часто), *стѣ́ны* И. 98 (не считая менее надежных).

Возможно, к рассматриваемой особой группе относится также Зап.: *богы́* В., И., *бѣ́сы* В., И., *вапы́, вѣ́сы* И., *на вѣ́сы, дары́* (наряду с *да́ры*), *домы́, зубы́* В., И., *росты́, саны́, сыны́, цвѣ́ты* И. (и даже

мужѝ И.) — *вѣ́кы*, *на́ годы*, *дру́гы*, *за́ другы*, *ли́сты* И., *ме́ды* И., *но́сы* И., *в по́лы* (см. Колесов 1972, с. 142—145, 188—189). Сюда же, вероятно, Клон., где находим, в частности, *бѣ́сы* 12б, 25, *на бѣ́сы* 24, 71, *власы* (2×), *wбразы* 22, *струпы* 10б, *во оуглы* 190, также *воды* В. мн. 72.

По-видимому, Егор. и Новг. отражают особый диалектный вариант акцентной эволюции И. В. мн. на *-ы* (в а. п. *с*), при котором флексионное ударение в этой форме развивалось как в мужском, так и в женском роде. Отметим в этой связи, что в качестве единичных отклонений от нормы ударения типа И. В. мн. *воды* встречаются во многих памятниках: *воды* (И.) Тар. 214б, Биб. 407, Сол. 115, (В.) Трав. 501б, *в воды* Лет. 308; *и ногы ихъ* (В.) Чуд. 70а, *ноги́* (В.) Т. пс. 160б (+ Муз. 183б), *под ногы́* Т. пс. 67 (+ Биб. 335); *руκы́* (В.) Т. пс. 137б (+ Лет. 76, Ик. 50б), *руκи́* (В.) Т. пс. 65 (+ Вас. пс. [3×], Увар. 521б), *в руκи́* Т. пс. 63б (+ Стар. 50); *цѣ́ны* (В.) Улож. 178; кроме того, И. В. мн. *земли* отмечен в Библ., Смол., Косм., Ратн., Колм., И. В. мн. *горы* — в Сенн., Биб., Косм., Колм., И. В. мн. *стѣ́ны* — в Лет., Биб., Пер.

Т. мн. на -ы (-и) в а. п. с

§ 3.43. У *о*-masculina ударение словоформ Т. мн. на *-ы*[32] нельзя рассматривать изолированно от словоформ В. мн., со временем превращающихся в «исходную форму мн. числа» (§ 3.42). Дело в том, что в старовеликорусский период часть пишущих уже переосмысляла существительное в сочетаниях типа *съ други, со своими други* как стоящее просто в исходной форме мн. числа. Смешения, свидетельствующие об этом явлении, отмечаются весьма широко. В наших памятниках находим, например: Сенн. *самы́ми ве́щи* 8г, Ап. *оу́зы желѣ́зными* 165, Биб. *роу́кы своими* 341, *воды* ('водами') *покры́ты бы́ша* 330 (о египтянах; ср. *твоя воды* И. мн. 407), Косм. *с вели́кими да́рове* 102, *межѫ тѣ́ми двѣ́ма земли* 8б, *чахове разделя́юmца го́ры* ('горами') *wm нѣ́меч* 140б, Дом. *мно́гими торго́вли* 116б, *илѝ корче́мнымъ при́купомъ илѝ ли́хвы* 41, М. пс. *со беспло́тными твоими слугы* 177, Кирил. *ско́ти разли́чными* 189, Улож. *с тѣ́ми холо́пи* 278б (ср. *в холо́пи* В. мн. 47б и др.), *зе́рнью и ка́рты играютъ* 300, Колм. *травы разноцвѣ́тными* 188, *с трубы* 22. В Ратн. представлены Т. мн. *мѣ́ры*, *ро́ты*, *телѣ́ги*, *ты́сящи*, *ты́сячи*, *оу́лицы* (Станг 1952, с. 27). Подобные смешения, конечно, были в значительной мере связаны с тем, что в живой речи уже все шире использовалось новое окончание *-ами*, т. е. мы имеем здесь дело с переосмыслением уходящего в прошлое окончания.

Естественно ожидать, что столь тесная связь Т. мн. с исходной формой мн. числа может проявиться и в сфере акцентуации. Ниже памятники разделены на группы соответственно представленному

[32] Здесь и далее «на *-ы*» подразумевает: после мягких и *к*, *г*, *х* — на *-и*.

в них соотношению акцентовок Т. мн. и И. В. мн. на *-ы*. При этом документируется только Т. мн., поскольку И. В. мн. на *-ы* уже рассмотрен выше.

Группа 1: микросистемы с господствующим флексионным ударением в Т. мн. при начальном ударении в И. В. мн. на *-ы*. Чуд.: *власы* 16в (+30в), *-ы* 47б, 48а, *-ы* 30в, *глсы* 40а, *зубы* 21а, *зубы* 63б, *с моужи* 33в, *съ облаки* 24б, *послоухы* 139а, *-и* 138а, *разоумы* 107г, *роды* 125г, *слоухи* 144в. Прол.: *бѣсы* 81б, *власы* 30б, *съ зубы* 88б, *князи* 98, *съ князи* 98, *платы* 124б, однако *мужи* 31б. Несколько менее последовательна микросистема Ион.: *бѡгы* 620б, *с богы* 323б, *власы* 397, *дары* 559, *другы* 335б (+403б, 571б), *съ другы* 104б, *зубы* 258б (+425, 489), *мужи* 412 (+576), *с мужы* 545б, *облаки* 406, *посохы* 551, *слухы* 150; однако *глáсы* 174, 622, *свѣщными свѣты* 606б, *слýхы* 316 (ср. еще *врéды* 287б), также многосложные *ѡбразы* 612, 623б, *пóмыслы* 200б, 478б. Сюда же Чет.: *зубы* 132б, *ногты* 22б, *посохи* 49, *рубы* 3б; однако *дáры* 82б, *сáны* 23б, также многосложные *ѡблакы* 139б, *ѡбразы* 10б. В Муз., Лук. и Тих. встретилось лишь по одному примеру Т. мн.

Группа 2: микросистемы с господствующим флексионным ударением как в Т. мн., так и в И. В. мн. на *-ы*. Егор.: *власы* 495б (ср. В. *власы*), *зоубы* 79, 79б (ср. И. *зубы*), *нравы* 19, 87, 128б, 505б (ср. В. *нравы*), *саны* 524б, *цвѣты* 197 (ср. В. *цвѣты*); с другой стороны, *дáры* 56б, 170б, 273, 361б (ср. В. *дáры*). У многосложных ударение наосновное: *бѣсовы* 338 (ср. В. *бѣсовы*), *вѣзрасты* 501, *óбразы* 152б, *пóдвиги* 78б, *пóмыслы* (3×), *рáзоумы* 371. По-видимому, сюда же относится Зап.: *бѣсы* (ср. *бѣсы* В., И.), *зубы* (ср. *зубы* В., И.), *потъı*, однако *с вѣсы* (при И. *вѣсы*, В. *на вѣсы*) (см. Колесов 1972, с. 151—152).

Группа 3: микросистемы с господствующим начальным ударением как в Т. мн., так и в И. В. мн. на *-ы*. В ряде памятников этой группы в Т. мн. на *-ы* встретилось только начальное ударение. Образцом может служить Хр.: *бóги* 762, *влáсы* 632б, 816б, *глáсы* 707, *дáры* 1271, *з дáры* 1332б, *з дóмы* 1158, *зоýбы* 49б, 1274, 1329б, *князі* 1042б, *моýжы*, *с моýжы* (5×), *нóсы* 1361, *рáды* 425б, *пре*[*о*] *сы́ны* 647б, сюда же *слóны* ‘заслонами’ 1303б, также вторичное *со́ греки* 1394б, 1398б, 1399б. Аналогично (при меньшем объеме материала) Амф., Библ., Дос., Корн., Костр., Пат., Пск., Рж., Сенн., Сол., Трав.. Уст., Хлын., Хрон., Час. Лишь по одному примеру встретилось в Кир., Кирил., Тамб., Цел. Если не считать одного не совсем ясного примера (*ходи*[*а*] *за сторожи* [Т. ?] 40б), такую же картину обнаруживает Косм.: *гóроды* (7×: 16б, 82 и др.), *грáды* 31б, *грóбы* 23б, *дáры* 112, 176б, *нéдруги* 67, 148б, *ѡбразы* 29б, *ѡстровы* (4×: 142б и др.), *рóды* 5б, 9 (ср. при новом окончании — *городáми* 45, *дарáми* 176, 186б, *зубáми* 89, *киями* 50б, *с лукáми* [4×], *ѡстровáми* 141б).

В других памятниках этой группы изредка встречается Т. мн. с флексионным ударением, но лишь у слов, которые допускают такое ударение также и в И. В мн. на *-ы*. Лет.: *межи бе́реги* 391, *за́ возы* 124б, *ме́ж го́роды* 237б, *на́*^{0} *гробы* 331б (скорее Т., чем В.), *да́ры*, *с да́ры* (часто), *со́ кнѕи* 147б, 373, *кнѕи* 176, 188б, 245 (+164б), *по́*^{0} *колоколы* 391 (скорее Т., чем В.), *ле́сы* 290б, *му́жи* (Т. ?) 204б, *ѡбразы* 14б, *по́рты* 183, *ро́гы* 172, *с ро́ды* 71б, 87б, *ста́ны* 113, 153б, *за́ сторожи* 183б (скорее Т., чем В.), *за сто́рожи* 267, *с сто́рожи* 148, *су́ды* 'navibus' (5×: 312б bis и др.), *тру́пы* 418б. Отклонение: *сны́* 136б (наряду с *сны* 229), ср. В. мн. *сны́* и *сны*. Колм.: *ва́пы* 104, *гра́ды* 4, 7, *ко́локолы* 6 (Т. или И.), *ли́сты* 223, *му́жы* 163 bis, *о́стровы* (часто), *про́мыслы* 201, *те́ремы* 219, *цвѣ́ты* 182, *с цвѣ́ты* 71, *чи́ны* 26, 78. Отклонение: *валы́* 72, 81, 111, 130, 209 (наряду с *ва́лы* 64), ср. И. мн. *валы́*. С новым окончанием находим *бога́ми* 35, *города́ми* (часто), *зуба́ми* 53, *ле́са́ми* 29, 47, 155, 251, *острова́ми* 8, 210, *рога́ми* 48, 53, 96, *снѣга́ми* 253, *тетерева́ми* 193, *чина́ми* 80 (сюда же *рва́ми* 129); ср. также *паруса́ми* 201, *с паруса́ми* 184 при более старом *па́русами* 203 (непоказательны *с лу́ками* 50 и *с лу́ки* 42, 29, ввиду Р. мн. *лу́кѡвъ* 35). Возможно, сюда же относилась микросистема Ратн., где в Т. мн. реально встретились только *валы́*, *ряды́*, *станы́*, но все они выступают с таким ударением и в И. В. мн. (Станг 1952, с. 17, 20).

В ряде памятников флексионное ударение в Т. мн. представлено только словоформой *зубы́* — обычно в сочетании *скрегчеть* (*скрежещеть*) *зубы своими* (при том, что в И. В. мн. такого ударения не отмечено). Так, в Биб.: *бо́гы* 390б, 400б, *да́ры* 258, *съ кнѧзи* 460, *съ кня́зи* 395б, *по́ясы* 218, *рѡды* 469б, однако *зубы́* 373. Аналогично Нил., Ап., М. пс., Стар., Сел., Матф.

В Печ. Т. мн. представлен так: *гла́сы* 338, 372, *зву́ки* 447, *зу́бы* 225б, *кня́зи* 524б, *съ кня́зи* 199, *му́жи* 538б, *но́гты* 140б, *на́*^{0} *ѡблаки* 544б, *со́ ѡблаки* 125, *ѡбразы* 423б, 425б, *цвѣ́ты* 316 (также *со́ ѡтроки* 165б) — *зубы́* 22б, 233 (в отличие от В. *зу́бы*), *власы́* 482б (ср. В. *власы́* регулярно), *съ бѣ́сы* 421б, 429 (для В. отмечено только *бѣ́со́вы* 343). Ср. также Ряз.: *гла́сы* 84, *дру́ги* 287б, *по́ты* 201б, *ѡбразы* 170б — *зубы́* 77, *съ бѣ́сы* 66 (ср. В. *бѣ́сы* и *бѣ́сы*), *ѡбразы* 120, 259 (ср. В. *ѡбразы* [8×] и *ѡбразы* [2×]); Т. пс.: *бо́гы* 107б, *-и* 138, *съ да́ры* 66б, *с кня́зи* 122б, *ро́ги* 65 — *зубы́* 185б, *богы́* 172.

За рамками трех названных групп находятся микросистемы переходного типа. Например, в Новг. как в Т. мн., так и в В. мн. конкурируют два типа акцентовки, но в Т. мн. флексионное ударение представлено шире, чем в В. мн. Так, в Т. мн. находим: *зоубы́* (4×), *с дары́* 297б, *рогы́* 87, *пре*^{0} *сыны́* 65б — *з да́ры* 89б, *бѡги* 168б, 170, *съ кня́зи* 196б, *с кня́зи* 196б, *с моу́жи* 59, также *о́блаки* 237б,

пѹ́мыслы 263б. Ср. В. мн. *сыны́* (но *на́ сыны*), также *дх҃ы́*, *грѹ́бы*, но *зоу́бы*, *да́ры*, *рѹ́ги*, *дроу́ги*, *строу́гы*, *о́блаки*. Ряд микросистем занимает промежуточное положение между группами 1 и 3: в Т. мн. ударение колеблется, тогда как в И. В. мн. на *-ы* господствует начальное ударение. Сюда можно отнести Цв., Тар., вероятно, также Авв., Дом., Карг., Лих., Пер., Увар., Улож., Фер., Хл., Яр., материал которых беден.

Приведенный материал ясно показывает, что, как и можно было ожидать, акцентуация Т. мн. во многих случаях оказывается в прямой зависимости от акцентуации И. В. мн. на *-ы*. Особенно выразителен материал Егор., Лет., Колм., Ратн.

Древнейший памятник Чуд. четко противопоставляет флексионную акцентовку Т. мн. энклиноменной акцентовке В. мн. В XVI в. эту систему сохраняют, хотя и небезупречно, только Прол. и Ион., акцентуация которых вообще отличается большой консервативностью (бедные по материалу памятники не в счет). Прочие памятники обнаруживают разные степени акцентного отождествления Т. мн. с И. В. мн. на *-ы*; в силу такого отождествления оказываются возможными даже оттяжки ударения на предлог (см., например, материал Лет.). Показательно, что следы флексионного ударения в Т. мн. встречаются почти во всех частях русской территории; никакой четкой изоглоссы они не дают. Таким образом, совокупность всех имеющихся данных недвусмысленно указывает на историческое движение Т. мн. от флексионного ударения к акцентному отождествлению с И. В. мн. на *-ы* (ср. Станг 1957, с. 73).

Т. мн. на -ьми в а. п. с

§ 3.44. Как видно из карты 3, для восточной зоны характерно ударение типа *костьмѝ*, для западной зоны (а также части северо-восточных памятников) — типа *кбстьми*. Ударение типа *кбстьми* является исторически более новым. Оно представляет собой характерный пример морфологизованной дефинализации (§ 3.9); ср. место ударения в таких примерах, как *лакбтьми* Печ. 60б, *с отрѹ́бмѝ* Цел. 36. Соответственно, здесь практически не бывает оттяжек ударения на предлог (единичные отклонения явно носят аналогический характер).

В особом положении находится словоформа *людьми*: она сохраняет (хотя бы факультативно) старое ударение *людьмѝ*, по-видимому, повсеместно (ударение *лю́дьми* отмечено только в Т. пс., Ап., Сол. и Цел., см. ниже). С другой стороны, у многосложных (без полногласия), например, *похоть*, *немощь*, *заповѣ́дь*, *повѣ́сть*, *крѣ́пость*, в XVI—XVII вв. чаще всего выступает начальное ударение, выровненное по И. ед. и И. мн. Это явление возможно в любом диалектном районе. Соответственно, словоформы типа *похотьми* диалектологически показательны только при флексионном ударении. Далее, некоторые словоформы с книжным оттенком могут иметь наосновное ударение даже в восточной зоне; таковы прежде всего *кровьми*,

лестьми, *страстьми*, *вещьми*. Они тоже показательны только при флексионном ударении.

Слово *скорбь* в одних микросистемах акцентуируется по а. п. *c*, в других по а. п. *a*. Именно этот последний вариант представлен, в частности, в Чуд., Увар., Ап., Дом., Сол., Костр., где находим *ско́рбьми*, при том что господствует (или преобладает) модель *костьмѝ*. Таким образом, для нашего разбора может быть показательным только ударение *скорбьмѝ*.

В акцентуации словоформ на *-ьми* не обнаруживается каких-либо существенных различий между *i*-feminina и *i*-masculina (а также допускающими в некоторых системах такое окончание *jo*-masculina), например: *костьмѝ*, *звѣ́рьмѝ*, *князьмѝ* или, напротив, *ко́стьми*, *звѣ́рьми*, *кня́зьми*. При этом, однако, словоформы на *-ми* у u-masculina (изредка также *o*-masculina), например, *сынми*, *дарми*, *чинми*, *власми*, стоят несколько особо: в микросистемах с моделью *ко́стьми* они всегда имеют наосновное ударение (*сы́нми*, *да́рми* и т. д.), но такое же ударение выступает и в части микросистем с моделью *костьмѝ*; возможно, это связано с книжным оттенком данной группы словоформ.

Ниже приводятся образцы микросистем. Словоформа *людьми* учитывается только при наосновном ударении. Словоформы прочих особых групп, названных выше (например, *похотьми*, *кровьми*, *скорбьми*, *сынми*), обязательно приводятся при флексионном ударении, а при наосновном могут быть и опущены.

Модель *ко́стьми*. Печ.: *лако́тьми* 60б, *гвоз^{0}ьми* 105б, *звѣ́рьми* 177, *звѣ́рми* 170, 173, 174б, 177, *с че́рьвми* 145, *пло́тми* 543б, *сла́стьми* 110б, *че́стьми* 541б (также *ве́щьми* 421, *стра́стьми* 466б [+70], *по́вѣстми* 356б; ср. еще *да́ръми* 198б [+373], *вла́съми* 319б); однако *дѣ́тьмѝ* 151б, *съ дѣ́тьмѝ* 402 (+402б). В прочих памятниках материала меньше. Сенн.: *съ дѣ́тми* 68а, *че́рвьми* 170а. Лих.: *з дѣ́тми* 64б (+136в), также *ве́щми* 129г, 266а. Корн.: *ре́чми* 23, *сла́стми* 389б, *ча́стьми* 114б (+434), также *ве́щми* 165б, *стра́стьми* (6×), особо стоит *съ страстми і по́хотми* 348б, 389б; однако флексионное ударение в *мужмѝ* 422б. Муз.: *сла́стми* 210, *де́нми* 165. Егор.: *сла́стьми* 76, 132, 319 bis, также *ве́щьми* 76б, *стра́стьми* (7×) (помимо *за́повѣдьми*, *по́вѣстьми*, *по́хотьми* и т. п.). Фер.: *да́ньми* 356, *пло́тьми* 779б, также *ве́щьми* 289б, 962б, *кро́вьми* 469б, *ле́стьми* 550. Дан.: *но́щьми* 72, *гвоздьми* 160, *че́рвьми* 133б, также *ве́щми* 29 ter. Хр.: *со звѣ́рми* 1168б (+1176), также *кро́вми* (6×). Пск.: *звѣ́рми* 174б, *че́рвьми* 179, также *ве́щьми* 329б, однако *страстмѝ* 126б. Клон.: *звѣ́рми* 52, 300б, *кня́зми* 91. Цел.: *лю́дми* 16б, 286б, *с лю́дми* 274б, *с лю́дмѝ* 275б (при этом *людмѝ* не встретилось), *ма́стьми* 96, 129, *с отру́бмѝ* 36 (отметим еще *ко́стми* Целеб. 292). Остальные примеры единичны:

Нил. *чéстьми* 48б, Час. *слáстьми* 239, Т. пс. *лю́дми* 109 (наряду с *людмѝ* 174), также *стрáстьми* 25б, Пр. *влáстьми* 293в, Хрон. *гвóзъ*ьми 241б, Карг. *мýжми* 462б, Амф. *слáстми* 113 (также *лéстьми*, *стрáстьми*), Смол. *рѣ́чми* 87, Пер. *звѣ́рьми* 4 (также *вéщми* 40б). В М. пс. представлено только непоказательное *стрáстми* 181.

Модель *костьмѝ*. Чуд.: *вервьмѝ* 75б, *немощмѝ* 144б, *похотмѝ* 124а, 139в, *прелестмѝ* 87б, *дн҃ьмѝ* 24б, *звѣ́рмѝ* 151в, *с звѣ́рмѝ* 16г, *со князмѝ* 68б, *и моужмѝ* 77в, *червьмѝ* 67а (помимо *людмѝ* [3×]). Ион.: *вещмѝ* 124, 189, *рѣ́чмѝ* 513, *съ звѣ́рмѝ* 556, *червмѝ* 335б, однако *чéрвьми* 583б, *дéнми* 246б (непоказательно *крóвми* [3×]). Увар.: *дѣ́тьмѝ* 601 и др., *съ дѣ́тьмѝ* 496 и др., *вещьмѝ* 434, 582б, *стр*тмѝ* 517б; также *дармѝ* 706, 706б. Лук.: *дѣ́тмѝ* 77в, *сластмѝ* 230б, *страстмѝ* 61в, 97а, *страстмѝ и похотмѝ* 232а, *червмѝ* 83а (также *скорбмѝ* 156г); кроме того, *дармѝ* 234б, *гробмѝ* 267г, *рубмѝ* 65б. Биб.: *дѣ́тмѝ* 29б, *бровмѝ* 215, *с костьмѝ* 232б, *межю полотмѝ* 19, однако *чéрвьми* 54 (непоказательны *крóвми* 393б, *стрáстьми* 420б); также *съ сынмѝ* 341б (наряду с *дáрми* 407б, *чѝнми* 454). Цв.: *вещьмѝ* 9, *костьмѝ* 10 (+ 12), *кровьмѝ* III 228, *нощьмѝ* 212, *сластьмѝ* 58, *страстьмѝ* 22, 38б, *гвоздьмѝ* II 30, 68б и некоторые другие, однако *мáстьми* II 39, 52; также *со сынмѝ* III 60, *чинмѝ* 54б, II 44б, III 6 (наряду с *чѝнми* 209). Косм.: *де*тмѝ* 68, *костмѝ* 26б, 176б, *речми* (б. уд., но с *е*, а не *ѣ*) 94б и др., *звѣ́рмѝ* 55. Яр.: *властьмѝ* 161, *с мощьмѝ* 253, *сластьмѝ* 159, колебание в *слáстьмѝ* 118б, *чáстьмѝ* 98; также *дармѝ* 153, *чѝньмѝ* 160б (наряду с *чѝнми* 120). Сол.: *з дѣ́тмѝ* 147б, *мощмѝ* 137, *страстьмѝ* 37б (+ 23б), *звѣ́рьмѝ* 86, *съ кь|нязмѝ* 146б, однако колебание в *лю́дмѝ* 11 (непоказательно *пóхо*ми* 37б); также *съ снѣмѝ* 143. Ратн.: *детмѝ*, *блядьмѝ*, *рѣ́чьмѝ*, *снастьмѝ*, *страстьмѝ*, *лошадьмѝ*, *податьмѝ*, *прибыльмѝ* (Станг 1952, с. 29, 40). Улож.: *дѣ́тьмѝ* 79, 146 и др., *за властьмѝ* 44, 257, *властмѝ* 22б, *з дочермѝ* 198б, *лошадьмѝ* 77б, 82б, (+ 5), *рѣ́чьмѝ* 186б, *крѣ́постьмѝ* 99, 157, *податьмѝ* 253, 253б, *з записмѝ* (часто; однако *з зáписми* 142б), *приписмѝ* 298, *татьмѝ* 56, *за татьмѝ* 311 (также вторичные *матермѝ* 268, *памятьмѝ* 130 ter и др.). Матф.: *кровьмѝ* 123, *страстьмѝ* 231, *со страстьмѝ* 155, *частьмѝ* 176, *заповѣ́дьмѝ* 88, *со звѣ́рмѝ* 85б, *мужмѝ* 148б, однако *тремѝ дéньми* 218б, 227. Авв.: *дѣ́тмѝ*, *з дѣ́тмѝ* (часто), *за лошеѳмѝ* 223, *плетмѝ* 252 (+ 67), *рѣ́чмѝ* 214б, *санмѝ* 208 (но *сáнми* 27б), *сластмѝ* 218, *звѣ́рмѝ* 155, *со звѣ́рмѝ* 33, 212 (также *ско*рбмѝ* 213б). Аналогично и в большинстве прочих памятников восточной зоны (но материала в них меньше), см. карту 3; отметим лишь сравнительно редкие словоформы: Прол. *пястмѝ* 113, Чет. *ла||котмѝ* 11б, Лес. *съ страстми и похотмѝ* 255б. Поздний переход слова *дверь* из а. п. *ъ* в *с* отразился в примерах: Ик. *две*рмѝ* 45, Трав. *двермѝ* 132б.

Колебание между моделями *костьмѝ* и *ко́стьми* (с некоторым перевесом первой). Лет.: *дѣ́тмѝ*, *з дѣ́тмѝ* (очень часто), *вещмѝ* 210, *со власть|мѝ* 251, *волостмѝ* 331, 399б, *костьмѝ* 77, *мощмѝ* (5×: 317б bis и др.), *с по[д]|стмѝ* 259, *рѣ́чмѝ* (4×: 267б и др.), *записмѝ* 415б, *кнзмѝ* 281, 384, *кнзьмѝ* 346, также *снмѝ* 136б; с другой стороны — *з дѣ́тми* 167, *з [д]ѣ́тмѝ* 107б, *вла́стми* 241, *с мо́щми* 320б, *з гво́здьми* 26б, *че́рвьми* 13 (также *да́рми* [3×]). Ап.: *дѣ́тмѝ* 39, *вервьмѝ* 42б, *со страстьмѝ* 155б — *с лю́дьми* 223 (ср. *с людмѝ* 108, *пре[д] людьмѝ* 31б [+ 35, 38]), *че́стьми* 52, также *кро́вми* 209б, *ле́стьми* 71б, *стра́стьми* 172, *по́хотми* 155б, 201. Нв.: *з дѣ́тмѝ*, *волостмѝ*, *костьмѝ*, *мощьмѝ*, *з гостьмѝ*, *звѣ́рмѝ* — *вла́стьми*, *клѣ́тми*, *звѣ́рьми*, также *ве́щьми*, *кро́вми*, *ле́стьми* (Колесов 1972, с. 87—88, 92, 173—174). Колм.: *з дѣ́тмѝ* (часто), *плетмѝ* 23, *крѣпостмѝ* 21, *податмѝ* 56, *ересмѝ* 258, *гво[з]дмѝ* 220, *звѣ́рмѝ* 14 (+ 14, 102), также вторичные *скатертмѝ* 203, *соболмѝ* 191 (ср. еще *с |ушмѝ* 52) — *да́нми* 3, 7, *ма́стми* 211, *рѣ́чми* 211, *звѣ́рми* (7×: 12, 14 и др.), также *ве́щми* 43, 210, *о́бластьми* (5×).

В некоторых сравнительно поздних восточных микросистемах ударение на *-мѝ* аналогическим путем распространяется на отдельные слова а. п. *b*, например: Лук. *комарьмѝ* 65а, Косм. *по[д] коро[в]мѝ* 14б, Сол. *цр̀ьмѝ* 146б (+ Колм. 193_2), *овощмѝ* Колм. (9×).

Заметим, наконец, что Т. Д. дв. на *-ьма*, *-ъма*, который в Чуд. еще сохраняет исконное конечное ударение (*вещмà* Т. дв. 144г), в XVI—XVII вв. ввиду своего книжного характера почти всегда выступает с наосновным ударением, например: Ап. *ве́щма* Т. дв. 216б, Ряз. *ле́стьма* Т. дв. 62, Печ. *бро́вма* Т. дв. 195б; отметим колебание в Ион. *ро́гма* Т. дв. 105 и *рогмà* 101б.

Д. мн. на -омъ (-емъ) в а. п. с

§ 3.45. Ниже рассматриваются в первую очередь существительные м у ж с к о г о рода. В материале памятников не усматривается сколько-нибудь четкого акцентного различия в Д. мн. между прежними *o-* и u-masculina; поэтому ниже эти группы рассматриваются вместе. Менее очевидно акцентное единство прежних *jo-* и *i*-masculina в этой форме, поскольку материала здесь существенно меньше. Ниже при разборе мы учитываем как *jo-*, так и *i*-masculina, кроме словоформы *людемъ*, которая ведет себя в акцентологическом отношении особо (новое ударение *людéмъ* отмечено только в северо-западных памятниках Сенн., Т. пс., Вас. пс., Новг., Егор., Пск., Лет., Нв. — везде на фоне более обычного *лю́демъ*).

С другой стороны, твердые и мягкие основы в части микросистем в рассматриваемой форме акцентно различаются. Используя *зуб-* как символ твердых основ, а *муж-* — мягких, можно представить

основные модели акцентовки в Д. мн. так: 1) *зу́бомъ*, *му́жемъ*; 2) *зубо́мъ*, *мужемъ́*; 3) *зубо́мъ*, *му́жемъ*.

Как видно из карты 6, модель *зу́бомъ*, *му́жемъ* характерна для большей части территории западной зоны и для некоторых памятников дальнего северо-востока. Модель *зубо́мъ*, *мужемъ́* в ее чистой или почти чистой форме распространена в основной части восточной зоны. Между этими двумя ареалами, а также на большей части дальнего северо-востока выступают компромиссные модели: *зубо́мъ*, *му́жемъ* или колеблющиеся.

Для отдельной микросистемы наиболее показательными являются существительные с односложной (или неодносложной полногласной) основой. Слова с неодносложной основой (без полногласия) могут сохранять в Д. мн. наосновное ударение (*о́бразомъ*, *по́слухомъ* и т. п.) даже в тех микросистемах, где представлено *богомъ*, *зубомъ* и т. д. Соответственно, словоформы типа *образомъ* показательны только тогда, когда они имеют флексионное ударение; при наосновном ударении они практически ничего не дают для характеристики соответствующей микросистемы (и ниже обычно просто не приводятся). Аналогичной особенностью обладают словоформы со «вставным» морфом *-ов-*, перенесенным из И. мн. (типа *бѣсовомъ*, *духовомъ*, *сыновомъ*): даже в микросистемах с регулярными *богомъ*, *зубомъ* и т. д. они могут сохранять начальное ударение (*бѣсовомъ* и т. д. — под прямым влиянием И. мн. *бѣсове*), а иногда обнаруживают ударение на *-ов-* (*бѣсо́вомъ* и т. д. — по-видимому, под влиянием Р. мн. *бѣсо́въ*). Ниже такие словоформы при наосновном ударении могут быть просто опущены. Не включено в основной материал сочетание *въ вѣки вѣкомъ* (об акцентуации которого см. § 3.46), а также *господеви господемъ* (из псалма 135), в котором вторая часть повсеместно имеет акцентовку *го́сподемъ* (так в Т. пс., Новг., Тар., Рж.).

Приводим материал важнейших микросистем, использующих модель *зу́бомъ*, *му́жемъ*. Чуд.: *вла́сомъ* 84г, *вѣ́комъ* 112б, 146б (не считая сочетания *в вѣки вѣкомъ*, ср. выше), *по́ градо*^{м} 140б, *по всѣ́мъ гра́домъ* 69б, *да́ромъ* 113б, *до́момъ* 136г, *зу́бо*^{м} 6а, *слѣ́домъ* 101а, *і холмо*^{м} 40б; *мо́ужемъ* 124в, 131в, 135г, *к мо́ужемъ* 65б (отклонения: *по граддмъ* 73в, *проуго́мъ* 152в). Лет.: *бѣсо*^{м} 81б, *цр҃ю вѣко*^{м} 378б, *го́родо*^{м} 199, *по́ городо*^{м} 367, 385б, *гра́до*^{м} (8×: 20, 184, 263 и др., ср. также *гра́довѡм* || 67), *по́ градо*^{м} 114, 140, 182, 290, *пѣ́ градо*^{м} 137б, *кѣ́ гробомъ* 304б, *дру́го*^{м} 82, *по тѣ*^{м} *ли́сто*^{м} 321б, *по́ лѣсо*^{м} 417б, *по́ лесомъ* 344, *по лѣ́со*^{м} 308б bis, *ро́дѡ*^{м} 26б, *к су́до*^{м} ‘navibus’ 75б (отметим также *сн҃вѡ*^{м} 81); *бо́ле*^{м} ‘больным’ 240, *го́сте*^{м} 368 bis, 399б, *кн҃зе*^{м} 96, 131, 208, 219, *ко́ кн҃зе*^{м} (5×: 127, 373б и др.), *му́жемъ* 93б (+64, 71б), *к му́же*^{м} 39б (отклонения: *по гра́до*^{м} 84б, *по угло́мъ* 316б). Фер.: *бра́кѡ*^{м} 827, *пѡ чинѡмъ* 203; *мо́уже*^{м} 263, 491, 802б, *та́темь* 995б. Биб.: *бо́го*^{м} 117, *гра́домъ* 329, *по всѣ́м гра́домь* 340б, *кѣ́ грѡбо*^{м} 436б, *вѣ́ко*^{м} 430б, *по́ домомъ* 89,

по́ домомь 86 bis, *по́ домо*^{м} (12×: 86 bis, 86б [5×] и др.), также *бѣсово*^{м} 393б, *сы́новомь* 388б (отклонение: *бъ̀ богомь* 387); *звѣремъ* 430, *звѣремь* (4×: 12б, 13 и др.), *кня́земь* (4×: 384б и др.), *моу́жемь* (6×: 328 и др.), *та́те*^{м} 469. Смол.: *по*... *гра́домъ* 80, 84б, 85, 112, 113; *моу́жемъ* 115б. Отдельно отметим северо-восточные памятники. Карг.: *гра́дѡ*^{м} 510, *до́мѡ*^{м} 510б, *чі́нѡ*^{м} 5б (+ 564); *му́же*^{м} 5б, 16, 18, 500б. Хлын.: *бѣсомъ* (14×: 2, 2б и др.), *гла́со*^{м} 118б, *дру́го*^{м} 46, 204, *зу́бо*^{м} 49б, *не к зу́бо*^{м} 21, *ле́до*^{м} 118, *мра́ко*^{м} 118, *снѣго*^{м} 118; *звѣре*^{м} 122б, *му́же*^{м} 22б, 253б, *че́рве*^{м} 232б.

Несколько менее последовательно данная модель выдержана в Егор.: *бѣсомъ* (7×: 18б, 83б и др.), *вѣкомъ* 163, *да́ромъ* (4×: 284б и др.), *къ дроу́гомъ* 256, *доу́хомъ* 250б, *го́стемъ* 275, 275б, *моу́жемъ* 51б, 258, 470б, однако *скре́жеть зоубо́мъ* 283б, *скреже*^{т} *зоубо̀мъ* 510б, *моуже́м же* 465б, *муже́мъ і жена*^{м} 50б. Сюда же Чет.: *бо́гомъ* 86б (с неясным *о̀*), *бѣсомъ* 132б, *вѣкѡмъ* 114б, *гра́домъ* 147, *по́ градомъ* 24б, *дру́гѡ*^{м} 33, *звѣремъ* 82, *кня́земъ* 143б, *моу́жем же* 25, но также *бого́мъ* 91б, *бѣсо́мъ* 24б, 88; Клон.: *бѣсомъ* 22, 24б (также *бѣсовомъ* 10б), *по гра́домъ* 92, *къ*... *гро́бом* 99, *дру́гомъ же* 68б, *лѣ́домъ* 105б (+ 71б), *че́рвемъ* 188, но также *бѣсо́мъ* 11б, *муже́мъ* 279. Бедны материалом рукописи Лих., Ег., Пр., Пат., Жит.

Перейдем к модели с флексионным ударением: *зубо́мъ*, *муже́мъ*. Прол.: *бѣс-ѡ́мъ* 4, *-о́мъ* 9, *зубѡ́мъ* 69; *звѣре́мъ* 58. Вас. сб.: *бого́мъ*, *бѣсо́мъ*, *бѣсово́мъ*, *вѣко́мъ*, *облако́мъ*, *образо́мъ*, *помыслѡ́мъ*; *муже́мъ* (см. Васильев, с. 123, Колесов 1972, с. 155). Дос.: *бѣс-ѡ́мъ* 280, 282б, *-ѡ*^{м} 86, *по градѡ́мъ* 2б; *звѣре́мъ* 64б. Ап.: *бъ̀гомъ* 153б, *бг̀ъ богомъ* 232б, *бѣсо́мъ* 32б, 123 bis, 157, *власо́мъ* 124, *по градо́мъ* 203, *по всѣмъ градо́мъ* 260, *даро́мъ* 61б, *къ другомъ* 49б, *духово́мъ* 35б, 193б, *къ духово́мъ* 165, *родо́мъ* 161, *сно́мъ* 136б bis, 224б bis; *господе́мъ* 173, *князе́мъ* 8, *ко князе́мъ* 31, *муже́мъ* (часто: 4, 61б, 62 и др.), *к муже́мъ* 61б и др. (отклоняется только книжное *цр̀ю же вѣкомъ* 192; особо стоят *до́мовомъ* 9б, *о́бразомъ* 218б, *дхо́вомъ* 224б, ср. о таких словоформах выше). Тар.: *бѣсово́мъ* 218, *сново́мъ* (4×: 109б bis и др.); *звѣре́мъ* 104б, *князе́мъ* 107, 125б (отклоняется только книжное *пру́гомъ* 112б). Цв.: *власо́мъ* 65, *вѣко́мъ* (часто), *гробо́мъ* 4, *другом* (часто), *духо́мъ* III 184б, *помысло́мъ* 37б и др., *свѣто́мъ* III 101б, *слѣдо́мъ* 69б, *сново́мъ* (часто), *оугло́мъ* 63б, *чино́мъ* II 18; *гвозде́мъ* II 3, 24б, *звѣре́мъ* III 224б, *князе́мъ* 70 и некоторые другие (отклонения: *дру́гомъ* 81, *ро́домъ родо́въ* 179б). Бук.: *бѡгѡ́мъ* 131, *гласѡ́мъ* 133 (и *гласѡвѡ́мъ* 138), *гробѡ́мъ* 133б, *рѡгѡ́мъ* 139; *гдѣ́мъ* 133, *червѣ́мъ* 135. Ряз.: *бѣсо́мъ* (часто), *бѣсово́мъ* 36 и др., *волко́мъ* 310б, *даро́мъ* 174б, *духо́мъ* 65б, *духово́мъ*

178 и др., *зубо́мъ* 90, *сно́во́мъ* 145; *звѣре́мъ* 88б, *тате́мъ* 205б, 210, 285 (отклонения: *со́комъ* 139, *звѣ́ремъ* 268б). Костр.: *бѣсо́мъ* 99 bis, *волко́мъ* 225б, *даро́мъ* 33б, *сано́мъ* 33б, *сыно́мъ* 204б; *муже́мъ* 8б. Ратн.: *вало́мъ*, *воро́мъ*, *рядо́мъ* (4×), *оугло́мъ* (4×) (также вторичное *мастеро́мъ*); *кнзе́мъ*, *сторожо́мъ*; отклонение: *ря́домъ* 67 bis, 112 (см. Станг 1952, с. 19); наряду с этим в Ратн. представлено значительное количество словоформ с новым окончанием *-а́мъ* (при отклоняющемся *оу́гламъ* 109, 116). Улож.: *воро́мъ* 308, 311б, *по годо́мъ* 242б, 320б, *по городѡмъ* (часто), *къ городѡмъ* 254, *по домо́мъ* 84, 133, 199, *кормо́мъ* 81, *мосто́мъ* 91б, *по мосто́мъ* 6б, 86б, *поварѡмъ* 110, *по рядо́мъ* 143б, *чино́мъ* 183, *по чино́мъ* 245б (также *ѡбыско́мъ* [часто], *по ѡбыско́мъ* 302б bis); *госте́мъ* 64, 107б, 232б, 237, 248, *сторожо́мъ* 298, 320б, *тате́мъ* 299б, 311б (особо отметим *мужье́мъ* 278); наряду с этим *луга́мъ* 155б, *сторожа́мъ* 320б, *суда́мъ* 'navibus' 91. Матф.: *бѣсѡмъ* (часто), *бѣсовѡмъ* (часто), *градовѡмъ* 85б, *гробѡмъ* 183б, *дарѡмъ* 34, *другомъ* 83б, *зубѡмъ* (часто), *помыслѡмъ* 105б, *родѡмъ* 227, *сно́в-о́мъ* 157, *-ѡмъ* 231_2 (также вторичные *жидовѡмъ*, *оудѡмъ* и др.); *кнзе́мъ* 11, 29, 172б, *муже́мъ* 147б, *черве́мъ* 221б. Аналогичная картина обнаруживается также в Хл., Вер., М. пс., Рж., Сел., Колм. (отклоняются только Вер. *кня́зѣ́мъ* 13б, Колм. *кня́земъ* 87). В ряде памятников, сравнительно бедных материалом, встретились только твердые основы (с акцентовкой по модели *зубо́мъ*); таковы Хлуд., Рум., Зап., Пер., Яр., Тих., Авв. В Косм. представлено только *по лесо*^{м} 179, 180 (без ударения, но с *е*, а не *ѣ*); по-видимому, здесь было флексионное ударение (менее вероятен двукратный пропуск ударения над *по*). Флексионное ударение заметно преобладает в Нил.: *богомъ* (4×), *бѣсо́мъ* (8×), *духо́мъ* Т 212, *къ духо́мъ* Т 57, *помысло́мъ* (4×) — *бѣсомъ* Т 93, Т 146б. Сходная картина в Вас. пс. (см. Васильев, с. 123—124), Муз., Лес.

Промежуточную модель *зубо́мъ*, *му́жемъ* обнаруживают следующие микросистемы. Час.: *бѣс-о́мъ* 246, *-ѡмъ* 324б, 441, *на конецъ вѣкѡмъ* 420б, *другомъ* 399 — *кня́земъ* 189, 200б. Т. пс.: *бгъ богомъ* 98 (+ 69б), *а не́ бгоу бго́мъ* 152, *к писко́мъ* 16, *пругомъ* 93, также *сно́во́мъ* 91 (наряду с *сы́новомъ* 145, *чи́ново*^{м} 16) — *кня́земъ* 89б, 100. Сенн.: *бѣсо́мъ* 9в, 55б, 158а, *зоубо́мъ* 61г, *пругомъ* 15б (также вторичное *оудо́мъ* 13г; отметим еще *щепо́мъ* 'затмению' 215б bis) — *моу́жемъ* 17в (+ 26г), *че́ремъ* 12а (отклонения: *гро́бо*^{м} 110в, *да́ро*^{м} 218г). Корн.: *къ... вредѡм* 227б, *другѡмъ*^{ж} 434, *скреже*^{п} *зубѡмъ* 125 (ср. *градѡвѡ*^{м} 108б) — *моу́же*^{м} 110 (+ 110, 351б). Хрон.: *богомъ* 237б, *къ богомъ* 235б, *к рогомъ* 236 — *моу́жемъ* 226б, 237б (отклонение: *бо́гомъ* 224б). Амф.: *бѣсо́*^{м} (10×: 79б, 142 и др.), *помысло́*^{м}

165б, также *бѣсово́м* 128б, 165б, 197б, *гра^{до}во́м* 145, *дхово́мъ* 167, *сново́м* 27б (колебание: *дро́у́го́м* 199б) — *звѣ́ре́м* 19б, *кня́зе́м* 42, 161. Библ.: *бесо́мъ* 489б, *градо́мъ* 477, 480б, *рѡ^{д} родо́мъ* 488, *сно́мъ* 949б и др., *къ сно́мъ* 610б (отклонение: *гра́до́м* 658б) — *кня́зе́м* 699, *к му́же́м* 607.

В прочих памятниках представлены различные варианты колебания между основными моделями. Вариант *зубо́мъ* // *зу́бомъ*, *му́жемъ*. Новг.: *зоубѡмъ ихъ* 216б, *бг҃ъ богѡмъ* 95, 305, *бѡгу богѡ́м* 267 (+ 224, 247) (ср. также *в вѣки вѣкѡмъ* 260б, *и́ в вѣки вѣко́м* 264), однако *бѣ́сомъ* 247 (+ 186), *к пи́скѡ^{м}* 20б, *проу́гомъ* 142б (также *плѡдомъ* 142б — по а. п. *с*; непоказательно *сы́новѡмъ* 121 [+ 139б bis, 235б]); при мягкой основе — *звѣ́ремъ* (6×: 6 bis, 119б и др.), *кня́зе́м* 68б, *к моу́жемъ* 8б, но один раз *кнзѣ́мъ* 136. Увар.: *богомъ* 633, *бѣсо́мъ* (5×: 495б и др.), *волко́мъ* 616, *по градо́мъ* 616, *по... градо́мъ* 488, 489б, 601, *домо́мъ* 677б, 678, *сновомъ* 396б, 614 (также вторичное *жидо́мъ* 4, 396б bis и др.) — *вѣко́м* 584, *по... гра́до́м* 607, *къ гро́бомъ* 726б, *до́мо́м* 297, *по́ чиномъ* 491б; с другой стороны, *звѣ́ремъ* 563 (+ 297б), *звѣ́ре́м* 297б, *кня́зе́м* 733б, *му́же́м* 303, но один раз *мужѣ́мъ* 841б. Хр.: *богомъ* 599б, 1102, *богомь* 599б, 1050, *бг҃ъ бого́м* 1161, *родо́мъ* 1056б — *ко бо́го́м* 1301б *гра́до́м* 1315, *до́лгомъ* 513б, *дроу́го́м* 1229, *ро́домъ* 89, *сы́но́м* 398б, 422б; при мягкой основе — *звѣ́ре́м* (8×: 520б, 762 и др.), *кня́земъ* 317б (+ 526б), *ко́ кня́земъ* 637, *ко́ кня́зе́м* 1014, 1014б, 1197б, *ко кня́земь* 1014, *моу́же́м* (7×: 951, 1058б и др.); Нв.: *богомъ*, *вѣко́мъ*, *градомъ*, *зубомъ*, *сыномъ* — *дру́гомъ*, *по лу́гомъ*, *ро́домъ*, *тру́помъ*; *го́стемъ*, *му́жемъ* (см. Васильев, с. 124, Колесов 1972, с. 154—156, 173). Сходная картина в Дом., но материал здесь очень ограничен: *по судо́мъ* 'in vasibus' 76б — *к бѣсомъ* 39, *гра́домъ* 37б; *к го́стем* 100, *кня́земъ* 10б.

Вариант *зубо́мъ*, *мужѣ́мъ* // *му́жемъ*. Печ.: *богомъ* (часто), *къ брего́мъ* 533б, *бѣсо́мъ* (часто), *вѣко́м* 71, *по градо́мъ* 360, *даро́мъ* 370, *другомъ* 437б, *къ другомъ* 524б, *духо́мъ* 211б, *облако́мъ* 113, *образо́мъ* 36б, *по родо́мъ* 301б, *сыно́мъ* (5×) (вероятно, сюда же *глумо́мъ* 420б), также вторичные *вѣтро́мъ* 419б, *гадо́мъ* 19б, 113б (ср. еще *ѡтроко́мъ* 416б, 481); с другой стороны, *кнзе́м бо́* 240б, *мужѣ́мъ* 464, *му́жѣ́мъ* 434 (оксия над *у* выскребена), *черве́мъ* 534б — *звѣ́ремъ* 88б, 204б, *къ звѣ́ремъ* (5×), *му́жемъ* 91, 112, 365б, *к му́жемъ* 538б, *че́рвемъ* 6б. Трав.: *бокѡмъ* 325, *власѡмъ* (8×: 93, 234 и др.), *луг-ѡмъ* 106б, *-о́мъ* 146б, *ѡстровѡмъ* 371б, 397, *ѡтокѡмъ* 142, *родѡмъ* 288б, также вторичные *мастерѡмъ* 248б, *недуг-ѡмъ*, *-о́мъ* (часто), *ѡтрокѡмъ* (часто), *оуд-ѡмъ*, *-о́мъ* (часто); с другой стороны, *мужѣ́мъ* 128 — *му́жемъ* 237б.

Общее колебание в Сол.: *бѣсо́мъ* (5×), *по градо́мъ* 147б, *гробо́мъ* 270, 270б, *ко гробо́мъ* 154б, *по домо́мъ* 155, *по родо́мъ их*ъ 95б — *бѣ́сомъ* 21б, *ле́домъ* 165б, 180 (также *ле́до́вомъ* 114б), *чи́номъ* 56; *гостѣ́мъ* 193б — *го́стем* 128. Разные формы колебания (см. карту 6) представлены также в Дан., Ион., Лук., Стар., Пч., Цел., где материала сравнительно мало.

Содержащийся в памятниках материал по Д. мн. на *-омъ*, *-емъ* у существительных с р е д н е г о рода, к сожалению, весьма невелик. Все же он дает возможность установить, что у основной группы относящихся сюда словоформ: *вратомъ*, *мясомъ*, *моремъ*, *полемъ* — в конкретной микросистеме ударение обычно такое же, как в мужском роде. Приводим материал. Начальное ударение: Лих. *вра́тѡм* 233в, Лет. *ко́ врато*^{м} 219б, *по́* || *врато*^{м} 218, Егор. *мѡремъ* 220б, Дан. *мо́ремъ* 97б, Биб. *по́ поле*^{м} 114б, Чет. *мя́сомъ* 15б, *къ вра́томъ* 27б; отметим, кроме того, Авв. *к во́рата*^{м} 67б, *к во́ро́та*^{м} 252. Флексионное ударение: Чуд. *ко вратѣ́мъ* 66г, Прол. *ко врато́мъ* 55б, 118 (+ Муз. 99, 205, Вас. сб. 210б, Егор. 61, Матф. 219б), Биб. *къ врато́мъ* 334б (+ 284б), Цв. *врато́мъ* 204 (+ Хр. 424б, Печ. 529б), Трав. *мясѡмъ* 95; ср. также Цв. *временѣ́мъ* II 6б, Улож. *по имяно́мъ* 133б; далее, с новым окончанием — Хр. *по*... *моря́мъ* 41б, Ратн. *слова́мъ* 92, 182, Колм. *по поля́мъ* 217б (+ Авв. 217б), Авв. *мяса́мъ* 218, также Колм. *воротя́мъ* 201. Сравнивая эти данные с картой 6, мы видим, что они почти везде согласуются с ударением masculina (прямыми отклонениями являются лишь *к во́рата*^{м} в Авв. и *ко* [*къ*] *врато́мъ* в Чуд., Егор., Биб.; пример *брашно́мъ* Чуд. 135г, возможно, сюда не относится, поскольку в Чуд. а. п. слова *брашно* колеблется, а именно, иногда выступает акцентовка по а. п. *b*).

В особом положении находятся: 1) словоформы с ударением, перенесенным из Р. мн. — *воро́томъ*, *озе́ромъ* (сюда же *по пѣ́лемъ*), см. § 3.40; 2) книжные словоформы *словесе́мъ*, *телесе́мъ*, *древесе́мъ* (нередко также с *-ѣ́мъ*); они постоянно выступают с именно таким ударением; 3) книжные словоформы *е́зеромъ*, *чре́вомъ*; сюда же примыкает словоформа *тѣ́ломъ* (в церковных памятниках; конкретно она отмечена в Час., Амф., Яр.). Перечисленные категории словоформ имеют постоянное ударение, не зависящее от общих свойств акцентной микросистемы.

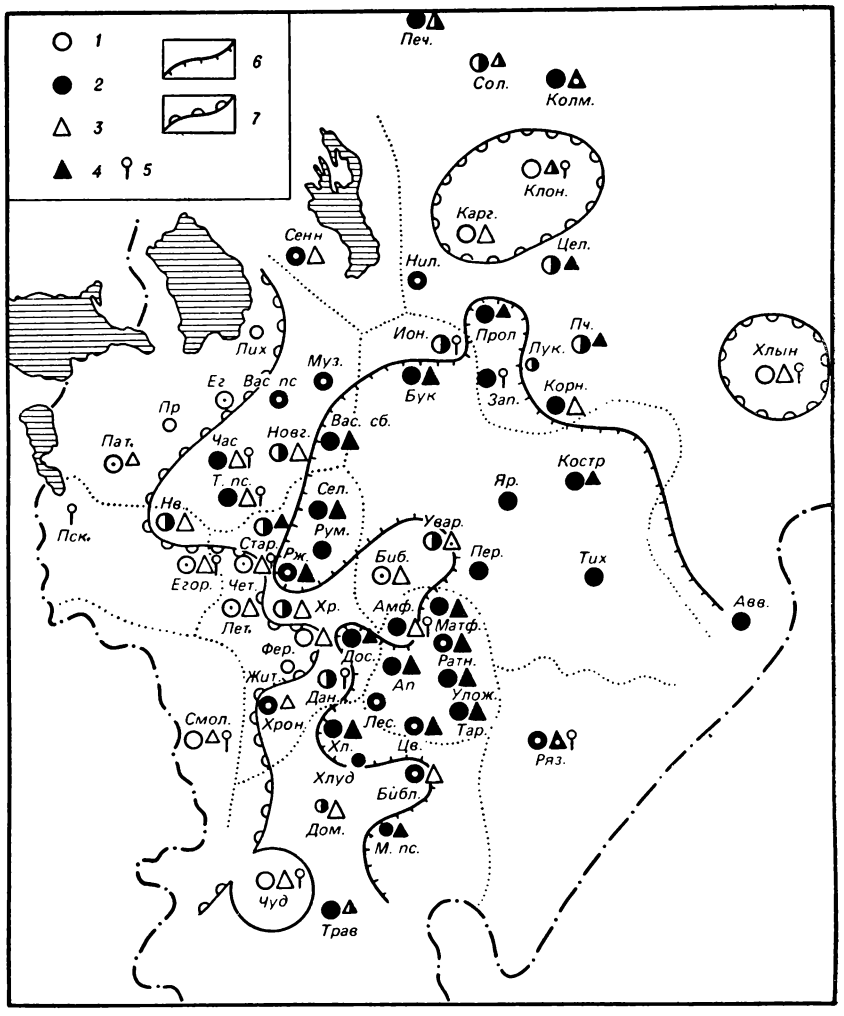
§ 3.46. Совокупность приведенного материала показывает, что в восточнославянской области энклиноменная акцентовка Д. мн. на *-омъ* (*-емъ*) представляет собой весьма старое явление (даже если первоначальной для праславянского здесь была флексионная акцентовка, см. Дыбо 1981, с. 29). На это указывают, во-первых, господство энклиноменной акцентовки в Чуд., во-вторых, многочисленные примеры оттяжки ударения на проклитику: *по́ градо*^{м}, *і̀ холмо*^{м} в Чуд., *по́ городо*^{м}, *по́ градо*^{м}, *по́ лѣсо*^{м}, *къ́ гробомъ*, *ко́ кнѧзе*^{м}, *ко́ врато*^{м}, *по́ врато*^{м} в Лет., *къ́ грѡбо*^{м}, *по́ домомъ*, *по́ поле*^{м} в Биб.,

по́ чиномъ в Увар. и Фер., *ко́ княземъ* в Хр. и другие (ср. также явно реликтовое *к во́ратам* в Авв.). Для названных памятников неисконные оттяжки нехарактерны; напротив, в частности, в Лет. уже устранена ощутимая часть исконных оттяжек. Таким образом, отнести приведенные примеры за счет каких-то поздних преобразований невозможно.

Поскольку едва ли можно считать поздним флексионное ударение Д. мн. (ср. отдельные примеры такого ударения в Чуд., а также положение в памятниках XV в. Час., Т. пс., Нил., Сенн.), необходимо признать сосуществование диалектных вариантов *зубомъ* и *зубо́мъ* уже в древнерусском. По-видимому, картина их распределения в XVI—XVII вв., отраженная картой 6, уже изменена по сравнению с первоначальной в пользу флексионного ударения. Об этом говорит, в частности, тот факт, что микросистемы с моделью *зу́бомъ* расположены в виде разорванных участков на западной и северной периферии великорусской территории. Значительно более широкое распространение начального ударения при мягкой основе, чем при твердой, очевидным образом связано с влиянием *i*-склонения, в котором форма Д. мн. повсеместно была энклиноменом.

Заметим, что у *i*-feminina развитие в Д. мн. нового ударения типа *страстéмъ* наблюдается примерно на той же территории, где представлена модель *мужéмъ*; но оно протекает менее интенсивно. Примеры ударений *стрístéмъ*, *влáстéмъ*, *дочерéмъ* и т. п. отмечены (всегда лишь на фоне преобладающего начального ударения): в Москве и поблизости — в Ап., Цв., Вэр., Ряз., Ратн., Улож., Матф.; на северо-востоке — в Бук., Зап., Костр., Яр., Печ., Сол.; сверх этого, только в Лет., Фер. и Нв.

Для восстановления акцентной истории Д. мн. на *-омъ* представляет особую ценность акцентовка устойчивого сочетания *въ вѣки вѣкомъ*. В большей части памятников оно просто подчиняется общим для данной акцентной микросистемы правилам. Так, в Ап., Тар., Цв., Рум., Сел., Печ., Пер., Костр., Яр., Тих., Авв., где представлена модель *зубо́мъ*, регулярно выступает акцентовка *во́ вѣки вѣко́мъ* (*во́ вѣки* вместо *въ вѣ́ки* отражает книжный вариант реализации предлога); сюда же М. пс. *во вѣ́кы вѣкѹ́мъ* 92, Хлуд. *в вѣки вѣко́м* 123. Далее, *во́ вѣки вѣко́мъ* находим также в Увар., Лук., Сол., Цел., где конкурируют модели *зубо́мъ* и *зу́бомъ*; сюда же Новг. *и́ в вѣки вѣкѹ́м* 264 (NB ударение на *и*), *в вѣки вѣкѹ́мъ* 260б. С другой стороны, в Чуд., Смол., Клон., Хлын., где господствует модель *зу́бомъ*, мы находим и в данном сочетании ударение *вѣ́комъ*: Чуд. *в вѣки вѣ́комъ* 153а (также *в вѣки вѣ|ко́м* 153г), Смол. *вѣ́ вѣки вѣ́комъ* 70 (+ Клон. 270б), Хлын. *во́ вѣки вѣ́комъ* (5×: 20б, 37 и др.), *во вѣ́ки вѣ́комъ* 41, *во вѣки вѣ́комъ* 17б, 29. Сюда же примыкают Пск. *в вѣки вѣ́комъ* 56б, ср. *въ вѣ́ки вѣко́м* 124 (других примеров группы *зубомъ* здесь нет), Дан. *въ вѣ́ки вѣко́м* 129б, 171 (в группе *зубомъ* здесь колебание).

Карта 6. Ударение в Д. мн. masculina а. п. *с*:

1 — при твердой основе (кроме сочетаний *въ вѣки вѣкомъ*, *царь вѣкомъ*) модель *бо́гомъ*, *2* — модель *богомъ*; *3* — при мягкой основе модель *мужемъ*, *4* — модель *мужемъ*; *5* — ударение *вѣкомъ* в формуле *въ вѣки вѣкомъ* (хотя бы наряду с *вѣко́мъ*); *6* — основная граница ареала с последовательной или почти последовательной системой *богомъ*, *мужемъ*; *7* — границы ареалов с последовательной или почти последовательной моделью *бо́гомъ*, т. е. с системой *бо́гомъ*, *му́жемъ* (не учтено Биб.).

Имеются, однако, случаи, когда акцентовка сочетания *въ вѣки вѣкомъ* не выводится из общих свойств соответствующей микросистемы. Прежде всего, в нескольких рукописях с господствующей моделью *зубо́мъ* находим *в вѣки вѣкомъ*: Т. пс. *в вѣки вѣкомъ* 159б, Амф. *во вѣки вѣко*^{м} 260б, Ряз. *во́ вѣки вѣкомъ* (4×: 262 и др.), также *во́ вѣки вѣкомъ* 115. Колебание в Час.: *в вѣкы вѣкѡмъ* 363б (+ 371б), *в вѣки вѣкѡ*^{м} 206б, 258, *въ вѣкы вѣкѡ*^{м} 451, но также *в вѣки вѣко́мъ* 241. Далее,

в нескольких рукописях выступают различные комбинации с начальным *въ вѣкѝ*: Прол. *в вѣкѝ вѣкᵐ* || 109б, Егор. *в вѣкѝ вѣкомъ* (20×: 34б, 59, 93 и др.), *въ бескѡнéчныѧ вѣкѝ вѣкомъ* 98а (один раз также *в вѣки* | *вѣ́комъ* 230б), Лет. *въ* | *вѣкѝ вѣкоᵐ* 45б, *въ вѣкы́ вѣкдо́мъ* 31б, Чет. *в вѣкы́ вѣкѡᵐ* 23б, *и в вѣкы́ вѣ́комъ* 74б (в Прол. представлена модель *зубо́мъ*, в Егор., Лет., Чет. — *зу́бомъ*); заметим, что в Прол. и Егор. (а также в Час. и Новг.) изредка встречается ударение *въ вѣкѝ* в независимом употреблении (при более обычном *в вѣ́ки*).

Аномалии в акцентуации рассматриваемого сочетания лучше всего объясняются исходя из предположения, что в раннедревнерусском это было сочетание двух синтагматически тесно связанных полнозначных энклиноменов: ¯*въ вѣкы* ¯*вѣкомъ*. Как отмечено в § 2.9, просодическое поведение таких сочетаний было не вполне устойчивым. Наряду с трактовкой всего сочетания как единого энклиномена была возможна трактовка его как ортотонической единицы с ударением на последнем слоге первого члена, ср. *новъ городъ* (> *но́въ городъ*), *нова́ города*, *нову́ городу*, также *оба́ полы* и т. п. Акцентовка *въ вѣкы́ вѣкомъ* в точности соответствует этой модели. В единичном *в вѣкы́ вѣкдо́мъ* Лет. 31б второе ударение имеет ритмическое происхождение; этот случай совершенно параллелен многократно отмеченным в рукописях написаниям *но́вгоро́дъ*, *нова́городà*, *нова́градà* (ср. § 3.7). Акцентовка *въ вѣ́ки* (*во́ вѣ́ки*) *вѣ́комъ* отражает неслитный вариант реализации данного сочетания. В качестве архаизма старое ударение *вѣ́комъ* (а не *вѣко́мъ*) сохраняется в данном устойчивом сочетании даже в ряде рукописей (Т. пс., Час., Амф., Ряз.), уже получивших в независимом употреблении акцентовку *зубо́мъ*.

Разумеется, акцентная эволюция, состоявшая в расширении сферы флексионного ударения в Д. мн. на *-омъ* (*-емъ*), была актуальна лишь для эпохи, когда еще было живо (хотя бы в части говоров) само окончание *-омъ* (*-емъ*), т. е. приблизительно до конца XVII в. Пришедшее ему на смену окончание *-амъ* (*-ямъ*) у существительных а. п. *с* почти всегда ударно (по крайней мере, в восточной зоне): *города́мъ*, *волка́мъ* и т. д. (ср. § 3.49).

М. мн. на -ѣхъ (-ихъ) в а. п. с

§ 3.47. Рассмотрим вначале существительные м у ж с к о г о рода. Как видно из карты 7, флексионная акцентовка (модель *лѣсѣ́хъ*) характерна прежде всего для Москвы и близких к ней районов (акцентовку московского типа имеет в этом пункте также Чуд.), наосновная (модель *лѣ́сѣхъ*) — для всей периферии.

Каких-либо явных различий в акцентовке М. мн. при твердой и при мягкой основе в нашем материале не усматривается; но следует учитывать, что для мягких основ примеров очень мало. Не удается также провести сколько-нибудь четкое акцентное разграничение

между бывшими *o-* и u-masculina. К словоформам с *-ѣхъ* в акцентном отношении примыкают также словоформы М. мн. с *-охъ*; ниже при разборе микросистем они даются отдельно в конце списка. В качестве дополнения к основному материалу отмечаются также *i*-masculina.

Как и для формы Д. мн., словоформы с неодносложной основой (без полногласия), например, *образѣхъ*, *послусѣхъ*, диалектологически показательны только при флексионном ударении (при наосновном ударении они могут быть ниже просто опущены). То же верно для словоформ со вставным морфом *-ов-* (*садовѣхъ* и т. п.). Ряд книжных слов (в частности, *бракъ*, *ликъ* 'сонм', *храмъ*) обнаруживает склонность к переходу в а. п. *а*; соответственно, ударения *бра́цѣхъ*, *ли́цѣхъ*, *хра́мѣхъ* могут быть диалектологически непоказательными.

Приводим наиболее наглядные микросистемы.

Наосновная (а именно энклиноменная) акцентовка. Лет.: *вѣ́ градѣ*^{x} 247, *гра́дѣ*^{x} (5×), *на двӯ́ гро́бѣ*^{x} 298, *в до́ме*^{x} 34, *до́ме*^{x} 31б, *в лѣ́се*^{x} 285б, *в ро́зе*^{x} 335б, *по всѣ*^{x} *ста́не*^{x} 260б, *в сӯ́дѣ*^{x} 'in navibus' (14×), *сӯ́дѣ*^{x} (idem) 295, также *на со́роцѣ*^{x} *ко́нѣ*^{x} 247б, *со́роце*^{x} *же* 247б (отклонение: *в лесѣ*^{x} 70); *в кнзе*^{x} 152б. Егор.: *вѣ́ градѣхъ* 396б, *вѣ́ грѡбѣхъ* 332б, *не вѣ́ грѡбѣ*^{x} 214, ѡ *да́рѣхъ* 462б, *ро́дѣхъ* 468 (отклонения: *на домѣхъ* 201, *в дѡмѣх же* 48б; ср. еще *в жидовѣхъ* 39б при *о жи́довѣ*^{x} 287б); *по́ моуже*^{x} 469. Новг.: *в бѡзѣхъ* 153б, 244, *во́ грѡбѣ*^{x} 254б, *вѣ́ грѡбѣхъ* 117б, *на́ снѣхъ* 177, ср. также *пѡ домо*^{x} 18б (в примере *в хѡлмѣхъ* 143б неясна а. п.). Биб.: *в вѣцѣ*^{x} 420, *вѣ́ градѣ*^{x} (15×), ѡ *градѣ*^{x} 138б, *вѣ́ грѡбѣ*^{x} (4×), *в дѡмѣ*^{x} 25, *ро́дѣ*^{x} 6б, ѡ *родѣ*^{x} 6б, *на́ снѣхъ* 435, *в хѡлмѣ*^{x} 385б, *на хо́лмѣ*^{x} 227; ѡ *князе*^{x} 200б; ср. также *в до́мохъ* 464б, *звѣ́ре*^{x} 16. Библ.: *вѣ́ градѣ*^{x} (3×), *гра́дѣ*^{x} 967б, ѡ *гра́дѣхъ* 956б, ѡ *гро́бѣ*^{x} 994б bis, *в до́ме*^{x} 558б, *при́ поасѣ*^{x} 675б, *на ро́зѣ*^{x} 904, ѡ *снехъ* 994, *в че́репѣхъ* 'в черепках' 489б. Рж.: *в бо́зѣ*^{x} 254, *во́ гробѣхъ* (3×), *в хо́лмѣ*^{x} 132б; ср. однако, *в сынѡхъ* 149. Колм.: *в го́родѣ*^{x} 202, *гра́дѣ*^{x} 5, *в до́мѣ*^{x} (7×), *до́мѣ*^{x} 193$_2$, 209, ѡ *сло́не*^{x} 224, *чи́нѣ*^{x} (часто), *в чи́нѣ*^{x} 193$_2$ (отметим еще *в кло́потѣ*^{x} 43, *о́стровѣ*^{x} 17); ср. *о бога́хъ* 220, *на острова́хъ* 211, *на тѣ*^{x} *острова́хъ* 210 bis, но также ѡ *го́рода*^{x} 206, *ла́птя*^{x} 37. Приведем также несколько примеров из прочих микросистем этого класса: Муз. *на́ дусѣхъ* 35б (+Сел. 236), *на́ князехъ* 175б, Чет. *в ро́дѣ*^{x} *и ро́дѣхъ* 46, Ик. *во́ власѣ*^{x} 62б, *въ кру́зѣх* 92, Клон. *во́ гласе*^{x} 3, Кирил. ѡ *бозе*^{x} 197б (ср. еще Фер. ѡ *властеле*^{x} 994, ѡ *тате*^{x} 946б).

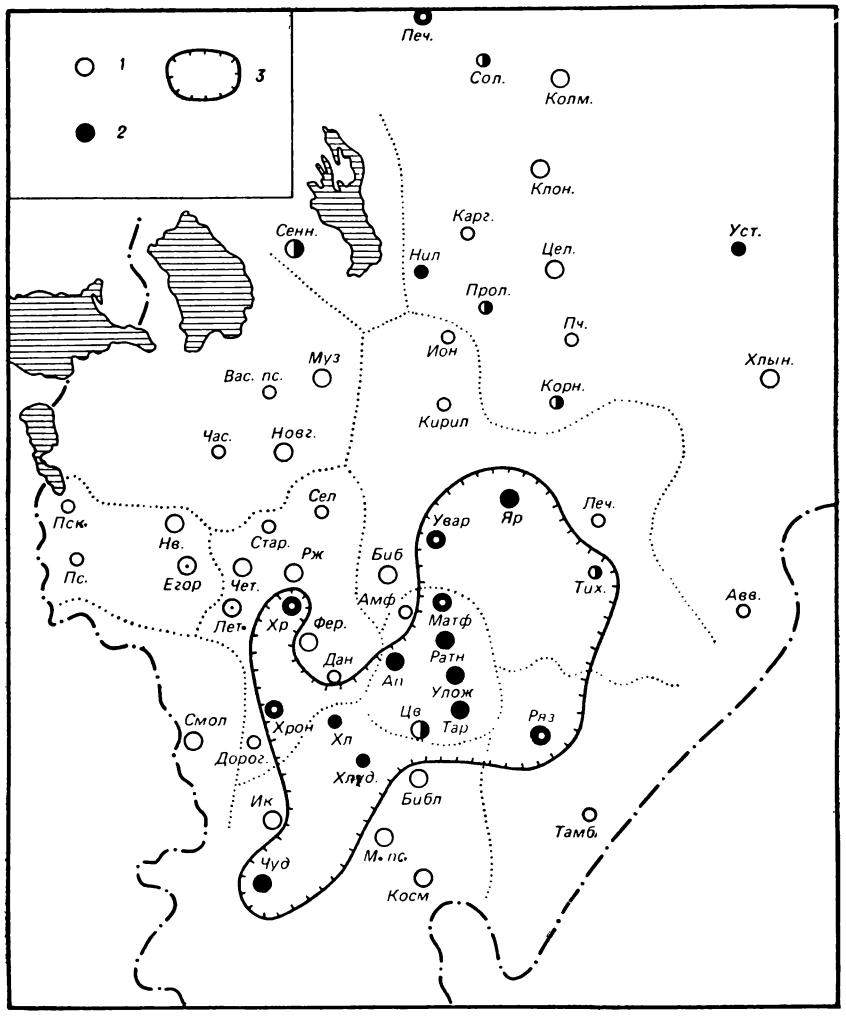
Флексионная акцентовка. Чуд.: *в гробѣ*^{x} 31а, *о*... *подвизѣхъ* 132б. Увар.: *о власѣх же* 545б bis, *в дарѣхъ* 706б, *о дарѣхъ* 673б, 719б (+714б), *домѣхъ* 726б, *пирѣхъ* 427, *в поварѣхъ* 804б (отклонения: *во́ граде*^{x} [4×], *гра́де*^{x} 67, 719; непоказательны *о бра́це*^{x} 341, *бра́цѣхъ* 337б [+326б], ввиду Р. мн. *бра́ковъ* 341б, 343б); ср. также

по рядóхъ 77, *в станóхъ* 737. Ап.: *во градѣхъ* 144б, *градѣхъ* 29б, 179б, *о дарѣхъ* 222, *в домѣхъ* 11б, *в сынóхъ* 160. Хр.: *бозѣхъ* 368 (+1129), *во градѣхь* 1049б, *на домѣхь* 368б, *родѣхъ* 96б, *во сынѣхъ* 778, *на оуглѣхь* 400 (отклонение: *вó градѣхъ* 1128 [+1103б]); ср. также *звѣре*^{x} (4×). Печ.: *власѣхъ* 179б bis, *градѣхъ* 98, *дарѣхъ* 316б, *в домéхъ* 438, *дусѣхъ* 424, *ѡбразѣхъ* 419, *на пирéхъ* 523б, *садѣхъ* 425б, также *храмѣхъ* 407б (отклонение: *во всѣхъ рóдѣхъ* 57б; малопоказательно *в лúцѣхъ* 'в сонмах' 383); *мужéхъ* 278б; ср. также *о снóхъ* 173б (и вторичное *гадóхъ* 291), однако *нá западохъ* 113. Матф.: *во градѣхъ* 80, *во гробѣхъ* 63б, *не ѡ друзѣхъ* 199б, *на дусѣхъ* 71, *при поясѣхъ* 72б, также *во храмѣхъ* 185б (отклонение: *во úглѣхъ* 47; непоказательны *на óблацѣхъ* [3×], *сáдовѣхъ* 99); ср. также *въ домѡхъ* 82 (+82), *не по ѡбразóхъ бо* 133б. Улож.: *ѡ ворѣхъ* 53б, *годѣхъ* (часто), *в городѣхъ* (часто), *долгѣхъ* (часто), *в долгѣхъ* 274б, *домѣхъ* 257б, *въ домѣхъ* 186, *в послусѣхъ* (часто), *в рядѣхъ* 9, 101 и др., *в станѣхъ* 56, 312, *на станѣхъ* 4, 83б, 301, *чинѣхъ* 251б, 252, также вторичные *искѣхъ* (часто), *ѡбыскѣхъ* (часто), *мастерéхъ* 74б (но *ѡ мáстерехъ* 3, 58); *на сторожéхъ* 321б, *ѡ сторожéхъ* 57б; ср. также *ѡ тат-éхъ*, *-ѣхъ* (6×), но *въ гóстехъ* 334б ter; кроме того, с новым окончанием *в бѣгáхъ*, *вораáхъ*, *долгáхъ*, *лугáхъ*, *лѣсáхъ*, *мостáхъ*, *сторожáхъ*, также *в недоросляхъ* 29 (однако *в бѣга*^{x} 286б, *нéдоросляхъ* 292б).

Колеблющаяся акцентовка. Сенн.: *въ гробѣ*^{x} 163a bis, 163б, *дроузѣ*^{x} 25г, *на*$^{\partial}$ (вместо *на*) *доусѣ*^{x} 166г, *въ ŏблацѣ*^{x} 115г (*ŏ*, вероятно, неиктусное), также вторичное *ѡ оудѣ*^{x} 25г — *вѣ́ граде*^{x} 45г, *не вѣ́ граде*^{x} 167a, *нá облацѣ*^{x} 203г, *нá облáцѣ*^{x} (3 уд.!) 203б, *прú поясѣ*^{x} 41г. Цв.: *в бозѣхъ* 136б, *градѣхъ* III 247, *во гробѣхъ* (4×: 153б и др.), *в домѣхъ* 180 — *вó гробѣхъ* 221б, *нá ѡблацѣхъ* III 165 (ср. *на ѡблацѣхъ* 61б), *ó сынѣхъ* 184.

Общие сведения о ситуации в остальных памятниках дает карта 7.

Для среднего рода картина такова. У словоформ М. мн. *вратѣхъ*, *дровѣхъ*, *мясѣхъ*, *словѣхъ*, *морихъ* (*-ѣхъ*), *полихъ* (*-ѣхъ*) ударение в конкретной микросистеме в большинстве случаев такое же, как в мужском роде. Материал, удовлетворяющий этому принципу: 1) Пс. *в мóрихъ* 93, *в пóлѣхъ* 91, 319; Вас. пс. *вó вратѣхъ* 11б, 181б, *в мѡрѣхъ* 186б, 224б, *нá морѣхъ* 29, *в пѡлѣхъ* 183б, Ион. *врáто*^{x} 280; Новг. *вó вратѣхъ* 36б, *вѣ́ вратѣхъ* 218б, 305б (наряду с *въ вратѣхъ* 132 [+121]), *в мѡри*^{x} 223, *в мѡрѣ*^{x} 265б, *нá мѡрѣхъ* 55б, *в пѡлѣхъ* 220б; Лет. *вó вратѣ*^{x} 73, 103 (наряду с *во вратѣ*^{x} -218б, *на вратѣ*^{x} 218б), ср. еще *въ ѡзерѣ*^{x} 181; Фер. *въ дрѡвѣ*^{x} 987б; Биб. *в мѡри*^{x} 400б, *нá мѡри*^{x} 370; Библ. *въ врáтѣ*^{x} 618б, *слóве*^{x} 971б (о *на пóле*^{x} 992б см. § 3.40); Стар. *нá полихъ* 92; Рж. *в мѡри*^{x} 229, *нá морѣ*^{x} 35б; Нв. *нá полехъ* 630б;

Карта 7. Ударение в М. мн. *o*-masculina а. п. *c*:
1 — модель *лѣ́сѣхъ*; *2* — модель *лѣсѣ́хъ*; *3* — основной ареал преобладания модели *лѣсѣ́хъ*.

М. пс. *во вра́тѣ*^{x} 72; ср. еще Цел. *в мя́сахъ* 265; сюда же примыкают Т. пс. *въ́ вратѣ*^{x} 94, *на́ мори*^{x} 48, Вас. сб. *в мо́ри*^{x} 283 (в этих памятниках не представлены соответствующие masculina); 2) Чуд. *при вратѣ́хъ* 65б; Хрон. *на мясѣ́хъ* 230; Увар. *в мясѣ́хъ* 834б; Тар. *на морѣ́хъ* 29; Хр. *на вратѣ́хъ* 512, 534; ср. еще Улож. *в поля́хъ* 77; 3) Цв. *во вра́тѣхъ* 5б и *во вратѣ́хъ* 5б (о *на по́лѣхъ* 183 см. § 3.40; двусмысленно *в по́лѣхъ* 50б). Отклонения от указанного принципа таковы: а) в нескольких случаях neutra показывают начальное ударение при флексионном ударении у masculina — Увар. *в дро́вѣхъ* 811б (также *на́ древѣхъ* 723), Тар. *во вра́тѣхъ* 94, Ряз.

въ... врáтѣхъ 85б, также Матф. *прú моряхъ* 93; б) ударение *во вратѣ́хъ* отмечено в Егор., Биб., Рж., см. также выше о колебаниях в Новг. и Лет. (ср. выпадающую из микросистемы акцентовку Д. мн. *вратóмъ* в Чуд., Егор. и Биб., § 3.45). Оставляем в стороне примеры *дрéвѣхъ*, *чрéвѣхъ* (где ударение может быть книжным), а также *воротѣхъ*, *озéрѣхъ*, *езéрѣхъ* (см. § 3.40). У *es-* и *en*-neutra в М. мн. обычна энклиноменная акцентовка: *нá небесехъ* (очень широко представленное сочетание), *слóвесехъ*, *úменехъ*, *врéменехъ* и т. д. (часто также с *-ѣхъ*). Флексионное ударение отмечено (часто наряду с начальным) лишь в меньшинстве памятников (Нил., Сенн., Т. пс., Пск., Ап., Печ.).

Поскольку флексионное ударение в М. мн. *о*-склонения представлено у слов а. п. *с* уже в Чуд., оно должно быть признано достаточно древним (тем более, что его древность подкрепляется инославянскими данными). Существенно, однако, что для восточнославянской области несомненно древней является также энклиноменная акцентовка данной формы. Географическое распределение этих двух акцентных вариантов, отраженное картой 7, по-видимому, свидетельствует о постепенной экспансии флексионного ударения, направленной от центра к периферии.

Дополнительные замечания о существительных

§ 3.48. Коснемся вкратце (без разбора материала) также некоторых других вопросов акцентной эволюции существительных.

Система переноса ударения с субстантивных словоформ на проклитики в XVI—XVII вв. предстает в следующем виде. Оттяжки ударения на союзы и частицы (кроме *не*) уже практически отсутствуют, оттяжки на частицу *не* весьма нерегулярны. С другой стороны, оттяжки ударения на предлог в большинстве микросистем осуществляются в эту эпоху с высокой степенью регулярности. Для непроизводных существительных а. п. *с* ударение на предлоге при словоформе-энклиномене является нормой (поздние отыменные предлоги типа *позади*, *среди* не в счет). Иначе говоря, при описании памятников в качестве выдающихся фактов должны отмечаться редкие примеры типа *без мýжа*, *о мúрѣ*, *на грóбъ*, *надъ дóмомъ*, тогда как бесчисленные примеры типа *бéз мужа*, *о́ мирѣ*, *нá гробъ*, *нáдъ домомъ*, *до́ Пскова*, *ко́ Твѣри*, *нá мясо*, *пéредъ городомъ*, хотя они и поражают носителя современного языка, в действительности для рассматриваемой эпохи совершенно стандартны. Отсюда следует, между прочим, что принятая в большинстве акцентологических описаний манера цитировать из средневековых памятников именно примеры типа *бéз мужа* и не отмечать примеры типа *без мýжа* не соответствует синхронической ситуации в этих памятниках. Она создает ложное представление, что разница между XVI и XX в. в данном вопросе чисто количественная, тогда как в действительности за это время произо-

шел переворот в соотношении нормального и исключительного: *без му́жа* и т. п. стало нормой, *на́ голову* и т. п. — исключением.

Новое ударение типа *без му́жа* выступает несколько чаще, чем в среднем по памятнику, при наличии хотя бы одного из следующих особых факторов: 1) входящий в сочетание предлог есть *отъ*, *подъ*, *надъ*, *передъ*, *предъ*, *чересъ* (*-зъ*), *чресъ* (*-зъ*); в некоторых памятниках (Библ., Матф.) к числу таких особых предлогов относится еще *о;* 2) основа именной словоформы неодносложна; 3) именная словоформа начинается с гласной; 4) именная словоформа или все сочетание имеет отчетливую книжную окраску. В последнюю рубрику попадают, например, словоформы от *злато*, *чрево*, *вещь*, *гладъ*, *срамъ*, словоформы двойственного числа (*нозѣ*, *ногу* и т. п.), словоформы с *ц*, *з*, *с* вместо русских *к*, *г*, *х* (М. ед. *брацѣ*, *брезѣ*, *усѣ* и т. п.), сочетания *во вѣки*, *во вѣкъ*.

Если отбросить все перечисленные особые случаи, а также слова с неустойчивой акцентной парадигмой (например, *вредъ*, *гнѣвъ*, *ровъ*, *смѣхъ*, *холмъ*, *гора*, *овца*, *страна*, *весь*, *скорбь*), мы получим для непроизводных существительных «основной материал», т. е. тот массив сочетаний, где оттяжкам ударения на предлог не препятствуют никакие особые факторы.

В зависимости от степени развития нового ударения (типа *без му́жа*) можно выделить несколько типов микросистем.

1. Архаичный тип: в основном материале нового ударения нет вообще или оно отмечено лишь 1—2 раза. Таковы: а) все памятники основной части восточной зоны, кроме Библ. и Костр.; б) из широкой промежуточной полосы — Нил., Прол., Корн., Карг., Лук., Клон., Печ.; Муз., Новг.; Дос., Дан., Фер., Рж.; Биб., Ап., Дом., Трав.

2. Переходный тип: в основном материале новое ударение составляет уже заметную долю (но не более 20 %, обычно менее 10 %); в особых условиях, указанных выше, оно может даже преобладать. Таковы: а) все памятники основной части западной зоны, а также Чуд., Библ., Амф., Лет., Хр.; б) памятники дальнего северо-востока Сол., Колм., Хлын., Авв., а также Костр. Например, в Лет. (где материал весьма велик) новое ударение составляет в основном материале 9 %, в сочетаниях с предлогами *отъ*, *подъ*, *надъ*, *передъ* — 17 %, при неодносложной основе — 17 %.

3. Новый тип: в основном материале новое ударение встречается не реже, чем старое, или даже преобладает. Таковы только Стар. и Цел.

Таким образом, новое ударение типа *без му́жа* встречается в данную эпоху преимущественно в западной зоне и на дальнем северо-востоке. В основной части восточной зоны вне особых условий, указанных выше, его еще почти нет.

У производных существительных а. п. *с* оттяжки ударения на предлог гораздо менее регулярны, чем у непроизводных. Подавляющее большинство примеров такого рода (*на́ промыслъ*, *по́ разуму*,

на́ окупъ, *по́ заповѣди*, *на́ проповѣдь*, *на́ похоть*, *на́дъ пропасть*, *на́ немощь*, *на́ болести*, *за́ грубость*, *по́ благости*, *до́ скорости*, *за́ кротость* и т. п.) отмечено в тех памятниках, которые по оттяжкам у непроизводных относятся к архаичному типу.

Особое явление составляют неисконные оттяжки. В части случаев они отражают полный перевод слова в а. п. *c* (из другой а. п.) в конкретной микросистеме; таково, например, положение слов *сердце*, *смерть*, *кровъ* во многих микросистемах. В других случаях мы имеем дело лишь с аналогическим расширением сферы оттяжек, необязательно предполагающим смену акцентной парадигмы у существительного, ср. такие примеры, как *по́ двору*, *по́ суду*, *на́ плачь*, *на́ лѣто*. Подобные примеры изредка встречаются во многих памятниках; в значительном числе они представлены только в периферийных памятниках запада и северо-запада (особенно Сенн., Пск., Печ.). Так, в Печ. отмечены, в частности: *на́ плачь*, *на́ полки*, *на́ постъ*, *на́ сонъ*, *на́ оуды*, *на́ югъ*, *на́ жизнь*, *на́ перси*, *на́ рать*, *на́ русь*, *до́ ложа*, *ѿ*^{т} *ложа*, *на́ лонѣ*, *на́ чюдо*. Возможно, что данное северо-западное явление находится в некоторой связи с тенденцией к переносу ударения на начальный слог, отмеченной в § 3.9.

§ 3.49. В ряде элементов акцентной эволюции существительных может быть усмотрена общая тенденция к установлению колонного ударения в косвенных падежах мн. числа (В. здесь и далее не в счет), а в отдельных морфологических классах — и во всей субпарадигме мн. числа (некоторые проявления этой тенденции уже рассматривались по различным частным поводам выше).

В в о с т о ч н о й зоне речь идет о постепенном установлении колонного ударения на первой (или единственной) гласной окончания в косвенных падежах мн. числа всех существительных а. п. *c* (а у masculina и feminina — также а. п. *b*).

Для *o*-masculina в центральной части восточной зоны (прежде всего в районе Москвы) этот идеал был почти достигнут уже в XVI в. В а. п. *c* здесь представлена акцентовка Р. *зубо́въ*, *мужи́и*, Д. *зубо́мъ*, *мужи́мъ*, М. *зубѣ́хъ*, *мужѣ́хъ* (*мужи́хъ*), см. карты 6, 7; Т. мн. на *-ы*, *-и* стоит особо ввиду его потенциального переосмысления как частного случая исходной формы мн. числа (§ 3.43). В а. п. *b* выступают Р. *дворо́въ*, *царе́и*, Д. *дворо́мъ*, *царе́мъ*; в М. мн. конкурируют новое ударение (возможное для всех слов) *дворѣ́хъ*, *царѣ́хъ* (*цари́хъ*) и старое (сохраняющееся лишь у немногих слов) типа *дво́рѣхъ*. У neutra а. п. *c* (но не а. п. *b*) акцентуация практически такая же, как у masculina. В периферийных частях восточной зоны описанная здесь ситуация еще не вполне достигнута (из-за возможности начального ударения в М. мн. и Д. мн. а. п. *c*).

Как можно видеть, в центре восточной зоны рассматриваемая тенденция почти полностью реализовалась уже на базе старых окончаний: *-омъ*, *-ѣхъ*, *-ы*. Замена этих окончаний новыми (*-амъ*, *-ахъ*, *-ами*) радикально ускорила данный процесс во всей восточной зоне. Есть много свидетельств того, что новое окончание несло с собой

и новое ударение, если его требовал принцип колонности, ср. *óстровѣ*[x]—*островáхъ* в Колм., *в лѣсе*[x]—*в леса*[x] в Косм. (б. уд., но с разным распределением *ѣ* и *е*) и т. п.; ср. также, например, *двóрѣхъ* и *дворѣ́хъ*, *пóпѣхъ* и *попѣ́хъ*, но только *дворáхъ*, *попáхъ* и т. п. (в памятниках, где встречаются оба типа окончаний).

У *i*-feminina рассматриваемая тенденция выражается в появлении новых ударений типа Д. *страстéмъ*, М. *страстéхъ*. Относительно Д. мн. типа *страстéмъ* см. § 3.46; М. мн. типа *страстéхъ* отмечен (всегда лишь на фоне *стрáстехъ*): в Москве и поблизости — в Ап., Хл., Дом., Рж., Ратн., Улож., Матф.; на северо-востоке — в Прол., Зап., Леч.; сверх этого, в Т. пс., Сенн., Лет., Смол., Нв. (это примерно те же районы, где отмечается модель *страстéмъ*); в прочих памятниках представлена только модель *стрáстехъ*. Таким образом, в частности, в районе Москвы представлена акцентовка типа Р. *страстéи*, Д. *стрáстемъ* и *страстéмъ*, М. *стрáстехъ* и *страстéхъ*, Т. *страстьмѝ*, т. е. допускающая как одну из возможностей колонное ударение. Переход к новым окончаниям (*-ямъ*, *-яхъ*, *-ями*) и в этом морфологическом классе означает достижение колонности, ср., например, в Улож. *грáнемъ* 156б — *гранямъ* 157, *по. . . рѣ́чемъ* 265 и др. — *по рѣчáмъ* 331 (но *рѣ́чамъ* 311 и др.), также *крѣпост-ямъ*, *-ях*ъ, *запис-ямъ*, *-ях*ъ, *лошадямъ*, *пустошáхъ*, *на грязях*ъ и т. п.

В з а п а д н о й зоне тенденции развития выявляются не столь отчетливо, поскольку в XVI—XVII вв. здесь уже заметно сказывается влияние восточных моделей. По-видимому, собственная акцентная эволюция, по крайней мере в части этой зоны, была направлена к колонному предфлексионному ударению во мн. числе всех существительных а. п. *c*, кроме *a*-feminina, т. е. к акцентовке типа: *зýбы*, *зýбовъ*, *зýбомъ*, *зýбѣхъ*, Т. *зýбы*; *слóва*, *слóвъ*, *слóвомъ*, *слóвѣхъ*, *слóвы*; *стрáсти*, *стрáстеи*, *стрáстемъ*, *стрáстехъ*, *стрáстьми*. Однако реальные микросистемы лишь в той или иной степени приближаются к этой схеме. К сожалению, наш материал не позволяет дать надежного ответа на вопрос о том, к каким акцентным последствиям приводила в западной зоне замена старых окончаний новыми.

Что касается *a*-feminina, то здесь в косвенных падежах множ. числа колонное ударение на первом слоге окончания было представлено (как в а. п. *b*, так и в а. п. *c*) уже в раннедревнерусском. При этом в И. В. мн. а. п. *b* в рассматриваемый период еще полностью господствует флексионное ударение, например: *бѣ́ды*, *вдовы́*, *вины́*, *жены́*, *змеи́*, *игры́*, *казны́*, *колбасы́*, *конопли́*, *крупы́*, *луны́*, *руды́*, *свѣчи́*, *сестры́*, *слуги́*, *стопы́*, *струи́*, *судьбы́*, *травы́*, *трубы́*, *тюрьмы́*, *тяжбы́*, *узды́*[33]. У слов с надежно установленной а. п. *b* примеры

[33] Этим старовеликорусский заметно отличается от староукраинского, где ударение типа *жéны* представлено уже довольно широко. Поскольку ударение типа *жены́* последовательно проведено в старовеликорусском как в церковных, так и в светских памятниках, объяснять его как результат книжного церковнославянского влияния (как предлагает В. Г. Скляренко) не предста-

И. В. мн. с наосновным ударением в памятниках, где нет дефинализации, крайне редки: Косм. *змéи* 2 (ср. еще *нá* ѡ*рды* 172), Дом. *слýгі* 113, Ратн. *рѣ́ки* 195, 200; в памятниках со слабой дефинализацией — Увар. *и́гры* 208б, 429, Хр. *троýбы* 504б, 704б, Трав. *жé*|*ны* 99б, *глúсты* (неоднократно). Примеры из памятников с заметной или сильной дефинализацией (в частности, Чуд. *слóуги* 51а, Т. пс. *стóпы́* 59б, Лих. *бѣ́ды* 32а, Фер. *жéны́* 771, Сол. *бѣ́ды* 154, *кáзны* 147б, Авв. *двѣ́ вдóвы* 32, *за вдó*|*вы́* 213, *трáвы* 235б, Цел. *глúсты* [5×]) по понятным причинам недостаточно показательны. Лишь ударение *рѣ́ки*, встречающееся заметно шире прочих, можно считать относительно надежным свидетельством акцентного сдвига. Непоказательны для рассматриваемого процесса примеры И. В. мн. с наосновным ударением от слов с колеблющейся или ненадежно установленной а. п., в частности: *брóни*, *вóины*, *óвцы*, *пéлены*, *свúньи*; *глáвы*, *стрáны*; *кýны*, *кóрмы*, *мéжи*, *плю́сны*, *пúлы*, *пчéлы*, *рóзги*, *тóлпы*, *щéпы*. В косвенных падежах мн. числа а. п. *b* и *c* редчайшие примеры с наосновным ударением (в частности, Т. пс. *нóгамъ* 141б, Корн. *в рýка*^{x} 174, Фер. *вѡлнами* 256, Лет. *на 7 вéрста*^{x} 168б, *на 20 вéрста*^{x} 234б, Библ. *брóня*^{m} 655б) скорее всего объясняются различными индивидуальными причинами; едва ли они могут рассматриваться (кроме, может быть, Хлын. *бѣ́дами* 132б, Колм. *и́грамъ* 5, *óвца*^{x} 102) как предвестники будущего сдвига.

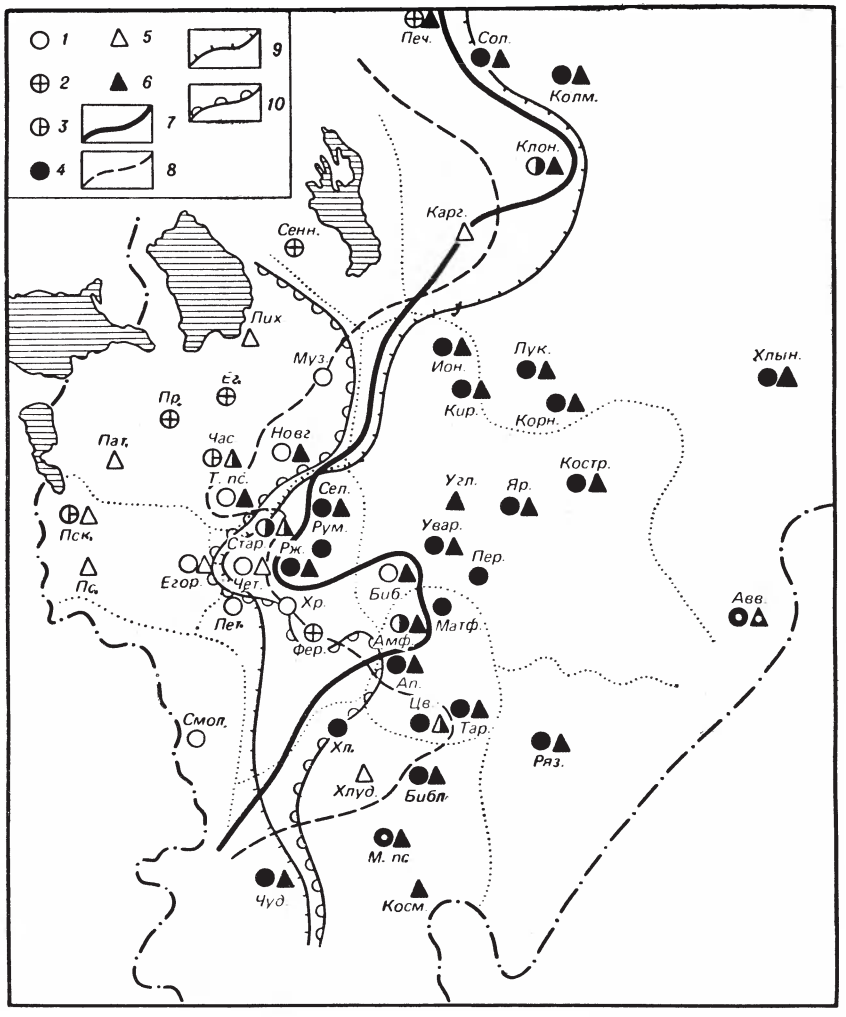
§ 3.50. Не имея возможности давать здесь очерки по ударению в словообразовании и лексике, отметим лишь несколько частных явлений, имеющих диалектологическую значимость (наиболее важные из них отражены на карте 8).

Акцентовка слов *глубина* и *высота* по а. п. *b*: *глубинà*, *высотà* (В. ед. *-ỳ*, И. В. мн. *-ы́* в обоих случаях) — характерна для восточной зоны. В западной зоне ей противостоит акцентовка по а. п. *a*: в первом случае *глýбина* и *глубúна*, во втором *вы́сота* (ударение *высóта* в памятниках почти не встречается; отмечено только *на высóту* Сол. 32, где можно предполагать неустойчивую дефинализацию). Вот несколько примеров, показывающих, что мы здесь действительно имеем дело с а. п. *a*, а не с той или иной формой подвижности ударения: Лет. *глýбина* 335, *и*^{з} *глýбины* 243б, 258б, Пр. *на глубúнѣ* 132а, Фер. *глубíноу* 994, *из глоубíны* 470б, 471б, Цв. *вы́сота* 193, Егор. ѡ^{m} *вы́соты* 480 bis, Пск. *на вы́сотѣ* 4б (+ Хлуд. 150б). Распределение указанных акцентовок в памятниках демонстрируется картой 8.

Сходное географическое распределение акцентовок обнаруживают также некоторые другие слова с суффиксами *-ота*, *-ина*. Так, старое ударение (*не*)*чúстота* выступает практически во всем ареале, характеризующемся ударением *вы́сота* (реально в Смол., Чет., Хр., Лих.,

---

вляется возможным. Соответственно, мы не можем согласиться с гипотезой В. Г. Скляренко (Скляренко 1969) о том, что акцентовка типа *жéны* в И. В. мн. восходит к праславянской эпохе.

Карта 8. Ударение слов *глубина*, *высота*, *отрокъ*, *жилище:*

1 — *глу́бина*; *2* — *глубина́*; *3* — *глу́бина* и *глубина́*; *4* — *глубинà*; *5* — *вы́сота*; *6* — *высотà*; *7* — восточная граница зоны распространения ударений *глу́бина* и *глубина́*; *8* — восточная граница зоны распространения ударения *вы́сота*; *9* — восточная граница зоны распространения ударения *отро́къ*, *-а́* (учтена также точка Прол.); восточнее этой границы — только *о́трокъ*, *-а*; *10* — восточная граница зоны распространения ударения *жи́лище* (учтена также точка Дос.); восточнее этой границы — только *жили́ще*.

Пат., Карг., с колебанием также в Фер., Цв.), сверх этого, только в белозерско-вологодских рукописях Ион., Корн. и (с колебанием) Лук., а также в Амф. (с колебанием). В прочих памятниках выступает (*не*)*чистотà* (реально в Ап., Хл., Библ., Трав., Ряз.; Дос., Рум.; Увар., Биб., Кир., Костр., Яр., Пер., Тих.; Прол., Клон., Печ., Сол., Колм., Хлын., Авв.; из западной зоны — в Новг., Егор.);

в Трав., Ряз. сохраняются единичные следы старого ударения. Старое ударение *ни́щета* сохраняется несколько лучше, чем (*не*)*чи́стота*: оно выступает в Чуд., Дос., Чет., Новг., Пат., Ион., Корн., а также Тар., Ряз.; колебание в Увар., Лук., Кир.; ударение *нищета́* — в Ап., Амф., Цв., М. пс., Матф.; Рум., Рж., Сел.; Биб., Яр.; Клон., Печ., Сол., Хлын.; кроме того, в Егор. Еще лучше сохраняется старое ударение *ти́шина* (последовательно в Жит., Лет., Хр., Чет., Рж.; Сенн., Муз., Новг., Пск.; Ион., Кир, Костр., Пер., Тих.; Ев., Корн., Лук., Карг., Клон., Печ., Сол.); новое ударение *тишина́* представлено в XVI в. только в Библ. и (с колебанием) в Цв., в XVII в. — в М. пс., Сел., Ратн., Колм., Авв., с колебанием также в Ряз., Яр., Хлын. Таким образом, очаг распространения новых ударений *чистота́*, *нищета́*, *тишина́* находится в восточной зоне. Скорость их распространения, как обычно бывает при аналогических заменах, для разных слов различна. Выявленная картина позволяет предполагать, что и у слова *высота* первоначальным было ударение *вы́сота*, ср. § 2.25 (со словом *глубина* дело обстоит сложнее, поскольку здесь в западной зоне обнаруживается не только ударение *глу́бина*, но и *глуби́на*, тогда как у слова *тишина* варианта **тиши́на* нет).

Для слова *отрокъ* возможна акцентовка *отро́къ*, *-а́* (по а. п. *b*) и *о́трокъ*, *-а* (по а. п. *c* или *a*, например, Р. мн. *отроко́въ* или *о́трековъ*). Первая характерна для западной зоны, вторая для восточной. Акцентовка *отро́къ*, *-а́* представлена, во-первых, в рукописях XIV в. Чуд. и Мер., во-вторых, в Т. пс., Сенн., Прол., Муз., Вас. пс., Лет., с единичным отклонением также в Новг. Обе акцентовки отмечены в Дос., Егор., Нил., Карг., Клон., Печ. Акцентовка *о́трокъ*, *-а* представлена в Ап., Тар., Амф., Цв., Матф.; Библ., М. пс.; Дан., Жит., Фер., Чет., Хр., Рум., Рж., Сел.; Ион., Увар., Биб., Яр.; Лук., Колм. Соответственно этому списку на карте 8 показана восточная граница распространения акцентовки *отро́къ*, *-а́*. Как можно видеть, она приблизительно соответствует границе западной зоны.

Слово *жилище* выступает с ударением *жи́лище* в Чуд., Дос., Дан., Жит., Лет., Час., Муз., Пат., с незначительными отклонениями также в Лих., Т. пс., Новг., Вас. пс., Вас. сб., Егор. На карте 8 показана восточная граница этого ареала, который соответствует средней и южной частям западной зоны. Восточнее этой линии представлено только ударение *жили́ще*; оно отмечено в Ап., Амф.; Хл., Библ., Трав., Ряз.; Фер., Чет., Рум., Сел.; Ион., Биб., Кир.; Нил., Карг., Клон., Печ. Сол., Колм. (сверх того, еще в западном памятнике Пск.).

У слова *молва* ударение *мо́лва* (а. п. *a*) тяготеет к западной зоне, *молва́* (а. п. *b*) — к восточной, но граница здесь не столь четка, как в предыдущем случае. Ударение *мо́лва* выступает: в западной зоне и промежуточной полосе — в Чуд., Хрон., Фер., Хр., Смол.; Пс., Егор., Пск.; Ег., Новг., Вас. пс., Вас. сб. (с колебанием также

в Лих.); Нил., Ев., Печ.; в восточной зоне — в Ион., Корн., Лес., Хлуд. Ударение *молвà* выступает: в восточной зоне — в Тар., Библ., Вер., Дом., Ряз., Матф.; Рум., Рж.; Биб., Пер., Костр.; Прол., Лук., Авв. (с колебанием также в Ап., Увар., Сол.); в западной зоне — в Час., Т. пс., Муз., Сенн., Клон.

Исконное ударение *сýпостатъ* сохраняется (хотя бы факультативно) в памятниках центра — Тар., Цв., М. пс., Фер., Хр., Биб.; кроме того, в двух периферийных северных памятниках — Печ., Сол. Во всех прочих памятниках, где встречается это слово, отмечено только новое ударение *супостáтъ*.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

§ 3.51. При анализе акцентуации прилагательных необходимо прежде всего учитывать, что для них актуально (особенно в нечленных формах) противопоставление народной и книжной акцентовок (§ 3.11). Народная акцентовка здесь в разных диалектных зонах различна, а книжная всегда состоит в наосновном ударении (и, конкретнее, почти всегда в предфлексионном).

Условимся различать среди нечленных форм главные и второстепенные. К г л а в н ы м относятся все нечленные формы И. ед. и форма И. мн. на *-ы* (или на *-и* после *к*, *г*, *х* и после исконно мягкой основы), а также омонимичные им формы В. падежа; кроме того, мы будем относить сюда же наречие на *-о* (*-е*). К в т о р о с т е п е н н ы м относятся все остальные нечленные формы; сюда же мы будем относить наречие на *-ѣ*. Главные нечленные формы свободно употреблялись в живой речи рассматриваемой эпохи (во всех говорах); как легко видеть, это именно те формы, которые дожили до нашего времени. Второстепенные формы употреблялись в живой речи во много раз реже, а некоторые из них не употреблялись вообще. Форма И. мн. на *-и* (от твердых основ не на *к*, *г*, *х*) в одних говорах еще имела определенное распространение, в других уже была полностью вытеснена формой на *-ы*.

В XVI—XVII вв. начинает формироваться также акцентная дифференциация нечленных форм в зависимости от их синтаксической функции. Различаются прежде всего предикативная и атрибутивная функции. Кроме того, имеется несколько промежуточных случаев, которые можно объединить под условным названием «полупредикативной» функции. Сюда относятся: а) конструкции с аппозитивно-предикативным членом (например, *пришелъ босъ*), со знаменательным глаголом в связочной роли (*вода становится мутна*) и nominativus duplex (*вода видится мутна*); б) конструкции с обособленным определением (например, *есть иная гора*, *именуется N.*, *зѣло высока и широка*); в) accusativus duplex и dativus cum infinitivo, т. е. конструкции, где предикативное значение заключено в словоформе В. или Д. падежа (например, *вижу его скорбна*, *творю его покорна*, *быти ему убиту*). Тенденция состоит в том, чтобы словоформы с иском-

ным флексионным ударением при атрибутивной функции меняли его на наосновное (т. е. на ударение книжного типа), например, *бу́ря стра́шна, че́рна кручи́на.* Заметим, что у прилагательных а. п. *b* (а также у тех прилагательных а. п. *c*, которые в эту эпоху уже получили наосновное ударение в членных формах) данная тенденция поддерживалась ударением членных форм, т. е. основных носителей значения атрибутивности; например, в сочетаниях *в до́бръ̀ наказа́нии, на высо́къ̀ мѣ́стѣ* и т. п. определение явно ассоциировалось с членными формами (*до́бры, высо́кии*). Полупредикативная функция занимала по своему влиянию на акцентуацию промежуточное положение между атрибутивной и предикативной; во многих микросистемах полупредикативная функция дает почти такой же эффект, как предикативная.

Таким образом, в XVI—XVII вв. основной принцип распределения народной и книжной акцентовок, сформулированный в § 3.11, для нечленных форм прилагательных и причастий практически сводится к тому, что народную акцентовку получают главные нечленные формы, выступающие в предикативной функции (обычно также в полупредикативной), при условии, что соответствующая лексема (вариант лексемы) не является специфически книжной; в прочих случаях выступает книжная акцентовка. В XIV в. (в Чуд.) этот принцип еще не действует; он здесь лишь только намечается. Но и в XVI—XVII вв. он соблюдается нестрого: возможны некоторые отклонения как в ту, так и в другую сторону.

Понятно, что для акцентологической характеристики памятника определяющими оказываются главные нечленные формы в предикативной (и полупредикативной) функции; показания прочих нечленных форм имеют лишь подчиненное значение.

Для сокращения записи условимся опускать при цитировании некоторые часто встречающиеся грамматические пометы при морфологически двусмысленных словоформах прилагательных и причастий. Словоформы на *-а* и *-ая*, не имеющие в нашей записи грамматической пометы, относятся к И. ед. жен., на *-ы* (или *-и* после *к, г, х*) — к И. мн., на *-ыи* (или *-ии* после *к, г, х*) — к И. ед. муж.

Нечленные формы прилагательных а. п. с и а

§ 3.52. У прилагательных а. п. *с* и *а* акцентуация главных нечленных форм в значительной мере сходна. Если отвлечься от оттяжек ударения на *не* и на предлоги в а. п. *с* (которые в XVI—XVII вв. у прилагательных уже довольно нерегулярны), различие сводится к форме ед. жен., например, *жива̀* (а. п. *с*) — *чи́ста* (а. п. *а*). В XVI—XVII вв. обнаруживается заметная тенденция к снятию этого различия, причем в западной зоне выравнивание происходит в сторону а. п. *а*, в восточной — в сторону а. п. *с*. Здесь, как и во многих других случаях, эволюция западного типа ведет к сужению грамматической роли ударения и установлению колонного (чаще всего

предфлексионного) ударения, эволюция восточного типа — напротив, к усилению грамматической роли ударения. Характерный для западной зоны процесс замены модели *живà* моделью *жúва* (являющийся одним из проявлений морфологизованной дефинализации) в рассматриваемый период зашел в своем развитии дальше, чем восточный процесс замены модели *чúста* моделью *чистà*.

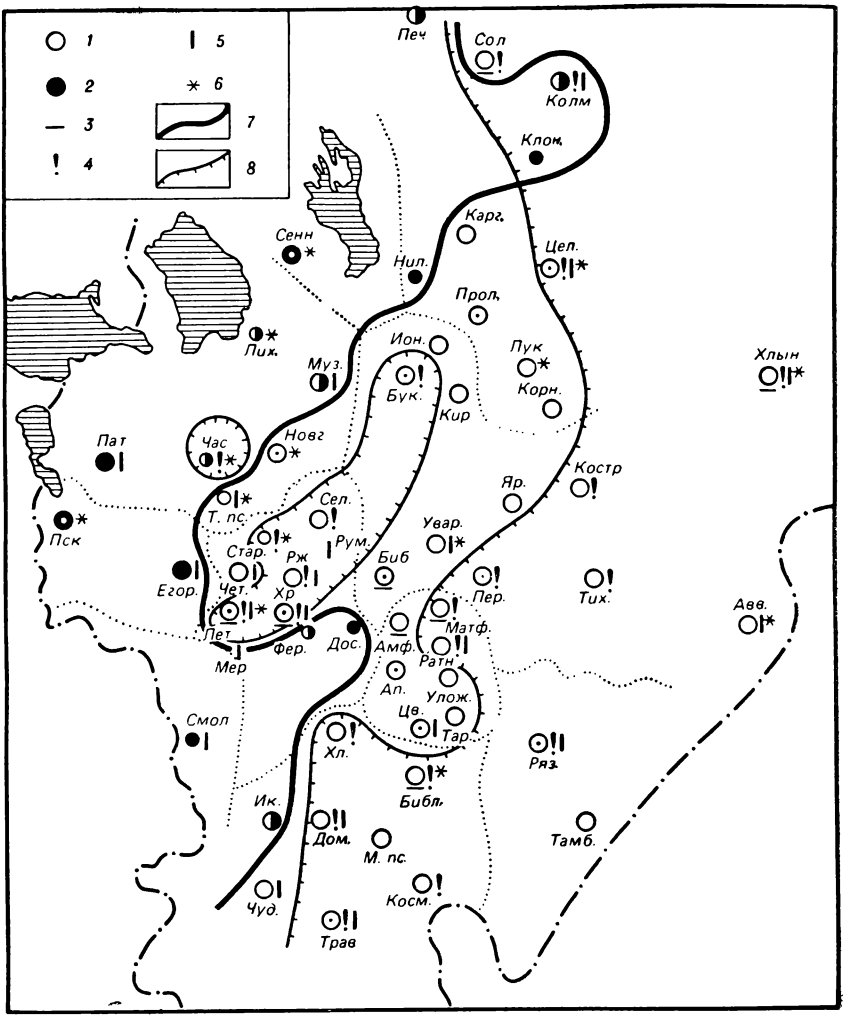
Карта 9 показывает соотношение этих двух противоположных тенденций эволюции. Как можно видеть, граница ареала, где преобладает или достаточно распространено ударение типа *жúва*, в основном соответствует границе западной зоны. Восточнее этой линии большинство микросистем (в т. ч. почти все микросистемы XVII в.) обнаруживают те или иные проявления процесса «*чúста* → *чистà*». Для наглядности ареалы с такими проявлениями очерчены на карте особой линией; но следует учитывать, что эта линия до известной степени условна, поскольку в памятниках, бедных материалом, примеры типа *чистà* могли не встретиться случайно. В ряде микросистем (в основном расположенных поблизости от линии соприкосновения двух противоположных процессов) отмечаются небольшие колебания как в а. п. *а*, так и в а. п. *с*, т. е. несколько расшатаны границы между акцентными парадигмами.

Западный процесс «*живà* → *жúва*» охватывает прилагательные как с односложной, так и с многосложной основой. У многосложных новое ударение в И. ед. жен. — колонное с прочими нечленными формами, например, *жéстока*, *влáсяна* как *жéстокъ*, *-о*, *-и*, *влáсянъ*, *-о*, *-ы*. Заметим, что это обстоятельство не позволяет считать данный процесс проявлением чисто фонетической дефинализации (которая дала бы **жестóка*, **влася́на*).

Восточный процесс «*чúста* → *чистà*», напротив, в основном ограничен прилагательными с односложной основой (производный или непроизводный характер основы при этом роли не играет); например, словоформа *велúка* регулярно встречается только с таким ударением (она отмечена почти во всех памятниках). Более того, при многосложной основе возможен противоположный эффект (т. е. такой же, как в западной зоне), например, *нéмощна*, *дрéвяна* вместо *немощнà*, *древянà*.

Независимо от указанных диалектных процессов действует тенденция к наосновному ударению при атрибутивной функции (§ 3.51); она может давать ударения типа *жúва* даже и в восточной зоне. То же верно для словоформ с книжной окраской: например, ударения *ю́на*, *дúвна*, *зéмна*, *стрáстна*, *чю́жда* встречаются как в западной, так и в восточной зоне; для характеристики микросистемы они непоказательны.

Несколько прилагательных а. п. *с* с неодносложной основой имеют тенденцию к полному переходу в а. п. *а* с предфлексионным ударением в членных и нечленных формах. Таково прежде всего прилагательное *свободныи*. В XIV в. оно еще почти полностью сохраняет исконное ударение: Мер. *свободенъ*, *свободно*, *-а*, *-и*, *-ы*, *свободн-ѡму*, *-ую*, *-ыхъ*

Карта 9. Ударение нечленных форм прилагательных а. п. *с* и *а*:

1 — И. ед. жен. а. п. *с* по модели *жива* (книжные, многосложные и выступающие в атрибутивной функции не в счет); *2* — И. ед. жен. а. п. *с* по модели *жи́ва*; *3* — в атрибутивной функции отмечена модель *жи́ва* (знак ставится только при общем преобладании модели *жива*); *4* — в И. ед. жен. (или И. В. мн. сред.) а. п. *а* отмечен хотя бы один пример модели *чиста*; *5* — в И. В. ед. сред. а. п. *с* или *а* отмечен хотя бы один пример по модели *свѣтло* (*мало*); *6* — в И. В. ед. муж. а. п. *с* или *а* отмечен хотя бы один пример по модели *долженъ* (*силенъ*); *7* — восточная граница зоны преобладания или значительного распространения модели *жи́ва*; *8* — граница ареалов, где встречается модель *чиста*.

и т. д., *с -бод-*, а не с *-бѡд-* (см. Акц. Мер., § 56); Чуд. *свобо|дна* 102б, *сво́бодни* 84в (+ 45г bis), *о свободнѣи* 121г, *свободныя* Р. ед. 123г bis, ѡ^{m} *свободныя* 123в, при единичном ѡ^{m} *свобо́дныя* 123в. В конце XV в. старое ударение еще сохраняется в Сенн.: *сво́бодно* 214а, *-и* 81в, *сво́бодни лѝ* 81б (членные формы не встретились). В Хр.

начальное ударение обобщено: *свóбодно* 33б, 1211б, *-i* 1354, также *свóбодн-іи* 299б, *-ы*^{м} Д. мн. 950б, *-ыми* 1208б. В остальных памятниках выступают *свобóд-ныи*, *-енъ*, *-на*, *-но*, *-ны* и т. д. (единичными отклонениями от нормы являются Фер. *свѡбѡдни* 806, *свóбóдна* В. ед. 495, Авв. *свободнà* 278б, *свобóднà* 94). Аналогичное развитие прошло *пустошныи*: лишь в Печ. сохранилось *пýстошна* Р. ед. 431 (в членных формах *пýстошнѣ*^{м} 424б — *пустóшныи* 422б); во всех прочих памятниках отмечено только ударение на втором слоге. Прилагательное *временныи* в одних микросистемах выступает с обобщенным ударением *времéнн-*, в других с обобщенным ударением *врéменн-* (точно такая же картина наблюдается для прилагательного *трепетныи*, первоначальная акцентовка которого не вполне ясна). Прилагательное *кровавыи* лишь незначительно продвинулось в сторону ударения *кровáв-*: в нечленных формах такое ударение отмечено только в Сенн. *кровáво* 136а, Прол. *кровáва бо* 64б, Лет. *кровáво* 115б, *-ы* В. мн. 231, Сол. *кровáву* В. ед. 189; в прочих случаях нечленные формы сохраняют древнее подвижное ударение: *крóвавъ*, *кровавà*, *крóваво*, *-ы*. Ниже при разборе материала у прилагательных данной группы примеры с ударением на втором слоге не учитываются.

§ 3.53. Рассмотрим материал нескольких памятников по И. ед. жен. прилагательных а. п. *c* и *a* (для а. п. *a* — только с односложной основой [или неодносложной полногласной]). В число примеров могут входить также *t*-причастия. При разборе материала пометы «а. п. *c*», «а. п. *a*» имеют историческое (не синхроническое) значение; этим обеспечивается сопоставимость данных разных микросистем (к тому же синхроническую а. п. в конкретной микросистеме во многих случаях не удается надежно установить). Слова с неясной исторической а. п. обычно опускаются (*темна*, *мякка*, *ясна* приводятся в составе а. п. *c*); адреса тривиальных примеров могут не приводиться. Синтаксическая функция, в которой выступает нечленная форма, указывается только при особой необходимости.

Микросистемы восточного типа. Чуд.: а. п. *c* — *блгà* 105б, *дивнá* 12б, *должнà* 112г, *живá* 137б, *златà* 145г, *мирнà* 82б, *мощнà* 164в, *немощнà* 111б, в, 161б (+ 14г, 24а), *мяхкà* 23в, *новà* 116а, *-á* 118б, *свобо|днà* 102б, *не слáнà* 21б, *страшнà* 136а, *соухà* 29б, также *акà* ‘какова’ 13в, *такá же* 133а, *самá* 18б, 147б, *-à* 156в, *-â* 103б, 156в; а. п. *a* — *вѣ́рна* 137в, *невѣ́рна* 110г, *мнóга* 4в, 29в, *пóлна* 82б, *сдрáва* 7г, 29б (ср. также регулярное *велúка*); инновации отсутствуют. Косм.: а. п. *c* — *веселà* 27б, *грязнà* 56, *лихà* 155, *любá* 157, *пустà* 1б, 20б, *твердà* 133б, *холо^{ѳ}нà* 5, 51б, *цветнà* 185б (вероятно, сюда же *топкà* 155); ударение в *дúвна* 121 книжного происхождения; а. п. *a* — *кáря* 4, *чúста* 12, также *здорóва*, *мѣ́рна*, *рыбна*, *слáвна*, но новое ударение в *полнà* 119, 121. Матф.: а. п. *c* — *жестокà* 21, *немощнà* 98, 215 bis, *самà* 38б, *страшнà* 110, *суровà* 84б, *тучнà* 151, *цѣ́лà* 91б, однако *рúза же вéтха* 67б (атрибутивн.);

ср. книжное *е́сть ди́вна* 168; а. п. *а — ма́ла* 137б, *нечи́ста* 68, однако *гладка̀* 84б, *полна̀* 183, *чиста̀* 108б, 169б.

В ряде микросистем сходного характера ударение типа *жи́ва* представлено несколько шире, а именно, оно изредка встречается и там, где его нельзя объяснить книжностью или атрибутивной функцией. Биб.: а. п. *с — горка̀ бо̂* 53б, *жестока̀* 461, *жива̀* 218б, *крѐпка̀* 407, *люба̀* 121б, *нелюба̀* 121б, *мягка̀* 429, *проста̀* 410, *поуста̀* 85, 114, *сама̀* 334б и др., *свѐтла̀* 369, *темна̀ вода̀* 368, *тяжка̀* 435б; с наосновным ударением книжное *ди́вна* 381, в атрибутивной функции *жи́ва* 75 (ср. предик. *жива̀* 218б), *крѐпка* 110 (ср. полупредик. *крѐпка̀* 407), *мла́да* 230, *ми́рна* 408, *моу́жеска* 121б, но также в предикативной функции *стра́нна* 158, *та́ка* 432, *те́мна* 75 bis; а. п. *а — ма́ла* 427, *си́лна* 337б, *чи́ста* 334. Лет.: а. п. *с — ветха́* 316б, *грозна́* 257 (+285), *крута́* 275, *крѐпка́* 115, 215б, *некрѐпка́* 107, *немощна́* 325, *свѐтла̀* 40б, *снѣжна́* (название реки) 372, *суха́* 338б, *темна́* 285, *тя*ж*ка́* 287б, *цѐла̀* 32, также *взята́* 231б, 272, *почата́* 235б; с наосновным ударением в атрибутивной функции *стра́шъна* 285, *тя́*ж*ка* 257б, *дре́вяна* 225б, 394, в предикативной функции многосложные *дрѐвяна* 286б, *не́мощна* 197б, но также *цѐла* 332; а. п. *а — ма́ла* 365б, *нема́ла* 24б, 30, *си́лна* 342; новое ударение в *чюдна́* 331б. Трав.: а. п. *с — жива̀* 109, *жидка̀* 477б, *лиха̀* 525, *молода̀* 401б, *мягка̀* 247б, *сама̀* (часто), *свѐтла̀* 235, 352, *суха̀* (часто), *цвѐтна̀* 500, также *пита̀* (часто), однако *са́ма же та̂ трава* 340, *взя́та̀* 259; а. п. *а — си́ня* 307, *ста́ра* 363, также *здра́во*, *ма́ла*, *нема́ла*, *си́лна*; новое ударение в *долга̀* 242, 524, *чиста̀* 480 (ср. еще *мелка̀* 155 с неясной а. п.); отметим колебание *сы́ра* 462б — *сыра̀* 500б. Большой материал представлен в Бук. (Аксенова 1982): а. п. *с — глуха̀*, *гнила̀*, *драга̀*, *злата̀*, *лѐпа̀*, *млада̀*, (*пре*)*проста̀*, (*не*)*свята̀*, *тверда̀*, *толста̀*, *трезва̀*, *тѐсна̀*, (*не*)*худа̀*, *часта̀*, *ясна̀*; *гладна̀*, *глумна̀*, *гнусна̀*, *грозна̀*, *грузна̀*, *должна̀*, *темна̀*, *тучна̀*, *цвѐтна̀*; *горка̀*, (*не*)*кротка̀*, *прекрѐпка̀*, *тонка̀*; *земска̀*, *мирска̀*, *кровава̀*, *жестока̀*; наосновное ударение показано в *вѐчна*, *гла́сна*, *гно́ина*, *гро́мна*, *зе́мна*, *ми́рна*, *мра́чна* (в основном это книжные слова); колебание в *древяна̀ — дре́вяна*; а. п. *а* преимущественно с новым ударением — *долга̀*, *чˢта̀*, *силна̀*, *чюдна̀* (возможно, сюда же *ѐдка̀*); *зло́бна̀*, *ти́ха — тиха̀*, *хра́бра — храбра̀*; *сыра̀* отражает полный переход в а. п. *с* (ср. *сыры́и*).

Микросистемы западного типа. Егор.: а. п. *с — вѐчна* 76, *ди́вна* 8б, 121, 263 (при единичном *дивна̀* 268), *же́стока* 175б, *жи́ва* 136б, *крѐпка* 241б, *мра́чна* 193, *но́ва* 25б (+113б), *пр(ю)ста* 130, *поу́ста* 316б, 409б, *са́ма* 516, *стра́нна* 290б, *стра́шна* 249б, 252б bis, *тве́рда* 241б, *тя́жка* 560, *че́стна* 553б; а. п. *а — зрѐла* 407б, *ни́ща* 471, *ноу́жна* 429б, *пра́ва* 58, *сла́вна* 8б, *чи́ста* 112, 479б, 502б. Сенн.: а. п. *с — вла́сяна* 46г, *дру́га* ѡ^{m} *дроугы* 199а, *мя́гка* 203в,

не́мощна 173в, *соу́рова* 150а, *та́ка* 190б (ср. еще *небра́чна* 39в), колебание в *сама̀* 23б; старое ударение в *дивна̀* 196в bis, 196г bis (возможно, сюда же *неприсна́ же* 176б); а. п. *а — здра́ва* 165а, *ни́ща* 200а, *сла́вна* 123г, *нечи́ста* 39б. Пск.: а. п. *с — кре̑пка* 294б, *све̑тла* 136, *тя́жка* 51б; старое ударение в *самà* 56, *не страшна́ ли* 85; а. п. *а — чи́ста* 5, *чю́дна* 15. В Пат. из а. п. *с* встретились только *на́га* 633б, *са́ма* 601а, 624в.

В некоторых микросистемах переход «*живà* → *жи́ва*» выражен не столь ярко. Печ.: а. п. *с — до́лжна* 94б, 213, *не̑ма* 20, 561б, *са́ма* 216, *сле̑па* 561б, *стра́шна* 8б, 80, 540б (все эти словоформы выступают в предикативной или полупредикативной функции), также *ди́вна* 8б, 247б, *хла́ᵊна* 137б, *ю́на* 56б; с другой стороны, *горкà* 116, *живà* (4×), *златà* 82б, *самà* (6×), *слаᵊкà* 115б, 548, *цѣлà* 60; а. п. *а — ве̑рна* 92б, *ма́ла* 415, *нема́ла* 318б, *по́лна* (3×), *ти́ха* 240б, *чи́ста* 58б. Аналогичная картина в Колм., только здесь в а. п. *а* наряду с *чи́ста*, *здра́ва*, *пря́на*, *си́лна*, *сла́вна* находим *чистà* 135, *доᵊгà* 226.

Общее представление о ситуации во всех остальных памятниках дает карта 9. Отметим, что новое ударение *чистà* встретилось, помимо уже указанных случаев, в Библ., Дом., Тих., Хлын., *полнà* — в Час., Сел., Сол., Костр., Пер., Ратн., *долгà* — в Хл., Хлын., Цел., *тихà* — в Ряз., *синя̀*, *нужнà* — в Цел. (вероятно, новым является также ударение *зѣ́лнà* Рж. 79б). Из архаизмов представляют интерес: *сы́та* Дом. 70, 73б, 95б, *пья́на* Дом. 113, *пра́ва* Ряз. 200.

Следует отметить также акцентные свойства нечленной формы И. В. мн. сред. на *-а*, поскольку в части микросистем она обнаруживает непосредственную акцентную связь с И. ед. жен. У прилагательных а. п. *с* эта форма в принципе имеет флексионное ударение в восточной зоне и наосновное в западной (как у существительных, ср. § 3.40). Поскольку, однако, эта форма имеет ярко выраженный книжный характер (в светских памятниках, например, Лет., Косм., Колм., Трав., Цел., ее просто нет), она очень часто получает собственно книжное наосновное ударение даже и в восточных памятниках. Помимо Чуд., флексионное ударение преобладает в И. В. мн. сред. на *-а* (в а. п. *с*) только в Ион., Новг., Увар., Костр.; заметную роль оно играет также в Тар., Ряз., Рж. В качестве единичных отклонений от нормы (1—2 примера) такое ударение встретилось еще в нескольких памятниках (в т. ч. даже западных — Сенн., Егор., Печ.). По-видимому, некоторые писцы, акцентуируя эту книжную форму, считали нужным приравнивать ее по ударению к И. ед. жен. Этим объясняются примеры: *полнà* И. мн. Хр. 1324б, Стар. 17, *по́лнà* Костр. 165; новое ударение явно проникло здесь из И. ед. жен. (невозможно предполагать в мертвой форме самостоятельную инновацию такого рода).

§ 3.54. Обратимся к остальным нечленным формам (из числа главных): ед. муж. и сред. и мн. В XVI—XVII вв. у прилагательных

а. п. *c* во всех этих формах господствует старое ударение, т. е. начальное. Материал чрезвычайно велик; мы вынуждены здесь ограничиться лишь несколькими иллюстрациями (без адресов). Так, например, безусловной нормой являются ударения: *бе́реж-енъ, -но, бо́ленъ, бо́льно, -ы, ве́селъ, -о, -ы, вла́сяно, во́щаны, де́белъ, -о, до́лж-енъ, -но, -ны, дре́вянъ, -о, -ы, ду́бовъ, зе́мленъ, -о, зо́лотъ, кро́токъ, кро́тко, -и, не́любъ, -о, не́мочно, не́мощ-енъ, -но, -ны, о́бое, пе́пелесо, пло́тянъ, -о, са́мо, -ы, -и, свѣ́телъ, свѣ́тло, су́ровъ, -о, те́менъ, те́мно, -ы*; преобладают также ударения *же́стокъ, -о, -и, кро́вавъ, -о, -ы*. Многократно встречаются *не́благъ, -о, не́крот-окъ, -ко, -кы, не́крѣпко, не́просто, -ы, не́скоро, не́худо, не́часто* (хотя представлены также примеры без оттяжек); из более редких отметим *не́лѣпо* Сенн. 217г bis, *не́лѣпо же* Дос. 279, *не́наго* Сенн. 177б, *не́спо*^{p} Увар. 500б, *не́спѣшно* Цв. III 193б, *не́тѣсно* Печ. 388.

У нескольких слов с неодносложной основой обнаруживается тенденция к индивидуальному переходу в другой акцентный тип. О словах *свободныи, пустошныи, временныи, трепетныи, кровавыи*, переходящих в а. п. *a*, см. § 3.52. Иное развитие обнаруживает *жестокии*: нечленные формы здесь в части микросистем переходят к флексионному ударению. Отмечены: *жестоко́* Чуд. 44г, *жестокѡ* Увар. 402б, Биб. 438, 467б, Дом. 64б, Матф. 84б, Хлын. 132б, Авв. 79б, 268б, *же́стокѡ* Авв. 219б (в Биб., Матф. также и *же́стоко*); *жестокѝ* В. мн. Хлын. 253 (ненадежно *жестокы́* В. мн. Рж. 23), *жестокꙋ́* В. ед. Биб. 429 (+ Цв. III 185б), *-а́* Р. ед. Увар. 302б, Биб. 431б. Соответственно этому также *жесто́*^{к} Чуд. 14а, *жесто́къ* Нил. Т 215б, Сенн. 194в, Биб. 420б, Тих. 73б, Матф. 101, 200, 201б bis, Колм. 149, Цел. 224, *жесто́к же* Лук. 99в, 103б, Авв. 92 (при этом в Сенн., Биб., Колм. встретилось также и *же́стокъ*). Суффиксальное ударение при ненулевом окончании практически отсутствует (только Егор. *жестѡ́ци* 377, Авв. *же́сто́ко* 250). Во всех прочих случаях (гораздо более многочисленных) представлены, в т. ч. в названных выше рукописях, *же́стокъ, -о, -и* и т. д. Флексионное ударение при ненулевом окончании отмечено только в памятниках восточной зоны и Чуд. При этом в Чуд., Увар., Цв., Колм., Цел. в членных формах старое ударение *жестокии́* уже сменилось на *жесто́кии*, т. е. это прилагательное здесь уподобилось или почти уподобилось группе *высо́кии, глубо́кии, широ́кии, дале́кии* (ср. § 3.56). По-видимому, влияние этой группы и является источником особой акцентной эволюции слова *жестокии*.

Еще дальше продвинулись к флексионному ударению нечленных форм местоименные прилагательные *таковыи, каковыи*: ударение *тако́въ, таковѝ, -ѡ́, -ы́, како́въ, каковѝ, -ѡ́, -ы́* повсеместно господствует. Старое ударение выступает регулярно только в Мер.: *таково* (8×) (энклиномен, см. Акц. Мер., § 62); но и здесь *такѡвъ* 223 отражает уже новое ударение. В более позднее время от старого ударения сохраняются лишь незначительные следы (прямые в нечленных формах или косвенные в членных): Сенн. *та́ковѣ* (по-види-

мому, И. мн.) 23, Лих. *та́ковъ* 51г, *-ы*^{и} 4в, *в ка́ковыя* 158б, Корн. *к та́ковым* 244, Дос. *та́ково* 229, *въ та́ковыя* 23б, Жит. *та́ково* 284б, *-оу* В. ед. 306, *-ы*^{х} 276б, Фер. *та́ковѡ* 822, Лет. *та́ковыи* 34б, Пат. *та́ковоу* В. ед. 591г, *ка́кова* мн. 594в, Хлуд. *ка́ковы* 127б, Смол. *та́ковыхъ* 126, Карг. *ка́ково* 83, Сол. *та́кова́я* 197, Костр. *та́кꙋвъ* 93, Пер. *та́ковы́й* 81б, *та́ковы́я* В. мн. 222б, Хлын. *та́ковы́и* 52, 141. В членных формах сдвига в сторону *тако́выи*, *како́выи* (характерного для староукраинского) в великорусских памятниках почти не отмечается. В некоторых случаях словам *таковыи*, *каковыи* акцентно уподобляются также слова *такыи*, *какыи*, ср. Чуд. *какѡ* 90б, *кацѝ* 132в, *такоꙋ* В. ед. 117б (+161б), *та|цѝ* 115в, Сенн. *тацѝ* 183а, *такы* В. мн. 133а, Прол. *такꙋ* В. ед. 43.

Помимо рассмотренных особых случаев, встречаются также отступления от исконного начального ударения, затрагивающие не слово в целом, а ту или иную форму.

В форме на *-о* (И. В. ед. сред. и наречие) таким отступлением является конечное ударение (модель *свѣ́тлѡ*); аналогичное нарушение изредка встречается и в а. п. *а* (например, *малѡ* вместо *ма́ло*). Приводим материал (по а. п. *с* и *а* вместе). Ближний запад. Мер.: *цѣ́лѡ* 97 (при *цѣ́ло* [3×]), *несвободнѡ* 31 (при *свободно* 68, 183б), *мнѡгѡ* 226б (при обычном *мнѡго*); возможно, сюда же *властельскѡ* 57, *нелѣ́потнѡ* 222б (Акц. Мер., § 48, 50, 57, 61). Лет.: *в чюжѡ* 93б, *те́мнѡ же* (2 уд.) 292 (при *те́мно* 336б, *тѣ́мно* 285), *мно́гѡ* (2 уд.) 167б (при обычном *мно́го*). Чет.: *надеснѡ* 21, *бѣ́совскѡ су́ще* 4б; ср. еще *ми́нулѡ* 18б. Хр.: *нi надеснѡ* 514б, *страшнѡ* 1252, 1268 (+193б), *чюднѡ* (13×: 225, 1232, 1244б и др.), *многѡ* 242, *мно́гѡ* (5×; наряду с *мно́го*, *мно́го*), *ярѡ* 1374 (чтение ненадежно), *тяжкѡ* 216б (б. уд.) (ср. *тя́жко* 691); ср. еще *оутаилѡ* 1297. Рум.: *немощнѡ* 673б, *не немощнѡ* 671б (при *мо́щно* 328б); ср. *провозвѣ́стилѡ ти ся* 330. Рж.: *земленѡ чтѡ* А 36. Ср. еще Сел. *потаилѡ* 555б. Памятники, расположенные неподалеку от ближнезападного района. Т. пс.: *дивнѡ* 180, *твердѡ* 18б, *часто́* 20, *мерзъскѡ* 27, *мнѡгѡ* 1, *мнѡгѡ* 44б. Муз.: *мнѡгѡ* 212, также *мнѡго*, *мнѡго* (10×) с узким *о* после *г*. Егор.: *веселѡ* 78б (при *ве́село* 35 bis). Пат.: *гоустѡ* 589в. Увар.: *страшнѡ* 816, *чюднѡ* 484б, 485б, 502 (при *стра́шно* [6×], *чю́дно* 486). Смол.: *малѡ* 57б (чтение ненаде́жно), *извѣ́стнѡ* 116. Москва, юг, юго-восток. Чуд.: *темнѡ* 33в. Цв.: *скоро́* 134б (при *ско́ро* [30×]). Дом.: *бережьнѡ* 83б (при *бе́режно* 98б). Трав.: *веселѡ* 453б. Ряз.: *мяккѡ* 98б. Ратн.: *мочнѡ* 15б, 18б, *вестнѡ* 214б. Дальний северо-восток. Хлын.: *мо́шнѡ* (2 уд.) 50б (при *мо́шно* 187б bis, *мо́щно* 145). Колм.: *толстѡ* 194, *во*^{а}*хкѡ* 214. Авв.: *крѣпкѡ* 77б, *та́инѡ* 222б. Особенно велик материал Цел.: *густѡ* 47, 179, *гу́стѡ* 258, *немочнѡ* 20б, *немощнѡ* 127, *свѣ́тлѡ* 169, 172, *свѣ́тлѡ* 172, *долгѡ* (8×), *до́лгѡ* 32б, *многѡ* (часто), *мно́гѡ* 40, *немногѡ* (3×), *толкѡ* 22, *чистѡ* 172б, также *ладнѡ* 84, *мѣ́лкѡ* (6×) (практически везде наряду с наосновным ударением); ср. еще *былѡ* 137б, *не далѡ* 92б. Следует учитывать, однако, что некоторые

из приведенных выше акцентовок (а именно, *темнѫ*, *мяккѫ*, *скорѫ*) могут относиться не сюда, а отражать старые акцентные варианты. Особо стоит Сенн. *древяно́ же* 162г, где могла отразиться древняя акцентовка сочетания с *же*.

В форме И. В. мн. аналогичное нарушение встречается гораздо реже: Чуд. *сиры* В. мн. 49б; Лет. *златы* 40б, *просты* В. мн. 44, *самы*^{ж} 31, *снѣжны* 282, *литы* 192б (ср. еще *кнѫжи́ бори́совы* 200б); Фер. *чюжы* В. мн. 946б; Чет. *оуны* В. мн. 10б; Рум. *зла́ты* 677, *дебелы* В. мн. 347; Трав. *обои* 79б, 117б, *трои* 220; Улож. *болны* 80б; Авв. *жи́рны* 235б; Цел. *сѣды* 14б. Ударение *чермны* Трав. 384б, 403 (+ Библ. 488б) непоказательно: оно возникло под влиянием синонимичного *красны* (ср. *чермна* Р. ед. Биб. 75б, *чермнѣ* В. дв. Хр. 45б).

Как видно из материала, новое ударение по модели *свѣтлѫ* встречается во многих районах (см. также карту 9), но ярче всего оно представлено на ближнем западе и, с другой стороны, в Цел. Ударение по модели *свѣтлы* отмечается тоже в основном в ближнезападных памятниках (Лет., Фер., Чет., Рум.).

Эти инновации естественно сопоставить с переходом от подвижности к флексионному ударению, наблюдаемым в нечленных формах нескольких групп причастий от глаголов а. п. *с*. Самый ранний переход такого рода дал ударение типа *прощенъ*, *прощена*, *-о*, *-ы* в *ен*-причастиях; ср. далее *да́нъ*, *дана*, *-о*, *-ы*, *прода́нъ*, *прода́на*, *-о*, *-ы* и т. п. в значительной части старовеликорусских микросистем (§ 3.69), ударение типа *дало*, *продало* в некоторых районах. Такую же эволюцию испытали нечленные формы прилагательных *таковыи*, *каковыи*, отчасти также *жестокии*, см. выше. Механизм инновации, по-видимому, состоит в выравнивании ударения по форме И. ед. жен. Следует предполагать, что такое выравнивание вначале распространяется только на ед. число, что создает акцентную оппозицию чисел. О возможности такого этапа говорит более широкое распространение модели *свѣтло* по сравнению с моделью *свѣтлы*, а также существование микросистем с акцентовкой типа *прода́на*, *-о* — *про́даны* (§ 3.69); особенно отчетливо акцентная оппозиция чисел выступает в некоторых случаях, где мн. число имеет окончание *-и*: *дала́*, *-о* — *да́ли*; *сама́*, *само* — *са́ми*. При мн. числе на *-ы* описанная ситуация оказывается, однако, по каким-то причинам не вполне устойчивой; одна из возможных перестроек состоит в полном обобщении флексионного ударения.

В современном языке ряд ударений по модели *свѣтло* вошел в литературную норму: *само́*, *светло́*, *темно́*, *смешно́*, ср. также *чудно́*. Большое число таких ударений (*весело́*, *холодно́*, *грязно́*, *можно́*, *мошно́*, *страшно́*, *туго́*, *цело́* и т. д.) выступает в говорах. Насколько можно судить, шире всего такие акцентовки представлены в южновеликорусском наречии (кроме Смоленской группы) и в восточных среднерусских говорах. В частности, к северо-западу и западу от Москвы граница зоны преобладания акцентовки *холодно́* проходит

примерно по линии Дмитров—Волоколамск—Вязьма—Брянск (Атлас Запад, карта 316); к северу от этой зоны преобладает *хо́лодно*, к западу — *холо́дно*.

Что касается ударений по модели *свѣ́тлы*, то в современном литературном языке их очень много (по крайней мере, в качестве допустимых вариантов), однако подавляющее их большинство — недавнего происхождения; вопрос о характере их связи с аналогичными акцентовками в XVI—XVII вв. требует дополнительного исследования.

В форме И. В. ед. муж. у прилагательных а. п. *с* встречается нарушение, состоящее в акцентовке типа *должёнъ* (вместо *до́лженъ*); аналогичная замена изредка встречается и у прилагательных а. п. *а*. Приводим материал (по а. п. *с* и *а* вместе). Северо-запад и ближний запад. Сенн.: *дивёнъ* 101в, 200б, *должёнъ* 86в, 153а, *длъжёнъ* (5×: 68б, 86в и др.; но 1 раз *длъженъ* 109б), *странёнъ* 122а, *страшёнъ* 76в, ср. также *словесёнъ* 134б, *бесцѣнёнъ* 134а. Т. пс.: *дивёнъ* 150б, 177, 183, *ди́вёнъ* 82 (но *ди́венъ* 106), *на поу*^{т} *мирёнъ* 160б (но *ми́ренъ* 134). Час.: *ясёнъ* 278б (возможно, сюда же *храбо́ръ* 305, с аналогическим /о̂/). Лих.: *дивёнъ* 173б, *страшёнъ* 45г, 219г (но *ди́венъ* 110в, *стра́шенъ* 5в, 141а). Новг.: *дивёнъ* 120, 165б, 244, 274б, *страшёнъ* (5×: 135б, 157 и др.). Лет.: *свободёнъ* 64, *страшёнъ* 171б (+285, 309) (но *стра́шенъ* 240, 247), *чю́дѣ*^{и} (2 уд.) 152б. Пск.: *кротóкъ* 139 (если это инновация, а не старый акцентный вариант; ср. *кро́токъ* 50б), *подобёнъ* 6. Стар.: *немощёнъ* 3б (ср. *храбо́ръ* 17). Дальний северо-восток. Лук.: *страшёнъ* 253г. Хлын.: *горёкъ* 21 (если это инновация, а не старый акцентный вариант). Авв.: *приалчёнъ* 206 (ср. еще *ко́сенъ* 229 и *косёнъ* 50б). Цел.: *ясёнъ* 278б. Прочие — Увар. *земёнъ* 483б, *свободёнъ* 521б, Библ. *до*$^{\Delta}$*жёнъ* 968б (ср. *до́лже*^{м} [2×]). Во всех этих памятниках господствует или по крайней мере преобладает обычная акцентовка. Например, даже в Сенн., где данное явление представлено ярче всего, мы находим *бо́ленъ*, *бѣ́сенъ*, *го́рекъ*, *кро́токъ*, *крѣ́покъ*, *мо́щенъ*, *не́мощенъ*, *мра́ченъ*, *свѣ́телъ*, *че́рменъ*, *че́стенъ*.

Как видно из материала, модель *должёнъ* развивалась в основном на северо-западе, существенно слабее на дальнем северо-востоке; в прочих районах ее почти нет (см. карту 9). Источником инновации скорее всего было влияние нечленных форм прилагательных типа *красны*, *легки*. В западной зоне у них преобладала акцентовка *красёнъ*, *кра́сна*, *-о*, *-ы*, *легóкъ*, *ле́гка*, *-о*, *-и* (см. § 3.57), тогда как в а. п. *с* и *а* здесь выступали *до́лженъ*, *до́лжна*, *-о*, *-ы*, *си́ленъ*, *си́льна*, *-о*, *-ы*, т. е. отличие было только в ед. муж. Разумеется, можно было бы ожидать и противоположного выравнивания (*кра́сенъ*, *кра́сна*, *-о*, *-ы*), и оно действительно встречается в части микросистем (Пск., Печ., Ик., Ратн., см. § 3.57). Примечательно, однако, что как раз в этих микросистемах модель *должёнъ* отсутствует.

Новые ударения типа *должёнъ*, *силёнъ* обнаружили впоследствии значительную жизнеспособность: насколько можно судить по имеющимся разрозненным и крайне неполным данным, они известны

в настоящее время у довольно большого числа прилагательных на весьма обширных территориях. Ограничимся лишь одним ярким примером: в кашинском говоре (Смирнов, с. 110—111) представлены *грозён*, *должóн*, *жырён*, *силён*, *смирён*, *скромён*, *страшóн*, *чудён*, *кисёл*; показательно, что в этом говоре такое ударение выступает в *лёгóк*, *коротóк*, *волён*, *грѣшóн* (где оно исконно), а также в *добёр*, *храбёр*, *мудёр*, *мокóр*, *быстёр*, *востёр* (где гласная эпентетическая).

Что касается второстепенных нечленных форм, то мы ограничимся здесь лишь констатацией того, что в подавляющем большинстве случаев они имеют наосновное ударение (даже и в такой форме, как Р. ед. жен., где первоначально было флексионное ударение). В самом деле, здесь почти всегда в одну и ту же сторону (а именно, в сторону наосновного ударения) направлены фактор традиции и фактор книжности. Относительно формы И. В. мн. сред. см. § 3.53.

Нечленные формы прилагательных а. п. b

§ **3.55**. Акцентуация нечленных форм исторической а. п. *b* в конкретных микросистемах XVI—XVII вв. определяется взаимодействием двух факторов: 1) сохранение исконного флексионного ударения; 2) тенденция к сближению с тем унифицированным типом акцентовки, который вырабатывается в данной микросистеме для прилагательных исторических а. п. *c* и *a*. Практически это означает, что в восточной зоне в нечленных формах а. п. *b* происходит сдвиг в сторону подвижного ударения, в западной — в сторону неподвижного предфлексионного. Понятно, что в западной зоне речь идет фактически о дефинализации. В восточной зоне в целом перевешивает фактор традиции, в западной зоне во многих микросистемах перевешивает тенденция к новому ударению. Во второстепенных формах переход к новому (предфлексионному) ударению повсеместно проходит интенсивнее, чем в главных.

Ниже приводится материал по непроизводным прилагательным а. п. *b* (с добавлением слов *тяжелыи*, *студеныи*, которые по акцентуации не отличаются от непроизводных) в Чуд. и в некоторых достаточно показательных памятниках XVI—XVII вв. В последних опущен материал по слову *щедрыи* (которое почти везде было переведено в а. п. *a*, вероятно, в связи с его книжным характером), а также по некоторым словам с недостаточно ясной или неустойчивой исторической а. п. (*глупыи*, *скупыи*, *быстрыи*, *хитрыи* и др.); словоформы И. В. ед. муж. приводятся лишь выборочно.

Чуд.: *бѣлà* 151в, *-оу̑* В. ед. 25в, *-ó* 16б, *-ы́* 43а, *-ы* 150б, 150г, *голо̀* 115а, *добро́*, *-à* Р. ед., *-оу́* Д. ед., В. ед., *-ѣ́* М. ед., *-ѝ*, *-ы̀*, *-а̂* В. мн. (часто), *добрѣ̀* нареч. (часто), *дряхлà* И. дв. 40г, *за злò* 85а, *ѡ̾ злà* 85а, *о злѣ̀* 50г, *и злоу̑* В. ед. 144в, *лютó бо* 93г, *лютѣ̀* нареч. 33г, *мертвá* 81г, *-о̂* 103а, *-оу̑* В. ед. 61б, Д. ед. 79в, *-ы* 125б, *-á* И. дв. 56а, *в полы мертвá* В. ед. 32г, *мр̄твы̀* 16б, *-ы* 102а, 125б,

-ы 131а, *моудрѝ* 99б, *-ы* 107в, *не мдрѝ* 126г, *обоюдоу остро́* 149б (+ 157б), *обоюдоу острà* Р. ед. 144а, *ни студѐнъ* 150в, *ни тéплъ же* 150в bis, *не то́щь* 132в, *вотщѐ*, *не вотщѐ* (часто), *хром^{ꙋ}* Д. ед. 21б, *чернô* 151в, *и щéдръ* 83а, *щедрû* 29в; новое ударение только в *до́брѣ* нареч. 123г.

Образцы микросистем XVI—XVII вв. Микросистемы восточного типа. Хр.: *багрô* 'багрово' 37, *белô* 383, *белó же* 206б, *до́бръ* 50б, 317б, 1259, *добрà* (4×), *-о* 592 (+ 1121), *-оꙋ* Д. ед. 1227б, *зелéнъ* 1282, *зеленô* 1268б, *на зеленô* 1272б, *зóлъ* (4×), *злô* (часто), *мертвó мясо* 1175б, *мертвô* 1420, *-à* В. ед. 1403а, *ѡстры* 1255б, *-ы* (В. мн.!) 33б, *пестры* 208б, *теплоꙋ* В. ед. 1426б, *то́щь* 514, *тщоꙋ* В. ед. 655; наосновное ударение в *цвѣта бѣла* Р. ед. 402б, *мéртва* В. ед. 577 (полупредик.), 927б (атрибут.), *до́брѣ* нареч. 732, 1139, 1338б. Косм.: *бѣлы* 53б (также в составе *белô ѡзеро*, *в белѣ городе* и т. п.), *добрà*, *-о*, *-ы* (5×), *добрѣ* нареч. (часто: 3б, 6, 25 и др., при единичном *до́брѣ* 146), *круглà* 135, *мокрà* 53, 56, *теплà* 5, *студенà* 18б, *тяжелà* 133б, *-о* 35б, 112б, *хорошó* 93б, *черны* 24. Трав.: *бѣлà*, *-о*, *-ы* (16×), *добрà* 8б, 500, *-о* (часто), *недобрѣ же* нареч. 448б, *желтà* 435, 442, *зелéнъ* 468б, *зеленà* 111, 216б, *-ы* 107, *круглà* 242, *лютà* 15, *мокрà* (4×), *-о* (10×), *-ы* 489, *ѡстръ* 75б, *ѡстрà* 203б, 303б, *-ы* 81б, *пестрà* 82б, *студенô* (3×), *-ы* 497, *теплà* (7×), *-о* (часто), *-ы* 489, 501, *тяжéлъ* 453, *не тяжелô* 450, *тяжелô* 452, *-ы* 500, *на тщѐ ср^{о}це* 165б, 538, *хорошй* 307, *чéрнъ* 265б, 270, *чернà* 100б, *-о* (3×), *-ы* (3×); наосновное ударение (по образцу а. п. с) — *бóдро ѡко* 8, *знáмя дóбро* 457б, *дóбро* 534 (предик.), *дóбрô* 497 (предик.), *дóбрѣ* нареч. 460, *зéлены* 319, *крýгло* 521б, *лю́то* 8, *-а* В. мн. 10, *-ѣ* нареч. 9, *мéртво дитя* 322 (+ 215б), *мóкро* 490, ср. также *нá тще ср^{о}це* 114б. Колм.: *бѣлà*, *-о*, *-ы*, *-ꙋ* В. ед. (8×), *во^{а}хлà* 238, 256, *-о* 256, *вѣщй* 27, *добрà*, *-о* (часто), *добрѣ* нареч. (14×), *же^{а}тà* 52, *зелéнъ* 224, *зеленà* 37, 236, *-о* 100, *-ы* 223, *круго́лъ* 107, *кругло* 70, 102, *-ы* 99, 240, *мокры* 98, *вопчѐ* 31, 133, 159, 240, *плоскй* 197, 202, *резóвъ* 50, *рѣзвы* 104 (+ 238), *студéнъ*, *студенà*, *-о* (8×), *теплô* 186, 189, *тощѐ* 80, *тощô* 149, *тяжéлъ* (3×), *че^{р}нà*, *-о*, *-ы*, *-ꙋ* В. ед. (13×); наосновное ударение — *дóбрô* 26 (полупредик.), *дóбрѣ* нареч. (7×), *óбще* 117, *то́ще* 210, *-и* 103, 249, *тя́желы* 254, кроме того, регулярно *лю́то*, *-ы*. Цел.: *бѣлà* (3×), *-о* (5×), *-ы* (2×), *волглô* 14, 16, *наголô* 69, *добрà*, *-о* (часто), *добрѣ* нареч. (13×), *зелéнъ* 236, 258, *зеленô* 258, *круглà* 178, *мокрà* (3×), *-ѡ* 9б, *пестрô* 166б, *травà острô пестрô* 104, *студéнъ*, *студенà*, *-о*, *-ꙋ* В. ед. (12×), *теплà* 115, 199б, *-о* (часто), *в теплѣ* 41б, *тяжéлъ* 267б, *тяжелô* (3×), *на тщꙋ утрóбу* (часто), *на тощꙋ утрóбу* (часто), *на тщѐ ср^{о}це* 182б (+ 227б), *чернà* 217, 218б, *-о* 199; наосновное ударение — *бѣла* Р. ед. 52, *дóбрô* 43б (предик.), *дóбрѣ* нареч. (8×, также *дóбрѣ* 37, 40б), *зéлено* 257б, *зéлена орѣха* 249,

же́лта 261 (предик.), *в те́пле* 262б, *на́ тще ср^{д}це*, *на́ тше ср^{д}це* (4×), *че́рны* 8б, также *лю́то* 36б.

Приведенные образцы дают достаточно ясное представление о ситуации в памятниках восточной зоны. Сходная картина обнаруживается также в ряде памятников промежуточной полосы и кромки западной зоны (в частности, в Новг., Лет., Печ.). Между микросистемами имеются некоторые различия (сравнительно небольшие) по степени распространения новых акцентовок типа *ме́ртво*, *ме́ртвы*, возникших под влиянием а. п. *c*. Разные лексемы обнаруживают различную сопротивляемость данной инновации. Быстрее прочих переходят к акцентовке нечленных форм по образцу а. п. *c* прилагательные *лютыи*, *мудрыи*, *зеленыи* (это отчасти можно видеть и по приведенным образцам). Напротив, например, прилагательное *добрыи* сохраняет старое ударение довольно устойчиво.

Микросистемы западного типа. Егор.: *до́бры* 493, *-и* 207, *-а* мн. 388б, *-ѣ* нареч. (часто), *лю́та* (3×), *-о* (3×) (также *-у*, *-и* и др. формы [часто]), *мр҃тву* Д. ед. 72, 311б, *мо́у́дра* В. ед. 9, *-и* 180б, 181б, ѡстро 213, *те́пла* 393б, *-у* В. ед. 249, *-ѣ* нареч. 199, *че́рна* Р. ед. 538; флексионное ударение — *добро́*, *-о́* (часто), *-а́* Р. ед. 384, И. мн. 477б, *недобра́* мн. 366, *предобрѡ* 263, *тепла́* 393б. Пск.: *до́бры* 18, *-ѣ* нареч. (часто), *лю́та* 24б, *-о* 29б, 34 и др., *-ы* (3×), *-ѣ* нареч. 98б, *ме́ртва* В. ед. 40, *му́дрѣ* нареч. 49б, 101б, *нему́дроу* Д. ед. 66б, ѡбоюдоу ѡстро 74б, *те́плѣ* нареч. 6б; ср. также *во́тще* 151б; флексионное ударение — *добро́* 58б bis, 265б. Аналогичная картина в Ег., Карг. (в ряде западных памятников слишком мало материала). Как можно видеть, слово *добрыи* в значительной мере сохраняет старое ударение даже в западных микросистемах.

Нечленные формы «группы высоко»

§ 3.56. Отдельно от основной массы прилагательных исторической а. п. *b* следует рассматривать нечленные формы с основами *высок-*, *глубок-*, *широк-*, *далек-*; мы будем обозначать их как нечленные формы «группы *высоко*» (как и в прочих подобных случаях, в рассмотрение входят также наречия). Принадлежность «группы *высоко*» к а. п. *b* не первоначальна, см. § 2.25. У слова *высокии* следы более раннего ударения (корневого) еще в ряде случаев сохраняются (как в членных, так и в нечленных формах): Чуд. *вы́сокою* 67в; Час. *вы́сокою* 231 (ср. *высо́кая* и др. [4×]); Т. пс. *вы́сокъ* 109 (ср. *высо́къ*, 122б, *высо́къ* 109), *вы́со́кою* 139 (ср. *высо́кы*^{x} и др. [5×]); Сенн. *вы́соко* 182а (ср. *высо́ко* [6×]); Лих. *вы́сокъ* 261б, *вы́соко* 237в (ср. *высока́*, *высо́ку* и др.); Ион. *вы́соцѣ* нареч. 617б (ср. *высокы́*, *-а́* мн.); Корн. *вы́сокое* 196б (ср. *высо́кое* 387); Стар. *вы́соку* В. ед. 110б, *вы́сокая* 82, также *вы́соче* нареч. 93 (ср. *высока́*, *высо́ку*, *высо́кую* и др.); отметим еще Смол. *вы́сокопа́рьство* 171б.

Если не считать этих реликтов, в данной группе возможны две акцентовки: флексионная (например, *высо́къ*, *высока̀*, *-о̀*, *-ѝ*) и суффиксальная (*высо́къ*, *-а*, *-о*, *-и*); в соответствующих членных формах ударение в обоих случаях суффиксальное.

Второстепенные нечленные формы в данной группе преимущественно сохраняют акцентовку главных. Лишь формы на *-ѣ* (наречие, М. ед. и др.) сравнительно часто обнаруживают суффиксальную акцентовку при флексионной в главных формах (ср. также § 3.51 о примерах типа *на высо́кѣ мѣ́стѣ*). Ниже при оценке микросистем учитываются как главные формы, так и второстепенные, кроме форм на *-ѣ*, имеющих суффиксальное ударение (последние иногда просто опускаются). Не учитываются примеры с приставкой *пре-*, если они имеют суффиксальное ударение (*превысо́ки* и т. п.), поскольку такое ударение может определяться их книжным характером и потому непоказательно.

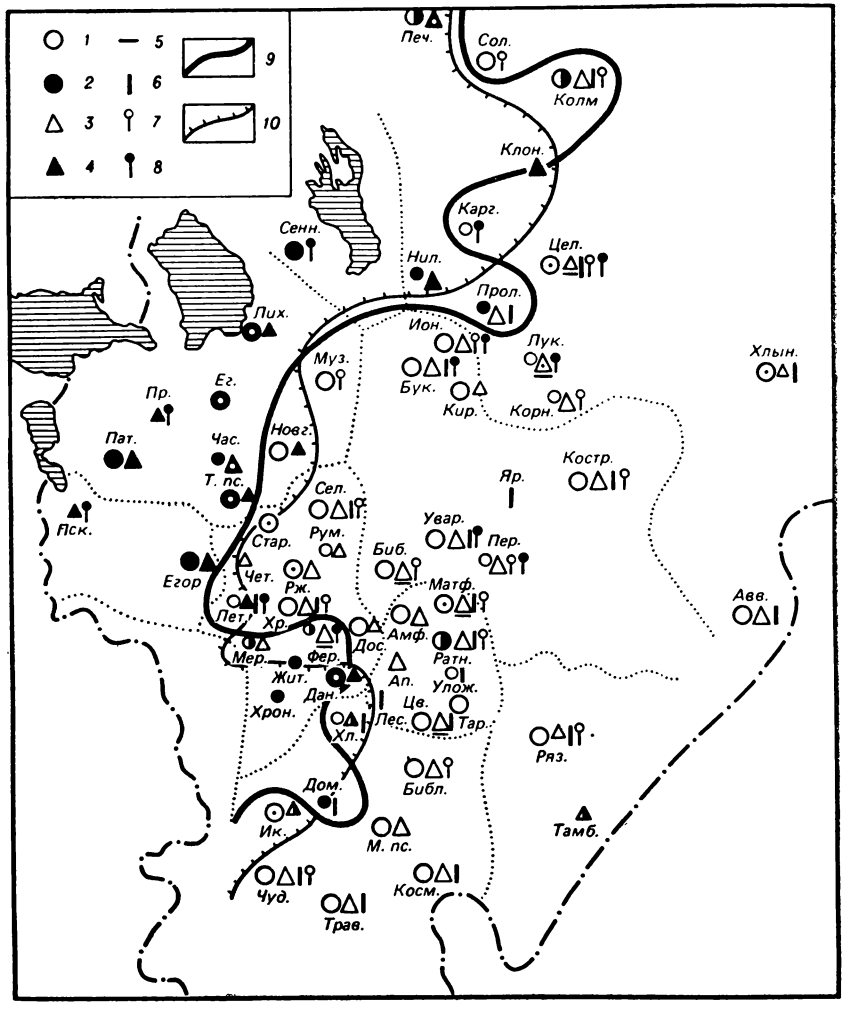
Как видно из карты 10, ударение типа *высокѝ* представлено в восточной зоне, типа *высо́ко* — в западной. Показанная на карте основная восточная граница господства или значительного распространения ударения типа *высо́ко* примерно соответствует границе западной зоны.

Образцы микросистем восточного типа. Чуд.: *высокы̑* В. ед. 10а, 27г, *-оы̑* 158б, *глубокоы̑* Д. ед. 40в. Косм.: *высока̀* 6б, 7, *-о̀* 11, 153, *-ѝ* 6б, 96, *-ы̀* В. ед. 22б (ср. *на горѣ высо́ке* 128б), *глубока̀* 46, *-о̀* 6б, *неглубока̀* 190, *широка̀* (5×: 63 и др.), *-о̀* 63, 152. Цв.: *глубокѝ* II 67, *-ы̀* Д. ед. II 27б, 38, III 61, В. ед. 209, II 44, *глубоцѣ̀* М. ед. III 237б (ср. *высо́цѣ* М. ед. 35), *широка̀* 161б, II 9. Бук.: *превысо́кь*, *превысока̀*, *-о̀*, *-ы̀* 209, *глубо́кь*, *глубока̀*, *-о̀* 157, 193, *-ы̀* 193, *широ́кь* 195, *широка̀* 185, 230, *-о̀* 185. Авв.: *высокѝ* 235, *глубокѝ* 283б, *далекѝ* 234б bis, *широкѝ* 54, 235.

Образцы микросистем западного типа. Сенн.: *высо́ка* И. ед. 206г, В. ед. 106г и др., *-о* (6×: 13в и др.), *-оу* Д. ед. 89г, В. ед. (7×: 19б и др.), *глубо́коу* Д. ед. 141б, 145б, 217в, *широ́ка* И. мн. 32в. Час.: *высо̑ко* 241, также *глубо̑цѣ* М. ед. (3×). Т. пс.: *высо̑ка* И. ед. 152б, В. ед. 165б, *глубо̑ко* 78б, *широ́ка* (2 уд.) 129б (наряду с *высока̀* В. ед. 102). Егор.: *высо́ко* 102, 262, 529б (+ 93).

Рассмотрим также некоторые примеры сосуществования двух акцентовок. В Печ. в главных формах ударение флексионное: *высокѝ* В. ед. 241б, нареч. 314, 544, также *превысока̀* 304б; во второстепенных формах ударение почти всегда суффиксальное: *глубо́ку* Д. ед. (5×: 236б и др.), В. ед. 129б, 463б, *высо́ка же* В. мн. (?) 314, также *на высо́цѣ мѣ́стѣ* 144, 403б, *высо́цѣ* нареч. 422б, *въ ста́рости глубо́цѣ* 562; иначе *высока̀* В. ед. 288.

Более сложная картина представлена в Колм. В предикативной и полупредикативной функциях здесь выступают: *высока̀* 138, *-ѝ*

Карта 10. Ударение нечленных форм «группы *высоко*» и «группы *красно*»: *1* — в нечленных формах «группы *высоко*» ударение флексионное (формы на *-ъ̀* не в счет); *2* — в нечленных формах «группы *высоко*» ударение суффиксальное; *3* — в нечленных формах слова *красныи* ударение флексионное (*краснъ̀*, *красни* не в счет; отклонения в *красны*, *красну* В. ед. отражаются знаком 5); *4* — в нечленных формах слова *красныи* (кроме И. В. ед. муж.) ударение предфлексионное; *5* — отмечено *кра́сны* и/или *кра́сну* В. ед. (при общем преобладании флексионного ударения у данного слова); *6* — отмечен хотя бы один пример флексионного ударения в нечленных формах слов *равныи*, *разныи*, *вольныи*, *умныи*; *7* — отмечено *легкд* и/или *легкѝ*; *8* — отмечено *ле́гко* и/или *ле́гки*; *9* — восточная граница зоны преобладания или значительного распространения суффиксального ударения в «группе *высоко*»; *10* — восточная граница распространения ударения *кра́сна*, *кра́сно*.

(10×: 60, 94 и др.), *глубокà* 60, *-ù* 9, *широкà* 3, 116, 138, *-ò* 80; с другой стороны, *высóки* (13×: 32, 64, 89 и др.), *глубóка* 196, *широ́ка* 12 (также 254?), *-и* 201; в ед. жен. здесь доля флексионного ударения заметно выше, чем во мн. числе, что явно связано с влиянием прилагательных а. п. *с.* В атрибутивной функции: *высокà* 83, 98, 164, 243; с другой стороны, *высóка* (10×: 32, 67, 76 и др.), *-о* 190, *-и* 64 bis, 89, *-у* В. ед. 225, *глубóки* 129, *широ́ка* 91, *-и* 80, 129; таким образом, в атрибутивной функции здесь господствует суффиксальное ударение. В наречной функции: *высокò* 24, 136, 240 (+27), *глубокò* 254, *далекò* 57, 254; с другой стороны, *высóко* 79, 191, *широ́ко* 7, *далéко* (7×: 45, 51 и др.), *недалéко* (20×, ср. § 3.9), также *неподалéку* 61.

Общее представление о показаниях прочих памятников дает карта 10.

В современном языке ударения *высокó* (*висóкó*), *широкó* господствуют на юго-востоке великорусской территории; в остальных зонах преобладают ударения *высóко*, *широ́ко* (они представлены также в белорусском языке, тогда как в украинском господствуют *ви́соко*, *ши́роко*, также *гли́боко*, *да́леко*). Из сравнения этих данных с картой 10 видно, что ударения типа *высóко* получили широкое распространение на северо-востоке лишь после рассматриваемого периода. Микросистема позднего северо-восточного памятника Колм., рассмотренная выше, дает некоторое представление об этом процессе.

Нечленные формы «группы красно»

§ **3.57**. Особо стоят нечленные формы прилагательных с суффиксами **-ьн-*, **-ъk-* (нередко уже сросшимися с корнем), у которых в праславянском ударение падало на гласную суффикса (например, **krasьnъ*, *-а*, *-о*). Все они подверглись тем или иным аналогическим перестройкам. Значительная часть из них уже не обнаруживает в старовеликорусском никаких отличий от производных с исконным корневым ударением, например, *скóтенъ*, *скóтна*, *-о*, *-ы* как *слáвенъ*, *слáвна*, *-о*, *-ы*. Такие слова мы ниже не рассматриваем. Имеется, однако, группа слов, у которых обнаруживаются (хотя бы иногда) результаты иной перестройки, а именно, флексионное (в И. В. ед. муж. — суффиксальное) ударение. Нечленные формы таких слов мы обозначаем ниже как «группу *красно*». Сюда входят прежде всего нечленные формы (и наречия) с основами *красн-*, *равн-*, *ровн-*, *разн-*, *вольн-*, *умн-*, *грѣшн-*, *хвальн-*, *давн-*, *легк-*, *узк-*, *коротк-*. В отдельных памятниках имеются примеры такой же акцентуации у некоторых других слов описанного происхождения.

В XIV в. засвидетельствованы две различные системы акцентовки рассматриваемых нечленных форм. В Чуд. при односложной производящей основе последовательно проведено флексионное ударение: *бѣднò*, *волнò*, *к грѣшноу̂*, *грѣшнû*, *краснò*, *-ûю*, *-ы*, *в роуднѣ̀ одéжи*, *хоулнâ* Р. ед., *клоснý* Д. ед., *неклоснâ* Р. ед., *праздни́*, *-оу̂* Д. ед., *равѐнъ*, *равнó*, *-ô*, *-ú бо*, *-à* В. ед., В. мн. (отклоняются только

пра́здни 137в, *ра́вна* И. мн. 24б), см. Акц. Мер., § 59; также *легкѡ* 160г. С другой стороны, в Мер. флексионное ударение представлено только в *краснѡ* 200, *разнѡ* 46, 151, тогда как в *вѡлно*, *ключно*, *трудно*, *хулно*, *равно*, *праздно* выступает наосновное ударение; в *ровенъ* 27б ударение на *е* (см. там же). При неодносложной производящей основе ударение в обеих системах наосновное (*живо́тноу* Д. ед. и т. п.).

В XVI—XVII вв. различаются флексионный и наосновный (а именно предфлексионный) типы акцентовки рассматриваемых нечленных форм. Второстепенные формы в «группе *красно*» получают предфлексионное ударение несколько чаще, чем в «группе *высоко*» (так, помимо форм на *-ѣ*, такое ударение почти всегда имеет И. мн. на *-и*). Ниже при оценке микросистем учитываются как главные формы, так и второстепенные, кроме форм на *-ѣ* и *-и*, имеющих предфлексионное ударение. Слово *прекрасныи* учитывается только в тех немногих микросистемах, где оно не перешло в а. п. *а*.

Нечленные формы от основ *равн-*, *разн-*, *грѣшн-* в большинстве микросистем имеют предфлексионное ударение книжного происхождения (*ра́венъ*, *ра́вна*, *-о*, *-ы* и т. д.). Соответственно, они представляют интерес для характеристики памятника только при флексионном ударении.

Рассмотрим вначале нечленные формы с ненулевым окончанием (относительно И. В. ед. муж. см. отдельно в конце параграфа).

Особое место в «группе *красно*» занимает слово *красныи*. По своему акцентному поведению оно более всех прочих приближается к обычным прилагательным а. п. *b*. Акцентовка этого слова отображена на карте 10. Как можно видеть, восточная граница ударения *кра́сна*, *-о*, *-ы* почти совпадает с границей западной зоны. Приведем для иллюстрации материал нескольких памятников.

Образцы памятников с флексионным ударением. Ион.: *красна́* С 155б, *-о́* 591б, 613 (+56б), *некрасно̀* 508, *красна́* В. ед. 427 (+587б), *-у́* В. ед. 190б. Библ.: *красна̀* 975, *-о̀* 582 (ср. *кра́сни* 687б). Хр.: *красно̀* 38б (+1328), *-ы́* В. мн. 933, *-ѣ́* М. ед. 1285. Косм.: *красна̀* (4×: 27б и др.), *-о̀* 24б, 121, 126б, *-ы́* 178б, 185, *-а́* В. ед. 25, *крас*ну̀* В. ед. 40б. Цв.: *красна̀* III 73б, *-о̀* (8×: 63, 209 и др.), *-ы́* 202б, III 146 (однако также *кра́сны* 81, 94б, 200б, под влиянием прилагательных а. п. *с*), *красна̀* В. ед. III 160б. Колм.: *красна̀* (6×), *-о̀* (5×).

Образцы памятников с предфлексионным ударением. Нил.: *кра́сно* Т 68, *-у* В. ед. Т 13. Т. пс.: *кра́сно* 137б. Егор.: *кра́снѡ* (5×: 269, 322б и др.), *-ы* 22, *-а* В. мн. (3×: 283 и др.). Пат.: *кра́сно* 577а, 600а, *-а* Р. ед. 647а, В. мн. 585б, *-оу* В. ед. 600а. Клон.: *кра́сно* 238, *-а* мн. 359. В Час. при *кра́сно* (4×: 267, 294б и др.) находим также *красна̀* 293 — очевидно, под влиянием прилагательных а. п. *с*. Аналогично в Печ.: *кра́сна бѣ* 169б, 175б, но также *красна̀* 127,

480; прочие формы — *крáсно* 247б, *-ы* 174б, 193б, 559, *-а* В. ед. 275, *-у* В. ед. 15б, 261.

Сходное, но не тождественное распределение акцентовок обнаруживает прилагательное *легкии*; оно показано на карте 10. Как можно видеть, в ареале с моделью *крáсно* представлено только *лéгко*, *-и*; в ареале с моделью *краснò* безусловно преобладает *легкò*, *-ù*, однако иногда встречается и *лéгко*, *-и* (в Фер., Увар., Лук., в качестве акцентного варианта также в Пер., Ион., Цел.). Приводим материал: *легкò* Библ. 676б, Ряз. 308, Ратн. 121б, Матф. 56, 88б, Сел. 585б, Биб. 218, 445, Бук. 165, Костр. 208б, Корн. 68, 68б, 442б, Сол. 9 (см. также выше о Чуд.), *легкô* Муз. 42, *легкó* Хр. 75б, *легкà* Бук. 165, 203, Трав. 500, *легкы̀* Бук. 203, *легкù* Колм. 8, 161, 192 (+8), *легкú же* Матф. 56 — *лéгко* Сенн. 32г, 49г, Лук. 150г, Фер. 486, Увар. 480б bis, 824, Пск. 70, 92, 349, *лéгкы* Сенн. 50а, Карг. 506 (В. мн.), *лéгки* Пр. 265в (В. мн.), Лет. 333. В нескольких микросистемах встретились обе акцентовки: Ион. *легкò* предик. 256б — *лéгко* нареч. 560, В. ед. 38, *лéгкы* В. мн. 506; Пер. *лéгко есть* 237б — *легкы̀* 70б; Цел. *легкò* 241б (+32) — *лéгко* 181, 232, *лéхко* 265, *лéхка ѣствá* 231б.

У слова *равныи* флексионное ударение нечленных форм отмечено в большинстве памятников восточной зоны и промежуточной полосы — Чуд., Лес., Хл., Цв., Дом., Трав., Ряз., Ратн.; Хр., Сел.; Увар., Бук., Яр., Костр.; Прол., Хлын., Авв., Колм., Цел. (причем в большинстве этих памятников встретились также и примеры наосновного ударения). Приведем несколько иллюстраций. Хр.: *равнà* И. ед. 1243, И. мн. 7б, *равнô* (8×: 17, 115 и др.). Цв.: *равнò* II 74б, III 45б, *-ы̀* 199, III 239, *-à* В. ед. III 33б, но также *рáвно* 111, *-а* В. ед. II 58, III 96, *-у* В. ед. 58, *-ѣ* М. ед. III 150. Авв.: *равнò* 153 при более обычных *рáвна* 10б, 195, *-о* 153, *-ы* 11б, 74, 111б. Только наосновное ударение встретилось в западной зоне, но также — в качестве книжного — в ряде восточных памятников (ср. также возможность такого ударения во многих памятниках, названных выше).

Для *ровныи* флексионное ударение нечленных форм отмечено в Лет., Хлуд., Ратн., Улож., Колм., Цел., например, *ровнò* Ратн. (часто) (+Лет. 337б, Улож. 62б), *неровнò* Колм. 125, 216, *ровнà* Колм. 63, 92, *-ы̀* Колм. 223, *поровноȕ* Ратн. 42 (+Улож. [3×], Цел. [10×]). Наосновное ударение отмечено лишь в Косм. *на рóвнѣ* ‘на ровном месте’ 152, Колм. *рóвны* 243, *нерóвно* 241, Цел. *порóвну* 59, 71.

Для *вольныи*: *волнó* Лет. 314б, *волнò* Увар. 729б, 840, Цв. 18, Косм. 102б, Ратн. 212, 218, Колм. 145, 161 и др., *вольнò* Улож. (часто), Матф. 211, *неволнò* Колм. (5×: 141 и др.), *вольнà* Улож. 216б, *волны̀* Колм. 24, 66. С другой стороны: *вóлно* Колм. 56, *невóлно* 79, 141, *вóлны*ж Лет. 301 (см. также выше о Чуд. и Мер.).

У слова *давно* (также *недавно*, *издавна*, *отдавна*, *вдавнѣ*) флексионное ударение представлено в Прол., Увар., Лет., Косм., Трав., Ратн., Колм., Авв.; один раз также в западном памятнике: Егор.

издавнà 479. Специально отметим Косм. *недавнò* (5×: 32, 42б и др.). Наосновное (или колеблющееся) ударение: Жит. *дáвно* 286, Пск. *издáвна* 48, Клон. *издáвна* 91б, Сол. *издáвнà* 147б, Цел. *недáвно* 265б, *недáвнò* 221 (ср. *и*^{з}*давнà* 250); о соотношении *давнò—недáвно* ср. § 3.9.

Прочие примеры флексионного ударения единичны: Бук. *грѣшнà* 156, 192, *прегрѣшны* 209б, *оумнà* 177б, *-ò* 177б, 220, *-ы* 220; Цв. *оумнò* III 172; Ряз. *разнò* 58б; Ратн. *умнỳ* 213, *порожнò* 108б, *коротκò* 58б; может быть, сюда же *поз*^{д}*нô* (б. уд.) Хр. 1340б; И. ед. *узкà* отмечен в Ион., Ик., Бук., Матф. Наосновное ударение в нечленных формах прилагательных *грѣшныи*, *разныи* (также *узкии*) встречается во многих памятниках. Из прочих отметим Цв. *оýмно* 30 (+Матф. 7б), Дом. *оýмны* 54б, Ратн. *порóжна* 112, *-и* 172, *корóтко* 57, также Косм. *рóзно* 8б, 29, Трав. *рóзны* 330, 458, 496б.

Обратимся теперь к нечленной форме И. В. ед. муж. Исконное ударение на втором слоге лучше всего сохраняет словоформа *легокъ*: отмечено *легóкъ* Сенн. 59г, 182в, 187в, Прол. 31, Лет. 30 (+75б, 155), Бук. 203, Трав. 459б, Печ. 333, Ратн. 71, Матф. 106б, Колм. 91, Цел. 21б, 195, 268, также *легôкъ* Час. 228 (с аналогическим /ô/); ударение *лéгокъ* не встретилось вообще. Хорошо сохраняется также старое ударение *красéнъ*: оно представлено практически во всех памятниках, где господствует модель *краснò*, а также в ряде памятников с моделью *крáсно* (конкретно в Т. пс., Новг., Лет., Дан., Клон.). Новое ударение — *крáсенъ* Егор. 486, Печ. 18, 544б, Ик. 100 (+63, 80б), также Ратн. 12 (при *красéнъ* 12); Егор., Печ., Ик. — это памятники с господствующей или допускаемой моделью *крáсно*.

Прочие примеры старого ударения редки: помимо *равѐнъ* Чуд. 66б, *ровенъ* Мер. 27б, это *равéнъ* Прол. 107, Хл. 358, Рж. А 34б, 57б, *рáвéнъ* Сел. 61 (при *рáвенъ* 104б), *ровéнъ* Ратн. 182, *волéнъ* Фер. 757б, Увар. 606б, Улож. 69, Колм. 50, 217, *оуменъ* Цв. III 189б, Бук. 177б, *грѣшéнъ* Муз. 196, Хлуд. 141б, *юзóкъ* ‘узок’ Бук. 187б; также *винéнъ* ‘повинен’ Сенн. 66г, *хвалéнъ* (от *хвальныи*) Т. пс. 172, 180, Новг. 92, 168б, *похвалéнъ* (от *похвальныи*) Пск. 48б. Между тем *рáвенъ*, *вóленъ* (*вóленъ* в Т. пс., Новг.), *грѣшенъ*, *хвáленъ* представлены очень широко; ср. также *оýменъ* Сел. 31, *ýзокъ* Егор. 263 (+526б), Колм. 240, *корóтокъ* Колм. 36.

Акцентовка *легóкъ*, *лéгко*, прямо засвидетельствованная в Сенн., Лет., Цел. (и, по-видимому, представленная вообще во всех микросистемах с ударением *лéгко*, *лéгки*), вполне соответствует раннедревнерусскому **льгъкъ*, **льгъко* (<**льгъко*). Поскольку такая акцентовка представлена не только в западных памятниках, но и в ряде восточных (где дефинализации не было), ударение *лéгко* можно непосредственно возводить (по крайней мере, в восточных микросистемах) к раннедревнерусскому. Переход к акцентовке *легóкъ*, *легкò* (где реализован принцип колонности) носил диалектный характер. Иначе обстоит дело с акцентовкой *красéнъ*, *крáсно*, поскольку она реально засвидетельствована только в западной зоне, где и

непроизводные прилагательные а. п. *b* получили акцентовку типа *тéпла, -о, -ы*. Поскольку ударение *краснд* отразилось (наряду с *разнд*) даже в Мер., где другие подобные прилагательные флексионного ударения не имеют (см. выше), можно предполагать, что слово *красныи* получило такое ударение раньше прочих, т. е. уже в раннедревнерусском успело вполне уподобиться обычным прилагательным а. п. *b*. В этом случае ударение *крáсно* в западной зоне должно быть признано не архаичным, а дважды сменившимся.

Членные формы прилагательных а. п. c

§ 3.58. Не имея возможности рассматривать здесь акцентуацию членных форм всех категорий прилагательных, остановимся лишь на одной группе, акцентуация которой подвергалась в рассматриваемый период наиболее интенсивной перестройке (хорошо отразившейся в памятниках). Речь идет о переходе к новому (наосновному) ударению в членных формах прилагательных а. п. *c* — прежде всего производных с суффиксами *-к-* и *-н-* (у непроизводных данный переход происходил менее интенсивно).

Уже в старовеликорусский период в части микросистем обнаруживается некоторая связь этого перехода со значением прилагательного, а именно, начинает складываться принцип (усвоенный впоследствии литературным языком, см. § 1.56), согласно которому наосновное ударение в членных формах получают прилагательные с к а ч е с т в е н н ы м значением.

Замена старого ударения членных форм новым происходила, как это обычно бывает при нефонетических изменениях, у разных слов с разной скоростью. У ряда прилагательных исторической а. п. *c* (*лѣвыи, новыи, свѣтлыи, скорыи, твердыи, трезвыи, уныи, цѣлыи, мирныи, мяккии, свободныи, темныи*) эта замена к XVI в. уже в основном завершилась [34]; в XVI—XVII вв. от старого ударения у них сохраняются лишь незначительные следы. С другой стороны, у некоторых качественных прилагательных эта замена в XVI—XVII вв. выступает еще слишком редко; таковы, например, *густыи, живыи, нагии, нѣмыи, простыи, слѣпыи, больныи, родныи, цвѣтныи, честныи*. Для анализа рассматриваемого процесса в XVI—XVII вв. наиболее показательный материал дает «среднее звено», т. е. прилагательные, которые в этот период находятся в средней фазе перехода.

Из качественных прилагательных этого «среднего звена» удовлетворительно представлены в нашем материале прежде всего следующие (взяты только прилагательные с односложной основой): а) с суффиксом *-н-* — *блудныи, вѣчныи, гнусныи, грозныи, грязныи, должныи, древнии, мрачныи, странныи, страшныи, таиныи, тучныи;*

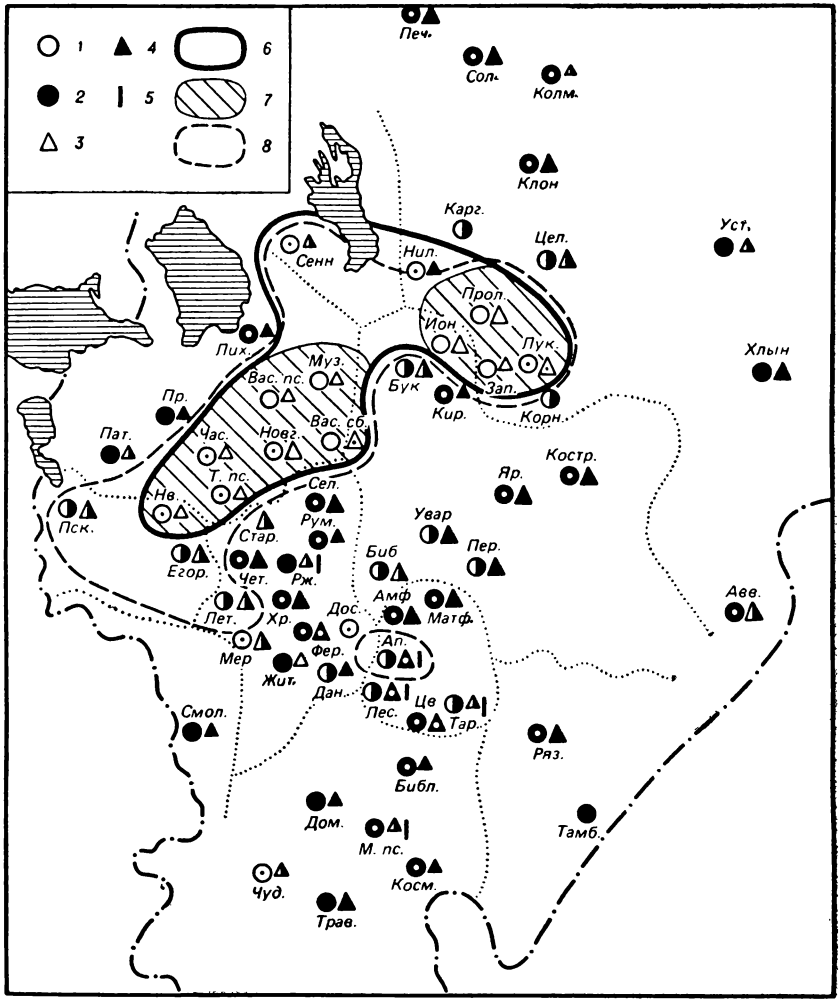
[34] У некоторых из этих прилагательных (*новыи, скорыи, мяккии, темныи*, возможно, также *мирныи*) наосновное ударение членных форм может быть в части случаев не инновацией, а следом старых акцентных вариантов.

б) с *-н-*, рано сросшимся с корнем, — *прѣсныи*, *тѣсныи*; в) непроизводные — *ветхии*, *гордыи*, *грубыи*, *частыи*. Этот набор мы будем условно обозначать как «основной список». Кроме того, в «среднее звено» входят почти все прилагательные исторической а. п. *с* с суффиксом *-к-*, а именно, *бридкии*, *горькии*, *жаркии*, *кроткии*, *крѣпкии*, *сладкии*, *тонкии*, *тяжкии*.

При оценке ударения членных форм необходимо учитывать возможный эффект книжности: в словоформах И. мн. на *-ии*, М. ед. на *-ѣмъ* (*-емъ*), Д. М. ед. на *-ѣи* (*-еи*), мн. на *-ѣхъ*, *-ѣмъ*, *-ѣми*, особенно в вариантах с *ц*, *з*, *с* вместо *к*, *г*, *х*, наосновное ударение может быть специфически книжным (§ 3.13, п. 6) и потому непоказательным для характеристики микросистемы. Ср., например, Биб. *кроткыя* В. мн. 370 и др., но *кро́тци*^{и} 372б, Егор. *нагѝмъ* Д. мн. 34б, но *на́зѣмъ* Д. мн. 323б, Новг. *живо́му*, *живы́хъ* и т. д., но *жи́віи* 198б, Увар. *слѣпы́хъ* 431б, но *слѣ́піи* 527б и множество других подобных случаев. Ниже примеры типа *кро́тции*, *на́зѣмъ*, *жи́вии* обычно просто не принимаются во внимание (напротив, ударения *кротци́и*, *назѣ́мъ*, *живи́и* и т. п. вполне показательны). В некоторых микросистемах (в частности, Увар., Клон.) книжное наосновное ударение может выступать также в И. В. ед. муж. на *-ии* (после *к*, *г*, *х*), ср., например, Увар. *ветх-а́го*, *-о́му*, *-и́мъ*, *-и́хъ* и т. д. (и реже *ве́тх-аго* и т. д.), но только *ве́тхіи* И. В. ед. (регулярно). В ряде случаев наосновное ударение, по-видимому, определяется книжным характером самой лексемы. Сюда можно отнести, в частности, ударения *бра́чныи*, *вла́стныи*, *гра́дныи*, *зе́мныи*, *но́щныи*, *пе́щныи*, *сма́дныи*, выступающие в некоторых микросистемах. Возможно, этот фактор в части случаев актуален и для ряда других прилагательных (*гнѣвныи*, *слезныи*, *драгии*, *златыи*, *младыи* и др.), однако здесь трудно отграничить его действие от действия других факторов; например, прилагательные *блудныи*, *вѣчныи*, несмотря на книжную окраску, обнаруживают такое распределение акцентовок, которое успешно объясняется собственно диалектологическим фактором (см. ниже).

На карте 11 для каждого памятника показана степень распространения нового (наосновного) ударения в членных формах прилагательных основного списка и прилагательных с *-к-*. Как можно видеть, в XV—XVII вв. исконное ударение в этих группах преобладает только в восточно-новгородских и вологодско-белозерских памятниках (в несколько меньшей степени также в Сенн.). Напротив, новое ударение полнее всего и раньше всего побеждает в юго-западной четверти великорусской территории.

Рассмотрим несколько образцов. Микросистемы со старым (флексионным) ударением. Прол.: *блоудно́е* 61б, *блудн-а́а* мн. 61, *-ы́ми* 66, *вѣчн-о́е*, *-а́го*, *-ы́я* Р. ед. (4×), *мрачны́я* Р. ед. 66, *странна́го* 64б, *страшн-ы́и*, *-о́е*, *-а́го*, *-ы́ми* (5×), *таин-ѣ́и* М. ед. 81б, *-а́я* мн. 88, 112, *ветх-і́и* 82, *-а́а* 22 (но *ве́тхаго* 17); *горка́гѡ* 35б, *кроткі*^{и} 95б, *крѣпкы́и* 60, *сла*^{о}*ко́е* 86, *слатки́ми* 124б, *тонкы́ми* 31. Ион.:

Карта 11. Ударение членных форм прилагательных а. п. *с*:

1 — в членных формах прилагательных «основного списка» (§ 3.58) представлено флексионное ударение, *2* — наосновное ударение (знаки, промежуточные между 1 и 2, огрубленно отражают соотношения двух акцентовок внутри «основного списка»); *3* — в членных формах прилагательных с *-к-* (*бридкии, горькии, жаркии, кроткии, крѣпкии, сладкии, тонкии, тяжкии*) представлено флексионное ударение, *4* — наосновное ударение (о промежуточных знаках ср. выше); *5* — в группе с *-к-* флексионное ударение представлено только у *кроткии*; *6* — основной ареал преобладания (в XV—XVII вв.) флексионного ударения в членных формах «основного списка» (так наз. «зона архаизмов»); *7* — ареал преобладания (в ту же эпоху) флексионного ударения в группе с *-к-*; *8* — ареал распространения (в ту же эпоху) ударения *вѣчныи*.

блу^{д}н-а̀а 402б, *-ы́ми* 463б, *-ы́ма* 463б, *вѣ́чн-ы̀и*, *-о́е*, *-о́му*, *-ѣ́и* и т. д. (13×; но *вѣ́чная* мн. 506б), *гнусн-а́я* мн. 487б, *-о́е* С 496б, *-а́го* С 157, *длъ̀жн-о́е* 385, *-о́му* 397б, *-у́ю* 205б, *древн-я́я* мн., *-ы̀^{х}*, *-и́ми* и т. д. (5×), *страшн-ы̀и*, *-о́е*, *-а́го*, *-ѣ́и* и т. д. (14×; ср. *стра́шнии* 375б), *таина́а* 465 (отметим еще *гноина́го* 288), *ветх-ы̀и*, *-о́е*, *-ы́ми* и т. д. (часто), *горд-ы̀и*, *-а́го*, *-о́му* (4×), *груб-ы̀а* Р. ед. 508б, *-ы̀ми* 514, *чяст-о́е* 55, *-ы̀я* В. мн. 102б, *част-а́го* 247б, *-ы́ми* С 157б; *горк-ы̀и* 615, *-ы̀а* Р. ед. 487, *-у́ю* 568б, *-а́а* мн. 210б и даже *горцы̀и* 346, *кротк-ы̀и* 421б, *-о́е* 317б (ср. *кро́тцiи* 250), *крѣ́пкы̀и* 578б, *тяжкдѣ* 582; новое ударение в *тѣ́сными* 280 bis.

Примечательно, что известные нам микросистемы XIV в. не являются в данном отношении максимально архаичными. Чуд.: *должн-о́е* 10г bis, *-о̀му* 33а, *вѣ́чн-о́е*, *-а́го*, *-о́му*, *-а́я*, *-ы̀я* Р. ед., *-у́ю*, *-ы́ми* (16×), *прегорда́я* В. мн. 92в, *гроубо̀го* 114а, *крѣ́пк-и́мь* 144б, *-и́^{х}* 157а (также *темн-а́я* И. ед. 39в, В. мн. 106а, *-ы̀я* Р. ед. 130б, *мяккáя* В. мн. 7б); однако новое ударение в *вѣ́чн-а^{i}* 148г, *-ую* 43б (+ 50б, 102б), *-ѣ́и* 44б, *ве́тх-ыи* 110а, *-ое* 29а, *-аго* 117в, 131б, *ве́тсѣи* 29а (двусмысленно *ветсѣ́мь* 127в). Мер.: *блудꙗе*, *вѣ́чꙗе*, *должьнꙗму*, *страшнꙗму*, *бриткꙗе*, *сладкꙗе*, *гꙗркꙗе*; однако новое ударение в *ветх-ое*, *-ому*, *крѣ́пкою*, *тяжкое* (Акц. Мер., § 53, 56, 63). Таким образом, в юго-западной части великорусской территории рассматриваемый процесс уже в XIV в. зашел дальше, чем в новгородско-вологодской зоне в XVI в.

Пример микросистемы переходного типа — Егор.: *блоудн-ы̀и*, *-а́го*, *-ы́ми* и т. д. (часто), *страшн-а́го* (9×), *-ы̀мъ* Д. мн. 550, *тѣ́сны́мъ* Т. ед. 181, *часты̀я* В. мн. 68б; *сладк-а́го* 215, 553, *-а́я* мн. 75б, *тяжк-ы̀мъ* Т. ед. 93б, 200б, *-ы̀мь* Д. мн. 540; колебание — *ветх-а́го* (10×), *-а́а* мн. 417 и *ве́тх-iи* 29, 351, *-ое* 189, *-ому* 451б, *-омъ* 547, *-аа* мн. 419, *вѣ́чн-ы̀и*, *-а́го*, *-ѡмоу*, *-а́а* (И. ед., И. мн.), *-оу́ю*, *-ы̀я* В. мн., *-ы̀хъ*, *-ы̀мъ* (17×) и *вѣ́чн-ѡе*, *-ѡмъ*, *-ы^{х}* (5×), *мрачн-а́го* 98б, *-а́я* мн. 35 и *мра́чнаа* мн. 548б, *таина́я* мн. 14, 25б и *та́инымъ* Т. ед. 567, *гордымъ* Д. мн. 93 и *го́рдаго* 67б; новое ударение — *длъ̀жное* 55б, *дре́вн-ее*, *-яго*, *-емъ* и т. д. (более 5×), *стра́нн-ыи* 476б, *-оую* 477, *го̀ркiи* 64, *го́рк-iи*, *-аго*, *-ое*, *-iа* В. мн., *-аа* мн., *-имъ* (10×), *кро́тк-аго*, *-имъ*, *-и^{х}* (4×), *крѣ́пк-iи*, *-ую*, *-ою*, *-аа* мн., *-iа* (8×).

Микросистемы с новым (наосновным) ударением. Смол.: *блоу́дн-ое* 64б, *-аго* 144б, *вѣ́чн-ую*, *-ыхъ* и т. д. (часто), *гро́зны^{а}* 100б, *длъ̀жны^{х}* 146б, *дре́вни^{х}* 145б, *стра́нн-аго* 169, *-ы^{м}* Д. мн. 82, *стра́шн-аго*, *-о^{м}*, *-ыми* и т. д. (6×), *та́иныи* 165 (отметим еще *бѣ́снаго* 130, *кро́внаго* 22, *ро́дныя* Р. ед. 29, *сра́мн-ыи*, *-ое*, *-ыя*, *-ы^{х}* [5×], *че́стн-ыа* Р. ед. 119б, *-ы^{х}* 119), *чя́стымъ* Т. ед. 165; *крѣ́пкия* В. мн. 10, *тя́жк-и^{м}* Д. мн. 69б, *-ими* 41. Дом.: *блу́дные* 55б, *вѣ́чн-ое*, *-ую*, *-ыя* (4×), *гря́зн-ое* 62, *-ые* 62 bis, *до̀лжную* 10б, *стра́нныхъ* 109б, *стра́шнаго* и т. д., *пре́снои* И. ед. 90, *го́рдымъ* Д. мн. 119; *з го́р-*

кими 111, *тя́жкою* 6 (ср., однако, *житка́я* 86б). В Полик. из 26 рассматриваемых здесь слов представлены 24 (все, кроме *бридкии*, *кроткии*); все они даны с наосновным ударением. Пример несколько менее последовательной микросистемы — Хр.: *блоу́дное* 93, *вѣ́чныи* и т. д., *дре́вняя* и т. д., *во стра́нны*^{x} 1399, *та́йный* 1325б, *го́рд-агѡ* 1047, 1217, *-агѡ* (*гѡ* б. уд.) 1046б *-ы*^{x} 829, *ча́стыя* В. мн. 52б; *го́рк-ое* 1410б, *-и*^{м} Т. ед. 189б, *гѡ́ркая* 655, *кро́|тки*^{x} 1321, *кре́пк-ое*, *-агѡ*, *-ою* и т. д. (10×), *тя́жк-ою* 1085, *-ими* 54, *тя́жь|кіи* В. мн. 1283б; старое ударение — *страшн-ы́й* 1190б, *-о́е* 1259б, *ветх-о́е* 14б, *-о́мъ* 135 (ср. *ве́тхіи* И. ед. 1187б).

Общее представление о ситуации в прочих памятниках дает карта 11.

§ 3.59. Приведем также некоторые дополнительные сведения об отдельных прилагательных. Для нескольких слов, представленных наиболее широко (в 20—50 памятниках), можно указать примерные границы распространения нового ударения в рассматриваемый период (ниже территория, обведенная на карте 11 жирной линией, условно обозначается как «зона архаизмов»).

Территория, где в XV—XVII вв. еще встречается ударение *вѣ́чны́и* [35], на карте 11 специально выделена. Как можно видеть, она лишь незначительно шире «зоны архаизмов» (в Сенн., Ион., Лук., Егор., Пск., Ап. встречается также и *вѣ́чныи*, в позднем памятнике Нв. — только *вѣ́чныи*); единичные примеры ударения *вѣ́чны́и* отмечены также в Цв. и Хлуд. В прочих памятниках (реально в 45) отмечено только ударение *вѣ́чныи*. Еще у нескольких прилагательных старое ударение ограничено примерно той же территорией, что для *вѣ́чны́и*, т. е. «зоной архаизмов» вместе с соседними псковскими и вологодско-белозерскими памятниками (а также с некоторыми памятниками центра): *древни́и* — Т. пс., Нил., Сенн., Ион., Муз., Новг., также Дан., Ап. (//) [36], Тар. (//), Амф. (//); *мрачны́и* — Окт., Час., Прол., также Егор. (//), Бук. (//), Биб.; *странны́и* — Т. пс., Вас. сб., Прол., Ион., Зап., также Дос.; *таины́и* — Час., Т. пс. (//), Прол., Ион., Новг., Лук., также Егор. (//), Ап. (//); *тучны́и* — Т. пс., Вас. пс., Новг., также Тар., Цв., Колм. (//); *тѣ́сны́и* — Сенн., Вас. сб., Лук., также Егор., Пск.

У ряда других прилагательных старое ударение сохраняется более широко. В период XV—нач. XVII в. новое ударение здесь обычно отмечается только: а) в юго-западной четверти великорусской территории (и в тех или иных московских памятниках); б) на северо-западной периферии западной зоны. В более поздний период новое ударение встречается и в других районах. Так, ударение *стра́шныи* в XV—нач. XVII в. выступает: а) в Смол., Фер. (//),

[35] Формула «ударение *вѣ́чны́и*» (или даже просто «*вѣ́чны́и*») используется как сокращение -- вместо «флексионное ударение в членных формах слова *вѣ́чныи*»; аналогично и при разборе последующих слов.

[36] Знак // здесь и ниже означает: наряду с другим ударением (или ударениями).

Чет., Рум., Стар., Ап., Лес. (//), Амф., Цв., Дом., М. пс. (//); б) в Лих., Пат., Клон., Печ.; сверх этого только в Увар. (//) (в XVII в. это ударение уже отмечается также в ряде памятников дальнего и ближнего северо-востока); старое ударение *страшны́и* сохраняется, помимо «зоны архаизмов» и Мер., в Корн., Карг., Бук., Егор., Пск., Хрон., Дан., Дос., Лет., Тар., Хл., Биб., в XVII в. также в Ряз., Пер., Кир. (//), Сел. (//), Яр. (//), Костр. (//), Сол. (//), Авв. (//). Ударение *блу́дныи* в XV—нач. XVII в.: а) Смол., Лет. (//), Чет., Хр., Цв., Дом., Трав.; б) Печ. (//); *блудны́и* сохраняется, помимо «зоны архаизмов» и Мер., в Корн., Егор., Дос., Увар., Ап., Лес., в XVII в. в Ряз., Пер. Ударение *го́рдыи* в XV—нач. XVII в.: а) Лет., Хр., Рум. (//), Лес. (//), Косм., Дом., М. пс. (//), Ряз. (//); б) Лих. (//), Егор. (//), Печ. (//); кроме того, Т. пс. (//), Новг. (//), Бук. (//); *горды́и* сохраняется, помимо «зоны архаизмов» и Чуд., в Корн., Карг., Дан., Ап., Тар., Биб., Библ., Цв., в XVII в. в Авв. Ударение *ча́стыи* в XV—нач.XVII в.: а) Смол., Дан., Хр., Сел., Библ., Трав., Ряз.; б) Пат., Печ.; кроме того, Нил., Корн., Увар. (//); *часты́и* сохраняется, помимо «зоны архаизмов», в Бук., Клон., Егор., Биб., Хл., Хлуд., Косм., в XVII в. в Матф., Костр., Леч., Хлын. Распределение такого же типа (но несколько более сложное) имеют *ве́тхии* и *ветхи́и*, *до́лжьныи* и *должны́и*.

Прилагательные с *-к-* ведут себя довольно единообразно: старое ударение сохраняется у них в основном в «зоне архаизмов», в ограниченной степени — также в близких к этой зоне памятниках Лет., Егор., Пск., Стар., Бук., Цел., кроме того, в Биб., Авв. (см. карту 11). Лишь одно прилагательное — *кроткии* — встречается со старым ударением также южнее указанных районов (в московских памятниках и в М. пс., см. карту).

Что касается относительных прилагательных, то здесь, если не считать ударений книжного происхождения (*бра́чныи*, *гра́дныи*, *зе́мныи*, *но́щныи*, *пе́щныи* и др.), повсеместно господствует или хотя бы преобладает старое ударение. Новые ударения типа *во́дныи*, *зу́бныи*, *ле́сныи*, *мя́сныи*, *но́жныи*, *ру́чныи*, *сне́жныи* встречаются сравнительно редко, причем в основном в юго-западных и периферийных северо-западных памятниках, т. е. там же, где шире всего распространено новое ударение у качественных прилагательных.

Таким образом, в «зоне архаизмов» членные формы прилагательных исторической а. п. *c* в основном сохраняли старое ударение (более того, здесь флексионное ударение распространилось даже на некоторые прилагательные а. п. *a* и *b*). С другой стороны, на юго-западе и периферийном северо-западе интенсивно развивался переход к новому (наосновному) ударению, причем он захватывал не только качественные, но отчасти также и относительные прилагательные. В центре мы находим микросистемы, где наиболее заметно выступает формирующийся принцип акцентного распределения в за-

висимости от значения прилагательного. По-видимому, этот принцип возник как один из возможных способов перераспределения акцентовок (т. е. упорядочения их по новому основанию) в большом массиве словоформ, у которых ударение было неустойчиво (особенно в условиях характерного для центра междиалектного общения).

Данные современных говоров (известные, к сожалению, весьма неполно) указывают на то, что некоторые существенные черты диалектного распределения акцентовок, обнаруживаемого в старовеликорусских памятниках, сохраняются до сих пор. Так, по данным МДК и Мат., ударения *горько́й*, *жарко́й*, *топко́й*, *робко́й*, *ловко́й* и т. п. на *-ко́й* широко распространены в говорах вологодской, белозерской, поморской, онежской групп, отчасти также в новгородских; лишь изредка такие ударения выступают в псковских, владимиро-поволжских и некоторых других говорах. Характерны для севера также такие ударения, как *пресно́й*, *тесно́й*, *толсто́й*, *часто́й*, *страшно́й*, *суровó́й* и др. Вообще в северных говорах принцип связи наосновного ударения членных форм с качественным значением прилагательного практически не развился.

С другой стороны, в современных говорах у некоторых прилагательных исторической а. п. *c* наосновное ударение ограничено юго-западной (или просто западной) частью великорусской территории. Так, в частности, северо-восточная граница распространения ударения *гу́стый* проходит примерно по линии Велиж—Ржев—Можайск—Серпухов—Моршанск—Кирсанов—Балашов (Атлас Запад, карта 311, Атлас Юг, архивная карта 174). Несколько иначе распространено, например, ударение *ро́дный*: его основная восточная граница проходит примерно по линии Петрозаводск—Тихвин—Боровичи—Вышний Волочок—Белый—Юхнов—Орел—Моршанск—Кирсанов—Балашов (Атлас Север, карта 314, Атлас Запад, карта 308 и картотечные данные). Заметим, что в исследованных памятниках ударение *гу́сты́и* встретилось только в Трав., *ро́дны́и* — в Мер., Фер., Смол., Св.; все эти памятники локализуются внутри очерченных выше зон.

ГЛАГОЛЫ

2 мн. презенса в а. п. c

§ 3.60. У глаголов а. п. *c* в XIV—XVII вв. представлены три основных модели акцентовки 2 мн. презенса: 1) старая модель *-итѐ*, *-етѐ* (например, *стоитѐ*, *несетѐ*); 2) новая модель *-и́те*, *-е́те*; 3) промежуточная модель *-итѐ*, *-е́те*.

При анализе материала здесь необходимо учитывать следующие особые обстоятельства. Во-первых, церковнославянские сочетания с *да* типа *да сотворите* книжниками XVI—XVII вв. нередко интерпретировались как содержащие императив, а не презенс. Об этом недвусмысленно свидетельствуют такие примеры, как Хлын. *да*

блюди́тесѧ 103, Цв. *да не приступи́те* 92, Костр. *да не оубо́итесѧ* 180б и т. п. По этой причине в памятниках с господствующим ударением *-итѣ* мы нередко находим примеры типа *да сотвори́те* (с ударением императива), ср. Биб. *да сътвори́те* 79 bis, Увар. *да не мни́те* 543б, Пер. *да спеши́те* 92б и множество подобных. Понятно, что для характеристики микросистемы такие примеры непоказательны (в отличие от примеров типа *да сотворитѣ*); ниже при разборе материала они просто не учитываются.

Во-вторых, глаголы II спряжения с неслоговым корнем обнаруживают повышенную тенденцию к ударению *-и́те*. Вот некоторые примеры из памятников, где в остальном господствует *-итѣ*: Ев. *мни́те ли* 172, 172б (+Ион. 260 bis, Печ. 345, 507), Прол. *не оусумни́тесѧ* 92 (+Муз. 74б), Ап. *зри́те* 57б, 142б, Ряз. *тщи́тесѧ* 37б, 145б (+Печ. 285); возможно, сюда же Биб. *снабди́те* 116. Ниже словоформы данной группы при ударении *-и́те* обычно просто не приводятся.

При анализе учитываются также словоформы *дадите*, *ѣдите* (*ядите*), если они уже выступают в памятнике в индикативной, а не императивной функции. При разборе материала помимо глаголов исконной а. п. *с* могут быть приведены также глаголы, для которых эта а. п. вторична (т. е. перешедшие в а. п. *с* именно в данной микросистеме). Вместо записи типа *живетѣ* 111, *да живетѣ* 114 может быть дано: *живетѣ* 111 (*да* 114). Списки примеров обычно даются в алфавитном порядке корней глаголов (все эти технические указания действительны и для последующих разделов).

Образцы микросистем с моделью *-итѣ*, *-етѣ*. Чуд.: *держитѣ*, *раздражите́*, *оузрітѣ*, *іскорені*^{тѣ}, *мнітѣ*, ѡ^{т}*пуститѣ*, *разрѣшітѣ*, *осоли*^{тѣ}, *стоитѣ*, *творітѣ*, *створітѣ*; *сблюдетѣ*, *даетѣ*, *иженетѣ*, *живетѣ*, *оумретѣ*, *прінесетѣ*, *пѣтѣ*, *пропнетѣ*, *рчет*^{ѣ} (см. Дыбо 1969, с. 116); отклонение: *что ди*|*ви́тесѧ* 60б. Биб.: *побѣдитѣ* 218, *сваритѣ* 'coquetis' 54, *не* ѡ*братите́сѧ* 366, *вредитѣ* 57б, *погоубитѣ* 116, *належитѣ* 380, *прилежитѣ* 329б, *возложитѣ* 116б, *положитѣ* 79б, *по*^{ѳ}*ложитѣ* 458, *да не приложитѣ* 111, 119б, *да* ѡ*лоучитѣ* 80б (ѡ вместо ѡ^{т}), *оуничижитѣ* 218, *творитѣ* 24б, 116б, 285, 286б, *сътворитѣ* (9×), также *да не* ѡ*живетѣ* 121 (*-ветѣ* ошибочно вместо *-витѣ*); *грядетѣ* 216б, *да*... *изжетѣ* 116, *съжжетѣ* 50б, *живетѣ* 111, 116 (*да* 111, 114, 115), *пожививетѣ* 408б (*да* 119), *да ни жнетѣ* 83б, *призоветѣ* 405, *минетѣ* 20, *да помянетѣ* 118б, ѡ^{м}*несетѣ* 84б, *принесетѣ* (9×), *впадетѣ* 84б, *испечетѣ* 54 (+84б), *речетѣ* 462, 462б, *наречетѣ* 82, 121, 157б, *да посѣчетѣ* 113б, *чтетѣ* 50б; отклонения: *живе́те* 111, *изжне́те* 82 (встретились также некоторые примеры с *-и́те*, где неясно наклонение). Печ.: *да не*... ѡ^{м}*бѣжитѣ* 438б, *приложитѣ* 344, *оумолчитѣ* 45б, *претитѣ* 285, *препритѣ* 466, *сѣдитѣ* 286б, *сотворитѣ* 134б, 135 (*да* 239б); *соблюдетѣ* 109 (*не* 198б), *ведетѣ* 233б, *пожі*|*ветѣ* 44; отклонения: *егда водвори́тесѧ* 167б, *блазни́тесѧ* 419.

Богатейший материал по II спряжению (около 180 примеров с *-итѣ*) представлен в Тих., например, *блажитѣ*, *боитéся*, *болитѣ* и т. д. В этот материал входят *i-* и *ě*-глаголы с корнями (или основами): *блаж-*, *бој-*, *бол-*, *бран-*, *буд-*, *бѣж-*, *вал-*, *вар-* ‘coquo’, *вел-*, *вин-*, *воз-врат-*, *глум-*, *глуш-*, *гнѣв-*, *гнѣт-*, *говор-*, *град-*, *гроз-*, *груз-*, *гром-*, *густ-*, *дар-*, *двој-*, *держ-*, *див-*, *о-дожд-*, *драж-*, *друж-*, *дѣл-*, *о-желт-*, *жив-*, *о-жур-*, *о-зар-*, *на-знамен-*, *зр-*, *кад-*, *крест-*, *крој-*, *кроп-*, *крот-*, *круш-*, *крѣп-*, *леж-*, *лиш-*, *лов-*, *лож-*, *по-луч-*, *лѣч-*, *у-мертв-*, *мир-*, *о-мраз-*, *нов-*, *пој-*, *прет-*, *прост-*, *пуст-*, *о-пустош-*, *по-раз-*, *рѣш-*, *род-*, *о-рос-*, *рост-*, *сад-*, *свят-*, *о-свѣт-*, *слад-*, *сол-*, *срам-*, *о-станов-*, *стој-*, *сул-*, *суш-*, *сѣд-*, *о-сѣн-*, *тај-*, *тверд-*, *твор-*, *уч-*, *хран-*, *о-хром-*, *о-худ-*, *цвѣт-*, *цѣд-*, *цѣл-*, *цѣн-*, *шум-*, *щад-*, *щап-*, *щеп-*, *щит-*, *яв-*, *яр-*. Сюда же *дадитѣ* (буд.) и его приставочные производные. Из I спряжения представлены только: *чтетѣ*, *бiетéся* (но также *биéтеся*); не совсем надежно *глетѣ* 105б (см. Аксенова 1982). Эта же модель отражена и в ряде других восточных памятников, см. карту 12.

Модель *-итѣ*, *-éте*. Прол.: *не оумертвитѣ* 125б, *мнитѣ* 91, *скорбитѣ* 51; *да съберéтеся* 20. Ион.: *блажитѣ* 253б, *болитѣ* 385б, *да не... погубитѣ* 74б, *не зритé ли* 225б (+ 387 bis), *мнитé* 81б, *да не оубо мнитѣ* 75б (наряду с *мни́те ли* 260, *мнѝте ли* 260, ср. выше), *стоитѣ* 387, *стыдитѣ*^{c} 189б, *не творитѣ* 118б, *сътворитѣ* (4×); *облечéте*^{c} 369, *привлечѣте* 76, *принесéте ми* 71б; отклонение: *твори́те* 447б; остаток старого ударения: *зоветѣ* 411б. Корн.: *дръжитѣ* ‘держите’ 49, *мнитѣ* 59б (*не* 248б, 251б), *творитѣ* (8×), *сътворитѣ* 252; *ѡблечéтеся* 217 (+ 71), *зовéте* 42б, *впадéте* 5б, *печéтеся* 71б, *пiéте* (5×); остаток старого ударения: *зоветѣ* 297. Тит.: *оумолчитѣ* 16, *сътворитѣ* 147; *живéте* 84б, 149б, 258б, *ѡблечéтеся* 179б, 288б. Пер.: *творитѣ* 35б, 92, 92б, 207б; *впадéте* 113б, *попере́те* 93б, *пресечéте* 93б, *чтéте* 251; отклонение: *сотвори́те* 219. Авв.: *терпитé* 36, 214б; *бодéте* 160, *уидéте ли* 159б.

В московских памятниках Цв. и Матф. на систему *-итѣ*, *-éте* накладывается следующая характерная особенность: при неслоговом корне в I спряжении обычно сохраняется старое ударение *-етѣ* (*жжетѣ*, *бiетѣ* и т. п.). Так, в Цв. при совершенно устойчивом *-итѣ* представлены: *соблюдéте*, *со*ѡ^{m}*ведéтеся*, *ѡблечéтеся*, *да... принесéте*, *наречéтеся*, также *сожжéте*, но *жжетѣ*, *бiетé мя* и др. (см. Глаг. акц., § 32). Материал Матф.: *соблазнитéся* 212б, *оубѣжитѣ* 184, 184б, *не содержитѣ* 16, *мнитѣ* (часто), *не оусумнитéся* 163б, *положитѣ* 215, *поститéся* 50, *разоритѣ* 232б, *разрѣшитѣ* 143б, *стоитѣ* 154, *творитѣ* 46, 180б, *сотворитѣ* 96б, 163б, *тщитéся* 180б, *оучитѣ* 180, *явитéся* 16; *ѡблечéтеся* 51б, *не даéте* 55 (но также *даетѣ* 54б), *ижденéте* 184б, *печéтеся* 52, *речéте* (5×); при неслоговом корне *пiетѣ* 51б, *оубiетѣ* 184 (наряду с *оубiéте* 184б).

Существует также переходный вариант, когда при постоянном *-итѣ* выступают *-етѣ* и *-éте*. Увар.: *блазнитéся* 510б, *привлачитѣ* 536б,

держитѣ (5×), *-éся* 510, *кривитéся* 530, *мнитѣ* (6×), *мѣнитѣ* 'думаете' 434б, *ститéся* 528б, *оскверн*ı̈*||тѣ* 497б, *пре*^{ə}*стоитѣ* 432б, *творитѣ* (6×), *-éся* 434б, *наоучитѣ* 433, *хранитѣ* 538 (*не* 815б), *съхранитѣ* 434; *подаетѣ* 539, *живетѣ* 541б, *да не изъмретѣ* 427, также *лжетѣ* 503б, *жретѣ* 'sacrificatis' 534б (наряду с *жрéте* 534б) — *да... блюдéте* 427, *не блюдéте* 544, *да съблюдéте* 817б, *кладéте* 615, *речéте* 508 bis (*да* 500), также *пiéте* 508б, 537б, *чтéте* 526б. Аналогично Муз. (см. Глаг. акц.. § 32) и Сел.

Другой переходный вариант: примерное равновесие двух акцентовок в обоих спряжениях. Библ.: ѡ^{б}*ратитéся* 682б, *зритѣ* 800б, *вѣзри||тѣ* (2 уд.) 800, *не мнитѣ* 689, *не радитѣ* 835б, *стоитѣ* 684б, *творитѣ* 700, 800б, 835, *сътворитѣ* 685б, *терпитѣ* 803б — *сградúте* 490, *зрúте ли* 800б, *постúте ми ся* 621, *постúтеся* 621, *не вселúте*^{с} 603, *творúте* (5×); *ждетѣ* 836, *живетѣ* 563б (*да* 603б), *иждиветѣ* 801б, *пiетѣ* 621 bis, 835б, *ре*^{ч}*тѣ* 800б, *чтетѣ* 803б — *бiéте* -486б, *въ что* ѡблецéтеся 673, *възопiéте* 490, *прозовéтеся* 488, 594, *си несéте* 620б, *принесéте* 603б, *падéтеся* 489б, *печéтеся* 673 (не учтены примеры с *-éте* после *да*, поскольку в Библ. императив I спряжения часто оканчивается на *-ете* [вместо *-ѣте*]).

Довольно близко к модели *-итѣ*, *-éте* стоят Ап. (*-итѣ* 31×, *-úте* 4×, *-етѣ* 2×, *-éте* 13×) и Хлын. (*-итѣ* 22×, *-úте* 4×, *-етѣ* 5×, *-éте* 12×).

Образцы микросистем с моделью *-úте*, *-éте*. Нил.: *боúтеся* 132, *оубоúтеся* 114б, ѡ^{м}*пустúте мя* Т 66б, *створúте* 96б; *потечéте* 331, *чтéте* Т 65. Егор.: *обратúтеся*, *побежúте*, *оудержúте*, *кр*^{с}*тúтеся*, *мнúте*, *постúтеся*, *сѣдúте*, ѡ^{м}*стоúте*, *творúте*, *съхранúте*, *явúтеся*; *пожененéте*, *изнесéте*, *принесéте*, *пiéте* (см. Глаг. акц., § 32). Дан.: *молчúте* 170б bis, *просвѣтúте*^{с} 169, *творúте* 153б (также *зрúте*, *мнúте*, *мнúте*^{с}); *призовéте* 53, *речéте* 169б, *бiéте*^{с} 6, *лжéте* 166 (+ 171б), *пiѣте* 101б bis, *чтéте* 152 bis. Карг.: *съблазнúте*^{с} 94б, *не обратúте*^{с} 119, *получúте* 21, *разрѣшúте* 87б, *стоúте* 129, *стыдúте*^{с} 96б, *творúте* 105, 108б, 243б (+ 563); *облечéте*^{с} 560б, *пiéте* (часто), *начнéте* 89б, *почтéте* 45б. Смол.: *блоудúте* 130, *дръжúтеся* 4, *не лишúтеся* 29, *творúте* 4б, 72; *да не... впадéте* 174б, *чтéте* 130. Пск.: *совершúте* 159б, *съвершúтеся* 111б, *веселúтеся* 159, *не* ѡ*братúтеся* 145, *сградúте* 291, *не* ѡ*кратúтеся* 216, *искоусúтеся* 216, *вложúтеся* 153, ѡ*блени́теся* 132, *не оуподобúтеся* 152, *возрастúтеся* 336б, *свободúтеся* 160б, ѡ^{м}*стоúте* 229, ѡ*страстúте* 193б, *оутвердúтеся* 272б, 323б, *творúте* 205, 209б, *сотворúте* 33б, *терпúте* 262б; ѡ*блечéтеся* 192б, *не брежéте* 92б, *да... ведéтеся* 52, *да оувязéтеся* 201б, *воздаéте* 274, *предаéтеся* 304, *живéте* 148б (*да* 120), *поживéте* 147б, 198б, *зовéте* 107, *вознесéте* 82, *-ся* 278, *падéтеся* 153 (*да не* 94), *да... не спадéтеся* 94, *спсéтеся* 323б, *наречéтеся* (4×), *течéте* 164б, *сопричтéтеся* 198 (не учтены примеры, где не вполне ясно наклонение). Аналогично

(при более ограниченном материале) и в ряде других памятников, см. карту 12.

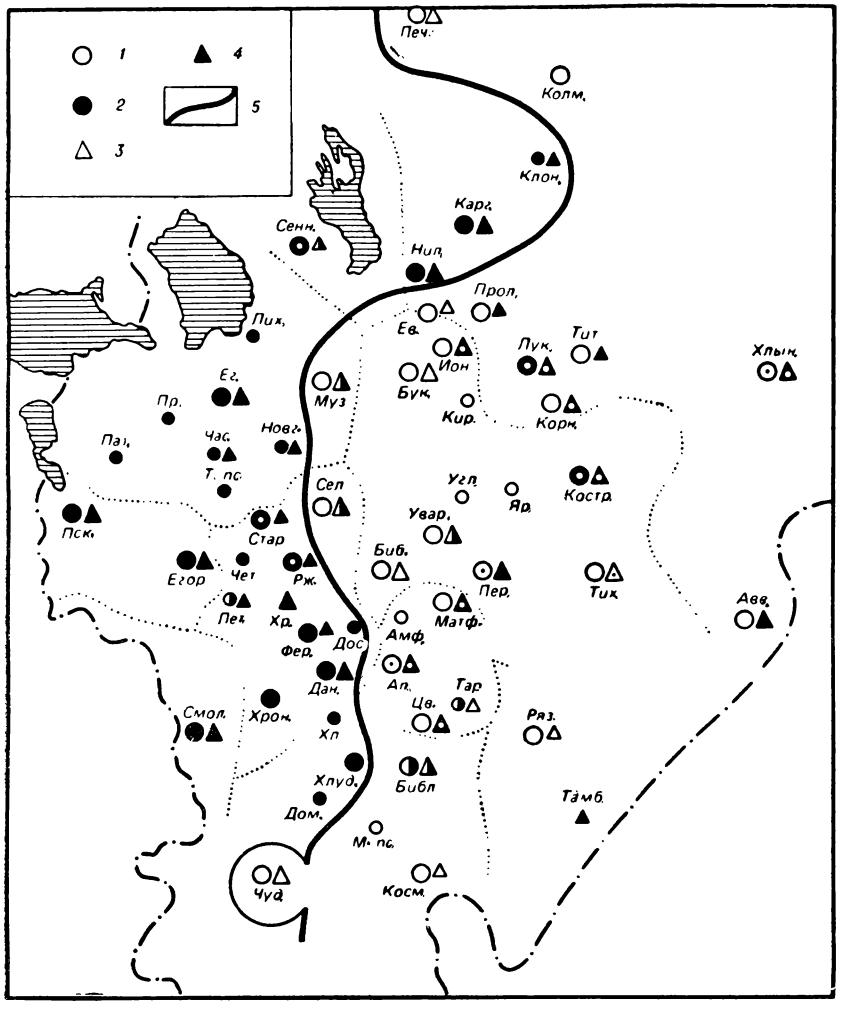
Незначительные остатки *-итѣ*, *-етѣ* на фоне господствующих *-и́те*, *-е́те* представлены в Сенн., Лук., Стар., Рж., Костр.

Замечание. В приведенные списки не включены случаи, когда глагол исторической а. п. *b* или *a* не полностью переходит в а. п. *c*, а лишь изредка встречается с флексионным ударением, например: Библ. *да не присяжетѣ* 117б, Увар. *служитѣ* 529, Т. пс. *соуди́те* (наст.) 96б (+Лук. 62б, 115б), Смол. *осуди́теся* (буд.) 72, *входи́те* (наст.) 130, Пск. *приноси́те* (наст.) 82, *ходи́те* (наст.) 275$_2$б. Существенно, что в подобных случаях ударение может и не соответствовать действующей в данной микросистеме норме для а. п. *c*; ср. Корн. *что́ суди́те* 266, Увар. *суди́тѣ* (наст.; 2 уд.) 633, Муз. *буде́те* 158, Хлын. *яко wбиходи́те* 202б, 207.

Географическое распределение *-итѣ* и *-и́те*, *-етѣ* и *-е́те* показано на карте 12. Из нее видно, что наиболее отчетливая граница — это линия, разделяющая зоны преобладания *-итѣ* и *-и́те*. Она очевидным образом принадлежит к классу схематических изоглосс, отделяющих восточную зону от западной (только Лук. и Костр. образуют островки с преобладающим *-и́те* внутри восточной зоны). Для I спряжения в западной половине представлено только *-е́те* (если не считать одного примера *-етѣ* в раннем памятнике Сенн.); в восточной встречаются *-етѣ* и *-е́те*, но четкого географического разделения здесь не усматривается.

В настоящее время на восточнославянской территории ударение на *-те* сохраняется, во-первых, в белорусском и украинском языках (его граница почти совпадает с границей РСФСР с БССР и УССР), во-вторых, в северо-восточных великорусских говорах; см. Образ., карта 30. По данным МДК, в начале XX в. *-ите́*, *-ете́* отмечалось также южнее и западнее современных границ северо-восточного ареала, в частности, во Владимирской губернии (см. Аксенова 1982). Очевидно, таким образом, что в XVII—XX вв. произошла экспансия ударения *-и́те*, *-е́те* на восток, особенно эффективная в южной и средней части восточной зоны.

Ситуация, отраженная на карте 12, и динамика последующих изменений ясно указывают на то, что инновация *-и́те*, *-е́те* (вместо старых *-итѣ*, *-етѣ*) возникла в западной зоне. Перед нами один из многочисленных примеров морфологизованной дефинализации. Поскольку данная инновация не захватила белорусского и украинского языков, ее очагом следует считать северо-запад, т. е. древнейшую новгородскую территорию. Более быстрое, чем для *-и́те*, распространение *-е́те* естественно связывать с тем, что в I спряжении индикатив (например, *несете*) независимо от ударения отличается от императива (*несите*), тогда как во II спряжении инновация тормозилась стремлением сохранить различие между индикативом (*говоритѣ*) и императивом (*говори́те*). Заметим в связи с этим, что старое ударение *-итѣ*, *-етѣ* сохранилось (хотя бы отчасти) именно на северо-востоке, т. е. там, где наименее интенсивен процесс замен типа *со-*

Карта 12. Ударение в 2 мн. презенса глаголов а. п. *c*:

1 — во II спряжении *-итѐ*, *2* — *-и́те*, *3* — в I спряжении *-етѐ*, *4* — *-е́те*, *5* — основная восточная граница господства *-и́те* во II спряжении.

Примечание. Незначительные отклонения от *-итѐ*, *-етѐ* в сторону *-и́те*, *-е́те* не отражены (белые знаки с точкой отражают наличие заметных отклонений этого типа).

ли́шь → *со́лишь* и, следовательно, замена *-итѐ* на *-и́те* дала бы очень большое число омонимичных пар типа *соли́те* (индикатив и императив). Ср. положение на юге (в т. ч. на юго-востоке), где господствуют ударения типа *со́лишь*, *ва́ришь* (*во́ришь*) и т. п.: здесь случаев омонимии указанного типа гораздо меньше, поскольку императиву типа *соли́те* чаще всего противостоит индикатив типа *со́лите* (ср. Бромлей 1976, 1977).

Отметим, что смешанная система *-итѐ, -е́те*, характерная в XVI—XVII вв. для многих памятников центра (Ап., Цв., Пер., Матф.), а также для ряда более северных (Прол., Ион., Корн., Тит., Хлын., Авв.), закрепляется в XVII в. в качестве церковнославянской нормы (действующей и поныне). В работе Аксенова 1982 по данным МДК выявлены остатки именно такой системы в 9 пунктах, разбросанных по территории северо-востока (3 из них — в бывшей Владимирской губернии).

1 ед. презенса в а. п. c

§ **3.61.** Замена исконной´ акцентовки типа ¯*потаю*, *потаю́ся* (также *потаю́ же* и т. п.) флексионным ударением (*потаю́*, *потаю́ся*, *потаю́ же*) начинается уже в древнерусский период: в Чуд. наряду с господствующей моделью *по́таю* уже представлена также и модель *потаю́*, а в сочетании с энклитиками новая акцентовка даже преобладает (см. Дыбо 1969, с. 116—117, 121). В XV—XVII вв. ударение на энклитике уже почти не встречается, но модель *по́таю* в небольшой части памятников еще сохраняется довольно хорошо (в таких памятниках обычно можно встретить и примеры типа *по́таюся*).

Приводим образцы микросистем, где без энклитик нормой еще является модель *по́таю*, а с энклитиками обычно выступают модели *по́таюся*, *по́таю же* и *потаю́ся*, *потаю́ же*. Сенн. Без *ся* и других энклитик: *не́ браню* 183г, *ве́лю* 42в, 82в, *сврѣ́шу* 97в, *не́ гл҃ю* 213а, *пре́даю́* (вария над *ю* — неиктусная) 138г, 215г, *жи́воу* 206а, *зо́ву* 177г, 190а, *по́ложу* 106г, 199в, *по́ражу* 128а bis, 208а, *ра́зорю* 211а, *су́шоу* 194в, *тво́рю* (9×), *ствóрю* (5×), *сѣ́творю* 191а, 213б, *трѣ́плю* 181б, *цѣ́лю* 152г, *ицѣ́лю* ‘исцелю’ 34г; ср. новое ударение в *рекоу́* ‘то есть’ 164г. С энклитиками: 1) *варю вы́* 128а, 128б, 208а, 208б; 2) *не́ гл҃ю́ ти* 85б, *жи́воу же* 76а, *спо́доблю вы́* 129в (*сподо́блю* 195в — вероятно, от акцентного варианта *сподо́бити*), *про́щу ли́ его* 85б, *ствóрю вы́* 20в, *не́ оучю же* 24а; 3) *гл҃ю́ бо* 16а, 24а, *гл҃ю́ бд҃* 83б, *гл҃ю́ же* 30г, *гл҃ю́ ти* 7г (ср. также *гл҃ю́ вам* 29в), *дивь|лю́ же ся* 187а, *принесоу́ся* 153а, *да... поклоню́ся* 11б, *рекоу́ же* 118в, *рекоу́ ти* 12г. Дос. Без энклитик: *да до́веду* 154б, *жи́ву* 17, *по́ложу* 39б, *не́ приложю* 239б, *сѣ́жу* 60б, *те́рплю* 104б, *со́тво҃рю* 60б; ср. новое ударение в *сътворю́* 34. С энклитиками: 1) *ле́жю бо҃* 87б, *те́рплю же* 155б, *и не́ сотво҃рю ти* 228; 2) *извѣ́щу́ ти* 33б, *поклоню́ ти ся* 141, *соумню́ся* 102. Хр. Без энклитик: *на́веду* 584, 953б, 1173б, *при́веду* 1127б, *по́велю* 926б, *по́гублю* 1404, *не́ погублю* 129, *да́ю* (4×), *пре́даю* 959б, *да́же не́ зажгоу* 1323б, *жы́воу* 702б, *при́зовоу* 936б, *про́клену* 663б, *со́кроушоу* 1217б, *во́зложоу* (3×), *по́ложоу* (7×), *по́несоу* 1404, *си́жоу* 1062б, *не́ потаю* 127б, *тво́рю* 667, *со́творю* (7×), *не́ сотворю* 958, *яко да по́терпл҃ѫ* 1001 (ср. еще *во́зр҃ѫ* 489); однако *оумроу́* 140б, *оумроу́* 202 (в Хр. этот глагол сохраняет исконную а. п. *c*: *оумр-е́шы, -е́ть, -е́мъ, -е́те*). С энклитиками: 1) *не́*

поущоу тя 225; 2) *кленоу́ся* 1363б, *не соумню́ся* 1067б, *спасоу́ тя* 999б, *явлю́ся* 468, *явлю́ бд̀ ва*^{м} 1076б. Сходную ситуацию следует предполагать также для Нил., Дан., Хрон., Жит., Фер. (где материала меньше). В М. пс. модель *по́таю* представлена 58×, *потаю́* — 15×, *по́таюся* — 16×, *потаю́ся* — 19×, *по́таю же* (*тя*, *ти* и т. п.) — 7×, *потаю́ же* — 4× (примеры с двумя ударениями сосчитаны дважды); см. Дыбо 1969, с. 118—119. Таким образом, в микросистеме М. пс. модель *потаю́* встречается заметно чаще, чем в Сенн., Дос., Хр., а из энклитик существенно способствует флексионному ударению только *ся* (но не *же*, *тя* и др.).

В ряде памятников (см. карту 13) при общем преобладании нового ударения старое ударение еще продолжает играть довольно заметную роль. Так, при отсутствии энклитик примеры со старым ударением составляют, в частности, в Цв. 35 % материала (см. Глаг. акц., § 33), в Амф. 35 %, в Новг. 18 %, в Сел. 16 %. Однако в большинстве памятников XVI в. и во всех памятниках XVII в., кроме М. пс. и Сел. (относящихся к началу века), всегда или почти всегда представлено новое ударение; см. карту 13. Самые ранние памятники с последовательным новым ударением: конец XV в. — Угл.; 1 пол. XVI в. — Прол., Ион., Корн., Увар., Муз., Егор.

Особое место занимают памятники, где отмечается факультативное предфлексионное ударение в 1 ед. презенса глаголов а. п. *b* (обычно это просто результат дефинализации). Понятно, что в таких памятниках ударение типа *не́су* (у глаголов а. п. *c*), если отсутствуют примеры типа *гво́рю*, *по́несу*, не может рассматриваться как свидетельство сохранения древней акцентовки 1 ед. в а. п. *c*. Однозначно указывают на акцентную инновацию примеры типа *гово́рю*. Несколько менее показательны примеры типа *поне́су* (поскольку такие ударения встречаются, хотя и редко, также и в микросистемах с энклиноменной акцентовкой 1 ед., например, *исцѣ́лю*, *воспо́ю* под непосредственным влиянием *цѣ́лю*, *по́ю*).

Так, в Пат. акцентовка 1 ед. в а. п. *b* и *c* явно одинакова, но реально это выглядит так: а. п. *b* *и́доу* 613б, 623б, *прѣ́идоу* 617г, *изы́щоу* 582в, *ска́жоу* 588а, 610б, *лю́блю* 635а, *възмо́гоу* 638в, *възмо́гоу* 617г — *люблю́ тя* 595б, *молю́ тя* 661в (+570б), *молю́ же* 608б; а. п. *c* *сѣ́ждоу* 655г, *ство́рю* 640а (возможно, сюда же *оу́мроу* 618б) — *понесоу́ тя* 637в bis, *да спсоу́ся* 645г, *рекоу́ ти* 579в, 613в. Сходная ситуация представлена также в Лих. В нескольких рукописях на фоне господствующего в 1 ед. как в а. п. *b*, так и в а. п. *c* флексионного ударения (*молю́*, *прошу́*, *говорю́*, *лежу́* и т. д.) находим единичные отступления в сторону предфлексионного ударения; в Т. пс.: *про́идоу* 64, *по́идоу́* 140, 143б, *взы́щу* 50 bis, 184 (а. п. *b*), *поле́щоу* 72б, *сотво̀рю* 153, *исцѣ́лю* 153, *воспо́ю* 181 (с неясным /ô/), также *-по́ю* 50, *жи́воу* 153 (а. п. *c*); в Стар.: *ѡ*^{т}*и́му* 2б, *пои́му* 3, *взы́щу* 50б, *сло́млю* 100 (а. п. *b*), *оукло́нюся* 108, *сотво́рю ти* 18б,

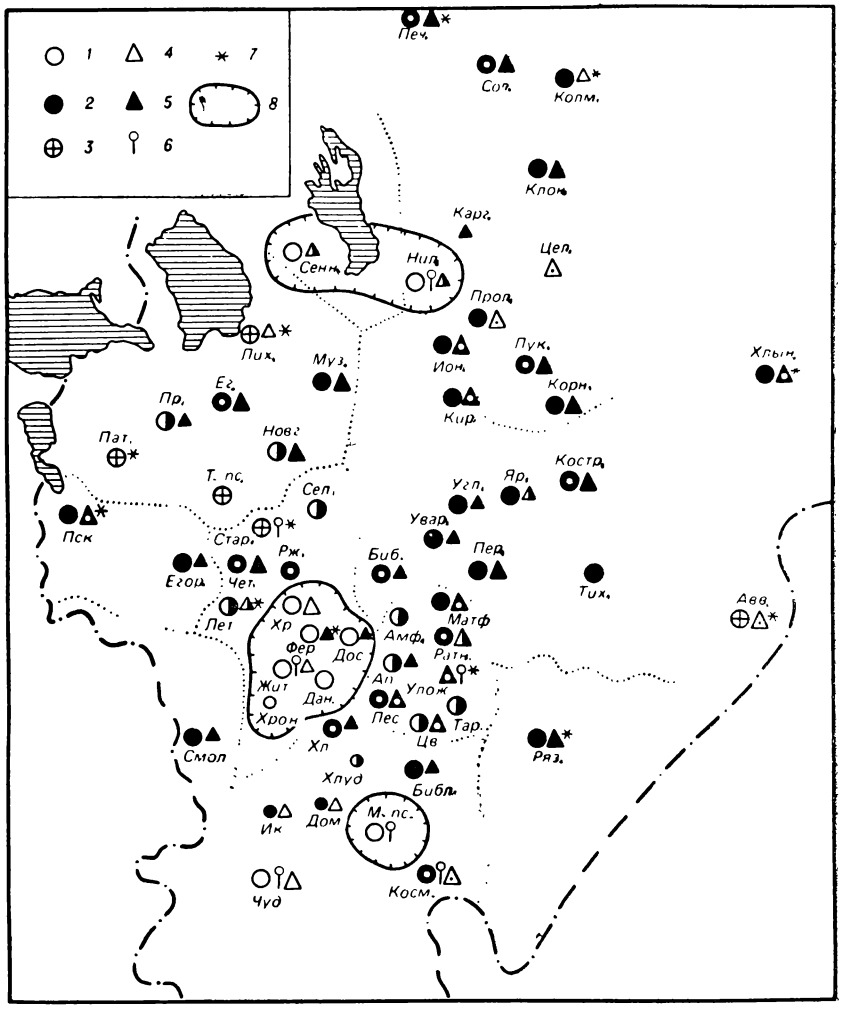
потре́блю 33б (а. п. *c*); в Авв.: *мо́лю* 76б (и даже *мо́люсь* 227б), *не* ѡ^{m}*ку́шу* 79, *про́шу* 93 (а. п. *b*), *гово́рю* 73, *погля́жу* 36б, *кри́чю* 96б, *кри́чю* 211, *ле́жу* 253, *мо́лчю* 254б, *си́жу* 64б (а. п. *c*). Вполне вероятно, что некоторые из примеров, относящихся к а. п. *c* (в частности, Т. пс. *по́ю*, *жи́воу*), просто сохраняют здесь старое ударение, но надежно отделить такие случаи от инноваций в этих памятниках нельзя.

Из карты 13 видно, что энклиноменная акцентовка формы 1 ед. презенса сохраняется, во-первых, в двух очень ранних северных памятниках (Сенн. и Нил.), во-вторых, в памятниках ближнего запада, Москвы и юга; при этом главным средоточием данного архаизма оказывается район Волоколамска (ср. аналогичную картину, выявляющуюся из карт 14 и 15).

Процесс утраты старой энклиноменной акцентовки формы 1 ед. не был прямолинейным. Имеются свидетельства того, что в некоторых микросистемах эта акцентовка, напротив, могла переноситься на формы с иным исконным ударением. Таковы, во-первых, прочие формы презенса а. п. *c*; ср. примеры: Сенн. *по́пусти*^{m} (буд.) 163г, Дос. *пре́терпи*^{м} 65б, Фер. *пѹ́кропя*^{m} 522, Библ. *при́стоя*^{m} 951, Рум. *сотвори́тъ* 343б, Трав. *по́родить* (буд.) 527б, Колм. *гово́ритъ* 105, также Дан. *пре́дают*^{c} 156б (разумеется, такой же эффект в принципе может скрываться и за примерами типа *тво́ритъ*, *ро́стетъ*, но здесь его нельзя отличить от перехода из а. п. *c* в а. п. *b*). Во-вторых, такова форма 1 ед. презенса а. п. *b*; ср. примеры: Сенн. *по́слоужу ва*^{м} 94г (ср. еще *съ́зижⅆу* 132а, наряду с *съзи́жⅆу* 74а), Дос. *по́кажю* (от *показати*) 207, *-у* 212, Дан. *по́хожю* 107б, Цв. *на́пишу* 193, Трав. *на́пишу* 155б (также *напи́шу* 141), М. пс. *во́здежу* 64б, *не́ оутону* 72а, *по́молюся* 27б, Нв. *да по́кажу* 192 (сюда же примеры *о́мочю*, *во́здѣжу*, *при́ношу* из других памятников XVI в., см. Васильев, с. 47—48); такой же эффект в принципе может скрываться за некоторыми из примеров типа *мо́лю*, приведенных выше. В работе Дыбо 1969 высказано предположение, что существовали системы, где акцентовка 1 ед. презенса в а. п. *b* и *c* совпала (в виде двух вариантов — с начальным и с флексионным ударением). В точности такой системы нами не отмечено; в рассмотренных выше памятниках мы скорее имеем дело лишь с некоторой расшатанностью границ между акцентными парадигмами.

Деепричастия на -а, -я в а. п. c

§ 3.62. Современное деепричастие презенса на *-я*, как известно, развилось из формы И. ед. муж. и сред. действительного причастия презенса. В исследуемых памятниках эта форма изредка еще сохраняет свое первоначальное качество причастия, но гораздо чаще она уже выступает в той же синтаксической роли, что и ныне, т. е. в роли деепричастия. Для упрощения формулировок мы везде будем обозначать эту форму как деепричастие.

Карта 13. Ударение в 1 ед. презенса и в деепричастии презенса:

1 — в 1 ед. презенса а. п. *c* начальное ударение, *2* — флексионное ударение; *3* — в 1 ед. презенса есть примеры предфлексионного ударения как в а. п. *c*, так и в а. п. *b* (при отсутствии модели *нóнесу*); *4* — в деепричастиях «группы *стоя*» (§ 3.62) начальное ударение, *5* — флексионное ударение; *6* — есть хотя бы один надежный пример деепричастия а. п. *c*, не входящего в «группу *стоя*», с начальным ударением; *7* — есть хотя бы один пример деепричастия с предфлексионным ударением в а. п. *b* (*мóля* и т. п.) или с неодносложной основой в а. п. *c* (*стерéга* и т. п.); *8* — ареалы полного или почти полного сохранения начального ударения в 1 ед. презенса а. п. *c*.

Примечание. Незначительные отклонения от начального ударения к флексионному в 1 ед. презенса а. п. *c* не отражены.

Акцентная эволюция деепричастий на *-а*, *-я* в а. п. *c* в значительной мере сходна с эволюцией 1 ед. презенса, если не считать того, что здесь рано обособилась группа деепричастий, склонных к адвербиализации («группа *стоя*»): *стоя*, *сѣдя* (*сидя*), *лежа*, *молча*, *глядя*, *не хотя*. Они выпали из акцентной эволюции деепричастий как таковых и потому в значительной части говоров сохранили свою первоначальную энклиноменную акцентовку (причем эта акцентовка обычно выступает здесь не только при наречном, но и при собственно деепричастном значении). Очевидно, сюда же относились адвербиализованные *за́годя*, *чем по́падя*, *чем ни по́падя* (в наших текстах они не встретились). Напротив, основная масса деепричастий продвигалась к новому (т. е. конечному) ударению быстрее, чем словоформы 1 ед. презенса.

В Чуд. старая акцентовка еще безусловно преобладает: *бѣ́|дя* ‘убеждая’ 132б, *жи́ва* 87а, *зо́ва* 69г, *кри́ча* 18в, *сто́я* 69г, 78а, *тво́ря* 127г, 137г, *те́рпя* 133а, *оу́ча* (11×), *хо́тя* 40а, 66в, 73а, 73б, 77а, 116г, 120г, *ща́дя* 119в bis; *боясѧ* 132а, *постясѧ* 65в; при наличии энклитик возможны также другие варианты: *дівя́ся* 40г, *влача́ же* 63в; *ви́ня же* 116а, *хо́тя же* 74г. Новое ударение (без энклитик): *буде*^{ш} *ловя̀* 28в, *буде*^{ш} *молча́* 26а, *творя̂* 43в, *уча̀* 4в, *бѣ же оуча̀* 34г, *бѣ*... *оуча̂* 24б, *хотя̀* 145в, *храня̀* 74б, 75б (особо стоит *долготерпя̀* 82г, *-я́* 37а, где, по-видимому, представлено сложное слово, а не словосочетание). В а. п. *b* в Чуд. представлено регулярное конечное ударение (*гоня̀*, *іща̀*, *моля̀*, *нося̀*, *просѝ*, *ходя̀* и т. п.).

В памятниках XV—XVII вв. мы находим уже сильно трансформированную картину. В. а. п. *c* наблюдается два основных варианта акцентовки деепричастий: 1) последовательное конечное ударение везде; 2) начальное ударение в «группе *стоя*», конечное ударение у прочих деепричастий. За рамками «группы *стоя*» остатки энклиноменной акцентовки встречаются уже очень редко; таковы Такт. *на́лежя* 9г, Косм. *по́норовя* 151, *и зго́воря* 71б, Стар. *гла́голя* 36, 45б, М. пс. *те́рпя* 41б; по-видимому, также Нил. *де́ржа* 174, Улож. *споу́стя* ‘после, через’ 17, 141б (+ Цел. [3×]); прочие подобные примеры менее надежны. С другой стороны, обнаруживается определенное взаимодействие с деепричастиями а. п. *b*, которое может принимать в разных микросистемах несколько различные формы.

Последовательное флексионное ударение у деепричастий а. п. *c* и *b* представлено, например, в Сол. В а. п. *c* здесь находим, в частности, *варя̀*, *вертя́ся*, *подая̀*, *держа̀*, *ловя̀*, *пловя̀*, *ѡ*^{м}*пустя̀*, *не терпя̀* и др., а также *молча̀* 143б, *стоя̀* (4×), *сѣдя̀* (4×). Аналогично в Костр.: *лежа̀* 119б, *молча̀* 17, *стоя̀* 89, 152б, *сѣдя̀* 162б, *не хотя̀* 180б; в Пер.: *лежа̀* 140, *молъчя̀* 149б, *млъчя̀* 132б, 221, *стоя̀* 176б, 179б, *сѣдя̀* 187б, *не хотя̀* 208б, 276б. Такая картина представлена весьма широко, см. карту 13.

Система с сохранением старого ударения в «группе *стоя*»

(кроме *не хотя*) представлена, в частности, в Косм., где находим *ле́жа*, *си́дя*, *сто́я* (а также *по́норовя*, *и зго́воря*) при *говоря̀*, *роспустя̀*, *нарядя̀*, *урядя̀*, *боя́ся*, *зговоря́ся* и др. (также *хотя̀*, *не хотя̀*), см. Глаг. акц., § 21. Аналогично в ряде других памятников, см. карту 13.

Описанная картина может нарушаться в западных и северо-восточных микросистемах эффектом дефинализации (затрагивающим деепричастия а. п. *b* и *c*). Так, в Пат. находим: *слоу́жа* 608в, *соу́дя* 612б, *са́дя* 651г, *хо́тя* 661а (примеров с конечным ударением здесь нет). В других случаях предфлексионное ударение лишь факультативно: Лих. *ко́рмя* 115в, *не исхо́дя* 108а, ср. *держа́* 56в; соответственно, ударения *ды́ша* 163в, *мо́лча* 191в, *хо́тя* (часто) могут быть здесь как старыми, так и оттянутыми. Ср. также в Печ.: *и́ща* 270б, *сви́ща* 123б, *скреже́ща* 463б, *све́тя* 185б (при норме *моля̀* и т. п.); на этом фоне *те́рпя̀* 290 может и не быть архаизмом. Явный пример дефинализации представляет Лет. *стере́га* 107 (при *стерега́ся* 109); ср. также *пля́ша́* 64; ввиду этого двусмысленно *гу́да* 64 (от *густи*). В Авв. норму составляют: для «группы *стоя*» (кроме *не хотя*) — начальное ударение (*гля́дя*, *ле́жа*, *си́дя*, *сто́я* [всего 29×], 1 раз *гля́|дя̀* 249); для прочих деепричастий а. п. *c* и *b* — конечное ударение, например, *браня̀*, *вертя̀*, *говоря̀*, *покропя̀*, *сложа̀*, *ѡ^{m}пустя̀*, *потаща̀* и т. п., *бродя̀*, *купя̀*, *прося̀*, *прискоча̀*, *ухватя̀* и т. п. (отметим особо *не хотя̀* 232, *спустя̀* ‘после’ 231, 268). Имеется, однако, несколько примеров с неконечным ударением в а. п. *b*: *хо́дя* 47, 56б, 225, 239, *мо́ля*^{c} 68б (ср. *ходя̀* 154б, 211, *моля̀* 93, 100, 277б, *помоля̀*^{c} 94).

Помимо дефинализации, появлению неконечного ударения в деепричастиях а. п. *b* способствовало смешение с а. п. *c* (ср. такой недвусмысленный пример, как современное *по́ходя*) и, с другой стороны, влияние презенса (*хо́дишь*, *су́дишь* и т. д.). В силу этого ударения типа *хо́дя* иногда отмечаются и в таких районах, где не было дефинализации; ср., в частности, Ряз. *че́ша* 172б, *зо́бля* 131б, Улож. *смо́тря по*. . . 233, 244; сюда же современное *су́дя по*.

Подвижное ударение в прош. времени

§ 3.63. В соответствии с позднейшей функцией так наз. *l*-причастий мы как правило будем далее называть их просто формами прош. времени. Эволюция подвижного ударения в прош. времени рассмотрена нами (в основном на материале Чуд., Косм., Цв., Дом., Трав., Час., Егор.) в Глаг. акц., § 22—26, 34—36. Расширение материала не изменило основных выводов, полученных в этой работе, но позволило существенно уточнить диалектологические и хронологические характеристики данной эволюции. Важнейшие итоги этого обследования отражены картой 14.

Из этой карты прежде всего видно, что у *i-* и *nǫ-* глаголов энклиноменная акцентовка в прош. времени (по модели *пу́стилъ, пу́стило, пу́стили*) сохраняется, во-первых, в ранних памятниках района Онежского и Белого озер (Сенн., Нил., Прол.), во-вторых, в обширном ареале, охватывающем ближний запад, Москву и южную половину восточной зоны.

К материалу Чуд., М. пс. (Дыбо 1972а), Косм., Трав., Цв. (Глаг. акц., § 24, 35) можно добавить, в частности, следующие яркие образцы архаичных микросистем. Сенн.: *по́гоубилъ* 178б, *-и* 156а, *пре́кратилъ* 202в, *по́ложилъ* 122в, *прилоложилъ* 25г, *по́мрачилъ* 30а, *поу́стилъ* 7г, *ся ро́дилъ* 207б, *ся не́ родилъ* 126в, *ся не ро́дилъ* 207б, *ра́зрушилъ* 202г, *тво́рилъ* 63б, *-и* 204г, *ство́рилъ* 92г, 213а, *-и* 26б, *ство́рилъ бы* 185в, *сътворилъ* 206г, *цѣлилъ* 45г; *ми́нуло* 64в, *по́мянулъ бы* 63в; ср. новое ударение в *свръши́лъ* 97г, *оугаси́лъ* 30а. Возвратные: *роди́лъся* 49б, 126г, *ѡврати́лися* 207в, *съкрати́лися* 114б. Для ед. жен. находим только *огради́ла* 182а, в остальных случаях писец предпочел не выставлять ударения (*варила* 205г, *покорила* 26а, *оулучила* 70в). В а. п. *b* представлены *съблазни́лися, накорми́лъ, моли́ли, носи́лъ, приноси́ло, проси́ла бы, суди́ли.*

Лет.: *све́рши*^{a} (5×), *-ли* 359б bis, 361, *ѡбговорили* 351, *при́говори*^{a} 382б, *по́губи*^{a} 114б, *да́рилъ* 268, *у́кроти*^{a} 343, *за́ложи*^{a} (8×), *по́ложи*^{a} (6×), *при́ложи*^{a} 394б, *сло́жили* 306, *сло́жили бы* 303, *сми́рилъ* 44, 130б, *и́змени*^{a} 268, 360, *-ли* 373б, *пере́мени*^{a} 405 (NB *пере́-*), *по́дмени*^{a} 251б, *не́ поусти*^{a} 353б, *ѡ^{m}пусти*^{a} (47×), *-ли* 288б, 353б, 412б, *не́ ѡ^{m}пусти*^{a} 337, *не ѡ^{m}пусти*^{a} 306, *про́разило* 338, *сра́зи*^{a} 340б, *по́сади*^{a} 376б, *по́таи*^{a} 326б, *у́таили* 314, *чи́нили* 326б, *не́ чини*^{a} 401, *у́чини*^{a} 400б, *-лъ* 269, *-ли* 273б, 387 (+ 415б), итого 102 примера; также аористы с ударением *l*-причастий — *ско́ромоли* 354б, *за́ложи́* 385, *ѡ^{m}пусти* 227, *не́ застрѣли* 205б, *ми́ну* 145. С новым ударением: 1) словоформы с книжными приставками *воз-* и *раз-* — *възь|брани́лъ* 24б, *възврати́л бы* 311, *възложи́лъ* 38б, *раздѣли́ли* 195б, *разори́ли* 319, *разрази́ло* 365б; 2) книжные слова — *ѡбожи́лъ* 24б, *ѡ^{m}врати́л бы* 283, *блговоли́*^{a} 377б, *бл^{c}ви́*^{a} (3×: 205б и др.; однако *бл^{c}влъ* 378б); возможно, сюда же *плѣни́*^{a} 257; 3) прочие — *ѡ^{m}ложи́*^{a} 281б, *сложи́лъ* 303, *прости́ло* 239б, *посади́лъ* 276, *всели́лъ* 64б, *слѣпи́*^{a} ‘ослепил’ 93б, *не учини́*^{a} 129б. Возвратные: *сложи*^{a}*ся́* 93б, *помирился́* 416б, *роди*^{a}*ся́* 259б, *сложили́ся* 102б; с другой стороны, *яви́лся* 31, 248б, *сложи́ли*^{c} 136б, *научи́лися* 285б, *учини́лося* 323, вероятно, сюда же *исторопи́ли*^{c} 350. Ед. жен. представлено так: *бл^{c}вила́* 287б, с другой стороны, *заложи́ла* 235, *учини́лася* 268б (ср. еще *учинилася* [б. уд.] 407). В а. п. *b* выступает устойчивое предфлексионное ударение: *ѡборони́лъ, вороти́-лъ, -лъ*^{c}, *-ли*^{c}, *гони́ли, пригони́лъ, жени́лся, казни́*^{a}, *купи́лъ, искупи́*^{a}, *совокупи́ла*^{c}, *сломи́ло, моли́-лъ, -лъся, носи́ло, -и*^{c}, *служи́лъ, ѡступи́ли, ѡ^{m}ступи́лся, соуди́*^{a}, *не хвати́лъ, ходи́лъ, -а, -и* и др. Глагол *творити* колеблется в Лет. между а. п. *c* и *b* (*твори́ть* и *тво́рить* и т. п.); соответственно, при *тво́-*

рилъ 326б находим *сътвори́лъ* 27, *твори́лъ* 93б, *-и* 89б, также *затвори́лся* 275, *затвори́л бо*^{c} 136. При *не нуди́*^{a} 383б встретилось также *не́ нуди*^{a} 382б (презенс *ну́дя*^{m} 383 и *не нуди́*^{m} 382б).

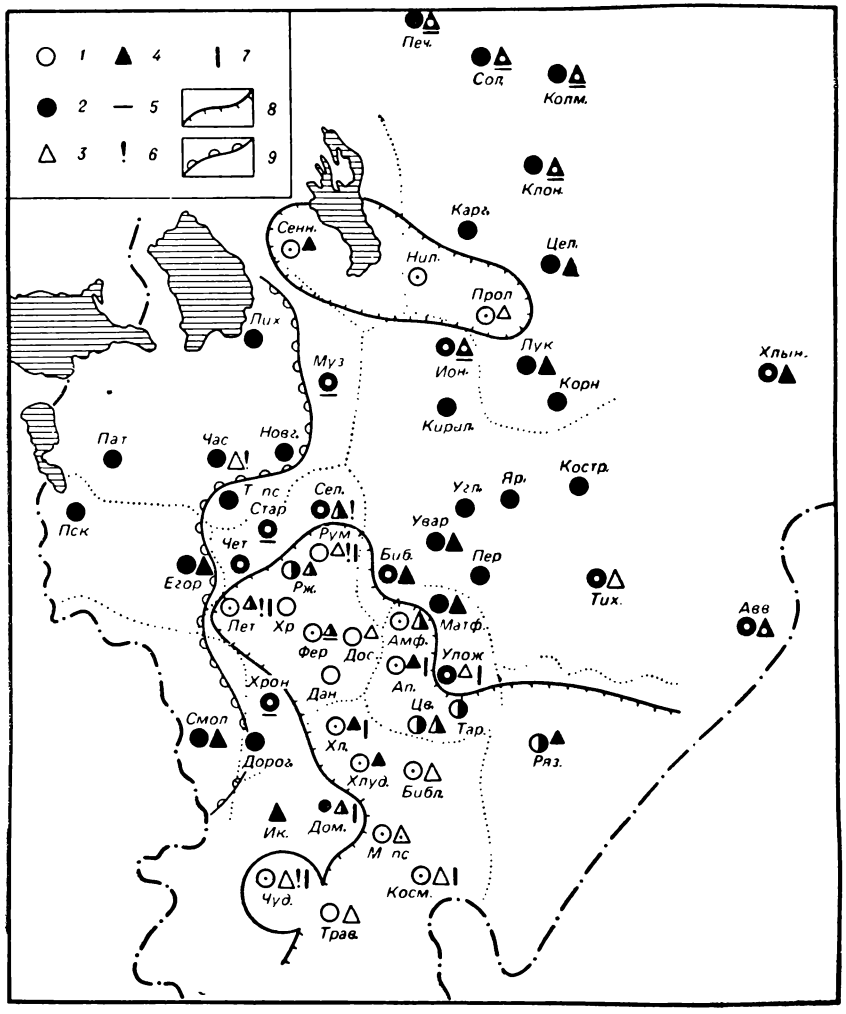
Заметим, что встретившиеся в Лет. контаминированные словоформы прош. времени типа *ѡ*^{т}*пусти* (с окончанием аориста, но с ударением *l*-причастия) отмечаются и в других памятниках, например: Ион. *вло́жи* 323б, Фер. *ра́зрѣши* 970, *по́сади* 996, Амф. *со́бра*^{x} 204б, Рум. *оу́чи*^{x} 336, Печ. *при́зва* 199б. Это, конечно, не реликты древнейшего ударения аориста (ср. хотя бы формы 1 ед., где никогда не было энклиноменной акцентовки), а косвенное следствие отсутствия аориста в живой речи: писец знал, что книжная форма прош. времени получается снятием *-лъ* или заменой его на *-хъ*, но, ставя ударения, имел в виду живую форму на *-лъ*.

Из материала Лет. видно, что книжная окраска глагола (даже если она определяется одним лишь наличием книжного варианта приставки) существенно способствовала выбору предфлексионного ударения в прош. времени. Эта зависимость прослеживается и по ряду других памятников. Так, ударение на *раз-*, *пред-* встречается исключительно редко; довольно редким является также ударение на *воз-*; ударения *прельсти́лъ*, *предвари́лъ* практически постоянны; ударение *сотвори́лъ* часто встречается даже в таких памятниках, где в презенсе представлено только *твори́шь*. Ниже при оценке соотношения старого и нового ударения в прош. времени в конкретной микросистеме перечисленные категории примеров с книжным предфлексионным ударением в расчет не принимаются.

Акцентовка по модели *пу́стилъ*, *пу́стило*, *пу́стили* практически безупречно соблюдена в Дос., Дан., Хр., Рум. (правда, материал здесь сравнительно невелик); она безусловно преобладает также в Нил., Прол., Фер., Ап., Амф., Хл. Хлуд., Библ. Ближе к равновесию соотношение в Тар. и Ряз. В Цв., Рж. несколько преобладает уже новое ударение. Далее в этой градации следуют многочисленные памятники, где старая акцентовка встретилась лишь в единичных случаях или не встретилась совсем; см. карту 14.

В части памятников старое ударение устойчивее сохраняется в ед. муж., чем в ед. сред. и мн. Наиболее заметно это различие в Амф., Библ., Ион., Хлын.

Что касается формы ед. жен., то здесь представительный материал имеется далеко не во всех памятниках (см. карту 14), поэтому диалектологические заключения менее надежны. Сверх материала, приведенного выше и в Глаг. акц., § 24, 35, с флексионным ударением отмечены (не считая *родила̀*, *породила̀*): Дос. *ѡ*^{т}*пустила́* 81, Амф. *обновила́* 178б, *явила́* 118б, *-а́ся* 155б, 181б, Библ. *заплатила̀* 962, *оучила̀* 974, Рж. А *раздѣлила̀* 11б, Сел. *озари́ла̀* 435, *обложила̀* 458б, *оулучила̀* 135б, *обновила̀* 228, *обнови́ла̀* 453б, Тих. *ѡбновила̀* 43, *объявила́ся* 93б; ср. также с вторичным ударением — Прол. *преступила̀* 69, Рум. *возлюбила̀* 325. По-видимому, ударение по модели *пустила̀* сохранялось в основном в тех же самых районах, что и ударение типа

Карта 14. Ударение в прош. времени глаголов а. п. *с*:

1 — у *i*- и *no*-глаголов модель *пу́стилъ, пу́стило, пу́стили*, *2* — модель *пусти́лъ, пусти́ло, пусти́ли*; *3* — модель *пустилà*, *4* — модель *пусти́ла*; *5* — ударение по модели *пу́стилъ, -о, -и* или по модели *пустилà* представлено только в глаголах *родити, породити*; *6* — есть хотя бы один пример ударения по модели *пустилсѧ*; *7* — есть хотя бы один пример ударения по модели *пустилóся, пустили́ся*; *8* — основные ареалы, где модель *пу́стилъ, -о, -и* преобладает или хотя бы достаточно распространена; *9* — восточная граница зоны, где в прош. времени V-корневых глаголов господствует или преобладает модель *продáлъ, продáло, продáли* (восточнее этой линии господствует *прóдалъ, -о, -и*).

пу́стилъ, -о, -и. Правда, в нескольких памятниках (Час., Сел., Дом., Тих.) обнаруживается тенденция к соотношению типа *пусти́лъ, пустилà* (ср. современное литературное *роди́л, родилá*). Основная группа памятников XVI—XVII вв., хорошо сохраняющих модель *пустилà*, относится к югу: Библ., Косм., Трав., М. пс.

Возвратные формы в целом обнаруживают бóльшую склонность к новому ударению, чем невозвратные. Это более всего заметно

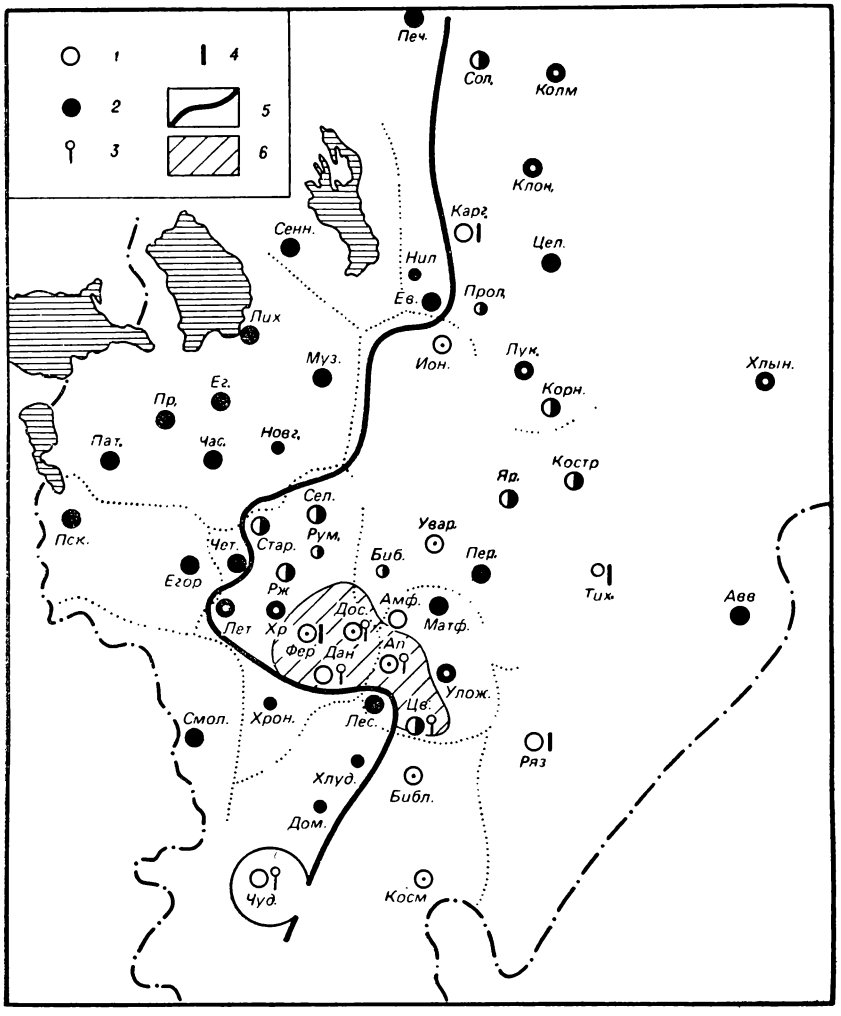
в форме ед. муж.: старое ударение (не считая *родилсѧ*, отмеченного в Лет., Косм., Сел.) отразилось только в Чуд. *сложилъ*ı*сѧ* 40в, Час. *поклонилсѧ* 293б, *явилсѧ* 280 (также *сподобилсѧ* 315б, *ѡбогатúлсѧ* 271), Лет. *сложи*ı*сѧ* 93б, *помирилсѧ* 416б, Рум. *покорилсѧ* 345, *поручилсѧ* 342б, Сел. *явúлъсѧ* 83, 364, *явúлъсѧ* 443б. Далее, в ряде микросистем с частичным сохранением акцентовки типа *пу́стило*, *пу́стили*, *пустилѫ* наблюдается тяготение к предфлексионному ударению (*пуст-и́лося*, *-и́лися*, *-и́лася*) в возвратных формах. В самой резкой форме это различие выступает в М. пс., в менее резкой — в частности, в Лет., Косм., Ряз. В ед. сред. и во мн. старое ударение вообще отмечается редко: Чуд. *сложилѝся* 75г, Лет. *сложили́ся* 102б, Ап. *изложили́ся* 260б, Хл. *родило́ся* 307б, Косм. *прилучило́ся* 94, *побранили́ся* 111б, *договорили́ся* 37б, *укрепили́ся* 155б (+164б), *пустили́ся* 107, *научили́ся* 160, Дом. *не родило́ся* 75б, Ратн. *обворотили́ся* 97б, Улож. *свободили́ся* 259, *не ѡбъявили́ся* 262, *родили́ся* (4×), *породили́ся* 270б, 279б; ср. также Рум. *провозвѣстилѫ тѝ ся* 330.

Вопрос об эволюции подвижного ударения в прош. времени V-корневых и *а*-глаголов разобран в Глаг. акц., § 25, 34, 36. Здесь добавим лишь, что увеличение числа обследованных памятников позволило провести примерную восточную границу преобладания новой модели *прода́лъ*, *прода́ло*, *прода́ли* в XVI—XVII вв.; она мало отличается от границы основной части западной зоны, см. карту 14. Только новое ударение встретилось (в ед. муж. и сред. и мн.) в Час., Лих., Пр., Егор., Смол.; в Новг. оно преобладает. Восточнее проведенной на карте линии новое ударение отсутствует или встречается лишь в качестве единичных отклонений от нормы (только в Клон. и Цел. его доля несколько больше).

Деепричастия прош. времени у глаголов с подвижным ударением в прош. времени

§ 3.64. Первоначально словоформы на *-въ* (*-ъ*) у V-корневых, *а-*, *i-* и *nǫ*-глаголов с подвижным ударением в прош. времени (кроме *jьмъ*, *-чьнъ*, *жьмъ*, § 2.20) были энклиноменами. В старовеликорусских памятниках отразился процесс перехода от этой старой акцентовки к новой (предфлексионной), например, *пода́въ*, *собра́въ*, *пусти́въ*, *помяну́въ* вместо прежних *пóдавъ*, *сóбравъ*, *пу́стивъ*, *пóмянувъ*; ср. регулярно выступающие во всех памятниках *позна́въ*, *уби́въ*, *изгна́въ*, *посла́въ*, *солга́въ*, *оси́въ*, *дерзну́въ* и т. п. (от глаголов с неподвижным ударением в прош. времени).

Рассмотрим вначале этот процесс у V-корневых и *а*-глаголов (где он протекал с умеренной интенсивностью). Из карты 15 видно, что западная граница хотя бы частичного сохранения старых акцентовок типа *пóдавъ*, *сóбравъ* относится к классу схематических изоглосс, разделяющих восточную и западную зоны. Правда, микросистемы с полной победой моделей *пода́въ*, *собра́въ* встречаются и в восточной зоне, но все они (Пер., Матф., Авв., Цел.) относятся к XVII в.

Карта 15. Ударение деепричастий прош. времени у глаголов с подвижным ударением в прош. времени:

1 — у V-корневых и *a*-глаголов модель *по́давъ*, *2* — модель *подáвъ*; *3* — у *i*- и *ǫ*-глаголов преобладает или хотя бы достаточно распространена модель *по́ложивъ*; *4* — единичные примеры модели *по́ложивъ*; *5* — западная граница распространения модели *по́давъ*; *6* — основной ареал, где хотя бы частично сохраняется модель *по́ложивъ*.

Образцы микросистем с господством старого ударения. Чуд.: *прòсте*^{v} 17а, *оу́меръ* 85б, *по́давъ* 71б, *пре́|давъ* 66в; *со́звавъ* 163в (вероятно, также *со́зва|въ* 65б, где надстрочный знак плохо виден); иное ударение в *призва́в же* 75г обусловлено контактом с энклитикой. Дос.: *ѿ*^{m}*давъ* 55, *про́давъ* 129б, *по́живъ* 112, *и́спи*^{e} *же* 101, *не́ пивъ* 134, *со́бравъ* 150б, *по́ждавъ* 229б, *при́звав же* 31б, *скѹ́вавъ* 239б; новое ударение — *призва́въ* 241 (*прѡсте́ръ* 128, возможно,

отражает перевод данного глагола в неподвижную а. п.). Дан.: *не́ бывъ* 122б, *по́давъ* 92б, 94, *съ́давъ* 85, *по́живъ* 169, *и́збравъ* 89б, 90, *съ́бравъ* 8, 158б, *по́звавъ* 96, *при́звавъ* 2, 54, 83, *съ́звавъ* 158б, *о́сновавъ* 153б (ср. также *съ́бравше* 158б, *при́звавше* 10). Библ.: *оу́меръ* 618б, *пре́давъ* 692, 734, *при́звавъ* (11×); новое ударение — *пребы́въ* 607, *призва́въ* 675б. Ряз.: *пре́бывъ* 92, 112 (+148б), *по́давъ* 4, *со́бравъ* 204б.

Образцом микросистемы с приблизительным равновесием двух акцентовок может служить Цв.: *и́збывъ*, *пре́бывъ*, *о́бвивъ*, *по́вивъ*, *по́давъ* (4×), *пре́давъ* (2×), *со́здавъ* (4×), *со́бравъ* (3×) (ср. также *ѡковавъше* 194б); но примерно столь же часто эти же словоформы встречаются здесь и с предфлексионным ударением (см. Глаг. акц., § 37).

Пример микросистемы, где от старого ударения сохраняются только слабые следы, — Лет.: *по́*|*нявъ* (2 уд.) 260б при постоянных *побы́въ*, *пребы́въ*, *подава́ъ*, *предава́ъ*, *раздава́ъ*, *пожи́въ*, *испи́въ*, *приплы́въ*, *избра́въ*, *собра́въ*, *пожда́въ*, *возва́ъ*, *позва́ъ*, *призва́ъ*, *ѡкова́въ* (всего более 30×; ср. также *подня*^{в} 260б).

Отметим также выборочно некоторые примеры начального ударения из разных памятников: *во́здавъ* Ап. 260б, *не́ давъ* Улож. 119, *о́жив же* Ап. 66б, *ра́спяв себе* Корн. 395б, *не до́ждавъ* Фер. 504б, также *со́здавъ* Тих. 48б, *на́чавъ* Стар. 28, *за́нявъ* Улож. 161.

Микросистемы с полной победой нового ударения. Ввиду однообразия их материала ограничимся здесь лишь самыми ранними из них (конца XV в.). Час.: *ѡбви́въ* 359, *пожи́въ* (4×: 291б и др.), *испи́въ* 260б, 277. Нил.: *преда́въ* 198б. Ев.: *призва́въ* 97б, *съзва́в же* 156. Сенн.: *пребы́въ* 138в, *пода́въ* 34б, *преда́въ* 133б, 196б, *прода́въ* 133в, *възва́въ* 215г bis, *призва́въ* (часто).

Общее представление о ситуации во всех остальных памятниках дает карта 15.

У *i-* и *nǫ*-глаголов новое ударение развивалось гораздо стремительнее. Так, уже в Чуд. представлена переходная (а не чисто архаичная) система: *не́ положи*^{в} 37г, *створи́въ* 79г, *на́оучивъ же* 140б, *вспо́мяноувъ* 140б (вероятно, сюда же *о́бщетивъ* 31г) — *при*|*гвозди́въ* 131а, *вложи́въ* 95б, *про*|*оубѣди́въ* 127г, *вспомяноу́въ* 86б, 140б.

Архаичная система (почти без отклонений) зафиксирована только в двух волоколамских рукописях XVI в. Дос.: *вре́дивъ* 57, *оу́годивъ* 105 (+204), *про́казивъ* 266б, *пре́клѡнивъ* 268б, *ѡ*^{т}*ключивъ* 120 bis, *кр*$^{с'}$*тивъ* 8, *пре́кр*^{с}*тивъ* 56, *по́ложивъ* 56, 124б, 274 (+42), *при́ложивъ* 240, *сло́живъ* 131, *ѡбнаживъ* 106, *ѡ*^{т}*пустивъ* 210, *ра́зоривъ* 277, 278б, *ѡстивъ* 164, *по́оучивъ* 82, 185, 287 (ударение *бл́годари́въ* 130б обусловлено тем, что здесь сложная основа). Дан.: *не́ превративъ* 141б, *съ́кративъ* 10б, *сло́живъ* 48б, *не́ преложивъ* 95б, *при́ложивъ* 111, *и не́ получивъ* 66, *не́ смеживъ* 169б, *съ́творивъ* 82б,

111б, 155 (+72, 96) (ср. также *сътворивше* 158б, *сътворúвше* 151, 156б); новое ударение представлено в *не превратúвъ* 95, *и³явúвъ* 120б. При этом в обеих рукописях словоформы с *ся* (или *же ся*) последовательно получают предфлексионное ударение: *кр^{e}тúвся*, *оутайвся*, *лишúв же ся*, *чюдúв же ся* и т. п.

Во всех прочих памятниках XVI—XVII вв. картина совершенно иная: старого ударения нет совсем или от него сохранились лишь небольшие остатки. Наиболее заметные остатки такого рода (на фоне господства нового ударения) обнаруживаются в московских памятниках Ап. и Цв.: Ап. *оу́годивъ* 222, *не вмѣ́нивъ* 138б, *на́оучивъ* 166; Цв. *о́душивъ* 9б, *по́ложивъ* 171, также *ро́дивъся* III 96, 134б, *я́вивъся* III 145б, 154 (ср. еще *ми́нувши^{м}* Д. мн. III 208б). Прочие примеры совершенно единичны: Фер. *по́у́стúвше* (2 уд.) 497, Жит. *по́мяноувъ бо* 281б, Карг. *лúши^{е}ся* 494, Ряз. *по́ложивъ* 8, Тих. *ро́дивъ* 47б (пример *вмѣ́нивъ* Час. 286 сомнителен).

Что касается деепричастий на *-ши*, *-ше*, а также всех возвратных, то в XVI—XVII вв. они во всех рассмотренных группах глаголов как правило имеют предфлексионное ударение: *подáвши*, *подáвся*, *подáвшися* и т. д. Изредка они заимствуют ударение у формы на *-въ*; некоторые примеры такого рода (*сѣ́бравши*, *прúзвавше*, *ꙋковавъше*) отмечены выше. Старое ударение, еще частично сохраняющееся в Чуд. (*оумершѝ* 108а, *оумершѐ* 102в, *вдавшѐ* 76б и некоторые др.), в более поздних памятниках отмечается очень редко: Жит. *сътворивсѧ́ чл҃къ* 'притворившись человеком' 271б; Лет. *сперши^{е}* 249; Косм. *собравшúся* 56б, 75б, 76, 173, *собравсѧ́* 116, 150, *пустивсѧ́* 175б; Авв. *запе^{р}шúся* 19, 201.

Страдательные причастия прош. времени

§ 3.65. Для страдательных причастий актуальны все те сведения о различии главных и второстепенных нечленных форм и о противопоставлении народных и книжных акцентовок, которые даны выше (§ 3.51) применительно к прилагательным. Далее, следует учитывать, что в части памятников XVI—XVII вв. книжная акцентовка у причастий факультативно сопровождается написанием с *-нн-* (ср. § 3.13, п. 1). Примеры, где при таком написании показана некнижная акцентовка, чрезвычайно редки.

Правила акцентуации причастий, разбираемые ниже, не распространяются на случаи, где причастие подверглось адъективации. Почти все адъективированные причастия, реально встречающиеся в памятниках, носят книжный характер; соответственно, они получают книжное (т. е. предфлексионное) ударение. Таковы, например, *блаженъ*, *явленъ* 'явный, manifestus', *избранъ* 'лучший, превосходный' и т. п. Не подчиняются акцентным правилам о причастиях также сложные прилагательные, включающие причастие, например, *новорож(д)енъ*, *богоизбранъ*; в большинстве случаев они выступают с неподвижным предфлексионным ударением.

Ниже разбираются наиболее важные с акцентологической точки зрения группы страдательных причастий; относительно грамматических помет при примерах см. § 3.51.

en-причастия

§ 3.66. Рассмотрим прежде всего *en*-причастия от *i*-глаголов а. п. *c* и С-корневых глаголов с флексионным ударением в прош. времени (для краткости вся эта группа причастий может быть названа далее «*en*-причастиями от глаголов а. п. *c*»). В XIV—XVII вв. в нечленных формах этих причастий представлено две основных акцентовки: 1) более старая (хотя все же не первоначальная, см. § 2.21) — флексионная (главные формы акцентуированы *-ѣ́нъ*, *-ена̀*, *-ено̀*, *-ены̀*); 2) более новая — суффиксальная (соответственно *-е́нъ*, *-е́на*, *-е́но*, *-е́ны*). Как можно видеть из карты 16, суффиксальная акцентовка характерна для западной зоны, флексионная или смешанная — для восточной. При этом, однако, акцентовка западного типа частично проникла и в восточную зону: она встречается в некоторых памятниках северо-востока, Москвы и юга.

Что касается членных форм, то во всех памятниках, кроме Мер., у причастий данного класса они имеют предфлексионное ударение (независимо от акцентовки нечленных форм), например: *прощё́н-(н)ыи*, *приведё́н(н)ыи*. Лишь в Мер. частично сохранилась более древняя акцентовка — флексионная, например: *изложе́ньѥ*, *нареченьѥ* (см. Акц. Мер., § 88). Далее в настоящем параграфе мы рассматриваем уже только нечленные формы.

В качестве редкого отклонения от нормы иногда встречается также (в членных и нечленных формах) акцентовка третьего типа — корневая, например, *наса́жен-ыи*, *-ъ*, *-а*, *-о*, *-ы*. Такие примеры собраны в § 3.68 (а в основном изложении они не принимаются в расчет).

Рассмотрим некоторые наиболее показательные микросистемы (для упрощения разбора мы ограничиваемся, если не оговорено иное, лишь теми глаголами, где а. п. *c* исконна).

Микросистемы с флексионным ударением нечленных форм. Прежде всего сюда относятся древнейшие памятники Чуд. и Мер. В Чуд. безусловно господствует флексионное ударение: *оболчена̀*, *-ѝ*, *ражженѡ̀*, *спасенѝ*, *свершенѡ̀*, *-ѝ*, *порожденѝ*, *оучинена̀*, *-ѝ*, *явлена̀*, *-ѡ̀*, *-ѝ* и т. п. (около 90 примеров). Суффиксальное ударение нечленных форм отмечено в Чуд. в следующих случаях. В непредикативном употреблении: *чл҃вка... оболче́на* В. ед. 30б (+7б), *в пе́щи ражженѣ* 149б, *стрѣ́лы... раждены* В. мн. 127б, *сна... свершена̀* (2 уд.) Р. ед. 145в, *рода... развраще́на* Р. ед. |128в, *оутвержены имя́ху но́зѣ в дре́вѣ* 56б, *явле́на* (В. ед.) *тя твори*^{т} 15б, *пре*^{ѳ}*словье... пре*^{ѳ}*|оучинѐно* (атрибутивн.) 95г, *пре*^{ѳ}*|оучине́на времена̀* В. мн. 71а. В примерах со словами *свершенъ*, *развращенъ*, *явленъ* усматриваются начатки адъективации; ср. еще *яко новорожени младе́нци* 84б (см.

§ 3.65). В предикативном употреблении отмечены: *принесе́но бы*^{e} 74б, *ицѣле́ни бы́ша* 56б, 63в, *ѡ*^{m}*поуще́на бы́ста* И. дв. 68в. Отклонения от флексионного ударения, встретившиеся в Чуд., уже отчасти сходны с теми, которые характерны для восточных памятников XVI—XVII вв. (см. ниже), но они представлены здесь гораздо слабее (а форма И. мн. на *-ени* еще практически не отличается от прочих форм И. падежа).

В Мер. находим *сведенѡ*, *погребенѡ*, *свершенѡ*, *прощенѡ*, *затворенѡ* и т. п., указывающие на флексионное ударение (всего 64 примера); встретилось также 4 примера с *-ено*, но они могут быть упрощенными написаниями, а не отражением суффиксального ударения (см. Акц. Мер., § 88). Об ударении членных форм в Мер. см. выше.

Среди памятников XVI—XVII вв. для изучения причастий особое значение имеет Бук., поскольку здесь демонстрация причастных словоформ с их ударением была одной из непосредственных задач составителя. В Бук. содержится более 500 примеров *en*-причастий рассматриваемого акцентного класса; они последовательно акцентуированы по модели *-е́нъ*, *-ена́*, *-ено́*, *-ены́*. В материал Бук. входят *en*-причастия со следующими корнями или основами (в список включены глаголы как с исконной, так и с вторичной а. п. *c*): от *i*-глаголов — *блаж-*, *о-богащ-*, *о-бож-*, *бран-*, *у-бѣжд-*, *от-вал-*, *с-верш-*, *воз-весел-*, *-влач-*, *-вращ-*, *врежд-*, *-вѣщ-*, *-гаш-*, *-глаш-*, *в-глубл-*, *-гражд-*, *горбл-*, *-груж-*, *со-грѣш-*, *-губл-*, *дар-*, *-дивл-*, *о-дожд-*, *от-дој-*, *из-долбл-*, *-дробл-*, *во-друж-*, *у-друч-*, *дѣл-*, *о-жещ-*, *о-зар-*, *злащ-*, *ис-каж-*, *за-ключ-*, *у-кор-*, *ис-корен-* (*у-*), *со-кращ-*, *крещ-*, *о-крил-*, *кропл-*, *о-круж-*, *со-круш-*, *-крѣпл-*, *вос-крѣш-*, *легч-*, *об-лич-* (*у-*), *лиш-*, *у-ловл-*, *-ложж-*, *от-луч-*, *льщ-*, *лѣч-*, *у-мащ-*, *у-мертв-* (*у-мершв-*), *с-мир-*, *о-мрач-*, *от-мщ-*, *воз-мущ-*, *в-мѣщ-*, *об-нищ-*, *из-нур-*, *во-площ-*, *за-пој-*, *ис-пражн-*, *от-пущ-*, *за-прещ-*, *из-равн-*, *от-раж-*, *в-разумл-*, *рождд-*, *-руч-*, *от-рѣш-*, *-саждд-*, *про-свѣщ-*, *свящ-*, *в-сел-*, *пре-благослов-*, *ис-стуж-*, *ис-суш-*, *тај-*, *за-тверж-*, *твор-*, *ис-требл-*, *-тѣсн-*, *вз-ущ-*, *-уч-*, *за-уш-*, *хран-*, *ис-цѣл-*, *чащ-*, *чин-*, *щаж-*, *щербл-*, *щич-* (*за-щищ-*), *явл-*, *изъ-ясн-*; от C-корневых глаголов — *со-блюд-*, *про-бод-*, *-вед-*, *-влеч-*, *у-вяз-*, *-гнѣт-*, *-греб-*, *-жж-*, *от-жен-*, *жр-* ‘sacrificatus’, *-мет-*, *-нес-*, *с-пас-*, *об-рѣт-*, *реч-*, *тряс-*, *чт-*, *яд-* (см. Аксенова 1982). Заметим, что Бук. предписывает флексионное ударение для ряда книжных слов, которые в рукописях того времени обычно имеют суффиксальное ударение (во всех формах), в частности: *преблаж-е́нъ*, *-ена́*, *-ены́*, *смирена́*, *-до́*, *-ы́*, *сщ̀е́нь*, *сщ̀ена́*, *-до́*, *-ы́*, *преблг*^{e}*в-е́нъ*, *-ена́*. Вероятно, здесь отразились нормализаторские установки составителя, не вполне соответствующие в этом пункте господствовавшей в то время практике.

Далее, выделяется значительная группа памятников XVI—XVII вв. с практически одинаковой системой акцентовки *en*-причастий рассматриваемого класса, которую можно охарактеризовать

как образцовую восточную систему данной эпохи. Сюда относятся памятники: светские — Косм., Дом., Трав., Улож., Тих., Колм., Авв., Цел.; церковные — Тар., Рум., Биб., Ряз., М. пс., Сел., Сол. Данная система сочетает народное флексионное ударение нечленных форм и книжное суффиксальное. Их распределение подчиняется принципам, описанным в § 3.51, 65. Конкретно это сводится к следующему.

Адъективированные причастия *блаженъ*, *воплощенъ*, *одушевленъ*, *священъ*, *смѣренъ* (позднéе *смиренъ*) ‘смиренный’, *с(о)вершенъ*, *почтенъ* ‘почтенный’, *явленъ* ‘явный, manifestus’ (все они носят книжный характер) почти всегда выступают с книжным предфлексионным ударением; сюда следует добавить *с(о)кровенъ*, *умиленъ*, *испещренъ* из числа слов, где встречается неисконная а. п. *с*. Кроме того, с книжным ударением выступают вообще любые нечленные формы, которые писец счел нужным записать с *-нн-* (и тем самым прямо показал их книжность), например, *явлéнны*, *речéнно бы́сть*.

Вне указанных ограничений правила таковы. Главные нечленные формы, выступающие в предикативной функции (ниже они обозначаются как «основной материал»), нормально имеют флексионное ударение. Исключение составляют причастия от специфически книжных глаголов (в первую очередь, *рещи*, *отрещи*, *нарещи*): они даже и в предикативной функции выступают преимущественно с книжным суффиксальным ударением, например, *речéно бы́сть*. Для главных нечленных форм, выступающих в непредикативной функции, а также для всех второстепенных форм обычным является суффиксальное ударение. Флексионное ударение выступает здесь лишь как факультативный вариант. Его доля в общем числе примеров различна в разных памятниках (например, в Рум., Ряз., Тих. эта доля значительна, в Биб., Сол. весьма мала, в Тар., М. пс., Авв. равна нулю) и для разных грамматических форм (так, для В. ед. на *-ена* и *-ену* и И. В. мн. на *-ена* эта доля несколько выше, для Д. М. ед. на *-енѣ* и И. мн. на *-ени* она минимальна).

В качестве образца рассмотрим микросистему Авв. Из адъективированных причастий здесь находим: *бл҃гословéна* 9, *ѡд҃шевлéна* 223б. Через *-нн-* записаны: *речéнно бысть* (6×: 107б, 108 и др.), *речéнна* 139, *явлéнни* 248. Основной материал: *привезенѫ* 94б, 279, *возвѣщенѫ* 239б, *говоренѫ* 75, 78б, 227б, 259б, 261б, *не загороженѫ* 206, *погубленѫ* 264, *не крещенѫ* 233, *положенѫ* 111, 219, 265б, *попущенѫ* 76, 261, *разоренѫ* 37б, *-ы́* 18, 200, *растащенѫ* 37б, *не затворены́* 142, *ѡ^{т}творены́* 67б, 252. Во всех остальных случаях, напротив, ударение суффиксальное: *пр҃иде... двц҃а многими грѣхми ѡбременéна* 14б, *розведéни бу́дутъ* 142, *изменéна* В. ед. муж. 5б, *-у* В. ед. жен. 6б, 191б, *в пещь разженéнѣ* 135, *ста^{р}цы* (В. мн.)... *ѡблечéны в бѣлы ри́зы* 136. Таким образом, в Авв. сформулированные выше правила соблюдаются вообще без исключений. Отметим особую наглядность отразившейся у Аввакума оппозиции *говоренѫ* — *речéнно*

(в одной и той же предикативной функции; и то и другое неоднократно).

В нецерковных памятниках Косм., Дом., Трав., Улож., Колм., Цел. картина упрощается тем, что *еп*-причастия здесь почти всегда представлены только главными формами, причем выступающими в предикативной функции (материал по Косм. см. в Глаг. акц., § 31). Отклонения от сформулированных выше правил здесь совершенно единичны: Косм. *устремлéны были* 70б, Дом. *просолéно* 69б, *сочтéно* 90б. Ударение *речéно есть* Трав. 5б, 88, *ѡтречéно бысть* Улож. 187 закономерно (см. выше).

Рассмотрим в качестве еще одного образца церковный памятник — Ряз. В этом памятнике позиции флексионного ударения очень сильны: оно представлено здесь несколько шире, чем по общим правилам. Из адъективированных причастий находим, например: *блжéна* 201б, *-о* 253б, *смирéна* 208, *-о* 144б, 301б, 318, *совершéно* 334б, *-а* И. мн. 330, *сокровéна* 9б, 128б, *-о* 152б, *явлéна* В. мн. 42, *явлéнно* 113б; однако встретились также *блаженыѧ* В. мн. 247б, *смирéнѫ* 244, *смиреныѧ* В. мн. 83б, *совершенѫ* 94б, 290 и нек. др.; ср. также *надменѫ срⷭце* 223б, *почтенѫ* 'почтенного' В. ед. 190б. Из написаний с *-нн-* отметим, в частности: *сотвержéнна* 115б, *оутвержⷭнéнно* 172б, *неоукрощéнно* 329б, *проявлéнно* 255б, 295б, 309. Главные нечленные формы в предикативной функции (а также в функции обособленного приложения, которая здесь дает тот же эффект, что предикативная): *лишенà* 90б, 135б, *оуморенѫ* 124, *премѣненà* 148, *-ы* 254, *премененѫ* 200б, *воспущенà* 86б, *не раздрѣшенѫ* 156, *затвержденѫ* 203б, *оутвержденà* 2, 299, *сотворенѫ* 61б, *срастворенà* 278, *ѡтягченà* 139 (отметим еще *оумерщвенѫ* 172, *ѡпаленыѧ* 87б, где а. п. *с* неисконна). Колебание: *реченѫ* 132, 314б — *речéно* 311. Отклонения: *бѣ же. . . оуморéно* 9, *еже проявлéно* 264 (ср. выше более частое написание *проявлéнно*). В прочих случаях встречается как флексионное, так и суффиксальное ударение. Флексионное ударение явно преобладает: в главных нечленных формах, выступающих в атрибутивной функции (например, *несокрушенà* 277б, *прельщенà* 200б, *сътвержденѫ* 118, также *оуединенà* 177, *неѡскверненѫ* 218, при более редких *сокрушéно* 301, *притворéно* 201); в форме В. мн. на *-ены* (*сокрушеныѧ* 83б, 204, *ѡмраченыѧ* 62, 83, *смущеныѧ* 62, *потопленыѧ* 225; *-éны* не встретилось). Оно преобладает также в В. ед. муж. на *-ена* (*-енà* [3×]: *-éна* [1×]), В. ед. жен. на *-ену* (3 : 1), Д. ед. на *-ену* (5 : 3). Напротив, в И. мн. на *-ени* безусловно преобладает суффиксальное ударение (*-енѝ* [2×]: *-éни* [10×]); то же в Д. М. ед. на *-енѣ* (0 : 4). В И. мн. на *-ена* представлено *-енà* (2×) и *-éна* (4×).

Как можно видеть из материала, в форме И. ед. жен. отклонения в сторону суффиксального ударения встречаются в Ряз. реже, чем в других формах. То же самое замечается и в ряде других восточных памятников (Цв., Бук., Хлын., Ратн., Матф.). В повышенной склонности данной формы к флексионному ударению естественно усматри-

вать влияние подвижной модели ударения прилагательных (*жи́въ, жива̀, жи́во, жи́вы*), которая в восточной зоне и в других случаях обнаруживает тенденцию к расширению своей первоначальной сферы (ср. § 3.52).

В остальных церковных памятниках рассматриваемой группы картина в общем сходна с Ряз., но за рамками основного материала везде, кроме Рум., флексионное ударение представлено реже, чем в Ряз. Специально отметим ярко выраженную склонность формы И. мн. на *-ени* к суффиксальному ударению; счет *-енѝ* : *-е́ни* составляет в Ряз. 2 : 10, Биб. 2 : 36, Сел. 0 : 9, Сол. 0 : 4 (ср. еще в Цв. 0 : 20, Хлын. 3 : 17).

Далее, имеется несколько памятников, где доля суффиксального ударения немного выше, чем в рассмотренной группе. Так, например, в Цв. основной материал таков: *совершена́ же бы́сть сія̀ стая кни́га* III 247б, *пе́чь ражжена̀ бы́сть зѣ́лѡ* 195, *лишена̀* 151, 152, *печена̀* 82б, *плѣ́нена̀* II 22б, 28, *разрѣ́шена̀* III 203б, *оутверженà* 31б, *сотворена̀* III 186б; *соблюденѡ* 180, *положенѡ* 144б, *сложенѡ* 69, *осушенѡ* 45, *оучиненѡ* III 60, также *речено̀ бы́сть* 170б, *я̀коже прежѐ явленѡ* 144б; с другой стороны — *наречѐна бы́сть* III 9, *речѐно бы́сть* (5×: 85 и др.), *бѣ́ наречѐно* 192б, *наречѐны бы́ша* II 52 (здесь книжное ударение закономерно, см. выше); *возвѣщѐно бы́сть* 184, *ѹчинѐно... бы́сть* 68, II 51б, *оучинѐны бы́ша* II 51б; также *ражжѐно сло́во твоѐ зѣ́лѡ* 164б (где *ражжѐно* выступает в значении ‘горячее, обжигающее’, ср. выше *ражжена̀* в прямом значении). За рамками предикативной функции в Цв. также иногда встречается флексионное ударение (*варенѡ* В. ед. 180, *разрѣшены̀* В. мн. 32б, *погружены̀* В. мн. 84, *печена̀* В. мн. 180, *ка́меню* ѡ^{m}*валену̀* 13 и некоторые др.), но гораздо чаще здесь выступает суффиксальное ударение. Сходная картина представлена в Печ., Хлын., Ратн. (по-видимому, также в Хр. и Кирил., где материала сравнительно мало).

Последовательное с у ф ф и к с а л ь н о е ударение (во всех нечленных формах) представлено: 1) во всей основной части западной зоны; 2) из кромки западной зоны и промежуточной полосы — в Дан., Дос., Жит., Новг., Муз., Клон.; 3) из прочих — в московских памятниках Лес., Ап., Амф., в вологодских Корн., Лук. и географически близких к ним Ион. и Яр. Нет необходимости приводить соответствующий материал. Во всех этих памятниках находим только такие ударения, как, например, *соблюдѐнъ, -а, -о, -ы, приведѐна, ражжѐна, спасѐна, прочтѐно, погублѐно, уловлѐно, положѐно, попущѐно, рож(д)ѐны, поручѐны, учинѐны* и т. д. (не считая случаев, рассматриваемых в § 3.68). В микросистемах этой группы нет противопоставления книжной и народной акцентовки.

В ряде памятников на фоне господствующего суффиксального ударения представлены единичные примеры флексионного ударения. Так, например, в Лет. находим *ведена́* 331б, *приведена́* 152, *свершена́* 329, *заложена́* 289, ѡ*бложена́* 338б, *загороженѡ* 115, *заплачены̀* 3б,

ѡ^{m}*пущены́* 374, *не насажены́* 208б и даже ѡ^{m}*лучена́* В. ед. 241б — при гораздо более частых *свершёна*, *невреже́на*, *пожже́на*, *положе́на*, *измощёна*, *принесе́на*, *ѡбновле́на*, *плене́на*, *проще́на*, *поручёна*, *посаже́на*, *сотворе́на*, *положе́но*, *сложе́но*, *рече́но*, *приведе́ны*, *вреждёны*, *принесе́ны*, *пленёны*, *съхране́ны* и др. (не говоря уже об И. мн. на *-е́ни* и прочих второстепенных формах). Аналогично в нескольких других памятниках ближнего запада, а также северо-востока, см. карту 16.

Примерное равновесие суффиксального и флексионного ударения в основном материале обнаруживается в Ик., Хлуд., Библ., а также в Матф.

§ 3.67. Рассмотрим также вкратце *en*-причастия от глаголов а. п. *b* и *a*. Для причастий от глаголов а. п. *b* основными являются две акцентовки (общие для членных и нечленных форм): корневая и суффиксальная. Их предполагаемое первоначальное распределение в зависимости от этимологической долготы корневого слога (типа *су́жено—моле́но*, см. § 2.21, п. 5) в памятниках не сохранилось; произошли обобщения в ту или другую сторону или перераспределения. В XIV в. как в Чуд., так и в Мер. встречаются оба типа акцентовки (при этом в Мер. доля корневой акцентовки выше, чем в Чуд.; см. Акц. Мер., § 87, 91).

В XVI—XVII вв. наблюдается тенденция к установлению следующего синхронического соотношения: если в микросистеме нечленные формы *en*-причастий имеют в а. п. *c* флексионное ударение, то в а. п. *b* — корневое; если в а. п. *c* суффиксальное, то в а. п. *b* преимущественно тоже суффиксальное.

Соответственно, складываются два основных типа акцентовки *en*-причастий: восточный и западный. Восточный тип характеризуется оппозицией *прощенѡ* (а. п. *c*) — *спро́шено* (а. п. *b*), в членных формах *проще́ныи* — *спро́шеныи*. Уже в XVI—XVII вв. такая акцентовка в некоторых микросистемах достигает (в некнижной сфере) практически полной последовательности (индивидуальные переходы глаголов из одной а. п. в другую не в счет). Именно она легла в основу современной литературной нормы.

Западный тип (распространившийся также на некоторые памятники восточной зоны, см. карту 16) характеризуется тенденцией к унификации всех трех а. п., а именно, к преобладанию суффиксального ударения во всех группах *en*-причастий, при наличии некоторой доли причастий с корневым ударением. Так, в а. п. *b* преобладает модель *спрошёно*, но встречается также модель *спро́шено*. В а. п. *a* наблюдается эффект тематизации (§ 3.73), дающий ударения *очищёно*, *-ыи*, *исполнёно*, *-ыи* и т. п.; но наряду с этим, конечно, возможно и старое ударение (*очи́щено* и т. п.). Наконец, в а. п. *c*, где господствует модель *прощёно*, здесь тоже обнаруживаются колебания в сторону модели *про́щено* (см. § 3.68). В западном типе нет различий между ударением членных и нечленных форм.

В качестве примера микросистемы восточного типа можно взять Трав. При модели *-ёнъ*, *-ена̀*, *-ено̀*, *-ены́*, *-ёныи* в а. п. *c* мы нахо-

дим здесь у глаголов а. п. *b*, в частности: *бѣ́шенъ*, *ко́рмленое*, *ѡко́рмленъ*, *-и*, *оукӳ́шенымъ*, *излӳ́мленую*, *перелӳ́млены*, *-ыя*, *-ымъ*, *намӳ́ченъ*, *ѡбмо́ченъ*, *-а*, *ѡмо́ченъ*, *-а*, *-о* (и др. формы с *-мӳ́чен-*), *примѣ́шена*, *смѣ́шенъ*, *-а*, *-о* (но один раз *смѣ́шенѡ* 466б), *перестӳ́плена*, *-о*, *то́млен-ая*, *-ымъ*, *истра́влено*. Аналогично в Косм., Дом., Улож., Колм., с небольшими отступлениями также в Печ., Ряз., Ратн. (не считая памятников, где слишком мало материала). В Рум., Бук., Цел. у причастий а. п. *b* имеется заметное число отклонений от корневого ударения в сторону флексионного (по аналогии с а. п. *c*).

В качестве примера микросистемы западного типа возьмем Сенн. При модели *-е́нъ*, *-е́на*, *-е́но*, *-е́ны*, *-е́ныи* в а. п. *c* мы находим здесь у глаголов а. п. *b*, в частности: *не бѣ́ле́нъ* 154в, *оукраше́ное* 185г, *совокупле́ное* 124в, *искуше́ну* Д. ед. 177а, *возлюбле́н-ыи*, *-аго*, *-ому* (6×), *умоле́нъ* 49б, *смѣше́нъ* 136в, *послоуже́наго* 191а, *ѡсуже́ны*, *-ыи* (3×), *расточе́ная* 137а, *истя́же́ни* 24а, *сътре́на* мн. 15а. Ср. также в а. п. *a*: *въверъже́ноу* Д. ед. 83б, *исполне́ни* 154б, *-ое* 210г, *не приобрѣте́ное* 29г, *ослабле́нъ* 151г, *-омоу* 152а, *оста́вле́нъ* 108в и др. (наряду с примерами, где сохраняется корневое ударение). Сходная картина (но с несколько более заметной долей корневого ударения в а. п. *b*) представлена в Час., Т. пс., Муз., Карг., Егор., Лет., Пск. (не считая памятников, где слишком мало материала). Кроме того, к этой группе близки восточные памятники Увар. и Ап.

В ряде памятников (в частности, Ион., Корн., Фер., Биб., Амф., Библ.) суффиксальное и корневое ударение в а. п. *b* находится в примерном равновесии.

§ 3.68. Как уже отмечено, примеры корневой акцентовки встречаются также в а. п. *c* (в нечленных и членных формах); они носят здесь характер отклонений от основной (флексионной или суффиксальной) акцентовки. Приводим материал.

Причастия от *i*-глаголов. Западная зона и промежуточная полоса. Мер. *свобѡженъ* 131б, Окт. *во́лю. . .* *сове́ршену* 1г, Нил. *полѡженъ же* 107 (если только вария здесь иктусная), Сенн. *сврѣше́нѣ* Д. ед. 136а, *ого́рче́но* 136г, Егор. *пресоу́шенъ* 327б, Дос. *сове́ршену* Д. ед. 101б, Фер. *я́вленоу* Д. ед. 801, Лет. *възбра́не̂но бы*^{c} (2 уд.) 30 (менее надежно *наӳ*|*че́ни* 299б), Карг. *про́ще́на бу́деши* 37, *ро́ж*^{д}*ены* В. мн. 501, *я́влено* 75 (если исо здесь иктусное), Стар. *ли́ше́нi* 28б, Клон. *побѣ́женъ* 272, Печ. *озвѣ́ре*^{ч} В. ед. 422, *оулу́ченъ* 150б, *затво́рена* мн. 64б, *-и* 289, *я́влены* В. мн. 402, также почти регулярно *-ло́жен-* (*вло́женыя* В. мн. 553б, *обло́жена* В. ед. 32, 222, 534, *-ое* 60б, *ѡбло́жени* 114, *прело́жену* Д. ед. 298, *прило́жено* 260, *-ая* мн. 351). Восточная зона. Дальний северо-восток: Сол. *ѡ*^{т}*пу́щенъ* 97, *я́влена* мн. 246, Колм. *закри́влены* 96, *поло́жено* 219, *перемѣ́нено* 175, *поса́женъ* 107, *постре́ленъ* 165, *затво́рены* 197 (ср. еще *доморо́щены*^{х} 140), Авв. *попу́щено* 30б. Прочие части восточной зоны. Ион. *ра*^{з}*кри́влени* 590б, *помо́щены* В. мн. 433, Биб. *оукрѣ́пленно е*^{с} 336, Библ. *оуга́шено* 479б, *раскри́влены* 487, *оукри́вленъ* 614, Ик.

по$^{\partial}$тéмнено 39, *чи́нена* 79б, 101, 116, *-о* 66б (заметим, что в этом небольшом памятнике приведенные примеры составляют значительную часть всего материала по причастиям), Цв. *поло́жена* В. ед. 16б, *вопло́щенна* В. ед. 108, Косм. *наса́жено* 56б, Дом. *не нагря́знено* 98б, 101б, 102б, *-ы* 102, *перекрѣ́плено* 81б, *перекре́плены* 80б, Трав. *спу́щена* 197, *холѡщенаго* 270 (+ 270) (возможно, сюда же *продо́лъблени* 177), Ряз. *ѡтéмнено* 89б, *потéмнени* 319$_2$б, *я́вленa* 99б, *-о* 98, *проя́вленa* 35, *прилѣ́плены*^{и} 102, Сел. *я́вленo* 337, *я́вленна* 116б, *-ая* 116, *проя́вле-нно* 409, *-наго* 420б, Костр. *оустрѣ́лену* Д. ед. 145б, Матф. *разрѣ́шена* мн. 143б, *не насе́лено* 221б, *процѣ́неньъ* 222, Улож. *доми́реныхъ* 26б. Менее показательны ударения *прока́женъ*, *воору́женъ*, встречающиеся во многих памятниках (здесь возможна неустойчивость акцентной парадигмы).

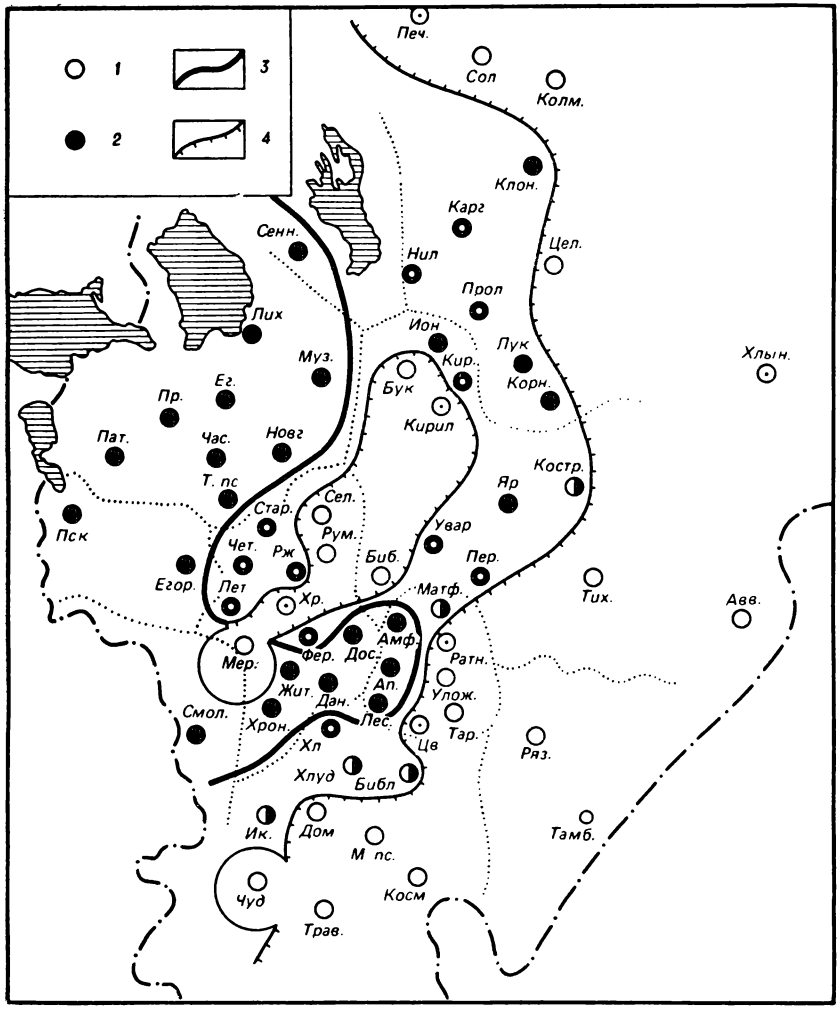
Причастия от С-корневых глаголов отмечаются с корневым ударением существенно реже: Нил. *ввéдену же* Д. ед. 239б, Хрон. *пре$^{\partial}$ре́че^{ч}ныхъ* 216б, Фер. *ре́чéнномоу* 834, *пре$^{\partial}$ре́чéннымъ* 252б, Лет. *бóденъ бы*^{с} 69, *привѣ́дѣнъ* (sic) *бы*^{с} 23б, Цв. *съпря́женѣ* дв. сред. 48, Трав. *то́лченъ* 481, Костр. *помéтéнъ* 170, Цел. *пéчено* 219, *то́лчено* 105б, *утóлченѡ* 56б.

Приведенный материал указывает на начало процесса, получившего в русском языке значительное развитие в последующую эпоху (а в белорусском и украинском достигшего почти полного осуществления). Как можно видеть, примеры нового ударения встречаются в обеих зонах.

В западной зоне у *i*-глаголов ударения типа *про́щено*, *пу́щено* (при более обычных *прощéно*, *пущéно*) могли возникать, в частности, в силу выравнивания акцентовки *en*-причастий всех трех а. п. (см. § 3.67).

В восточной зоне (вероятно, также и в некоторых частях западной зоны) основным источником инновации, с нашей точки зрения, было формирование акцентной оппозиции залогов в системе прош. времени и инфинитива [37] (ср. также § 3.70 и 4.4). Исходным пунктом развития этой оппозиции послужила модель *писáти*, *писáлъ* — *пи́санъ*. В классе *i*-глаголов такая оппозиция очень рано сформировалась в а. п. *b*: *проси́ти*—*про́шено*. По этому образцу уже в древнерусском соотношение *пусти́ти*—*пущенѡ* могло иногда заменяться на *пусти́ти*—*пу́щено* (ср. *свобѡженъ* в Мер.). В ходе эволюции акцентовка прош. времени *i*-глаголов а. п. *c* неуклонно приближается (хотя и с разной скоростью в разных говорах) к характерной для а. п. *b* модели *проси́ти*, *проси́лъ*, *-а* (с колонным ударением). Соответственно, стимулы к замене *пущенѡ* на *пу́щено* усиливаются. Замены *пу́стилъ*, *пустилà* на *пусти́лъ*, *-а* и *пущенѡ* на *пу́щено* в сущности составляют две стороны единого процесса акцентной поляризации залогов в прош. времени.

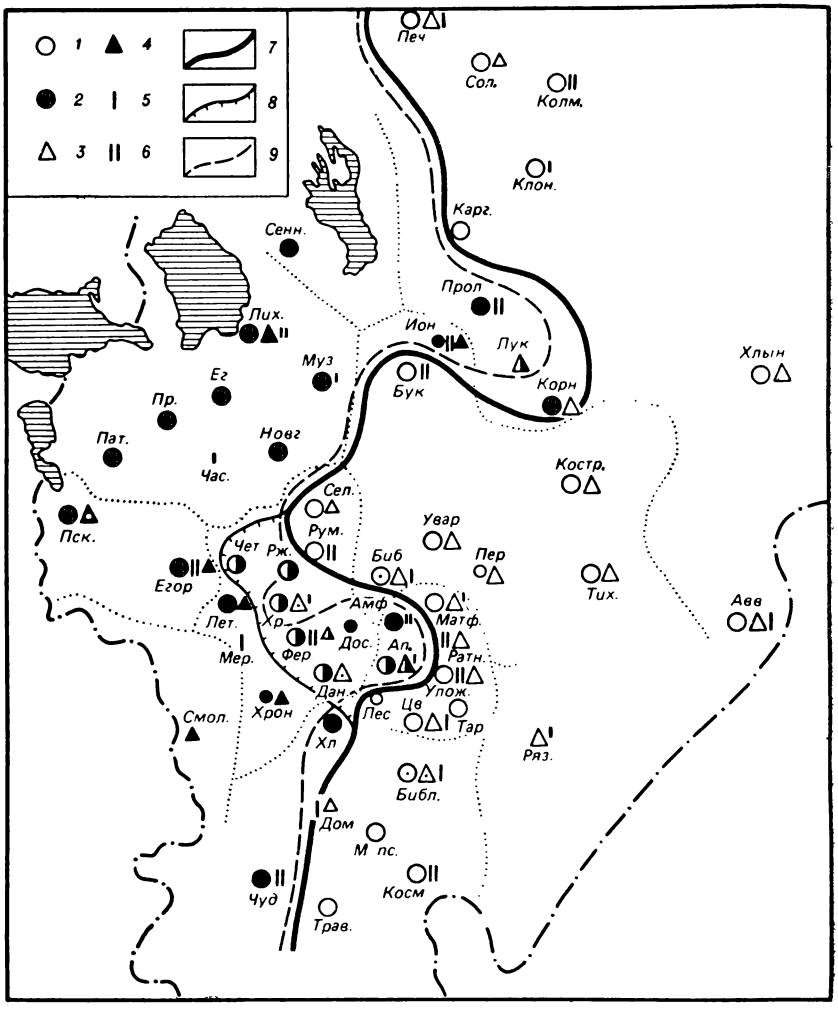
[37] См. Хазагеров 1973б (с. 106—108) о важной роли этой оппозиции в истории русского ударения.

Карта 16. Ударение в нечленных формах *en*-причастий от глаголов а. п. *c*: *1* — в «основном материале» (§ 3.66) модель *прощёнъ, прощена̀, прощено̀, прощены̀*, *2* — модель *прощёнъ, прощёна, прощёно, прощёны*; *3* — восточная граница основной зоны с последовательным предфлексионным ударением (*прощёна*, -о, -ы); *4* — границы ареалов с господствующим или преобладающим флексионным ударением (*прощена̀*, -о̀, -ы̀).

Примечание. Незначительные отклонения от флексионного ударения к предфлексионному не отражены.

В *en*-причастиях С-корневых глаголов а. п. *c* новое ударение типа *привёдено* (ср. активные формы *привестѝ*, *привелѝ*) развивалось медленнее — по-видимому, в связи с тем, что, в отличие от *i*-глаголов, здесь не было соответствующих акцентных образцов в рамках того же морфологического класса (образцами служили более далекие модели *писа́лъ—пи́санъ*, *проси́лъ—про́шенъ*). Тем не менее в конечном счете

Карта 17. Ударение в нечленных формах *п*-причастий:

1 — у V-корневых и *а*-глаголов а. п. с в И. В. ед. муж. модель *прóдан*ъ, *2* — модель *продáн*ъ; *3* — модель *продан*, *прóдано*, *прóданы*, *4* — модель *продáна*, *продáно*, *продáны*; *5* — в И. В. ед. сред. встретилось ударение по модели *проданó*; *6* — флексионное ударение (*проданы* и т. п.) встретилось также в других формах (помимо И. ед. жен., И. В. ед. сред., И. В. мн. сред.); *7* — западная граница господствующей или преобладающей модели *прóдан*ъ; *8* — западная граница распространения модели *прóдан*ъ (там, где она не совпадает с линией 7); *9* — основная западная граница последовательного ударения *пóслан*ъ, *розбслан*ъ, *сбслан*ъ (западнее этой линии господствуют или преобладают *послáн*ъ, *розослáн*ъ, *послáн*ъ).

ударения типа *привéдено*, *отвéзено*, *унéсено* практически полностью победили в белорусском и украинском, а в русском распространены в части говоров (в основном западных) и широко представлены в современной разговорной речи (в т. ч. у людей, в целом соблюдающих литературную норму).

Важный вопрос составляет соотношение между инновациями типа *пу́щено* в *en*-причастии и типа *пу́стить* в презенсе (§ 3.75). В современном языке у *i*-глаголов существует акцентная корреляция между презенсом и причастием, реализуемая моделями *спро́сит—спро́шено*, *покори́т—покорено́* (хотя есть и отклонения, например, *осу́дит*, но *осужденó*, *раскроит*, но *раскро́ено*). Эта корреляция восходит к раннедревнерусскому (см. § 2.21, п. 3, 5). Мы не можем, однако, предполагать, что ударение типа *пу́щено* возникло именно в силу данной корреляции, т. е. просто как следствие инноваций типа *пу́стить* в презенсе: во-первых, в причастиях новое ударение появляется в памятниках в целом даже несколько раньше, чем в презенсе; во-вторых, сдвиг захватывает также причастия типа *приведено*, а в этом классе глаголов ударение презенса не менялось. Акцентные сдвиги в *en*-причастиях и в презенсе, по-видимому, развились независимо друг от друга. Сдвиг в *en*-причастиях реализовал тенденцию к акцентной оппозиции залогов. В принципе он был всеобщим; лишь слова книжного характера были относительно устойчивы против этой инновации. Сдвиг в презенсе был связан с перераспределением акцентовок по семантическому и морфологическому основаниям (§ 3.75). Он был ограничен в основном переходными глаголами некнижного характера. Понятно, что в этих условиях инновации типа *пу́щено* и типа *пу́стить* обнаруживаются обычно у одних и тех же *i*-глаголов.

n-причастия

§ 3.69. Нечленные формы *n*-причастий от глаголов а. п. *c* (практически речь идет о V-корневых и *a*-глаголах, например, *продати*, *прозвати*) обнаруживают в XIV—XVII вв. несколько моделей акцентовки. У причастий с неодносложной основой модель акцентовки определяется: 1) ударением в И. В. ед. муж. (тип I — старое ударение *про́данъ*, тип II — новое ударение *прода́нъ*); 2) ударением в прочих формах; здесь возможны подвижный, окситонированный и баритонированный варианты. Реально представлены четыре основные модели акцентовки, показанные (в рамках главных нечленных форм) в табл. 5.

Таблица 5

Акцентовка нечленных форм *n*-причастий а. п. *c*

Формы	Модели			
	I подв.	I окс.	II окс.	II бар.
И. В. ед. муж.	*про́данъ*		*прода́нъ*	
И. ед. жен.	*проданà*	*проданà*		*прода́на*
И. В. ед. сред.	*про́дано*	*проданó*		*прода́но*
И. В. мн. на *-ы*	*про́даны*	*проданы*		*прода́ны*

Ударение второстепенных нечленных форм в принципе совпадает с ударением И. ед. сред. (кроме формы И. В. мн. сред., которая в принципе совпадает по ударению с И. ед. жен.). Однако реально вместо ожидаемого по этому правилу ударения в XVI—XVII вв. часто выступает специфически книжное ударение. Обычно оно реализуется как предфлексионное (например, *прода́ни*). Но в типе I в части случаев в качестве книжного может выступать и начальное ударение (например, *пр́одани*); это не что иное, как просто наосновное ударение с обычным для данной микросистемы положением ударения внутри основы. Таким образом, второстепенные формы показательны для характеристики акцентной микросистемы лишь при флексионном ударении, ограниченно показательны при начальном ударении (указывают на тип I) и почти совсем непоказательны при предфлексионном ударении. В некоторых (сравнительно редких) случаях книжное ударение выступает также у главных форм, например, И. ед. жен. *призва́на* или *при́звана*.

Из карты 17 видно, что разделение микросистем на типы I и II в основном соответствует делению на восточную и западную зоны. Можно видеть также, что архаичная модель I подв. сохраняется лишь на северо-востоке (преимущественно ближнем). Напротив, максимально трансформированная модель II бар. отмечается лишь вблизи западных границ западной зоны.

Ниже рассматривается несколько показательных микросистем. Помимо причастий с исконной подвижностью ударения, в разбор включается также *созданъ*, которое рано перешло в подвижный тип; другие причастия с неисконной подвижностью (на *-гнанъ*, *-сланъ*, *-тканъ*) приводятся лишь для тех памятников, где их подвижность непосредственно засвидетельствована. Книжные *избранъ* ‘лучший, превосходный’, *попранъ*, а также любые примеры с написанием *-нн-* (*раздранны*, *собранно* и т. п.) при разборе могут быть просто опущены, если они встретились с предфлексионным ударением.

Модели типа I (восточные)

Модель I подв. Увар.: *пре́данъ* 512б, 527, 733, 734, *про́данъ* 676, 685, *по́званъ* (5×: 90б, 289 и др.), *при́званъ* 82, 145, 480, *со́зданъ* 502б, 577б; *ѡ^{m}данà* 481б, *предана́* 300, 300б, 306б, *пре́дано* 514, 616б, 657б, *со́здано* 555б; ср. также второстепенные формы — *пре́дани*, *по́звани*, *со́брани*, *пре́дана* Р. ед., *пр́одану* Д. ед., *при́звану* Д. ед., *со́зданy* Д. ед. [13×], при единичном *прозвана́* Р. ед. 582; в *раздра́нъ* 694б представлено книжное ударение (из-за книжной приставки *раз-*). Аналогично в Костр., Пер., Тих., Хлын. (также в Сел., Сол., но здесь слишком мало материала по формам с ненулевым окончанием).

Модель I окс. Бук.: *пре́данъ*, *про́данъ*, *ра́зданъ*, *со́бранъ*; *предана́*, *-д*, *продана́*, *-д*, *-ы*, *раздана́*, *собрана́*, *-д*, *-ы*, *ѡ^{m}брана́*, *-ы*,

раздранà, ѡ^{m}*данò*, *-ы*; в *избрáнъ*, *издрáнъ* (вероятно, также в ѡ^{m}-*брáнъ*) ударение книжное (Аксенова 1982). Колм.: *прéданъ* 170, *прúданъ* 145, *óбранъ* 43, 44, *нáзванъ* 74, *скóванъ* 193$_2$; *названà* (часто), *-ò* 185, 207, 212, *-ы* 188, 234, ѡ^{m}*данà* 139, *собранà* 189, *приданò* 29, 136, *-ы* 20 bis, *проданò* 102, 245 (отклонение: *нá*^{з}*вана* 135). Аналогично Косм. (см. Глаг. акц., § 31), Рум.

Возможны также варианты, промежуточные между I подв. и I окс. Вариант *прóданъ*, *проданà*, *проданò*, *прóданы*. Авв.: *скóванъ* 67, 215 (+ 37), *прúкованъ* 90, 274; *сосланà* 37, 215 (причастия на *-сланъ* 'missus' перешли здесь в подвижный тип), *посланò* 77 (+ 260); *прúкованы* 94б, 279, *пóсланы* 260, *прúсланы* 77, 260; ср. также *скованà* В. ед. муж. 35б, 214, 249б, 252. Неясно, какую акцентовку (подвижную или постоянную начальную) отражает *пóслано* 'постлано' 96, 280б, поскольку других форм на *-с*[*т*]*ланъ* 'stratus' нет.

Вариант *прóданъ*, *проданà*, *проданò*, *прóданы* // *проданы*. Улож.: ѡ^{m}*данъ* 251б, 287б, 288 bis (при единичном ѡ^{m}*дáнъ* 51); ѡ^{m}*данà* 24б, 33, *проданà* (5×: 165б, 219б и др.), *собранà* 114, 114б; ѡ^{m}-*данò* 30, 200б, 237б, *поданò* 98б, *роздано* 237б (при единичном *нé роздано* 223); ѡ^{m}*даны* (6×: 23, 172б bis и др.), *прóданы* 219б, *рóзданы* 203б, 204, 251б — ѡ^{m}*даны* (9×: 51, 176, 176б и др.), *проданы* 36, *роздàны* (7×: 30б, 34б bis, 198 и др.).

Вариант *прóданъ*, *проданà*, *проданò* при отсутствии примеров мн. на *-ы* и при начальном ударении во второстепенных формах. Печ.: *úзбранъ* 220б, *пóпра*^{ч} 364б (также ѡ^{m}*гнанъ* 443б, *úзгнанъ* 297б — причастия на *-гнанъ* перешли здесь в подвижный тип); *со*^{з}-*данà* 246, 476б bis, *раз*^{з}*ранà* 207; *собранò* 518б (также ѡ^{m}*гнанò* 326б); второстепенные формы — *прéдани* 522, ѡ^{m}*гнани* 131, *-ѣ* Д. ед. 237, 460, *сóзданѣ* Д. ед. 534, *в небрану зéмлю* 285б, также *предàнà* мн. 50, 270, *собранà* мн. 243. Аналогично Цв. (см. Глаг. акц., § 39), а также (с небольшими отклонениями в сторону типа II) Библ.

То же с колебанием *прóдано*//*проданò* в ед. сред. Биб.: *прéданъ* 366б, *прóданъ* 393, *съ́данъ* 285, 426, 468б, *úзбранъ* 426б bis, *въ́зва*^{ч} 335 (отклонение: *предáнъ* 388); *съ́данà* 280б; *съ́дано* 453, *съ́брано* 462б, *прóзвано* 286, ѡ*рано* 121, но также *съ́данò* 452б, *въ́данò* 445; ср. *съ́брани* 283, 286, 331, *вóзвани* 340б, *преданà* мн. 9, 336 (книжное ударение в *невъ́звана* 339, *призвáни* 338б).

В ряде памятников (в частности, Карг., Тар., Трав., М. пс.) материала достаточно только для того, чтобы установить принадлежность микросистемы к типу I.

Модели типа II (западные)

Модель II бар. Иск.: ѡ^{m}*дáнъ* 11б, *предáнъ* 12б, 40б, 69, *призвáнъ* 344 (также *избрáнъ* [4×]), *скованъ* 123, *по*^{в}*кованъ* 122б; *предáна* 9б, *создáны* 96, 99, *собрáны* 23б, 240; ср. также *создáни* 348б,

позва́ни 129б (+ 77б), *призва́ни* 128 (отклонение: *по́звани* 125). Сюда же, по-видимому, относятся Пат., Хрон., Смол. (материал которых довольно беден).

Модель II окс. Чуд.: *преда́нъ* 69в, *прода́нъ* 102в, *избра́нъ* 64б; *предана̀* 28а, *проданó* 23г, *преданѝ* 68г (+ 38г), *собранѝ* 66г, *-ѝ* 73а, *-ы́* В. мн. 157в, *основанѝ* 130в (+ 126а), *предана̀* мн. 32г (+ 7в), *преданȳ* Д. ед. 40г, *избрана̂* В. ед. 84б, *-оу́* Д. ед. 84б, *призванóу же* Д. ед. 76б (колебание: *основа́*|*на́* 29г; отклонения: *основа́*|*на* 5в, *преда́на* мн. 163б, кроме того, *не́ прана* Р. ед. 6в). Причастия на *-зданъ* в Чуд. колеблются: *созда́на бы*^{c} 130б (едва заметная оксия), *созда́ни* 125в, *назда́ни* 130г — *созданá* 42б, *назданѝ* 125г. Модель II окс. представлена также в Прол., Муз., Егор. (см. материал этих рукописей в Глаг. акц., § 39), Амф.

Колебание между II окс. и II бар. Лет.: *пода́*^{н} 261, *позва̀*^{н} 180, *созда́нъ* 319б (+ 316); *созданá* 238б, *разбранá* 332 (также вторичное *ѡткана́* 85б); с другой стороны, *соз*^{д}*а́на* 67б, *ѡ*^{т}*да́ны* 24 (ср. также *зазда́ны* 230б; ударение в *собра́нно* 57б, *раздра́ну* В. ед. 24б может быть книжным). Ион.: *обра́н* 264б, *кованы́* В. мн. 87б, *съ́бранá* мн. 349б, *предана̀* В. ед. 245 — *преда́но* 125, *-и* 182, *ѡкова́ни* 556 (ср. книжное ударение в *бѣ созда́нна* 369б). Аналогично в Лих., возможно, также в Сенн. (где словоформы *предано*, *-а* мн., *-и*, *-оу*, *продано*, *призвана* регулярно [13×] выступают без знака ударения).

В Корн. обнаруживается особая комбинация, которую можно было бы обозначить как II подв., если бы имелась уверенность в том, что встретившиеся здесь примеры достаточно представительны для микросистемы в целом: *преда́нъ* 17б, 132б, *прода́нъ* 58б; *подана̀* 228; *съ́браны* В. мн. 430, *-и* 159б (+ 297), *-оу* В. ед. 278б.

Для ряда рукописей (в частности, Ег., Пр., Новг., Пат., Дос., Хл.) можно констатировать лишь их принадлежность к типу II.

Наконец, имеется несколько памятников. колеблющихся между типами I и II. Ап.: *пре́данъ* 52б, 96, *про́данъ* 99, *подана̀* 70, *созданà* 174б, *пр*^{ѣ}*да́но* 121б, но *проданò* 10 (ср. также *со́брани* 9б, 23б, 37б, *со́здани* 160б, *при́звану* Д. ед. 44б, *предана̀* В. дв. 28). С другой стороны, явно по типу II: *преда́нъ* 30, 124б, *призва́нъ* 119 bis, 119б (4×), *созда́нъ* 124, 192б, *окова́нъ* 219, *призва́ны* 30б, 119б (менее показательны *прода́на* В. ед. 5б, *пода́нѣ* 54, *окова́ни* 161б). Прочие микросистемы с подобным колебанием — Дан., Фер., Чет., Хр., Рж. (все они относятся к ближнему западу; ср. карту 17).

Для Мер. можно констатировать лишь модель «окс.» (неизвестно, типа I или II): *изданѡ*, *ѡ*^{т}*данѡ*, *поданѡ*, *преданѡ*, *избранѡ* (Акц. Мер., § 89).

В проведенный выше разбор не были включены причастия с односложной основой (*данъ*, *вданъ*, *званъ* и т. п.). Их особенность состоит в том, что здесь модель с флексионным ударением распространена гораздо шире, чем при неодносложной основе. Рассмотрим причастие

данъ, которое встречается существенно чаще всех прочих. Словоформа И. ед. жен. повсеместно имеет ударение *дана̀* (исключение: Цел. *да́на* 4б, наряду с *дана̀* 4б). У словоформ *дано*, *даны* (также *дана* мн.) только начальное ударение представлено: 1) в основной части западной зоны, кроме Егор. (реально в Лих., Ег., Пск., Смол.); 2) в Дан., Хлуд., Карг., Лук. (но в последних трех рукописях отмечено лишь по одному примеру). Кроме того, в качестве единичного отклонения от нормы *да́но* встретилось в Егор. и Ап., *да́ны* в Хлын. В Лет. представлены *данѡ̀* 38, *да́ны* 212, в Муз. *да́нѡ̀* (2 уд.) 209б. Во всех прочих памятниках, где эти словоформы вообще встречаются, представлены только *данѡ*, *даны*. Реально это памятники восточной зоны, а также Чуд., Мер., Фер., Жит., Хл., Хр., Нил., Печ. Во второстепенных нечленных формах (например, *дани*, *дана* Р. ед., *дану*) начальное ударение может встретиться в памятниках разных районов.

Членные формы рассмотренных выше *п*-причастий акцентуируются так. Древнейшая акцентовка (флексионная) представлена в Мер.: *данѡе*, *вданѡе*, *поданѡе*, *преданѡму*, *продан-ѡе*, *-ѡму* (Акц. Мер., § 89). Следы такой акцентовки отмечены также в Бук.: *проданы́хъ* 209, *ѡ҃дан-ы́хъ* 223, *-бе* 223. Более поздняя акцентовка — предфлексионная: *да́н(н)ыи*, *прода́н(н)ыи*, *собра́н(н)ыи* и т. д. Она последовательно проведена, в частности, в Чуд. Еще более поздняя инновация — начальная акцентовка: *про́дан(н)ыи*, *сбо́бран(н)ыи* и т. д. В XV—XVII вв. распределение таково: в памятниках с устойчивой моделью *прода́нъ* в ед. муж. (см. карту 17) членные формы имеют только предфлексионную акцентовку; в памятниках с моделью *про́данъ* (хотя бы факультативной) конкурируют предфлексионная и начальная акцентовки (при этом книжное адъективированное *избра́нныи* и субстантивированное *прида́ное* имеют застывшее предфлексионное ударение). Самые ранние памятники, где встретилась акцентовка типа *про́дан(н)ыи*, *сбо́бран(н)ыи*, — Увар., Фер., Карг., Биб., Библ. Только такая акцентовка отмечена в Рум., Карг., Кир., Кирил., Сол., Пер., Тих., Матф., Авв. (правда, в части этих памятников материал весьма невелик).

§ 3.70. Рассмотрим также коротко (без разбора материала) вопрос об акцентуации *п*-причастий от глаголов с неподвижным ударением в прош. времени. Членные и нечленные формы рассматриваются вместе, поскольку в этой группе их ударение, как правило, одинаково.

Как и у *еп*-причастий (§ 3.67), предполагаемое (для *а*-глаголов) первоначальное распределение в зависимости от этимологической долготы корневого слога (типа *пи́санъ* — *чеса́нъ*, см. § 2.21 п. 6) в памятниках не сохранилось. В Чуд. наблюдаются колебания ударения при любом типе корневого слога. В XV—XVII вв. картина в общих чертах такова. В причастиях с книжной окраской (*истязанъ*, *взысканъ*, *оклеветанъ* и т. п.) предфлексионное ударение может встретиться в памятниках любого района. У прочих причастий в восточной

зоне наблюдается четко выраженная тенденция к обобщению сдвинутого влево (т. е. корневого) ударения, например: *пи́санъ*, *свя́занъ*, *нака́занъ*, *огло́данъ*, *те́санъ*. Она постепенно охватывает, помимо *а*-глаголов, также и прочие классы глаголов на *-ати*, отсюда *хва́танъ*, *ко́панъ*, *сло́манъ*, *пода́ванъ*, *поби́ванъ*, *вое́ванъ*, *торго́ванъ*, *уде́ржанъ* и т. д. В западной зоне, напротив, наблюдается тенденция, хотя и не столь последовательно реализуемая, к обобщению предфлексионного ударения: *писа́нъ*, *связа́нъ*, *наказа́нъ* и т. д.

В акцентном отношении несколько особо стоят причастия с односложной (не считая приставки) основой, т. е. такие, где сдвиг ударения влево фактически должен дать префиксальное ударение: *посланъ*, *прогнанъ*, *познанъ* и т. п. Акцентуация разных причастий этой группы не вполне одинакова.

Для причастий на *-сланъ* картина такова. Последовательное ударение *посла́нъ*, *-а*, *-о*, *-ы*, *посла́н(н)ыи* (аналогично и с другими приставками) представлено в памятниках западной зоны Нил., Ег., Пр., Муз., Пат., Егор., Пск., Хрон.; кроме того, в Амф., Стар. (в Пер. и Хлын. встретились только *посла́нъ* В. ед. Пер. 21б, *по*^{с}*ла́нныи* Хлын. 104, которые могут быть и непоказательными для микросистемы в целом). В ряде памятников ударение не вполне устойчиво. Так, в Сенн., Лих. преобладает предфлексионное ударение. В Чуд. колеблется ударение нечленных форм (см. Дыбо 1981, табл. 98) при предфлексионном ударении в членных. Примерное равновесие двух акцентовок отражено в Ион., Дос., Дан. В Прол., Лет., Фер., Ап., Лук. преобладает префиксальное ударение.

В большинстве памятников восточной зоны представлено ударение, полностью укладывающееся в формулу *по́сланъ*, *-а*, *-о*, *-ы*, *по́слан(н)ыи*. Таковы: Цв., Улож., Матф.; Хл., Хлуд., Библ., Косм., Дом., Ряз.; Увар., Биб., Сел., Костр., Яр., Тих.; Корн., Сол., Колм.; кроме того, Хр., Карг., Клон., Печ. Правда, лишь в немногих из них встретилась форма И. ед. жен. (*по́слана* Хлуд. 124б, Печ. 415, *при́слана* Улож. 115б); но косвенным указанием на неподвижный акцентный тип здесь служит отсутствие ударения *послана̀* (при возможности ударения типа *продана̀* для большинства этих памятников, см. карту 17); отметим еще /ô/ в *по̂слании* Прол. 14б (при /ɔ/ в Вас. сб., Дос., Узк., Хл., Хр.). Переход в подвижный тип засвидетельствован в Авв. (см. выше, § 3.69) и Вед. (*по́сланъ*, *-о*, *-ы*, но *послана̀* 66, см. Дыбо 1981, с. 225).

На карте 17 показана основная западная граница последовательного ударения *по́сланъ*, *-а*, *-о*, *-ы*, *по́слан(н)ыи*. Легко видеть, что она почти совпадает с западной границей преобладания модели *про́данъ*.

У причастий на *-гнанъ* и *-знанъ* развитие нового (префиксального) ударения шло много медленнее. Даже в XVII в. для подавляющего большинства микросистем, в т. ч. восточных, нормой еще остается *изгна́нъ*, *-а*, *-о*, *-ы*, *изгна́н(н)ыи*, *позна́нъ*, *-а*, *-о*, *-ы*, *позна́н(н)ыи* и т. д. Новое ударение еще составляет редкость; таковы *про́гнан-*, *со́гнан-* в Бук., *и́згнан-* в М. пс., Печ., Костр., Тих., *ѿ*^{т}*гнан-* в Печ.,

по́знан- в Хр., М. пс., Печ. (при этом в Печ. и Тих. указанные причастия имели тенденцию перейти в подвижный тип). Ускоренное развитие ударения *по́сланъ* (по сравнению с *про́гнанъ*, *по́знанъ*) можно связывать с влиянием презенса *по́слеть* (ср. иную морфологическую структуру у *прожене́ть*, *позна́еть*). Для причастий на *-стланъ*, *-лганъ* материала существенно меньше; отметим лишь встретившиеся новые ударения: *по́стлан-* в Чуд., Сенн., Муз., Фер., Лук., Сел., Авв., *на́стлан-* в Тих., *со́лган-* в Прол., Ряз., *обо́лган-* в Прол., Матф. (не вполне однозначны *солганѡ*, *оболганѡ* в Мер.).

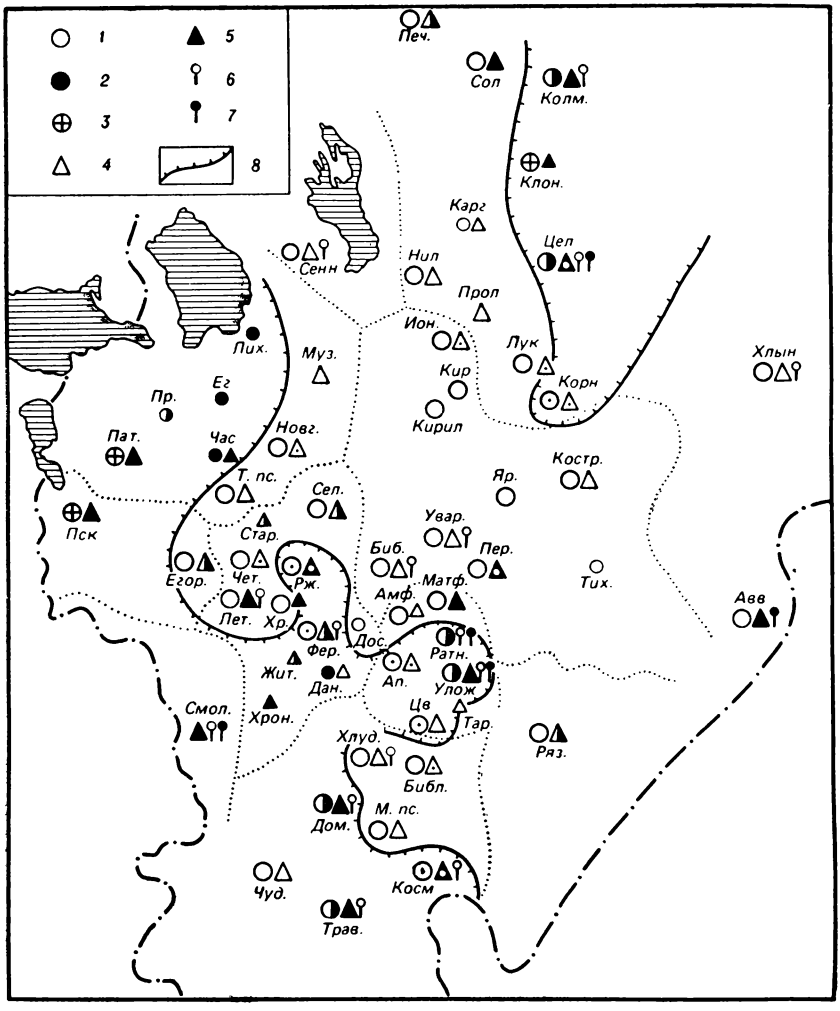
В целом картина акцентного развития *n*-причастий в восточной зоне отчетливо свидетельствует о постепенном расширении акцентной оппозиции залогов в прош. времени (см. § 3.68), ср. *связа́-ти*, *-въ*, *-лъ*, *-ла* — *свя́за-нъ*, *-на*, *-н(н)ыи*; *посла́-ти*, *-въ*, *-лъ*, *-ла* — *по́сла-нъ*, *-на*, *-н(н)ыи*. К этой же модели здесь направлена также эволюция глаголов с подвижным ударением; ср. в современном языке: *собра́-ть*, *-в*, *-л* (жен. *собрала́*, но нелитер. *собра́ла*) — *со́бра-н*, *-на*, *-нный*. В XVI—XVII вв. направление эволюции в восточной зоне обнаруживается в переходе от *прода́н(н)ыи*, *собра́н(н)ыи* к *про́дан(н)ыи*, *со́бран(н)ыи* (§ 3.69) и в редких примерах типа И. ед. *пре́дана* Цв. 42 — на фоне перехода от *про́давъ*, *со́бравъ* к *прода́въ*, *собра́въ* и появления первых акцентовок типа *собра́лъ*.

Инфинитивы с исконным ударением на -ти (-чи, -щи)

§ 3.71. Настоящий и последующие разделы описания глагольной акцентуации из-за недостатка места даются в очень сжатой форме.

В XV—XVII вв. у инфинитивов с исконным конечным ударением наблюдается процесс замены этого ударения на предконечное. Здесь актуален также фактор книжности, в силу которого в эту эпоху, независимо от прочих свойств микросистемы: а) почти всегда имеют книжное предконечное ударение в инфинитиве приставочные глаголы на *-яти*, сохраняющие [j] в начале корня (*приати*, *поати*, *изъяти* и т. д.), и на *-ити* ‘идти’, где перед корнем стоит согласная (*внити*, *снити*, *изыти* и т. д.); б) часто имеют такое же ударение *жрети* ‘devorare’ (и смешавшееся с ним *жрети* ‘sacrificare’), *-мрети*, *-стрети*, *запяти*, *распяти*, *пропяти*, *препяти*; в некоторых случаях также *кляти*, бесприставочное *яти* и *начати*. У *пожрети*, *умрети*, *простреть* возможны два варианта книжного ударения — предконечное и начальное (последнее, вероятно, под влиянием презенса).

У V-корневых глаголов постепенное распространение нового (предконечного) ударения хорошо прослеживается по памятникам; см. карту 18. В XV—XVI вв. старое ударение сохраняется в восточных памятниках, а также в некоторых ранних северо-западных (Сенн., Нил., Т. пс., Муз., Новг.). Новое ударение в эту эпоху победило лишь в части западной зоны, почти победило также в южном памятнике конца XVI в. Косм. В начале XVII в. мы еще застаем старую систему акцентовки в М. пс., переходную систему в Печ.

Карта 18. Ударение инфинитивов:

1 — у С-корневых глаголов на *-ти* с первоначальным ударением на *-ти* модель *нестѝ*, *2* — модель *нёсти* (*нёсть*), *3* — акцентное распределение по модели *нёсти—нести́сь*; *4* — у V-корневых глаголов с первоначальным ударением на *-ти* (не считая книжных, § 3.71) модель *взя́ти*, *5* — модель *взя́ти* (*взя́ть*); *6* — у С-корневых глаголов на *-чи* с первоначальным ударением на *-чи* встретилась модель *берéчи*, *7* — встретилась модель *берéчи* (*берéчь*); *8* — граница зоны, где встретилось ударение по модели *нёсти* (*нёсть*).

и Ряз. и следы старой системы в Стар., Сел., Рж. Из более поздних памятников старое ударение сохраняет только Хлын., его следы — Пер. и Цел.; во всех прочих памятниках представлено только новое ударение. Таким образом, экспансия данной инновации с запада на восток практически завершилась в XVII в.

Примеры архаичных микросистем. Ион.: *взя́ти* (10×), *изя́ти* (5×),

внятѝ 552б, *запятѝ* 217 bis, *клятѝ тѧ* 583, *начатѝ* 10б, 420б, *жретѝ* 'sacrificare' (10×), *простретѝ* 358, *умретѝ* 579, 579б (ср. книжное ударение в *оу́мрети* 156, *ѧти* 565б); отклонение — *взя́ти* 574. Увар.: *взятѝ* (часто), *изятѝ* 482б, *понятѝ* 605, 605б, *клятѝ́ся* 832б, *клятѝ́ же ся* 595б (но *прокля́ть* 386), *начатѝ* 435б, *пожретѝ* 'sacrificare' 69б, 614б, 734 (но *жре́ти* 513б, 534б, 552), *оумретѝ* (6×); ср. *распя́тися* 578, 608б. Пример микросистемы (относительно ранней) с новым ударением — Лет.: *взя́ти* (часто; также *взя́*^{m} 250б), *заня́ти* 211б, *наня́ти* 84б, *ѡ*^{m}*ня́ти* 368б, *переня́ти* 313, *подня́ти* 102б, 307б, *поня́ти* 74б, 292б, *сня́ти* 316, *сня́тися* 104б, *сня́ти*^{c} (3×), также *ѧти* 118, 127б, *ня́ти* 114, *у́мрети* 23, 79б, *по́жрети* 'devorare' 295. Интересно отметить *взять* (а не *взяти*) в новгородской берестяной грамоте № 578, относящейся к 1-й четверти XV в.

У С-корневых глаголов на согласную + *ти* (*нести*, *ползти* и т. д.) тенденция к предконечному ударению в инфинитиве выражена слабее. Полного перехода к ударению типа *не́сти*, *не́стися* в наших источниках не отмечено (памятники, слишком бедные материалом, не в счет). Из карты 18 видно, что в XV—XVII вв. примеры такого ударения встречаются в памятниках большей части западной зоны, юга и Москвы, а также в ряде мест дальнего северо-востока. По индивидуальным причинам быстрее других глаголов новое ударение получают *честь* (и производные) и книжное *отверсти*; при составлении карты 18 предконечное ударение в инфинитивах этих глаголов не учитывалось.

Современная северо-восточная граница распространения инфинитивов типа *несть* идет от Онежского озера на Весьегонск, Бежецк, Загорск, далее южнее Владимира и Мурома (см. Образ., карта 26). Как проходит эта граница на севере, менее ясно; известно, однако, что инфинитивы типа *несть* встречаются, в частности, под Архангельском (*принести́* и *приме́сть*, Мат. VIII, Сб. ОРЯС, т. 73, с. 389) и даже на востоке Вологодской обл. (*поне́с'*, *подм'е́с'*, Орлова 1949, с. 69). Таким образом, наличие таких инфинитивов в Колм. и Цел. не противоречит современным диалектным данным. Карта 18 позволяет предположить, что уже в XVI—XVII вв. граница распространения акцентовки *не́сти* (*несть*) была в значительной мере сходна с современной; за три-четыре столетия она несколько сдвинулась к востоку (в южной части сильнее, чем в северной).

Как отмечено в § 3.9, предконечное ударение в инфинитивах С-корневых глаголов может быть (по крайней мере, для части лексем или в части говоров) более древним, чем в основном массиве примеров, объясняющихся западно-северной дефинализацией. Возможно, именно поэтому мы рано обнаруживаем инфинитивы с оттянутым ударением также и в восточной зоне (а именно, в ее южной части); ср. /ô/ в *рѡ́сти* Трав. 40, лекинск. *рѡ́с'т'*.

Для глаголов на *-чи* (*беречи*, *мочи* и т. п.) материала существенно меньше, поскольку в большинстве церковных памятников эта группа инфинитивов вообще не представлена (используются только вари-

анты на *-щи*). Насколько можно судить, новое ударение типа *берéчи* развивается в основном там же, где *нéсти*. Но есть и некоторые различия. Так, в Улож., Авв. и Цел. инфинитивы на *-чи* продвинулись к новому ударению сильнее, чем инфинитивы на *-сти*. При этом в Авв. представлена чистая система *нестѝ*, *берéчь*, т. е. именно та, которая победила в современном литературном языке. С другой стороны, в южных памятниках Косм., Дом. и Трав. (но также и в Колм.), напротив, более быстрая эволюция происходит в инфинитивах на *-сти*.

Инфинитивы на *-щи* (*брещи*, *мощи* и т. п.) в большинстве памятников акцентуируются так же (или почти так же), как инфинитивы на *-сти* и *-чи*. Лишь в некоторых восточных памятниках (в частности, Трав., Ратн., Колм., Авв., Цел.) *-щи* более устойчиво сохраняет конечное ударение, чем *-сти*, *-чи*. Тем самым здесь возникает оппозиция типа *берéчь* — *брещѝ* (наиболее четко представленная в Авв.), в которой обычное для восточной зоны соотношение народной и книжной акцентовок оказывается как бы инвертированным (поскольку в данном случае народное ударение даже в восточной зоне сдвинуто влево по сравнению с исконным; ср. § 3.13).

Пример архаичной микросистемы — Увар.: *блюстѝ* 72б и др., *вестѝ*, *навестѝ*, *ввестѝ*, *привестѝ* (часто), *погрестѝ* 829б, *мястúся* 520б, *смястѝ* 802б, *понестѝ* 506б, *принестѝ* 69б и др., *пастѝ* 682, *честѝ* (часто), ѡ^{m}*врестѝ* 684 и другие на *-стѝ*; *не бречѝ* 613б, *съжечѝ* 833, *не мочѝ* 842б (+ 841б), *помочѝ* 836б, *печѝ* 841б; *вжещѝ* 725, *съжещѝ* 603б, *лещѝ* 833б, *не мощѝ* 582, *стрещѝ* 297б и многие другие на *-щѝ*. Пример микросистемы со значительным количеством инноваций — Улож.: *вестѝ* ‘везти’ 246, ѡ^{m}*вестѝ* 157б bis и др., *привестѝ* (часто), *оувестѝ* 326, ѡ^{m}*нестѝ* 318б, *принестѝ* 118б bis — *перевéсть* 165, *привéсть* 319, *взнéсть* 94б, ѡ^{m}*нéсть* 168, 168б; *берéчѝ* 288, 293б, 333, 337б — *берéчь* 169б, 304, *жéчь* 154, *зажéчь* 154б, *зжéчь* 147, 154б, 327б, *стерéчь* 125; инфинитивов на *-щи* нет.

Возможен также особый тип перестройки ударения инфинитивов — строго по принципу дефинализации. Образцом может служить Пск.: *ввéсти* 309б, *внéсти* 142б, *понéсти* 123б, 173, *принéсти* (6×), *исчéсти* 258 (+ 58), *прéити* (4×), *рéщи* (4×), *стрéщи* 20б (при единичном *тещú* 118б); с другой стороны, *спᵉтúся* 176, 184, *трястúся* 243, ѡ^{m}*врещúся* 144б, ѡ*блещúся* 316б, *пещúся* 155б, 273, *попещúся* 210, *нарещúся* 138, 161б, сюда же ѡ^{m}*врещú намъ* 166. Этот принцип проведен также в Пат. и Клон., частично (только у инфинитивов на *-щи*, но не на *-сти*) в Егор. Пример более сложной микросистемы с частичной реализацией данного принципа — Цел.: *розвéсти* 105 (+ 51, 86), *скрéсти* 184б, *блюстѝ* 81 при существенно более частых *довестѝ*, ѡ^{m}-, *пере-*, *по-*, *ро^{з}-* (15×), *огрестѝ* 225, *нестѝ* 33, *по^{д}нестѝ* 113, *ростѝ* 240; *жéчи* 51б, *по^{д}жéчь* 55, *ро^{з}жечь* (б. уд.) 252б, *сжéчи* 131 (+ 47б), *ужéчи* 83, 84, *іспéчъ* 245, *стерéчь* 176б, *истóлчи* (11×), *истóлчь* 249 bis, *стóлчи* (3×),

утóлчи 105 — *беречѝ* (4×), *жечѝ*, *за-*, *з-*, *и*^{з}*-*, *пере-*, *ра*^{з}*-*, *со-*, *у-* (26×), *лечѝ* 158, *прилечѝ* 40, *мочѝ* 47б, *печѝ* 55б, *толчѝ* 101б, *истолчѝ* 44б (+ 108), *утолчѝ* 90б; *помóщи* 19 при *помощѝ* 20, *зажещѝ* 178, *и*^{з}*жещѝ* 188б, *сожещы* 96. Между тем у возвратных глаголов ударение влево не сдвигается: *блюстúся* 49б, *сростúся* 84, *трястúся* 122, 139б, *береúся* (4×), *береúсъ* 176.

Особое явление отражают примеры: *пóмощи* (инф.) Лих. 119г, Егор. (5×: 131, 237б и др.), Пск. 43б, 126, Лет. 27, 271б, Костр. 102б, *нé мощи* Лих. 163б, Пат. 633б, *сóблюсти* Пск. 106б, *вóврещы* Хр. 1408б, 1411. Эти примеры естественно связывать с рядом других случаев, когда характерное для западной зоны устранение конечного ударения реализуется в виде переброса ударения на начальный слог (ср. § 3.9, конец).

Императивы с исконным флексионным ударением

§ 3.72. У императивов с исконным флексионным ударением (т. е. в а. п. *b* и *c*) акцентная эволюция сходна с инфинитивами.

Особо стоят императивы с основой на гласную + *j* (*стои*, *боúся*, *пои* [от *пѣти* и от *поити*], *дои*, *гнои*, *смѣúся*, *куи*, *пии* и т. п.): конечное *-и* здесь утратилось уже в древнерусском, передав ударение основе; ср. повсеместное /ô/ в *стóи*, *бóúся*, *пóи*, *дóи* (современные литературные *доú*, *поú* и т. п. — аналогического происхождения). Ниже императивы этой группы не рассматриваются. Кроме того, не учитываются случаи перевода всего презенса в а. п. *a* (например, у книжных *внúду*, *изы́ду*, *приéмлю*, *прéзрю*, откуда императивы *внúди*, *изы́ди* и т. д.), а также книжные *вóнми*, *внéмли*, *взéмли*, которые могут иметь предфлексионное ударение даже при иной акцентовке презенса.

Императивы со сдвинутым влево ударением шире всего представлены в Пат., Стар., Цел., Целеб. Так, в Пат. находим: *бѣ́жи* 589б, *úди* (6×), *взы́щи* 633б, *лю́би* 580б, *прóсти* 620б, *соу́ди* 570г, наряду с *идѝ* (4×), *възмѝ* 610г, 649а; при наличии энклитик старое ударение сохраняется, например: *не дивúся* 618в, *молúся* 640в, *причастúся* 606г; *блюдú же* 610б, *погребú мя* 650г, *скажú ми* (3×), *коупú ми* 629а, ѡ^{т}*несú мя* 629а bis, *принесú ми* 610б, 639в, *простú мя* (5×), ѡ^{т}*поустú мя* 635а, *сътвóрú ми* 628б. Сведения об императивах в Цел. см. в § 3.10 (у возвратных старое ударение в Цел., как и в Пат., сохраняется). Отметим еще Целеб., где представлены *побéреги*, *вóди*, *ро*^{з}*вóди*, *омóчи*, *пúши*, *смóтри*, *стéреги*, *потéрпи*, но *блюдúся*, *берегúся*. См. также в § 3.9 примеры императивов со сдвинутым ударением из записей Джемса.

По нескольку примеров сдвинутого ударения встретилось в Час., Т. пс., Нил., Лих., Ег., Егор., Пск., Амф., Сол., Хлын., Авв., по одному — в Пр., Хрон., Фер., Смол., Дорог., Биб., Библ., Ик., Косм., Трав., М. пс. В большинстве случаев это словоформы ед. числа

без *ся*: *вóзми*, *úди*, *прии́ми*, *приклóни* и т. п.; отметим Трав. *полóжъ* 533б, Косм. ѡ^{m}*пу́стъ* 80б. Примеры с *-ся* или *-те* немногочисленны: Пск. *не я́рися* 110б, Лих. *не ми́ните* 220в, Егор. *взы́щите* 411б, Хлын. *блю́ди́те же ся* 103, *взы́щи́те* 220б, *взы́щите* 78б; ср. также М. пс. *жи́ви́ мя* 134б (оксия над *жи* зачеркнута), Сол. *напи́ши́ ми* 162. Менее надежны примеры, где не исключено смешение наклонений: Час. *испрô|сúте* 402б, Лих. *прóсите* 248а, Егор. *въземѣте* 54б, 157, *прúдѣте* 543 bis (и некоторые др.), Библ. *не вхóдите* 603, Ик. *въсхóдите* 80$_2$б, Стар. *не лю́би́те* 46б.

Особые случаи: Амф. *сóблю*$^{\partial i}$ 86б, *сóхра|нù* 80, Джемс *dólogï* 56, Цел. *прúложи* 153б, 158б. Они аналогичны инфинитивам типа *пóмощи*, *сóблюсти* (§ 3.71, конец).

Во всех прочих обследованных памятниках флексионное ударение императива полностью сохранено (не считая книжных словоформ). Из приведенного перечня памятников видно, что новое ударение императива отмечается: 1) в большинстве памятников западной зоны (а также в Стар.); 2) в большинстве памятников юга; 3) в значительной части памятников дальнего северо-востока. Ареал последовательного сохранения старого ударения — это основная часть восточной зоны без памятников юга. Таким образом, картина здесь довольно близка к той, которую дают инфинитивы С-корневых глаголов; ср. карту 18.

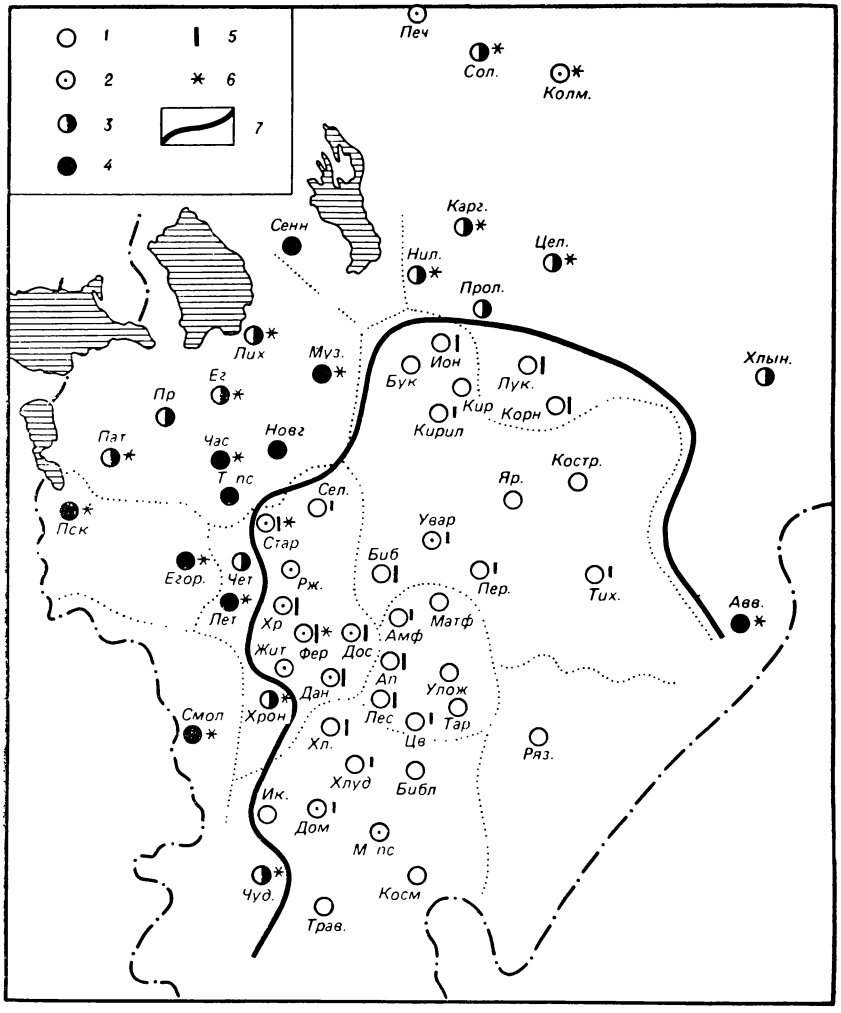
Тематизация ударения

§ 3.73. Важный тип акцентной инновации составляет тематизация ударения (т. е. перенос его на тематический элемент, см. § 3.8) у *aj-*, *ěj-*, *a-*, *ova-*, *i-* и *ě*-глаголов. Для *aj-* и *ěj*-глаголов тематизация означает переход к ударению типа *дѣлáти*, *дѣлáеть* во всей парадигме. У *a-*, *ova-*, *i-* и *ě*-глаголов тематизация захватывает в первую очередь систему прош. времени и инфинитива (*мазáти*, *вѣровáша*, *умножúлъ*, *слышáли* и т. п.); в презенсе таких глаголов сдвиг ударения вправо встречается несравненно реже (у большинства глаголов он просто отсутствует). Тематизация ударения рассмотрена (на материале 17 памятников) в Глаг. акц., § 41, 44—46, 54—55. Расширение круга обследованных памятников позволило точнее определить диалектные границы тематизации для разных групп глаголов. Шире всего тематизация представлена у вторичных имперфективов с суффиксом *-a(j)-*. Здесь она не ограничена какой-либо диалектной зоной. Уже в XV—XVI вв. старое ударение типа *обогáщати*, *испóлняти*, *прикладáти*, *впáдати* сохраняется лишь в меньшинстве случаев. К примерам подобного ударения, приведенным в Глаг. акц., § 54, добавим (выборочно) еще несколько (в части из них выставлено по два акцентных знака): Сенн. *не остáвля́еми* 117а, *бубѣгати* 114а (об ударении глагола *бѣгати* см. § 2.7, конец), *въклáдати* 68а, *запáдае*^{m} 129в, *обрѣтáемъ* (прич.) 15в, *разсѣдавъся* 133г, *разумѣ|вáють* 143в; Лих. *избáвляющаго тя* 12б, *рассы́пая* 113в; Ион. *забáвляете* 81б, *обáвляете* 551б, *приготóвляются* 77, *раз-*

гра́бляющеи 322; Корн. *изба́вля́е*^{m} 171б, *не произво́ля* 422, *приготѡвляю*^{m} 296б, *ѡумѣ́ряемо* 360б, *испра́вля́ите* 451, *съпроти́вля́ющаяся* В. мн. 34б, *съста́вля́емо* 30б, *оутѣ́шая* 24, ѡ^{m}*бѣ́гати* 24, 230, *укра́дати* 382б, *впада́ті* 146б; Хрон. *покла́даеть* 226; Жит. *пре*^{ѳ}*поста́вля́а* 303б, *възгля́дающе* 287, *разсы́пающе* 298б; Лет. *наста́вля́ющи*^{x} 42б, *въскла́дати* 181б, *не приста́вси* 128; Биб. ѡ *оубѣ́гающи*^{x} 107б, *посы́пающіи* мн. 331; Библ. *погиба́ше* 610, *погля́даите* (3×). В XVII в. подобные примеры становятся уже большой редкостью; отметим, в частности: М. пс. *прослáвля́ти* 199; Ряз. *не оукра́даеми* 111; Кир. *напа́дающу* Д. ед. 59; Костр. ѡ^{m}*вѣща́етъ* 74, ѡ*брѣта́ютъ* 169б; Сол. *помы́шля́ше* 269, *оукра́дает же* 192; Хлын. *покла́даеть* 226.

Почти столь же интенсивна тематизация у *ĕj*-глаголов, образованных от непроизводных имен: *окаменѣ́ти*, *оздравѣ́ти*, *посиняти* (*-ѣ́ти*), *слабѣ́ти*, *старѣ́ти* и т. п. Из реликтов старого ударения к примерам, содержащимся в Глаг. акц., § 54, можно добавить, в частности: Ион. *поси́нѣ́яше* 523б, Лет. ѡсла́бѣ́ша 282, Библ. ѡма́лѣ́ 'уменьшился' 599б, Ряз. *поси́нѣ́вше* 73, Кир. *ті́ша*^{mu} 'утихать' 120б. Отметим еще Корн. ѡоубо́жа́етъ 144 (от опростившегося *убогъ*).

За рамками названных групп процесс тематизации ударения протекал по-разному в разных диалектных зонах, а именно, он был интенсивен в западной зоне и на дальнем северо-востоке и весьма ограничен в основной части восточной зоны. При разборе здесь целесообразно оставить в стороне как менее показательные некоторые глаголы с индивидуальными особенностями, слабо документированные слова, а также весь класс *ova*-глаголов (поскольку в ударениях типа *вѣрова́ти*, *радова́тися* нельзя надежно отличить эффект тематизации от записи второстепенного ударения). Остальные глаголы, подверженные тематизации, можно обозначить как «основную группу». Сюда входят (везде, где не оговорено иное, вместе с приставочными производными): 1) *aj*-глаголы *бѣ́гати* (без произв.), *вѣ́дати* (и производные совершенного вида), *гнѣ́ватися*, *готовати*, *думати*, *дѣ́лати*, *кушати* (без произв.), *падати* (без произв.), *плавати*, *работати*, *слушати* (без произв.); 2) *a*-глаголы *брызгати*, *кликати* (без произв.), *мазати*, *плакати*; 3) *ě*-глагол *слышати*; 4) *i*-глаголы *-бавити*, *-величити*, *вѣ́рити*, *вѣ́сити*, *гладити*, *готовити*, *грабити*, *ударити*, *множити*, *мучити*, *мыслити*, *мѣ́рити*, *-подобити*, *-полнити*, *правити*, *противитися*, *ранити*, *славити*, *ставити*, *тѣ́шити*, *чистити*. При этом, однако, из рассмотрения должны быть выведены причастия (*i*- и *ě*-глаголов) с суффиксами *-ящ-*, *-им-*, *-ен-* (например, *мучащии*, *мучимыи*, *очищеныи*): у таких причастий суффиксальное ударение иногда выступает и там, где в остальном тематизация отсутствует. То же верно для отглагольных существительных и прилагательных (от глаголов всех групп), например, *исповѣ́дание*, *послушание*, *помазание*, *мучение*, *мучитель*, *мучительныи*.

Карта 19. Тематизация ударения в глаголах:

1 — в «основной группе» (§ 3.73) глаголов, подверженных тематизации, примеров тематического ударения (*дума́ти*, *плака́ти*, *слыша́ти*, *мучи́ти* и т. п.) нет; *2* — отмечено 1—2 примера такого ударения; *3* — отмечено 3—10 таких примеров (или больше, но лишь у 1—4 разных глаголов); *4* — отмечено более 10 таких примеров (у более чем 5 разных глаголов); *5* — встречается *вид́ѣти* (знак 5 ставится только там, где в основной группе тематизации нет или почти нет; уменьшенный знак 5 показывает, что примеры ударения *вид́ѣти* единичны); *6* — у непроизводных глаголов а. п. *b* (§ 3.74, п. 1) встречается презенс с флексионным ударением (*ходи́шь* и т. п.); *7* — граница между зоной, где в «основной группе» тематизации ударения нет или почти нет (1—2 примера), и зоной, где она встречается.

Карта 19 демонстрирует степень распространения тематизации в основной группе (без учета производных имен и указанных выше причастий). Очерченный на карте ареал, где у этих глаголов тематизации нет или почти нет, включает всю основную часть восточной зоны и несколько соседних памятников. Сравнение с картой 3 показывает, что он почти совпадает с ареалом, где нет дефинализации.

Почти не отличается от основной группы глагол *висѣти*: в основной части восточной зоны новое ударение встречается почти исключительно в причастии (*вися́ща*, *вися́и*), при регулярных *ви́сить*, *ви́сѣлъ*, *ви́сѣти* и т. д. (так в Лес., Ап., Цв., Ряз., Костр., Ратн., Матф.). У глагола *видѣти* тематизация отмечается на заметно большей территории, чем у глаголов основной группы; см. карту 19.

Особое явление, не сводящееся целиком к тематизации, представляет собой перевод некоторых глаголов книжного характера (в частности, *насытити*, *осквернити*) из а. п. *a* в *c*; оно встречается на всей великорусской территории (ср. сходное акцентное развитие у книжных глаголов а. п. *b*, § 3.74).

Перестройка ударения в презенсе i- и ě-глаголов

§ 3.74. В XVI—XVII вв. в презенсе *i*- и *ě*-глаголов отмечается некоторое количество отклонений от реконструируемой раннедревнерусской акцентовки. Рассмотрим вначале отклонения от акцентовки по а. п. *b* в сторону а. п. *c* в презенсе *i*-глаголов (обозначим их как «инновации типа *вкуси́ть*»).

Примечание. Мы не включаем сюда те *i*-глаголы, которые перешли в а. п. *c* (из праславянской а. п. *b*) уже в раннедревнерусском; таковы, в частности, *крестити*, *-ложити*, *постити*ся, *разорити*, *селити*, *творити*, *-ключити*, *мутити* (в § 2.17 они указаны уже в составе а. п. *c*); см. Глаг. акц., § 52 и Дыбо 1970, сноска 12. О возможных следах старого ударения *-лбжить*, *твбрить* см. § 3.75.

Следует различать несколько групп глаголов, обнаруживающих инновации типа *вкуси́ть*.

1. Основная группа непроизводных глаголов, не имеющих специфически книжной окраски: *водити*, *гонити*, *носити*, *ходити*; *давити*, *кормити*, *купити*, *любити*, *молити*, *просити*; по своему акцентному поведению к ним тесно примыкает также *служити*. В этой группе глаголов инновации типа *вкуси́ть* встречаются (на фоне господства старого ударения) только в западной зоне и широкой промежуточной полосе (см. карту 19): Чуд. *взлюби́ши* 124а; Хрон. *слу́|жи́ть* 241; Фер. *проси́ши* 546б; Лет. *поводи́ть* 130б, *купи́ть* 3б, *искупи́т ны* 11, *лю́би́тъ* 77, *да помоли́*^{m} 239, *да оумоля́*^{m} 20б; Стар. *моли́тся* 100; Смол. *входи́те* (през.) 130, *оудави́тся* 68б, *люби́ши ли мя* 9, *моли́тся* 80б, *оумоли́тъ* 47б; Егор. *помоли́шися* 377б, *еже прщси́те* 227; Пск. *приноси́те* (през.) 82; Час. *моли́ши* 216, *моли́шися* 190; Лих. *гони́ши* 179в; Ег. *моли́теся* (през.) 141; Муз. *возлю́би́ши* 222б (оксия над *ю* зачеркнута); Пат. *приноси́ши* 604в, *да не служи́ши*

631г; Нил. *приводя́ть* Т 18б, ѡ^{m}*ходя́ть* 104; Карг. *възлюбíши* 91, 91б, *да умолíши* 29б, *попрóсíши* 29б; Сол. *вхóди́тъ* 253б; Колм. *ко*^{р}*мя́тъ* 193; Авв. *не служа́тъ* 104б; Цел. ѡ^{m}*гони́тъ* 174 (в список не включены примеры повел. на *-и́мъ* типа Чуд. *не любѝмъся* 89г, поскольку они могут отражать исконное ударение, см. Глаг. акц., § 47, замеч.). Не вполне надежно Ратн. *ходя́тъ* 170б. По-видимому, примеры данной группы отражают не тенденцию к переводу этих глаголов в а. п. *c*, а всего лишь диалектную неустойчивость акцентной кривой в а. п. *b*. Новое ударение чаще всего встречается здесь в форме 2 ед. (ср. сходную особенность в западноболгарском памятнике XIV в., см. Дыбо 1982, с. 258—259).

2. Глаголы с отчетливой книжной окраской. В этой группе инновации типа *вкуси́ть* встречаются на всей великорусской территории и явно отражают тенденцию к полному переводу таких глаголов из а. п. *b* в *c*. В рамках этой группы особо стоят глаголы с неполногласием. Они переводились в а. п. *c* раньше и последовательнее прочих. Так, у *хранити* следов праславянской а. п. *b* практически не осталось. У *влачити*, *сократити*, *претити* отмечаются (в памятниках не моложе середины XVI в.) лишь слабые следы а. п. *b*. У *-вратити*, *срамити* последние примеры акцентовок по а. п. *b* отмечены в первой пол. XVII в.

Для глаголов с иной структурой корня отмечены (на фоне более обычной акцентовки по а. п. *b*), в частности, следующие презенсы (условно они представлены формой 3 ед.): *соблазни́ть* (очень широко), *блуди́ть* (Биб., Смол., Пер., Тих.), *воли́ть* (Час., Сенн., Егор.), *украси́ть* (Хл., Трав., Рж., Хлын., Цел.), *совокупи́ть* (Пск., Цв.), *вкуси́ть* (Лет., Цел.), *искуси́ть* (Лук., Пск., Костр., Пер.), *покуси́ться* (Увар., Смол.), *обличи́ть* (широко), *луни́ться* (Матф.), *умертви́ть* (широко), *смѣси́ть(ся)* (Лук., Костр., Пер., Тих.), *поостри́ть* (широко), *просвѣти́ть* (очень широко), *(о)сочи́ть* (Увар.), *утоли́ть* (широко), *источи́ть* (Рум., Цв.), *расточи́ть* (Библ.), *стужи́ть* (Биб.), *защити́ть* (Сол., Тих.), *ощути́ть* (Ион., Ряз.). Для презенсов *водвори́ть*, *(о)дожди́ть*, *возмзди́ться*, *воцари́ться* в наших памятниках встретилась уже только акцентовка по а. п. *c*.

3. Отыменные глаголы (хотя бы и некнижные). Ситуация здесь сходна с группой 2. Отмечены, в частности, презенсы: *убѣли́ть* (Тих.), *гнѣзди́ться* (Библ., Стар.), *(о)жени́ться* (Сенн., Библ., Смол., Тих., Улож.), *казни́ть* (Увар.), *(при)плоди́ть* (Ион., Биб., Печ., Сол., Матф.), *присвои́ть* (Егор.), *труби́ть* (Карг.), *очерни́ться* (Библ.) — при более частых (для совокупности памятников в целом) *бѣ́лить*, *гнѣ́здиться*, *же́ниться*, *ка́знить*, *пло́дить*, *присво́ить*, *тру́бить*, *че́рнить*.

Группы 2 и 3 показывают, что в XVI—XVII вв. уже начали складываться новые принципы распределения акцентовок презенса у *i*-глаголов, которые действуют в современном языке (см. § 1.17).

Прочие случаи носят более индивидуальный характер. Так, на-

пример, *судити* и *хвалити* ведут себя в основном сходно с группой 1; но изредка презенсы *судúть*, *хвалúть* отмечаются в восточной зоне — по-видимому, ввиду связи этих глаголов также с группой 3. Об ударениях *палúть* (вместо *пáлить*), *разлучúть* (вместо *разлýчить*) см. Глаг. акц., § 52, замеч.

§ 3.75. В старовеликорусский период в презенсе *i*- и *ě*-глаголов появляются также отклонения противоположного типа — от а. п. *c* к *b* (обозначим их как «инновации типа *пýстить*»).

Сферой действия данного процесса являются прежде всего переходные глаголы некнижного характера (кроме отчетливо отыменных), т. е. здесь с самого начала процесса обнаруживаются те же факторы, которые действуют в современном языке (§ 1.17). Таким образом, сферы действия инноваций типа *пýстить* и типа *вкусúть* практически не пересекаются, т. е. эти две противоположные тенденции составляют разные стороны общего процесса перестройки первоначального ударения презенса *i*-глаголов по новым основаниям (семантического, морфологического и стилистического характера).

Наиболее ранними свидетельствами рассматриваемого процесса можно считать следующие примеры из XVI в. (памятники приводятся в хронологическом порядке): Сенн. ѡ^{m}*поýст-и*^{m} 65г, 170в, *-я*^{m} 134г; Фер. *дрѣ|жúтся* (2 уд.) 969б *запоýстúть* (2 уд.) 984б, *истóпить* 'утопит' 842; Ап. *тéрп-итъ* 65, *-и*^{м} 116б; Хл. *дéржúтъ* (2 уд.) 286, *тéрпиши* 275б; Хлуд. *дéрѣ|жúть* (2 уд.) 135; Биб. *поýсти*^{m} 463, *да испоýстя*^{m} 89, *да* ѡ^{m}*поýст-и*^{m} 77, *-иши* (5×), *попоýсти*^{m} 118; Библ. *тéрпи*^{m} 977б, *-и*^{м} 834, *стéрпи*^{m} 612б, *претéрпи*^{m} 591, 800; Смол. *не лúшится* 25, *не полýчите* 5б, *измѣнитъ* 56б, *не рóдитъ* 'не рожает' 27б; Пск. *да раздѣли*^{m} 160; Цв. *покáдитъ* 206б; Ик. *дрѣжи*^{m} 101б. Вероятно, сюда же относится и несколько других ранних примеров, но это менее надежно (не исключены и какие-то побочные причины акцентного сдвига); таковы: Нил. *цѣля*^{m} 'исцеляют' 57, Сенн. *сóлится* 184в, *осóлится* 184в, единичные примеры ударения *(по)гýбить* в Сенн., Прол., Смол. (относительно *губити* см. также Глаг. акц., § 50).

В XVII в. инновации типа *пýстить* встречаются уже заметно чаще. В частности, у глагола *пустити* (и производных) ударение по модели *пýстить* отмечено (перечисляем в хронологическом порядке) в Дом., Трав., Печ., Кир., Сел., Костр., Сол., Яр., Ратн., Улож., Матф., Цел.; у *держати* — в Дом., Трав., М. пс., Ряз., Ратн., Улож., Цел.; у *терпѣти* — в Трав., М. пс., Ряз., Хлын., Авв., Цел. Прочие примеры: Дом. *перетóпишь* 70 (о сале); М. пс. *лóвитъ* 8б (оксия подтерта); Сел. *да оумúриши* 187а; Яр. *прилýчи*^{m}*ся* 35б; Ратн. *збоýдятъ* 205б, *стрѣл-ишь*, *-итъ* (5×); Улож. *перемѣнитъ* 268, ѡцѣ́*нятъ* 82б; Колм. *дѣлятъ* 188, *лóвятъ* 99, *плáтятъ* 180, *стрѣлитъ* 104, *сýшатъ* 100, *цѣнятъ* 180; Цел. *и*^{з}*дрóбитъ* 86, *улóв-ишъ*, *-итъ* (4×), *мя́гчитъ* 239б, 241б, *ся нарóдит* 63б, *посáдишъ* 161б, *ускóпя*^{m} 187, *устрéлятъ* 223б, *твéрдитъ* 244б, *тóнчитъ* 229б,

ростóпится 132 (вероятно, сюда же *знóбитъ* 232б, *крóшатъ* 65; *засóрится* 39б).

Следует все же подчеркнуть, что приведенные ударения в подавляющем большинстве случаев выступают в соответствующих памятниках только как исключения — на фоне более частых *пустúть*, *держúть*, *терпúть*, *ловúть* и т. д. Лишь в немногих случаях материал указывает на победу нового ударения (например, в Улож. у *пустити* и производных соотношение нового и старого ударения — 25 : 1, в Биб. — 8 : 0). Для многих глаголов, получивших в современном языке новое ударение, во всем нашем материале XIV—XVII вв. отмечено только старое ударение (по а. п. *c*); таковы, в частности, глаголы *валити*, *варити*, *гасити*, *городити*, *дарити*, *доити*, *катити*, *крестити*, *окровавити*, *лѣнитися*, *морити*, *поити*, *становити*, *студити*, *тащити*, *тушити*, *учити*, *чинити*, *явити*.

Ударения *-лóжить* и *(со)твóрить*, возможно, в части случаев представляют собой не инновации, а следы праславянского состояния. Ударение *-лóжить* отмечается в XVI—XVII вв. (как правило, на фоне более частого *-ложúть*) только в некоторых северо-восточных и московских памятниках: Биб., Цв., Клон., Печ., Пер., Ратн., Улож., Колм., Цел.; кроме того, в Стар.; ср. распространение акцентовки *полóжу*, *-ит*, *-ил*, *-ила* (по а. п. *a*) в современных северных говорах. Ударение *(со)твóрить* отмечается, на фоне более частого *(со)творúть*, в основном лишь в западной зоне или поблизости от нее (в Час., Сенн., Прол., Дос., Лет., Стар.); несколько шире встречаются ударения *отвóрить*, *затвóрить* — в глаголах, восходящих в конечном счете к **-voriti*, а не к *tvoriti*.

Особую побочную линию эволюции, не получившую в дальнейшем развития на русской почве, отражают инновации типа *пýстить* у непереходных *ě*-глаголов (часть из них отмечена в очень ранних памятниках). Они выступают в основном у приставочных глаголов: *достóить* (повсеместно), *пристóить* (в Биб., Трав., Цел.), *растѡить* Мер. 35, *настóить* Пск. (4×), *предъстóитъ* Матф. 90, *предлéжить* Нил. 28, *премóлчить* (в Егор., Клон., Печ.), *оумóлчи*^{м} Пр. 112г, *оубóится* Биб. 117 (ср. также *избѣжи*^{т} Корн. 435). Эта группа находит близкие соответствия в староукраинском; ср., в частности, *достóитъ*, *пристóитъ*, *разстóитъ*, *предстóятъ*, *налéжитъ*, *присѣдитъ* у Берынды. Более редки примеры без приставок: *бѡлимъ* Мер. 47б, *бóля*^{т} Сенн. 65в, *бóлить* Лет. 114б, *да бóлúть* Костр. 198б bis, *стóить* 'stat' Нил. 175б, *сѣдя*^{т} Ик. 110, *сúдя*^{т} Трав. 498б, *сúдитъ* Авв. 27б.

Презенс с неслоговым корнем (у корневых, а- и ǫ-глаголов)

§ 3.76. Как показал В. А. Дыбо (1972б), в праславянском имелось два акцентных типа презенсов с редуцированным в корне — а. п. *b* и а. п. *c*. После падения редуцированных корень здесь стано-

вится неслоговым. В нашем материале реально представлены: из исконной а. п. *b* — презенсы с *ид-* (*-jд-*), *им-* (*-jм-*), *-чн-*, *жм-*, *жн-*, *жр-* 'sacrifico', *тр-*, *сл-* (*шл-*), *лг-* (*лж-*), *тк-* (*тч-*), *сс-* (*сос-*), *сх-* (*сш-*), *бj-*, а также презенсы *nǫ*-глаголов, в частности, с *-сн-*, *-бн-*, *гн-*, *схн-* (*сохн-*), *мкн-*, *ткн-*; из исконной а. п. *c* — презенсы с *мр-*, *жр-* 'devoro', *стр-*, *пр-* (в *запру* и т. д.), *-нр-*, *-пн-*, *вj-*, *лj-*, *пj-*, *жд-*, *чт-*, *рв-*, а также *жг-* (*жж-*), *рк-* (*рч-*) (варианты к *жег-*, *рек-*).

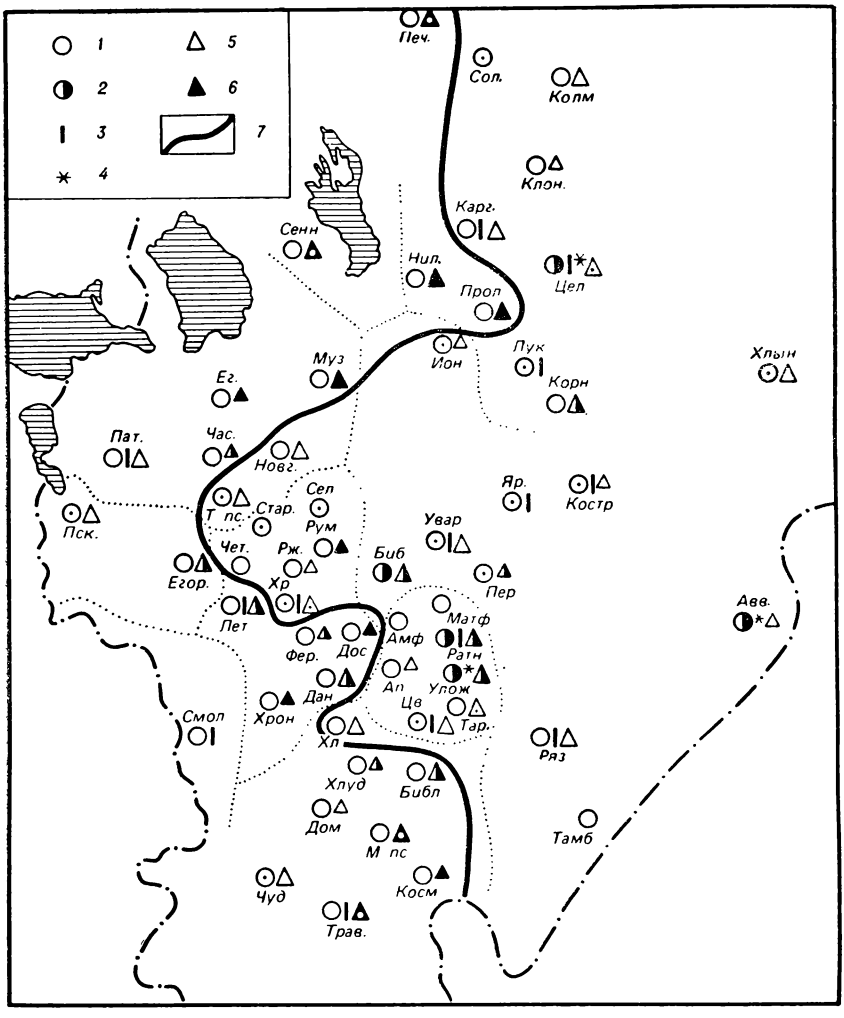
Рассмотрим вначале п р и с т а в о ч н ы е презенсы данного типа.

В Чуд. исконное распределение сохраняется еще почти без нарушений (см. Дыбо 1972б, с. 75); инновациями являются только *оу́мре*^{т} 48б, *потрѐть* 152а (пример *при|доу́ть* 86а не вполне надежен). В памятниках XVI—XVII вв. предстает гораздо более пестрая и запутанная картина. Ее анализ приводит к следующим основным результатам.

В северной и средней частях восточной зоны (см. карту 20) развивается тенденция к флексионному ударению во всех презенсах с неслоговым корнем (т. е. к новому ударению *поидéть*, *возьмéть*, *послéть*, *начнéть* и т. д.); именно эта тенденция впоследствии полностью реализовалась в литературном языке. В XVI в. ее проявления еще довольно слабы, но в XVII в. она уже очень заметна. Новое ударение распространялось с неодинаковой скоростью у разных глаголов. Особенно широко отмечается в XVI—XVII вв. ударение *начнéть*: оно засвидетельствовано даже в ряде памятников, далеко отстоящих от основного очага данной инновации и не имеющих других примеров неисконного флексионного ударения (см. карту 20). Напротив, ударение *поидéть* (*придéть*, *наидéть* и т. д.) появляется позже прочих (лишь в XVII в.) и отмечено только в самом очаге рассматриваемой инновации.

В западной зоне (а также на юге восточной зоны) наблюдается обратная тенденция — к префиксальному ударению (т. е. к новому ударению *пóждеть*, *пóжжеть*, *пóчтеть*, *пóрветь*, *прóльеть* и т. д.). Впрочем, в части микросистем здесь отмечаются также и единичные примеры инноваций «восточного» типа (чаще всего *начнéть*). На карте 20 показана примерная восточная граница территории, на которой преобладает тенденция к обобщению а. п. *b* (не учтены Корн. и Рум., которые образуют островки восточнее этой линии, а также Тар., данные которого не вполне четки). Как можно видеть, эта территория включает почти всю западную зону и весь географический район «юг».

В современном русском языке, в частности, ударение *прúдешь* характерно в основном для юго-запада (для белорусского и украинского языков оно является нормой); в рассеянном распространении оно представлено практически на всей южновеликорусской территории (Атлас Запад, карта 317; Атлас Юг, архивная карта 32). Сравнивая эти данные с картой 20, мы видим, что ударение *прúдешь* сохранилось в зоне, максимально удаленной от очага инноваций типа *поидéть*, *возмéть* вместо *пóидеть*, *вóзметь*.

Карта 20. Ударение в презенсах с неслоговым корнем:

1 — в приставочных презенсах с неслоговым корнем исторической а. п. *b* (из «основной группы», § 3.76) ударение старое (*вóзметь*, *прúдеть* и т. п.), *2* — значительна доля нового (флексионного) ударения; *3* — встретилось *начнéть* (или другие на *-чнéть*); *4* — встретилось *поидéть* (или другие на *-идéть*); *5* — в приставочных презенсах с неслоговым корнем исторической а. п. с (из «основной группы») ударение старое (*сожжéть*, *почтéть* и т. д.), *6* — ударение новое (*сóжжеть*, *пóчтеть* и т. д.); *7* — основная восточная граница зоны, где преобладает тенденция к обобщению а. п. *b*.

Смена ударений типа *пóидеть*, *вóзметь* на *поидéть*, *возмéть* (в восточной зоне) проходит через фазу массовых колебаний в презенсах с неслоговым корнем; эти колебания частично захватывают и такие презенсы, как *пожжеть*, *почтеть* и т. п., где флексионное ударение исконно. Подобная «расшатанная» переходная система

особенно ярко отражена в Ратн. и Улож.; элементы такой системы усматриваются также в Биб.

Имеется, однако, особая группа презенсов, акцентная эволюция которых по различным индивидуальным причинам выпадает из общей картины: 1) презенсы с *бj-* (исконная а. п. *b*) почти повсеместно акцентно уподобились презенсам с *вj-*, *лj-*, *пj-*; 2) презенсы с *мр-* (исконная а. п. *c*) в большинстве микросистем перешли (по неясной причине) в а. п. *b*; в XVI в. старую акцентовку последовательно сохраняют только Хр. и Чет., частично—Увар., Цв., Постн. (ударения *умре́тъ*, *изомре́тъ* в Цел. могут быть и вторичными); 3) склонность к переходу в а. п. *b* (хотя и не столь сильную, как у *мр-*) обнаруживают также презенсы с *пн-*, которые, по-видимому, подвергались влиянию со стороны *ǫ*-глаголов, и книжное *понреть*; 4) презенсы *пожреть* 'devorabit' (а. п. *c*) и *пожреть* 'sacrificabit' (а. п. *b*) часто смешиваются, т. е. у обоих омонимов встречаются две акцентовки, но преобладает акцентовка по а. п. *b*. При составлении карты 20 акцентуация презенсов особой группы не учитывалась.

Прочие презенсы рассматриваемого типа обозначаются ниже как «основная группа».

В качестве иллюстраций рассмотрим несколько достаточно ярких микросистем. Общее представление о ситуации в остальных микросистемах дает карта 20.

Из микросистем, где инновации вообще отсутствуют или встречаются только в особой группе, возьмем Новг. Исконная а. п. *b* — *поидȕ* 55, 226б (+ 232), *по̑идеши* 67, *по̑идоуть* 148, 157б, 252б, *прѡиду́* 85, 337б, *про̑идеть* 177, *про̑идоуть* 115б, 178б, 179, *послю́* 247б, *по̑слеть* 238б, *по̑слет ти* 50б, 194, *по̑жноутъ* 217б (NB фонема /о̑/; единичные написания без каморы: *по́идоуть* 150б, 159, *пѡслеши* 180), также *пріидȕ*, *прі́доуть*, *пре́идоуть*, *възмȕ*, *вѣ́змоуть*, *ізмо́у*, *и́зметь*, *пре́иметь*, *ѡбы́метъ* и т. д. (многократно); далее, *на́чнеть* 18б, *сѡлжеть* 263б, *сѡлжоуть* 115, *и́схнеть* 161 и даже *оу́бiет мя* 2 (наряду с *избiе́ши* 228, *разбiе́тъ* 226). Отметим особо *по́жру* 'sacrificabo' 256 (+ 100б), *по́жроуть* 'sacrificabunt' 188; в последней словоформе место ударения старое, но /э/ (а не /о̑/) указывает уже на некоторую перестройку; *по́жру* по месту ударения и огласовкѐ соответствует исконному 'devoro', а не 'sacrifico'. Исконная а. п. *c* — *не разже́ть* 142, *ражже́тся* 145, 160, 247б, *съжжѐтъ* 91, *испiю́ть* 135, *оупiю́тся* 74, 294б, *про́лiю* 231 (с /э/), *пожре́ть* 'devorabit' 121б, 244 (+ 106), *простр-е́ши* 151б, *-е́ть* 227 (+ 102, 244), *понре́ть* 255; с новым ударением выступают *оу́мреть* 13б, 83б, *не за́пноутся* 77.

Замечание. В Новг. еще почти не нарушается принцип, согласно которому в подударных приставках *по-*, *про-*, *до-* в презенсах исконной а. п. *b* выступает /о̑/, исконной а. п. *c* — /э/ (в словоформах как типа *про́лью*, где место ударения старое, так и типа *про́льютъ*, с перенесенным ударением). Сходная картина представлена в Вас. пс. (см. Васильев, с. 51); ср. также материал Час.: *по̑ид-еши* 495, *-емъ* 208 — *по̑чнемъ* 276, 289. В других памятниках (Т. пс., Муз.,

Вас. сб., Дос., Амф.) в данной морфологической позиции вместо ожидаемого /ô/ часто или даже преимущественно выступает /э/; в Хл., Чет., Хр., Трав. встретилось только /э/.

Не обнаруживают инноваций в основной группе презенсов также Ап., Хл., Дом., Рж., Клон., Колм.; правда, в большинстве из них материала довольно мало, поэтому здесь нет уверенности в действительной архаичности соответствующих микросистем. Это тем более верно для Амф., Чет., Тамб., Матф., где вообще не встретились презенсы основной группы из исконной а. п. *c*.

Примерами микросистем с тенденцией к переходу (в основной группе презенсов) от а. п. *c* к *b* могут служить Косм., Трав., Прол., материал которых приведен в Глаг. акц., § 18, 57. В качестве дополнительных образцов рассмотрим еще Сенн., Лет., Библ., М. пс. Исконная а. п. *b* сохраняется здесь вполне устойчиво, если не считать факультативного *начнéть* в Лет. (как и в Трав.). Помимо обычных *пóидеть*, *изóидеть* и т. д., *вóзметь*, *пóиметь* и т. д., *пóслеть* (*пóшлеть*), также *нáчнеть*, *пóчнеть*, *ýчнеть*, здесь находим: Сенн. *сóтретъ* 101г, *прéткнеши* 19а, *пóжреши* 'sacrificabis' 178б; Лет. *рáзгнеть* 166б; Библ. *не пóжнеши* 611, *сътретъ* 686, *въмъкнется* 603б, *пóжр-етъ* 'sacrificabit' 614, *-утъ* 492, ср. также *оýсплете* 'уснёте' 980б (однако *поссéши* 488, *да ся насьсéте* 490б); М. пс. *пóжну*^{m} 141, *сóлже*^{m} 166б, *оýснетъ* 139, *íсхне*^{m} 99б, *íсшутъ* 36б. Из презенсов с *бj-* в Лет. представлены *ýбьетъ* и *убьéтъ*, в Библ. и М. пс. — *разбíé-тъ*, *-тся*. Презенсы исконной а. п. *c* по большей части получили новое ударение. Помимо постоянных *ýмреть*, *пóмруть*, *изóмруть* и т. п., находим: Сенн. *прóльется* 38г, 154в, *прóстреть* 194г, *зáпнеши* 184а, *не зáпнéтся* 113в, *рáспн-ется* 135в, 213б, *-ете* 111а, *-оуть* (4×: 135б и др.) при *въжжéтся* 118г; Лет. *зáжже*^{m} 36б, *прóлье*^{m} 33, *ýлье*^{m} 33б при *ра*^{ж}*жéть* 240б, *упьéтся* 33; Библ. *пóждетъ* 597, *зáпнете* 624, *прóпну*^{m} 692, *рáспнете* 688, *пóжре*^{m} 'devorabit' 982б, *прóстреть* 598б (+617) при *пожжéтъ* 601б (+983б), *оупíéтся* 474б (+483), *съвíéтся* 474б (+623б), *пролíéтся* 696; М. пс. *сóжже*^{m} 49, *сóвьеши* 110, *пóжре*^{m} 'devorabit' 60б, 72, *прóстр-еши* 93, *-у*^{m} 140б, *не зáпнутся* 38 при *оупíю́тся* 36.

Наиболее ярким образцом микросистемы с тенденцией к переходу (в основной группе презенсов) от а. п. *b* к *c* может служить Цел. Презенсы исконной а. п. *b* представлены здесь так. С новым ударением: *войдéтъ*, *зайдéтъ*, *найдéшь*, *ѡ*^{m}*идéтъ*, *пойдéшь*, *пріидéтъ*, *сойдéтъ* (более 20×; также *сбйдéтъ* 110б), *во*^{з}*мéтъ* 23, 120, 159б, *займéтся* 181, *розоймéтъ* 116, *уим-éтъ*, *-éтся* (часто: 35, 40б, 73б и др.), *неимéтъ* 74б, 203б, *зачнéтъ* 201б, *начнéтъ* (часто: 35, 109б и др.), *почнéтъ* 7 (+149), *учнéтъ* (часто: 24, 139б и др.), *пошлéшъ* 284б, *натрéшъ* 173, *прошкнéтся* 81, *изобьéтся* 258б, *у*^{б}*éтся* 114; кроме того, *выйдéтъ* 45б, *выссéтъ* 'высосет' 143б, 259 (также *высцéтъ* 'высосет' 128, в силу смешения на письме корней *сс-* и *сц-*), где отразилось характерное для Цел. просодическое равенство приставки

вы- со всеми прочими приставками. Со старым ударением: при двусложной приставке — *изо́йдетъ* 73, 100 (+59б), *ѡто́йдетъ* 160, *изо́йметъ* 108б, 116, 269б, *подо́йметъ* 116; в прочих случаях — *во́йдетъ* 128, *взо́йдетъ* 7, 7б, *на́йдешъ* 247, 273, *по́йд-ешъ* 15, 282б, *-етъ* 158б, 253б, *со́йдетъ* 285б (+241б), *во́нмемъ* 93, *за́ймется* 222, 247б (+28б), *по́чнешъ* 13б, *по́жмешъ* 81, *про́шкнется* 81; также *вы́детъ* 188, *-утъ* 180б. Таким образом, новое ударение здесь уже заметно преобладает. Презенсы исконной а. п. *c* почти всегда выступают в Цел. с флексионным ударением: *изожже́тся* 29 (также *ізожже́тсѧ* 195б), *прорве́тся* 186, *сорве́шъ* 91, *вырве́шь* 175б (ср. выше о *вы-*), *урче́тъ* ‘договорится, обусловит’ 160б, *оболье́тся* 83 и даже *изомре́тъ* 163 и *умре́тъ* (5×: 74б, 138б и др.). Префиксальное ударение представлено в *изо́пьетъ* 219б (двусложная приставка), *не́ пьетъ* 74б, *по́мретъ* 192.

К Цел. близок Авв. (но материал здесь беднее). Исконная а. п. *b* *соиде́тся* 41б, 44, 218б, *уиде́те ли* 159б, *не́иде́тъ* 228б, *во^{s}мѣ́шъ* 252б, *не лже́тъ* 228б, *убью́тъ* 231 (при *по́иде^{м}* 103, *на́идется* 115б, 285). Из исконной а. п. *c* только *почте́тъ* 285.

В Улож. представлена «расшатанная» система с колебаниями у большинства глаголов, независимо от исконной акцентной парадигмы. Так, при обычных *по́йдетъ*, *не́йдутъ*, *ото́йдутъ* и т. п. находим и *пойде́тъ* 28б, *дойде́тъ* 162 bis; постоянные колебания в *по́шлется* и *пошле́тся*, *у́бьетъ* и *убье́тъ*, *ѡто́бьются* и *ѡтобью́тся*, также *за́претъся* и *запре́тся*, *ѡбо́жжетъ*, *подо́жжетъ*, *со́жгутъ* и *зажже́тъ*, *пожже́тъ*. Только старое ударение встретилось в *ѡто́йметъ*, *во́зметъ*, *по́йметъ*, *на́ймется*, *у́чнетъ*, *на́чнетъ*, *за́чнется*, *подо́шлетъ*, *со́шлютъ*, *со́лжетъ*, *ото́мкнетъ* и нек. др. Как и в Цел., отмечается некоторая склонность презенсов с двусложной приставкой к префиксальному ударению.

В прочих памятниках со сдвигом в сторону а. п. *c* новая акцентовка развита не столь сильно; в частности, не встречается ударение *поиде́ть*, *приде́ть* (здесь и ниже 3 ед. служит представителем всего презенса). В целом преобладает старая акцентовка, а на ее фоне в исконной а. п. *b* встречаются: *начне́ть*, *зачне́ть*, *учне́ть* (довольно широко, см. карту 20), *изме́ть* (Увар., Цв., Костр.), *разгне́ть* (Ион.), *пожне́ть* (Биб., Хр.), *солже́ть* (Т. пс., Лук., Цв., Костр.), *вомкне́тся* (Стар.), *ѡ^{т}сле́ть* (Ион., Увар.), *поткне́тся*, *у-* (Биб.), *приткне́тся* (Яр.), *истре́ть* (Биб.), *сотре́ть* (Цв., Сел., Сол.) и нек. др. В то же время в части памятников колебания захватывают также некоторые презенсы исконной а. п. *c*.

Обратимся теперь к б е с п р и с т а в о ч н ы м презенсам. Для акцентологии здесь представляют интерес в первую очередь презенсы а. п. *b* **jьd-etь* и **jьm-etь*. Обычно эти презенсы предстают с корневым ударением: *и́дет*ь, *и́мет*ь. Оказывается, однако, что в памятниках их акцентовка не обязательно совпадает с акцентовкой соответствующих приставочных производных, а именно, флексионное

ударение представлено здесь значительно шире, чем у производных. Так, ударение *имéть* 'возьмет', *имýть* 'возьмут' засвидетельствовано (как единственное или наряду с *и́меть*, *и́муть*) в Новг., Муз., Корн., Пат., Лет., Фер., Жит., Увар., Тар., Библ., Ряз., Пер., Авв., Цел. В этих памятниках, кроме Увар., Авв. и Цел., в производных находим только ударение *вóзьметь*, *пóиметь*, *зáиметь* и т. д. Ударение *идéть*, *идýть* отмечено (наряду с корневым) в Муз., Лет., Костр., Цел. Во всех этих памятниках, кроме Цел., в соответствующих производных представлено только ударение типа *пóидеть*.

Эти факты не позволяют объяснить ударение *идéть*, *имéть* аналогией с соответствующими приставочными производными. Более того, это ударение вообще затруднительно связывать с тенденцией к переводу данного класса презенсов из а. п. *b* в *c*, поскольку оно встречается даже и в таких памятниках (Новг., Муз., Корн., Фер., Тар., Библ.), где у приставочных глаголов не обнаруживается вообще никаких проявлений данной тенденции. Остается, таким образом, признать ударение *идéть*, *имéть* достаточно старым.

Как уже было отмечено в § 2.3, для начального *jь* в рассматриваемых словоформах можно предполагать два диалектных варианта развития: превращение *jь* в гласную полного образования, способную принимать на себя ударение (отсюда *и́деть*, *и́меть*), и трактовка *ь* в составе этого *jь* по общему правилу о слабых редуцированных. В последнем случае получались ударения *идéть*, *имéть*, вполне аналогичные ударениям типа *слéть*, *лжéть*. Вполне вероятно, впрочем, также и аналогическое воздействие производных *пóидеть*, *пóиметь* и т. п., приводившее к замене *идéть*, *имéть* на *и́деть*, *и́меть*; но едва ли можно объяснить акцентную историю рассматриваемых презенсов одним лишь этим фактором.

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ ИТОГИ АНАЛИЗА СТАРОВЕЛИКОРУССКИХ АКЦЕНТНЫХ СИСТЕМ

§ 3.77. Из приведенных выше карт и комментариев к ним ясно видно, что в старовеликорусский период акцентные системы делятся в первую очередь на западные и восточные. Схематические изоглоссы, разделяющие западную и восточную зоны, образуют мощный пучок, тогда как другие изоглоссы практически не группируются в пучки. Разброс схематических изоглосс, разделяющих две зоны, существенно увеличивается в северной части территории: акцентуация памятников дальнего северо-востока имеет в ряде отношений компромиссный характер.

Табл. 6 представляет собой сводку важнейших различий между западными и восточными акцентными системами. Для наглядности сами различия показаны просто на словоформах-образцах; все подробности см. в соответствующих параграфах. Звездочкой помечены акцентовки, характерные не для всей зоны, а только для ее основной

части. Менее существенные отклонения схематических изоглосс от границ между зонами не отмечаются; см. указанные в таблице карты.

Таблица 6

Основные акцентные различия между западной и восточной зонами

	Западная зона	Восточная зона
1. Неморфологизованная дефинализация (§ 3.35, карта 3)	встречается (с большей или меньшей частотой)	отсутствует*
2. М. ед. у существительных а. п. *c* (§ 3.36—39, карта 4)	*в нбчи; в дóму//в домỳ; в землѝ//в зéмли*	*в ночѝ**; *в домỳ; в землѝ**
3. Соотношение И. В. ед. и И. В. мн. у neutra а. п. *c* и *b* (§ 3.40—41, карта 5)	*мóре—мóря; числó—числá**	*мбре—моря́; числó—чи́сла*
4. Т. мн. на *-ьми* в а. п. *c* (§ 3.44, карта 3)	*кóстьми*	*костьмѝ*
5. Д. мн. у masculina а. п. *c* (§ 3.45—46, карта 6)	*бóгомъ, мýжемъ**	*богбмъ, мужéмъ**
6. И. ед. жен. у прилагательных а. п. *c* и *a* (§ 3.52—53, карта 9)	*жúва//живá; чúста*	*живá; чúста//чистà*
7. «Группа *высbко*», «группа *красно*» (§ 3.56—57, карта 10)	*высóко, крáсно*	*высокó, краснó*
8. 2 мн. презенса на *-ите* в а. п. *c* (§ 3.60, карта 12)	*стоúте*	*стоитè*
9. Прош. время у V-корневых и *a*-глаголов а. п. *c* (§ 3.63, карта 14)	*продáлъ*, *-о**, *-и**	*прбдалъ, -о, -и*
10. Деепричастие прош. времени у V-корневых и *a*-глаголов а. п. *c* (§ 3.64, карта 15)	*продáвъ*	*прбдавъ//продáвъ*
11. Нечленные формы *en*-причастия в а. п. *c* (§ 3.66, карта 16)	*прощéно*	*прощенó*
12. Нечленная форма И. ед. муж. *n*-причастия в а. п. *c* (§ 3.69, карта 17)	*продáнъ*	*прбданъ*
13. Инфинитив С-корневых глаголов а. п. *c* (§ 3.71, карта 18)	*нестѝ//нéсти*	*нестѝ**
14. Тематизация ударения в глаголах а. п. *a* (§ 3.73, карта 19)	встречается (с большей или меньшей частотой)	отсутствует*
15. Презенс с неслоговым корнем (§ 3.76, карта 20)	тенденция к *вбзметь, сóжжеть*	тенденция к *возмéть, сожжéть*

Как можно видеть из табл. 6, в случаях расхождения между западными и восточными системами западный акцентный вариант — это почти всегда предфлексионное ударение. С исторической точки зрения западный вариант почти везде представляет собой инновацию, а именно, результат дефинализации — морфологизованной (пункты 4, 6, 7, 8, 11, 13) или неморфологизованной (пункт 1), замены энклино-

менной акцентовки на предфлексионную (пункты 9, 10, 12) или сдвига ударения к концу основы (пункт 14).

Соответственно, для западной зоны оказываются характерными парадигмы (или субпарадигмы — у части прилагательных и глаголов) с колонным ударением. Иначе говоря, грамматическая роль ударения здесь чрезвычайно сужена. Напротив, в восточной зоне древние акцентные противопоставления внутри парадигм, как правило, сохранены. Более того, они имеют тенденцию распространяться и на слова с первоначально неподвижным ударением, т. е. грамматическая роль ударения здесь с течением времени усиливается. Ср., например, единое ударение в парах *к нóчи — в нóчи*, *к дóму — в дóму*, *мóре — мóря* (мн.), *кóсти* (мн.) — *кóстьми*, *жúва — жúво*, *чúста — чúсто*, *стоúшь — стоúте*, *продáти — продáнъ* в западной зоне и акцентные оппозиции типа *к нóчи — в ночú*, *к дóму — в дому̀*, *мóре — моря̀*, *кóсти — костьмѝ*, *живà — жúво*, *чистà — чúсто*, *стоúшь — стоитѐ*, *продáти — прóданъ* в восточной зоне. В западной модели *числò — числà* (мн.) принцип колонного ударения берет верх даже над общей тенденцией к дефинализации; ср. грамматикализованное ударение в восточной модели *числò — чúсла*. По характеру акцентной эволюции западная зона до некоторой степени приближается к польскому языку (где фиксация предконечного ударения свела различительную функцию ударения к нулю); но развитие зашло здесь не столь далеко. Представляется вероятным предположение, что в западной зоне ударение в целом было более слабым, чем в восточной, т. е. ударный слог не столь сильно выделялся среди безударных; ср. слабое ударение, наблюдаемое в некоторых современных северновеликорусских говорах новгородского происхождения.

Схематические изоглоссы, существенно отличные от рассмотренного пучка, малочисленны и несходны между собой. Можно отметить небольшие различия между северной и южной частями восточной зоны; так, в южной части зоны (и в центре) лучше сохраняются некоторые типы глагольных энклиноменов (модели *пýстилъ*, *прóдавъ*) и модель *пустилà*, см. карты 14, 15. Между тем акцентных изоглосс, которые делили бы всю старовеликорусскую территорию на северную и южную части, не обнаружено вообще.

Глава четвертая

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АКЦЕНТНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

§ 4.1. Выбранное в настоящей книге построение в виде трех синхронных срезов не дает возможности проследить за всем ходом эволюции каждого фрагмента акцентной системы на протяжении рассматриваемого периода (т. е. последнего тысячелетия). Но мы можем, сравнивая синхронные срезы, выявить (по крайней мере, для некоторых наиболее важных фрагментов системы) общее направление такой эволюции. Ниже рассматривается та линия эволюции, которая ведет к современной литературной акцентуации. Как видно из материала, эта линия проходит через старовеликорусские системы восточного типа (в первую очередь системы ближнего северо-востока). «Вклад» систем западного типа здесь существенно меньше. Определенную роль в формировании современной литературной акцентной системы сыграло также книжное ударение старовеликорусской эпохи.

На рассматриваемой хронологической дистанции произошло лишь одно собственно фонетическое событие — совпадение автономного и автоматического ударения (§ 3.6). Еще одно явление, имевшее, по крайней мере отчасти, фонетическую природу, — дефинализация ударения (§ 3.9—10) — было ограничено в основном лишь западной диалектной зоной и реализовалось не до конца. Все прочие изменения акцентуации обусловлены различного рода аналогическими перестройками. Основные механизмы таких перестроек — это 1) выравнивание ударения в объединяемой каким-то общим признаком группе словоформ (или фонетических слов), 2) поляризация ударения в двух противопоставленных по какому-то признаку группах словоформ.

Для восточного типа акцентной эволюции, который лежит в основе современной литературной акцентуации, характерны прежде всего перестройки, повышающие функциональную нагрузку ударения. В частности, широко представлены: а) грамматикализация ударения внутри парадигмы, т. е. формирование прямого соответствия между акцентными оппозициями и противопоставлением по той или иной грамматической категории, например, по числу или залогу; б) семантизация ударения, т. е. перераспределение слов по акцентным группам в той или иной зависимости от их значения; в) «прагматизация» ударения, т. е. формирование акцентных различий, отражающих освоенность или неосвоенность слова (§ 1.5).

Происходили также некоторые перестройки другого типа. В частности, в отдельных звеньях морфологической системы обнаруживается акцентное перераспределение, обусловленное числом слогов основы; односложность основы способствует в таких случаях постановке ударения (при словоизменении или словообразовании) правее этой основы, неоднослож ность — постановке ударения на самой

этой основе (т. е. здесь как бы действует тенденция к равноудаленности ударения от начала словоформы). Далее, важным типом перестройки является унификация ударения у всех слов, содержащих определенный суффикс (см. § 4.6). Аналогичная перестройка может происходить также у слов с одинаковой финалью, т. е. суффиксоподобным исходом, не имеющим самостоятельного значения.

Следует особо упомянуть о возможности акцентного выравнивания в микрогруппах (или просто парах) тесно связанных между собой по значению (часто также и по форме) слов. Примеры. Ударения *лéвый*, *налéво* (вместо исторически закономерных *левóй*, *нáлево*) выровнены по *прáвый*, *направо*; заметим, что в памятниках иногда отражается и противоположное выравнивание, ср. *нáправо* Карг. 492, Хлын. 74б, *нáправе* Колм. 197. Полностью унифицировалась акцентуация слов *высóкий*, *широ́кий*, *далёкий*, *глубóкий* (§ 3.56); одинакова также акцентуация их антонимов (*нúзкий*, *ýзкий*, *блúзкий*, *мéлкий*). Ударение *дрýжба*, по-видимому, выровнено по *слýжба* (эти слова ассоциативно тесно связаны, ср. *не в слýжбу, а в дрýжбу* и т. п.). Ударения *нá семь*, *нá восемь* возникли под влиянием *нá пять*, *нá шесть*, *нá девять*, *нá десять*, ударения *чéтверо*, *сéмеро*, *вóсьмеро* (вместо *четвéро*, *семéро*, *восьмéро*) — под влиянием *пя́теро*, *ше́стеро*, *де́вятеро*, *де́сятеро*.

Акцентная эволюция в словоизменении

§ 4.2. Прежде чем рассматривать словоизменение как таковое, необходимо отметить общую тенденцию к устранению ударения на клитиках, которая возникает как одно из следствий образования единого динамического ударения. Замены типа *воду лú* → *вóду ли*, *зá воду* → *за вóду* представляют собой выравнивание ударения в совокупности фонетических слов, содержащих одну и ту же знаменательную словоформу (например, *вóду, воду лú, воду жé, зá воду, нé за воду, ú воду* и т. д.). То, что механизм перестройки здесь именно таков, косвенно подтверждается сохранением старого ударения в тех сочетаниях с клитиками, которые в силу семантического обособления приобрели характер единой наречной словоформы и тем самым оторвались от исходной лексемы (*нáбок*, *пóпросту*, *разбить нáголову* и т. п.). Образцом, к которому при данной перестройке приближаются бывшие энклиномены, служат ортотонические словоформы с их неотъемлемым ударением, не зависящим от фразовых контекстов, ср. *ры́бу*, *ры́бу ли*, *за ры́бу*, *не за ры́бу* и т. д. В ходе истории ранее всего утрачиваются ударения на энклитиках (кроме *ся* при глаголах) и на союзах. Ударения на предлогах сохраняются гораздо дольше. В XVI в. новое ударение (типа *за вóду*, *на дéрево*) получило заметное распространение лишь в некоторых микросистемах западного типа (§ 3.48). В восточной зоне и в литературном языке рассматриваемая перестройка в основном совершалась позже — в XVII—XX вв.

У существительных акцентная эволюция (в восточновеликорусской зоне и в литературном языке) направлена, как согласно отмечают все исследователи вопроса, прежде всего к формированию акцентной оппозиции ед. и мн. чисел; ср. в современном языке *ста́до—стада́*, *па́рус—паруса́* и т. п. и, с обратным распределением ударения, *число́—чи́сла*, *высота́—высо́ты* и т. п. Исторический процесс формирования акцентной оппозиции чисел слагается из двух компонентов: а) акцентная поляризация И. ед. и И. мн.; б) выравнивание внутри каждой из двух числовых субпарадигм. И в том и в другом случае мы имеем дело с экстраполяцией соотношений, существовавших в некоторых фрагментах системы уже в раннедревнерусском. Изучению указанного процесса посвящены соответствующие разделы целого ряда работ (см., в частности, Кипарский 1962, Шелюто, Колесов 1972, Хазагеров 1973а, Воронцова). Здесь мы ограничимся лишь указанием основных звеньев этого процесса и соответствующих хронологических вех.

Ранее всего оппозиция чисел сложилась (в восточновеликорусской зоне) в среднем роде. Модель *мо́ре—моря́* была здесь исконной; относительно рано сформировалась также модель *число́—чи́сла*. Позднее акцентная оппозиция чисел развивается также у большинства непроизводных слов исторической а. п. *a* (раньше всего у слова *чу́до*; примерно с начала XVII в. у слов *ме́сто* [1], *де́ло*, *ста́до*; позже у ряда других); см. § 3.40—41 и Воронцова, с. 119—122.

В *a*-склонении формирование акцентной оппозиции чисел, как показано в целом ряде работ, происходит путем конвергенции двух а. п.: *c* и *b*. Эта эволюция складывается из следующих процессов: 1) в И. ед. и И. мн., где для а. п. *c* оппозиция типа *роса́—ро́сы* исконна, эта модель распространяется также на а. п. *b* (например, *жена́—же́ны*, вместо *жена́—жены́*); 2) в а. п. *c* ударение Д. ед. и В. ед. выравнивается по остальным падежам ед. числа (*росе́*, *росу́* вместо *ро́се*, *ро́су*), ср. исконные *жене́*, *жену́* в а. п. *b*; кроме того, в Т. ед. *росо́ю* и т. п. сменяется на *росо́ю* (см. Акц. Мер., § 35); 3) в косвенных падежах мн. числа, где в обеих а. п. первоначальным было флексионное ударение, происходит выравнивание по И. мн. и Р. мн. (*ро́с-ам*, *-ами*, *-ах*, *же́н-ам*, *-ами*, *-ах* вместо *рос-а́м*, *-а́ми*, *-а́х*, *жен-а́м*, *-а́ми*, *-а́х*).

Первый из этих процессов (*жены́* → *же́ны*) в основном относится к XVIII—XX вв. (причем в XVIII в. его проявления еще не очень ярки; см. Хазагеров 1973а, с. 51—57, Воронцова, с. 48—50). В старовеликорусских памятниках у слов с надежно установленной а. п. *b* новые ударения типа *же́ны* встречаются чрезвычайно редко (§ 3.49). Процесс перехода от подвижного ударения во мн. числе (типа *ро́сы*,

[1] В настоящей главе для единообразия как современные, так и старовеликорусские словоформы записываются в современной орфографии и с единым знаком ударения (но *ё* дается только в современных словоформах).

росáм, *жéны*, *женáм*) к колонному наосновному у подавляющего большинства слов происходит лишь в XIX—XX вв. (см. Колесов 1972, § 32, Воронцова, с. 42—46, 51—53).

В ед. числе весьма рано происходят замены типа *рóсе* → *росé* в Д. ед. а. п. *с*. Уже в XVI в. ударение типа *рóсе* является редкостью и ни в одной микросистеме не проведено последовательно. Даже в эту эпоху оно сохраняется (причем далеко не везде) преимущественно в составе определенных сочетаний с предлогом, в частности: *пó воде*, *пó горе*, *пó души*, *пó земли*, *пóсреде*, *пó стене*; *к вéсне*, *к вóде*, *к гóре*, *к зúме*, *к рýке*, *к стóроне*, *к стéне*. В настоящее время лишь в некоторых говорах сохранились отдельные сочетания этого типа.

В В. ед. развитие было иным. Здесь конкурировали две противоположные перестройки: 1) переход к флексионному ударению в а. п. *с* (*рóсу* → *росý* и т. п.), реализующий общую тенденцию к колонности в субпарадигме ед. числа; 2) расширение акцентной оппозиции И. ед. и В. ед. (отсюда инновации типа *трáву* вместо *травý* в а. п. *b*). Первый тип развития характерен прежде всего для западной зоны, второй — для восточной (при этом в южных частях зон данное различие проявляется отчетливее, чем в северных). Соответственно, в современных юго-западных говорах модель *нога́* — *нóгу* сведена к минимуму (нередко вообще отсутствует), тогда как в говорах юго-востока, центра и ближнего северо-востока эта модель относительно продуктивна и охватила значительное число слов, ранее к ней не принадлежавших (см. Сологуб). Однако строгого разграничения двух тенденций по диалектным зонам все же нет; во многих микросистемах наблюдается неустойчивое состояние с колебаниями в обе стороны. В литературном языке перевешивает тенденция к колонности: с течением времени число слов, акцентуируемых по модели *нога́—нóгу* медленно, но неуклонно сокращается (см. Воронцова, с. 36—41). В старовеликорусском примеры инноваций в В. ед. (как типа *росý*, так и типа *трáву*) еще сравнительно редки; основная часть таких инноваций появилась в более поздний период.

В мужском роде акцентная оппозиция чисел развилась главным образом у слов с наосновным ударением в ед. числе. Эволюция здесь состояла в изменении акцентной кривой во мн. числе слов а. п. *с*. Ее компонентами были: 1) замена И. В. мн. типа *дóмы* на *домы́* или *дома́*; 2) установление колонного флексионного ударения в косвенных падежах (в микросистемах, где первоначальная акцентовка Д. мн. и/или М. мн. была иной; § 3.45—47). Второй из этих процессов закончился в восточновеликорусской зоне с победой новых окончаний *-ам*, *-ами*, *-ах*, т. е. примерно к концу XVII в. (§ 3.49). Замены типа *дóмы* → *домы́* изредка отмечаются в XVI в., несколько чаще в XVII в. (§ 3.42). Основная часть таких замен, закрепившихся в литературном языке, относится к XVIII и первой пол. XIX в. (Воронцова, с. 84—86). Гораздо более продуктивный вариант такого преобразования составляет, однако, развитие в И. мн. нового окончания *-а*. Не касаясь здесь сложного комплекса вопросов об истоках

этой инновации, отметим лишь, что ее интенсивное распространение начинается только с XIX в. Продуктивность модели с *-á* (*пáрус—парусá*, *сорт—сортá* и т. д.) с течением времени неуклонно возрастает; как известно, в современном языке она очень велика.

У существительных мужского и женского родов реализация колонного флексионного ударения ограничена в современном литературном языке следующим морфонологическим правилом: при односложной [2] (в женском роде также и при многосложной) основе на мягкую согласную (но не *j*) или на шипящую и при наосновном ударении в ед. числе в И. мн. ударение не выравнивается по косвенным падежам мн. числа [3] (И. мн. на *-ья* не в счет); ср. *кóготь*, *кóгтя—кóгти*, *когтéй*; *печь*, *пéчи—пéчи*, *печéй*; *мать*, *мáтери—мáтери*, *матерéй*. Если не считать книжного *мужи́*, нарушения этого правила (И. мн. *звери́*, *когтя́*, *лаптя́*, *кровя́*, *матеря́* и т. д.) встречаются только в говорах и в просторечии. Крайне затруднительно указать какие-либо правдоподобные синхронические причины существования данного правила. В то же время весьма вероятна его историческая связь со сходной особенностью старовеликорусского книжного ударения, см. § 3.13, п. 4; показательно то, что рассматриваемое ограничение действует в литературном языке и не действует в просторечии.

Указанное ограничение является основной причиной сравнительно устойчивого сохранения схемы ударения *е* в современном русском склонении, а также того, что у *i*-feminina акцентная поляризация чисел может достигать законченной формы (например, *мать*, *мáтери — матеря́*, *матерéй*) только в просторечии, но не в литературном языке. В связи с этим в литературном языке у *i*-feminina сама тенденция к поляризации чисел оказывается несколько ослабленной (ср. Воронцова, с. 78—89).

Помимо акцентной оппозиции чисел (и даже до некоторой степени вопреки ей), в русском языке сложилась также более узкая акцентная оппозиция грамматического характера — между 1-м предложным («изъяснительным») и 2-м предложным («местным») падежами ед. числа; ср. *о снéге*, *заинтересован в снéге—лежит в снегу́*; *о пéчи—на печи́*. С исторической точки зрения мы имеем здесь дело с дифференциацией значений первоначально единого падежа, закрепленной с помощью разницы акцентовок (в мужском роде — также разницы окончаний). Иначе говоря, акцентовки, первоначально выступавшие просто как варианты, здесь грамматикализуются. Начатки этой дифференциации усматриваются в некоторых микросистемах уже в XVI в. (§ 3.36—38). Сложившись у слов исторической а. п. *c*, акцентное противопоставление 1-го и 2-го предложных падежей со

[2] Беглая гласная не в счет.

[3] В нескольких случаях в сферу действия данного правила оказались втянутыми также слова с флексионным ударением в ед. числе; отсюда И. мн. *гвóзди*, *грýзди*, *кóни*, *чéрви* (что дает редкую для masculina схему ударения *f*: *гвоздь*, *гвоздя́ — гвóзди*, *гвоздéй*).

временем выходит за эти рамки и в настоящее время возможно у слов любой исторической а. п., а также у поздних заимствований.

Особое место в акцентной эволюции русских существительных занимает прагматический фактор. В ходе истории обнаруживаются постепенные сдвиги в сторону соотношения, характерного для современного языка (§ 1.14): нетривиальное ударение у освоенных слов, тривиальное — у неосвоенных. Можно предполагать, что такое развитие связано, с одной стороны, с тем, что уже в древнерусском среди наиболее употребительных непроизводных существительных подавляющее большинство составляли слова а. п. *c* и *b*, с другой стороны — со сложившимся в старовеликорусский период соотношением между народной и книжной акцентовками (§ 3.11—13). «Прагматизация» ударения особенно заметна у непроизводных существительных мужского рода. Нетривиальное ударение выражается здесь прежде всего в виде флексионного или подвижного ударения во мн. числе (подвижное ударение выступает там, где действует указанное выше ограничение на флексионное ударение в И. мн.). Так, в ходе истории приобрели флексионное (или подвижное) ударение во мн. числе, в частности, следующие слова исторической а. п. *a*: *ве́тер*, *дым*, *жид*, *жук*, *зять*, *ка́мень*, *кит*, *край*, *куст*, *плуг*, *пуп*, *сыр*, *тигр*, *у́голь*, *у́зел*, *хлеб*; *кабан́*, *па́рус*, *язы́к*, *я́корь*, *я́стреб* (в список не включены многочисленные менее надежные примеры); в нелитературной речи новое ударение обнаруживают также *дед*, *клин*, *сват*, *медве́дь*, *ме́сяц* и др. Кроме того, аналогичное акцентное развитие обнаруживает множество поздних заимствований (см. Однослож., § 21—22). С другой стороны, получили тривиальное ударение в связи со своим книжным характером или малой употребительностью, в частности, следующие слова исторических а. п. *b* и *c*: *брак* 'супружество', *вепрь*, *вопль*, *вра́г*, *глас*, *град* 'город', *кров*, *лик* 'сонм', *лук* (оружие), *ци́ет*, *плат*, *пбсох*, *сан*, *страж*, *струг*, *стяг*, *тать*, *тур* (животное), *храм*. Вероятно, данный фактор сыграл определенную роль также в переходе к тривиальному ударению слов *бес*, *дух*, *змей*, *знак*, *труп*.

В ходе истории у освоенных существительных мужского рода с односложной основой произошло частичное перераспределение ударения в ед. числе по семантическому принципу, а именно: флексионное ударение у исчисляемых, наосновное — у неисчисляемых (подробнее см. § 1.15). Исходным пунктом здесь послужили количественные соотношения, представленные уже в древнерусском: в а. п. *c* и *a* статистически преобладали неисчисляемые слова, в а. п. *b* — исчисляемые. Дальнейшее развитие состоит в выравнивании ударения внутри каждой из семантических групп по наиболее частой модели и тем самым в акцентной поляризации самих этих групп. Этот процесс является относительно поздним. В XVI в. нет еще никаких его признаков. Более того, в это время еще возможны индивидуальные инновации, прямо противоречащие рассматриваемому принципу. Такова, в частности, акцентовка по а. п. *b* слов *блуд* (почти

повсеместно) и *вред* (в ряде микросистем). Окситонированный вариант встречается в этот период также у слов *гнев*, *зной*, *сад*, *смех*, *страх* («возраст» такого варианта в этих случаях менее ясен). Лишь в XVII в. появляются отдельные примеры, которые, возможно, отражают начало рассматриваемого процесса. Таким образом, перестройка ударения по семантическому принципу приходится в основном на XVIII—XX вв. За это время в соответствии с данным принципом сменили флексионное ударение ед. числа на наосновное, в частности, слова: *блуд*, *верх*, *мох* (при Р. ед. *мбха*), *рай*, *рой*, *торг*, *хлев*, *час*; утратили имевшийся ранее окситонированный вариант: *бой*, *гнев*, *зной*, *край*, *кров*, *сад*, *смех*, *страх*; с меньшей надежностью к этим спискам можно присоединить еще *гон*, *дёрн*, *зад*, *пай*, *под*, *таз*, *тёрн* (списки в Однослож., с. 83 нуждаются в некоторых поправках). Противоположный сдвиг испытали, в частности: *гвоздь*, *грозд*, *жид*, *жук*, *кит*, *лист*, *прут*, *сук*, *чёлн*, *червь* (вероятно, также *аз*, *бич*, *грач*, *лунь*, *тюк*, *цеп*, *шмель*, *шут*, *язь*); утратили подвижный вариант: *плод*, *слон*, *холм*. Данный сдвиг еще не полностью завершился у слов *груздь*, *кий*, *клок*, *крюк*, *мост*, *пук*; за рамками нормы стоит флексионное ударение в *вор*, *волк*, *гусь*, *лось*. Такой же сдвиг представлен у большой группы поздних заимствований (*бант*, *винт*, *грош*, *штык* и т. д., см. Однослож., с. 83).

§ 4.3. У п р и л а г а т е л ь н ы х в ходе истории произошли особенно глубокие акцентные перестройки; современная акцентуация прилагательных в большинстве случаев уже никак не связана с их древним делением на три акцентные парадигмы. Кроме того, в значительной мере разрушилась связь между акцентуацией полных и кратких форм одного и того же прилагательного (поскольку акцентные перестройки в этих подсистемах происходили в основном независимо друг от друга).

Одним из важных новшеств было то, что сформировалась зависимость ударения от прагматического фактора: прилагательные с книжной окраской (или просто малопривычные для соответствующего носителя языка), как правило, получают неподвижное наосновное ударение (во всех формах), ср. *тлéнный*, *тлéнен*, *тлéнна*, *-о*, *-ы* и т. п. Как и для существительных, истоки этого явления следует связывать с книжным ударением старовеликорусской эпохи (§ 3.51).

Прочие изменения у прилагательных некнижного характера таковы.

В сфере полных форм основное содержание акцентной эволюции составляет движение к следующему семантическому распределению: наосновное ударение у качественных (отчасти также у так наз. «полукачественных», § 1.56) прилагательных, флексионное у чисто относительных (последнее только в тех случаях, где этому не препятствует морфологическая структура основы). Это движение характерно в первую очередь для производных прилагательных. Так, например, в ходе истории новое ударение получили: *грóзный*, *грязный*, *свобóдный*, *страшный*, *тáйный*, *чéстный*, *свéтлый*, *жáркий*,

кре́пкий, *медвя́ный*, *крова́вый*, *бредо́вый*, *дубо́вый*, *медо́вый*, *толко́вый* и десятки других; с другой стороны: *лично́й*, *мучно́й*, *речно́й*, *ветряно́й*, *травяно́й*, *холстяно́й*, *ветрово́й*, *дождево́й*, *дымово́й*, *лицево́й*, *огнево́й*, *путево́й*, *числово́й* и десятки других. Из непроизводных прилагательных данная перестройка захватила (в литературном языке) около трети: *ве́тхий*, *го́рдый*, *гру́бый*, *нелепый*, *но́вый*, *пре́сный*, *ско́рый*, *твёрдый*, *те́сный*, *то́лстый*, *тре́звый*, *це́лый*, *ча́стый*, *чёрствый*, *ю́ный*, *весёлый*, *дебе́лый*, *дешёвый*, *суро́вый* (и нек. др.). Указанная акцентная дифференциация, по-видимому, начала формироваться в XVI в. в центре великорусской территории (§ 3.58—59).

В сфере кратких форм происходит процесс (не завершившийся и в настоящее время, ср. § 1.16) акцентного перераспределения в зависимости от числа слогов основы: при односложной основе краткие формы получают подвижное ударение, при неодносложной — неподвижное наосновное. Первые проявления этого процесса отмечаются уже в XVI в. В восточной зоне мы находим, с одной стороны, инновации типа И. ед. жен. *чиста́*, *полна́*, *долга́* при односложной основе, с другой стороны, примеры выровненного наосновного ударения (И. ед. жен. *дре́вяна*, *су́рова*, *же́стока* и т. п.) при неодносложной основе (§ 3.52—53).

У прилагательных с односложной основой в восточной зоне перестройка направлена к модели *жив*, *жива́*, *жи́во*, *-ы* (т. е. к акцентовке по а. п. *c*). Тем самым расширяется круг прилагательных, у которых в сфере кратких форм ударение несет грамматическую нагрузку, а именно, форма ед. жен. противопоставляется форме ед. сред. (что особенно существенно для акающих говоров) и форме мн. числа. Прочие инновации старовеликорусского периода (например, ударения типа *светло́*) получили в дальнейшем лишь ограниченное развитие (§ 3.54).

В XVIII—XIX вв. модель *жив*, *жива́*, *жи́во*, *-ы* распространяется уже практически на все общеупотребительные прилагательные исторической а. п. *a* и значительную часть из исторической а. п. *b* (из этой последней старое ударение несколько лучше прочих слов сохраняют цветообозначения). Новейшим преобразованием этой обобщившейся модели является движение в сторону флексионного ударения во мн. числе (в некоторых случаях также в ед. сред.). По-видимому, мы имеем здесь дело с акцентной поляризацией кратких и полных форм (§ 1.16). Таким образом, протекавшая в XVI—XX вв. грамматикализация ударения по схеме, где краткая форма ед. жен. противопоставлена остальным кратким формам, сменяется теперь грамматикализацией по более обобщенной схеме (краткие формы—полные формы).

§ 4.4. У глаголов основные изменения таковы. В презенсе а. п. *c* ударение формы 1 ед. выровнялось по прочим формам: *несу́*, *принесу́*, *кричу́*, *закричу́* и т. д. вместо *не́су*, *при́несу*, *кри́чу*, *за́кричу*. Этот переход начался не позднее XIV в., а в XVI в. в большинстве

говоров был уже закончен (§ 3.61; о возможных реликтах начального ударения в современных говорах см. Бромлей 1978). Аналогично форме 1 ед. развивалось деепричастие презенса (§ 3.62). Переход к колонному ударению захватил также форму 2 мн.: *несе́те*, *кричи́те*, вместо *несете́*, *кричите́*. Эта инновация зародилась в западной зоне: уже в первой пол. XVI в. новое ударение здесь господствует. В дальнейшем новое ударение побеждает также и в восточной зоне (кроме дальнего северо-востока); при этом в I спряжении оно распространяется быстрее, чем во II-м (§ 3.60).

В презенсе а. п. *b* древняя акцентная кривая (*ношу́*, *но́с-ишь*, *-ит*, *-им*, *-ите*, *-ят*) сохраняется; выравнивание, дающее *но́шу* (или *но́сю*), известно лишь в качестве диалектного варианта развития, представленного в небольшой части говоров.

Таким образом, хотя исконный тройственный характер акцентного противопоставления в презенсе сохранился, один из членов (древняя а. п. *c*) изменил свое конкретное содержание: маргинально-подвижное ударение сменилось флексионным.

В системе прош. времени и инфинитива акцентная эволюция определяется следующими основными тенденциями.

1. Установление колонного ударения во всей совокупности форм активного залога, входящих в эту систему, например: *пусти́ти*, *пусти́л*, *-а*, *-о*, *-и*, *пусти́в*, *-ши*, *-ший*. Практически это означает замену подвижного ударения на предфлексионное у глаголов а. п. *c*, т. е. переход этих глаголов к такой же акцентовке (в данной группе форм), что и в а. п. *b*. Эта тенденция действовала повсеместно; диалектные различия касались лишь степени ее интенсивности (§ 3.63—64). В XVII в. в центре и на северо-востоке было достигнуто состояние, которое можно схематически представить так: *пусти́л*, *-а* (*i-* и *ŋ-*глаголы), *со́брал* (изредка *собра́л*), *собрала́* (*a*-глаголы), *про́дал*, *продала́* (*V*-корневые глаголы). Современная литературная норма лишь ненамного более продвинута: *пусти́л*, *-а*, *собра́л*, *собрала́*, *про́дал* (но также *прода́л*), *продала́*; за рамками литературной нормы стоят характерные для западных говоров *собра́ла*, *прода́ла*.

2. Установление колонного ударения во всей совокупности форм страдательного причастия прош. времени. Данная тенденция действовала повсеместно; но при этом для восточной зоны характерно выравнивание типа *со́бран*, *-а*, *-о*, *-ы*, *со́бранный*, для западной — типа *собра́н*, *-а*, *-о*, *-ы*, *собра́нный* (§ 3.66—70).

3. Формирование в системе прош. времени и инфинитива акцентной оппозиции активных и пассивных форм, например: *прочита́л*, *-а*, *-о*, *-и* — *проче́тан*, *-а*, *-о*, *-ы*; *пусти́л*, *-а*, *-о*, *-и* — *пу́щен*, *-а*, *-о*, *-ы*. Эта тенденция характерна в основном для восточной зоны; но некоторые ее проявления известны и в западной зоне. Первоначальной базой для ее развития послужили акцентные отношения, представленные в раннедревнерусском в а. п. *b* у *a*-глаголов (*писа́л*—*пи́сан*) и *i*-глаголов (*дави́л*—*да́влен*). В ходе истории в восточной зоне

сфера действия данной тенденции непрерывно расширяется. Сдвиг ударения влево в страдательном причастии постепенно распространяется на *aj*-глаголы (например, *раскóпан*, *побúван*), *ova*-глаголы (*воéван*), *ě*-глаголы на *-ати* (*дéржан*), *V*-корневые глаголы а. п. *a* на *-ати* (*пóзнан*), *i*-глаголы а. п. *c* (*пýщен*), *C*-корневые глаголы а. п. *c* (*привéден*), *nǫ*-глаголы (*сóмкнут*, *помя́нут*), *V*-корневые глаголы а. п. *b* на *-олоти* (*раскóлот*); см. § 3.68, 70. Кроме того, у *a*-глаголов а. п. *c* энклиноменные формы причастий (*сóбран*, *пóрван*, *прúзван* и т. п.) переосмысляются как имеющие сдвиг ударения на слог влево по сравнению с инфинитивом; это приводит к замене *óтобран*, *пóдобран*, *пéрерван* и т. п. на *отóбран*, *подóбран*, *перéрван* (и, кроме того, к замене *собранá*, *порванá* и т. д. на *сóбрана*, *пóрвана*).

Понятно, что указанные три тенденции вполне согласуются между собой: выработка колонного ударения в каждом из залогов позволяет достичь максимально последовательной акцентной оппозиции этих залогов.

В ходе истории произошли также значительные сдвиги в распределении глаголов по акцентным парадигмам. В наибольшей степени это касается *i*-глаголов: исконное распределение глаголов на *-úти* между а. п. *b* и *c* постепенно (начиная с XVI в.) сменяется здесь новым, основанным на иерархии факторов стилистического, морфологического и семантического характера (§ 1.17, 3.74—75). В этом перераспределении участвуют также *ě*-глаголы. Следует признать, что движущие силы данной перестройки остаются пока еще недостаточно ясными. Т. Г. Хазагеров связывает экспансию модели *пýстит* с усилением акцентной оппозиции чисел в 1-м лице: *пущý—пýстим* (Хазагеров 1973а, с. 127); но это не объясняет экспансии данной модели именно во II спряжении, но не в I-м (не говоря уже о том, что нет никаких признаков развития акцентной оппозиции чисел во 2-м и 3-м лицах). В. Л. Воронцова источник модели *пýстит* видит в том, что 2 мн. презенса типа *пустúте* заменяется на *пýстите* во избежание омонимии с императивом *пустúте* (Воронцова, с. 235). Этому предположению противоречит, однако, тот факт, что в восточновеликорусской зоне инновации типа *пýстит* появляются в целом раньше, чем ударение *-úте* вместо *-ите́*; но особенно существенно то, что модель *пýстит* прекрасно развилась (даже сильнее, чем в русском) в белорусском и украинском языках, где вообще не было замены *-ите́* на *-úте*. В любом случае необходимо учитывать, что у *i*-глаголов происходила не просто экспансия модели *пýстит*, а перераспределение, включавшее сдвиги в обе стороны (§ 3.74—75). Можно предполагать, что важную роль здесь сыграло постепенное объединение акцентных кривых а. п. *c* и *b* в системе прош. времени (ср. выше). Тем самым у *i*-глаголов различие между а. п. *b* и *c* в презенсе потеряло поддержку в остальной части парадигмы, т. е. сложились благоприятные условия для расшатывания прежнего распределения и выравниваний по новым основаниям.

В I спряжении акцентные перераспределения фиксируются в основ-

ном у *nǫ*-глаголов и глаголов с неслоговым корнем. У *nǫ*-глаголов а. п. *b* с согласной перед *-ну-* развилось колонное ударение во всех формах активного залога. При этом произошла семантическая дифференциация: у глаголов состояния обобщилось ударение на корне (например, *воскре́снуть*, *дбхнуть*, *сдбхнуть*), у глаголов однократного действия — послекорневое (например, *повер-ну́ть*, *-ну́*, *-нёт*, *дох-ну́ть*, *-ну́*, *-нёт*); см. Глаг. акц., § 58. Смежно-подвижное ударение представлено сейчас только у нескольких глаголов с гласной перед *-ну-*: *тону́ть* (историческая а. п. *b*), *обману́ть*, *помяну́ть*, *мину́ть* (историческая а. п. *c*). Корневые и *a*-глаголы с неслоговым корнем в подавляющем большинстве случаев получили в презенсе флексионное ударение (§ 3.76).

§ 4.5. В итоге описанных изменений древнерусская система из трех акцентных парадигм трансформировалась в современном языке в четырехчленную систему акцентных типов (§ 1.10). Диахроническое соотношение между этими двумя системами достаточно сложно. В упрощенной форме оно представлено в табл. 7. Акцентные типы обозначены в таблице так: Т — тривиальный, Ф — флексионный,

Таблица 7

Диахронические соответствия между древнерусскими акцентными парадигмами и современными акцентными типами

			Древнерусские акцентные парадигмы		
			a	*b*	*c*
Существительные	masculina		Т *	Ф *	М *
	neutra		М* (производные Т)	С (производные Ф)	М
	a-feminina		Т	С *	М/С (производные С)
	i-feminina		Т *	—	М (производные М/Т)
Глаголы	Презенс	I спряж.	Т	С (*nǫ*-глаголы Ф/Т; глаголы с неслоговым корнем Ф)	Ф
		II спряж.	Т *	С/Ф	С/Ф
	Прош. время		Т	Ф (бывает только у *C*-корневых глаголов)	Т (*a*-глаголы С; *V*-корневые глаголы М/С)

С — смежно-подвижный, М — маргинально-подвижный. Звездочка показывает, что от указанного в таблице соответствия есть заметное число отклонений. Запись типа М/С означает, что здесь имеется два возможных соответствия, причем оба представлены достаточно часто. У глаголов диахронические соответствия показаны по отдельности для каждой из двух субпарадигм. Прилагательные в таблицу не включены, поскольку, как уже указано, их нынешнее акцентное распределение лишь в малой степени связано с древним.

Акцентная эволюция в словообразовании

§ 4.6. Основное направление акцентной эволюции в русском словообразовании — это, в терминах В. А. Дыбо, «переход от парадигматического акцента к категориальному», т. е. переход от системы, где ударение производного слова зависит от акцентной парадигмы производящего, к системе, где ударение производного определяется только его принадлежностью к некоторой морфологической категории слов (в частном случае — к совокупности слов с определенным аффиксом).

Механизм изменения состоит здесь в акцентном выравнивании в рамках совокупности слов определенной морфологической структуры. За рассматриваемый период разные суффиксы успели продвинуться в такой эволюции в разной степени. Начальный шаг эволюции — эффект Min (§ 2.7), т. е. акцентное уподобление производных от слов а. п. *b* производным от слов а. п. *c*. Этот эффект начал развиваться уже в древнерусском (особенно у правоударных суффиксов), см. § 3.8. Для современного языка тождество ударения у производных от слов исторических а. п. *b* и *c* стало нормой; исконное нетождество сохраняется лишь в особых случаях (при так наз. эффектах Marg и Triv, § 1.34).

Дальнейшее продвижение состоит в том, что по своему акцентному эффекту в словообразовании к словам исторических а. п. *b* и *c* присоединяются некоторые слова а. п. *a*. Таковы прежде всего те из них, которые входят в особые группы, указанные в § 1.30, А 2 и В; отсюда новые ударения *резно́й*, *хвастли́вый*, *рачи́шка*, *якорёк* и т. п. В современном языке для освоенных производных с самоударными и правоударными суффиксами эта особенность стала нормой (§ 1.33).

Далее, к указанным особым группам могут присоединиться все слова исторической а. п. *a* с односложной основой. Эта особенность обозначается как Monosyll (§ 1.34); она представлена, например, у суффиксов *-лив-*, *-арь* (отыменного), *-ец* (не уменьшительного); ср. исторически новые ударения типа *драчли́вый*, *пушка́рь*, *рыбе́ц*.

Если, наконец, выравнивание захватывает все вообще производные от а. п. *a*, суффикс становится доминантным. В части случаев в качестве исключений сохраняются еще небольшие группы слов со старым ударением, как, например, *ми́лостивый*, *чи́стильщик*, *мно́житель* среди слов с суффиксом *-ив-* или с морфом *-и-* в составе

последовательностей *-и-л-*, *-и-тель*; см. также § 1.65 о суффиксе *-ова-ть*, § 1.69 о суффиксе *-ян-е*. Большое число суффиксов прошло эту эволюцию до конца, т. е. достигло чистой доминантности, например: *-ят-а*, *-ат-*, *-оват-*, *-ит-*, *-аст-*. Заметим, что среди таких суффиксов много заимствованных (§ 1.41—43): они с большой быстротой подчинялись господствующей тенденции.

Движение суффиксов в сторону доминантности столкнулось, однако, со следующим особым обстоятельством. Именные приставочно-корневые комплексы (*прока́з-*, *навóз-*, *охóт-*, *бесчéст-* и т. п.), получившие ударение на корне (§ 2.26, модель *потоп*), сохраняют это ударение при дальнейшем словопроизводстве с повышенной устойчивостью. Например, в составе отыменных *i*-глаголов ряд корней с древней маркировкой ↓ со временем утрачивает ударение (ср. *язви́ть*, *умали́ть* и др.), но с именными приставочно-корневыми комплексами этого никогда не происходит (ср. *прока́зить*, *унавóзить*, *охóтиться*, *бесчéстить* и т. п.). По-видимому, эта особенность складывается как средство дифференциации именных и глагольных приставочно-корневых комплексов. В самом деле, глагольные комплексы такого рода чрезвычайно часто бывают безударными (ср. *прокази́ть*, *навози́ть*, *захоте́ть* и т. п.); в противоположность этому за именными комплексами закрепляется неподвижное корневое ударение, обладающее повышенной устойчивостью. Понятно, что это явление составило препятствие для всеобщей эволюции суффиксов в сторону доминантности. Например, в старовеликорусском суффикс вторичных имперфективов *-а-ти* интенсивно развивался в сторону доминантности (§ 3.73). Но при образовании вторичного имперфектива, скажем, от глагола *обесчéстити* возникала конфликтная ситуация: ударение *обесчéщати* не соответствовало бы движению суффикса *-а-ти* к доминантности, ударение *обесчещáти* нарушало бы принцип корневого ударения в именных приставочно-корневых комплексах. Конфликты этого рода были разрешены в истории русского языка тем, что производные этой категории стали просто избегаться. Вместо них использовались синонимичные им производные, содержащие такие суффиксы, которые не обнаруживали столь сильного движения к доминантности; например, в данном случае вместо *обесчещати* использовалось *обесчéщивати*. Со временем этот принцип превратился в устойчивое синхроническое правило (§ 1.31). Таким образом, для русского языка сохранение какого-то числа недоминантных суффиксов оказалось необходимым.

Акцентное обособление именных приставочно-корневых комплексов сделало актуальным для акцентологии разделение суффиксов на первичные (с исторической точки зрения отглагольные или универсальные) и вторичные (с исторической точки зрения отыменные); см. § 1.25. Вторичные суффиксы, даже если они в ходе истории были переосмыслены и с семантической точки зрения стали отглагольными (как, например, *-чив-* в *забы́вчивый*, *-к-а* в *вы́ставка* и т. п.), с акцентологической точки зрения ведут себя так, как если бы они

присоединялись к именным приставочно-корневым комплексам (*забы́в-*, *вы́став-* и т. п.). Только в одном случае это противоречие между семантикой и морфонологией со временем было частично устранено: исторически отыменный суффикс *-н-* постепенно переходит из категории вторичных в категорию первичных. Это выражается в том, что при отглагольном (с семантической точки зрения) словообразовании ударения типа *исхо́дный*, *обво́дный*, *зажи́мный* во все большей степени уступают место ударениям типа *входно́й*, *обводно́й*, *зажимно́й* (§ 1.60); первые примеры такого сдвига относятся к XVII в.

В словообразовании, как и в словоизменении, заметную роль в акцентной эволюции сыграл прагматический фактор. Основной принцип состоит здесь в том, что при неосвоенности производного слова оно получает ударение, грубо говоря, совпадающее с ударением исходного слова. Технически этот принцип воплощается в правиле о словах с так наз. промежуточным по силе базовым компонентом (§ 1.33) и в эффекте Triv (§ 1.34), наблюдающемся у неосвоенных слов с определенными суффиксами (прежде всего *-н-* и *-ов-*).

Существенным элементом акцентной эволюции многих суффиксов было «расщепление» совокупности слов с данным суффиксом на группы, различающиеся семантически или по характеру деривации. Дальнейшее развитие характеризовалось акцентным выравниванием внутри каждой из групп и акцентной поляризацией групп между собой. Примеры (из современного языка): *-ушк-а* ← (ласкательно-почтительное) и *-ушк-а* ↓ D (ласкательно-пренебрежительное, а также неласкательное); *-н-я* → D (собирательное и в именах действия) и *-н-я* → (в прочих случаях); *-арь* → (отыменное) и *-арь* ← (отглагольное); *-от-а* → D (отадъективное) и *-от-а* ↓ (отглагольное). При расщеплениях такого рода нередко обнаруживается влияние близких по значению суффиксов друг на друга. Так, большой ряд адъективных суффиксов при качественном значении получил маркировки, обеспечивающие наосновное ударение в полных формах (§ 1.56); напротив, при чисто относительном значении суффиксы *-н-* и *-ов-* получили маркировки, ведущие к флексионному ударению. Другой пример: акцентное единообразие отадъективных имен качества с суффиксами *-ин-а*, *-изн-а*, *-от-а*, *-ев-а*; ср. *глубина́*, *белизна́*, *чернота́*, *синева́*.

Рассмотрим также коротко (отвлекаясь от вопроса о доминантности) соотношение между древними маркировками ↓, → и — и современными ↓, → и ← у суффиксов. У безгласных (по современному счету) суффиксов древние маркировки ↓ и — обычно превращаются в ←; древнее → дает → или ← (без четких правил). У суффиксов, содержащих гласную, древние маркировки ↓ и → обычно сохраняются (но суффиксы *-еж* и *-ич* сменили древнее ↓ на →). Суффиксы с пометой Re (например, уменьшительное *-ик* → Re, *-ость* — Re) получают на современном уровне ←. Наиболее пеструю картину дают бывшие минусовые суффиксы (содержащие гласную):

-ив-о ←, *-ом-* ↓, *-ав-* ↓ D, *-ов* ↓ Triv, *-от-а* ↓ и → D (ср. выше); сложному расщеплению подверглись суффиксы *-н-* (§ 1.57), *-ов-* (§ 1.61), *-ян-* (§ 1.64), *-и-* (§ 1.41, 66), *-ян-е* (§ 1.69). Часть бывших минусовых суффиксов до сих пор не полностью вписалась в современную акцентную систему; так, в частности, у *-н-*, *-ов-*, а также у *-ск-* в определенных случаях выступает реликтовый эффект Marg.

Эффекты Polysyll и Deox, развившиеся у нескольких суффиксов, в большинстве случаев отражают тенденцию к частичному выравниванию ударения по счету от начала у слов с одним и тем же суффиксом. Особый вид усложнения первоначальных акцентных правил составляет развитие производных, где с акцентологической точки зрения суффикс не прямо добавляется к базовому компоненту, а замещает другой суффикс в уже готовом производном (§ 1.38).

В приставочном словообразовании и в словосложении акцентные правила в целом мало изменились по сравнению с древнерусским. Приставки *су-* и *пра-* (древнее ↓) в большей части случаев уподобились обычным приставкам, ср. новые ударения типа *супостáт*, *прабáбушка*. Приставка *вы-* прошла эволюцию от постоянной ударности к нынешнему сложному распределению, основанному на различении именных и глагольных приставочно-корневых комплексов и противопоставлении совершенного и несовершенного видов (§ 1.28 Б); о ходе этой эволюции см. Глаг. акц., § 59. О развитии акцентных моделей *засуха* и *окуп* см. § 2.26—27.

Эволюция акцентной системы в целом

§ 4.7. У дальних истоков рассматриваемой эволюции (относящихся к раннему балтославянскому уровню), как можно предполагать, стоит весьма простая система, где все морфемы делились на два просодических класса («плюсовый» и «минусовый») и ударение в фонетическом слове падало на первую плюсовую морфему (при отсутствии таковых — на начальную морфему); см. Дыбо 1973, с. 10, 1981, с. 261.

На последующих этапах происходит ряд просодических изменений собственно фонетического характера, в результате чего как акцентная классификация морфем, так и правило о месте ударения существенно усложняется. На раннедревнерусской стадии этого процесса морфемы делятся уже на классы ↓, → и —. Дополнительным усложнением является существование эффектов Re и Min и операции перемаркировки. Базисное правило о месте ударения еще сравнительно просто (§ 2.8). Словоформы, состоящие из одних лишь минусовых морфем, отличаются от прочих особым статусом фонологической безударности.

Утрата различия между фонологически безударными и начальноударными словоформами приводит к системе, где из просодических оппозиций возможна только разница в месте ударения.

В словоизменении в ходе истории процессы акцентного выравнивания и поляризации, определяемые грамматическим, семантическим и прагматическим факторами, превратили древнерусскую систему из трех акцентных парадигм в новую систему из четырех акцентных типов. При этом разрушился первоначальный принцип, по которому в каждом морфологическом классе слов каждая акцентная парадигма могла быть представлена только одной акцентной кривой (схемой ударения). В подвижных акцентных типах представлено по нескольку схем ударения в рамках одного морфологического класса (табл. 1): эти схемы отражают разные стадии перестройки одной и той же первоначальной акцентной кривой.

В словообразовании процессы выравнивания привели к ломке древней зависимости ударения производных от акцентной парадигмы производящего слова. Значительная часть суффиксов приобрела доминантность. Но даже и при тех суффиксах, которые не стали доминантными, акцентуация производных от слов исторических а. п. *b* и *c* в подавляющем большинстве случаев совпала. Поэтому, с точки зрения современного словообразования, основам слов этих двух а. п. соответствует уже единое понятие слабого базового компонента (в отличие от сильного базового компонента, соответствующего, грубо говоря, основе слова исторической а. п. *a*). Это значит, в частности, что для словообразования в нормальном случае утратилась разница между древними маркировками → и — при корне.

Сильные базовые компоненты расщепились на две группы: 1) именные приставочно-корневые комплексы сохранили постоянное ударение на корне (что привело к их несоединимости с доминантными суффиксами); 2) прочие сильные базовые компоненты при соединении с доминантными суффиксами передают им ударение. Соответственно, базовые компоненты первой группы должны быть квалифицированы как доминантные, второй — как недоминантные.

С появлением доминантных суффиксов число акцентных классов у суффиксов удвоилось. Вдобавок, акцентное разнообразие суффиксов увеличилось за счет того, что у части из них развились особые акцентные эффекты (Monosyll, Polysyll и др.).

В результате всех указанных изменений свойственное древнерусскому языку единство акцентологических механизмов словоизменения и словообразования в значительной мере разрушилось. Для словоизменения актуально различие четырех акцентных типов (и далее, различие схем ударения внутри подвижных типов), для словообразования — различие трех классов базовых компонентов, из которых два (сильные и сильные доминантные) соответствуют одному и тому же акцентному типу (тривиальному), а третий — трем остальным. Далее, набор акцентных классов у корней — совсем не тот, что у суффиксов. Базисное правило о месте ударения, которое давало бы хороший результат одновременно для словоизменения и словообразования, в современном языке было бы столь сложным,

что, с нашей точки зрения, его конструирование нецелесообразно (правило, предлагаемое в Гард 1978, достаточно просто и в общем сходно с древнерусским, если не считать вопроса о доминантности суффиксов, но оно хорошо обслуживает только относительно консервативные части акцентной системы; мощные пласты инноваций оказываются в роли исключений).

В целом акцентная система современного русского литературного языка сильно усложнилась по сравнению с древнерусской. Она продвинулась (хотя пока еще не слишком далеко) в сторону типологически иной системы, которая в идеале должна обладать следующими свойствами: акцентуация непроизводных слов определяется их грамматическими, семантическими и прагматическими характеристиками; внутри словоизменительной парадигмы ударение подчинено грамматическим оппозициям; в суффиксальном словообразовании ударение производного определяется только акцентной характеристикой суффикса (которая может быть различной при разных значениях суффикса). Последний пункт, впрочем, для русского языка не может быть реализован полностью (§ 1.31): в нем сложилась такая ситуация, при которой наряду с доминантными суффиксами с необходимостью сохраняется некоторое количество недоминантных.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Авв. — два автографа протопопа Аввакума (см. § 3.31).
АГ-52 — Грамматика русского языка, т. I. М., 1952.
АГ-70 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
АГ-80 — Русская грамматика. М., 1980.
Аксенова 1982 — *Аксенова Е. А.* Акцентная система северо-восточной русской рукописи конца XVI века (диахронический и синхронический анализ). Канд. дис. М., 1982.
Акц. Мер. — *Зализняк А. А.* Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное». — В кн.: Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979.
Амф. — Святцы с восследованием. Коломна, 1571 г. — ГБЛ, ф. 7, № 27 (см. § 3.27).
АО — Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник. Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.
Ап. — Апостол. М., 1564.
Атлас Запад, Атлас Север, Атлас Юг, Атлас сводный — диалектологические атласы, составленные и хранящиеся в Институте русского языка АН СССР (соответственно: «Атлас русских говоров центральных областей к западу [к северу, к югу] от Москвы», «Диалектологический атлас русского языка»).
БАН — Библиотека Академии наук СССР в Ленинграде.
БАС — Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17. М.—Л., 1950—1965.
Бер. — Лексикон словенороський Памви Беринди. Київ, 1961.
Биб. — Библия, XVI в. — ГИМ, Синод. 30 (1-й почерк) (см. § 3.30).
Библ. — 2-й почерк рукописи Биб. (см. § 3.28).
Брике — *Briquet C. M.* Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier. Genève, 1907.

Брок 1900 — *Брох О.* Угрорусское наречие села Убли. — В кн.: Исследования по русскому языку, т. II, вып. 1. СПб., 1900.
Брок 1907 — *Брок О.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. — Сб. ОРЯС, 1907, т. 83.
Брок 1916 — *Брок О.* Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.
Бромлей 1976 — *Бромлей С. В.* Форма 2-го лица множественного числа изъявительного наклонения в русских говорах северо-восточной диалектной зоны. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас 1974. М., 1976.
Бромлей 1977 — *Бромлей С. В.* О взаимодействии форм изъявительного и повелительного наклонений в восточнославянских языковых системах. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас 1975. М., 1977.
Бромлей 1978 — *Бромлей С. В.* О следах общеславянской *с*-парадигмы в акцентной системе русского глагола (по материалам говоров). — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас 1976. М., 1978.
Бук. — Буковница, 1592 г. — ГБЛ, ф. 173, № 35 (см. § 3.30).
Булаховский 1947 — *Булаховський Л. А.* Східнослов'янські мови як джерело відбудування спільнослов'янської акцентологічної системи. — Мовознавство, т. IV—V, 1947.
Булаховский 1961 — *Булаховский Л. А.* Отражения так называемой новоакутовой интонации древнейшего славянского языка в восточнославянских. — В кн.: Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961.
Васильев — *Васильев Л. Л.* О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии. Л., 1929.
Вас. пс. — Псалтирь, XVI в. — ГПБ, F.I.7 (см. § 3.22).
Вас. сб. — Сборник, XVI в. — ГПБ, Соф. 1460 (см. § 3.22).
Вед. — Ведомости времени Петра Великого, вып. I—II. М., 1903—1906.
Вер. — Сборник, XVI в., Верея. — ГПБ, F.II.255 (см. § 3.32).
Воронцова — *Воронцова В. Л.* Русское литературное ударение XVIII—XX вв. Формы словоизменения. М., 1979.
Гард 1974 — *Гард П.* К истории восточнославянских гласных среднего подъема. — ВЯ, 1974, № 3.
Гард 1976 — *Garde P.* Histoire de l'accentuation slave, t. 1. Paris, 1976.
Гард 1978 — *Garde P.* Modèle de description de l'accent russe. — Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, t. 73 (1978).
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина в Москве.
ГИМ — Государственный исторический музей в Москве.
Глаг. акц. — *Зализняк А. А.* Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М., 1981.
Горск. Нев. — *Горский А. В.* и *Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. 1—3, М., 1855—1917.
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
Грамм. — *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.
Гринченко — *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка, т. 1—4. Киев, 1907—1909.
Грот — *Грот Я. К.* О глаголах с подвижным ударением. — В кн.: Труды, т. 2. Филол. разыскания. СПб., 1899.
ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
Дан. — Сборник, 1543 г. — ГБЛ, ф. 113, № 490 (см. § 3.26).
Джемс — Записи Р. Джемса, сделанные в 1618—19 гг. в Колмогорах (см. § 3.31).
Диал. член. — *Захарова К. Ф.*, *Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.
Дом. — Домострой, XVI—XVII вв. — ГПБ, Q.XVII (см. § 3.28).
Дорог. — Сборник. Дорогобужский уезд, 1626 г. — ГИМ, Барсов 1280 (см. § 3.26).

Дос. — Синайский патерик, 2-я четв. XVI в. — ГИМ, Увар. 883 (см. § 3.26).
Дыбо 1962 — *Дыбо В. А.* О реконструкции ударения в праславянском глаголе. — В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 6. М., 1962.
Дыбо 1968 — *Дыбо В. А.* Акцентология и словообразование в славянском. — В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Докл. сов. делегации. М., 1968.
Дыбо 1969 — *Дыбо В. А.* Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (Praesens). — ВЯ, 1969, № 6.
Дыбо 1970 — *Дыбо В. А.* Фрагмент праславянской акцентной системы (Ударение прилагательных с суффиксом *-ъk-*). — Сов. славяноведение, 1970, № 5.
Дыбо 1972а — *Дыбо В. А.* Реконструкция ударения *l*-причастия от глаголов на *-nǫ-* и *-i-* в праславянском. — В кн.: Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.
Дыбо 1972б — *Дыбо В. А.* Акцентные типы презенса глаголов с *ъ*, *ь* в корне в праславянском. — ВЯ, 1972, № 4.
Дыбо 1973 — *Дыбо В. А.* Балтославянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. — В кн.: Кузнецовские чтения 1973. История славянских языков и письменности. М., 1973.
Дыбо 1981 — *Дыбо В. А.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
Дыбо 1982 — *Дыбо В. А.* Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (материалы к реконструкции). — В кн.: Балтославянские исследования 1981. М., 1982.
Ев. — Евангелие, XV—XVI вв. — ГБЛ, ф. 113, № 39 (см. § 3.31).
Ег. — Евангелие, XV—XVI вв. — ГБЛ, ф. 98, № 20 (см. § 3.22).
Егор. — Евангелие учительное, 2-я четв. XVI в. — ГБЛ, ф. 98. № 80 (см. § 3.24).
Жит. — Сборник житий, 2-я четв. XVI в. — ГБЛ, ф. 173, № 57 (см. § 3.26).
Зап. — Записная книжка монаха, XVI—XVII вв. — ГПБ, Q.XVII.67 (см. § 3.32).
Земская — *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
Изв. ОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности, СПб.
Ик. — Иконописный подлинник, посл. четв. XVI в. — ГБЛ, ф. 209, № 409 (см. § 3.28).
Иллич-Свитыч — *Иллич-Свитыч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.
Ион. — Маргарит Иоанна Златоуста, 1530 г. — ГБЛ, ф. 256, № 195 (см. § 3.30).
Карг. — Василия Великого о постничестве, 1556 г. — ГБЛ, ф. 304, № 133 (см. § 3.31).
Кипарский 1962 — *Kiparsky V.* Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962.
Кипарский 1963 — *Kiparsky V.* Russische historische Grammatik, Bd. I. Heidelberg, 1963.
Кипарский—Халле 1977 — *Kiparsky P., Halle M.* Towards a Reconstruction of the Indo-European Accent. — In: Studies in Stress and Accent (Southern California Occasional Papers in Linguistics, 4). Ed. L. Hyman. Los Angeles, 1977.
Кир. — Сборник. Кириллов монастырь, 1612 г. — ГБЛ, ф. 209, № 327 (1-й почерк) (см. § 3.30).
Кирил. — 2-й почерк рукописи Кир. (см. § 3.30).
Клон. — Сборник житий, кон. XVI в. — ГБЛ, ф. 209, № 271 (см. § 3.31).
Клосс 1980 — *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980.
Колесов 1965 — *Колесов В. В.* Об одной древнерусской диалектной системе ударения. — Вестн. ЛГУ, 1965, № 8.
Колесов 1969 — *Колесов В. В.* Ударение neutra **o*-основ в древнерусском языке. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1969, т. XXVIII, вып. 1.

Колесов 1972 — *Колесов В. В.* История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972.
Колесов 1973а — *Колесов В. В.* Знаки ударения и надстрочные знаки в русских рукописях XIV—XV вв. — В кн.: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. I. М., 1973.
Колесов 1973б — *Колесов В. В.* Надстрочные знаки «силы» в русской орфографической традиции. — В кн.: Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973.
Колесов 1974 — *Колесов В. В.* Просодические диалектные признаки в истории русского языка. — ВЯ, 1974, № 1.
Колесов 1978а — *Колесов В. В.* Ударение суффиксальных прилагательных в древнерусском языке. — Slavia Orientalis, rocz. XXVII, № 2. Warszawa, 1978.
Колесов 1978б — *Колесов В. В.* Очерки по русской исторической акцентологии. (Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Supplementum). Szeged, 1978.
Колм. — Космография Герарда Меркатора. Колмогоры, 1670 г. (см. § 3.31).
Корн. — Василия Великого о постничестве, 1543 г. — ГИМ, Увар. 255 (см. § 3.31).
Косм. — Космография Мартина Бельского, посл. четв. XVI в. — ГБЛ, ф. 152, № 2 (см. § 3.28).
Костр. — Слова Аввы Дорофея, Кострома, 1628 г.; в рукописи ГБЛ, ф. 138, № 25 (см. § 3.30).
Курилович 1946 — *Курилович Е.* Система русского ударения. — В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 436—444.
Лауцявичюс — *Lauceviči̇us E.* Popierius Lietuvoje XV—XVIII a. Vilnius, 1967.
Леонид — *Леонид, архим.* Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания А. С. Уварова, ч. I—IV. М., 1893—1894.
Лес. — Лествица. Москва, Чудов монастырь, 1558 г. — ГИМ, Чуд. 227 (см. § 3.27).
Лет. — Троицкий летописец, сер. XVI в. — ГИМ, Синод. 645 (см. § 3.26).
Леч. — Лечебник. Шуя, XVII в. — ГПБ, собр. Колобова, № 649 (см. § 3.32).
Лих. — Пролог, 1501 г. — ГПБ, Соф. 1345 (см. § 3.22).
Лихачев — *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I—III. СПб., 1899.
Лобан 1957 — *Лобан Н. П.* Націск у назоўніках з невытворнай асновай у сучаснай беларускай літаратурнай мове. — Працы інстытута мовазнаўства АН БССР, вып. IV. Мінск, 1957.
Лопатин — *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.
Лук. — Скитский патерик, 1570 г. — ГБЛ, ф. 256, № 307 (см. § 3.31).
МАС — Словарь русского языка, т. 1—4, М., 1957—1961.
Мат. — Материалы по русским народным говорам (т. I—XI в Изв. ОРЯС и Сб. ОРЯС).
Матф. — Толкование Феофилакта болгарского на евангелия. М., 1649 (толкование на евангелие от Матфея).
МДК — Труды Московской диалектологической комиссии.
Мер. — Мерило Праведное, XIV в. — ГБЛ, ф. 304, № 15 (см. § 3.26).
М. пс. — Псалтирь в переводе Максима Грека, нач. XVII в. — ГБЛ, ф. 304, № 62 (см. § 3.28).
Муз. — Евангелие, 1-я пол. XVI в. — ГБЛ, ф. 178, № 3650 (см. § 3.22).
Нахтигал — *Nachtigall R.* Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung, I. Substantiva auf Konsonanten. Heidelberg, 1922.
Нв. — Новгородская летопись, 1-я четв. XVII в. — БАН, 34.4.32 (см. § 3.24).
Нил. — три тома Житий святых, писанные в 1490-ых гг. Нилом Сорским. — ГБЛ, ф. 113, № 630; ГБЛ, ф. 304, № 684 (Нил Т); Гос. лит. музей, № 126 (Нил М) (см. § 3.31).
Новг. — Псалтирь лицевая, 1548 г. — ГИМ, Увар. 592 (см. § 3.22).
Новые данные — *Зализняк А. А.* Новые данные о русских памятниках XIV—

XVII веков с различением двух фонем «типа *о*». — Сов. славяноведение, 1978, № 3.

Обр. — Обратный словарь русского языка. М., 1974.

Образ. — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

Однослож. — *Зализняк А. А.* Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода. — В кн.: Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.

Огиенко 1928 — *Огієнко І.* Український наголос в XVI віці. — Сб. ОРЯС, 1928, т. 101, № 3.

Ожегов — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 9-е изд. М., 1972.

Окт. — Октоих. Новгород, 1436 г. — ГИМ, Синод. 199 (см. § 3.22).

Орлова 1949 — *Орлова В. Г.* О говоре села Пермас Никольского района Вологодской области. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I. М.—Л., 1949.

Пат. — Скитский Патерик, Новгород, 1553 г.; в рукописи ГИМ, Синод. 216 (см. § 3.22).

Пер. — Слова Аввы Дорофея, 1633 г. — ГБЛ, ф. 310, № 194 (см. § 3.30).

Печ. — Минеи-четьи на сентябрь и октябрь. Печенга, 1605 г. — ГБЛ, ф. 138, № 17 (см. § 3.31).

Погрібний — *Погрібний М. І.* Словник наголосів української літературної мови. Київ, 1964.

Поливанова 1976 — *Поливанова А. К.* Морфонология русского субстантивного основообразования. Автореф. канд. дис. М., 1976.

Полик. — *Поликарпов Ф.* Лексикон треязычный. М., 1704.

Постн. — Триодь Постная. М., 1589.

Пр. — Пролог. Новгород, 1518–19 г. — ГБЛ, ф. 247, № 461 (см. § 3.22).

Правда Русская, I — Правда Русская, т. I. М.—Л., 1940.

Прол. — Пролог, нач. XVI в. — ГБЛ, ф. 354, № 19 (см. § 3.31).

Противоп. — *Зализняк А. А.* Противопоставление букв *о* и *ω* в древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное». — Сов. славяноведение, 1978, № 5.

Пс. — Псалтирь, кон. XV в. — ГПБ, Погод. 86 (см. § 3.32).

Пск. — Житие и творения Феодора Студита. Псков, 1590 г. — ГБЛ, ф. 242, № 134 (см. § 3.24).

Пч. — Пчела. Вологда, 1640 г. — ГПБ, Кирил.-Белоз. 114/1191 (см. § 3.32).

Ратн. — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647.

Редькин — *Редькин В. А.* Акцентология современного русского литературного языка. М., 1971.

Рж. — Псалтирь. Ярославль, 1612 г. — ГИМ, Муз. 95 (см. § 3.26).

РИС — *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., 1967.

Рум. — Сборник XVI в. — ГБЛ, ф. 256, № 181 (см. § 3.26).

Рус. диал. — Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.

Ряз. — Лествица. Солотча, 1611 г. — ГИМ, Барсов 246 (см. § 3.29).

Сб. ОРЯС — Сборник отделения русского языка и словесности. СПб.

Св. — Стоглав. Серпухов, 1646 г. — ГПБ, Q.II.102 (см. § 3.32).

Сел. — Канонник. Троице-Сергиева лавра, 1616 г. — ГБЛ, ф. 304, № 283 (см. § 3.26).

Селищев 1951 — *Селищев А. М.* Старославянский язык, ч. I. Введение. Фонетика. М., 1951.

Сенн. — Толкование Феофилакта болгарского на евангелия от Матфея и от Марка, 1499—1500 г. — ГИМ, Синод. 302 (см. § 3.23).

Сидоров 1969 — *Сидоров В. Н.* Из русской исторической фонетики. М., 1969.

Скляренко 1969 — *Скляренко В. Г.* Історія акцентуації іменників *а*-основ української мови. Київ, 1969.

Смирнов — *Смирнов И. Т.* Кашинский говор. — Сб. ОРЯС, 1904, т. 77, № 9.

Смол. — Сборник. Смоленск, 1580 г. — ГБЛ, ф. 173 III, № 108 (см. § 3.25).
Сол. — Житие Зосимы и Савватия Соловецких. Соловки, 1632 г. — ГБЛ, ф. 209, № 235 (см. § 3.31).
Сологуб — *Сологуб А. И.* Об ударении в парадигмах существительных женского рода ед. числа в русских говорах. — ВЯ, 1980, № 3.
Станг 1952 — *Stang Chr.* La langue du livre «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей». Oslo, 1952.
Станг 1957 — *Stang Chr.* Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
Станг 1978 — *Stang Chr.* Zur Frage der Betonung univerbierter Bildungen im Russischen. — In: Studia linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a collegis amicisque oblata. Lisse, 1978.
Стар. — Книги 16 пророков, XVI—XVII вв. — ГИМ, Синод. 301 (см. § 3.26).
Такт. — Тактикон Никона Черногорца. Москва, Симонов монастырь, 1461 г. — ГПБ, F.I.207 (см. § 3.27).
Тамб. — Синодик Троицкой Новой пустыни на Цне, 1621 г. — ГИМ, Барсов 961 (см. § 3.29).
Тар. — Псалтирь. М., 1568.
Тит. — Пятидесятница. Троице-Сергиева лавра, 1541 г. — ГБЛ, ф. 304, № 146 (см. § 3.31).
Тих. — Сборник грамматический, 1-я пол. XVII в. — ГБЛ, ф. 299, № 336 (см. § 3.30).
Тихомиров 1942 — *Тихомиров М. Н.* Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания. — Ист. зап., т. XIII. М., 1942.
Т. пс. — Псалтирь, XV—XVI вв.; в рукописи ГБЛ, ф. 304, № 329 (см. § 3.22).
Трав. — Травник и лечебник, XVI—XVII вв. — ГБЛ, ф. 37, № 431 (см. § 3.28).
Тростянский — Диалектологические материалы, собранные В. И. Тростянским, И. С. Гришкиным и др. — Сб. ОРЯС, 1916, т. 95, № 1, с. 1—65, 125—158.
Тугай 1983 — *Тугай Е. В.* К вопросу об эволюции двух фонем «типа *о*» в XVI в. — Филол. науки, 1983, № 2.
Увар. — Кормчая, сер. XVI в. — ГИМ, Увар. 296 (см. § 3.30).
Угл. — Псалтирь. Углич, 1491—1492 гг. — ГИМ, Увар. 569 (см. § 3.30).
Узк. — Евангелие безвыходно́е (так наз. узкошрифтное). Анонимная типография, 1553—1564 гг.
Улож. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича. М., 1649.
Уст. — Житие Прокопия и Иоанна устюжских чудотворцев. Великий Устюг, кон. XVII в. — БАН, 45, 10.2 (см. § 3.32).
Устинова 1974 — *Устинова Е. Г.* К вопросу об ударении относительных прилагательных с суффиксом *-ов-* (*-ев-*) в современном русском языке. — В кн.: Языковая практика и теория языка, вып. 1. М., 1974.
Устинова 1977 — *Устинова Е. Г.* Ударение украинских прилагательных с суффиксом *-ов*(*ий*). — В кн.: Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
Устинова 1980 — *Устинова Е. Г.* Об ударении префиксальных существительных в современном русском и украинском языках. — В кн.: Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М., 1980.
Ушаков — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940, т. 1—4.
Федянина — *Федянина Н. А.* Ударение в современном русском языке. М., 1976.
Фер. — Кормчая, сер. XVI в. — ГБЛ, ф. 98, № 248 (см. § 3.26).
Хабургаев 1980 — *Хабургаев Г. А.* Становление русского языка. М., 1980.
Хазагеров 1973а — *Хазагеров Т. Г.* Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973.
Хазагеров 1973б — *Хазагеров Т. Г.* Ударение как средство дифференциации грамматических форм. — ВЯ, 1973, № 4.
Хивуд — *Heawood E.* Water-marks mainly of the 17th and 18th centuries, vol. I. Hilversum, 1950.
Хл. — Сборник, 1560-е гг. — ГИМ, Хлуд. 147Д (почерк 271—384) (см. § 3.28).
Хлуд. — Почерк 112—159б в рукописи Хл. (см. § 3.28).
Хлын. — Златоуст, 2-я четв. XVII в. — ГБЛ, ф. 310, № 539 (см. § 3.31).

Хр. — Хронограф лицевой, посл. четв. XVI в. — ГБЛ, ф. 98, № 202 (см. § 3.26).
Хрон. — Хронограф, 1-я четв. XVI в. — ГБЛ, ф. 113, № 650 (см. § 3.26).
Цв. — Триодь Цветная. М., 1591.
Цел. — Целебник, XVII—XVIII вв. — ГИМ, Музейск. 1226 (основной почерк) (см. § 3.31).
Целеб. — 2-й почерк в рукописи Цел. (см. § 3.31).
Час. — Часослов, кон. XV в.; в рукописи ГБЛ, ф. 304, № 329 (см. § 3.22).
Частотн. — Частотный словарь русского языка. Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.
Чернышев Пушк. — *Чернышев В. И.* Говор Пушкинского района. — Избр. труды, т. 2. М., 1970.
Чет. — Минея-четья на апрель, 1560-е гг. — ГИМ, Синод. 91 (см. § 3.26).
Чуд. — Чудовский Новый Завет, XIV в. (см. § 3.28).
Шахматов 1913 — *Шахматов А. А.* Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. — Изв. ОРЯС, 1913, т. 18, кн. 4.
Шахматов 1915 — *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. СПб., 1915.
Шевелев 1978 — *Shevelov G. Y.* Omega in the Codex Hankenstein. — In: Studia linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a collegis amicisque oblata. Lisse, 1978.
Шелюто — *Шелюто Г. А.* Русское ударение, ч. 1. Ужгород, 1962.
Якобсон 1963 — *Якобсон Р. О.* Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии. — In: American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. The Hague, 1963.
Якубинский 1953 — *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953.
Якше 1965 — *Jaksche H.* Slavische Akzentuation, II. Slovenisch. Wiesbaden, 1965.
Яр. — Служебник. Ярославль, 1635 г. — ГИМ, Барсов 1149 (см. § 3.30).

а. п. — акцентная парадигма (см. § 2.10).
б. уд. — без знака ударения.
п.-др.-р. — позднедревнерусский.
р.-др.-р. — раннедревнерусский.
И., Р., Д., В., Т., М., П., Зв. — обозначения падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный, предложный, звательная форма.
1 ед., 2 мн. и т. д. — обозначения лица и числа глагола.
D, Deox, Init, Marg, Monosyll, Polysyll, Triv — см. § 1.21.
Min, Re — см. § 2.7.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

Цифры означают параграфы. Слова, приводимые в тексте в качестве примеров, а не как таковые, а также слова, разбираемые не с точки зрения их акцентуации, включены в указатель лишь выборочно. Кроме того, не включены: слова на *-аж*, *-ер* (см. их списки в § 1.44), *-ия* (§ 1.45), *-ировать* (§ 1.65) и наречия типа *налево*, *подолгу* (§ 1.28, А IV).

У приставочных глаголов (если только приставка не срослась с корнем) и прилагательных с *не-*, *пре-* приставка просто игнорируется; например, упоминания в тексте глагола *приходить* учтены в указателе при слове *ходить*, *положить* — при *-ложить*, *недалёкий*—при *далёкий*. Возможна также запись типа *о-туречить*, когда приставка выписывается (с дефисом), но не учитывается при расположении по алфавиту. Степени сравнения и наречия учтены в составе соответствующих прилагательных, неличные формы, отпричастные прилагательные и отглагольные существительные на *-ние*, *-ение* — в составе соответствующих глаголов.

Родственные слова для компактности обычно сводятся в единые «гнездовые» статьи. При этом допускается смещение некоторого слова со своего алфавитного места (но не более, чем на 3—4 статьи); это необходимо учитывать при поиске слова. Внутри «гнездовой» статьи тоже допускаются отклонения от алфавитного порядка. Дефис заменяет ближайшее слева полностью выписанное слово (без конечной гласной, *ь* или *ый*, *ой*), а если в нем есть знак |, — часть до этого знака.

Все слова, дожившие до нашего времени (хотя бы в виде архаизмов или исторических терминов), даются в их современной форме. Прочие слова имеют помету *др.* — древнерусское. Если эта помета стоит после слова (в скобках), она распространяется только на данное слово, если перед словом — на все последующие слова до конца статьи.

Полезно отметить, что ссылка на § 2.14 означает, что слово относилось в древнерусском к а. п. *a*, § 2.16 — а. п. *b*, § 2.17 — а. п. *c*.

а 2.22
австрияк 1.44
агнец 1.51
ад 2.14, -ов 2.25
аз 4.2
азбуковник 1.47
др. акъ 3.53
алкать 2.14, алчба 2.24, при-алчный 3.54
алтарь 2.16, 3.35
ангел 2.14
апостол 2.14
апрель 2.14
армянин 1.69
ассириянин 1.69
атомный 1.57

баба 2.14, -ий, -ин 2.24, -ить 2.25
-бав|ить 2.14, 3.73, -лять 2.23, 3.73
багри|ть 1.66, -льщик 1.41
баг(ъ)ръ (*др.*) 2.16, 3.55, багряный 1.64, -ить 1.66, -ица 1.47, 2.23
балахон 3.9
балов|ать 1.65, -ник 1.47, -ной 1.52, 58, 60, -ство 1.52
бальный 1.59
баня 2.14
баран 2.14
бато|г 2.16 -жье 2.24
баять 2.14
бдеть 2.17, 3.2
бег 2.17, 3.47, -ать 2.7, 14, 3.73, -нуть 2.14, -ун 2.24
беда 2.16, 3.35, 49, -ный 2.25, 3.17, 57
-бедить 2.17, 3.60, 62, 64, 66, 68
др. бедра (*жен.*) 2.17
бежать 2.7, 17, 3.60, 72, 75
без 2.22
безбородый 2.26
безделушка 1.31
бездна 2.26
бездыханный 1.54
безóбрáзный 1.28

белена 3.9, -ной 1.59
белый 1.16, 2.16, 3.10, 55, -есый, -ость 2.25, -еть 2.23, -ить 1.17, 18, 48, 3.67, 74, -ок 3.10, -ьмо 1.18, 3.10, -огородский 2.29, -оцерковский 1.28
берег 2.17, 3.38, 42, 43
бережный 1.58, 3.54
береза 2.14
беремя 2.14
бересто (*др.*) 2.14, -яной 1.64
беречь 2.17, 3.10, 13, 71, 72
бес 2.17, 3.42, 43, 45, 4.2, -ить 1.18, 48, 66, 2.16, 3.67, -овский 1.52, 3.54, -ный 3.54, 58
беседа 2.14, -овать 1.65
беспрестанный 1.54
беспринципный 1.28
бестолковый 1.62
бесценный 3.54
бесчестный 2.29
бечева 3.9, -ник 1.53, -ой 1.63
-бивать 3.70
-бирать 2.23
бисер 2.14, -ина, -инка 1.50
бить 1.11, 2.3, 16, 3.2, 60, 64, 76, битье 2.24
бич 4.2
благо 2.17, -ой 2.17, 3.53, 54, -ость 2.25, 3.37, 48, -остыня 1.50, 2.23, Благово 2.19
благо|вест 1.28, -вествовать 1.55, -волить 1.26, 3.63, -дарить 1.26, 3.64, -дать 1.43, -приобретение 1.67, -словить 1.26, 66, 3.63, 66, -творительный 1.26, -уханный 1.54
блаж|ной 1.58, -ить 3.60, 65, 66
со-блазнить 2.16, 3.60, 63, 74
бланковый 1.62
блат 1.30
блевать 2.14
др. блѣдъ 2.17
блеснуть 1.49
близ|кий 2.14, 4.1, -ить 1.66, -ближать 3.8
блоха 2.16
блуд 1.30, 2.17, 4.2, -ить 2.16, 3.60, 74, -ник 1.53, -ный 3.58, 59
блюдо 2.14
блю|сти 2.17, 3.10, 60, 66, 71, 72, -дать 2.23
бля|дь 3.44, -сти (*др.*) 2.17
бо 2.22
боб 2.16, 3.5, -ок 2.24
бобер 2.16
бог 2.17, 3.42, 43, 45, 47, -иня 2.23, -отворить 1.26
богат|ейший 1.48, -еть 1.49, -ить 1.66, 3.63, 66, -ство 2.24, о-богащать 3.73
богатырь 3.9
бодрый 2.16, 3.2, 55, -ость 2.25
божий 2.24, -ество 1.53, 2.24, -ествить 3.63, -ить 3.66
бой 2.16, 3.2, 28, 38, 4.2; *блр.* 3.28
бок 2.17, 3.13, 45
боле 2.23
боле|ть 2.17, 3.60, 75, -сть 3.37, 48, -зновать 1.65
др. бологъ 2.17
болото 2.14
с-болтить 1.48
боль 2.17, боль (*муж.*) ‘больной’ (*др.*) 3.45, -ьной 1.12, 16, 58, 3.54, 58
больше 3.28, -инство 1.53
бомбить 1.66
бондарный 1.57
бор 2.17, 3.38, 42
борзый 2.17
боров 2.17
борода 1.17, 2.17, 3.13
борозда 2.16, -ковый 1.63
борона 2.16, 17, 3.9
боронить ‘запрещать, защищать’ 2.16, 3.63
-бороть 2.16
борщ 2.16
борьба 2.24
босой 2.17
др. бости 2.17, 3.60, 66, 68
др. -ботѣти 2.15
бочар 1.44
бояться 2.17, 3.2, 5, 60, 62, 72, 75
боязливый 1.48
др. бравъ ‘боров’ 3.42
брада 2.16, 3.13
бразда 2.16
брак 2.17, 3.31, 38, 45, 47, 48, 4.2, брачный 3.13, 53, 58, 59
брань 2.17, 3.36, 37, -ить 3.60—63, 66, 68
брат 2.14, 3.10, -ан, -анич 2.23, -ец, -ик, -ья 2.24, -ов, -ский 2.25
брать 2.17, 3.2, 13, 60, 63—65, 69, 70
брашно 2.17, 3.41, 45
бревно 2.16, 25, 3.35, 41
брег 2.17, 3.38, 42, 45, 48
бредовой, -ый 1.62, 4.3
брезговать 1.65
бремя 2.14, -енить 1.66, 3.66
брести 2.17
др. бречи 2.17, 3.13, 14, 60, 71
бридкий 2.17, 3.58
брить 2.14
бровь 3.44, -ный 1.59
брод 2.17, 3.38, 42, -ить 2.16, 3.62
броня 2.16, 3.13, 49, -евой 1.62
брос|ить 2.16, -овый 1.62

брусчатый 1.54
брызгать 2.14, 3.73
брюхо 1.30, 2.17, -ан 1.41, брюшко 1.53, 2.24
бубен 2.14
бубнить 1.66
будить 2.17, 3.9, 60, 75
бузиновый 1.62
буйволица 1.50
буква 2.14
буланко 1.53
бумага 2.14
бунт|арь 1.53, -овской 1.52
бурить 1.66
буря 2.14
бут 1.30
др. въз-бънути 3.76
бывать 3.14
бык 2.16, 3.10, бычий 2.24
быстрый 2.14, 3.54, 55
быть 1.11, 2.14, 17, 22, 3.10, 13, 16, 17, 54, 60, 64, (не)бытие 1.53, 2.24, 3.13, былой 1.54

в 2.22, 3.2
вабильщик 1.41
-вадить 2.14
вал 2.17, 3.38, 42, 43, 45
валить 1.48, 2.17, 3.60, 66, 75
вальц|евой, -овый 1.63
др. вапъ 2.17, 3.42, 43
вар 2.17
др. варити 'предварять' 2.17, 3.61, 63
вар|ить 1.48, 2.17, 3.10, 60, 62, 66, 75, -енец 1.51, -ево 2.25, -ница 1.47
вдова 2.16, 3.35, 49, -ица 2.23, -ство 1.53, 3.8, Вдовин 1.52
вед|ать 1.48, 67, 2.14, 3.73, -овать 1.65, вѣдѣти (*др.*) 2.17, 27, 3.10, 12, 13
ведов|ской, -ство 1.52
ведомость 1.18
вёдро 2.14
ведро́ 2.16
ведьмов|ской, -ство 1.52
вежливый 1.48
везти 2.17, 3.66, 68, 71
век 2.17, 3.42, 45—48, -овой 1.62
веко 2.14
велеть 2.17, 3.17, 60, 61
великий 1.16, 18, 2.23, 3.52, 53, -овозрастный 1.28
-велич|ить 1.66, 67, 3.73, -ать 2.23, -ие, -ина 2.24
венгер|ский 1.54, -ка 1.53
венец 3.14, венчать 1.54
вепрь 2.16, 4.2
вера 2.14, -ить 2.14, 3.73, -ный 1.18, 2.25, 3.53, -овать 1.65, 3.73, -ять 2.23
верблюд 2.14
вервь 2.17, 3.37, 44
-вергнуть (*и др.* веречи) 2.14, 3.66, 67, 71
вереД, -ить 2.17
веретено 2.16, 24, -ица (ящерица) 1.47
-верз|ть 2.17, 3.71, -ать 3.14
верига 2.23
вернуть 1.49, 2.16, 25, вертеть 1.48, 2.17, 3.62
верста 2.17, 3.49, -овой 1.62
вертеп 2.14
верх 2.16, 3.14, 4.2, -овой, -овый 1.63
вершить 2.17, 3.60, 61, 63, 66, 68
вес 2.17, 3.42, 43
веселый 1.16, 2.17, 3.53, 54, 4.3, -ить 3.60, 66, -ье 1.51
весить 1.66, 67, 2.14, 3.73
весло 2.16, 24, 3.41
весна 2.17
вести 2.17, 24, 3.10, 60, 61, 66, 68, 71
весть 2.17, -ить 3.54, 61, 63, 66, -ный 3.54
весь 'вепсы' 3.37
весь 'деревня' 2.16, 17, 3.37, 48
весь (*мест.*) 2.16, 19, 3,9, 10
ветвь 2.14
ветер 2.14, 3.45, 4.2
ветошный 1.57
-ветр|ить 1.66, -еть 1.49, -ило 2.23, -овой 4.3, -яной 1.64, 4.3
ветхий 2.17, 3.13, 53, 58, 59, 4.3
вече 3.40
вечер 1.28, 30, 2.17, 3.38, -ня 2.25, -я 2.14
вечный 2.25, 3.13, 53, 58, 59
об-вешить 1.66
вещий 3.55
вещь 2.17, 3.13, 36, 37, 43, 44, 48, -ество 1.53, -ный 1.59
веять 2.14
взрывник 1.53
взять *см.* -ять
вид 2.17
вид|еть 1.48, 2.14, 3.73, -е́ние 1.67, -ный 1.56, -окъ (*др.*) 2.24
вина 2.16, 3.10, 14, 49, -ить 3.57, 60, 62
вино 2.16, 3.9, 10, 14, 17, 35, 41
винтить 1.18, 48
др. -винути 2.17, 25, 3.14
вира 2.14
висе|ть 2.14, 3.73, -лица 1.47, -льник 1.53, виснуть 2.14, 25
витать 2.15
вить 1.18, 54, 2.3, 17, 3.2, 64, 76
вз-вихрить 1.66

вишневый 1.62
вкусовой 1.63
влага 2.14
владыка 2.23
влас 2.17, 3.42—45, 47, -яной 3.52—54
др. власти ‘владеть’ 2.17
власть 2.17, 3.13, 37, 44, 46, -ель 2.25, 3.47, -ельский 3.54, -ный 3.58
влачить 2.17, 3.60, 62, 66, 74, влечь 2.17, 3.14, 60, 66
вне 2.16
внедрить 1.66
вну|к 2.14, -чек, -чок 1.51, *др.* вънуча 2.23
вода 2.17, 3.5, 10, 17, 28, 39, 42, 43, -ка 2.23, -нить 1.66, -ный 1.59, 3.59, -яник 1.47, -яный 1.64
водить 2.16, 3.72, 74
водле 2.16
водрузить 3.66
воевать 3.70
вождь (*и др.* вожь) 2.16, 3.5
воз 2.17, 3.42, 43
возглас 1.28
возду|х 1.28, 30, 2.26, -шный 1.28, 57
возить 2.16
возле 2.16
возраст 1.18, 28, 2.26, 3.43
вои (*др.*) 2.16, 3.5, 13, воин 3.2, 4, воинств|енный 1.54, -овать 1.55
вой|на 3.49, -ско 2.25
вол 2.16, 3.5
вол|глый, -хлый 3.55
волк 2.17, 3.42, 45, 46, 4.2
волна́ 2.17, 3.49
во́лна ‘шерсть’ 2.14
др. волога 2.14
Володимир 2.28
волок 2.17
волокно 2.16
волос 2.17, 3.42, -ной, -ный 1.59, -яник 1.47
др. волости ‘владеть’ 2.17
волость 2.17, 3.44, -ель (*др.*) 2.25
др. волоть 3.37
др. волохъ 2.14
воло|чить 2.16, -чь 2.17, 3.5
волхв 2.16, 3.13, -овать 2.23
волхкий 3.54
волшебство 1.52, 53
волынянин 1.69
воля 2.16, 18, 23, 31, 3.5, 17, -евой 1.62, -ить 3.74, -ьница 1.47, -ьный 1.12, 16, 2.16, 25, 3.54, 57, -ять 3.73
др. воня 2.16, 18, 31
вопить, воз-опить 2.16, 3.14, 60, вопль 2.16, 3.13, 4.2
вор 2.17, 3.42, 45, 47, 4.2, -овской, -овство 1.52
воробей 2.16
ворог 2.17, 4.2
ворон 2.17
ворона 2.14
вороной 2.17, -ко 1.53
ворот 2.17, 3.38, -ник 1.53
ворота 2.17, 3.9, 13, 40, 45—47
воротить 2.7, 16, 3.63
ворох 2.17
ворочать 2.7, 14
ворс 1.30
ворчать 2.17
восемь 1.12, 2.16, 4.1, восьмой 2.16, 3.28, -еро 4.1, -илучевый 1.62
воск 1.30, 2.17, 3.38, -овой 1.62
вотчина 1.47, 2.23
вотще 3.9, 55
вошь 2.17, 3.2
вощаной 2.25, 3.54
вперить 2.17
вра|г 2.16, 3.10, 13, 14, 35, -жда 3.35
врата 2.17, 3.13, 28, 40, 45—47, -арь 2.24
вратить 2.17, 3.10, 14, 60, 63, 64, 66, 74
врать 2.17, 3.2, 9
врач 2.16, 3.10
вред 2.17, 3.42, 43, 45, 48, 4.2, -ить 2.17, 3.60, 64, 66
время 2.17, 3.40, 45, 47, -енник 1.51, -енный 1.58, 3.52, -енщик 1.68
всеведущий 1.48
Все|волод, -слав 2.28
всегда 2.23, 3.10
всенощный 2.29
вся|кий 2.25, -чина 2.24
второй 2.14, 3.28, -ить 1.66
вчера 2.16
др. въз (*предл.*) 2.22
вы 2.17, 19, 22
выбытие 1.28
Выг 3.38
-выкнуть 2.14
вынос 2.27, -ливый 1.28, 48
выпускник 1.53
выс|окий 1.18, 48, 2.14, 25, 3.9, 10, 13, 54, 56, 4.1, -ота 1.18, 2.25, 3.50, -ить 1.66, 2.14, 25, -окопарство 3.56
выть 2.14
выходник 1.53
вьюжливый 1.48
вьючить 1.66
вяз|ать 2.16, 3.10, 70, -нуть 2.16, -ти (*др.*) 2.17, 3.60, 66
вязовый 1.62
вянуть 2.14

гад 2.14, 3.45, 47, -ина 1.50
блр. гай 3.28
гас|ить 1.48, 2.17, 3.63, 66, 68, 75, -нуть 2.14
гатить 1.48, 66
гвоздь 1.11, 2.17, 3.44, 45, 4.2, -ить 3.64
где 2.23
гербовый 1.62
героиня 1.47
по-гиб|ать 3.73, -нуть 2.14
глава 2.16, 3.10, 13, 35, 49
глагол 2.14, -ать 2.16, 3.60—62
глад 2.17, 3.42, 48, -ный 3.53
глад|ить 1.66, 2.14, 3.73, -кий 2.14, 25, 3.53, -ыш 1.51
глаз 2.17, -ок 1.18, -чатый 1.54
глас 2.17, 3.42, 43, 45, 47, 4.2, -ить 3.66, -ный 3.53
блр. глей 3.28
глина 2.14, -яный 1.64, 2.25
глиста 2.16, 3.10, 49
глодать 3.70
-глотить 1.48, 2.16
глохнуть 2.16
глуб|окий 1.18, 48, 2.25, 3.9, 10, 54, 56, 4.1, -ина 3.50, -ить 3.66
глум 3.45, -ить 3.60, -ный 3.53
глупый 2.16, 3.55
глу|хой 2.17, 3.17, 53, -шить 1.18, 3.60
гляд|еть 1.28, 2.7, 3.61, 62, -ати (*др.*) 2.7, 14, 3.73, -я, -я по 1.48
гнать 2.17, 3.28, 60, 62, 64, 66, 69, 70
гнев 2.17, 3.48, 4.2, -ать 1.50, 3.73, -ить 1.66, 3.60, -ный 3.58
гнедой 2.17, -ко 1.53
гнездо 2.16, 3.10, 35, 41, -ить 3.74
гнести 2.17, 3.66
др. гнѣтити 3.60
гнить 2.17, гниль 1.30, -ец 3.10, -ой 1.54, 2.17, 3.53
гнои|ть 3.72, -ще 1.46, 47, гной 2.17, 3.28, 38, -ник 1.53, -ный 3.53, 58
гнус 1.30, -ный 3.53, 58
гнуть 2.16, 3.2, 76
говеть 2.15
говно 2.16, 25, 3.5
говорить 2.17, 3.13, 60—63, 66
год 2.17, 3.38, 42, 45, 47, -овой 1.62
годить 2.17, 3.62, 64, загодя 1.48
голавлевый 1.62
голень 2.17
голик 1.51
голова 1.17, 2.17, 3.10, 13, 39, -изна 1.51, -ник, -ничество 2.24
головня 1.53, 2.17, 25
голод 1.30, 2.17, -ный 1.16, 18
голос 2.17, -ник 1.53
голубой 2.17, -изна 1.51
голубь 2.17, 3.42, -иный 2.23, -ить 1.66
голый 2.16, 3.55, -оледь 1.43
гон 3.42, 4.2
др. гонезнути 2.16
др. гонити 2.16, 3.14, 28, 62, 63, 74
гонтовой 1.62
гончар 1.44
гора 2.16, 17, 3.10, 39, 42, 43, 48
горбить 1.66, 3.66
гордый 2.17, 3.58, 59, 4.3, -еливый 1.48, -ость 3.37, -ыня 2.23
горе 2.17
др. горе 'хуже' 2.23
гореть 2.17
горло 2.14
горн 3.38
горний 2.23, -ый 1.59
город 2.17, 29, 3.42, 43, 45—48, -ище 2.23, -ок 2.24, -ской 1.54
горо|дить 1.48, 2.17, 3.66, 75, *др.* -дьня 2.25, -жа 2.14
горох 2.14
гортань 2.14
горшок 3.10
гор|ький 2.17, 3.53, 54, 58, 59, -чить 3.68
горячий 1.18, 3.10
госпиталь 1.30, -ный 1.59
госпо|дь, -д 2.14, 17, 3.42, 45, -да 2.16, -дин 2.23, -жа 2.16
гость 2.17, 3.42, 44, 45, 47, -инъ (*др.*) 2.23
готовый 2.14, -ати (*др.*) 3.73, -ить 1.67, 2.25, 3.73, -лять 3.73
граб|ить 2.14, 3.73, -еж 2.23, -ляти (*др.*) 3.73
гравийный 1.41
град 'grandо' 2.14, -ина, -инка 1.50
град 'город' 2.17, 3.13, 42, 43, 45—47, 4.2, -ный 3.58, 59
град|ить 2.17, 3.60, 63, 66, -ежь (*др.*) 2.23
(со)гражданин 1.69, 2.23, 25
граммовый (кило- *и т. д.*) 1.62
граничить 1.67
грань 2.17, 3.49
грач 4.2
гребен|ка 1.53, -ной 1.59
гребло 1.53
грек 3.43
греметь 2.17
грести 2.17, 3.66, 71, 72
греть 2.14
грех 2.16, 3.10, 14, 35, греш|ить 3.66, -ный 1.16, 3.54, 57
гречневик 1.51
грибной 1.59
грива 2.14
гроб 2.17, 3.31, 38, 42—48, -ить 1.66, -ище 2.23, -ница 1.47, 2.23

гроза 2.17, -ить 3.60, -ный 3.53, 54, 58, 4.3
грозд 2.17, 3.42, 4.2
гром 2.17, 3.38, 42, -ить 1.48, 3.60, -ный 3.53, -овой, -овый 1.62, 2.25
гротесковый 1.62
грохотить 1.66
грубый 2.17, 3.58, 4.3, -ость 2.25, 3.48
с-грудиться 1.66
грудь 2.17
груздь 1.11, 4.2
груз|ить 1.18, 48, 2.17, 3.60, 66, -ный 3.53
группа буйвол 1.30, 50
группа воля 2.11, 16—18, 23
группа воск 1.30, 59, 62, 66
группа высоко 3.56
группа красно 3.57
группа прожектор 1.30
группа рак 1.30, 50
группа стоя 3.62
группа чаща 2.14, 23
группа якорь 1.30, 50, 59
грусть 1.30
груша 2.14, -овый 1.62
грыжа 2.14, 23
грызть 2.17
гряда 2.17
-грязнуть 2.16
грязь 2.17, 3.37, 49, -нить 3.68, -ный 3.53, 54, 58, 4.3
др. грясти 2.17, 3.14, 60
губа 2.14, Губин 1.52
губить 1.48, 2.17, 3.60, 61, 63, 66, 75
гуднуть 1.49
гузно 2.25
гумно 1.12, 2.16, 3.35, 41
гусли 2.14, -яр 1.44
густи 3.62
густой 2.17, 23, 3.10, 54, 58, 59, -ина (*др.*) 2.24, -ить 3.60, гуща 2.14
гусь 2.17, 3.13, 42, 4.2, -ыня 2.23

да (*утверд. ответ*) 2.4, 14; (*част.*) 2.4, 22, 3.60
давать 3.70
давить 1.48, 2.16, 3.74
давний 1.28, 2.16, 3.9, 10, 57
далекий 1.18, 48, 2.25, 3.9, 10, 54, 56, 4.1
дань 2.17, 3.37, 44
дар 2.17, 3.42—45, 47, -ить 1.17, 18, 48, 2.25, 3.60, 63, 66, 75, -овать 3.5
дать 1.9, 11, 18, 54, 2.17, 20, 3.10, 12—14, 16, 54, 60, 61, 63, 64, 69, 70
др. даяти 2.17, 3.60—62
два 2.17, 19, 3.2, 13, двадцать 1.12, дважды 2.23
дверь 2.16, 3.10, 44, -ца 1.51, 2.24
дви|гать 1.67, 2.14, -жати (*др.*) 2.14, -житель 1.41, -нуть 2.14
двинский, -ой 1.54
двое 2.25, 3.2, -ить 1.46, 48, 66, 3.2, 60, 66, -ица 1.46, 47
двор 1.13, 2.16, 3.10, 35, 48, 49, -ить 3.60, 74, -ище 2.23, -ной 1.59, -ня 1.42, -овый 1.63, -янин 1.69, 2.25
двух|мачтовый, -ходовый, -цилиндровый 1.62
дебелый 2.17, 3.54, 4.3, -ьство (*др.*) 2.24
дебрь 2.17, 3.37
дева 2.14, -ица 1.47, -ственник 3.28
-девать 3.9
деверь 2.17
девять 1.12, 2.17, 18, 3.10, -ый 2.16, -еро 2.25
деготок 3.10
дед 2.14, 4.2, дѣдичь (*др.*) 2.23
декабрь 2.16
дела|ть 3.8, 73, -тель 2.25
делить 1.48, 2.17, 3.60, 63, 66, 75
дело 2.14, 3.17, 40, 41, 4.2, -овой 1.62, -ьнее 1.48, -ьце 1.51
др. дѣлъ 3.38
день 2.17, 3.2, 44, -ник 1.53, -щик 1.68, день-деньской 1.54
ден|ьги 1.12, 30, -ежка 1.53, -ежный 1.59
др. дереве (?) 'древляне' 3.42
деревня 1.11
дерево 1.30, 2.17, -це 1.18, 3.41, -цо 1.51, -янный 1.64
держа|ть 2.17, 3.10, 60, 62, 70, 75, -ва 2.23
дерз|нуть 2.16, 3.64, -овати (*др.*) 3.14
дерн 1.30, 62, 4.2
десныи (*др.*) 2.17, 3.54, -ица 2.23
десять 1.12, 2.17, 18, -ый 2.16, -еро 2.25
дети 2.17, 3.13, 44, -ище 1.47, -ство 2.24
воз-деть 3.61
дешевый 1.16, 2.17, 4.3
др. дѣяти 2.14
джинсовый 1.62
диво 1.30, 2.17, -ить 3.60—62, 66, 72, -ный 3.52—54
диковина 1.47
директор 1.18
дискантовый 1.62
дитятко 1.53
длань 2.14
длинный 1.16
дневной 1.48, -ник 1.47
Днепр 2.16, 3.35, днепропетровчанин 1.69
дно 2.16, 3.2, 9, 10

до 2.22
др. добль 2.16
добрый 2.16, 23, 3.5, 10, 13, 14, 54, 55, -о 2.16, -ить 1.66, -ота 2.25, *укр.* -обут, -одій 2.28
довод 1.28
договор 1.18, 28, -ной 1.60, -ный 1.59
дождь 2.16, 3.2, -евой 4.3, -ить 3.2, 60, 66, 74
доить 1.48, 2.17, 3.2, 66, 72, 75, дойный 1.60, -ица 1.47
дол 2.17
долбить 1.17, 3.66, 68
долг 2.17, 3.38, 42, 45, 47
долгий 2.14, 3.53, 54, -орукий 2.28
о-долеть 2.15
про-должить 1.66
долж|ный 1.12, 3.53, 54, 58, 59, -енствовать 1.55, -ник 1.53, -ность 1.18
долонь 2.14
долото 2.16, 3.9, -це, -цо 1.51
доля 1.21, 2.16, 31, -ьный 1.59
дом 2.17, 3.28, 38, 42, 43, 45—48, домовой, -ый 1.63, -ничать 1.55
доморощенный 3.68
Дон 2.17, 3.38, донской 1.54
донце 1.51
дорога 2.14
дорогой 1.16, 2.17
досада 2.26, -овать 1.65
доска 2.17, 3.2
доступ 1.28, -ный 1.57
дохлый 3.2
до́хну́ть 2.16, 3.2, 14
дочь 2.17, 3.2, 13, 44, 46, -ерин 1.54, 2.24, -ка 2.23, 3.26
дощечка 1.53
драгой 2.17, 3.53, 58
раз-дражить 3.60
дразнить 1.48
драть 2.17, 3.69
древ|ний 1.48, 2.17, 23, 3.58, 59, -ле (*др.*) 2.23, 3.13, -нить 1.66
древо 2.17, 3.40, 45, 47, -еснеть 1.49, -ко 3.41, -це (*др.*) 3.41, -яныи (*др.*) 3.52—54
дремать 2.16, не-дреманный 1.54
дресвяный 1.64
дробить 2.17, 3.10, 66, 75
дробь 2.17
дрова 2.17, 3.40, 47, -яник 1.47
дро|гнуть 2.16, -жать 2.17
дрозд 2.17
дру|г 1.30, 2.17, 3.42, 43, 45, 47, -жба 1.51, 4.1, -жить 1.17, 18, 48, 3.60, -жний 2.23
другой 2.17, 3.53
дрянь 1.30, -ной 1.58
дряхлый 2.16, 3.55
дуб 2.17, 3.42, -овый 2.25, 3.54, 4.3, -ье 2.24
дуга 2.16, 3.35
Дудин 1.52
дума 2.14, 31, -ать 3.73
дунуть 2.14, 25
дурь 1.30, -ак 3.35, -ной 1.12, 58, Дурново 2.19
дуть (*през. др.* дъму *и* дую) 2.14, 16, 3.2
дух 2.17, 3.38, 42, 43, 45, 47, 4.2, -мяный 1.64, -овник 1.47, -овный 3.5, 13
душа 1.17, 2.17, 3.10, 13, 39, 42, -евный 3.13, о-душевить 3.66
душ|ить 1.48, 2.17, 3.64, -ник 1.53
дщерь 3.13, 14, 37
др. дължьбитъ 2.23
др. дъщька 2.23
дым 2.14, 4.2, -овой 4.3, -чатый 2.23
дыня 2.14
дых|ати (*др.*) 2.14, -ало 1.53, -нуть 1.49
дышать 1.48, 2.17, 3.62
дьявол 2.14, -ица 1.50
дьяк 2.16, 3.35
дьякон 2.14
-дюжить 1.66
дюймовый 1.62

египтянин 1.69
единый 2.16, 3.13, 14, -ить 1.66, 3.66, -ица 1.47, -ство 3.8
едкий 3.53
ежиться 1.66
ездить 2.14, *др.* ѣздъ 3.38
др. езеро 3.40, 45, 47
еловый 1.62
ересь 2.17, 3.37, 44
естество 1.53, 3.41
есть 2.17, 3.12, 13, 60, 66
ехать 2.14
еще 2.14

жаба 2.14
жадина 1.47
жажда 2.14, 31, -ать 2.16
жал|овать 1.65, 2.14, -ити (*др.*) 2.14, -остливый 1.50
жар 2.17, 3.38, 42, -ить 1.66, -кий 3.10, 58, 59, 4.3
жать (жму) 2.16, 20, 3.2, 64, 76
жать (жну) 2.16, 3.2, 60, 76
ждать 2.17, 3.2, 60, 64, 76
же 2.17, 22
жевать 2.17
жезл 2.16, 17
жел|ать, -ѣти (*др.*) 2.15, -анный 1.54
железо 2.14, -ко 2.24
желоб 2.17

желтый 1.16, 2.16, 3.10, 55, -ить 3.60, -ок 3.10
др. желы 2.15
жемчу|г 1.30, 2.14, -жина 1.47, -жный 1.59
жена 2.16, 3.10, 35, 49, -атый, -ка, -ний 2.23, -ин 1.54, -ить 1.17, 18, 48, 2.25, 3.63, 74, -их 2.24, -ский 2.25
жеребей 2.17
др. жеребя 2.23
жерело (*др.*) 2.16, 24, жерло 1.53
жернов 2.14, -ой 1.63
жертвовать 1.65
о-жестить 3.66
жестокий 1.18, 2.17, 23, 25, 3.52—54
жестяной, -ый 1.64
жечь 2.17, 3.2, 10, 60, 61, 66, 71, 76
живой 2.17, 3.52, 53, 58, -ить 2.25, 3.60, 72, -отворить 1.26
живот 2.16, 24, 3.10, 14, 35, -ный 2.25, 3.57
жид 2.14, 3.45, 47, 4.2
жид|кий 2.17, 3.53, 58, -ить 1.48
жизнь 2.14, 23, 3.48
жила 2.14
жилище 3.50
по-жинать 2.23
жир|ный 3.54, -ить 1.66
жито 2.14, 3.40
укр. Житомир 2.28
жи|ть 1.11, 18, 2.17, 3.10, 60—62, 64, -тель 2.25, -тие 1.53, -тье 2.24, 3.13, жилой 1.54
жни|во 1.53, -вье 1.18
укр. жовтобрюх 2.28
жра|ть (*др.* жьрти, жьрати) 2.17, 3.2, 71, 76, -тва 1.53
жук 2.14, 4.2
жупел 2.14
о-журить 3.60
жучить 1.66
др. жьрти 'sacrificare' 2.16, 3.60, 66, 71, 76

за 2.22
заберег, -а 1.28
забытье 1.51
завидовать 1.65, зависть 1.30, 2.27, -ливый 1.48, -ник 2.29, -ный 1.57, 2.29
завиток 1.51
заводской 1.54
заводь 2.27
заволока 1.28
заволочье 1.28
заворот 1.28
завтра 3.2
заговены, -ье 1.28
заговор 1.28, 2.26, -ный 1.28
загородный 1.28
зад 2.16, 4.2
задруга 1.28
заем 1.12, 28, 2.26
закон 2.26
закром 1.28
закут 1.28
за́мок 1.28
замо́к 1.28, 2.26
заморозки 1.28, 2.26
замысел 2.26
занавес 1.28
др. занели 3.10
запад 1.28, 2.26, 3.47
запа|дня 1.53, -дь (*др.*) 3.37
запах 1.28, 2.26
запись 2.27, 3.44, 49
заповедь 2.27, 3.44, 48
запонка 1.28
запуск 1.28, 2.26
заработ|ок 1.28, 2.26, -ный 1.28
заросток 1.28
заря 3.13, 42, -ить 3.60, 63, 66
засека 1.28
заструг, -а 1.28
засуха 1.28, 2.26
др. засъпа 2.26
заушить 3.66
заяц 2.14
звать 1.18, 54, 2.17, 3.2, 60—64, 69
звезда 2.17, 3.9, 39, 49, -чатый 1.54
звенеть 2.17, Звенигород 2.28
звено 2.16
зверь 2.17, 3.13, 17, 42, 44, 45, 47, -иный 2.23, -ити (*др.*) 3.68, -овой 1.56, 62, -оловец 2.29
звон|ить 1.17, -арь 1.53, -кий 1.18, -ница 1.47
звук 3.43
здоровый 1.16, 48, 2.14, 3.53, -еть 1.49, -ить 1.66, -ье 2.24
здравый 2.14, 3.53, -ѣти (*др.*) 3.73
зеленый 1.16, 2.16, 24, 3.55
зело 2.16, 3.10, 14, 35, зѣльныи (*др.*) 3.53
зелье 1.51
зем|ля 1.12, 2.17, 3.10, 39, 42, 43, -ельный 1.59, 3.54, -ь (*др.*) 2.17, 3.37, -ной 1.58, 3.52—54, 58, 59, -ский 2.25, 3.53
зеркало 1.28, 2.14, -ьный 1.59, -ьце 1.51
зерно 2.14, 3.41
зима 2.17, 3.10, -ний 2.23, -овище 1.47
др. зинути 2.14
злато 2.17, 3.40, 48, -ить 3.66, -ой 2.17, 3.53, 54, 58

злой 2.16, 3.2, 55, зло 2.16, 3.9, злобный 3.53, злость 1.53, злодей (*укр.* злодій) 2.28, 3.28, злочин (*укр.*) 2.28
зме|й 2.16, 3.35, 4.2, -я 2.16, 3.10, 35, 49
знак 2.17, 4.2
знамя 1.10—12, 2.25, знамен|ие 1.53, -итый, -овать 2.23, -ить 3.60, -ный 1.59
зна|ть 2.14, 24, 3.64, 70, -харь 1.53
значение 1.67
знобить 3.75
зной 2.17, 3.38, 4.2
др. зобати 2.16, 3.62
зобный 1.59
зола 2.17
золото 1.30, 2.17, -ить 1.48, -ко 1.53, -ник 1.53, 3.9, 10, -ой 2.17, 3.54, -це 1.51
зрак 3.42
зрелый 3.53
зреть 'видеть' 2.15, 17, 3.2, 14, 60, 61, 72
зуб 2.17, 3.42, 43, 45, 46, 49, -ной 3.59, -ок 1.18, -чатый 1.54
зубрить 1.48
раз-зудить 1.48
др. зълы 2.15
зыб|ить 1.66, -ати (*др.*) 2.14
-зябнуть 2.16
зять 1.30, 2.14, 4.2

и (*местоим.*) 2.17, 22
и (*союз*) 2.22
ибо 3.10
ива 2.14
игла 2.17, -ица 1.47
игра 2.16, 3.49, -ище 1.47
идти 2.3, 16, 3.2, 10, 14, 60, 61, 71, 72, 76
др. иже 2.17
из 2.22
изба 2.17
избавитель 2.25
избранник 1.51
изверг 1.28
известковый 1.62
др. изврагъ 2.26, 3.17
изгнанник 1.51
изгородь 2.27
изнурить 3.66
изразец 1.51
изумить 1.66
икона 2.14, -оборец 2.29
др. икономъ 3.26
ил 2.14, илистый 1.50, иловатъ (*др.*) 2.23
или 3.10
Илья 2.16, -ин 1.54
др. имати 2.16, 3.9, 14, 72
иметь 2.15, 16, 20
императрица 1.47
имя 2.17, 3.28, 40, 45, 47, -енитый, -еновать 2.23
индеветь 1.49, 50
иней 2.14, инистый 1.50
иной 2.14, 3.28, -огда 2.23, 3.28, *др.* -акъ 2.25, -амо, -уду, -ъде 2.23
инок 2.25, -иня 1.50, 2.23
инспектор 1.18
инструктор 1.18
искать 2.16, 3.61, 62, 70, 72, иск 3.38, 47
искра 2.14, -истый 1.48, -иться 1.66
искус 1.28, 2.26
испещрить 3.66
исповедь 2.27, -альня 1.53
испуг 1.28
истый 2.14, -ец, -ина 2.24, -овый 1.6
истопник 1.53
истязать 3.70
исчезнуть 2.16, 3.14
июнь 2.14

к 2.22, 3.2
кабан 2.14, 4.2
кади|ть 2.17, 3.60, 75, -ло 2.23
каз|ать 2.16, 3.9, 10, 61, 70, 72, -овый 1.62
-казить 2.17, 3.64, 66, 68
казна 2.16, 3.49
казнь 2.14, 3.37, -ить 2.16, 3.63, 74
какой 2.17, 25, 3.54
каковой 3.54
кал 3.38
календарь 1.51
калить 1.17
камень 1.30, 53, 2.14, 4.2, -еть 2.23, 3.73, -ие (*др.*) 2.24, -истый 2.23, -ноугольный 1.28
камора 2.14
канон 2.14, 3.5
кап|ать, -ля, -нуть 2.14
караван 3.9
карий 3.53
карта 3.43
кат|ить 2.17, 3.75, -ыш 1.51
кафтанишко 1.47
каша 2.14, -ица 1.47
кашель 2.14
каяться 2.14
квас 2.7, 17, 3.38, -ить 1.66, 2.7, 14, -цы 3.10
квашня 1.53
с-квитать 1.49
кедр 2.14

кидать 2.14
кий 3.43, 4.2
кила 2.14
кинуть 1.49
кипеть 2.17
кисель 2.16
кис|лый 3.54, -лить 1.66, -нуть 2.14
кисть 2.14
кит 2.14, 4.2, -овый 2.25
др. -кладати 2.23, 3.73
кланяться 2.7, 14
др. класъ 2.17, 3.42
класть 2.17, 3.10, 60
клевать 2.17
клевет|ать 2.16, 3.70, -арь (*др.*) 2.24, -ник 1.53
клеить 1.46, 48, 66, 3.2
клеймо 3.41, -овщик 1.68
клен 2.17, -овый 1.62
клепать 2.16
клеть 2.17, 3.37, 44
клешня 1.53
клик|ать 2.14, 3.73, -нуть 2.14
клин 2.14, 4.2
клок 4.2
клонить 1.48, 2.7, 17, 3.10, 61, 63, 64, 72
клоп 2.16, 3.10
др. клопотъ 2.17, 3.42, 47
др. клосьныи 2.16, 3.57
ключ 2.16, -ик 2.24, -ный 3.57
-ключить 1.17, 2.17, 3.64, 66, 74
кля|сть 1.11, 18, 54, 2.17, 3.61, 71, -тва 2.14, 23
книга 2.14
кнут 3.10
князь 1.30, 2.17, 3.2, 28, 42—47, княгиня 2.23, княж|еский 3.2, -ество 2.24, -ить 1.66, 67, -ич 1.51, 2.23, *др.* къняжь 3.54, -ия 2.24
кобылица 1.47
ков|ать 2.17, 3.64, 69, 72, -ачь (*др.*) 2.24
ковровой, -ый 1.63, -щик 1.68
ковчег 2.14
когда 2.23, 3.10
кожа 2.16, -ан 1.41, -аный 1.64, -ух 2.16
коза 2.17, 3.49, -ел 2.16, -лище 1.47, Козин 1.52
козырь 1.28, 30, -ной, -ный 1.59
кокиль 1.11
коконщик 1.68
кокошь 2.17
кол 2.16, 3.10, -ие (*др.*) 2.24
колбаса 3.49
колд|овской, -овство 1.52, -ун 3.35
колебать 2.16
колено 2.14
колесница 1.47
др. коликъ 2.23, 3.5
коло (*и* кола 'повозка') 2.17, 3.40
колоб 2.17
коловорот 2.28
колода 2.14, -ие (*др.*) 2.24, -ица 2.23
колодязь 2.14
колокол 1.30, 2.17, 3.42, 43, -ьный 1.59
колос 1.30, 2.17, -ник 1.53
коло|ть 2.16, -тье 1.51
колошник 1.53
колыхать 2.16
коль|цо 1.12, 2.24, 3.41, -цевой 1.63, -чуга 2.23
комар 2.16, 3.13, 42, 44
кондуктор 1.18
кон|ец 2.14, 3.10, -цевой 1.63, -чить 1.66
конопля 3.49
конь 1.11, 2.16, 3.5, 10, 13, 35, 42, 47, 4.2, -евъ (*др.*), -ский 2.25, -ина 2.23, -ный 3.5, -овязь, -ов'язь (*укр.*) 2.28, -юшня 1.53
копа 2.17
копать 2.15, 3.5, 70
копить 1.48
копна 2.17
копыто 2.14, -ень 1.43
копье 2.16, 3.35, 41
кора 2.16
корабль 2.16, 3.14, 35, -ец 2.24
корень 2.17, -ить 3.60, 66, -ной 1.58
корить 2.17, 3.61, 66, 68
корм 2.17, 3.38, 42, 45, -ить 1.18, 2.16, 3.62, 63, 67, 74, -ля 2.14
корма 2.16, 3.49
короб, -ья 2.17, -ить 1.66
корова 2.14, -ий 2.24
коровай 3.9
король 2.16, 3.44, -ев 2.25
др. коромола 2.16, -ити 3.63
короста 2.14, -авъ (*др.*) 2.25
короткий 1.16, 18, 2.16, 23, 25, 3.54, 57, -оволновый 1.62
корпийный 1.41
корректор 1.18
корчаг 2.14
корыстоваться 1.65
корыто 2.14
коряк 1.44
коса$_{1-3}$ 1.17, 2.17
косарь 1.53
косить (траву) 1.18, 'кривить' 1.48
косой 2.17
коснуться 2.16
косный 3.54
костромской 1.54
кость 2.17, 3.13, 44, -ный 1.59

кот 2.16
котел 2.16
др. котора 2.14
кофейня 1.53
кочевой 1.63
кош 2.16
др. -крадати 3.73
край 2.14, 4.2, *блр.* 3.28
краковяк 1.44
крамола 2.16
крапина, -ка 1.50
краса 2.16, -ивее 1.48, -ить 1.66, 2.16, 3.67, 74, -ный 1.16, 2.25, 3.10, 54, 57
красть 2.14
-кратить 2.17, 3.60, 63, 64, 66, 74
кремль 2.16
крен 1.30
креп|ить 3.60, 63, 66, 68, -кий 2.17, 25, 3.53, 54, 58, 4.3, -ость 1.18, 2.25, 3.37, 44, 49, -остца 2.24
вос-крес|ить 2.17, 3.66, -нуть 2.16
крест 2.16, -ить 1.18, 48, 2.17, 3.60, 64, 66, 74, 75, -чатый 1.54
кривой 2.17, -ить 3.60, 68
кри|кнуть 2.16, 25, -чать 2.17, 3.61, 62
кров 2.16, 3.42, 48, 4.2
кровать 2.14
кровь 2.17, 3.28, 37, 44, -авик 1.51, -авить 2.25, 3.75, -авый 2.25, 3.52—54, 4.3, -ный 3.58
кроить 1.48, 3.60, 68
крольчиха 1.50
кроме 2.16, 3.10
кропить 2.17, 3.60—62, 66
крот|кий 2.17, 3.53, 54, 58, 59, -ить 3.60, 63, 66, -ость 3.37, 48
кро|ха 2.16, -шить 1.18, 3.75
круг 2.17, 3.42, 47, -лый 2.16, 3.55, -оверть 1.43
круж|ить 1.18, 48, 3.66, -ево 1.12, 2.25, -евце, -евцо 1.51, -ковой 1.63
крупа 2.16, 3.49, -чатый 1.54
кру|той 2.17, 3.53, -ча 2.14
круч|еный 1.48, -иноватъ (*др.*) 2.23
крушить 2.17, 3.60, 61, 66
крыло 2.16, 3.41, -атый 2.23, -ить 3.66
крыть 2.14, 3.18
крю|к 4.2, -чить 1.66, -чковой 1.63
кряжистый 1.48
кто 2.17, 3.2
куда (до-, от-) 2.23, 3.9
кум 1.30, -овской, -овство 1.52
кумир 2.14
куна 2.16, 3.49
куп|ать 2.16, -ель 2.23
купина 1.47
куп|ить 2.16, 3.10, 62, 63, 67, 72. 74, -ля 2.14
кур 2.14, -ица, -я (*др.*) 2.23
куренной 1.59
кус 2.17, 3.42, -ить 2.16, 3.61, 67, 74, -ковой 1.63
ис-кусить 2.16, 3.60, 67, 74
куст 2.14, 4.2
кут 2.16
кутать 2.14
кухарь 1.51, 53, -ить 1.66, -ка 1.53
кухонный 1.57
кучерской 1.54
кушать 2.7, 14, 3.73

лавровый 1.62
лад|ный 3.54, -ить 1.66
ладья, лодья 2.17, 3.13, 39
лазить 2.14
лайнуть 1.49
ламповщик 1.68
лапоть 1.30, 3.47
ларь 2.16, -чик 2.24
ласка 2.14, -авъ (*др.*) 2.25
лаять 2.14
лгать 2.16, 3.2, 60, 64, 70, 76
лебеда 3.10
лебедь 2.17
лев 2.16, 3.2
левый 2.17, 3.31, 58, 4.1
лег|кий 1.12, 16, 2.16, 25, 3.54, 57, -чить 3.66
лед 2.17, 3.38, 42, 45, -енец 3.9, -ник 1.53, -овый 1.63, 2.25, -яной 2.25
леж|ать 3.10, 60—62, 75, -а 1.48
лезвийный 1.41
лезть 2.14
лекарь 1.30, 53, -ство 1.53
лелеять 2.14
леме|х 1.28, -шный 1.59
лен 2.17, 3.2
лень 1.30, -ивый 2.23, -иться 1.17, 18, 48, 3.60, 75, -ость 2.25, лѣнъ (*др.*) 2.17
лепить 1.48, 2.17, 3.68
лепота 2.25, *др.* лѣпъ 2.17, 3.53, 54, -отныи 3.54
лес 2.17, 3.38, 42, 43, 45—47, 49, -ной 3.59, -ок 2.24
лесть 1.30, 2.17, 3.2, 37, 44
лет|еть 2.17, 3.61, -ный 1.60
лето 2.14, 3.48, -описец 2.29, -опись 2.28
лечить 1.48, 2.17, 3.60, 66
лечь 2.14, 3.71
лживый 2.23
ли (*союз*) 2.14, 22, (*част.*) 2.22
лизать 2.16
лик 'сонм' 2.17, 3.47, 4.2
др. ликъ 'возглас ликования' 3.42
лилов|еть 1.49, -ее 1.48

линейка 1.53
липа 2.14, -ец 1.51
лист 2.17, 3.38, 42, 43, 45, 4.2
Литва 2.16, 3.10
литровый 1.62
лить 1.11, 18, 54, 2.3, 17, 3.2, 54, 76
лихва 2.14, 3.43
лихой 2.17, 3.53
лицо 2.16, 3.10, 13, 14, 35, 41, -евой 4.3, личной 1.59, 4.3
-личить 3.66, 74
лишить 2.17, 3.60, 64, 66, 68, 75
лоб 2.16, 3.2, 10, 38
лобзать 2.16
лов 2.17, 3.42, -ец 3.10, -ить 2.17, 3.60, 62, 66, 75, -итва 2.23, -кий 3.59, -ля 2.16
Ловать 3.37
логовище 1.50
ложе 2.16, 3.48
-ложить 2.17, 3.9, 10, 14, 60—64, 66, 68, 72, 74, 75
лоза 2.17, -ник 1.53
др. лои 2.17
локоть 1.28, 2.17, 3.44, -ить 1.17, 18, -ник 1.53
лом|ать 3.5, 70, -ить 1.48, 2.16, 3.17, 61, 63, 67
др. лони 2.17
лоно 2.16, 3.5, 48
лопастный 1.59
Лосиноостровская 1.28
лоск 1.30
лососевый 1.62
лось 2.17, 4.2
лохань 2.14
лошадь 1.28, 2.17, 3.10, 31, 37, 44, 49, -иный 2.23, -ник 1.53
луг 2.17, 3.38, 42, 45, 47
лудить 1.18, 48
лук (оружие) 2.17, 3.42, 43, 4.2
лук (растение) 2.14
лука 2.16, -авый 2.25
Лука 2.16
луна 2.16, 3.10, 49, -иться 3.74
лунь 4.2
лупить 1.48, 2.16
др. луча 2.16
-лучить (*из* *lučiti *и* *lǫčiti) 2.17, 3.60, 63, 64, 66, 68, 74, 75
др. лъжь 'ложный' 3.2, -а 2.16
лыжня 1.53
лыко 2.14
лысина 1.47
львов 2.25
льнуть 3.2
льняной 3.2
льсти|ть 3.2, 63, 66, -вый 2.23
др. льяти 2.17
люби|ть 1.18, 48, 2.16, 3.10, 14, 61, 63, 67, 72, 74, -микъ (*др.*) 2.24, об-любовать 3.5
любовь 2.15
любой, -ый 2.17, 3.53, 54
люди 2.17, 3.10, 13, 14, 44, 45, -ской 1.54, 2.25
лютый 2.16, 3.35, 55, -ость 2.25
др. -лякати 2.16

маета 1.47
маз|ать 1.30, 2.14, 3.73. -ло 1.53, -нуть 1.49
мак 2.14, 3.38, -овник 1.47
малый 1.16, 2.14, 23, 3.10, 28, 53, 54, -ѣти (*др.*) 3.73, -ец 1.51, -ик 1.51, 2.24, -ить 3.8
мальчиковый 1.63
маляр 1.44
маневровый 1.63
манить 1.48
мантийный 1.41
-мануть 2.17, 25, 4.4
маньяк 1.44
марганцовый 1.62
масло 1.12, 2.14, -ина 2.23, -ить 1.66, -ице 1.51, -яник 1.47, -яный 1.64
мастер 2.14, 3.45, 47, -овой 1.63, -ская 1.54, -ство 1.53
масть 2.17, 25, 3.44, -ить 3.66
матер|ный 1.59, -щина 1.47
мать 2.14, 3.44, матер|ин 1.54, 2.24, -ик 1.51, -ний 1.54, 2.23
махать 2.16
махроветь 1.49
машинопись 1.43
мед 2.17, 3.38, 42, -вяный 1.64, 4.3, -овой, -овый 1.62, 4.3
медведь 2.14, 4.2
медь 2.14, мѣдянъ (*др.*) 2.25
межа 2.16, 3.49, -ник 1.53
с-межить 2.17, 3.64
мел 2.17, -овой 1.62
мелкий 3.53, 54, 4.1, мелочь 1.18, -ник 1.51, -ной 1.58
мельница 1.47
мена 2.16
др. мѣнити 'думать' 3.60
-менить 1.48, 2.17, 3.63, 64, 66, 68, 75
меньше 3.28, -ина (*др.*) 2.24, -инство 1.18, 53, -ить 1.66
мера 2.14, 3.43, -ить 3.8, 73, -ило 2.23, -ильщик 1.41, -ять 3.73
-мереть 1.11, 54, 2.17, 3.2, 60, 61, 64, 71, 76
мерз|кий 2.14, 3.54, -еть 2.14
мерзнуть 2.14
меркнуть 2.14
мерный 3.53

мертвый 1.16, 2.16, 3.13, 55, -ить 3.14, 60, 66, 74
месить 2.16, 3.67, 74
мести 2.17, 3.66, 68, 71
место 2.14, 3.10, 41, 4.2, -ечко 1.53, -ечковый 1.63, -ить 3.66, -ный 1.59
месть 2.17, 3.2
меся|ц 2.14, 4.2, -чина 1.50, 2.23
мет|ать, -нуть 2.16
мет|ить 2.14, -чик (инструмент) 1.53
метровый (кило- *и т. д.*) 1.62
мех 2.17, 3.42, -овой 1.62
меч 2.16, меч-кладенец 1.51
мещанин 1.69
мзда 2.16, -итися (*др.*) 3.74
милость 2.25, -ивый 1.41, 2.23, 4.6, -ыня 1.50, 2.23
милый 2.14, -ить 3.66, -овать 1.65, 2.23
миндалевый 1.62
минуть 2.17, 25, 3.54, 60, 63, 64, 72, 4.4
мир$_{1-2}$ 1.30, 2.17, 3.38, 48
мир|ить 3.14, 60, 63, 68, 75, -ный 3.53, 54, 58, -ной 1.58, -ской 1.54, 3.53, -янин 2.23, 25
миро 2.14
-мкнуть 2.16, 3.76
младой 2.17, 3.53, 58
млат 2.17
млеко 2.16, 3.13
мних 2.14
многий, -о 2.14, 27, 3.26, 53, 54, -овековый 1.62, -оглаголивый 1.41, -острастный 2.29
множ|ить 3.73, -ество 2.24, -итель, -ительный 1.41, 4.6
могила 2.14
могорец, магарыч 3.9
др. могутъ 3.17
модель запуск 1.28
модель засуха 2.26, 27, 29
модель заход 1.28
модель летопись 2.28
модель окуп 2.26, 27, 29
модель отрок 2.26, 27
модель поезд 1.28
модель потоп 2.26—29, 4.6
модель проезд 1.28
можно 3.54
мозг 2.17
мой 3.2, 9, 14, 17
мойный 1.60
мокнуть 2.16, 25
мокрый 2.16, 3.54, 55, -ота 2.25
молва 2.14, 3.10, 50, -ить 2.14
молить 1.17, 48, 2.16, 3.10, 14, 61—63, 72, 74
молкнуть 2.16
молния (молонья) 2.15, 3.26, -йный 1.41
молодой 1.16, 2.17, 23, 3.53, -ец 1.51, 2.24, -ость 1.53
др. молозиво 2.25
моло|ко 2.16, 3.10, 13, 41, -чко 1.53, 3.10
молот 2.17
молотить 2.16
молоть 2.16
молча|ть 2.17, 3.13, 14, 60—62, 75, -ливый, молча 1.48
моль 2.16
мольба 2.24, 3.8
монастырь 3.10
мор 2.17, 3.38
мордва 2.16, 3.35
море 2.17, 3.40, 41, 45, 47, -ской 1.54
морить 1.48, 2.17, 3.66, 75
морковь 2.15
мороз 2.14, -ить 1.67
морок 2.17
морось 1.30
Москва 2.15
мост 2.17, 3.38, 42, 45, 47, 4.2, -ить 3.66, 68
мотать 3.5
мотня 1.53
мотов|ской, -ство 1.52
мотор 1.43
мох 2.16, 3.2, 4.2
моч|ить 1.48, 2.16, 3.61, 67, 72
мочь (*глаг.*) 1.48, 2.16, 3.5, 10, 13, 26, 61, 71, (все)могущий 1.48
мочь (*сущ.*), мощь, мощи 2.17, 3.44, мочный, -о 3.52—54
мошна 2.16
др. мразъ 2.14, -ити 3.60
мра|к 1.30, 2.17, 3.45, -чить 3.63, 66, -чный 3.53, 54, 58, 59
Мстислав 2.28
мстить 3.2, 66
мудрый 2.16, 3.35, 54, 55, -еный 1.18, 48, -ость 2.25
муж 1.30, 2.17, 3.13, 28, 42—49, 4.2, -ество, -ик 2.24, -ний 2.23, -ской 1.54, 2.25, 3.53
му́ка 2.14
мука́ 2.16, 3.10
муравить 1.66
мускулистый 1.50
мут|ить 1.18, 48, 2.17, 3.66, 74, -ник 1.53
мучи|ть 1.66, 67, 3.73, -тель, -тельный 3.73
мучной 1.59, 4.3
мчать 2.17, 3.2
мшаный 1.64
мы 2.17, 19, 22
мыло 1.18, 30, -ить 1.66, -ьный 1.59

мысль 2.14, -ить 1.67, 3.73, -мышлять 3.8, 73
мыт|арь 1.51, 53, 2.24, -о 2.16, 3.41
мыть 2.3, 14
мышца 1.51, 2.24
мышь 2.14
др. мьдьлъ 2.16, 25
др. мьне 2.23, -ии 3.2
др. мьнѣти 3.2, 10, 60, 61
др. мьчьтъ 2.17, 3.42
мяг|кий 2.17, 3.53, 54, 58, -чить 3.75
мякнуть 2.14
мясо 1.30, 2.17, 3.40, 45, 47, 48, -ко 1.53, -ной 3.59, -цо 3.35
мясти 2.17, 3.71, мятеж 2.23
мята 2.14
мять 2.16, 23, 3.2

на 2.22
набережная 1.28
набожный 1.28
навис 1.28
наволо|к, -ка, -чка 1.28
навык 1.28
наглый 2.16
нагой 2.17, 3.10, 53, 54, 58, об-нажить 3.64
над 2.22, 3.48
надгробный 2.29
надкус 1.28
надменный 3.66
надолб, -а 1.28
наем 1.12, 28, 2.26, -ник 2.29
назло 1.28, 3.9
наигрыш 1.28, 46, 3.2
наимовати (*др.*), наймит 2.23, 29
найденыш 1.51
наклейной 1.60
намерение 1.67
напасть (*сущ.*) 1.43, 2.27
наплеск 1.28
народ 2.26, 3.28, об-народовать 1.65
нарочитый 2.23
нарочный 1.28
нарыск 1.28
насморк 1.28, 2.26
настовик 1.51
настриг 1.28
наструг 1.28
натиск 1.28
нахлыст 1.28
начаток 2.24
нашесть 1.43
не 2.22, 26, 27, 3.48
небо 2.17, 3.40, 47
др. небогъ 2.27
невеста 2.14
невидимка 1.53
недопись 2.27
недоросль 3.47
недруг 1.28, 2.27, 3.42, 43
недуг 2.27, 3.45
незлобивый 1.41, 2.23
неклен 1.28
нелепый 4.3
нельзя 3.9
немец 1.51, о-немечить 1.66
немой 2.17, 3.53, 58
немо|чь, -щь 2.27, 3.37, 44, 48
ненависть 1.30, 2.27, 28, *укр.* 2.27, 28, -стник 2.29, -стный 1.57, 2.29
необычайный 1.57
др. неплодъ 2.27
неприступный 1.57
нерест 1.30, 2.17
Нерль 3.37
нерповщик 1.68
несказанный 1.54
неслух 1.28
нести 2.17, 3.10, 13, 14, 60, 61, 66, 68, 71, 72
неуд 1.28
неук, неуч 1.28, 3.2
неустанный 1.54
нечет 1.28
ни 2.22
нива 2.14
низ 3.38, -ить 1.66, 2.14, -кий 2.14, 4.1
низать 2.16
никнуть 2.14
никто 2.9, 3.14, 3.28
нить 2.14, -ка 2.23, -яный 1.64
ничто 2.9
нищий 2.14, 3.53, -ета 2.25, 3.50, -ити (*др.*) 3.66
но 2.22
Новгород 2.9, 29, 3.46, новгород|ец, -ский 2.29
новый 2.9, 17, 29, 3.5, 53, 58, 4.3, -ик 1.51, -ить 3.60, 63, 66, -ость 1.18
нога 1.17, 2.17, 3.13, 42, 49, нож|ка 2.23, -ной 3.59
ноготь 1.28, 2.17, 3.42, 43
нож 2.16, 3.10, -ик 2.24
ноздря (*и др.* ноздрь) 2.16, 17
норов 2.17, -ить 2.17, 3.62
нос 2.17, 3.38, 42, 43
носи|ть 2.16, 3.28, 60—64, 74, -ло 2.23
ночь, нощь 2.17, 3.13, 37, 44, ночной, нощныи (*др.*) 3.58, 59
ноша 2.16
ноябрь 2.16
нрав 2.14, 3.42, 43
др. по-нрети 2.17, 3.76
-нудить 1.48, 2.14, 3.63, нужа (*др.*) 2.14, -ный 3.53
нутро 2.16, 3.10

ныть 2.14
др. -нызти 2.17
нюхнуть 1.49
-нять *см.* -ять

о (об) 2.22, 3.48
оба 2.17, 19, 3.14
обед 2.26
оберег 1.28
обеспечение 1.67
обетованье 3.14
обжа 2.14, 31
обжиг 1.28
из-обиловать 1.65
обла|ко 3.40, -къ (*др.*) 2.26, 3.38, 42, 43, 45, 47, -чко 1.18, 53, -чный 1.59
область 2.17, 27, 3.37, 44
облик 1.28
обморок 1.28
обнаружение 1.67
др. обнощныи 2.29
обод 1.30, 3.42
др. обои (*прилаг.*) 2.25, 3.54
др. оболочи 3.14, 66
обособление 1.67
образ 1.28, 2.26, 3.42, 43, 45, 47
обре|сти 2.14, 3.66, 67, -тать 3.73
обруч 1.28, 2.26, -ный 1.59
обу|ть 2.14, -вь 2.27, -вной 1.59
обух 1.28
обуять 1.54
общий 2.16, 3.55, -ина 1.47, об-обществить 1.66
обыск 3.38, 42, 45, 47
обычай 1.47
Обь 3.37
овен 2.16
овес 2.16, овс|ец 2.24, -яной, -яный 1.64, 2.25
овод 1.28
овощ 2.16, 3.44, -ие (*др.*) 2.24
овца 1.12, 2.16, 17, 3.13, 48, 49, овечий 2.24
др. овъ 2.16, 17
огонь 2.16, 3.10, 35, огн|евой 4.3, -иво 1.53, 2.25, -ище 2.23, -ищанин, -ьнъ (*др.*) 2.25
один 2.16, 3.10, 13, -акъ (*др.*) 2.25, -окий 1.48, 2.25, однова 3.10
одно|полчанин, -сельчанин 1.69, -цилиндровый, -яйцовый 1.62
одр 2.16
озвучение 1.67
озеро 1.10—12, 28, 2.17, 3.40, 45, 47, -ко 1.53, 2.24, -цо 1.18, 51, -ный 1.59
ознакомление 1.67
озор|ной 1.58, -ник 1.53, -ничать 1.55, -ство 1.52, 53
Ока 2.16, 3.35
окаянный 1.54
окисел 1.28
окно 2.16, 3.5, 13, 41
око 2.17, 18, 3.40
окоро|к 1.28, -чный 1.59
окрик 1.28
округ 1.18, 28
октябрь 2.16
окуневый 1.62
окуп 2.26, 3.48
Олег 2.16
олень 2.14
олово 2.17, -янный 1.64
ольха 2.14, 31
омулевый 1.62
омут 1.28
он 1.12, 2.16, 3.10, 14
др. он|амо, -ъде 2.23
опашь 2.27
опийный 1.41
опись 2.27
др. опосле 3.10
опрощение 1.67
оптовый 1.63
др. опухлъ 3.38
опыт 1.28
орать 'пахать' 2.16, 17, 3.69
орать 'кричать' 2.17
орда 2.16, 3.49
ор|ел 2.16, 3.13, 42, -лица, -ьля (*др.*) 2.23
оре|х 2.14, -шек 2.24
оркестровый 1.63
оруд|ье 2.17, 24, -овать 1.65, со-орудить 2.17
оружье 2.17, 24, во-оружить 2.17, 3.68
оса 2.16, 3.5
осведомить 1.48, 67
осел 2.16
осень 1.30, 2.17, 3.37, -ний 2.23
осетр 2.16
др. ослопъ 2.26
основ|ать 3.5, 14, 64, 69, -ной 1.58, 59
оспа 2.26
особливый 1.48
останец 1.51
остен 2.16
остов 1.28
осточертеть 1.49
остров 1.28, 2.17, 26, 3.38, 42, 43, 45, 47, 49, -ичь (*др.*) 2.23, -ской 1.54
острожник 1.53
острый 1.12, 16, 2.16, 3.54, 55, -ие 1.53, 2.24, -ить 3.74
осязать 2.16
от 2.22, 3.48
отверженец 1.51

отвечать 3.73
отдых 1.28
от|ец 2.14, 3.10, 35, -ечество, -чество 2.24, -чизна 1.51, -чим, -ьчичь (*др.*) 2.23
отжиг 1.28
отзыв 1.28
отклик 1.28
откуп 1.18, 28, 2.26, 3.38, 42, -щик 1.68
откус 1.28
др. отокъ 3.45
оторопь 2.27
отпрыск 1.28
отпуск 1.18, 28, -ник 1.53, отпуст 2.26
отрасль 2.27, -евой 1.63
отро|к 1.28, 2.26, 3.42, 43, 45, 50, -ковица 2.29, -ча (*др.*) 2.23, 29, -чищь (*др.*) 3.14
отруб 1.18, 28, -ный 1.59
отруби 1.18, 28, 3.44, -яной 1.64
отсвет 1.28
отставник 1.53
др. оттоли 3.10
отч- *см.* отец
отыгрыш 1.28
охряный 1.64
оцеп 1.28
оцет 2.16, 4.2
очередность 1.53
очеретяный 1.64
очерк 1.28
очный 1.59
очутиться 1.17
ошва 2.26
ощутить 3.74

Павлов 3.28
паволока 2.27
пагуба 2.27
падать 2.23, 3.18, 73
пазник 1.53
пай 4.2
пакляный 1.64
палата 2.14, -ка 2.23
палец 1.51, пальцевой 1.63
пал|ить 2.16, 3.66, 74, -ьник 1.53
память 2.27, 3.37, 44, -ливый 1.50, -овать 1.65
пан 2.16
папа (римский) 2.14
пар 3.38, -ить 1.66, -илка, -ильщик 1.41
пара 2.14
парить 'лететь' 2.14
паром 2.14
парус 2.14, 3.43, 4.2
паскуда 1.28
паспорт 1.30
пасти 2.17, 3.60, 61, 66, 71
пасть (*глаг.*) 2.17, 27, 3.18, 60, 62
пасха 2.14
пах 3.38
пах|ать 2.16, -арь 1.53, -ота 1.47
пекарь 1.18, 30, -ный 1.57, -ня 1.53
пекло 2.16, 24
пелена 2.16, 3.35, 49
пена 2.14
пень 3.2
др. пѣнязь 2.14
пенять 1.49
пепел 2.17, 3.38, -есъ (*др.*) 2.25, 3.54
первый 2.14
пере|вязь, *укр.* -в'язь 2.27
перёд 2.22, 3.48
переём 2.26
перепись 2.27
перерва 2.26
переступень 1.43
переть 1.11, 18, 54, 2.17, 3.64, 76
пер|ец 2.24, -цовый 1.62, -чить 1.66
перловый 1.62
Пермь 3.37
перо 2.16, 3.10, -ие (*др.*) 2.24, -истый 1.48
перси 2.14, 3.48
перст 2.16, 3.14
пес 2.16, 3.2, -ий 2.24
песнь 2.14, 23
пес|ок 2.16, 3.10, -очек 2.24, -чаный 1.64
пест 2.16
пест|овать 1.65, 2.14, -ун 2.24
пестрый 1.16, 2.16, 3.2, 10, 55, -ина 2.23, -ота 2.25, -ядевый 1.62
петл|ять 1.49, -ица 1.47
Петр 2.16, 3.10
петушиться 1.66
петь 2.17, 3.5, 61, 72
печаль, -овать 2.23
печать 2.14, за-печатлеть 1.49
печень 1.30
печь (*глаг.*) 2.17, 3.10, 60, 66, 68, 71
печь (*сущ.*), пещь 2.17, 3.37, печной, пещный 3.58, 59
пеший 2.14
пешня 1.53
пиво 1.30, 2.17, 3.40, -ко 1.53
пиковый 1.62
пила 2.16, 3.49, -ить 1.18, 48
пир 2.17, 3.38, 42, 47
пирог 2.16
писарь 1.18, 53, 2.24, -ский, -ской 1.54
пис|ать 2.16, 3.61, 68, 70, 72, -мя (*др.*) 2.25, -ьмо 1.18, 2.16, 3.10
писк 2.17, 3.45, -ати (*др.*) 2.16
питать (*и др.* питѣти) 2.15
пи|ть 1.11, 18, 54, 2.3, 17, 20, 3.2,

53, 60, 64, 72, 76, -тие 1.53, -тье 2.24, 3.13, 14
пища 2.14
плавать 2.7, 14, 3.73
плавить 1.67, 2.14
др. плавъ 2.17
плак|ать 2.14, 3.73, -нуть 1.49
плат 2.17, 3.38, 42, 43, 4.2, -ок 3.10, -ье 1.51
платить 1.18, 3.63, 66, 75
др. платьно 2.16, 3.13, 41
плач 2.14, 3.48, *блр.* 3.28
плащ 2.16, -аница 2.23
плевать 2.14
племя 2.15
плен 2.17, 3.38, -ить 3.63, 66
плесневеть 1.49, 50
плести 2.17
плеть 2.17, 3.44, -ень 1.43
плечо (*и др.* плеще) 2.16, 3.41, -истый 2.23
плешь 3.37
плод 2.16, 3.45, 4.2, -ить 2.16, 3.74
плоский 2.16, 3.55, -ость 1.18
плот 2.16
плоть 2.17, 3.4, 36, 37, 44, -ить 3.66, 68, -янъ (*др.*) 3.54
плохой 2.17
площадь 2.17, 3.37
плу|г 2.14, 4.2, -жник 1.53
плутов|ской, -ство 1.52
плыть (*и др.* плути) 2.7, 17, 3.14, 62, 64
плюнуть 2.14
плюсна 3.49
др. плюче 2.16
плющевой 1.56, 62
плющить 2.14
плясать 3.62
по 2.22, 3.36, 38
победа 2.26, 3.14
повар 1.28, 30, 2.26, 3.42, 45, 47, -ской 1.54
повесть 1.18, 2.27, 3.44, -вовать 1.55
повод$_{1-2}$ 1.28, 30, 53
поводь 2.27
поганин 2.23
погиб 1.28
погреб 1.28, 2.26, 3.5, 42
погремок 1.51
под (*предл.*) 2.22, 3.48
под (*сущ.*) 3.38, 4.2, -овый 1.63
податель 2.25
подать (*сущ.*) 1.18, 2.27, 3.44
подви|г 1.28, 2.26, 3.42, 43, 47, -жник 1.28, 2.29
подволока 1.28
подгруздь 1.28
поддавки 1.51
поддубень 1.43
подземный 2.29
подкуп 1.28
подле 3.10
подлинь 1.28
о-подлить 1.66
подмастерье 1.28
подмости 1.28
-подоб|ить 1.67, 3.60, 61, 63, 73, -ный 3.54
подолянин 1.69
подошва 2.26
подпол 1.28
подрез 1.18, 28
подростковый 1.63
подрывник 1.53
подслеповатый 1.31
подуздоватый 1.31
подъём 2.26
поезд 1.18, 28
пожня 1.28, 2.26
позади 3.48
позвонок 1.51
поздний 3.57
позор 2.26
поиск 1.28
поить 1.48, 2.17, 3.2, 60, 66, 72, 75, пойло 3.2
показной 1.58
покаянный 1.54
поклон 2.26
покоить 1.67
покров 2.26
покупщик 1.68
пол 'настил' 2.17, 3.38
пол 'половина', 'sexus' 2.17, 3.14, 38, 42
поле 2.17, 3.40, 45—47
полезный 1.57, 2.29
полено 2.14
др. полѣти 2.17, 25
полз|ти 2.7, 17, 3.71, -ать 2.7, 14
полицай 1.47
пол|к 2.16, 3.38, 48, -чище 1.47
полный 1.16, 2.14, 3.53, -ить 1.66, 3.67, 73, -ять 2.23, 3.73
половый 2.17
полог 1.28
полоз 1.30, 2.17
полон 2.16, 3.35, 38, -ить 2.17
полосный 1.59
полость 1.18
полотно 2.16, 25, 3.13, 41, -ище 1.47, -яный 1.64
пол(о)ть (*сущ.*) 3.44
полоть (*глаг.*) 2.16
полсть 2.17, 3.44, -яной, -яный 1.64
полымя 2.25
польза 2.26, -овать 1.65

поляк 1.44
помазок 1.51
помело 1.53
поморянин 1.69
помо|щь, -чь 2.27, 3.37, -чи 1.18, -ществовать 1.55, -щник 2.29
помысел 2.26, 3.42, 43, 45
помянуть 2.17, 25, 3.60, 63, 64, 4.4
понизовый 1.62
понюх 1.28
поп 2.16, 3.5, 49, *др.* -инъ 2.23, -ья 2.24
поплавок 1.51
попрать 2.17, 3.60, 69
поприще 3.5
пора 2.17
поречанин 1.69
порог 2.14
порож|жь (*др.*) 2.16, -ний 2.16, 3.13, 57, -нить 1.66
пороз 2.17
порозну 1.28
поросль 2.27
порося 2.23
пороть 2.16
порох 2.17
портить 2.14
портовый 1.63
порт(ы) 'одежда' 2.17, 3.42, 43, -ище 2.23
поручи 1.28
порыск 1.28
др. посагнути 2.14
посвист 1.28
посел|ковый 1.63, -ьчанин, -янин 1.69
посетить 2.14
посконь 1.30, 2.17, -ный 1.57
посланник 1.51
после 2.16, 3.10
послу|х 3.43, 45, 47, -шник 1.28
посол 1.28, 2.26
посох 1.28, 2.17, 26, 3.42, 43, 4.2
пост 2.16, 3.9, 10, 35, 48, -ить(ся) 2.17, 3.60, 62, 74
постав 1.11, 18, -ец 1.51, -щик 1.68
постель 1.43, -я (*др.*) 2.26, -ьник 2.29
постоянный 1.54
постриг 1.28
пот 2.17, 3.42, 43, -ник 1.53
потайной 1.58, 60
потом 3.28
потрох 1.28, 2.26
потчевать 1.65
потяг 1.28
похвала 2.26, -ьба 1.51
похороны 1.18, 28, 30, 2.26, -ный 1.28, 59
похоть 2.27, 3.37, 44, 48, -ник 1.53
почерк 1.28
почесть (*сущ.*) 2.27
почить 2.14
почто 3.10
почтовый 1.63
пошиб 1.28
о-пошлить 1.66
пояс 1.28, 2.17, 26, 3.42, 43, 47, -ать 1.49, 2.14, -ница 2.29
прабаба 2.27
правд|ивый 2.23, -ать 2.23, 3.8
прав|ить 1.67, 2.14, 3.73, -еж 2.23, -ило 1.41, 2.23, -ина (*др.*) 2.24, -лять 3.73
правну|к 1.28, 2.27, -чка 1.28
правый 2.14, 3.53, 4.1, -о 2.14, -ота 2.25, -опис (*укр.*) 2.28
прадед 1.28
ис-пражнить 3.66
праздный 2.16, 3.13, 14, 57, -ить 1.66, -овать 1.65
празелень 1.28
праотец 1.28
прародитель 2.27
прах 2.17
пращур 1.28
пред 2.22, 3.48
предатель 2.25
прелесть 1.30, 2.27, 3.37, 44, -ный 1.57
пресный 2.17, 3.31, 58, 59, 4.3
претить 3.60, 66, 74
при 2.22
прибыль 2.27, 3.44
привизг 1.28
привкус 1.28
привод 1.28
привязь 2.27
приговор 1.28
пригород 1.28
пригоршня 1.28
приготовишка 1.47
приданое 3.69
придурковатый 1.31
призвук 1.28
признак 1.28, 2.26
призрак 1.28, 2.26
прикус 1.28
прилик 1.28
др. прилогъ 2.26
припись 3.44, -ник 1.53
припорох 1.28
приработок 1.28
присвист 1.28
присный 2.14
пристав 1.18, 28, 2.26
пристальный 1.28
пристань 1.18, 2.27, -ный 1.59
пристук 1.28
приступ 1.28, 2.26

др. присъпа 2.26
присягнуть 3.60
притолока 1.28
приторный 1.28
прит|ча 1.28, 2.26, -очник 2.29
притык 1.28
прихожанин 1.69
прихоть 2.27
причаститься 3.66, 72
прич(е)т 1.28, 2.26
пришлец 1.51
прияти 'favere' (*др.*), (не)приятель 2.25
про 2.22
пробел 1.18, 28
пробивной 1.58
проблеск 1.28
пробовать 1.65
провод 1.18, 28, -ник 1.53, -ы 1.28
проволока 1.28, 2.26
продав|ец 1.51, -щик 1.68
продолговатый 1.31
продувной 1.58
продуктовый 1.63
продух 1.28
прожектор 1.18, 30
прожига 1.28
прожитье 1.51
прозвище 3.5
прозорливый 1.48
проигрыш 1.28, 46, 3.2
происки 1.28
пройма 2.26
прокус 1.28
проливной 1.58
промах 1.28
промельк 1.28
промысел 1.18, 28, 2.26, 3.42, 43, 48
пропад 1.28
пропасть 1.18, 2.27, 3.48, -ьнъ (*др.*) 2.29
пропись 2.27, -ной 1.59
проповедь 2.27, 3.48
пропуск 1.18, 28, -ник 1.53
прорва 2.26
просек, -а 1.28
прос|ить 1.17, 2.16, 3.61—63, 67, 68, 72, 74, -ьба 1.51, 2.24
просо 1.30, 2.17, 3.40
простить 1.17, 2.17, 3.10, 13, 54, 60—63, 67, 68, 72
простой 2.17, 27, 3.53, 54, 58, -ота 3.35, -ыни (*др.*) 2.23, -ынный 1.59, -олюдин 1.31, 47, -олюд (*укр.*) 2.28
просып 1.28
против 1.30, 3.5, -иться 1.67, 3.73, -ляться 3.73
профессор 1.18, 30
прочий 2.16
прочностной 1.59
прошва 2.26
др. пругло 2.16
др. пругъ 2.17, 3.42, 45
пруд 2.16
прут 2.17, 4.2
прыгать 2.14
прыскать 2.14
прыщ 2.16, 3.10
пря|дать, -нуть 2.14
прямой 2.17
пряный 1.64, 2.25, 3.53
прясть 1.48, 2.17
прятать 2.14
-прячь 2.17, 3.68
псал|ом 2.16, -тирь 2.14
Псков 2.17, 3.2, 48, псков|ич 2.23, -ский, -ской 1.54
пугало 1.53
др. пугы 2.14
пудовой, -ый 1.62
пузан 1.41
пузырь 3.10, -иться 1.66
пук 4.2
пуля 2.14, -ять 1.49
пуп 2.14, 4.2
пурпурный 1.57
пустить 2.17, 3.10, 14, 62—64, 66, 68, 72, 75
пустой 2.17, 3.53, -ота 2.25, -ыня 2.23, пустошь 2.25, 3.49, -ить 1.66, 2.25, 3.60, -ный 1.57, 3.52
путло 1.53
путь 2.16, 3.10, -евой 4.3, -еводитель 1.26
пуховой, -ый 1.62
пхнуть 2.16, 3.2
пчела 2.16, 3.49
пшено 2.16, 24
пыжиться 1.66
пыль 2.17, -ьца 2.24, -евой 1.63
пытать 3.9
пыхать 2.14
др. пьпьръ 2.16
др. пьрати 'стирать' 2.17, 3.69
др. пьрѣти 2.17, 3.60
пьяный 1.64, 3.53, -ица 1.47
пядь 2.17
пясть 2.17, 3.44
пята 2.17, иться 1.66
пять 2.17, 18, -ый 2.16, пятеро 2.25, -ик 1.51, -ня 1.53, пятигорчанин 1.69
-пять (*глаг.*) 2.17, 3.2, 14, 60, 64, 71, 76

раб, -а (*и др.* роба) 2.16, -ство 2.24, -ыня 2.23
работа 2.25, -ать 3.73, -ить 1.66, 2.25

равный 1.12, 16, 2.16, 3.13, 14, 57, -ить 3.66
рад 2.14, -овать 1.65, 3.73, -ость 2.25
др. радити 2.17, 3.60
разбитной 1.58
развитость 1.53
разить 2.17, 3.60, 61, 63, 66
размазня 1.53
разный 2.16, 3.57
разовый 1.63
разорить 2.17, 3.60, 61, 63, 64, 66, 74
разруб 1.28
разум (розум) 1.28, 30, 2.26, 3.42, 43, 48, -евать 3.73, -еть 2.15, -ить 1.66, 3.66, -ный 1.28, 57, 2.29
рай 2.16, 4.2, *блр.* 3.28
рак 2.14
рака 2.14
рало 2.14
об-рамить 1.66
др. рамя (рамо) 2.14
рана 2.14, -ить 1.67, 2.14, 3.73
рапной 1.59
распря 2.26
расти 2.17, 3.5, 61, 71
растить 1.17, 2.17, 3.60
раструб 1.28
расходовать 1.65
расчет 2.26
ратовать 1.65
рать 2.14, 3.37, 48
рвать 2.17, 3.2, 76
рдяный 1.64
ребро 2.16, 3.14, 41
редактор 1.18
-редить 1.48
рез|ать 1.30, 2.14, 3.17, -кий 2.25, -нуть 1.49, -ьба 1.18
резвый 2.16, 3.55
река 2.16, 3.49, реч|ка 2.23, -ной 4.3
ремесло 3.41
репа 2.14
реут, Реутово 3.2
др. речи 2.17, 3.10, 13, 60, 61, 66, 68, 71, 76
речь 2.17, 3.37, 44, 49, -истый 2.23
решето 2.16, 3.41, -ить 1.48, 66, -це, -цо 1.51
решить 2.17, 3.13, 60, 63, 66, 68
реять 2.14
ржа 2.16, -авый 2.25, -аветь 1.49
ржаной 2.25, -ище 1.47
ржать (*др.* ръзати) 2.16
риза 2.14
Рим 2.16, 3.38
ринуть 2.14
рисина, -ка 1.50
риск 1.30, 62
рифленый 1.48
робкий 3.59
ров 2.17, 3.42, 43, 48
ровный 2.16, 3.10, 13, 57, -ица 1.47, (не)ровня 1.53
рог 2.17, 3.42—45, 47, -атый 2.23, -овой 1.62
род 2.17, 3.38, 42, 43, 45, 47
родина 1.47
родить 1.17, 2.17, 3.10, 60, 61, 63, 64, 66, 68, 75, новорожденный 3.65, 66, рождество 1.53, роженица 1.47
род|ной 1.58, 3.58, 59, -ич 1.51, -ство 1.53
рожок 1.18
рожон 2.16
рожь 2.17, 3.2, 37
розга 2.16, 3.5, 49
розговены, -ье 1.28
розжиг 1.28
розлив 1.28
рознь 3.37, -ый 2.16, 25, 3.57
розовее 1.48
розыгрыш 1.28
розыск 1.28
рой 2.16, 4.2, -ник 1.53
рок 1.30, -овой 1.62
роса 2.17, 3.42, -ить 3.60, -ник 1.53, -яной, -яный 1.64
роскошь 1.30, -ество 1.53, -ный 1.57
рослее 1.48
рост 2.17, 3.42
Ростислав 2.28
росчерк 1.28
рот 2.16, 3.2, 9, 10
др. рота 'присяга' 2.16, 3.35, 43
роща 2.16
ртуть 2.14
рубить 1.48
рубль 2.16, 3.35, -евик 1.51
др. рубъ 'одежда' 2.17, 3.43, 44
руга 2.14
руда 2.16, 3.49, -ник 1.53, -ный 3.57
ру|ка 1.17, 2.17, 3.10, 13, 39, 42, 43, 49, -кав 2.24, -чной 1.58, 3.59
руко|водить 1.26, 66, -писный 2.29, -пись 2.28, -ять 1.43, 2.28
румяный 1.64
руно 2.16
русый 2.14
Русь 3.37, 48, об-русить 1.66
рухло 2.16
-ручить 1.17, 18, 3.63, 66
рушить 1.67, 3.63
рыба 2.14, -ак 2.24, -арь 1.51, 2.24, -ица 2.23, -ный 3.53
рыдать 2.15
рыскать 2.16
рыть 2.14, рытвина 1.47
рьяный 1.64

др. рюти 2.17
ряд 2.17, 3.38, 42, 43, 45, 47, -ить 1.48, 67, 2.16, 3.62, -ской 1.54
ряса 2.14

с 2.22, 3.2
саговник 1.47
сад 2.17, 3.38, 42, 47, 4.2, -овый 1.63
садить 1.48, 2.17, 3.14, 60, 62, 63, 66, 68, 75, саженец 1.51
сажа 2.14
сажень 1.12, -ный 1.59
сало 2.14
сам 1.9, 12, 2.17, 19, 3.10, 53, 54
сан 2.17, 3.38, 42—45, 4.2
сани 2.17, -ный 1.59
сап 1.30
сапо|г 2.16, 3.10, 13, -жок 1.18, 2.24
саранча 3.9
сарафан 3.9
сатана 2.16, 3.35, -ин 2.24
сахаристый 1.50
сборище 2.23
сбытовой 1.63
свад|ьба 1.51, 2.24, -ебный 1.57
др. сваръ 2.16
сват 2.14, 4.2, -овской, -овство 1.52
свежий 1.16
свек|ла 1.30, -ловица 1.47, -ольный 1.57
свекор, свекровь 2.25
свет 2.17, 3.43, 45
светить 1.17, 18, 2.16, 3.9, 60, 62, 68, 74
светлый 1.12, 16, 2.23, 25, 3.53, 54, 58, 4.3
свеча 2.16, 3.10, 49
свин|ья 1.12, 2.16, 3.10, 49, -ой 2.17
свирепый 2.14, -еть 1.49
свистеть 3.62
свобода 2.17, -ить 1.66, 2.25, 3.60, 63, 68, -ный 2.25, 3.52—54, 58, 4.3, -ь (*др.*) 2.17
свод 2.26
сво|й 2.19, 3.2, 9, 10, 17, -ить 1.66, 3.74, -йство 1.53, 2.24, 3.8, -як 2.24
сво́лочь 1.18, -ной 1.58
др. своробъ 2.17
свычай 1.47
др. свьтѣтися 2.17
связь 2.27, -ник 1.53
святой 2.17, 3.53, -итель 2.25, -ить 3.60, 64, 66, -ыня 2.23
сговор 1.28, 2.26
се (сь) (*част.*) 2.22
себя 2.17, 19, *др.* си 2.19, 22, ся 2.19, 22, 3.61, 4.2
север 2.14
-седа|ть 2.23, 3.73, -лище 2.23
седло 1.53, 2.16, 3.41
седой 2.17, 3.54
седьмой 2.16, 3.28
сей 2.17, 3.10
секарь 1.53
секретарь 1.51
селить 1.18, 48, 2.17, 3.60, 63, 66, 68, 74
село 2.16, 3.10, 14, 41, -янин 1.69
сельдевый 1.62
семестровый 1.62
семь 2.16, 3.10, 4.1, -еро 4.1
семья 1.12, 2.17, -янин 1.69
семя 2.25
сено 1.30, 2.17
сентябрь 2.16
сень 2.14, о-сенить 3.60
сера 2.14
сердиться 1.17
сердце 2.16, 17, 3.10, 41, 48
серебро 2.16, 3.9, 10, 35, 41, -яный 1.64, 2.25, -яник 1.47
середа 2.17, 3.13, -ний 2.23
серна 2.16, 3.28
серп 2.16, 3.35
серпуховской 1.54
серый 1.16, 2.14, -ко 1.53
сестра 1.12, 2.16, 3.35, 49, -ин 1.54, -ить 1.66
сесть 2.14
сетовать 1.65, 2.14
сеть 2.14, -ной, -ный 1.59
сечь 1.48, 2.7, 17, 3.60, -а 2.14
сеять 2.14
сид|еть 1.48, 2.17, 3.60—62, 75, -я 1.48
сила 2.14, -ач 2.24, -ьный 1.12, 2.25, 3.53, 54, на-силовать 1.65
др. сило 2.16
синий 1.16, 2.14, 3.53, -еть 3.73
сипота 1.47
сирый 2.17, 3.54, -ота 2.25
сито 2.14
сиять 2.15
скакать 2.16
скатерть 2.14, 3.44, -ный 1.59
о-сквернить 3.60, 66, 73
сквозь 1.30, 3.10
скит 2.14
склабить 2.14
складской 1.54
скоба 3.9
скоблить 1.48
сковорода 2.17, 3.13, -ный 1.59, сковрада (*др.*) 3.13
скоморох 2.14
скопить 'castrare' 2.17, 3.75
скора 2.16

скорбь 2.14, 17, 3.44, 48, -еть 2.17, 3.60
скорлупа 3.9
скорый 2.17, 3.10, 54, 58, 4.3, -ить 1.66, -ость 1.18, 3.48
скот 2.16, 3.5, 10, 13, 42, 43, -ина 2.23, -ный 3.57, -ский 2.25
-скочить 2.16, 3.62
скребло 1.18, 53
скрежетать (*и др.* **скрьгътати**) 2.16, 3.62
скрести 3.10, 71
скрижаль 2.14
скромный 3.54
скупой 2.16, 3.55
скуч|ища 1.47, -ливый 1.48
слабый 1.16, 2.14, 23, -еть 2.23, 3.73, -ить 1.66, 3.67, -ость 2.25
слава 2.14, 3.10, -ильщик 1.41, -ить, -лять 3.73, -ный 2.25, 3.53
славянин 1.69
слад|кий 2.17, 3.13, 53, 58, -ить 3.60, -коглаголивый 1.41
др. **слана** 2.17
сланец 1.51
др. **сланъ** 2.17, 3.53
сласть 2.17, 3.44
слать 2.16, 3.2, 5, 10, 64, 69, 70, 76
след 2.17, 3.45, -ить 1.48, -овать 1.65
слеза 2.17, 3.42, -ник 1.53, -ница 1.47, -ный 3.13, 58
слепень 1.43
слепой 2.17, 3.53, 58, -ец 2.24, -ить 3.63, -нуть 2.16
слесарь 1.30, 53, -ить 1.66, -ный 1.57, -ня 1.53
слива 2.14
слобод|ка 2.23, -ской 1.54
словак 1.44
слово 2.17, 3.10, 17, 40, 45, 47, 49, -есный 3.54, -ник 1.53, -цо 2.24
слон (животное) 2.17, 3.42, 47, 4.2
слон 'заслон' 3.43, -ить 1.48
слуга 2.16, 3.14, 35, 43, 49, **служ|ба** 1.51, 2.24, -ебный 1.57, -итель 2.25, -ить 1.17, 18, 48, 2.16, 25, 3.10, 60—63, 67, 74
слух 2.17, 3.17, 42, 43
случай 1.47, -йный 1.57
слушать 3.73
слыть (*и др.* **слути**) 2.17
слыш|ать 2.14, 3.10, 73, -ный 1.56
слюна 2.14
смазливый 1.48
смелый 1.18, о-смелиться 1.66
сметливый 1.48
смердеть 2.17, 3.31
смерть 2.16, 27, 3.48
сметь 2.15
сме|х 1.30, 2.17, 3.48, 4.2, -шной 1.16, 58, 3.54
смеяться 2.17, 3.72
смиренный 3.54, 66
смок|ва 2.15, -овный 1.57
др. **смокъ** 3.42
смола 2.17, 3.9, 10, -ьникъ (*др.*) 3.10, Смолин 1.52
смотреть (*и др.* **съмотрити**) 2.16, 3.62, 72
смрадный 3.58
смысловой 1.63
смычок 1.51
смышленый 1.48
снабдить 3.60
снасть 3.44
снег 2.17, 3.38, 42, 43, 45, -овой 2.25, снежный 1.59, 3.53, 54, 59, -ица 1.47
снедать 2.23
сновать 2.17
сноп 2.16
сноровистый 1.48
сноснее 1.48
сноха 2.16
-снуть 2.16, 25, 3.14, 76
соболь 1.30, 2.16, 3.44
собор|овать 1.65, -янин 1.69
сова 2.16, 3.5
совать 2.14
совесть 2.27, 3.37, -ливый 1.50
советовать 1.65
совокупить 2.16, 3.63, 67, 74
создать 1.11, 2.16, 3.14, 61, 64, 69
сок 2.17, 3.38, 45
сокол 1.30, 2.16, 3.10
сокровенный 3.66
сол|ить 1.17, 18, 48, 3.60, 66, 75, -еный 1.16, 18, 48, -ило 2.23
солнце 2.14
соловый 2.17
солод 2.17, -ковый 1.62
солома 2.14
солон(ый) 2.17
соль 2.17, 3.37, -яная (кислота) 1.64
сом 2.16
сон 2.16, 3.2, 10, 48
сонм 2.26, -ище 2.23, 29
сопло 1.53
сор 1.30, -ить 1.17, 3.75
сорванец 1.51
сорок 1.12, 2.17, 3.47
сорока 2.14
сором 2.17
сосать 2.16, 3.2, 76
сосед 3.13, 42
сос|на 2.16, 3.5, -енка 1.53
соты 3.2, -овый 1.63
соха 2.17, сошник 1.53

сохнуть 2.16, 3.2, 76
др. сочиво 2.25
др. сочити 'искать по суду' 2.16, 3.74
спать 3.2
спеть 'созревать' 2.14
спеш|ить 2.17, 3.60, -ный 3.54
спина 1.17, 2.14, 3.31
списатель 2.25
сплошь 1.30, -ной 1.58
сполох 1.28
спорый 3.54
способ 1.28, -ить 1.67, -ный 1.57
спотыкливый 1.48
справедливый 1.48
спусковой 1.63
срам 1.30, 2.17, 3.48, -ить 2.17, 3.60, 74, -ной 1.58, 3.58
срать 2.16
среда 2.17, 3.13
среди 3.10, 48
средневековый 1.62
у-среднить 1.66
сретенье 1.67
сродство 1.53
срочнее 1.48
-ставать 3.73
став|ить 1.30, 2.14, 3.8, 67, 73, -лять 2.23, 3.73
стадо 2.14, 3.40, 41, 4.2, -ный 1.59, -це 2.24
сталь 1.30
стан 2.17, 3.38, 42, 43, 47
станови|ть(ся) 1.17, 3.60, 75, -ще 1.47
старшина 1.18, 47, -ство 1.53
старый 1.16, 2.14, 23, 3.53, -ейшина 2.23, -еть 3.73, -ец, -ик 1.51, 2.24, -ина (былина), -ица 'старое русло' 1.47, -иться 2.23, -ость 2.25, -ьевщик 1.68, Старинин 1.52, Стародуб 2.28
стать (*глаг.*) 2.14, 3.10
статья 3.10
стеблевый 1.63
стегно 2.16
стезя 2.16
стекло 2.16, 3.2, 41, -янный 1.64, 2.25
стена 2.17, 3.42
др. стѣнь 2.14
степень 1.28, 2.14
-стереть 2.17, 3.64, 71, 76
стеречь 2.17, 3.10, 62, 71, 72
стерженщик 1.68
стерляжина 1.47
-стигнуть 2.14
стих 2.16
стлать 2.16, 3.69, 70
сто 2.17, 3.2
стог 2.17, 3.42
стол 1.13, 2.16, -овник 1.47, -овый 1.63, -яр 1.44
столб (столп) 2.16, 3.10, 13, -чатый 1.54
стонать 2.16
стопа 2.16, 3.49
сторож 2.17, 3.42, 43, 45, 47, -а 2.14
сторона 2.17, 3.13, 31, -иться 1.18
сто|ять 2.17, 3.2, 5, 60—62, 72, 75, -я 1.48
страда 2.16
страдать 2.7, 16
страж 2.16, 4.2, -а 2.16
страна 2.16, 3.10, 13, 48, 49
странный 3.13, 53, 54, 58, 59
страсть 2.7, 17, 25, 3.36, 37, 44, 46, 49, -ити (*др.*) 3.60, -ный 3.52
стра|х 1.30, 2.17, 3.38, 4.2, -шивъ (*др.*) 2.23, -шный 3.53, 54, 58, 59, 4.3
стрела 2.17, 3.42, -ить 1.18, 3.63, 68, 75, -ьба 1.18, Стрелин 1.52
стремить 3.66
стрем|енной, -янный 1.59
стри|чь 2.17, -гать 2.23
строгать 2.16
строить 1.67, 2.16, 3.2
блр. строй 3.28
у-строжить 1.66
стро|ка 2.17, -чной, -чный 1.59
строчить 1.18, 48
струг 2.17, 3.42, 43, 4.2
струна 2.14, -ить 1.66, Струнин 1.52
струп 2.17, 3.42
струя 3.49
стрый 2.14
студ|ить 2.17, 3.66, 74, 75, студеный 1.48, 2.24, 3.55, -ец 1.51, -ь (*др.*) 'холод' 2.17
стул 2.14
ступа 2.14, -ица 1.47
ступ|ить 2.16, 3.60, 63, 67, -ать 2.23, -ень 1.11, -ня 1.53
стыд (*и др.* студ) 2.16, 3.10, -ѣтися (*др.*) 2.17, 3.60
стыковой 1.63
стынуть 2.14
Стырь 3.37
стяг 2.17, 3.42, 4.2
стяжать 2.17
суббота 2.14
сугубый 2.27, -ить 1.66
суд 'сосуд', 'судно' 2.17, 3.42, 43, 45, 47, 48, -но 2.25
суд 'суд' 2.16, 3.10, 35, -ить 1.18, 48, 2.16, 3.9, 10, 60, 62, 63, 67, 68, 72, 74, -ище 2.23, -ьба 1.18, 2.24, 3.49, -ия, -ья 1.12, 2.15, -я по 1.48, -суждать 2.23

судорога 1.28
др. суи 'vanus' 2.14
сук 2.17, 4.2
сукно 2.16, 3.10, 41
сукровица 1.28
сулема 3.10
сулить 3.60
сума 2.16
сумерки 1.28, сумрак 1.28, 2.27
сумской 1.54
сунуть 2.14
супесь, -ок 1.28
супонь 1.43
супостат 2.27, 3.50
супрядки 1.28
суровый 2.17, 3.53, 54, 59, 4.3, -еть 1.49, -ье 1.51, -ьство (*др.*) 2.24
сурьмяной, -ый 1.64
сусляный 1.64
суставной 1.59
сутемь 1.28
др. сути 'сыпать' 2.17
сутки 1.28
сутоло|ка, -чь 1.28
сучить 1.48
сухой 2.17, 23, 3.53, -ота 2.25, Сухово 2.19, суша 2.14, -шь 3.37, -шить 1.18, 48, 3.60, 61, 66, 68, 75, -шеница 1.47
существо 1.53, -овать 1.55
сцать 2.17, 3.2, 76
счастливый 1.48
др. сърѣсти 2.14
др. сърѣтити 2.14
сын 1.30, 2.17, 3.38, 42—45, 47, -овья 2.24
сып|ать 2.14, -ной 1.59, -нуть 1.49
сыр 2.14, 4.2, -ный 1.59
сырой 2.14, 3.53
сыск 3.38
сытый 2.14, 3.53, -ить 1.66, 3.73, Сытин 1.52
сюда 2.23, 3.9
-сякнуть 2.16

табуниться 1.66
таволжаный 1.64
таз 4.2
таи (*др.*) 2.17, таить 2.17, 3.54, 60, 61, 63, 64, 66
тайна 2.24, -ый 3.54, 58, 59, 4.3, -ик 1.53, таинство 1.53, -енный 1.54
такой 2.17, 25, 3.53, 54, -овой 3.28, 54
тальник 1.53
там 2.23
таракан 3.9
тать 2.17, 3.44, 45, 47, 4.2, -ьба 2.24, 3.8, 35
тащить 1.48, 2.17, 3.62, 66, 75
таять 2.14
тварь 2.14
твердый 2.17, 3.53, 54, 58, 4.3, -ить 1.48, 3.60, 66, 75, -ь 3.37, -околос (*укр.*) 2.28
Тверь 2.17, 3.2, 37, 48, тверич 2.23
твой 3.2, 9, 10, 17
творить 2.17, 3.10, 60—64, 66, 68, 74, 75
телега 2.14, 3.43
телиться 1.17, 18
тело 2.17, 3.10, 40, 45, -ьный 1.59, -ьце 1.51
темный 1.12, 16, 2.17, 3.53, 54, 58, -ить 3.68
тенето 2.16
теноровый 1.62
теплый 1.12, 16, 2.16, 3.13, 55, 57, -ить 1.66, -о 2.16, 3.10, -ота 2.25
терем 2.17, 3.42, 43
тереть 2.16, 3.2, 67, 76
терн 1.30, 62, 4.2
укр. тернослив 2.28
терпе|ть 1.48, 2.17, 3.10, 60—62, 72, 75, -ливый 1.48, долготерпеть 3.62
терпнуть 2.16
тесать 2.16, 3.70, тес 1.30, 62
тесла 3.10, -о 1.18, 53
тесный 2.17, 3.53, 54, 58, 59, 4.3, -ить 3.66
тесто 1.30, 2.17
тесть 2.17, 3.2
тетерев 2.17, 3.43
др. тети 2.17
течь (*глаг.*) 2.17, 3.60, 71
теш|ить 2.14, 3.17, 73, -ать 2.23, 3.73
теща 2.16, 3.2
тигр 2.14, 4.2, -овый 1.62
тина 2.14, -оватъ (*др.*) 2.23
тиун 2.14
тихий 2.14, 3.53, -нуть 2.14, тиш|ати (*др.*) 3.73, -ина 2.24, 3.50
ткать 2.16, 3.2, 69, 76
ткнуть 2.16, 3.2, 76
тлеть 2.15
тло 2.16, 3.2
товар 2.14
тогда 2.23, 3.10
о-тождествить 1.66
др. толикъ 2.23, 3.5
токарь 1.18, 30, 53, -ный 1.57, -ня 1.53
толк 1.62, 3.42, -овый 4.3
толокно 2.16, -яный 1.64
толочь 2.17, 3.10, 68, 71
толпа 3.49
тол|стый 2.17, 3.26, 31, 53, 54, 59, 4.3, -ща 2.14, 31
только 3.5, 54

томить 2.16, 3.67
томпаковый 1.62
тон|кий 2.17, 3.53, 58, -чить 3.75
тонуть 2.16, 25, 3.61, 4.4
тоня 2.16
топ|ить$_{1-3}$ 1.48, 2.17, 3.10, 66, 75, -кий 3.53, 59
тополевый 1.62
топор 2.16
топтать 2.16
торг 2.16, 4.2, -овать 3.70, -овля 3.43, -овый 1.63, торж|ище 1.47, -ествовать 1.55, Торжок 3.35
-торгнуть 2.14
тороп|ить 3.63, -кий 1.54
торосить 1.66
торочить 1.48
торфяник 1.47
торц|евой, -овый 1.63
тот 2.17, 19, 3.4, 10, 14, 26
точи|ть (все омонимы) 1.48, 2.16, 3.67, 74, -ло 2.23
тошнота 1.47
тощий 2.16, 3.2, 31, 55
трава 2.16, 3.10, 43, 49, -яной 4.3, Травин 1.52
травить 2.16, 3.67
трапеза 3.28, -овать 1.65
-требить 2.17, 3.61, 66
требовать 1.65
трезвый 2.17, 3.53, 58, 4.3
трепет 2.17, -ать 2.16, -ный 3.52
трепло 1.53
третий 2.24, 3.10, -ь 2.17
трефовый 1.62
трещина 1.47
три 2.17, 3.13, тридцать 1.12, трижды 2.23
триместровый 1.62
трое 2.25, 3.54, -ить 1.46, 48, 66, 3.2, -ица 1.46, 47, 2.23, 3.2, 5, -йчатый 1.54
др. троскотъ 2.17
трость 2.17, -ник 1.53
труба 2.16, 3.10, 43, 49, -ить 1.48, 2.25, 3.74
труд 2.16, 3.9, 10, 35, -иться 1.18, 48, 2.17, -ный 3.57
труп 2.17, 3.43, 45, 4.2
трус 'землетрясение' 2.17, 3.42
трусúть 1.48
трутневой 1.56, 62
с-трухнуть 1.49
трясти 2.17, 3.66, 71
ту|га 2.16, 3.35, -жить 1.18, 48, 2.16, 3.75
ту|гой 2.17, 3.54, -житься 1.66
туда (до-, от-) 3.9
туловище 1.50
др. туне 2.16, 3.13
тупой 2.17, -ить 1.18
тур 2.17, 4.2
о-туречить 1.66
тутовник 1.47
др. тускъ 3.38
туча 2.14, 3.26
тучный 3.53, 58, 59
тушить 1.48, 2.17
др. о-тщетити 3.64
тщиться (*и др.* тъщатися) 2.17, 3.60
ты 2.17, 19, 22
тыкать 2.14
тыква 2.14
тыльный 1.59
тысяча 2.14, 3.43
тьма 2.16, 17
тюк 4.2
тюрьма 2.16, 3.35, 49
тяглый 2.16, -о 2.24
др. ис-тягнути 3.67
тяг|ота 1.47, 2.25, -чить 3.66
тяж|елый 1.18, 2.16, 3.55, -а 2.14, -ба 1.51, 3.49, -кий 2.17, 25, 3.10, 53, 54, 58
тянуть 2.16
др. тяти 2.17, 3.2

у (*предл.*) 2.22
др. у 'уже' 2.14
убо|гий 2.26, -жати (*др.*) 3.73, -жество 2.29
уведомление 1.67
угол 1.12, 2.17, 3.38, 42, 45, 47
уголь 1.12, 30, 2.14, 4.2, об-углить 1.66
угорь 1.12, 3.10
уд 2.14, 3.42, 45, 47, 48
уда 2.14, -ить 1.18
удалой, -ый 1.11, 16, 18, 54, -ость 1.53, -ьство 1.52, 53
ударить 2.14, 3.73
удерж 1.28
удручить 3.66
уж 3.10
ужас 1.28, 30, 2.26, -ити (*др.*) 2.17, -нуть 2.16, -ный 1.28, 57
ужинать 2.23
уза 2.14, 3.43
узда 2.16, 3.49
узел 1.12, 2.14, 4.2
уз|кий 1.16, 2.16, 25, 3.57, 4.1, -ить 1.66
уйма 2.26
укус 1.28
улица 3.43
ум 2.16, 3.35
уметь 2.15
умный 1.16, 3.57, -ица 1.47

умолк 1.28
умысел 1.28
уничижить 3.60
уничтожение 1.67
уповать 2.15, 3.14
упрочение 1.67
упряжь 2.27, -ной 1.59
упуск 1.28
уродовать 1.65
ус 2.16
уста 2.16, 3.10, 41, -ить 3.66, -ье 1.51, 2.24
уставной, -ый 1.59
уступ 1.28
утварь 2.27
ут|ица 2.23, *др.* -ы 2.14, -я 2.23
утлый 2.16
уток 1.28, 2.26
утолить 2.16, 3.74
утро 2.14, -енний 2.23, -еть 1.49
уха 2.16, 3.10
ухо 2.17, 18, 3.44, 48
участковый 1.63
учет 2.26
учи|ть 1.48, 2.17, 3.60—64, 66, 68, 75, -тель 1.10, 18, 30, 2.25, учен|ый 1.48, -ик 1.51, 2.24
ушиб 1.28
ушко 1.18, 53, 2.24

фарт 1.30, 62
фатов|ской, -ство 1.52
февраль 2.16
ферзевый 1.63
фиговый 1.62
фигурять 1.49
философ 2.14
фланговый (лево-, право-) 1.62, 63
флюсный 1.59
Фома 2.16
фонарь 2.16
фразистый 1.48
франт|ить 1.66, -овской, -овство 1.52
фрахтовый 1.63
фруктовый 1.62
фунт 2.14, -овый 1.62

хамить 1.66
ханже|ский, -ство 1.52
хапать 2.16
характерный 1.57
харя 2.14
хвала 2.16, -ить 1.18, 48, 2.16, 3.57, 74, -ьный 3.57
хваст|ать 2.14, -нуть 1.49, -овской, -овство 1.52
хват|ать 3.70, -ить 2.16, 3.62, 63
хворост 1.30
хвост 2.16
херить 1.66
-хитить 2.14
хитрый 1.12, 16, 2.14, 3.10, 55
хлад 1.30, 2.17, -ный 3.53
хлам 1.30
хлеб 2.14, 4.2, -ина 1.47, -ный 1.59
хлев 2.16, 4.2
хлопоты 1.12
хлопчатый 1.54
хлябь 2.17
хмель 3.38, *блр.* 3.28, -евой 1.56, 62, -ьной, -ьный 1.58
хмурить 1.66
хоботной 1.59
ход 2.17, -овой 1.62
ходить 2.16, 3.10, 60—63, 72, 74, походя 1.48
холеный 1.48
холм 2.17, 3.42, 45—48, 4.2
холод 2.17, 3.38, -ник, -ность 1.53, -ный 1.16, 18, 2.25, 3.53, 54
холоп 2.14, 3.13, 42, 43, -ский 2.25, -ья 2.24
холостой 1.16, 2.17, -ить 3.68
холстяной 4.3
холуй 3.2
хомут 2.16
хоробрый 2.14
хором 2.14
хоронить 2.16
хороший 1.16, 2.16, 3.55
хоругвь 2.14
хотеть 1.9, 2.17, 3.62, нехотя 1.48
хохлить 1.66
храбрый 2.14, 3.53, 54
храм 2.17, 3.42, 47, 4.2, -ина 3.28
храни|ть 2.17, 3.60, 62, 66, 72, 74, -ло 2.23
вс-храпнуть 1.49
хребет 2.16
хрен 1.30, 62
хрип|еть 2.17, -ота 1.47
христианин 1.69
хромой 2.16, 3.55, -ать 2.16, -ить 3.60, -ота 2.25
худой 2.17, 3.53, 54, -ить 3.60
хула 2.14, -ьный 3.57
хуторской 1.54
др. хыжа 2.14

царь 2.16, 3.42, 44, 49, -ить 3.74
цвести 2.17
цвет 2.17, 3.38, 42, 43, -ить 1.48, 3.60, -ной 1.58, 3.53, 58, -ок 3.9
цедить 1.48, 2.17, 3.10, 60
целик 1.51
цел|йть 2.17, 3.14, 60, 61, 63, 66, 75, -ьба 2.24, 3.10
целковик 1.51

целовать 2.23
целый 2.17, 3.53, 54, 58, 4.3
цена 2.17, 3.42, -ить 1.18, 48, 3.60, 68, 75
цеп 4.2
-цепить 2.16
цепь, чепь 2.17, 3.37, цепочка 1.53
церковь 2.14, 3.37, -ка 1.53, -ный 1.59
цесарь 2.16
др. цѣстити 2.14

чадо 2.14
чайный 1.59
чаровник 1.47
час 2.16, 3.10, 35, 4.2, -овой 1.62
частый 2.17, 3.53, 54, 58, 59, 4.3, -ик 1.51
часть 2.17, 3.37, 44
-чать 1.11, 12, 18, 2.16, 20, 3.10, 53, 60, 64, 76
чаша 2.14
чаща 2.14, 23, 31
чаять 2.14
чей 2.16, 24
челн 2.17, 4.2
чело 2.16
червленый 1.48
червь 1.11, 2.17, 3.42, 44, 45, 4.2
черево 2.17
череда 2.16, 3.13
через 2.22, 3.48
череп 2.17, 3.10, 38, 47, -яный 1.64
др. чересло 2.16
чересседелень 1.47
др. черети (черпсти) 2.17
чермный 2.17, 3.54
черный 1.12, 16, 2.16, 3.10, 13, 55, -ец 2.24, -ило 2.23, -ить 2.25, 3.74, -ослив 3.9
черп|ать 2.14, -алка, -ало 1.53, -нуть 1.49
черствый 2.17, 4.3
черт 2.17, 3.13, 42, -овский 1.52, -овщина 1.47
черта 2.16, 3.28, -ить 1.18, 48
чертог 2.14
чесать 2.16, 3.62
честь (*сущ.*) 2.17, 3.37, 44, -ить 3.2, честной 1.58, -ый 2.25, 3.53, 54, 58, 4.3
-честь (*глаг.*) 2.17, 3.2, 5, 10, 60, 66, 71, 76
четвер|тый 2.14, -ик 1.51, -ица 2.23, -ня 1.53, -о 2.14, 4.1, -тъкъ (*др.*) 2.24, -ть 1.18
четыре 1.11, 2.14, -ежды 2.23
чин 2.17, 3.38, 42—47
чинить 1.48, 2.17, 3.14, 63, 66, 68, 75
число 2.16, 24, 3.10, 35, 41, -ить 1.66, -овой 4.3
чистый 2.14, 3.52—54, -ик 2.24, -илка 1.41, -ильщик 1.41, 4.6, -ить 1.66, 3.67, 73, -ота 2.25, 3.50
член 2.14, -ить 1.66
укр. чорно|зем, -клен, -слив 2.28
чрево 2.17, 3.40, 45, 47, 48
чреда 2.16, 3.13
чрез 2.22, 3.48
др. чрепъ 2.17
чресло 2.16, 3.13, 41
чтиво 1.53
чтить 3.2
что 2.17, 3.2
чудо 2.14, 3.48, 4.2, -есить 1.66, -ить 1.66, 3.64, -ище, -овище 1.47, -ной, -ный 1.16, 58, 3.53, 54
чудской 1.54
чужой 2.17, 3.54, -анин 1.69, -дый 3.13, 52
чумной 1.59
др. чути 2.14
чухломской 1.54
чхнуть 3.2
др. чьванъ 2.14

шаловливый 1.48, шальной 1.58
шатать 2.15
шат|ер 2.16, -ровый 1.63
швартовый 1.63
шевелить 1.17, 18
шелковый 1.62, -истый 1.48, -ица 1.47
шельмов|ской, -ство 1.52
шептать 2.16
шерсть 2.17, 3.37, -ный 1.59
др. шерть 3.37
шершневой 1.56, 62
шест 2.16
шесть 2.17, 18, -акъ (*др.*) 2.24, -еро 2.25, -ой 2.17
шея 2.3, 14
шибить 2.17
шип 2.16
шир|окий 1.16, 18, 48, 2.14, 25, 3.9, 54, 56, 4.1, -ить 1.66, 2.14, 25
шить 2.3, 14, 16, 3.14
шкафный 1.59
шквалистый 1.50
про-шкнуться 3.76
школяр 1.44
шмель 4.2
шмыгнуть 1.49
шов 3.2
шпорец 1.51
штанной 1.59
штрафной 1.59
штуковина 1.47
др. шуи 2.17, шуица 2.23

шум 1.30, 2.17, -еть 2.17, 3.60, -нуть 1.49
шустрый 1.12
шут 4.2, -ить 1.17, -ник 1.53, -овской, -овство 1.52

щавелевый 1.62
щадить (*и др.* щадѣти) 2.17, 3.60, 62, 66
др. щапити 3.60
щебен|ка 1.53, -ить 1.66
щеголь|ской, -ство 1.52
щедрый 2.16, 3.55, -ить 1.66, 3.14, -ота 2.25
щека 1.17, 2.17
щелок 3.38
щепа 2.16, 3.49, -ить 3.60
др. щепи 'затмение' 3.45
щербить 3.66
щит 2.16, -ить 3.60, 66, 74
щука 2.14

юг 2.14, 3.48
юдоль 2.27
юный 2.17, 3.52—54, 58, 4.3, -ак 1.44
юркнуть 1.49
юродивый 1.41

я 2.17, 19, 22
яблоко 2.14
яв|ить 1.17, 2.17, 3.10, 60, 61, 63, 64, 66, 68, 75, -ленъ (*др.*) 3.65, 66, -лять 2.23
др. ягня 2.14, 23
ягода 2.14
яд 2.17
ядро 2.16, 3.41, -еный 1.48, -ица 1.47
язва 2.14, -ина 2.23, -ить 1.66
язык 2.14, 4.2, -овой 1.63
язь 4.2
яйцо 1.12, 2.16, 17, 3.10, 13, 41, -евой 1.63, яичко 2.24
якорь 2.14, 4.2
др. якъ 2.17, 25
яловеть 1.49
яма 2.14
ям|ской 1.54, -щик 1.68
январь 2.16
ярый 2.17, 3.54, -ить 1.66, 3.60, 72
ясли 2.14
ясный 3.53, 54, -еть 1.49, -ить 1.66, 3.66
ястреб 2.14, 4.2
-ять, -нять 1.9, 11, 12, 18, 54, 2.3, 7, 16, 20, 3.2, 9, 10, 13, 53, 61, 64, 71, 72, 76
ячеистый 1.48
ячневик 1.51
ящерица 1.50

УКАЗАТЕЛЬ СУФФИКСОВ

Помимо отсылок к параграфам, обычно непосредственно указывается также маркировка суффикса: современная — после ссылки на гл. 1, древнерусская — на гл. 2. Для суффиксов с усложненными акцентными свойствами указывается только параграф. Суффиксы даны в их современном виде (кроме -**j*-); при необходимости указывается также их древний вид; порядок перечисления — обратный алфавитный (без учета окончания). В указатель не включены: заимствованные суффиксы с современной маркировкой ↓ D (см. их перечень в § 1.41); суффиксы глагольного словоизменения, кроме причастных (см. § 2.20); некоторые редкие суффиксы.

Суффиксы существительных

-б-а 1.51 (→); 2.24 (→)
-об-а 2.26
-ив-о 1.53 (←); 2.25 (—)
-ов-о 1.53 (←)
-тв-а 1.53 (←); 2.23 (↓)
-(е)ств-о 1.53 (←); *-ьств-о* 2.24 (→)
-аг-а, *-яг-а*, *-яг-а* 1.41 (↓ D)
-аж 1.44 (→D Polysyll, ↓ D)
-еж, *-ёж* 1.42 (→ D); 2.23 (↓, откл. к →)
-j-а 1.53 (←); *-ьj-а* 2.24 (→, изредка —)
*-*j-а* 2.23
-j-е/о: собират. 1.42 (→ D), не собират. 1.51 (→ Monosyll); *-ьj-е* 2.24 (→, изредка —)
-ай 1.47 (↓)
-ей 1.41 (↓ D)
-иj-а 1.45
-иj-е 1.53 (←)
-ениj-е 1.67
-ов'j-е 1.47 (↓)
-к-а 1.53 (←); *-ък-а*, *-ьк-а* 2.23 (↓, следы →)

-к-о назв. лошадиных мастей 1.53 (→), прочее 1.53 (←); *-ък-о*, *-ьк-о* 2.24 (→)
-ак 1.44 (→ D, изредка ↓ D); 2.24 (→)
-ак-а 1.41 (↓ D)
-чак 1.42 (→D)
-овк-а 1.47 (↓)
-ушек, *-ышек* 1.53 (←)
-ик: а) отадъективное 1.51 (→); 2.24; б) уменьшит. 1.53 (←); 2.24 (→ Re); в) прочее (заимств.) 1.43 (← D)
-ик-а: назв. ягод 1.41 (↓ D), прочее (заимств.) 1.43 (← D)
-овик 1.51 (→ Monosyll)
-ник 1.53
-о́вник, *-я́ник* 1.47 (↓ Monosyll)
-чик 1.53 (←)
-щик, *-овщик* 1.68
-инк-а 1.47 (↓)
-ок 1.51 (→, → Deox); *-ък-ъ*, *-ьк-ъ* 2.24 (→)
-очк-а, *-очк-о* (*-ечк-о*) 1.53 (←)
-ашк-а 1.41 (↓ D)
-ишк-а, *-ишк-о* 1.47 (↓)
-ушк-а: ласкательно-почтительное 1.53 (←); прочее 1.41 (↓ D)
-ушк-о, *-ышк-о* 1.53 (←)
-ык-а 1.41 (↓ D)
-оньк-а 1.53 (←)
-юк-а, *-як-а* 1.41 (↓ D)
-як 1.44 (→ D, изредка ↓ D)
-няк 1.42 (→ D)
-л-а 1.53 (←)
-л-о 1.53 (←); 2.24 (→)
-л-ь 1.43 (← D Init)
-тел-ь 1.53 (←); 2.25
-ил-о 2.23 (↓)
-сл-о 2.24 (→)
-ул-я, *-юл-я* 1.41 (↓ D)
-им 2.23 (↓)
-н-ь 1.43 (← D Init)
-н-я: собират., имена действия 1.42 (→ D), прочее 1.53 (←); *-ьн-я* 2.25
-ан, *-ан-я* 1.41 (↓ D)
-чан-е 1.69
-овн-я: назв. помещений 1.41 (↓ D), имена действия 1.42 (→ D)
-ен-ь 1.43 (← D Init)
-ён- (в назв. детенышей и т. п.) 1.41 (↓ D)
-зн-ь 2.23 (↓)
-изн-а 1.51 (→ Polysyll)
-ин (сингулятивы) 1.47 (↓)
-ин-а: а) отадъективные имена качества 1.51 (→); 2.24 (→); б) прочее 1.47 (↓, ↓ Deox); 2.23 (↓)
-овин-а 1.47
-чин-а, *-щин-а* 1.47 (↓)
-он-я 1.41 (↓ D)
-сн-ь 2.23 (↓)
-отн-я 1.42 (→ D)
-ун 1.42 (→D); 2.24 (→)
-ун-я 1.41 (↓ D)
-ын-я 1.47 (↓); *-ын-и* 2.23 (↓, следы —)
-ян-е 1.69; 2.25 (—, откл. к ↓)
-ар 1.44 (↓ D, изредка → D)
-ар-ь; отыменное 1.51 (→ Monosyll), отглагольное 1.53 (←); 2.24 (→)
-ер, *-ёр* 1.44
-сор, *-тор* 1.43 (← D)
-яр 1.44 (↓ D, изредка → D)
-т-ь 1.43 (← D Init)
-от-а: отадъективные имена качества 1.42 (→ D), отглагольное 1.47 (↓); 2.25 (—, откл. к →)
-ост-ь 1.53 (←); 2.25 (—Re, откл. к —Min)
-ят- (в назв. детенышей и т. п.) 1.41 (↓ D); 2.23 (↓)
-ах-а, *-ёх-а* 1.41 (↓ D)
-их-а 1.47 (↓)
-ох-а, *-ух-а* 1.41 (↓ D)
-ц-а (*-ец-а*) 1.51 (→); *-ьц-а* 2.24 (→)
-ц-о/е 1.51 (→ Polysyll); *-ьц-е* 2.24 (→)
-ец-о (*-иц-е*) 1.51 (→)
-ец: уменьшит. 1.53 (← Triv), прочее 1.51 (→, → Monosyll); *-ьц-ь* 2.24 (→)
-иц-а 1.47 (↓); 2.23 (↓)
-ниц-а (аддитивное) 1.47 (↓)
-ач 1.42 (→ D); 2.24 (→)
-ич 1.51 (→); 2.23 (↓)
-о́вич: апеллятивы и отчества 1.47 (↓ Triv), фамилии 1.41 (↓ D)
-ш-а 1.53 (← Triv)
-аш 1.42 (→D)
-уш-а 1.41 (↓D)
-ыш 1.51 (→)
-ищ-а 1.47 (↓)
-ищ-е 1.47 (↓); 2.23 (↓)
-бищ-е 1.53 (←)
-ови́щ-е 1.47 (↓)
-мя (*-мен-*) 2.25 (—)
-'- 1.43 (← D Init)

Суффиксы прилагательных

-ав- 1.41 (↓ D); 2.25 (—)
-ив- 1.41 (↓ D); 2.23 (↓)
-лив- 1.48 (↓ Monosyll Deox)
-чив- 1.48 (↓)
-ов-: притяжат. 1.48 (↓ Triv), не притяжат. 1.61—63; 2.25 (—)
-ляв- 1.41 (↓ D)
*-*j-*: а) притяжат. 2.25 (—); б) сравнит. 1.54; 2.23
-ej(e) (сравнит.) 1.48 (↓); *-ě̆j-* 2.23 (↓)
-(и)j- (притяжат.) 1.54 (←); *-ьj-* 2.24 (→, изредка —)
-к- 1.54 (←); *-ък-* 2.25 (—)
-ак- 2.25 (—)
-ёнек (*-о́нек*) 1.48 (↓)
-ок- 1.48 (↓); 2.25
-(е)ск- 1.54 (←); *-ьск-* 2.25 (—)
-овск-: в семантич. группе колдовства, плутовства и т. п. 1.52 (→ Monosyll), прочее 1.48 (↓Triv)
-еньк- (*-оньк-*) 1.54 (←)
-юсеньк-, *-ёшеньк-*, *-ёхоньк-* 1.41 (↓ D)
-л- 1.54 (←); 2.20, 21
-им- 1.67; 2.20, 21
-ом- 1.48 (↓); 2.20, 21
-н-: а) причастное 1.54 (← Polysyll); 2.20, 21; б) не причастное 1.57—60; *-ьн-* 2.25 (—)
н'- 1.54 (←); *-ьн'-* 2.23 (↓, следы —)
-овн- 1.48 (↓ Monosyll)
-ин- притяжат. 1.54 (←), фамилии 1.52 (→), не притяжат. 1.41 (↓ D); 2.23, 24
-нн- 1.54 (← Polysyll)
-енн-: усилительное 1.41 (↓ D), отыменное 1.54 (←)
-ён(н)-, *-ен(н)-* (причастное) 1.48 (↓); *-ен-* 2.20, 21
-шн'- 1.54 (←)
-ян- 1.64; 2.25 (—)
-ер- (в *пятеро* и т. д.) 2.25 (—)
-т- 1.54 (←, ← Polysyll), 2.20
-ат- 1.41 (↓ D); 2.23 (↓)
-ова́т- 1.41 (↓ D)
-чат- 1.54 (←)
-ит- 1.41 (↓ D); 2.23 (↓)
-ови́т- 1.41 (↓ D)
-аст- 1.41 (↓ D)
-ист-: «содержащий соотв. вещество» 1.54 (← Triv), прочее 1.48 (↓ Deox); 2.23 (↓)
-уч-, *-яч-* 1.41 (↓ D); 2.20, 21
-ш-е (сравнит.) 1.54 (←)
-(в)ш- 1.54 (←); *-ъш-* 2.20, 21 (—)
-ейш-, *-айш-* 1.48 (↓); *-ě̆jьш-* 2.23 (↓)
-ущ-, *-ющ-* (усилительное) 1.41 (↓ D)
-ущ-, *-ящ-* (причастное) 1.48 (↓); 2.21

Суффиксы глаголов

-а-ть: вторичные имперфективы 1.41 (↓ D), отыменные *-aj-*глаголы 1.49 (↓); 2.20, 21, 23
-ова́-ть 1.65; 2.20, 23 (↓ Min)
-(е)ствова-ть 1.55 (←)
-ирова-ть 1.65
-изи́рова-ть 1.41 (↓ D)
-ыва-ть 1.55 (←); 2.23
-(н)ича-ть 1.55 (←)
-е-ть 1.49 (↓); 2.20, 23 (↓)
-ове́-ть, *-ене́-ть* (*-яне́-ть*) 1.49 (↓ Monosyll)
-и- (в составе *-и-л-*, *-и-тел-*) 1.41 (↓ D)
-и-ть 1.66; 2.20, 25 (—)
-уj- (в презенсе *ova*-глаголов) 2.20 (↓)
-ну-ть: выпадающее в прош. времени 1.55 (←), не выпадающее 1.49 (↓); 2.20, 25

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Цифры означают параграфы, где термин определяется или разъясняется

аддитивный суффикс 1.38

акцентная кривая (схема ударения) 1.8, 2.11

акцентная маркировка 0.2, 1.21, 2.7

акцентная парадигма 2.10; а. п. *a* (баритонированная), а. п. *b* (окситонированная), а. п. *c* (подвижная) 2.10

акцентно самостоятельная словоформа 2.4

акцентные знаки 3.16

акцентный тип 1.10; тривиальный, нетривиальный, флексионный, подвижный, смежно-подвижный, маргинально-подвижный акцентные типы 1.10

акцентовка 0.3

акцентологическая классификация: морфем 1.21, 2.7; основ 1.29

акцентуация 0.3

базисное правило 1.22, 2.8

базовый компонент 1.19

вария 3.16

вторичный суффикс 1.25

дефинализация ударения 3.9

диалектные зоны в старовеликорусском (восточная и западная) 3.33, 77

доминантность 1.21; доминантная, недоминантная основа (или базовый компонент) 1.29, 30

заменительный суффикс 1.38

иктусные и неиктусные акцентные знаки 3.16

исо 3.16

камора 3.16

клитика 2.4

книжная акцентовка 3.11

консонизатор корня (или основы) 1.19

коэффициент акцентуированности (плотность акцентовки) 3.16

коэффициент выраженности /ô/ 3.20

левоударная морфема 1.21

маркировка *см.* акцентная маркировка

микросистема (точечная система) 3.1

морфемный комплекс 1.24
- двукорневой м. к. 1.26
- глагольный м. к. 1.24, 25
- именной м. к. 1.24—26
- приставочно-корневой м. к. 1.24

морфологическая классификация глаголов 0.3

народная акцентовка 3.11

оксия 3.16

ортотоническая словоформа 2.5

освоенность или неосвоенность слова 1.5

первичный суффикс 1.25

перемаркировка 1.23, 2.9

плотное или неплотное примыкание морфем 1.4

плотность акцентовки (коэффициент акцентуированности) 3.16

поглощающий или непоглощающий сращенный суффикс 1.37

позднедревнерусский 3.1

полная запись фонемы /ô/ 3.20

полновокальные и неполновокальные морфемы 1.19

правоударная морфема 1.21

прагматический фактор 1.5

«привязка» ударения к некоторой маркировке 1.22

проклитика 2.4

раннедревнерусский 3.1

самоударная морфема 1.21

сильная, слабая, промежуточная основа (или базовый компонент) 1.29, 30

сращенный суффикс 1.37

старовеликорусский 3.1

субпарадигма 1.7

схема ударения (акцентная кривая) 1.8

схематическая изоглосса 3.33

тактовая группа 2.4

тематизация ударения 3.8

тематический элемент 0.3, 1.19

точечная система (микросистема) 3.1

ударение 0.3, 1.1
автоматическое у. 2.5
автономное у. 2.5
второстепенное у. 1.1, 3.7
книжное у. 3.11
колонное у. 1.1
маргинально-подвижное у. 1.10, 2.10
наосновное у. 1.1
народное у. 3.11
нетривиальное у. 1.10
подвижное у. 1.10
предфлексионное у. 1.1
ритмическое у. 3.7
смежно-подвижное у. 1.10, 2.10
строгое или нестрогое маргинально-подвижное у. 2.10
тривиальное у. 1.10
флексионное у. 1.1, 10
фонологическое у. 2.5
упрощенная запись фонемы /ô/ 3.20
фонемы /ô/ и /ɔ/ и их графическая передача 3.19
цепь (акцентных) маркировок 1.22, 2.8
энклиномен 2.5
энклитика 2.4
этимологически долгие и этимологически краткие морфы 2.2

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава первая

АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА 8

Общие положения 8

Общее (§ 1.1). *Исходные данные.* Общее (§ 1.2). Непроизводные и производные слова (§ 1.3). Плотное и неплотное присоединение морфем (§ 1.4). Освоенные и неосвоенные слова (§ 1.5). *Структура описания* (§ 1.6—7). *Схемы ударения* (§ 1.8—9). *Акцентные типы* (§ 1.10—11). *Правила постановки ударения в словоформах по схеме ударения слова* (§ 1.12). *Перенос ударения на предлог или частицу* (§ 1.13).

Ударение непроизводных слов (§ 1.14—17) 22

Ударение производных слов 29

Общие сведения (§ 1.18—20). *Акцентологическая классификация морфем.* Система маркировок (§ 1.21). Базисное правило (§ 1.22). Перемаркировка (§ 1.23). *Морфемные комплексы.* Приставочно-корневые комплексы (§ 1.24—25). Другие типы комплексов (§ 1.26). «Опорное» *-ов-* (§ 1.27). Перемаркировка морфем в составе комплексов (§ 1.28). *Акцентологическая классификация основ* (§ 1.29—30). *Акцентологически обусловленное ограничение на сочетаемость морфем* (§ 1.31). *Поэтапные правила определения акцентуации производных слов* (§ 1.32—34). *Маркировки приставок* (§ 1.35). *Маркировки суффиксов.* Общее (§ 1.36). Сращенные суффиксы (§ 1.37). Заменительные суффиксы (§ 1.38). *Списки суффиксов с маркировками.* Общее (§ 1.39). Доминантные суффиксы (§ 1.40—45). Недоминантные суффиксы (§ 1.46—55). *Суффиксы с усложненной акцентной характеристикой.* Связь акцентуации с противопоставлением качественных и относительных прилагательных (§ 1.56). Суффикс *-н-* (§ 1.57—60). Суффикс *-ов-* (§ 1.61—63). Суффикс *-ян-* (§ 1.64). Суффиксы *-ова-ть* и *-ирова-ть* (§ 1.65). Суффикс *-и-ть* (§ 1.66). Суффиксы *-им-* и *-ениj-е* (§ 1.67). Суффиксы *-щик* и *-овщик* (§ 1.68). Суффиксы *-ян-е*, *-чан-е* (§ 1.69).

Глава вторая

ПРАСЛАВЯНСКАЯ И РАННЕДРЕВНЕРУССКАЯ АКЦЕНТНЫЕ СИСТЕМЫ 113

Общее (§ 2.1—3)

Общие сведения о раннедревнерусской просодической системе . . . 118

Общее (§ 2.4—6). Акцентная маркировка морфем (§ 2.7). Базисное правило (§ 2.8—9). Акцентные парадигмы (§ 2.10). Акцентные кривые (§ 2.11). Зависимость между акцентуацией производящих и производных слов (§ 2.12).

Сведения о маркировке конкретных морфем 129

Корни (§ 2.13). Акцентная парадигма *a* (§ 2.14—15). Акцентная парадигма *b* (§ 2.16). Акцентная парадигма *c* (§ 2.17). *Окончания и словоизменительные суффиксы* (§ 2.18—21). *Клитики и приставки* (§ 2.22). *Словообразовательные суффиксы.* Суффиксы с основной маркировкой ↓ (§ 2.23). Суффиксы с основной маркировкой → (§ 2.24). Суффиксы с минусовой основной маркировкой (§ 2.25). *Особые акцентные явления в приставочных именах и сложных словах* (§ 2.26—29).

Итоги раннедревнерусской акцентной реконструкции (§ 2.30) . . . 157

Акцентные отличия раннедревнерусского от праславянского (§ 2.31—34) 160

Глава третья

АКЦЕНТНЫЕ СИСТЕМЫ XIV—XVII ВЕКОВ 166

Общее (§ 3.1)

Основные акцентные явления позднедревнерусского периода . . . 168

Падение редуцированных и ударение (§ 3.2). *Противопоставление фонем /э/ и /о́/* (§ 3.3—5). *Совпадение автономного и автоматического ударений* (§ 3.6). *Второстепенное ударение* (§ 3.7). *Акцентные перестройки аналогического характера* (§ 3.8). *Дефинализация ударения* (§ 3.9—10).

Народная и книжная акцентовка (§ 3.11—14) 188

Письменные источники и проблемы их интерпретации 198

Общее (§ 3.15). *Акцентные знаки и их системы* (§ 3.16—18). *Системы графической передачи фонем /э/ и /о́/* (§ 3.19—20). *Использованные памятники.* Общее (§ 3.21). Новгород (§ 3.22). Обонежье (§ 3.23). Псков (§ 3.24). Смоленск (§ 3.25). Ближний запад (§ 3.26). Москва (§ 3.27). Юг (§ 3.28). Юго-восток (§ 3.29). Ближний северо-восток (§ 3.30). Дальний северо-восток (§ 3.31). Прочие (§ 3.32). *Вопрос о применении карт* (§ 3.33).

Анализ ударения в некоторых важных звеньях старовеликорусской морфологической системы 241

Общее (§ 3.34). *Существительные.* Дефинализация ударения в склонении существительных а. п. *b* (§ 3.35). М. ед. в а. п. *c* (§ 3.36—39). И. В. мн. у neutra а. п. *c* и *b* (§ 3.40—41). И. мн. и В. мн. у masculina а. п. *c* (§ 3.42). Т. мн. на *-ы* (*-и*) в а. п. *c* (§ 3.43). Т. мн. на *-ьми* в а. п. *c* (§ 3.44). Д. мн. на *-омъ* (*-емъ*) в а. п. *c* (§ 3.45—46). М. мн. на *-ѣхъ* (*-ихъ*) в а. п. *c* (§ 3.47). Дополнительные замечания о существительных (§ 3.48—50). *Прилагательные.* Общее (§ 3.51). Нечленные формы прилагательных а. п. *c* и *a* (§ 3.52—54). Нечленные формы прилагательных а. п. *b* (§ 3.55). Нечленные формы «группы *высоко*» (§ 3.56). Нечленные формы «группы *красно*» (§ 3.57). Членные формы прилагательных а. п. *c* (§ 3.58—59). *Глаголы.* 2 мн. презенса в а. п. *c* (§ 3.60). 1 ед. презенса в а. п. *c* (§ 3.61). Деепричастия на *-а*, *-я* в а. п. *c* (§ 3.62). Подвижное ударение в прош. времени (§ 3.63). Деепричастия прош. времени у глаголов с подвижным ударением в прош. времени (§ 3.64). Страдательные причастия прош. времени (§ 3.65—70). Инфинитивы с исконным ударением на *-ти* (*-чи*, *-щи*) (§ 3.71). Императивы с исконным флексионным ударением (§ 3.72). Тематизация ударения (§ 3.73). Перестройка ударения в презенсе *i-* и *ě*-глаголов (§ 3.74—75). Презенс с неслоговым корнем (у корневых, *a-* и *ǫ*-глаголов) (§ 3.76). *Диалектологические итоги анализа старовеликорусских акцентных систем* (§ 3.77).

Глава четвертая

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АКЦЕНТНОЙ ЭВОЛЮЦИИ . . . 371

Общее (§ 4.1). Акцентная эволюция в словоизменении (§ 4.2—5). Акцентная эволюция в словообразовании (§ 4.6). Эволюция акцентной системы в целом (§ 4.7).

Принятые сокращения 387

УКАЗАТЕЛИ

Указатель слов 394

Указатель суффиксов 421

Предметный указатель 424

ДРУГИЕ РАБОТЫ ПО АКЦЕНТОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

УДАРЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ СКЛОНЕНИИ

Предварительные сведения

1. Цель настоящей работы, во-первых, описать существующие в современном русском языке типы размещения ударения в словоформах склоняемых слов; во-вторых, сформулировать правила, позволяющие по исходной словоформе и типу склонения определить место ударения во всех остальных словоформах слова. Описание носит практический характер. Теоретические вопросы, связанные с описанием ударения в словоизменительной системе, в настоящей работе почти не рассматриваются.

2. В работе описывается только нормативное ударение, т. е. ударение, соответствующее требованиям словаря-справочника «Русское литературное произношение и ударение» [1].

3. Объем рассмотренного материала — все склоняемые слова, включенные в указанный словарь-справочник [2].

4. В настоящем описании мы исходим из того, что каждая словоформа разделена на основу и окончание. Как известно, разделение словоформ на основу и окончание содержит элемент условности и поэтому может быть произведено разными способами. Мы придерживаемся здесь наиболее обычного, традиционного способа выделения окончаний в письменном языке, а именно считаем окончаниями элементы, включенные в «Таблицы окончаний» вступительной статьи к «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова [3]. Для иллюстрации укажем, что, например, у слов *стол, конь, музе́й, стена́, мо́ре, но́вый, наш, твой* окончания находятся отбрасыванием во всех словоформах основ *стол-, кон-, музе-, стен-, мор-, нов-, наш-, тво-*. Укажем также способ выделения окончаний в нескольких особых случаях: множ. число на *-ья — муж-ья́, муж-е́й, дере́в-ья, дере́в-ьев*; ср. род. на *-я — и́м-я* (в отличие от традиционного деления), *и́мен-и*, также *дит-я́, дитя́т-и;* другие случаи чередования основ — *мат-ь, ма́тер-и, не́б-о, небес-а́, славяни́н-, славя́н-е, хозя́ин-, хозя́ев-а* и т. д. Для аномальных местоимений и числительных способ выделения основы и окончания указывается на стр. 445.

---

[1] «Русское литературное произношение и ударение». Словарь-справочник под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.

[2] При редактировании статьи наименее употребительные слова были исключены из списков. Эти сокращения равносильны некоторому уменьшению объема рассмотренного материала. — Прим. ред.

[3] «Толковый словарь русского языка». Под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. I. М., 1935. Статья «Как пользоваться словарем», §§ 40 и 48.

5. В работе не рассматриваются краткие формы и степени сравнения прилагательных; иначе говоря, объектом изучения является то, что можно назвать «системой склонения в узком смысле слова».

6. Особую трактовку получают так называемые «2-й родительный падеж» на *-у, -ю* и «2-й предложный» на *-у́, -ю́, -и́*. Как известно, они представлены особыми словоформами только у меньшинства существительных. При этом по буквенному составу обе эти формы совпадают с соответствующим дательным падежом; место ударения в них однозначно определяется по следующему простому правилу: во «2-м родительном» оно такое же, как в дательном, а во «2-м предложном» ударение всегда падает на окончание, независимо от распределения ударения в остальных словоформах. Из сказанного следует, что при экономном описании в характеристику отдельного слова должны входить только указания о том, есть ли вообще у этого слова «2-й родительный» или нет и есть ли вообще «2-й предложный» или нет, но не должно входить никаких указаний о способе образования этих форм (например, о месте ударения в них). На этом основании мы будем рассматривать ниже всякую парадигму как шестипадежную и, говоря о распределении ударения в парадигме, никак не будем учитывать место ударения в обеих этих формах.

7. В работе не рассматриваются следующие особые явления: а) перенос ударения на предлог[1], например *на́ пол, за́ голову* (иногда, правда, такие факты указываются в примечаниях); б) особое ударение в сочетании с числительными *два, три, четыре,* например *два часа́*; в) особое ударение в сочетании с определенными предлогами (кроме *в, на*), например *по груди́*; г) особое ударение в устойчивых словосочетаниях, например *гу́ба не ду́ра, гол как соко́л, ни черта́.*

Ударение в склонении существительных

Ударение в склонении русских существительных наиболее целесообразно описывать в два приема, а именно:

1. Место ударения в каждой словоформе определяется только с точностью до морфологического компонента (основы или окончания); иначе говоря, учитывается только то, является ли ударение в данной словоформе наосновным или наконечным.

Выявляются все встречающиеся в русском языке типы распределения наосновного и наконечного ударения по словоформам парадигмы; эти типы мы называем «схемами ударения».

2. Формулируются правила, позволяющие по исходной словоформе и схеме ударения определить точное место ударения во всех словоформах парадигмы.

Схемы ударения

Описывая распределение ударения в конкретных парадигмах, следует учитывать две важные особенности русского склонения.

1. В некоторых формах склонения возможны бесслоговые окончания, т. е. окончания, не содержащие гласных. Таковы окончания **нуль** (например, в словоформах *стол, карт*), *-ь (конь, пуль), -й (музе́й, ли́ний)* [2], встречающиеся в им. и вин. ед. и в род. и вин. мн. Понятно, что ударение не может падать на эти окончания и во всех таких слово-

[1] См. Р. И. Аванесов. Ударение в современном русском литературном языке. М., 1958, стр. 40—41.

[2] Как уже указывалось выше, принято разделение на основу и окончание, естественное для письменного языка. С фонетической точки зрения во всех трех случаях окончание нулевое. Легко видеть, что для описания ударения эта разница несущественна, поскольку она никак не отражается на счете слогов.

формах всегда находится на основе. Однако нецелесообразно считать все такие словоформы однотипными в отношении ударения. Сравним, например, слова *ка́рта* и *черта́*. У первого слова ударение во всех словоформах падает на основу (*ка́рты, ка́рте* и т. д.); у второго во всех словоформах, кроме род. мн., ударение падает на окончание (*черты́, черте́* и т. д.). Лишь в той форме, где окончание нулевое (род. мн.), ударение у этих слов одинаковое: *карт, черт*. Естественно считать, что, несмотря на фактическое сходство, эти два случая по существу различны: в словоформе *карт* ударение занимает, так сказать, свое обычное место, тогда как в словоформе *черт* оно оказалось на основе лишь потому, что окончание здесь не содержит гласной. Чтобы отразить это различие, мы можем условиться считать, что во втором случае ударение стоит на окончании.

Именно такой подход к описанию ударения в словоформах с неслоговым окончанием принят в русской языковедческой традиции[1]. Его преимущество состоит в том, что, во-первых, схема ударения таких слов, как *черта́*, становится более простой (мы можем сказать теперь, что это слово имеет наконечное ударение во всей парадигме); во-вторых, существенно сокращается общее число различных схем ударения (так, например, слова *черта́* и *ступня́* попадают теперь в одну схему, тогда как прежде мы должны были бы отнести их к разным схемам: ср. *че́рт*, но *ступне́й*).

Таким образом, в словоформе с неслоговым окончанием при выявлении схемы ударения учитывается не д е й с т в и т е л ь н о е ударение, а ударение, у с л о в н о приписанное этой словоформе. Его можно назвать «у с л о в н ы м ударением»[2].

Практически, выявляя распределение ударения в парадигме, мы будем руководствоваться следующим правилом: считается, что в словоформе с неслоговым окончанием ударение (условное) стоит на том же компоненте (основе или окончании), что и действительное ударение в словоформе д а т е л ь н о г о падежа того же числа. Так, например, мы будем считать, что словоформа *коро́в* имеет наосновное ударение (ср. *коро́вам*), словоформа *голо́в* — наконечное ударение (ср. *голова́м*); словоформа *пол* — наосновное ударение (ср. *по́лу*), словоформа *стол* — наконечное ударение (ср. *столу́*).

П р и м е ч а н и е. В соответствии с точным смыслом данного правила, неизменяемые существительные (типа *шоссе́*), у которых все словоформы имеют нулевое окончание, считаются имеющими ударение на основе во всей парадигме.

2. Среди 12 грамматических форм русского существительного (6 падежей×2 числа) особое место занимает форма вин. мн. Эта форма никогда не имеет самостоятельного выражения, совпадая у одних существительных («неодушевленных») с имен. мн., у других («одушевленных») — с род. мн. В нашем описании мы можем исходить из того, что нам известно про каждое существительное, относится ли оно к разряду «неодушевленных» или «одушевленных».

Из сказанного следует, что при выявлении схемы ударения в конкретных парадигмах словоформу вин. мн. можно вообще не учитывать. Действительно, если мы знаем, как распределяется ударение в остальных 11 словоформах парадигмы и к какому разряду существительных (к «неодушевленным» или к «одушевленным») принадлежит данное слово, то мы всегда сможем легко восстановить место ударения в вин. мн. Итак, в дальнейшем мы будем рассматривать только 11 форм из 12;

[1] Наиболее четкая формулировка этого принципа содержится в цитированной выше книге Р. И. Аванесова (стр. 21—22). Во многих других описаниях, например в Академической грамматике, этот принцип используется, но не формулируется в явном виде.

[2] Заметим, что вопрос об условном ударении в действительности более сложен, но для целей настоящей работы приведенного выше описания достаточно.

это значит, в частности, что два слова, различающиеся по месту ударения только в вин. мн. (например, *ночь* и *мышь*), будут считаться имеющими одну и ту же схему ударения.

Если учесть оба описанных выше особых обстоятельства, то оказывается, что у русских существительных встречаются 12 различных схем ударения. Шесть из них встречаются часто; шесть других представлены лишь немногими словами (около 40 слов на все шесть схем). Часто встречающиеся схемы ударения мы будем называть о с н о в н ы м и. Эти схемы таковы:

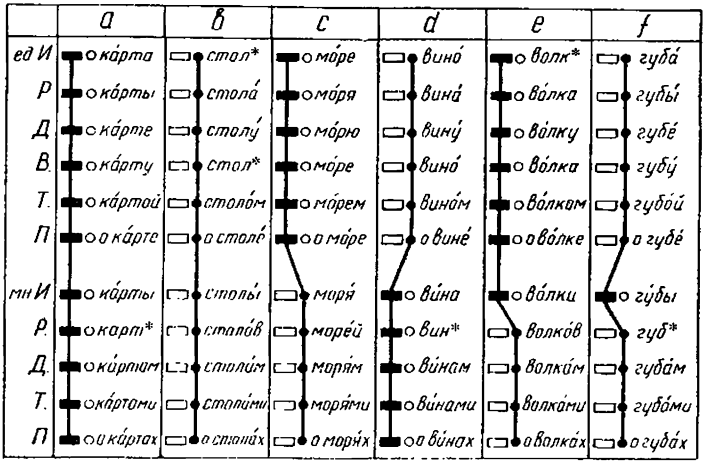
a — неподвижное ударение на основе;
b — неподвижное ударение на окончании;
c — ударение на основе в ед. ч., на окончании — во мн. ч.;
d — ударение на окончании в ед. ч., на основе — во мн. ч.;
e — ударение на основе в ед. ч. и в им. мн., на окончании — в косвенных падежах мн. ч.;
f — ударение на окончании во всех формах, кроме им. мн.[1].

Различия между шестью основными схемами ударения можно представить в виде следующей таблицы:

Формы \ Схема ударения	*a*	*b*	*c*	*d*	*e*	*f*
ед. ч.	на основе	на окончании	на основе	на окончании	на основе	на окончании
мн. ч. им.			на окончании	на основе	на основе	на основе
мн. ч. род., дат., твор., предл.					на окончании	на окончании

Образцы основных схем ударения

В таблице основа представлена прямоугольником, окончание — кружком. Ударная часть слова закрашена черным.

* Место ударения указано в соответствии с правилом, данным на стр. 433.

[1] Основные схемы ударения соответствуют группам существительных, выделяемым в § 278 I тома Академической грамматики, а именно: схема *a* — группе 1, *b* — гр. 4, *c* — гр. 2, *d* — гр. 5, *e* — гр. 3, *f* — гр. 6. Избранный нами порядок схем представляется более удобным для практических целей, поскольку неподвижное ударение (господствующий тип) здесь четче отграничивается от подвижного.

Замечание 1. Понятно, что всякое существительное с полной парадигмой, не имеющее колебаний ударения, может быть отнесено только к одной, вполне определенной схеме ударения. Иначе обстоит дело с существительными, у которых часть словоформ отсутствует (например, нет ед. или мн. числа). Действительно, поскольку отсутствующим словоформам можно приписать какое угодно ударение, мы можем отнести, например, такое слово, как *но́жницы,* и к схеме *a* и к схеме *d*. Для таких случаев мы принимаем следующее правило: если слово с неполной парадигмой, вообще говоря, может быть отнесено к двум или нескольким разным схемам ударения, мы будем считать, что оно принадлежит к той из них, которая стоит первой по алфавиту. Так, слово *но́жницы* принадлежит к схеме *a*, слово *бельё* — к схеме *b*, слово *са́ни* — к схеме *e* и т. д.

Замечание 2. У ряда слов в части словоформ ударение колеблется. Например, слово *мост* может иметь во всем ед. ч. как наосновное, так и наконечное ударение. Для упрощения описания мы мысленно «разлагаем» всякую парадигму с колебаниями ударения на две парадигмы без колебаний, каждая из которых выступает в дальнейшем как самостоятельная единица описания. Так, слово *мост* «разлагается» на 2 единицы: *мост* схемы *b* и *мост* схемы *c*; в самом деле, наложение друг на друга схем *b* и *c* даст именно те колебания, которые наблюдаются в действительности. Таким образом, это слово будет фигурировать как в списке слов схемы *b*, так и в списке слов схемы *c*; но при этом в первом случае при нем будет указание «//*c*», т. е. «наряду (параллельно) со схемой *c*», а во втором случае — указание «//*b*». Разумеется, все сказанное применимо и к тем случаям, когда различие в ударении связано с различием в значении, ср. *лист* (дерева) — схема *d* (мн. *ли́стья*) и *лист* (бумаги) — схема *b* (мн. *листы́*). В таких случаях при слове будет указано, какое значение имеется в виду.

Как указано выше, за рамками 6 основных схем ударения остается лишь небольшая группа существительных, среди которых можно выделить еще 6 схем ударения. Каждую из этих второстепенных схем можно представить как результат отклонения в одной или двух формах от одной из основных схем. Соответственно мы будем обозначать второстепенную схему ударения той же буквой, что и основную схему, к которой она примыкает, но с добавлением штриха (или двух штрихов), указывающего на наличие отклонения.

Встречаются следующие типы отклонений:

1. Наосновное ударение в вин. ед. вместо ожидаемого наконечного. Оно дает, во-первых, схему *f′*, включающую слова: *борода́, борона́, голова́* (часть тела), *гора́, доска́, кроха́, нога́, пэлоса́* (//*f*), *пора́, река́* (//*f*, *d*, *d′*), *рука́, среда́* (день), *стена́, сторона́, строка́* (//*f*), *щека́*; во-вторых, схему *d*, включающую слова: *верста́* (//*d*), *вода́, душа́, заря́* (сигнал), *земля́, зима́, изба́* (//*d*), *коса́* (орудие) (//*d*), *река́* (//*d*, *f*, *f′*), *спина́, цена́*.

Примечание. Для большинства слов с данным отклонением характерен перенос ударения на предлог в вин. падеже обоих чисел, например: *на́ голову, за́ руки, на́ зиму*.

2. Наосновное ударение в твор. ед. вместо ожидаемого наконечного. Оно дает схему *b′*, включающую слова: *вошь, глушь, ложь, любо́вь, рожь*.

3. Наконечное ударение в имен. и вин. ед. вместо ожидаемого наосновного. Оно дает схему *c′*, представленную словами *получа́с, полша́г*.

4. Наосновное ударение в дат. и предл. мн. вместо ожидаемого наконечного. Оно дает схему *e′*, представленную словами *ребёнок* — мн. *де́ти, челове́к* — мн. *лю́ди*.

5. Отклонения 3 и 4 вместе. Они дают схему *e″*, представленную словом *дитя́* — мн. *де́ти*.

Определение схемы ударения по исходной словоформе и типу склонения

Распределение существительных по схемам ударения в современном русском языке очень сложно. Во многих случаях обнаружить какую-либо внутреннюю синхронную закономерность чрезвычайно трудно или вообще невозможно и при описании остается лишь прибегнуть к составлению списков.

Распределение существительных по схемам ударения можно описать, например, охарактеризовав какими-либо положительными признаками состав слов, относящихся к каждой из схем ударения. Наиболее подробное из существующих описаний такого рода (к сожалению, все же неполное), содержится в I томе Академической грамматики (§§ 250—278), где существительные каждой схемы характеризуются с точки зрения производности или непроизводности основы, числа слогов основы и т. д. Там же читатель найдет большое число примеров, а в ряде случаев и исчерпывающие списки.

Описание можно построить и иначе, более непосредственно подчинив его практическим целям, а именно, можно сформулировать правила, позволяющие определить схему ударения любого существительного по его исходной словоформе (т. е. по имен. ед., а если ед. ч. нет — по имен. мн.). В настоящей работе описание строится именно таким способом. При этом мы отказываемся от всех критериев, не поддающихся четкому определению, например от различения производных и непроизводных основ (грань между которыми, как известно, весьма неопределенна), от различения исконно русских и заимствованных слов, от семантических критериев и т. п.[1]. Разумеется, этот подход приводит к увеличению числа и объема списков, однако только таким способом можно обеспечить точность и недвусмысленность описания.

Нецелесообразно, однако, отказываться при определении схемы ударения от в с е х сведений о слове, кроме тех, которые дает исходная словоформа. Дело в том, что для нашей цели часто бывают существенны такие сведения о слове (например, тип склонения, наличие определенного чередования в основе), которые учащийся должен знать в любом случае, независимо от того, нужны эти сведения для определения схемы ударения или нет. В приводимых ниже правилах используются следующие сведения.

Прежде всего, предполагается известным, к какой из следующих 8 групп относится рассматриваемое существительное:

1) изменяемые существительные мужского рода с окончанием исходной словоформы **нуль**, *-ь* или *-й*;

2) существительные среднего и мужского родов с окончанием *-о*, *-е* или *-ё* и существительные среднего рода с окончанием *-я* (группа слов на *-мя*);

3) существительные женского и мужского родов с окончанием *-а* или *-я*;

4) существительные женского рода с окончанием *-ь*;

5) pluralia tantum (окончания *-ы*, *-и*, *-а*, *-я*);

6) существительные всех родов, склоняющиеся по адъективному и местоименному типам (окончания *-ый, -ой, -ий, -ийся; -ая, -яя, -ья, -аяся; -ое, -ее, -еся*) (= субстантивированные прилагательные и причастия);

7) неизменяемые существительные всех родов;

---

[1] В некоторых случаях закономерности, связанные с критериями такого рода, указаны в примечаниях.

8) сложные существительные с основой *пол-* в первой части (окончания *-а, -я, -ы, -и*)[1].

Примечание. Как можно видеть, для этой классификации в большинстве случаев достаточно исходной словоформы. Дополнительные сведения нужны в случаях типа *медáль — миндáль, рабóта — воротá, ведрó — метрó, герóй — часовóй* и некоторых других.

Кроме того, используются следующие сведения:

1) употребляется ли данное слово во мн. числе (ср. *высотá* и *простотá*);

2) для слов муж. рода — какое окончание имеет данное слово в имен. мн.: *-ы* (*-и*), *-а* (*-я*), *-е* или *-ья* (ср. *жúтель* и *кúтель, жук* и *сук*);

3) для слов муж. рода — является ли последняя гласная исходной словоформы беглой (ср. *потóк* и *катóк*)[2].

Правила определения схемы ударения

Предварительные замечания. 1. В правилах, если не оговорено обратное, под основой слова понимается основа исходной словоформы. Основы классифицируются по двум главным признакам: по числу слогов и по месту ударения. По числу слогов различаются неслоговые основы (*зл-о, тл-я*) и слоговые (*дом-, голов-á*). Слоговые основы делятся на односложные (*дом-, вин-ó*) и неодносложные (*топóр-, сковород-á*). По месту ударения основы делятся на ударные (*дом-, болóт-о*) и безударные (*зл-о, голов-á*) (следует особо подчеркнуть, что в правилах везде учитывается только действительное место ударения[3]). Ударные основы делятся на основы с начальным ударением (*кóлокол-, дом-*) и основы с неначальным ударением (*топóр-, царáпин-а*). Заметим специально, что таким образом ударные односложные основы всегда попадают в группу основ с начальным ударением. Основы с неначальным ударением могут быть подразделены на основы с конечным ударением (*топóр-, болóт-о*) и основы со срединным ударением (*харáктер-, царáпин-а*).

2. Сложные слова с основой *полу-*, а также с «интернациональными» основами *авиа-, авто-, аэро-, гидро-, микро-, мото-* и т. п. в первой части относятся к той же схеме ударения, что и соответствующие простые слова (исключения: *полукрýг* — схема *а*, ср. *круг* — схема *с*; *полутéнь* — схема *а*, ср. *тень* — схéма *е*). Таким образом, на эти слова приводимые ниже правила не распространяются.

Группа первая. Изменяемые существительные мужского рода с окончанием **нуль**, *-ь* или *-й*

А. Слова, имеющие в имен. мн. окончание *-е*.

Такие слова принадлежат к схеме *а*, например: *славянúн, цыгáн*.

Б. Слова, имеющие в имен. мн. окончание *-а* или *-я*.

Слова с исходной словоформой на *-ёнок, -онок*, а также слово *хозя́ин* (мн. *хозя́ева*) принадлежат к схеме *а*, например: *волчóнок — волчáта*. Обособленно стоит слово *щенóк* (мн. *щеня́та* и *щенкú*), которое принадлежит к схеме *d* (*// b*).

Три изолированных слова принадлежат к схеме *b*: *лемéх* (*// лéмех*, схема *с*), *обшлáг, рукáв*.

Все прочие слова принадлежат к схеме *с*, например: *áдрес, дом*.

Примечание. Слова данной группы, принадлежащие к схеме *с*, имеют основу с начальным ударением. Исключение составляют только: 1) слово *господúн* (мн. *господá*), 2) следующая группа слов: *дирéктор, инспéктор, инструктор, кондýктор* (человек), *корректор, прожéктор* (*// а*, мн. *-ы*), *профéссор, учúтель*.

В. Слова, имеющие в имен. мн. окончание *-ья*.

Такие слова распределяются между схемами *а, с* и *d*.

1. К схеме *d* принадлежат слова: *клок* (*// b*, мн. *-й*), *кол* (в основном значении), *копы́л, крюк* (*// b*, мн. *-á*), *лист* (дерева), *лоскýт* (*// b*, мн. *-ú*), *прут* (в обычном значении) (*//а*), *сук*.

---

[1] Сведения о том, что данное слово является сложным, используются, кроме того, еще в одном случае, см. ниже Предварительные замечания, 2.

[2] В некоторых случаях было бы удобно использовать также сведения о наличии или отсутствии «2-го предложного», но эти сведения, по-видимому, не являются обязательными для учащихся, и поэтому мы не будем на них опираться.

[3] В самом деле, мы и не можем знать условного ударения исходной словоформы, поскольку мы еще не знаем (а только хотим узнать) место ударения в других словоформах.

2. К схеме *c* принадлежат слова: *дéверь, друг, зять, князь, кум* (мн. *кумовья́*) *муж, сын* (мн. *сыновья́*), *шу́рин* (мн. *шурья́*).

Примечание. К схеме *c* принадлежат, таким образом, все одушевленные существительные данной группы, кроме *брат* и *собрáт*. Все они — наименования лиц по признаку родственной или социальной связи. К ним примыкает также слово *дя́дя* (мн. *дя́дья́*//*дя́ди*).

3. Остальные слова принадлежат к схеме *a*, например: *стул, кóлос*.

Г. Слова, имеющие в имен. мн. окончание *-ы* или *-и*, и слова без мн. числа.

Среди таких слов изолированно стоят следующие группы:

схема *d* — 1) группа уменьшительных имен: *глазóк, зубóк, рожóк* (все три только в уменьшительном значении), *сапожóк* (//*b*); 2) *казáк* (//*b*);

схема *f* — *гвоздь, груздь, конь, у́голь* (//*a, e*), *червь*;

схема *e′* — *ребёнок* (мн. *дéти*), *человéк* (мн. *лю́ди*).

Все прочие слова распределяются по схемам *a, b, c* и *e*.

I. Основа с начальным ударением

1. Следующие слова принадлежат к схеме *e*:

а) односложные

бог	*гость*	*зуб* (во рту)	*порт*	*фронт*
волк	*гром*	*лом*	*слог*	*ход* (// *c*)
вор	*гусь*	*лось*	*ток* (площадка)	*чёрт*
год (// *c*, мн. *-а*)	*зверь*	*пол* (биол.)	*флот* (//*a*)	

б) неодносложные

бóров (кабан)	*кáмень*	*лáпоть*	*óбруч*	*сóболь* (зверь)
вóлос	*кóготь*	*лéбедь*	*óвощ*	*стéбель*
гóлубь	*кóзырь*	*лéкарь*	*óкунь*	*трю́фель*
гóспиталь	*кóрень*	*лóкоть*	*óмуль*	*у́голь* (// *a, f*)
жёлудь	*крéндель*	*нóготь*	*пáрень*	

2. Из прочих слов слова с неодносложной основой принадлежат к схеме *a* например: *у́жин, пáлец, рóдственник*.

Исключение. Слова *у́гол, у́горь, у́зел* принадлежат к схеме *b*.

Слова с односложной основой распределяются между схемами *a, b* и *c*.

3. Следующие из них принадлежат к схеме *c*:

баз	*долг*	*кус*	*пар*	*ряд*	*таз*	*чин*
бал	*дуб*	*лад*	*пим*	*сад*	*торг*	*чуб*
бас	*дым*	*мёд*	*пир*	*склад*	(действие)	*шаг*
бой	*жир*	*мех* (куз-	*плуг*	(слог)	*тыл*	*шар*
бор	*зад*	нечный)	*пол*	*след*	*ус*	*шкаф*
буй	*зоб*	*мир*	(настил)	*слой*	*форт*	*шкив*
вал	*квас*	(свет)	*пот*	*спирт*	*харч*	*шрифт* (//*a*)
верх	*клуб*	*мозг*	*приз*	*строй*	*ход* (//*e*)	*штаб*
(//мн. *-á*)	(дыма)	*мост* (//*b*)	*пуд*	*суп*	*хор* (//*a*)	
воз	*кон*	*низ*	*пук*	*сын* (мн. *-ы́*)	*чай*	
гол	*круг*	*нос*	*раз*	*сыр*	*час*	
гроб	*куб*	*паз*	*род*			
дар	(сосуд)	*пан*	*рой*			

Примечание. У большинства неодушевленных существительных этой группы имеется «2-й предложный», например: *на пиру́, в дыму́*.

4. Из прочих слов следующие принадлежат к схеме *b*:

1) Все слова с беглой гласной, например: *лёд, сон*.

2) Из слов с окончанием *-ь* (т. е. с фонетической основой на мягкую согласную) — следующие:

а) все слова на *-ждь, -зь, -нь* и на *-рь* с предшествующей гласной, например: *дождь, царь*;

б) слова *кремль, куль, ноль* (*нуль*), *рубль, руль, путь, шмель*.

3) Из слов с окончанием *-й* (т. е. с фонетической основой на *-и́*) — только слово *край*.

4) Из слов с основой на шипящую или *ц* — следующие:

а) все слова на *-щ* и на *-ец*, например: *плащ, жрец*;

б) слова на *-ж, -ч* с предшествующей гласной (за исключением слов: *пляж, стаж*; *клич, плач*), например: *еж, мяч*;

в) слова *грош, ёрш, ковш, шиш; корж, морж*.

5) Из слов с основой на *к, г* или *х* — следующие.

а) слова на *-ык, -юк, -як* (за исключением *люк, рык, стык, трюк*), например: *бык, тюк;*

б) слова *жук, клок* (*//d*, мн. *-ья*), *полк; враг, сиг, грех, жмых, стих, штрих.*

6) Из прочих слов:

а) слова на *-ун, -юн*, например: *вьюн;*

б) следующие слова:

аз	*горб*	*кот*	*плут*	*сноп*	*хлыст*
альт	*гриб*	*крест*	*поп*	*сом*	*холм*
бинт	*гурт*	*крот*	*пост*	*ствол*	*холст*
блин	*двор*	*ксёндз*	*пруд*	*стол*	*цеп*
боб	*дрозд*	*куст*	*прут*	*столб*	*чёлн*
бобр	*жгут*	*лист* (бумаги)	(техн.) *пуп*	*столп*	*шест*
болт	*жезл*	*мост* (*//c*)	*раб*	*стыд*	*шип*
винт	*зонт*	*одр*	*серп*	*суд*	*шнур*
вол	*кит*	*перст*	*скирд*	*труд*	*шут*
волхв	*клёст*	*пест*	*скит*	*туз*	*щит*
вред	*клоп*	*пласт*	*скот*	*ум*	*щур* (птица)
герб	*кнут*	*плод*	*слон*	*хвост*	
глист	*кол* (отметка)	*плот*			

5. Все прочие слова принадлежат к схеме *а*, например: *стиль, смерч, звук, вид.*

Примечание. Как можно видеть, формальные правила различения схем *а* и *b* у односложных слов очень сложны. Их можно несколько упростить, если пожертвовать точностью и прибегнуть к некоторым неформальным критериям. Так, наблюдаются следующие закономерности. Независимо от формы к схеме *а* относятся 1) поздние заимствования (прежде всего из западноевропейских языков), например: *пляж, трюк, жест;* 2) отглагольные существительные со значением действия или его результата, представляющие собой чистый корень или корень с приставкой, например: *плач, рык, спуск, свист.* Все остальные слова можно грубо разделить так: к схеме *b* принадлежат слова с окончанием *-ь*, с основой на шипящую или *ц*, на *-ык, -юк, -як, -ун, -юн* и на *-т, -д* (но не *-ат, -ад*); прочие слова принадлежат к схеме *а*. Отклонениями являются только около 30 слов из большого списка, группа слов из пункта 5) и несколько слов типа *смерч, вихрь, вепрь, тесть, яд, свет.*

II. Основа с неначальным ударением

1. Слова, имеющие основу со срединным ударением, принадлежат к схеме *а*, например: *характер, поступок, исследователь.*

Слова, имеющие основу с конечным ударением, распределяются между схемами *а* и *b*.

2. Следующие из них принадлежат к схеме *b:*

1) Слова с беглой гласной, например: *орёл, молоток.*

Исключение. Слова *заём* и *наём* относятся к схеме *а.*

2) Из слов с окончанием *-ь*:

а) слова на *-рь* (кроме *визáрь, государь*), например: *пузырь, декабрь;*

б) слова на *-ень* (кроме *бюллетень, олень, пельмень, тюлень*), например: *ячмень;*

в) слова на *-аль, -авль, -ель, -уль, -ыль* (кроме *фестиваль; апрель, отель, туннель*), например: *хрусталь, кисель;*

г) слова *карась, кизяль, корабль, король, фитиль.*

3) Из слов с окончанием *-й* — *бугай, валуй, лишай, холуй.*

4) Из слов с основой на шипящую или *ц*:

а) все слова на *-ч*, на *-уш, -ыш, -ёж, -ец*, например: *трубач, сургуч, чертёж, беглец;*

б) слова на *-аш, -яш, -еж* (кроме *гуляш, ералаш, патронташ, чардаш; кортеж, манеж*), например: *карандаш, рубеж;*

в) слова *багаж, бандаж, блиндаж, вираж* (поворот), *витраж, вольтаж, гараж, кураж, листаж, литраж, метраж, монтаж, стеллаж, типаж, тираж, фураж, шантаж, этаж*; кроме того, *кишмиш, фетиш (//a).*

5) Из слов с основой на *к, г* или *х*:

а) слова на *-ак, -як, -ык, -ик, -ук, -юк*, например: *чердак, шутник, сюртук*; однако от этого правила отклоняются, во-первых, ряд названий национальностей: *австриец, калмык* (*//b*), *поляк, словак, таджик*; во-вторых, группа слов, из которых наиболее употребительны: *акведук, аммиак, арык, бамбук, барак, бивак*

(*бивуа́к*), *буера́к*, *виаду́к*, *вурдала́к*, *гайдама́к*, *зодиа́к*, *каучу́к*, *краковя́к*, *манья́к сайга́к*, *сердоли́к*, *уры́к*;

б) следующие слова на *-о́к*: *едо́к*, *езло́к*, *знато́к*, *игро́к*, *седо́к*, *ходо́к*; *челно́к*, *чесно́к*;

в) все слова на *-у́х*, *-ю́г*, например: *пету́х*, *утю́г*;

г) слова *бато́г*, *жени́х*, *очаг*, *пиро́г*, *рычаг*, *сапо́г*, *твороґ* (//*тво́рог*, схема *а*), *четве́рг*.

6) Из прочих слов:

а) слова на *-у́н*, *-ю́н* (кроме *драгу́н*, *кану́н*, *тайфу́н*, *трибу́н*), например: *колду́н*, *галу́н*;

б) следующие слова на *-а́р*, *-я́р*: *бочар*, *гончар*, *гусля́р* (//*а*), *комар*, *маля́р*, *столя́р*;

в) слова *бурав*, *живо́т*, *кабан*, *карту́з*, *лоску́т* (//*d*, мн. ч. *-ья*), *осётр*, *топо́р*, *хому́т*, *чабан*.

Примечание. К перечисленным в настоящем пункте словам схемы *b* примыкают слова *лемёх*, *обшлаг* и *рукав*, изолированно стоящие в группе слов с имен. мн. на *-а* (см. раздел **Б**).

3. Все остальные слова принадлежат к схеме *а*, например: *контро́ль*, *музе́й*, *престиж*, *овраг*, *прохо́д*.

Примечание. Приведенные правила различения схем *а* и *b* в целом аналогичны тем, которые даны для односложных слов. У слов с конечным ударением в основном соблюдаются также и закономерности, сформулированные в примечании на стр. 15 (заметное отклонение составляет только часть заимствований из восточных языков на *-к*). Следует подчеркнуть, что подавляющее большинство исключений из приводимых выше правил составляют именно заимствования.

Группа вторая. Существительные среднего и мужского родов с окончанием *-о*, *-е* или *-ё* и существительные среднего рода с окончанием *-я*

А. Слова с ударной основой.

Среди таких слов изолированно стоят слова *у́хо* и *о́ко*, принадлежащие к схеме *е*. Прочие слова распределяются между схемами *а* и *с*.

1. К схеме *с* принадлежат:

а) слова на *-мя*, имеющие мн. число (за исключением слова *зна́мя*), например: *и́мя* — мн. *имена́*;

б) следующие слова с односложной основой:

во́йско	*ме́сто*	*не́бо* (мн. *небеса́*)	*се́рдце*	*су́дно* (мн. *суда́*)
де́ло	*мо́ре*	*по́ле*	*сло́во*	*те́ло*
ма́сло	*мы́ло*	*пра́во*	*ста́до*	*чу́до* (мн. *чудеса́*)

в) следующие слова с неодносложной основой (все они имеют начальное ударение): *де́ревце* (// *деревцо́*, схема *b*), *зе́ркало*, *кру́жево*, *о́блако*, *о́блачко*.

2. Остальные слова принадлежат к схеме *d*, например: *кре́сло*, *зда́ние*, *домишко*, *госуда́рство*.

Б. Слова с безударной основой.

Среди таких слов изолированно стоят, во-первых, слова *крыльцо́*, *плечо́*, *тавро́*, принадлежащие к схеме *f*, во-вторых, слово *дитя́* (мн. *де́ти*), принадлежащее к схеме *e''*. Прочие слова распределяются между схемами *b* и *d*.

1. Все слова, не употребляющиеся во мн. числе, принадлежат к схеме *b*, например: *добро́*, *мастерство́*, *зверьё*.

2. Из слов, употребляющихся во мн. числе, к схеме *b* принадлежат слова на *-ство́*, *-ко́*, *-цо́*, *-ьё*, *-иё*, *-ие́*, например: *вещество́*, *очко́*, *словцо́*, *остриё*.

Исключения. К схеме *d* принадлежат, однако, слова: *меньшинство́*; *ушко́* (в уменьшительном значении) (// *у́шко*, схема *а*); *лицо́*, *кольцо́*, *озерцо́* (мн. *озёрца*), *яйцо́*; *копьё*, *ружьё*. (См. также выше слово *крыльцо́*, схема *f*).

3. Остальные слова принадлежат к схеме *d*, например: *село́*, *звено́*, *колесо́*, *веретено́*.

Группа третья. Существительные женского и мужского родов с окончанием *-а* или *-я*

А. Слова с ударной основой.

Среди таких слов изолированно стоят, во-первых, слова *до́ля* и *дере́вня*, принадлежащие к схеме *е*, во-вторых, слово *дя́дя* (мн. *дя́дья*), принадлежащее к схеме *с* (// *а*, мн. *дя́ди*).

Все прочие слова принадлежат к схеме *а*, например: *ка́рта*, *берёза*, *цара́пина*, *на́волочка*.

Б. Слова с безударной основой.

Такие слова распределяются между схемами *b*, *d*, *f*, *d′*, *f′*. В приводимых ниже правилах схемы *d′* и *f′* рассматриваются вместе с соответствующими основными схемами; в объединенных списках при словах, принадлежащих к схеме с отклонением, обязательно ставится соответствующая помета.

Все слова, не употребляющиеся во мн. числе, принадлежат к схеме *b*, например: *тоскá, мошкарá, простотá.*

У слов, употребляющихся во мн. числе, распределение по схемам зависит от числа слогов основы. Слова с неслоговой основой принадлежат к схеме *b*, например *тля*. Слова со слоговой основой распределяются следующим образом:

I. Слова с односложной основой

1. Следующие слова относятся к схемам *f* и *f′*:

блохá	*заря́*	*порá* (*f′*)	*скирдá*	*строкá* (*f* // *f′*)
вожжá	(рассвет) (// *d*)	*пятá*	*скобá*	*строфá*
волнá (// *d*)	*копнá*	*рекá*	*слегá*	*тропá*
горá (*f*)	*кошмá*	(*f* // *f′*, *d*, *d′*)	*слезá*	*щекá* (*f*)
грядá	*крохá* (*f′*)	*рукá* (*f′*)	*сопля́*	*щепá*
губá	*межá*	*свечá*	*средá*	
дежá	*ногá* (*f′*)	*серьгá*	(день) (*f′*)	
доскá (*f′*)	*ноздря́*	*скамья́* (// *b*)	*стенá* (*f′*)	

2. Из прочих слов следующие принадлежат к схеме *b*:

а) слова с основой на шипящую, слова на *-ня́*, *-е́я*, *-ья́*, *-мá*, *-тá*, слова на *-кá*, *-гá* с предшествующей согласной, например: *пращá, левшá, ступня́, швея́, четá, кишкá.*

Исключения. Однако следующие слова принадлежат к схемам *d* и *d′*: *душá* (*d′*); *змея́*; *свинья́*, *семья́*, *судья́*; *зимá* (*d′*), *тюрьмá*; *плитá*, *верстá* (*d* // *d′*), *киркá*;

б) слова: *агá, балдá, браздá, графá, зурнá, казнá, клюкá, княжнá, красá, мирзá, мольбá, мошнá, муллá, плевá, рабá, стезя́, стопá* (нога), *турá, хвалá, хулá, чадрá, чекá, чредá, юлá.*

Примечание. Большую часть последнего списка составляют слова старославянского происхождения, например *браздá*, и слова восточного происхождения (в основном обозначения восточных реалий).

3. Остальные слова принадлежат к схемам *d* и *d′*, например: *бедá, трубá, лунá.* В том числе к схеме *d′* принадлежат следующие слова: *верстá* (*d* // *d′*), *водá, душá, заря́* (сигнал), *земля́, зимá, избá* (*d* // *d′*), *косá* (орудие) (*d* // *d′*), *рекá* (*d* // *d′*, *f*, *f′*), *спинá, ценá.*

II. Слова с неодносложной основой

1. Следующие слова принадлежат к схемам *f* и *f′*:

а) слова, содержащие в основе сочетание *-оро-*, *-оло-*, *-ере-* или *-еле-* (за исключением слова *пеленá*, схема *b*), например: *головá, бородá, железá;* из их числа к схеме *f′* принадлежат слова *бородá, головá* (часть тела), *полосá* (// *f*), *сторонá*;

б) слова *слободá, просвирá* (*просфорá*), *простыня́* (все схемы *f*).

2. Из прочих слов следующие принадлежат к схеме *d*:

а) слова на *-инá*, *-етá*, *-отá*, например: *глубинá, высотá*;

б) слова *колбасá, пастилá, скорлупá, стрекозá.*

Примечание. Схема *d′* у слов с неодносложной основой не представлена.

3. Все остальные слова принадлежат к схеме *b*, например: *чешуя́, западня́, госпожá.*

Группа четвертая. Существительные женского рода с окончанием *-ь*

Среди слов этого типа изолированно стоит группа слов схемы *b′*: *вошь, глушь, ложь, любóвь, рожь.* Прочие слова распределяются между схемами *a* и *e*.

А. Основа с начальным ударением.

1. Следующие слова принадлежат к схеме *e*:

а) односложные

борть	*гроздь*	*жердь*	*мать*	*пядь*	*сласть*	*тень*
бровь	(// *a*, мн. *-ья*)	*зыбь*	*мышь*	*речь*	*смерть*	*треть*
весть	*грудь*	*кисть*	*ночь*	*роль*	*снасть*	*трость*
ветвь	*дверь*	*клеть*	*ость*	*рысь* (бег)	*соль*	*цепь*
вещь	*десть*	*кость*	*ось*	*сельдь*	*стать*	*часть*
власть	*дочь*	*кровь*	*печь*	*сеть*	*степь*	*шерсть*
горсть	*дробь*	*масть*	*плеть*	*скорбь*	*страсть*	*щель*

б) неодносложные

ве́домость	*ме́лочь*	*пло́щадь*	*са́жень*	*стерля́дь*
во́лость	*но́вость*	*по́весть*	(// *сажень*, сх. *а*)	*це́рковь*
до́лжность	*о́бласть*	*по́дать*	*сво́лочь*	*че́тверть*
кре́пость	*о́чередь*	*по́лость*	*ска́терть*	*щёлочь*
ло́пасть	*пло́скость* (в прямом	*при́стань*	*ско́рость*	
ло́шадь	значении)	*про́пасть*	*сте́пень*	

2. Прочие слова принадлежат к схеме *а*, например: *мысль*, *ткань*, *за́поведь*, *глу́пость*.

Б. Основа с неначальным ударением.

Такие слова принадлежат к схеме *а*, например: *ладо́нь*, *тетра́дь*, *осо́бенность*.

Исключение. Слово *ступе́нь* (только в переносном значении) относится к схеме *е* (по аналогии со словом *сте́пень*). (См. также выше слово *любо́вь*, схема *b′*.)

Группа пятая. Pluralia tantum

А. Слова с ударной основой.

Возможны схемы *а* и *е*.

1. Следующие слова принадлежат к схеме *е* (все они имеют основу с начальным ударением):

бу́бны	*дро́жжи*	*ку́дри*	*по́мочи*	*се́ни*
де́ньги	*кле́щи*	*мо́щи*	*по́хороны*	*слю́ни*
дро́вни (// *а*)	(// *клещи́*, сх. *b*)	*о́трубн*	*са́ни*	*че́рви*

Примечание. 1) Слова *вожжи́*, *сопля́* (схема *f*), *о́вощ* (схема *е*) употребляются преимущественно во мн. числе, и, таким образом, формы *во́жжи*, *со́пли*, *о́вощи* примыкают к данной группе. 2) Формы *де́ти*, *лю́ди*, которые мы рассматриваем как мн. число от *ребёнок*, *дитя́* и *челове́к*, можно также рассматривать как pluralia tantum; они относятся к схеме *e′′*.

2. Прочие слова принадлежат к схеме *а*, например: *но́жницы*, *воро́та*.

Б. Слова с безударной основой.

Такие слова принадлежат к схеме *b*, например: *весы́*, *дрова́*.

Группа шестая. Существительные всех родов, склоняющиеся по адъективному и местоименному типам

У таких существительных возможно только неподвижное ударение: они принадлежат к схеме *а*, если в исходной словоформе ударение на основе (например, *рабо́чий*, *столо́вая*, *моро́женое*, *уча́щийся*, *пресмыка́ющееся*), и к схеме *b*, если в исходной словоформе ударение на окончании (например, *часово́й*, *запята́я*, *ничья́*, *жарко́е*).

Группа седьмая. Неизменяемые существительные

В соответствии с примечанием на стр. 433 все такие слова считаются принадлежащими к схеме *а*.

Группа восьмая. Сложные существительные с основой *пол-* в первой части (окончания *-а*, *-я*, *-ы*, *-и*)

Такие слова принадлежат к той же схеме ударения, что и простые слова, основы которых выступают во второй части сложения. Например, *полведра́* принадлежит к схеме *d* (как *ведро́*), *полго́да* — к схеме *е* (как *год*) и т. д.

Исключения. 1) Если простое слово принадлежит к схеме *d′* (*f′*), соответствующее сложное принадлежит к схеме *d* (*f*), например: *полцены́* — схема *d* (ср. *цена́* — схема *d′*). 2) Слова *полчаса́*, *полшага́* принадлежат к схеме *c′* (ср. *час*, *шаг* — схема *c*).

Приведенные правила точны, однако именно в силу этого очень сложны и малообозримы. За конкретными деталями с трудом улавливаются общие закономерности. Поэтому желательно, отвлекаясь от частностей, представить основные зависимости между характером исходной словоформы и схемой ударения в максимально компактном виде. Этой цели служит приводимая ниже «Таблица допустимых схем ударения». В каждой клетке таблицы указаны схемы ударения, возможные для существительных соответствующего типа; в скобках даны

примеры. Исключения и изолированные случаи в таблице не учитываются.

Таблица ясно показывает, в каких случаях для определения схемы ударения достаточно простейших сведений об исходной словоформе и в каких случаях нужны дополнительные критерии или списки. Таблица позволяет выявить важнейшие общие закономерности, а именно: схемы *c* и *e* возможны только в том случае, если в исходной словоформе ударение падает на первый слог; схемы *b*, *d* и *f* возможны только в том случае, если в исходной словоформе ударение падает на последний слог; схема *a* возможна при ударении в исходной словоформе на любом по счету слоге, но обязательно на основе. Заметим, что из таблицы видно, почему целесообразно считать односложные основы частным случаем основ с начальным (а не каким-либо иным) ударением.

Таблица допустимых схем ударения

<table>
<tr><th rowspan="3">Группа существительных</th><th colspan="4">В исходной словоформе ударение (действительное) на основе</th><th rowspan="3">В исходной словоформе ударение (действительное) на окончании</th></tr>
<tr><th rowspan="2">односложная основа</th><th colspan="3">неодносложная основа</th></tr>
<tr><th>с начальным ударением</th><th>со срединным ударением</th><th>с конечным ударением</th></tr>
<tr><td>1</td><td>a (тигр)
b (стол)
c (сад)
e (волк)</td><td>a (о́пыт)
c (бе́рег)
e (о́кунь)</td><td>a (ана́лиз)</td><td>a (музе́й)
b (кула́к)</td><td>нет</td></tr>
<tr><td>2</td><td colspan="2">a (кре́сло, зна́ние)
c (ме́сто, о́блако)</td><td colspan="2" rowspan="4">a (боло́то, цара́пина, тетра́дь, кани́кулы)</td><td>b (вещество́)
d (число́)</td></tr>
<tr><td>3</td><td colspan="2">a (ка́рта, ко́мната)</td><td>b (черта́)
d и d′ (беда́)
f и f′ (голова́)</td></tr>
<tr><td>4</td><td colspan="2">a (мысль, по́честь)
e (ночь, ло́шадь)</td><td>нет</td></tr>
<tr><td>5</td><td colspan="2">a (бу́сы, но́жницы)
e (са́пи, о́труби)</td><td>b (весы́)</td></tr>
<tr><td>6</td><td colspan="4">a (рабо́чий, столо́вая)</td><td>b (часово́й, ничья́)</td></tr>
</table>

Точное место ударения

Определив схему ударения, к которой принадлежит данное слово, мы можем сказать, на какой компонент (основу или окончание) падает ударение в любой его словоформе. Например, слова *величина́* (схема *d′*) и *голова́* (схема *f′*) должны иметь в им. мн. ударение на основе. Однако мы еще не знаем, как именно его следует поставить: ***величи́ны, вели́чины*** или ***ве́личины; голо́вы*** или ***го́ловы?*** Для определения точного места ударения в заданной неисходной словоформе по исходной словоформе и схеме ударения служит специальное правило, которое дано ниже в форме таблицы.

Таблица для определения точного места ударения в неисходной словоформе

Схема ударения[1]	В данной неисходной словоформе ударение по схеме должно падать	
	на основу	на окончание
a, c, e	Ударение падает на тот же по счёту слог основы (считая от начала), что и в исходной словоформе. Если же это невозможно (основа не насчитывает нужного числа слогов), ударение падает на последний слог основы	Ударение падает на первый слог окончания. Если же это невозможно (окончание не содержит гласной), ударение падает на последний слог основы
b, d	Ударение падает на один слог ближе к началу слова, чем в исходной словоформе	
f	Ударение падает на первый слог основы	

[1] Схемы с отклонением подчиняются тем же правилам, что и соответствующие основные.

Примеры. 1) Ударение по схеме должно падать на основу: *иго́лка* (схема *a*) — мн. *иго́лки, иго́лок* (ударение на том же слоге основы, что в исходной словоформе); *славя́нин* (схема *a*) — мн. *славя́не, славя́н* (ударение не может падать на тот же слог, что в исходной словоформе, так как основа здесь на один слог короче); *величина́, ведро́* (схема *d*) — мн. *величи́ны, величи́н, вёдра, вёдер* (сдвиг ударения на один слог влево); *голова́* (схема *f*) — имен. мн. *го́ловы*, вин. ед. *го́лову* (ударение на первом слоге основы). 2) Ударение по схеме должно падать на окончание: *кишка́* (схема *b*), *зе́ркало* (схема *c*), *голова́* (схема *f*) — твор. мн. *кишка́ми, зеркала́ми, голова́ми* (ударение на первом слоге окончания), род. мн. *кишо́к, зерка́л, голо́в* (ударение на последнем слоге основы).

Исключения из правила о точном месте ударения.

1. Ударение падает на один слог левее, чем это требуется по правилу:

а) во всём мн. числе: *граждани́н* (схема *a*) — *гра́ждане; тяготá* (схема *d*) — *тя́готы;*

б) в косвенных падежах ед. числа: *госпо́дь* (схема *a*) — *го́спода, пе́ред* (схема *c*) — *пе́реда*;

в) только в род. мн.: *де́нег, кру́жев, ма́сел, са́жен* (// *саженёй* и *сажёней*) (схемы *c* и *e*, ср. дат. мн. *деньга́м, кружева́м, масла́м, саженя́м* // *сажёням*).

2. Ударение падает на один слог правее, чем это требуется по правилу:

а) во всем мн. числе: *о́зеро — озёра, зна́мя — знамёна; де́рево — дере́вья, ка́мень — камня́, ко́лос — колóсья, ко́рень — коре́нья, о́бод — обóдья, по́вод — повóдья, по́лоз — полóзья* (т. е. все слова с имен. мн. на *-ья*, имеющие двусложную основу с начальным ударением, кроме *у́голь — у́гольев*); *бесёнок — бесеня́та, чертёнок — чертеня́та, щено́к — щеня́та*; все слова этой группы относятся к схеме *a*, кроме слова *щено́к* (схема *d*); с формальной точки зрения, такое же отклонение имеют сложные слова с основой *пол-* в первой части, принадлежащие к схеме *d*, например: *полверсты́ — полувёрсты;*

б) во всех неисходных словоформах: *по́лдень — полу́дня* (// *по́лдня*), *по́лночь — полу́ночи* (// *по́лночи*);

в) только в род. мн.: *земе́ль, овец, свине́й, семе́й, сестёр, суде́й, гумён* (// *гу́мен*), *коле́ц, я́иц* (все схемы *d*, ср. дат. мн. *зе́млям, о́вцам, сви́ньям, се́мьям, сёстрам, су́дьям, гу́мнам, ко́льцам, я́йцам*); кроме того, *хлопо́т* (схема *a*, ср. *хло́потам*).

Ударение в склонении прилагательных, местоимений и числительных

Система ударения у данной группы слов проще, чем у существительных. Она может быть полностью описана с помощью понятий, выработанных для существительных.

Ряд слов этой группы склоняется нестандартно, поэтому способ разделения словоформ на основу и окончание у них не очевиден. Укажем, какое разделение использовано в этих случаях в настоящей работе (у слов с единой основой способ разделения показан на исходной словоформе; при наличии нескольких основ приводится по одной словоформе на каждый вид основы). Местоимения: *я- (мен-я́, мн-о́й), ты- (теб-я́, тоб-о́й), себ-я́ (соб-о́й), м-ы (н-ас), в-ы; он, она́, оно́, они́* — в исходных словоформах основа *он-*, в прочих — нулевая (но *н-* — после предлогов); *кто- (к-ого́), что- (ч-его́), тот- (т-а), э́тот- (э́т-а), се-й (с-его́, си-я́), че-й (чь-я)*. Числительные: *дв-а, тр-и, четы́р-е, ст-о; полтор-а́ (полу́тор-а), о́б-а; ско́льк-о; дво́-е, че́твер-о* и т. д.

Схемы ударения

Чтобы соотнести распределение ударения с какой-нибудь из 6 основных схем, представленных у существительных, нужно выделить в рассматриваемой парадигме: 1) ед. число, 2) имен. мн., 3) род., дат., твор., предл. мн. (см. таблицу на стр. 434). У прилагательных, местоимений типа *тот, такой*, порядковых числительных это сделать легко. Так, например, у слова *сам* группу 1 составляют словоформы *сам, сама́, само́, самого́* и т. д., группу 2 — словоформа *са́ми*, группу 3 — словоформы *сами́х, сами́м* и т. д. В этом распределении ударения легко узнать схему *f*. Аналогичным образом мы отнесем слова *но́вый, э́тот* к схеме *a*, слова *живо́й, тот* — к схеме *b*.

Замечание. При выявлении схемы ударения соблюдаются также дополнительные требования, сформулированные на стр. 432—433. Так, в первом примере: 1) словоформе *сам*, имеющей нулевое окончание, по общему правилу (стр. 433) приписано наконечное ударение (ср. дат. *самого́, само́й*); 2) словоформы вин. мн. *са́ми* (неодуш.) и *сами́х* (одуш.) из рассмотрения исключены.

Сложнее обстоит дело с местоимениями типа *я, кто*, количественными и собирательными числительными. Эти слова не имеют грамматической категории числа, поэтому неясно, следует ли их соотносить с ед. или с мн. числом общей схемы. Для них мы принимаем следующее формальное правило: слова, у которых дат. падеж оканчивается на *-м* (например, *мы, три, о́ба, пя́теро*), мы будем соотносить с мн. числом; слова, у которых дат. падеж оканчивается иначе (например, *я, кто, пять, сто*),— с ед. числом. Таким образом, каждое слово объединяется с тем числом, к которому оно ближе по набору окончаний. Далее нам остается лишь применить правило о схеме ударения у слов с неполной парадигмой (стр. 435). Так, слово *двена́дцать* будет отнесено к схеме *a*, *три́дцать* — к схеме *b*, *четы́ре* — к схеме *e*.

Все типы распределения ударения, встречающиеся у рассматриваемой группы слов, укладываются в схемы, представленные у существительных.

Так же, как и в первой части работы, распределение слов по схемам ударения описывается в форме правил определения схемы ударения по исходной словоформе и типу склонения.

Правила определения схемы ударения

Группа первая. Слова, склоняющиеся по адъективному типу (окончание исходной словоформы *-ый, -ой, -ий, -ийся*)

Сюда входят прилагательные, причастия, порядковые числительные и часть местоимений (например, *тако́й, кото́рый*). Все эти слова имеют неподвижное уда-

рение: они принадлежат к схеме *a*, если в исходной словоформе ударение на основе (например, *но́вый, пе́рвый*), и к схеме *b*, если оно на окончании (например, *живо́й, второ́й*).

Примечание. Легко видеть, что 6-я группа существительных (субстантивированные прилагательные) составляет в действительности лишь частный случай данного типа.

Группа вторая. Слова, склоняющиеся по местоименному типу (им. падеж именного типа, косвенные падежи — адъективного типа)

Сюда входит значительная часть местоимений (например, *тот, весь, мой*), так называемые притяжательные прилагательные (например, *отцо́в, дя́дин, во́лчий*) и порядковое числительное *тре́тий*.

Одно слово этой группы — *сам* — относится к схеме *f*. Прочие имеют неподвижное ударение. К схеме *a* принадлежат притяжательные прилагательные (кроме оканчивающихся на ударное *-и́н, -ы́н*), числительное *тре́тий* и местоимения *э́тот, ваш, наш*, устаревшее *кой* (а также словоформы типа *не́коего, э́коего* от *не́кий, э́кий*); *не́кто, не́что, не́кого, не́чего*. К схеме *b* принадлежат прочие местоимения данной группы (а именно: *он, она́, оно́, они́; кто, что, чей* и производные от них; *мой, твой, свой; тот, сей, оди́н, весь*) и притяжательные прилагательные на *-и́н, -ы́н* (например, *Ильи́н*).

Примечание. Ударение в фамилиях на *-ов, -ев, -ёв, -ин, -ын* (*Попо́в, Пу́шкин, Ильи́н*) также подчиняется указанному правилу.

Группа третья. Прочие склоняемые слова

Сюда входят числительные (кроме порядковых) и аномальные местоимения (личные местоимения 1 и 2-го лица и возвратное). Часть числительных склоняется по именному типу (например, *пять*); прочие слова склоняются нестандартно.

Основной для данной группы слов является схема *b*: к ней принадлежат все местоимения и числительные *оди́н, два, три*, 5 — 10, 20, 30, 40, 100 и сотни с 500 по 900. К схеме *a* принадлежат числительные с 11 по 19, десятки с 50 по 90, *полтора́ста; сто́лько, ско́лько, не́сколько*. К схеме *e* принадлежат количественные числительные *четы́ре*, 200, 300, 400 и собирательные *о́ба, дво́е, тро́е, че́тверо* и т. д. Аномальное числительное *полтора́* принадлежит к схеме *c'* (ср. *получа́с*).

Примечание. Для вин. падежа числительных *два, три*, 5—10, 40, 100, *дво́е, тро́е* характерен перенос ударения на предлог, например: *за́ два, на́ десять*.

Точное место ударения

Точное место ударения внутри основы или окончания определяется по общему правилу (см. табл. на стр. 444). Имеется, однако, несколько исключений из этого правила.

1. Ударение падает на один слог левее, чем это требуется по правилу. Отклонение наблюдается в косвенных падежах (кроме вин.) следующих числительных: *пятьдеся́т — пяти́десяти, шестьдеся́т — шести́десяти; полтора́ — полу́тора, полтора́ста — полу́тораста*. 2. Ударение падает на один слог правее, чем это требуется по правилу: а) в род. и дат. ед. ч. муж. и ср. родов (окончания *-ого, -его, -ому, -ему*) у всех слов местоименного склонения, если ударение по схеме падает на окончание, например: *того́, тому́; всего́, всему́; самого́, самому́* (эта особенность является дополнительной чертой, отличающей местоименный тип склонения от адъективного); б) в словоформах *двумя́* и *тремя́*; в) в косвенных падежах (кроме вин.) числительных *се́мьдесят — семи́десяти, во́семьдесят — восьми́десяти*.

Итак, сформулированные в настоящей работе правила позволяют правильно поставить ударение в любой словоформе любого склоняемого слова, входящего в рассмотренный объем материала, если мы знаем его исходную словоформу и тип склонения. Для этого нужно, взяв соответствующую часть работы (первую для существительных, вторую — для остальных склоняемых слов), 1) по основной группе правил определить схему ударения рассматриваемого слова; тем самым выяснится, на какой морфологический компонент падает ударение в интересующей нас словоформе; 2) по правилам о точном месте ударения определить, на какой именно слог оно падает.

Поскольку сведения о распределении склоняемых слов по схемам ударения, заключенные в этих правилах, труднообозримы, полезно

представить наиболее важные из них в виде обзорной таблицы. В таблице для каждого типа склонения даны примеры на все встречающиеся в нем схемы ударения. При этом жирный шрифт показывает, что в данном типе склонения соответствующая схема представлена не менее чем сотней слов. Курсив показывает, что схема представлена десятками (или, по крайней мере, более чем десятком) слов. Наконец, скобки показывают, что схема представлена лишь одним или несколькими изолированными словами. Перечеркнутая клетка означает, что соответствующая схема ударения для данной группы слов принципиально невозможна.

Таблица распределений склоняемых слов по схемам ударения

Схема ударения / Группа слов		Неподвижное ударение		Подвижное ударение			
		a	*b*	*c*	*d*	*e*	*f*
Существительные (собственно именного типа склонения)	гр. 1	**тигр**	**стол**	**сад**	(сук)	*волк*	(конь)
	гр. 2	**здáние**	*вещество́*	*мо́ре*	**винó**	(у́хо)	(плечó)
	гр. 3	**кáрта**	*чертá*	(дя́дя)	**бедá**	(дóля)	*губá*
	гр. 4	**тетрáдь**	(любовь, схема *b′*)	—	—	*ночь*	—
	гр. 5	**нóжницы**	*весы́*			*сáни*	
Слова адъективного типа склонения		**нóвый**	**живóй**	—	—	—	—
Слова местоименного типа склонения		*наш*	*мой*	—	—	—	(сам)
Числительные (кроме порядковых)		*двенáдцать*	*пять*			*четы́ре*	

«УСЛОВНОЕ УДАРЕНИЕ» В РУССКОМ СЛОВОИЗМЕНЕНИИ

Полная классификация парадигм всех формообразующих русских слов должна строиться на следующих главных признаках парадигмы: 1) устройство парадигмы, т. е. набор представленных в ней грамматических значений и, соответственно, число и внутренняя организация входящих в нее словоформ; 2) набор окончаний; 3) устройство основы, т. е. количество и характер вариантов основы и их распределение по словоформам; 4) место ударения в каждой словоформе парадигмы.

В настоящей работе рассматриваются вопросы, связанные с построением последней из этих характеристик. В качестве материала взяты существительные с полной парадигмой. Этого материала достаточно для выяснения вопросов принципиального характера [1].

Объем рассмотренного материала — все существительные с полной парадигмой, входящие в словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» [2]. Существительное считается имеющим полную парадигму, если по данным «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова оно имеет полный набор словоформ хотя бы в одном из своих значений. Во всех случаях учитывается только нормативное ударение. Слова рассматриваются в письменной форме (но с указанием места ударения).

Предполагается, что каждая словоформа разделена на основу и окончание. Разумеется, чтобы однозначно указать, как именно производится это разделение, необходимо было бы привести здесь полный алгоритм выделения основы в произвольной словоформе. Поскольку, однако, этот алгоритм слишком громоздок, приходится пожертвовать корректностью и ограничиться здесь указанием способа разделения на образцах всех различных с этой точки зрения типов склонения существительных (у слов с единой основой способ выделения основы показан на исходной словоформе; при наличии нескольких основ приводится по одной словоформе на каждый вид основы): *стол-*, *стен-á*, *дéл-о*; *кон-ь*, *пýл-я*, *мóр-е*; *бо-й*, *стá-я*, *здáни-е*; *ручé-й* (*ручь-я́*), *стать-я* (*статé-й*), *ущéль-е* (*ущéли-й*); *мыш-ь*; *муж-*, *сын-* (*сынов-ья́*), *звен-ó*; *мат-ь* (*мáтер-и*), *и́м-я* (*и́мен-и*), *дит-я́* (*дитя́т-и*, *дéт-и*); *нéб-о* (*небес-á*); *телёнок-* (*телёнк-а*, *теля́т-а*), *славянúн-* (*славя́н-е*), *хозя́ин-* (*хозя́ев-а*); *часов-óй*, *столóв-ая*. Словоформа *лю́ди* рассматривается как мн. число от *человéк*, а словоформа *дéти* — как мн. число от *ребёнок* и от *дитя́*.

---

[1] Опыт практического построения правил определения места ударения в любой словоформе любого склоняемого слова см. в статье: А. А. Зализняк, Ударение в современном русском склонении, «Р. яз. в нац. шк.», 1963, 2 (далее — «Ударение...»).

[2] «Русское литературное произношение и ударение». Словарь-справочник под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, М., 1959 (далее — АО).

Все словоформы вин. падежа мн. числа из рассмотрения исключаются; таким образом, каждая парадигма считается состоящей из 11 (а не из 12) словоформ; кроме того, не рассматриваются формы так называемых «2-го родительного» и «2-го предложного» падежей [3].

Построение акцентуационной характеристики отдельной парадигмы. Опыт показывает, что простейший на первый взгляд способ учитывать место ударения в словоформе — учет номера ударного слога (считая от начала или от конца словоформы) — приводит к весьма сложному описанию и к неестественному, с точки зрения лингвистической интуиции, объединению парадигм в группы.

Наиболее целесообразным оказывается следующий менее прямолинейный способ описания:

1. Вначале место ударения в словоформе учитывается огрубленно — с точностью до главного морфологического компонента (основы или окончания). Признак «огрубленно учитываемое место ударения» (в дальнейшем просто «место ударения») может принимать два значения: «ударение на основе» (обозначим его плюсом) и «ударение на окончании» (обозначим его минусом). Запись, показывающую, в каких словоформах парадигмы ударение падает на основу и в каких на окончание, мы будем называть схемой ударения этой парадигмы [4]. Например, слово *мбре* имеет следующую схему ударения: «в ед. числе на основе, во мн. числе на окончании». Если приписать 11 грамматическим значениям постоянные номера, то схему ударения можно представить как 11-местную строку из плюсов и минусов.

2. Далее составляются правила, позволяющие по схеме ударения и по указанию ударного слога в исходной (т. е. словарной) словоформе определить, на какой именно слог падает ударение в каждой из остальных словоформ парадигмы. Поскольку эти правила являются общими для всех парадигм, они не должны включаться в акцентуационную характеристику отдельной парадигмы. Эта характеристика складывается при таком способе описания всего из двух частей: 1) схема ударения; 2) указание ударного слога в исходной словоформе.

Ниже рассматривается первая часть этой программы описания (вопрос о схемах ударения) [5].

Словоформы с неслоговым компонентом. Поскольку каждая словоформа разделена на основу и окончание и акцентуирована, установить схему ударения любой парадигмы не составляет труда. Привлекает особое внимание тот случай, когда один из морфологических компонентов словоформы не содержит гласной. Например, словоформа *сн-ы* имеет неслоговую основу, словоформа *стол* — неслоговое (а именно, нулевое) окончание. Разумеется, и в этих случаях нет формальных затруднений в определении места ударения. Однако ответ на вопрос о месте ударения предопределен здесь буквенным составом компонентов (в отличие, например, от словоформ типа *зеркал-а*, *рыб-а*, где в принципе возможны два ответа). Можно сказать, что признак «место ударения» в таких случаях нейтрализован. Целесообразно проверить, не следует ли при составлении схем ударения трактовать указанные случаи каким-то особым образом.

---

[3] См. об этом: «Ударение...», стр. 8—9.

[4] В акцентологической литературе для этого понятия обычно используется термин «акцентуационная парадигма», который здесь был бы неудобен из-за сочетаний типа «акцентуационная парадигма данной парадигмы».

[5] Вопрос об определении ударного слога в исходных словоформах парадигмы рассмотрен в работе «Ударение...», стр. 19—20.

При описании ударения в словоформах типа *сны* или *стол* возможны, по-видимому, три типа решений.

Р е ш е н и е 1. Учитывается только действительное место ударения (т. е. нейтрализация не принимается во внимание и словоформы типа *сны*, *стол* не получают никакой особой трактовки). Схема ударения состоит в этом случае из плюсов и минусов, отражающих действительное ударение каждой словоформы.

Р е ш е н и е 2. В дополнение к двум имеющимся значениям признака «место ударения» вводится еще одно значение, а именно: «ударение нейтрализовано» (его можно обозначить нулем). Оно приписывается как словоформам типа *сны*, так и словоформам типа *стол*. Схема ударения состоит в этом случае из знаков трех родов (+, —, 0). Ударению, учитываемому в соответствии с решением 2, мы дадим рабочее название «функционального».

Р е ш е н и е 3. Каждой словоформе с нейтрализованным ударением приписывается одно из двух определенных значений рассматриваемого признака («ударение на основе» или «ударение на окончании»), но не в соответствии с действительным положением ударения, а по некоторому специально составляемому правилу. Ударение, приписанное словоформе по этому правилу, будем называть у с л о в н ы м (в отличие от ударения в обычном смысле слова, которое будем называть д е й с т в и т е л ь н ы м). Таким образом, в схеме ударения для словоформ с обоими слоговыми компонентами должно быть указано действительное ударение, а для словоформ с одним неслоговым компонентом — условное. Поскольку, однако, такое неединообразие неудобно с формальной точки зрения, будем считать, что условное ударение имеют все без исключения словоформы, но у тех словоформ, где оба компонента слоговые, условное ударение совпадает с действительным. Схема ударения при данном типе решения, как и при решении 1, состоит только из плюсов и минусов, но каждый из них отражает условное, а не действительное ударение соответствующей словоформы [6].

Выбор наилучшего решения. Целесообразно принять следующий критерий: лучшим является то решение, при котором общее число различных схем ударения (в данном случае в склонении существительных) является н а и м е н ь ш и м. Сравним перечисленные выше типы решения с точки зрения этого критерия. Вначале сравним решения 1 и 2.

[6] В существующих описаниях русского ударения избрано либо решение 1, либо решение 3 (решение 1 более характерно для зарубежных русистов). Пример решения 1: «Слова типа *стол—столá* с п о д в и ж н ы м ударением, падающим в им. (вин.) падеже ед. числа на основу, во всех остальных падежах на окончание» (А. В. И с а ч е н к о, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. 1, Братислава, 1954, стр. 177. Сходные формулировки см. в кн.: G. D a v y d o f f, P. P a u l i a t, Précis d'accentuation russe, Paris, 1959; V. K i p a r s k y, Der Wortakzent der russischen Schriftsprache, Heidelberg, 1962, и др.). Основной принцип решения 3 наиболее явно сформулирован Р. И. Аванесовым: «Различие в месте ударения в подобных случаях (*полк — полкá*, *местá — мест*, *нёс — неслá* и т. д.) не имеет грамматического значения, поскольку оно вынужденное, обусловленное отсутствием окончания в одной из форм слова. Поэтому ударение в них с грамматической точки зрения следует квалифицировать как неподвижное» (Р. И. А в а н е с о в, Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956, стр. 73). В ряде описаний, в частности в академической грамматике, решение 3 используется в неявном виде. При этом отсутствие четких формулировок и специального термина для «условного ударения» часто приводит к непоследовательности. Например, в академической грамматике можно найти, с одной стороны, формулировки типа: «имена существительные среднего рода с ударением, переходящим во в с е х формах множественного числа с основы на окончание, . . . например: *вóйско*, *дёло*, . . .» (I, § 264; здесь слово «ударение» означает условное ударение), с другой стороны, и такие формулировки: «имена существительные с устойчивым ударением на окончании во всех падежных формах, имеющих окончание» (I, § 278. 4; здесь слово «ударение» означает действительное ударение).

В русском языке нетрудно найти пару существительных с одинаковой схемой действительного ударения, но разными схемами функционального ударения: ср., например, слова *ю́ноша* и *ка́рта* (разное функциональное ударение в Р. мн.). Возможно, правда, и обратное соотношение; так, слова *шоссе́* и *сон* имеют одинаковую схему функционального ударения (из одних нулей), но разные схемы действительного ударения. Случаев первого типа много больше; поэтому число схем функционального ударения должно превысить число схем действительного ударения. Полное обследование материала (подробнее см. ниже) показывает, что общее число схем ударения при решении 1 составляет 23, а при решении 2 — 40.

Покажем теперь, что среди решений третьего типа можно найти такие, при которых общее число схем ударения будет еще меньше, чем при решении 1. Примем, например, следующий алгоритм приписывания условного ударения: 1) словоформам род. падежа мн. числа с неслоговым окончанием у слов, имеющих во всех прочих словоформах действительное ударение на окончании (т. е. у слов типа *черта́*), приписывается условное ударение на окончании; 2) всем прочим словоформам приписывается условное ударение, совпадающее с действительным. С точки зрения решения 1 слова типа *черта́* имеют схему ударения «на окончании во всех словоформах, кроме Р. мн.». При этом никакие другие слова к данной схеме не относятся, поскольку слов с таким же распределением действительного ударения, но со слоговым окончанием в Р. мн. в русском языке нет. В принятом варианте решения 3 все слова типа *черта́* получат схему ударения «на окончании во всей парадигме», т. е. такую же, как слова *ступня́*, *бахча́*, *очко́* и т. д.; во всем остальном это решение не отличается от решения 1. Это значит, что общее число разных схем ударения в данном варианте решения 3 на единицу меньше, чем при решении 1.

Таким образом, из трех основных типов решения наилучший результат может дать (при достаточно удачном выборе алгоритма приписывания условного ударения) решение 3. Задача сводится к тому, чтобы выбрать наилучший вариант решения 3, т. е. найти такой алгоритм приписывания условного ударения, который даст минимальное общее число схем ударения (разумеется, такой алгоритм может оказаться не единственным).

Как мы видели, условное ударение может быть приписано произвольно только словоформам с неслоговым компонентом, т. е. тем и только тем, которые при решении 2 получают значение 0. Отсюда вытекает следующая постановка задачи. Каждая парадигма из исследуемой совокупности изображается той схемой ударения, которую она имела бы при решении 2, т. е. некоторой 11-местной строкой из плюсов, минусов и нулей. (Разумеется, некоторые строки могут оказаться одинаковыми.) Требуется заменить все нули во всех строках на плюсы и минусы. После замены каждая парадигма также будет представлена некоторой 11-местной строкой, но уже состоящей только из плюсов и минусов. Это и будет схема ударения, которую соответствующая парадигма получит при решении 3. Нужно найти способ замены, при котором среди полученных строк из плюсов и минусов число р а з н ы х строк минимально. Тем самым наша лингвистическая задача сводится к следующей математической задаче.

Задача

Имеется матрица из m строк и n столбцов. На каждом пересечении строки и столбца стоит один из трех знаков: $+$, $-$ или 0. Заменить каждый из имеющихся в матрице нулей плюсом или минусом так, чтобы в полученной матрице без нулей (назовем ее р е з у л ь т и р у ю щ е й для данной матрицы) число s разных строк было минимальным.

Частичное решение

Вообще говоря, задача допускает тривиальное решение — путем последовательного перебора всех возможных результирующих матриц. В самом деле, при конечных m и n число возможных результирующих матриц конечно (оно не превышает 2^{mn}); порядок же перебора легко может быть задан. Ясно, однако, что даже при сравнительно небольших m и n перебор может быть чрезвычайно велик, и поэтому необходимо искать менее тривиальные решения.

Введем ряд вспомогательных определений. Мы будем говорить, что строка a подчиняет строку b, если b отлична от a и ее можно превратить в a одними лишь заменами нулей на пе-нули. Как легко убедиться, отношение подчинения транзитивно. Назовем образом данной строки всякую безнулевую (т. е. содержащую только плюсы и минусы) строку, которая ее подчиняет или совпадает с ней [7]. Назовем две различные строки слабо различными, если они имеют хотя бы один общий образ, и сильно различными, если это не так [8]. Назовем строку матрицы подчиненной, если в матрице имеется хотя бы одна строка, которая ее подчиняет, и неподчиненной, если такой строки в матрице нет.

Назовем совокупность всех одинаковых между собой строк матрицы полосой. Всякая матрица состоит из стольких полос, сколько разных строк она содержит [9]. К полосам применимы, с небольшими изменениями, все определения, данные выше для строк, а именно: полоса A подчиняет строку b (полосу B), если любая строка из A подчиняет строку b (любую строку из полосы B); образ всех строк полосы называется образом полосы; полоса A слабо (сильно) отлична от строки b (полосы B), если любая строка из A слабо (сильно) отлична от строки b (от любой строки полосы B); полоса называется подчиненной (неподчиненной), если любая ее строка является подчиненной (неподчиненной). Заметим, что, в отличие от строк, в матрице не может быть двух одинаковых полос.

Назовем матрицей 1-го рода матрицу, в которой любая пара неподчиненных полос сильно различна. Назовем матрицей 2-го рода матрицу, для которой это неверно. Поскольку в нашей лингвистической задаче встречаются только матрицы 1-го рода, можно ограничиться решением поставленной задачи только для одного частного случая — для матриц 1-го рода.

Теорема 1. Для любой матрицы 1-го рода верно, что среди ее результирующих матриц есть хотя бы одна такая, где число разных строк (s) равно числу неподчиненных полос исходной матрицы (k), и нет такой, где $s < k$.

Докажем вначале вторую часть теоремы.

Допустим противное: существует результирующая матрица, где $s < k$. Это значит, что хотя бы одна пара различных неподчиненных строк (т. е. неподчиненных строк из разных полос) отображена в результирующей матрице одинаково, т. е. заменена одним и тем же образом. Но это невозможно, так как в матрице 1-го рода любая пара неподчиненных по-

---

[7] Построение результирующей матрицы есть не что иное, как замена каждой строки одним из ее образов. Заметим, что всякая строка имеет 2^z различных образов (где z — число нулей в этой строке).

[8] Иначе говоря, слабо различны две такие различные строки, что не существует столбца, на пересечении с которым одна из них содержит плюс, а другая — минус; сильно различны две строки, для которых хотя бы один такой столбец найдется.

[9] Поскольку наша задача допускает перестановку строк матрицы, строки, образующие полосу, всегда можно расположить рядом (после чего они действительно будут иметь вид «полосы»).

лос (и, следовательно, любая пара неподчиненных строк из разных полос) сильно различна.

Докажем первую часть теоремы. Припишем каждую подчиненную полосу матрицы к какой-нибудь из неподчиненных полос, которые ее подчиняют. (В силу транзитивности подчинения хотя бы одна такая полоса найдется для любой подчиненной полосы.) Все полосы матрицы оказались, таким образом, разбиты на k групп, в каждой из которых имеется ровно одна неподчиненная полоса. Возьмем для каждой неподчиненной полосы какой-нибудь из ее образов. В силу транзитивности подчинения этот образ является также образом любой полосы, подчиненной данной неподчиненной полосе, т. е. любой полосы, входящей в одну группу с данной неподчиненной полосой. Следовательно, все строки одной группы могут быть отображены в результирующей матрице одинаково. Заменим в каждой группе все ее строки выбранным образом неподчиненной полосы. Мы получим результирующую матрицу, имеющую не более k разных строк. Поскольку, однако, по доказанному выше s не может быть меньше k, в этой результирующей матрице $s = k$.

Итак, указан способ построения результирующей матрицы, где величина s принимает наименьшее из возможных для нее значений. Тем самым для матриц 1-го рода задача решена [10].

В описанной процедуре в двух случаях фигурирует произвольный выбор: во-первых, подчиненную полосу можно приписать к любой из подчиняющих ее неподчиненных полос; во-вторых, среди образов неподчиненной полосы можно выбрать любой. Отсюда следует, что способ замены нулей на не-нули, дающий минимальное s, вообще говоря, не является единственным. Это значит, что в нашей лингвистической задаче возникнет дополнительная проблема выбора среди различных способов замены нулей, дающих минимальное s. Исследуем условия, при которых способ замены нулей, дающий минимальное s, является единственным. Поскольку способ замены нулей однозначно определяется получаемой результирующей матрицей, далее будем говорить просто о разных результирующих матрицах. Будем называть результирующую матрицу м и н и м а л ь н о й, если она имеет минимальное s.

Т е о р е м а 2. Для матрицы 1-го рода M минимальная результирующая матрица M' единственна, если и только если все неподчиненные строки матрицы M безнулевые и каждая подчиненная строка матрицы M подчинена только одной неподчиненной полосе.

[10] Лингвистический интерес поставленной задачи не исчерпывается данным частным случаем. Дело в том, что принадлежность лингвистических матриц к матрицам 1-го рода в известном смысле случайна: так, достаточно было бы «удалить» из русского языка, например, всего лишь три слова (*дóля*, *ýхо*, *óко*), чтобы наша матрица стала матрицей 2-го рода. Кроме того, во многих других случаях, когда в лингвистическом описании используются различительные признаки, матриц 1-го рода может оказаться недостаточно. Решение задачи в общем виде, по-видимому, пока неизвестно. Укажем все же путь решения, представляющийся перспективным. Можно показать, что наша задача сводится к следующей задаче на графе: имеется множество точек, некоторые пары которых связаны линиями (причем две точки не могут быть непосредственно связаны между собой более чем одной связью); разбить это множество точек на минимальное число таких подмножеств, что внутри каждого подмножества любая пара точек непосредственно связана. (В виде точек должны быть изображены все неподчиненные полосы матрицы, а в виде непосредственных связей — все отношения слабого различия между соответствующими парами неподчиненных полос.) Очевидно, что матрицы 1-го рода составляют тот тривиальный случай общей задачи, когда граф не имеет ни одной связи, т. е. состоит из изолированных точек. Нам известно решение поставленной задачи на графе для значительно более широкого частного случая, когда любая точка графа либо 1) такова, что все непосредственно связанные с ней точки непосредственно связаны между собой, либо 2) непосредственно связана хотя бы с одной точкой, удовлетворяющей условию 1. Этого решения было бы достаточно, например, для русского языка, даже если бы в нем отсутствовали слова типа *дóля*.

1. Покажем, что требуемые условия достаточны. Пусть имеется матрица 1-го рода M, где оба указанные условия выполняются. Докажем, что ее минимальная результирующая матрица является единственной.

Построим минимальную результирующую матрицу M' общим способом (см. теорему 1). Единый образ для каждой группы полос здесь будет совпадать со строками неподчиненной полосы, входящей в эту группу (поскольку все неподчиненные строки M — безнулевые).

Пусть имеется другая результирующая матрица M''. Покажем, что число разных строк (s'') матрицы M'' больше, чем число разных строк (s') матрицы M'.

Любая строка матрицы M' совпадает с некоторой неподчиненной строкой исходной матрицы M; все такие строки—безнулевые, т. е. каждая из них во всех результирующих матрицах отображается одинаково — в виде самой себя. Это значит, что любая строка матрицы M' встречается также во всякой другой результирующей матрице, в частности в M''.

Матрица M'' отлична от матрицы M', следовательно, имеется хотя бы одна строка матрицы M, которая по-разному отображена в M' и в M''. Рассмотрим любую из таких строк; пусть это будет строка c, а ее образы в результирующих матрицах — соответственно c' и c''. Строка c — подчиненная, поскольку все неподчиненные строки матрицы M безнулевые и, следовательно, не могут иметь двух разных образов.

В матрице, где соблюдены оба условия теоремы, всякая подчиненная строка сильно отлична от всех неподчиненных полос, кроме одной — той единственной, которая ее подчиняет. (В самом деле, если строка a не подчинена безнулевой строке b, то a и b сильно различны.) Таким образом, строка c сильно отлична от всех неподчиненных полос матрицы M, кроме одной.

Как известно из построения матрицы M', строка c' совпадает со строками неподчиненной полосы матрицы M, которая подчиняет c (по условию теоремы такая полоса единственна). Строки c' и c'' различны; следовательно, c'' не совпадает со строками указанной неподчиненной полосы матрицы M. Но c'' не может совпадать также со строками никакой другой неподчиненной полосы матрицы M, поскольку, как уже показано, строка c сильно отлична от всех этих неподчиненных полос. Таким образом, c'' не совпадает ни с одной из неподчиненных строк матрицы M, следовательно, ни с одной из строк матрицы M'. Итак, в матрице M'' встречаются, во-первых, все разные строки, встречающиеся в M', во-вторых, по крайней мере еще одна строка c'', не встречающаяся в M'. Следовательно, $s'' > s'$. Единственность минимальной результирующей матрицы M' доказана.

2. Покажем, что требуемые условия необходимы. Пусть имеется матрица 1-го рода P, где хотя бы одно из указанных в теореме условий не выполняется. Докажем, что минимальная результирующая матрица для матрицы P не является единственной.

а) Пусть не выполнено первое условие: не все неподчиненные строки матрицы P безнулевые. Построим общим способом минимальную результирующую матрицу P'. Возьмем в матрице P какую-нибудь из неподчиненных строк с нулями; пусть это будет строка d, а ее образ в P' — d'. Найдем в d' какой-нибудь из знаков, заменяющих нуль строки d, и изменим его на противоположный; получим некоторую строку d''.

Из построения матрицы P' известно, что в виде d' отображены все строки матрицы P из той группы полос, куда входит строка d. При этом никакая другая группа полос не может быть отображена в виде d', так как такое отображение значило бы, что P не есть матрица 1-го рода. Таким образом, любая строка из P, отображенная в P' в виде d', либо

совпадает с d, либо подчинена d. Это значит, что любая из этих строк имеет нуль в том столбце, где произведено изменение, т. е. d'' является образом любой из них. Отсюда следует, что если заменить в P' все вхождения d' на d'', то полученная матрица (назовем ее P'') также будет результирующей для P. Число разных строк в P'' не больше, чем в P' (поскольку при замене одна строка исчезла и не более одной прибавилось); оно и не меньше, чем в P' (поскольку P' — минимальная матрица); следовательно, эти числа равны, и P'' есть также минимальная результирующая матрица для P. Неединственность минимальной матрицы доказана.

б) Пусть не выполнено второе условие: не каждая подчиненная строка матрицы P подчинена только одной неподчиненной полосе. Построим минимальную результирующую матрицу P'. Возьмем любую строку из P, подчиненную нескольким неподчиненным полосам. В P' эта строка отображена так же, как одна из подчиняющих ее неподчиненных полос. Отобразим ее теперь так же, как другую из подчиняющих ее неподчиненных полос. Понятно, что полученная новая матрица P'' есть также результирующая матрица для P. Матрицы P' и P'' различны, поскольку взятая строка из P отображена в них по-разному (в матрице 1-го рода две неподчиненные полосы не могут иметь общего образа). Но число разных строк в этих матрицах одинаково; следовательно, P'' есть также минимальная результирующая матрица для P. Неединственность минимальной матрицы доказана.

Далее. Введем еще одно дополнительное определение: матрица P содержит матрицу M, если все строки M являются также строками P.

Т е о р е м а 3. Пусть имеется матрица 1-го рода P, содержащая матрицу 1-го рода M, причем 1) для M минимальная результирующая матрица M' единственна и 2) любая строка из M сильно отлична от любой неподчиненной строки матрицы P, не входящей в M. В этом случае в любой минимальной результирующей матрице для P часть, отображающая M, совпадает с M'.

Все неподчиненные строки матрицы M — безнулевые (в силу теоремы 2); следовательно, они являются также неподчиненными строками матрицы P. С другой стороны, очевидно, что все подчиненные строки матрицы M являются также подчиненными строками матрицы P. Таким образом, неподчиненные строки матрицы P, входящие в M, и неподчиненные строки матрицы M — это одни и те же строки.

Как показано выше, в матрице, удовлетворяющей обоим условиям теоремы 2 (здесь таковою является матрица M), любая подчиненная строка сильно отлична от всех неподчиненных строк, кроме строк неподчиненной полосы, подчиняющей ее. Кроме того, по второму условию нашей теоремы любая строка из M сильно отлична от всех неподчиненных строк матрицы P, не входящих в M. Следовательно, любая подчиненная строка матрицы M сильно отлична от всех неподчиненных строк матрицы P, кроме строк неподчиненной полосы, подчиняющей ее.

Пусть имеется результирующая матрица P', где хотя бы одна строка из M получила образ, отличный от ее образа в M'. Докажем, что P' не минимальна. Рассмотрим любую из таких строк матрицы M, получивших новый образ. Эта строка подчиненная (поскольку все неподчиненные строки матрицы M безнулевые). Образ этой строки в M' совпадает с образом подчиняющей ее неподчиненной полосы матрицы M (причем этот образ единственный, поскольку данная полоса состоит из безнулевых строк). Следовательно, новый образ не совпадает с образом строк этой неподчиненной полосы. Но он не совпадает также с образом никакой другой неподчиненной строки матрицы P, поскольку взятая строка сильно отлична от всех этих неподчиненных строк матрицы P.

Как мы знаем, в матрице 1-го рода образ (или образы) каждой неподчиненной полосы не совпадает с образами ни одной из других неподчиненных полос. Следовательно, в P' имеется не менее k разных строк, отображающих неподчиненные строки P (где k — число неподчиненных полос матрицы P), и, кроме того, по крайней мере еще одна строка, отличная от всех этих k строк. Таким образом, в P' число разных строк больше k, т. е. P' не минимальна.

*

Применим полученные результаты к изучаемым фактам русского склонения. Составим на основании последовательной проверки материала полную матрицу распределения функционального ударения в парадигмах существительных. Привести эту матрицу целиком, разумеется, невозможно [11]; но это и не нужно. Достаточно привести с о к р а щ е н н у ю матрицу, в которой каждая полоса первоначальной матрицы представлена лишь частью своих строк (в частном случае — одной строкой).

Поскольку в дальнейшем потребуются также сведения о распределении действительного ударения, произведем сокращение так: каждая полоса первоначальной матрицы будет представлена в сокращенной матрице столькими строками, сколько разных схем действительного ударения в ней встречается. Оказывается, что каждой полосе полной матрицы, за исключением последней, соответствует всего одна схема действительного ударения. Например, все слова, относящиеся к полосе 13, имеют такую же схему действительного ударения, как слово *тигр*. Таким образом, в нашей сокращенной матрице каждая полоса, кроме последней, представлена всего одной строкой.

Первоначальную матрицу можно без ущерба «сжать» также и по ширине: дело в том, что в ней в точности одинаковы: 1) столбцы Р. ед., Д. ед. и П. ед.; 2) столбцы Д. мн. и П. мн. Каждая из этих групп столбцов представлена в сокращенной матрице в виде одного столбца.

Неподчиненные и подчиненные полосы матрицы даны раздельно. Для каждой подчиненной полосы указаны подчиняющие ее неподчиненные. Для каждой строки указано, кроме того, относится ли она к самостоятельной (т. е. еще не встречавшейся) схеме действительного ударения или к уже встречавшейся ранее в матрице.

Таким образом, приводимая ниже матрица содержит сведения не только о всех схемах функционального ударения, но и о всех схемах действительного ударения. Из нее видно, в частности, что общее число разных схем ударения при решении 2 составляет 40, а при решении 1 — 23.

Опираясь на информацию, содержащуюся в сокращенной матрице, исследуем свойства полной матрицы распределения ударения. Для наших целей этой информации достаточно. В самом деле, имея хотя бы по одной строке от каждой полосы полной матрицы, можно судить о всех встречающихся в полной матрице строках и о всех существенных для нас отношениях между ее полосами. Понятно также, что произведенная замена группы одинаковых столбцов одним из этих столбцов не изменяет отношений одинаковости или различия между какими бы то ни было строками.

Непосредственная проверка по сокращенной матрице показывает:

1. Все 12 неподчиненных полос полной матрицы сильно различны между собой, т. е. это матрица 1-го рода. Следовательно, в силу теоремы 1 минимальное возможное число разных строк в результирующей матрице для полной матрицы равно 12.

2. Ни одному из условий теоремы 2 полная матрица не удовлетворяет. Следовательно, минимальная результирующая матрица для полной матрицы не единственна.

[11] В АО входит около 22 тысяч существительных.

Сокращенная матрица распределения функционального ударения у существительных

Неподчиненные полосы

№ полосы	Формы: сл. число И	В	Р Д П	Т	мн. число И	Р	Д П	Т	Образцы	Схема действительного ударения
1	⁄	+	⁄	+	+	+	⁄	+	*ю́ноша*	самост.
2	—	—	—	—	—	—	—	—	*ступня́*	»
3	⁄	+	+	+	—	—	—	—	*мо́ре*	»
4	—	—	—	—	+	+	⁄	+	*перо́*	»
5	+	+	+	⁄	+	—	—	—	*до́ля*	»
6	—	—	—	—	+	—	—	—	*ноздря́*	»
7	—	+	—	—	+	0	+	+	*зима́*	самост.
8	—	+	—	—	+	0	—	—	*рука́*	»
9	0	0	—	⁄	—	—	—	—	*любо́вь*	»
10	—	—	+	+	—	—	—	—	*полчаса́*	»
11	0	+	+	+	+	—	+	—	*челове́к* (мн. *лю́ди*)	»
12	—	—	+	⁄	⁄	—	+	—	*дитя́* (мн. *де́ти*)	»

Подчиненные полосы

№ полосы	Формы: ед. число И	В	Р Д П	Т	мн. число И	Р	Д П	Т	Образцы	Схема действительного ударения	Каким неподчиненным полосам подчинена
13	0	+	+	+	⁄	+	+	+	*тигр*	как у *ю́ноша*	1
14	+	+	+	+	+	0	⁄	+	*ка́рта*		
15	0	0	⁄	+	⁄	+	⁄	+	*тетра́дь*		
16	0	+	+	+	0	+	⁄	+	*солда́т*		
17	0	0	+	+	+	0	+	+	*ва́ленок*		
18	0	—	—	—	—	—	—	—	*царь*	самост.	2
19	—	—	—	—	—	0	—	—	*черта́*	»	
20	0	0	—	—	—	—	—	—	*стол*	»	
21	0	0	—	—	—	0	—	—	*сапо́г*	»	
22	0	+	+	+	—	—	—	—	*ма́стер*	как у *мо́ре*	3
23	+	+	+	+	—	0	—	—	*ме́сто*	самост.	
23а	0	⁄	+	+	—	0	—	—	*господи́н*	как у *ме́сто*	
24	0	—	—	—	+	+	+	+	*каза́к* (мн. *каза́ки*)	самост.	4
25	—	—	—	—	⁄	0	+	+	*вино́*	как у *перо́*	
26	0	0	—	—	+	+	+	+	*сук*	самост.	
27	0	+	+	⁄	+	—	—	—	*зверь*	как у *до́ля*	5
28	+	+	+	⁄	+	0	—	—	*дере́вня*	самост.	
29	0	0	+	+	+	—	—	—	*мышь*	как у *до́ля*	
30	0	0	+	+	+	0	—	—	*во́лос*	как у *дере́вня*	
31	0	—	—	—	+	—	—	—	*конь*	самост.	6
32	—	—	—	—	+	0	—	—	*губа́*	»	
33	0	0	—	—	+	—	—	—	*гвоздь*	»	

№ полосы	Формы: ед. число И	ед. число В	ед. число Р Д П	ед. число Т	мн. число И	мн. число Р	мн. число Д П	мн. число Т	Образцы	Схема действительного ударения	Каким неподчиненным полосам подчинена
34	0	0	+	+	—	—	—	—	*сад*	как у *мóре*	3,10
35	0	0	-|-	+	—	0	—	—	*глаз*	как у *мéсто*	
36	0	0	—	—	-|-	0	+	-|-	*зубóк* (мн. *зýбки*)	как у *сук*	4,7
37	0	0	0	0	+	+	+	+	*дно*	как у *перó*	1,4
38	0	0	0	+	0	0	0	0	*вошь*	как у *любóвь*	1,3,5, 9—12
39	0	0	0	0	0	0	0	0	*шоссé*	как у *юнóша*	1—12
	0	0	0	0	0	0	0	0	*лев*	как у *царь*	
	0	0	0	0	0	0	0	0	*сон*	как у *стол*	
	0	0	0	0	0	0	0	0	*тля*	как у *ступнú*	
	0	0	0	0	0	0	0	0	*тьма* (множество)	как у *чертá*	

Какую же из этих результирующих матриц выбрать? Для обоснованного ответа на этот вопрос нужна некоторая вспомогательная процедура.

Выделим среди 39 полос полной матрицы следующие 28: 1—6 и 13—33. Назовем эти 28 полос м а л о й матрицей. Как показывает подсчет, в малую матрицу входит около 98% строк полной матрицы. Непосредственная проверка по сокращенной матрице показывает:

1. Малая матрица имеет 6 неподчиненных полос (1—6); все они сильно различны между собой. Таким образом, малая матрица — это матрица 1-го рода и, следовательно, минимальное возможное число строк в результирующей матрице для малой матрицы равно 6.

2. В малой матрице соблюдены оба условия теоремы 2. Следовательно, минимальная результирующая матрица для малой матрицы единственна.

3. Любая строка малой матрицы сильно отлична от любой неподчиненной строки полной матрицы, не входящей в малую матрицу (т. е. от любой строки из полос 7—12). Таким образом, соотношение между малой и полной матрицами удовлетворяет обоим требованиям теоремы 3. Следовательно, во всех минимальных результирующих матрицах для полной матрицы малая матрица будет отображена одинаково — в виде своей единственной минимальной результирующей [12].

Итак, для 98% материала способ замены нулей, удовлетворяющий выдвинутому требованию минимальности, является единственным. Все различие между минимальными результирующими матрицами для полной матрицы состоит только в способе отображения 12 полос «остатка», охватывающих 2% материала. Отсюда ясно, в каком направлении должен идти поиск наиболее целесообразного решения: необходимо построить алгоритм замены нулей на не-нули, который 1) обращал бы малую матрицу в ее единственную минимальную результирующую, 2) был бы применим без дополнительных изменений также к «остатку» и обращал бы полную матрицу в одну из ее минимальных результирующих.

Минимальную результирующую матрицу для малой матрицы можно построить общим способом (см. теорему 1). Поскольку малая матрица

[12] В принципе возможно включить в малую матрицу также полосы 10 и 12: указанное свойство при этом сохранилось бы; однако это было бы неудобно для последующих построений.

удовлетворяет обоим условиям теоремы 2, этот способ получает форму следующего алгоритма: каждая подчиненная строка заменяется единственным образом подчиняющей ее неподчиненной полосы. Однако к «остатку» этот алгоритм неприменим (поскольку «остаток» не удовлетворяет требованиям теоремы 2). Поэтому следует искать иной алгоритм отображения малой матрицы, равносильный данному.

Назовем з о н о й такую группу столбцов, что пересечение любой строки с этой группой столбцов (будем называть его з о н о й с т р о к и) не содержит одновременно плюса и минуса. Простейший пример зоны составляет любой столбец.

Малую матрицу можно разбить, в частности, на такие зоны: зона 1 — все ед. число; зона 2 — И. мн.; зона 3 — Р., Д., Т., П. мн. Это разбиение на зоны обладает следующими свойствами: 1) оно неукрупняемое, т. е. никакие две зоны этого разбиения нельзя соединить в одну (это устанавливается непосредственной проверкой по сокращенной матрице); 2) оно — единственное неукрупняемое (поскольку, как показывает проверка, никакие два столбца из разных зон нельзя включить в одну зону и, таким образом, любое другое разбиение на зоны может быть только раздроблением нашего).

Понятно, что в неподчиненных строках малой матрицы каждая зона строки состоит либо из одних плюсов, либо из одних минусов (поскольку все ее неподчиненные строки безнулевые). Напротив, в любой подчиненной строке хотя бы одна зона строки содержит хотя бы один нуль; при этом, однако, как показывает проверка, в малой матрице при нашем разбиении на зоны нет зон строки, состоящих из одних нулей.

Предложенный алгоритм состоит в том, что каждая подчиненная строка заменяется единственным образом подчиняющей ее неподчиненной полосы (т. е. любой строкой из этой полосы). Как легко убедиться, в указанных условиях такая замена равносильна следующей: в каждой зоне строки (при нашем разбиении на зоны), содержащей хотя бы один нуль, все нули заменяются плюсами, если в этой зоне строки есть хотя бы один плюс, и минусами, если там есть хотя бы один минус.

Таким образом, построен другой алгоритм получения минимальной результирующей матрицы для малой матрицы. Он имеет перед первым то преимущество, что позволяет заменить нули в отдельно взятой строке без сопоставления ее с какими бы то ни было другими строками матрицы, т. е. без обращения ко всей матрице. (Вся необходимая информация о матрице заключена в этом случае в задании определенного разбиения на зоны.) Однако и этот алгоритм неприменим к «остатку» (поскольку использованное разбиение на зоны таковым для «остатка» не является).

Обратим внимание на то, что в малой матрице нули встречаются только в трех столбцах: И. ед., В. ед. и Р. мн. Это обстоятельство дает возможность переформулировать второй из предложенных алгоритмов, например, так: каждый нуль заменяется тем знаком, который стоит в той же строке в столбце дат. падежа того же числа. (Разумеется, вместо дат. падежа можно взять пред. или твор. падеж.) В самом деле, 1) в малой матрице в столбцах дат. падежа нули не встречаются, 2) И. ед. и В. ед. (формы, где возможны нули) принадлежат к той же зоне разбиения, что и Д. ед., а Р. мн.— к той же зоне, что и Д. мн.

Новый алгоритм, в отличие от предшествующих, уже можно применить к «остатку»; но результат будет все же неудовлетворительным, поскольку в «остатке» есть строки, где в дат. падеже стоит нуль, а такие строки этот алгоритм не превратит в безнулевые. Недостаток этот, однако, легко исправить: для этого нужно учитывать в дат. падеже не функциональное, а действительное ударение. В самом деле, в столбцах дат. падежа малой

матрицы эти два вида ударения совпадают; но действительное ударение, в отличие от функционального, всегда (следовательно, и в строках «остатка») имеет определенное значение: + или —. Таким образом, можно предложить следующий алгоритм замены нулей, применимый к любой строке полной матрицы: каждый нуль заменяется тем знаком, который стоит в схеме действительного ударения того же слова в столбце дат. падежа [13] того же числа. На содержательном уровне этот алгоритм выглядит так: каждой словоформе с неслоговым компонентом приписывается условное ударение на том компоненте, на который падает действительное ударение в словоформе дат. падежа того же числа, принадлежащей той же парадигме.

Этот алгоритм, как мы видели, равносилен для нашей малой матрицы всем предшествующим; следовательно, он преобразует малую матрицу в ее единственную минимальную результирующую. Остается лишь проверить, является ли минимальной результирующая матрица, в которую он преобразует полную матрицу.

Построим по нашему алгоритму результирующие строки для всех строк сокращенной матрицы. Поскольку в сокращенной матрице представлены все полосы полной матрицы, а для каждой полосы — все схемы действительного ударения, мы получим таким способом все разные строки, встречающиеся в результирующей матрице для полной матрицы. Таких разных строк оказывается 12; следовательно, результирующая матрица минимальна. Таким образом, наша цель достигнута: построен алгоритм, удовлетворяющий обоим поставленным выше требованиям.

Приведем полный список полученных таким способом разных результирующих строк. Этот список одновременно является сокращенной результирующей матрицей для полной матрицы, а также полным списком схем условного ударения. В качестве образцов взяты те же слова, что в исходной сокращенной матрице. Для шести первых строк вертикальными линиями разграничены зоны.

Сокращенная результирующая матрица

Схема условного ударения	Формы: ед. число И	Р	Д	В	Т	П	мн. число И	Р	Д	Т	П	Образцы
a	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	*юноша, тигр, ка́рта, тетра́дь, солда́т, ва́ленок, шоссе́;*
b	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	*ступня́, царь, черта́, стол, сапо́г, лев, сон, тля, тьма;*
c	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	*мо́ре, ма́стер, ме́сто, господи́н, сад, глаз;*
d	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	*перо́, каза́к, вино́, сук, зубо́к, дно;*
e	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	*до́ля, зверь, дере́вня, мышь, вело́с;*
f	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	*поздня́, конь, губа́, гвоздь*
d′	—	—	—	+	—	—	+	+	+	+	+	*зима́*
f′	—	—	—	+	—	—	+	—	—	—	—	*рука́* *господи́н,*
b′	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	*любо́вь, вошь*
c′	—	+	+	—	+	+	—	—	—	—	—	*получаса́*
e′	+	+	+	+	+	+	+	—	+	—	+	*челове́к*
e″	—	+	+	—	+	+	+	—	+	—	+	*дитя́*

[13] Результирующая матрица не изменится, если вместо дательного взять предложный; если же взять творительный, она будет отличной (различие будет в полосах 9 и 38; они охватывают всего 4 слова).

Замечание 1. Из таблицы видно, что большинство типов слов алгоритм относит к первым шести схемам условного ударения. Подсчет показывает, что на эти 6 схем приходится около 99,8% всего материала; вторые 6 схем охватывают лишь около 40 слов. Этим объясняется выбранная система обозначений, при которой каждая из 6 последних схем рассматривается как бы как отклонение от одной из основных.

Замечание 2. Принятый алгоритм по-разному преобразует строки полосы 39, относя слова типа *шоссе́* к схеме *a*, а слова типа *сон*, *тля* и т. д.— к схеме *b*. Таким образом, не всякая пара одинаковых строк преобразуется этим алгоритмом одинаково.

Итак, в результате проведенного исследования принимается следующее решение. Каждой словоформе каждой парадигмы приписывается условное ударение, т. е. особый признак, значение которого определяется по следующему правилу: 1) у словоформы с обоими слоговыми компонентами условное ударение совпадает с действительным; 2) у словоформы с неслоговым компонентом условное ударение такое же, как действительное ударение в словоформе дат. падежа того же числа, принадлежащей той же парадигме. Под схемой ударения в дальнейшем понимается схема условного ударения. С точки зрения принятого критерия это решение является единственным оптимальным для 98% материала и одним из оптимальных для остальных 2%.

Лингвистический смысл условного ударения. Принятое определение условного ударения основано на формальном критерии — минимальности общего числа разных схем ударения. Полученное таким путем понятие имеет, однако, и более непосредственный лингвистический смысл.

Что такое зона с содержательной точки зрения? Это такая группа форм, что в любой парадигме (из определенной совокупности [14]) в соответствующей группе словоформ (назовем ее зоной парадигмы) все словоформы с обоими слоговыми компонентами имеют ударение на одном и том же компоненте. Как мы уже видели, парадигма существительного единственным образом делится на неукрупняемые зоны: 1) ед. число, 2) И. мн., 3) Р., Д., Т., П. мн. Приведем примеры зон парадигмы, соответствующих этому разделению на зоны: а) *гость*, *го́стя*, *го́стю*, *го́стем*, *го́сте*; б) *го́сти*; в) *гостей́*, *гостя́м*, *гостя́ми*, *гостя́х*; г) *топо́р*, *топора́*, *топору́*, *топоро́м*, *топоре́*; д) *зерка́л*, *зеркала́м*, *зеркала́ми*, *зеркала́х*. Легко проверить, что сформулированное выше требование всюду соблюдено.

Назовем местом ударения в зоне парадигмы место ударения во входящих в нее словоформах с обоими слоговыми компонентами. Так, в примерах *а* и *б* ударение в зоне парадигмы — на основе, в примерах *в*, *г* и *д* — на окончании. Понятие места ударения в зоне парадигмы соответствует интуитивному представлению об «истинном» месте ударения в группе словоформ, на фоне которого ударение в словоформах типа *зерка́л*, *топо́р* воспринимается как «сдвинутое».

Можно ли по взятой словоформе определить, каково место ударения в той зоне парадигмы, куда она входит? По словоформе с обоими слоговыми компонентами, разумеется, можно; по словоформе же типа *гость*, *топо́р*, *зерка́л* — нельзя: нужно знать какие-то другие словоформы тех же парадигм. Например, можно использовать для этой цели словоформы *го́стю*, *топору́*, *зеркала́м*. Но тем самым будет произведена именно та опе-

[14] Здесь в качестве такой совокупности выступают все существительные с полной парадигмой, за исключением около 40 слов, принадлежащих к 6 последним схемам ударения.

рация, которая предложена выше для определения места условного ударения в словоформах с неслоговым компонентом. Отсюда ясен лингвистический смысл условного ударения: условное ударение данной словоформы есть указание на место ударения в той зоне парадигмы (при неукрупняемом разбиении на зоны), к которой эта словоформа принадлежит. При замене действительного ударения условным каждая зона парадигмы любого слова становится единой в акцентуационном отношении, что соответствует интуитивному представлению о единстве «истинного» ударения в таких группах словоформ.

Условное ударение связано еще с одним кругом фактов. В акцентологии о группе словоформ, имеющих ударение на одном и том же по счету слоге (считая от начала), говорят, что она имеет колонное ударение. При этом считается, что колонность не нарушена также в следующем особом случае: 1) число слогов в одной (или нескольких) из словоформ меньше номера ударного слога в более длинных словоформах и 2) ударение в этой короткой словоформе падает на последний слог. Местом колонного ударения в группе считается номер ударного слога в самой длинной словоформе группы.

Назовем колонной зоной такую группу форм, что в любой парадигме (из определенной совокупности) соответствующая группа словоформ (назовем ее колонной зоной парадигмы) имеет колонное ударение.

Оказывается, что если в качестве такой совокупности взять все существительные с полной парадигмой (за исключением около 40, принадлежащих к 6 последним схемам ударения, сложных слов с основой *пол-* в первой части и еще около двадцати слов[15]), то колонные зоны совпадут с обычными зонами. В качестве примеров, подтверждающих это, можно назвать приведенные примеры зон парадигмы: все они имеют колонное ударение. Подчеркнем, что данное совпадение не является внутренним следствием изложенного выше, а составляет самостоятельный эмпирический факт.

Таким образом, условное ударение можно рассматривать также как указание (с точностью до морфологического компонента) на место колонного ударения в колонной зоне парадигмы, куда входит данная словоформа. Эта сторона условного ударения используется в правилах определения ударного слога в неисходных словоформах. Например, словоформы *кишбк* и *чйсел* получают по этим правилам разное место ударения внутри основы потому, что им приписано разное условное ударение: словоформе *кишбк* — на окончании, словоформе *чйсел* — на основе.

Отметим также следующее. С диахронической точки зрения словоформы с условным ударением на неслоговом окончании (типа *стол*, *конь*, *голбв*) — это в основном[16] те словоформы, которые до падения редуцированных имели в качестве окончания ударные ѣ или ъ. Современным словоформам *стол*, *конь*, *голбв* (с условным ударением на окончании) соответствуют древнерусские словоформы *стол-ѣ*, *кон-ѣ*, *голов-ѣ* (с действительным ударением на окончании); ср., с другой стороны, современные *похбд*, *рыб* (с условным ударением на основе) и древнерусские *похбд-ъ*, *рыб-ъ* и т. п. Такого рода соответствия не являются парадоксальными или случайными; наиболее простое описание (особенно в области морфологии), по-

---

[15] А именно: *госпбдь*, *перёд*, *пблдень*; *пблночь*, *сажёнь*; *земля́*, *овца́*, *свинья́*, *семья́*, *сестра́*, *судья́*; *гумнб*, *кольцб*, *кружево*, *мбсло*, *яйцб*; *дёньги*, *хлбпоты*.

[16] Т. е. в отвлечении от случаев, где современная схема ударения есть результат поздних изменений.

видимому, почти всегда будет в той или иной мере сходно с несколько «идеализированной» историей [17].

Вопрос об условном ударении в других группах формообразующих слов. Принципы, а в ряде случаев и непосредственные результаты предложенного разбора применимы не только к существительным с полной парадигмой. Легко включаются в описание существительные с неполной парадигмой (например, существительные, не имеющие одного из чисел). Такие слова обычно можно отнести к нескольким схемам ударения (поскольку отсутствующим словоформам можно приписать какое угодно ударение). Для них удобнее всего принять следующее правило: считать такое слово относящимся к первой по порядку из тех схем ударения, к которым оно может быть отнесено. Существительных с неполной парадигмой, которые бы не уложились ни в одну из 12 схем ударения, в русском языке нет.

Оказывается возможным также включить в эту же систему описания все остальные склоняемые части речи [18]. При описании кратких форм прилагательных, по-видимому, потребуется приписать краткой форме муж. рода условное ударение, совпадающее с действительным ударением краткой формы ср. рода (ср., например, *ва́жен* и *ва́жно*, *смешбн* и *смешно́*).

Предложенные принципы описания применимы также к системе глагола (хотя они и потребуют некоторых уточнений в тех случаях, когда глагольная словоформа отчетливо распадается на три, а не на два компонента, например, *нес-ýщ-ий*). Понятие условного ударения необходимо здесь в нескольких случаях (муж. род прошедшего времени, повелительное наклонение, инфинитив и некот. др.). Например, словоформам муж. рода прошедшего времени, по-видимому, потребуется приписать услов. ное ударение, совпадающее с действительным ударением в ср. роде (ср., например, *вы́шел* и *вы́шло*, *ушёл* и *ушлб*).

*

Понятие схемы ударения имеет для изучения русского словоизменения, в частности склонения, примерно такое же значение, как, например, понятие типа склонения (школьные I, II, III склонения). Между тем в научной литературе ему уделяется несравненно меньшее внимание; характерно, что термин, использующийся для этого понятия в специальных работах («акцентуационная парадигма»), в общих описаниях практически не встречается. В школьном преподавании это понятие полностью отсутствует. Такое положение объясняется не существом дела, а главным образом традицией. В литовском языке, типологически близком к русскому, в склонении существительных также различаются несколько схем ударения — так называемые kirčiuotės (правда, в отличие от русского, схема ударения учитывает здесь не только место ударения, но и интонацию ударной гласной). Но в литовской традиции, в отличие от русской, kirčiuotė является стандартным лингвистическим понятием, обязательным не только для научного обихода, но и для школьного преподавания (оно в точности параллельно понятию linksniuotė «тип склонения»). Возможно, что именно трудности, связанные с условным ударением, т. е. с необходимостью признать словоформы типа *стол* имеющими ударение на окончании, помешали распространению соответствующего понятия в изучении и преподавании русского языка.

---

[17] Ср.: M. H a l l e, On the role of simplicity in linguistic descriptions, сб. «Structure of language and its mathematical aspects», Providence, 1961, стр. 94.

[18] См.: «Ударение...», стр. 21—22.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ АКЦЕНТУАЦИИ РУССКИХ ОДНОСЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА

РАЗДЕЛ I. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ И ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ

§ 1. Распространено представление, что в современном русском языке в распределении односложных [1] существительных по акцентуационным типам нет почти никаких синхронических закономерностей [2] и единственно возможное практическое решение состоит в приведении полных списков. В настоящей работе мы пытаемся показать, что это представление неверно, т. е. что в действительности в данной сфере имеются довольно четкие закономерности и лишь в силу того, что они разнородны и образуют сложную иерархию, наблюдаемая внешняя картина кажется беспорядочной [3].

§ 2. Мы будем различать [4] следующие схемы ударения (или, что то же, акцентные кривые), возможные для слов рассматриваемого класса:

a — ударение на основе [5] во всей парадигме (например *знак*, *зна́ка*, *зна́ки*, *зна́ков*);

b — ударение на окончаниях во всех словоформах с ненулевым окончанием (*стол*, *стола́*, *столы́*, *столо́в*);

c — как *a* в ед. числе, как *b* во мн. числе (*дар*, *да́ра*, *дары́*, *даро́в*);

---

[1] Под односложными понимаются, в соответствии с традиционным словоупотреблением, существительные с односложной исходной словоформой.

[2] Так, В. Кипарский пишет: «Как известно, ...ни для исконно русских, ни для заимствованных односложных слов никаких «правил ударения» пока что не существует...» (Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I. Односложные имена существительные. Хельсинки, 1950, с. 20; ср. также: Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962, S. 24).

[3] Из-за ограниченного объема настоящей статьи в ней представлен не весь проанализированный материал (но все общие положения изложены); подробнее см. § 14, конец.

[4] В соответствии с кн.: Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967, с. 153.

[5] Наличие или отсутствие у слова так называемого 2-го предложного падежа ед. числа (далее сокращенно — $П_2$) на *-у́*, *-ю́* схемой ударения не учитывается; это отдельный признак слова. Таким образом, под *паосно́вным* ударением ед. числа в настоящей работе понимается ударение на основе во всех словоформах ед. числа, кроме $П_2$ на *-у́*, *-ю́* (если таковой имеется).

d — как *b* в ед. числе, как *a* во мн. числе (*кол, колá, кóлья, кóльев*);

e — то же, что *c*, но с наоспóвным ударением в И. мн.[6] (*бог, бóга, бóги, богóв*);

f — то же, что *b*, но с наоснóвным ударением в И. мн. (*гвоздь, гвоздя́, гвóзди, гвоздéй*).

Singularia tantum (т. е. слова, у которых мн. число никогда или почти никогда не употребляется, например *пух, быт, юг*) причисляются к схеме *a* или *b* в соответствии с их ударением в ед. числе[7].

Класс односложных существительных мужского рода в современном русском языке открыт для пополнения за счет заимствований и новообразований (аббревиатур, отглагольных имен и др.), поэтому точно указать его численность невозможно. В «Обратный словарь русского языка»[8] входит около 1500 таких слов; в этом объеме данный класс и рассматривается ниже (везде, где не оговорено обратное).

Из этих 1500 слов по литературной норме к схеме *b* относится около 200, *c* — около 120, *d* — 6, *e* — 21, *f* — 4. Прочие относятся к схеме *a*.

Продуктивными, т. е. способными принимать новые слова, являются (для рассматриваемого класса слов) только три схемы ударения: *a*, *b* и *c* (иначе говоря, любые акцентуационные правила неспи-сочного характера могут требовать только одной из этих трех схем).

§ 3. В некоторых случаях возникает необходимость рассмотреть древнерусскую акцентуацию того или иного слова. Как установлено современной сравнительно-исторической акцентологией, в древнерусском имена делились с акцентуационной точки зрения на три класса[9]:

1) имена с неподвижным ударением на определенном слоге основы во всех словоформах — так называемая акцентная парадигма *a* (=«баритонированная»);

2) имена с ударением на флексии во всех словоформах (за некоторыми, строго определенными для каждого типа склонения исключениями) — так называемая акцентная парадигма *b* (=«окситонированная»);

3) имена с подвижным ударением, которое в каждом типе склонения было представлено особым (но единым для всего этого типа) распределением наоснóвного и флексионного ударения в парадигме склонения — так называемая акцентная парадигма *c* (=«подвиж-

---

[6] Здесь и далее таким способом обозначаются формы именной парадигмы: большая буква (И., Р., Д., В., Т., П.) обозначает падеж, сокращения «ед.», «мн.» — число.

[7] Заметим, что количество singularia tantum схемы *b* ничтожно мало: это только *скот* (в основном, собирательном значении), *вред, стыд, плющ* (как будет видно ниже, § 10, это обстоятельство не случайно).

[8] Обратный словарь русского языка. М., 1974.

[9] См.: Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963, с. 4; Stang Chr. S. Slavonic accentuation. Oslo, p. 56—94.

ная»); характерной дополнительной особенностью этой акцентной парадигмы был перенос ударения со словоформ с наосно́вным ударением на проклитики и энклитики [10].

В настоящей работе мы исходим из того, что для существительных мужского рода нормальными (т. е. не требующими индивидуальных объяснений для отдельного слова) являются следующие соответствия:

акцентная парадигма в древнерусском		схема ударения в современном русском
a	—	*a*
b	—	*b*
c	—	*c* или *e*[11]

Таким образом, например, для слова *нос* (схема *c*, др.-русск. акцентная парадигма *c*) мы будем говорить просто о сохранении старой акцентуации (хотя фактически ударение некоторых словоформ здесь изменилось). Соответственно под индивидуальными изменениями прежней акцентуации понимаются только отклонения от указанного системного соотношения.

§ 4. Для дальнейшего изложения нам потребуется несколько вспомогательных рабочих терминов.

Тривиальное и нетривиальное склонения

Противопоставление тривиального и нетривиального склонений, вообще говоря, актуально для всех русских существительных; но здесь мы, в соответствии с задачей настоящей работы, ограничимся его определением для слов мужского рода.

Тривиальным склонением для слов мужского рода[12] (не только односложных) мы будем называть образование неисходных словоформ, обладающее одновременно следующими свойствами: 1) отсутствие чередований в основе (не считая, разумеется, автоматических смягчений перед *-е*); 2) схема ударения *a*; 3) отсутствие $П_2$ на *-у́*, *-ю́*; 4) мн. число с именительным на *-ы*, *-и*. Примеры: *огоро́д*, *спор*, *нерв*.

Соответственно склонение, у которого отсутствует хотя бы одно из этих четырех свойств, мы будем называть нетривиальным. Примеры: *пода́рок*, *ка́шель* (чередование в основе); *стол*, *дар* (схема ударения не *a*); *сок*, *быт* ($П_2$ в *соку́*, *в быту́*); *брат*, *клин* (И. мн. не

---

[10] См.: Дыбо В. А. О фразовых модификациях ударения в праславянском.— «Советское славяноведение», 1971, № 6, с. 77—80.

[11] Норму здесь составляет схема *c*; схема *e* представлена лишь в замкнутой группе слов, задаваемых списком (см., например: Зализняк А. А. Указ. соч., с. 158).

[12] Здесь и везде далее подразумевается: «кроме слов мужского рода, склоняющихся по образцу других родов (например *мужчи́на*, *городи́шко*), а также неизменяемых».

на *-ы*, *-и*); *сон*, *кусóк*, *сад*, *кол*, *снег* (несколько указáнных свойств одновременно).

Противопоставление «тривиального» и «нетривиального» может быть применено также к ударению: тривиальное ударение — схема *a*, нетривиальное ударение — любая другая схема.

Помимо слов определенно тривиального и определенно нетривиального склонений, существует, однако, группа неопределенных слов: это singularia tantum без чередований и без $П_2$ на *-ý*, *-ю́*, имеющие наоснóвное ударение в ед. числе. Примеры: *сор*, *лай*, *блат* (неопределенность возникает здесь из-за отсутствия мн. числа, которое могло бы быть как тривиального, так и нетривиального типа).

Из рассматриваемых 1500 односложных слов мужского рода к нетривиальному склонению относится по литературной норме около 380, а с учетом ненормативного ударения — около 450. Неопределенных singularia tantum — около 250. Остальные слова относятся к тривиальному склонению.

Противопоставление привычного и чуждого

§ 5. Это противопоставление носит не общеязыковой, а индивидуальный характер: для данного носителя языка некоторое слово может быть привычным (освоенным, «своим») или чуждым (ранее не слышанным или слышанным редко, непривычным, неосвоенным). Таким образом, речь здесь идет о некотором внеязыковом, прагматическом (а не собственно языковом) различии. Соответственно мы будем ниже называть влияние этого различия на акцентуацию или иные характеристики слова прагматическим фактором.

Привычными для взрослого носителя языка являются слова повседневной обиходной лексики, названия предметов, связанных с его профессиональной деятельностью, слова, специфические для его микроколлектива или ограниченной среды (прозвища, «семейные слова» и т. п. и в максимальной степени — слова жаргона или арго). Чуждыми являются, в частности, названия предметов из жизни других стран или прошлых эпох, термины незнакомых данному человеку профессий, слова чужих микроколлективов, для большинства носителей языка — также все слова возвышенно-книжного и архаизирующего стиля. Чуждым для данного человека является также всякое слово, которое он только что узнал. Однако период «освоения» слова может быть весьма различным по длительности; в частности, в тех случаях, когда привычность некоторого слова (например профессионального, арготического, «элитного») связана в глазах человека с престижем, он обычно стремится (бессознательно или даже сознательно) сократить до минимума период «освоения» такого слова.

Разумеется, между полной чуждостью и полной привычностью имеются различные промежуточные случаи. Поскольку, однако, едва ли возможно объективно оценить эту градацию, мы удовлетворимся констатацией данного противопоставления в ярко выраженных, полярных случаях. Существенно прежде всего то, чтобы данное праг-

матическое противопоставление было вообще учтено в лингвистическом анализе (хотя бы и с вынужденно приблизительными оценками), поскольку оно играет очень важную роль при выборе акцентуации слова.

Таким образом, разделение слов на привычные и чуждые индивидуально для каждого носителя языка и, кроме того, меняется в ходе его жизни.

Замечание. Близкую проблему составляет рост числа освоенных слов у ребенка. Поскольку, однако, в этой проблеме есть ряд специфических аспектов, которые нас здесь не интересуют, мы исключаем ее из рассмотрения. Далее имеются в виду только люди, которые уже вполне овладели языком (в частности усвоили всю лексику, требуемую обычными условиями их жизни).

Слова языка можно делить (по крайней мере, теоретически, поскольку практически это чрезвычайно трудная задача) на группы в зависимости от того, для сколь большой части носителей языка они являются привычными. Так называемые общеупотребительные слова привычны почти для всех взрослых носителей языка. Большинство составляют, однако, слова, каждое из которых привычно только для какой-то части носителей языка (иногда весьма незначительной).

Среди этих необщеупотребительных слов можно выделить некоторое количество таких, которые известны почти всем взрослым носителям языка (хотя и не являются для большинства из них привычными). Таким образом, теоретически можно различать следующие концентры слов: 1) общеупотребительные (например *хлеб*, *глаз*, *гром*); 2) общеизвестные (из необщеупотребительных сюда входят, например, *болт*, *тёс*, *фрак*); 3) весь лексический состав (из необщеизвестных сюда входят, например, *шлих*, *хорт*, *гарт*).

Второму концентру (т. е. совокупности общеизвестных слов) приблизительно соответствует словарь Ожегова. Из рассматриваемых односложных слов в него входит около 900[13]. Удовлетворительного приближения к первому концентру в русской лексикографии, по-видимому, нет.

Старые и поздние слова

§ 6. Для рассматриваемой проблемы существенно также различать старые слова (т. е. исконные слова и древние заимствования) и поздние (т. е. заимствования более поздней эпохи и новообразования). Разумеется, хронологическая граница между ними может быть только условной и должна выбираться по-разному в зависимости от цели исследования. Для настоящей работы оказалось целесообразным принять за условный рубеж начало XVII в., т. е. время, когда становится достаточно интенсивным приток заимствований из

[13] Данные по «Обратному словарю русского языка» (в котором отражено 4-е издание «Словаря русского языка» С. И. Ожегова. М., 1960).

западноевропейских языков (в допетровское время еще преимущественно через польское посредство).

Замечание. Все отглагольные имена (например *визг, топ, жим, жом, свал*) ведут себя в интересующем нас отношении как старые слова (хотя в действительности некоторую небольшую их часть, по-видимому, составляют новообразования). Условимся поэтому все такие слова относить к числу старых (тем более, что точно установить, какие из них являются новообразованиями, почти невозможно).

Из рассматриваемых 1500 односложных слов бесспорно поздних около 700. У некоторого (сравнительно небольшого) числа слов «возраст» неизвестен.

РАЗДЕЛ II. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 7. Настоящая работа содержит некоторую гипотезу о языковом механизме, приписывающем в современном русском языке определенную акцентуацию односложным словам мужского рода (или, что по существу то же самое, представляет собой модель такого механизма). В настоящем разделе (§7—14) излагаются основные положения этой гипотезы. Разбор материала, подтверждающего эти положения, и совокупность всех правил в полной форме содержатся в дальнейших частях работы.

Факторы, влияющие на акцентуацию (как, впрочем, и на любую другую характеристику) конкретного слова, прежде всего можно разделить на следующие два класса: 1) синхронические закономерности, действующие в настоящее время в языке; 2) фактор исторической преемственности (требующий сохранения той акцентуации, которая была в речи предшествующего поколения). Рассмотрим последовательно эти два класса факторов.

ИЕРАРХИЯ СИНХРОНИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

Как уже указано выше (§ 2), синхронические закономерности могут требовать для слова рассматриваемой группы только одной из трех схем ударения: *a*, *b*, *c*. На выбор между этими схемами ударения влияют следующие типы факторов: 1) собственно языковые факторы морфонологический (число слогов и место ударения в исходной словоформе, характер конечной согласной или вообще конечной части основы, беглость или небеглость гласной в основе), морфологический (наличие определенных суффиксов и др.) и семантический; 2) прагматический фактор — привычность или чуждость слова для данного носителя языка.

Соответствующие конкретные правила образуют довольно сложную иерархию. Ниже указан общий характер этих правил (правила перечисляются в порядке их применения). Только три самых общих и важных правила (условно названных «принципами») приведены непосредственно.

ПРАВИЛА, ОБЩИЕ ДЛЯ ВСЕХ СЛОВ МУЖСКОГО РОДА

Действие собственно языковых факторов

§ 8. Принцип I («исходный акцентно-слоговой принцип»). У существительных мужского рода:

а) схема ударения *a* возможна при любом месте ударения в исходной словоформе (например *ка́торжник*, *авто́бус*, *паровоз*, *спор*);

б) схема ударения *b* возможна только при конечном ударении в исходной словоформе [14] (например *карандаш*, *чугу́н*, *стол*);

в) схема ударения *c* возможна только при начальном ударении в исходной словоформе [15] (например *ко́локол*, *ма́стер*, *бал*).

Далее действует несколько более частных правил: морфонологическое (о беглой гласной в основе), морфологическое (о наличии определенных суффиксов, о сложных словах, об отглагольных именах с приставками, об аббревиатурах), семантическое (о названиях национальностей). Они предписывают определенной части слов схему ударения *a* или *b* (или, по крайней мере, ограничивают выбор схемы ударения).

Действие прагматического фактора

§ 9. Дальнейшие правила относятся только к словам, акцентуация которых еще не определена однозначно правилами § 8.

Принцип II. Противопоставление чуждого и привычного внешне выражается противопоставлением тривиального и нетривиального склонений:

а) чуждому соответствует тривиальное склонение;

б) привычному соответствует нетривиальное склонение [16].

Поскольку противопоставление чуждого и привычного индивидуально, его эффект также индивидуален. Так, для многих слов возникает противопоставление: нетривиальное склонение в речи профессионалов (например *шприцы́*, *массажи́*, *трюма́*, *боцмана́*) — тривиальное склонение в речи остальных носителей языка (*шпри́цы*, *масса́жи*, *тр́юмы*, *бо́цманы*).

Основным продуктивным способом реализации принципа II^б является нетривиальное ударение, точнее, две его схемы: *b* и *c* [17]. Об-

---

[14] У двусложных слов (не на *-ок*, *-ец*) с беглой гласной также при начальном ударении (например *у́горь*).

[15] У трехсложных слов на *-ор*, *-ер*, *-ель* также при срединном ударении (например *профе́ссор*).

[16] В дальнейшем первая часть этого утверждения может быть также названа «принципом II^а», вторая — «принципом II^б»; аналогично и с принципом III, приводимым ниже.

[17] Дело в том, что почти все слова с беглой гласной, а также слова на *-анин*, *-янин* получают однозначную акцентуацию уже в силу § 8; мн. число на *-ья* непродуктивно (равно как схемы ударения *d*, *e*, *f*); мн. число на *-а́*, *-я́* хотя и продуктивно, но выступает только в сочетании с нетривиальным ударением (схемой *c*); как факультативный сопутствующий эффект схемы *c* обычно выступает и $П_2$ на *-у́*, *-ю́*.

щей особенностью, отличающей их от тривиального ударения, является флексионное ударение во множественном числе: *столы́*, *шприцы́*, *карандаши́*, *балы́*, *трюма́*, *боцма́на* и т. д. Таким образом, у существительных мужского рода именно эта акцентуационная особенность оказывается основным и наиболее универсальным способом выражения привычности слова.

Что касается ударения в ед. числе, то здесь между односложными и неодносложными имеется существенное различие. Из принципа I вытекает, что у неодносложного слова [18] в принципе возможно не более одной нетривиальной акцентуации (из числа продуктивных схем ударения), а именно, схема *b* для конечноударных, схема *c* для начальноударных. Таким образом, если неодносложное слово получает (в языке в целом или в индивидуальной речи) нетривиальную акцентуацию, то его ударение в ед. числе однозначно предопределено: Р. ед. *карандаша́*, *чугуна́*, *массажа́* (если у данного говорящего это слово перешло в нетривиальное склонение), но *ко́локола*, *ма́стера*, *бо́цмана*.

Иначе у односложных слов: здесь в принципе возможны две различные нетривиальные акцептуации (схемы *b* и *c*), поскольку такое слово является одновременно конечноударным и начальноударным. Таким образом, если односложное слово получает (в языке в целом или в индивидуальной речи) нетривиальную акцентуацию, то его ударение в ед. числе самим этим фактом еще однозначно не предопределено: ср., например, *болта́*, но *ба́ла* (при одинаковом *болты́*, *балы́*). Односложные слова нетривиального склонения имеют, таким образом, как бы одну лишнюю «степень свободы» по сравнению с неодносложными: свободу выбора наосно́вного или флексионного ударения в ед. числе. Этот выбор совершается по правилам, излагаемым ниже.

ПРАВИЛА, СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ДЛЯ ОДНОСЛОЖНЫХ СЛОВ

§ 10. Приводимые правила относятся только к тому, что еще не определилось однозначно в § 8—9, а именно, к ударению ед. числа подавляющего большинства односложных слов нетривиального склонения [19] (а также неопределенных singularia tantum).

Принцип III. Ударение в ед. числе у таких односложных слов зависит от значения слова. Опуская частности, основной принцип этой зависимости можно выразить так:

а) названия предметов, не поддающихся счету («неисчисляемых»), имеют в ед. числе наосно́вное ударение; ср. Р. ед. *ча́я*, *лю́да*, *бе́га*, *гне́ва*;

б) названия предметов, поддающихся счету («исчисляемых»), имеют в ед. числе флексионное ударение; ср. Р. ед. *ножа́*, *кита́*, *попа́*.

---

[18] Кроме двусложных начальноударных слов с беглой гласной (типа *ка́шель*, *ве́тер*, *у́горь*).

[19] Для небольшой части односложных слов нетривиального склонения (например *день*, *ткач*) схема ударения уже установлена правилами § 8.

Слова второй группы предполагают как качественную, так и количественную определенность соответствующих предметов (так, несколько ножей — это уже «ножи», а не «нож»; часть ножа не есть «нож»), слова первой группы — только качественную определенность (так, часть чая или большее количество чая есть тоже «чай» [20]). Соответственно у слов второй группы мн. число употребляется совершенно свободно и не требует каких-либо изменений основного значения слова (*ножи́*, *киты́*, *попы́*), тогда как у слов первой группы мн. число, если оно вообще употребляется, требует того или иного сдвига основного значения слова в сторону конкретизации (как, например, при обозначении сортов вещества, отдельных актов какой-либо деятельности, проявлений некоторого состояния и т. п.).

У слов второй группы со словами *мно́го*, *ма́ло* сочетается только словоформа Р. мн.: *мно́го* (*ма́ло*) *ноже́й* (невозможно **мно́го ножа́*, если не пытаться «переосмыслить» нож, например, как материал). У слов первой группы со словами *мно́го*, *ма́ло* может сочетаться и Р. ед.: *мно́го* (*ма́ло*) *ча́я*. Это свойство можно использовать для проверки слова на «исчисляемость» (к сожалению, неформальной и потому не всегда однозначной).

Следует подчеркнуть, что принадлежность слова к первой или второй группе не полностью определяется характером соответствующего предмета. Во многих случаях один и тот же по существу предмет действительности может быть назван словом первой или второй группы; ср., например, *люд* и *лю́ди*. Часты также межъязыковые различия подобного рода; так, русское слово *фасо́ль* относится к неисчисляемым, а его французский эквивалент *haricot* — к исчисляемым (например, *haricots cuits* = *варёная фасоль*); русское слово *боб* относится к исчисляемым, а белорусское *боб* — к неисчисляемым (например, белор. *градá бо́бу* = *грядка бобов*). Поэтому, строго говоря, термины «исчисляемый» и «неисчисляемый» следует применять не к предметам, а к словам (или отдельным значениям слова).

Замечание. Поскольку слова тривиального склонения независимо от их значения имеют наосно́вное ударение, принцип III^{а} фактически действителен для всех односложных слов (кроме имеющих схему *b* по правилам § 8, типа *день*, *ткач*). По той же причине принцип III^{б}, напротив, действителен только для односложных слов нетривиального склонения (что касается singularia tantum, то понятно, что все они относятся к неисчисляемым и поэтому к принципу III^{б} отношения не имеют [21]).

§ 11. Трудность составляют слова (довольно многочисленные), у которых имеются как исчисляемое, так и неисчисляемое значения. Акцентуация таких слов, как правило, едина при всех значениях, а именно она определяется основным значением слова. В связи с этим для некоторых групп многозначных слов возникают свои частные правила, касающиеся ударения (равносильные правилам о том,

[20] Ср.: Зализняк А. А. Указ. соч., с. 58.

[21] Немногочисленные singularia tantum схемы *b* (см. § 2, сноска 7) представляют собой не что иное, как исключения из принципа III^{а}.

какое из нескольких значений слова считать основным). Важнейшие из них — правила о наосно́вном ударении в ед. числе у названий абстрактных понятий[22], пространств, помещений, больших вместилищ. Подобные частные правила обычно не противоречат принципу III (а лишь указывают, к какому из значений многозначного слова он должен быть применен), но в отдельных случаях они все же могут вступать с ним в конфликт (что обычно приводит к непоследовательной или неустойчивой акцентуации, см. § 24).

Таким образом, с практической точки зрения для акцентуации оказывается существенной семантическая классификация, несколько более детальная, чем исходное «грубое» разделение на исчисляемые и неисчисляемые. Эта классификация такова.

1. Семантические группы, которые можно условно обозначить как «сильно склонные к *c*»: названия нерасчлененных однородных масс (а также деревьев), абстрактных понятий, пространств, поверхностей, направлений.

2. Семантические группы, «умеренно склонные к *c*» (т. е. такие, где тенденция к наосно́вному ударению в ед. числе выражена несколько слабее): названия коллективов, оград, четко ограниченных территорий, помещений, больших вместилищ; сюда же попадают термины родства.

3. Семантические группы, «сильно склонные к *b*»: названия исчисляемых материальных предметов (кроме входящих в группу 2) и животных, а также названия лиц по занятию и оценочные.

4. Семантические группы, «умеренно склонные к *b*»: названия гор, груд, отверстий, фигур, начертательных знаков, монет.

5. «Семантически нейтральные» — несколько маленьких групп старых слов, которые в силу своей большой употребительности устойчиво сохраняют древнее ударение и тем самым оказываются как бы вне сферы действия принципа III (таковы названия частей тела, названия лиц, не входящие в группы 2 и 3, и несколько других слов).

Группы 1 и 2 могут быть вместе названы «склонными к *c*», группы 3 и 4 — «склонными к *b*».

Замечание. Наше изложение построено здесь дедуктивно — от общего принципа III к тому, как он реализуется в частных семантических группах. Разумеется, с точки зрения исследователя картина предстает в обратном порядке: непосредственно наблюдаемый факт состоит лишь в том, что в одних семантических группах существительных имеется тенденция к схеме *c*, в других — к схеме *b* (точнее, что они делятся в этом отношении на указанные выше 5 классов). Принцип III — это гипотеза относительно того, что́ является основным семантическим «стержнем» данного разделения.

Итак, в русском языке та лишняя «степень свободы» (в акцентуационном отношении), которой обладают односложные существительные мужского рода по сравнению с неодносложными, оказалась

[22] Здесь и далее мы используем этот довольно расплывчатый термин как обобщенное обозначение для названий действий, событий, состояний, свойств, оснований классификации, единиц измерения, частей целого.

использованной для выражения некоторого семантического противопоставления (а именно противопоставления по исчисляемости—неисчисляемости). У неодносложных существительных нет возможности свободного противопоставления схем *b* и *c* при одинаковой морфонологической структуре[23]. Соответственно семантическое противопоставление здесь не могло развиться; ср., например, одинаковость ударения в паре *ма́стер* и *кле́вер* (Р. ед. *ма́стера*, *кле́вера*, И. мн. *мастера́*; *клеверá*) или в паре *кошéль* и *кисéль* (Р. ед. *кошеля́*, *киселя́*) и т. п.

§ 12. Помимо семантического фактора, на ударение некоторой части односложных слов оказывают влияние также морфологический и морфонологический факторы.

Морфологическое правило состоит в том, что бессуффиксальные отглагольные имена мужского рода почти всегда имеют наоснóвное ударение в ед. числе.

Морфонологическое правило состоит в том, что односложные слова мужского рода, оканчивающиеся на *щ* и на сочетание «согласная (не взрывная) + *т*», обнаруживают склонность к схеме ударения *b*.

Оба эти фактора играют, однако, лишь второстепенную роль: во-первых, каждый из них затрагивает лишь меньшинство односложных слов мужского рода; во-вторых, приведенные правила реализуются, за очень немногими исключениями, только там, где это не приводит к прямому конфликту с принципом III, т. е. в сфере слов, «склонных к *b*» и «семантически нейтральных».

СИНХРОНИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

§ 13. Для каждого односложного слова[24], для которого заданы внешний вид, морфологическая структура и значение, а также степень привычности для рассматриваемого носителя языка, описанные выше синхронические правила требуют вполне определенной схемы ударения (в речи данного человека). У слова, свободного от фактора исторической преемственности, это требование реализуется беспрепятственно. Например, жаргонное слово *хип*, возникшее всего несколько лет назад (как результат морфологической русификации слова *хúппи*, заимствованного тоже очень недавно), сразу же получило в речи тех, кто его часто употребляет, схему ударения *b* (требуемую правилами): *хипá*, *хипы́*.

У старого слова акцентуация, ожидаемая на основе синхронических закономерностей, может совпадать или не совпадать с традиционной. Для русского языка сама возможность такого несовпадения

---

[23] Исключение составляют только двусложные начальноударные существительные с беглой гласной (типа *ка́шель*, *ве́тер*, *у́горь*); у них такая возможность есть и соответственно обнаруживается тенденция к тому же семантическому противопоставлению, что у односложных (см. § 43).

[24] Если не считать небольшой группы «семантически нейтральных».

обусловлена тем, что ныне действующие синхронические закономерности сформировались, с исторической точки зрения, относительно поздно: во всяком случае в древнерусском языке они еще отсутствуют (или, по крайней мере, находятся лишь в зачаточном состоянии).

Если акцентуация, ожидаемая на основе синхронических закономерностей, совпадает с традиционной, разумеется, никаких изменений не происходит. Если же такого совпадения нет, возникает конфликт, результаты которого (в некоторый момент истории языка) могут быть различными: сохранение старого ударения, колебания ударения (компромиссный вариант) или победа нового ударения.

С диахронической точки зрения, у многих слов эти три результата составляют три разные фазы акцентуационной эволюции слова (сменяющие друг друга именно в указанной здесь последовательности). Таким образом, с течением времени число слов, сменивших старое ударение на новое, постепенно возрастает. Наиболее употребительные слова, как правило, наиболее устойчиво сохраняют старое ударение (как и любые другие архаичные черты); ср. выше об акцентуации названий частей тела.

Сравнение современной акцентуации односложных слов мужского рода с их прежней акцентуацией (в тех рамках, в которых это допускает современное состояние наших знаний о прежней акцентуации русских слов) дает чрезвычайно показательные результаты, а именно: 1) почти все исключения из нынешних синхронических правил акцентуации — это старые слова, сохранившие свое древнее ударение; поздние слова подчиняются этим правилам почти без исключений (поскольку в этом случае нет традиционной акцентуации, которая могла бы оказывать этим правилам сопротивление); 2) почти во всех надежно установленных случаях индивидуальной смены ударения при переходе от древнерусского состояния к современному изменение направлено от ударения, противоречащего нынешним синхроническим правилам, к тому, которое ему соответствует.

Для иллюстрации этих положений приведем здесь некоторую часть материала, относящегося к вопросу об ударении ед. числа.

Наиболее показательные исключения из нынешних синхронических правил об ударении ед. числа — это слова, которые противоречат одновременно семантическим и морфонологическим правилам. Таковы: а) слова, «сильно склонные к *с*», причем не оканчивающиеся на *щ* или на согласную + *т*, которые тем не менее имеют устойчивое флексионное ударение (таковы только *скот*, *вред*, *грех*, *стыд*, *суд*, *труд*, *ум*, *путь*); б) слова, «сильно склонные к *b*», которые тем не менее имеют устойчивое наоснóвное ударение в ед. числе (таковы только *плуг*, *стул*, *зверь*); ср. § 42, комментарии к таблице 1. Проверка показывает, что, во-первых, все эти 11 слов — старые, во-вторых, все они имели в прошлом (а именно в древнерусском или, по крайней мере, в так называемом «старорусском», т. е. в XVI — XVII вв.) такое же ударение ед. числа, как и теперь. Например, слово *скот* относилось к акцентной парадигме *b*, *плуг* — *a*, *зверь* — *c*.

Таким образом, мы просто имеем здесь дело со словами, которые в силу своей большой употребительности пока еще сохраняют свое старое ударение в борьбе с новыми принципами акцентуации.

Укажем теперь важнейшие случаи индивидуальной смены акцентуации в ходе истории. Значительная группа старых слов, «склонных к *c*» и имеющих теперь, в полном соответствии с нынешними семантическими правилами об акцентуации, наосно́вное ударение в ед. числе (при нетривиальном склонении), в прошлом имела в ед. числе флексионное или, по крайней мере, колеблющееся ударение. Так, флексионное ударение было единственным или основным, в частности, для слов *блуд*[25], *бой*, *верх*, *зад*, *пай*, *рай*, *Рим*, *рой*, *сад*, *таз*, *торг*, *харч*, *хлев*, *час*. Флексионное ударение в ед. числе (наряду с более частым наосно́вным) встречалось также у слов *гон*, *гроб*, *гром*, *край*, *пол* «половина», *пол* «настил», *смех*, *стог*, *страх*, *ход*. На основании косвенных данных к числу слов, когда-то имевших хотя бы факультативное флексионное ударение, по-видимому, можно отнести также *воск*, *дёрн*, *корм*, *кров*, *лов*, *под*, *слой*, *тёрн*, *хмель*.

С другой стороны, группа старых слов, «склонных к *b*» и имеющих теперь, в соответствии с нынешними правилами, флексионное ударение в ед. числе, в прошлом имела наосно́вное ударение в ед. числе. Сюда относятся слова *аз*, *гвоздь*, *жук*, *кит*, *куст*, *лист*, *прут*, *сук*, *цеп*, *чёлн*, *червь*, *шар* (бильярдный), *шут*, вероятно, также *линь*, *лунь*, *хорь*, *шмель*, *язь*. У слов *груздь*, *кий*, *клок*, *крюк*, *пук* переход от наосно́вного ударения ед. числа к флексионному не совсем закончился и сейчас, а у слов *вор*, *волк*, *гусь*, *лось* он происходит на наших глазах.

Между тем противоположно направленных переходов среди старых слов нетривиального склонения, «сильно склонных» к *b* или *c* (т. е. прямо подпадающих под действие принципа III), нет совсем; и даже среди «умеренно склонных» к *b* или *c* имеется всего один такой пример: *скит*, *скита́* (хотя изредка также и *ски́та*) при древней акцептной парадигме *a*.

Приведем также наиболее показательные примеры из числа поздних слов, успевших перейти (хотя бы в разговорной или профессиональной речи) в нетривиальное склонение. В соответствии с нынешними семантическими правилами об акцентуации, слова, «склонные к *b*», получили здесь флексионное ударение в ед. числе; примеры: *бант*, *болт*, *буж*, *бунт* «связка, кипа», *винт*, *герб*, *грош*, *зонт*, *ксёндз*, *линь* «веревка», *паж*, *туз*, *шарф*, *шнур*, *шпур*, *штрих*, *штык*, *штырь*. Напротив, слова, «склонные к *c*», сохраняют наосно́вное ударение ед. числа даже после того, как их мн. число получило (в силу принципа II) флексионное ударение; примеры: *бал*, *бас*, *бунт* «мятеж», *спирт*, *сорт*, *суп*, *тон*, *торф*, *трюм*, *флот*, *флюс*, *фронт*, *хор*, *цех*, *шкаф*, *штаб*, *шторм*, *штраф*. Более полные списки слов см. в § 30—40.

[25] У этого слова в XVI—XVII веках представлено последовательное флексионное ударение, однако в Чудовском Новом Завете (XIV век) — подвижное ударение. Характер соотношения между этими двумя акцентуациями не совсем ясен.

Современная картина акцентуации односложных существительных мужского рода представляет собой, таким образом, результат взаимного наложения двух разных систем: старой — древнерусской, восходящей, в свою очередь, к общеславянской (где акцентные парадигмы были определенным образом соотнесены с интонационной системой), и новой — характеризуемой синхроническими закономерностями, описанными выше. Каждая из них внутренне последовательна; но результат их наложения, разумеется, не может быть последовательным: он содержит ряд исключений как с точки зрения первой, так и с точки зрения второй системы.

§ 14. Из сформулированных выше трех основных принципов, определяющих акцентуацию русских существительных мужского рода, принцип I общеизвестен.

Принцип II представляет собой попытку обобщения ряда частных синхронических и диахронических фактов (в большинстве случаев достаточно известных), относящихся к склонению и акцентуации русских существительных. Заметим, что сама идея связи между акцентуацией некоторых групп слов и их стилистической окраской, степенью «профессиональности» и другими подобными факторами уже высказывалась в той или иной форме в различных работах[26]. Принцип II можно рассматривать как результат развития и конкретизации этой идеи и ее последовательного применения к более широкой совокупности слов.

Принцип III, несмотря на его важность, в литературе по русской акцентологии остался почти незамеченным. О нем нет никакого упоминания ни в книге Р. Нахтигаля[27], ни в монографиях последнего времени[28]. Весьма показателен в этом отношении основной тезис

[26] В частности, В. Кипарский связывает переход слов *бес, дух, клад, стан, тать* и ряда других к неподвижному ударению на основе с тем, что они «употребляются теперь сравнительно редко и только в современном ≪высоком штиле≫» (Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I, с. 109). С другой стороны, переход к флексионному и подвижному ударению «соответствует в огромном большинстве случаев понижению стилистического достоинства слова, и поэтому следует предполагать, что он происходил сперва в т. н. ≪просторечии≫» (там же, с. 110); ср. также цитаты из Н. С. Трубецкого и из В. Кипарского, приведенные в § 21. В синхроническом аспекте из явлений рассматриваемого типа наиболее полно изучено распространение подвижного ударения (схема *c*) с И. мн. на *-á* (Beaulieux L. L'extension du pluriel masculin en *-á*, *-я́* en russe moderne. «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», 1913, vol. 18, № 3; Фидровская А. С. Имена существительные с формами на *-á* в именительном падеже множественного числа. Казань, 1961; Иванова Т. А. Именительный множественного на *-á* (*родá, тенорá, госпиталя́*) в современном руском языке.— В кн.: Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967; Зализняк А. А. Указ. соч., с. 225—226.

[27] Nachtigall R. Akzentbewegung in russischen Formen- und Wortbildung, I. Substantiva auf Konsonanten. Heidelberg, 1922.

[28] Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I; Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache;

В. Кипарского, который в терминах, принятых в настоящей работе, можно сформулировать как тенденцию к следующей смене схем ударения в ходе истории: *a*→*e*→*c*→*b*→*f* [29]. Схема *b* стоит здесь на один шаг дальше в цепи изменений, чем схема *c*; в действительности же схемы *b* и *c* представляют собой конечные этапы развития соответственно для исчисляемых и неисчисляемых.

Вообще, если не считать общепризнанного тезиса о тенденции русских существительных к акцентному противопоставлению чисел (*вино́ — ви́на, ме́сто — места́, игра́ — и́гры, ма́стер — мастера́* и т. п.), сам факт наличия какой бы то ни было регулярной связи между акцентуацией и семантикой признается лишь в очень немногих работах по акцентологии. Так, важное (хотя и беглое) замечание на эту тему есть у А. А. Шахматова: «Отмечу еще, что все слова мужского рода с отвлеченным значением не имеют вообще ударения на окончаниях: *верх, задор, отпор* и т. п., напротив, все слова с ударением на окончаниях имеют конкретное значение: *табак, столб, поп, конец* (кроме слов на *-ёж*)» [30]. Идею связи между акцентуацией словоформ и их грамматическим значением последовательно проводит в своих работах Т. Г. Хазагеров. В своем диахроническом анализе русской именной акцентуации он отмечает ряд фактов, являющихся, с на-

---

Шелюто Г. А. Русское ударение. Ужгород, 1962; Редькин В. А. Акцентология современного русского литературного языка. М., 1971; Колесов В. В. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л. 1972; Olechnowicz M. Teoretyczne zasady dystrybucji rosyjskiego akcentu wyrazowego. Lódź, 1974. Заметим, что ссылки на семантику в связи с акцентуацией отдельных слов встречаются в различных работах довольно часто; они не соотносятся, однако, с принципом III, а иногда и прямо ему противоречат. Например, С. П. Обнорский приводит следующий пример семантической дифференциации ударения (см.: Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. I. Единственное число. Л., 1927, с. 247): Р. ед. *дýба* в обычном, единичном значении, но *дубá* (диалектное) в собирательном значении. (В действительности, если этот пример вообще надежен, мы имеем здесь дело с диалектной системой, резко отличной от литературного языка). Особо следует отметить гипотезу Р. Нахтигаля (Op. cit., S. 256) о древнем противопоставлении nomina acti типа *плот, стол* (окситонированных) и nomina agentis типа *вор, мот, трус* (с подвижным ударением). Даже если эта гипотеза верна (что в настоящее время, конечно, никак нельзя считать доказанным), это противопоставление может быть хронологически отнесено только к праславянскому периоду; сам Р. Нахтигаль говорит о том, что впоследствии оно перестало быть живым и затемнилось.

[29] Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache, S. 92.

[30] Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка, 4-е изд. М., 1941, с. 129. Впрочем, существо дела отражено здесь несколько неточно: во-первых, как видно по примеру *табáк*, неисчисляемые названия веществ отнесены в один класс со словами типа *столб, поп*, во-вторых, все утверждение необходимо ограничить лишь односложными существительными, иначе оно слишком сильно расходится с фактами, ср., например, *кавардáк, курáж, шантáж* и т. п. (схема *b*), не говоря уже о суффиксальных существительных типа *смешóк, столбняк, багрéц* (ср. также неодносложные названия веществ и материалов типа *кумáч, миндáль, мышьяк, потáш, ячмéнь* и т. п.).

шей точки зрения, частным проявлением принципа III, но дает им несколько иную интерпретацию [31]. Отметим, кроме того, одну работу, посвященную не русскому, а белорусскому языку (который в рассматриваемом отношении в главных чертах сходен с русским), а именно статью Н. П. Лобана [32]; в этой статье в разделе о словах мужского рода мы находим прямую констатацию синхронической связи между акцентуацией слова и семантическим противопоставлением «конкретные единичные предметы — вещества, собирательные и абстрактные понятия».

К сожалению, в настоящей статье мы не имеем возможности представить весь тот материал, на котором основаны утверждения, изложенные в § 8—13. Поэтому ниже подробно разобран только материал, относящийся к действию принципа III, причем лишь в синхроническом аспекте, т. е. в рамках современного русского языка. Из материала, относящегося к действию принципов II и I, приведены только примеры. Диахронический аспект проблемы не разбирается вообще.

РАЗДЕЛ III. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Особые группы односложных слов мужского рода

§ 15. Для того чтобы правильно оценить действие принципов II и III, которые интересуют нас более всего, необходимо вначале отделить те группы односложных слов, акцентуация которых опреде-

[31] По Т. Г. Хазагерову, слова, перешедшие в ходе истории к наоснóвному ударению в ед. числе,— это в основном обозначения отвлеченных понятий (названы только *блуд, час, рай, верх* — см.: Хазагеров Т. Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973, с. 87); с другой стороны, среди слов, получивших флексионное ударение, «подавляющее большинство... составляют nomina agentis, а также названия орудий или инструментов (орудие может легко рассматриваться как «одушевленный выполнитель действия»...). Для таких имен, по-видимому, актуально противопоставление словоформы именительного падежа словоформе винительного и словоформам косвенных падежей (как средство противопоставления субъекта — несубъекту)» (там же, с. 86; ср. также: Хазагеров Т. Г. Ударение как средство дифференциации грамматических форм.— «Вопросы языкознания», 1973, № 4, с. 104). Это объяснение содержит, с нашей точки зрения, существенные натяжки. Прежде всего то, что Т. Г. Хазагеров называет nomina agentis, как видно из его же списков, фактически на $^2/_3$ состоит из названий животных, т. е. правильнее здесь говорить просто об одушевленных. Но, как известно, в русском языке важнейшим и очень «чувствительным» выразителем одушевленности является форма винительного падежа. Если бы названия орудий в самом деле семантически примкнули в русском языке к одушевленным, это прежде всего выразилось бы у них в совпадении винительного падежа с родительным (**взял кнутá* и т. п.), чего в действительности нет. Кроме того, уж никак нельзя подвести под рубрику орудий и инструментов, например, такие слова, перешедшие в ходе истории в схему *b*, как *аз, бант, герб, грош, куст, лист, сук, тюк*. В то же время эти слова очевидным образом объединяются с названиями лиц, животных, орудий и инструментов по признаку исчисляемости.

[32] См.: Лобан Н. П. Націск у назоўніках з невытворнай асновай у сучаснай беларускай літаратурнай мове.— «Працы Інстытута мовазнаўства», вып. IV. Минск, 1957.

ляется другими факторами, действующими в иерархии факторов прежде принципов II и III. Таковы односложные существительные, подпадающие под правила, общие для всех существительных мужского рода (кроме принципа II).

Ниже излагаются сами эти правила. Поскольку они касаются не только односложных слов, мы коротко рассматриваем здесь и неодносложные слова (чтобы не искажать общую картину). Эффект этих правил именно для односложных слов описан в § 19.

Набор принципиально возможных для данного слова продуктивных схем ударения определяется принципом I (§ 8). Кроме того, имеется ряд более частных правил, которые для определенных групп слов предписывают какую-то одну из схем ударения, входящих в этот набор. Эти правила применяются в указанном ниже порядке.

Правила для слов с беглой гласной

§ 16. Из слов с беглой гласной:

1) слова с конечным ударением[33] относятся к схеме *b*, например *молото́к, ковёр ,сон* (исключения: *заём, наём* — схема *a*);

2) слова с безударными суффиксами *-ок, -ец* (а также любые слова со срединным ударением) относятся к схеме *a*, например *ку́бок, пода́рок, го́рец, моле́бен.*

Замечание. Таким образом, из слов с беглой гласной не покрываются данным правилом только начальноударные слова без суффиксов *-ок, -ец,* например *ве́тер, у́горь, сте́бель, гре́бень, про́мысел.* У них выбор схемы ударения не предопределен однозначно ударением в исходной словоформе.

Правила для прочих слов

Морфологические правила

§ 17. Правила о словах, содержащих суффикс[34]:

1) слова с конечным ударением, содержащие суффиксы: *-и́к, -ови́к, -ни́к, -щи́к, (-чи́к), -а́к, -ня́к, -ча́к, -у́к, -чу́к, -у́г, -у́х, -и́х; -а́ч, -и́ч, -а́ш, -и́ш, -о́ж, -е́ц; -у́н, -а́рь, -и́рь, -а́ль,* — относятся к схеме *b*, например *стари́к, рыба́к, торга́ш, чтец, лгун, бунта́рь* (исключения: *поля́к, пруссак, австрия́к, краковя́к, сайга́к, юна́к, господа́рь* — схема *a*; о первых трех из них см. также ниже, § 18);

2) слова с конечным ударением, содержащие суффиксы: *-и́ст, -а́нт, (-е́нт), -о́р, -е́р, -ионе́р, -а́т, -и́т, -и́н* (в названиях веществ), *-о́л, -а́д, -и́зм, -ите́т, -а́л, -о́з; -и́н* (в названиях национальностей),

---

[33] Здесь и далее в подобных случаях имеется в виду: в исходной словоформе.

[34] В списках суффиксов орфографическое варьирование, соответствующее твердости-мягкости предсуффиксальной согласной, не отмечается.

-а́й, -тя́й, -е́й — относятся к схеме *a*, например *турúст, лимонáд, грузúн, лентя́й*;

3) слова с неконечным ударением, содержащие любые суффиксы, кроме *-арь, -ор, -ер*, относятся к схеме *a*, например *дóмик, мучúтель, рúмлянин* (исключение: *учúтель* — схема *c*).

Замечание. Как известно, в русском языке сходно с суффиксами могут влиять на акцентуацию и так называемые финали, т. е. лишенные самостоятельного значения конечные отрезки основы, внешне совпадающие (или хотя бы сходные) с суффиксами, ср., например, принадлежность к схеме *b* таких слов, как *парúк, башмáк, мундштýк, утю́г, лопýх, кумáч, карандáш, галýн, янтáрь, имбúрь, хрустáль*. Но все же влияние финали на акцентуацию далеко не так безусловно, как влияние настоящего суффикса; ср., например, такие слова, как *сердолúк, арáк, бамбýк, патронтáш, капýн, государь, фестивáль*, которые относятся (по крайней мере, по литературной норме) к схеме *a*. Таким образом, приведенные здесь правила обязательны только для слов с настоящим суффиксом; наличие сходной финали создает лишь благоприятные условия для появления соответствующей схемы ударения, но окончательный выбор схемы ударения происходит в соответствии с § 9.

Правило о бессуффиксальных отглагольных существительных, содержащих приставку: все такие существительные, имеющие конечное ударение (следовательно, в частности, все односложные), относятся к схеме *a*, например *перенóс, прихóд, сдвиг, взгляд* (исключения: в литературном языке *постáв, сбой, склад* «слог», в просторечии также *склад* «помещение» и *взвод* «воинское подразделение» относятся к схеме *c*).

Замечание. По мере утраты морфологической разложимости слово выходит из сферы действия данного синхронического правила. В частности, ему уже не подлежат слова *смотр, срок счёт, слог, спор, сонм, причт* (с исторической точки зрения, содержащие приставки *с-, при-*, но синхронически уже неразложимые).

Правило об аббревиатурах: аббревиатуры всех типов (кроме сохраняющих полностью последнее слово) относятся к схеме *a*, например *вуз, загс, МХАТ, зам, псих, колхóз, партóрг, филфáк, прорáб.*

Не подчиняются этому правилу аббревиатуры, омонимичные уже существующим словам с нетривиальным ударением (например *куб* «кубометр» — в просторечии схема *c* или *b*, простореч. *винт* «винтовка» — схема *b*). Близкий случай составляет также слово *спец* (схема *b*, устаревш. *a*), в котором финаль *-ец* почти достигла статуса суффикса (поскольку это слово однотипно со словами *чтец, лжец* и т. д. не только морфонологически, но и семантически). В просторечии встречаются и некоторые другие случаи, когда аббревиатурный характер слова оказывается «забытым» и оно подчиняется общим закономерностям (например слова *политрýк, военрýк, физрýк* и т. п. в просторечии переходят в схему *b* под влиянием финали *-ýк*).

Замечание. Имеется еще одно существенное морфологическое правило, которое, однако, реально применимо только к неодносложным словам,— это правило о принадлежности к схеме *a* большинства типов сложных слов

(например *землекóп, вертолёт, толстосýм, гололёд, носорóг, лисохвóст, златокрóт, краснокло́п*), а также некоторых слов особой структуры (*растрýб, распóп*). В настоящей работе нет необходимости вникать в детали этого довольно сложного правила.

Семантическое правило

§ 18. Названия людей по национальной или географической принадлежности (не содержащие суффиксов, требующих схемы *b*) относятся к схеме *a*, например *казáх, киргúз, монгóл, цыгáн, серб, чех, швед*. Заметим, что этому правилу не противоречат и такие суффиксальные слова, как *армянúн, татáрин, литóвец* и т. п. (которые получили схему *a* уже в силу § 17).

Вопреки влиянию суффикса, данному правилу подчинились также *полякú, пруссáк, австриякú* (схема *a*); ср. обычный эффект суффикса, например, в *сибирякú, пермякú, москвúч, латы́ш* (схема *b*).

Слова с финалью, благоприятствующей схеме *b* (см. § 17, замечание), в принципе подчиняются данному правилу, например *словáк, каракалпáк, корякú, таджúк, кумы́к, сельджýк, талы́ш* (схема *a*). Имеются, однако, исключения и колебания: *ингýш* (схема *b*); *гиляк, остякú, вотякú, кипчáк* (у этой группы слов обычно представлена схема *b*, но иногда встречается и *a*); *калмы́к, чувáш, якýт* (все три с колебанием *a*//*b*); слово *казáк* колеблется между схемами *b* и *d*: Р. ед. *казакá*, но мн. *казакú* и *казáки*.

Из односложных не подчиняется данному правилу только слово *жид* (схема *b*); заметим, однако, что это слово несколько оторвалось от данной семантической группы и, по-видимому, оказалось в зоне притяжения оценочных слов (для которых характерна схема *b*, см. § 39).

Приведенное семантическое правило в действительности представляет собой лишь наиболее четкий частный случай более общей (но зато и менее строгой) тенденции к наоснóвному ударению во мн. числе (или, по крайней мере, в И. мн.) у исчисляемых предметов, если это мн. число имеет собирательный оттенок, т. е. выражает нерасчлененную совокупность.

Эта тенденция выступает наиболее наглядно там, где прямо противопоставлены словоформы с разным ударением. Так, собирательное мн. число на *-ья* у неодушевленных всегда имеет наоснóвное ударение, например *лúстья, сýчья, кóлья, прýтья, крю́чья, клóчья, лоскýтья* (ср. оттенок расчлененности в *листы́, сукú, колы́, пруты́, крюкú, клокú, лоскуты́*). Ср. также названия парных (или комплектных) объектов *глáзки, рóжки, зýбки, сапóжки* и расчлененное мн. число *глазкú, рожкú, зубкú, сапожкú* (с несколько иными лексическими значениями). В некоторых случаях противопоставление оттенков смысла едва заметно, но все же может быть уловлено. Так, *казáки* более естественно при обозначении казачества вообще, эскадрона, массы и т. п.; при обозначении, например, двух лиц уместнее *казакú*. Словоформа *вóры* естественна, например, во фразах *в квартиру залезли вóры, кругом все вóры* и т. п.; ср. *они воры́*, как ответ

на вопрос о роде занятий конкретных преступников-профессионалов; тот же оттенок значения в примере: *В такие ночи, / в такие дни, / в часы такой поры́ / на улицах разве что / одни / поэты и воры́* (В. Маяковский. «Хорошо!»).

В силу данной тенденции большинство слов, выступающих преимущественно во мн. числе, имеет во мн. числе наосно́вное ударение; ср., кроме уже приведенных примеров, *бо́ты, ке́ды, го́льфы, чувя́ки, череви́ки, ба́ки, пе́йсы, ре́льсы, стро́пы, со́ты* (вместо устаревшего *соты́*) и т. д. Заметим, что в *чувя́ки, череви́ки* наосно́вное ударение выступает вопреки влиянию финали, а в *сапо́жки, гла́зки, ро́жки, зу́бки* — даже вопреки влиянию суффикса. Правда, обязательности здесь все же нет (ср. *у́нты* и *унты́*, *пи́мы* и *пимы́*, *ла́сты* и разговорное *ласты́*, *па́нты* и разговорное *панты́*).

Поскольку для существительных мужского рода продуктивны только схемы ударения *a*, *b* и *c* (но не *d*), наосно́вное ударение во мн. числе автоматически создает стремление к наосно́вному ударению также и в ед. числе (чтобы не получилось схемы *d*, для которой среди слов мужского рода нет образца), даже если по другим причинам в ед. числе ожидалось бы флексионное ударение. Тем самым слово попадает в схему *a*. «Нетипичная» схема *d* оказывается возможной лишь в тех особых случаях, когда ед. и мн. число связаны между собой слабее, чем обычно, а именно при морфологическом (у слов с мн. на *-ья*) или семантическом (*гла́зки, ро́жки* и т. д.) обособлении множественного числа от единственного. Остро конфликтная ситуация возникает для слов *каза́к, гиля́к, остя́к, вотя́к, калмы́к* и др., где исход основы благоприятствует флексионному ударению. Результатом является тот разнобой в акцентуации, который описан выше. В литературном языке ближе всего к ожидаемой схеме *d* оказывается слово *каза́к* (колебания между *b* и *d*); к такой же акцентуации в действительности стремится и ряд других слов из этого списка.

---

§ 19. Резюмируем тот эффект, который правила § 16—18 дают в сфере односложных слов.

В силу правила о беглой гласной схему *b* имеют: *лоб, лев* (животное), *ров, шов, лёд, лён, сон, пёс, рот, мох* (в варианте с Р. ед. *мха*), *день, пень*.

В силу правила о суффиксах схему *b* имеют: *швец, лжец, жнец, льстец, чтец* и (с неполной выделимостью суффикса) *жрец; рвач, ткач, драч* и (с неполной выделимостью суффикса) *врач, грач; враль; псарь; лгун, врун, жрун, вьюн*. Ударение двух слов с неполной выделимостью суффикса колеблется между схемами *b* и *a*: *спец* (см. § 17), *жмых* (см. § 30).

В силу правила о бессуффиксальных отглагольных существительных, содержащих приставку, к схеме *a* относится значительное число односложных слов (с приставками *в-, вз-, с-*), например *вход, вклад, вдох, взрыв, взгляд, всплеск, взнос, сдвиг, срез, спуск, слёт*.

Их список в принципе открыт; в «Обратном словаре русского языка» их около 100.

В силу правила об аббревиатурах к схеме *а* относится большая группа односложных слов, численность которой очень трудно оценить, поскольку слова этой группы легко образуются и часто также легко исчезают; лишь немногие из них попадают в обычные словари (в «Обратном словаре русского языка» их всего около 20). Примеры: *вуз, дот, дзот, загс, жакт* (или *ЖАКТ*), *гост* (или *ГОСТ*), *ЖЭК, ВАК, МХАТ, ЗИС, ЗИМ, ЗИЛ, МАЗ; главк, зав, зам, пред, псих.*

В силу семантического правила о названиях национальностей к схеме *а* относятся около 50 (по «Обратному словарю русского языка») слов, например *грек, серб, чех, лях, швед, перс, мавр, скиф.*

Все указанные здесь особые группы односложных слов (около 200 слов по «Обратному словарю русского языка») из дальнейшего рассмотрения исключаются. Последующие правила относятся только к основному массиву», т. е. к совокупности всех остальных односложных слов мужского рода.

Основной массив односложных слов мужского рода

§ 20. Вопрос об акцентуации основного массива односложных слов мужского рода целесообразно рассматривать в следующем порядке: а) противопоставление тривиального и нетривиального склонений; б) противопоставление наосно́вного и флексионного ударения в ед. числе у слов нетривиального склонения.

Поскольку наиболее характерным признаком нетривиального склонения является флексионное или подвижное ударение во мн. числе, первый из этих двух пунктов в основном сводится к вопросу об акцентуации мн. числа. Второй из них, напротив, касается только ед. числа. Соответственно с практической точки зрения удобно разделить рассматриваемую проблему на: а) вопрос об ударении во мн. числе; б) вопрос об ударении в ед. числе.

ВОПРОС ОБ УДАРЕНИИ ВО МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

§ 21. Распределение слов мужского рода (не подпадающих под § 16—18) между тривиальным и нетривиальным склонениями (в индивидуальной речи и опосредствованно в языке в целом) определяется двумя факторами, которые в значительной части случаев противодействуют друг другу: а) принципом II (§ 9), согласно которому привычные для данного индивида слова стремятся в его речи к нетривиальному склонению, а чуждые — к тривиальному; б) общей консервативной тенденцией литературного языка, требующей сохранения той акцентуации (тривиальной или нетривиальной), которая уже принята в качестве нормы.

Какой из этих двух факторов победит (в индивидуальной речи) в случае конфликта, определяется в каждом конкретном случае рядом внеязыковых факторов, прежде всего характером ситуации, в ко-

торой происходит общение, степенью знакомства говорящего с литературным языком и наличием или отсутствием у него субъективной установки на «правильность» речи. Понятно, что основная сфера, где, как правило, побеждает принцип II,— это разговорная и в особенности профессиональная речь, поскольку для нее характерна минимальная установка на «правильность». Более того, в арготической, демонстративно профессиональной и т. п. речи возможно даже «отталкивание» от литературной нормы, подчеркивающее принадлежность говорящего к определенному кругу, который обладает для него престижем. Сходный по существу эффект иногда используют поэты: например, нетривиальное ударение *маёв* (Р. мн. от *май*) у В. Маяковского («Хорошо!») как бы подчеркивает фамильярность, интимность отношений между поэтом и словом.

Вот как описывает один из эффектов такого рода Н. С. Трубецкой: «Я заметил, что односложные иностранные слова (имена собственные или, реже, нарицательные) иногда проявляют тенденцию склоняться с ударением на окончании *с ироническим оттенком*,—особенно во мн. ч. Так, фамилии наших знакомых Шмидт, Кинц, Turn мы произносим во мн. ч. Шмиты́, Кинцы́ и Турны́, но делаем это как бы «несерьезно», а в шутку или с пренебрежением. В московском земстве также употреблялась форма Шлипы́. Русские эмигранты, занимающиеся торговлей в странах немецкой языковой области, часто называют своих клиентов *кунды́* (Kunden),— опять-таки с оттенком шутки и пренебрежения» (письмо Н. С. Трубецкого к Р. О. Якобсону от 5 января 1934 г.[35]).

Основной, самый распространенный тип конфликта между индивидуальной и нормативной акцентуацией состоит в том, что тривиальной нормативной акцентуации противостоит нетривиальная акцентуация в речи индивида или группы (профессиональной или иной); ср., например, общелитературные *шту́рманы, бо́цманы, реда́кторы, те́ндеры, ко́нусы, го́спитали, ки́ли, шпри́цы, зо́нды, тро́мы, пре́ссы*, Р. ед. *аммиа́ка, каучу́ка, масса́жа, дубля́жа* и профессиональные *штурмана́, боцмана́, редактора́, тендера́, конуса́, госпиталя́, килй́, шприцы́, зонды́, трюма́, пресса́*, Р. ед. *аммиака́, каучука́, массажа́, дубляжа́*.

Не следует думать, что тенденция к нетривиальной акцентуации (для привычных слов) характерна только для речи людей, недостаточно владеющих литературным языком. Большое число профессионализмов с нетривиальной акцентуацией обнаруживается и в сфере «интеллигентных» профессий, например в речи художников, музыкантов, артистов, искусствоведов, научных работников, издательских работников и т. д. Таковы по своему происхождению, например, словоформы *колера́, грунты́, тенора́, альты́, витражи́, типажи́, монтажи́, профессора́, учителя́, редактора́* и многие другие (большая часть приведенных словоформ уже воспринята современной литературной нор-

[35] «N. S. Trubetzkoy's letters and notes, prepared for publication by R. Jakobson». Paris, 1975, p. 296.

мой). Отличие состоит лишь в том, что люди таких профессий в большей степени склонны ограничивать в своей речи эту тенденцию, сознательно стремясь к «правильности» речи.

Таким образом, тенденция к переводу привычного слова в нетривиальное склонение представляет собой, образно выражаясь, мощную «морфонологическую пружину» в языковом механизме, общую для всех носителей языка и давящую на все привычные слова определенной морфонологической структуры.

Возможно и обратное соотношение между нормативной и индивидуальной акцентуацией: тривиальное ударение в индивидуальной речи при нетривиальном нормативном. Такое соотношение естественно в том случае, когда говорящий только что познакомился с новым для него словом, имеющим в литературном языке нетривиальное ударение, и вообще когда такое слово является для него чуждым, непривычным. В этой ситуации возникают, например, такие ударения, как *па́жи, ксёндзы, о́дры* «ложа», *же́злы, си́ги, я́зи, хря́ки, ча́ны, шки́вы, шри́фты, ве́ртелы, ко́робы, пи́сари* (по литературной норме здесь предписывается или, по крайней мере, рекомендуется флексионное ударение). По этой же причине естественная судьба устаревших, потерявших актуальность слов — постепенный переход к тривиальной акцентуации; таково, например, положение со словами *дьяк, паж, пи́сарь, ле́карь, при́став, ге́тман, струг.*

В сознании носителей русского языка описанные соотношения отражаются как ощущение пониженного стилистического оттенка у словоформ с нетривиальным ударением и повышенного у словоформ с тривиальным. Этот факт в той или иной форме отмечается многими исследователями; так, В. Кипарский пишет (в скобках указаны принятые в настоящей работе обозначения схем ударения): «С IV-м (схема *b*) и отчасти с III (схема *c*) типом ударения связывается в настоящее время у говорящих представление о чем-то фамильярном, ухарском, во всяком случае, «чисто русском», с I-м (схема *a*) и особенно со II (схема *e*) типом, наоборот, представление о чем-то возвышенном, торжественно-чуждом, иностранном или церковном, древнем» [36].

Новое слово, в частности заимствованное, обычно начинает свою жизнь в языке с тривиального ударения (если только оно не противоречит его морфологической структуре). В процессе освоения, интеграции такое слово может получить нетривиальное ударение. Если такое ударение распространяется достаточно широко, оно рано или поздно воспринимается и литературной нормой, отражаемой словарями (которая, как известно, лишь с большим сопротивлением и потому с отставанием следует за изменениями языковой практики).

§ 22. Принцип II^{а} (тривиальное склонение для чуждых слов) соблюдается у всех слов мужского рода, не подпадающих под § 16—18, вполне регулярно. Принцип II^{б} (нетривиальное склонение для привычных слов) реализуется у односложных и у неодносложных

[36] Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I, с. 110.

слов несколько по-разному. У односложных слов он действует активно почти во всех случаях; у неодносложных слов эффективность действия этого принципа зависит от морфонологической (в некоторых случаях также от морфологической) структуры слова: при благоприятной структуре принцип II^б так же эффективен, как у односложных; при иной структуре он реализуется существенно реже.

В настоящей статье мы не имеем возможности рассмотреть весь относящийся к данной проблеме материал. Ограничимся лишь некоторыми иллюстрациями (причем только из числа односложных слов).

Так, к тривиальному склонению относится подавляющее большинство слов, обозначающих малоизвестные или непривычные для основной части носителей языка реалии, например: *гном, дож, маг, смерд, сфинкс, хан; барс, скунс, тур, як; лавр, мирт; бриг, плед, трут, шлейф; гнейс, кварц, мусс, пунш; бриз, культ, пакт, путч, транс; жанр, код, ранг, ритм, шифр; дюйм, пенс; гимн, миф, фарс, шарж, ямб.* Сюда же относятся слова возвышенно-книжного стиля и устаревшие, например: *вепрь, град* «город», *клик, клич, сонм, страж, стяг, тать, уд, храм*[37].

В частности, восприятие слова как «иностранного» регулярно ведет к тривиальному склонению; ср. многие из приведенных выше примеров. Ощущение «иностранности» часто поддерживается несвойственной исконным русским словам фонологической структурой. Наиболее характерные признаки здесь таковы: твердые согласные перед */e/* или начальное */e/* (например *мэр, темп, тест, эльф*); мягкие шумные согласные перед */y/* (например *гюйс, дюйм, мюль, бюст*); исход на сложное сочетание согласных, особенно с конечным сонантом (например *монстр, спектр, цикл, ритм, пункт*); срединное */й/* (например *тайм, гнейс, сейф*).

Из односложных слов, достаточно употребительных (в обоих числах) в обычной разговорной речи, к тривиальному склонению относится по литературной норме[38] лишь несколько десятков. Характерные примеры: *дед, внук, сват; рак, тигр; клён, мак; бант, кран, флаг, шарф, шприц; газ, торт, яд; пляж, сквер; зал, клуб, лифт; груз, знак, курс, план, срок, тост, факт, шанс, штраф.* Слова этой группы сохраняют (в литературном языке) тривиальное ударение, унаследованное от предшествующих поколений, несмотря на то, что они подпадают под действие принципа II^б, т. е. в этой зоне фактор исторической преемственности пока еще оказывается сильнее, чем синхронические правила.

Однако за рамками литературной нормы более чем у половины слов этой группы обнаруживается нетривиальное ударение. Так,

---

[37] Прямых исключений, т. е. слов с возвышенно-книжной и т. п. окраской, относящихся к нетривиальному склонению, очень немного: *волхв, одр, столп, перст* (все схемы *b*). Еще несколько слов, близких к данной группе, обнаруживает колебание ударения: *дьяк* (*b*//*a*), *жезл* (обычно *b*, но нередко также *a*), *чёлн* (*b*, по изредка также *a*), *струг* «судно» (*c*//*a*).

[38] Относительно литературной нормы и ненормативного ударения см. также § 29, сноска 50.

флексионное ударение во мн. числе встречается в разговорной речи или в просторечии, в частности, у слов: *дед, сват; мул, спрут, клён; бант, бот, горн* «печь», *зонд, кант, киль, клёш, кран, рант, трос, фант, флаг, шарф, шприц, щуп, кекс, крем, сок, торт, яд; брод, лаз, плац, пляж, сквер; клуб, лифт, пресс, тир, трюм, шлюз; бис, груз, срок, тост, трюк, шторм, штраф* — и у ряда других, относящихся по литературной норме к схеме *а*. Таким образом, в живой разговорной речи число слов, устойчиво сохраняющих тривиальное склонение вопреки принципу III[6], гораздо меньше, чем по литературной норме.

Состав слов, относящихся к нетривиальному склонению (а также неопределенных singularia tantum), разбирается в следующем разделе (§ 23—41).

ВОПРОС ОБ УДАРЕНИИ В ЕДИНСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

§ 23. Вопрос об ударении в ед. числе уже решен для слов, у которых схема ударения устанавливается правилами § 16—18, и для всех слов тривиального склонения. Остается рассмотреть, таким образом, слова нетривиального склонения (кроме подпадающих под § 16—18) и неопределенные singularia tantum. В нашем материале таких слов нетривиального склонения около 350 (а с учетом ненормативного ударения — около 420), неопределенных singularia tantum — около 250.

Предметом разбора является распределение этих слов по признаку «наоснóвное или флексионное ударение в ед. числе». Оно определяется прежде всего семантическим фактором, в некоторых частных случаях — также морфологическим и морфонологическим факторами.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

§ 24. Как указано в § 10, в основе рассматриваемого распределения лежит принцип III: наоснóвное ударение в ед. числе у неисчисляемых, флексионное у исчисляемых.

Прямолинейному осуществлению этого принципа препятствует, однако, то, что у многих слов имеются одновременно значения обоих классов; ср., например, *шаг* «ходьба» и «единичное движение», *дуб* «отдельное дерево» (а также «тупой человек») и «вид древесины» (а также собирательно в значении «дубы»), *верх* «часть пространства, направление» и «материальный предмет» (например «верх экипажа»). В языке встречаются два способа разрешения этой трудности:

1) исчисляемому и неисчисляемому значениям слова соответствует разная акцентуация. Этот способ встречается очень редко, поскольку ему препятствует свойственная едва ли не всем языкам тенденция к единству внешней стороны слова во всех его значениях. Все случаи этого типа собраны в § 27;

2) акцентуация слова определяется его основным значением. Это нормальный, господствующий способ. Например, слова *стол, ёрш* со-

храняют флексионное ударение и в значениях неисчисляемого типа (соответственно «диета», «определенный напиток»); слово *сыр* сохраняет наоснóвное ударение ед. числа и в значении «определенного вида кусок сыра».

К сожалению, далеко не всегда очевидно, какое из значений слова является основным, и это, конечно, осложняет реализацию принципа III. Укажем, как практически разрешается эта трудность в некоторых типовых случаях многозначности.

Названия растений (кроме деревьев) довольно четко распадаются на исчисляемые (например *боб, гриб, груздь*) и неисчисляемые (их большинство, например *хрен, лук, рис, тёрн*); при совмещении значений обоего типа (например *мак*) основным обычно оказывается неисчисляемое. Особую группу составляют названия деревьев: у них регулярно совмещаются исчисляемое значение («отдельное дерево») и, по крайней мере, два неисчисляемых («сорт древесины» и собирательное), ср. выше *дуб*. С акцентуационной точки зрения все они ведут себя как слова неисчисляемого класса.

Названия абстрактных понятий (действий, событий, состояний, качеств и т. д., ср. сноску 22), пространств, поверхностей, направлений, которые совмещают неисчисляемое значение с исчисляемым, ведут себя (в акцентуационном отношении) как слова неисчисляемого класса. Примеры: *шаг, ход, бал, цвет, верх, край*.

Поскольку неисчисляемое значение имеется (как единственное или наряду с исчисляемым) у подавляющего большинства слов этих семантических групп, характерной особенностью всех этих групп оказывается наоснóвное ударение в ед. числе. Эта особенность имеет тенденцию распространиться и на те немногочисленные слова из данной семантической сферы, которые имеют только исчисляемое значение, например *год, пуд* (чтó уже противоречит принципу III).

Итак, для современного языка можно констатировать существование следующего частного правила: односложные названия абстрактных понятий, а также пространств, поверхностей, направлений имеют наоснóвное ударение в ед. числе. Это правило беспрепятственно выполняется везде, где оно не приходит в прямое противоречие с принципом III[6]; в тех весьма редких случаях, где такое противоречие возникает, данное частное правило обычно тоже побеждает, однако возможны некоторые колебания и отклонения.

Особую семантическую группу составляют названия оград, четко ограниченных территорий, помещений и больших вместилищ, например *тын, баз, дом, хлев, трюм, шкаф, гроб*. С одной стороны, это отдельные материальные предметы (разумеется, исчисляемые); но в то же время они чаще всего выступают как обозначение места, пространства, внутри которого что-то находится или происходит. Тем самым они семантически сближаются с названиями пространств (типа *мир, рай, верх, лес*, ср. общее для тех и других частое употребление $П_2$, например *в раю́, в лесу́, в хлеву́, в шкафу́, в гробу́*), а эти названия, как указано выше, примкнули к неисчисляемому классу. В результате слова данной группы обнаруживают (вопреки принципу

III^б) тенденцию к наосно́вному ударению в ед. числе, реализуемую, однако, ввиду двойственности их семантической природы, не вполне последовательно.

Принцип III практически не действует у названий частей тела и терминов родства, т. е. в двух древнейших, максимально устойчивых и практически закрытых для пополнения новыми словами семантических группах. Названия частей тела сохраняют почти без изменений свое древнее ударение (у одних наосно́вное, у других флексионное); термины родства, унаследовав древнее наосно́вное ударение в ед. числе, обобщили схему *с* (часто с мн. на *-ья́*) в качестве характерной приметы данной семантической микрогруппы. Отметим, что наосно́вное ударение (хотя и по другой причине, см. § 18) имеют также названия национальностей. Принцип III, естественно, действует слабо также в тех случаях, когда значение слова почему-либо с трудом поддается классификации.

В итоге получается то разделение односложных слов на семантические группы (более сложное, чем просто в соответствии с принципом III), которое описано в § 11.

Замечание. Это разделение актуально в первую очередь для литературной речи. В просторечии обнаруживается тенденция к более последовательному соблюдению основного принципа III (в ущерб частным правилам); см., например, в § 32 о просторечном ударении слов *гол, трюк*.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР

§ 25. Подавляющее большинство бессуффиксальных отглагольных имен мужского рода (не только односложных) имеет наосно́вное ударение в ед. числе (хотя причины этого у разных групп этих имен различны). Так, для слов с некопечным ударением, например *вы́ход, о́тпуск, по́дкуп*, это вытекает просто из принципа I (§ 8). Для приставочных слов с конечным ударением, например *перено́с, сдвиг, взгляд*, это вытекает из правила, данного в § 17. Для большинства бесприставочных односложных слов это связано с неисчисляемым характером их значения (т. е. определяется принципом III^а), ср., например, *бег, бой, вид, нюх, треск, корм*[39].

Поскольку данное утверждение верно для очень большого числа слов, оно само приобретает характер статистического правила, которое в принципе может экстраполироваться на слова, не входящие в перечисленные частные группы. Практически, однако, случаев, где можно предполагать самостоятельное действие данного морфологического правила, очень немного.

Так, вопреки принципу III^б, наосно́вное ударение в ед. числе имеют названия инструментов *лом, щуп, жом* («тиски», В. Даль[40]),

---

[39] Такое слово, как *суд* (схема *b*), разумеется, нарушает описываемое соотношение, но оно является исключением и из принципа III^а.

[40] См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., тт. I—IV. Спб.—М., 1879—1882.

струг (а также *струг* «судно»), названия лиц *хват, мот, глот* «обжора, мироед», *жом* («скряга, жмот», В. Даль). Однако слово *хлыст* относится к схеме *b* (см. об этом слове также § 27) [41].

Замечание. Почти у всех этих слов имеется (по крайней мере, потенциально) также омоним с неисчисляемым значением (для которого каосно́вное ударение ед. числа совершенно нормально), например *лом* (собират.), *лом* «ломота», *жом* (собират.); ср. также потенциальное использование слов *струг, хват, мот* в значениях «строгание», «хватание», «мотание» (отмечено у В. Даля). Семантическая связь между тремя омонимами *лом,* между тремя омонимами *жом* и т. п. достаточно отчетлива; таким образом, рассматриваемое морфологическое правило поддержано в подобных случаях тенденцией к одинаковому ударению в совокупности омонимов, особенно семантически связанных (ср. § 27—28). Заметим, что тем самым бесспорных случаев самостоятельного действия данного морфологического правила почти не остается.

Возможно также, что данное морфологическое правило способствовало сохранению старого наосно́вного ударения в ед. числе и у ряда других слов, в частности *кус, дар, груз, воз, вал* «волна».

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР

§ 26. Независимо от семантического и морфологического факторов, у части односложных слов на выбор схемы ударения влияет также исход основы, а именно: исход на *щ* и на согласную (не взрывную) + *т* благоприятствует схеме ударения *b*. Характер этого влияния несколько различен при разных исходах основы.

1. Стремление односложных слов на согласную (не взрывную) + *т* к схеме ударения *b* представляет собой активную морфонологическую закономерность современного языка. В семантических группах, «склонных к *b*», эта закономерность просто усиливает эффект принципа III^{б} (в частности, убыстряет переход к схеме *b* новых слов). В семантических группах, «склонных к *c*», она, напротив, вступает в конфликт с семантическими правилами. В литературном языке этот конфликт обычно разрешается в пользу семантических правил: ср., например, Р. ед. *спи́рта, ду́ста, гва́лта, фро́нта, бо́рта, по́рта* и т. д. Но в профессиональной речи и в просторечии данная морфонологическая закономерность действует значительно сильнее, а именно она довольно часто побеждает в конфликте с семантическими правилами (особенно если речь идет об исчисляемых словах): ср., например, просторечные Р. ед. *борта́, порта́, лифта́, финта́, твиста́*; см. также § 42, табл. 2.

2. Слова на *щ* (а также слово *дождь*, в основе которого представлен звонкий коррелят *щ*) относятся к схеме *b* все без исключения (притом у слов *борщ, плющ, хрящ* «крупный песок», *дождь* это прямо

---

[41] У слова *кол* (схема *b*) связь с глаголом *коло́ть*, по-видимому, уже утрачена (это тем более верно для пары *стол — стлать*).

противоречит семантическим правилам). Они образуют, однако, закрытый список (из 14 слов): новых слов на *щ* в языке не появляется. Поэтому данное правило, несмотря на отсутствие исключений, не относится к числу продуктивных; оно только поддерживает старое ударение данной группы слов.

Замечание. К схеме *b* относится также значительная часть односложных слов на *ш, ж, ч, ц* и на мягкую согласную: бессуффиксальных слов нетривиального склонения и неопределенных singularia tantum здесь в сумме около 80, из них около 50 относится к схеме *b* (и еще 4 к схеме *f*). Однако почти во всех этих случаях флексионное ударение в ед. числе ожидается также и по семантическим правилам или, по крайней мере, им не противоречит. У слов, «склонных к *с*», находим наосно́вное ударение, например: *плю́ша, хме́ля, пла́ча, ду́ша, пля́жа, пла́ща* (исключение составляют только старые слова *путь* и *кремль*; у слова *смерч* ударение колеблется). Таким образом, нет оснований говорить о самостоятельном морфонологическом правиле, предписывающем схему *b* односложным словам с таким исходом.

В целом морфонологический фактор, как и морфологический, играет подчиненную, второстепенную роль: он действует лишь у меньшинства односложных слов и обычно (по крайней мере в литературной речи) лишь в тех пределах, которые ему оставляет действие семантического фактора.

Случаи дифференциации ударения по значениям

§ 27. Имеется лишь очень немного случаев, когда в соответствии с принципом III наблюдается различное ударение при разных значениях слова или у двух омонимов, еще не утративших прямой семантической связи друг с другом. Понятно, однако, что эти случаи представляют большой интерес ввиду их наглядности.

Слово *лист* в основных, конкретных значениях имеет в современном русском языке устойчивое флексионное ударение (Р. ед. *листа́*), но в собирательном значении (чаще всего в сочетании *лавро́вый ли́ст*) оно встречается в разговорной речи с двумя ударениями: *листа́* и *ли́ста*. В украинском и белорусском это различие более последовательно и закреплено литературной нормой: ср. укр. *лист, листа́* в конкретных значениях, но *лист, ли́сту* в собирательном («листва»).

Слово *хлыст* «гибкий прут» относится к схеме *b*: *хлыста́, хлысто́м*. Между тем *хлыст* «хлестание» (то же, что *хлёст*, т. е. обычное корневое имя действия от *хлыста́ть*=*хлеста́ть*) относится, как и другие подобные слова (например *хруст, чих, пляс, скок*), к схеме *a*: *хлы́ста, хлы́стом*; ср. у В. Даля: *не всё хлы́стом, ино и свистом* (ударение отмечено В. Далем)[42], т. е. «не все действовать битьем, иной раз лучше и словами».

---

[42] В. Даль совершенно справедливо приводит эту поговорку не при *хлыст* «гибкий, хлесткий прут», а при *хлеста́нье, хлёст, хлёстка* «действие по глаголу» (исходя из эквивалентности слов с *хлыст-* и с *хлёст-, хлест-*). К сожалению, ни Р. Нахтигаль, ни В. Кипарский (цитирующие из В. Даля эту поговорку и предлагающие различные объяснения якобы аномальному

Замечание. Этот случай, впрочем, сложнее, чем представляется на первый взгляд: помимо принципа IIIб, требующего для слова *хлыст* «прут» схемы *b*, на акцентуацию этого слова влияют также морфологическое правило из § 25 (в пользу схемы *a* или *c*) и морфонологическое правило из § 26 (в пользу схемы *b*). Последние два влияния как бы уравновешивают друг друга (тогда как у морфонологически нейтральных слов *лом* «кирка», *щуп* и других акцентуация определяется правилом из § 25: Р. ед. *ло́ма, щу́па*)[43].

Для слова *плод* современные словари признают в качестве нормы только схему *b* (Р. ед. *плода́*), но в живой речи нередко встречается и *пло́да* (Ушаков приводит это ударение с пометой «устар.»). Распределение этих двух акцентуаций лишь отчасти связано со значением (отчасти же мы имеем дело просто с колебаниями). Так, только ударение *пло́да* (в точном соответствии с принципом IIIа) возможно для просторечного и областного *плод* «положение, размножение», также «приплод» (пример В. Даля: *Этот скот на мясо пойдет, а этот для плоду оставим*); ср. также *плод, пло́ду* «урожай, приплод» в Деулине[44], а также в белорусском и украинском. При более обычных значениях («часть растения; фрукт; эмбрион; результат») жесткой связи между ударением и значением нет, однако ударение *пло́да* относительно чаще встречается при значениях «результат» и «эмбрион» (по Р. Нахтигалю, в последнем значении *пло́да* является даже нормой[45]), а также в сочетании *запре́тный пло́д*.

Слово *шар* обнаруживает отчетливую тенденцию к следующему акцентному разграничению: схема *c* в обычных (относительно более абстрактных) значениях, схема *b* в значении «круглый предмет (например для игры)». Так, например: *объём ша́ра, со всего земного ша́ра* (возможно только такое ударение), но в бильярде обычно *шара́, шаро́м* и т. д. (причем не только в сочетаниях типа *загнать шара́, загнуть шара́, два шара́*, которые часто приводятся в этой связи, но и в других контекстах); ср. также выражение *хо́ть шаро́м покати́*.

Д. Н. Ушаков дает для слова *дуб* Р. ед. *ду́ба* в значении «дерево», но *дуба́* в значении «тупой человек» (там же приводится выражение *ду́б-дубо́м* «как круглый дурак»)[46]. Это распределение действительно соответствует фактам разговорной речи (с той поправкой, что в значении «тупой человек» может встретиться как *дуба́*, так и *ду́ба*). Еще в нескольких случаях (например *бас, кряж*) аналогичная дифференциация как бы едва намечена.

ударению *хлы́стом* — Nachtigall R. Op. cit., S. 53; Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I, с. 76) не обратили внимания на это существенное обстоятельство.

[43] Вполне аналогично слову *хлыст* «прут» слово *хруст* в арготическом значении «купюра, денежный знак», а также в разговорном значении «печеное изделие типа хвороста». Правда, в обоих этих случаях употребляется почти исключительно мн. число — *хрусты́*; ед. число *хруста́, хрусту́* и т. д. здесь как бы потенциально.

[44] Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969, с. 404.

[45] Nachtigall R. Op. cit., S. 191.

[46] Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, тт. I — IV. М., 1935—1940.

Приведем также некоторые наглядные примеры с привлечением материала из белорусского языка (такие сравнения лингвистически допустимы, поскольку, как уже отмечено в § 14, белорусский язык в целом сходен в рассматриваемом отношении с русским).

Интересный пример межъязыковой дифференциации одновременно по значению и по ударению представляет собой соответствие: русск. *боб, бобá* (слово исчисляемого класса) — белор. *боб, бóбу* (слово неисчисляемого класса), ср. *градá бóбу = грядка бобов* (см. § 10). Заметим, что и в русском языке слово *боб* раньше могло употребляться как неисчисляемое; так, в словаре Поликарпова (1704) находим *пирóгъ с бóбомъ*, что очень показательно, поскольку здесь, как и в белорусском, представлено одновременно неисчисляемое значение и наоснóвное ударение.

В русском языке *звон, звóна* имеет только неисчисляемое значение. В белорусском также находим *звон, звóну* «звон»; но наряду с этим существует белор. *звон, званá* «колокол» — с ударением, соответствующим исчисляемому характеру этого значения.

В литературном русском языке слово *суд* во всех значениях имеет Р. ед. *судá*. В белорусском находим *суд, судá* «орган власти», но *суд, сýду* «мнение, суждение и т. п.», например *на нямá і сýду нямá* «на нет и суда нет». Ударение *суд, сýда* (*сýду*) отмечено и в русских говорах [47].

Замечание. По-видимому, имеется некоторая синхроническая связь между принципом III и аномальным ударением существительных в сочетаниях *двá* (*трú, четы́ре*) *шагá, рядá, часá, следá, шарá* (что́, впрочем, совсем не обязательно означает, что именно таково происхождение этого ударения). Очевидно, что в сочетании с числительными слова выступают в своих исчисляемых значениях. Например, из двух значений слова *шаг* («процесс ходьбы» и «единичное движение») с числительными в нормальном случае сочетается только второе; ср. *не замедля́я шáга* и *двá шагá* или *для цéлого ря́да собы́тий* и *двá рядá* и т. п. Разумеется, в этих случаях нет последовательного акцентного различения исчисляемого и неисчисляемого значений (например, ударение одинаково в *не замедля́я шáга* и *пóсле пéрвого шáга*; с другой стороны, в принципе возможны, хотя и непривычны, сочетания типа *двá шáга, четы́ре ря́да* и т. п.). Верно, однако, то, что в позиции, максимально благоприятствующей использованию исчисляемого значения слова, в этих случаях выступает именно то ударение, которое свойственно словам исчисляемого класса. Показательно, что ни одного случая противоположного акцентного соотношения между Р. ед. и счетной формой нет; нет также ни одного случая подобного различия у неодносложных существительных (а это естественно сопоставить с тем фактом, что принцип III распространяется только на односложные существительные).

§ 28. Как уже указано, приведенные выше примеры представляют собой исключительные случаи; в нормальном случае при разных значениях одного слова или в паре омонимов, связанных прямой семантической связью, выступает одна и та же акцентуация. Нечто подобное, хотя и с гораздо меньшей последовательностью, наблюдается также в парах омонимов, семантически не связанных между со-

[47] Словарь современного русского народного говора, с. 547.

бой (или связанных очень слабо), а именно, даже такие омонимы часто получают одинаковую акцентуацию. Примерами могут служить четыре омонима *губа́*, три омонима *вал*, два омонима *пост* и многие другие.

Заметим, что в лингвистических работах мы нередко находим, напротив, утверждения об акцентуационном «отталкивании» в той или иной паре омонимов. Например, В. Кипарский полагает, что недвижное ударение на основе у слова *туз* (шлюпка) «вызвано стремлением отличать это слово от карточного термина»[48]. Однако в «Орфографическом морском словаре» дано: *туз, туза́* (шлюпка)[49]. Если учесть, что другие семантически близкие слова (например *шлюп, скиф, ял*) показаны в этом словаре со схемой *а*, то в данном случае придется признать как раз «притяжение», а не «отталкивание» омонимов. По-видимому, практическая потребность в акцентуационном или ином дифференцировании омонимов обычно очень невелика; например *туз* (карта) и *туз* (шлюпка) не могут реально конкурировать ни в каком естественном контексте. В подобных случаях попытки дифференциации характерны скорее для подчеркнуто литературного языка (нередко это сознательные попытки сторонников языкового пуризма). Между тем в просторечии, напротив, внешнее сходство слов, даже неполное, часто приводит к их вторичному семантическому сближению (хотя бы совершенно произвольному; ср. такое хорошо известное проявление этой особенности просторечия, как народные этимологии), т. е. здесь происходит сближение, а не дифференциация омонимов.

В связи с этим следует оценивать как показательные те сравнительно немногочисленные пары омонимов, где различие в акцентуации явно обусловлено действием принципа III: *шпик, шпика́* «сыщик», но *шпик, шпи́ка* «сало»; *бунт, бунта́* «связка, кипа», но *бунт, бу́нта* «мятеж»; *винт, винта́* «металлическая деталь», но *винт, винта́* или *ви́нта* «игра».

Разбор односложных слов нетривиального склонения по семантическим группам

§ 29. Приводимые ниже списки охватывают все односложные слова нетривиального склонения (кроме подпадающих под § 16—18); учтены также случаи, когда нетривиальное склонение проявляется за рамками литературной нормы[50]. Из неопределенных singularia

---

[48] Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I, с. 21. При этом в другом месте (там же, с. 72) он же говорит об акцентуационном уподоблении слова *пост* «стража, должность» его омониму *пост* «воздержание».

[49] См.: Порецкая Р. Э. Орфографический морской словарь. Опыт словаря-справочника. М., 1974.

[50] Практически мы принимаем за литературную норму указания словаря-справочника «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (М., 1959) и толковых словарей (прежде всего С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова), причем в случаях расхождений пред-

tantum приведены только характерные примеры. В списках слов пояснения в скобках относятся (если специально не оговорено обратное) только к непосредственно предшествующему слову.

Семантические группы с господствующим наосно́вным ударением в ед. числе

Продуктивным типом нетривиального склонения здесь является схема *c*. В тех случаях, когда значение слова этому способствует, в качестве сопутствующего явления обычно выступает $П_2$ на *-у́, -ю́* (это обстоятельство специально не отмечается, кроме случаев, когда оно оказывается единственным проявлением нетривиальности склонения). Все слова, приводимые ниже без специального указания об обратном, имеют наосно́вное ударение в ед. числе. Слова с И. мн. на *-а́, -я́* специально отмечаются (кроме случаев, когда такое окончание выступает лишь как просторечный вариант к литературному *-ы́, -и́*).

Названия нерасчлененных однородных масс

§ 30. 1. Названия веществ, материалов, купаний, запахов и т. п., неисчисляемые названия растений (не деревьев). Схема *c*: *дым, жир, квас, мёд, мозг, пар, пот, спирт, суп, сыр, харч, чай*, то же с мн. на *-а́* — *корм, мех, снег, хлеб*[51], *шёлк*; в профессиональной речи также *гипс* (мн. *-а́*), *грунт, клей, мел, сок* (мн. *-а́*), *торф* (мн. *-а́*), *флюс* «добавка к руде», *яд*; в просторечии также *кекс, крем, торт* (все с мн. на *-а́*, см. работы А. С. Фидровской, Т. А. Ивановой; у *торт* мн. *торта́* и *торты́*)[52]. Мн. число на *-ья*: *луб*. Singularia tantum с $П_2$ на *-у́*: *газ* (горящий, ср. *на газу́*), *гной, пух, чад*.

Примеры неопределенных singularia tantum: *вар, ворс, воск, дёрн, дуст, жом, ил, кал, кокс, лес* (материал), *лом* (собират.), *лук* (растение), *мак* (растение, пищевой продукт), *мох* (вариант с Р. ед. *мо́ха*), *наст, прах, плюш, рис, скарб, смрад, сор, тальк, тёрн, тёс, тмин, толь, тюль, хлам, хмель* (растение), *хрен, шпик* (сало).

почтение отдается книге «Русское литературное произношение и ударение». Источниками сведений о ненормативном ударении служили предупредительные пометы в этой книге и аналогичные указания толковых словарей, данные «Орфографического морского словаря», работы А. С. Фидровской и Т. А. Ивановой по мн. числу на *-а́* и непосредственные наблюдения над разговорной речью, а также опросы специалистов относительно профессионального ударения. Неоценимую услугу в исследовании ненормативного ударения нам оказала Н. А. Еськова, щедро предоставившая для настоящей работы собранный ею за долгое время материал по ударению в поэзии XX (а также XIX) века и в устной речи. Автор приносит ей глубокую благодарность.

[51] Мн. *хлеба́* по литературной норме только в значении «злаки», но в разговорной речи также и в прочих значениях.

[52] О словах *харч, грунт, торт* см. также ниже.

Исключения: *холст, борщ, плющ*[53], *хрящ* «крупный песок» относятся к схеме *b*. Все эти слова — старые, и во всех случаях схема *b* поддержана морфонологическим фактором, см. § 26 (редкое слово *хрящ* «крупный песок», кроме того, находится под влиянием своего исчисляемого омонима *хрящ* «элемент скелета», ср. § 28).

В просторечии и профессиональной речи под влиянием исхода на согласную + *т* могут получать схему *b* *грунт* и *торт* (для слова *торт*, возможно, играет определенную роль также то, что оно часто употребляется в исчисляемом значении). Для слова *харч*, ныне в ед. числе почти не употребляющегося, современные словари дают только ударение *хáрча*; но иногда может встретиться и более старое ударение *харчá* (которое в работах XIX и начала XX века еще считается нормой[54]).

Интересный случай составляет слово *жмых*, Р. ед. *жмыхá* и *жмы́ха*. Оно содержит суффикс *-их*, *-ых*, требующий схемы *b* (§ 17, ср. *жени́х*, *женихá*); отсюда ударение *жмыхá*. Поскольку, однако, данный суффикс представлен только в этих двух словах, он выделяется недостаточно отчетливо, т. е. слово *жмых* может восприниматься и как непроизводное. В последнем случае автоматически вступает в действие принцип III^{а}, который и порождает параллельное ударение *жмы́ха*.

Не совсем ясно ударение *шлих*, *шлихá*, засвидетельствованное в профессиональной речи геологов (*шлих* — тяжелая фракция, остающаяся после последовательных промывок породы; по данным словарей — только *шлих*, *шли́ха*). Возможно, акцентуация по модели исчисляемых слов возникает в данном случае лишь в той среде, где этот термин практически всегда означает отдельную пробу (для микроскопического исследования), ср. регулярное словоупотребление типа *дéсять* (*сóрок* и т. п.) *шлихóв*.

2. Названия деревьев. Схема *c* представлена в литературном языке только у слова *дуб*, но само правило о том, что такие слова ведут себя как неисчисляемые (§ 24), т. е. имеют в ед. числе наосно́вное ударение, соблюдается без исключений, ср., например, *вяз, клён, кедр, бук*.

3. Собирательные обозначения живых существ. Сюда относятся лишь неопределенные singularia tantum, например: *люд, гнус, клир*.

Исключение: слово *скот* (старое) относится к схеме *b*[55].

§ 31. Особую маленькую группу, отличную от собирательных (и не являющуюся частным случаем названий нерасчлененных однородных масс), образуют названия коллективов и объединений. В отличие от собирательных, они являются исчисляемыми (и поэтому легко образу-

---

[53] Слово *плющ* — неисчисляемое: *мно́го плющá, увúтый плющóм*. Заметим, что в таком же качестве может выступать и слово *хвощ* (*мно́го хвощá*), но преобладает все же употребление его как исчисляемого: *мно́го хвощéй*.

[54] Nachtigall R. Op. cit., S. 199.

[55] В выражении *нáшего полкý прúбыло* собирательное значение выступает также у слова схемы *b* *полк* (относящегося к § 31).

ют мн. число), однако из-за тесной семантической связи с собирательными они все же тяготеют к классу слов с наоснóвным ударением в ед. числе. Сюда относятся: *род* «клан» (схема *c*), *рой* (*c*), *хор* (*a* // *c*), *флот* (*a* // *e* // *c*).

Однако *полк* (старое слово) и *гурт* (позднее слово, оканчивающееся на согласную+*т*) относятся к схеме *b*.

Названия абстрактных понятий

§ 32. 1. Названия действий, событий, состояний, свойств, оснований классификации. Почти все они имеют неисчисляемое значение (в качестве единственного или наряду с исчисляемым); лишь очень немногие слова (преимущественно поздние), имеют только исчисляемое значение. Схема *c* (случаи, где возможны и другие схемы, отмечены): *бал, бас* (голос), *бой, бунт* «мятеж», *вес* (мн. *-á*), *гол, гром* (*e* // *c*, мн. *грóмы* и *громá*), *долг, жар, лад, пал* «пожар», *пир, пол* (биологический; обычно *e*, но в разговорной речи также *c*), *род* (*e* // *c*, мн. *рóды* и *родá*), *сорт* (мн. *-á*), *тон* (*a* // *e* // *c*, мн. *тóны* и *тонá*), *ход* (*c* // *e*), *цвет* «окраска» (мп. *-á*), *чин, шаг, шрифт* (*a* // *c*); в профессиональной речи также *бис, вист, грипп, люфт, пас, рост* «размер» (мн. *-á*), *сбой, смотр, строй, тиф, шторм* (мн. *-á*), *шум*; в разговорной речи и просторечии *блиц* (в шахматах), *вид, плюс* «преимущество», *твист, тост, трюк, финт, штраф*[56]. Singularia tantum с $П_2$ на *-ý*, *-ю́*: *бег, бред, быт, лёт, плав, плен, пыл, свет* «освещенность», *скак, торг* «торговля», *хмель* «опьянение», *цвет* «цветение»; сюда же *вольт* «поворот» (схема *a* с $П_2$ на *-ý*).

К этой же группе примыкают слова схемы *c* со значением результата действия (в том числе материального); *счёт* (в спорте, документ), *дар, приз*, возможно, также *кус*; сюда же *груз* (мн. *грýзы*, но в профессиональной речи *грузá*). У всех этих слов, кроме *приз*, наоснóвное ударение в ед. числе поддерживается также их отглагольностью (см. § 25).

Примеры неопределенных singularia tantum: *блеск, блуд, бокс, визг, вой, гвалт, гнев, гнёт, звон, зуд, крен, лай, лов, лоск, мир* «спокойствие», *мор, мрак, нюх, плач, пляс, прок, пуск, раж, рёв, риск, рок, рост* (процесс), *рыск, свист, сев, смак, смех, спорт, срам, флирт, фрахт, шик*.

Исключения: слова *вред, грех, дождь, пост* (религиозный), *пост* (военный, общественный), *стыд, суд, труд, ум* относятся к схеме *b*[57]. Кроме того, слово *винт* (игра) колеблется между схемами *a* и *b*. Все эти слова — старые, за исключением *пост* (военный и т. п.) и *винт*. На ударение этих двух поздних слов повлияли, во-первых,

---

[56] Относительно слов на согласную+*т* и слов *гол, трюк* см. также ниже.

[57] У слова *вред* в разговорной речи иногда встречается и наоснóвное ударение; кн. «Русское литературное произношение и ударение» дает предупредительную помету против ударения *о вре́де* (которое встретилось даже у некоторых современных поэтов).

ударение соответствующих омонимов (ср. § 28), во-вторых, исход на согласную + *т*.

Замечание. К данной семантической группе приближается также слово *смерч* (обычно схема *а*, но изредка также *b*), но оно все же заметно отличается от названий событий (типа *дождь, шторм*): это слово безусловно исчисляемое, и его основным значением, по-видимому, следует считать не «определенный вид движения воздуха», а конкретный зримый объект — «движущийся столб (вращающейся пыли, брызг)»; ср. такие слова, как *о́блако, ту́ча, волна́* и т. п. Соответственно мы рассматриваем слово *смерч* не здесь, а в числе слов, плохо поддающихся семантической классификации (см. § 41). Туда же отнесено отдаленно сходное с разбираемой здесь семантической группой исчисляемое слово *стих* (схема *b*).

В просторечии схему *b* иногда получают также некоторые другие слова данной семантической группы. Во-первых, это слова с исходом на согласную + *т*: *финт, твист, шрифт,* реже *вист, тост, бунт* «мятеж», *люфт*. Во-вторых, это поздние слова с ярко выраженным исчисляемым значением «единичного мгновенного события (или действия)»: *гол, трюк* (таким образом, здесь противоречие между правилом об абстрактных понятиях и общим принципом III^{б} разрешается в пользу последнего; возможно, определенную роль играет также экспрессивный характер этих слов). Заметим, что слово *финт,* в котором оба фактора действуют одновременно, выступает с флексионным ударением чаще всех прочих.

2. Названия единиц измерения (но не денежных) и частей целого. Все они исчисляемые. Схема *с* или *е* (последнее отмечено): *час, год* (*е* // *с*, мн. *го́ды* и *года́*), *век* (мн. *-а́*), *фунт* (обычно *а*, но в разговорной речи также *с*), *пуд*; *раз, кон* «этап игры», *пай, слог* (*е*), *склад* «слог»; возможно, сюда же *кус* (ср. § 25 и 37). В просторечии также *срок* (мн. *-а́*), *куш*. По-видимому, к этой же группе примыкает *том* (мн. *-а́*) — в соответствии со своим основным (непредметным) значением «часть печатного издания».

О слове *нуль* (схема *b*) см. § 40. Об абстрактных понятиях, связанных с пространством (*верх, низ, зад*), см. § 33, п. 2.

Названия пространств, поверхностей, направлений

§ 33. Почти для всех объектов, обозначаемых словами данной группы, характерна неполная определенность границ. Слова данной группы обычно совмещают исчисляемое и неисчисляемое значения. однако у значительной их части (например *верх, тыл, край, лес, рай*) первичное значение — неисчисляемое.

1. Названия сторон, направлений, элементов пространственной организации, а также названия поверхностей, ограничивающих определенные предметы. Схема *с*: *верх* (мн. *-и́* и *а́*), *низ, зад, тыл, фронт* (*а* // *е* //*с*), *бок* (мн. *-а́*), *край* (мн. *края́*); *ряд, слой*; *борт* (мн. *-а́*), *пол* «настил», *под* (печи).

Неопределенные singularia tantum: *юг, норд, зюйд, ост, вест.*

Исключение: *пласт* (схема *b*).

В просторечии слово *борт* под влиянием исхода на согласную + *т* (§ 26) допускает схему *b*. Сочетание *за бортóм* стало даже практически узаконенным (наряду с *за бóртом*).

2. Названия пространств и участков земной поверхности, границы которых не вполне определенны. Схема *c*: *мир* «вселенная», *лес* (мн. *-á*), *бор, гай, сад, луг* (мн. *-á*), *лан* (поле), *плёс* (*a* // *c*, мн. *плёсы* и *плесá*), *дол* (*e* // *c* // *a*), *лог* (мн. *-á*), *юр, яр, кон* «особое место при игре»; по-видимому, сюда же *мыс* (*a* // *c*). Singularia tantum с $П_2$ на *-ý*, *-ю́*: *ад, рай*. Схема *a* (в просторечии также *c*) с $П_2$ на *-ý*: *плац*. В просторечии схему *c* с $И_2$ на *-ý* могут получать также *пляж, сквер*[58].

Неопределенное singularia tantum: *свет* «мир, земной шар».

Замечание. К этой же семантической группе по существу относятся и имена собственные — названия стран, городов, рек и т. п., например *Крым* (ср. *в Крыму́*), *Клин* (ср. *в Клину́*), *Дон* (ср. *на Дону́*), *Буг, Прут, Рим*,— все с наоснóвным ударением (исключения: *Днепр, Днестр* — схема *b*). Впрочем, общее количество бессуффиксальных односложных географических названий мужского рода (из числа достаточно известных русскому населению) довольно невелико.

3. К указанным здесь группам примыкают также слова, обозначающие пути: *шлях, брод, лаз* (у всех обычно схема *a*, но возможна также схема *c*).

Исключение: *путь* (схема *b*).

Названия оград, четко ограниченных территорий, помещений, больших вместилищ

§ 34. Эта небольшая группа слов явно присоединилась к названиям пространств. Несмотря на исчисляемость, эти слова обнаруживают тенденцию к наоснóвному ударению в ед. числе (хотя и не столь резко выраженную, как в предшествующих группах). Схема *c*: *тын, вал* «насыпь»; *баз, ток* «гумно» (*c* // *e*, мп. *токá* и *тóки*), *форт, порт* (*e* // *c*); *дом* (мн. *-á*), *хлев* (мн. *-á*), *цех* (*c* // *a*, мн. *цехá* и *цéхи*), *штаб* (*c* // *a*); *гроб, шкаф, куб* «сосуд», *чан, таз*; в профессиональной речи и просторечии также *клуб* «учреждение», *тир, лифт, жбан, трюм* (мн. *-á*), *шлюз* (мн. *-á*).

По-видимому, к этой же семантической группе примкнули слова *воз* (схема *c*; см. также § 25), *стог* (схема *c*, мн. *-á*) [59], *пресс* (схема *a*, но в профессиональной речи схема *c* с мн. *-á*) [60]. В их значении мо-

---

[58] Значения этого же типа имеются также у слов *тыл, фронт, край* (см. пункт 1) и *круг* (см. § 40). Семантически близки также некоторые слова из § 34 (*ток* «гумно», *порт*).

[59] Ср. также $П_2$ *в стогу́*, сближающее это слово с названиями вместилищ. Интересно, что слово *скирд*, близкое по значению, относится к схеме *b* и не имеет $П_2$ на *-ý*. Возможно, что здесь было существенно различие внешнего вида (см. у В. Даля): стог «домообразен», а скирд растянут в длину, «простерт» (ср. вероятную этимологию лит. stìrta, являющегося первоисточником славянского слова, от *ster «простирать»).

[60] Ср. также профессиональное $П_2$ *на прессу́*.

жет быть усмотрен семантический элемент «вместилище» (правда, слабо выраженный).

Исключения: *двор* (схема *b*), *кремль* (*b*), *скит* (*b*, но изредка также *c*), *пруд* (колебание *b* // *c*).

В разговорной речи флексионное ударение в ед. числе иногда встречается у слова *таз*; в просторечии оно засвидетельствовано также для слов *порт, форт, лифт, шлюз*. У областных слов *саж* «загон для откорма свиней» и *кош* «корзина, рыболовная снасть» ударение, по-видимому, колеблется (данные словарей противоречивы). Слово *горн* «печь», относящееся по литературной норме к схеме *a*, допускает в профессиональной речи схему *b* (по-видимому, наряду с *c*).

Не входят в рассматриваемую группу названия мелких вместилищ, например *ковш, ларь* (оба схемы *b*); они относятся просто к § 37.

Таким образом, в целом слова данной группы можно охарактеризовать как «умеренно склонные к *c*».

Термины родства

§ 35. Эта маленькая замкнутая группа слов имеет наоснóвное ударение в ед. числе без связи с принципом III. В сущности это результат прямого наследования древнего ударения, однако в современном языке здесь явно установилась синхроническая связь между значением и акцентуацией (а именно схемой *c*, получающейся из наоснóвного ударения в ед. числе и естественного для таких употребительных слов нетривиального ударения во мн. числе). Эта связь выражается, с одной стороны, в тенденции к переходу в схему *c* нескольких терминов родства с иной первоначальной акцентуацией (*брат, дед, сват*, также *шýрин, дя́дя*), с другой стороны, в устранении схемы *c* у одушевленных слов других семантических групп (ср. § 38, 39).

Схема *c*: *муж, сын, зять, кум* (мн. число, по крайней мере в прямом значении, у всех этих слов на *-ья́*); ср. также нелитературное мн. число у слов *брат, дед, сват — браты́* (и *братья́*), *деды́, саты́*. Сюда же примыкают *шýрин — шурья́, дя́дя — дядья́*.

Устойчивое тривиальное склонение имеет по существу только одно слово — *внук*; у слова *тесть* (Р. ед. *тéстя*) мн. число встречается слишком редко, чтобы можно было определенно судить о его ударении.

О словах *друг* и *князь*, примкнувших к данной группе, см. § 41.

Семантические группы с господствующим флексионным ударением в ед. числе

§ 36. Продуктивным типом нетривиального склонения здесь является схема *b*. Все слова, приводимые ниже без специального указания об обратном, имеют флексионное ударение в ед. числе. Напомним, что разбираются только слова нетривиального склонения; соот-

ветственно под исключениями ниже понимаются только те слова с наосно́вным ударением в ед. числе, которые относятся к нетривиальному склонению.

Небольшое число слов (главным образом старых, например *мост, пруд*) колеблется между схемами *b* и *c*: в ед. числе *моста́, пруда́* и *мо́ста, пру́да*, но во мн. числе только *мосты́, пруды́* (**мо́сты, *пру́ды* решительно невозможно). С этими случаями не следует смешивать ситуацию другого рода (довольно распространенную): у некоторого слова (чаще всего позднего, например *альт, пим*) ударение в ед. числе неустойчиво, тогда как во мн. числе явно преобладает флексионное ударение (хотя изредка может встретиться и наосно́вное). Такая ситуация, как правило, означает, что перед нами слово, «склонное к *b*», находящееся в процессе перехода от тривиального склонения (т. е. схемы *a*) к нетривиальному (а именно к схеме *b*). Дело в том, что, как показывает наблюдение, флексионное ударение появляется во множественном числе некоторого слова легче и быстрее, чем в единственном[61] (по всей вероятности, потому, что в словоформах мн. числа оно вообще встречается вдвое чаще, будучи общей приметой слов нетривиального склонения, тогда как флексионное ударение в ед. числе есть примета только половины таких слов). Так, ударение *шарфы́, банты́, шприцы́* и т. п. появляется раньше, распространяется быстрее и воспринимается как менее одиозное с точки зрения литературной нормы, чем *шарфа́, банта́, шприца́* и т. п. в ед. числе.

Учитывая это обстоятельство, мы помещаем ниже слова, колеблющиеся между тривиальным ударением и схемой *b*, в общие списки (с соответствующей пометой). Описанная выше переходная ситуация с «асимметричностью» двух чисел условно отмечается «*b* // *c* // *a*».

Названия материальных предметов (кроме входящих в § 34)

§ 37. Более точно, в эту группу входят названия исчисляемых неодушевленных материальных предметов, обладающих отдельностью и ясными пространственными границами. Перечислим эти слова, подразделив их для большей наглядности по морфонологическому признаку (слова, при которых нет особых указаний, относятся к схеме *b*). Слова на согласную+*т*: *альт* («инструмент», но также и в других значениях; *b* // *c* // *a*), *бинт*[62], *болт, бунт* «связка, кипа», *винт, зонт, куст, лист* (мн. *листы́* и *ли́стья*[63]), *пест, унт* (*b* // *a*), *хлыст, шест, шплинт, шпунт, штифт*. Слова на *щ*: *плащ, пращ, хвощ* (ср. сноску

[61] Ср. в этом отношении также цитату из Н. С. Трубецкого, приведенную в § 21.

[62] Основное значение — исчисляемое: «кусок марли», «лента» (именно так начинаются толкования этого слова в словарях).

[63] Здесь и далее различие значений у подобных вариантов мн. числа не отмечается.

53). Слова на шипящую (кроме *щ*) и на мягкую согласную: *бич, буж, гвоздь* (*f*), *груздь* (*f*), *гуж, ключ, ковш, корж, кряж* «бревно» (*b* // *a*), *куль, ларь, линь* «веревка», *меч, мяч, нож, пыж, руль, сныч, тяж, шпень* (*шпинь*), *штырь*. Прочие слова: *блин, боб, буй* (по данным словарей *c*, но в разговорной речи чаще *b*), *вьюк* (*b* // *c* // *a*), *гриб, жгут, жезл* (обычно *b*, но иногда *a*), *кий* (*b* // *c* // *a*), *клок* (мн. *клоки́* и *кло́чья*), *кнут, кол* (мн. *ко́лья*), *крюк* (мн. *крюки́* и *кри́чья*), *одр, пим* (*b* // *c* // *a*), *плод* (см. также § 27), *плот, прут* (мн. *пруты́* и *пру́тья*), *пук* (по данным словарей *c*, но в разговорной речи часто *b*), *серп, сноп, ствол, стол, столб, столп, сук* (мн. *суки́* и *су́чья*), *тюк, цеп, чёлн* (*b* // *a*), *шип* «колючка», *шкив* (по данным словарей *c*, но в профессиональной речи также *b*), *шлык, шнур, штык, щит*.

В просторечии и профессиональной речи в схему *b* перешли или стремятся перейти также многие другие слова данной семантической группы. Перечислим известные нам случаи (бесспорно, этот список неполон): *бант* (в разговорной речи часто схема *b*; отмечено у А. А. Шахматова[64]), *барс* «тип подводной лодки» (*b* // *c*, «Орфографический морской словарь»), *брус* (в разговорной речи встретилось Р. ед. *бруса́*), *буль* «специальный выступ на борту корабля» (*b* по «Орфографическому морскому словарю»), *диск* (при жаргонном употреблении в значении «пластинка» встречается схема *b*), *зонд* (в профессиональной речи *b*[65]), *киль* (по «Орфографическому морскому словарю» морское разговорное — *b*; схема *b* неоднократно встречается также в поэзии), *клин* (в разговорной речи встречается Р. ед. *клина́* и т. д., ср. предупредительную помету против такого ударения в кн. «Русское литературное произношение и ударение»), *ком* (в разговорной речи изредка встречается *кома́, комо́м*[66]), *пульт* (в профессиональном жаргоне встретилось *с пульта́, на пульте́*), *рант* «полоска кожи по краю обуви» (в профессиональной речи *b*, реже *c*), *руст* «необтесанный камень для облицовки» (исчисляемое слово; в профессиональной речи *b*), *стан* (ткацкий, прокатный и т. п.; в профессиональной речи явно возможна схема *c*, но, по-видимому, также и *b*; ср. данные Р. Нахтигалю информантом словоформы *станы́, стано́в* [в этом значении], *на ткацком стану́* и в особенности *за стано́м сидела*[67]), *трут* (редкое слово; в разговорной речи возможно колебание *a* // *b*[68]), *туз* (шлюпка; *b* по «Орфографическому морскому словарю», см. также § 28, замечание), *шарф*, (в разговорной речи очень часто *b*, ср. помету «не *шарфа́, шарфы́, шарфо́в*» в кн. «Рус-

---

[64] См.: Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка, с. 135.

[65] Флексионное ударение в этом слове (правда, в форме мн. числа) встретилось также у С. Михалкова: *Ей-ей, такие есть, что завистью исходят, Когда при них другим зонды́ и шприцы вводят* («Завистливый больной»).

[66] Ср. *два кома́*, встреченное в стихотворном тексте (Тряпкин Н. журн. «Москва», 1964, № 8, с. 133).

[67] Nachtigall R. Op. cit., S. 265.

[68] Ср. *на труте́* (рифма: *в темноте*), встреченное в стихотворном тексте (Дмитриев О. журн. «Юность», 1964, № 9, с. 57).

ское литературное произношение и ударение»), *шлиф* «тонкая пластинка горной породы, подготовленная для микроскопического исследования» (у геологов схема *b*), *шлиц* «выступ на валу» (в профессиональной речи *b*), *шпиль* (в разговорной речи возможна схема *b*; она неоднократно встречается также в поэзии), *шприц* (в профессиональной и разговорной речи очень часто *b*, ср. помету «*шприца́, шприцы́, шприцо́в*» в кн. «Русское литературное произношение и ударение»). О слове *шар* в бильярдном значении см. § 27.

Для слова *лук* (оружие), у которого в XIX веке неоднократно встречается схема *b*, Р. Нахтигалем засвидетельствовано Р. ед. *лука́* (в устной речи [69]); не вполне ясно, однако, идет ли здесь речь о живом (например профессиональном) ударении или только о реликте ударения прошлого века.

Исключения. Безусловными исключениями можно считать только два старых слова: *плуг* (схема *c*) [70] и *стул* (схема *a*, мн. *сту́лья*) [71].

Еще несколько слов являются исключениями при их нормативном ударении, но фактически колеблются: *брус, клин, ком*, также *пук, буй, шкив* (см. о них выше в общем списке).

Названия инструментов *лом* (*c* // *e*, мн. *ло́мы́* и *лома́*), *струг* (*c* // *a*, мн. *стру́ги́* и *струга́*), *щуп* (*a*, в профессиональной речи *c*) имеют наосно́вное ударение в ед. числе в силу морфологического фактора (отглагольности), см. § 25 [72].

У нескольких слов (названий материальных предметов) в просторечии или в профессиональной речи флексионное ударение засвидетельствовано только во множественном числе, но не в единственном; таковы, в частности, *бур, кран* (в разных значениях), *флаг*. Если учесть, однако, что и у многих названных выше слов (например *буй, вьюк, кий, пим, пук, шкив, бант, брус, зонд, клин, шарф, шпиль*) флексионное ударение во мн. числе встречается чаще, чем в единственном (см. § 36), то понятно, что нет достаточных оснований считать слова *бур, кран, флаг* нарушениями принципа III^б. Тенденцию к такому нарушению, по-видимому, можно признать только у двух

---

[69] Nachtigall R. Op. cit., S. 189.

[70] Ожидаемое флексионное ударение в ед. числе представлено в белорусском (Синяков И. Ударение в русском языке. Вильна, 1908, с. 120 — Р. ед. *плуга́*; Лобан Н. Н. Указ. соч., с. 207 — *плу́га* или *плуга́*).

[71] В случае со словом *стул* определенную роль, по-видимому, сыграло противопоставление в рамках тесно связанной ассоциативной пары *стол — стул* (в этой паре *стол* — исконное слово с древней схемой *b*, *стул* — старое заимствование). Так, во мн. числе вместо неизбежного для употребительного слова нетривиального ударения (**стулы́* [или **стула́*], **стуло́в*) находим *сту́лья, сту́льев* (словоформы, резко отличные от *столы́, столо́в*); в ед. числе, вопреки принципу III^б, находим *сту́ла* (ср. *стола́*). Существенно также, что в старом языке и в говорах у слова *стул* есть варианты среднего (ср. *сту́ло* у В. Даля) и женского (ср. *сту́ла* — «Словарь современного русского народного говора», с. 546) родов, в обоих случаях с наосно́вным ударением.

[72] См., кроме того, § 32 о слове *том*, § 25 и 32 о слове *кус*. Слово *зуб* (§ 41) имеет в ед. числе единое ударение во всех значениях, в том числе и «зубец» (мн. *зу́бья*).

слов этого типа: *трос* и *бот*; в профессиональной речи у них представлено мн. *тросá, ботá* (см., в частности, «Орфографический морской словарь»), притом что в ед. числе, насколько можно судить, сохраняется наоснóвное ударение.

Названия животных

§ 38. Следующие из них относятся к схемам *b* и *f* (последнее отмечено). Слова на *ст* и на *щ*: *глист, клёст; клещ, лещ, хрущ*. Слова на шипящую (кроме *щ*) и на мягкую согласную: *грач, ёж, ёрш, конь* (*f*), *линь* (рыба), *лунь, морж, стриж, сыч, уж, хорь, червь* (*f*), *чиж, шмель, язь*. Прочие: *бобр, бык, вол, дрозд, жук, кит, клоп, кнур* (*кныр*), *кот, крóт, сиг, слон, сом, хряк, шип* (рыба), *щур* (птица).

В разговорной речи к этому списку присоединяется ряд других слов. Во-первых, слова схемы *е волк, гусь, лось* обнаруживают сильную тенденцию к переходу в схему *f*: вместо нормативных *вóлка, гýся, лóся* часто выступают *волкá, гуся́, лося́*; такое ударение неоднократно встречается и в стихах. Во-вторых, вместо нормативной схемы *а у* слов *мул, спрут, шпиц* иногда выступает схема *b*. Такое ударение может проникать и в стихи; так, *на мулé, худого мулá, мулы́, мулóв* неоднократно встречается в стихах XIX и XX веков; пример со словом *спрут*: *Он привез мне глаз кита / Зуб акулы / И спрутá*[73].

Исключения. Единственным относительно устойчивым исключением является *зверь* (схема *е*)[74]. Слова *волк, гусь, лось*, относящиеся по литературной норме к схеме *е*, фактически колеблются (см. выше).

Отметим, что среди названий животных полностью отсутствует схема *с* (ср. § 35)[75].

Названия лиц по занятию и оценочные

§ 39. Это единственная группа среди названий лиц, в которой осуществляется принцип III[6] (и то не вполне последовательно); о прочих группах названий лиц см. § 35 и 41.

К схеме *b* относятся: *вождь, волхв, дьяк* (*b* // *a*), *ксёндз* (*b*, изредка *a*), *паж* (*b*, изредка *a*), *плут* (*b* // *a*), *поп, раб, хлыст* «хлыстовец;

---

[73] Волгина Т. По тропинкам бродит лето. Киев, 1968, с. 47. В псковских, пинежских (а также некоторых белорусских) говорах схему *b* получило слово *рак* (см.: Колесов В. В. История русского ударения, с. 109). Ударение *ракú, ракóв* засвидетельствовано нами, кроме того, в Кирилловском районе Вологодской области.

[74] Даже и у этого слова в говорах и в просторечии встречается ударение *·зверя́, зверю́* и т. д. (см.: Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке, вып. I, с. 246), однако в обычную разговорную речь оно все же почти не проникает.

[75] В связи с этим нельзя считать надежной схему *с*, которую дает Д. Н. Ушаков для областного (очень редкого) слова *зуй* (обычное название — *зуёк*).

фат», *хлыщ, хлюст* «нахал, проныра», *хрыч, шиш* «бродяга, разбойник», *шпик* «сыщик», *шпынь* «насмешник», *шут*; в просторечии *жлоб, хмырь*. Сюда же слова с неполной выделимостью суффикса *врач* и *спец* (*b*//*a*), ср. § 19. О слове *дуб* «тупой человек» см. § 27. В эту же группу попадают жаргонные новообразования, например *хип* (схема *b*), *битл* (*b*//*a*) и т. п.

К этой группе примыкают также названия карт и фигур (в играх): *туз, ферзь* (оба схемы *b*); просторечные и арготические *пант* «валет» (*b*), *кинг* «король» (*b*//*a*).

Сильную тенденцию к переходу в схему *f* и далее в схему *b* обнаруживает слово *вор* (по литературной норме схема *e*); ср. также выше, § 18.

Замечание. К этой же семантической группе относятся почти все односложные слова с суффиксами, например *ткач, льстец, лгун, враль, псарь* (схема *b*, см. § 19). Возможно, что они оказали определенное влияние на то, что именно эта семантическая группа бессуффиксальных односложных слов обнаруживает (в отличие, например, от терминов родства, титулов, названий национальностей и др.) тенденцию к схеме *b*.

Прямых исключений в данной группе практически нет: единственное слово нетривиального склонения с нормативным наосно́вным ударением ед. числа — *вор* — фактически колеблется (см. выше).

Трудность состоит здесь в другом: несколько вполне употребительных слов данной семантической группы (иногда даже близких к просторечным), вопреки принципу II^б, относятся к тривиальному склонению. Таковы *мот, хват, трус, глот, жом, жмот, жох, хам, гад, кат, шкет*. Наиболее объяснимо ударение отглагольных слов *мот, хват, глот, жом*: под действием морфологического фактора (§ 25) они сохраняют свое прежнее наосно́вное ударение ед. числа. Но нетривиальное ударение во мн. числе в этом случае означало бы схему *c*, которая, как отмечено в § 35, стала теперь признаком терминов родства. Поскольку *мот, хват, глот, жом* к терминам родства не относятся, они получают иное ударение — тривиальное.

Сравнительно близко (в морфологическом отношении) к этим словам стоят *трус* и *жмот*. Что касается прочих слов, то у них тривиальное ударение остается неясным. Возможно, что наличие слов *мот, хват, глот, жом* (также *трус, жмот*) создает допустимый для данной семантической группы второстепенный акцентуационный образец (схему *a*), которому и следуют слова *хам, жох* и т. д.[76] (притом что главный акцентуационный образец здесь все же схема *b*, см. выше). Так или иначе, ситуация с ударением в данной семантической группе не такая определенная, как, например, у названий животных.

---

[76] С наличием этого образца, быть может, связано и колебание слова *плут* между схемами *b* и *a*, а также изредка встречающееся ударение по схеме *a* у слова *враль* (с морфологической точки зрения необъяснимое).

Различные мелкие группы исчисляемых

§ 40. 1. Названия гор, груд, сооружений (не полых). Схема *b*: *холм, кряж* «хребет» (*b* // *a*), *скирд, бурт, ряж* (*b* // *a*). У слова *мост* (*b* // *c*) старое ударение по схеме *c* все чаще заменяется новым по схеме *b*.

Слово *мол* относится по литературной норме к схеме *a*, но имеет $П_2$ *на молу́*; в профессиональной речи у этого слова возможна схема *c* (см. «Орфографический морской словарь»), в разговорной речи засвидетельствована также схема *b* (*пры́гали с моля́*). О слове *стог* см. § 34.

2. Названия отверстий, шахт. Схема *b* (// *a*): *шурф, шпур*. Слово *паз*, относящееся по литературной норме к схеме *c*, в профессиональной речи и в просторечии допускает схему *b*.

3. Названия фигур, начертательных знаков (в частности, букв, цифр), монет. Схема *b*: *крест, крыж, луч, штрих, герб, блинт* «особым образом вытисненная надпись или орнамент»; *аз, нуль* (*ноль*) [77]; *рубль, грош*. Заметим, что многие из этих слов (например *крест, рубль, грош*) часто обозначают конкретные материальные предметы, что сближает их со словами из § 37.

Широко представлена в профессиональном просторечии схема *b* для слова *икс* (ср. помету «не *икса́*» в кн. «Русское литературное произношение и ударение»), в несколько меньшей степени — для названий букв *хер, ер, юс* (в более литературном варианте здесь выступает «компромиссная» схема *c*, в подчеркнуто литературном — *a*). Нами отмечено даже *жи́рного плюса́* (где *плюс* употреблен в значении графического знака).

Слово *круг* (схема *c*) едва ли следует считать просто исключением: у него имеются явно выраженные значения «пространственного» типа (часть плоскости; среда, сфера — в переносном смысле), которые сближают его со словами из § 33 (например *мир, луг, плац*).

Названные семантические микрогруппы можно охарактеризовать как «умеренно склонные к *b*».

Семантические группы, в которых не действуют синхронические акцентуационные правила

§ 41. Синхронические акцентуационные правила, касающиеся ударения в ед. числе, не действуют прежде всего у названий частей тела (а также язв и т. п.). Из них к схеме *b* относятся *горб, клык, перст, прыщ, свищ, хвост, хрящ*, к схеме *c* — *глаз, зоб, нос, рог, чуб*, к схеме *e* — *зуб*, к схеме *a* с мн. *-ья* — *струп*. Слова *пуп* и *ус* колеблются между схемами *b* и *c* (причем по литературной норме для *пуп* предпочтительна схема *b*, для *ус* — схема *c*).

---

[77] Таким образом, это слово выступает здесь как обозначение графического знака, цифры (а не в абстрактном значении «ничто» и т. п.).

В таком же положении находятся названия лиц, не относящихся ни к терминам родства (§ 35), ни к названиям по занятию или оценочным (§ 39). Из них к схеме *b* относятся *враг, царь*, а также *жид* (см. об этом слове § 18), к схеме *c — друг* (мн. *друзья́*), *князь* (мн. *князья́*) [78], а также *пан* (*c*, реже *a*), к схеме *e — бог, чёрт, гость*.

Кроме того, имеется небольшое число слов, значение которых с трудом поддается классификации. Эти слова не ассоциируются (без существенных натяжек) ни с одной из частных семантических групп, рассмотренных в § 29—40. Поэтому естественно, что принцип III (в основе которого лежит акцентуационное уподобление семантически сходных слов) здесь действовать не может. Сюда мы относим: из слов схемы *b — стих, хлюст* «набор карт одной масти», *шиш*, областное *кут* «угол в избе и др.», а также *смерч* (*a* // *b*, см. § 32); из слов схемы *c — шар* (в основном, более абстрактном значении, ср. § 27), *клуб* (дыма и т. п.), *вал* «волна», *вал* «ось», *след* (схема *c* с некоторыми отклонениями в сторону *b*, см. кн. «Русское литературное произношение и ударение»).

Замечание. К числу слов, значение которых трудно поддается классификации, вообще говоря, можно было бы отнести и некоторые из включенных выше (с некоторой долей условности) в основные семантические группы, в частности из слов схемы *b — луч, пласт, нуль* (*ноль*), из слов схемы *c — кус, том, мыс, воз, стог, круг*.

ИТОГОВЫЕ ТАБЛИЦЫ

§ 42. Ниже приводятся сводные таблицы по односложным словам нетривиального склонения (кроме подпадающих под § 16—18) и неопределенным singularia tantum. Таблицы показывают количественные соотношения слов с наосно́вным и с флексионным ударением ед. числа в различных семантических и морфонологических группах. В соответствии с § 36 колеблющееся ударение объединено в таблицах с флексионным.

При подсчетах учтены факты как литературной, так и нелитературной речи. Во-первых, в совокупность отражаемых таблицами слов включены, помимо слов, относящихся к нетривиальному склонению по литературной норме, также слова, относящиеся к нетривиальному склонению только в нелитературной речи, например слова *штраф, бант* (нелитературное мн. *штрафы́, банты́* при литературном *штра́фы, ба́нты*) [79]. Во-вторых, учитывалось как литературное, так и нелитературное ударение ед. числа каждого отражаемого таблицами слова, а именно: если эти два ударения совпадают (это нормальный случай), в таблицах отражено единое ударение; если же они расходятся

---

[78] Слова *друг* и *князь* с морфологической и акцентуационной точек зрения примкнули, таким образом, к терминам родства.

[79] При таком принципе отбора общее число отражаемых сейчас таблицами слов составляет около 670. Если бы учитывалась только литературная норма, соответствующая совокупность составила бы около 600 слов.

(ср., например нелитературное *лося́* при литературном *ло́ся*), то ударение такого слова квалифицируется как колеблющееся [80].

Нелитературное ударение отражено в том объеме, в котором оно рассмотрено в § 30—41 [81]. В качестве исключения, чтобы не затемнять общей картины фактами, недостаточно надежно засвидетельствованными или вызванными какими-то побочными причинами, в таблицах не отражена возможность появления в нелитературной речи схемы *c* у слов *бур, кран, флаг, трос, бот* (см. § 37, конец) и схемы *b* у слов *шлих, харч, гол, трюк, таз, шлюз, горн.*

Чтобы уменьшить влияние побочных обстоятельств на числовые данные таблиц, в таблицы не включены: а) слова *лом, струг, щуп* (ударение которых определяется морфологическим фактором, § 25) и *жмых* (см. § 30); б) слова, отмеченные выше в списках как областные (поскольку их ударение непоказательно); кроме того, слово *зуб* в значении «зубец» не отделено от *зуб* в основном значении.

Таблица 1 отражает ударение «морфонологически нейтральных» слов, т. е. оканчивающихся не на *щ* и не на сочетание «согласная (не взрывная) + *т*»; это основной массив односложных слов. Таблица 2 отражает ударение слов, оканчивающихся на *щ* и на сочетание «согласная (не взрывная) + *т*», т. е. тех, которые подпадают под действие морфонологического фактора (§ 26), обусловливающего склонность таких слов к схеме *b*.

Если в клетке таблицы дано два числа, соединенных знаком + (например 156+около 220), первое число относится к словам нетривиального склонения, второе — к неопределенным singularia tantum. В прочих случаях числа обозначают количество слов нетривиального склонения.

Таблица 1

Ударение ед. числа у морфонологически нейтральных односложных слов нетривиального склонения (и неопределенных singularia tantum)

	Наосно́вное ударение в ед. числе	Флексионное (или колеблющееся) ударение в ед. числе
Семантические группы, «склонные к *c*» (§ 30—35)	156+около 220	13
Семантические группы, «склонные к *b*» (§ 36—40)	4	155
«Семантически нейтральные» (§ 41)	18	10

[80] Некоторые сведения о том, как изменились бы числовые данные таблиц, если бы учитывалось только литературное ударение, приведены в комментариях к таблицам.

[81] Как уже отмечалось, этот объем сведений не может считаться исчерпывающим. Понятно, что если его удастся расширить, числовые данные таблиц несколько изменятся.

Из этой таблицы видно, что подавляющее большинство слов из рассматриваемой совокупности подчиняется современным семантическим правилам об ударении и лишь 17 слов (13 с флексионным или колеблющимся ударением и 4 с наоснóвным) представляют собой исключения. Эти исключения можно разделить на два типа. Первый тип образуют слова из семантических групп, «сильно склонных» к *b* или к *c*; исключения этого типа прямо противоречат принципу III. Сюда относятся 8 слов, «сильно склонных к *c*» и тем не менее имеющих флексионное ударение (*скот, вред, грех, стыд, суд, труд, ум, путь*), и 3 слова, «сильно склонных к *b*» и тем не менее имеющих наоснóвное ударение ед. числа (*плуг, стул, зверь*); см. комментарии по поводу этих слов в § 13. Второй тип образуют слова из семантических групп, «умеренно склонных» к *b* или *c*; это, так сказать, «слабые» исключения (сюда относятся *полк, двор, кремль, скит* — с флексионным ударением ед. числа, *пруд* — с колеблющимся, *круг* — с наоснóвным).

Общий характер картины, представленной в табл. 1, не изменился бы и в том случае, если бы подсчеты производились только для нормативного литературного ударения; однако в силу консервативности литературной нормы эффект семантических правил был бы несколько меньшим. Так, в двух основных рубриках таблицы вместо 156 слов нетривиального склонения с наоснóвным ударением и 155 с флексионным или колеблющимся в этом случае соответственно 130 и 110, главным образом за счет того, что значительная группа слов типа *штраф, бант* относится по литературной норме к тривиальному склонению. С другой стороны, группа слов-исключений, «склонных к *b*» и тем не менее имеющих наоснóвное ударение ед. числа, в этом случае более многочисленна (16 слов), поскольку для слов *вор, волк, гусь, лось, клин, пук* и ряда других литературная норма пока еще

Таблица 2

Ударение ед. числа у односложных слов нетривиального склонения (и неопределенных singularia tantum), оканчивающихся на *щ* и на сочетание «согласная (не взрывная) + *т*»

	Наоснóвное ударение в ед. числе	Флексионное (или колеблющееся) ударение в ед. числе	
	только слова на согл. + *т*	слова на согл. + *т*	слова на *щ* (и *дождь*)
«Склонные к *c*»	5+около 25	19	4
«Склонные к *b*»	0	27	7
«Семантически нейтральные»	1	3	3

запрещает встречающиеся в разговорной речи ударения типа *ворá*, *волкá*, *гуся́* и т. д.

Из табл. 2 видно, что морфонологический фактор способен успешно противодействовать семантическому (кроме сферы singularia tantum): из 24 слов нетривиального склонения на согласную+*т*, «склонных к *с*», лишь 5 подчиняются семантическому правилу, а 19 — морфонологическому. Оказывается, однако, что такое положение характерно в основном для нелитературной речи. Так, по литературной норме имеется 17 слов нетривиального склонения на согласную+*т*, «склонных к *с*»; из них 11 подчиняются семантическому правилу и только 6 (*холст*, *пост*$_1$, *пост*$_2$, *винт* «игра», *пласт*, *гурт*) — морфонологическому. Таким образом, в литературной речи роль морфонологического фактора существенно меньше, чем в нелитературной.

Замечания об акцентуации двусложных слов мужского рода с беглой гласной

§ 43. В акцентуационном отношении двусложные слова мужского рода с беглой гласной образуют промежуточную группу, обнаруживающую частичное сходство как с односложными, так и с многосложными.

Выделяются три подгруппы таких слов: 1) слова на *-ок* (*-ек*) и *-ец* (сюда же *за́яц*); 2) слова на *-ень*; 3) все прочие.

Как вытекает из § 16, при конечном ударении в исходной словоформе все такие слова (кроме *заём*, *наём*) относятся к схеме *b*, например *кусо́к*, *коне́ц*, *слепе́нь*, *котёл*. При начальном ударении все слова 1-й подгруппы (например *ку́бок*, *гро́рец*) относятся к схеме *a*, но для слов 2-й и 3-й подгрупп схема ударения еще не предопределена исходной словоформой: ср., например, *ли́вень* — схема *a*, *ко́готь* — схема *e*, *у́зел* — схема *b*.

В распределении начальноударных слов 2-й и 3-й подгрупп по схемам ударения, по-видимому, действуют (хотя и не вполне последовательно) те же акцентуационные закономерности, что и у односложных.

Рассмотрим ударение в ед. числе у начальноударных слов 3-й подгруппы (вопрос о мн. числе оставляем в стороне). В семантических группах, «склонных к *с*», мы находим устойчивое наосно́вное ударение: *ве́тер*, *ви́хрь*, *дёготь*, *ка́шель*, *о́цет*, *пе́пел* — Р. ед. *ве́тра*, *ви́хря* и т. д.; сюда же термин родства *свёкор*; только слово *у́голь* колеблется: Р. ед. *у́гля* и *угля́*. Остальные слова — это семантически «склонные к *b*» и еще несколько исчисляемых (названия частей тела и слово *у́гол*), которые в данном случае, по-видимому, присоединились к ним. С акцентуационной точки зрения эти слова распределяются так: а) схема *b* — слова *у́зел*, *у́горь*, *у́гол* (Р. ед. *узла́*, *угря́*, *угла́*); б) наосно́вное ударение в ед. числе по литературной норме, при большем или меньшем распространении флексионного ударения в разговорной речи или в просторечии — слова *ко́готь*, *ко́мель*, *ла́поть*, *ло́коть*, *но́готь*, *сте́бель*, *ти́гель*, *у́лей*, *чи́рей* (например, Р. ед.

в литературном языке *ко́гтя*, но в просторечии часто *когтя́* и т. д.); сюда же колеблющееся слово *ло́моть, ломо́ть* (Р. ед. *ло́мтя, ломтя́*); в) устойчивая схема *а* — только *бу́бен, дя́тел.*

У слов 2-й подгруппы данная тенденция выражена гораздо слабее: она проявляется лишь в том, что в просторечии у слов *гре́бень, ка́мень, по́ршень, сте́ржень* и некоторых других иногда встречается флексионное ударение в ед. числе (тогда как, например, для слов *ли́вень, сби́тень, цве́тень, ще́бень* это невозможно).

Обращает на себя внимание тот факт, что среди конечноударных слов 2-й и 3-й подгрупп (их около 40) решительно преобладают исчисляемые, например: *бобёр, козёл, орёл, осёл, щегол́, слепе́нь, багор́, ковёр, копёр, котёл, кочан́, чехо́л, реме́нь, вихо́р, мосо́л, хохо́л, хребе́т, бугро́р, костёр, ручей́.* К неисчисляемым относятся только: *огонь, овёс,* областное *чабёр* (растение), *заём, наём*; слово *креме́нь* может выступать и как исчисляемое, и как неисчисляемое. Таким образом, со статистической точки зрения, принцип III довольно хорошо соблюдается и у этой категории слов. Более того, слова *заём* и *наём* относятся, вопреки правилам из § 16, к схеме *а*: Р. ед. *за́йма, на́йма* (что́ в разговорной речи обычно ведет к замене исходных словоформ на *займ, найм*). Эту аномалию естественно связать с действием принципа III[а] и правила о приставочных отглагольных именах из § 17. Возможно, что колебания между литературным *креме́нь, кремня́* и разговорным *кре́мень, кре́мня* тоже связаны с действием принципа III.

Таким образом, акцентуационные закономерности односложных слов имеют тенденцию распространиться на совокупность всех слов мужского рода с односложной основой косвенных словоформ.

О НЕКОТОРЫХ СВЯЗЯХ МЕЖДУ ЗНАЧЕНИЕМ И УДАРЕНИЕМ У РУССКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§1. Наблюдениями целого ряда исследователей установлено, что среди русских прилагательных имеются группы, ударение которых обнаруживает некоторую связь с их значением. Самой важной зависимостью такого рода является принцип, согласно которому в современном литературном русском языке прилагательные с качественным значением (по крайней мере производные) обычно имеют в полных формах ударение на основе (см. об этом, в частности, Зализняк 1985, §1.56). В ряде других случаев группы, в рамках которых проявляется влияние семантического фактора, не столь обширны.

В настоящей работе делается попытка несколько расширить круг наблюдений такого рода. Практически мы будем ниже рассматривать только ударение полных форм (кроме случаев, где специально оговорено иное); такой подход оправдан тем, что в современном русском языке ударение полных и кратких форм связано между собой довольно слабо (т.е. тут обычно действуют разные закономерности).

Основным предметом разбора являются синхронические соотношения, обнаруживаемые в современном литературном русском языке; но в дополнение к этому кратко разбирается также (без документации) характер исторической эволюции, которая привела к таким соотношениям.

При анализе связи ударения полных форм со значением целесообразно учитывать, во-первых, противопоставление полных форм с наосновным ударением (схема ударения *a*) и с флексионным (схема ударения *b*), во-вторых, в рамках схемы *a* — различие по числу слогов основы и по месту ударения внутри основы. Назовем акцентным контуром (данного прилагательного) совокупность сведений обоего рода, т.е. акцентную характеристику, включающую схему ударения полных форм и (при схеме *a*) число слогов основы и номер ударного слога. Условимся для большей наглядности обозначать акцентные контуры словами-образцами: *пустóй* (для всех прилагательных на *-óй*, например, *дурнóй, злой, молодóй* и т.д.) и *чáстый высóкий, мéдленный, винóватый, одинáковый* (для прилагательных на *-ый, -ий* с соответствующим числом слогов и местом ударения). Как показывает наблюдение, в одних случаях для нашего разбора оказывается существенной только схема ударения рассматриваемых прилагательных, в других — весь акцентный контур в целом.

§2. В основе рассматриваемых нами явлений лежит следующий общий принцип: прилагательные со сходной морфологической структурой и/или со сходным значением могут обнаруживать тенденцию к унификации акцентных контуров (или хотя бы схем ударения). Подчеркнем, что речь идет лишь о возможности, а не об обязательно-

сти; в разных группах прилагательных данная тенденция может проявляться в весьма различной степени.

Хорошо известным частным случаем является унификация ударения у прилагательных с определенным суффиксом. Так, например, в ходе истории все прилагательные с суффиксами *-к-*, *-н'-*, *-ав-*, *-ок-* получили в полных формах наосновное ударение (при том, что первоначально здесь были представлены обе возможных акцентовки), см. Зализняк 1985, §1.56, 2.25. Важнейшим примером связи ударения со значением является уже упомянутая выше тенденция прилагательных с качественным значением к наосновному ударению в полных формах.

В ряде случаев акцентная унификация затрагивает совсем маленькие группы семантически тесно ассоциированных прилагательных (в предельном случае — просто пары). Приведем несколько примеров.

Так, в истории русского языка первоначальное ударение *левы́й* сменилось на *ле́вый* под влиянием слова *пра́вый* (где наосновное ударение исконно), см. Булаховский, с. 367. Заметим, что в украинском языке данная семантическая пара представлена в виде *лів(и́)й* и *десни́й* — тоже с одинаковым ударением, но только флексионным (в обоих случаях исконным).

В литературном русском языке слов *босо́й* имеет флексионное ударение; однако в парном сочетании (семантического типа hendiadyoin) *го́лый и бо́сый* выступает наосновное ударение *бо́сый*, которое очевидным образом повторяет акцентуацию слова *го́лый*. Во многих говорах (а также в белорусском и украинском языках) ударение *бо́сый*, возникшее таким путем, обобщилось (Булаховский, с. 371).

Слово *друго́й* в одном из своих значений ('следующий по порядку') практически синонимично слову *второ́й*, в другом значении ('отличный', 'не тождественный') — слову *ино́й*. В современном русском языке все три слова акцентно сходны. Между тем только у слова *друго́й* такое ударение исконно; два других слова первоначально акцентуировались *вто́рый*, *и́ный*. Есть все основания предполагать, что смена ударения у обоих этих слов произошла под влиянием слова *друго́й*. Интересно отметить, что в украинском языке акцентная эволюция рассматриваемых слов была иной, но и здесь имело место выравнивание: *вто́рий* и *і́ний* сохраняли здесь наосновное ударение до самого конца своего существования в языке (в XVII—XVIII вв. оба эти слова вышли из употребления, вытесненные соответственно словами *дру́гий* и *і́нший*); напротив, древнее *други́й* сменило ударение на *дру́гий*.

Значительное акцентное влияние оказали друг на друга порядковые (как, впрочем, и количественные) числительные, соседствующие в натуральном ряду. Так, замена старых *сёмый* (*се́дмый*) и *о́смый* (*во́смый*) на *седьмо́й*, *восьмо́й*, отразившаяся в современном литературном русском языке (а также в большинстве говоров), по-видимому, связана с влиянием предшествующего члена *шесто́й* (где такое ударение исконно). В то же время известно и проти-

воположное направление выравнивания в этой тройке: *шóстый, сéмый, вóсьмый*. Оно характерно для многих западновеликорусских говоров и для белорусского и украинского языков.

Во многих великорусских говорах известно ударение *первóй*, которое возникло под влиянием слова *второ́й* (разумеется, уже после того, как *второ́й* вытеснило более древнее *вто́рый*); в литературном языке такое ударение отразилось в наречии *впервы́е*.

В семантической группе важнейших вкусообозначений мы находим сейчас наосновное ударение: *го́рький, сла́дкий, ки́слый, солёный* (при этом три из этих четырех слов имеют даже одинаковый акцентный контур). Между тем исходное состояние здесь было иным как по ударению, так отчасти и по морфологической структуре: *горькóй, сладкóй, кúселый* (и *кúсѣлый*), *солонóй*. Смена ударения в *горький* и *сладкий* объясняется прежде всего принадлежностью этих прилагательных к группе с суффиксом *-к-* (см. выше). Но для замены *солонóй* на *соло́ный* (впоследствии вытесненное в полных формах [но не в кратких!] акцентно сходным причастием *солёный*) подобной морфологической причины не было; ударение здесь просто выровнялось по другим членам ряда. Для слова *кúселый* (*кúсѣлый*) выравнивание выразилось в смене морфологического оформления — замене суффикса *-ел-* (*-ѣл-*) на *-л-*; в результате по акцентному контуру это слово совпало с *го́рький, сла́дкий*.

В семантической группе пространственных оценок, блестяще проанализированных Р.О. Якобсоном (Jakobson), прилагательные, обозначающие бóльшую степень рассматриваемого качества, образуют ряд с суффиксом *-ок-* и акцентным контуром *высóкий* (*высóкий, глубóкий, широ́кий, далёкий*), обозначающие меньшую степень — ряд с суффиксом *-к-* и акцентным контуром *ча́стый* (*ни́зкий, ме́лкий, у́зкий, бли́зкий*). С исторической точки зрения столь четко единообразие, по-видимому, является здесь результатом постепенной эволюции. Так, для *высокий* (возможно, также для *широкий*) следует предполагать исходное начальное ударение, см. Зализняк 1985, §2.25, 3.56. С другой стороны, у древнерусского *близькыи* существовал также вариант *близокыи*, отразившийся в субстантивированных *близокъ* 'свойственник', *близока* 'свойственница', см. ЭССЯ, вып. 2, с. 120—121. Со временем, однако, этот вариант, не соответствующий акцентному контуру серии *ни́зкий, ме́лкий, у́зкий, бли́зкий*, был устранен.

Приведенные примеры иллюстрируют возможность акцентного сближения в рамках малых семантических групп. Можно указать, однако, по меньшей мере два случая, когда такое явление наблюдается в несколько более широких семантических группах.

Обозначения физических и психологических недостатков

§3. Прилагательные непроизводные [с односложной (или двусложной полногласной) основой] или с суффиксом *-н-*, обозначающие физические недостатки или отрицательные психологические характеристики (особенно связанные с буйным или ненормальным поведением), обычно имеют в полных формах флексионное ударение. "Семан-

тическое ядро" данной группы образуют слова: *глухóй, немóй, слепóй, хромóй, кривóй* 'одноглазый', *косóй* 'косоглазый', *худóй, больнóй, шальнóй, блажнóй*[1]. Далее, сюда относятся: *рябóй, седóй; злой, скупóй, лихóй, озорнóй, разбитнóй, хмельнóй, чуднóй* (о человеке), *смешнóй* (о человеке), ср. еще *чумнóй* (в переносном смысле); сюда же разговорные и просторечные *баловнóй, сволочнóй, продувнóй* (отчасти также *пробивнóй*). Примыкает к данной группе также слово *холостóй*[2]. Особую маленькую подгруппу составляют прилагательные с более широким отрицательным значением (включающие, однако, среди прочих также значение физического или психологического недостатка): *плохóй* (ср. значение 'тяжело больной'), *дурнóй* (ср. значение 'шальной, сумасбродный'), *дряннóй, срамнóй*. Отметим еще просторечные *благóй* 'блажной', 'дурной', *смурнóй, заводнóй* 'драчливый', 'вспыльчивый', жаргонное *бухóй* 'пьяный'.

Замечание 1. Значения рассматриваемого типа возможны также у ряда других прилагательных на *-óй*, но здесь они занимают более периферийное место в совокупности значений слова: ср. *тупóй* 'глупый, бездарный', *простóй* 'глуповатый', *пустóй* 'легкомысленный', *крутóй* (нравом), *сырóй* 'тучный и слабосильный', *сухóй* 'сухопарый', 'иссохший, сморщенный'.

Поскольку границы данной семантической группы недостаточно четки, понятие акцентного исключения здесь тоже не вполне определенно. С наибольшим основанием можно считать такими исключениями слова *лы́сый, то́щий, хво́рый, пья́ный, лю́тый, бу́йный*. Прочие слова подобного рода (*квёлый, хи́лый, глу́пый, ди́кий* и др.) по своей семантике относятся скорее к периферии этой группы.

Замечание 2. В говорах часть названных здесь слов может выступать с флексионным ударением, например: *тощóй, хворóй, лютóй, глупóй, дикóй* и др. Следует подчеркнуть, однако, что с этими данными нужно обращаться весьма осторожно. Без анализа всей системы говора их нельзя рассматривать в том же ряду, что данные литературного языка: в конкретном говоре появление таких ударений может определяться совсем иными правилами. Например, ударение *тощóй* в каком-нибудь северновеликорусском говоре, где выступают также, скажем, *пешóй, тихóй, толстóй, частóй, черствóй, дешевóй, суровóй, преснóй, теснóй, бурнóй, грязнóй, жирнóй, смирнóй, горькóй, жаркóй, крепкóй, ловкóй, мелкóй, прыткóй, редкóй, робкóй, тонкóй* и т.п. (т.е. где практически не действует правило о наосновном ударении у качественных прилагательных), разумеется, нельзя объяснять правилом о флексионном ударении у обозначений недостатков. Поэтому единичные факты из слабо обследованного говора часто бывают крайне малоинформативны (а для решения многих задач, встающих перед лингвистом, даже просто бесполезны). К сожалению, достаточно полных описаний отдельного говора существует очень мало. Используя одно из таких описании (Деулин. сл.) приведем пример говора, представляющего интерес для нашего разбора. В деулинском говоре (Рязанская область) акцентуация полных форм, по-видимому, регулируется принципами, в целом довольно близкими к действующим в литературном языке. Круг слов на *-óй* со значением физического или психологического недостатка здесь несколько шире, чем в литературном языке, ср., в частности: *благóй* 'озорной', 'своевольный', *борзóй* 'буйный', 'буйный сумасшедший', *глупóй, дикóй, лихостнóй* 'злобный', 'злопамятный', *мудрóй* 'капризный', *ненавистнóй* 'злобный', 'ненавидящий', *сипóй* 'снплый', *страшнóй* 'плохо выглядящий', *тощóй, хворóй, хрипóй* 'хриплый' и даже *блажкóй* 'озорной', 'своевольный' (с нехарактерным для данного говора флексионным ударением при суффиксе *-к-*).

Как легко видеть, акцентный эффект, наблюдаемый в группе обозначений недостатков, противоречит общему принципу акцентуа-

ции качественных прилагательных. Таким образом, мы явно имеем здесь дело с более частным семантическим правилом, независимым от этого общего принципа.

Заметим, что с типологической точки зрения наличие у семантической группы физических и психологических недостатков какого-то общего внешнего признака не представляет собой чего-либо исключительного. Так, например, в арабском языке слова данной семантической группы строятся по единой морфологической модели (*'af'alu*): *'atraš̌u* 'глухой', *'abkamu* 'немой' и т.п.

Замечание 3. В работе Зализняк 1985, §1.52 отмечено, что при суффиксе *-овск-* флексионное ударение наблюдается только в семантической группе отрицательных качеств, связанных с колдовством, плутовством, хвастовством и т.п.: *колдовско́й, ведьмовско́й, ведовско́й, воровско́й, плутовско́й, шельмовско́й, бунтовско́й, шутовско́й, хвастовско́й, мотовско́й, фатовско́й, франтовско́й.* Поскольку этот круг значений явно близок к значению психологического недостатка, можно предполагать, что сходство ударения этих прилагательных на *-овско́й* и рассмотренных выше прилагательных типа *глухо́й, лихо́й, шально́й* не случайно.

С диахронической точки зрения для большинства рассмотренных выше прилагательных на *-о́й* мы имеем дело просто с сохранением первоначального ударения.

Важнейшим исключением является слово *хромо́й*: здесь исконным было ударение *хро́мый* (по акцентной парадигме *b*), которое сменилось на *хромо́й* под влиянием исконных *слепо́й, глухо́й, немо́й,* и т.д. (см. Булаховский, с. 371; Л.А. Булаховский указывает в качестве гипотетического источника акцентного влияния только слово *слепо́й* [укр. *сліпи́й*], но более вероятно, что соответствующее "давление" здесь оказывала уже вся группа обозначений физических недостатков). Первый пример нового ударения зафиксирован уже в Чудовском Новом Завете XIV в. (*хрома́го* В. ед. 80в) — на фоне еще господствующей старой акцентовки (*хро́мыи, хро́мui, хро́мыя* и др.). В памятниках XVI в. ударение *хромо́й* (*хромы́й*) встречается все чаще и в ряде микросистем уже полностью побеждает.

Возможно, такую же акцентную эволюцию проделало слово *скупо́й*. Исходная (для восточнославянского) акцентная парадигма здесь не вполне ясна: *b* или *c*. Если исходной была акцентная парадигма *b* (как в западнославянском, ср. чешск. *skoupý*, словацк. *skúpy*, польск. *skąpy*), то ударение *скупо́й* следует признать вторичным, возникшим под влиянием других слов рассматриваемой семантической группы.

Неисконным является ударение слов *чудно́й* и *чумно́й*.

Приведенные слова (прежде всего *хромо́й*) сами по себе показательны. И все же самым явным свидетельством формирования частного морфонологического правила о флексионном ударении у названий недостатков является то, что эта группа слов не подчинилась в ходе истории общему правилу о наосновном ударении у качественных прилагательных. С этой точки зрения показательно не только приобретение нового ударения словом *хромо́й*, но и сохранение старого ударения словами *глухо́й, немо́й, слепо́й, больно́й* и т.д., т.е. основной массой прилагательных данной группы. Существенно также, что нынешние исключения (*лы́сый, пья́ный, лю́тый* и др., см. выше) — это слова, просто сохраняющие свое старое ударение.

Обозначения цветов

§ 4. Прилагательные, обозначающие цвета (а также степени освещенности), независимо от своей морфологической структуры имеют в полных формах ударение на основе. Примеры: *бе́лый, чёрный, кра́сный, зелёный, ро́зовый, лило́вый, кори́чневый, белёсый, пёстрый, све́тлый, тёмный.*

Явное исключение только одно: *голубо́й.* В нескольких других случаях, на первый взгляд сходных, мы в действительности имеем дело со словами несколько иного значения.

а) Названия лошадиных мастей не подчиняются (в общем случае) приведенному правилу, ср. *гнедо́й, вороно́й.* Они стоят семантически ближе, чем обычные цветообозначения, к относительным прилагательным: качественный аспект (допускающий, в частности, градацию по степени проявления качества) здесь в значительной мере уступает место чисто классификационному.

б) Сходной семантической особенностью обладает также слово *цветно́й* (ср. недопустимость градации этого качества, в отличие, скажем, от *пёстрый*).

в) Слова *рябо́й* и *седо́й* ведут себя в рассматриваемом отношении не как цветообозначения, а как термины из группы физических недостатков (§ 3).

Дополнительная особенность состоит в том, что непроизводные слова данной группы с односложной основой (а также опростившиеся *кра́сный, све́тлый, те́мный*) имеют в кратких формах (хотя бы факультативно) флексионное ударение, например: *бела́, бело́, белы́* (ср. *черно́, красно́, желто́, пестро́, светло́, темно́* и т.п.; подробнее см. Зализняк 1985, § 1.17).

Может возникнуть вопрос, нужно ли выделять цветообозначения в особую группу, коль скоро ударение их полных форм можно объяснить непосредственно общим принципом о наосновном ударении у качественных прилагательных. В действительности такое выделение все же целесообразно — по следующим причинам. Во-первых, у цветообозначений наосновное ударение полных форм выступает независимо от морфологической структуры, тогда как указанный общий принцип, согласно Зализняк, 1985, § 1.56 и 4.3, хорошо "работает" в основном лишь в сфере производных прилагательных. Иначе говоря, у цветообозначений наосновное ударение реализуется более последовательно, чем у качественных прилагательных в целом. Во-вторых, правило о наосновном ударении у цветообозначений в определенных случаях оказывается "сильнее", чем некоторые другие частные правила акцентуации прилагательных (см. ниже, § 5, об акцентуации антонимов). В-третьих, как уже отмечено, цветообозначения имеют некоторые общие особенности в акцентуации не только полных форм, но и кратких.

Как и в случае с обозначениями физических недостатков, можно привести типологические параллели для унификации цветообозначений по тому или иному внешнему признаку. Так, в арабском языке, уже использованном выше для сравнения, слова данной семантиче-

ской группы образуются по единой морфологической модели (в отличие от русского языка, той же самой, что для обозначений недостатков, — *'af'alu*), например: *'aḥmaru* 'красный', *'aswadu* 'черный'.

С диахронической точки зрения почти все русские цветообозначения просто сохраняют в полных формах первоначальное место ударения.

Акцентуация антонимических пар

§ 5. Выше были рассмотрены различные случаи акцентного сближения семантических сходных слов. Наряду с этим явлением существует, однако, и другое, менее известное: противопоставление двух прилагательных по значению (т.е. антонимия) может приводить к их акцентному "отталкиванию" ("поляризации"), т.е. к возникновению различия между их акцентными контурами.

Данное явление представлено, правда, не столь широко, как акцентное сближение семантически сходных слов, и выражается менее ярко и менее последовательно. Это обстоятельство легко объяснить. Дело в том, что значения антонимов противопоставлены всегда лишь по одному признаку (типа "наличие или отсутствие чего-то" или "большая или малая степень чего-то"), тогда как во всем остальном они как раз одинаковы, т.е. связаны ассоциацией типа сходства, а не типа различия. Между тем, как мы уже видели, ассоциация типа сходства в принципе стимулирует акцентное сближение. Иначе говоря, тенденция к акцентному отталкиванию всегда действует в некотором противоборстве с прямо противоположной тенденцией[3] (тогда как тенденция к сближению в большинстве случаев свободна от подобного противодействия).

Соответственно, фактор акцентного отталкивания антонимов занимает довольно низкое место в иерархии факторов, воздействующих на акцентуацию слова. Прежде всего, он безусловно уступает морфологическому фактору, т.е. требованиям, вытекающим из акцентных свойств суффикса. Так, например, невозможность флексионного ударения полных форм при суффиксах *-к-* или *-н'-* исключает какое бы то ни было акцентное противопоставление таких антонимов, как *жёсткий—мя́гкий* или *ра́нний—по́здний*. Далее, вхождение обоих антонимов в некоторую более широкую отчетливо выделяющуюся семантическую группу обычно обеспечивает перевес тенденции к сближению над тенденцией к отталкиванию; например, антонимы *бе́лый* и *чёрный*, входящие в семантическую группу цветообозначений, имеют одинаковое ударение, а именно, такое, которое характерно для всей этой группы.

Необходимо также учитывать, что тенденция к отталкиванию действует слабее, чем принцип акцентного единства лексемы, т.е. если прилагательное имеет в разных значениях разные антонимы (с различными акцентными контурами), это не приводит к акцентному "расщеплению" данного прилагательного. Ср., например, *ста́рый—молодо́й* (с противопоставлением акцентных контуров) и *ста́рый—но́вый* (с одинаковыми акцентными контурами). Этот принцип распро-

страняется не только на разные значения, но и на омонимы, при условии, что оба омонима являются качественными прилагательными[4]. Соответственно, ниже при разборе качественных прилагательных мы для упрощения не разграничиваем случаи полисемии и омонимии.

Как показывает наблюдение, тенденция к акцентному отталкиванию антонимов проявляется (в случаях, когда ей не препятствуют указанные выше факторы) тем заметнее, чем четче антонимическая связь между членами пары (т.е. чем теснее они ассоциируются друг с другом в сознании носителей языка) и чем употребительнее сами эти прилагательные.

Наиболее известный пример семантический группы прилагательных, где антонимам соответствуют разные акцентные контуры, — уже упомянутая выше (§ 2) восьмерка прилагательных пространственной оценки: *высо́кий—ни́зкий, глубо́кий—ме́лкий, широ́кий—у́зкий, далёкий—бли́зкий.* В данном случае внешнее выражение антонимии в известной мере обладает даже свойством иконичности: прилагательные, обозначающие бо́льшую степень проявления рассматриваемого качества, на один слог длиннее, чем их антонимы.

Данная группа наиболее наглядна; имеется, однако, и ряд других пар сходного типа (правда, свойства иконичности в них может уже и не быть — существенно прежде всего само противопоставление акцентных контуров).

§ 6. Ниже приводится список важнейших антонимических пар (из числа качественных прилагательных), отчетливо осознаваемых носителями языка. В список не включались, однако, антонимы, образованные с помощью приставки *не-*, а также антонимические пары, полученные с помощью различных модифицирующих суффиксов от более простых пар (например, *то́лстенький—ху́денький, длиннова́тый—коротнова́тый* и т.п.).

Разумеется, в любой из приводимых ниже пар антонимия в действительности существует не при всех значениях взятых прилагательных (обычно лишь при одном-двух главных значениях). Для нашей проблемы существенно, однако, что наиболее прочные ассоциации между словами в сознании носителей языка формируются именно на основе их главных значений. Отсюда легкость и быстрота, с которой носитель языка отвечает на вопрос типа: "Какое слово противоположно слову *живо́й*?" Он сразу же дает ответ: *мёртвый* (а не *вя́лый, ску́чный* и т.п., хотя в определенных условиях именно эти слова антонимичны слову *живо́й*). По-видимому, лишь в немногих случаях такого рода существует не одна главная ассоциация, а две различных, сопоставимых по прочности (типа *ста́рый—молодо́й* и *ста́рый—но́вый* или *лёгкий—тяжёлый* и *лёгкий—тру́дный*). Параллели этого типа включены в наш список; они записываются друг под другом, причем первым приводится слово, противопоставленное своему антониму по акцентному контуру (если таковое имеется).

Поскольку прочность ассоциативных связей зависит также от употребительности слов, при каждом слове указана его частота (по "Частотному словарю" — Частот. сл.). Внутри пары первым при-

водится член, встречающийся чаще, а весь список построен в порядке убывания частоты первых членов пар.

Там, где акцентное отталкивание невозможно из-за наличия более сильных противодействующих факторов (суффикс *-к-* или *-н'-* в обоих членах пары, принадлежность пары к группе цветообозначений), антонимическая пара заключена в квадратные скобки (в тройке *твёрдый, жёсткий—мя́гкий* в таком положении оказывается только член *жёсткий*).

Пары (не стоящие в квадратных скобках), где акцентный контур обоих членов одинаков, отмечены слева знаком "!". Там, где такое совпадение наблюдается лишь для одного из двух параллельных антонимов, при таком антониме ставится помета NB.

	*больш**о́**й* 2066	— *ма́ленький* 487 *ма́лый* 224		*весёлый* 183 *смешно́й* 52	— *гру́стный* 36
	*молод**о́**й* 608	— *ста́рый* 468		*бы́стрый* 157	— *ме́дленный* 36
	но́вый 1722 (NB)		!	*у́мный* 151	— *глу́пый* 99
!	*прям**о́**й* 142	— *крив**о́**й* 28			
	высо́кий 549	— *ни́зкий* 116		*больно́й* 134	— *здоро́вый* 89
	хоро́ший 535	— *плох**о́**й* 128	!	*ти́хий* 120	— *гро́мкий* 39
	по́лный 515	— *пуст**о́**й* 123	!	*твёрдый* 117	— *мя́гкий* 91
	[*чёрный* 473	— *бе́лый* 471]		[*жёсткий* 22]	
	ра́зный 341	— *одина́ковый* 51		*винова́тый* 113	— *пра́вый*[5]
	разли́чный 291			*поле́зный* 93	— *вре́дный* 48
	широ́кий 312	— *у́зкий* 102	!	*пья́ный* 88	— *тре́звый* 12
	тяжёлый 296	— *лёгкий* 152		*сух**о́**й* 87	— *мо́крый* 66
	тру́дный 143 (NB)		!	*ре́дкий* 80	— *ча́стый* 25
	*прост**о́**й* 287	— *сло́жный* 239		*о́стрый* 77	— *тупо́й* 18
	живо́й 282	— *мёртвый* 102		*го́лый* 73	— *оде́тый* 53
	до́брый 277	— *зло́й* 87		*те́сный* 71	— *просто́рный* 36
	холо́дный 241	— *тёплый* 145 *горя́чий* 163 (NB)		*то́лстый* 69	— *худо́й* 32 *то́нкий* 162 (NB)
	бога́тый 238	— *бе́дный* 112		*густ**о́**й* 62	— *жи́дкий* 27
!	*си́льный* 237	— *сла́бый* 98		*крут**о́**й* 52	— *поло́гий* 13
	[*тёмный* 228	— *све́тлый* 116]		[*ра́нний* 46	— *по́здний* 45]
!	*чи́стый* 225	— *гря́зный* 59		[*го́рький* 43	— *сла́дкий* 33]
	*дорог**о́**й* 224	— *дешёвый* 43		*голо́дный* 39	— *сы́тый* 25
	глубо́кий 216	— *ме́лкий* 201		*сыр**о́**й* 37	— *варёный* 5
	кру́пный 349 (NB)			*слеп**о́**й* 31	— *зря́чий* 5
	бли́зкий 215	— *далёкий* 107		*бос**о́**й* 25	— *обу́тый* 2
	свобо́дный 198	— *за́нятый* (и *занят**о́**й*) 48		*скуп**о́**й* 17	— *ще́дрый* 12
				жена́тый 16	— *холост**о́**й* 14

Напомним, что в связи с нестрогой постановкой самой задачи данный список не может претендовать на полноту и строгую точность. В частности, для некоторых пар (особенно в конце списка) можно было бы предложить в качестве вторых вариантов дополнительные члены (скажем, *вла́жный* и *сыр**о́**й* в дополнение к *мо́крый, ре́дкий* в дополнение к *жи́дкий* и т.п.). Можно было бы добавить несколько пар с менее четким семантическим противопоставлением (например, *я́ркий—ту́склый* или *я́ркий—бле́дный* и т.п.) или, на-

оборот, забраковать некоторые пары из конечной части списка (скажем, *сырóй—варёный*).

Ясно, однако, что существенный для нашего разбора общий вывод от этих модификаций уже не изменился бы. Он состоит в том, что из числа антонимических пар, свободных от действия особых факторов (т.е. не заключенных в квадратные скобки), пары с совпадением акцентных контуров (помета "!") составляют в полученном списке лишь незначительное меньшинство (8 из 43), а главное — самая частая из таких пар (*сúльный—слáбый*) занимает лишь 14-е место по частоте.

Что касается случаев, когда совпадение акцентных контуров реализуется лишь при части значений одного из антонимов (помета NB), то, как уже было отмечено, они малопоказательны ввиду принципа единства акцентуации лексемы. Правда, судя по частотам, вариант с совпадением акцентных контуров в части случаев можно было бы считать основным. Так, в частности, *нóвый* встречается чаще, чем *молодóй, тóнкий* — чаще, чем *худóй*. Можно думать, однако, что, несмотря на статистику, вариант, связанный с описанием человека (*молодóй, худóй*), оказывается здесь более весомым при формировании акцентной оппозиции антонимов, чем вариант с более абстрактным значением (*нóвый, тóнкий*). Что касается пары *глубóкий—мéлкий*, то она прочно включена в блок оппозиций пространственных прилагательных на *-окий* и *-кий* (§ 5); поэтому она оказывается более весомой, чем пара *крýпный—мéлкий*, хотя *крýпный* встречается чаще, чем *глýбокий*.

§ 7. Зададимся теперь следующим вопросом: не может ли наблюдаемое в нашем списке соотношение антонимических пар с одинаковыми и с разными контурами быть результатом простой случайности? Иначе говоря — сильно ли отличается это соотношение от того, которое ожидалось бы при случайном выборе пар из общего массива русских качественных прилагательных?

В нашем списке антонимов фигурирует 104 слова (каждая многозначная единица типа *стáрый* учитывается один раз). В акцентном отношении они делятся так: акцентный контур *пустóй* (т.е. все прилагательные с флексионным ударением) — 23 слова (считая вариант *занятóй*); контур *чáстый* — 54; контуры *высóкий* и *мéдленный* (т.е. с двусложной основой) — 25; контуры *виновáтый, одинáковый* — 2.

Попытаемся теперь количественно оценить тот фонд качественных прилагательных, из которого эти слова были выбраны (оценка может быть только приблизительной, поскольку нестрога граница, отделяющая качественные прилагательные от относительных). Что касается прилагательных с контурами *пустóй* и *чáстый*, то здесь для наших целей можно воспользоваться, в частности, содержащимися в работе Зализняк 1967, с. 169-170 списками прилагательных, для которых словари приводят краткие формы. Прилагательных с акцентным контуром *пустóй* в этих списках содержится 44, с контуром *чáстый* — 330 (слова, "расщепленные" по значениям, сосчитаны по одному разу). Гораздо труднее оценить число качественных прилагательных с более длинной ударной основой; ясно лишь, что их

несколько тысяч (напомним, что в их число входят, в частности, прилагательные на *-истый, -астый, -атый, -оватый, -ивый, -чивый, -ливый, -имый, -енький,* очень многие на *-ный* и др.).

Из сопоставления приведенных цифр совершенно ясно, что количественное соотношение разных акцентных контуров в группе "хороших антонимов" решительно не соответствует их соотношению в классе качественных прилагательных в целом: из слов с контуром *пусто́й* в класс "хороших антонимов" вошла половина, из слов с контуром *ча́стый* — менее одной шестой, из слов с контурами *высо́кий ме́дленный* и более длинными — совершенно ничтожная часть.

Здесь необходимо, правда, учесть, что прилагательные последней категории, т.е. с относительно длинными основами, почти всегда многоморфемны. Соответственно, их значение складывается из целой серии компонентов, а для слов со сложным значением гораздо менее вероятно существование точного антонима, образованного иначе, чем с помощью приставки *не-*. Вдобавок, выше мы исключили из разбора антонимические пары типа *то́лстенький—ху́денький* и т.п., что дополнительно сокращает для длинных слов шансы попасть в наш список антонимов. По этим причинам непропорционально малое число прилагательных с длинными ударными основами в списке "хороших антонимов" можно считать непоказательным.

Между тем соотношение прилагательных с контуром *пусто́й* и с контуром *ча́стый* в нашем списке вполне показательно: первые представлены здесь примерно в три раза чаще, чем ожидалось бы при случайной выборке (из общего фонда качественных прилагательных с этими двумя контурами)[6].

Таким образом, качественные прилагательные на *-о́й* явно обнаруживают повышенную способность участвовать в формировании антонимических пар. При этом противоположные члены таких пар обычно оказываются принадлежащими к другим акцентным контурам (единственное исключение: *прямо́й—криво́й*); но это обстоятельство само по себе уже неудивительно, если учесть указанные выше количественные соотношения прилагательных разных акцентных контуров.

Итак, на синхроническом уровне мы должны констатировать существование гораздо большего, чем ожидалось бы на основании общей статистики прилагательных, числа антонимических пар с противопоставлением акцентных контуров.

Заметим, что указанный вывод получен даже без учета частот входящих в антонимические пары прилагательных. Как легко видеть из приведенного выше списка, если бы учитывались лишь самые высокочастотные пары, этот вывод только усилился бы.

Кроме того, при подсчетах мы ради упрощения пренебрегли особыми отношениями, которые возникают в тройках типа *молодо́й* (но также *но́вый*)*—ста́рый,* т.е. рассматривали все три члена таких троек как равноправные. В действительности же, как мы видели, часть случаев, когда оба члена антонимической пары принадлежат к одному и тому же контуру типа *ча́стый*, относится именно к таким тройкам, т.е. не вполне показательна.

§ 8. С диахронической точки зрения в рассмотренной группе прилагательных картина такова.

Бóльшая часть этих прилагательных (более 60) исторически принадлежит к акцентным парадигмам *a* и *b* и, соответственно, уже в древнерусском имела в полных формах ударение на основе. Почти все они сохранили такое ударение до нашего времени.

Важнейшим исключением здесь является самое высокочастотное слово — *большóй*: оно получило в ходе истории новое ударение — флексионное. Точнее, исходное слово "расщепилось" на два слова с разным ударением: слово *бóльший* сохранило как старое значение (а именно, значение сравнительной степени), так и старое ударение, а слово *большóй* отделилось от него как по значению (заменив собою прежнее *вели́кий*), так и по ударению. Этой дифференциации (которая утвердилась не ранее XVII века) предшествовал значительный период, когда в обоих значениях могли выступать (в разных говорах, а нередко и в одном и том же) оба ударения. По-видимому, закреплению акцентовки *бóльший* именно за сравнительной степенью способствовала аналогичная акцентовка у *мéньший, лýчший, хýдший, гóрший* и т.п. С другой стороны, закреплению акцентовки *большóй* за значением 'magnus' могло способствовать противопоставление со словом *мáлый* (где наосновное ударение исконно). Небезынтересно отметить в этой связи, что в украинском языке, где значение 'magnus' передается, как и в древнерусском, словом *вели́кий*, в данной семантической паре тоже развилась (или, точнее, усилилась) акцентная оппозиция, но уже за счет изменения в противоположном члене: исконное ударение *мáлый* сменилось на современное украинское *малúй*[7].

У слова *сырóй* флексионное ударение, по-видимому, неисконно; но утрата прежнего корневого ударения относится здесь к очень раннему времени (вероятно, до XVI в.). Причина этой индивидуальной замены неясна. О слове *скупóй* см. § 3, о словах *высóкий, широ́кий, бли́зкий* — § 2.

Около 40 прилагательных нашего списка исторически принадлежат к акцентной парадигме *c*, т.е. имели в древнерусском флексионное ударение в полных формах. Из них лишь около половины сохранили это ударение до нашего времени; у остальных оно сменилось наосновным.

Часть случаев такой замены относится к очень раннему времени. Так, у отпричастных *горя́чий, зря́чий, варёный* наосновное ударение установилось (по причинам морфологического характера) еще в древнерусскую эпоху.

Весьма рано (в большинстве говоров до XVI в.) получили наосновное ударение прилагательные *све́тлый, твёрдый, тре́звый* (церковнославянизм), *свобóдный*; кроме того, *нóвый* и *тёмный* (у которых вариант с наосновным ударением, по-видимому, существовал уже в праславянском).

В дальнейшем в говорах центра, легших в основу русского литературного языка, получили наосновное ударение: 1) все прила-

гательные с суффиксом *-к-*, например, *то́нкий, го́рький, сла́дкий, жи́дкий, гро́мкий, жёсткий* (иначе говоря, у таких прилагательных в этих говорах наосновное ударение было морфологизовано, т.е. стало обязательной сопутствующей характеристикой самого суффикса *-к-*); 2) прилагательные *ча́стый, весёлый, дешёвый, те́сный, холо́дный, голо́дный, гря́зный* (возможно, сюда же нужно отнести еще слова *то́лстый, гру́стный, вре́дный,* но для них не вполне надежно восстанавливается первоначальная акцентовка). Очевидно, мы имеем здесь дело с проявлением общей тенденции к переводу всех качественных прилагательных в модель с наосновным ударением полных форм, развившейся в центральных (и южных) великорусских говорах; см. Зализняк 1985, § 3.58—59.

Обратимся теперь к прилагательным, сохранившим свое древнее флексионное ударение. Некоторая часть из них — это обозначения физических и психологических недостатков: *слепо́й, криво́й, худо́й, больно́й, смешно́й, холосто́й, плохо́й,* также *злой* (прилагательное акцентной парадигмы *b*, имеющее, однако, флексионное ударение из-за неслоговой основы). Для этих слов одним из факторов сохранения старого ударения (вероятно, даже основным) было частное семантическое правило, разобранное в § 3.

С другой стороны, почти все рассматриваемые здесь прилагательные на *-о́й* (как обозначения недостатков, так и прочие) входят в антонимические пары, где противоположный член имеет наосновное ударение. Таковы: 1) *молодо́й, плохо́й, пусто́й, просто́й, живо́й, злой, больно́й, сухо́й, тупо́й, круто́й, босо́й, холосто́й* — здесь наосновное ударение противоположного члена пары исконно; 2) *дорого́й, слепо́й, занято́й, густо́й* — здесь противоположный член пары некогда тоже имел флексионное ударение, но утратил его в ходе истории (остаются еще *худо́й* и *смешно́й*, принадлежность которых к группе 1 или 2 неясна из-за неясности исходной акцентовки слов *то́лстый* и *гру́стный,* см. выше). Допустимо предполагать, что в группе 1 по крайней мере одним из факторов, позволивших этим прилагательным не подчиниться общему правилу о переходе качественных прилагательных к наосновному ударению, была тенденция сохранить акцентное противопоставление внутри антонимической пары. Что касается группы 2, то здесь в принципе можно было бы даже предполагать прямую акцентную поляризацию членов пары; в действительности, однако, такое предположение до известной степени вероятно лишь для пары *дорого́й—дешёвый* (слова *зря́чий, свобо́дный, жи́дкий,* по-видимому, изменили ударение по другим причинам). Но в любом случае верно, что после перехода слов *дешёвый, зря́чий, свобо́дный, жи́дкий* к наосновному ударению здесь сложилась такая же ситуация, как в парах группы 1.

Не укладывается в эту схему всего одна пара: *прямо́й—криво́й.*

Легко заметить, разумеется, что предполагаемое воздействие фактора антонимии в ряде случаев не смогло воспрепятствовать общей тенденции качественных прилагательных к наосновному ударению. Так, например, *грязно́й, часто́й* сменились на *гря́зный, ча́стый,* несмотря на то, что они образуют антонимические пары с *чи́стый,*

ре́дкий. В условиях противоборства двух тенденций наличию подобных случаев не приходится удивляться; более показательно как раз то, что в достаточно большом числе случаев фактор антонимии получил перевес. Существенно также, что для самых частотных слов (т.е. стоящих во главе нашего списка) этот фактор более эффективен, чем для остальных.

Чтобы яснее представить себе вероятную картину формирования семантических факторов акцентуации прилагательных, необходимо учитывать, что уже в XVI—XVII вв. мы застаем на великорусской территории чрезвычайно широкие колебания в акцентуации полных форм прилагательных. Речь идет как о различиях в ударении одного и того же прилагательного в разных говорах, так и о многочисленных колебаниях внутри одного и того же говора (ср., в частности, Зализняк 1985, § 3.58—59). Так, практически для всех упоминаемых в настоящей работе прилагательных с односложной основой (из числа тех, которые вообще зафиксированы в старых текстах) в памятниках XVI—XVII вв. можно найти примеры как с наосновным, так и с флексионным ударением (хотя, разумеется, в далеко не одинаковых количественных соотношениях для разных слов). При подобных массовых колебаниях создаются благоприятные условия для перераспределения акцентовок по новым основаниям — особенно в центре, где наиболее активен контакт носителей разных говоров. Процесс выработки литературной нормы (в данном случае в области акцентуации) дает дополнительные стимулы для такого перераспределения.

Замечание. Нельзя согласиться с нередко встречающимся (преимущественно в неявной форме) взглядом на формирующуюся в центре норму как на результат своего рода "чересполосного" соединения разнодиалектных явлений: скажем, такие-то слова или словоформы входят в норму с "северновеликорусским" ударением, а какие-то другие — с "южновеликорусским". Подобный упрощенно-механистический взгляд — остаток устаревших воззрений, согласно которым лингвистически последовательными системами являются лишь говоры, тогда как междиалектные койне и литературные языки представляют собой непоследовательные (и тем самым лингвистически менее интересные) конгломераты. В действительности в междиалектных койне и в литературных языках (если только последние не отделены от живой речи непроходимой гранью) часто создаются более благоприятные условия для реализации новых тенденций, например, в сфере акцентуации, чем в большинстве говоров. Междиалектное общение порождает широкую зону вариативности, и тенденция к новому распределению тех или иных элементов (окончаний, ударений и т.д.), т.е. к созданию какого-то достаточно прозрачного правила взамен прежнего, чисто традиционного (немотивированного) распределения, в этих условиях реализуется более беспрепятственно: речь идет лишь о выборе среди и без того бытующих вариантов, а не о прямой замене традиционного элемента нетрадиционным. Разумеется, не следует впадать в обратную крайность: нельзя отрицать специфики литературного языка, допускающей искусственные нормы, требующей некоторого "торможения" тенденций разговорной речи и т.д. Важно лишь подчеркнуть, что литературный язык (если только он не является привилегией совсем узкой элиты) представляет собой полноценный лингвистический объект, развитие которого — по крайней мере, в кардинальных моментах, а не в деталях — определяется в первую очередь собственно языковыми механизмами.

Можно думать, таким образом, что как общая тенденция к переводу качественных прилагательных в тип с наосновным ударением, так и более частные тенденции, например, к флексионному ударе-

нию у названий недостатков или к акцентному противопоставлению в антонимических парах, фактически реализовались в центре великорусской территории в основном через выбор из сосуществующих акцентных вариантов.

---

§ 9. Итоги проведенного разбора таковы. На синхроническом уровне современного литературного русского языка оказывается возможным уточнить формулировку правила о качественных прилагательных, данную в работе Зализняк 1985, § 1.56. Основной принцип, согласно которому качественные прилагательные имеют в полных формах ударение на основе, должен быть признан всеобщим (не имеющим морфологических ограничений); иначе говоря, он распространяется не только на производные, но и на непроизводные прилагательные. С другой стороны, он должен быть дополнен несколькими частными семантическими правилами: 1) названия физических и психологических недостатков обычно имеют флексионное ударение в полных формах; 2) цветообозначения имеют наосновное ударение в полных формах; 3) при наличии антонима с наосновным ударением прилагательное может иметь флексионное ударение вопреки сформулированному выше основному принципу.

После принятия этих уточненных формулировок, во-первых, следующие прилагательные, квалифицированные в работе Зализняк 1985, § 1.58, как прямые исключения из правил, перестают быть исключениями: *чудно́й, блажно́й, срамно́й, дрянно́й, дурно́й, смешно́й, шально́й, хмельно́й, больно́й, сволочно́й, баловно́й, пробивно́й, озорно́й, разбитно́й* (из приведенного в указанном параграфе списка статус исключений сохраняют лишь слова *цветно́й, коренно́й, проливно́й, показно́й*).

Во-вторых, распределение непроизводных качественных прилагательных по схемам ударения (полных форм) перестает быть чисто списочным: оно переходит в ве́дение тех же правил, что и для производных прилагательных. Подавляющее большинство из них подчиняется просто основному принципу, например: *стро́гий, ти́хий, твёрдый, ми́лый, бо́дрый, ча́стый* и т.п.; по существу сюда же примыкают цветообозначения — *бе́лый, си́ний, жёлтый* и т.д. Названия физических и психологических недостатков, например, *глухо́й, хромо́й, рябо́й, лихо́й* и т.п., подчиняются соответствующему более частному правилу (специально отметим, что прилагательные *криво́й* и *косо́й* при любых значениях сохраняют ударение, полученное в силу данного правила). Далее идут случаи, где отклонение от основного принципа может быть объяснено фактором акцентного отталкивания при антонимии. Сюда можно отнести: *большо́й, молодо́й, пусто́й, просто́й, живо́й, дорого́й, сухо́й, тупо́й, густо́й, круто́й, сыро́й, босо́й, холосто́й*. В словах *плохо́й, худо́й, скупо́й* (отчасти также *босо́й, холосто́й*) одновременно действуют правило об ударении в обозначениях недостатков и фактор антонимии. Поскольку принцип акцентного отталкивания при антонимии действует без полной обязательности, приведенный перечень с формальной точки зрения необходим; однако наличие единого основания, по которому

выделена эта группа прилагательных, существенно отличает данный перечень от обыкновенного списка исключений. Особо стоит небольшая группа прилагательных, где действию общих правил препятствует книжный (или даже церковный) характер слова: *благо́й, свято́й, наго́й, младо́й.* После всего этого прямыми исключениями (где не усматривается каких-либо иных причин для отклонения, кроме простого наследования традиционного ударения) остаются лишь *туго́й* и *прямо́й.*

С диахронической точки зрения, основной выигрыш от предложенной выше схемы состоит в том, что главное направление акцентной эволюции качественных прилагательных в говорах, легших в основу русского литературного языка, объясняется одной и той же тенденцией для прилагательных любой морфологической структуры, т.е. как производных, так и непроизводных.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Особо стоит *боsóй,* которое лишь отчасти сближается с данной семантической группой.

[2] С учетом исторической ретроспективы, вероятно, можно было бы присоединить сюда еще и слово *молодо́й,* которое первоначально явно имело коннотацию неполноценности.

[3] Неслучайно для некоторых пар антонимов иногда предполагают даже акцентное сближение; так, Л.А. Булаховский допускает возможность такого сближения (в украинском языке) для *прями́й* и *криви́й* и для *товсти́й* и *худи́й* (Булаховский, с. 367, 370).

[4] Если это условие не соблюдено, акцентная дифференциация возможна, ср. *свя́зный* и *связно́й, вре́менный* и *временно́й* и т.п., см. Зализняк 1985, §1.57.

[5] *Пра́вый* имеет общую частоту 204, но из этого числа бо́льшая часть несомненно приходится на долю прилагательного *пра́вый* 'dexter', которое здесь не рассматривается, так как является относительным.

[6] Чтобы освободиться от подозрения, что такой эффект возникает целиком за счет влияния суффиксов, можно проделать аналогичные подсчеты для одних лишь непроизводных прилагательных с контурами *пусто́й* и *ча́стый.* Поскольку граница между производными прилагательными и опростившимися (типа *мо́крый, ры́хлый, кра́сный*) не совсем четка, цифры здесь не вполне строги. Но в целом результат получается сходный с указанным выше: контур *пусто́й* и здесь представлен гораздо чаще (примерно в два раза), чем ожидалось бы при случайной выборке.

[7] Вероятно, изменение исконного ударения *сла́бый* на украинское *слабо́й* объясняется сходным образом: ср. его антонимы *си́льний, ду́жий;* отметим, что Л.А. Булаховский именно ударения *слабо́й* и *мали́й* выделяет как неясные (Булаховский, с. 368).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Булаховский — *Булаховский Л.А.* Избр. тр. В 5-ти томах. К., 1977. Т. 2.

Деулин. сл. — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И.А. Оссовецкого. М., 1969.

Зализняк 1967 — *Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М., 1967.

Зализняк 1985 — *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Частот. сл. — Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. М., 1977.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974—1985. Вып. 1—12.

Jakobson — *Jakobson R.* Spatial relationships in Slavic adjectives // Scritti in onore di Giuliano Bonfante. Brescia, 1977. Vol. 1.

ДРУГИЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО УДАРЕНИЯ

«МЕРИЛО ПРАВЕДНОЕ» XIV ВЕКА КАК АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Предисловие к изданию 1990 года

В ходе начатой в 1975 г. работы над рукописями XVI–XVII вв., предпринятой для изучения старовеликорусской акцентуации, мне стали встречаться рукописи, различающие фонемы /ɔ/ и /ô/. Помимо той системы их графического различения, которая была описана Л. Л. Васильевым («каморной», см. ниже, §§ 1.1, 2, 4), обнаружилась также — в рукописи «Травник» (§ 1.3) — «омеговая» система, при которой фонема /ô/ передается буквой *ѡ*. Поскольку рукописи, различающие /ɔ/ и /ô/, представляют для акцентолога особый интерес, вопрос о том, как записываются в рукописи слова с /ɔ/ и с /ô/, стал для меня предметом специального внимания при изучении любой новой рукописи. Знакомство (в августе 1976 г.) с фототипическим изданием «Мерила Праведного» XIV в. было почти случайным, поскольку эта рукопись никоим образом не входила в рамки изучаемого мною хронологического интервала. Всего нескольких страниц текста было достаточно, чтобы стало ясно, что в рукописи представлена «омеговая» система различения фонем /ɔ/ и /ô/. С очевидностью возникла задача исчерпывающего обследования данной рукописи и полного анализа отразившегося в ней распределения фонем /ɔ/ и /ô/, который, в свою очередь, позволил бы восстановить (хотя бы частично) стоящую за этим распределением акцентологическую систему.

К концу 1976 г. обследование «Мерила Праведного» (по изданию и по оригиналу) было закончено. Выяснилось, однако, что полное изложение полученных результатов составляет (при условии приведения всего необходимого материала) текст весьма значительного объема — намного больше обычной статьи. Исследование состояло из трех глав, обладавших некоторой степенью тематической самостоятельности. Чтобы упростить и ускорить выход работы в свет, было принято решение опубликовать ее в виде серии непосредственно продолжающих друг друга статей.

Первая глава исследования посвящена общему описанию памятников, графически различающих /ɔ/ и /ô/, и методологическим проблемам, связанным с извлечением из таких памятников лингвистически значимой информации. Она опубликована в форме статьи: *Зализняк А. А.* Новые данные о русских памятниках XIV–XVII веков с различением двух фонем «типа *о*» // Советское славяноведение, 1978, № 3, с. 74–96.

Вторая глава посвящена исследованию закономерностей распределения букв *о* и *ω* конкретно в «Мериле Праведном». Основной задачей этой главы является отделение случаев, когда выбор буквы *о* или *ω* несет определенную акцентологическую информацию, от случаев, когда он такой информации не несет. Тем самым данная глава выступает в качестве необходимого предварительного этапа для собственно акцентологического исследования. Эта глава опубликована в форме статьи: *Зализняк А. А.* Противопоставление букв *о* и *ω* в древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное» // Советское славяноведение, 1978, № 5, с. 41–68.

Третья глава исследования, подготовленная двумя предыдущими, является основной: она содержит описание всего акцентологически значимого материала «Мерила Праведного» и характеристику отразившейся в этом памятнике акцентологической системы. Эта глава опубликована в следующей форме: *Зализняк А. А.* Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV в. «Мерило Праведное» // Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979, с. 47–128.

Понятно, однако, что необходимость обращения к серии статей (к тому же опубликованных в разных изданиях) вместо единой книги составляет неудобство для читателей. Вдобавок, статейная форма публикации не позволила нам дать указатели. Поэтому мы считаем весьма удачной представившуюся ныне возможность издать заново исследование о «Мериле Праведном» в исконном едином виде (и в сопровождении отсутствовавших ранее указателей). В качестве приложения к основному тексту книги дана статья «Дополнительные замечания об омеге в «Мериле Праведном»» (Советское славяноведение, 1985, № 4, с. 97–107), в которой более полно обсуждается ряд положений данной книги в связи с появлением важной статьи Дж. Шевелева, посвященной этой теме (*Shevelov G. Y.* An alternative analysis of some language features of «Měrilo Pravednoje» // Festschrift für Gerta Hüttl-Folter zum sechzigsten Geburstag. – Wiener Slawistischer Almanach 13, 1984, 295–305).

Для упрощения издания и гарантии от новых опечаток текст не набирался заново. Соответственно, полностью сохраняются номера параграфов и сносок, что дает возможность использовать любые ссылки на те или иные места работы без каких-либо пересчетов. Исправлены лишь замеченные опечатки и некоторые мелкие детали. Более существенные дополнения или уточнения даны отдельно в конце глав.

Замечание. Отказ от нового набора влечет за собой, правда, и некоторые неудобства — как мы надеемся, небольшие. Так, следует учитывать, что в главах 1 и 2 буква *ѧ* передается через *я*, буква *ѫ* — через *е*, между тем как в главе 3 (основной) *ѧ* и *ѫ* сохранены в соответствии с оригиналом. Далее, в начале глав 2 и 3 содержатся короткие пересказы предшествующих глав, которые в рамках книги, строго говоря, излишни (впрочем, они все же делают более отчетливой композицию работы и внутреннюю связь ее частей).

Названия глав несколько упрощены по сравнению с названиями соответствующих статей (поскольку в рамках книги отпадает необходимость повторять одни и те же уточнения в разных главах). Напомним, что внутренние отсылки из одной главы в другую сохранены в прежнем виде, т. е. первые две главы обозначаются при отсылках не номерами, а условными сокращениями: глава 1 — «Новые данные», глава 2 — «Противоп.»

Приношу благодарность Е. А. Гришиной, составившей указатели к книге.

Я глубоко благодарен профессору Вернеру Лефельдту, выступившему с инициативой настоящего издания и взявшего на себя его организацию, а также госпоже Гизеле Нашвиц, госпоже Галине Шульте, профессору Себастьяну Кемпгену и господину Маркусу Хубеншмиду, вложившим большой труд в подготовку книги к печати.

Предисловие к настоящему изданию

При подготовке настоящего издания в текст книги «"Мерило Праведное" XIV века как акцентологический источник» были внесены небольшие исправления и дополнения.

Работа «Дополнительные замечания об омеге в "Мериле Праведном"», данная в издании 1990 года в качестве приложения, преобразована в четвертую главу и подразделена на параграфы.

Во избежание искажений, возможных при двойной перепечатке, вошедшие в книгу статьи воспроизведены по их первоначальному набору. Указатель слов набран заново.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Новые данные о русских памятниках XIV-XVII веков с различением двух фонем "типа *о*" 536

Общие сведения (§§ 1.1-6). Общие сведения о "Мериле Праведном" (§§1.7-14). Особенности графической передачи фонем /ɔ/ и /ô/ в восточнославянских памятниках (§ 1.15). Принцип факультативности выражения /ô/ (§ 1.16-17). Коэффициент выраженности /ô/ (§§ 1.18-22). Обзор способов использования графем класса *о* (§§ 1.23-24). Свидетельства средневековых грамматистов о двух фонемах "типа *о*" (§ 1.25)

Дополнения к главе 1 559

Глава 2. Противопоставление букв *о* и *ѡ* в "Мериле Праведном" 560

Исходные положения (§§ 2.1-3) 560

Правила распределения *о* и *ѡ* в Мериле 562

Общие сведения (§§ 2.4-6). *О* из раннедревнерусского ъ (§§ 2.7-8). *О* из раннедревнерусского *о*. Основная часть материала (§§ 2.9-11). *О* во втором заударном слоге и вопрос о второстепенном ударении в говоре Мерила (§§ 2.12-19). *О* в перестроенном начальном слоге (§§ 2.20-2.27). Особые случаи (§§ 2.28-30). Заключение (§2.31)

Дополнения к главе 2 588

Глава 3. Акцентная система "Мерила Праведного" 589

I. Исходные положения 589

Общее (§§ 3.1-3). Установление акцентуации словоформ по написаниям Мерила (§ 3.4). Акцентные парадигмы и акцентные кривые (§§ 3.5-7). Вспомогательные указания (§§ 3.8-10)

II. Анализ акцентной системы Мерила 600

Общее (§§ 3.11-13) 600

Главное субстантивное склонение 602

Мужской морфологический род. Общее (§§ 3.14-17). Разбор материала. Непроизводные и опростившиеся слова (§§ 3.18-22). Бессуффиксальные производные (§ 3.23). Суффикс *-ец-ь* (§ 3.24). Суффикс *-ник-ъ* (§ 3.25). Прочие суффиксы (§ 3.26). Средний морфологический род. Общее (§ 3.27). Разбор материала. Непроизводные и опростившиеся слова (§ 3.28). Суффикс *-ств-о* (§§ 3.29-30). Суффикс *-л-о* (§ 3.31). Прочие суффиксы (§ 3.32). Женский морфологический род. Общее (§§ 3.33-35). Разбор материала. Непроизводные и опростившиеся слова (§§ 3.36-37). Бессуффиксальные производные (§ 3.38). Суффикс *-от-а* (§§ 3.39-40). Прочие суффиксы (§ 3.41)

Второстепенное субстантивное склонение 625

Общее (§ 3.42). Разбор материала. Общее (§ 3.43). Суффикс *-ост-ь* (§ 3.44-45)

Адъективное склонение 628

Общее (§§ 3.46-49). Разбор материала. Непроизводные и опростившиеся слова (§§ 3.50-53). Бессуффиксальные производные (§ 3.54). Сравнительные степени (§ 3.55). Суффикс *-н-* (§ 3.56-60). Суффикс *-ск-* (§ 3.61). Суффиксы *-ов-* и *-ян-* (§ 3.62). Суффикс *-к-* (§ 3.63-64). Прочие суффиксы (§ 3.65)

Местоименное склонение 646

Общее (§ 3.66-67). Разбор материала. Основная группа (§§ 3.68-70). Смешанная группа (§§ 3.71-72)

Неизменяемые слова (§ 3.73) 651

Спряжение 651

Общее (§ 3.74) Основная часть глагольной парадигмы Глаголы на *-ити* (§§ 3.75-78). Глаголы на *-ѣти*, *-яти* (с презенсом на *-ить*) (§ 3.79). Глаголы на *-ати* (*-аеть*), *-ѣти* (*-ѣеть*) (§ 3.80). Глаголы на *-овати* (§ 3.81). Глаголы с презенсом на *-сть* (после согласной) (§ 3.82-84)

Страдательные причастия 660

Общее (§ 3.85). Причастия с суффиксами *-ом-*, *-ем-*, *-им-*, *-ен-* (§§ 3.86-88). Причастия с суффиксом *-н-* (§ 3.89). Причастия с суффиксом *-т-* (3.90). Сравнение акцентуации причастий в Мериле и Чуд. (§ 3.91)

Заключение (3.92) 667

Принятые сокращения 669

Дополнения к главе 3 670

Глава 4. Дополнительные замечания об омеге в "Мериле Праведном" 671

Дополнение 2010 года 684

Указатель слов 685

Избранная библиография 706

Глава 1

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XIV–XVII ВЕКОВ С РАЗЛИЧЕНИЕМ ДВУХ ФОНЕМ "ТИПА *О*"

§ 1. Для исторической фонологии и акцентологии славянских языков большую ценность представляют данные о противопоставлении двух фонем «типа *о*» в целом ряде славянских языков, в частности, в восточнославянских.

В лингвистической литературе [1] указано более десяти старовеликорусских рукописей, различающих графическими средствами две фонемы на месте современного литературного /о/ — условно /ô/ и /ɔ/. Как известно, противопоставление двух фонем «типа *о*», примерно так же распределенных по словоформам, как и в рукописях, сохранилось в ряде великорусских говоров. Предполагается, что в эпоху, отраженную рукописями, две фонемы «типа *о*» реализовались приблизительно так же, как в современных говорах, а именно, /ɔ/[2] было открытым, а /ô/ — закрытым или дифтонгическим (типа [ᵘо])[3]. Рукописи данной группы относятся к хронологическому интервалу от конца XV по конец XVI века; за исключением одной рукописи, написанной в Дмитрове, все они написаны (одни определенно, другие предположительно) в северо-западновеликорусской зоне.

---

[1] См. Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии. Л., 1929; N. Durnovo. Manuscrits russes distinguant l'ancien *o* «acuté» et l'*o* d'une autre origine. Annales Acad. Scient. Fennicae, ser. B, t. 27. Helsinki, 1932; В. В. Колесов. [ô] (*о* закрытое) в древненовгородском говоре. «Исследования по грамматике русского языка», т. 3. Л., 1962; его же. Эволюция фонемы [ô] в русских северо-западных говорах. Научные доклады высшей школы. Филологич. науки, 1962, № 3; его же. Знаки ударения и надстрочные знаки в русских рукописях XIV—XV вв. «Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР», вып. 1. М., 1973; его же. Надстрочные знаки «силы» в русской орфографической традиции. «Восточнославянские языки. Источники для их изучения». М., 1973. Единственным полным описанием распределения /ô/ и /ɔ/ в конкретных рукописях (а именно, в псалтири F.I.7 и сборнике Софийск. 1460 Ленинградской Публичной библиотеки) до сих пор остается названная выше классическая работа Л. Л. Васильева. Гораздо менее полны описания еще нескольких рукописей данного типа, содержащиеся в указанных статьях Н. Н. Дурново и В. В. Колесова.

[2] Мы предпочитаем обозначать данную фонему как /ɔ/ (а не просто /о/, как обычно), чтобы избежать нежелательного смешения с единым «средним» /о/ литературного языка. В самом деле, элемент /ɔ/ четырехчленного ряда /у/ — /ô/ — /ɔ/ — /а/ не равен элементу /о/ трехчленного ряда /у/ — /о/ — /а/ ни структурно, ни даже фонетически. (Более того, дифтонгоидный характер литературного /о/ = [ᵘо] фонетически сближает его как раз со старовеликорусским /ô/, а не /ɔ/.)

[3] Предполагают также, что /ô/ было, кроме того, более напряженным и/или более долгим, чем /ɔ/.

С другой стороны, О. А. Князевская обнаружила последовательно графически выраженное противопоставление двух разных фонем «типа *о*» в галицко-волынском евангелии (предположительно первой половины XIV века) библиотеки МГУ, № 1367 [4].

Во всех известных старовеликорусских рукописях рассматриваемого типа, кроме одной, фонема /ô/ передается буквой *о* (или ѡ) со знаком каморы (ˆ) [5], а фонема /ɔ/ — буквой *о* (или ѡ) без каморы. В одной рукописи, описанной В. В. Колесовым (в статье «[ô] в древненовгородском говоре», см. сноску 1), использована другая система: /ô/ передается буквой ѡ, а /ɔ/ — буквой *о*. Это же графическое противопоставление (ѡ — *о*) представлено в галицко-волынской рукописи, отмеченной О. А. Князевской.

§ 2. В отделе рукописей и в отделе редких книг Гос. библиотеки им. В. И. Ленина (далее: ГБЛ) и в отделе рукописей Гос. Исторического музея (далее: ГИМ) мне удалось обнаружить еще ряд памятников, различающих /ô/ и /ɔ/ [6], причем в их числе оказались не только рукописи, но и старопечатные книги. Из этих памятников древнейшим и наиболее интересным с лингвистической точки зрения является Мерило Праведное XIV века (см. § 3); поэтому ему ниже уделено наибольшее внимание.

В настоящей статье, во-первых, указываются обнаруженные памятники с различением /ô/ и /ɔ/ (§ 3—6) и даются первоначальные сведения о Мериле Праведном (§ 7—14), во-вторых, разбираются общие вопросы, связанные с графикой и орфографией памятников данного типа и извлечением из них лингвистически значимой информации (§ 15—25).

Разумеется, утверждение о том, что в перечисляемых ниже памятниках разные графические обозначения соответствуют двум разным фонемам «типа *о*» (а не распределены, например, случайным образом), требует лингвистического обоснования. Однако в рамках настоящей статьи мы не имеем возможности приводить для каждого памятника такое обоснование и вынуждены ограничиться лишь декларацией о том, что анализ материала приводит именно к такому выводу. Следует учитывать, впрочем, что хорошее соответствие между графическими обозначениями и фонемами не обязательно означает, что писец различал /ô/ и /ɔ/ в собственной речи. Такого же результата мог достичь и писец, их не различавший, если он был обучен строго соблюдать некоторые механические орфографические правила (типа правил написания ѣ в дореволюционной русской орфографии). По-видимому, в большинстве перечисляемых ниже памятников представлен первый из этих случаев и лишь в некоторых — второй (см. § 19).

Графемы, служащие для передачи фонем «типа *о*» (т. е. /ô/, /ɔ/ и единого /о/, см. сноску 2), вместе обозначаются ниже как г р а ф е м ы к л а с с а *О*. При записи словоформ как обобщающий символ для всех графем класса *О* может быть использован знак *О*; например, *инОгО* есть обобщение различных возможных записей данной словоформы. Практически в статье рассматриваются лишь следующие графемы класса *О*:

---

[4] К сожалению, сообщение об этом не публиковалось. Настоящее сообщение делается с любезного согласия О. А. Князевской, которой автор приносит благодарность за указание данной рукописи, а также за разнообразную помощь в работе над рукописями.

[5] Точнее говоря, камора ставится над целым слогом, содержащим такое *о* (ѡ), т. е. начинается еще над согласной буквой.

[6] Приношу глубокую благодарность И. В. Лёвочкину, Н. Б. Тихомирову, М. В. Щепкиной, Н. А. Щербачевой и другим сотрудникам отделов рукописей ГБЛ и ГИМ за помощь в работе по разысканию рукописей данного класса, а также Л. П. Грязиной, которая по моей просьбе провела датировку по бумажным знакам рукописей ГБЛ, ф. 304, № 329; ф. 242, № 3.

«*о* узкое», «*о* широкое», «*о* единое» (т. е. обычное *о*, выступающее в графических системах, где нет противопоставления широкого и узкого *о*) и ѡ.

Графическая система, в которой фонема /ô/ передается через ѡ, обозначена ниже как «омеговая»; система, где для передачи /ô/ используется камора,— как «каморная». Кроме того, в статье рассматриваются еще две системы, обозначенные формулами «*о* узкое = /ô/» и «*о* широкое = /ô/».

§ 3. Рукописи с омеговой системой. Мерило Праведное XIV века. ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 15; далее сокращенно: Мерило Праведное (или просто Мерило). Фототипическое издание: Мерило Праведное по рукописи XIV века. Издано под наблюдением акад. М. Н. Тихомирова. М., 1961. Рукопись не акцентуирована [7]. Ввиду особой важности этого памятника он рассматривается отдельно (§ 7—14).

Травник и лечебник. ГБЛ, ф. 37 (собр. Большакова), № 431 (далее сокращенно: Травник). Конец XVI — первая треть XVII в. По особенностям написаний (частое смешение безударных *о* и *а*, смешение *г* и *х* в конце слова, регулярное *-ть* в окончаниях презенса, инфинитив *рѡ́сти*, словоформы *нѫтрю* Д. ед., *комарй* И. мн., В. мн.) рукопись однозначно определяется как южновеликорусская. Учитывая, кроме того, что в Травнике часто пишется *-ово*, *-ова*, *-ѡ́ва* в Р. ед., обычно пишется *мѣть*, *нѣть*, *покрѣи* и т. п., встретились *инпатѣго*, *процадѝ* (с *ю*, *а* перед мягкой согласной), М. ед. *во оутробя*, И. мн. *ради* «рады» (о женщинах), можно с некоторой осторожностью предположить, что рукопись локализуется в зоне Курск — Орел — Мценск — Елец (т. е. зоне, обладающей в настоящее время всеми соответствующими особенностями одновременно).

§ 4. Рукописи с каморной системой. Псалтирь с восследованием. ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 329 (далее: Троицкая псалтирь). Составная рукопись, писавшаяся с последней четверти XV в. по середину XVI в. Каморная система во всех почерках части 1 — 537б [8].

Пролог. ГБЛ, ф. 354 (Вологодское собр.), № 19. В 1516 г. был послан в Вологду из Новгорода. Каморная система в почерке 3б — 127б.

Евангелие-апракос. ГБЛ, ф. 242 (собр. Прянишникова), № 3. Первая пол. XVI в. Вклад в церковь Спаса на Передице в Новгороде. Камора ставится не только над *о*, передающим /ô/, но и над *ѣ*.

Евангелие-тетр. ГБЛ, ф. 178 (Музейное собр.), № 3650 (далее: Муз. 3650). Первая пол. XVI в. Принадлежало монастырю Св. Духа в Новгороде. См. также § 5.

Пандекты и тактикон Никона Черногорца. ГБЛ, ф. 173 (собр. Моск. духовной академии), № 56. 1550-е годы.

Великие Минеи Четьи («Успенские») митрополита Макария (до 1552 г.). Июль [9]. ГИМ, Синодальное собр., 996. Каморная система почти во всех почерках первой половины рукописи (1—636б). Камора ставится не только над *о*, передающим /ô/, но и над *ѣ*, *оу*, *ю*.

Все рукописи данной группы определенно или предположительно относятся к северо-западновеликорусской зоне.

Имеется также довольно много рукописей XVI века, в которых камора над *о*, передающим /ô/, встречается, но очень редко.

§ 5. Рукописи с системой «*о* узкое = /ô/». Е. В. Тугай, которая по моему предложению провела детальное обследование рукописи Муз. 3650 (см. § 4), заметила, что под каморой в этой рукописи

[7] Тогда как все прочие перечисляемые ниже памятники акцентуированы (что далее уже особо не отмечается).

[8] Здесь и в дальнейшем даются ссылки на страницы рукописи; страница на лицевой стороне листа обозначается просто номером листа, страница на обороте — тем же номером с буквой «б».

[9] Мною просмотрена только минея на июль; однако есть все основания полагать, что и в остальных 11 минеях Успенского списка есть почерки, различающие /ô/ и /ɔ/.

почти всегда ставится узкое *о*, а без каморы — широкое. При этом, однако, если камора отсутствует «незаконно» (т. е. там, где произносилось /ô/), обычно ставится узкое, а не широкое *о*; тем самым противопоставление узкого и широкого *о* выступает как особое средство различения фонем /ô/ и /ɔ/, не полностью подчиненное более обычному средству — наличию или отсутствию каморы [10].

В дальнейшем, просмотрев рукописи, исследованные Л. Л. Васильевым, Е. В. Тугай обнаружила, что в одной из них, а именно в так называемом Софийском сборнике (Софийск. 1460, см. сноску 1), узкое и широкое *о* используются точно так же, как в Муз. 3650. Эта же система представлена в почерке 462б — 482б Троицкой псалтири.

Таким образом, в настоящее время система «*о* узкое = /ô/» засвидетельствована только в сочетании с каморной.

§ 6. Рукописи и старопечатные книги с системой «*о* широкое = /ô/». Как оказалось, существовала еще одна система различения фонем /ô/ и /ɔ/, использующая разницу между широким и узким *о*. Она прямо противоположна предыдущей, а именно, *о* широкое передает здесь /ô/, *о* узкое — /ɔ/. В отличие от предыдущей, эта система применяется не в дополнение к каморной, а самостоятельно.

Эта система используется во всех так называемых безвыходных изданиях (№ 1—6 по каталогу А. С. Зёрновой [11]), напечатанных в анонимной типографии, которая работала, как предполагают, в Москве в 1553—1564 гг. [12]. Лучшим образцом применения этой системы является так называемое узкошрифтное евангелие (№ 4 по Зёрновой). В среднешрифтных евангелии и псалтири (№ 1, 2 по Зёрновой) и широкошрифтных евангелии и псалтири (№ 5, 6 по Зёрновой) эта же система проведена с заметным числом ошибок (см. об этом § 19). В Триоди постной (№ 3 по Зёрновой) данная система соблюдается, хотя и не безупречно, только на нескольких начальных листах, после чего противопоставление широкого и узкого *о* утрачивается (одновременно с почти полным исчезновением знаков ударения). На единственной известной сейчас исследователям странице Триоди цветной [13] данная система соблюдена.

Помимо печатных книг, эта система обнаружена в одной из рукописей, связанных с анонимной типографией [14], а именно: Тактикон Никона Черногорца. ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 213. 1550-е годы.

Общие сведения о Мериле Праведном

§ 7. Не претендуя на полное палеографическое и орфографическое описание Мерила Праведного [15], рассмотрим некоторые его особенности, существенные для нашей основной проблемы.

---

[10] См. Е. В. Тугай. Различение двух фонем «типа *о*» в старовеликорусской рукописи XVI в. «Языковая практика и теория языка», вып. 2. М., 1978.

[11] А. С. Зёрнова. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв. Сводный каталог. М., 1958.

[12] Этим изданиям посвящена довольно обширная научная литература; см., в частности: Е. Л. Немировский. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964, с. 146—269. Высказывалось также предположение, что анонимных типографий было несколько. Заметим, что единство графической системы, притом столь необычной, во всех изданиях данной группы является важным дополнительным аргументом против такого предположения.

[13] См. Е. Л. Немировский. Там же, с. 191.

[14] См. там же, с. 259.

[15] Рукопись неоднократно описывалась; отметим здесь только описание, принадлежащее В. П. Любимову, в кн. Правда Русская, т. I. М.—Л., 1940, с. 89—99 (там же указаны все более ранние описания), а также статью: Л. В. Милов. Из истории древнерусской книжной письменности XIV века (палеографические наблюдения). Вестник Моск. ун-та. История, 1963, № 3.

Мерило Праведное из Троицкого собрания — рукопись на 349 листах [16] пергамена, писанная уставом XIV века. Ни дата, ни место написания в рукописи не обозначены. По содержанию Мерило Праведное (т. е. «весы правосудия») — сборник юридических и правоучительных текстов; в их число входит Пространная Русская Правда (332—344, строка 5).

Из различных датировок, предлагавшихся для этой рукописи, наиболее вероятной нам представляется датировка, данная Н. Б. Тихомировым [17]: середина или начало второй половины XIV века. Существует предположение, что Мерило — рукопись тверского происхождения [18]. На это может указывать включение в его состав поучения Семена (Симеона), епископа тверского, который общерусской известности не имел. Кроме того, В. А. Кучкин (устное сообщение) читает как *Михаил* выскобленное на листах 2 и 5 имя великого князя, которому посвящено Мерило, и предполагает, что имеется в виду великий князь тверской Михаил Александрович (княжил с 1368 по 1399 г.).

§ 8. Положение с почерками в Мериле много сложнее, чем в большинстве рукописей. Исследуя почерки Мерила, Л. В. Милов (см. сноску 15) пришел к заключению, что в создании рукописи участвовали два писца-каллиграфа [19] и не менее шести учеников, работавших под наблюдением каллиграфов и обучаемых ими в самом процессе работы. Ученикам, особенно в начале их работы, доверяли лишь небольшие частицы текста; соответственно, на протяжении рукописи перемена почерка происходит множество раз, причем нередко внутри строки и даже внутри слова. Наши наблюдения над почерками Мерила и одновременно над графикой и орфографией в подавляющем большинстве мест в точности подтвердили указанные Л. В. Миловым точки перемены почерка (кроме того, выявлен ряд ученических «вкраплений» сверх тех, которые отмечены Л. В. Миловым). Как оказалось, графико-орфографические системы большинства учеников отчетливо отличаются от системы, представленной у каллиграфов-учителей; это обстоятельство существенно повышает надежность разграничения в тексте разных почерков.

Обозначим часть текста от одной точки перемены почерка до следующей рабочим термином «отрезок». Текст Мерила распадается примерно на 150 отрезков (наименьший из них состоит из 9 букв, наибольший — из 69 листов). Эти отрезки распределяются по меньшей мере между 12 почерками (почерков может быть и больше: отождествление почерка в двух разных отрезках, особенно если они малы, редко бывает полностью надежным).

Далее почерки могут быть сгруппированы по характеру графики и орфографии. Обозначим совокупность почерков с одинаковой или сходной (с интересующей исследователя точки зрения) графико-орфографической системой рабочим термином «зона». С точки зрения использования *о* [20] и ѡ текст Мерила распадается на три зоны.

[16] В нумерации листов номер 215 пропущен, а номера 53 и 136 даны по два раза; соответственно, последний лист имеет номер 348.

[17] Она отражена в работе: Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР. Археографич. ежегодник за 1965 год. М., 1966, с. 224. К сожалению, в хронологическом указании здесь по ошибке поставлено тире («нач.— втор. пол.»), искажающее смысл.

[18] См., в частности: Г. В. П о п о в. Пути развития тверского искусства в XIV — начале XVI в. (живопись, миниатюра). «Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV—XVI вв.». М., 1970, с. 313.

[19] По-видимому, каллиграфов было больше двух, см. § 9.

[20] В Мериле графемы *о* узкое и *о* широкое выступают в дополнительном распределении (см. § 12), а по своему фонетическому значению одинаковы. Как нечто единое они противопоставлены букве ѡ. Поэтому ниже мы позволяем себе говорить про-

В зоне А (почерки каллиграфов-учителей; 75% всего текста Мерила) представлена система, в которой *о* и ѡ используются для передачи двух разных фонем (соответственно /ɔ/ и /ô/). В зоне Б (ученический почерк или почерки; 5% текста) представлена система, близкая к предыдущей, но менее последовательная; в частности, в начале слова буква ѡ может выступать здесь в соответствии как с /ô/, так и с /ɔ/. В зоне В (ученические почерки; 20% текста) *о* и ѡ используются без связи с противопоставлением фонем /ô/ и /ɔ/; ѡ здесь может выступать только в начале слова и после гласной буквы. Подробнее о графике и орфографии всех трех зон Мерила см. § 24.

Разделение текста на зоны проводится с гораздо большей надежностью, чем разделение зон на почерки. К счастью, для исследования вопроса об /ô/ и /ɔ/ существенно только разделение на зоны (но не на почерки). Соответственно, ниже точно указываются именно границы зон (а по вопросу о числе и границах почерков высказываются лишь некоторые предположения).

З а м е ч а н и е. Границы отрезков указаны ниже с точностью до слова или даже буквы внутри слова. Эти указания отражают членение, которое нам представляется наиболее вероятным. В действительности во многих случаях граница может проходить несколько левее или правее указанного места (но не слишком далеко от него, поскольку ближайшие к границе слова́ с буквами *о* и ѡ обычно четко показывают, где меняется орфография).

§ 9. Зона А включает: во-первых, 1—274б (за вычетом отрезков, указанных в § 10 и 11); во-вторых, 331б—348б; в-третьих, киноварные заголовки в зонах Б и В (за исключением страниц 188, 235, 238б и массива 275—331); в-четвертых, серию мелких отрезков, «вкрапленных» в зоны Б и В. Эти вкрапления таковы [21]: *свершени-* на строке 208б [14]; 214б [25] — 216[3]; слова *бестве̑ныхъ заповѣдии* на строке 217б[23]; 231[16] — 231[18] (*-стныю*); 232[8] (*-ѣыо*) — 232[10]; 234[1–2]; 275[20] (*-му*) — 275[22] (*ѡнси-*); строка 275б[1]; 277[1] — 277[5] (*свѣтомъ*); 285[14] (*бѡ*) — 285[15]; 299[1] — 299[5] (*одержими*); 299б[1] — 299б[2] (*-няемъ*); 301б[1] — 301б[2] (*схраняемымъ*); 304б[1] — 304б[3] (*свобожение*); слова *-роденъ есть* на строке 304б[4]; 306б[1–7]; 307[1] — 307[4] (*ꙁ[с]нъ*); 312[1] — 312[2] (*въздухъ*); 321б[1] — 321б[2] (*бещиньꙗ*); 323[1–2]; 324б[23–25]; 326б[1–2].

Количество почерков, из которых состоит зона А, определить очень трудно, поскольку, во-первых, сами почерки чрезвычайно сходны, во-вторых, у соответствующих писцов почти тождественные орфографические навыки. С нашей точки зрения, можно выделить по крайней мере следующие три почерка: а) 1—69б, страница 331б и, вероятно, ряд других мест (см. ниже); кроме того, киноварь практически во всей зоне А; б) 70—118, строка 9 (задняя граница не вполне надежна) и строки 1—8 на странице 231; в) 332—348б (или, может быть, только 332—348, строка 11) [22]. Остальные части зоны А предположительно написаны почерком «а», но не исключено, что там представлены, помимо «а», и еще какие-то почерки.

сто о противопоставлении *о* и ѡ в Мериле, понимая под *о* указанную пару графем, а при цитировании словоформ из Мерила передаем как узкое, так и широкое *о* одинаково через *о*.

[21] Для каждого отрезка указаны его начало и конец; надстрочными цифрами обозначены (только в § 9—11) номера строк. Там, где граница отрезка проходит внутри строки, указано начальное (соответственно конечное) слово отрезка. При цитировании словоформ надстрочные знаки, встречающиеся в Мериле, не воспроизводятся. По типографским причинам *е* обычное и *е* йотированное передаются одинаково через *е* (об их распределении в Мериле см. § 12), а юс малый — через *я*.

[22] К выводу о том, что почерк листа 332 и последующих отличен от почерков «а» и «б», пришла также О. А. Князевская (устное сообщение).

Из орфографических различий между почерками отметим следующие (см. также § 14, пункт 4). Во всех почерках зоны А над гласными буквами (кроме *о* в составе *оу* и обычно также ѡ) в начале слова или после гласной с большей или меньшей регулярностью ставится «ресничка» (или просто наклонный штрих). При этом с буквами *і* и *о* широкое разные писцы поступают различно. Буква *і* в почерках «б» и «в» всегда имеет одну ресничку, а в почерке «а» — как правило, две (лишь изредка одну). Широкое *о* выступает в почерке «б» без ресничек, «в» — с одной ресничкой (изредка без ресничек), «а» — как правило, с двумя (изредка с одной или без ресничек; однако на участке 118—165 *о* широкое выступает без ресничек, реже с одной и лишь в киновари с двумя).

С точки зрения передачи фонем /ô/ и /ɔ/ слегка отличен от остальных только почерк «в»: в нем различие между /ô/ и /ɔ/ передается несколько менее тщательно (см. § 21). Все прочие части зоны А в этом отношении совершенно одинаковы. Соответственно, с интересующей нас точки зрения зона А может быть разделена на две неравные (93% и 7%) части: $А_1$ (основная) и $А_2$ (332—348б).

§ 10. Зона Б состоит из следующих отрезков, «вкрапленных» в зону А: $90б^{16-25}$; 91^{3-6}; 91^{11} (*в кѡеиждо*) — 91^{24} (*октябремь*); 94^{5} (*прекы*) — 94^{25}; $95б^{21}$ (*старѣишиньство*) — 96^{20} (*под ними*); 97^{18} — 98^{8}; $98б^{1}$ — $98б^{7}$ (*нѣкаѭ*); $98б^{11}$ (*иже посредѣ*) — $99б^{18}$; 101^{3-11}; страница 101б; 102^{14} (*приступльшю*) — 102^{25}; $102б^{20-25}$; 103^{17} (*къ судьбамъ*) — 103^{25}; $103б^{17}$ — 104^{3} (*поставити*); 104^{15} (*едино что*) — $104б^{25}$; 107^{14-16}; страница 108б; $109б^{7-24}$; 110^{23-25}; 111^{23-25}; 119^{12} — $119б^{18}$ (*ихъ*); $120б^{14-21}$; страница 123б; $125б^{13}$ (*чародѣи*) — $125б^{15}$; $125б^{18}$ — $125б^{21}$ (*преда*); 126^{10-12}; $126б^{9-25}$; $129б^{8}$ — 130^{14} (*да тепеть*^{с}); 141^{4} (*аще вѣдящи*) — 141^{12}; $208б^{1}$ — $214б^{23}$; 216^{13} (*повелѣваемъ*) — 217^{5} (*повелѣ*); $238б^{13-15}$; $238б^{17-18}$. Количество почерков в зоне Б неясно; не исключено, что почерк везде один и тот же.

§ 11. В зону В входит единый массив 275—331 и ряд «вкраплений» в других местах. Отрезки, относящиеся к зоне В, таковы: а) 30^{8} (*то безако*^{н}*нъ*) — 30^{12} (*сужену*); б) 72^{13} (*-слоухъ*) — 72^{20} (*сего*); 73^{2} (*бываеть*) — 73^{9} (*свѣтъ*); в) $73б^{17}$ — 74^{9} (*далече*); г) $75б^{4}$ — $75б^{9}$ (*изв-*); $75б^{14}$ — 76^{7} (*г*^{с}*ье ихъ*); 77^{9-12}; 81^{12} (*или*) — 81^{17} (*безъ*); д) 105^{20}—105^{21} (*ѡбрѣтъся*); е) 151^{2-3}; ж) 155^{2} — 155^{4} (*бл҃гочти-*); з) $188б^{1}$ — 189^{24}; и) 216^{4} — 216^{13} (*възводити*); 217^{5}(*тре-*) — 219^{9} (*въздрыдаете*); $219б^{2}$ (*братъ*) — $220б^{11}$; к) 225^{9-25}; л) $225б^{2}$ (*рекъ*) — $225б^{15}$; м) 231^{9} — $238б^{12}$; строка $238б^{16}$; $238б^{19-25}$; н) $260б^{1-12}$; 264^{10-13}; о) массив 275—331 (внутри которого имеются «вкрапления» зоны А, см. § 9). Кроме того, к зоне В относятся слова: *ли в коемь пороцѣ* (на строках 77^{14-15}), *все г*^{с}*ну его* (на стыке 261б и 262), *кр*^{с}*тьяньскаго* (на строке 267^{3}).

Внутри каждой из групп, обозначенных буквами, почерк, по-видимому, одинаков. Некоторые группы сходны между собой по почерку и по орфографическим особенностям: «в», «г», «к», «п» похожи на «о»; «л», «е» — на «и». Но надежное отождествление почерков здесь затруднительно (прежде всего потому, что многие отрезки слишком малы). Основные почерки — «о» (113 страниц текста), «м» (16 страниц), «и» (7 страниц), «з» (2 страницы); они различаются между собой вполне надежно. Прочие почерки представлены лишь маленькими отрезками (иногда менее 3 строк) [23].

§ 12. Орфография Мерила в целом (не считая *о* и ѡ) вполне типична для русских рукописей середины XIV века; в частности, она совсем не затронута вторым южнославянским влиянием. В зоне А для прояснив-

[23] Три раза в почерке «г» (75б) и один раз в почерке «ж» (155) встретились написания с *-агѡ*, *-егѡ* (в Р. ед.), где ѡ не соответствует правилам зоны В.

шихся редуцированных орфографической нормой уже являются написания *о*, *е*, для прежних *кы*, *гы*, *хы* — написания *ки*, *ги*, *хи*; архаичных написаний типа *дъждь*, *възметь*, *мачехы* совсем мало; исключительно редки записи с «ложными» ъ, ь типа *пъбѣжить*. Более архаичны орфографические нормы зоны В, особенно почерка «о»: здесь довольно часто встречается взаимная замена ъ и *о*, ь и *е*, характерная для более ранних рукописей (например, *первыи* и *пьрвыи*, *лестьно* и *льстьно*, *создати* и *създати* и т. п., и, с другой стороны, *до четвьра*, *трьбуеть* и т. п.), а также широко представлены *кы*, *гы*, *хы* (наряду с *ки*, *ги*, *хи*). В зоне Б преобладают *о*, *е*, но часты *кы*, *гы*, *хы*.

Юс малый и ѫ, а также *о* узкое и *о* широкое распределены в Мериле строго позиционно: первый член пары выступает после согласной буквы, второй — после гласной (или ъ, ь) и в начале слова. В таком же распределении, но с небольшими отклонениями, выступают *е* обычное и *е* йотированное (об их передаче в настоящей статье см. сноску 21; если в какой-либо цитируемой ниже словоформе указанное правило распределения этих двух букв нарушено, это специально отмечается); в нескольких местах в Мериле вместо *е* йотированного написано *е* «якорное». К указанному распределению стремится также пара *у* — *оу* (но всё же нередки случаи, когда *оу* пишется и после согласной).

Для Мерила характерна высокая грамотность писцов — не только учителей-каллиграфов, но и учеников (притом что орфографические нормы учителей и учеников различны).

Замечание. Следует признать, таким образом, что ученики учились у каллиграфов искусству переписывания книг, но не орфографии (за исключением, может быть, лишь писца зоны Б). Основные писцы зоны В имели достаточно устойчивую собственную орфографию, которую нельзя отнести за счет одного лишь слепого копирования протографа, поскольку между разными писцами имеются систематические различия в деталях, например в выборе графемы для начального *О* (см. § 24). Учителя-каллиграфы явно принадлежали к иной, чем ученики (причем более новаторской), школе письма; одним из ее новшеств было и различение фонем /ô/ и /ɔ/.

§ 13. Диалектологическая оценка Мерила затруднена тем, что в нем нет почти никаких ярких диалектных особенностей, известных из исторической диалектологии. Так, по нашим данным, в Мериле отсутствуют лингвистически значимые случаи смешения: 1) *в* и *оу* [24]; 2) *и* и *ы*; 3) *о* и *а*; 4) *ц* и *ч*; 5) *с*, *з* и *ш*, *ж*; 6) конечных *пь*, *бь*, *вь*, *мь* и *пъ*, *бъ*, *въ*,*мъ*, кроме *мь* и *мъ* в окончаниях (где смешение сравнительно часто); 7) *рю*, *ри*, *ря* или конечного *рь* с *ру*, *ры*, *ра*, *ръ*. Отсутствуют также: 8) надежные случаи так называемого «нового ѣ» галицко-волынского типа; 9) написания с *жч* (типа *дожчь*); 10) написания с *жг* (типа *дожгь*); 11) случаи второго полногласия, кроме *виревную* 332 в Русской Правде; 12) *у*, *ы* или ъ после шипящих и *ц* [25]; 13) *о* после шипящих и *ц*; 14) *еи*, *ои* на месте **ъj*, **ѣj* в сильной позиции, кроме *ролеиныи* (3 раза в Русской Правде); 15) *е* вместо ударного ѣ после гласной буквы или в начале слова (типа *тое*, *ее*, *ехати*); 16) «удвоенный» предлог *във* (*вв*).

Замечание. Для части указанных смешений в Мериле есть примеры, но они по тем или иным причинам непоказательны. Так, *истыньнымь* 203б, *дасадить* 83б, *наимававыи* 267 (*ма* исправлено в *мо*) — это, по-видимому, простые описки под влиянием гласной буквы последующего слога (ср. бесспорную описку — *котара|го* 308б

[24] При этом, однако, имеются случаи смешения *ву* и *оу* после гласной, например *тивунъ* и *тиоунъ*.

[25] При этом, однако, из пары *а* — *я* в Мериле после шипящих пишется *а* (крайне редко *я*), после *ц* в зонах А и Б пишется *я*, в зоне В — *а*.

[В][26]); в *вода.важю* 318б [В], *водаважи* 319 [В] возможно, кроме того, ложное осмысление сложного слова как двух слов; *покаряся* 85 — гиперкоррекция под влиянием *покарятися*. Непоказательны колебания типа *манастырь* и *монастырь* (в заимствованных словах), сосуществование *взакѡнити* и *оузакѡнити*, *вѡдно* и *оугѡдно*, *врѣченыи* и *оуреченыи*, *вчинити* и *оучинити* и т. п. (где различие между *в-* и *оу-* морфологическое) и ряд других особых случаев.

Как известно, в галицко-волынских рукописях этого периода обычно представлены явления 1, 8, часто также 2, 9, в новгородских — часто 4, 10, 11, 15, иногда 13, 14, в псковских часто 4, 5, 10, иногда 1, 3, 7, 11. В Лаврентьевском списке летописи 1377 г. относительно надежно представлены явления 13, 14, 15, 16, в Переяславском евангелии 1354 г.— 12, 13, 15 (в единичных случаях также 14, 16), в московских грамотах XIV века — 12, 13, 14, 15, 16.

Разумеется, из отсутствия в Мериле названных выше особенностей написания еще отнюдь нельзя заключить, что в говоре писцов Мерила не было и соответствующих фонетических явлений и что тем самым Мерило не является ни галицко-волынской, ни новгородской, ни псковской, ни ростово-суздальской рукописью. Можно лишь утверждать, что нет позитивных свидетельств принадлежности Мерила к какой-либо из этих диалектных областей.

§ 14. Позитивную диалектологическую информацию дают прежде всего следующие особенности написаний Мерила (которые, с нашей точки зрения, достаточно надежно свидетельствуют о наличии в говоре писцов соответствующего фонетического явления).

1. В соответствии с этимологическими trъt, trьt, tlъt, tlьt, находящимися в слабой позиции, во всех зонах Мерила, как правило, выступают написания с *ро*, *ре*, *ло*, *ле* (т.е. такие же, как и в сильной позиции), например: *крови*, *кровавъ*, *строгаеми*, *брозды*; *оустремяться*, *кренеть*, *грекомъ*, *треми*; *ꙗблокѡ*, *плоти*, *исключивше*; *кленеться*, *слезами*, *плеваху*. Архаичные написания с *ъ*, *ь* (*трьми*, *кльни* и т. п.) встречаются не чаще, чем для любых других словоформ с прояснившимися редуцированными (см. § 12). Данная особенность позволяет однозначно отнести Мерило к великорусской зоне.

2. Имеются случаи написания глухих согласных вместо звонких: а) в конце слова — *отинуть* 54 (перед *хвала*), 111б (перед *вѡлное*); менее показательно *исъ самѣхъ* 54; б) в середине слова перед глухими — *пчела* 25, ѡ^{т} *пчелы* 21б (ср. ѡ^{т} *бчелы* 23, 24 и др.), *ѡпче* 33б, *ѡпще* 208б [Б], *кратьшимъ* 62б, *бриткѡе* 62, *отящаю* 267 (вместо *отяжчаю*); ср. также *мни|жьскымь* 210б [Б] (гиперкоррекция). По Дурново, в великорусских памятниках такие написания появляются с конца XIII века; в западнорусских они встречаются не раньше конца XIV (и притом только в позиции «б»); к еще более позднему времени относится оглушение согласных в западных украинских говорах [27].

3. В Мериле имеется (во всех зонах) довольно много случаев смешения *е*, *ѣ*, *и*, *я*. Правда, значительная их часть не может сама по себе служить свидетельством смешения соответствующих фонем, поскольку допускает нефонетическое объяснение. Сюда относятся, в частности, колебания *е* — *ѣ* в неполногласных сочетаниях, колебания типа *кдѣ* — *кде*, *погибѣль* — *погибель*, *бѣяху* — *биаху* (от *быти*), ѡ^{т}*рицяти* — ѡ^{т}*рѣцяти*, *свѣдѣтель* — *свѣдитель*, *свѣщавати* — *свѣщевати*, колебания некоторых окончаний существительных и прилагательных и др. Менее очевидно, но

[26] При ссылках на страницы принадлежность к зоне Б или В обозначается: [Б], [В].

[27] Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.— Л., 1924, § 208.

все же не исключено участие морфологического фактора в колебаниях *водотеча — водотѣчь*, *покладежь — покладяжь*, *истяжеть — истяжить*, *сестрѣницѣ* 194 — *сестреницема* 329б [В] — *сестриницема* 329 [В], в случаях *ненавидѣши* 58, *да не будѣте* 63, *взищете* 15б (по смыслу повел.), *пѡ всѣмъ садомъ и зельимъ* 26б, *пѡ всемъ областемъ* 207б, *лжѣпослушьствовавъ|ше* 155б, *по не|кѡеи* 97б [Б] (вместо *нѣ-*), *по николицѣ времене* 283 [В] (вместо *нѣ-*). Ошибочные написания *вѣру* 332, 332б (вместо *виру*), *виревную* 332 (от *вервь*), также *нѣлзѣ* 224, 335 кочуют из одной рукописи в другую и потому непоказательны; вероятно, к этой же группе относится *вино* 289б [В], *вина* 250б (вместо *вѣно*, *вѣна*). Далее, в ряде случаев высока вероятность простой описки: *иеритичьскиѣ* 59, *леже|ща* 260, *в нѣ|вѣдѣнии* 268, *тщетою ощититься* 123б [Б], *боляряну* 81 [В], *аще ивляется* 285б [В], *родитилю* 295б [В].

Однако даже после вычета всех этих случаев примеры смешения *е*, *ѣ*, *и* еще остаются: *е/ѣ — терпеливъ* 11б, 66, *пѡ все третиники и пятки* 42б, *по свѣршеному* 175, *ѡтщѣтиться* 270, *седѣти* 314 [В], *на виселицахъ* 322б [В], *наводнѣниемь* 319б [В], *общее стѣны* Р. ед. 312 [В]; *е/и — створевыи* 246, *первие* И. мн. муж. 347, *составльшееся долзѣ* 273 (по смыслу И. мн.), *пажеть* 213 [Б], *погыбающиму* 285б [В], *сне̃ве* Д. ед. 308б [В] (вместо *сыновi*); *ѣ/и — творѣли есте* 41, *мѣри* Д. ед. 58б, *даеми* Д. ед. жен. 305 [В] (см. также выше *долзѣ*). Во всех примерах, не допускающих нефонетического объяснения (равно как и в большинстве остальных), смешение *е*, *ѣ*, *и* приходится на слог, который в XIV веке либо определенно был безударным, либо (например, в *наводнѣниемь*, *створевыи*, *пѡ все*) по крайней мере мог быть таковым.

Смешение безударных *е*, *ѣ*, *и* (хотя бы в части позиций) характерно прежде всего для южно- и средневеликорусских и белорусских говоров; но в тех или иных частных формах оно встречается и в других зонах. К сожалению, попытка усмотреть в имеющемся материале какой-то определенный тип яканья или какой-то иной из известных механизмов смешения *е*, *ѣ*, *и* была бы ненадежной (прежде всего из-за недостатка сведений об акцентуации XIV века).

4. В зоне А (кроме почерка «б») предлоги и приставки *въ*, *съ*, *къ* перед последующими *и* (*i*), *оу*, *о*, *ѡ*, *а*, как правило, выступают в виде *во*, *со*, *ко*, например: *во инѡи*, *со имѣниемь*, *ко істьцю*, *во оумъ*, *во оуглѣ*, *сооузъ*, *ко оутру*, *во областехъ*, *вообразить*, *со отрокомь*, *во ѡбщи*, *во ѡлтарь*, *со ѡтлучениемь*, *ко ѡ̃цю*, *во адъ*, *ко аньнѣ*; лишь изредка встречаются написания с *въ*, *съ*, *къ* (встретились также *в узину* 33б, *с у|краденымь* 136_2б, *с у|бѡгою* 172б, *в ы|нъ* 139, *выну* «всегда» 207б). В прочих частях Мерила (включая почерк «б» зоны А) в этой позиции господствуют традиционные написания *въ*, *съ*, *къ*; написания *во*, *со*, *ко* редки. По наблюдениям Л. Л. Васильева [28], написания типа *во*, *со*, *ко* перед нейотированными гласными в наибольшей степени характерны для галицко-волынских рукописей, в наименьшей — для новгородских. В Лаврентьевском списке летописи и в московских грамотах XIV века это явление представлено в ограниченной степени; например, для предлога «в» нередко встречается *во о-* (наряду с *въ о-*, *във о-*), но почти не бывает *во оу-* (а только *въ оу-*, *в у-* или *във у-*).

5. В зоне А при господствующих написаниях *когѡ*, *кому*, *никогѡ же*, *никому же* иногда встречаются написания типа *ни ѡт кѡго же* (реже без отрицания, например, *кѡму*). Как показывает акцентуационный анализ

---

[28] Л. Л. Васильев. О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог. Изв. ОРЯС, т. XIII, кн. 3, 1908.

написаний Мерила (в технику которого мы здесь не можем углубляться [29]), распределение *о* и *ѡ* в господствующих написаниях отражает ударение *кого́*, *кому́*, а в отклоняющихся — ударение *ко́го*, *ко́му*. В настоящее время ударение типа *нико́го*, *нико́му*, *ничто́го*, *ничто́му* (реже без отрицания: *ко́го* и т. п.) представлено только в украинско-белорусской зоне и примыкающей к ней юго-западной части великорусской зоны. Единичные примеры *нико́гожѫ*, *то́го*, *то́моу* (при обычных *того́*, *томоу́* и т. д.) представлены также в Чудовском Новом Завете XIV века.

Таким образом, на основании указанных здесь наиболее надежных черт Мерило (целиком) должно быть определенно отнесено к великорусской территории; при этом зона А обнаруживает черты, указывающие более узко на какую-то территорию, смежную с украинско-белорусской.

Продолжим список теми особенностями написания, которые несколько менее надежно свидетельствуют о наличии соответствующего явления в говоре писцов Мерила.

6. Написание *скѡлкю* «раковину» 34, по-видимому, представляет собой самый ранний из ныне известных случаев письменного отражения прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных. Это явление в настоящее время представлено только на великорусской территории (во многих ее частях); при этом как раз юго-запад затронут им слабо: зона его распространения едва соприкасается, например, с зоной ударения *нико́го*, *ничто́го* (см. выше). Известно, однако, что в этом районе ассимилятивное смягчение отступает к востоку и к югу; еще в конце XIX века оно фиксировалось, например, в Брянской области, где его сейчас почти нет [30].

7. У слова «тот» встретились в числе прочих словоформы *тыи* И. ед. муж. 52б, 291б [В], *тыю* В. ед. жен. 293 [В], *тыя* В. мн. муж. 50б — при обычных *тъ* (также *то* [в муж. роде] и несколько раз *тѡтъ*), *ту*, *ты* и т. д. (в И. мн. изредка также *тѣ*). В настоящее время словоформа *той* (*тэй*, *тый*) «тот» представлена в украинско-белорусской зоне и на юго-западе великорусской, словоформа *тые* (*тыи*, *тэи*) «те» — на той же территории и несколько реже также в западной и северо-западной частях великорусской зоны. Имеющиеся неполные данные позволяют предполагать примерно такое же распространение этих словоформ и в XIV—XV вв. [31].

8. Слово «скорбь» и производные представлены так: *скербь* 16, 202б, *скерби* 38б, *скербя* 46б (причем во всех этих случаях написано *е* йотированное, ср. § 12), *скербьно* 37б (с *е* обычным); с другой огласовкой — *оскорби* (повел.) 58. Сочетание *ьр* или *ер* в этом слове характерно в первую очередь для галицко-волынских рукописей (из прочих памятников с этой особенностью отметим Успенский сборник).

9. Для слова «родной» единственное акцентно значимое написание (ср. выше, пункт 5) *рдное* 243б соответствует ударению *рдное*. В настоящее время ударение *рдный* характерно в основном для украинско-белорусской зоны и примыкающей к ней довольно широкой полосы великорусской территории (запад, юго-запад, юг).

Особенности 6—9 хорошо согласуются со сделанными выше выводами и подкрепляют их. Таким образом, среди диалектно значимых особенно-

---

[29] См. А. А. Зализняк. Акцентологическая интерпретация данных древнерусского «Мерила Праведного» XIV века.— Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». Тезисы докладов. М., 1977, с. 18—19.

[30] См. Л. Л. Касаткин. Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных в русских говорах. М., 1968, с. 70—72.

[31] См. «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии)». Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970, с. 90—94.

стей зоны А Мерила выделяются две группы: 1, 2, 6 указывают на великорусскую зону; 5, 7, 9 (предположительно также 4, 8) — на территорию, охватывающую прежде всего украинско-белорусскую зону, но также и бóльшую или меньшую смежную с ней часть великорусской. Областью пересечения является юго-запад великорусской территории.

Итак, говор писцов зоны А — определенно великорусский и предположительно юго-западновеликорусский (осторожность диктуется здесь тем, что сделанный вывод в значительной мере опирается на факты, отделенные от эпохи Мерила пятью-шестью веками); ср. также § 13. К сожалению, памятники XIV века (или старше), определенно написанные в указанном районе, в настоящее время неизвестны.

Со сделанным выводом хорошо согласуется тот важный факт, что система распределения фонем /ô/ и /ɔ/ в зонах А и Б Мерила (здесь не рассматриваемая) соединяет в себе великорусские и украинские черты (с преобладанием великорусских) [32].

Что касается зоны В Мерила, то мы можем констатировать лишь ее великорусский характер.

З а м е ч а н и е. В Мериле есть и другие особенности написания, которые хорошо согласуются со сделанным выше выводом, однако по тем или иным причинам недостаточно надежны (или недостаточно информативны) для того, чтобы служить самостоятельным диалектологическим аргументом. Отметим их без подробного разбора. Написания *еюпетъ* 42б, *въ еюптѣ* 95, 95б (ср. *въ егоуптѣ* 93б, *егупетьски* 118б, а также *кюпрьскии* 52, *во анкюрѣ* 94, 106) позволяют предположить здесь [γ'] (или [j] < [γ']). В имени *Амфилохий* встретилась мена *х* и *ф*: *амфилωфью* 70, *апь|филофью* 189 [В], ср. *амфилωхию* 69, *амфилохию* 110б. Неоднократно встречаются *михаило*, *марко* (наряду с *михаилъ*, *данилъ*, *петръ*, *павелъ* и др.). Написания *вы едину нωщь* 46б и *до чтвера* 177б (ср. укр. *чверть*, белор. *поўчвартá* и др.) могут быть и описками; *прωидемо* 33 (исправленное на *прωидемъ*), вероятно, перепесено из протографа.

В настоящее время территория бывшего Тверского княжества (т. е. сравнительно узкая полоса по линии Кашин — Калинин — Старица — Зубцов) не входит в юго-западную диалектную зону, но непосредственно примыкает к ней с севера. Можно предполагать, что в XIV веке юго-западные языковые черты частично проникали на эту территорию, но степень этого проникновения неизвестна. Таким образом, лингвистический анализ не дает явного подтверждения гипотезе о тверском происхождении Мерила; но он и не опровергает ее, поскольку, с одной стороны, не исключено, что наблюденный комплекс черт был возможен, например, в южной части Тверского княжества, с другой стороны, по крайней мере писцы зоны А (т. е. учителя-каллиграфы) могли быть и пришлыми людьми в Тверском княжестве.

Особенности графической передачи фонем /ô/ и /ɔ/ в восточнославянских памятниках

§ 15. Как явствует из § 1—6, на восточнославянской территории применялись по меньшей мере четыре разные системы графического различения фонем /ô/ и /ɔ/. В каждой системе одна или несколько графических единиц служит для передачи /ô/ (назовем их «знаками для /ô/») и одна или несколько — для передачи /ɔ/ (назовем их «знаками для /ɔ/»). Различия между этими системами показаны в таблице 1.

[32] См. А. А. З а л и з н я к. Там же, с. 19.

Таблица 1

	Знаки для /ô/	Знаки для /ɔ/
1. Омеговая система	ѡ	*о* узкое, *о* широкое
2. Каморная система	графемы класса *О* (*о* узкое, *о* широкое, ѡ) с каморой	графемы класса *О* без каморы
3. Система «*о* узкое = /ô/» (известна только в сочетании с системой 2)	*о* узкое с каморой или без каморы (кроме того, из системы 2: *о* широкое с каморой, ѡ с каморой)	*о* широкое без каморы, ѡ без каморы
4. Система «*о* широкое = = /ô/»	*о* широкое	*с* узкое *

* Об использовании ѡ в этой системе см. § 24, разбор узкошрифтного евангелия.

Примечания. 1. В системах 1 и 2 возможен также вариант, в котором не различаются графемы *о* узкое и *о* широкое (а имеется лишь *о* единое). 2. Почти во всех памятниках имеются отдельные графические позиции, в которых выбор графической единицы класса *О* подчинен каким-то механическим правилам, не связанным с передачей /ô/ и /ɔ/; особенно часто такую позицию образует начало слова. Таблица показывает использование графических единиц в позициях, где различие между /ô/ и /ɔ/ вообще передается. 3. Использование показанных в таблице графических единиц в принципе независимо от наличия или отсутствия в тексте знаков ударения; в частности, над гласной могут стоять одновременно камора и знак ударения (оксия или вария). В Мериле система различения /ô/ и /ɔ/ (омеговая) применена при полном отсутствии знаков ударения. 4. В таблице не учтены некоторые особые начертания класса *О*, встречающиеся в части рукописей: «очковое» *о* (с точкой внутри), *о* с двумя точками (или с крестом) внутри, *ѡ*, омега с плавной серединой (так называемый двурогий он) и др. Степень их графемной самостоятельности и способы использования недостаточно изучены.

Принцип факультативности выражения /ô/

§ 16. Важнейшим общим свойством всех названных систем, без знания которого нельзя эффективно использовать материал памятников, является неравноправное отношение между знаками для /ô/ и знаками для /ɔ/: в любой из этих систем знаки для /ɔ/ могут в принципе употребляться и там, где фактически произносилась фонема /ô/, тогда как обратное неверно. Например, в рукописях с омеговой системой /закôн/ может быть записано не только как *законъ*, но и как *законъ* (причем разные написания одной и той же словоформы могут стоять в рукописи буквально рядом). С другой стороны, например, /вɔду/ последовательно записывается в тех же рукописях как *воду*; написание *вѡду* может встретиться только в качестве ошибки [33], т. е. не чаще, чем любая другая ошибка (скажем, *вуду* и т. п.). Описанное свойство можно обозначить как «принцип факультативности выражения /ô/».

Применительно к каморной системе (единственной известной в то время) этот принцип сформулировал Н. Н. Дурново в 1932 г.: «Тот факт, что над *о* стоит лишь оксия без каморы там, где мы могли бы ожидать камору..., объясняется в большинстве случаев как простой пропуск каморы, аналогичный частому пропуску других знаков» [34]. Наблюдение над рукописями с другими системами передачи /ô/ и /ɔ/ показало, что принцип факультативности выражения /ô/ полностью действителен и для всех этих

[33] Ошибки писца — это прежде всего описки (писец механически написал не ту букву, которую намеревался) и орфографические ошибки, т. е. нарушения собственных орфографических норм писца.

[34] N. Durnovo. Там же (см. сноску 1), с. 13.

систем тоже, т. е. что справедлива обобщенная его формулировка, данная выше в начале параграфа.

Указанное неравноправное отношение легко описывается в терминах маркированности: в каждой системе знаки для /ô/ выступают как маркированный член графической оппозиции, а знаки для /ɔ/ — как немаркированный. Фундаментальное свойство немаркированного члена любой оппозиции — способность выступать в качестве представителя всей пары в целом. Именно это свойство и проявляется в способности графемы *о* служить не только для передачи фонемы /ɔ/, но и в качестве общего безразличного обозначения для фонемы «типа *о*» (т. е. как /ɔ/, так и /ô/). Ср. отсутствие такого свойства у маркированной графемы (например, ѡ): она применяется только по своему прямому назначению — для передачи фонемы /ô/.

В подобных случаях запись некоторого звучания с помощью маркированного члена графической оппозиции можно назвать п о л н о й, а запись того же звучания с помощью немаркированного члена — у п р о щ е н п о й. Например, в омеговой системе запись *законѡ*ъ — полная, а *законъ* — упрощенная.

С точки зрения пишущего, упрощенное написание — это отнюдь не ошибка (см. сноску 33), а вполне допускаемое правилами «облегчение» записи [35]. Оно принципиально сходно с различными сокращениями, выносом части букв над строкой и тому подобными разрешенными приемами, при которых часть информации остается невыраженной на письме и должна восстанавливаться читателем по контексту. Подобно тому, как читатель сам должен понять, что, например, *пра*^{3} — это *правило* (а не что-либо другое), он должен установить, что *законъ* — это /закôн/, а не /закɔн/.

§ 17. Описанное неравноправное соотношение двух графических единиц отнюдь не представляет собой чего-либо уникального. Более того, можно утверждать, что оно встречается в различных графических системах довольно часто, хотя далеко не всегда оно адекватно отражено в описаниях. Простейший пример составляют современные русские *ё* (маркированный член) и *е* (немаркированный член). В этой паре *ё* используется только для передачи /'о/ (например, *мёд*), а *е* может передавать как /'е/ (*снег*), так и /'о/ (*мед*). В последнем случае *е* выступает как представитель всей пары, т. е. как безразличное обозначение для /'е/ или /'о/. Написание *мёд* является, таким образом, полным, а *мед* — упрощенным.

Неравноправное отношение особенно часто встречается в парах типа «графема как таковая — та же графема с надстрочным или подстрочным знаком» (независимо от того, рассматривается ли второй член пары как особая буква или нет). Помимо уже указанных русских *е* и *ё*, таковы, например: франц. *е* — *é*, *о* — *ô* и т. п., *с* — *ç*, латышск. *а* — *ā* и т. п. Во всех этих случаях в некоторых ситуациях (заголовки, данные прописными буквами, телеграммы, беглое письмо и др.) надстрочные или подстрочные знаки могут опускаться. Особенно много примеров подобного рода можно найти в древних и средневековых системах письма (где не было столь строгой орфографической регламентации, как теперь). Так, факультативными были, в частности: надстрочные знаки долготы гласных в древних германских языках; камора как знак мягкости согласных в старославянском; знаки ударения в средневековых русских (и иных) акцентуированных рукописях. Число примеров легко можно умножить. В одних рукописях эти надстрочные знаки проставлены менее, в других более последовательно, однако, как правило, всё же не в 100% случаев.

---

[35] Так, заметив свою ошибку, писец обычно ее исправляет (если к этому нет особых препятствий); между тем бесспорных случаев исправления упрощенного написания на полное в рукописях практически нет.

Неравноправное соотношение рассматриваемого типа встречается также, хотя и реже, в парах графических единиц, где различие не сводится к надстрочному или подстрочному знаку. Приведем несколько примеров. В XVIII веке до введения Н. М. Карамзиным буквы *ё* в том же значении в некоторых книгах использовался графический комплекс іô; он применялся, однако, как и нынешнее *ё*, нерегулярно: вместо него могло писаться и традиционное *е*. Буква *э* в XVIII и даже в начале XIX века употреблялась лишь как факультативное обозначение для начального /e/ без йотации, наряду с обычным *е*: сосуществовали, например, написания *этот* и *етот* и т. п.[36]. Во многих староукраинских и старобелорусских памятниках (где *г* означает /h/) взрывное /г/ могло записываться диграфом *кг*, а с XVII века — особой буквой *ґ*; однако возможно было и упрощенное написание, т. е. обычное *г*. В средневерхненемецком для фонемы /ü/ полным написанием служило *ue* (или *u* с надстрочным ^{e}, позднее превратившееся в *ü*), а упрощенным — *u* (т. е. знак для /u/). В современном немецком в принципе допускается замена *ß* на *ss*; таким образом, например, для /ma:sə/ «меры» возможно полное написание *Maße* и упрощенное *Masse* (ср. /masə/ «масса» с единственно возможным написанием *Masse*).

Особый частный случай рассматриваемого отношения составляет хорошо известное в семитологии противопоставление так называемых scriptio plena и scriptio defectiva[37] при передаче одной и той же последовательности фонем. Например, слог /hū/ может быть передан в семитских консонантических системах письма либо знаками для *h* и *w* (scriptio plena), либо одним лишь знаком для *h* (scriptio defectiva); в последнем случае этот слог неотличим от слогов с другими огласовками и от простого /h/.

Коэффициент выраженности /ô/

§ 18. Допустим, исследуется некоторый письменный текст, где графически различаются фонемы /ô/ и /э/ (целый памятник или какая-то его часть, скажем, один из почерков). Рассмотрим все точки текста, где стоит графема класса *O*, и для каждой из них попытаемся установить (пользуясь обычными методами диахронического исследования и учитывая обнаруживаемые диалектные особенности распределения /ô/ и /э/ в данном памятнике), какая из двух фонем там произносилась. Если в каких-то графических позициях различие между /ô/ и /э/ в данной орфографической системе не передается (см. табл. 1, примеч. 2), отбросим соответствующие точки текста. Далее отбросим все те случаи, где есть основания предполагать колебание между /ô/ и /э/ (см. ниже, § 22), а также те, где фонологическая реконструкция почему-либо оказалась невозможной или ненадежной. Обозначим оставшуюся совокупность точек как *A*; с содержательной точки зрения, *A* — это относительно надежная часть материала. Пусть *B* — это совокупность всех точек текста из *A*, которым по нашей фонологической реконструкции в говоре данного памятника соответствует фонема /ô/, а *C* — это совокупность всех точек из *B*, в которых написан знак для /ô/.

Назовем отношение численности *C* к численности *B* **коэффициентом выраженности** /ô/ (в рассматриваемом тексте). При необходимости этот коэффициент может быть вычислен также отдельно для той или иной группы слов.

---

[36] Ср. также нынешние колебания типа *мэтр — метр* («учитель»), *Тэйлор — Тейлор* и т. п., с которыми постоянно борются орфографические справочники (стремящиеся к фиксированным написаниям, пусть даже разнотипным, например, *сэр* и *секанс*, *пленэр* и *пенсне*, *Тэн* и *Доде* и т. п.).

[37] Именно эти традиционные термины послужили образцом для предложенных выше названий «полное написание» и «упрощенное написание».

Понятно, что коэффициент выраженности /ô/ — не вполне объективная величина, поскольку он зависит от степени точности фонологической реконструкции и от объема материала, не включенного в *А*. Поэтому следует относиться к этому коэффициенту как к приблизительному (а не математически точному) показателю соответствующих свойств текста. Заметим, однако, что на практике вариации в оценке данного коэффициента, определяемые названными причинами, оказываются незначительными.

Принцип факультативности выражения /ô/ проявляется в том, что ни в одном из известных нам памятников с различением /ô/ и /ɔ/ (включая те, которые известны из описаний, в частности из работы Л. Л. Васильева) коэффициент выраженности /ô/ не равен 100%.

§ 19. Как показывает обследование памятников, коэффициент выраженности /ô/ довольно устойчив в пределах части текста, писанной одним писцом в одних и тех же условиях (списывание с одного и того же протографа, одинаковая степень тщательности или, напротив, спешки и т. п.). Например, в основном разделе (16—447б) Травника средний коэффициент выраженности /ô/ для группы из 20 самых частых слов с надежным /ô/ и их производных равен 82,5%; измерение того же коэффициента в семи последовательных частях этого раздела (длиной в 120, 124, 170, 77, 120, 100 и 133 страницы) дало следующие результаты: 86%, 86, 82, 82, 80, 81 и 84%. С другой стороны, у разных писцов коэффициент выраженности /ô/ может быть очень различным (скажем, 97% и 40%); меняется он и у одного и того же писца с изменением условий работы.

Низкий коэффициент выраженности /ô/ у некоторого писца сам по себе отнюдь не означает, что этот писец хуже различал /ô/ и /ɔ/, чем писец с высоким коэффициентом; например, мы записываем /'о/ с помощью *ё* (а не *е*) исключительно редко, но это не значит, что мы плохо различаем /'о/ и /'е/. Если бы писец действительно не отличал на слух /ô/ от /ɔ/ и писал соответствующие буквы (скажем, *ѡ* и *о*) лишь по выученным орфографическим правилам, он ошибался бы тем чаще, чем ниже его грамотность, но непременно и в ту и в другую сторону, т. е. «незаконные» *ѡ* встречались бы у него примерно так же часто, как «незаконные» *о*; ср. общеизвестную картину в з а и м н ы х замен *о* и *а* у не вполне грамотных акающих писцов. Таким образом главным внешним признаком живой системы графического различения /ô/ и /ɔ/ (т. е. передачи этих фонем со слуха) является не высокий коэффициент выраженности /ô/, а несимметричность ошибок: «незаконные» знаки для /ɔ/ встречаются, а «незаконные» знаки для /ô/ отсутствуют (или встречаются несопоставимо реже, лишь в качестве ошибок или описок). Напротив, симметричность ошибок скорее всего указывает на омертвевшую систему (имитирующую уже утраченное фонемное противопоставление с помощью орфографических правил). Опираясь на этот критерий, можно предположить, что в среднешрифтных и широкошрифтных изданиях апонимной типографии (§ 6) представлена омертвевшая система, а в рукописях, названных в § 3—5, и в узкошрифтном евангелии (§ 6) — живая (однако для окончательного заключения необходим более полный анализ этих памятников). Определенно живая система представлена в Мериле.

§ 20. В памятниках с различением /ô/ и /ɔ/ обычно имеются некоторые особые точки или участки текста, где коэффициент выраженности /ô/ ниже, чем в среднем по памятнику. В частности, в Мериле это явление наблюдается: 1) в киновари (т. е. в киноварных заголовках или вкраплениях в текст); 2) на конце строки; 3) в элементах текста, вынесенных над строкой, и в приписках между строк; 4) в местах, где писец по какой-либо причине «ужимал» текст (ставя буквы теснее, чем обычно, исполь-

зуя большее число выносов и т. п.) [38]. Таким образом, текст здесь может быть разделен на часть (меньшую), находящуюся в о с о б ы х условиях (где коэффициент выраженности /ô/ понижен) и основную часть, находящуюся в н о р м а л ь н ы х условиях [39].

Для многих памятников список позиций, образующих особые условия, точно таков же, как в Мериле. Но возможны и некоторые вариации; например, в Травнике к особым условиям относится, в числе прочих, случай, когда в предшествующем графическом слоге уже имеется буква ω.

§ 21. В таблице 2 приведены данные о распределении полных и упрощенных написаний для /ô/ в зоне А Мерила. Таблица отражает относительно надежную, по нашей оценке, часть материала (см. § 18).

Таблица 2

		Число написаний ω *	Число написаний о		Коэффициент выраженности /ô/, %	
			в нормальных условиях	в особых условиях	в нормальных условиях	в особых условиях
Часть A_1	/ô/ в корнях наиболее частотных слов **	1024	5	41	99,5	73,5
	/ô/ в последнем слоге окончаний Р. ед. *-огО*, *-егО*, *-агО*, *-ягО*	1755	19	46	98,8	81
	/ô/ в прочих случаях	3085	118	125	95,9	73,3
	Всего	5864	142	212	97,3	75,5
Часть A_2 (всего)		299	55	36	83	47,8

* Соотношение числа ω, находящихся в нормальных и в особых условиях, примерно одинаково для всех групп и равно в среднем 8 : 1. Коэффициенты вычислены исходя из этого среднего отношения.

** А именно: *закОнъ* и производные (всего в A_1 309 раз), *мнОгъ* и производные (150 раз), *сбОръ* и производные (117 раз), *мОжетъ*, *възмОжетъ*, *помОжетъ* и другие словоформы презенса, кроме 1 ед. (115 раз), *достОитъ*, *достОинъ* и производные (101 раз), а также частица *бО* (278 раз).

Из таблицы видно, что писцы части A_1 были весьма тщательны в передаче /ô/ через ω (97,3%); писец части A_2 заботился об этом несколько меньше (83%).

Ясно видна роль особых условий: в среднем по A_1 упрощенные написания встречаются в особых условиях в 9 раз чаще, чем в нормальных (24,5% против 2,7%), а в группе высокочастотных слов — даже в 53 раза чаще! Отсюда понятно, сколь важно учитывать этот фактор при лингвистическом анализе памятников.

[38] В зоне А таковы: 230 (строки 12—25), 230б (строки 1 —14), 274б (строки 19—25), 337, 337б.

[39] Рост числа упрощенных написаний в особых условиях отчасти связан просто с тем, что *о* узкое вдвое или втрое у́же, чем ω, а писцу приходится экономить место не только в случае 4, но обычно также и в случаях 1—3; ср. рост числа сокращений и выносов в этих же условиях.

Видно также, что у высокочастотных слов коэффициент выраженности /ô/ несколько выше, чем у остальных [40] (99,5% против 95,9%).

§ 22. Факультативность выражения /ô/ составляет, как отмечал еще Н. Н. Дурново, очевидное затруднение для фонологической интерпретации написаний, встречаемых в рукописях данного класса (особенно если коэффициент выраженности /ô/ относительно низок). Единичное написание со знаком для /э/, например, *гонить*, или даже два-три таких написания в этих условиях еще ничего не значат: это может быть как передача /э/, так и упрощенное написание для /ô/. Надежным свидетельством об /э/ может быть только систематическая или по крайней мере многократная запись соответствующей словоформы со знаком для /э/, при полном отсутствии записей со знаком для /ô/.

Иначе обстоит дело со знаками для /ô/. Поскольку такой знак может появиться в соответствии с /э/ только по ошибке, уже два-три написания некоторой словоформы со знаком для /ô/ (в особо тщательных рукописях даже единичное написание) свидетельствуют о том, что в данной словоформе произносилась (устойчиво или хотя бы наряду с /э/) фонема /ô/. Это верно и в том случае, если данная словоформа встречается также и в написании со знаком для /э/.

Труднее всего отличить устойчивое /ô/ от колебания между /ô/ и /э/. Для редко встречающейся словоформы эта задача в общем случае неразрешима. Например, в Мериле 1 раз встретилось *прѡка* (Р. ед.) и 1 раз *прока*; из этих данных нельзя сделать никакого вывода о том, было ли возможно в соответствующем говоре произношение этой словоформы с /э/.

Возможность выявить колебание появляется лишь там, где рассматриваемая словоформа (или группа родственных словоформ, в которых по общим правилам должна быть единая огласовка) встречается достаточно часто. Например, в зоне А Мерила словоформы местоимения «кой» 59 раз записаны с *кѡ-* и 21 раз с *ко-*. Вероятность случайного накопления столь большого числа упрощенных написаний (при очень высоком среднем коэффициенте выраженности /ô/) чрезвычайно мала. Поэтому здесь можно предполагать колебание между /ô/ и /э/ (по-видимому, как следствие колебания места ударения). Еще надежнее аналогичный вывод для членных форм прилагательного «новый» (9 раз с *нѡв-* и 29 раз с *нов-*) или для словоформ *инОе*, *инОгО*, *инОму* (после *н* 9 раз ѡ и 66 раз *о*).

Обзор способов использования графем класса О

§ 23. Рассмотренные выше способы различения на письме фонем /ô/ и /э/ представляют собой разные реализации фонеморазличительного (или, короче, «фонемного») принципа использования графем класса *О*. Для правильного извлечения из рукописей информации об этих фонемах необходимо, однако, учитывать и другие («нефонемные») принципы использования тех же графем, встречающиеся в рукописях.

Нефонемные принципы использования графем класса *О* построены на противопоставлении немаркированной графемы *о* узкое маркированной графеме *о* широкое (в одних случаях) или ѡ (в других); если в системе не противопоставлены *о* узкое и *о* широкое, немаркированной графемой является *о* единое. Различаются лишь те условия, при которых для передачи фонемы «типа *о*» (любой) предписывается употреблять маркированную гра-

[40] Этот эффект характерен для всех рукописей, различающих /ô/ и /э/. Он объясняется тем, что графический облик высокочастотной морфемы или словоформы превращается для писца в готовый штамп, с трудом поддающийся каким-либо модификациям.

фему. Ниже перечисляются эти условия. Предполагается, что при отсутствии указанного условия употребляется немаркированная графема (но если в рукописи действует несколько принципов одновременно, то немаркированная графема выступает лишь там, где нет ни одного из условий для появления маркированной графемы). Перечисляемые ниже принципы могут применяться в разных памятниках с разной степенью последовательности (наиболее «жестки» принципы 2 и 5).

Следует учитывать также, что, в соответствии с общими правилами русской орфографии, в ней не отражаются эффекты аканья (таким образом, у акающего писца за графемами класса *О* в безударном положении фактически стоят не [ô], [ɔ] или [o], а [a], [ə] и т. п.).

1. Акцентный принцип (с лингвистической точки зрения наиболее близкий к фонемному): для передачи фонемы «типа *о*» (любой), стоящей под ударением, используется маркированная графема (*о* широкое или ѡ). При этом, как правило, в тексте имеются и знаки ударения; но если знак ударения не поставлен, маркированная графема обычно сохраняется. Этот принцип (в варианте с *о* широким) применяется, в частности, в почерке 538—554б Троицкой псалтири, в московских изданиях Ивана Федорова, в изданиях Андроника Невежи и далее в большинстве московских изданий XVII века, например в Уложении 1649 г. Для варианта с ѡ чистых образцов мы не можем указать, но некоторые рукописи XVI века приближаются к такой системе.

2. Позиционный принцип: в начале слова и после гласной буквы (или ъ) употребляется маркированная графема (*о* широкое или ѡ); однако в составе диграфа *оу* независимо от позиции выступает *о* узкое. Как вариант с *о* широким, так и вариант с ѡ представлен в огромном числе рукописей, начиная с некоторых из самых древних. Возможен также смешанный вариант, когда в одной и той же рукописи в указанной позиции безразлично употребляется *о* широкое или ѡ.

3. Позиционный принцип: после сочетания из двух или более согласных букв употребляется ѡ. Этот принцип (сравнительно редкий) используется, в частности, в ряде рукописей с каморной системой: в рукописях, исследованных Л. Л. Васильевым, в Муз. 3650, в большинстве почерков Троицкой псалтири.

4. Позиционный принцип: под выносной буквой употребляется маркированная графема (обычно ѡ, реже *о* широкое). Этот принцип обычно соблюдается нестрого. Вариант с ѡ представлен в XV—XVII вв. довольно широко в самых разных памятниках, в частности во многих московских грамотах. Широкое *о* встречается в этой роли обычно лишь наряду с ѡ.

5. Морфемный принцип: морфема «от» (предлог и приставка) пишется ѡ^{т}, независимо от всех прочих правил для графем класса *О*. Этот принцип представлен в подавляющем большинстве рукописей, начиная с древнейших, и в печатных книгах (в части памятников как морфема «от» записываются также начальные *От-* другой природы, например в словоформах *Отца*, *Отщетити*).

6. Различные менее распространенные морфемные принципы, сводящиеся к тому, что за определенным списком морфем закреплено написание с маркированной графемой (обычно ѡ). Сам этот список в разных рукописях различен. Например, в евангелии XV в. (ГБЛ, ф. 113, № 31; по-видимому, тверского происхождения) различения /ô/ и /ɔ/ нет, но, в частности, корни *хОд-*, *хОт-*, *плОд-*, предлог и приставка *пОд-*, окончание Т. ед. и Д. мн. *-Омъ* постоянно пишутся с ѡ, а корень *мнОг-* записывается через *о* с каморой. Заметим, что корень *мнОг-* входит в подобные списки чаще всех прочих (ср. также следующий пункт). Не исключено, что в некоторых рукописях, различающих /ô/ и /ɔ/, постоянная запись

окончаний *-агО*, *-огО* со знаком для /ô/ фактически подчинена механическому правилу этого же типа (а не фонемному принципу).

7. Лексико-грамматический принцип: применение ѡ подчинено серии правил, опирающихся на лексическое значение слова или на грамматическое значение словоформы. Важнейшие из этих правил: ѡ при лексическом или грамматическом значении множественности, например, *мнѡгъ*, *нѡги* И. мн., *скѡтъ* Р. мн., *внукѡмъ* Д. мн. (ср. *о* в *ноги* Р. ед., *скотъ* И. ед., *внукомъ* Т. ед.); ѡ в наречии, например *мудрѡ* (ср. *о* в прилагательном: *мудро*); ѡ в Р. ед. на *-агО*, например *живагѡ* (ср. *живаго* в В. ед.) и др. Этот принцип, излагаемый, в частности, в грамматике Смотрицкого, получает значительное распространение в русских рукописях и книгах, по-видимому, лишь с середины XVII века. Со временем он становится обязательной нормой для церковнославянских текстов (действующей и ныне).

Вероятно, существовали также какие-то другие, еще не выявленные принципы распределения графем класса *О*.

З а м е ч а н и е. Сверх собственно орфографических моментов на выбор между *о* широким и *о* узким или между ѡ и *о* может влиять и то чисто внешнее обстоятельство, что они различаются по ширине; ср. аналогичное различие в парах *и* — *і*, *оу* — *у*. Так, недостаток места в строке может привести к выбору узкой графемы (ср. сноску 39); существенно реже избыток места приводит к выбору широкой графемы.

При всей многочисленности возможных принципов распределения графем класса *О*, в части случаев мы сталкиваемся просто с их свободным варьированием (хотя количество таких случаев всё же меньше, чем кажется с первого взгляда, поскольку некоторые правила распределения обнаруживаются только при тщательном анализе). Свободное варьирование почти всегда ограничено лишь частью возможных позиций; например, оно обычно не нарушает действия принципов 2 и 5. Отметим особо, что в рукописи с различением /ô/ и /ɔ/, отражающей акающий говор (типа Травника), возможно свободное варьирование графем класса *О* в безударных слогах. Так, в Травнике в безударном положении при господствующем *о* иногда (без видимых правил) пишется и ѡ.

§ 24. Если в рукописи действует одновременно несколько принципов, они обычно образуют иерархию, которую можно в общем виде представить так. Вначале действуют правила первого ранга; они предписывают для какой-то части точек текста, соответствующих фонеме «типа *о*», маркированную графему. К оставшейся совокупности точек применяются правила второго ранга и т. д. В точках, не затронутых ни одним из правил, пишется немаркированная графема.

Разные орфографические школы различаются между собой набором правил и/или их распределением по рангам. Ниже разобраны системы распределения графем класса *О* в разных зонах Мерила и в нескольких других памятниках. Нефонемные принципы обозначены номерами в соответствии с § 23. В разбираемых системах немаркированной графемой является: если указано, что в рукописи противопоставления *о* узкого и *о* широкого нет — *о* единое; в прочих случаях — *о* узкое.

Вначале приводятся примеры систем с различением /ô/ и /ɔ/.

Мерило, зона А. I ранг: фонема /ô/ передается через ѡ. II ранг: принцип 2 в особом варианте, а именно, в начале слова *о* широкое, после гласной буквы или ъ — безразлично *о* широкое или ѡ.

Мерило, зона Б. I ранг: фонема /ô/ передается через ѡ. II ранг: принцип 2 в смешанном варианте (*о* широкое или реже ѡ; какого-либо правила распределения не замечено). Особенностью является здесь то, что диграф *оу* в начале слова и после гласной пишется с узким *о* или с ѡ (т. е. как *оу* или *ѡу*).

Травник. I ранг: принцип 2 в варианте с ѡ. II ранг: фонема /ô/ передается через ѡ. III ранг: принцип 4 в варианте с ѡ (весьма нестрого). IV ранг: в безударных слогах свободное варьирование *о* и ѡ (с подавляющим преимуществом *о*, см. § 23, конец). Противопоставления *о* узкого и *о* широкого нет.

Узкошрифтное евангелие анонимной типографии (§ 6). I ранг: принцип 5. II ранг: принцип 2 в смешанном варианте (*о* широкое или реже ѡ). III ранг: в любой словоформе любая фонема «типа *о*» может быть записана через ѡ (т. е. ѡ выступает здесь как безразличное обозначение для обеих фонем «типа *о*»); фактически, однако, такая запись применяется лишь в очень небольшой части случаев. IV ранг: принцип 4 в смешанном варианте (*о* широкое или ѡ). V ранг: фонема /ô/ передается через *о* широкое.

Приведем теперь примеры систем без различения /ô/ и /ɔ/.

Мерило, зона В, почерки «з» и «и». I ранг: принцип 5. II ранг: принцип 2 в варианте с *о* широким.

То же, почерк «м». I ранг: принцип 5. II ранг: принцип 2 в смешанном варианте (*о* широкое или ѡ). Эта же система представлена в почерке «о», но только принцип 2 здесь почти всегда дает ѡ (*о* широкое представлено только в киновари и всего несколько раз в обычном тексте).

Лаврентьевский список летописи (1377 г.), первый почерк. Только принцип 2 в варианте с ѡ. Противопоставления *о* узкого и *о* широкого нет.

Триодь цветная. Москва, 1591 (печатник Андроник Невежа). I ранг: принцип 5. II ранг: принцип 2 в смешанном варианте (*о* широкое или ѡ). III ранг: принцип 1 в варианте с *о* широким.

З а м е ч а н и е. Во всех разобранных здесь системах морфема «от» пишется ѡ^{т}. Однако отдельный принцип 5 нужен в описании не везде, поскольку в ряде памятников написание «от» с ѡ вытекает из принципа 2, в а зонах А и Б Мерила — из фонемного принципа.

Свидетельства средневековых грамматистов о двух фонемах «типа о»

§ 25. В текстах орфографического и грамматического содержания (по рукописям конца XVI и XVII в.), собранных в известной работе В. И. Ягича[41], имеется целый ряд мест, показывающих, что указанные выше принципы распределения графем класса *О* (как фонемный, так и нефонемные) были хорошо известны грамматистам и излагались ученикам в процессе обучения. Наибольший интерес для нас представляют свидетельства о том, что грамматисты знали о различении на письме двух фонем «типа *о*». Соответствующие выдержки приводятся ниже [42] (все они относятся к омеговой системе; аналогичных свидетельств о других системах пока не обнаружено).

«По два писмени сложенми шесть буквъ стяжателных, а каяждо буква в себѣ имат по двѣ буквы внятелных, занеже гл҃сы сходятся издалека, и мнѡзи ѡт неразумїа единако гл҃тъ. и того ради приложены по двѣ боуквы, дабы разумно было всяко сложенїе особь. и тѣх внятелных буквъ .в҃.» (Ягич, с. 924). Перевод с элементами интерпретации: «В двубуквенных последовательностях [выступают] шесть букв обобщающих, каждая же такая буква объединяет по две буквы отчетливых (т. е. диффе-

[41] И. В. Я г и ч. Рассуждения старины о церковно-славянском языке. «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895 (далее : Ягич).

[42] Орфография цитируемых текстов не соответствует тем правилам, которые в них излагаются; поэтому мы позволили себе ее несколько упростить (в частности, сняты надстрочные знаки, ук передан через *у*, юс малый — через *я*).

ренцированных, недвусмысленных), поскольку [соответствующие] звуки отдаленно сходны и многие от неразумия произносят их одинаково. По этой причине применяется по две буквы, чтобы всякая последовательность отличалась от остальных; и тех отчетливых букв 12». Далее в тексте идет перечисление отчетливых («внятельных») букв по парам; например, в сложении с *б* это дает: *ба — бя*; *бе — бѣ*; *бо — бѡ*; *би — бы*; *бу — бю*; *бъ — бь*.

В сущности перед нами достаточно точное описание инвентаря фонологически различных последовательностей класса «согласная + гласная» при семифонемной системе гласных. Так, *ба* = /ба/, *бя* = /б'а/; *бе* = /б'е/ или /бе/[43], *бѣ* = /б'ê/; *бо* = /бɔ/, *бѡ* = /бô/; *би* = /б'и/, *бы* = /би/; *бу* = /бу/, *бю* = /б'у/. Из сочетаний, возможных в живой речи, здесь недостает только /б'ɔ/; однако в средневековом книжном произношении этот тип сочетаний, по-видимому, отсутствовал или по крайней мере порицался [44]. Таким образом, с точки зрения автора трактата, написание *бе* не нарушало общего принципа взаимно-однозначного соответствия между буквенными и фонемными сочетаниями. Буквосочетания *бъ* и *бь* в составе словоформ, разумеется, передавали одиночные фонемы, но при учебном скандировании слогов, по-видимому, произносились как слоги с какой-то редуцированной гласной.

Большой интерес представляет свидетельство данного текста о том, что многие смешивают последовательности, входящие в одну пару. Для пар типа *ба — бя*, *бу — бю*, *би — бы*, вероятно, имеются в виду случаи смешения твердых и мягких согласных, определяемые различными белорусскими, украинскими и диалектными великорусскими процессами. В парах же *бе — бѣ* и *бо — бѡ* речь идет о смешении гласных, ставшем впоследствии литературной нормой.

В грамматических сочинениях неоднократно встречаются попытки словесно описать «гласы» (т. е. звуки), передаваемые буквами. Приведем некоторые из таких определений, свидетельствующие о том, что по крайней мере в части случаев перед нами не чисто условные ярлыки, а именно попытки передать впечатление от звучания или от артикуляции: «иже оузокъ гласъ обдержит, еры широкъ и плоскъ» (с. 655), *у* — «пространенъ», *ю* — «тѣсенъ» (с. 664), *е* — «скуденъ», *ѣ* — «доволенъ» (с. 663) или «гибокъ» (с. 655). Допустимо предположить, что «скуденъ» передает впечатление краткости, «доволенъ» — большей длительности, «гибокъ» — дифтонгичности. Интересно отметить также постоянную формулу «юсъ гугнивъ» (с. 636, 655, 696, 920).

В ряду этих определений звук, передаваемый буквой ѡ, регулярно получает эпитет «логоватъ», иногда «гладокъ и логоватъ» (с. 636, 640, 655, 658, 663, 696, 920, 925). С другой стороны, для *о* находим эпитет «остръ» (с. 655, 663), однажды также «высокъ» (с. 920); говорится также, что *о* «глаголется грубо» (с. 646, 647). Слово «логоватъ», по-видимому, значит «ложбинчатый, вогнутый» [45]. Можно предполагать, что этим эпитетом пе-

[43] В зависимости от того, смягчались ли вообще в соответствующем типе произношения согласные перед /е/; см. Б. А. Успенский. Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литургического произношения в России). М., 1968, с. 29 и далее. С точки зрения различительных возможностей системы это несущественно, коль скоро /е/ не совпало с /ê/.

[44] Об отрицательной оценке таких сочетаний даже в XVIII в. см. Б. А. Успенский. Первая русская грамматика на родном языке. М., 1975, с. 209—211.

[45] Так, в «Подлиннике о книжном переплете» конца XVII в. противопоставлены слова *погорбáтїе* и *пологовáтїе* в значении «более выпукло» и «более вогнуто», см. П. Симони. Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного художества на Руси. СПб., 1903, с. 11. Ср. также у Даля: *логовáтое место* — низменное, впадистое, завалистое, впалое.

редано впечатление от дифтонгического звука, ср. выше эпитет «гибокъ» для *ѣ*. Эпитеты «остръ» и «грубъ», напротив, могут передавать впечатление от монофтонга, начинающегося резко, без *у*-образного приступа.

Некоторые средневековые правила явно относятся к графико-орфографической системе того типа, который представлен в Травнике: в начале слова и слога из букв *о* и ѡ возможно только ѡ (принцип 2), а в прочих случаях ѡ передает /ô/, а *о* — /ɔ/ (фонемный принцип). Следует учитывать, что в говорах, где начальное /ô/ дало /вô/ (а таких говоров было большинство), в начальной позиции из фонем «типа *о*» было возможно только /ɔ/, т. е. в начале слова буква ѡ фактически передавала /ɔ/. Именно такой ситуации соответствует правило: «... писмя ѡ двоегласно, в началѣ*х* реченїи просто, а в слозѣ*х* логовато» (Ягич, с. 925, ср. также с. 640 и 658), т. е. «буква ѡ выражает два разных звука, в начале слова [произносится] просто, а в слогах (т. е. после согласной) — вогнуто».

Весьма показательно также следующее место: «Русїа ради ѣать, а ѡт греческы*х* писменъ ѡ. а глаголется ради Русїа в складѣ логовато. а сїе ради Поляцъ *ж*, а г҃лется гугниво. а сїе ради Болгаръ и Русїа и Поляц҃ б ж s ч ш. а сїе ради всѣ*х* Словлянъ҃ ц ъ ы ь е ю я» (Ягич, с. 636, почти буквально тот же текст — с. 696). Автор утверждает, таким образом, что буквы *ѣ* и ѡ входят в состав славянского алфавита из-за того, что они требуются русским (т. е. восточным славянам); в этом естественно усматривать косвенное указание на особые фонемы /ê/ и /ô/ (ср. прочие приводимые автором сведения: они либо просто правильны, либо неточны лишь в незначительных деталях).

В целом приведенные выдержки не оставляют сомнений в том, что средневековые русские грамматисты ясно осознавали различие между /ô/ и /ɔ/ и рассматривали (по крайней мере, в части школ) букву ѡ как средство передачи /ô/. Справедливости ради следует, впрочем, признать, что приведенные выдержки приобретают теперь столь ясный смысл и надежность именно потому, что соответствующие факты фонологии и графики установлены и помимо этих свидетельств (в противном случае едва ли можно было бы пойти на их основании дальше предположений).

Дополнения к главе 1

К §§ 1-6. Заметим прежде всего, что слово "новые" в названии главы ныне уже уместно было бы снять: как известно, это слово устаревает, т.е. перестает соответствовать действительности, быстрее любых других. Мы сохранили его здесь в сущности лишь для того, чтобы избежать путаницы при ссылках, поскольку во всех отсылках данная глава фигурирует под условным наименованием 'Новые данные'. Следует учитывать, таким образом, что речь идет о новизне по состоянию на 1978 г. За последующие годы обнаружено значительное число других памятников, различающих /ɔ/ и /ô/; см. об этом прежде всего в книге: Зализняк А.А., *От праславянской акцентуации к русской*, Москва, 1985, §§ 3.3-5,19. Не перечисляя этих памятников, отметим здесь лишь следующее. Для системы, обозначенной в § 5 формулой "*о* узкое = /ô/", предложено более удобное название "узколитерная система"; для системы "*о* широкое = /ô/" (§ 6) - название "широколитерная система". Таким образом, мы можем сейчас различать четыре основных системы: 1) омеговую; 2) каморную; 3) узколитерную; 4) широколитерную. Помимо этих "чистых" систем, встречаются также комбинированные, т.е. соединяющие в себе характерные признаки двух или трех систем сразу; в частности, известна система 2+3 ("каморно-узколитерная") и система 1+2+4 ("кумулятивная"); см. указ. соч., § 3.19.

К § 14. В работе: Зализняк А.А., *От праславянской акцентуации к русской*, Москва, 1985, § 3.26 - содержатся некоторые дополнительные сведения о диалектологически значимых особенностях Мерила. Не пересказывая их здесь, отметим лишь, что они в целом подкрепляют предложенную в настоящей книге локализацию говора Мерила. Наиболее вероятным для локализации этого говора признается район, очерченный примерно так: Ржев - Торопец - Смоленск - Мосальск.

К пункту 3 в § 14. К перечисленным здесь примерам из Мерила следует добавить: *идѣть* 342б (с *ѣ* вместо *е*).

К § 15 (табл. 1). См. выше дополнения к §§ 1-6.

Глава 2

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ БУКВ *о* И *ω* В "МЕРИЛЕ ПРАВЕДНОМ"

ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 1. Настоящая глава[1] посвящена исследованию закономерностей распределения букв *о*[2] и ω в древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное»[3] (далее сокращенно: Мерило). Основной тезис главы состоит в том, что в данной рукописи эти буквы передают две разные фонемы «типа *о*» — более открытую и более закрытую (условно /ɔ/ и /ô/). Исследуются также особенности отразившейся в данной рукописи системы распределения этих двух фонем.

§ 2. Опираясь в первую очередь на работы Р. О. Якобсона и В. А. Дыбо[4], мы исходим из того, что в праславянском (а также в раннем[5] древнерусском) все полнозначные словоформы делились с акцентологической точки зрения на два класса: «ортотонические» словоформы (термин В. А. Дыбо) и «энклиномены» (термин Р. О. Якобсона и В. А. Дыбо). Каждая ортотоническая словоформа имела постоянное неотъемлемое ударение на одном из слогов; это полноценное с фонологической точки зрения ударение можно назвать автономным[6]. Напротив, словоформы-энклиномены с фонологической точки зрения вообще не имели ударения. Фонетически это выражалось в том, что в составе фразы энкли-

---

[1] Она представляет собой продолжение работы: А. А. Зализняк. Новые данные о русских памятниках XIV—XVII веков с различением двух фонем «типа *о*». «Советское славяноведение», 1978, № 3 (далее: Новые данные).

[2] Под буквой *о* условимся здесь понимать совокупность двух дополнительно распределенных графем: «*о* узкое» и «*о* широкое» (подробнее см. Новые данные, сноска 20).

[3] Рукопись Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 304, № 15. Фототипическое издание: Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961.

[4] См. Р. О. Якобсон. Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии. American contributions to the Fifth International Congress of Slavists. The Hague, 1963; В. А. Дыбо. О реконструкции ударения в праславянском глаголе. «Вопросы славянского языкознания», вып. 6. М., 1962; его же. Акцентология и словообразование в славянском. «Славянское языкознание. VI международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации». М., 1968; его же. О фразовых модификациях ударения в праславянском. «Советское славяноведение», 1971, № 6. К этому же направлению относится работа: P. Garde. Histoire de l'accentuation slave, t. 1—2. Paris, 1976.

[5] Т. е. до падения редуцированных.

[6] В отличие от южных и западных славянских языков, где, начиная с определенной эпохи, различаются автономное ударение с так называемым акутом и автономное ударение с так называемым новым акутом, для восточнославянских языков, по-видимому, нет внутренних оснований реконструировать какие-либо просодические различия в рамках автономного ударения.

номен обычно был полностью безударен, а в изолированном положении получал на начальном слоге некоторое просодическое усиление, которое можно назвать а в т о м а т и ч е с к и м ударением. Автоматическое ударение чем-то отличалось (по крайней мере первоначально) от автономного; обычно предполагают (по крайней мере для долгих гласных), что автономное ударение сопровождалось восходящей интонацией, а автоматическое — нисходящей. Заметим, что традиционная акцентология усматривала здесь только это различие интонаций (которые расценивались как равноправные члены просодической оппозиции); между тем с фонологической точки зрения автономное ударение означает просто ударность, автоматическое — всего лишь позиционный вариант безударности.

В ходе истории восточнославянских языков эта система перестроилась: автономное и автоматическое ударения перестали просодически различаться (хотя неясно, когда именно это произошло); их общим наследником является современное единое ударение. Прежние энклиномены стали просто начальноударными словоформами; от их первоначальной фразовой безударности сохранились лишь следы [7].

§ 3. После падения редуцированных противопоставление двух фонем «типа *о*» (условно /э/ и /ô/) [8] возникло на всей или почти на всей [9] восточнославянской территории. Фонемы «типа *о*» этой эпохи возникли в основном из раннедревнерусских ъ (там, где этот ъ не выпал) и *о*, в определенных случаях также из ь и *е*. При этом следует различать обычные раннедревнерусские *о* и *е* и «вставные» *о* и *е*, т. е. вторые гласные полногласных сочетаний *оро*, *оло*, *ере*: как показал П. Гард, «вставные» *о* и *е* в раннем древнерусском еще не отождествились с фонемами /о/ и /е/ [10]. Формирование фонем «типа *о*» из названных раннедревнерусских звуковых единиц происходило несколько по-разному в разных частях восточнославянской территории.

Общим для всех восточнославянских диалектных систем с двумя фонемами «типа *о*» было правило: /О/ [11], восходящее к раннедревнерусским ъ или ь, есть /э/ (например, в *рот*, *кусбк*, *горб*, *шов* было повсеместно представлено /э/).

Различия касаются распределения /э/ и /ô/, возникших из *о* и *е* (обычных и «вставных»). Необходимо различать по меньшей мере три основных принципа распределения /э/ и /ô/ такого происхождения, которые условно можно обозначить как «великорусский», «украинский» и «полесский».

1. «Великорусский» принцип (представлен во всех известных до настоящего времени великорусских памятниках и говорах, различающих /э/ и /ô/): а) /О/ из раннедревнерусского обычного *о* есть /ô/ в ударном слоге ортотонической словоформы (как, например, в *двор*, *хóдят*, *добрó*, *прихóд*, *прихóда* [12]) и /э/ в прочих случаях (*дом*, *дóму*, *гóрод*; *двора́*, *хóлоп*, *рáдость*); б) точно так же распределено /О/ из «вставного» *о* (ср. *холóп*, *холóпа* с /ô/ и *гóрод*, *гóрода*, *голова́* с /э/); в) /О/ из *е* (обычного или «вставного») есть /э/ (*нёс*, *лицó*, *берёза*).

[7] Условимся, однако, для упрощения формулировок словоформа более позднего времени, происходящие из ортотонических, называть тоже ортотоническими, а из энклиноменов — энклиноменами.

[8] /э/, вероятно, реализовалось как [э], /ô/ — как [ô] или [уо].

[9] Возможно, что это противопоставление не развилось на территории Смоленской и Полоцкой земель; см. Р. И. А в а н е с о в. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности. «Вопросы языкознания», 1955, № 5, с. 27.

[10] См. П. Г а р д. К истории восточнославянских гласных среднего подъема. «Вопросы языкознания», 1974, № 3. Положения этой важной работы использованы и в последующей части настоящего параграфа.

[11] /О/ — обобщающее обозначение для фонем «типа *о*», *О* — для букв *о* и ѡ.

[12] Словоформы приведены в обычной орфографии; гласная, о которой идет речь, выделена.

2. «Украинский» принцип отражен в галицко-волынском евангелии библиотеки МГУ, № 1367 [13] (см. Новые данные, §1) и в современном литературном украинском языке и южноукраинских говорах. В МГУ 1367 непосредственно сохраняется исходное противопоставление /ɔ/ и /ô/, которые передаются здесь, как и в Мериле, соответственно через *о* и ѡ. В литературном украинском языке и южноукраинских говорах прежние /ɔ/ и /ô/ отражены соответственно как *о* и *і*. Украинский принцип таков: а) /О/ из раннедревнерусского обычного *о* есть /ô/ в перестроенном слоге [14] (например, в МГУ 1367 *двѡръ*, *потѡпъ*, *дѡмъ*, *кѡсть*, *радѡсть*; укр. *двір*, *прихíд*, *кість*, *рáдість*) и /ɔ/ в неперестроенном (например, в МГУ 1367 *очи*, *ходять*, *добро*, *которого*; укр. *óчі*, *хóдять*, *добрó*); б) /О/ из «вставного» *о* есть /ɔ/ (МГУ 1367 только *полотна* Р. ед. 54г, 90б; укр. *холóп*, *холóпа*, *гóлос*, *гóлосу*, *головá*); в) /О/ из *е* (обычного) распределено так же, как /О/ из обычного *о* (МГУ 1367 только *речѡмъ* «скажем» 139г; укр. *жíнка*, но *жонá*).

3. «Полесский» принцип (представленный в современных севернoукраинских и южнобелорусских говорах) отличается от украинского только тем, что в безударных слогах (т. е. лишенных того единого ударения, в котором совпали прежние автономное и автоматическое ударения) /О/ любого происхождения есть /ɔ/. В этих говорах прежнее /ɔ/ обычно представлено как /о/, прежнее /ô/ — как дифтонг (по говорам [уо], [уе], [уи] и др.) или [ô].

Таким образом, при великорусском принципе распределение /ô/ и /ɔ/ в определенных случаях зависит от наличия или отсутствия автономного ударения (т. е. ударения древней эпохи), при полесском оно зависит от наличия или отсутствия единого ударения позднейшей эпохи; при украинском принципе оно вообще не зависит от акцентуации. Разумеется, указанные принципы определяют только главнейшие особенности распределения /ɔ/ и /ô/; в конкретных говорах и памятниках возможны разнообразные вариации в частностях. Важным позднейшим свойством многих диалектных систем с великорусским или полесским принципом распределения /ɔ/ и /ô/ является аканье, в силу которого в безударных слогах находим уже не [ɔ], а [а] или [ə].

ПРАВИЛА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ *О* И ѡ В МЕРИЛЕ

§ 4. В настоящей статье анализируется материал только так называемой зоны А Мерила (см. Новые данные, § 9). Соответственно в дальнейшем под Мерилом фактически понимается (если не оговорено иное) его зона А; в частности, к зоне А относятся все приводимые подсчеты.

В Мериле *О* (т. е. *о* или ѡ) встречается в записях словоформ только в таких точках, которым в раннем древнерусском соответствовали *ъ* или *о* (обычное или «вставное»); *О* в соответствии с раннедревнерусскими *ь* и *е* в Мериле не представлено.

В результате полного обследования материала зоны А Мерила (включающего около 18 500 вхождений *о* и около 8000 вхождений ѡ) мы прип-

[13] Далее: МГУ 1367. Ссылки даются на цифровую (не кириллическую) нумерацию листов рукописи; буквы *а*, *б*, *в*, *г* обозначают столбцы.

[14] Под перестроенным понимается слог, за гласной которого прежде (т. е. в раннем древнерусском) шел слог с редуцированным, впоследствии выпавшим. Термин «новый закрытый слог», обычно используемый в этом же значении, менее удобен (особенно когда речь идет о современных языках или говорах), поскольку многие неконечные слоги этого типа (например, первый слог в *прислать* < *присълати*) реально были закрытыми, по-видимому, лишь сравнительно недолгое время после падения редуцированных, а затем снова стали открытыми.

ли к выводу, что в основе распределения букв *о* и ѡ здесь лежат следующие правила (в дальнейшем именуемые «основными правилами») [15].

1. *О*, соответствующее раннедревнерусскому *ъ*, есть *о*, например: *ротъ*, *пѣсокъ*, *торгъ*.

2. *О*, соответствующее раннедревнерусскому *о* (обычному или «вставному»), есть ѡ в следующих случаях: а) в ударном слоге ортотонической словоформы, например: *хѡдять*, *добрѡ*, *закѡнъ*, *закѡна*, *холѡпъ*, *холѡпа*; б) во втором заударном слоге ортотонической словоформы, например: *яблокѡ*, *праведнѡе*; в) независимо от акцентуации, в перестроенном начальном слоге словоформы (а также сочетания «предлог + именная словоформа»), например: *двѡръ*, *дѡмъ*, *кѡвчегъ*, *пѡслати*, *пѡ два*, *пѡ мьздѣ*.

3. В прочих случаях *О*, соответствующее раннедревнерусскому *о* (обычному или «вставному»), есть *о*, например: *дому*, *слово*, *золото*, *городъ*, *городу*, *вода*, *голова*, *масло*, *старость*.

К основным правилам имеются следующие морфологические поправки. К правилу 1: несколько индивидуальных морфем и словоформ (см. их список в § 8) в нарушение этого правила пишутся с ѡ. К правилу 2: постоянно пишутся с *о* окончание Д. мн. *-Омъ* у существительных, аористные окончания *-Омъ*, *-Овѣ*, глагольный суффикс *-Ова-*, частица *-ждО*, окончание *-О* в морфемных сочетаниях *-Ов-О*, *-ав-О* (независимо от места ударения, т. е. вопреки 2а и 2б), предлог и приставка *О*, *Об* (вопреки 2в). К правилу 3: постоянно пишутся с ѡ (независимо от места ударения) частица *бО*, элемент *гО* в составе окончаний Р. ед. *-ОгО*, *-егО*, *-агО*, окончания М. ед. *-Омь* и Д. М. ед. *-Ои*, корни *Огн-*, *Осм-*, *Остр-*. Некоторые менее существенные отклонения от правил указываются при разборе материала.

Кроме того, имеется частная орфографическая поправка: внутри словоформы после гласной буквы распределение *о* и ѡ может не подчиняться основным правилам (см. § 30).

На результаты действия основных правил (и поправок к ним) накладывается принцип факультативности выражения /ô/, в силу которого вместо ѡ изредка выступает *о* (так наз. упрощенное написание); см. Новые данные, § 16—22 и табл. 2 [16].

С акцентологической точки зрения существенно отделить те случаи появления *о* или ѡ в Мериле, где выбор между *о* и ѡ в принципе зависит от акцентуации словоформы, от тех, где он полностью предопределен другими факторами. Первые можно условно обозначить как «свободные», вторые — как «несвободные». С формальной точки зрения, свободным является всякое конкретное *о* или ѡ в составе встретившейся в Мериле конкретной словоформы, которое не подпадает под основное правило 1 или 2в или под какую-либо морфологическую или орфографическую поправку [17]. Кроме того, свободно ѡ, написанное в силу морфологической поправки к правилу 1, если оно стоит не в начальном перестроенном слоге. Все прочие *о* и ѡ несвободны.

---

[15] Чтобы обеспечить независимость этих правил от проблемы фонетической интерпретации написаний, они сформулированы для непосредственно наблюдаемого уровня, т. е. для букв.

[16] Эта таблица охватывает 6163 вхождения ѡ; остальные ѡ — это, во-первых, около 1500 ѡ в составе орфограммы ѡ^{т} «от», обладающей повышенной устойчивостью (ср. ниже, сноска 52), во-вторых, около 350 ѡ в составе словоформ с колеблющимся ударением (а также в неясных случаях).

[17] При этом несущественно, соответствует ли фактический выбор между *о* и ѡ требованиям правил.

§ 5. Как легко видеть, основные правила предписывают для букв *о* и ѡ в Мериле распределение, в основном совпадающее с распределением /ɔ/ и /ô/ в великорусских говорах и памятниках. Имеется лишь два отличия: 1) в начальном слоге ѡ в Мериле выступает не только там, где /ô/ ожидается по великорусскому принципу, но также и там, где оно ожидается по украинскому принципу (ср. *двор*, *хо́д'ут*, *дом*, *до́ма* в великорусском говоре деревни Лека [18], *двѡръ*, *ходять*, *дѡмъ*, *домоу* в МГУ 1367 и *двѡръ*, *хѡдять*, *дѡмъ*, *дому* в Мериле); 2) сверх требований великорусского принципа, в Мериле **о* дает ѡ во втором заударном слоге.

При том объеме материала, который представлен в Мериле, о случайном сходстве двух распределений не может быть и речи. Заметим, что систематический (а не беспорядочный) характер отклонений Мерила от остальных великорусских памятников и говоров столь же убедительно свидетельствует о неслучайном распределении *о* и ѡ в Мериле, как и совпадения. Таким образом, необходимо признать, что противопоставление букв *о* и ѡ в Мериле отражает (прямо или хотя бы косвенно, всегда или хотя бы в большинстве случаев) не что иное, как противопоставление двух фонем «типа *о*».

В принципе здесь имеются, однако, разные возможности: 1) писцы зоны А Мерила писали *о* и ѡ (по крайней мере, в большинстве случаев) непосредственно по слуху; 2) писцы руководствовались не слухом, а системой чисто орфографических правил, которая в омертвевшем виде сохраняла распределение *о* и ѡ, некогда отвечавшее фактам какого-то другого древнерусского говора [19]. В действительности, однако, последняя гипотеза невероятна. Во-первых, в Мериле отклонения от правильного распределения *о* и ѡ совершенно несимметричны: *о* вместо ѡ (т. е. упрощенное написание) встретилось не менее 445 раз, тогда как надежных примеров ѡ вместо *о* (включая явные описки) всего порядка десяти (см. § 30, конец). Между тем при чисто орфографических правилах распределения отклонения в обе стороны равновероятны (см. Новые данные, § 19). Во-вторых, для того чтобы с такой точностью, которую мы видим в Мериле, имитировать разветвленную систему чередований /ɔ/ и /ô/ в словоизменении и словообразовании (ср. ниже, § 9), потребовалась бы совокупность правил совершенно неправдоподобной степени сложности — во много раз большей, чем в любых других известных из истории русской орфографии случаях подобного рода (например, чем в правилах написания *е* и *ѣ* или безударных *о* и *а*). Наконец, на выбор ѡ или *о* именно по слуху, а не по традиции указывает ряд частных фактов, например колебание между ѡ и *о* в тех самых словах, для которых в других источниках засвидетельствовано колебание ударения или непосредственно колебание между /ô/ и /ɔ/, ср. «новый» (§ 10), «любовь» (§ 8) и др.; особенно показательны написания *тѡлико*, *кѡлико*, где ѡ соответствует разговорному, а не книжному произношению этих слов (§ 23).

Вывод о том, что писцы Мерила писали ѡ и *о* по слуху, не означает, впрочем, что при этом у них не могло быть частных орфографических правил, которые в каких-то особых случаях требовали нефонетических написаний (см. об этом в § 18 и 30 и в сноске 46).

---

[18] См. А. А. Шахматов. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. Известия ОРЯС, т. 18, кн. 4. В записи Шахматова /ɔ/ передается как *о*, /ô/ — как ѡ.

[19] Предположение о том, что писцы зоны А Мерила буква за буквой копировали протограф, можно всерьез не рассматривать — хотя бы потому, что у писцов разных зон разная орфография и если уж кто-то из них и копировал орфографию протографа, то не учителя-каллиграфы (т. е. писцы зоны А), а ученики.

РАЗБОР МАТЕРИАЛА

§ 6. Ниже разбирается (в порядке основных правил) материал зоны А Мерила [20]; этот разбор должен показать, на чем конкретно основаны утверждения, содержащиеся в § 4.

При цитировании Мерила и других памятников *о* узкое и *о* широкое передаются как *о*, *е* обычное, йотированное и «якорное» — как *е*, юс малый — как *я*, ук — как *у*. Надстрочные знаки, кроме знаков ударения, не передаются (*і* «десятеричное», независимо от наличия и числа точек, передается как *і*). Если не оговорено иное (ср. сноски 13, 30), буква «б» обозначает оборотную сторону листа. Ради краткости вместо ссылок на текст в большинстве случаев указывается лишь общее число вхождений; знак × заменяет слово «раз». Если подсчет дан после серии примеров, при которых нет ссылок на страницы (или подсчетов), он означает сумму по всей серии. При подсчетах разница между *и* и *і*, *оу* и *у* и между выносной и обычной буквой не принимается во внимание. При перечислении словоформ возможна сокращенная запись, например: *волость, -и, мѡрьск-агѡ, -ую* (сокращенно записаны *волости, мѡрьскую*). Для называния лексем при необходимости может быть использовано соответствующее современное слово в кавычках, например: «мой», «познать». Сведения об упрощенных написаниях (т. е. *о* вместо ѡ) даются очень сжато; при этом все цитируемые примеры относятся к нормальным условиям, поскольку упрощенные написания, выступающие в особых условиях, малопоказательны (о нормальных и особых условиях см. Новые данные, § 20).

Специально отметим следующее. В Мериле добавление к полнозначной словоформе служебных слов не влияет на ее написание; например, мы находим не только *дѡмъ* (где ѡ в силу основного правила 2в), но и *на дѡмъ*. Независимо от того, как объясняется эта особенность (фонетически или чисто орфографически), она в принципе дает нам право цитировать словоформы вне контекста.

Первые части сложных слов обычно пишутся в Мериле с теми же *о* или ѡ, что и при самостоятельном употреблении, например *закѡнодавець* (при флексионном ударении первого члена наблюдается колебание, например, *заимодавець* и изредка *заимѡдавець*).

О из раннедревнерусского *ъ*

§ 7. В соответствии с основным правилом 1, *О* из раннедревнерусского *ъ* обычно представлено в Мериле как *о*. Материал здесь весьма велик, поэтому ниже дается лишь краткий его обзор (приводятся встретившиеся словоформы [21] или даже просто морфемы).

О в корнях. С прежними *tъrt, tъlt*: *болгаръ, оболкъшеся, оболчени, борз-, борть* и произв., *волшьбныа, волкъ* и др., *волны* «undae» и др., *голважень, горд-, горлици, горнъчару, гортань, долгъ* «longus» и произв., *долгъ* «debitum» и произв., *колбягъ, кормъ* и произв., *кормъчии* и др., *окорненъ* и произв., *корчагъ* и др., *корчемница* и др., *молныа, молч-, полз-, исполченіемь, стополцѣ, портъ* и др., *испортить, оскорби, столпъ* и произв., *толкъ, отолченъ, торгъ* и др., *торгахоу* и произв. (всего около 300 ×); также *полн-* 43 × (но один раз с ѡ; см. § 8; там же о *мОлв-*). Отметим па-

[20] Примеры из зоны Б приводятся только при особой необходимости. Отметим, что в этой зоне (которая в 15 раз меньше зоны А) распределение *о* и ѡ почти такое же, как в зоне А, но с более низким коэффициентом выраженности /ô/ (вероятные ошибки — только *такѡвыхъ* 97, *скѡтьскѡе* 126б, *ктѡ* 141, *мѣстьнѡго* 211б).

[21] Здесь и в дальнейшем «и др.» после словоформы означает «и другие словоформы той же лексемы»; «произв.» — производные.

писания *горъстию* 3б, *въ|скоръмленици* 6, *исторъгну* 19б. С прежними *trъt*, *tlъt*: *дрова* 128б, *-ѣхъ* 340, *кровь* (12×), *кровью* (2×), *крове*, *-и* (7×), *кровавъ*, *кровопролитию* (4×), *стропот-енъ*, *-но*, *-ная* (4×), *строптив-ыи*, *-а* (2×), *тростье*, *-и* (2×), *каблокѡ* 111 (о *плОть* см. § 8). Прочие: *вонъ* «наружу» 32б, *дожь даю* 65б (менее вероятно чтение *дожьдаю* «pluens»), *дождевныа* 3б, *золъ* И. В. ед. муж. (4×), *козньми* 33, *козниı* 242, *ложнª* Р.ед. 119, *попики* «птицы» 33б bis, *сноха*, *снохи*, *сносѣ* (10×), *посолъ* «поручение» 158б, 159, *солни-ци*, *-ки*, *посолни-къ*, *-ци* (8×), *сотныа* 149б, *сотники* 17б, *токмо* (77×), *точью* (11×), *оутокъ* И. сд. 5б, *приточь* Р. мн. 10б, *да въстокнуть* 192, *по тонку* 31, *топчють* 348, *бес тощеты* 128б, *изъ|тощиши* 121б, *истощано*, *-ие* (3×); сюда же *взопьеть* 119б, *взопьють* 18, *взопи* 40б. Об «уповать» см. § 8.

О в послекорневых элементах основы. ***-ък-**: *кротокъ*, *крѣпокъ*, *легокъ*, *ползокъ* (9×); *добытокъ*, *прибытокъ*, *зачатокъ*, *начатокъ*, *опрѣсноки*, *на послѣдокъ*, *пѣсокъ*, *свитокъ*, *четвертокъ* и т. д. (34×). ***-ъп-**: *луконъ* Р. мн. 341 bis. ***-ъš-**: *вѣкошь* Р. мн. 342б bis. ***-ъl-**: *локотъ* Р. мн. 341, *полоть* 332б, 339 (<**polъtь*, ср. в МГУ 1367 *пѡлтема* 131г, 188б), *шепотникомъ* 72. ***-ъv-**: *свекрови* Д. ед. 252б, *ѭтрови* Д. ед. 170, *за оутовь* «за утку» 340. Отметим также постоянные *тогда*, *когда*, *нѣкогда*, *овогда*. О словах «любовь», «церковный», «стропотный» см. § 8.

О в окончаниях. И.В. ед.: *градось* 61б, *бракось* 220б, 221, *рабо|тъ* 262. В Т. ед. *-Омь* записывается только с *о* (при любой акцентуации): например: *попомь*, *животомь*, *пѣскомь*, *числомь*, *молокомь*, *тепломь*; *дѣломь*, *закѡномь*, *правиломь*, *домомь*, *словомь* (в сумме около 310×). Таким образом, показания Мерила (равно как и МГУ 1367, где в Т. ед. тоже всегда *-омь*) в очередной раз подтверждают тот известный факт, что в раннем древнерусском здесь было *-ъмь*.

О в приставках и предлогах (встречается сотни раз). Примеры: *вочтена*, *сожьжеть*, *сонмище*, *возметь*, *пѡдотнеть*; *вообразить*, *сооузъ*, *согрѣшити*, *возносити*; *во тмѣ*, *во пса мѣсто*, *со мнѡгими*, *ко мнѣ*, *ко князю*; *во адъ*, *во оумѣ*, *со инѣми*, *во своемь*, *во правду* и т. п. Отметим также союз *но*.

Изредка вместо *о* (из прежнего ъ) в Мериле встречается также архаичное написание ъ, в частности: *вълхвоуа* 100б, *дълженъ* 89б, *тълкъ* 71, *ѡтърженѡ* 112, *бръ|нѣ* 178б, *бръсняху* 344б, *дъждь* 33, *сътиаа* 105, *тъкмо* (3×), *възмеши* 118 и др., *възпи* 123 и некоторые другие. По-видимому, все эти записи фонетически равнозначны записям с *о*. В некоторых случаях неясно, передает ли буква ъ гласную или нуль звука (ср. сноску 51), например: *дъждя* Р. ед. 33, В. мн. 56б, *на дъскахъ* 109, *дъхну* 193, *тъснися* «старайся» 27, *истъщить* 132б, *въпрѡсъ* 345б и т. п.

В *храборьствѡ* 111б, 127 *о*, по-видимому, эпентетическое; в *со оптенци* «с птенцами» 32 *о* протетическое.

§ 8. Имеется, однако, некоторое число случаев, когда в соответствии с этимологическим ъ мы обнаруживаем в Мериле не *о*, а ѡ. Так, всегда с ѡ в Мериле пишутся: 1) морфема *плОт-*(ь) в перестроенном слоге — *плѡть* 4б, 190, 230б, 344, *плѡтью* 3, 27б, 34, 172б, 181б, *плѡтн-ымь* 5б, *-аıа* 64б, *-ыхъ* 6, *плѡтьск-аıа* 109, *-ихъ* 135б (ср. в неперестроенном слоге *плоти* Р. ед. 33, 173б, М. ед. 3, также *плъти* Р. ед. 4, 56, *плотоѣдныѣ* 33); 2) морфема *мОлв-* — *мѡлва* 56б, *-у* 266, *-ы* В. мн. 77б, *мѡлв-ити* 23б, 68, *-ить* 21б, 31, 64, *-ишь* 30б, 63б, *-и* повел. 23, *измѡлвити* 29б; 3) причастие *скрОвенъ* — *скрѡвенъ* 2, 52, *-о|е* 261б, *-ѣмь* 45, *-у* 53_2б, *-аıа* 11б, *-ыхъ* 40, *-ѡю* Р. дв. 39б; 4) *вѡину* «всегда» (10×: 38б, 75, 148б и др.; но также *выну* 207б), *вѡ имя* 14, 59б, 109, 171, *вѡнь* «в него» 1, 118б, *вѡнже* «в который» 136б, 161, 164 bis (также *вѡниже* «в которое» 203б), *вѡнми* повел. 14; *вѡтъ* «в тот» (*часъ*, *дн̃ь*, *гѡдъ*) (10×: 35, 41, 201б и др.); 5) словоформы

тѡтъ 149, 225, *кѡждо* И. ед. муж. (11×: 18 bis, 34б, 37 и др.). По-видимому, сюда же относится *просѡпъ* (*даеть ... жито во просѡпъ* 336б «дает зерно взаймы с тем, чтобы оно было возвращено с присыпкой»; *про* исправлено в рукописи на *при*). Кроме того, встретились с ѡ (при более обычном написании с *о*): *любѡвь* В. ед. 42б, 45, *любѡвию* 20 (при *любовь* 5, 24б, 132, 196, 249б, *-ью* 22б, 70б, 112, 202б, *-ию* 167, *любовникъ* Р. мн. 144); *црк҃ѡвнаꙗ* 97 (при *црко|вн-ѡе* 78, *-агѡ* 84б, *-ѡму* 94, 198б, *-ымь* 160б, *-ии* 134); *пѡлна* В. ед. 64 (при *полн-а*, *-агѡ*, *-аꙗ* и др. 43×).

Ясно, что по крайней мере в группах 1—5 появление ѡ нельзя приписать простой случайности. Ряд фактов говорит о том, что перед нами не орфографическая условность, а передача /ô/ (т. е. ѡ здесь имеет свое обычное фонетическое значение, а нарушены лишь диахронические правила).

Прежде всего многие из рассматриваемых слов записываются со знаком для фонемы /ô/ также и в других памятниках, различающих /ɔ/ и /ô/ (притом что графические приемы передачи /ô/ в разных рукописях различны). Так, в МГУ 1367 из этих слов представлены с ѡ: постоянно — *вѡиноу* «всегда», *вѡ имя*; изредка — *вѡтъ* «в тот» 129г, 200б, *испѡлнь* 104г (при обычных *вотъ*, *полн-*, *исполн-*). В Травнике (см. Новые данные, § 3): *плѡть* и производные (5×), *да промѡлвить* 134б, *церкѡвны*ᵘ 373б. В рукописях с каморной системой постоянно или хотя бы спорадически выступают с каморой слова «плоть» и производные, «во имя», «вонь(же)», «воньми», «любовь». Далее, в современных русских говорах находим, в частности: воронежск. *любӯбвь*, *любӯбви*, *любӯбвью* [22], вятск. *тӯотъ* [23], тотемск. l'ubôf, l'ubôv'i, tôt [24], лекинск. *тѡт* (наряду с *тот*) [25].

Замечание. При этом, однако, в тех же самых рукописях и говорах можно также найти и примеры расхождений с Мерилом. Так, в МГУ 1367 *плоть*, *молвити*, *вонь*, *вонже*, *тотъ*, *кождо* представлены только с *о*, с другой стороны, например, *вѡ истиноу* — всегда с ѡ (ср. *во истину* в Мериле); в части говоров «любовь» и «тот» выступают с /ɔ/. Таким образом, индивидуальные замены /ɔ/ на /ô/ затрагивали в разных говорах несколько различные наборы слов.

Весьма показательно также то, что в рассматриваемой группе примеров из Мерила ѡ нигде не выходит за рамки тех акцентных и слоговых позиций, в которых в говоре Мерила было возможно /ô/ (см. § 31). Так, это ѡ представлено: а) в односложных словоформах (*плѡть*, *вѡнь*, *вѡтъ*, *тѡтъ*) и в начальном слоге перед двумя согласными (*плѡтнымь* и т. д., *мѡлва* и т. д., *пѡлна*, *вѡнже*, *вѡнми*, *кѡждо*); *вѡину* и *вѡ имя* относятся к той же особой группе, что *свѡими* и т. п. (см. § 22); б) в прочих положениях — только под автономным ударением (*измѡлвити*, *скрѡвенъ*, *просѡпъ*, *любѡвь*, *-ию*, *црк҃ѡвнаꙗ*). Особенно показательно чередование ѡ — *о* в *плѡть*, *плѡтью*, *плѡтнымь* — Р. ед. *плоти* (энклиномен), М. ед. *плоти* (конечное ударение); ср. такое же чередование, например, в *нѡщь*, *нѡщнии* — *нощи*, где *О* из **о*.

Причины появления «незаконного» /ô/, по-видимому, были для разных слов различными. В нескольких случаях мы имеем дело с аналогическим переносом, механизм которого достаточно прозрачен. Так, *тѡтъ*, *кѡждо* явно восходят не к раннедревнерусским *тътъ*, *къжьдо*, а к **тотъ*, **кожьдо*, получившимся в результате обобщения *то-*, *ко-* (выступающих в

---

[22] Диалектологические материалы, собранные В. И. Тростянским, И. С. Гришкиным и др. Сборник ОРЯС, т. 95, № 1, с. 6, 23, 45 и др.

[23] Там же, с. 71.

[24] О. Брок. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. Сборник ОРЯС, т. 83, с. 35, 125.

[25] А. А. Шахматов. Там же (см. сноску 18), с. 186.

среднем роде и в ряде косвенных форм) [26]. В *скрωвенъ* ω, вероятно, по аналогии с *скрωвище* и другими производными (ср., например, *отъкръвено*, *покръвено*, но *съкровище*, *покровъ* в Остромировом евангелии). В *цркωвная* следует видеть влияние суффикса *-Ов-* (об ударении см. § 12), ср. *грѣхωвныи*; это влияние могло затрагивать также основу *любОв-*.

Слово *просωпъ*, по-видимому, перешло в модель склонения с небеглым *О*: ср. небеглое *О* и срединное ударение в Чуд. *осбпи* И. мн. 38г (= λοιμοί, pestilentiae, Лука XXI, 11) от того же корня *зър* (по значению ср. *о-зър-а*). После этого оно и по огласовке уподобилось господствующей модели *потωпъ*, *потωпа* (заметим, что в говоре Мерила для словоформ **прОсбпа*, *-у* и т. д. огласовка /ɔ/ в корне, по-видимому, была невозможна, см. § 31). Ср. аналогичное развитие в воронежск. *вздўбхами* [27].

Сочетание *вωтъ* «в тот» (из *въ тъ*), вероятно, обязано своим ω влиянию местоименной основы **от-*, давшей, в частности, современное *вот* (в говорах /вôт/) [28]; ср. также *і отъ* «и тот» в Мариинском евангелии (Лука XI, 7; в прочих старославянских евангелиях *и тъ*); дополнительное влияние здесь могла оказать словоформа *тωтъ*.

Появление ω в *плωть*, *вωину* «всегда», *вω имя*, *вωнь(же)*, *вωнми* (отчасти также в *любωвь*) связано, как предполагали уже Л. Л. Васильев и Н. И. Дурново, с их книжным характером. Как показал Н. Н. Дурново [29], по крайней мере часть русских книжников XI века читала ъ в старославянских словах как *о*, причем для слов, не имевших прямых соответствий в живом русском языке (например, *оупъвати*), это чтение могло закрепиться. Именно такое произношение с *о* в раннем древнерусском и следует предполагать для приведенных здесь книжных слов; в дальнейшем это *о* развивается по общим правилам, в частности, дает в говоре Мерила ω или *о* в зависимости от акцентной и слоговой позиции, ср. выше о чередовании *плωть — плоти*; ср. также *оуповаи*, *оупование*. Возможно, сюда же относится *стропот-енъ*, *-но*, *-ная* (при *стрънътьна*, например, в Изборнике 1076 г.): ср. в МГУ 1367 *стропωтная* 233г, где как *-пωт-*, так и *стро-* указывают на прежнее чтение с *о*, а не с ъ.

Иной источник имеет ω в морфеме *мωлв-* (из *мълв-*): по-видимому, в говоре Мерила в этой морфеме произошло какое-то фонетическое преобразование сочетания *ол* между двумя губными согласными; ср. особое развитие этой морфемы в укр. *мбва*, *мбвити*, белор. *мбва*, *мбвіць*, польск. *mowa*, *mówić*. Что касается единичного *пωлн-* (на фоне *полн-* 43×), то здесь, быть может, представлен первый проблеск тех колебаний между /ɔ/ и /ô/ в морфемах данной структуры, которые наблюдаются в XVI веке (ср. также *испωлнь* в МГУ 1367); но не исключена и простая ошибка писца.

О из дошедревнерусского *о*

Основная часть материала

§ 9. Основную часть материала здесь составляют свободные *О* (см. § 4), кроме подпадающих под основное правило 2б; этот массив включает около 16 000 вхождений *о* и около 2800 вхождений ω. Нами был проведен последовательный разбор этого материала, в ходе которого написание каж-

---

[26] Ср. там же, с. 186, сноска 1.

[27] Сборник ОРЯС, т. 95, № 1 (см. сноску 22), с. 19.

[28] См. M. Dolobko. Der sekundäre *v*-Vorschlag im Russischen. Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. III, № 1—2, S. 107—109.

[29] См. Н. Дурново. Славянское правописание X—XII вв. «Slavia», roč. 12, № 1—2, Praha, 1933.

дой словоформы в Мериле сопоставлялось с имеющимися сведениями об ее акцентуации в XIV веке. Эти сведения складываются прежде всего из показаний Чудовского Нового Завета XIV века [30], а также из данных более позднего времени (включая современный язык); и то и другое используется с учетом общих положений сравнительно-исторической акцентологии славянских языков.

Проведенный разбор показал, что для данного массива выбор между ѡ и *о* непосредственно определяется акцентуацией словоформы: под автономным ударением выступает ѡ, в прочих случаях *о*. Разумеется, здесь как и во всех других группах словоформ, есть некоторое количество упрощенных написаний, однако коэффициент выраженности /ô/ (см. Новые данные, § 18) столь высок — в нормальных условиях около 97%, — что упрощенные написания лишь в незначительной степени затемняют общую картину. Случаев обратного типа, когда в явное нарушение данной схемы написано ѡ вместо *о*, ничтожно мало (все они приведены в § 30). В настоящей статье привести весь этот разбор невозможно; этому будет посвящена отдельная более обширная работа [31]. Ниже приводятся лишь наиболее наглядные примеры, дающие общее представление о картине, открывающейся при анализе Мерила.

Начнем с примеров, где ударение XIV века совпадает (по месту) с современным.

Примеры словоформ с полногласием. Энклиномены: *бородоу, волоси, волость, -и, -ью, ворогъ, -у, голову, городъ, -а, золото, норовъ, солоду* Р. ед., *солонъ, на всѣ стороны*. Ортотонические словоформы — с безударным *-ОрО-, ОлО-*: *володимѣръ, воротити, голова, -ы* Р. ед., *городьскаѭ, дорогѡе, золота* И. ед. жен., *молода* И. ед. жен., *-ыѣ, молокѡ*; с ударением *-ОрО́-, -ОлО́-*: *за волѡгу, ворѡнамъ, оу ворѡтъ, ворѡтить, ворѡчати, колѡду, за корѡву, порѡги, сдорѡви, скоморѡхъ, холѡпъ, -а, -и, в хорѡмъ*. Прочие примеры. Энклиномены: *слово, око, около, просто, помощь, похоть, кротость; мясо, оухо, живо, прямо, было, взято, немощь; море, очи, воду, носа, рода, кости* В. мн., *двое, голубь, корень, осень, островъ*. Ортотонические словоформы: *злѡ, добрѡ, селѡ, винѡ, прощенѡ, погребенѡ; мнѡго, сбѡра, прѡсить; готѡво, мужьскѡму, закѡлеть, котѡрое, оузакѡнити; живѡтъ, порѡкъ, домѡвъ; подѡбно, разбѡиникъ; вдова, покрыто*.

Характерные примеры чередования *о* — ѡ при словоизменении и словообразовании: *живѡтъ, живота, живѡтнаѭ; сирота, сирѡтъ; слово, прекослѡвье; добрѡ, дѡброе; просто, простѡе; молю, мѡлить, мѡлять, моля, моли* повел., *молити, моленика; хѡдишь, хѡдить, хѡдять, ходя, ходи* повел., *ходити, ходивше, на всхѡдѣ, исхѡдъ, прохѡда; смѡтрить, смѡтримъ, смотря, смотри* повел., *расмѡтренѡе; родить, родити, родила, нарѡды; оугодимъ, оугодити, невоугѡденъ; хощю, хѡщешь, хѡщеть, хотять, не похочи, хотѣти, хотѣлъ; могу, мѡжешь, мѡжеть, мѡжемъ, мѡгуть, не мози, невъзмѡжно*.

§ 10. Перейдем к примерам, где ударение XIV века не совпадает по месту с современным (или в современном языке нет соответствующей словоформы).

Слово «воля» имеет в Чуд. особую аномальную акцентуацию (разноместное ударение при отсутствии оттяжек ударения на проклитику), не

---

[30] Новый Завет господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси (фототипическое издание Леонтия, митрополита Московского). М., 1892 (далее: Чуд.). Ссылки даются на листы оригинала; буквы *а, б, в, г* обозначают столбцы.

[31] Соответственно в § 9—11 примеры даются без ссылок на текст (и обычно даже без подсчетов частоты); упрощенные написания не приводятся.

сохранившуюся в таком виде ни в одном из позднейших памятников и до сих пор не получившую общепринятого объяснения. Оказалось, что в Мериле распределение *о* и *ѡ* в парадигме этого слова точно соответствует показаниям Чуд. (в приводимых парах левый член принадлежит Мерилу, правый — Чуд.): И. ед. *воля* (3×) — *волѧ́*, *волѧ́* (10×); Р. ед. (на *-я*) [32] *воля* (15×) — *волѧ́* (2×); Д. М. ед. *вѡли*, *по вѡли*, *по вѡлѣ* (4×) — *во́ли*, *по во́ли* (6×); В. ед. *вѡлю* (10×) — *во́лю* (12×, но 1 раз *волѭ*). Для Т. ед. в Чуд. нет надежных примеров (в Мериле *вѡлею* 7×).

В Чуд. противопоставлены два акцентных типа аористов на *-охъ*, например, *свед-о́хъ*, *-о́ша*, но *обрѣ́т-охъ*, *-оша*. В более поздних памятниках обычно уже полностью или частично обобщено ударение типа *-о́хъ*, *-о́ша* (более того, уже в самом Чуд. в некоторых случаях замечаются колебания в сторону этой новой акцентовки). Оказалось, что написания Мерила почти безупречно соответствуют данным Чуд. Характерные примеры (способ записи тот же, что выше): 1) *погребѡша — погребо́ша*; *внидѡша — внидо́ша*; *оумрѡша — оумро́ша*; *принесѡша — прінесо́ша*; *рекѡша* — ср. *нарѣко́ша*; *текѡховѣ* — ср. *тео́хомъ*; 2) *погибоша — погиб́оша*; *въздвигохъ — вздви́гохъ*; *излѣзоста* — ср. *слѣ́зоста*; *обрѣтоша — обрѣ́тоша*; *сѣдоша — сѣ́доша*.

Приведем еще несколько примеров соответствия между показаниями Мерила и Чуд.[33]: *солѡмонъ — соло́мѡнъ*; *чювьствѡ* — ср. *чювствѣ*; *свобода — свобода́*; *свободно* — ср. *свѣ́бодни* (энклиномен); *свободнѡму* — ср. *свободны́ю*; *вѣчнѡе* — ср. *вѣчну́ю*; *должьнѡму — должно́му*; *мирнѡе* — ср. *мирна́го*; *свѣтлѡе* — ср. *свѣтло́ю*; *твердѡе* — ср. *нетверди́и*; *второе — второ́е*; *нарѡчитыи* — ср. *наро́чита*; *оногѡ* — *оного́*; *такогѡ* — *такого́*; *боле* «больше» — *болѣ́*; *кромѣ* — *кромѣ*; *подѡбаеть — подо́бает*[т]; *озлѡбляющими* — ср. *озло́бляѭи*; *порабѡтить* — ср. *порабо́тять*; *порабощаеть* — ср. *порабо́щаю*; *наложить* 3 ед.— ср. *наложи́ть*; *поданѡ* — ср. *проданѣ́*; *избранѡ* — ср. *собранѣ́*. Правильное соответствие между Мерилом и Чуд. может выражаться также в том, что колебаниям между *ѡ* и *о* в Мериле отвечают колебания ударения в Чуд. Например, в Мериле представлены *нѡвыи*, *нѡвомоу*, *нѡвою*, *нѡвыхъ* и др. (9×) и *новое*, *новою*, *новыхъ* и др. (29×), а в Чуд.— *но́выи*, *но́вое* и др. (5×), но также *новомоу* 117б.

В ряде случаев акцентовка, предполагаемая написаниями Мерила, непосредственно не засвидетельствована в Чуд., но известна из более поздних памятников. Примеры: *о пѡпѣхъ*, *о вѡлѣхъ*, *въ двѡрѣхъ*, *филосѡфа*, *доброта*, *теплоту*, *мужьствѡ*, *блуднѡе*, *брачнѡе*, *страшнѡму*, *сладкое*, *ѭтое*, *взятое*.

§ 11. Совокупность надежных случаев, когда в ортотопических словоформах ѡ Мерила соответствует ударному *о* других памятников, столь велика, что немногочисленные случаи несоответствия, как правило, должны истолковываться просто как свидетельство разницы (диалектной или хронологической) в акцентуации. Примечательно, что основные расхождения между Мерилом и Чуд. тоже носят систематический, а не разрозненный характер. Так, в Мериле причастия с *-ящ-* от глаголов акцентной парадигмы *b* [34] на *-ити* систематически обнаруживают огласовку ѡ:

---

[32] В Мериле встретился также Р. ед. *вѡли* 342, с окончанием и огласовкой Д. М. ед.

[33] Большинство показанных здесь ударений можно встретить не только в Чуд. С другой стороны, в самом Чуд. в части случаев наряду с приводимым ударением встречается и более новое (совпадающее с современным).

[34] О термине «акцентная (или акцентуационная) парадигма» (идущем еще от Ф. де Соссюра) см., в частности, В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963, с. 4. Обозначения акцентных парадигм (*a*, *b*, *c*) — по книге: C h. S t a n g. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.

гѡняще, мѡлящеся, нѡсяще, прѡсящему, смѡтряще, хѡдяща, вхѡдящихъ и т. д. (всего 71×; в нормальных условиях *о* нет). Между тем в Чуд. здесь господствует суффиксальное ударение: *гоня́ще, моля́ще, нося́ще, прося́щему, смотря́щимъ, ходя́ще* и т. д. (примеры типа *не хо́дяще* 117в крайне редки). Ясно, что в говоре Мерила, в отличие от говора Чуд., в данном классе словоформ было корневое ударение.

Не рассматривая здесь всех подобных случаев, где Мерило фактически дает акцентологу новую информацию, отметим лишь один важный момент: в говоре Мерила подударное окончание Т. ед. *-Ою* у членных прилагательных имело ударение на *О* (ср. *златѡю, с͡тѡю, вощанѡю, таковѡю* и т. д.), а у существительных и местоимений — на *ю*[35] (ср. *бѣдою, виною, враждою, головою, горою, женою, мъздою, ногою, рабою, ротою, рукою, сестрою* и т. д.; постоянно *тою, мною, тобою, собою* и лишь 1 раз *со мнѡю* 223б).

О во втором заударном слоге и вопрос о второстепенном ударении в говоре Мерила

§ 12. Появление ѡ во втором заударном слоге ортотопических словоформ — одна из наиболее замечательных особенностей Мерила. Особенно показательны примеры, содержащие два свободных ѡ одновременно: *вѡиньствѡ, оузакѡненѡ, оумнѡженѡе, расмѡтренѡе, скрѡвенѡю, подѡбалѡ, икѡномѡвъ*; они не оставляют возможности для предположений о сдвиге ударения.

Основную часть материала, относящегося к данному вопросу, составляют словоформы прилагательных и причастий с окончаниями *-О, -Ое, -Ому, -Ою, -Омъ* (Д. мн.). Прилагательные. Непроизводное *скарѣдѡ* 114б. ***-ьн-**: *бж*[с]*твен-ѡму, -ѡю, б͡е|ствен-ѡму, -ѡю, пребж*[с]*твенѡму* (7×), *естве-нѡ, -ѡе, -ѡму* (4×), *избыточнѡе* 179, *искреньнѡму* 37б, *истиньнѡ, -ѡе* (7×), *лѣствичнѡе* 49б, *мѣсячнѡе* 179, *недостаточнѡе* 184б, *обычаинѡе* 226б, *ѡгнен-ѡе* 68, *-ѡму* 60б, *пастви-ньнѡ* 268б, *(не)праведнѡ, -ѡе, -ѡму* (29×), *ржᵉтвенѡе* 224б. ***-ьsk-**: *апл*[с]*к-ѡе, -ѡму* (4×), *пѡстничъкѡму* 162б. ***-in-**: *июдинѡ* 41. ***-ak-**: *инакѡ* (21×), *нѣкакѡ* 133б, 143. Причастия. ***-em-**: *бываемѡе, свершаемѡ, -ѡе, обладаемѡе, г͡лемѡе* (по-видимому, = *глагѡлемѡе*), *призываемѡмъ, взискаемѡе, оукаряемѡ, низълагаемѡе, попираемѡ, неприсязаемѡму, стваряемѡ, -ѡму, начинаемѡму, причитаемѡмъ, являемѡму* (в сумме 19×). ***-im-**: *(не)видимѡе, ненави*[д]*мѡмъ, обидимѡму, (не)движим-ѡе, -ѡмъ, неподвижимѡе, непостижимѡ* (в сумме 13×). ***-en-**: *вверженѡму, оузакѡненѡ, оузакѡньнѡму* (ь написано вместо *е*), *краденѡе, окраденѡмъ, оукраденѡ, -ѡе, -ѡму, скрѡвенѡю* Р. дв., *купленѡму, оумаленѡ, -ѡе, оумнѡженѡе, оуправленѡе, расмѡтренѡе, оставленѡ, -ѡе, поставленѡму, съставленѡе, оуставленѡ, -ѡе, прооуставленѡму, ѡ*[т]*търженѡ, изъѣденѡ, оуязвенѡе* (в сумме 31×). ***-n-**: *заповѣдан-ѡе, -ѡму, исповѣданѡму, оувѣданѡ, свѣщанѡ, г͡лнѡ* (по-видимому, = *глагѡланѡ*), *ог͡ланѡе, несдѣланѡе, кѡнчанѡ, писанѡ, -ѡе, -ѡму, (не)написанѡ, -ѡе, пѡдъписанѡ, испытанѡ, поруганѡ, всѣданѡ* (от *всѣдати*), *пѡсланѡмъ, слышанѡ* (в сумме 47×). Кроме того, перфект *подѡбалѡ* 34б.

Далее, сюда относятся словоформы существительных с окончаниями *-О, -Ови, -Овъ*: *ꙗблокѡ* 111; *зеркалѡ* 29, *мѣрилѡ* (3×), *постризалѡ* «нож-

[35] Ср. догадки Л. Л. Васильева о возможности такого ударения, основанные на некоторых реликтовых примерах из более поздних рукописей; см. Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии. Л., 1929, с. 138—139 (далее сокращенно: Васильев).

ницы» 345, *правилѡ* (18×), *ставилѡ* (3×); *вѡиньствѡ* (5×), *дѣлательствѡ* 155б, *приставничьствѡ* 153, *свѣдительствѡ* 80, *тиоуньствѡ* 153, *храборьствѡ* 111б, 127; *федорѡви* Д. ед. 224; *дьѧконѡвъ* Р. мн. 94б, *икѡномѡвъ* Р. мн. 158б. Кроме того, *паволѡки* Р. ед. 100.

З а м е ч а н и е. Здесь нет возможности разбирать вопрос об ударении каждой из приведенных словоформ. Укажем лишь, что все отразившиеся в этих примерах акцентовки, отличные от современных, находят исторические подтверждения; ср., например, в Чуд. *мѣ′рило, дѣла́тель*, в рукописях XVI в. — *тѷунъ* и т. д.; исторически правильно также ударение **постри́зати*.

Упрощенные написания (например, *праведно, оузакѡнено, мѣрило* и т. п.) встречаются здесь несколько чаще, чем в среднем по Мерилу: для приведенной совокупности словоформ (ѡ 240×) в нормальных условиях их 20 (и еще 5 для других словоформ аналогичной структуры).

В некоторых словах можно предполагать колебание ударения; например, *ц҃рко|вн-ѡе, -ѡму* и др. (24×), *старѣишиньство* 95б, 166, по-видимому, отражают ударение на первом слоге, а *ц҃ркѡвнаꙗ* 97, *ц҃рквн-ое, -ому* (3×), *старѣишиньствѡ* 181б, 201б — на втором. Имеется, наконец, около десятка примеров с неясной акцентуацией, которые мы здесь не разбираем.

Для сопоставления со вторым заударным слогом ортотонических словоформ приведем примеры свободных *О*: а) в первом заударном слоге ортотонических словоформ — *мнѡго, -ое, -ому, -ою, довѡлно, -ое, -омъ, масло, чадо, колѣно, свѣтило, холѡпьство, коварьство, дьякопъ, федоръ, старость, радостью, адовныꙗ* и т. д. (сотни примеров); б) в третьем заударном слоге ортотонических словоформ — *немл^{с}тивно* 168, *хр^{с}то|знаменаное* 168, также *старѣишиньство* (2×, ср. выше), *старѣишино* Зв. ед. 207б [36]; в) в любых слогах энклиноменов (в том числе и в третьем от начала) — *золото, около, свободно* (ср. § 10), ѡ^{т}ꙗто, *приꙗто, немощно, непросто, нескоро, нетвердо, на ц҃бо, про злато, око за око, и за дерево, ни на десно ни на лѣво* и т. д.

Поскольку во втором заударном слоге ортотонической словоформы рефлекс прежнего *о* такой же, как в ударном (но не такой, как в прочих безударных), естественно предположить, что на данную позицию приходилось какое-то просодическое усиление, которое без далеко идущих обязательств можно обозначить как в т о р о с т е п е н н о е (или ритмическое) ударение.

§ 13. Имеются, однако, некоторые отклонения от основного правила 2б, связанные с наличием в словоформе определенных морфем. Так, в ряде случаев вместо ожидаемого ѡ находим *о*.

Только *о* (но не ѡ) встречается в аористных окончаниях *-Омъ, -Овѣ*. Словоформы, где это заведомо противоречит правилу 2б, таковы: *глагѡлахомъ* 128, *обрѣтохомъ* 253б, *мѡгоховѣ* 40; менее надежны *слышахомъ* (4×), *видѣхомъ* 49, *видѣховѣ* 40 (поскольку во многих памятниках у этих глаголов встречается ударение на втором слоге). Остальные примеры не противоречат основным правилам: *рекѡхомъ, текѡховѣ, писахомъ, въпрашаховѣ, быхомъ* и т. д. (всего 32×).

Тот же эффект наблюдается в глагольном суффиксе *-Ова-*, в морфеме *-ждО* и в окончании *-О* у прилагательных с суффиксами *-Ов, -ав-*. Материал, определенно противоречащий пункту 2б: *вѡіньствовати* 178б, *вѡиньствоваша* 140б, 257б, *назнаменовати* 176б, *свѣдительств-овати* 20б, 80, *-оваю* (sic) 173б; *кѡеждо, кѡемьждо, кѡеижде* (8×), *еликождо* 87б; *неистово|* 271, *дионисово* 347б, *сирахово* (2×), *феѡдоритово|* 45б (киноварь), *василье-*

[36] Однако в единственном примере с *О* в четвертом заударном слоге находим ѡ: *свѣдительствуемѡ* 21, ср. § 17.

во 70, *їсво* 2б, *корѡставо* 7. Ср. соответствующие общим правилам примеры: *даровати*, *вѣровати*, *помиловати*, *когѡждо*, *комуждо*, *кѡегѡждо* и т. п.

К перечисленным малым группам примыкают также существительные с окончанием *-Ою*: здесь в позиции второго заударного слога, за одним исключением (*мачехѡю* 190б), представлено *о — истиною* 11б, 20б, 145, 148, ср. также наречие *мнѡгиждою* 60б; вероятно, корневое ударение имели также *нищетою* 42, *ч*[c]*тотою* 6б, 344б, *суетою* 347. Заметим, что у прилагательных картина иная (не противоречащая общим правилам): *бж*[c]*твенѡю* Т. ед. 196б, *бе*|*ственѡю* Т. ед. 197, *скрѡвенѡю* Р. дв. 39б (при *-ою* в *невидимою* Т. ед. 5б).

§ 14. С другой стороны, в составе некоторых морфем ѡ появляется в заударной части словоформы не только в позиции второго заударного слога, но и в прочих. Таковы прежде всего окончания Р. ед. муж. и сред. с элементом *гО*: *-ОгО*, *-егО*, *-агО* (*-ягО*). В полном соответствии с основными правилами мы находим здесь написание *гѡ* в словоформах с ударением на *гО* (*когѡ*, *никогѡ же*, *тогѡ*, *егѡ*, *сегѡ*, *всегѡ*, *оногѡ*, *самогѡ*, *своегѡ* и т. п., в сумме не менее 940×) и с ударением на два слога левее *гО* (*всякогѡ*, *нашегѡ*, *кѡегѡ*, *котѡрагѡ*, *достѡйнагѡ*, *силнагѡ* и т. п., в сумме не менее 340×). Однако написание *гѡ* выступает и в других акцентных позициях. Примеры с *-агО* (*-ягО*): ударение, вероятно [37], на слог левее *гО* — *злагѡ*, *слѣпагѡ*, *стагѡ*, *ч*[c]*тнагѡ*, *людскагѡ*, *свободнагѡ*, *таковагѡ* и т. п. (в сумме не менее 150×); ударение на три слога левее *гО* — *вѡиньскагѡ*, *оуготѡвавшагѡ*, *оузакѡненагѡ*, *оукраденагѡ* и т. п. (в сумме не менее 100×); ср. также *котѡрающегѡся* 111б, *ц*[c]*рьствующагѡ* 262. С *-егО* отметим *нѣкоегѡ* (24×; ударение на *нѣ-*). Упрощенные написания (*го* вместо *гѡ*) встречаются во всех перечисленных группах даже реже, чем в среднем по Мерилу (ср. Новые данные, табл. 2).

Особый интерес представляют примеры с *-ОгО*. Ударение на слог левее *гО* можно предполагать в следующих случаях: а) *ни ѡ*[r] *кого же* 43, 159, *іногѡ* 32, *вередногѡ* 35б; б) *тѡгѡ* 146б, *инѡгѡ* 60, 95, *іногѡ* 34, *ниединѡгѡ же* 159, *бѣлогородьскѡгѡ* 338 [38]. Ударение на три слога левее *гО*: *тысячьскѡгѡ* 338 bis, но также *тысячьскогѡ* 338, *оукраденогѡ* 121.

Сходно с элементом *гО* ведет себя в Мериле частица *бО* (не в составе слов *ибО*, *оубО*): она систематически записывается как *бѡ*, независимо от акцентных условий (281×; упрощенное написание *бо* в нормальных условиях 10×). После энклиноменов *бѡ*, по-видимому, несло главное ударение (ср. ниже, § 16): *око бѡ*, *слово бѡ*, *тако бѡ*, *мужь бѡ*, *изнесу бѡ* и т. п. В случаях типа *сила бѡ*, *пишеть бѡ ся* и т. п. *бѡ* находилось в позиции второго заударного слога. Однако в многочисленных примерах типа *добрѡ бѡ*, *малъ бѡ*, *писанѡ бѡ есть* и т. п. *бѡ* стоит в иных акцентных позициях. Лишь в составе слова *оубО* морфема *бО* отражается в Мериле (за исключением двух раз: *оубѡ* 82, 150б) как полностью безударная: *оубо* (60×). Ср. слово *ибО*, которое явно имело конечное ударение: *ибѡ* (15×; упрощенные написания — *ибо* 58б, *ибо*| 91).

Об особенностях окончаний *-Омь*, *-Ои* см. § 29.

---

[37] Неполная уверенность связана здесь с тем, что нельзя исключать (хотя бы для части примеров) возможность конечного ударения — как в *Суховб*, *Дурновб* и т. п. (см. Васильев, с. 133). Ср. двусмысленное *гѡркогѡ* 58б: оно может иметь корневое ударение, как *гѡрекъ* 9б, 58 или флексионное, как *гѡркѡе* 16, 44б (в последнем случае нужно предполагать ударение на *гО* или упрощенное написание *ко* вместо *кѡ*).

[38] Во всех этих примерах, кроме *вередногѡ* и *бѣлогородьскѡгѡ*, отразилось не обычное ударение соответствующих словоформ (которому отвечают господствующие написания *никогѡ же*, *иногѡ*, *тогѡ*, *ниедиіогѡ же*), а редкий акцентный вариант; ср. еще *кѡму* 342б, *никѡму же* 43б, 159 (см. Новые данные, § 14, п. 5).

§ 15. Прежде чем комментировать изложенные факты Мерила, обратимся к сходным явлениям в других памятниках и в говорах.

Второстепенное ударение в заударной части словоформы, реконструируемое для говора Мерила, можно сопоставить с аналогичным явлением, которое О. Брок обнаружил в говорах бывшего Мосальского уезда. Приведем выдержки из его работы: «Кроме главного ударения, нередко замечается второстепенное, побочное, зависящее тоже от экспираторного усиления, и связанное обыкновенно с известным удлинением»; «Замечательно то, что настоящее побочное ударение, по-видимому, принадлежит лишь слогам после ударяемого»; «Вообще слог непосредственно после ударяемого обозначает, при отсутствии особых факторов, экспираторный минимум...; в дальнейшем слоге замечается новое усиление: ˈwuz'inˌkъi узенький, ˈworъˌnowy вороновы и др.» [39]. О. Брок указывает, однако, что этот ритмический принцип во многих случаях нарушается действием различных побочных факторов (не всегда ему ясных); среди них О. Брок особо отмечает морфологический фактор — «склонность ввести на место ожидаемых по звуковым правилам ... слабейших гласных полные флексийные окончания, сохраняемые при ударяемом конце слова» (там же).

§ 16. Обратимся теперь к Чудовскому Новому Завету. В этом памятнике не менее 70 раз (не считая сомнительных) встречаются двойные знаки ударения, например *прѡ̂сітѝ*. Кроме того, более сотни раз выставлен только один знак ударения, но правее обычного для данной словоформы места, например, единичное *будетѐ* при господствующем *бу́дете*. (Условимся различать знаки ударения в написаниях типа *прѡ̂сітѝ* как «левый» и «правый»; соответственно, в *будетѐ* и т. п. представлен только «правый» знак.)

Как известно, двойные знаки ударения могут отражать акцентное колебание, т. е. передавать два альтернативных ударения. С другой стороны, М. И. Корнеева-Петрулан предположила, что в Чуд. они отражают наличие в словоформе главного и второстепенного ударения [40]. Анализ всей совокупности написаний типа *прѡ̂сітѝ* и типа *будетѐ* в Чуд. приводит к выводу, что среди них встречаются примеры передачи как альтернативных, так и сопутствующих друг другу ударений. При этом первый случай представлен преимущественно там, где «левый» и «правый» знаки ударения приходятся на смежные слоги (например, *із до́моу̀* 26г, *нѡ̀щну́ю* 26г, *ви́дѣ'ста* 41г, *слы|ша́ша* 26б, *по́стлани* 112а, *по дѣ'ствоу̀* 134б), второй — преимущественно там, где они находятся через слог друг от друга (для части примеров выбор интерпретации затруднителен).

Приведем вначале те случаи, когда «правый» знак ударения выставлен над слогом, который при данной грамматической форме или в данном морфологическом типе по сведениям исторической акцентологии вообще не мог нести главного ударения [41]: повел. — *вслѣ́дуітѝ* 23г, *вѣ'дⁱтѐ* 13в, *не вѣ|ру́ітѐ* 13в, *вѣ|роуитѐ* 48г, *вѣруитѐ* 49а, *оуготѡ́витѐ* 76а; презенс с суффиксальными *-aj-, *-uj- — *не вѣроуете́ ми* 46а, *нарица́|етѐ* 84а, *вы кланяетѐ* 43а, *побива́те́ мя* 47а, *по|мышля́етѐ* 28г, *помышл$^{я'}$|етѐ* 47г, *послѣдоующѐ* 21г, *пребыва́етѐ* 89б, *пребы|ваетѐ* 129в, *свѣдѣте^{л}ствоуе|тѐ* 42в; соот-

[39] О. Б р о к. Говоры к западу от Мосальска. Петроград, 1916, с. 10. Имеются отдельные указания на сходные явления и в других говорах; мы предпочли здесь ограничиться работой О. Брока как наиболее надежной и полной. Ср. также положение М. В. Панова о ритмической структуре заударной части словоформы в современном литературном языке; см. М. В. П а н о в. О строении заударной части слова. Проблемы современной филологии. Сборник статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965.

[40] См. М. К о р н е е в а - П е т р у л а н. К истории русского языка. Особенности письма и языка писцов московских владык XIV в. «Slavia», roč. 15, № 1.

[41] Для большей надежности из приводимых ниже списков исключены все случаи, где «правый» знак ударения приходится на неприкрытую гласную (так как здесь с ним может смешиваться знак «придыхания»), и случаи, где в тексте знак плохо виден.

ветствующие причастия — *волхвоу́ющѝ* 70а, *вспомина́ющѭ* 119а, *искоуша́|ющѣ* 126г, *недооумѣва́ющѣ* 48г, *облича́ющѧ* 124г, *о|блобыза́ющѝ* 30в, *осъ|ня́ющѝ* 20г, *проповѣ|да́ющѧ* 151а, *слага|ющѝ* 26г, *оубіва́ющѣ* 22в; *дѣлающе́моу же* 100г; *бываемꙋ* В. ед. 93г, *и сключа́емо* 131а, *сна|ждяемо* 125г; прочие примеры — *слы́шатѝ* 80а, *слы́шастѣ* 24б, *слышастѣ* 15б, *оугото́ваша* 14б, *сла|вляхо́у* 61а. В этом классе случаев «правый» знак явно обозначает какое-то дополнительное просодическое усиление (типа второстепенного ударения), а не альтернативное ударение. В написаниях с одним «правым» знаком «левый» знак просто пропущен (поскольку акцентные знаки вообще ставятся факультативно).

Далее, имеются многочисленные случаи, где предположение о том, что «правый» знак передает главное ударение (хотя бы как одно из двух альтернативных) противоречит данным исторической акцентологии об акцентной парадигме соответствующей лексемы. Таковы, в частности: словоформы глаголов акцентной парадигмы *a* — *бꙋдетѣ* 49а, *взалчете́* 29в, *знаетѣ* 121б, 128г, 148г, *напо́лнитѣ* презенс 13а, *обр*[я]*|щетѧ* 11в, *да пости́|гнетѣ* 112а, *слышітѣ* презенс 49б, *слышитѧ* презенс 7б; *відящѣ* 8б, *знаемо́* И. ед. 117б; словоформы глаголов акцентной парадигмы *b* — *да не вни́|детѣ* 39в, *зіжетѣ* 33г, *ѣщетѣ* 40г, *ищетѣ* 50в, *не можете́* 45г, *можетѣ* 112б, *преідетѧ* 39а, *прⷭ́сітѧ* 11в, *хо́щете́ ли* 51а, *хощетѣ* 103а; *связано́* В. ед. 50г, *взлюблено́моу* 138г. Предположение о том, что *бꙋдетѣ*, *можетѣ* и т. п. отражают колебание соответствующих глаголов в сторону акцентной парадигмы *c* (где *-етѣ* «закопло»), неправдоподобно, так как в других формах у них ударений по акцентной парадигме *c* (скажем, **бꙋде́ть*, **може́мъ*) не встречается. Таким образом, и в данной категории примеров «правый» знак, по-видимому, отражает дополнительное (а не альтернативное) ударение.

Приведем без подробного разбора еще ряд примеров, где по аналогичным соображениям можно предполагать, что «правый» знак передает дополнительное ударение: *помнишѝ его* 143б, *не помните́ ли* 134г, *преда́ющѣ* 38г, *к настоящемꙋ* 148а, *приноу́жена́ же* И. ед. 9а, *проповѣ́данои* Д. ед. 130в; *бисеры* 156а, *би́|серъмѝ* 156г, *во|инѣ* 15в, *воиноу* Д. ед. 51в, *воиномъ* Д. мн. 79а, *в во|инѣхъ* 66г, *каменѝ* Д. ед. 158б, *камы|кѣ* 84б (ср. *ка́мыци* 84б), *лю|бимичѣ* 91г (ср. *люби́|миче* 91в и др.), *старицѣ* И. мн. жен. 140г; *каінѣ* 147а, *лазарѧ* 36б, *сімѡна́* 15г, *фі́ліппѣ* 49а, *фі́ліпбу же* 27б; *жертвені́ко*[м] Т. ед. 13б, *клятвени́комъ* Д. мн. 136б, *сше|ственика* 72в; *инакѡ* 135в, *искренѡ* 121в, *и|скрынѡ* 141в, *исти|нни* 155в, *пі|щемоꙋ* 81в, *праве|дѣчъ* 100в, *праведна́* И. ед. 102в, *праведнѡ* 100в, *пра́веднѣ* 13а, *прочагѡ* 146в, *сі́мѡня* И. ед. 28б, В. ед. 44г; *мно*[г]*|гаждꙑ* 18б.

Менее ясно, что передает «правый» знак — дополнительное или альтернативное ударение — например, в случаях: *иматѣ* (6×), *приемлетѣ* 120б, *имоущѣ, -щѝ, -щѧ* (15×), *водящѣ* 128б, *всходящѣ* 21г, *ищющѣ* 12б, *носящѣ* 7б, *хвалящѣ* 26г, *могоущѣ* 106г, *могущемꙋ же* 92г, *могоущемоу же* 106в, *гоняща́я вы* 105в, *знамена́ющꙋ* 94а.

Особо отметим глагольные словоформы с суффиксом *-ова-*: *вѣрова́ти бо́* 147а, *вѣровѧ* 63в, *вѣрова|ша* 71в, *не вꙗ́рова́сте* 12а, *вѣрова́ли* 44а bis, *вѣрова́но* 122б, *вѣрова́вши*[м] 72а, *вѣрова́вшии* И. мн. 124в (при множестве примеров с *вѣ́р-*); *насилова́ныя* 65г, *обрⷣова́наѧ* 26а, *ѡ*[т]*вѣтовѧ* 127в, *прр̃чь|ствова́ же* 92в; *свѣдѣтел|ствова́нѣмь* 138а, *за|свѣдѣ́телствова́ти* 73в, *лжесвѣдѣ́телствова́ху* 24б.

Как показал В. А. Дыбо [42], в Чуд. сочетания с клитиками обычно сох-

[42] См. В. А. Дыбо. Закон Васильева — Долобко в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета). «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», v. XVIII, 1975.

раняют древнейшую акцентовку, а именно, при ортотонических словоформах клитики безударны (*на ма́ло*, *на селѣ*, *си́ла бо*, *село́ же*), а при энклиноменах принимают на себя ударение (*на́ море*, *слово бѣ*). Впрочем, в небольшой части случаев расстановка акцентных знаков в Чуд. отклоняется от этих правил. При этом оказывается, что самые частые отклонения — это записи типа **си́ла бѣ* или даже **сила бѣ* в случаях, когда энклитика попадает в позицию второго заударного слога. Не имея возможности подробно разбирать здесь этот вопрос, ограничимся приведением характерных примеров (список далеко не исчерпывающий): *не дѣ'|ло лѝ* 111в, *дѣло бѣ* 14в, *дѣ|ла бѣ* В. мн. 43г, *їса жѐ* 15в, *па|влоу жѐ* 77а, *пр҃рка лѝ* 30б, *ра́спря жѐ* 45б, *казы́ка жѐ* 82а; *всяка жѐ* И. ед. 112в, *всяко жѐ* 148а, *мало жѐ* 93в, 161в, *мало бѣ* 93г, *малымь жѐ* 143б, *мно́|зи бо́* 38б, *мно|га бѣ* 15в, *многа жѐ* 94а, *па҆ жѐ* 126в, *преже бѣ* 147а; *егоже бѣ* 148а, *ничто҆ж лѝ* 15а, *никогда҆ж лѝ* 11г; *буде҆т бѣ* 25в, *възве́дше же́ ся* 69г, *взли́авши бѣ* 14в, *видѣ҆в жѐ* 4в, *ві́дѣ҆в|жѐ* 40в, *встаноу҆т бѣ* 13в, *достои҆т лѝ* 12в, *можаше бо́* 23в, *мыслимъ бѣ* 100г, *основа́|на бѣ* И. ед. 5г, *да проси҆т жѐ* 81а, *разоумѣ'ша бѣ* 22в, *не согрѣшѝвши҃х лѝ* 143г, *не слыши҆ш лѝ* 15в, *слыша҆т бѣ* 74б, *сѣ|дя́ше жѐ* 73а; также *вѣрова́ти бѣ* 147а.

Итак, совокупность приведенных фактов свидетельствует о том, что в Чуд. в определенных случаях знаками ударения отражено не главное, а дополнительное (второстепенное) ударение. В подавляющем большинстве имеющихся в нашем распоряжении примеров оно приходится на второй заударный слог. В сущности, единственный надежный случай отклонения от этого принципа — глагол *свѣдѣтельствовати* (менее ясно *не вѣроуете́ ми*; примеры *дѣлающе́моу*, *кланяетѣ*, *послѣдоующѣ*, *проповѣдающѣ* непоказательны, поскольку здесь было неустойчивым место главного ударения).

§ 17. Показания мосальских говоров, описанных О. Броком, и Чудовского Нового Завета существенно повышают надежность интерпретации соответствующих фактов Мерила. Все три источника согласно указывают на какое-то просодическое усиление второго заударного слога. Не исключено, что такое же усиление мог получать и четвертый заударный слог, но фактов здесь слишком мало (*свѣдительствуемѡ* в Мериле, *свѣдѣте҆ствоуе|тѣ*, *вѣрова́ти бѣ* в Чуд.). Все три источника указывают также на то, что этот ритмический принцип иногда мог нарушаться под влиянием морфологического фактора. Во всех трех источниках подавляющее большинство засвидетельствованных случаев второстепенного ударения приходится на открытый слог, при этом в Чуд. и в мосальских говорах (но не в Мериле) — преимущественно на конечный открытый слог.

В Мериле и в Чуд. выявляется одно и то же нарушение ритмического принципа в глагольных словоформах с суффиксом *-ова-*: второстепенное ударение не может падать в этом суффиксе на *-о-*. Судя по Чуд., оно падало здесь на *-ва-*, независимо от счета слогов, ср. прямое соответствие между *свѣдительствовати* (с *о*) в Мериле и *засвѣдѣ'тельствова́ти* в Чуд. Эту особенность естественно связать с поведением суффикса *-ова-* под главным ударением: ни в современном русском языке, ни в XIV веке он не встречается (если не считать страдательных причастий) в акцентовке **-о́ва-*; возможно только *-ова́-* — даже там, где по общим принципам акцентуации производных ожидалось бы **-о́ва-* (ср., например, *волхвова́ть*, *враждова́ть* и т. п., образованные от имен акцентной парадигмы *b*). Таким образом, место второстепенного ударения в суффиксе *-ова-* «выровнено», в ущерб ритмическому принципу, по месту главного ударения в том же суффиксе.

Этот факт позволяет предположить, что и другие отклонения от ритмического принципа в Мериле имеют сходную природу. Так, морфемы *Омъ*, *-Овѣ* (в аористе) и *-ждО* никогда не несли ни в Мериле, ни в Чуд. главного ударения. С другой стороны, для всех аффиксальных морфем, допускаю-

щих в Мериле эффект второстепенного ударения, имеются также примеры, где на то же место падает главное ударение. Ср. ѡ под второстепенным ударением, например, в *ꙗблок-ѡ*, *федор-ѡви*, *дьꙗкон-ѡвъ*, *праведн-ѡ*, *праведн-ѡе*, *истиньн-ѡму*, *всяк-огѡ*, *оукраден-ѡ*, *писан-ѡ*, *свершаем-ѡмъ* и под главным ударением, например, в *молок-ѡ*, *петр-ѡви*, *дом-ѡвъ*, *красн-ѡ*, *земн-ѡе*, *жив-ѡму*, *сам-огѡ*, *речен-ѡ*, *избран-ѡ*, *вочтен-ѡмъ*.

§ 18. Итак, в говоре Мерила появление второстепенного ударения в заударной части ортотонических словоформ, по-видимому, регулировалось следующими двумя принципами (частично противоречащими друг другу).

1. Р и т м и ч е с к и й принцип (основной): второстепенное ударение падает на второй заударный слог (и, по-видимому, еще одно — на четвертый заударный).

2. М о р ф о л о г и ч е с к и й принцип (дополнительный): второстепенное ударение тяготеет к таким морфемам (и точкам внутри морфемы), на которые часто падает главное ударение; морфемы (или точки внутри морфем), на которые никогда не падает главное ударение, не получают и второстепенного ударения.

В § 12 мы имеем дело со случаями, когда оба принципа требуют одного и того же. Факты, описанные в § 13—14, так или иначе связаны с действием морфологического принципа вопреки ритмическому. Так, в силу морфологического принципа второстепенное ударение вообще не падает на аористные окончания *-Омъ*, *-Овѣ* и частицу *-ждО*, а в суффиксе *-Ова-* может стоять только на *ва*.

Поскольку в говоре Мерила у существительных подударное окончание Т. ед. *-Ою* несло ударение на конечном слоге (см. § 11), туда же падает, вопреки ритмическому принципу, и второстепенное ударение в *истиною* и других подобных примерах (§ 13). При этом, однако, единичное *мачехѡю* показывает, что здесь могли быть и колебания в сторону соблюдения обычного ритмического принципа (вероятно, играло роль и то, что окончание *-Ою* все же встречалось в говоре Мерила и с подударным *О*, а именно, это было возможно для прилагательных, ср. *глатѡю* и т. п.).

С другой стороны, в силу морфологического принципа элемент *гО* (по-видимому, близкий к статусу морфемы), который широко представлен под главным ударением (ср. *тогѡ*, *сегѡ*, *самогѡ* и т. п.), не только беспрепятственно получает второстепенное ударение в позиции второго заударного слога (*нашегѡ*, *котѡрагѡ* и т. д.), но и стремится обобщить его на остальные заударные позиции. Впрочем, в словоформах с *-ОгО* усматриваются некоторые следы конфликта двух принципов. Так, *тысячьскогѡ*, *оукраденогѡ* отражают обобщенное морфологическим путем второстепенное ударение на *гО*, а *тысячьскѡго* — действие обычного ритмического принципа[43]; ср. выше такое же соотношение между *истиною* и *мачехѡю*. В мосальских говорах аналогом этих колебаний могут служить, например, ˈdobrˈinˈkˈi̯i̯ä и ˈmalˈinˈ|kˈi̯ia (в обоих случаях И. ед. жен.) [44]. Возможно, такого же происхождения различие между написаниями с *-ѡгѡ* (например, *инѡгѡ*, § 14) и с *-ѡго* (например, *інѡго*); но здесь не исключены и другие объяснения. Что касается совершенно устойчивой записи окончания *-агО* в виде *-агѡ*, то здесь дополнительным фактором могла быть и чисто орфографическая унификация (тем более, что в этой орфограмме и без того был некоторый элемент условности, поскольку книжному произношению с *-агО* в живой речи писца соответствовали словоформы с *-ОгО*).

---

[43] Существенно, что здесь в качестве вариантов выступают *-огѡ* и *-ѡго*, из которых ни одно нельзя рассматривать как упрощенную запись другого.

[44] О. Б р о к. Там же (см. сноску 39), с. 45.

С написанием *гѡ* в Мерило естественно сопоставить тот факт, что в рукописях XVI в. с каморной системой (в одних часто, в других постоянно) даже и без ударения пишется *гѣ*, например *нáшегѣ* (см. Васильев, с. 132—133). Хотя не полностью исключено, что перед нами здесь орфографическое явление, более вероятно все же именно сохранение /ô/ (быть может, поддержанное «полуударностью»).

Постоянная запись в Мерило слова *бО* как *бѡ*, вероятно, объясняется так же, как для элемента *гО*, т. е. морфологическим обобщением второстепенного ударения; но следует учитывать и возможность орфографической унификации (ср. постоянство орфографического облика полнозначных словоформ, § 6).

Не совсем ясный случай составляют прилагательные с суффиксами *-Ов-*, *-ав-* (§ 13). Может быть, здесь действовал тот же морфологический принцип, но в более сильной, чем обычно, форме, а именно, в применении к целым морфемным последовательностям *-Ов-О*, *-ав-О*. В самом деле, в говоре Мерила в таких последовательностях главное ударение на окончании не встречалось: даже словоформа *таково* (8×) была здесь не конечноударной, а, как видно из ее написания, энклиномепом.

§ 19. Важнейшей особенностью Мерила является то, что здесь ритмический принцип, порождающий второстепенные ударения, действует только в ортотонических словоформах, но не в энклиномепах. В мосальских говорах подобного ограничения нет: у О. Брока в числе примеров, содержащих второстепенное ударение, находим и прежние энклиномены (*вброновы*, *пбхороны*, *пб зиме* и др.). Есть ли такое ограничение в Чуд., не вполне ясно (вопрос о том, как интерпретировать примеры типа ѡ^{т} *потá его* 72б, *і морѣ* 6б и т. п., требует дополнительного исследования).

Показания Мерила ведут к реконструкции следующего состояния. Ортотонические словоформы имеют с просодической точки зрения ритмическую структуру: некоторый слог несет главное ударение, а далее чередуются безударные и «полуударные» слоги. Энклиномены не имеют ритмической структуры: в с е их слоги с просодической точки зрения одинаковы с безударными слогами ортотонических словоформ (ср. реконструируемое праславянское состояние, § 2). В неначальном слоге отражение прежнего *о* в виде [ô] или [ɔ] автоматически определяется степенью ударности: [ô] в ударных и «полуударных» слогах, [ɔ] в безударных [45].

В принципе имеются две возможности: 1) описанная картина относится непосредственно к говору писцов Мерила; 2) она относится к какой-то более ранней эпохе, тогда как в эпоху Мерила собственно просодических различий между прежними ортотоническими словоформами и прежними энклиномепами уже не было, а выбор открытого или закрытого *о* уже стал во всех позициях традиционным.

Более вероятно первое предположение. В самом деле, поскольку второстепенное ударение существовало в говоре Чуд. (относящемся к тому же времени, что Мерило) и существует в мосальских говорах (относящихся примерно к той же территории, что и Мерило, ср. Новые данные, § 14), естественно предполагать, что и в говоре Мерила оно представляло собой живое явление. Если так, то в открытых слогах ортотонических словоформ связь между степенью ударности и выбором [ô] или [ɔ] еще была живой (в качестве современной аналогии, хотя и неполной, ср. появление [o], а не [a] или [ə], в «полуударном» слоге мосальского примера ˈworъˌnowy, § 15). В этом случае невероятно, чтобы энклиномены уже усвоили ритми-

[45] Таким образом, с точки зрения теории фонологической нейтрализации, имелись фонемы /ô/ и /ɔ/ (соответственно из **о* и **ъ*), которые в безударной позиции нейтрализовались в виде [ɔ]; ср. соотношение /o/ и /a/ при аканье.

ческую структуру ортотонических словоформ и тем не менее не получали бы [ô] под второстепенным ударением (ср. тот же пример ˈworъ|nowy: это бывший энклиномен); иначе говоря, какое-то ритмическое отличие энклиноменов от ортотонических словоформ должно было еще сохраняться. Возможно, что просто еще сохранялось просодическое различие между автономным и автоматическим ударением, а одним из следствий этого различия было то, что автономное ударение создавало после себя чередование безударных и «полуударных» слогов, а автоматическое (само будучи эквивалентно безударности) — не создавало.

О в перестроенном начальном слоге

§ 20. В соответствии с основным правилом 2в, в данной позиции *О* из **о* представлено в Мериле как ѡ. Случаи, где *О* принадлежит приставке или предлогу, рассматриваются особо (§ 25—27); остальной материал приводится ниже.

Односложные словоформы. Существительные, мужской род, И. В. ед.: *бѡбръ* 32, 339, *вѡжь* (3×), *за вѡзъ* 340, *вѡлъ* (3×), *вѡскъ* 3, 100, *впрѡсъ* 70б, *вхѡдъ* 4, *гѡдъ* (5×), *гнѡи* 4б, 47б, *двѡръ* (4×), *дѡмъ* (19×), *знѡи* 39, *кѡнь* (20×), *крѡвъ* 37б, *крѡпъ* «укроп» 57, *лѡвъ* 34, *на лѡвъ* 33б, *нѡжь* 29, 110б, *нѡръ* «утка-нырок» (?) 32б, *нѡсъ* (3×), *ѡгнь* (28×), *плѡдъ* (5×), *пѡлъ* (10×), *пѡпъ* (3×), *пѡстъ* (3×), *прѡкъ* 338б, *рѡдъ* (5×), *сбѡръ* (19×), *свѡдъ* (2×), *скѡтъ* (5×), *стѡлъ* 62б, *на стрѡи* 264, имена собственные *лѡтъ* 229, *нѡи* 59; Р.мн.: *вѡзъ* 340, *вхѡдъ* 9, *плѡ*$^{\partial}$ 149б, *пѡпъ* 86; женский род, И. В. ед.: *злѡбы* 57, *нѡчь* 256, *нѡщь* (4×); Р. мн.: *вѡдъ* 3, *злѡбъ* 15б, *нѡгъ* 15б, *стѡпъ* 49; средний род, Р. мн.: *слѡвъ* 118б. Прилагательные, И. В. ед. муж.: *дѡбль* 139б, *дѡбръ* 19б, 25, *мнѡгъ* 193, *ѡстръ* 29, *прѡстъ* (3×, ср. *не прѡстъ бѡ* 7), *скѡръ* 68; Р. мн.: *мнѡгъ* (3×). Местоимения, И. В. ед. муж.: *ѡвъ* 36, *ѡнъ*, *ѡн же*, *ѡн бѡ* (41×), *мѡи* (24×), *твѡи* (22×), *свѡи* (35×); М. ед.: *тѡмь*, *тѡм же* (67×), *кѡмь*, *кѡмьжьдо* (3×). Прочие: *кѡль* 83, 114б, *не мѡглъ* 129, *ствѡрь* 19б, ср. также *рѡжься* 38. Отметим еще *днѡвъ* «дней» 156. Из зоны Б добавим: *грѡбъ* 210, *ѡдръ* 210, *прѡклъ* 90б, *нѡвъ* 97б.

Неодносложные словоформы. Павший редуцированный принадлежал окончанию в примерах: *сѡлью* Т. ед. 56, *сѡлию* 58 bis; *бѡлми* (6×), *бѡлма* 193 bis, *кѡлми* 208, 219, *тѡлми* 167, *тѡльма* 20. Словоформы, где павший редуцированный принадлежал послекорневому элементу основы.* **-ьb-**: *в гѡстьбу* 336б, *мѡлба*, *-ы*, *-у* (3×). ***-ьс-**: *кѡнця*, *-и* и произв. *кѡнчати*, *кѡнчание*, *кѡнчина*, *скѡнчатися*, *скѡнчевати*, *скѡнчание* (70×), *в кѡтци* 59б, *кѡтьци* И. мн. 26б, *лѡвця* В. ед. 7, *лѡвьци* И. мн. 26, *ѡвця*, *-ю*, *-ѣ*, *-ямъ* и произв. *ѡвча* и др. «ягненок», *ѡвчахъ* (18×), *ѡ͡ця*, *ѡ͡цю*, *по ѡ͡ци*, *ѡ͡че*, *ѡ͡ци* И. мн., *ѡ͡цмъ*, *по ѡ͡цихъ* и произв. *ѡ͡ча*, *ѡ͡чею*, *ѡтьчимъ* (77×)[46], *съ сквѡрци* 33б, *твѡрця* В. ед. 37б. ***-ьj-**: *рѡбьи* «рабские» 341б, *скѡтьямъ* 36б; *кѡпиемь* 8, 59, *лѡдью* 339 б ter, *лѡдию* 339б, *ѡстриемь* 8б; сюда же *сѡф-ыа*, *-ью*, *-иѣ* (3×). ***-ьk-**: *гѡрко*, *-а* В. ед., *-ѡе*, *-огѡ*, *-агѡ*, *-ака*, *гѡрци*, *гѡрчѣе* (12×); *скѡлкю* «раковину» 34. ***-ьn-**: *на бѡлна* В. ед. 28б, *бѡлныи* 67б, *бѡлному* 50б, *вгѡдно* (4×), *вѡинику* «воину» и произв. (6×), *вѡлныи* и др. (9×), *грѡбныи* и др. (3×), *грѡмнии* 346б, *двѡрную* 339, *злѡбныа* 5, *кѡньное* 256, *кѡньникъ* Р. мн. 29б, *кѡщницю*

[46] В Мериле имеется тенденция распространить орфограммы ѡ͡ц-, ѡ͡ч- (сокращения для *ѡтьц-*, *ѡтьч-*) и на те словоформы, где при полном написании было бы *отец-*, *отеч-*, т. е. превратить ѡ͡ц-, ѡ͡ч- в своего рода «полуидеограммы». Так, наряду с фонетически правильными записями *оц͡ь* И. ед., Р. мн. (15×), *оч͡ьства* 150б, *-ы* 35, *оч*^{с}*кихъ* 173б (=*отець*, *отечьства*, *-ы*, *отечьскихъ*), находим и ѡ͡ць И. ед., Р. мн. (30×), ѡ͡чь «отчих» 179б, ѡ͡чьски 344, *-ии* 95б, *-иѣ* 8б, *къ ѡ͡чьствѣи любви* 247б.

99б, *мѡстнику* 341, *нѡжныѣ* Р. ед. 32, *нѡщнии* 33, *нѡщьному* 133б, *пѡстныхъ*, *пѡстника* и произв. (8×), *рѡдни* И. мн. 245б, *рѡдное* 243б, *рѡтнии* «клятвенные» 342б, *сбѡрныи* и др. (19×), *смѡтрьникомъ* 148б, *срѡднаꙗ*, *срѡдника* и произв. (5×); также *ѡвни* 194б, *ѡвнѣхъ* 194б, *рѡвнанъ* 22. ***-ьn'-**: *гѡрн-ьи* 348б, *-ихъ* 2б, *дѡлнѣи* 348б, *ѡтнею* 190б. ***-ьsk-**: *вѡжьску* Д. ед. 29б, *вѡиск-ии* 338б, *-ихъ* 178, *мѡрьск-агѡ*, *-ую* и др. (8×), *скѡтьское* 72б; также *за лѡньщину* «за годовалую скотину» 336. ***-ьstv-**: *во двѡиствѣ* 173б, *мнѡжьство* и др. (4×), *рѡдьства* 221б, *свѡиство* 124, 246, *срѡдьствѡ*, *-а* и др. (11×). ***-ьš-**: *бѡлше*, *-и*, *-ю*, *-агѡ* и др. (35×), *гѡрше*, *-и*, *-а*, *гѡрьшаꙗ* (5×); причастия *рѡжьши*, *-а*, *-ꙗю* и др., часто с *ся* (20×), *ствѡрше*, *-ю*, *-агѡ* и др. (17×). ***-šьdy**: *двѡжды* (6×). Прочие примеры (в том числе с морфологически неразложимыми основами): *кѡзлихъ* «козлиных» 347б; *нѡгты* Т. мн. 344б; *ѡвса* 341, 341б, *ѡрлу* 32б, *-и* 33, *ѡсля*, *-яте* (4×); *ѡнсии* И. ед. 80, *ѡнсицю* 275; *кѡвчегъ*, *-а* (4×), *по ... кѡмканьи* «после причастия» 345б, *ѡлтарь*, *-я*, *-ю* (5×) (ср. написания *ковьчегъ*, *комъканию*, *олътарь*, например, в Успенском сборнике), *ѡлгѡва мужа* «Олегова человека» 338, имя собственное *кѡмнини* Р. ед. (3×), *кѡль|хии* (какие-то животные) 32. Ср , с другой стороны, примеры типа *добрѡ*, *поста*, *воску*, *моста*, *просто*, *островѣ* (где начальный слог неперестроенный).

Упрощенные написания представлены в обычной для Мерила пропорции (в нормальных условиях — *волъ*, *ѳворъ*, *домъ*, *кровъ*, *огнь*, *по*^{1}, *попъ*, *добръ*, *свои* И. В. ед., *томь*, *овчати*, *долника*, *мостнику*, *нощное*, *родныи*, *сродникомъ*, *морьскую*, *множьство*, *осляти* и некоторые др., всего 32×).

Из приведенного материала видно, что правило 2в действует в Мериле безотносительно к акцентуации словоформы. Так, заведомо были энклиноменами, например, *вѡзъ*, *гѡдъ*, *гнѡи*, *дѡмъ*, *нѡсъ*, *рѡдъ*, *прѡстъ*, *бѡлна* В. ед., *рѡдни*, заведомо неначальное ударение имели, например, *лѡвця*, *ѡвця*, *гѡркѡе*, *бѡлнѡму*, *ѡлтарь*, *ѡлгѡва* (не говоря уже о множестве менее очевидных случаев). Безотносительно к акцептуации встречаются и упрощенные написания (ср. выше).

Действие правила 2в создает в Мериле многочисленные случаи чередования *о* — ѡ в начальном слоге, например: *овесъ* — *ѡвса*; *орел* — *ѡрли*; *оселъ* — *ѡсля*; *конець*, *конечнее* — *кѡнця*, *кѡнчина*; *нога* — *нѡгъ*, *нѡжныѣ*; *море* — *мѡрьскагѡ*; *простыи* — *прѡстъ*; *болѣти* — *бѡлнѡму*; *родити* — *рѡдъ*, *рѡдни*, *рѡдьства*; ср. также: *коня* — *кѡнь*; *дому* — *дѡмъ*; *нощи* — *нѡщь*; *овець* — *ѡвця*; *молебныи* — *мѡлба*.

§ 21. Имеются и некоторые отклонения от ожидаемого распределения *о* и ѡ в начальном слоге. Рассмотрим вначале те случаи, где вместо ожидаемого ѡ чаще, чем обычно (или даже всегда), выступает *о*.

1. Слово «общий» и его производное «община» обычно пишутся с ѡ: *ѡбще* (*ѡпче*), *ѡбща*, *ѡбщю*, *во ѡбщи*, *ѡбщ-ии*, *-ака*, *-агѡ* и др. (22×), *ѡбщина* и др. (16×); 4 случая с *о* (*во обчи*, *общему*, *общеи*, *общины*) вполне могут быть упрощенными написаниями. Однако у производных глаголов и слова «общение» соотношение совсем иное: на 15 примеров с ѡ (*ѡбщение* и др., *ѡбъщати* 101) приходится 16 примеров с *о* (*общение* и др., *общевана* 241б). Этот эффект может быть связан, во-первых, с влиянием *приобщ-итися*, *-атися* (в разных формах 6× при единичном *приѡбщиша*^{c} 224б), где *о* правильно, так как оно не в начальном слоге, во-вторых, с ложным восприятием начального *Об-* в глагольных и отглагольных словоформах как приставки *Об-* (которая всегда выступает в Мериле с *о*, см. § 27).

2. Для слова «мощный» находим *мѡщно* 143б (также в зоне Б: *мѡщно* 211, *да не мѡщно будеть звѣремъ входити* 213) и, с другой стороны, *мощно* (10×: 90, 92б, 142 и др.). По-видимому, здесь было колебание между /ѳ/

(фонетически закономерным) и /ə/, появившимся скорее всего под влиянием слов с *не-* (где корень был неначальным слогом), ср. *немощь* 192, *-ью* 91б, *немощно* 49б, 59, *немочно* 67, *немощна* В. ед. 10б, *немощн-ии, -ымъ, -ѣишаѧ* (7×).

3. Для слов «кротъкий» и «простеи» при *крѡтк-ию* 14, *-ихъ* 22, *-имъ* 68, *прѡстьци* И. мн. 109 находим: *кротко* 30б, 31, *-у* Д. ед. 58, *кротки||хъ* 65, *кро|ткаго* 48, *кротчаишими* 7б, *простьци* И. мн. 347, *-я* В. ед. 77б, В. мн. 42, *-емъ* 103. Не исключено чисто случайное скопление упрощенных написаний; но более вероятно колебание между /ô/ и /ə/.

4. Несколько слов встретились только в написании с *о*, но всего по 1—3 раза: *бодливаго* 122, *бо|дливъ* 122, *добливъ* 122 (вместо *бодливъ*), *воднымь* 34б, *гонзаеть* 33б, *зогзуля* 32, *лобзаниемь* 201б, *новгорѡ^{б}ско^{е}* 110б (киповарь), *очную* 49б, *очь|ную* 33б. Надежно установить, какие из этих *о* являются упрощенными написаниями и какие нет, не представляется возможным.

5. Слово «ров» (из **rovъ*) представлено так: *ровъ* 23, *ро|въ* 22, *рвы* 26б. Возможно, это слово уже полностью уподобилось (включая огласовку исходной словоформы) словам с беглой гласной, ср., например, *ротъ* 333, 339, *во ртѣ* 339.

§ 22. Перейдем к разбору случаев, где вместо ожидаемого *о* выступает ѡ.

Примечательной особенностью Мерила является то, что праславянское **oji* (не перед слогом со слабым редуцированным) почти всегда отражается здесь так, как если бы это было праславянское **ojь*. Сюда относятся прежде всего примеры: повел. *бѡися* 22б bis, *дѡи* 11, *въспѡи* 8, окончание Д. М. ед. жен. *-ѡи* (например, в *тѡи, онѡи, самѡи*). В этих случаях переход **ji* в *j* (фонетически в [i]) представлен очень широко (возможно, он был даже повсеместным): ср. *не бѡитеся, о годинѣ тѡи* и т. п. в МГУ 1367, современные *бо́йся, воспо́й* (в говорах также *дой* и др.), *той, само́й* и т. д. Заметим, что этому переходу не помешало первоначальное ударение на конечном *i*. Тот же эффект, что в повел. *дѡи* и т. п., представлен в аористе *оустрѡи* 58б, 168 (в Мериле этот глагол, судя по ряду других словоформ, например, *оустроивъ, оустроити*, имел ударение *оустройти*); ср. в Триоди Цветной 1591 г. *напо́и* (аорист) 75 bis.

Гораздо неожиданнее выглядит этот эффект в словоформах местоимений «мой», «твой», «свой» (ударение здесь было на окончаниях). В Мериле находим: И. мн. муж. *мѡи* 15б, *тво́и* 13, 15б bis, 40б, 46б, 62, В. мн. муж. (выровненный по И. мн.) *мѡи* 219, *сво́и* 60б, И. В. дв. жен. и сред. *мѡи* 13, 46б, *тво́и* 11 bis, 11б, 28, 109, 122, *сво́и* 30б, 33б; Т. мн. *сво́ими* 55, 151б, 154б, 181, *сво́іми* 185, Д. Т. дв. *тво́има* 11, *сво́има* 36, 50, 88 (с *о* в нормальных условиях только *свои* В. мн. муж. 26, *свои* В. дв. сред. 14б, *своими* 184). С другой стороны, в словоформах, где *и* находится в перестроенном слоге, представлено только *о*: *моимъ, моихъ, твоимь, твоимъ, твоихъ, своимь, своимъ, своихъ* (в сумме около 130×). В МГУ 1367, как и в Мериле, в И. мн. муж. и И. В. дв. жен. и сред. регулярно представлены написания *мѡи, тво́и, сво́и* (в сумме не менее 45×), например: *роуцѣ мѡи и нозѣ мѡи* 38б, *грѣси тво́и* 70б, *очи сво́и* 27а; однако при окончаниях *-ими, -има* здесь выступает *о* (*своими* и т. д.) — так же, как при *-имь, -имъ, -ихъ* (*своимь* и т. д.). Согласные показания двух памятников вынуждают нас признать, что **mojí*, **tvojí*, **svojí* дали в говорах Мерила и МГУ 1367 /мôj/, /твôj/, /свôj/; в говоре Мерила, кроме того, **mojimi*, **mojima* и т. д. дали /мôjм'и/, /мôjма/ (с неизвестным местом ударения).

Как в Мериле, так и в МГУ 1367 переход *ji* (или *i*) в *j* явно представлен также в *вѡину* «всегда» и *вѡ имя* (об огласовке которых см. § 8). Ср. еще *пѡити, прѡити* (§ 25, особый случай 3).

Имеется группа словоформ с *-ѡи-*, где, вероятно, тоже был представ-

лен переход *ji* > *j*, но нельзя этого гарантировать, так как не исключены и другие объяснения для ω. Приведем их без подробного разбора: *въ двѡици* М. ед. 172 (ср. воронежск. *трӯ́йцу* «троицу» [47], укр. *трійця*); *двѡиче* «вдвойне» 336 (ср. укр. *двічі*, *двічи*, *двійчи* «дважды»); *мѡисии* (*мѡиси*), *мѡисѣови* и др. (19×) (в МГУ 1367 регулярно *мѡисѣи*). Нельзя определить, один или два слога составляла основа слова «воин» в словоформах *вѡина*, *-у*, *-и*, *-ы*, *-омъ* (6×), поскольку ω здесь выступает и в заведомо двусложном *вѡинъ* И. ед. 140, 160, Р. мн. 140б, 179б; ср. МГУ 1367, где явно представлено чередование /вɔ̀јин/ — /вồјн-/: ω[7] *воинъ* 210г, 221а — *вѡини*, *-ы*, *-ѡмъ* (не менее 12×).

Надежными примерами двусложного чтения *-Ои-* (притом что *-и-* стоит в неперестроенном слоге) в Мериле по существу являются только инфинитивы *строити*, *пристроити*, *оустроити* (17×), а также глагол *поимати* (см. § 25, особый случай 3). Можно предполагать, таким образом, что в говорах Мерила и МГУ 1367 действовало фонетическое правило перехода *ji* в *j* после гласной во всех случаях, где *i* находилось в неперестроенном слоге; лишь в некоторых словоформах, в частности в инфинитивах, под влиянием морфологической аналогии двусложность сохранилась (или была восстановлена). Неизвестно, сколь многочисленны были говоры XIV века с этой особенностью; существенно, однако, что по крайней мере в части современных говоров различие между *мой* и *мой*, *бой* и *бой*, *урожа́й* и *урожа́и* и т. п. может быть продуктом морфологической аналогии (а не наследием праславянского различия между *-jь* и *-ji*) [48].

§ 23. Основы *тОлик-*, *кОлик-* представлены в Мериле так: а) *тѡлико* (11×: 44, 58б, 64 и др.), *тѡли-ка*, *-ку*, *-ки*, *-цѣ*, *-цѣм же* (7×: 51б, 65б и др.), *кѡлико* (5×: 58б, 332 и др.), *-а* 33; б) *тѡлко* 100; в) *толико* (4×: 100, 244 и др.), *в толицѣ* 117, *колики* 65; г) *кѡликѡ* 262б. Ср. в МГУ 1367: а) *тѡлико* 80в, *-а* 37в, *-ы* 63а, 124в, *-оу* 31б, 216г, *кѡлико* (9×: 43а, 74в, 82а и др.); б) *кѡлько* 74в, 100в, 159г, *-а* 57г.

Написания *тѡлико*, *кѡлико*, если рассматривать их как запись трехсложных словоформ, в обоих памятниках аномальны: в Мериле они неправильны при любой акцентуации, в МГУ 1367 они нарушают главное правило данного памятника («ω только в перестроенном слоге»). Разгадка очевидна: фактическому произношению этих слов соответствуют написания группы «б», а не «а», ср. современные *то́лько*, *ско́лько* (в говорах с двумя фонемами «типа *о*» здесь /ô/), укр. *тільки*, *кілька*, *скільки*. Сохранение срединного *и* на письме — просто дань орфографической традиции [49] (тогда как *о* и ω писцы писали по слуху, не будучи связаны в этом вопросе традицией).

Написания группы «в» — либо упрощенные, либо отражают более книжный вариант *толи́ко*, *коли́ко* (ср. Чуд., где только такая акцентовка). Единичное *кѡликѡ* — либо ошибка, либо отражение переходного варианта (еще трехсложного, но уже с начальным ударением).

§ 24. Слова «огонь», «восемь», «острый» (и их производные), не имевшие в раннем древнерусском редуцированного в корне, тем не менее в Мериле во всех словоформах пишутся с ω: *ѡгнь* (28×), *ѡгня*, *ѡгню*, *ѡгнемь*, *во ѡгни*, *ѡгнѣ* (12×), *ѡгненѡму* 60б, *ѡгньныа* 346б, *ѡгнищныи* 333, *ѡгнищанина* 339; *по ѡсь|ми* 268б, *ѡсмаа* 106; *ѡстръ* 29, *ѡстрѡ* 31, *ѡстр-ыи* 50, *-аю* 176, *ѡстрье* 53_2б, *ѡстриемь* 8б (с *о* только *огнь* 348б, *острѣишю* 166).

[47] Сборник ОРЯС, т. 95, № 1 (см. сноску 22), с. 153.

[48] Ср. А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград, 1915, с. 50.

[49] Интересно, что с основой *Один-* дело обстоит иначе: в Мериле *одина*, *одину*, и т. д. пишутся только с *о* (ср. также *о* в укр. *одна*, *одно́* и т. д.); таким образом, выпадение *и* в этой основе относится к более позднему времени.

В части этих словоформ ѡ выступает в силу основных правил (2в для *ѡгнь*, *ѡстръ*, *ѡстриемь*, 2а для *ѡгнеѭму*, *ѡстрыи* и некоторых других). Однако для большинства словоформ закономерным было бы *о* (например: **огня*, **осми*, **острѡ*, **острѣе*), поскольку по данным исторической акцентологии ударение здесь падало на послекорневой слог. В говоре Мерила явно произошло аналогическое обобщение алломорфов *ѡгн-*, *ѡсм-*, *ѡстр-* на все случаи появления соответствующих морфем. (Заметим, что в МГУ 1367 обобщения нет: *огня*, *-емь* и др., *по осми*.)

Для слова «ноздря» неясно, восходит ли оно к **nozdr'a* или к **nozdьr'a*. В Мериле представлены: *нѡздри* В. мн. 11, *нѡздрорѡгу* «носорогу» 31б; ср. укр. *ніздря*. Возможно, ѡ указывает здесь на праформу с ь, но оно могло появиться перед группой согласных и по аналогии, ср. предыдущие примеры.

§ 25. Рассмотрим теперь словоформы с приставками, содержащими *О*, и словосочетания с соответствующими предлогами.

Морфемы (приставки и предлоги) **пО**, **прО**, **дО**. Приводим вначале словоформы с приставками (в алфавитном порядке корней): *пѡбьють*, *пѡбьенъ*, *пѡбиенъ* (8×), *пѡгнаша* 14, *пѡжьж-еть*, *-е*, *-ена*, *-ение* (8×; также *пѡжежеть* 129, где в корне *е* написано вместо ь), *пѡжнеть* 37б, *пѡжр-еть* «сожрет» 34б, *-ети* 34б, 46б, *пѡзва-ти*, *-вшю*, *-вшему*, *-нъ*, *-ние* (14×), *прѡзвание* 245б, *дѡзря* 3, *пѡзр-ить* 4, *-ѣхъ* 13б, *дѡидеть* 34б, *пѡид-еть*, *-уть*, *-и*, *-ивѣ* (10×), *прѡид-еть*, *-емъ*, *-ущи*, *-е* (7×), *пѡиму* 246б ter, *пѡимеши* 124, *пѡиметь* (29×), *пѡимыи* 144, *прѡлиа* 51, *прѡлиюниемь* 18, *да не пѡмните* 18, *пѡмни* повел. 118б, *пѡпранъ* 346, *пѡприщъ* Р. мн. 5, *пѡпъхнеть* 334, *пѡпьхнули* 110б, *пѡслю* 259, *пѡшлю* 18, *пѡсл-еть*, *-ются* (3×), *пѡсл-а* аорист, *-аста*, *-ати*, *-авъ*, *-анъ* и др., *-аньe* и др. (13×), *прѡстр-уть* 26б, *-ѣте* 37, *спрѡстреть* 157, *пѡткнувъ* 144б, *пѡтнеть* 334, *пѡтщ-итьс*, *-имся*, *-ать*, *-ися*, *-авъся*, *-ание* и др. (11×), *пѡчт-етьс*, *-уться*, *-е*, *-енъ* и др., *-еньа* (15×), *пѡчти* повел. 11, *пѡчсти* повел. 45, *-ѣте* 9б, *пѡчтивъ* 45. Кроме того: *пѡлза*, *-ы*, *-у* (17×), *пѡльзуеть* 7б, *пѡлзовати* 28; *дѡндеже* (27×), *дѡнде* 6, 43; *пѡдлѣ* 26б; *пѡслѣ* 334б (ср. укр. *після*). Ср., с другой стороны, *побѣда*, *повлачими*, *подвигъ*, *поимшему*, *послушати*, *послѣдь*, *пострижеть*, *прогрызъ*, *достѡинъ* и т. п. (с неперестроенным начальным слогом).

Написания с *о* вместо ѡ представлены здесь несколько чаще обычного (особенно у глаголов «позвать» и «послать», ср. ниже). В нормальных условиях встретились: *пробиетьс* 338, *поиметь* 113б, *пропиетьс* 338, *двѣ поприщи* 65, *почтенъ* 26б, 73б, *ползу* 191, *дондеже* 248б, *позвати* и др. (4×), *посла* и др. (4×).

Особые случаи. 1. По аналогии с *пѡзвати*, *пѡслати* и т. п. ѡ выступает также в глаголе «познать» (из **poznati*): *пѡзна-ти*, *-еши*, *-еть*, *-ють*, *-ите*, *-ша*, *-ние* и др. (21×), *пѡзнава-ти* 44, *-еть* 33 (с *о* только *позна-ша* 199, *-въ* 19, *-нъ* 346б, *-вати* 346б). Соотношение *о* и ѡ (4 : 23) здесь несколько выше обычного, но это верно и для глаголов «позвать» (4 : 14) и «послать» (4 : 18). Можно предположить, что эти глаголы взаимно влияли друг на друга и у всех трех при господствующем /ɔ/ могло появляться и /ɔ/; ср. полное смещение старых различий в укр. *пізнáти*, *позвáти*, *послáти* (и реже *післáти*). Заметим, что МГУ 1367 еще сохраняет первоначальное состояние: *пѡслати* и др., *прѡзваша*, но *позна-ти*, *-но* и др.

2. Слово «довлеть» встречается только с *о*: *довлѣ-ти*, *-еть*, *-ета* (7×); по-видимому, оно восходит в данном говоре к раннедревнерусскому варианту *довлѣти* (без ь) [50].

[50] О возможности существования такого варианта см. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, с. 156, сноска 1.

3. В *пѡити* 245б, *прѡити* 66б, 189б (где *и* из **i*, а не из **jь*) представлен эффект, рассмотренный в § 22 (ср. в МГУ 1367 *прѡити* 149в). В *поима-ти*, *-еть*, *-яться* и др. (14×) отразилось слоговое *-и* , сохраненное (или восстановленное), по-видимому, под влиянием *вз-имати*, *из-имати* и т. п., тогда как единичное *пѡімати* 341б отражает фонетически закономерный вариант.

В отличие от приставок *пО-*, *прО-*, *дО-*, которые в целом хорошо подчиняются правилу 2в, соответствующие предлоги обнаруживают ожидаемое ѡ довольно непоследовательно. Так, с ѡ встретились: *пѡ всему*, *пѡ всемь*, *пѡ всеи*, *пѡ всѣмъ*, *пѡ всѣ*, *пѡ вся* и др. (18×: 13, 25б, 36, 42, 46б, 120б и др.), *пѡ два* 85, *пѡ дву* 169б, *пѡ двою* 332б, *пѡ днехъ* 32, *пѡ мьздѣ* 14б, *пѡ тли* 229б, *пѡ что* 19, 61, 344б, 345; *пѡ вземлющему* 270, *пѡ възнесеньи* 65б, *пѡ въпрашанию* 200б [51]. Отметим также *пѡ нь* «за ним» 85 (ср. § 20). С *о* встретились, в частности: *по всему*, *по всѣ* (4×), *по всякѡи* 74, *по втѡрѣмь* 89б, *по дву*, *по двою*, *по .е҃.*, *до .к҃.* (8×), *по злѡбѣ* 64, *по вштьи* 162б, *по свершеньи* 207 и ряд других (всего более 30×). Перед словами, не имевшими редуцированного, пишется *о*: *по слѣду*, *по праву*, *про злато*, *до времене*, *по .г҃.* (не говоря уже о *по мужи* и т. п.); также *по хр^{c}тѣхъ* «за крестами» 192б. Встретились, однако: *пѡ три* 90б, *пѡ .г҃. лѣ^{т}* 116 (В. мн. или М. мн.), *пѡ времени* 203б, *пѡ х^{c}ѣ* «по Христе» 56. Таким образом, предлоги, будучи более самостоятельными единицами, чем приставки, обнаруживают тенденцию к перестройке прежних соотношений *о* и ѡ: формируется новая система, где для рассматриваемых предлогов нормой является единый вид *по*, *про*, *до*, но перед сочетанием согласных (любого происхождения) допускается также ѡ.

§ 26. Морфемы От и пОд. В соответствии с правилом 2в, в Мериле в этих морфемах почти всегда выступает ѡ. Практически обычно пишется ѡ^{т} (около 1500×) и *пѡ^{д}* (около 80×), например: ѡ^{т} *тобе*, ѡ^{т}*хѡдить*, *пѡ^{д} властию*, *пѡ^{д}пишеть* и т. д.; гораздо реже без выноса согласной, например: *ѡтъ негѡ* 129, *неѡтърѡчна* 57б, *пѡдъ чересминою* 41, *пѡд нозѣ* 66, *пѡдъписанѡ* 208, *пѡднѡжие* 36.

Как известно, в раннем древнерусском приставка «от-» в некоторых случаях выступала в варианте *от-* (а не *отъ-*). В Мериле сохранились лишь небольшие следы этого: *от-* в опростившемся *отрѡкъ* и его производных (34×); *отинудь*, наряду с ѡ^{т}*нудь* (оба часто); *отяти* «отнять» 106, 228б, *отялъ* 34б, *по отятьи* 77, 154 при более частых ѡ^{т}*яти*, ѡ^{т}*ято*, *по* ѡ^{т}*ятию* и др. В остальных случаях обобщился вариант ѡ^{т}-, например: ѡ^{т}*идеть*, ѡ^{т}*ит*, ѡ^{т}*иметь*, ѡ^{т}*имающихъ*. Ср. также сходные словоформы с *пОд-*: *пѡ^{д}им-еть*, *-уть*, *-аемъ* и др. и в особенности *пѡдъим-еть* 19б, *-оуть* 115; кроме того, *пѡдотнеть* 339б, *пѡдътнеть* 339 (наряду с *подотчеть* 339). Показания МГУ 1367 (*ѡто бчелъ* 38в, *ѡтоимется* 53в, *и вѡтоидоша* 186в, *пѡдо властью* 124а), а также укр. *відійти́*, *підійти́* и т. п. позволяют думать, что и в рассматриваемых примерах из Мерила мы имеем дело не просто с обобщением орфограмм ѡ^{т}- и *пѡ^{д}-*, а с фонемой /ŏ/ в приставке [52]. Менее ясно, что́ произносилось во втором слоге таких словоформ, как *пѡдъиметь*, ѡ^{т}*идеть* (и как здесь проходил слогораздел).

---

[51] Как видно из написания *пѡ*, в последних двух примерах *ъ* соответствует нулю звука.

[52] При этом всё же следует признать, что орфограмма ѡ^{т} обладает в Мериле повышенной устойчивостью: во-первых, в Мериле совсем не встречается написание *о^{т}* (притом что 12 раз встретилось *отъ*); во-вторых, в ѡ^{т}*бьють* 339б, ѡ^{т}*слеть* 337, *по* ѡ^{т}*гнаньи* 194 ѡ^{т}, по-видимому, заменяет *ѡто*.

§ 27. Морфемы рОз- и О (Об). Для приставки *рОз-* встретились только примеры с закономерным *о*: *розвязавше*, *роздѣлять*, *ростерялъ*, *рощитаютъ*^{c}, *росѣчена* и т. д. (интересно *росьсѣчи* 41). В морфеме *О* (*Об*) огласовка *о*, закономерная для подавляющего большинства случаев (например, *одежя*, *осквернити*, *отравникъ*, *обрѣсти*, *обнажити*, *о вѣрѣ*, *о гнѣвѣ*), была обобщена и на случаи, где правило 2в требует ѡ, например: *овдовѣвшее*, *ожьжетъ*^{c}, *озлѡбити*, *обыставлена*, *обдержится*, *о всемь*, *о князѣхъ*, *о мнѡзѣи*, *о при*, *о что* и т. п. [53]. Точно такое же обобщение представлено в украинском языке, ср. *овдовíти*, *озлобíти*, *обстáвити* и т. д.; поэтому следует предполагать, что и в Мериле мы имеем дело с фонологическим, а не орфографическим явлением. (Интересно, что в МГУ 1367 такого обобщения еще нет: ср., например, *обрѣте*, *о часѣ*, *о стадѣ* и *ѡтре*, *ѡ мнѣ*, *ѡ дни*.)

Особые случаи

§ 28. В Д. мн. на *-Омъ* у существительных (но не у прилагательных, ср. § 12) в Мериле регулярно представлено *о*, независимо от акцентуации (в сумме около 220×). Характерные примеры: с ударением на *-Омъ* (т. е. нарушающие основное правило 2а) — *врагомъ*, *дворомъ*, *попомъ*, *псомъ*, *рабомъ*, *скотомъ*, *видокомъ*, *оучѣнкомъ*; с ударением на два слога левее *-Омъ* (т. е. нарушающие правило 2б) — *дьякономъ*, *идоломъ*, *икономомъ*, *правиломъ*, *грѣшникомъ*, *приставникомъ*; с ударением на слог левее *-Омъ* — *канѡномъ*, *мнихомъ*, *чадомъ*; с неясным ударением — *бѣсомъ*, *волкомъ*, *домомъ*. Единственный пример с *-ѡмъ* (не после гласной) — *чл҃вкѡмъ* 196б, при обычном *чл҃вкомъ* (8×), *че|ловѣкомъ* 200б; скорее всего, это ошибка писца.

Точно такое же «незаконное» /ɔ/ в Д. мн. отражено в рукописях, изученных Л. Л. Васильевым (Васильев, с. 123), и в Муз. 3650 (см. Новые данные, § 4—5); все они северо-западновеликорусские. Между тем в МГУ 1367, в говорах с полесским распределением фонем «типа *о*» и в южновеликорусском Травнике (см. Новые данные, § 3) в Д. мн. отражено (при наличии необходимых акцентных условий) закономерное /ô/. В Узкошрифтном евангелии (предположительно московском, см. Новые данные, § 6) представлено /ɔ/ и реже /ô/. Таким образом, появление /ɔ/ вместо /ô/ в Д. мн. — это диалектная (по-видимому, западновеликорусская) морфологическая инновация; вероятно, она состояла просто в объединении окончаний Д. мн. и Т. ед.

§ 29. В окончаниях М. ед. муж. и сред. *-Омь* и Д. М. ед. жен. *-Ои* у местоимений и прилагательных в Мериле почти всегда пишется ѡ. В большинстве имеющихся примеров это ѡ закономерно, так как на него падает ударение (об *-ѡи* см. также § 22): *онѡмь*, *онѡи*, *самѡмь*, *-ѡи*, *какѡмь*, *-ѡи*, *таковѡмь*, *-ѡи*, *мужьскѡмь*, не говоря уже об односложных *кѡмь*, *тѡмь*, *тѡи*; вероятно, сюда же *един-ѡмь*, *-ѡи*, *инѡмь*, *инѡи*, *властельскѡи*. Однако ѡ представлено и в тех случаях, где ударение явно падало не на окончание: *всякѡмь* (4×), *всякѡи* (9×), *котурѡмь* «котором» 136, *нѣкоторѡи* 240б, *нѣкѡи* 185, *сельскѡмь* 333, *наимнѡмь* 269б; вероятно, сюда же *изобилнѡмь* 272 (с *о* только *всякои* 72, *лютоі* 26, *первомь* 229б [киноварь]). Особенно интересно *котурѡмь* вместо **котѡрѡмь*: по-видимому, писец попытался здесь отобразить ту разницу в степени закрытости, которая была между ударным и безударным /ô/.

Такая же особенность, т. е. рефлексы /ô/ (в виде [y] или реже [yo]) в этих двух окончаниях в безударном положении (притом что по общим пра-

[53] Исключение составляет только глагол ѡ^{т}*щетити*, который постоянно пишется с ѡ^{т}: писцы явно воспринимали его как глагол с приставкой *От-*.

вилам /ô/ в безударных слогах не должно быть), наблюдается во многих говорах с полесским принципом распределения фонем «типа *о*» [54]. Это дает основания видеть в данной черте Мерила фонологическую, а не орфографическую особенность (причем такую, которая объединяет говор Мерила с полесскими).

§ 30. Остается лишь несколько маленьких групп, где написание ѡ требует особых комментариев. Внутри словоформы после гласной (что возможно только в заимствованиях) *О* обычно предстает как ѡ, причем не только там, где на него падает ударение (*антиѡха* Р. ед., *геѡну*, *-ою*, *геѡргии*, *елеѡньскую*, *леѡна* Р. ед., *леѡнтовъ* прилаг., *сиѡнъ*, *фараѡнъ*, *феѡдора* Р. ед., *финеѡсъ*, *ханаѡне* прилаг.— всего 21×), но и там, где это явно не так (*іѡ̃*, *іѡ̃нъ*, *-а*, *-ѣ* «Иоанн» [11×], *феѡдоритово* 45б; *къ коренфѣѡмъ* 230б, *к филипписѣѡ*[м] 230, ср. § 28), а также в ряде неочевидных случаев (*въ антиѡхии*, *антиѡхиискаго*, *-ия*, *диѡнъ*, *диѡсъ*, *иѡвъ*, *-ѣ*, *мѡисѣѡвъ*, *-у* — всего 12×); ср. *о* в *дионисовъ* и др., *мѡисѣови*, *въ антиохьи*, *лаодикиа* (9×). Таким образом, написание ѡ в указанной позиции следует рассматривать как частное собственно орфографическое правило (соблюдаемое, впрочем, нестрого).

В нескольких примерах два ѡ в соседних слогах, быть может, отражают колебание ударения: *госпѡдьствѡ* 274, *госпѡ*[д]*ствѡ* 239б bis, *оубѡркѡвъ* 341, *вторѡе* 173, *мнѡгѡ* 226б (хотя в трех последних случаях не исключена и описка). Явными описками стандартного типа (предвосхищение на письме гласной буквы следующего слога) являются: *за хѡлѡпъ* 340б, *по хѡлѡпьи рѣчи* 340, *такѡвѡе* 42б, 179, *отрѡкѡвиця* 169, *препѡдѡбиемь* 10; в *ипѡ*[д]*рѡмьское* 201 видно влияние орфограммы *пѡ*[д] «под». Просто ошибку или описку можно предполагать в *чл҃вкѡмъ* 196б (см. § 28), *пѡимъ* «взяв» 137б, *кѡнечнее* 260 (при обычных *чл҃вкомъ*, *поимъ* и др., *конечнее*). В нескольких других сомнительных случаях (в частности, *живѡта* 122б, *бѡлимъ* 47б, *блг҃ѡбоязнивыа* 66б) более вероятна не ошибка, а необычная акцентовка; *схѡдити*[с] 200, по-видимому, получилось потому, что писец начал писать словоформу *схѡдить* (уместную по контексту).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 31. Приводимая ниже таблица (см. с. 68) демонстрирует синхронические соотношения между фонемами /ô/ и /ɔ/ в говоре Мерила, выявляющиеся в результате разбора материала. Противопоставление этих фонем демонстрируется на типовых примерах; примеры, представляющие лишь маленькие группы словоформ, заключены в скобки.

Основные особенности противопоставления /ô/ и /ɔ/ в говоре Мерила, определяемые д р е в н о с т ь ю этого говора, таковы. Прежде всего, возможно (и даже вероятно), что в говоре Мерила позиции I и III еще были нетождественны именно с синхронической (а не только с исторической) точки зрения, ср. § 19. В позднейших системах они уже определенно отождествлены. Далее, как видно из таблицы, для Мерила характерно почти безупречное дополнительное распределение /ô/ и /ɔ/ в позиции Б (словоформа *свекрови* 252б, возможно, имела здесь начальное, а не срединное ударение); ср. также сноску 45. Соответственно, например, *икѺна* автоматически принимает в говоре Мерила вид /икôпа/. Между тем в великорусских памятниках XVI века и в современных говорах в позиции Б под ударением уже возможно противопоставление /ô/ и /ɔ/. В начальном сло-

[54] См., в частности: Е. Ф. К а р с к и й. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 1. М., 1955, с. 119.

Таблица

Противопоставление фонем /ô/ и /ɔ/ в говоре Мерила

Позиции	А. Перед группой согласных или перед конечной согласной *		Б. Перед одиночной неконечной согласной или в конце словоформы	
	/ô/	/ɔ/	/ô/	/ɔ/
I. Под главным ударением ортотонической словоформы	скѡтъ потвѡрникъ в мужьскѡмь	ротъ посолникъ молокомь	ѡтень готѡво числѡ	—
II. Под второстепенным ударением ортотонической словоформы	дьяконѡвъ	дьякономъ	ябложѡ праведнѡе	—
III. Под автоматическим ударением энклиномена	рѡдъ рѡдни пѡ днехъ	кровь должьни во днехъ	—	осень золото
IV. В безударном начальном слоге	бѡлнѡму пѡслати	должьнѡму послушати	(пѡдотнеть §26)	она голова
V. В безударном срединном слоге	—	оболчени свободнѡму	—	сирота золото
VI. В безударном конечном слоге	(в сельскѡмь, §29)	братомь старость	—	масло золото

* Позицию А не следует непосредственно отождествлять с закрытым слогом: для многих словоформ (например, *пѡслати, послушати*) неизвестно, как именно проходил слогораздел.

ге это произошло за счет отождествления позиций I и III, отсюда пары типа *вблю* (с /ô/) — *вбду* (с /ɔ/); далее противопоставление было распространено и на прочие слоги (ср. /ɔ/ в аналогических *кусóчек*, *клубóчек* и т. п., /ɔ/ при позднем переносе ударения, например, в *оснóван*, переход конечного /ô/ в /ɔ/ в некоторых говорах и т. д.).

Основная диалектная особенность системы Мерила состоит в том, что, при общем господстве великорусского принципа распределения /ô/ и /ɔ/, в начальном слоге действуют одновременно великорусский и украинский принципы появления /ô/, см. § 5 (ср. аналогичный эффект и в *-Омь*, *-Ои*, § 29). Такое соединение двух принципов является самой своеобразной чертой Мерила и ранее нигде не было засвидетельствовано. Оно показывает, что в формировании фонем /ô/ и /ɔ/ на восточнославянской территории было больше диалектного разнообразия, чем раньше предполагалось; между диалектными зонами с разными основными принципами имелись промежуточные зоны. Из более частных фактов отметим сходство Мерила с украинским языком в отношении морфемы *О*, *Об* (§ 27), с полесскими говорами в отношении морфем *-Омь*, *-Ои* (§ 29), с другой стороны — с северо-западновеликорусскими говорами в отношении *-Омъ* в Д. мн. (§ 28) и *-гО* в Р. ед. (§ 18). Имелись ли какие-то диалектные различия, касающиеся второстепенного ударения, в настоящее время неизвестно. Диалектологические особенности распределения /ô/ и /ɔ/ в говоре Мерила согласуются с общими диалектными приметами Мерила (см. Новые данные, § 14): и те и другие указывают на великорусскую зону, а в ее пределах — на область контакта с украинско-белорусской зоной.

Дополнения к главе 2

К § 22. К приведенным в тексте примерам двусложного чтения *-Ои-* необходимо добавить следующие: *оубоишисѧ* 121б, *ни оубоишсѧ* 20б, *стоиши* 51. Вероятно, в словоформах презенса двусложное чтение *-Ои-* сохранялось (или восстанавливалось) под влиянием морфологической аналогии (в силу пропорции типа *стою, стоять - стоиши* как *рожю, родять - родиши* и т.п.).

К § 28. Помимо гипотезы о том, что /ɔ/ в окончании Д.мн. есть результат совпадения окончаний Д.мн. и Т.ед., возможна и другая гипотеза: влияние *и*–склонения. В М.мн. от *и*–склонения довольно устойчиво сохранялся след в виде окончания *-охъ* (<*-ъхъ), например, *домохъ*; это *-охъ* отмечается во многих памятниках и у слов исконного *о*-склонения (например, *разбоиникохъ* и т.п). Очевидно, в *-охъ* должно было выступать /ɔ/ (из *ъ). Отсюда возможность выравнивания окончания Д.мн. по окончанию *-охъ* в М.мн., т.е. обобщения огласовки /ɔ/. В принципе не исключено также и прямое сохранение /ɔм/ как рефлекса прежнего *-ъмъ в Д. мн. слов *и*–склонения, типа *домомъ* (правда, непосредственно подтвердить такое предположение примерами типа Д. мн. **домъмъ* из памятников эпохи до падения редуцированных пока не удается).

Глава 3

АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА "МЕРИЛА ПРАВЕДНОГО"

I. ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 1. Как было показано в двух других работах[1], в известной древнерусской рукописи XIV в. - Троицком Мериле Праведном[2] (далее - Мерило) буквы *о* и ѡ передают две разные фонемы "типа *о*" - предположительно /ɔ/ (открытое) и /ô/ (закрытое). Было показано также, что распределение этих двух фонем в Мериле определенным образом связано с акцентуацией (см. § 2). Это позволяет установить акцентуацию некоторой части словоформ, встречающихся в Мериле (хотя сама рукопись не акцентуирована).

Задачей настоящей работы является описание (с той степенью полноты, которую допускает материал) акцентологической системы, отразившейся в Мериле[3]. Эта система представляет исключительный интерес, поскольку Мерило относится приблизительно к тому же времени, что и древнейшая акцентуированная древнерусская рукопись - Чудовский Новый Завет XIV в. (далее - Чуд.).

§ 2. Ниже (§ 2-3) в сжатой форме изложены те положения предшествующих статей (Новые данные и Противоп.), на которые непосредственно опирается настоящая работа.

Как установлено акцентологическими исследованиями последних двадцати лет, в праславянском (а также в раннем[4] древнерусском) все полнозначные словоформы делились с акцентологической точки зрения на "ортотонические" и "эн-

---

[1] *Зализняк А.А.* Новые данные о русских памятниках XIV-XVII веков с различением двух фонем "типа *о*". - Сов. славяноведение, 1978, № 3 (далее - Новые данные); *Он же.* Противопоставление букв *о* и ѡ в древнерусской рукописи XIV века "Мерило Праведное". - Сов. славяноведение, 1978, № 5 (далее - Противоп.).

[2] Рукопись Гос. библиотеки им. В.И. Ленина, фонд 304 (Троицкое собрание), № 15. Фототипическое издание: Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961. Настоящая работа проведена по фототипическому изданию с проверкой всех вызывающих сомнение мест по рукописи.

[3] Приношу глубокую благодарность В.А. Дыбо за постоянные консультации и помощь и Е.А. Аксёновой, которая по моей просьбе сличила ряд темных и испорченных мест Мерила с другими его списками и с греческими оригиналами.

[4] Т.е. до падения редуцированных.

клиномены". Первые имели неотъемлемое ударение (так наз. автономное) на одном из слогов; вторые в составе фразы обычно были безударны, а в изолированном положении получали на начальном слоге так наз. автоматическое ударение (т.е. некоторое просодическое усиление, с фонологической точки зрения равнозначное безударности). Автономное и автоматическое ударения представляли собой два нетождественных способа просодического выделения. В ходе истории русского языка они совпали друг с другом, но в говоре Мерила это совпадение, возможно, еще не произошло.

Ниже мы обозначаем автономное ударение (при интерпретации данных Мерила и в реконструкциях) знаком ˈ. Единое ударение более позднего времени обозначается знаком ˊ (но при цитировании акцентуированных памятников сохраняются знаки оригинала).

Пусть *О* будет обобщающим обозначением для букв *о* и *ѡ*. В важнейшей части Мерила (так наз. зоне А)[5] основные правила распределения *о* и *ѡ* таковы.

1. Рефлекс раннедревнерусского *ъ* (там, где этот *ъ* не выпал) записывается как *о* - *ротъ, пѣсокъ, торгъ*[6].

2. Рефлексы раннедревнерусского *о* (в т.ч. в полногласных сочетаниях *оро, оло*) записываются как *ѡ* в следующих случаях: а) в ударном слоге ортотонической словоформы — *закѡнъ, холѡпи; хѡдѧть;* б) во втором заударном слоге ортотонической словоформы — *ѧблокѡ, праведнѡѥ*[7]; в) независимо от акцентуации, в перестроенном[8] начальном слоге словоформы (а также сочетания "предлог + именная словоформа") — *дѡмъ, кѡвчегъ, пѡслати, пѡ два.*

3. В прочих случаях рефлексы раннедревнерусского *о* записываются как *о* - *слово, нога, старость, городъ, золото, голова.*

К основным правилам имеются следующие морфологические поправки: а) постоянно пишутся с *о* окончание Д. мн. *-Омъ* (только у существительных), аористные окончания *-Омъ, -Овѣ*, глагольный суффикс *-Ова-*, частица *-ждО*, окончание *-О* в морфемных сочетаниях *-Ов-О, -ав-О*, предлог и прис-

---

[5] Зона А (75% текста Мерила) - это почерки основных писцов Мерила (не менее трех), объединенные общей орфографией. Зона А включает: 1-188, 189б-208, 221-230б, 239-274б, 331б-348б (за вычетом примерно 50 вкраплений размером от нескольких слов до двух страниц), а также около 20 мелких вкраплений в других местах (подробнее см. Новые данные, § 9).

[6] Имеется несколько исключений, в частности, *плѡть, любѡвь, цр҃кѡвнаѧ*; по-видимому, в этих словах произносилось /ô/ (появившееся вместо ожидаемого /ɔ/ по разным индивидуальным причинам, см. Противоп., § 8).

[7] Пункт 2б интерпретируется как эффект второстепенного (ритмического) ударения в заударной части ортотонической словоформы (см. Противоп., § 12, 18).

[8] Под "перестроенным" понимается слог, за гласной которого прежде (т.е. в раннем древнерусском) шел слог с редуцированным, впоследствии выпавшим.

тавка *О* (*Об*); б) постоянно пишутся с ѡ частица *бО*, элемент *гО* в составе окончаний Р.ед. *-ОгО*, *-егО*, *-агО*, окончания М.ед. *-Омь* и Д.М.ед. *-Ои*, корни *Огн-*, *Осм-*, *Остр-*.

Конкретное *о* или ѡ в составе встретившейся в Мериле конкретной словоформы называется несвободным, если оно подпадает под основное правило 1 или 2в или под морфологические поправки[9]; в противном случае оно называется свободным. Понятно, что акцентуационно значимы только свободные *о* и ѡ.

§ 3. На указанные правила в Мериле накладывается принцип факультативности выражения /ô/ (общий для всех памятников, различающих две фонемы "типа *о*"): для передачи фонемы /ô/ вместо обычного ("полного") написания ѡ иногда может использоваться упрощенное (далее - упрощ.) написание *о* (буква *о* выступает в этом случае как общее обозначение "фонемы типа *о*"). Существенно, что противоположной замены (*о* на ѡ) практически не бывает.

Упрощенные написания встречаются с резко повышенной частотой в следующих особых условиях: а) в киноварi; б) на конце строки (точнее: на последнем месте любой строки и на трех последних местах строки, вышедшей за линию разметки) и в приписках между строк; в) в местах, где писец ужимал текст или писал небрежно, - 230 (строки 12-25), 230б (строки 1-14), 274б (строки 19-25), 337, 337б. Все прочие положения называются ниже нормальными условиями.

В зоне А (за вычетом отрезка 332-348б) коэффициент выраженности /ô/[10] составляет в среднем в нормальных условиях около 97%, в особых условиях - 76% (на отрезке 332-348б, написанном в этом отношении менее тщательно, он составляет соответственно 83% и 48%).

Установление акцентуации словоформ по написаниям Мерила

§ 4. Опираясь на изложенное распределение *о* и ѡ как на уже установленный факт получаем следующее практическое правило, позволяющее определить акцентуацию словоформы по ее написанию в Мериле (правило сформулировано в предположении, что все /ô/, входящие в эту словоформу, записаны полно, а не упрощенно).

1. Заменить рассматриваемое написание "схемой его огласовки", а именно: слог, содержащий свободное *о* или ѡ, заменить соответственно символом *о* или ѡ; всякий другой

---

[9] Даже если фактический выбор *о* или ѡ почему-либо не соответствует правилам; однако ѡ на месте ъ (не в перестроенном начальном слоге) - свободное (примеры: *любѡвь*, *цр҃кѡвнаѧ*, см. сноску 6). Дополнительное указание: несвободно *О*, стоящее внутри словоформы после гласной буквы (в этой позиции *о* и ѡ могут писаться без соответствия с фонемами /ɔ/ и /ô/).

[10] Т.е. отношение числа ѡ (передающих /ô/) к общему числу точек текста, где предположительно выступала фонема /ô/ (подробнее см. Новые данные, § 18-21).

слог[11] (в частности, слог с несвободным *о* или ѡ) заменить символом *А*. Примеры: *готѡво - оѡо; ѥдиꙗкони - АоА; дѡмъ - А; бѡлнѡму - АѡА; злагѡ, волкомь, кѡпиѥ - АА; невѣста - ААА*. Написания со схемой огласовок из одних *А* из дальнейшего рассмотрения выбывают: об акцентуации таких словоформ Мерило никаких сведений не дает.

2. Сравнить полученную схему огласовки с образцами (той же длины) в табл. 1. Если схема огласовки содержит более 4 символов, взять от нее только конечные 4 символа.

Таблица 1

Число символов	Словоформы-энклиномены	Ортотонические словоформы с ударением на слоге по счету от конца:			
		1-м	2-м	3-м	4-м
1	о	ѡ	-	-	-
2	оо	оѡ	ѡо	-	-
3	ооо	ооѡ	оѡо	ѡоѡ	-
4	оооо	оооѡ	ооѡо	оѡоѡ	ѡоѡо

При сравнении схемы огласовки с образцом символ *А* считается допустимой заменой как для *о*, так и для ѡ (на подчеркивания в табличных образцах можно не обращать внимания). Иначе говоря, образец считается подходящим для данной схемы огласовки, если эта схема совпадает с ним или может быть получена из него одними лишь заменами *о* или ѡ на *А*.

Поиск образца может дать один из трех результатов: 1) для данной схемы огласовки имеется ровно один табличный образец (это бывает при полном совпадении схемы с образцом, а также в случае, когда заменялись на *А* только такие *о* и ѡ, которые в таблице не подчеркнуты); например, для схемы *оо* образцом является *оо*, для схемы *Аѡ - оѡ*, для схем *ѡААА, ѡоАо, ѡоѡо - ѡоѡо;* 2) для данной схемы огласовки имеется более одного образца (это бывает тогда, когда заменялось на *А* хотя бы одно *о* или ѡ, которое в таблице подчеркнуто); например, для схемы *оА* образцами являются *оо* и *оѡ*, для *АоА - ооо, ооѡ* и *ѡоѡ;* 3) для данной схемы огласовки (например, ѡѡ) вообще нет табличного образца.

В случае 1 акцентуация словоформы определяется однозначно (она указана в табличном заголовке над соответствующим образцом). Приведем характерные примеры. Энклино-

---

[11] Разумеется, счет слогов должен соответствовать состоянию после падения редуцированных (т.е. реальному для Мерила). Специально отметим, что всякое *и (i)*, стоящее перед гласной буквой (принадлежащей той же словоформе), должно рассматриваться как не соответствующее отдельному слогу. В случаях, где счет слогов неясен, следует рассмотреть две альтернативные схемы огласовки.

мены: *то, кто; око, просто, городъ; золото, свободно, таково*. Ортотонические словоформы с ударением: на последнем слоге - *злѡ; добрѡ, порѡкъ, селѡ, закѡнъ; молокѡ, скоморѡхъ, прощенѡ; положенѡ, растворенѡ*; на предпоследнем слоге - *мнѡго, гнитъ, дѡбрихъ; готѡво, подѡбно, икѡномъ, закѡни; дорогѡѥ, вощанѡю*; на 3-ем слоге от конца - *вѡиньствѡ, вѡлею, подѡбалѡ, рабѡтаѥтъ, оузакѡненѡ*; на 4-ом слоге от конца - *скрѡвенѡю, мнѡжицею, оумнѡженѡѥ*.

П р и м е ч а н и е. Чтобы избежать излишней сложности, правило сформулировано так, что словоформы с ударением на 5-ом слоге от конца и далее в нем вообще не предусматриваются. В акцентологически значимом материале Мерила с подобным ударением встретились только: *вѡиньств-ении, -овати, -оваше* (ударение *вѡ-*); *котѡрающегѡсѧ* (*-тѡ-*); *назнаменовати, хрⷭто|знаменанаѥ* (*-знѧ-*); *свѣдительств-овати, -ова́ю, -уѥмѡ* (*-дѣ-*).

В случае 2 акцентуация словоформы определяется ее написанием в Мерило неоднозначно. Примеры: написания *оку, окомъ, попа, попомъ, голову, голова* в принципе могут соответствовать как энклиноменам, так и конечноударным словоформам; написания *праведнѡ, истиньнѡ, студенѡ* могут передавать ударение как на последнем слоге, так и на третьем от конца. Для установления действительной акцентуации таких словоформ приходится привлекать дополнительные данные - написание в Мерило родственных словоформ, данные акцентуированных памятников, общие акцентологические закономерности. Разумеется, этим способом акцентуация устанавливается менее надежно, чем в случае 1.

В случае 3 написание признается аномальным. В Мерило таковы только: а) *за хѡлѡпъ* 340б, *по хѡлѡпьи рѣчи* 340, *такѡвѡѥ* 42б, 179, *отрѡкѡвица* 169, *препѡдѡбиѥмъ* 10; по-видимому, это просто результат предвосхищения на письме гласной буквы следующего слога; б) *прекѡслѡвьѥ* 125; та же причина, что выше, или след флексионного ударения у **прек-* (ср. *впрекѝ* в Чуд.), см. § 8, замеч.; в) *ипѡ^{д}рѡмьскоѥ* 201 (влияние орфограммы *пѡ^{д}* "под"); г) *госпѡдьствѡ* 274, *госпѡ^{д}ствѡ* 239б bis, *оубѡркѡвъ* 341, *втѡрѡѥ* 173, *мнѡгѡ* 226б; эти написания скорее всего отражают колебание ударения.

Как уже указано, приведенное правило действительно лишь в предположении, что перед нами полное, а не упрощенное написание. Это значит, что его нельзя применять к первому встретившемуся в тексте написанию интересующей нас словоформы (по крайней мере, когда речь идет о написаниях с *о*), а необходимо вначале выявить все вхождения этой словоформы в текст и установить, насколько это возможно, какие ее написания являются полными и какие упрощенными[12]. Понятно, что результат этой операции тем надежнее,

[12] Заметим, что сходные затруднения возникают и при исследовании акцентуированных рукописей, поскольку здесь приходится решать, куда отнести знак ударения, кото-

чем чаще встречается данная словоформа. Максимально уязвимой оказывается акцентологическая интерпретация одиночных (или просто редких) написаний, основанная на наличии буквы *о* (а не ѡ) в некоторой точке словоформы.

Итак, возможности акцентуационной интерпретации данных Мерила по нескольким причинам ограниченны: доступны такой интерпретации только словоформы, содержащие свободные *о* или ѡ; результаты интерпретации в значительной части случаев неоднозначны; для редко встречающихся словоформ интерпретация может оказаться основанной на упрощенном написании. Но даже при всех этих ограничениях количество извлекаемых из Мерила надежных сведений об акцентуации оказывается весьма значительным.

Акцентные парадигмы и акцентные кривые

§ 5. В соответствии с работами Х. Станга, В.М. Иллич-Свитыча и В.А. Дыбо, мы исходим из того, что в праславянском (а также в раннем древнерусском) каждое изменяемое слово относилось к одной из трех так наз. акцентных парадигм[13]. Для раннего древнерусского эти акцентные парадигмы (далее - а.п.) можно охарактеризовать так:

1) слова а.п. *a* имели только ортотонические словоформы с постоянным ударением на определенном слоге основы[14];

2) слова а.п. *b* также имели только ортотонические словоформы, но ударение здесь падало в нормальном случае на первый слог окончания, в особых (строго определенных) случаях[15] - на последний слог основы;

3) у слов а.п. *c* одни словоформы были ортотоническими конечноударными[16], а другие - энклиноменами, причем рас-

---

рый реально стоит над согласной буквой, а также выявлять ошибочные знаки ударения.

13 Строго говоря, это утверждение непосредственно верно лишь для имен. У глаголов в принципе возможно расщепление морфологической парадигмы на части, относящиеся к разным акцентным парадигмам (см. Дыбо 1971).

14 Здесь и в дальнейшем для древнерусского принимается разделение словоформ на основу и окончание, при котором рефлексы бывших основообразующих элементов **o, *e, *ā, *u, *i* в именах и **o, *e, *ī* в презенсе глаголов входят уже в состав окончания, а не основы; например: *город-ѣ, жен-а, кост-ию, нес-еть, лех-ить*.

15 Важнейшие из этих случаев: а) все словоформы, где первый слог окончания содержит слабый ъ или ь; б) презенс глагола (кроме 1 ед.), членные формы прилагательных, М. ед. на *-ѣхъ* у существительных.

16 Но если ортотоническая словоформа оканчивалась на ъ или ь, ударение падало на предпоследний слог. Кроме того, ударение падало на предпоследний (а не последний) слог в окончаниях *-ами, -ама*, в инфинитивах на *-ити, -ати* и в некоторых других случаях. В членных формах прилагательных а.п. *c*, по-видимому, рано обобщилось ударение на первом слоге окончания.

пределение этих двух акцентных возможностей по грамматическим формам было индивидуальным в каждом морфологическом классе слов.

§ 6. Запись, показывающая, к какой из трех акцентных категорий (ортотоническая словоформа с ударением на основе, ортотоническая словоформа с ударением на окончании или энклиномен) относится каждая словоформа некоторого слова, образует так наз. акцентную кривую (или схему ударения) данного слова.

Для праславянского и раннего древнерусского предполагается "идеальное" состояние, при котором в любом морфологическом классе слов возможно не более трех разных акцентных кривых - по одной на каждую а.п. В более позднее время картина меняется: в одном и том же морфологическом классе может быть представлено уже более трех разных акцентных кривых. Например, в современном литературном языке у существительных женского рода на *-а, -я* с односложной основой представлено 7 разных акцентных кривых (схем ударения), причем распределение слов по этим кривым чисто списочное; ср. в качестве образцов слова *ве́ра, черта́, беда́, до́ля, губа́, спина́, нога́*. Характерной особенностью поздних систем являются также многочисленные колебания ударения.

При обследовании конкретного памятника или говора прежде всего необходимо дать чисто синхронический анализ наличных акцентных противопоставлений, в частности, выявить набор акцентных кривых в каждом морфологическом классе слов. Выявляемые таким образом "точечные" (по месту и времени) акцентные системы могут довольно сильно различаться между собой - как характером акцентных кривых, так и их числом. Настоящая работа посвящена описанию "точечной" системы Мерила.

Между некоторой "точечной" акцентной системой и исходной системой трех а.п. обычно можно выявить определенные отношения исторического наследования. Для памятников XIV-XVII вв. эти отношения, как правило, еще довольно прозрачны: одна и та же древняя а.п. может отражаться в подобной "точечной" системе в виде двух или более акцентных кривых (даже в одном и том же морфологическом классе), но разные а.п. при этом обычно не смешиваются. Соответственно, в диахроническом исследовании допустимо (и целесообразно) говорить просто о трех а.п. в "точечной" акцентной системе, относящейся к данной эпохе (в частности, в системе Мерила), понимая в этом случае под каждой а.п. определенную совокупность акцентных кривых. Тем самым становятся сопоставимыми показания разных "точечных" систем[17].

§ 7. Как показал В.А. Дыбо (Дыбо 1968), в праславянском акцентуация производных всегда (или почти всегда)

[17] В XVIII-XX вв. соотношение между синхронической картиной и древними а.п. становится гораздо более сложным; применительно к памятникам этой эпохи (и говорам) говорить просто о трех а.п. затруднительно.

зависела от а.п. исходного слова. Основные правила для суффиксальных производных здесь таковы.

Любые производные от слов а.п. *a* относятся тоже к а.п. *a* и сохраняют место ударения исходного слова. Производные от слов а.п. *b* имеют ударение на первой гласной, не входящей в производящую основу; но если этой гласной оказывается слабый *ъ* или *ь*, ударение переходит на слог левее. У производных от слов а.п. *c* акцентуация различна при разных классах суффиксов. При суффиксах одного класса (например, **-ьn-*, **-ьsk-*, **-ov-*) производное тоже относится к а.п. *c*. При суффиксах другого класса производное имеет постоянное ударение - при одних суффиксах (например, **-at-*, **-iv-*) на самом суффиксе, при других (например, **-ьstv-*) - на окончаниях.

Ниже могут быть использованы введенные В.А. Дыбо обозначения a^a, a^b, c^c и т.д., символизирующие соотношение между а.п. производного слова (основной символ) и исходного слова (верхний символ). Например, b^c означает производное а.п. *b* от исходного слова а.п. *c*. Соответственно, акцентные свойства суффикса можно охарактеризовать формулой вида "x^a, y^b, z^c"; например, суффиксу *-ov-* отвечает формула "a^a, a^b, c^c".

Вспомогательные указания

§ 8. Почти весь акцентуационно значимый материал Мерила сосредоточен в зоне А (см. § 2); именно ее и отражает настоящая работа. Соответственно в дальнейшем под Мерилом фактически понимается (если не оговорено иное) его зона А; в частности, только к зоне А относятся все приводимые подсчеты. Из зоны Б (см. Новые данные, § 10) приведены только те (очень немногие) написания, которые существенно дополняют материал зоны А; они помечены знаком [Б].

В работе отражены практически все словоформы, акцентуация которых устанавливается по написаниям Мерила однозначно или с точностью до двух акцентных возможностей (из большего числа теоретически допустимых). Прочие словоформы представлены лишь выборочно.

Для всех отраженных в работе словоформ (кроме нескольких самых частых) учтены все их вхождения в зону А[18]. Однако из-за ограниченного объема работы при часто встречающихся словоформах большая часть ссылок на текст опущена и указано лишь общее число вхождений.

З а м е ч а н и е. В Мериле первая часть сложного слова (до соединительной гласной) как правило пишется с тем же набором *о* и *ѡ*, что косвенные словоформы соответствующего отдельного слова: ср., например, *закѡнъ*,

[18] Не включены в разбор и в подсчеты некоторые искаженные написания.

закѡна и *закѡнодавець*, *дѡбръ*, *добра* и *добродѣтель*, **гѡсть*, *гости* и *гостолюбивъ*. Соединительная гласная *-О-* почти всегда пишется в Мериле как *о* - как там, где первое слово относится к а.п. а (*мнѡгообразно*, *братолюбиѥ* и и т.п.) или *с* (*самовѡлно*, *бл҃горѡденъ* и т.п.), так и там, где оно относится к а.п. *ь* (*виноградъ*, *грѣхолюбци*, *добродѣтель*, *заимодавець*, *злодѣи*, *злонравци*, *мъздоимци*, *прекослѡвьѥ* и т.п.). В последней группе, правда, несколько раз встретилось "реликтовое" ѡ: 2 раза *добрѡ-*, 2 раза *злѡ-* (см. сноску 49), *заимѡдавець* 266б, *прекѡслѡвьѥ* 125. (В *бл҃гѡбоѧзнивыѧ* 66б ѡ, может быть, написано по ошибке). В настоящей работе полностью учтены первые части сложных слов, содержащие ѡ (типа *закѡно-*); прочие случаи отмечаются выборочно.

Относительно графики отметим следующее. Надстрочные знаки Мерила в настоящей работе не передаются (*і* "десятеричное" передается везде как *і*, независимо от наличия и числа точек или "ресничек" в тексте). Широкое и узкое *о*[19] передаются одинаково через *о*. Буквы ѧ, ѥ, ѵ, ѕ, ѱ передаются как *а*, *е*, *у*, *и*, *щ*. Различие между *и* и *і*, равно как между *у* и *оу* соблюдается только при цитировании одиночных словоформ. При наличии нескольких ссылок на страницы (а также при любых подсчетах) мы этими различиями как правило пренебрегаем; например, вместо записи *ірѡду* 81б, *ирѡду* 82 может быть дано: *ирѡду* 81б, 82.

При перечислении словоформ возможна сокращенная запись. Типовые примеры: а) *нарѡдъ*, *-а*, *-у* (= *нарѡда*, *нарѡду*); *полезно*, *-оѥ* (= *полезноѥ*); *дѡбр-ии*, *-агѡ* (= *дѡбрагѡ*); здесь дефис заменяет ближайшую слева выписанную целиком (и не заключенную в скобки) словоформу без ее последней буквы (а если в ней поставлен дефис, - без отделенной дефисом конечной части); б) *мнѡго*, *не-* (= *немнѡго*); *носити*, *из-* (= *износити*); здесь дефис заменяет всю ближайшую слева словоформу, выписанную целиком. Поскольку в тексте памятников дефисы отсутствуют, эти приемы не ведут к двусмысленности.

Цифры (без знака ×) при словоформах представляют собой ссылки на рукопись Мерила. При этом страница, составляющая лицевую сторону листа, обозначается просто номером листа, страница на обороте - тем же номером с буквой "б"[20]. Знак × заменяет слово "раз". Так, запись *прѡче* (21×: 78, 107, 139б и др.) означает, что данное написание встретилось в зоне А 21 раз, в частности, на указанных страницах. Запись типа (17×: 171б-175) означает, что все 17 случаев рассматриваемого написания заключены в указанном отрезке текста. Если подсчет дан после серии словоформ, при которых нет ссылок на страницы (или под-

[19] В Мериле они строго распределены позиционно: широкое *о* в начале слова и после гласной буквы (или ъ), узкое *о* - после согласной (в составе диграфа *оу* *о* всегда узкое).

[20] Словоформы, переходящие с одной страницы на другую, помечаются номером первой из этих страниц.

счетов), то он относится сразу ко всей серии, т.е. указывает общую сумму, например: *залѡгъ, -а, -у, -омъ, -и, залѡзѣ* (23×: 120, 163, 251 и др.). Ссылки на страницы относятся при этом к разным словоформам данной серии.

При цитировании словоформ знаки | (конец строки), || (конец страницы) и помета "кин." (киноварь) даются не систематически, а только там, где, с нашей точки зрения, это может быть существенно для разбираемого вопроса (см. § 3). Запись вида *сложенъ* 345б (*о|*), 346 есть сокращение от *сло|женъ* 345б, *сложенъ* 346.

Не систематически, а выборочно даются также грамматические пометы при словоформах[21]. В частности, мы не считаем необходимым различать омонимию многих грамматических форм, которые всегда совпадают в Мериле по написанию (И.ед. и В.ед. на *-ъ, -ъ*, Д.ед. и М.ед. на *-ѣ*, омонимичные членные формы прилагательных и др.). Для уменьшения грамматической двусмысленности всегда снабжаются пометой: Р.мн., омонимичный И.ед.; Т.мн., омонимичный В.мн.; любые словоформы дв. числа, омонимичные словоформам ед. или мн.

В качестве наименования лексемы в работе используется либо ее исходная словоформа в написании Мерила (например, *дѡмъ, рабѡта, лѣпъ*), либо, если это почему-либо удобнее, ее современное русское соответствие (пусть даже фактически не употребляемое), взятое в кавычки, например, "дом", "работа", "лепый".

§ 9. Как показывает наблюдение, наличие при полнозначной словоформе проклитик или энклитик никак не изменяет в Мериле ее обычного написания. Разумеется, для ортотонических словоформ ничего иного и нельзя ожидать, ср. *закѡнъ - закѡнъ же, и закѡнъ, на закѡнъ* и т.п. Но в Мериле это верно и для энклиноменов[22]: ср. *слово - слово бѡ, не слово* и т.п. и, что особенно важно, *дѡмъ* (часто) - *на дѡмъ* 175, *лѡвъ* 34 - *на лѡвъ* 33б, *нѡщь* 256 и др. - *ни нѡщь* 209 [Б], *прѡстъ* 140б, 265 - *и прѡстъ* 25, *не прѡстъ бѡ* 7; также *за вѡзъ* 340, *на бѡлна* 28б и т.п. (если бы сочетание с клитиками вело себя как единая словоформа, ожидалось бы **на домъ, *на ловъ, *и простъ* и т.д.).

Написания типа *на дѡмъ* отражают либо обобщение фонемы /б/ во всех случаях употребления данной словоформы, либо просто обобщение орфограммы *дѡмъ* (без связи с фонем-

---

21 Из самих этих помет отметим: обозначения падежей - И., Р., Д., В., Т., М., Зв.; записи типа 1 ед., 3 мн. для обозначения лиц и чисел глагола.

22 Исключение составляют только *никтѡ же, ничтѡ же* при *никто, ничто* (см. § 69). Отметим, что отрицание *не* может вести себя и как отдельное служебное слово (при свободном употреблении, ср. *не прѡстъ же, да не мѡщно будетъ звѣремъ входити*) и как часть слова (при устойчивой тесной связи с основой, ср. *немощь, немощнии* и т.д.); впрочем, других примеров, когда это отразилось бы на выборе *ѡ* или *о*, в Мериле не встретилось.

ным составом). Но независимо от решения этой дилеммы, описанный факт дает нам право в дальнейшем опускать проклитики и энклитики при цитировании словоформ; из-за недостатка места мы вынуждены пользоваться этим правом очень широко.

§ 10. Помета "упрощ." означает упрощенное написание (см. § 3). Упрощенные написания (на месте свободных ω), встретившиеся в нормальных условиях, приводятся в работе после соответствующей части основного материала. Упрощенные написания, встретившиеся в особых условиях, малопоказательны и, чтобы не затемнять общей картины, при разборе материала не приводятся[23] (кроме спорных случаев).

---

[23] Ради полноты информации приводим все эти упрощенные написания здесь (в порядке параграфов, к которым они относятся): § 15: *браковъ* 219 кин., *послуховъ* 336б (*-слуховъ* приписано под строкой); § 18: *холопъ* 337, 337б bis, *-а* 337б; § 19: *въ ско|тѣхъ* 31; § 22: *амфилохию* 110б кин., *григорию* 109б кин., 114 кин., *къ ѥвлогью* 70 кин., *к литою* 109б кин., *в халкидонѣ* 106б кин.; § 23: *залозѣ* 185 кин., *-ѣˣ* 232 кин., *свода|* 335 (тесно), *зако|нъ* 54б, 125б кин., *-а* 69б, *законѣ|* 54 (тесно), *законо|мь* 267 (тесно), *закона* (5× в киновари: 118-125), *законᴴ* 229б кин., *ωᵐ исхода* (9× в киновари: 120-124б), *разбои|* 332б кин., *сбора, -ѣ, сборᵡ* (16× в киновари: 78-131б, 344), *оурокъ* 340б (исправлено по подтертому), *оурокъ|* 343б (тесно), *оуроци* 336 кин.; § 25: *безако|ники* 48, *разбо|иникъ* 259, *о разбоінициѣˣ* 192 кин.; § 28: *село|* 249; § 29: *достоіньствѣ* 25б кин., *свѣдительство* 187 кин., *ржство|* 100б; § 31: *мѣрило* 2 кин., *правило|* 107, *правило* (7× в киновари: 83-117); § 32: *въ словосло|вьи* 10б, *скро|вище* 242; § 38: *пристр-о|ю* 175 кин., *-оі* 174б кин. bis; § 39: *ωᵀ работы* 230; § 41: *мно|жицею* 26б; § 50: *второму* 169б кин., *кото|рѣ* 335б, *мно|го* 61, *-а* 61, *-и* 13б, 132б, *мно|-зи* 20, *про|ч-ѥѥ* 170б, *-ихъ* 113б; § 51: *добро|* 81б, *зло|* 15б, 16; § 52: *должьному|* 184б (тесно); §57: *праведноѥ* 2 кин.; §58: *досто|ино* 11б, *не-* 20б, *законьниˣ* 219 кин.; §61: *апˢлкоѥ* 91 кин., 99б кин., 105б кин., *вшиничьско|ѥ* 113, *халкидонскаго* 91 кин.; §69: *ничто же* 274б; §72: *инако|* 8, 50б; § 73: *ибо|* 91; §77: *смо|трить* 31, *ізво|дяще* 53_2б, *оуводящихъ* 193б кин., *приносящимъ* 187 кин., *смоть|рящему* 78 (тесно); §79: *въсхоще|ть* 251б (тесно); §82: *мо|жеть* 341б, *можеть* 178 кин., 231 кин., *мо|гуть* 113, *возмо|жеть* 156б, 264б, *помо|гуть* 251б; §83: *вънесохъ|* 12б (тесно), *рекохо|мъ* 242б (тесно); §86 (также §48): *истязаѥмо|-мъ* 206б, *сбираѥмо|ѥ* 263, *свершаѥм-о|ѥ* 347, *-омъ|* 161 (тесно), *недвижимо|* 8, *скрѡвено|ѥ* 261б, *оставлен-о|му* 116, *-оѥ* || 132 (тесно); §88: *ωᵐреᵛно ѥстѣ|* 106б (очень тесно), *вънбранено* 178 кин.

II. АНАЛИЗ АКЦЕНТНОЙ СИСТЕМЫ МЕРИЛА

§ 11. В соответствии с § 6, мы будем говорить о трех акцентных парадигмах *(a, b, c)* в Мериле. Система Мерила еще очень близка к "идеальной": в большинстве морфологических классов каждой а.п. соответствует не более одной акцентной кривой. Это положение нарушено лишь у существительных на *-а, -ѧ*, где в а.п. *b* различаются акц. кривые b_1 и b_2 (§ 35), и в адъективном склонении, где в а.п. *c* различаются акц. кривые c_1 и c_2 (§ 49).

Слова а.п. *a* разделены на группы в зависимости от места ударения внутри основы: номер группы соответствует номеру ударного слова по счету от конца основы. Основными являются группа 1 (ударение на последнем слоге основы, например, *законъ, работа, оубогъ*) и 2 (ударение на предпоследнем слоге основы, например, *дьѧконъ, позорище*); группы 3 и 4 представлены всего несколькими словами.

Для слов, у которых число слогов основы при склонении меняется (т.е. для слов с беглой гласной), условимся определять группу по той основе, которая выступает перед гласными; например, слово а.п. *a григории, григорьѧ* относится к группе 1.

> Примечание. У слов с беглой гласной ударение обычно находится во всей парадигме на одном и том же слоге по счету от начала. Однако в рамках а.п. *a* в принципе возможен также особый случай, когда в словоформе с беглой гласной ударение стоит на этой беглой гласной, а в прочих словоформах сдвигается на слог левее. Мы будем обозначать слова с такой акцентуацией как подгруппу 1* (внутри группы 1).

Как обобщающее название для акцентных парадигм и групп внутри а.п. *a* ниже используется термин "акцентная группа".

§ 12. Материал разбирается по морфологическим классам. Поскольку при описании акцентуации мы стремимся подходить к говору Мерила как к некоторому синхроническому целому, морфологическая классификация тоже ориентирована на язык XIV века (а не на праславянский). В частности, выделяются главное субстантивное склонение (исторически основы на **o, *u, *ā*) и второстепенное субстантивное склонение (исторически основы на **i* и на согласную). Используется деление существительных на морфологические роды (а не просто на роды), с тем, чтобы, например, *владыка* рассматривалось вместе со словами женского рода, *михаило* - со словами среднего рода и т.п.

В начале крупных морфологических разделов даются таблицы, показывающие, как проявляется в написаниях Мерила противопоставление акцентных парадигм в соответствующем морфологическом классе. Таблица, озаглавленная "Окончания с *O*", демонстрирует противопоставление а.п. в формах

с окончанием, содержащим свободное *О* (при основе любого вида). Таблица "Основы с *О*" демонстрирует противопоставление а.п. у слов с основой, содержащей хотя бы одно свободное *О* (при любых окончаниях); в качестве образцов здесь из имеющегося материала выбираются слова с наибольшим количеством свободных *О* в основе.

Акцентно непоказательные словоформы, включенные в таблицу лишь ради полноты парадигмы, приводятся в скобках. Прочерк означает "нет примеров", прочерк в скобках - "нет надежных примеров".

§ 13. Внутри минимальной морфологической рубрики материал разделен по акцентологическим признакам. Используются следующие стандартные формы записи (преследующие цель четко различить разные степени надежности сообщаемой акцентологической информации).

Если перед серией примеров стоит просто название акцентной группы (без дополнительных указаний), например, а.п. *a* (гр. 1), а.п. *b*, а.п. *c*, это значит, что приводимые слова по написаниям Мерила должны быть однозначно отнесены к данной акцентной группе[24].

Формула вида "формально акцентная группа *x* или *y*, по косвенным данным *x*" означает следующее: 1) написания Мерила в принципе допускают отнесение рассматриваемого слова к любой из указанных двух групп (но ни к какой другой); 2) судя по акцентуации однокоренных слов в самом Мериле и/или по данным акцентуированных памятников XIV-XVII вв., рассматриваемое слово относилось к акцентной группе *x*.

Формула "дополнительный список слов, вероятно, относившихся к акцентной группе *x*" означает, что для приводимых слов написания Мерила в принципе допускают не только *x*, но и другие акцентные группы (однако все же не все возможные), тогда как косвенные данные указывают именно на *x*.

Из-за ограниченного объема работы "косвенные данные", на которые мы часто ссылаемся, в большинстве случаев пришлось оставить нераскрытыми. Важнейшим источником этих "косвенных данных" служил Чуд., с материалами которого были последовательно сравнены все показания Мерила. Основные результаты этого сравнения в работе изложены (но без полной документации по Чуд., которая удвоила бы объем работы). Помимо Чуд., в "косвенные данные" входят материалы Л.Л.Васильева, показания нескольких исследованных нами рукописей и старопечатных книг XVI и XVII в., а также сведения, содержащиеся в акцентологической литературе.

---

[24] Впрочем, и здесь остается некоторый риск ошибки в отношении тех слов, акцентологическая интерпретация которых основана на написаниях с *о* (а не с ѡ), а именно, эти написания могут оказаться упрощенными. Случаи, где такая опасность представляется нам реальной, отмечены особо.

ГЛАВНОЕ СУБСТАНТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ
МУЖСКОЙ МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ РОД

§ 14.

Таблица 2 Окончания с *О*

А.п. / Окончания	*a*		*b*	*c*
	группа 1	группа 2		
-Ови (Д.ед.)	климови	федорѡви	петрѡви	мирови
-Ове (И.мн.)	оудове(?)	–	попѡве	дарове
-Овъ (Р.мн.)	завѣтовъ	дѣмаконѡвъ	попѡвъ	дарѡвъ
-Ома (Д.Т.дв.)	братома	–	–	послухома

Таблица 3 Основы с *О**

А.п. / Формы	*a* группа 1		*a* группа 2	*b*		*c*	
ед.							
И.(В.)	(сбѡръ)	закѡнъ	икѡномъ	(пѡпъ)	отрѡкъ	(дѡмъ)	городъ
Р.(В.)	сбѡра	закѡна	икѡнома	попа	отрока	дому	города
Д.	сбѡру	закѡну	икѡному	попу	отроку	дому	городу
Т.	сбѡромь	закѡномь	–	попомь	отрокомь	домомь	норовомь**
М.	сбѡрѣ	закѡнѣ	клиросѣ	дворѣ	животѣ	дому	городѣ
мн.							
И.	сбѡри	закѡни	дѣмакони	попѡве	отроци	домове	волоси
Р.-*ъ*	(вхѡдъ)	закѡнъ	икѡномъ	(пѡпъ)	видѡкъ	(вѡзъ)	послухъ
-Овъ	–	–	икѡномѡвъ	попѡвъ	–	домѡвъ	послухѡвъ
Д.	–	закѡномъ	икѡномомъ	попомъ	видокомъ	домомъ	послухомъ
В.	сбѡры	закѡны	дѣмаконы	попы	комары	домы	городы
Т.	–	закѡны	дѣмаконы	попы	животы	–	послухи
М.	сбѡрѣхъ	закѡнѣхъ	оугѡньницѣхъ	пѡпѣхъ	отроцѣхъ	домѣхъ	послусѣхъ
дв.							
И.В.	–	–	–	–	видока	рода	послуха
Р.М.	–	–	–	коню	–	роду	–
Д.Т.	–	–	–	–	–	–	послухома

* Отдельными образцами представлены односложные и неодносложные основы (то же и в последующих таблицах).

** В тексте Мерила *норовомъ*.

§ 15. Приводим для большей обозримости сводку материала по окончаниям[25].

Д.ед. *-Ови:* а.п. *a* (гр. 1) - *ахарови, климови; a* (гр.2)- *федорѡви; b - петрѡви; c - бо͡ви* (= *богови*), *мирови* (3×), *сно͡ви* (= *синови*); относительно *слонови* см. §20.

И.мн. (в нескольких случаях также В.мн.) *-Ове:* а.п. *b - волѡве, попѡве* (4×); *c - дарове* (14×), *долгове, до-*

[25] Ссылки на страницы см. в разборе материала; словоформы, при которых число раз не указано, встретились по одному разу. То же и в § 34, 47, 48, 67.

мове (6×), *пирове* (2×), *сно|ве*, *чинове* (2×). А.п. *a* или *c* (§21) - *жидове* (6×), *стеркове* "аисты", *оудове*, *щюрове* (птицы).

Р.мн. *-Овъ:* а.п. *a* (гр. 1) - *завѣтовъ*; *a* (гр. 2) - *дьмконшвъ*, *икшномшвъ*; *b* - *грѣхшвъ* (4×), *плодшвъ* (2×), *по|пшвъ*; *c* - *бракшвъ* (5×), *градшвъ* "городов" (2×), *даршвъ* (9×), *долгшвъ*, *домшвъ* (9×), *образшвъ*, *послухшвъ*. Неясные случаи (§21): *хлѣбшвъ* и *хлѣбовъ*, *оуборкшвъ* (мера зерна) и *оубшркшвъ*.

Д.Т.Дв. *-Ома:* а.п. *a* (гр. 1) - *братома* (3×), *чл҃вкома*; *c* - *образома*, *послухома*.

Упрощ.: *попови|* 129, *волове* 194б, *послуховъ* 333; вероятно, также *клопотовъ* 7, *оуборковъ||* 332б (тесно).

Особый случай составляет *домшвь* "домой" 39 (с ударением, исторически не вполне ясным, но соответствующим нынешнему *домбй*); ср. §92.

§ 16. Как и следует ожидать, в Т.ед. в Мериле всегда выступает *-омь* (*закшномь*, *попомь*, *домомь* и т.д.), поскольку здесь прежде было *-ъмь*. Интереснее то, что в Мериле, как и в рукописях, изученных Л.Л.Васильевым (Васильев, с. 123), точно такая же огласовка обнаруживается у существительных и в окончании Д.мн. *-омъ* (около 220×), хотя здесь в раннем древнерусском нормой было *-омъ* (а не *-ъмъ*). Примеры: а.п. *a* (гр. 1) - *вѣтромъ*, *закшномъ*, *канонномъ*, *предѣломъ*, *мзыкомъ* и многие др.; *a* (гр. 2) - *грѣшникомъ*, *дьмкономъ*, *икшномомъ*, *клиросомъ*, *приставникомъ* и многие др.; *b* - *видокомъ*, *врагомъ*, *клеветникомъ*, *попомъ*, *псомъ*, *рабомъ*, *скотомъ* и др.; *c* - *бракомъ*, *волкомъ*, *градомъ*, *долгомъ*, *домомъ*, *другомъ*, *послухомъ*, *чиномъ* и др. Аналогично для среднего рода: *мѣстомъ*, *правиломъ*, *селомъ*, *словомъ* и др.

На этом фоне *чл҃вкшмъ* Д.мн. 196б (единственное написание со свободным ш) выглядит скорее как ошибка писца; ср. *че|ловѣкомъ* 200б, *чл҃вкомъ* 6, 23, 55, 57, 100б, 161б, 175б, 191б.

Судя по тому, что в Мериле *мь* и *мъ* в окончаниях нередко смешиваются, прежнее *мь* в окончаниях здесь уже отвердело; таким образом, в данном морфологическом классе существительных окончания Т.ед. и Д.мн. в говоре Мерила были просто одинаковы: /-эм/. Возможно, что взаимное уподобление этих двух окончаний и было причиной (или одной из причин) нефонетической замены /ð/ на /э/ в Д.мн. (Иначе обстояло дело у прилагательных, см. § 48). О диалектологическом аспекте данного вопроса см. Противоп., § 28.

§ 17. Извлекаемые из Мерила сведения об акцентных кривых у слов мужского рода хорошо согласуются с данными исторической акцентологии. В а.п. *a* ударение неподвижно. В а.п. *b* ударение на основе только в И.В.ед. и Р.мн. (при нулевом окончании), а также в М.мн. при односложной основе. В прочих формах ударение на первом слоге окончания; это непосредственно видно в случаях типа *петршви*, *попше*, *попшвъ*, а в остальных случаях (*попа*, *попу*, *попомь*, *попомъ*,

попы и т.д.)[26] это можно заключить, опираясь на общий принцип, согласно которому в а.п. *b* нет энклиноменов (§4). В отношении акцентной кривой для а.п. *c* Мерило дает довольно мало: И.В.ед. здесь энклиномен (*городъ*), Р.мн. на *-Овъ* имеет конечное ударение (*домωвъ, послухωвъ*). Во всех прочих случаях нельзя отличить энклиномен от конечноударной словоформы. Заметим, что если окончание Д.Т.дв. *-Ома* здесь было ударным (что наиболее вероятно), то оно несло ударение на конечном слоге, ср. *послухома*.

Особую ценность имеют данные Мерила по М.мн. у слов а.п. *b* (в Чуд. такие словоформы не встретились). Приводим материал: односложные основы – *о вωлѣхъ* 194б, *въ двωрѣхъ* 134б, *о ... пωпѣхъ* 213б [Б], 217 [Б] (написание с *о* встретилось только один раз в конце строки, т.е. скорее всего оно упрощенное: *въ ско|тѣхъ* 31); неодносложные основы – *о животѣхъ* 31 кин., *о отроцѣхъ* 162б. К а.п. *b* или *a* относится *о стрωихъ* 42б (§21). Для сравнения приводим М.мн. от слов а.п. *c* с односложной основой: *въ ... домѣхъ* 115, *в домѣхъ* 186, *въ гробѣхъ* 137б, 193б (чтение *на родѣхъ* 10б сомнительно; вероятнее чтение *народѣхъ*, с *о* вместо ω). Ср. в Чуд. *в гробѣ*^{x} 31а, *о ... подвизьхъ* 132б.

Разбор материала

Непроизводные и опростившиеся слова

§ 18. Рассмотрим вначале основную группу слов, включающую исконно русские слова, заимствования дохристианской эпохи и церковнославянизмы.

А.п. *a* (гр. 1): *порωги* В.мн. 9; *холωпъ* (16×: 333–343б), *-а* 80б, 343, *-у* 59, 340, *-омь* 342б, *-ѣ* 340б, *-и* 336 bis (особый случай: *за хωлωпъ* 340б, см. § 3); также *прωкъ*[27] (1×), *прωка* 335б, *въ прωцѣ* 340. Упрощ.: *гороху* Р.ед. 332б. Написание *прока* 335 – либо упрощенное, либо отражает акцентный вариант с конечным ударением (последнее менее вероятно).

Формально а.п. *a* (гр. 1) или *b*, по косвенным данным а.п. *a: скоморωхъ* 78б, *в хорωмъ* 337б, *чертωгъ* 2б. Формально а.п. *a* (гр. 1) или *c*, по косвенным данным а.п. *a: братома* 198 (*о|*), 203б, 224, *члѣкома* 52 (относительно *члѣкωмъ* 196б см. § 16).

Дополнительный список слов, вероятно, относившихся к а.п. *a* (гр. 1): *боранъ* 33б, *бо|мре* 22б, *бомръ* Р.мн. 77б, *в бомрехъ* 340б, *скомраси* "скоморохи" 79, *товаръ* (10×: 336б–343б), *-а* 64, *-у* 339б.

---

[26] В этом отношении специальный интерес могут представлять данные по Т.мн. В Мериле встретились: *попы* 84б, 100б, *скоты* 106б, *животы* 106б.

[27] Здесь и далее подобные акцентно непоказательные словоформы приводятся (обычно без ссылок на страницы) только ради полноты парадигмы.

§ 19. А.п. *b*: *вѡлъ* (3×), *волу* Д.ед. 26б, *волѡве* 32б (упрощ. *волове* 194б), *о вѡлѣхъ* 194б; *двѡръ* (4×), *дворѣ* 7б, 261б, 342 bis, *дворомъ* 312, *въ двѡрѣхъ* 134б; *пѡпъ* И.ед. и Р.мн. (4×), *попа* 95, *попу* 70б, 85б, *попомъ* 100б, *попѡве* 86, 103 bis, 345б, *по|пѡвъ* 94б, *попи* В.мн. 95б, 155б, Т.мн. 84б, 100б, *попомъ* 103б bis, 154, 154б, 155б (*попом же* 153), *пѡпѣхъ* 213б [Б], 217 [Б] (также упрощ. *попови|* Д.ед. 129). Слово "отрок" см. в § 23.

Формально а.п. *b* или *c*, по косвенным данным а.п. *b*: *воѥмъ* "воинам" 25б, 268; *вѡхъ* (3×), *вожеве* 33; *грѣхѡвъ* 20, 45б, 62, 166б (ср. *грѣхѡвнии*[28]); *кѡнь* (22×), *конѧ* 195, *коню* Д.ед. 326б, М.дв. 339, 341б, *коневи* 26б, *кони* И.мн. 333, 346, В.мн. 341, *конѣ* В.мн. 26, *конемъ* 333 (ср. *кѡньнокѥ*); *плѡдъ* И.В.ед. и Р.мн. (6×), *плода* 35, 66, 346б, *плоду* 33б, *плоди* В.мн. 9, 134б, 151б, 248, 269 (ср. *плѡдатьсѧ* и др.); *пѡстъ* (3×), *поста* 128б, 135 (*по*^{с} Р.ед. 128б), *посту* 127б bis, *постомъ* 345 (ср. *пѡстничьскѡму*); *скѡтъ* (6×), *скота* 248, 341б, *скоту* 36б, 119, 336, *скотомъ* 26б, *скоти* Т.мн. 106б, также упрощ. *въ ско|тѣхъ* 31, см. § 17 (ср. *скѡтьскокѥ*); *снопи* 68; *топори* 346б. Все эти слова, кроме "сноп" и "топор", представлены и в Чуд., причем именно с а.п. *b*. Специально отметим, что в Мериле, как и в Чуд., слово "конь" имеет последовательное флексионное ударение (а не наосновное с корневым /ô/, как во многих более поздних памятниках).

Формально а.п. *b* или *a*, по косвенным данным а.п. *b*: *сокѡлъ* 2, 339б.

Особую группу составляют слова с беглой гласной: *овенъ* 332б, 339, *овесъ* 333, 339, *орелъ* 33, *оселъ* 108, 118б. Ударение косвенных словоформ (*ѡвени* 194б, *-тѣхъ* 194б, *ѡвса* 341, 341б, *ѡрлу* 32б, *-и* 33) неизвестно, поскольку *ѡ* в них несвободное. В Чуд. "орел" и "осел" засвидетельствованы с а.п. *b*. В Мериле *ѡлгѡва* "Олегова" Р.ед. 338 указывает на а.п. *b* слова "Олег". Таким образом, для приведенных слов вероятна а.п. *b*; однако нельзя полностью исключить и подгруппу 1* (§ 11, примеч.).

Дополнительный список слов, вероятно, относившихся к а.п. *b*: *батогомъ* 333б; *комаръ* 25, *-и* 57, 60; *корабль*, *-ю*, *-и* (9×: 267б [5×] и др.).

§ 20. А.п. *c*: *грѡбъ* 210 [Б], *въ гробѣ* 130, *гроби* 60б, 137б, *в гробѣхъ* 137б, 193б; *дарове* (14×: 27, 146, 168б и др.), *дарѡвъ* (9×: 145б, 168б и др.; ср. *даровнаго|*); *долгове* 263, *долгѡвъ* 133 (ср. *долхьнѡму*); *дѡмъ* (20×), *дому* (Р.ед. 35×, Д.ед. 17×, М.ед. 23×), *домомъ* (2×), *домове* И.мн. 133, 148б bis, 182, 348, В.мн. 42б, *доми* И.мн. 16, 181б bis, *домѡвъ* (8×: 133, 133б и др.), *доми* В.мн. (9×), *домомъ* (11×), *домѣхъ* 115, 186 (ср. *домовнихъ*; относительно словоформы *домѡвъ* 39 см. § 15); далее *ворогъ* 66, *-у* 5; *городъ* 341 bis, *-а* 7, 29, 335б, 338б, *-у* 25,

[28] Акцентуация производного *грѣхѡвнии* указывает на а.п. *b* исходного слова. Вообще в дальнейшем, если приводится производное, это значит, что оно указывает на предполагаемую нами а.п. исходного слова.

42, -ѣ 42, 84, 104, 334б bis, 343, -и 331б (ср. *городьскиі*); *коровъ* 25, 29, 29б, -*у* 29б, -*омъ* Т.ед. (sic) 22б bis, 27б, -*и* 31б ter, 34, 34б. Сюда же попадают *слонови* Д.ед. 31б, *за соромъ* 337б; однако ввиду единичности этих написаний к ним следует относиться с некоторой осторожностью.

Формально а.п. *c* или *b*, по косвенным данным а.п. *c*: ѡ^{т} *бока* 243б; *бракѡвъ* 208, 221 bis, 245б, 246 (ср. *брачнѡѥ*); *вѡскъ* (2×), *воску* Р.ед. 100 (ср. *вощанѡю*); *гѡдъ* (5×), *года* 55, 336б, 343, *о ... годѣ* 35б (отметим также *годѣ* "годится, уместно" 9×), *в годи* 64б; *градѡвъ* "городов" 96б, 107, 98б [Б] (ср. *градьскѡѥ*); *моста* 341; *нѡсъ* (3×), *коса* 106, 194; *пѡлъ* "половина, sexus" (10×), *полу* (Р.ед. 10×, Д.ед. 3×, М.ед. 1×), *поломь* 106б, 124б, *в полѣ* 6б, *на полѣ* 41, 105 (ср. *половина*); ѡ^{т} *поту* 179б, *потомь* Т.ед. 28б, *поти* И.мн. 28б; *рогомъ* 333б, *в розѣ* 31б, *рога* И.дв. (или И.мн.?) 31б; *рѡдъ* (5×), *рода* Р.ед. (9×), *роду* (Р.ед. 2×, Д.ед. 6×), *родоу* М.ед. 223б, *роди* 53_2, 129б, *родѣ* В.мн. 5, 34, 34б, 224б, И.мн. 225, *оба рода* 222б, *два рода* 224б, 225, *два роду* (sic) 224б, *роду* Р.дв. 221б, 222, 223, относительно *на родѣхъ* (?) 10б см. § 17; далее *волоса* Р.ед. 31б, *волоси* 67; *в ... островѣ* 35; *солоду* Р.ед. 332б, 341. Возможно, сюда же надо отнести *о полонѣ* 126б кин. (ср. *полонѣть*). В Чуд. засвидетельствованы с а.п. *c* "брак" "град", "род", "остров" (менее ясны данные для слов "пол", "пот", "рог").

Формально а.п. *c* или *a*, по косвенным данным а.п. *c*: *бо̃|ви* Д.ед. 87 (= *богови*; ср. *бѫ^{с}твѡ*); *мирови* Д.ед. 6б, 54, 55 (ср. *мирнѡѥ, мирьскѡѥ*); *пирове* И.мн. 56б, В.мн. 107б; *сно̃|ви* Д.ед. 1, *сно̃|ве* И.мн. 44 (= *сын-ови, -ове*); *чинове* И.мн. 93, 136. В Чуд. засвидетельствованы с а.п. *c* "бог", "мир", "чин".

§ 21. Более сложные случаи. Неясно, а.п. *a* или *b*: *стрѡи* В.ед. 264, 129б [Б], *о стрѡихъ* 42б; *собѡлъ* 31б. Неясно, а.п. *a* или *c*: *жидове* 39, 58, 60, 60б, 63, 135б; *стерковѣ* "аисты" 32б; *оудове* 53_2; *щюрове* (птицы) 33. Неясно, а.п. *b* или *c*: *болѧ* "больного" Р.ед. 29, *болеви* Д.ед. 33; *рока* "числа" Р.ед. 72, 126б bis; *сторожа* В.ед. 7, -*и* В.мн. 33 (¬*а* В.мн. 38). Всех этих слов в Чуд. нет, а прочие косвенные данные не дают однозначного решения. К числу сомнительных (*b* или *c*) следует отнести также *долу* "вниз" 3, *долѣ* "внизу" 31б, 118б.

Неясно, как интерпретировать данные Мерила по слову "хлеб": *хлѣбовъ* 341, *хлѣбѡвъ* 332б (ср. Чуд., где строго а.п. *a*). Написание -*ѡвъ* либо передает, как обычно, флексионное ударение (и, следовательно, отражает колебание данного слова в сторону а.п. *b* или *c*), либо возникло в силу обобщения (фонетического или графического) наиболее частого вида данного окончания, ср. обобщение ѡ в окончаниях -*Омь* и -*Ои* (Противоп., § 29). Для решения этого вопроса материала слишком мало: -*Овъ*, стоящее заведомо в первом заударном слоге, представлено в Мериле единственным примером *завѣтовъ|* 301б (и то ненадежным, так как -*овъ* здесь в конце строки). Написание *клопотовъ* Р.мн. 7 -

вероятно, упрощенное (вместо **клопотѡвъ*); ср., в частности, в Коншинском списке Домостроя *хлопотóвъ* 51б.

К сожалению, не дают никакой акцентологической информации те случаи, когда у слова встретились только односложные словоформы: *бѡбръ, вѡзъ* (ср. *за вѡзъ* 340), *гнѡи, знѡи, крѡвъ, крѡпъ, лѡвъ* (ср. *на лѡвъ* 33б), *нѡжь, нѡръ, ѡдръ, стѡлъ;* также *дн҃ѡвъ* Р.мн. "дней" 15б. То же относится ко всей парадигме слова *ѡгнь: ѡгнѧ, ѡгню* и т.д. (см. Противоп., § 24).

§ 22. Перейдем к заимствованиям христианской эпохи из греческого и латыни. Важной особенностью этой группы слов является то, что у них практически отсутствует а.п. *c*[29]. С типологической точки зрения это обстоятельство не составляет ничего странного, поскольку просодическое разнообразие в подсистеме заимствований очень часто бывает меньшим, чем в исконной лексике.

А.п. *a* (гр. 1): имена нарицательные - *канѡна, -у, -омъ, -и, -ы, -омъ, -ѣхъ, канѡнъ* Р.мн. (15×: 92, 143, 143б и др.), *о|стрѡкви* Д.ед. "устрице" 34, *филосѡфа* Р.ед. 69б, 72б, 201б; имена собственные - *къ амъ|мѡну* 111б, *ко амфилѡю* 226, *вавилѡна* 39, *-ѣ* 38б, 49, *гомѡра* Р.ед. 56, *кѡнѡха* Р.ед. 36, *ирѡду* Д.ед. 81б, 82, *кукѡстѡра* Р. ед. 168б, *пентапѡли* М.ед. 93б, 95б, *сикевѡта* Р.ед. 345б, *содѡма* Р.ед. 56, *в халкидѡнѣ* (6×: 77б, 96б и др.). Упрощ.: *содома* В.ед. 46б.

Сюда же примыкают имена собственные с субморфом *-j-* *(-uj-)*: *амфилѡхию* Д.ед. 69 (*амфилѡфью* 70), *внестѡрии* 150б (вместо *нестѡрии*), *григѡр-ии* 213б [Б], *-ьѧ* 53, 69б bis, *кѡвлѡгию* Д.ед. 69, *прокѡп-ии* 224, *-ьѧмь* 224 (также *-ьѫ* В.ед. 338), *софрѡнии* 43. Беглое *и*, возможно, содержало также имя *самѡилъ* 46, 46б bis, 59.

Формально а.п. *a* (гр. 1) или *c*, фактически явно а.п. *a* (ср. выше): имена собственные *климови* Д.ед. 56б, *ахарови* Д.ед. 59.

Формально а.п. *a* (гр. 1) или *b*, по косвенным данным а.п. *a*: *алконѡстъ* 32, *самсѡнъ* 229б, *филимѡнъ* 49, *Ѳѧлеѧпѡнтъ* (sic) "Геллеспонт" 131. Сюда же можно отнести неизвестное слово *молѡтръ* (какое-то растение) 32.

Дополнительный список слов, вероятно, относившихся к а.п. *a* (гр. 1): *комитъ* (должностное лицо) 165, *-у* 164б, *коркодилъ* 31б, *митрополитъ, -а, -у, -и* и т.д. (более 15×: 71, 92 и др.), *потирь* 104; имена собственные *офонасьѧ* Р.ед. 346б, *романъ* 221б, 222 bis, 222б bis, *-ѣ* 212, *тимофѣѧ* Р.ед. 109б, *-ю* 230, *-кви* 71.

А.п. *a* (гр. 2): *икѡномъ* И.ед. 135б, 138б, 150, 263, Р.мн. 151б, *-а* 132б, 98 [Б], 99б bis [Б], *-у* 148б, 158, 99 [Б], *-ѡвъ* 158б, *-омъ* Д.мн. 160; имена собственные *солѡмонъ* 21, 25б, 43б, 67б, 167б, *-у* 45, 62б, 168, *федоръ* 224 bis, *-ѡви* Д.ед. 224 (*феѡдора* Р.ед. 345б). Упрощ.: *икономa* 86, *-у* 164б, *-и* 138б.

---

[29] Так, в Чуд., по-видимому, единственным исключением из этого правила является слово "ересь": *ѥреси* Д.ед. 76б, *ѡ ѥресѣ бо* 80а.

Формально а.п. *a* (гр. 2) или *c* (но последнее практически исключено, см. выше): *дьꙗволъ* 1, 4б, *-а* 345б, *дьꙗконъ* И.ед. (7×: 84, 88 и др.), Р.мн. 84б, 86, 101, 131, *-а* (8×: 52, 77б и др.), *-и* 83б, 86, 103 bis, *-ꙋ* В.мн. 95б, 131, 155б, Т.мн. 84б, *-ѡвъ* 94б, *-омъ* 153, 154, 155б, *архидьꙗконъ* 153, *идолъ* Р.мн. 60, *-а* 118б, *-омъ* 49б, 114, 344б; имена собственные *иꙗковъ* 46, 229б, *-ѣ* 12б (*иꙗковъ* 47б, 224б, *-а* 224б), *никифоръ* 198, 203б, 332.

Заметим, что в Чуд., в отличие от Мерила, только *їконо́мъ, -а, -оу, -и, -ꙋ, -ѣхъ* и *їдѡ́лоу*, *ѡ^{т} їдѡ́лъ*. У слов "Соломон", "дьявол", "Иаков" в Чуд. при основной акцентовке по а.п. *a* (гр. 2) обнаруживаются некоторые колебания в сторону а.п. *a* (гр. 1), например, *соломо́нъ же* 63б, *дїа́во́лоу* 48в, 92б, *їа́ко́ва* 12в, *-у* 31в.

Дополнительный список слов, вероятно, относившихся к а.п. *a* (гр. 2): *гѣ́мо|номъ* "игемонам" 27, *клироса* Р.ед. (5×: 146, 147б и др.), *-ѣ* 155, *-омъ* 148б. Ср. в Чуд.: *гѣ́мѡнъ, гѣ́мона* и др.; *кр|лосо^{м}* 85г.

А.п. *b*: только *петрѡви* Д.ед. 223 (в Чуд. тоже а.п. *b*).

Неясные случаи. Имя "Ной": *нѡи* И.ед. 59, *при нои* 46; последнее написание скорее упрощенное, чем отражающее флексионное ударение. Слово "иподьякон": *ипѡдьꙗкѡ^{н}* Р.мн. 131, *ипѡдьꙗконѡ* В.мн. 131 (*ипѡдьꙗко|нꙋ* 95); также *ипѡдьꙗкомъ* Д.мн. 153, без элемента *-он-*. При этом в примерах на лл. 95 и 153 (менее вероятно - на л. 131) *и* может быть союзом, т.е. возможно чтение *пѡдьꙗконѡ, пѡдьꙗкомъ*. Написание *ипѡдьꙗкѡ^{н}*, если второе ѡ не описка, отражает ударение на *-пѡ-*. Написания с *-кон-* либо упрощенные, либо отражают основу *пѡдьꙗкон-* с несвободным ѡ и с ударением на *дьꙗ-*, как в *дьꙗконъ, архидьꙗконъ*; относительно утраты начального *и* ср. выше *гѣ́мо|номъ*.

Бессуффиксальные[30] производные

§ 23. А.п. *a* (гр. 1)[31]: *залѡгъ, -а, -у, -омь, -и, залѡзѣ* (23×: 120, 163, 251 и др.), *прилѡги* 7б, *свѡдъ, -а, -ѣ* (7×: 334б и др.), *наръѡд-у, -омь, -ѣ, -и, -ѣхъ* (5×: 18б, 62 и др.), *ѡ^{т}рѡдꙋ* 35б, *оурѡде* Зв.ед. 60б, *захѡдоу* 120, *вхѡдъ* В.ед. 4, Р.мн. 9, *-и* 210б [Б], *въ въхѡдѣхъ* 9, *прехѡдѣ* 159, *прохѡда* 264, *на всхѡдѣ* 244б, *исхѡдъ, -а, -и* (9×: 4, 17 и др.), *пѡдъбѡꙗ* В.мн. 9, *покѡи* В.ед. 32, *-ꙗ* Р.ед. 385, 345б, *нарѡкомь* 106б, *обрѡка* 161, *-у* 127, *порѡкъ* 79, 124б, *-а* 4б, *оурѡкъ, -а, -и, оурѡци* (18×: 51, 127, 178 и др.), *престѡлъ* И.В.ед. и Р.мн., *-а, -у, -ѣ, -и* (14×: 3б, 10, 12 и др.), *закѡнъ* (И.В.ед. 52×, Р.мн. 2×: 78б, 131б), *-а* (44×), *-у* (44×), *-омь* (14×, *-омъ* вместо *-омь* еще 2×), *-ѣ* (15×), *-и* 24б, 203, *-ꙋ* (В.мн. 3×,

---

[30] По крайней мере часть слов данной группы (и аналогичных групп в других разделах) целесообразно описывать как содержащие нулевой суффикс, но для нашего разбора это несущественно.

[31] Слова приводятся в инверсионном алфавитном порядке основ.

Т.мн. 6×), *-омъ* (3×, *-омь* вместо *-омъ* еще 4×), *-ѣхъ* 253б, 257[32], *поклѡномь* 345, *попѡномь воднимь* "ряской" 34б, *потѡпа* 36, *сбѡръ* (19×), *-а* (48×), *-у* (15×), *-омь* (6×), *-ѣ* 11б, 69б, *-и* 91б, *-ѧ* 92б, 93, 136, *-ѣхъ* 331б (также *сбѡ^{Р}въ* Р.мн. 81 кин.), *притѡвр-а* 107б, *-ѣхъ* 134б, *зазѡръ, -а, -ѧ* (7×: 50, 114 и др.) *позѡрѧ* 135б, *принѡсу* 149, *впрѡсъ* 70б (*въпрѡсъ* 345б, *въпрѡ^{С}* 225б), *въпрѡсѧ* 38, *завѣтовъ|* 301б, *погѡстѧ* 331б; также *во просѡпъ* 336б (см. Противоп., §8). Сюда же сложное слово *нѡздрорѡгу* 31б.

Формально а.п. *a* (гр. 1) или *b*, по косвенным данным а.п. *a:* *налѡгъ* 28, *прихѡдъ* 98б [Б], *разбѡи* И.В.ед. и Р.мн. (10×: 5, 253 и др.), *ізгѡи* И.ед. 332, *на потѡкъ* 332б, 334б, 340, *оукѡръ* 340б (подтерто и исправлено на *оурокъ*), *протѡръ* 335б, *перенѡсъ* 346, также *инъръгъ* 31б.

Упрощ.: *залога* 263б, *свода* 335, *-у* 335, *народи* 116, *-ѣхъ*(?) 10б, *на разбои* 332б, *оуро-ци* 341, *-ки* 179б, *по законоу* 127б, *позоръ* 63б, *-ѧ* 256; вероятно, также *покони* "установления, обычаи" 332б, *потвори* 108, имя собственное *ратибора* В.ед. 338. Менее ясно *въ скровѣ* 50. Поскольку процент таких написаний никак не выше среднего по Мерилу, нет достаточных оснований предполагать, что за ними стоят акцентные варианты типа Чуд. *ѡ^{Т} зако|на́ же* 121в, *народѝ* В.мн. 9а.

К а.п. *a* (гр. 1), по-видимому, относилось также значительное число сложных слов, для которых Мерило формально гарантирует лишь безударность соединительной гласной (ср. §8, замеч.), в частности, *вертоградъ, виноградъ, любодѣи*, имена собственные (из Русской Правды) *мрославъ, с҃тославъ, мирослава* В.ед., *по с҃тополцѣ*. Особо отметим *злодѣи* И.ед. 105б, *-ихъ* М.мн. 49 (в Чуд. другое ударение: *злóдѣѝ* В.ед. 40б).

К а.п. *a* (гр. 2), вероятно, относилось имя собственное *володимѣръ* 338, *-а* 80б.

А.п. *b:* только слово *отрѡкъ*[33] 79б, 169б, 343, *отрока* 40б, 46, *-у* 333б, 339, *-омь* 333, 339, 341б, *отроци* М.ед. (sic) 333, И.мн. 162, *о отроцѣхъ* 162б. В Чуд. тоже а.п. *b* (тогда как во многих более поздних памятниках это слово уже акцентуируется по а.п. *c*). Относительно *заимѡ-* в *заимѡдавець* 266б см. §8, замеч.

А.п. *c: послухъ* (И.ед. 7×, Р.мн. 31×), *-а* (10×), *послуси* (И.мн. 15×, В.мн. 1×: 33б), *послухи* (В.мн. 5×, Т.мн. 14×), *-омъ* (15×), *послусѣхъ* (8×: 69б, 70б, 72 и др.), *послух-ѡвъ* 181, 336б (также упрощ. *-овъ* 333), *два послуха* 71, *послухома* Т.дв. 108 (ср. *послушьствѡ*); *образъ* (И.В.ед. 22×, Р.мн. 1×: 182б), *-а* (10×), *-у* (13×), *-омь* (31×, также *-ом же* 167 и *-омъ* вместо *-омь* 155б), *-ѣ* 150, 170б, *-и* 259, 260, *-ѧ* (В.мн. 1×, Т.мн. 6×), *-омъ* 70, *образѡвъ* 162, *двѣма образома* Т.дв. 262б. В Чуд. "послух" явно относится к а.п. *c*, а "образ", по-видимому, колеблется меж-

[32] Кроме того, 18 раз *закѡно-* в качестве первой части сложного слова, например, *закѡноположениѥ*.

[33] К XIV в. это слово явно уже опростилось; однако удобнее разбирать его в данном разделе.

ду а.п. *c* и *a* (гр. 1); заметим, что такое колебание не исключено и для Мерила.

Любая акцентуация, кроме а.п. *a* (гр. 2), формально возможна для слов: *облаци* И.мн. 28б, *подвигъ* 9б, 127, *помыслъ* И.В.ед. и Р.мн., *-а, -омь, -и, -ѣхъ* (13×: 2, 54, 158 и др.), *промыслъ* 33, 202б, *-а* 7, 61б, *в поварѣ* 333, *пожаръ* 267б, *-а* 270, *помоса* Р.ед. 77, 154, 159б, *продухи* И.мн. 32б. Определить их фактическую акцентуацию затруднительно.

Трудный случай: *всеволодъ* 332. Из нескольких возможностей наиболее вероятной представляется а.п. *a* (гр. 2), т.е. ударение на *все-*, с упрощенным *ло* вместо *лѡ* (ср. *все волѡдичь* 338).

Суффикс *-ец-ь*

§ 24. А.п. *a* (гр. 1): *самобѡрець* 64б, 67 *бг҃ослѡвець* 213б [Б], *чаротвѡрци* И.мн. 191б, *ратохѡтьцю* 5.

Другая акцентная группа представлена здесь написаниями типа *конець, кѡница* (ср. *овесъ, ѡвса* и т.п. в §19): *конець* (9×: 13, 68 и др.), *ловець* 2, *о҃ць*[34] И.ед. (12×: 22, 49, 67б и др.), Р.мн. 37б, 94б, 95б (= *отець*), *простець* 78б, 146, *творець* 2б, 31, 55б, 165б. Словоформы с ненулевым окончанием – *кѡница* Р.ед., В.мн., *-и* М.ед. (9×), *лѡвца* В.ед. 7, *лѡвь|ци* И.мн. 26, *ѡ҃ца, -ю, -и, ѡ҃цмъ, ѡ҃це* (65×), *прѡстьци* И.мн. 109, *твѡрца* В.ед. 37б – акцентуационно непоказательны. В Чуд. "конец", "ловец", "отец", "творец" относятся к а.п *b* (например, *конéць, концà*), но есть некоторые колебания: *до кóнцá* 48в, *до кóнцà* 116г. Таким образом, как и у слов "овес", "орел" и т.д., мы можем предполагать здесь для Мерила а.п. *b* или подгруппу 1* внутри а.п. *a*.

Суффикс *-ник-ъ*

§ 25. А.п. *a* (гр. 2): *чл҃вкоогѡдникъ* Р.мн. 14б, *нарѡдникъ* И.ед. 61б bis, Р.мн. 61б, *единорѡдники* Т.мн. 47б, *разбѡини-къ* И.ед. и Р.мн. (7×: 49 bis, 253 и др.), *-ку* 5 *-ци* 110б, 135, 267, *за разбѡіника* 332б, *разбѡики* 273б (пропущено *ни*), *потвѡрникъ* 181б, *истѡчни-къ* 2б, *-ку* 51б, *-цѣ* 33, *о оугѡньницѣхъ* 192, *безакѡньникъ* 110. По косвенным данным сюда же нужно отнести *обещни-къ* (7×: 272б-273), *-ка* 272б, *-ку* 272б, *-ци* 62, 62б, *-комъ* 154. Упрощ.: *художника* 17.

Формально а.п. *b*, а.п. *a* (гр. 1) или а.п. *c*, по косвенным данным а.п. *b*: *головникъ* 332б, *-а* 332 bis, *-у* 332б bis (ср. *головничьство*), *городнику* 341, *помощь|никъ* 24, *с помощники* Т.мн. 216б [Б], *похотници* И.мн. 6, *свободникъ* 129б. Вероятно, к а.п. *b* относится также *сановникъ*

---

[34] Наряду с написанием *ѡ҃ць* (И.В.ед. 22×, Р.мн. 8×), которое возникло в результате обобщения орфограммы *ѡ҃ц-*; см. Противоп., § 20, сноска 46.

136_2, *-у* 138 (а может быть, и *пакостникъ* 272б)[35]. В Чуд. слова, однотипные с этими, т.е. производные от имен а.п. *c* (например, "должник", "квасник"), относятся к а.п. *b* (см. Дыбо 1968, с. 210).

Таким образом, в Мериле для суффикса *-ник-ъ* можно предполагать ту же формулу (см. §7), что в Чуд.: "a^a, a^b, b^c".

Прочие суффиксы

§ 26. Определенно к а.п. *b* относятся два слова с суффиксами *-Ок-ъ* и *-От-ъ: видѡкъ* Р.мн. 334, *видока* Р.ед. 334, В.дв. 334 bis, *видо|комъ* 335; *живѡтъ* И.В.ед. (15×: 1б, 3, 4б и др.), *живота* (6×: 5б, 136б и др.), *-у* (6×: 24б, 28 и др.), *-омь* 34б, *-ѣ* (7×: 29б, 84б и др.), *-и* Т.мн. 106б, *о животѣхъ* 31 кин. Упрощ.: *животъ* Р.мн. 26б. Один раз встретилось также Р.ед. *живѡта* 122б; по-видимому, это написание отражает побочный акцентный вариант с суффиксальным ударением.

Определенно имеет неподвижное начальное ударение слово *вѡинъ* И.ед. 140, 160, Р.мн. 140б, 179б, *-а* 28б, 140б, *-у* 226, *-и* 178, 257, *-и* Т.мн. 65б, *-омъ* 268. Не исключено, что в косвенных словоформах *и* становится здесь неслоговым (см. Противоп., § 22). Упрощ.: *воину* Д.ед. 178б, *вои|ни* 268.

К а.п. *a* (гр. 2) относится *инѡчима* Р.ед. 342.

Во всех прочих случаях показания Мерила недостаточны для однозначного определения акцентуации.

Формально а.п. *a* (гр. 1), *b* или *c*: *волостель* 230б, *-а* В.ед. 64 bis, *-емъ* 161б. Наиболее вероятна а.п. *c*, ср. начальное ударение в *вѡлѡстели* (И.мн.) Фер. 757б bis. На это же косвенно указывает акцентуация неполногласного варианта *властель* и акцентно однотипных с ним слов *житель*, *датель* (*жити* и *дати* относятся, как и глагол *власти*, к а.п. *c*): против ударения на *-тель* говорят Фер. *вла́стель*, *-а* и т.д. (регулярно), Чуд. *жи́тела* В.ед. 93г, *да́тела* В.ед. 119в, а также производное *властельскѡю* в самом Мериле; против автономного ударения на корне говорит современное ударение *властели́н*. Отметим также *жителе́ствѣ* 61б в Апостоле 1564 (наряду с *жи́тельствѣ* 165б, *жи́тельства* 226).

К а.п. *c*, возможно, относилось слово *горожане* 24б, *-омъ* 42, ср. в Чуд. *гр^a|жане жѣ* 37в.

По-видимому, к а.п. *a* (гр. 1) относились *животинъ* "животное" И.ед. 26б bis, *исполинъ* (форма неясна) 16б, к а.п. *a* (гр. 2) - *боларина* В.ед. 81, *-у* 138, *чело|вѣчину* Д.ед. 36б. Менее ясны *жидовинъ* 78б, 134, *-у* 110, *словѣнинъ* 332. По-видимому, а.п. *a* (гр. 1) или а.п. *b* (но неясно, что именно): *с могуты* "с владыками" 9б (ср. Чуд. *могоу́тъ* И.ед. 66б), *в конюсѣ* "за конюха" 333, *господаремь* 269.

Неясно, где ударение в *всеволѡдичь* 338: на *все-* или на *-лѡ-*. Написания *оуборкѡвъ* Р.мн. 332б (мера зерна),

[35] Ненадежно написание *коромолникомъ* 212б [Б].

оубѡркѡвъ 341 (также упрощ. *оуборковъ*|| 332б) отражают либо просто флексионное, либо колеблющееся ударение (в Фер. только *оу́бѡ́ркѡвъ* 989 и др.).

СРЕДНИЙ МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ РОД[36]

§ 27.

Таблица 4

Окончания с *О*

А.п. / Окончания	*a*		*b*	*c*
	группа 1	группа 2		
-О (И.В.ед.)	колѣно	правилѡ	числѡ	дерево
-Ома (Д.Т.дв.)	мѣстома	-	-	(-)

Таблица 5

Основы с *О*

А.п. / Формы	*a*		*b*	*c*
	группа 1	группа 2		
ед. И.В.	холѡпьство	вѡиньствѡ	добрѡ, молокѡ	слово, золото
Р.	прозѡрьства	вѡиньства	добра, сиротьства	слова, золота
Д.	повѡдию	вѡиньству	добру	слову
Т.	оубѡжьствомь	закѡнениѥмь	молокомь	словомь
М.	холѡпьствѣ	вѡиньствѣ	-	словѣ
мн. И.В.	прекослѡвьѧ	позѡрища	-	словеса
Р.	-	позѡрищь	-	(слѡвъ), словесъ
Д.	-	позѡрищемъ	-	словомъ, словесемъ
Т.	-	-	-	словесы
М.	точилѣхъ	-	-	словесѣхъ
дв. И.В.	колѣнѣ	скрѡвищи	-	очи
Р.М.	-	-	-	-
Д.Т.	-	-	-	очима

[36] Для упрощения в данном разделе рассматриваются все словоформы слов среднего рода, в том числе такие, как *очи* или *словеса*, которые восходят к склонению на **i* или на согласную.

Окончание *-О* встречается очень часто; см. § 28–32. Окончание Д.Т.дв. *-Ома* встретилось только в *мѣстома* 115б, *братучадома* 222б, 224 (а.п. *а*, гр. 1) и *вѣнома* 251 (а.п. *а* или *с*). Относительно окончания *-Омъ* в Д.мн. см. § 16.

Данные об акцентных кривых в данном классе слов неполны; противопоставление а.п. лучше всего проявляется в исходной форме: *холѡпьство* (или *вѡиньствѡ*) – *молокѡ* – *золото*. К сожалению, интересная форма М.мн. представлена слишком бедно; с односложной основой встретилось только *на ложихъ* 66б (а.п. не вполне ясна, см. § 28).

Разбор материала

Непроизводные и опростившиеся слова

§ 28. Слов, однозначно попадающих в а.п. *а*, не встретилось. Формально а.п. *а* или *с*, по косвенным данным а.п. *а*: *блюдо* 104, *дѣло* (25×: 6б, 19, 25, 37 и др.), *жито* 263, 335б, 336б, *масло* 11, 39б, 100, *мѣсто* (45×: 4, 32, 36б, 37 и др.), *-ома* 115б, *стадо* 8, 43б, 166, 168, 257, *чадо* 52, 177, 177б (также *братучадо* 224б, 332 В. вместо Д. , *-ома* 222б, 224); *желѣзо* 333б bis, 340, 340б, *колѣно* 224 ter, *-омь* 224, *-а* В.мн. 244, *-ѣ* И.дв. 224. Сюда же имена собственные мужского рода *марко* 222 bis, *михаило* (16×: 219–223). В Чуд. из этих слов определенно с а.п. *а* засвидетельствованы "блюдо", "дело", "масло", "место", "стадо", "чадо", "колено", "Марко"; ср. также Чуд. *жи́|та* В.мн. 119в.

По косвенным данным а.п. *а* (гр. 2): *мблокѡ* 111.

К а.п. *b* следует в первую очередь отнести: *молокѡ* 11, 33б, *-омь* 5б, *селѡ* (12×: 1б, 86б, 248б ter и др.), *сребрѡ* (8×: 15б, 37, 120 bis и др.), а также субстантивированные прилагательные *добрѡ*, *злѡ*, *теплѡ* (см. § 51). Упрощ.: *село* 248б. Ср. а.п. *b* у слов "село", "сребро", "добро", "зло", также "млеко" в Чуд.

Далее, имеется группа слов а.п. *b*, у которых, по-видимому, были возможны некоторые колебания ударения (по крайней мере, в И.В.ед.), Написания с *ѡ*: *винѡ* 15б, 16 quater, 16б, 62, 348, *гнѣздѡ* 19б, *гоумнѡ* 121б, *числѡ* 3б, 126, 131, 169, 239, 244б. Написания с *о*: *бервьно* 60, *вино* 62, 348 (также *вино*| 268б), *гнѣздо* 33б, *гумно* 335б, 340, *число* 248, 250б. В Чуд. "бревно" и "число" имеют устойчивое флексионное ударение, "вино" – с небольшими колебаниями (ср. *ви́ноу* 136г); для "гумно" находим только *гѣ́мно* 4а; словоформа *гнѣ́зда* В.мн. 32б непоказательна.

Отметим, что в группу слов а.п. *b* с устойчивым ударением попали, помимо односложного *злѡ*, слова с корневым *о* или *е* (в открытом слоге), в группу с неустойчивым ударением – все прочие (ср. такое же положение у прилагательных, § 51).

А.п. *с*: *золото* 6, 28б, 46, *-а* 333б; "коло", судя по *около* 23б, 347б; *око* (9×: 2, 3б, 74б bis и др.), *ока*, *оку*, *окомь*, *во оцѣ*, *очеса*, *очи*, *очима* (22×: 2, 4, 7б, 14б, 38 и др.); *слово* (38×: 2б, 4, 21б ter и др.), *слова*, *-у*,

-омъ, *-ѣ* (26×: 2, 10, 29б, 30б и др.), *слово|мъ* Д.мн. 10, *слѡвъ* 118б; *словесе*, *-и*, *-а*, *-ъ*, *-и*, *-емъ*, *-ѣхъ* (31×: 2, 4, 5б, 10б, 52, 227 и др.). Отметим также трудное место *занеже ѥму въ боло|го дѣлъ*[37] *и хоронилъ товаръ тогѡ* 336б (по-видимому: "поскольку ему во благо действовал, храня товар его"); здесь выявляется *болого* "благо" (словоформа или, по крайней мере, часть сложного слова). В Чуд. определенно к а.п. *с* относятся "око", "слово"; однако *колѣ* В.ед. "круг" 82а.

Формально а.п. *с* или *а*, по косвенным данным а.п. *с*: *за дерево* 339, *древо* 111 (*дрѣво* 194б, 346б); *злато* (11×: 37, 58б, 105 и др.; ср. *золото* и *златѡю*); *мясо* 69, 339; *нѣбо* (11×: 3б bis, 4б bis, 8 и др.); *озера* В.мн. 331б; *тѣло* (16×: 4, 5, 21б и др.); *оухо* 3б; также *блг̃о* (см. § 52). Формально а.п. *с* или *ь*, по косвенным данным а.п. *с*: *море* 3б, 35, *-а* Р.ед. 103, 273б, *-ю* 11б, 25б, *-и* М.ед. 60, 69, 70, 183б bis; *на поли* М.ед. 115, 123, 229б, 335б, 337. В Чуд. определенно с а.п. *с* засвидетельствованы "древо", "озеро", "тело", "ухо", "благо", "море".

В нескольких других случаях выбор а.п. менее очевиден. А.п. *а* или *с*: *въ ведро* "serenum" 33; *вѣно* (34×: 141, 248-257 и др.), *-ома* 251; *жало* 63, 68 (*о|*); *иго* 37б; *тѣсто* 7; *черево* 339, *чрево* 191 (*чрѣво* 34б). А.п. *ь* или *с*: *горе* (16×: 6, 8б, 15б, 16 [6×], 21 и др.; ср. *горе* "хуже" 112); *ложе* 124, 124б (*о|*), *ложа* Р.ед. 21, 52б, В.мн. 34, *на ложихъ* 66б. А.п. *ь* или *с* или *а* (гр. 1): *оу ... ворѡтъ* 38, *развѣ ворѡтъ* 209 [Б].

Суффикс *-ств-О*

§ 29. А.п. *а* (гр. 1): *блг̃ородьства* Р.ед. 210 [Б], *-ѣ* 307, *ѡт неистѡвьства* 81б, *прозѡрьства* Р.ед. 51б, *оубѡжьствомь* 272, *холѡпьство* 342б ter, *-ѣ* 342б.

Такую же акцентуацию отражают *близѡчьства* Р.ед. 221, 222б bis и *количьство* 179, 184б, 187б (*количство* 187б, *къличьство* 75). Однако наряду с этими написаниями представлены также *близочьство* 24б, *-а* 220б, *-омь* 24б, *-ѣ* 246б (скорее всего они отражают вариант с ударением на *бли-*, причем в *близочьство* какое-то из двух *О* записано упрощенно; ср. в Фер. *бли́зочьство*, *-а* и т.д.) и *количьствѡ* 153 (вероятно, единичное колебание в сторону а.п. *ь*).

Формально а.п. *а* (гр. 1) или *с*, фактически почти наверное а.п. *а* (поскольку а.п. *с* у слов с данным суффиксом нигде в славянских языках не встречается, см. Дыбо 1968, с. 191): *блг̃овѣрьство* 22б, *бг̃атьство* (9×: 24, 29, 47 и др.; = *богатьство*), *головничьство* 332б, *гостиньноприимьство* 8б, *двᶜство* 5, 10б (= *дѣвьство*), *злодѣiство* 88, *коварьство* 9, *лихоимьство* 47, *лукавьство* 71б bis, 82, 123, 125 bis, *мнѡжьство* 17б, 25, 260б (упрощ. *множьство* 115б кин.), *напрасньство* 100, *невѣжьство* 181, *невѣрьство* 22б, 110, *прелюбодѣiство* 45б, 60б, 190, 194б, 256б, *пьяньство* 5, 56б, *равеньство* 57б, *разденьствᵒ|* "различие" 36, *свѡиство* 124,

[37] *ъ* после *дѣл* подтерт и выглядит как *ь*.

246, *торжьство* 347, *оубиистваго* 366, 111 bis, 111б, 121, 189б, *ц^{с}рь|ство* 143б, *цр^{с}тво* (10×: 7б, 66б, 141 и др.). Вероятно, к а.п. *a* (гр. 1) относится также *о҃ц҃ьства* Р.ед. 150б, *-и* Т.мн. 35 (= *отечьства, -и*).

А.п. *a* (гр. 2): *вшиньствш* 139, 146, 159б, 179, 257б, *-а* (7×: 109, 179 ter и др.), *-у* 146, *-ѣ* 178б, 257б; *достшиньства* Р.ед. 50б, *-у* 1б, 3б, *по^{д}стшиньству* 53б, *недостшиньству* 61.

Формально а.п. *a* (гр. 2) или *b*, по косвенным данным а.п. *a*: *дѣлательствш* 155б (ср. регулярное *дѣла́тель, -а* и т.д. в Чуд.), *приставничьствш* 153, *свѣдительствш* 80, *тиоуньствш* 153 (ср. в Фер. *тѣжньство* 991 и регулярное *тѣжнъ, -а* и т.д.). Упрощ.: *свѣдительство* 258, *свѣдитьльство* 145 (*ь* вместо *е*), *тивуньство* 342б; по-видимому, также *старечьство* 40б (ср. Чуд. *ста́речство* 74г).

К а.п. *a* (гр. 2), вероятно, относились также: *храборьствш* 111б, 127, *ш^{т} сватовьства* 221б.

В слове "старейшинство" ударение, по-видимому, колебалось: *старѣшиньство* 95б, 166 отражает древнее ударение на *ста-* (ср. Чуд. *ста́рѣйшинъ* Р.мн. 72г), *старѣишиньствш* 181б, 201б - более новое ударение на *-рѣ-* (ср. Фер. *старѣ́йшиньство* 958б).

А.п. *b*: *бж^{с}твш* 56, *ѥстьствш* 133б (*ѥствш* 43б), *мужьствш* 25, 45, *срдьствш* 243б, *чювьствш* 49б, *послушьствш* (12×: 71 bis, 78 bis, 80б и др.)[38]. Упрощ.: *послушьство* 77. Написания *ѥстьство* 27, 168, *срдьство|* 223 - либо упрощенные, либо отражают акцентные варианты по а.п. *a*.

Формально а.п. *b* или *a* (гр. 2), по косвенным данным (акцентуация исходных слов, см. §§ 39 и 88) а.п. *b*: *сиротьства* Р.ед. 229, *свершеньствш* 6б.

А.п. *b*, по-видимому, отражает также *ѥдиньствш* 2б. Написание *ѥдиньство* 116б - либо упрощенное, либо отражает ударение на *-ди-*.

Для слова "господство" находим *гдⷭтвш* 255б, 256, 257б, 265б и *гдⷭтво* 240б, *гдⷭтво|* 239б, 240, а также аномальные написания *госпшдь|ствш* 274, *госпш^{д}ствш* 239б bis. Наиболее вероятная интерпретация состоит здесь в том, что в говоре Мерила сосуществовали более старое ударение на *-ствш* и более новое на *-пш-*.

Неясно, а.п. *a* (гр. 2) или *b*: *меншиньствш* 36б, *мремьствш* 161б.

§ 30. Как видно из материала, в Мериле ударение производных с суффиксом *-ств-О* в целом подчиняется формуле "a^{a}, a^{b}, c^{c}" (см. §7). Наиболее надежные примеры: a^{a} (выборочно) - *дв^{с}тво, мншжьство, холшпьство, бтьство, зло-*

[38] В Мериле слабый *ь* перед *ств* ни в одном слове не проясняется в *е*; таким образом, для всех этих примеров возможность а.п. *a* (гр. 2) исключается. Написание *ѥствш*, вероятно, отражает упрощение последовательности *стьств* (*ѥ́ство* встречается во многих памятниках XIII-XIV вв., см.: *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907, с. 111).

дѣіство, коварьство, лукавьство, пьманьство, оубѡжьствомь; вѡиньствѡ, достѡиньства, приставничьствѡ, свѣдительствѡ; a^{b} *- свѡиство, торжьство, головничьство,* вероятно, также $ц^{c}рь|ство$; b^{c} *- бж^{c}твѡ, мужьствѡ, чювьствѡ, послушьствѡ, свершеньствѡ, сиротьства,* также *госпѡдьствѡ* в конечно-ударном варианте. Отметим, что производные на *-ств-О* от основ с беглой гласной одинаково акцентуированы при исходной а.п. *b* и при исходной а.п. *a* (подгруппа 1*); ср. *равеньство, разденьство, отечьства;* подробнее см. § 59.

Важное отклонение от общей формулы - "незаконное" флексионное ударение в *ѥдиньствѡ* и *количьствѡ* (оба по одному разу), может быть, также в *мремьствѡ*.

Флексионное ударение в *срѡдьствѡ* скорее представляет собой архаичный тип акцентовки слов подобной структуры, чем инновацию (ср. *бещестнѡѥ, бѣлогородьскѡгѡ* и др., § 59).

Сдвиг ударения вправо в *неистѡвьства, старѣишиньствѡ, дѣлательствѡ,* по-видимому, не связан специально с суффиксом *-ств-О* (он мог происходить и в производящих словах).

Интересно сравнить акцентуацию производных на *-ств-О* в Мериле и Чуд. В большинстве случаев она совпадает; отметим лишь наиболее интересные примеры: Чуд. *то́ржьствоу, оубі́йство, ѐстествѣ̀, чювствѣ̀, послоушствѣ̂* (правда, наряду с *послоу̂шство*). В Чуд., как и в Мериле, важнейшим отклонением от основной формулы является "незаконная" а.п. *b: вдовьствѣ̀* 108а, *свойствѣ̀* 142в, *-оу̂* 88б, *по дѣ́йствоу̂* 134б, *по дѣй|ствоу̂* 130г, сюда же *разньства̀* Р.ед. 100в, 104б. Однако конкретные слова, в которых нарушается основная формула, в Чуд. и в Мериле различны. Отсюда серия акцентных несовпадений: ср. Чуд. *свойствѣ̀, разньства̀, срѣ́дьство,* также *войнствомь, ней|стовство.* Таким образом, одних лишь слов на *-ств-О* было бы достаточно, чтобы убедиться, что в Чуд. и Мериле представлены разные, хотя и близкие, "точечные" акцентные системы.

Суффикс *-л-О*

§ 31. Формально а.п. *a* (гр. 1) или *c*, по косвенным данным а.п. *a: за^{ч}ало, за^{ч}ло* (8×: 179-188), *зерцало* 2 кин., *начало* (10×: 6, 13б, 68 и др.), *порекло* "прозвище, имя" 198 bis, 203б, *-омь* 203б, *свѣтило* 2 кин., 49б, *хранило* "нечто охраняющее" 23. Вероятно, сюда же *в точилѣ* 347, *в точилѣхъ* 348.

Формально а.п. *a* (гр. 2) или *b*, по косвенным данным а.п. *a: зеркалѡ* 29, *мѣрилѡ* 37, 44, 167б, *постризалѡ* 345, *правилѡ* (18×: 71, 81, 84 и др., также *пра^{в}лѡ* 105, 229), *ставилѡ* "весы, гиря" 37 bis, 38б. Упрощ.: *мѣрило* 10б, *правило* 348, *пра^{в}ло* 229.

Отметим совпадения с Чуд.: в Чуд. представлены *зерца́лѣ, -омь, нача́ло, -а, -ѫ, свѣти́ла* И.мн. и, с другой стороны, *мѣ́рило*. Примечательно, что в Мериле уже отразилось хоро-

шо известное в более позднюю эпоху акцентное противопоставление собственно русского *зе́ркало* и церковнославянизма *зерца́ло*.

Прочие суффиксы

§ 32. Суффикс *-j-e* (*-иj-е*). А.п. *a* (гр. 1)[39]: *въ здорѡвьи* 31; *безакѡн-иѥ, -ыѥ, -имъ, -ымъ, -ию* (14×: 5, 41, 70, 124 и др.), *в безгѡдьи* 13, *безлѡбиѥ* 66б, *бесплѡдьѥ* 268б, *благорѡдиѥ* 239, *добровѡниѥ* В.мн. 345б, *звѣздослѡвьѥмь* 100б, *извѣстослѡвиѥ* 226б, *повѡдию* "незамерзшей воде" 32б, *пѡдножиѥ* 3б, *посѡбиѥ* 45, 331б, *преко|слѡвьѥ* 71б, *прекослѡвьѥ* В.мн. 17б, *прѣкослѡв-имъ* Р.ед. 242б, *-ьи* 120б (также *прекѡслѡвьѥ* 125, см. §4 и §8, замеч.), *препѡдѡбиѥмь* 10 (о *-пѡ-* см. §4), *приплѡд-иѥ* 243, *-ыѧ* 272б, *сѫщенослѡв-ьѥ* 196, *-ыѧ* 205б, 206, *-ьѥмь* 205б, *оугѡд-иѥ* 204, *-имъ* 345, *оудѡбьѥ* 89б.

Суффикс *-ищ-е*. А.п. *a* (гр. 2): *позѡрище* 135, *-и* М.ед. 29б, *-а* В.мн. 25б, *-ъ* Р.мн. 135б; *сбѡрище* 53, 114б, *-а* 91б; *скрѡвище* (8×: 2б, 37 и др.), *-а* 136_2б, *-ю* 242, *-и* М.ед. 242, И.дв. 165б.

Отметим, наконец: *косначько* 332 (имя собственное); *отрочати* Р.ед. 168, 198, М.ед. 114; *за поросѧ* 336. О словах на *-енькѥ, -аньѥ* см. § 86-89.

ЖЕНСКИЙ МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ РОД

§ 33. В Мериле в данном морфологическом классе необходимо различать две акцентных кривых в рамках а.п. *b*; они обозначены ниже как b_1 и b_2.

Таблица 6

Окончания с *О*

А.п. / Окончания	*a*		*b* (акц. кривая b_1)	*c*
	группа 1	группа 2		
-Ою (Т.ед.)	силою	истиною, мачехѡю (см. §35)	женою	рукою
-О (Зв.ед.)	влдко (= владыко)	-	жено	-

[39] Для части приводимых здесь слов (например, *безакѡниѥ, благорѡдиѥ*) формально допустима также а.п. *a* (гр. 3); однако этой формальной возможностью можно пренебречь, как нереальной.

Таблица 7

Основы с *О*

Формы \ А.п.	*a*	
	группа 1	группа 2
ед. И.	злѡба добрѡта	отрокѡвица
Р.	злѡбы добрѡты	грамоты
Д.М.	злѡбѣ добрѡтѣ	грамотѣ
В.	злѡбу добрѡту	отрокѡвицю
Т.	злѡбою теплѡтою	отрокѡвицею
мн. И.В.	фѡки ворѡны	отрокѡвицѣ
Р.	(злѡбъ) рабѡтъ	грамотъ
Д.	– ворѡнамъ	–
Т.	– молитвами	грамотами
М.	– –	грамотахъ
дв. И.В.	– ногатѣ	отрокѡвици
Р.М.	– –	–
Д.Т.	– –	отрокѡвицама

Таблица 7 (окончание)

Формы	*b*		*c***	
	акц. кривая b_2	акц. кривая b_1**		
ед. И.	вола	вдова	нога	голова
Р.	вола, вѡли*	вдовы	ноги	головы
Д.М.	вѡли	робѣ	водѣ	свободѣ
В.	вѡлю	вдову	ногу	голову
Т.	вѡлею	ротою	ногою	головою
мн. И.В.	вона(?)	вдовы	ноги	стороны
Р.	–	(стѡпъ)	(нѡгъ)	сирѡтъ
Д.	–	–	–	сиротамъ
Т.	вонами(?)	–	ногами	головами
М.	–	–	горахъ	сиротахъ
дв. И.В.	–	–	нозѣ	–
Р.М.	–	–	ногу	–
Д.Т.	–	–	ногама	–

* Разная огласовка при разных окончаниях Р.ед.

** По написаниям Мерила акц. кривую b_1 и а.п. *c* различить нельзя. Примеры отнесены к а.п. *b* или *c* по косвенным данным.

§ 34. Окончание Зв.ед. *-О* представлено только в словоформах: а.п. *a* (гр. 1) - *влдко* (5×); *a* (гр. 3) - *старѣишино; b* - *жено.*

Окончание Т.ед. *-Ою* в а.п. *a* (гр. 1), *b* и *c* у существительных всегда записывается как *-ою*. А.п. *a* (гр. 1) - *бабою, вѣрою* (3×), *влдкою, внукою, гешною, двою* (= *двѣою;* 2×), *державою, жертвою, женитвою, злшбою, незлшбою, клятвою* (9×), *мѣрою* (4×), *мѣтвою* (2×), *мукою* "мучением", *правдою* (8×), *неправдою* (2×), *рабичною* (3×), *ризою* (2×), *сестричною* (2×), *силою* (8×), *скотиною, супругою, теплштою, теткою* (также *тѣткою*), *оутѣхою, хламидою;* вероятно, сюда же *чересминою*. А.п. *b* и *c* (из-за трудностей разграничения - вместе, ср. § 35): *бѣдою* (3×), *виною* (11×), *враждою, головою, горою, женою* (27×), *кумою* (3×), *мьздою, ногою, похвалою, рабою, ротою* (2×), *рукою* (18×), *сестрою, слезою, снохою, оуздою* (2×), *цѣною;* вероятно, сюда же *мѣною.*

В а.п. *a* (гр. 2) находим, с одной стороны, *мачехшю* 190б, с другой - *истиною* 11б, 20б, 145, 148 (ср. также наречие *мнштиждою* 60б); см. § 35.

Акцентуация неясна (но не исключена а.п. *a*, гр. 2) в случаях: *нищетою* 42, *чстотою* 6б, 344б, *сѹѣтою* 347; см. § 39.

К женскому морфологическому роду субстантивного склонения относятся также Д., М. и Т. падежи местоимений "я", "ты", "себя". Показания Мерила по словоформам с *О* здесь таковы: Д.М. *тобѣ, собѣ* - регулярно (ср. Р.В. *тобе, собе*); Т. *мною* 5б, 9, 9б bis, 13, 14, 24б (но один раз *со мншю* 223б), *тобою* (14×: 5б, 10, 12 и др.), *собою* (20×: 16, 20, 27, 29 и др.).

§ 35. Акцентные кривые. В а.п. *a*, как обычно, ударение неподвижно. Что касается а.п. *b* и *c*, то в данном морфологическом классе написания Мерила не позволяют их различить (если отвлечься от слов типа "воля", см. ниже). Лишь в Р.мн. *сирштъ* несомненно конечное ударение, но такое ударение ожидается в Р.мн. в обеих этих а.п.; во всех прочих случаях нельзя отличить энклиномен от конечноударной словоформы.

Правда, в одной форме, а именно, в Т.ед. мы ожидали бы, исходя из обычной акцентологической реконструкции (**golvojǫ́* в а.п. *c*, но **ženòjǫ* в а.п. *b*, см. Станг, с. 62), разных рефлексов в Мериле: *головою* и **женшю*. Однако, как видно из § 34, в обоих случаях выступает *-ою;* ср. хотя бы такие надежные примеры а.п. *b*, как *женою, рабою, сестрою, похвалою.*

Сам факт аналогического выравнивания окончаний **-ojǫ́* и **-ȍjǫ* в этом морфологическом классе, по-видимому, является общим для всех реально засвидетельствованных славянских "точечных" систем. Индивидуальной особенностью Мерила является только то, что здесь обобщилось именно **-ojǫ́*. Ср. этот же вариант обобщения в более широком масштабе в местоименном склонении, § 67.

Данные Мерила об окончании *-ою* представляют большой интерес, поскольку в настоящее время еще недостаточно

ясна история становления нынешнего ударения *-о́ю* (одинакового в *жено́ю* и *голово́ю*). Можно предполагать либо 1) существование уже в древнерусском "точечных" систем, обобщивших здесь, в отличие от Мерила, ударение а.п. *b*, а не *c*, либо 2) относительно поздний (XIV-XVI вв.) переход от системы типа Мерила к нынешней[40]; ср. первый симптом такого перехода в единичном *мнѡю* (при *мною* 7×). Не исключено также какое-то соединение первого и второго; в частности, наличие */-о́ју/*, */-о́ј/* в одних говорах и памятниках и */-ою́ју/*, */-ою́ј/* в других может указывать на то, что переакцентовка данного окончания происходила в разных говорах различными путями и/или неодновременно.

В Мериле варианту */-ою́ју/*, представленному (при флексионном ударении) у существительных и местоимений (ср. §67), противостоит вариант */-о́ју/* в членных формах прилагательных (§ 49); ср. характерные примеры: *властельскѡю рукою* 88, *горою сто́ю* 13, *с таковѡю женою* 160б bis.

З а м е ч а н и е. К сожалению, Чуд. в вопросе об окончании Т.ед. *-ою* дает очень мало: здесь почти всегда пишется *-оѭ* или *-оѭ* (акцентно незначимое). С надежными акцентными знаками у существительных встретились только *главоѭ* 5а, *женоѭ* 153г, *роукоѭ* 123а, *женоѭ* 26г, *лѣхвоѭ* 14а, *лоукоѭ* 121в, *лѣпотоѭ* 136г, *простотоѭ* 127а, *рукоѭ* 132а, *цѣноѭ* 110в - все с варией; у прилагательных *дрѹго́ю* 36б, *ильінóю* 26а, *свѣ|тло́ю* 40а (также *чюжеѭ* 146б) - все с оксией (однако в М.дв. *о бѣсноѭ* 6б). У местоимений находим *с неѭ* 47в, 150а, 156в, *с неѭ* 43а, *тоѭ бо* 29в, *со всѣѭ* 69б, *со мноѭ* 36а, 129г, *мноѭ* 49а, *мноѭ* 40в, 138г, *со мноѭ* 14г, *со·мноѭ* 14г и, с другой стороны, *со мно́ю* 33б bis, 95в, *со мно́ю* 23г, *со мно|ю* 73г. Следует учитывать, что в Чуд. практически во всех случаях, когда ударение в конечном сочетании "гласная + *ю, ѧ, ѥ*" определенно падает на предпоследний слог, мы находим (если ударение вообще обозначено) оксию, а не варию, например, *а*[з] *поко́ю вѧ, не зна́ю, вѣчно́ѥ, дроугоу́ю* и т.п. С другой стороны, изредка встречаются такие написания с варией, как *грѣ|си́ твоѭ* 28г, *ѥ̀ѧ* 31б, *ильѭ* 25а (при обычных *твоѭ, твои́, ѥ́ѧ, ильѧ*). Легко заметить, что в Т.ед. написанию *-ѡю* в Мериле (*златѡю, какѡю* и т.п.) соответствует *-о́ю* в Чуд., а написанию *-ою* в Мериле (*женою, рукою, тою* и т.п.) — *-оѭ* и *-оѭ* в Чуд.; словосочетание *со мнОю* в обоих памятниках колеблется. По-видимому, *-оѭ* в Чуд. могло передавать то же, что *-оѭ*, т.е. конечное ударение. Таким образом, несмотря на ограниченность материала, для Чуд. допустимо предполагать такую же акцентовку словоформ с *-ою*, как и в Мериле (или близкую к ней).

Что касается окончания *-Ою* у слов а.п. *a* (гр. 2), то в говоре Мерила здесь, по-видимому, колебалось место вто-

[40] Именно такой переход предполагал Л.Л.Васильев (Васильев, с. 138-139).

ростепенного ударения: оно могло падать либо на *-О-* (в силу обычного ритмического принципа), либо на *-ю* (т.е. туда же, куда падает главное ударение в *головою, женою* и т.д.); отсюда написания *-ѡю* и *-ою*, ср. *мачехѡю* и *истиною*; подробнее см. Противоп., § 18.

Особая акцентная кривая представлена в Мериле у слова "воля". Приводим материал: *волѧ* И.ед. 85б, 338б bis, *волѧ* Р.ед. (15×: 49б, 93б bis, 94б, 113 bis и др.), *вѡли* Р.ед. 342, Д.М.ед. 28, 87, 274, 97б [Б], *по вѡлѣ* 142, *вѡлю* (10×: 6, 54, 87, 128, 128б и др.), *вѡлею* 111 bis, 184б, 199, 239, 248, 274; также *из невѡли* 333б, *невѡлею* 76б, 78б bis, 154, 185, 189б. Можно предполагать, что сюда же относятся: *кѡжю* 33б, *вонѧ* И.мн. 53, *вонѧми* 344б (см. также § 41 о слове "утроба").

Это необычное распределение *о* и *ѡ* с поразительной точностью соответствует данным Чуд.: *волѧ̀, -ѧ́* И.ед. (10×), *волѧ́* Р.ед. 43г bis, *во́ли* Д.М.ед. (6×), *во́лю* (12×, но один раз *волю̀* 18а)[41]; аналогично *вонѧ̀* И.ед. 117а bis, *во́ню* 126в, 129в (но также *воню̀* 117а). Совпадение с Чуд. гарантирует надежность показаний Мерила. Представленная здесь особая акцентная кривая предполагает только ортотонические словоформы; ударение - флексионное в И.ед. и в Р.ед. на *-ѧ* (возможно, также во мн. числе, но это менее надежно), корневое в Д.ед., М.ед., В.ед., Т.ед., а также в Р.ед. на *-и*. Судя по Чуд., в В.ед. могло быть колебание.

Эта акцентная кривая резко отличается от а.п. *а* подвижностью ударения, а от а.п. *с* - наличием ортотонических начальноударных словоформ и отсутствием энклиноменов. Между тем она принципиально сходна, например, с акц. кривой слова "поп", а именно, здесь представлены те же акцентные классы словоформ, ср. *попа, попъ* и *волѧ, пѡпъ̀хъ* и *вѡли*. Таким образом, с синхронической (для говора Мерила) точки зрения данная акц. кривая должна быть отнесена к а.п. *b*. Соответственно она обозначена как b_2, а основная акц. кривая акц. парадигмы *b* (представленная у слов *жена, вдова* и т.д.) - как b_1.

Как уже указано, написания Мерила не позволяют доказать, что в Мериле b_1 и *с* действительно различались; однако показания Чуд. и других памятников делают подобное совпадение невероятным.

Отметим, что в акц. кривой b_1 Зв.ед., по-видимому, имел наосновное ударение, ср. *жено* (Чуд. *же́но*).

Разбор материала

Непроизводные и опростившиеся слова

§ 36. Приводим вначале исконные слова. А.п. *а* (гр. 1): *за волѡгу* 341, *ворѡны* И.мн. 32б, *-амъ* 2, *колѡды* Р.ед. 6б, *-у* 57б, *за корѡву* 336. Отметим также *за кобылу* 336.

---

[41] В примере *не бо бо́|лею* 86г оксия скорее относится к *бо*, чем к *во*.

Формально акц. кривая b_1 или а.п. *c*: *бород-оу* 337б, *-и* В.мн. 344б; *борону* 338б; *вдова* 70б, 225б, *-и* Р.ед. 23б, И.мн. 23б, 119б, *-у* 99б; *вода* 34б, *воды* Р.ед. 32, 127б, 260б, *водѣ* Д.ед. 348б, *о водѣ* 127б, *воду* 15б, 35, 34б bis, 346б (*на воду* 333б), *ѡт вждъ* 3; *голова* 332, *-и* Р.ед. 33б, 230б, 342б, *-у* 41, 58б, 68, 230б (*за голову* 332 bis, 333), *-ою* 333б, *-ами* 230б; *гора* 35, *горѣ* "вверх", 3, 65б, 118б, *в гору* 41, *горы* В.мн. 33, *на горахъ* 7б; *в зорю* 32; *козы* В.мн. 335б; *нога* 9, 260б, 333б, *из но|ги* 28б, *ноги* И.мн. 31б (*о|*), 53б, *ногъ* 15б, *ногами* 34б, *ногѣ* В.дв. 9 (*пѡд ногѣ* 66), *ѡт ногу* 16, *до ногу* 16б, *нога* 11, 51; *роба* 333, 343, *робу* 342б (*за робу* 333, 340б, 343), *в робѣ* 340б (также *рабою* 195б); *роса* 3б, 4б, *росѣ* Д.ед. 32; *ротѣ* Д.ед. (6×: 333б-343б), *на роту* 22б (*о|*), 334, 335, 336 (*о|*), *ротою* 71 (*рото|ю* 22б); *скопа* 32б (птица); *на соху* 192; *стѡпъ* Р.мн. 49; *сто|роны* Р.ед. 224, *стороны* В.мн. 63б; *строка* 28. Кроме того, *ѡт господы* 338б, *свобода* 337, 341б, *ѡт свободы* 342б, *о сво|бодѣ* 195, *на свободу* 195б, 197б, *свободоу* "свободного человека" 130, 130б. Отметим также Зв.ед. *жено||* 226б. Данные других памятников надежно указывают на а.п. *b* по крайней мере для слов "вдова", "жена", "раба", на а.п. *c* – по крайней мере для слов "борода", "вода" "голова", "нога", "сторона". В самом Мериле производные *головникъ*, *головничьство* и *свободнѡму*, *свободить* указывают на а.п. *c* слов "голова", "свобода".

З а м е ч а н и е. В Чуд., как и в Мериле, производные от слова "свобода" (например, *свободнѣ* И.ед., *свободни*, *свободи́тсѧ* и др.) указывают на а.п. *c*. Между тем в В.ед. находим только *въ свободоу̂* 103б, *на свободоу̂* 124а (с акцентовкой по а.п. *b*). Существенно, однако, что для слов на *-а*, *-ѧ* с неодносложной основой в Чуд. нет ни одного примера перехода ударения на начальный слог в В.ед., Д.ед. или И.В.мн. (т.е. в формах, где в а.п. *c* выступают энклиномены). Не только "свобода", но и все другие слова этой структуры, которые можно было бы подозревать в принадлежности к а.п. *c*, обнаруживают в Чуд. конечное ударение: *сиротѣ̀* В.мн. 81в (ср. данные Мерила § 39-40), *срамотоу̂* 155г, *тѧготи́* В.мн. 124б (и некоторые другие с суффиксами *-от-а*, *-ин-а*), возможно, также *клеветѣ̀* И.мн. 121б (ср. Чуд. *клеветни-кѣ̀*, *-цѝ*), *побѣдо᷄* 7г, *-оу̂* 115в (ср. *побѣднѡѥ* в Мериле, *по́бѣдоу* Фер. 527)[42]. Можно предположить, таким образом, что в говоре Чуд. в этой группе слов энклиномены были заменены конечноударными словоформами (как в современных белорусских и юго-западных великорусских говорах).

Акц. кривая b_2: слово "воля"; вероятно, также "неволя", "воня" и "кожа". Материал см. в § 35.

У слова "овца" показательна только словоформа Р.мн. *овецъ* 248, 273 (Чуд. *ѳвѣц* 25в). Прочие словоформы – *ѡвца*

[42] Иное, но явно не первичное ударение в случаях: *за клеве́тоу̂* 85а (значок над *у* неясен), *побѣ́до|ю* 115в.

И.ед., В.мн., -ѣ В.мн., -*ѧмъ*, *за ѡвцю* (9×) - содержат несвободное ѡ. Таким образом, формально возможны а.п. *b*, *c*, а также *a* (подгруппа 1*). В Чуд. *о́вцà* И.ед., И.мн., В.мн., -*а̀мъ*, -*а́х*, *о́вѣц*, однако *о́вци* И.мн. 84в (заметим, что И.мн. *о́вцà*, но *о́вци* напоминает Р.ед. *волѧ*, но *вѡли* в Мериле).

Формально любая акцентуация, кроме а.п. *a* (гр. 1): *за лалоку* "за шею" 34.

§ 37. Заимствованные слова. А.п. *a* (гр. 1): *їкѡни* В.мн. 331б, *мюрѡну* "мурену" 34, *субѡта* 118б, -*и* Р.ед. 57, -ѣ 55б, -*у* 59, 135б, *тѡта* 32б (название птицы), *фѡки* "тюлени" 33б. Сюда же имена собственные (муж. рода) *никѡла* 224 bis, *фѡка* 61. Отметим также *когата*, -*у*, -ѣ Д.М.ед., В.дв. (9×: 332б, 342б и др.), *полатѣ* Р.ед. 198, 207б, *олена* 224.

Сюда же примыкают имена собственные с субморфом -*j*- (-*uj*-): *кѧѡнию* В.ед. (муж.) 18, *федѡсьѧ* И.ед. 224. Это же -*j*- близко к статусу суффикса в словах: *митропѡл-ьѧ* И.ед. 98, Р.ед. 101, -*ию* 96б, -*ии* М.ед. 98; *по филосѡфьи* 55б; также *пафлагѡниѧ* 131. Написание *кападокиѧ* 131 либо упрощенное, либо отражает ударение на -*ки*- (в Чуд. колебание).

А.п. *a* (гр. 2): *грамота*, -*и* Р.ед., И.В.мн., -ѣ, -*у*, -*ами*, -*ахъ* (19×: 89б, 96б, 135б, 163б, 195б, 252 и др.), *грамотъ* Р.мн. 250. Ср. Чуд. *грáмоту* 36а.

Формально b_1 или *c* (но последнее нереально, см. § 22): *сотонѣ* Д.ед. 19, 56, 59б bis и имена собственные *козмѣ* Р.ед. 230 кин., *фома* 222б кин.

Бессуффиксальные производные

§ 38. А.п. *a* (гр. 1): *во оснѡву* 5б; *подѡба* 35б; *пристрѡѧ* "имущество, снаряжение" И.ед., Р.ед., И.В.мн., -*и* Д.ед., -*ю* В.ед. (17×: 171-175); *велмѡжѣ* И.мн. 9б, *вокѧвда* 127, -*у* 28б. Упрощ.: *основу* 6б.

А.п. *a* (гр. 3 или 1): *паволѡки* Р.ед. 100.

Отметим также *не надобѣ* 336б (*o*|), 341, 342, 344 (вероятно, а.п. *a*, гр. 2).

Суффикс -*От-а*

§ 39. А.п. *a* (гр. 1): *добрѡта* 41, -*и* Р.ед. 10, В.мн. 50, -ѣ 32, -*у* 3, 40; *рабѡтѣ* Р.ед., И.В.мн. (8×: 79, 118б, 253 и др.), -ѣ 182б, -*у* (9×: 7б, 113, 131б bis и др.), *рабѡтъ* Р.мн. 135б; *теплѡту* 35б, -*ою* 8; *щедрѡт-оу* 48, -*и* И.В.мн. 5, 13б, 18.

Все прочие слова с этим суффиксом пишутся в Мериле с -*ота* (-*отѣ* и т.д.). Для двух из них формально допустимы b_1 или *c* (но не *a*)[43]: *простотѣ* Р.ед. 138; *сирота* 271, -*и* Р.ед. 17б (*o*|), 18, 23б, 53, 247, И.В.мн. 86б, 119б, 181б, -ѣ 14б, 24, 37, 37б, -*у* 23б, -*амъ* 15б, 23б, 262б, 331б,

[43] Что касается словоформ Т.ед. *чⷭтотою*, *нищетою*, *суѥтою*, то, как видно из § 34-35, написание -*ою* не дает здесь никаких надежных сведений об акцентной парадигме.

-ахъ 23б, *сирѡтъ* Р.мн. 24, 64, 151, 331б. Для остальных слов формально допустимы b_1, *c* и *a* (гр. 2): *бл҃гота* 54б, *высоты* Р.ед. 19б, *-ѣ* 3, 6, *-у* 19б, 65, 219, *красота* 25, 29, *-и* Р.ед. 27б, *скудоты* Р.ед. 114, *слѣпотѣ* 2, 49б, *срамоты* Р.ед. 120, 124 ter, *-оу* 114, 124, *по тѣснотѣ* 172б, *тѧготы* Р.ед. 47, *тѧго|ты* В.мн. 47, *чⷭтота* (= *чистота*) 142б, *-и* Р.ед. 50б, 145, *-ѣ* 146, *-у* 5, 28б, 47, 112, 145, *-ою* 6б, 344б (см. сноску 43), *нечⷭтота* 124, *-и* Р.ед. 136б.

Некоторые дополнительные сведения об акцентуации слов на *-От-а* могут дать производные от них. Так, *сиротьства* Р.ед., *чⷭтотни* и *нелѣпотнѡ* свидетельствуют против а.п. *b* у слов *сирота*, *чистота*, *лѣпота* (ср. *-ѡт-* в *живѡтнаѧ* от слова а.п. *b* *живѡтъ*, *живота*). Производное *оунѡтки* свидетельствует против а.п. *a* (гр. 2) у **оунѺта*. Таким образом, для слова *сирота* совокупность данных (*сирота*, *сирѡтъ*, *сиротьства*) однозначно указывает на а.п. *c*, для *чистота* и **лѣпота* - на а.п. *a* (гр. 2) или *c*. Следует, однако, иметь в виду, что акцентуация производных соотносится с п е р в о н а ч а л ь н о й а.п. соответствующего слова на *-От-а*, тогда как в говоре Мерила само это слово могло уже изменить акцентовку. Например, не исключено, что слово *сирота* уже получило в И.В.мн. ударение *сиротꙑ*, как в Чуд. (ср. § 36, замечание).

§ 40. Слова на *-ѡта* (*добрѡта*, *рабѡту*, *теплѡту*, *щедрѡтоу*) - это производные от слов а.п. *b*. Слова на *-ота* - это в основном производные от слов а.п. *a* (*чистота*, *нечистота*) и а.п. *c* (*благота*, **лѣпота*, *простоты*, *сирота*, *слѣпотѣ*, *срамотоу*, *тѧготы*). Исключение составляет *красота* (при исходном слове а.п. *b* *краса*). А.п. исходного слова недостаточно ясна в случаях *высоту*, *скудоты*, *тѣснотѣ*, *сѹта*.

Исходя из того, что показано выше для слов *сирота*, **лѣпота* и *чистота*, мы можем предполагать для *-От-а* формулу "a^a, a^b, c^c" (актуальную либо для самого говора Мерила, либо по крайней мере для его предшествующего состояния), т.е. такую же, как в южнославянском (см. Дыбо 1968, с.161). В Чуд. представлена другая формула: "a^a, a^b, b^c" (там же, с. 163). Показания Мерила делают весьма вероятным, что положение в Чуд. вторично; ср. также § 35, замечание.

Для суффикса *-От-а* тенденция развития, общая для всего русского языка, состоит в экспансии акцентной модели, соответствующей исходным словам а.п. *c*. В Мериле эта тенденция успела захватить слово *красота* (a^b), может быть, также слова первоначальной модели a^a (например, *чистота*).

Прочие суффиксы

§ 41. А.п. *a* (гр. 1): *злѡба* 4, 62б, 68, *-и* Р.ед. (8×: 7, 8, 18 и др.), *-ѣ* 45, 61, 68 bis, *-у* 15, 44б, *-ою* 53_2, *ѡт злѡбъ* 15б; *незлѡбѣ* 14, *-ою* 14б; *оунѡтки* "девицы" И.мн. 8. Кроме того, случаи, где в принципе не исключена также акц. кривая b_2: *оутрѡбу* 32б (ср. Чуд. *оутроба́ ѥго* 119а,

въ оутро́боу 131б), *горшдн҃ѣ* Р.ед. 341, В.мн.(?) 341, *-ю* 341.)

А.п. *a* (гр. 2): *с мачехѡю* 190б; *колѡдици* И.мн. 26б, *мнѡжицею* (6×: 17б, 60б, 94б и др.), *мнѡгонѡжица* И.ед. 34; *налѡжницю* 99б; *отрокѡвица* И.ед. 229б, Р.ед. 169, 169б, 174б, 190б, *-ѣ* Д.ед. 169б bis, И.мн. 50, В.дв. 40, *-ю* 122б, 169, 245б, *-ею* 228б, *-и* В.дв. 39б, *-ама* Д.дв. 39б, Т.дв. 39, 40 (особо *отрѡкѡвица* И.ед. 169, см. §4); заметим, что в Чуд. уже более новая акцентовка: *о́трокови́ца, -ю* и т.д. (однако *о́трокови́чіну* 31в).

А.п. *a* (гр. 2), *b* или *c*: *оуноша, -ю, -и* Д.ед. (8×: 17 bis, 40 bis и др.). Отметим несколько слов, акцентуация которых устанавливается по косвенным данным: а.п. *a* (гр.1)- *вдовица, -и, -ѣ, -ю, -ъ, -ами* (15×: 12, 24, 37, 113 и др.), *воницами* 345б; *годинѣ* 182, *животину* В.ед. 194б, *-ъ* Р.мн. 87б, *половина, -и, -ѣ, -у* (8×: 105, 249б, 262б и др.), *скотина, -у, -ою* (11×: 92б, 108, 124 и др.); *простѣни* И.ед. 45, Р.ед. 70б; *мо|литви* И.мн. 199б, *-ами* 204б; *вл*^{д}*ко* Зв.ед. (5×: 8, 64 и др.; = *владыко*); *ко|сатки* И.мн. 32; а.п. *a* (гр. 3) - *старѣишино* Зв.ед. 207б; *ластовици* "ласточки" И.мн. 32; *милостѣни* Р.ед. 19б.

ВТОРОСТЕПЕННОЕ СУБСТАНТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 42. Окончаний с *O* в этом склонении нет.

Таблица 8

Основы с *O*

А.п. / Формы		*a*		*c*	
		группа 1	группа 2		
ед.	И.В.	болѣзнь	милость	(нѡщь)	волость
	Р.	-	радости	нощи	кротости
	Д.	-	-	гости	крѣпости
	М.	користи	тихости	нощи	волости
	Т.	болѣзнью	милостью	(сѡлью)	волостью
мн.	И.В.	користи	-	нощи	волости
	Р.	болѣзнии	-	-	господии
	М.	-	-	костехъ	-
	Т.	-	хитростьми(?)	-	-

Примеры а.п. *a* формально неоднозначны и отнесены к этой а.п. лишь по косвенным данным. Достоверных примеров а.п. *b* нет. Показания Мерила по а.п. *c* в целом согласуются с данными исторической акцентологии. Однако имеется несколько случаев незакономерного конечного ударения в И.В.ед.: *госпѡдь* И.ед. 338б; *на помѡщь* 265, *пакѡсть* В.ед. 87б, *мрѡсть* В.ед. 21б (при гораздо более частых *помощь*,

пакость, мрость). Из этих случаев один, а именно *госпwдь*, соответствует ударению всех более поздних памятников. Прочие носят характер индивидуального колебания.

Разбор материала

§ 43. Рассмотрим вначале слова (разной морфологической структуры), не содержащие суффикса *-Ост-ь*.

А.п. *с: волость* 15, 62б, 64, *-и* М.ед. 53_2б, В.мн. 331б, *-ью* 27б bis; *помощь* 76, 82б, 83б, 196 [*на помощь* 165б, 201б (*мо|*), однако *на помwщь* 265], *-и* Р.ед. 162б; *похоть* 41 (также *добру похоть* 6, где *по* подтерто писцом), *-и* Р.ед. 19, 28б, 30, 252, В.мн. 45.

Формально а.п. *с* или *ь*, по косвенным данным а.п. *с: гости* Д.ед. 338б; *кости* В.мн. 14б, 137б, *по костехъ* 333; *нwщь* (4×), *нwчь* 25б, *нощи* Р.ед. 38б, В.мн. 13, *в нощи* М.ед. 130, 192б, (также *полунощи* М.ед. 13); *соль* 2 кин. (упрощ.), *соли* Р.ед. 333, *сwлью* 56 (*сwлию* 58 bis); *плwть* (4×), *плоти* Р.ед. 33, 173б, М.ед. 3 (также *плъти* Р.ед. 4, 56), *плwтью* (5×); относительно ѡ в слове "плоть" см. Противоп., §8.

Прочие слова, где по косвенным данным а.п. *с:* женский род – *немощь* 192, *-и* Р.ед. 331б, *-ью* 91б; *осень* 32б; мужской род – *корень* 9, 24, 168б, *-и* Р.ед. 224б, 244; *локоть* Р.мн. 341, *полоть* 332б, 339 (< **полъть*); по-видимому, к этому же склонению относилось и *голубь* 339б, *-и* И.мн. 32. Особо: ѡ^{т} *господии* (видимо Р.мн.) 182б, однако И.ед. *госпwдь* 338б, см. § 42.

Словоформы *любwвь* В.ед. 42б, 45, *с любwвию* 20 (при более обычных *любовь* 5×, *любовью* 5×; об ѡ в этом слове см. Противоп., §8) обнаруживают ударение на конечном слоге основы; но каково было ударение в словоформах *любве, любви* (более старое на *лю-* или более новое на окончаниях), неизвестно.

По косвенным данным а.п. *а* (гр. 1): *користи* М.ед. 188, В.мн. 8; *кровать* 29; *по|гань* 66; *болѣзнь* 16, 33б, 49б, *-и* Р.ед. 38б, 43, *-ью* 219, *-ии* 9б; *бwзнь* 6, 11, 57, 66б, *-и* Р.ед. 43, *-ью* 13, 42б; также *злwбь* 57. Менее ясны: *болѣсти* В.мн. 346б, *ометь* 34, *два стопени* 244б.

Суффикс *-Ост-ь*

§ 44. А.п. *с: кротость* 5, 27, 37б, *-и* Р.ед. 30, *-ью* 25б (*то|*), 67б, *-ию* 168 (также *съ бл҃гокротостию* 53б).

Все прочие слова с акцентной точки зрения формально неоднозначны. Формально а.п. *с* или *а* (гр. 2): *гордость* 19, *-и* Р.ед. 84, М.ед. 51, *-ью* 52б, 63, *-ии* Р.мн. 145; *крѣпость* 31б (*по|*), 76, 196, *-и* Д.ед. 66б; *лютость* 5, 58; *мерзость* 10б, 56б, 124б, 345, *-и* Р.ед. 12б, М.ед. 81б; *милость* 5, 6б, *-ью* 70б (также *немилость* 5); *мудрость* 9б, 109 (*мудро^{с}* 27б), *-и* Р.ед. 11; *скудость* 6б, *-и* Д.ед. 32б, *-ью* 81б; *скупость* 5; *старость* 6, 177, *-и* Р.ед. 6, 259, 331б; *несытость* 5, 31; *твердость* 204б, 263б, *-и* Р.ед. 5б, 198б; *тихость* 27, 165 (*хо|*), 267, *-и* М.ед. 58; *трезвость*

5; *мѧгость* 30б, 133, *-ью* 28б; *оуность* 209б [Б], *ѡт оуно|сти* 10; *хитрость* 6, 83, *-и* Р.ед. 10, 136$_2$б, Д.ед. 110б, *-ью* 21б (*-ию* 251б), *-ьми* 344. Формально а.п. *с* или *b*: *въ про|стости* М.ед. 61. Формально возможно всё, кроме а.п. *а* (гр. 1): *лѣности* Р.ед. 138б, 261, 267, 269, М.ед. 118, *-ью* 193 (*-ию* 206б bis, 267); *радости* Р.ед. 6б, *-ью* 27б; *ревностию* 146б; *цѣлости* Р.ед. 6. Формально возможно всё, кроме а.п. *а* (гр. 2): *горесть* 68, *-и* М.ед. 23б.

У двух слов отмечены единичные отклонения в И.В.ед.: *пакость* 20, 28, 62, 262, 263б (*пако|сть* 64б, 261), но *пакѡсть* В.ед. 87б, *мрость* 14б, 18б, но *мрѡсть* В.ед. 21б. Косвенные формы – только с *о*: *пакости* Р.ед. (13×: 92, 133 bis и др.), Д.ед. 76, Д.ед.(?) 195б, В.мн. 36б, 64б, *-ию* 259б, *мрости* Р.ед. 18, 25б, 84, Д.ед. 25б, *-ью* 18 (*мро|стию* 119б).

§ 45. В Чуд. у слов на *-Ость* представлено два акцентных типа: а.п. *а* (гр. 2), например, *ра́дость, въ ра́дости*, и а.п. *с*, например, *кро́тость, в кротости́, бе́з лѣности* (Дыбо 1968, с. 160). Вероятно, эти же два типа противопоставлялись и в Мериле (хотя формально показать это не удается, поскольку нет ни одного слова с однозначно установленной а.п. *а*, гр. 2)[44].

Как показал В.А. Дыбо (там же, с. 161), производные с суффиксом *-Ост-ъ* первоначально подчинялись формуле "a^a, a^b, c^c", причем a^b было представлено акцентовкой типа **mǫdr-ȏstъ, -ȏsti*. В Мериле, как и в Чуд., мы находим уже другое состояние, при котором модель **mǫdr-ȏstъ, -ȏsti* устранена. Надежными примерами этой инновации являются в Мериле *лютость* и *мудрость*. Заметим, что ни Чуд., ни Мерило не дают однозначных сведений о том, куда перешли слова типа *мудрость* – в а.п. *а* (гр. 2) или в а.п. *с*.

Наиболее надежные примеры производных от а.п. *а*: *милость, радость, старость, тихость*; от а.п. *с*: *гордость, крѣпость, лѣность, въ про|стости, скупость, твердость, мѧгость, цѣлости*; по-видимому, сюда же *кротость* (ср. §63). Далее, к типу c^c следует отнести *пакость* (ср. Чуд. *паки ли́* 121а и, с другой стороны, *пакоста́ть* 134б) и, по-видимому, также *мрость* (ср. Берында *яростиво́ъ, -ий* 313; чеш., словац. *jarý* 'бодрый', чеш. *jaro*, словац. *jar* 'весна' с краткостью; показания Чуд. не совсем ясны). Таким образом, единичные *пакѡсть* и *мрѡсть* в Мериле не имеют отношения к модели **mǫdrȏstъ*; они входят в один ряд с други-

[44] Написание *радостно* 27, 58, формально соответствующее энклиномену, едва ли можно считать свидетельством того, что слово *радость* перешло в Мериле из исконной а.п. *а* (ср. Чуд.) в а.п. *с*. Более вероятно, что перед нами упрощенное написание или что *радостно* акцентно уподобилось исконным энклиноменам типа **сладостно, *лѣностно*; с другой стороны, не исключено, что морфемная последовательность *-Ост-н-О*, подобно *-Ов-О* и *-ав-О*, не принимала второстепенного ударения (ср. Противоп., § 18).

ми случаями, когда конечноударная словоформа выступает как факультативный вариант энклиномена (см. § 92).

АДЪЕКТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 46. К адъективному склонению относится основная масса прилагательных и все причастия[45]. Наречия на *-О (-е)* и на *-ѣ* рассматриваются ниже вместе с соответствующими прилагательными; при этом мы никак не разграничиваем наречия на *-О (-е)* и просто словоформы И.в.ед. сред. рода.

В Мериле праславянской а.п. *c* в адъективном склонении соответствуют две разных акцентных кривых (различающихся только в нечленных формах); они обозначены ниже как c_1 и c_2.

§ 47. Окончания *-О, -Оѥ, -Ому* встречаются очень часто, см. разбор материала. Приводим сводку материала по более редким окончаниям.

Р.ед. *-ОгО:* а.п. *a* (гр. 1) - *телесногѡ, переⷭславьскогѡ, желѣзного (го* - упрощ.), *новгорѡ^{д}скоᵉ, иѥрусалимскоᵉ;* *a* (гр. 2) - *тысⷭячьскѡго* (2×); *b* - *сложеногѡ; c* - *вередѡго, бѣлогородьскѡгѡ.*

Т.ед. *-Ою:* а.п. *a* (гр. 1) - *великою* (5×), *вербьною, закѡньною, мнѡгою, мужатою* (2×), *обычною, первою, подѡбною,*

Таблица 9

Окончания с *О**

	А.п.	*a*		*b*	*c*	
Окончания		группа 1	группа 2		акц. кривая c_1	акц. кривая c_2
Нечленные формы	*-О*	полезно	праведнѡ	добрѡ	просто	данѡ
	-Омъ	довѡлномъ	призываѥмѡмъ	предложеномъ	твердомъ	вочтенѡмъ
	-Ома	судимома	-	-	живома	-
Членные формы	*-Оѥ*	полезноѥ	праведнѡѥ	дѡброѥ**	простѡѥ,	данѡѥ
	-Ому	великому	праведнѡму	лютому	живѡму,	проданѡму
	-ОгО	телесногѡ	тысⷭячьскѡго***	сложеногѡ	вередѡго***	
	-Ою	великою	скрѡвеною	изложеною	златѡю	
	-Оѣ	первоѣ	цр҃квнѡѣ	-	мужьскѡѣ	

* Причастия с *-ен-*, взятые здесь для иллюстрации в одних случаях а.п. *b*, в других - акцентной кривой c_2, фактически колеблются между *b* и c_2 (см. §88). Это обстоятельство следует учитывать также в § 47-48.

** Но *злѡѥ* при неслоговой основе.

*** Написание *-ѡго* (а также *-ѡгѡ*), по-видимому, отражает главное (в а.п. *c*) или второстепенное (в а.п. *a*, гр. 2) ударение на предпоследнем слоге; см. Противоп., § 14 и 18.

[45] Отдельное причастие рассматривается в данном разделе как самостоятельная лексема, с собственной а.п. (ко-

Таблица 10

Основы с *О*

А.п. / Формы	*a*		*b*	*c*
	группа 1	группа 2		
Примеры нечленных форм	(мнѡгъ) готѡвъ сбѡренъ подѡбенъ мнѡго готѡво мнѡга подѡбна мнѡзи сдорѡви	скрѡвенъ - оузакѡненѡ оузакѡнена оузакѡнени	(дѡбръ) обещь добрѡ добра -	(прѡстъ) солонъ* кротокъ свободенъ просто свободно проста свободна прости свободни
Примеры членных форм	мнѡгоѥ подѡбноѥ прѡчии оубѡзии прѡчихъ порѡчныхъ	оумнѡженѡѥ - скрѡвеныхъ	дѡброѥ дѡбрии дѡбрыхъ	прѡстѡѥ дорогѡѥ простии свободнии прос- сѵободныхъ тыхъ

* Словоформа *солонъ* отражает акц. кривую c_1; примером для c_2 может служить *такѡвъ* (§ 62). В прочих формах по написанию основы различить c_1 и c_2 нельзя.

равною, санѡвною, сбѡрною, смр̃тною (3×), *с убѡгою* и ряд других (всего 32 раза); *a* (гр. 2) - *бжˢтвенѡю, бе̃|ственѡю; b* - *изложеною* (2×), *реᶜною; c* - *властельскѡю* (см. § 61), *вощанѡю, гˢьскѡю* (= *госпОдьскѡю*), *златѡю, ст̃ою* (= *сватѡю*), *таковѡю* (3×), *какѡю* (2×). Колебание: *новѡю* и *нѡвою*. Р.дв. *-Ою:* а.п. *a* (гр. 2) - *скрѡвенѡю; b* - *спраженою*.

Р.ед. *-Оѣ:* а.п. *a* (гр. 1) - *бортноѣ* (*бортьноѣ*), *кото|роѣ* (*то* - упрощ.), *невѡлноѣ, первоѣ, ролеиноѣ; a* (гр. 2) *цр̃квѣнѡѣ; c* - *мужьскѡѣ*.

Д.дв. *-Ома:* а.п. *a* (гр. 1) - *судимома* (3×); *c* - *живома*.

В некоторых случаях в первом слоге окончания вместо ожидаемого ѡ находим *о*. Таковы прежде всего: *тѣсячьскогѡ, оукраденогѡ, невидимою* (а.п. a, гр. 2). Прочие примеры этого рода менее надежны, поскольку их акцентуация не вполне ясна: *гѡркогѡ* (см. § 63); *свобо|дною* (§ 56), *мро|стною* (§ 57), *крѣпкою* (§ 63), *судиною* (§ 65), *поданою* (§ 89); *бѣсовьскоѣ* (§ 61). Следует учитывать, что для ряда двусложных окончаний, в том числе *-ОгО, -Ою, -Оѣ*, в говоре Мерила в принципе возможны (в подударном положении) две акцентовки: *-ѡ́го, -ѡ́ю, -ѡ́ѣ* и т.д. в адъективном склонении и *-огѡ́, -оѡ́, -оѣ́* и т.д. в местоименном склонении (см. § 67). У некоторых слов (так наз. "смешанная" группа местоименного склонения, § 71-72) встречаются обе акцентовки. По-видимому, подобное смешение могло в какой-то мере затрагивать и слова адъективного склонения.

торая может не совпадать с а.п. личных форм соответствующего глагола).

Такое предположение позволяет объяснить тот факт, что примеров с *о* вместо ѡ (приведенных выше) заметно больше, чем следовало бы ожидать, если бы речь шла лишь об упрощенных написаниях. Что касается пар типа *тысѧчьскѡго – тысѧчьскогѡ*, то здесь мы скорее всего имеем дело с колебанием в месте второстепенного ударения (см. Противоп., § 18).

§ 48. Особый интерес представляет окончание Д.мн. *-Омъ*, В отличие от существительных (§ 16), у прилагательных это окончание обнаруживает правильные рефлексы прежнего *о* (т.е. ѡ или *о* сообразно с ударением, §2). Таким образом, *-Омъ* у существительных и *-Омъ* у прилагательных имеют в говоре Мерила (в позициях различения /ɔ/ и /ɔ̄/) разный фонемный состав; очевидно, у прилагательных /ɔ̄/ здесь сохранилось в силу парадигматической поддержки со стороны окончаний *-Ѥ, -ОгО, -Ому, -Ою* и т.д.

З а м е ч а н и е. Внешнему различию здесь сопутствует и некоторое различие в грамматическом значении: форма Д.мн. на *-Омъ* у прилагательных (используемая в Мерило только в предикативной функции - при глаголе-связке *быти* и в составе оборота dativus absolutus) обслуживает все три рода, а не только мужской и средний. Той же особенностью обладает и Д.дв. на *-Ома*. Постепенная утрата родовых различий в нечленных формах Д.мн. и Д.дв., выступающих в предикативной функции, прослеживается начиная со старославянских памятников. Не имея возможности разбирать здесь этот вопрос подробно, ограничимся немногими примерами. Супрасльская рукопись: *ꙗ́коже плѣномъ бити вѣсѣмъ стѣгнам*ъ 68, строка 6. Успенский сборник: *вьсѣмъ странамъ пограблѥномъ* 65а, *текущема же женама* 244в (и еще ряд примеров). Лаврентьевский список "Повести временных лет": *волнамъ вельмамъ въставшемъ* с. 14, строка 27. Чуд.: *двѣма̀ вещма̀ непрело́жнома* 144г. Мерило: *дакѡмѡм же недвижимѡмъ вещемъ* 266, *службамъ свершакѡмомъ* 161, *женамъ ихъ оумирающимъ оуномъ* 237б (зона В), *ѡ*^{т} *плѣна рабынамъ сущемъ* 304 (зона В) и другие примеры. Ср. также оборот *двьремъ затвореномъ*, встречающийся в самых разных памятниках, начиная со старославянских.

Приводим сводку материала. А.п. *а* (гр. 1) - *довѡлномъ, по*^{д}*бномъ, самовластномъ, повелѣномъ* (2×); *а* (гр. 2) - *призыѵакѡмѡмъ, причитакѡмѡмъ, недвижимѡмъ, ненави*^{д}*мѡмъ, неоправданѡмъ, окраденѡмъ, пѡсланѡмъ; b* - *предложеномъ, неоуцѣненомъ, схранено|мъ* (возможно, сюда же *обдержимомъ, повлачимомъ, хранимомъ* 2×, см. § 88); акц. кривая c_1 - *твердомъ* (возможно, также *крѣпкомъ*); акц. кривая c_2 - *дакѡмѡм же, ѡ*^{т}*дакѡмѡмъ, вочтенѡмъ*. Упрощ.: *мучимомъ|* 67б, *неподвижимомъ* 98 (относительно *незваномъ же* 95 см. § 89).

Насколько можно судить по имеющемуся ограниченному материалу, в а.п. *b* форма Д.мн. на *-Омъ* акцентно примкнула (вопреки своему происхождению) к членным формам; ср. Чуд. *рожéно|ма* Д.дв. 103г (с ударением членных форм).

С другой стороны, в акц. кривой c_1 *твердомъ* (если это не упрощенное написание), по-видимому, является энклино-

меном. Отметим в этой связи, что в Апостоле 1564 Д.мн. на *-омъ* у прилагательных а.п. *c* представлен так: *кро́тькомъ* 110, 205б (ср. *кротк-а́го* 65б, *-и́мъ* Д.мн. 65), *на́гомъ* 36, *не́мощномъ* 96 (ср., в частности, *немощны́мъ* Д.мн. 122), *пло́тьномъ* 115.

§ 49. Акцентные кривые. В а.п. *a* ударение неподвижно, за исключением подгруппы 1*, существование которой в говоре Мерила устанавливается, впрочем, не вполне надежно (см. § 56 о паре *равно - ровенъ*). В а.п. *b* выявляется хорошо известное противоположение флексионного ударения в нечленных формах наосновному ударению в членных формах (к последним примыкает также Д.мн. на *-Омъ*, см. выше).

Особый интерес представляют акцентные кривые (c_1 и c_2) слов, относившихся в праславянском к а.п. *c*. В соответствии с §6, мы объединяем эти кривые просто под именем "а.п. *c*". В членных формах как c_1, так и c_2 дают флексионное ударение. В нечленных формах c_1 соответствует тому, что теоретически ожидается для а.п. *c*: энклиномены в муж.ед. и сред.ед., например, *солонъ, просто* (для прочих форм показания Мерила неоднозначны). Кривая c_2 дает конечное ударение в сред.ед., например, *данѡ*; можно предполагать, что такое же ударение здесь имели и прочие нечленные формы (ср. в Чуд. *дандѝ, данà, данóу, данѝ* и т.п.).

Кривые c_1 и c_2 в принципе распределены морфологически: c_2 выступает у причастий с суффиксами *-н-, -ен-, -ем-*, c_1 - в прочих случаях. Имеется, однако, несколько случаев, когда c_2 проникает (хотя бы в качестве варианта) за пределы указанной сферы, а именно: *цѣлѡ кмоу да сблюдетьс* 97 (при *цѣло* 3×); *несвободнѡ кс* 31 (при *свободно* 2×); *такѡвъ* 223 (при *таково* 8×); по-видимому, также *властельскѡ мвиса* 57 (§ 61); менее надежно *нелѣпотнѡ* 222б (§ 57). Недостаток материала не позволяет выяснить, нет ли здесь каких-то контекстных условий, способствующих таким колебаниям.

Не исключено, что в Мериле в рамках а.п. *c* была возможна еще одна акцентная кривая (c_3): то же, что c_1 в нечленных формах, но наосновное ударение в членных. Дело в том, что такая кривая есть в Чуд., где она возникла, по-видимому, в силу относительно позднего перехода некоторых прилагательных а.п. *c* от флексионного ударения членных форм к наосновному. Так, кривая c_3 представлена в Чуд. у слова "ветхий", в качестве варианта к c_1 — также у слов "новый", "вечный", "мирный", "немощный", "свободный" (см. § 53 и 60). Исторически "незаконное" наосновное ударение в членных формах встречается у некоторых слов ("ветхий", "новый", "нощный", "родной", "сановный" и др.) и в Мериле, но ни для одного из них не удается выяснить акцентуацию нечленных форм. Таким образом, мы не можем быть уверены в том, что указанные слова образовали в Мериле именно акц. кривую c_3, а не просто перешли, например, в а.п. *a* или *b*.

Разбор материала[46]

Непроизводные и опростившиеся слова

§ 50. А.п. *a* (гр. 1): *мало, не-* (14×: 9б, 31, 44, 199 и др.), *малоѥ* 45, 138, 243; *мнѡго, не-* (22×: 7, 12, 29, 90б и др.)[47], *мнѡг-оѥ* 49, *-ому* 10, *-ою* 20б, *мнѡгъ* И.ед., Р.мн. (4×), прочие словоформы с основой *мнѡг-, мнѡз-, немнѡг-* (например, *мнѡга, -ама; -ихъ, мнѡзи*) - еще 83×; *право, не-* (17×: 6, 10б, 11, 19, 19б и др.), *правоѥ* 44, 45, *не-* 23; *го|тѡвъ* 34, *готѡво* 331б, *-имъ* 185б; *сдорѡви* 6, ср. *сдраво|му* 50б; *худѡ-зи* "искусны" 167б, *-ги* 17б. Упрощ.: *готово* 150б, *здоровому* 6.

Особый случай составляет аномальное написание *мнѡгѡ* 226б. Это едва ли описка, поскольку данная словоформа неоднократно встречается с двумя знаками для /о̂/ (например, в виде *мно̂го̂*) в рукописях XVI в., различающих /ɔ/ и /о̂/. Возможно, ударение этой словоформы было не вполне устойчиво; ср. [mnaγó], отмеченное в современных говорах[48].

На а.п. *a* (гр. 1) указывают словоформы *хитро* 33б, 67б, *-оѥ* 32 (хотя в памятниках XVI-XVII вв. это слово обычно относится к а.п. *b*). Возможно, Мерило отражает здесь архаичное состояние, ср. праславянскую а.п. *a* у глагола "хитить".

Далее, имеется группа слов, у которых нечленные формы неупотребительны (и тем самым здесь неразличимы а.п. *a* и *b*): *перв-оѥ* (24×: 25б, 27б, 41б, 60 и др.), *-ому* (8×: 10б, 149б, 197б и др.), *-ою* 207б; *вторѡѥ* (13×: 27б, 58, 82, 89 и др.), *вторѡ-ии, -агѡ, -ѣмь, -ама, -има, -ѣи* (16×: 17б, 89б, 131, 150б, 173 и др.); *десѧтоѥ* 331б; *котѡр-оѥ* 4, 8, *-ому* 202, *котѡр-ии, -агѡ, -ам, -има, -иѣ* (24×: 1б, 31б, 139, 244б, 252 и др.), также *никотѡр-ии же* 136, *-имь же* 98б, *ни по котѡрѣи же* 78б; *прѡч-еѥ, -егѡ, -емь, -ама, -ею, -ии, -имъ, -ихъ* (53×: 24б, 78, 103, 146б, 177, 268 и др.). Упрощ.: *второѥ* 173, *которы|ѧ* 132б. Написание *проче* "кроме" 227 - либо упрощенное, либо указывает на первоначальную а.п. *b* слова "прочий".

Написание *втѡрѡѥ* 173, вероятно, отражает начатки того акцентного колебания, которое в конечном счете привело к нынешнему ударению *второ́й*. Интересно написание *в котурѡмь* 136, с *урѡ* вместо *ѡрѡ* (см. Противоп., § 29).

Формально а.п. *a* (гр. 1) или *b*, по косвенным данным а.п. *a*: *слабо|ѥ* 58; *стар-оѥ* 198, *-ому* 4б.

Формально а.п. *a* (гр. 1) или *c*, по косвенным данным а.п. *a*: *долго* 20б, 29, 100; *исто* "начальная сумма, ка-

[46] Здесь разбираются только собственно прилагательные; материал по причастиям помещен в глагольный раздел (§ 74-91).

[47] Кроме того, 9 раз в качестве первой части сложного слова, например, *мнѡгонѡжица* 34.

[48] См.: *Брок О.* Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916, с. 31 и 126.

питал" 338 (субстантивир. прилаг.); *полно* 56; *чсто* (= *чисто*), *не-* (13×: 46, 6, 47б, 136б и др.). По-видимому, сюда же *ѥтеро* 37б, 129, 130.

А.п. *a* (гр. 2): *скаредѡ* 114б (ср. в Чуд. *скáред-ыи* Р.ед. 87б, *-ый* М.ед. 87а). По-видимому, сюда же *нѣкотѡрыми* 212б [Б] (однако *по нѣкоторѡи* 240б написано с *то*); ср. также § 70, конец.

§ 51. А.п. *b*: *добрѡ*, *не-* (прилаг. и существ.; 19×: 2, 15б, 16, 44 и др.)[49], *дѡброѥ* 25, 38, прочие словоформы - *дѡбръ*, *не-* (3×), *добра* И.ед., Р.ед., И.мн., *добру* Д.ед., В.ед. (11×: 6, 16, 23б, 28, 30б и др.) *добрѣ*, *не-* нареч. (22×: 5б, 7б, 16, 17б и др.), *дѡбр-ыи*, *-ымь*, *-ии*, *-ама*, *-ыма*, *-ыѣ*, *-имъ*, *-ыми*, *-ихъ* (13×: 10, 11, 20, 31б, 35б, 45 и др.); *злѡ* (прилаг. и существ.; 27×: 7, 11б, 16б, 28 и др.)[49], *злѡѥ* 141б, 141 [Б]; *ѡстрѡ* 31, *ѡстр-ыи* 50, *-ама* В.мн. 17б, *ѡстръ* 29; *теплѡ* 348б. Упрощ.: *добро* 66б, *недобрымь* 151. В Чуд. "добрый", "злой", "острый" относятся к а.п. *b*; отметим также *ни тéплъ же* 150в bis.

У нескольких слов ударение, по-видимому, было не вполне устойчиво (ср. положение у существительных, § 28). Написания с *ѡ*: *лютѡ* 29, *мудрѡ* 25, сюда же наречие *зѣлѡ* (10×: 13, 25б, 39б и др.). Написания с *о*: *люто* 28б, 30б, 67б (также *люто*| 30б), *мóдро* 33б, *зѣло* 12б, 51б, 67, 226. В Чуд. в этих случаях представлено флексионное ударение (но один раз *зѣ́ло* 95а). В членных формах в Мериле находим закономерное ударение на корне: *лютому* 26б, *премудро*|*ѥ* 8.

У слова "общий" (в Чуд. а.п. *b*) в Мериле показательна только словоформа И.ед. *обещь* 274б; прочие словоформы - *ѡбще*, *-а*, *-ю*, *-и*, *-ии*, *-ама*, *-агѡ* и т.д. (21×) - содержат несвободное *ѡ*. По-видимому, в *обещь* ударение было на беглой гласной, и все слово относилось в Мериле либо к а.п. *b*, либо к а.п. *a* (подгруппа 1*).

§ 52. А.п. *c*[50]: *бл҃го* (прилаг. и существ.) 20б, 51, 95, 119, 166б, 177б, *бл҃гѡѥ* 2б; *дорогѡѥ* 331б, *драгѡѥ* 9; *живо* 53_2б, *живѡму* 258, *живома* 180; *золота* И.ед.жен. 29, *златѡю* 198; *лихѡѥ* 64; *молода* И.ед. 40, *-ыѣ* И.мн. 33б; *просто* (10×: 36, 107, 244 и др.), *не-* 57, 62, 131б, 254, *простѡѥ* 72б bis, 88, 175, 348, прочие словоформы - *прѡстъ* (4×), *проста* В.ед. 60б, *с проста* нареч. 42б, 45, 64б, *прости* 26б, *прост-ии*, *-аго*, *-ии*, *-ыма*, *-имъ*, *-ихъ* (18×: 27, 108, 127 и др.); *свѣтлѡѥ* 53; *с҃то* 9б (= *свято*), *с҃тѡѥ* 42б, 149б, 203, *с҃тою* 13; *скоро* (15×: 19, 24, 42 и др.), *не-* 244, *скѡръ* (1×), *скора* И.ед. 26б, *въ скорѣ* (13×: 20б, 71, 80б и др.); *солонъ* 5б; *сухѡѥ* 58; *твердо* (9×: 19б, 85б, 240б и др.), *не-* (8×: 73, 113, 240б и др.), *твердѡѥ* 62, *твердомъ* Д.мн. 257; *цѣло* 8, 199, *всецѣло* 200б, *не все же*

[49] Также *добрѡразумивыи* 50, *добрѡзерноберець* 50, *на злѡтвореніѥ* 81б bis; однако гораздо чаще при словосложении выступает *добро-*, *зло-*, ср. §8, замеч.

[50] Здесь и далее в § 52-72 а.п. *c* (без уточнений) означает акц. кривую c_1 (или случай, когда различие между c_1 и c_2 не видно).

цѣло 240б (относительно *цѣлѡ* 97 см. § 49), *цѣлѡѥ* 89б[51]. В Чуд. из этих слов определенно с а.п. *с* засвидетельствованы "благой", "драгой", "златой", "лихой", "светлый", "сухой", "твердый", "целый".

К а.п. *с* относилось также неизменяемое *свободь* 129б bis [Б]. Ср. в Чуд. *ни́ свободь* 123б, *сво́|бодь* 127б.

Формально а.п. *с* или *а*, по косвенным данным а.п. *с*: *борзо* 159б, *ни на десно* 11, *криво* 230, *ни на лѣво* 11, *лѣпо* (9×: 24б, 111б и др.), *нелѣпо* 30, 63б, *любо* (88×: 30б, 75б, 94 и др., в т.ч. очень часто в составе сочетаний типа *что любо, кто любо*), *прѧмо* 19б, 27б, *пусто* 4, 133, *туго* 345, 345б, *худо* 63б, *часто* 4б, 132, 257, *мѧво* 49, 50, 54, 61, 73. В Чуд. определенно с а.п. *с* засвидетельствованы "десной", "левый", "лепый", "пустой", "худой". Отметим, что слово *любо* обнаруживает в Мериле ту же акцентуацию, что современное *люб́о́й*, и не соответствует акцентовке (в Чуд. и других памятниках) слов "любить", "любовь".

§ 53. У нескольких прилагательных в членных формах обнаруживается (иногда или всегда) наосновное ударение вместо ожидаемого флексионного.

Слово "новый". Нечленные формы малопоказательны: *из нова* нареч. 103 (ср. *новороженихъ* 248), *нѡвъ* 97б [Б]. Членные формы: с наосновным ударением – *нѡв-ѡи* 270б, *-омоу* 206б, *-ѡѧ* Р.ед. 142б, *-ую* 201б, *-ою* 205, *-ѡхъ* 131, 131б, 134, *-ѡми* 205; с флексионным ударением – *новѡѥ* 200, *новѡю* 198б (бесспорные случаи), далее *нов-ѧѧ* И.ед., *-агѡ*, *-ѣи*, *-ѧѣ* (*-ѡѧ*) Р.ед. и И.мн., *-ѡхъ* (26×: 69б, 75б, 131, 131б, 150б и др.; какую-то часть из этих 26 случаев, разумеется, небольшую, могут составлять упрощенные написания)[52]. Наиболее наглядной иллюстрацией колебания могут служить *нѡвою* и *новѡю*. Аналогичное колебание обнаруживается и в Чуд.: при обычных *но́вый* 39б, *но́воѐ* 17а, *но̀воѐ* 29а, *но̀во́е* 17в, *но́ваѧ* В.мн. 8г встретилось и *ново́моу* 117б. При этом нечленные формы идут пс а.п. *с* (*но́во*, *но́вы* В.мн., *нова̀* И.ед.жен., И.мн. сред., *но́воу* В.ед., при одном отклонении: *новꙋ̑* В.ед. 49а), т.е. в Чуд. представлено колебание между акц. кривыми c_3 (см. § 49) и c_1. В рукописях, изученных Л.Л. Васильевым, уже только c_3: *но̂выи*, *но̂вое* при *но́въ*, *но́вꙋ* (Васильев, с. 45). Таким образом, наиболее вероятен исторический переход от флексионного ударения членных форм к наосновному (а не наоборот). Мерило отражает одну из начальных стадий этого перехода, Чуд. – более продвинутую, рукописи Васильева (равно как современный язык) – конечную.

Заметим, что для слова "скорый" ни в Мериле, ни в Чуд. не встретилось членных форм. Между тем в рукописях Васильева представлено c_3: *ско́ро* (с /ɔ/), но *ско̂рое* (Васильев, с. 45). Не исключено, таким образом, что это слово уже и в XIV в. акцентуировалось как "новый".

---

[51] О словоформах *иноѥ* и т.д., *самоѥ*, *какою* см. § 71-72.

[52] Имеется также одно заведомо упрощенное написание: *новому* 95б.

Слово "ветхий": *ветх-оѥ* 198, *-ому* 202, 204б, 205б свидетельствует о наосновном ударении членных форм. Это согласуется с Чуд.: *ве́тх-ый* 110а, *-ое́* 29а, *-аго* 117в, 131б, *ве́тсѣй* 29а (двусмысленно *ветсѣмь* 127в). Однако нечленные формы идут в Чуд. в основном по а.п. *с* (ср. в особенности *не́ в ветсѣ писме́ни* 102в), т.е. это слово имеет акц. кривую c_3. На а.п. *с* указывает также ударение *ветхи́и*, *ветха́го* и т.д., широко представленное в рукописях и изданиях XVI в. Таким образом, для слова "ветхий" можно предполагать такой же сдвиг ударения в членных формах, как в "новый".

Для слова "другой"[53] акцентуационно значимый материал Мерила таков: *другоѥ* 81б, 110б, 169, 205, 245, 271, *другому* 16б, 107, *другѡму* 17б, 184б, 226б, 249, 251, 271б bis (менее показательно *другѡи* Р.ед. 224). Невозможно предполагать, что все написания с *-оѥ*, *-ому* - упрощенные. По-видимому, ударение этого слова в Мериле колебалось (в Чуд. флексионное ударение, но один раз *дро́угомꙋ* 51в). Отклонение от исконного ударения (представленного, например, в современном русском *другой*), направлено в Мериле в сторону акцентовки, характерной для юга восточнославянской области; ср. у Берынды *дрꙋгїй* 27, *на дрꙋг-омъ* 88, *-омъ* 58 (однако *дрꙋго́мꙋ* 58), соврем. укр. *дру́гий*. Следует отметить акцентное различие между И.ед. *другоѥ* и Д.ед. преимущественно *другѡму* (может быть, это можно сравнить с Чуд. *са́моѥ* 3× при отсутствии **само́ѥ*).

Бессуффиксальные производные

§ 54. А.п. *а* (гр. 1): *охѡчь* И.ед. "охоч" 31; *оубѡгъ* 25, 31, 191, 249, *-ому* 34б, 252, *с убѡгою* 172б, прочие словоформы - *оубѡга* Р.В.ед., И.ед., *-у* Д.ед., В.ед., *-агѡ*, *-имъ*, *-ихъ*, *оубѡзи*, *оубѡзии* (28×: 10б, 12, 52, 82б, 87 и др.); *четвероногими* 106б, *д. нѡгихъ* 124б. Сюда же неизменяемые прилагательные и наречия: *осѡбь* 90, 159, 178 bis, 259б, *оусѡбь* "между собой" 190б bis, *оудѡбь* 83, 253б, *неоудѡбь* 144б, 166б, 167б (*неоудѡбь носима* 57). По косвенным данным такую же акцентуацию имели *извѣсто* 71б, 82, 125, 179, *соугоубо* 121 (*сугубо*| 23), *лютосердому* 4б. Упрощ.: *особь* 178б.

Особую группу составляют притяжательные прилагательные типа *кнажь*. А.п. *а* (гр. 1): *авирѡнь* 46б; отметим также *ꙗрославль* 69б, 332 кин., *митрополича* Р.ед. 87. А.п. *а* (гр. 2): *инѡчимлѧ* Р.ед. 342, *солѡмона* Р.ед.жен. 8б; отметим также *володіме*^{Р} "Владимиров" 69б (*во*^{л}*димѣ*^{Р} 338 кин.), *дъмволе* 58, - И.ед. 19, Р.ед. 58, *имковлѧ* Р.ед. 12.

---

[53] Судя по регулярному написанию *другагѡ* (8×: 41, 106 и др.), писцы Мерила не объединяли это слово с местоименными прилагательными (у которых они всегда пишут *-Огѡ*, *-егѡ*).

Сравнительные степени

§ 55. Ударение на корне: *мнѡжакѣ* 87б, 113, *мнѡжаиш-е* 239, 263, *-и* 263, *-амъ* 133б, *премнѡжаишю* 44; *оубѡжаиш-ии* 132б, *-и* 272, *-ему* 120; *подѡбнѣиши* И.ед. 9б, *оудѡбнѣкѣ* 244б, *неоудѡбнѣкѣ* 244. Упрощ.: *оудобнѣкѣ* 244; вероятно, также *множаиша* 115б.

Ударение на суффиксе: *горѣкѣ* 22, 346б, *добрѣишии* 161б, *немощнѣишам* 34б, *простѣкѣ* 244, *простѣишихъ* 344 (написания *ѡстрѣкѣ* 53_2б и *острѣишю* В.ед. 166 непоказательны).

Словоформы *боле* (23×: 2б, 23, 29, 36б и др.) *наи|боле* 34б, судя по Чуд. *болѣ* (регулярно), были конечноударны; однако один раз *бѡле* 149б. Отметим также *да не горе что будетъ* "чтобы не было чего-либо худшего" 112, ср. *горе* "несчастье" (16×). Словоформы с *-ш-* (*бѡлше, -ю, -ии, -еѥ, -агѡ* и т.д., *гѡрше, -а, -и, гѡрьшам*) акцентно непоказательны; отметим *пребѡлшемъ* Т.ед. 154.

Корневое ударение представлено в *бѡлии* И.ед. 75б, 188, *пребѡлии* И.ед. 3б (в отличие от Чуд. *болѝй* В.ед. 51б). В этих случаях, как и в единичном *бѡле*, обнаруживается ударение, которое позднее становится господствующим.

Суффикс *-н-*

§ 56. Рассмотрим вначале случай, когда исходное слово непроизводно.

А.п. *а* (гр. 1): *вѣрно* 136_2б, *-оѥ* 166, *невѣрно* 186; *вѡлно* 27, *-оѥ* 111, 111б, *невѡлн-о|ѥ* 111, *-ою* 70б, *-оѣ* 27б; *мрамѡренъ*[54] 269; *нужно* 44б (*о|*), 82б, 103, *-о||ю* 253б; *равно* (22×: 45, 98, 115б и др.), *-оѥ* 167, 170б, *-ою* 178б, *неравно* 44б, также *ровенъ ѥсть всѣмъ члѣкмъ* 27б; *смр҃тно* 30б, *-оѥ* 63, *-ою* 253 ter; *несмыслно* 198б, *-оѥ* 54; *хулно* 230б, *-оѥ* 25. Ввиду опрощения слова "польза" сюда же присоединим *полезно* 22б, 167, 197, *-оѥ* 62, 147.

Ударение в словоформах с беглой гласной известно только в двух случаях: в *мрамѡренъ* оно на *-мѡ-*; в *ровенъ*, напротив, автономное ударение может быть только на беглой гласной. Таким образом, если варианты с основами *равн-* и *рОвн-* акцентуировались одинаково (что́ не бесспорно), то данное слово относится к подгруппе 1* (§ 11, примеч.).

Формально а.п. *а* (гр. 1) или *ь*, по косвенным данным а.п. *а*: *желѣзн-о|ѥ* 340б, *-ого* 340; *книжному* 6б; *славному* 42б; *соубѡтныи* 118б.

То же, но фактическая акцентуация менее ясна: *бѣдному* 37; *бортноѣ* 342б (*бортьноѣ* 342б); *вербьною* 33; *кѡньноѥ* 25б; *крⷭтьноѥ* 230б; *мутноѥ* 51б; *нѡщьному* 133б, *нощноѥ* 340б (*нощ* - упрощ.); *обелноѥ* 342б; *рѡдноѥ* 243б; *ролеиноѣ* 342б; *столпьноѥ* 6б; *судноѥ* "судебное" 37, 37б; сюда же *нбⷭноѥ* 7б, 66б (= *небеснокѣ*) и *телесн-оѥ* 56, *-огѡ* 345б. Ненадежно написание *таино|ѥ* 110.

[54] Ср. у Берынды (123) *мрамо́ръ: ма́рморъ. мрамо́рный: ма́рморовый*. Но в Чуд. *мра́|морна* Р.ед. 156в.

Формально а.п. *a* (гр. 1) или *c*, по косвенным данным а.п. *a*: *ключно* 180б; *прмдрьно* 200 (= *премудрьно*); *печално* 51б; *противно* 46, 89б, 118, 227б; *пресилно* 56; *скербьно* 37б; *трудно* 147. Отметим также *обещну* Д.ед. 274б, -ѣ нареч. 39.

То же, но фактическая акцентуация менее ясна: *купно* (10×: 29б, 35, 107, 167 и др.); *лестно* 118б, 258, *не-* 183; *скудно* 167б, 182, *не-* 184; *стропотно* 4б, 9; *тѣсно* 39б. Ненадежны написания *праздно*| 85, *нещадно*| 111б.

Формально а.п. *a* (гр. 2) или *c*, по косвенным данным а.п. *ѫ*: *ѡгнен-ѡѥ* 68, *-ѡму* 60б; *мѣсачнѡѥ* 179; *цр҃ко*|*вн-ѡѥ* 78, *-ѡму* 94, 198б, *цр҃квьн-ѡѥ* 86б, 213 [Б], *-ѡмоу* 128, *цр҃квн-ѡѥ* (12×: 77, 84, 86 bis, 331б и др.), *-ѡму* (6×: 127б bis, 128б и др.), *-ѡѣ* Р.ед. 134. У слова "церковный" встретился, правда, и более новый акцентный вариант с ударением на *-кОв-* (и с заменой фонемы /ɔ/ на /ô/ по аналогии со словами, содержащими суффикс *-Ов-*): *цр҃кѡвнам власть* 97. Соответственно, написания *цр҃кѵно*|*моу* 114б. *цр҃квн-оѥ* 153, *-ому* 199б - либо упрощенные, либо отражают этот побочный акцентный вариант. По косвенным данным к а.п. *a* (гр. 2) нужно отнести также *клиросныи* 103.

А.п. *b*: *краснѡ* 200; *разнѡ* 46, 151.

А.п. *c*: *блудно*| 114, *блуднѡѥ* 228б; *бѡлнѡму* 50б; *брачнѡѥ* 199б, 239б, 248б, 250, *-ѡму* 199, 203б, 204; *вередньго* 35б; *вѣчнѡѥ* 144; *городныѣ* Р.ед. 68; *должьно* 192б, 201, *должьнѡму* 183, 199б; *земнѡѥ* 62; *мирно* 27, 116б, *мирнѡѥ* 166; *мѡщно* 143б, 211 [Б], *да не мѡщно будеть звѣремъ входити* 213 [Б], *мощно* (10×: 90, 92б и др.), *немощно* 49б, 59, *немочно* 67, *немощн-а* В.ед. 10б, *-ии* 5б, *-ымъ* (5×: 52б, 76 и др.)[55]; *присно* (10×: 2б, 9, 19 и др.), *присноѥ* 177; *ручнѡѥ* 211б [Б]; *свободно* 68 (*бо*|), 183б (особо *несвободнѡ ѥ*^{c} 31, см. § 49), *свободвнъ* (7×: 25б, 139, 155 и др.), *свободн-а* И.ед. 225б (*свободь*|*на* 230), В.ед. 337, В.дв. 335, *-у* Д.ед. 73б (*бо*|) В.ед. 122, 172б (*бо*|), *-и* (6×: 139, 144б и др., также *несвободни* 33б), *-ы* 91б (*и тѣ несвободны* 24б), *свободн-ѡму* 182б, также *-агѡ*, *-ым*, *-ую*, *-ѣмь*, *-ии*, *-ыхъ*, *-ымъ*, *-ыми* (18×: 25, 80б, 193б и др.); *страшно* 21, 51б, 55, 114б, *страшнѡму* 214 [Б]; *ч*^{c}*тно* "честно" 28б, 143, *ч*^{c}*тнѡѥ* 66б, 196б, 197б, *ч*^{c}*тнѡму* 132б, 133 bis, 148б, 263. Упрощ.: *свобо*|*дною* 228 (неясно, впрочем, вместо **свободнѡю* или **свобѡдною*).

Формально а.п. *c* или *a* (гр. 1), по косвенным данным а.п. *c*: *гнусно* 44; *дивно* 59; *ладно* 110. Вероятно, сюда же *темно* 10б, *невредно* 203 (ср. *вередньго* выше).

§ 57. Далее приводятся производные от слов, содержащих суффикс (а также производные, имеющие вставной морф *-Ов-* перед суффиксом *-н-*)[56].

---

[55] Заведомыми энклиноменами здесь являются *немощно, немочно;* отсюда можно заключить, что таково же и *мѡщно* (*мощно*).

[56] Здесь и в § 58 слова внутри группы приводятся в инверсионном алфавитном порядке частей, стоящих перед суффиксом *-н-* (*-ьн-, -ен-*).

А.п. *a* (гр. 1)[57]: *молебному* 132, *татебно* 335, *-ому* 273, *лѣчебноѥ* 334; *рабѡтн-оѥ* 184б, *-ѧмъ* 25, *рабѡтенъ* И.ед. 23, 191б; *живѡтнаѧ* И.ед. 36б; *санѡвною* 27б; *грѣхѡвн-ыи* 7, *-аѧ* И.ед. 157, *-ѣи* 137, *-ыѧ* В.мн. 71, *-ыхъ* 80; *дх҃вноѥ* 5б, (по-видимому, = *духѡвноѥ*); *дш҃евноѥ* 49б (= *душевноѥ*). Вероятно, сюда же *говѣино* 164б, *-ыхъ* 161б, *приятно* 172. Написание ѡ^{т} *живо|тенъ* 346 – скорее упрощенное, чем отражающее ударение на *-тенъ* (т.е. подгруппу 1*).

А.п. *a*, гр. 2 (по прямым показаниям Мерила или по косвенным данным): *ѥственѡ*[58] "естественное" 239, *-ѡѥ* 44б, 206б, *-ѡму* 206; *бж^{с}твен-ѡму* 113б, 144б, *-ѡю* 196б (*бе҃ственѡму* 197б, *бе҃|ствен-ѡму* 143, *-ѡю* 197), *пребж^{с}твенѡму* 157б (основа *божествен-*); *рж^{с}твенѡѥ* 224б (по-видимому, = *рожественѡѥ*); *праведѡ* (13×: 17б, 30б, 85, 143 и др.), *-ѡѥ* (10×: 47, 81, 143б и др.), *-ѡму* 272, *неправедѡ* 42, 154б, 250, 259б, *-ѡѥ* 167; *обычаинѡѥ* 226б; *искреньнѡму* 37б; *пастьвиньнѡ* 268б, *оскѡминьна* Р.ед. 50; *истиньнѡ* 255, *-ѡѥ* 43, 49б, 186б, 199б, 204 bis (также *ѥстиньнѡѥ* 198б вместо *ѥсть истиньнѡѥ*); *ц^{с}тотни* 6; *лѣствичнѡѥ* 49б; *недостаточнѡѥ* 184б; *ізбыточнѡѥ* 179. Сюда же *адовныѧ* В.мн. 38. Упрощ.: *праведноѥ* 246б, *неправедно* 266б, *истиньно* 131б. Написание *ізбыточно|ѥ* 180б – либо упрощенное, либо отражает вариант с ударением на *-точ-*.

В слове *вѡиньствении* 178 ударение на *вѡ-*, в *немл^{с}тивно* 168 (= *немилостивно*), по-видимому, на *-ми-*.

А.п. *c*: *дневнѡму* 133б, *домовн-ымь* 200б, *-ыхъ* 149б, 265б.

А.п. *c* или а.п. *a*, гр. 2 (вероятнее первое): *даровнаго|* 258б; *сладо|стьнѡму* 25б; *лѣностн-ымь* 12б кин., *-ѣ* нареч. 46, *пакостн-аѧ* В.мн. 24б, *-ыхъ* 59 (ср. § 45).

Более сложные случаи. Неясна акцентуация (а.п. *c* или а.п. *a*, гр. 2) прилагательного *вѣновн-ѡѥ* 248б, *-агѡ* 248б, *-а* И.мн. 248б (поскольку неизвестна а.п. исходного слова *вѣно*). Столь же двусмысленны *жало|стна* И.мн. 347б и *радост-но* 27, 58 (см. сноску 44), *-на* В.мн. 30б, *-енъ* 30. Написание *ѧро|стною* 111б – явно упрощенное, но неясно, каково здесь полное написание.

Написание *нелѣпотнѡ* 222б отражает либо автономное ударение на *-лѣ-* (что означало бы переход данного слова к той акцентуации, которую оно имеет в более поздних памятниках), либо акц. кривую c_2; а.п. *b*, по-видимому, исключена. Написание *суѥтно* 199 – либо упрощенное, либо соответствует а.п. *c* (а.п. *a*, гр. 1 здесь едва ли возможна); Чуд. *соуѥтнѫ* И.ед. 81в, возможно, отражает а.п. *c*, но ряд других фактов говорит в пользу автономного ударения на *су-* (см. Дыбо 1968, с. 162-163).

---

[57] Формальной допустимостью а.п. *b* (для части слов) мы здесь и в § 58 пренебрегаем, так как надежных примеров а.п. *b* в этой категории слов ни в Мериле, ни в других памятниках нет.

[58] После *-ств-* суффикс *-н-* регулярно представлен алломорфом *-ен-*. Относительно *ѥств-* вместо *ѥствств-* или *ѥствеств-* ср. сноску 38.

§ 58. Наконец, весьма многочисленную группу составляют производные от основ, состоящих из приставки и корня, а также от сложных слов (см. также сноски 56 и 57).

А.п. *а* (гр. 1): *потребно* 83б, 161б, 245 (*не-* 249 bis, 269б), *-оѥ* 69, 70, 248б; *подѡбно* 7, 250б, 253б, 272, *-ою* 272б, *-а* 65б, *-и* 48, 64б, 67, *подѡбенъ* 15 (также *по^{д}бно* 27×: 78б, 133 и др., *по^{д}бн-ому* 158, *-ою* 159, *-омъ* 200б, *по^{д}бь|ноѥ* 117б), *неподѡбно* 271, *-а* 61 (также *непо^{д}бно* 5×: 114б, 223 и др., *-ому* 197б); *преподѡбнии* 211 [Б] (также *препо^{д}бному* 164б); *оудѡбна* И.ед. 210 [Б], *-ыѧ* Р.ед. 92, *неоудѡбно* 228 (*неоу^{д}бно* 202б), *неоудѡбна* 19б, *-и* 146б; *осѡбно* 86 bis, 88, 137, 165б, 274б, *-оѥ* 145б, 261б, *-о|-му* 261б, также *-а*, *-агѡ*, *-ии* и т.д. (12×: 101, 135, 159 и др.); *пагубно* 110б (ср. Чуд. *пагоу́бный* 93б); *сугубноѥ* 194 bis; *достѡинослѡвенъ* 226б; *оугѡдно* 10б, 106б (*не-* 182), *-оѥ* 198б, *-ымъ* 166, *оугѡденъ* 261 (*не-* 88б), *неоугѡднаго* 345; *бл҃горѡд-ныхъ* 307, *-еньı* 131б, 155, *ѥдинорѡдн-аѧ* 2б, *-ыѧ* 115, *дв҃торѡдн-ии* 105б bis, *-ыѧ* 106б; *прихѡдн-оѥ* 239б, 270б, *-а* 165, *-ымъ* 263, *прихѡденъ* 269б; *прохѡдныхъ* 134б; *бестудно|* 31, *-оѥ* 50б; *ненавѣжноѥ* 149б; *непрелѡ-жно* 204б, *-жьноѥ* 165б, *-жьну* 82, *-жны* 195б, *-жнымъ* 207б, *-жными* 82, *бл҃гоприлѡжно* 199б; *невъзмѡжно* 29б, 92; *набѡиную* 339б; *бо҃бѡиньı* "богобоязненный" 64, *-а* 64, *не-бо҃бѡиньı* 63; *пристрѡинымь* 170; *достѡино*, *не-* (24×: 7б, 9, 27б, 60б и др., также *достѡинослѡвенъ* 226б), *достѡиноѥ* 184б (*но|*), 186б, *достѡиньı* (7×: 11б, 57б, 61б и др.), прочие словоформы с основой *достѡин-*, *недостѡин-* — 30×; *довѡлно* 19б, 32б, 84, 199, 203б, *-оѥ* 253, *-омъ* 92, *-а* 150, *-у* 251, *-ѣ* 201б, *-и* 263, *недовѡл-еньı* 228, *-ни* 241, *-на* И.дв. 71; *самовѡлно* 180б; *престѡлну* 45б; *бе||ѡщисльно* 147; *ѡ^{т}ѥмноѥ* 273, *наимноѥ* 186, *лихоимноѥ* 167; *пространьноѥ* 206б; *повиньно* 252б (*не-* 185), *-оѥ* 244, 244б, 245; *закѡньно* 111б, 140б, 255б, 258, *-оѥ* 203, *-омоу* 196, *-ою* 163 (также *зак^{ъ}ньному* 30), прочие словоформы, например, *закѡньн-ыи*, *-ую*, *-ыхъ*, *-ѣ* (наречие), - еще 28×, *безакѡньно* 20б, 28б, 84, 245б (*не-* 223), *-оѥ* 107б, *-и* 63б, *-агѡ* 40, *-ыѧ* 63б, 136$_{2}$б, *-ыі* 16; *ижекѡньныхъ* "исконных" 37б; *лицемѣрною* 20; *преклѡньно* 167, *не-* 45, *-и* 45, *неоуклѡньно* 66б; *бл҃голѣпно* 246б, *-оѥ* 246б, сюда же *бо҃лѣпно* 223 "боголепно"; *правовѣрною* 107б; *сбѡрно||* 199б, *-ою* 207, *-ому* 115б, 116 (*-о|му* 117б, *сбѡрь|ному* 91б), *сбѡренъ* 200б; *притвѡрн-ыѧ* 148, *-ымъ* 148б; *зазѡрн-аѧ* 202б, *незазѡрныхъ* 136; *бесловесною* 254; *покѡсенъ* "удобный, подходящий" 39; *бо҃нѡсными* 69, 70; *.м҃.ноѥ* 87 (= *четыредесѧтноѥ*); *прозрачноѥ* 4; *порѡчно* 78, *не-* 142б, 143, 205б, *-ыѧ* 78, 102б, *-ыхъ* 71, *-а* И.дв. 71, *беспорѡченъ* 27б; *оурѡчноѥ* 265; *нешт҃рѡчна* 57б, *нешт҃рѡчнагѡ* 91б; *въстѡчныхъ* 158б; *обычною* 198. Сюда же примыкают слова: *самовластно* 24б, 78 (*не-* 144), *-ою* 248, *-омъ* 78, *ненавистно* 45б. К этой же группе следует отнести *равномѡщно|му* 199. Упрощ.: *во особнѣ* 244б, *бл҃городенъ* 304б, *непреложны|* 203, *покоренъ* 24б; вероятно, также *равномощны* 203б.

Формально а.п. *а* (гр. 1) или *с*, по косвенным данным а.п. *а*: *безбѣдно* 243 *обидно* 58б, *вгѡдно* 83б, 90б, 92

(*вгождь|но* 83б), *неоскудно* 37, *нерасудно* 19, *изрядно* 178б, 179; *прилѣжно* 174, 269, *неподвижно* 177, *мнѡгообразно* 166, *бездѣлно* 7б, *обилно* 93б, *оусилно* 27, *недомыслью* 43б, *разумно* 19б, *не-* 203, *взбраньно* 77б, *бещеленьно* "бесчленно, нерасчлененно" 31б, *непремѣньно* 204б, *несоблазнь||но* 170, *бескверньно|* 6; *нескверньно* 170б, *напрасно* 23б, 61б, 129, 193, *не-* 101, *различно* 197, *неразлучно* 222. Сюда же примыкают *напастно* 51б, *извѣстно* 112б bis, 219 кин.

А.п. *c: оружнѡѥ* 257б. Колебание между а.п. *c* и *a* можно предполагать в случаях: *побѣднѡѥ* 346, но *непобѣднѡѥ* 346; *бещестнѡѥ* 193, но *бещестноѥ* 194, 195 bis. В случае *беспомощенъ* Р.мн. 5 акцентуация неясна; не исключена а.п. *c*.

В паре *полунѡщно|ѥ* 35, *полунощнꙑѧ* Р.ед. 35б второе написание скорее всего упрощенное (ср. *нѡщьному*, § 56, 60). Написание *поприземно|ѥ* 32 ненадежно.

§ 59. Как показывает материал, ударение производных с суффиксом *-н-* в основном подчиняется в Мериле формуле "a^a, a^b, c^c". Характерные примеры a^a: *вѣрно, -оѥ, желѣзноѥ, закѡньно, -оѥ, книжному, прихождень, рабѡт-ноѥ, -ень, сбѡр-но, -ень, славному; истиньнѡ, -ѡѥ, лѣствичнѡѥ, мѣсячнѡѥ, праведнѡ, -ѡѥ*. Характерные примеры c^c: *бѡлнѡму, брачнѡѥ, вереднѡго, вѣчнѡѥ, должьнѡму, земнѡѥ, мирнѡѥ, свободнѡму, сладостьнѡму, страшнѡму, ч^{c}тнѡѥ*. Эти две группы вполне соответствуют данным Чуд.

Особый интерес представляют производные от слов а.п. b. В Чуд. здесь две модели: a^b и b^b. Модель b^b характерна для производных с односложной (в косвенных формах) основой: *бѣднѫ* 73а, *волнѫ* 85г, *к грѣшноу* 37в, *грѣшнꙋ* 101г и др., *кр^a|снѫ* 147в, *краснꙋ* 13а, *-ы* И.мн. 104в, *в роудны ѻдежи* 81в, *хоулнѫ* Р.ед. 92в, также существ. *в ножнꙋ* 50г; сюда же нужно отнести несколько производных от основ с неизвестной акцентуацией - *клоснꙋ* "увечному" 21б, *неклоснѫ* Р.ед. 84а, *праздныи* 137в и др., *-оу* Д.ед. 116а, 127в (но также *прáздни* 137в), *равенъ* 66б, *равнó* 24б, *-ѣ* 38б, *-и́ бо* 38в, *-ѧ* В.ед. 43в, В.мн. 29в (но также *рáвна* И.мн. 24б). Модель a^b выступает у прилагательных с неодносложной основой (например, *живóтноу* Д.ед. 151б, 151в, *срéбрени* 139б).

В Мериле положение иное. Модель b^b представлена только двумя примерами: *краснѡ* и *разнѡ*. Во всех прочих случаях находим модель a^b: *вѡлно, ключно, трудно, хулно, татебно;* сюда же *равно, праздно|*. При этом пример *равно, ровенъ* указывает на подгруппу 1*. По-видимому, Мерило еще весьма близко к реконструируемому В.А. Дыбо состоянию с акцентовкой типа **grěšьnъ, *grěšьno* (Дыбо 1968, с. 155, 212). Процесс замены **grěšьno* на **grěšьnó* в Мериле едва начался, тогда как в Чуд. в сфере односложных основ он уже почти завершился (остались лишь реликты типа *прáздни, рáвна*).

В членных формах модели a^b и b^b совпадают, поэтому здесь нет никаких расхождений: ср. например, *бѣдному, вѡлноѥ, живѡтнаѧ, кѡньноѥ, кр^{c}тьноѥ, столпьноѥ, соудноѥ, хулноѥ* и Чуд. *вúннаго* 156в (от "вино"), *грѣшному* 37а, *живóтн-ыи, -оѥ* и др. (часто), *непрáздною* 26г, *сапóжноую* 41в, *соýдныи* 87а, 87в и т.п.

Отметим, что *е* из **ъ*, прояснившегося в слабой позиции после группы согласных, остается безударным: *ѡгненѡѥ, ѥственѡму, бе̃|ственѡму, ржᶜтвенѡѥ*, ср. Чуд. *мертвеномоу* 115б, *сребрен-аѧ* И.мн. 72в, *-ѧмъ* 153а.

И в Мериле, и в Чуд. отчетливо противопоставлены по ударению: 1) *праведнѡ, -ѡѥ*, ср. Чуд. *праведно, -а, -ыи* и др. - ударение на корне; 2) *полезно, -оѥ, лъчебноѥ, молебному, татебно, -оѥ, наимноѥ*, ср. Чуд. *полезно, -а, -и, -оѣ, -ѣмъ* и др., *слоужебн-аѧ, -ыи, -ыѧ* (также *молебни*ᴷ 93б, *наи́мни*ᴷ 46г) - ударение на беглой гласной. Между тем, исходные слова разделены по ударению иначе: Чуд. *правда, -ы* и др., *полза, -ы* и др. (11×, при единичном *ползá* 164в), *слоужба, -ы* и др. и, с другой стороны, *молб-бѹ* 35в, *-ѣ* В.мн. 136в, *татьѣ* И.мн. 9в, *ѡᵀ татьѐ|бъ* 153а. Эти факты позволяют предположить, что здесь представлено три акцентных типа исходных слов, а именно, наряду с обычной а.п. *a* ("правда") и а.п. *b* ("татьба") здесь выступает подгруппа 1* ("служба", "польза")[59], т.е. слова с первоначальным ударением на **ъ*, которое и сохранилось в производных *служебный, полезный*. По крайней мере для слова "служба" такая акцентная реконструкция полностью согласуется с теоретическими положениями (Дыбо 1968), ср. а.п. *b* у слов *слуга, служити*.

Таким образом, основную формулу "a^a, a^b, c^c", действующую у производных с *-н-*, следует дополнить указанием о том, что производные от слов подгруппы 1* имеют то же место ударения, что производные от слов а.п. *b*. Этот же самый механизм дает *равеньство* (ударение на *-ве-*) при *равно, ровенъ*, ср. *разденьство* при *разнѡ* (§ 30).

Основная формула верна также для производных с *-Ов-н-*. Она создает здесь наглядное тройное противопоставление: *a^a - адовнымъ; a^b - грѣхѡвныи; c^c - дневнѡму, домовнымь, даровнаго* (о случаях a^c см. ниже).

Производные от основ, состоящих из приставки и корня, и от сложных слов (§ 58) в Мериле, как и во всех других памятниках, почти всегда относятся к а.п. *a*, независимо от акцентных свойств корневой морфемы. Представляют особый интерес как раз те немногие случаи, где акцентуация иная (по-видимому, архаизмы): *оружнѡѥ* (в Чуд. уже *дроужнѣ* М.ед.муж. 124г), *бещестнѡѥ*, наряду с *бещестноѥ* (в Чуд. *бещестна* В.ед. 22в, *-и* 109г), возможно, также *беспомощенъ* Р.мн. Написание *побѣднѡѥ*, наряду с *непобѣдноѥ*, заставляет предположить, что слово "победа" по крайней мере допускало а.п. *c* (ср. Фер. *пѡбѣдоу* 527; относительно Чуд. *побѣдѣ* см. § 36, замеч.).

Аналогичный архаизм с суффиксом *-ск-*: *бѣлогородьскѡгѡ* (в отличие от а.п. *a* в *новгорѡдскоᵉ*), см. § 61.

§ 60. В нарушение формулы "a^a, a^b, c^c", в Мериле иногда выступает (по крайней мере в членных формах, ср. § 49) a^c вместо c^c: а) *нбᶜноѥ, телеснои, дх̃вноѥ, дш̃евноѥ, синѡвною*; б) *рѡдноѥ, нѡщьному* (прочие примеры менее ясны).

---

[59] Слово "мольба", вероятно, относилось сюда же (ср. *молити*, а.п. *b*), но в Чуд. уже изменило акцентовку.

В Чуд. для этих слов находим *телéсн-имъ* Т.ед. 27г, *-имѣ* В.мн. 53в, *-ѣ* 131а (с тем же ударением, что в Мериле) и *нбщнúю* 26г (с двумя ударениями). Другие аналогичные случаи в Чуд.: *словéс-енъ* 71г, *-ноѥ* 84б; колебания в членных формах *вѣчн-áго, -óму, -úю* и др. — *вѣчн-аѧ, -ую, -ѣй; мирн-áго, -áѧ — мúрн-ый, -ѣй; немощнúѧ* В.мн. 32в — *нембщнúѧ* 28б; *свободнúѧ* Р.ед. 123в, 123г bis, *ѡ свободнúѣй* 121г — *свобóднѣѧ* Р.ед. 123в. Мы имеем здесь дело с рано начавшейся (и впоследствии далеко зашедшей) акцентной перестройкой прилагательных а.п. *с*, причины и механизм которой пока что недостаточно ясны. Исторический ход этой перестройки изучен очень слабо; известно, однако, что, по крайней мере у прилагательных с суффиксом *-н-*, этот процесс шел гораздо интенсивнее в южновеликорусской (а также украинской и белорусской) зоне, чем в северновеликорусской.

Суффикс *-ск-*

§ 61. А.п. *а* (гр. 1): *вавилѡньска* Р.ед. 18; *женьско* 124б, *-ому* 199; *крстьманьско* 169, *-оѥ* 5б, *-ою* 82б, *хрстьманьскому* 207б.

Формально а.п. *а* (гр. 1) или *ь*[60], по косвенным данным а.п. *а:* производные от исконных слов — *блудничьскоѥ* 197, *новгорѡдског* 110б кин., *перемславьскогѡ* 338, *прорчкому* 165б (= *прорѡчьскому*), *сельскому*[61] 95, *скѡтьскоѥ* 72, *чловчь|скому* 200б, *чловчк-оѥ* 142б, 204, *-ому* 31, 143, *оубиискоѥ* 108; производные от заимствованных имен нарицательных — *ѥретичьскою* 107б, *ипѡдрѡмьскоѥ* 201, *митрополиискому* 147б, *митрополитьскою* 96б bis, *митропѡльск-ии* 98, *-аѧ* 132, *мнишьск-оѥ* 139, 144, 161б, 162, 163, *-о|ѥ* 163б, *-ому* 165, 254б, *монастырьскоѥ* 161б (*манастырьскоѥ* 140), *црк-оѥ* 203, 207, *-ому* 93б; производные от заимствованных имен собственных — *александрьскому* 95, *иерусалимског* 346б кин., *мелетиньскому* 109б кин., *никомидиискому* 226 кин., *памфилиіскому* 225б кин., *римьско|му* 56б кин., *халкидѡньскаго* 230 кин. По-видимому, сюда же нужно отнести *очскихъ* 173б (= *отечьскихъ*).

А.п. *а* (гр. 2): *аплк-ѡѥ* 83б кин., 84 кин., 93 кин., *-ѡму* 107 (= *апѡстольск-ѡѥ, -ѡму*), *вѡиньск-агѡ* 143, *-имъ* 161б, *-ихъ* 140, *ѥуанглскѡму* 165б, *пѡстничьскѡму* 162б, *разбѡиничь-скии* 29, *-стѣ* М.ед. 50, *-скому* 108 (*ско* — упрощ.), *тысачьскѡго* 338 bis (наряду с *тысачьскогѡ* 338, см. § 47). Возможно, сюда же *оуношьски* 65. Упрощ.: *аплскому* 61. Написание *ѥуангѣль||скому* 106б — либо упрощенное, либо отражает вариант с ударением на *-гель-* (ср. в Чуд. *ѐвáнгелье* и др. 3× и *евагге́лье* 25г).

А.п. *с: городьск-ии* И.ед. 69б, *-аѧ* И.ед. 24б, *-аг* 231 кин., *городскихъ* 331б, также *бѣлогородьскѡгѡ* 338 (см. § 59); *градьск-ѡѥ* 147, *-ѡму* 76б, 154, 156б, 157 (*грасскѡму* 160б); *по гъскѡму* "по господскому" 346б, *гсьскѡю*

---

[60] Формальной возможностью а.п. *а* (гр. 3) мы здесь пренебрегаем.

[61] Получено выскабливанием *ен* в *селеньскому*.

113б; *людьск-ѡѥ* 17, 136$_2$, 137 bis, 147б, 242, 255б (*людскѡѥ* 88, 171), *-ѡму* 127, 127б, 162, 242 (*людскѡму* 175); *мирьскѡѥ* 164 bis, 348; *мужьск-ѡму* 144, *-ѡѣ* Р.ед. 230б. Сюда же *полотьскии* И.ед. 64 (ср. *полоцкѣи* Космогр. 39). Упрощ.: *людьскоѥ* 165б.

Более сложные случаи. Написания *властельскѡ ѧвиса* 57, *властельскѡю* 88 (также менее показательное *властельскѡи* Д.ед. 62) формально соответствуют либо а.п. *а* (гр. 2), либо акц. кривой c_2. Гораздо вероятнее второе, поскольку для слова *властель* нужно предполагать а.п. *с*, а не *а*, гр. 2 (ср. современное ударение *властели́н* и представленный в Мериле полногласный вариант *волостель*, а не **волѡстель*; см. также § 26). Вполне возможно, впрочем, что здесь представлено всего лишь единичное отклонение от c_1 в сторону c_2, а не постоянная акцентовка; ср. другие примеры c_2 у собственно прилагательных (§ 49).

Если написания *дѣтьскому* 340 и *варварьскоѥ* 114б не упрощенные, они отражают ударение на последнем слоге основы. Слово "детский" примыкает в этом случае к § 60. Написание *бѣсовьскоѣ* Р.ед. 344б – явно упрощенное, но неизвестно, какое полное написание оно заменяет. Написание *киѥвьскѡ* Р.ед. 338 неясно; предполагать здесь стяжение окончания **-оно* или **-ово* рискованно, так как возможна простая описка.

Суффиксы *-Ов-* и *-ѧн-*

§ 62. А.п. *а* (гр. 1): *ѡлгѡва мужа* "Олегова человека" 338, *в дому попѡвѣ* 70б, *о попѡвѣ степени* 70б, сюда же *хсво* 1, 8, 176б, *хсвою* 346б (по-видимому, = *христѡво, -ою*). Опростившееся "готовый" см. в § 50.

Вероятно, к а.п. *а* (гр. 1) относились также: *ѥродѡво* 32, *радинѡвъ* 221б, *-а* Р.ед. 220б, *-оу* В.ед. 221б, *склирѡвъ* 221б – притяжательные от **ѥрОдъ* "цапля" (греч. ἐρωδιός) и имен собственных *радинъ* (Ῥαδηνός), *склиръ* (Σκληρός); сюда же *коневьи* 334б. Написание *склирову* В.ед. 221б, по-видимому, упрощенное.

По косвенным данным а.п. *а* (гр. 2): *адовъ* И.ед. 22, *на берестовѣмь* "в Берестове" 338 (ср. *на берéстовѣм* Фер. 984), *неисто|въ* 261б, *неистово|* 271 (также *аки нестова пса* 63б); притяжательные от имен собственных – *дионисовъ* 347б, *-о* 347б, *-а* Р.ед. 348, *-и* В.мн. 347б, *иоустиньянова* И.ед. 112б, 227б, *костѧнтинова* И.ед. 226, *-у* В.ед. 226, *лешнтовъ* 131, *павлова* Р.ед. 230, *сирахово* 18б кин., 167б, *фѣодоритово* 45б кин. Относительно написаний с *-во* см. Противоп., § 18 (сверх уже указанных отметим *васильѥво* 70 кин., *і҃во* 2б).

А.п. *с: таково* 54б, 57б (*во|*), 85б, 153, 205, 241б, 251, 263, *таков-ѡѥ* (32×: 57, 59б, 81б, 87 и др.)[62], *-ѡму* (13×: 51б, 61б, 132 и др.), *-ѡю* 160б bis, 243, *-ѡи* Д.ед.

[62] Кроме того, *такѡвѡѥ* 42б, 179 (см. §4).

261, М.ед. 118, 156, 158, 252, -ѡмъ 154, 159, прочие словоформы с основой *таков-* — более 200 раз. Упрощ.: *таковѡ* 106, *-ому* 106, 193б. К а.п. *c* относится также *вощанѡю* 197б (единственное акцентно значимое написание с суффиксом *-ѧн-*, *-ан-*).

Регулярное написание *таково* указывает на акц. кривую c_1 (ср. след такой акцентуации в *та́ковѡ* Фер. 822). Однако в И.ед. муж. в Мериле встретилось только *такѡвъ* 223, соответствующее акц. кривой c_2 (которая впоследствии становится здесь нормой, ср. современное *тако́в*, *таково́*, *таково́й*). В Чуд. уже только c_2: *таковѡ* В.ед. 145в, *-ѝ* 23б, *-и́* 120а, ср. также *каковѡ* 23а, *-а́* И.ед. 30в. Таким образом, в Мериле здесь представлено архаичное состояние, а единичное *такѡвъ* – это симптом последующего изменения.

А.п. *a* (гр. 2) или *c*: *сицев-ѡѥ* 252, *-ѡму* 207б; *сѧковитѣ* 16б.

Суффикс *-к-*

§ 63. А.п. *c*: *бритквѡѥ* 62; *сладко* 8, 16, 20, *сладкѡѥ* 16, 44б bis.

К а.п. *c*, по-видимому, относятся также "кроткий" и "горький". Написание *кротко* 30б, 31 исключает а.п. *b*; *кротокъ* 29, 145 исключает а.п. *a* (кроме подгруппы 1*); прочие словоформы (*кро|тку* Д.ед. 58, *крѡтк-имѣ* 14, *-ихъ* 22, *-имъ* 68, *кро|ткагѡ* 48, *кротки|хъ* 65) непоказательны. Косвенно на а.п. *c* указывают *кротость* и *оукротить*; ср. также показания Апостола 1564 (§ 48). У слова "горький" на а.п. *c* прямо указывает *гѡркѡѥ* 16, 44б bis; однако *гѡрекъ* И.ед. 9б, 58 формально соответствует а.п. *a*; *гѡрко* 16, 28б, 57б соответствует а.п. *c* или *a*. Можно предполагать, что в этом слове произошло аналогическое обобщение корневого /ȣ/ по всей парадигме; для энклиномена **горекъ* это должно было сопровождаться переводом его в разряд ортотонических словоформ (поскольку в открытых слогах энклиноменов /ȣ/ было невозможно). Словоформы *гѡрци* 57, *гѡрк-агѡ* 173б, *-амъ* 67б непоказательны; относительно двусмысленного написания *гѡркогѡ* 58б см. Противоп., сноска 37. В рукописях, изученных Васильевым,"кроткий" и "горький" всегда имеют /ɔ/ (аналогически даже в членных формах), что указывает на исходную а.п. *c* (Васильев, с. 46).

У слов "крепкий" и "тяжкий" (в Чуд. оба относятся к а.п. *c*) представлены следующие словоформы: *крѣпъко* 25б, 345, *крѣпкомъ* Д.мн. 207б, *крѣпкою* 168; *тѧжко* 37б, 181б, 202б (*тѧжько* 114), *тѧжкоѥ* 248б. Либо написания *крѣпкою* и *тѧжкоѥ* упрощенные, либо членные формы этих прилагательных уже получили в Мериле наосновное ударение, характерное для позднейших памятников и современного языка.

Формально а.п. *a* или *c*: *жестъко* 21б, 30б, *мѣлко* 35б, *мерзъко* 167б.

§ 64. Суффиксы *-ск-*, *-ов-*, *-ѧн-* и *-к-* подчиняются в Мериле, как и суффикс *-н-*, формуле "a^a, a^b, c^c" (ср. Дыбо 1968). Характерные примеры: a^a – *прⷪрчкому*, *чловᶜскоѥ*, *аплᶜскѡѥ*, *тисѧчьскѡго*, *адовъ*, *павлова* и многие др.; a^b –

блудничьскоѥ, женьско, -оѥ, монастырьскоѥ, сельскому, скѡтьскоѥ, ѡлгѡва, попѡвѣ; с^{с} - городьскиі, людьскѡѥ, мирьскѡѥ, мужьскѡму, таково, -ѡѥ, вощанѡю, сладкѡѥ. Как и при суффиксе *-н-*, здесь возможна замена *с^{с}* на *а^{с}* (по крайней мере в членных формах). Такую замену можно предполагать в *дѣтьскому, крѣпкою, тажкоѥ;* ср. § 60.

Прочие суффиксы

§ 65. Суффикс *-j- (-uj-)*. А.п. *а* (гр. 1): *ворѡньѥ* 69, 70, *корѡвиѥ* 336, *по хѡлѡпьи рѣчи* 340 (о *хѡ-* см. §4). Ср. также *кобылыа* 58б. Особый случай составляет *бѡжии* И.ед. 126б [Б] (ожидалось бы **божи́и*, см. Дыбо 1968, с. 190); ср. § 92.

Суффикс *-н'-*. А.п. *а* (гр. 1): *ѡтень* "отцовский" И.ед. 341б (корневое ударение, по-видимому, сменило здесь более раннюю акцентовку **отѣ́нь*), ср. *ѡтнею* 190б, где *ѡ* несвободное; *верхѡвн-ии* И.ед. 56б, 81, *-агѡ* 166, *-имь* 110; *окѡлнаа* Р.ед. жен. 148; *осѡбн-ии* И.ед. 252, *-агѡ* 261б; по косвенным данным сюда же относятся: *конечн-ѥ* 74, 89, 93, 136, 137б, 186б, *-агѡ* 170б, 171, 335 (*кѡнечнѥ* 260 - возможно, описка); *домачнаа* И.мн. сред. 32, *домашн-ии* И.ед. 39б, *-аа* И.мн. сред. 79б bis, *-ихъ* 79б, *-имъ* 338б. Написание *сно́внею* 190б - скорее упрощенное, чем свидетельствующее о безударности *-Ое-*.

Суффикс *-ик-*. А.п. *а* (гр. 1): *велико* (7×: 3, 7б, 21б и др.), *-оѥ* 53, 196б, *-ому* (5×: 2, 5, 5б и др.), *-ою* (5×: 18, 27б, 52б и др.). По косвенным данным сюда же нужно отнести *клико* (43×: 19б, 55, 65, 96б и др., также *кликождо* 87б).

Особый случай составляют *тѡлико* (11×: 44, 58б, 64 и др.) и *кѡлико* 58б, 332, 335б, 340, 341: судя по *ѡ* в начальном слоге и *о* в конечном, за этими написаниями стоит двусложное произношение (ср. нынешние *то́лько, ско́лько*). Это подтверждается написанием *тѡлко* 100. Такая же основа в *тѡлика, -у, -и, тѡли-цѣ, -цѣм же* (7×), *кѡлика* 33. Написания *толи-ко* 100, 184б (*то*|), 244, *-ко ж* 169, *-цѣ* 117, *колики* 65, вероятно, отражают более старый вариант с основой *толи́к-, коли́к-* (в Чуд. только такое ударение). Написание *кѡликѡ* 262б, может быть, отражает переходный вариант (трехсложный начальноударный). См. также Противоп., § 23.

Суффикс *-Ок-*. Ударение на суффиксе отражают: *инѡкъ* "одинок" 32б, *высѡк-ии* И.ед. 2б, *-ихъ* 8б, 133, *-имь* 209 [Б], *высѡкъ* 44б и, что особенно интересно, *высѡка гора* 35. Прочие примеры: *высоко имѣти* 61б (вероятно, упрощ.), *широка* 13 (И.ед. или И.мн. - текст искажен).

Суффикс *-ин-*. Явно а.п. *а* (гр. 2): *июдинѡ* 41. Прочие примеры малопоказательны: *гостины куны* 338б, *сиротинѣ* М.ед. сред. 23б, *-ыа* 182, *сотонины* 346б; написание *судиною* 42б допускает различные истолкования (упрощ. *-ко-*; ударение на *-ю;* ударение на *-ин-*), но все они ненадежны.

Суффикс *-ен-*. А.п. *b* или акц. кривая *c_2: студенѡ* 3.

Суффикс *-ав-*. А.п. *а* (гр. 2): *корѡставо* 7 (о конечном

о см. Противоп., § 18). По-видимому, а.п. *a* (гр. 1): *лукавому* 29.

Суффикс *-ив-*. А.п. *a* (гр. 2): *оурѡдивии* 40б. По-видимому, а.п. *a* (гр. 1): *быстроскочива* И.ед. 31б, *гостолюбивы* 32б, *лѣниво* 58б, *презориво* 1, *-ии* 19, *пронырливому* 34, *самолюбиво*| 31б, *стороживо* 32; сюда же *добропокорливо* 31б (с *-лив-*). Написание *бл҃гобо́знивому* 154, возможно, упрощенное, ср. Чуд. *бл҃гобо́знїви* 59в.

Суффикс *-ат-*. По-видимому, а.п. *a* (гр. 1): *ба҃тому* 252 (= *богатому*), *косматъ-аѧ* 347б, *-ыхъ* 347б, *мужатою* 128, 194, также *виноватъ*, *-ии* и т.д. (21, 60б bis и др.).

Суффикс *-ит-*. А.п. *a* (гр. 2): *нарѡчитъ* Р.мн. 126, *-ѣ* 196, *-ии* 89б. По-видимому, а.п. *a* (гр. 1): *ѣдо*|*витагѡ* 33б, *имовитъ* 191, *не-* 191, 193б, *сановитыѧ*|| 179.

МЕСТОИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 66. Границы между словами местоименного и адъективного склонений не вполне строги. В настоящий раздел отнесены слова, у которых характерные местоименные окончания – прежде всего Р.ед. *-ОгО*, *-Оѣ* (*-Оѧ*), М.ед. *-Омь*, *-Ои* – выступают в Мериле достаточно регулярно (а не изредка, как у обычных прилагательных). Эти слова делятся на о с н о в н у ю группу, где в И.падеже адъективные окончания (*-Оѥ*, *-ыи*, *-аѧ*, *-иѧ*, *-ыѣ* и т.д.) невозможны, и с м е ш а н н у ю[63] группу, где такие окончания возможны.

Единственное окончание местоименного склонения, позволяющее различить разные акцентные группы, — *-О*. Словоформы с этим окончанием сведены в таблицу:

Т а б л и ц а 11

А.п.	*a*		*b*	*c*
	группа 1	группа 2		
-О	ино, нѣкто, нѣчто, всѧко, ѥдинако	инакѡ, нѣкакѡ	онѡ, одинѡ, ѥдинѡ	то, кто, что, ово, тако, како, ѭко, само

Прочие местоименные окончания с *О* имеют единый графический облик в а.п. *a* (гр. 1), *b* и *c* (для а.п. *a*, гр. 2 здесь нет материала), а именно: *-огѡ*, *-ому*, *-оѣ* (*-оѧ*), *-ою*, *-ѡмь*, *-ѡи*. Примеры: *всѧкогѡ*, *оногѡ*, *самогѡ*; *всѧкѡмь*, *онѡмь*, *самѡмь*.

§ 67. Акцентные кривые. В а.п. *a* ударение, как обычно, неподвижно. Написания *всѧкѡмь*, *всѧкѡи*, *нѣкѡи* (с несвободным *ѡ*, §2), по-видимому, не означают сдвига ударения на окончание: ср. *котурѡмь* (§ 50), а также *кѡѥмь*, *кѡѥи*, указывающие на корневое ударение.

[63] Имеется в виду смешение с адъективным склонением.

Для а.п. *b* и *c* доступные наблюдению факты таковы. Форма на *-О* в а.п. *b* конечноударна, в а.п. *c* – энклиномен. В словоформах с окончаниями *-огѡ*, *-ому*, *-оѣ* (*-оѭ*), *-ою* ударение в обеих этих а.п. падает на конечный слог, что следует из таких написаний, как *тогѡ*, *тому*, *тоѣ*, *тою*, *овому* (а.п. *c*) и *оногѡ*, *оному*, *оноѭ* (а.п. *b*). Этот факт, полностью подтверждаемый материалом Чуд., означает, что в мерилоименном склонении а.п. *b* очень рано утратила первоначальную акцентовку типа **-о́до*, **-о́ти*, **-о́jѣ* заменив ее акцентовкой, заимствованной из а.п. *c*. Для прочих форм данные Мерила менее показательны.

В то же время в Мериле имеются первые симптомы новой смены ударения в двусложных окончаниях, а именно, под влиянием адъективного склонения появляется *-ѡго* (или *-ѡгѡ*) вместо *-огѡ*, *-ѡму* вместо *-ому* и т.д. Естественно, такие случаи относятся в основном к смешанной группе (поскольку она теснее связана с адъективным склонением): *какѡму* (3×), *какѡю* (2×); также *инѡго*, *инѡгѡ* (3×), *инѡму* (4×) (с переходом из а.п. *a* в а.п. *c*); ср. *какому* (3×), *такому*, *иногѡ* (49×), *иному* (10×). Заметим, что для приведенных слов эти новые ударения впоследствии стали в русском языке нормой.

Гораздо реже такие случаи встречаются в основной группе: *тѡгѡ* 146б (при *тогѡ* 198×), *кѡму* 342б (при *кому* 27×) и несколько раз у отрицательных местоимений – *ни* ѡ^{т} *кѡго же* (2×), *никѡму же* (2×), *никдинѡгѡ же* (ср. *никогѡ же* 3×, *ни* ѡ^{т} *когѡ же*, *никому же* 6×, *никдиногѡ же* 8×, также *когѡ* 31×, *кдиногѡ* 29×). Ср. в Чуд. *то́го* 80б, *то́моу* 95а, *никто́гожѫ* 51а (при обычных *тогд̀*, *томоу̀* и т.д.). Ударения типа *то́го*, *то́му*, *ко́го*, *ко́му* и в особенности *нико́го*, *нико́му* (хотя бы в качестве варианта к *того́*, *тому́*, *кого́*, *кому́*, *никого́*, *никому́*) характерны для юго-западных великорусских и для белорусских говоров и в особенности для украинского языка. Таким образом, данная акцентная особенность связывает Мерило (равно как и Чуд.) с юго-западной половиной восточнославянской области; см. также Новые данные, § 14.

Разбор материала

Основная группа

§ 68. Начнем с а.п. *b* и *c*, которые в местоименном склонении являются основными.

А.п. *b*. "Он(ый)": *онѡ* 117б, 244, *онѡ же* 145б, *оногѡ* (7×: 74, 105, 116 и др.), *оному* (14×: 22б, 70б, 109 и др.), *оноѭ* 113б, *онѡмь* 64, 243, *онѡи* 70б, *ѡнъ*, *ѡн(ъ) же*, *ѡн бѡ* (41×), прочие словоформы – *она*, *они*, *оны*, *онѣхъ*, *онѣмъ*, *онѣма* (более 20×). В Чуд. такая же акцентуация (*о́нѡ̀*, *о́нѡ́ же*, *о́ногд̀* и т.д.).

"Один" ("един"). Без отрицания – *одинѡ* 23, 28, 340б, *-огѡ* 7, 103б, 122б, *-ому* 125, *-оѣ* 342, *-ою* 4б, 117; также *одинъ*, *-а*, *-у*, *-ѣмь* (12×: 4б, 27б, 341 и др.); *кдинѡ* (29×: 3, 4 bis, 36б, 45б и др.), *-огѡ* (29×), *-ому* (24×),

-ѡ (6×), *-ою* (13×), *-ѡмъ* 115б, 134б, 152, *-ѡи* (6×: 85, 96, 272 и др.). С отрицанием – *никѣдин-огѡ* 241б, *-ому* 143б, 163, *ни въ ѣдинѡмъ* 144; *никѣдин-ѡ же* 104, *-огѡ же* (8×: 54, 58б и др., однако *-ѡгѡ же* 159, см. § 67), *-ому же* (8×, также *ни по ѣдиному же* 149б), *-ѡ же* (6×: 160, 164 и др.), *-ѡи же* 157б, 267, *ни въ ѣдинѡмъ же* 79, 79б. Упрощ.: *ѣдино* 115б, 270 (также для несвободных *О – одиномъ* 344б, *-ои* Р.ед. 224, *ѣдинои* 274б). В Чуд., где встречается только *ѣдин-* (но не *один-*), необычная акцентная кривая: *ѣди́нъ, ѣдича̀, -о̀, -оу̂* в И. и В. падежах, но *ѣди́ного, -ому, -ѡ* и т.д. в прочих (по-видимому, под влиянием а.п. *b* адъективного склонения). Написания Мерила не исключают этой кривой. Не исключено также, что эта особая кривая была свойственна литературному *ѣдинъ*, но не народному *одинъ*.

Формально а.п. *b* или *c*, по косвенным данным а.п. *b*[64]: "свой", "твой", "мой". Словоформы с *о*: *своѥ, своѧ, свою, сво-ѥгѡ* (также *-ѥго*), *-ѥму, -ѥѣ* (*-ѥѧ*), *-ѥю, -ѥи, -ѥмь, -имь, -имъ, -ихъ* (около 600×), аналогично *твоѥ, твоѧ* и т.д. (113×), *моѥ, моѧ* и т.д. (75×). Словоформы с *ѡ*: 1) И.В.ед. муж. *свѡи* (35×), *твѡи* (22×), *мѡи* (24×) с *ѡ*, выступающим в силу заведомой односложности; 2) И.мн. (также В.мн.) муж., И.В.дв.жен. и сред. *свѡи* (3×), *твѡи* (12×), *мѡи* (3×), также *свѡими* (5×), *свѡима* (3×), *твѡима* (1×); здесь *ѡ* выступает в силу диалектной особенности Мерила, состоящей в том, что *и* в этих словоформах стало неслоговым (см. Противоп., § 22).

§ 69. А.п. *c*. "Овый": *ово* 30б bis, 78б bis, 136$_2$б bis, 142б bis, 157 bis, 260 (в т.ч. *ово же* 4×), *овому* 46 bis, 151б, 154, 212 bis, *ѡвъ* 36, прочие словоформы – *ова, ову, ови, ови, овѣмъ* и др.[65] (26×). "Тот" (сюда же включено "тот же"): *то* (более 250×, в т.ч. часто *то же*; отметим *про то* 338б, *за то* 62б, *на то* 176б bis, 182), *тогѡ* (198×, также *тѡгѡ* 146б, см. § 67), *тому* (71×), *тоѣ* Р.ед. 127, 129, 220б, В.ед. 124, *тоѧ* (29×), *тою* Т.ед. (5×: 149б, 161 и др.), Р.М.дв. (12×: 22б, 224 [7×] и др.); непоказательны *тѡмъ, тѡм же* (74×, в основном в сочетании *по тѡмъ*), *тѡи* (6×) и И.ед. *тѡтъ* (2×, *ѡ* "незаконное"). "Кто", "что": *кто* (236×, в т.ч. многократно *кто ли*), *когѡ* (31×), *кому* (27×, также *кѡму* 342б, см. § 67), *кѡмъ* 80, 272; *что* (136×, в т.ч. многократно *что ли, пѡ что* 19, 61, 344б, 345, *о что* 3), *чегѡ* 33б, 345б; также с *-ждо: когѡждо* 74б, 187, *комуждо* (8×: 42, 43б, 50б и др.), *в кѡмъждо* 161б[66]. Чуд., как и Мерило, указывает на то, что словоформы *то, кто, что* – энклиномены (см. Дыбо 1975). Слово "овый", по-видимому, в Чуд. частично акцентно уподобилось слову

---

[64] В частности, на а.п. *b* указывают производные *свѡиство, свѡить, оусвѡить*.

[65] В т.ч. адъективное *овии* 21б и субстантивное *овомъ* Д.мн. 62.

[66] Упрощенные написания для несвободных *ѡ* (*того, томь, кого*) в приводятся.

"он(ый)"; старое состояние еще видно, например, в *ов же* 12б, *ови оуб* 45а.

Отрицательные местоимения "никто", "ничто" обнаруживают замечательную особенность: присоединение частицы *же* превращает здесь энклиномен в ортотоническую словоформу с ударением на *-тО-*; ср. *никто* 38, 69, 253б, *ничто* 121, 267 – *никтѡ же* (27×: 4б, 23б, 36б, 37 и др.), *ничтѡ же* (64×: 2б bis, 4б, 8б, 9, 10 и др.), *ни во чтѡ же* 199. Упрощ.: *никто же* 346б, *ничто же* 57б, 274б, 347, *ни во что же* 259б. Из прочих словоформ укажем: *никогѡ* 46, 223б, *ни на когѡ* 79б, *ничегѡ* 53_2б, *никогѡ же* 39б, 41б, 94б, *ни ѡт когѡ же* 139б (однако *ни ѡт кѡго же* 43, 159, см. § 67), *ничегѡ же* 31б, *никому же* (6×: 43, 88 и др., однако *никѡму же* 43б, 159).

Ударение *никто́ же*, *ничто́ же* хорошо известно из Чуд. и всех позднейших памятников; ср. также *ничто́ же* в XVI в. (Васильев, с. 128). Это ударение было перенесено и в словоформы без *же:* позднéе уже только *никто́*, *ничто́*. Таким образом, свидетельство Мерила о том, что *никто* и *ничто* – энклиномены, имеет уникальную ценность. Заметим, что исторически новая акцентовка *по что́*, *за что́* и т.п. (Васильев, там же) так же относится к более архаичной *по́ что*, *за́ что*, как новые *никто́*, *ничто́* к *никто*, *ничто* в Мериле.

Ударение **nikъtó že*, **ničъtó že* выступает вместо **nikъto žé*, **ničъto žé*, ожидаемого по общим правилам для энклиноменов. По-видимому, это один из ранних случаев той оттяжки ударения с энклитик, которая представлена, в частности, в **rodiló sę*, *-i sę* и т.п. (вместо **rodilo sę́*, *-i sę́*); см. Дыбо 1971, с. 94 о двух вариантах отражения закона Васильева-Долобко в сочетаниях с энклитиками.

Формально а.п. *c* или *b*, по косвенным данным а.п. *c:* *двою* Р.М. (13×: 39б, 52б, 71б и др.); *оба* (13×: 39, 40, 41 и др.), *обѣ* 34б, 202, 242, *обѣма* (7×: 115б, 137 и др.), *обою* Р.М. (11×: 109, 120б, 168 и др.); основы с элементом *-oj-* – *двоѥ* 81б, 195, 304б, *двоимь* Т.ед. "двояким" 6б; *троѥ* 224б, 243б, 342б, *троѥгѡ* "троякого" 27б; *обоѥ* (8×: 7, 44, 86, 113б и др.), *обоѥгѡ* 165б, *обоѥму* 195б, *обои* И.мн. 100б, 115б, *обоѧ части* И.мн. 115б.

§ 70. К а.п. *a* следует отнести местоимение "кой"; однако его акцентуация, по-видимому, была неустойчивой. Большинство написаний свидетельствуют о корневом ударении: *кѡѥ* 35, 72, 116, 126б, 158б, 159, *кѡѥгѡ* (18×: 35, 48, 64 bis и др.), *кѡѥму* 162, 185б, *кѡѥѣ* 214 [Б], *кѡю* В.ед. 164б, *кѡімь* Т.ед. 192б, *кѡѥмь* (5×: 133, 150 и др., *в кѡѥм же* 347), *по кѡѥи* 226б, также *никѡѥгѡ же* 107б, *никѡѥму же* 33б, 259, *кѡѥждо* (5×: 45б, 244 и др.), *кѡѥгѡждо* (8×: 45, 75, 93 и др.), *кѡѥмуждо* 143б, *кѡѥѧждо* 91б, 94б, 97, *кѡѥмьждо* 44б, 177б, *в кѡѥиждо* 92б bis (написание *кѡждо* [11×] малопоказательно). С другой стороны, имеются написания с *o*, которых слишком много (21 *o* против 59 *ѡ*), чтобы они могли быть все упрощенными: *коѥму* 133, *коѥѧ* 133, 140, *коѥмь* 73, 89, *никоѥму* 105б, *никоѥѧ* 134, *ни-*

кокѥю 91б, *нико|ѥгѡ же* 255, *никокѥму же* 347, *никокѣ же* 42, 43, *никокѣмъ же* 126, 133 (*ко|*), 239б, *кокѥгѡждо* 165б, *кокѥмуждо* 136_2б, *кокѣждо* 90б, 91б, 96б (*ко|*), *кокѣмъждо* 85. По крайней мере часть этих написаний отражает ударение на флексии (по образцу "свой"). Колебание ударения у слова "кой" наблюдается также во многих памятниках XVI–XVII вв.

Местоимения, сложенные с *нѣ-*, по-видимому, имели во всех формах автономное ударение на *нѣ*. Материал: *нѣкто* (14×: 61, 82 bis, 89б, 140 и др.), *нѣчто* (12×: 44б, 86, 92б и др.); основа *нѣк-* — *нѣкогѡ* "некоего" (7×: 79б, 82, 121 и др.), *нѣ ѡт когѡ* "от некоего" 229б, *нѣкому* "некоему" 61б, *нѣкою* Т.ед. 199, *нѣкѡи* Д.ед. 185; основа *нѣкOj-* — *нѣкокѥ* (10×: 116б, 139б, 158 и др.), *нѣко-ѥгѡ* (24×, также *нѣкокѥго* 111), *-ѥму* (13×), *-ѥмъ* 175, *-ѥю* 133, *-ѥмь* 84б, 89, 102, *-ѥи* 88б, 299. Впрочем, изредка встречаются написания с *ѡ*: *на нѣкѡѥи* 262б (также *нѣкѡѥго|* 101 [Б], *по некѡѥи* 97б [Б], с *е* вместо *ѣ*); они либо отражают более расчлененное произношение, при котором *кѡj-* не полностью теряет ударение, либо возникают по чисто орфографическим причинам (сохранение привычной буквенной последовательности *кѡѥ-*). О *нѣкакѡ* см. § 72.

Смешанная группа

§ 71. Колебание между а.п. *a* (по-видимому, основной) и *c*: слово "иной". Словоформы адъективного типа: по а.п. *a* – *иноѥ* 97, 159, 240б, 255б ter, по а.п. *c* – *инѡѥ* 117б, *iнѡго* 32, *инѡгѡ* 60, 95, *iнѡгѡ* 34, *инѡму* 117б, 154, 162, 258 (ср. § 67). Прочие словоформы: *ино* (36×: 2б, 29б bis, 74, 96 и др.), *иногѡ* (49×, в т.ч. *ино|гѡ* 4×; также *иного* 230), *иному* (10×, в т.ч. *ино|му* 2×), *иноѣ* 69б, *иноѧ* (7×: 88б, 96, 106 и др.), *иною* Т.ед. 141б, 228, 257 bis, М.дв. 262, *инѡмъ* (6×: 79, 105, 136б и др.), *инѡи* 44, 74, 155б; все эти словоформы могут отражать как а.п. *a*, так и а.п. *c*. В Чуд. а.п. *a* с небольшими колебаниями, например, *и́нѣмъ* и *и́нѣмъ*; отметим Чуд. *и́номоу же* 113б (и рядом *и́номоу́ же*).

А.п. *c*: "сам(ый)". Заведомо адъективное окончание – только в *то самѡѥ* 83. Прочие словоформы: *само* 35, 207, *самогѡ* (7×: 3б, 60б, 74 и др., также *-ого* 3×), *самому* (9×: 84б, 202б, 334 bis и др.), *самоѣ* 331б, *самѡмъ* 80, 262, *самѡи* 62. В Чуд. а.п. *c* (однако при адъективном окончании *-оѥ* – только *са́моѥ* 96а, 103г, 127б, ср. § 53 о слове "другой").

§ 72. Суффикс *-ак-*. А.п. *a* (гр. 1): *всѧкоѥ* 144 (адъективная словоформа), *всѧко* (19×: 9, 12б, 13, 16 и др.), *-огѡ* (24×, также *-ого* 2×), *-ому* (10×), *-оѧ* (9×), *-ою* 25б, *-ѡмъ* 30б, 62, 120б, 272, *-ѡи* (9×: 27, 30б, 62 и др., также *-ои* 72). По косвенным данным сюда же *ѥдинако* 194, *ни-* 58б (ср. *одинаку* В.ед. 60б).

По косвенным данным а.п. *a* (гр. 2): *инакѡ* (21×: 4, 50б [6×], 78, 95 и др.); *нѣкакѡ* 133б, 143, 214б [Б]. Упрощ.: *инако* 227.

А.п. *с: какѡму* 168б, 173 bis, *какѡю* 149б, 192 (адъективные словоформы); прочие словоформы – *тако, како, ꙗко* (очень часто, многократно также *ꙗко же, тако же, никако же*), *такогѡ* 25б, *такогѡ же* 30б, *какогѡ* 157б, *такому же* 192, *какому* 34 bis, 75б, *какомъ* 192, *никакомъ же* 167б, *какѡмь* 83, 183б, *какѡи* 156, 179.

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ СЛОВА

§ 73. Укажем (без подробного разбора), как пишутся в Мериле некоторые группы неизменяемых слов, содержащих *О* (об отадъективных наречиях на *-О* и *-ѣ* см. § 46). Наречия на *-Олѣ: докѡлѣ* 14б, 32б, *ѡ^{т}кѡлѣ* 32б, *дотѡлѣ* 224, *ѡ^{т}тѡлѣ* (15×: 12, 32б, 42б и др.); на *-Оли: коли* 39, 159, *николи же* 39б, 67, 204б, *нѣколи* 52, 246б, *ҁколиждо* 91б, 257б; также *колиждѣ* 48б, *толиждѣ* 313; на *-амО: тамо* 8, 52б, 124б, *онамо* 62, *ѥдинамо* 39, также *сѣмо* 62; на *-гда: кѡгда* 153б, *овогда* 130б ter, 137 ter. Прочие наречия: *искони* 2б, 4, *мнѡгаждѣ* 50, 177, *мнѡгиждою* 60б, *обаче* (9×: 57, 89, 100б и др.), *токмо* (77×: 6б, 7, 23б и др., также *тъкмо* 3×). Отыменные предлоги: *кромѣ* (16×: 21, 56, 94б и др.), *сквозѣ* 3б, 137б, *противу* (7×: 5, 7б, 53 и др., также *противо* 195б), *супротивь* 50 (о простых предлогах см. Противоп., § 25-27). Союзы: *оже* (20×: 72б, 80б, 332б-345б), *ожели* 335б, *доже* 197б, *оли* 230б, 333б, *тоти* (7×: 224 bis, 333-340).

Частица *бО* пишется *бѡ* (291×: упрощ. *бо* в нормальных условиях 10×); ѡ здесь несвободное, см. §2. Но в "ибо" и "убо" *О* уже свободное, и отчетливо видна разница в акцентуации: *ибѡ* (15×: 23б, 58б, 100 и др.; упрощ. *ибо* 58б); *оубо* (60×: 16б, 44б, 45, 61б и др.; написание *оубѡ* 82, 150б либо отражает вариант с другим ударением, либо возникло просто под влиянием орфограммы *бѡ*).

СПРЯЖЕНИЕ

§ 74. С акцентологической точки зрения оказалось целесообразным рассматривать по отдельности: 1) основную часть глагольной парадигмы (включая действительные причастия); 2) страдательные причастия[67].

При цитировании словоформ частицы *не* и *да* как правило ради краткости опускаются (поскольку в Мериле они не оказывают никакого влияния на написание глагольных словоформ). Наличие возвратной частицы при ссылках на страницы может отмечаться записями (*сѧ*), (*с*)[68]; например, *порабѡтить* 130, 130б (*с*) означает: *порабѡтить* 130, *порабѡтить^{с}* 130б.

---

[67] Действительные причастия обозначаются далее как "прич. наст." и "прич. прош.", страдательные – как "прич. страд. наст." и "прич. страд. прош.".

[68] Разницей между *сѧ* и *с* мы в некоторых случаях пренебрегаем.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ГЛАГОЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Глаголы на *-ити*

§ 75. Противопоставление трех а.п. у глаголов на *-ити* (в основной части глагольной парадигмы) показано в таблице 12.

Акцентные кривые. В а.п. *a* ударение неподвижно. В а.п. *b* по написаниям Мерила четко выделяются формы с оттяжкой ударения на корень: презенс (кроме 1 ед.), прич. наст.. (кроме И.ед. на *-а, -аи*), прич. прош. без *-ив-*. Прочие формы должны интерпретироваться как имеющие ударение на послекорневом слоге. Из этих фактов особый интерес представляет корневое ударение в прич. наст., поскольку в этом пункте Мерило систематически расходится с Чуд. (где ударение регулярно на суффиксе, например, *гонѧ̀*, *гонѧ́й*, *гонѧ́ще*, *гонѧ́щий*), ср. § 91.

В отношении а.п. *c* показания Мерила, как обычно, неоднозначны. Важно то, что они нигде не противоречат Чуд. (см. Дыбо 1969 и 1971). Особо отметим прич. прош. без *-ив-*. В Чуд. здесь обычно корневое ударение (например, *полóжь*, *полóжшю*, *-е*, *ствóрше*, *ствóршемоу* и т.д.) и лишь изредка флексионное (в частности, *ство|ршѐ* 28в, *створшéму* 143в). В Мериле те же два варианта, но в ином количественном соотношении: 1) *поржъши*; 2) *положьшю*, *обновльшему*, *свобожьша*, *-ам* (словоформы *прилѫжь*, *поклѫньсѧ* соотносятся с обоими вариантами).

§ 76. Переходим к разбору материала.

А.п. *a* (гр. 1): *готѫвить* 32б; *закѫнить* 136б, *взакѫнить* 173б, *-ити* 174, *оузакѫн-ити* 207б, *-и* аор. 204б, 201б (*сѧ*); *озлѫб-ите* буд. 23, *-ити* 82, 111б, *-и же сѧ* аор. 4[69]; *мнѫжиши* 11, *оумнѫж-ить*[c] 31, *-иша* 14б, *-илъ вы кѣсть* 17б; *подѫбѧтсѧ* 29б, *оуподѫб-ишисѧ* 7б, *-ити*[c] 344; *робѫтать* 343, *порабѫт-ить* 130, 130б ([c]), *-ѧще* 58б, *-ивъ* 130б. Сюда же *измѫлвити* 29б (см. Противоп., §8).

§ 77. А.п. *b*: глаголы *водити*, *воротити*, *гонити*, *молити*, *носити*, *плодити*, *просити*, *своити*, *скочити*, *смотрити*, *томити* (ср. § 87), *точити* (ср. § 87), *ходити* (и их производные). Приводим материал.

Словоформы с у д а р е н и е м н а к о р н е. Презенс (кроме 1 ед.): *вѫдиши* 17, *вѫдить* 67б, *на-* 16б, 71, 87б, 148б ([c]), *при-* 48б, 187б, 207б, 147 ([c]), *въвѫдать* 263, *извѫдать* 109, *привѫдать* 75, 187б; *ворѫтить* 341б, *въз-* 342, *заворѫтитсѧ* 28б; *гѫнить* 11б, *из-* 346б, *по-* 35; *мѫлить* 14, 65б, 96б ([c]), 250б ([c]), *измѫлит ны* 38, *оумѫлить*[c] 12, *мѫлимъ* 167, 345б, *мѫлѧть* 142б; *нѫсиши* 51б, *нѫсить* 11, 26, 5б (*сѧ*), *в-* 272, *въз-* 11, 156б, 157б, *на-* 199, *при-* 92, 157, *нѫсимъ* 31, *при-* 148; *приплѫдить*[c] 203, *плѫдѧтьсѧ* 34б, *ис-* 35б; *прѫсить* 14, 38, 90, 104, *въ-* 257б, *въс-* 156, *ис-* 120б, *прѫсѧть* 15б, 144, 167б; *свѫить* 169,

---

[69] Имперфект *озлѫбляше* 117 может относиться как к *озлѫблѧти*, так и к *озлѫбити*.

Таблица 12

Формы \ А.п.		*a* (гр.1)	*b*	*c*
Презенс	ед. 1	–	молю	створю
	2	мнѡжиши	вѡдиши	твориши
	3	готѡвить	мѡлить	творитъ
	мн. 1	–	мѡлимъ	творимъ
	2	озлѡбите	–	створите
	3	робѡтатъ	мѡлатъ	творатъ
Повел.	ед. 2	–	ходи	твори,(дѡи)
	мн. 2	–	ходите	творите
Прич.наст.	И.ед. на-*а*	–	хода	твора
	И.ед. на-*аи*	–	входаи	твораи
	Примеры прочих форм	порабѡтаще	хѡдаща	твораще
Инфинитив		оузакѡнити	ходити	творити
Аорист	ед. 1	–	ходихъ	родихъ
	2-3	оузакѡни	оумоли	створи
	мн. 3	оумнѡжиша	въпросиша	створиша
Имперфект	ед. 2-3	(–)	хожаше	твораше
	мн. 3	–	исхожаху	твораху
л-причастие	ед. муж.	оумнѡжилъ	–	створилъ
	жен.	–	расточила	родила
	сред.	–	–	оуtаiло
	мн. муж.	–	–	положили
Прич. прош. с *-ив-*	И.ед. на *-ивъ*	порабѡтивъ	носивъ	створивъ
	И.ед. на *-ивыи*	–	въпросивыи	створивыи
	Примеры прочих форм	–	ходивше	створивши
без *-ив-*	И.ед. на *-ъ*	–	–	(ствѡрь), прилѡжь
	И.ед. на *-ии*	–	–	затвории
	Примеры прочих форм	–	испрѡшьшю	(ствѡрше), положьшю*

* Другой акцентный вариант представлен в единичном *порѡжьши*.

оу- 31; *схѡчить* 193; *смѡтрить* 68, 223 (*с*), *расмѡтрить* 12, 136_2, 268б, *смѡтр-имъ* 55б, *-ѧть* 16; *хѡдишь* 28, *хѡдить* 3б, 338б, *в-* 145б, *въс-* 195б, 245, 261, *на-* 264б, $\omega^{т}$- 4б, 30б, 343 bis, *по-* 124б, *при-* 7, 67, 117б, *проис-* 151, *с-* 220б, *хѡдѧть* 6б, 14б, *до-* 343, *ис-* 32б, $\omega^{т}$- 103, 112б, 121б, 144, *при-* 219, 248б, *перехѡдѧ*^{т} 35б, *схѡдѧтьсѧ* 197. Упрощ.: *молишися* 20, *приносѧть* 266б, *плодить* 34б, *въпросить* 248, *смотри|ши* 54б (тесно).

Прич. наст. (кроме И.ед. на *-ѧ*, *-ѧи*): *гѡнѧщ-е* 15б, 46б, *-ихъ* 14, *-имъ* 16, $\omega^{т}$*гѡнѧщимъ* 149б; *мѡлѧщесѧ* 82б; *нѡсѧще* 107, 139, *взнѡсѧщихъсѧ* 52б, *принѡсѧщ-е* 51, *-имъ* 171; *прѡсѧщему* 251; *смѡтрѧщ-е* 63, *-имъ* 45б, 56б, 151, *-ими* 143б; *хѡдѧщ-а* 91б, *-ема* 40, причастия с основами *вхѡдѧщ-*, *въсхѡдѧщ-*, *исхѡдѧщ-*, *низъхѡдѧщ-*, $\omega^{т}$*хѡдѧщ-*, *прехѡдѧщ-*, *прихѡдѧщ-*, *происхѡдѧщ-*, *схѡдѧщ-* (членные и нечленные формы) - 52× (32б, 35, 86, 147б, 224б, 242, 252б и др.).

Прич. прош. (без *-ив-*): *испрѡшьшю* Д.ед. 130 [Б].

Словоформы с б е з у д а р н ы м к о р н е м. 1 ед. презенса: *молю* 9, 202 (*с*), *не прошю* 268б. Повел.: *моли* 66, *не поноси* 30б, *смотри* 24б, 143, 220б, 222, *-ите* 19, 221б, *расмо|три* 60б, *ходи* 28, 40б, *-ите* 56. Причастные словоформы на *-ѧ*, *-ѧи* (И.ед.): *възводѧ* 62б, *ізводѧ* 66б, *наводѧ* 117б, $\omega^{т}$*водѧ* 142б, 344б, *приводѧ* 194, *-ѧи* 75, 187б, *гонѧ* 343, *молѧ*^{с} 250б, *носѧ* 44, 230б, *из-* 33, *на-* 77, *по-* 57, *просѧ* 90, 104, *смотрѧ* 1б, 229б, *точа* "источая" 33б, *ходѧ* 73, 177б, *вос-* 143, *ис-* 254, *на-* 180б, *при-* 77б, 136, *про-* 53_2б, *проис-* 44, 142б, 221, *входѧи* 192б, *отъходѧи* 274 (начальное *о* киноварное). Инфинитив: *водити* 29, 79, *въз-* 219 bis, *из-* 159, *при-* 94б, 136_2, 186б, *воротити* 337 bis, 339б, *гонити* 145б, *молити* 65 bis, 86б (*сѧ*), *носити* (7×: 17б, 29б и др., также *носитисѧ* 62), *в-* 179, *воз-* 143б, *по-* 30б, 57б, *при-* (5×: 167, 171б и др.), *просити* 82б, 83, 182, 263б, *ис-* 82б, 83, 83б bis, *присвоити*^{с} 144, *смотрити* 69, 70, 215б, *заточити* 189б, 229, *поточити* 340, *ходити* 83, 347, *в-* 153б, 200, 207, *въс-* 244б, *ис-* 161б, *на-* 95, 95б, $\omega^{т}$- 78, *пре-* 74, 167, 186б, *при-* (7×: 76б, 86б и др.), *схо|дитисѧ* 92б[70]. Аорист: *помолихъсѧ* 10, *оумоли мѧ* 2 ед. 48б, 57б, *приплодиша*^{с} 179, *въпросиша* 345б, *въспроси* 219б, *въскочиша* 39б, *оускочи* 40, *расмотри* 199, *заточи* 52б, *ходихъ* 14б, 230б, *ходисте* 19. Имперфект: *приводѧху* 344б, $\omega^{т}$*гонѧше* 22б, *молѧше* 48, 47 (*сѧ*), *мо|лѧхусѧ* 42, *смотрѧста* 3 дв. 39, *хожаше* 39, *въс-* 53, *при-* 132, *исхожаху* 41б, 39 (*сѧ*). Перфект: *расточила кѣсть* 252. Прич. прош. с *-ив-*: *молившемъ же сѧ* 201, *оумо|ливъ* 50, *носивъ* 73б, 192б, *по-* 42б, *просившю* 48б, *въпросивъи* 249, *смотривша*ѡ 78, *расмотр-ивъ* 88б, 136_2, *-ивше* 166б, *истомивъ* 8, *ходивше* 343б.

Формально а.п. *b* или *a*, по косвенным данным а.п. *b*: *рѡбѧть* "порабощают" 338б, *досѡчитьсѧ* 343, $\omega^{м}$*сѡчать* 339б, *оутѡлить* 116б (ср. Чуд. *оутоли́ти* 80б).

---

[70] Неправильное написание: *схѡдити*^{с}| 200 (позднее переправлено на *схѡдитисѧ*); вероятно, писец начал писать словоформу *схѡдить*^{ъ}, которая уместна по контексту.

Глагол *строити*, по-видимому, колеблется между а.п. *b* (основной для него) и а.п. *c*. По а.п. *b* идут: *стрѡиши* 67б, *стрѡить* 10, 33б, 131, 152, 178, 197 (С), *оу-* 264, 268, 137б (СА), *стрѡмать* 33б, 348, *оу-* 242б. По а.п. *c* идут: *строѧтьС* 117, *оустро-ить* 7б, *-ѧть* 43, *строѧще* 58б, *строѧщю* 132б, *строѧщимъ* 165 (маловероятно, что все эти написания упрощенные). Аналогичное колебание и в прич. страд. прош. (см. § 87). Не позволяют различить а.п. *b* и *c* словоформы: *строити* (11×: 84б, 86, 90 и др., также *строитисѧ* 57б), *при-* 130б, *оу-* 7б, 166, 168, 195, *оустроивъ* 10, 150. Аорист *оустрѡи* 58б, 168 обнаруживает такой же переход *и* > *j*, как в повел. типа *дѡи*, *въспѡи*.

Глагол *изволити:* презенс *извѡлитьС* 169, *-ита* 78б. Таким образом, здесь либо просто а.п. *b*, либо колебание как у *строити*. Прочие словоформы: аорист *извол-ихъ*, *-и*, *-исѧ*, *-ихомъ*, *-иша* (12×: 13б, 28, 106, 166б и др.), *извол-ивъше* 53б, *-ившема* 163б, *произвол-ити* 167, *-ивше* 166.

§ 78. А.п. *c:* глаголы *годити*, *-городити*, *-гостити*, *-клонити*, *-корити*, *оукротити*, *ловити*, *-ложити*, *-морити*, *-новити*, *разорити*, *полонити*, *постити*, *простити*, *родити*, *свободити*, *скопити* 'castrare', *творити*, *-топити* 'mergere', *трошити* 'тратить' (и их производные).

Приводим вначале формы, в которых написания Мерила позволяют отличить а.п. *c* от *b*.

Презенс (кроме 1 ед.): *оугодимъ* 47б; *перего|родить* 339; *пригостить* 341б; *поклонишисѧ* 118б; *покоритьсѧ* 117, 158, *оукорить* 81, 230б; *оукротить* 11, 31б (С); *преложиши* 140, *приложиши* 34б, *-ложить*, *-ложитьС* с приставками *в-*, *въз-*, *на-*, *об-*, *по-*, *пре-*, *при-* (30×: 21б, 33, 66, 103, 259б и др.), *положать* 103, *приложатьС* 118, *сложать* 266; *изморить* 194б, *оумор-ить* 110б, *-ать* 108, 111, *обновить* 253, 273б, 33 (С); *разорить* 185б; *полонать* 229; *постить*С 130; *простить* 89б, 268, 81б (СА), 111б (С) (также *просьтить* 86б), *простимъ* 48; *родить* 51, 112б, 247, 177 (С); *свобод-иши* 270б, *-ить* 259б, 263б, *-итьС* 130б, 139б, 143; *скопить* 'castrat' 88 (*ко|*), 130б; *твориши* 54б bis, *с-* (9×: 43, 48, 119 и др.), *творить* (34×: 5, 7, 10б и др.), *за-* 337 (также *затворить бѡ сѧ* 36б), *с-* (42×: 37б, 46, 48 и др., также *створитьС* 6×), *творимъ* 34б, *створите* 38, *творѧть* (24×: 10, 20, 22 и др.), *с-* (9×: 66, 82б и др.), *створита* 178б bis, 179; *истопитьС* (о корабле) 267б, 273б, 338 bis.

Прич. наст. (кроме И.ед. на *-ѧ*, *-ѧи*): *годѧче* 34; *клонѧщасѧ* 26б; *покорѧщесѧ* 42б; *ловѧче* 62, *ловѧщихъ* 9б; *разорѧщихъ* 188; *постѧщемусѧ* 56б; *творѧщ-е*, *-а*, *-ю*, *-агѡ*, *-еи*, *-ѧм*, *-имъ*, *-ихъ* (37×: 5б, 40б, 56б, 65 и др.); *трошѧ|шаще* 6 (вместо *трошаще*).

Прич. прош. без *-ив-* (кроме И.ед. на *-ъ*, *-ии*): *положьшю* Д.ед. 158, *обновльшему* 274, *свобожьша* Р.ед. (?) 324б, *-ѧм* В.мн. муж. 183. Другой акцентный вариант - *порѡжьши* 5б (см. § 75). Словоформы *рѡжьши*, *-е*, *-юсѧ*, *-агѡсѧ* и т.д. (21×), *ствѡрше*, *-ю*, *-агѡ* и т.д. (17×) акцентологически непоказательны.

Далее приводятся формы, в которых по написаниям Мерила нельзя отличить а.п. *с* от *b*.

Предполагаемые энклиномены (см. Дыбо 1971). 1 ед. презенса: *положю* 15б, 17, 37, *преложю* 3б, *прощю* 230б, *створю* 39б, *не створю* 39б. И.ед. прич. наст. (на *-ѧ*): *творѧ* (24×: 11б, 12, 27, 30 и др.); *л*-причастие: (кроме ед. жен. и мн. сред.): *оукорилъ ѥси* 60б, *вложилъ* 31б, *възложилъ* 341, *положилъ* 184, 336б, *-и* 35, *приложилъ* 267б, *-и* 331б, *сѧ не родилъ* 38, *свободилъ* 306б, *скопилъ будетъ* 'castrabit' 130б, *творѣли ѥсте* 41 (*ѣ* вместо *и*), *створилъ* (10×: 12, 15, 44б, 19 и др.). И.ед. прич. прош. (на *-ивъ*): *изложивъ* 200, *положивъ* (7×: 6б, 42б, 57б и др.), *приложивъ* 245, *не приложивъ* 132, *створивъ* (11×: 45, 45б, 68 bis и др.). Особо: *въсклонивъсѧ* 41б (ударение, вероятно, на *сѧ*), *въсклонивъ же сѧ* 41б.

Предполагаемые ортотонические словоформы. Повел.: *оуклонисѧ* 11, *приклони* 47, *наложи* 120, *положи* 65, *приложите* 9, *разори* 1, *прости* 48б, *твори, створи* (7×: 11, 12б, 18б и др.), *творите, створите* (12×: 20б, 41, 48 и др.), *затворита* 39б. И.ед. прич. наст. (на *-ѧи*): *творѧи* 36б, 63, 129, 193б. Инфинитив: *оугодити* 25б, 30б, 66, 143б, *оуклонити* 21, 10б (*сѧ*), 118 (*с*), *покорити* 146, 23б (*с*), 117 (*с*), *оукорити* 64, *-ложити, -ложити*^{с} с приставками *в-, въз-, на-, низ-, ѡ*^{т}*-, по-, пред-, при-, с-* (37×: 8, 25, 74б, 76б, 80б и др.), *оуморити* 40, *разорити* 82, *постити* 227, *простити* 164, 239, *творити, с-* (102×: 28б, 43, 45 и др.). Аорист: *оуклонихъсѧ* 13б, *покори* 36б, *-ложи* с приставками *в-, въз-, из-, ѡ*^{т}*-, по-, с-* (12×: 3, 5б, 17, 43б и др.), *възложиша* 40, *оумори* 46б, *обнови* 26б, 142б (*сѧ*), *родихъ* 225б, 244б, *роди* (17×: 220б-226, 244б-246), *родиша* 244, 244 (*с*), *затвори* 40, 46 (*сѧ*), *-иша*^{с} 39б, *-иста* 39б, *створи, -иша, -иста* (42×: 2б, 4, 113, 220б и др.), *потопи* 46, 60, 174. Имперфект: *творѧ-ше* 58, *-ху* 111, 347б. Ед. жен. перфекта: *родила ѥсть* 246. Прич. прош. с *-ив-*: *положивъи* 270б, 273б, *створивъи* 10, 50б, 128, 206б (также *створевъи* 246, с *е* вместо *и*), *оукорившa* 177, *оуловивъ|ше* 21б, *положивши* 248б, *-еи* 265б, *-ему* 185б, *приложивъше* 8б, *изморивша* 194б, *родивш-имъ* 128, *-имъ|сѧ* 141 (*-имсѧ* 141, 141б), *свободившѧ* 79 bis, *створивши* 39б, *затворившимъ* М.ед. (sic) 194б, *истопившюсѧ* "утонувшему" 267б. Прич. прош. на *-ии:* *затвории* 130 [Б], *приложисѧ* 128 quater, 128б (по-видимому, *-исѧ* вместо *-иисѧ*). Прич. прош. на *-ъ:* *поклѡньсѧ* 41б bis, *прилѡжь* 198б (непоказательны *рѡжьсѧ* 38, *ствѡрь* 19б).

Отметим несколько глаголов, а.п. которых по данным Мерила нельзя установить однозначно. А.п. *с* или *b: бл҃говоли* повел. 13б, *помостивше* 341, *нанози* аор. 19б, *ротитисѧ* 81б bis, *хоронилъ* 336б, *-и* 344 bis. А.п. *с* или *a* (гр. 2): *пакост-ить* 22, 36б, 251б, 31б (*с*), *-ѧщагѡ* 66, *-ѧщему* 65, *-илъ* 26б (в Чуд. а.п. *с*). Малопоказательны *даровити* 85, *дѡи* повел. 11. См. также § 84 о словоформах на *-лО*.

В полном согласии с данными исторической акцентологии, акцентуация отыменных глаголов на *-ити* подчиняется в Ме-

риле формуле "a^a, b^b, c^c". Важнейшие примеры: a^a - *готѡвить, оузакѡнити, озлѡбити, оумнѡжилъ, робѡтать; b^b - свѡшить;* вероятно, сюда же *плѡдаться, рѡбать, извѡлить; c^c - перего|родить, пригостить, оукротить, простить, родить, свободить;* вероятно, сюда же *полонать, помостивше.* Исключение: *постить^c* относится в Мериле (так же, как и в Чуд.) к а.п. *c*, хотя "пост" - слово а.п. *b*.

Глаголы на *-ѣти, -ати* (с презенсом на *-ить*)

§ 79. В системе презенса различаются три а.п. - по-видимому, с такими же акцентными кривыми, как у глаголов на *-ити*. Вне презенса ударение в а.п. *b* и *c*, вероятно, всегда на элементе *-ѣ-* (*-а-*).

Принадлежность нескольких глаголов ("видеть", "слышать" и др.) к а.п. *a* устанавливается лишь по страд. причастиям, см. § 86, 89.

А.п. *b*: *достѡить* (19×: 20, 71б, 72 bis и др.), *достоа* прич. 149, ср. также *достоание* (§ 89). В двух случаях, по-видимому, представлены лишь единичные колебания в сторону а.п. *b* (при обычной а.п. *c*): *растѡить* 35 (при *растощ-амса* 3, 198, 205, *-имъса* 254б), *бѡлимъ* 1 мн. 47б (при *болить, болаче* и т.д., см. ниже).

А.п. *c*: *боитьса, боить^c* (6×: 27, 29б и др.), *оубоишиса* 20б, 121б, *бѡиса* повел. 22б bis, *боиса* (6×: 22, 30 и др.), *боячеса* 27б, *бощ-еса* 41, *-юса* 26б, *-имса* 147б, 195б, *боитиса* 58б, 196б, *оубоиса* аор. 12; *болить* 31 (относительно *бѡлимъ* 47б см. выше), *бола* 6, 124б, *болаче* 6б, *болащимъ* 22б, *поболѣ-ти* 47б, *-въ* 4б; *изгорить* 268б, *разгоритьса* 21б, *сгорить* 260б, *горащек* 46б, *погорѣвшии* 253, *сгорѣвшагѡ* 128б; *въсполить^c* 68 (от *въсполѣтиса* 'загореться'); *стоиши* 'stas' 51, *стоить* (6×: 9, 47б и др.), *стоать* 24б, 26б (o|), *оустоать* 15б, *стоащи* 41б, *-ю* 53б, *-а* 38, *-ему* 133, *-ии* 228б, *-ихъ* 133, *настоащюю* 259, *стоати* 48б, 127, 127б, 340б, *достоати* 'отстоять до конца' 127б, *стоаше* 44 (относительно *растѡить* 35 см. выше).

Глагол *хотѣти* в Мериле, как и в других памятниках, аномальным образом соединяет словоформы по образцу *болѣти* (а.п. *c*) со словоформами I спряжения по образцу *кѡлеть, мѡжеть* (а.п. *b*, § 82). Основная группа словоформ: *хощю* 80, *хотать* (17×: 84б, 107, 110б и др.), *въсхотать* (5×: 115б, 179 и др.), *не похочи* 119, *въсхощи* 29б, *хота* 'volens', 'velut' (24×: 22б, 30, 51, 106 и др.), *хотаи* 19б, 78б, 116, *хотащ-и, -ю, -е, -аго, -ему, -имь, -ам, -имъ, -ихъ, -ема* (35×: 35б, 42б, 43б, 170, 231 и др.), *въсхо|-таще* 128, *хотѣти* 184, 337б, 342 bis, *хотѣ* 250б, *хотѣша* 83б, *въсхот-ѣ* (4×: 39, 82 и др.), *-ѣхомъ* 146б, *-ѣша* 168б, *хота-ше* 141б, 257, *-ху* 267б, *хотѣлъ* 70б, *въсхотѣвшю* 107. Словоформы презенса с *ѡ*: *хоще-ши* 122 (*-шь* 29б), *-ть* (49×: 10, 16б bis, 31, 53 и др.), *-мъ* (7×: 147, 151б, 168 и др.), *-те* 57, 345, *-та* 112, 191, *въсхоще-ши* 122, *-ть* (18×: 80, 86б, 106 и др.), *-та* 3 дв. 102б, 107, 177б, *всхощеть* 250; отметим также сомнительные написания *ахоже хощь* 145б, *хоще ли* 56б. Упрощ.: *въсхощеть* 169.

Глаголы на *-ати (-аѥть), -ѣти (-ѣѥть)*

§ 80. А.п. *a* (гр. 2): *изготѡвающе же сѧ* 178, *оуготѡв-асѧ* 37, *-авшагѡ* 3б; *котѡрающегѡсѧ* 11б, *раскотѡр-авъсѧ* 113б, *-авшисѧ* 249б; *подѡба-еть* (14×: 19б, 30, 49 и др.), *-ше* 104б [Б], *-лѡ* 34б; *рабѡта-ѥть* 31, 121, *-ите* 13, *-ѧ* 25б, *-ющи* 230, *-ющихъ* 165, *-ти* 135, *-вше* 121б, *рабѡта ми* аор. 270б, *израбѡтаѥтьсѧ* 129б [Б][71]; группа вторичных имперфективов – *ворѡчати* 343, *взакѡнѧѥши* 60, *оузакѡнѧ-ѥть* 243, *-ѥмъ* (1 мн.) 255, 256, *озлѡблѧющими* 7, *озлѡблѧше* 117 (см. сноску 69); *порабѡща-ѥть* 139б, *-ютьс* 183; глаголы на *-ѣти* – *сорѡмѣѥмсѧ* 22, 50, *обурѡдѣша* 54. Упрощ.: *оуготова* 47, *подобаѥть* 136_2б.

По косвенным данным а.п. *a* (гр. 1): *иско|паѥть* 121б, *въскопающи* 137б; группа вторичных имперфективов – *изгонѧѧ* 34бб, *иско|ренѧѥть* 171б, *свобожа-ѥтьс* 270, *-ющимъс* 195, *скоплѧ-ють* 'castrant' 130б, *-ти* 130б, *затворѧѥтьс* 135, ср. *створѧѥму* 133б (обратить внимание на огласовку *о* вместо нормативной *а*), также *лобизахъ* 10; глаголы на *-ѣти* – *овдовѣвше* 116, *одолѣ-ѥть* 27б, 30б, *-ти* 44б; отметим также *довлѣ-ѥть* (5×: 42 и др.), *-ѥта* 90, *-ти* 151б (см. Противоп., § 25, особый случай 2).

Таким образом, Мерило отражает архаичное состояние, когда вторичные имперфективы еще не обобщили ударение на *-а-* (*-ѧ-*): *оузакѡнѧѥть, озлѡблѧющими, порабѡщаѥть* сохраняют ударение исходного глагола. В Чуд. действует этот же принцип, но уже с заметными колебаниями.

Глаголы на *-овати*

§ 81. Данные Мерила по этим глаголам малопоказательны, поскольку суффикс *-Ова-* всегда пишется в Мериле через *о*, независимо от места ударения в словоформе (см. Противоп., § 18). Ср., например, *господовати, даровати, куповати, наимовати* и т.п. (ударение на *-ва-*), *вѣровати, покрадовати, помиловати, печаловати* и т.п. (главное ударение на 4-м слоге от конца) и *вѡиньствовати, назнаменовати, свѣдителььствовати* (главное ударение на 5-м слоге от конца). С *ѡ* в корне в Мериле встретились: *вѡиньстве-овати* 178б, *-уѥть* 178б, *вѡиньстве-оваше* 140б, 257б, *-ующе* 183, *-ующему* 179 bis; *изрѡвновахъ* 3б; *безакѡньн-овати* 49б, *-уѥть* 36б.

Глаголы с презенсом на *-еть* (после согласной)

§ 82. Рассмотрим по отдельности: а) систему презенса; б) аорист; в) прочие формы основной части парадигмы.

В презенсе, по-видимому, различались три а.п., но по материалу Мерила хорошо видны только а.п. *b* и *c* (акцентные кривые – такие же, как в § 75).

---

[71] Отметим также *глагѡлахомъ* 128 (см. § 83).

А.п. *b*: *могу* (8×: 223, 223б, 245б–246б), *въз-* 17б, *мѡже-ши* 225 (*-шь* 28б), *мѡжетьᶜ* 261), *въз-* (6×: 50б, 122б и др.), *по-* 37б, 243б, *мѡжемъ* 53_2б, 66, *въз-* 3б, *мѡгуть* (15×: 3б, 28б, 35б и др.), *въз-*, *воз-* (6×: 3б, 5б и др.), *по-* 13б, 342б; повел. *не мози* 230б, *помозѣте* 37; прич. наст. *мога* (6×: 34 bis, 46, 47б и др.), *мѡгущ-и*, *-ю*, *-а*, *-ъ* Р.мн., *-емъ*, *-ема*, *-ѥ*, *-ему*, *-имѣ*, *-имъ*, *-ихъ* (18×: 23, 157б, 169б, 174б, 347 и др.); словоформа *мѡгаи* 'могущий' 173б сомнительна, поскольку текст частично искажен.

По косвенным данным к а.п. *b* следует отнести также: *закѡлеть* 121, 122; *бѡрютьᶜ* 32б, 33б, *бѡрющимъсѧ* 14; *зобла* 50. Написание *прикоснетьᶜ* 180б, возможно, упрощенное (ср. Чуд. *кб́снетсѧ* 148б).

А.п. *c*: *прободеть* 121б, 122 bis; *волокуть* 66б, *сволочеть* 33б; *зоветь* 34 bis, 230б ter, *по-* 89б, *при-* 92, 144б, 173б, 241 (ᶜ), *зови* 58, *зовущю* 7б; *разореть* 'распашет' 339; *пловуща* 35, *-имъ* 32б; *въспою* 14, *поютьᶜ* 9, *поють* 32, *въс-* 33, *въспѡи* повел. 8, *поюще* 143; *ростеть* 30б, 56б, *въз-* 68.

§ 83. В аористе с элементом *-Ох-* (*-Ош-*, *-Ос-*) в Мериле четко противопоставлены две акцентные модели:

Таблица 13

	Ударение на корне	Ударение на показателе аориста
ед. 1	обрѣтохъ	придѡхъ
мн. 1	обрѣтохомъ	рекѡхомъ
2	-	придѡсте
3	обрѣтоша	придѡша
дв. 1	мѡгоховѣ	текѡховѣ
3	излѣзоста	придѡста

Ударение на корне: *погибоша* 22, *въздвиго-хъ* 15, *-шасѧ* 12б, *скѧладохъ* 36, *излѣзоста* 39б, *падоша* 8б, *обрѣто-хъ* 61, 122б, *-хомъ* 253б, *-ша* 203, *сѣдо-хъ* 14б, *-ша* 12б, 14; также *мѡгоховѣ* 40.

Ударение на показателе аориста: *приведѡша* 41б, 136_2, *погребѡша* 23, *внидѡша* 162б, *преидѡша* 172, *придѡ-хъ* 37б, *-сте* 5б, *-ша* 53б, 138б, 139б, 143б, *-ста* 39, 39б, *разидѡстасѧ* 39, *снидѡхъ* 38, *оумрѡша* 113, 248, *изнесѡша* 85, *принесѡша* 92б, *сопрѧгѡстасѧ* 222, *рекѡ-хомъ* 149, 254б, 265б, *-ша* 41б, 101, *-ста* 39б, *текѡховѣ* 40, *ищезѡша* 50. Упрощ.: *рекохомъ* 242б.

Отметим также *пробо|де* 59 (вероятно, с конечным ударением).

Об общем соотношении акцентуации аориста и презенса см. Дыбо 1971, с. 97-106. В материале Мерила ударение в аористе на корне практически представлено у глаголов с презенсом а.п. *a*, ударение на показателе аориста — у глаголов с презенсом а.п. *b* и *c*. Исключение составляет *мѡгоховѣ* (при презенсе а.п. *b*): здесь корневое ударение явно по аналогии с презенсом *мѡжеть*, *мѡжевѣ* и т.д.; ср. в Чуд. *не мо́же* 20а, 35в, *не мо́же* 29г, *взмо́же* 101б, *не взмо́же* 31б (наряду с *могу́ша*, *могу́сте* и др.). Глагол "исчезнуть", по-видимому, относился к а.п. *b*.

Архаичной особенностью Мерила является строгое сохранение древнего корневого ударения аориста в а.п. *a*. В Чуд. это древнее ударение тоже в основном сохранено; однако с ним уже явно начинает конкурировать более новое ударение на показателе аориста (например, встречаются *вздвигу́ша*, *влѣзу́ша*, *достигу́хомъ*, *навику́сте*, *падо́ша*, *обрѣто́ша* и др.).

Аорист без соединительного *-О-/-е-*: *глагѡлахомъ* 128 (что указывает на а.п. *a*, ср. также § 86, 89); *прикоснуса* 47, 114б.

§ 84. Прочие формы. Глагол "мочь": инфинитив *мощи* (6×: 89, 115б и др.), *въз-* 174б, *по-* 37, 82б, *можаше* 40, 43б, *не мѡглъ боудеть* 129, *мѡгии* прич. прош. (7×: 128, 147б, 198б bis и др.), *помѡг-ии* 128, *-шихъ* 164б bis (*-ъшихъ* 106), *не възмѡгъ* 270б, *не възмѡгъшю* 266б.

Форма на *-лО*. По-видимому, а.п. *a* (гр. 1): *погибло* (8×: 273 bis, 334б-336б), *крало* 335б, *остало* 261б, *недостало* 161б; а.п. *c*: *было* 12б кин., 229б, 208б [Б]. Приведем здесь для обозримости также все словоформы на *-лО* от глаголов других типов: *подѡбалѡ* 34б (а.п. *a*, гр. 2), *оутаило* 27, *въобразилоса* 123б [Б] (по-видимому, а.п. *c*; последнее написание ненадежно). Ср. также прилагательное *оуныло* 31б (а.п. *a*, гр. 1).

Отметим *поимъ* 108, 122б, *поимш-ему* 195, *-емь* 195, *по-ѥмш-и* 249б, *-иися* И.мн. 252б (ударение, по-видимому, на *-им-*, *-ѥм-*); однако один раз *пѡимъ* 137б (ударение на *пѡ-*, если это не описка). Написание *прободъ* 8, вероятно, упрощенное.

СТРАДАТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТИЯ

§ 85. Акцентуация страд. причастий описывается ниже той же техникой, что акцентуация производных, а именно, указывается связь между а.п. глагола и а.п. причастия (рассматриваемого как отдельное слово). В настоящий раздел помещены также отпричастные производные на *-еньн-*, *-аньн-*, *-еньѥ*, *-аньѥ*.

Причастия с суффиксами *-Ом- (-ем-), -им-, -ен-*

Страд. причастия с суффиксами, содержащими гласную, обнаруживают значительное акцентное сходство между собой. Их акцентуация в Мериле обобщена в таблице 14.

Таблица 14

А.п. глагола / Суффикс	*a*	*b*	*c*
-Ом-	а.п. *a* (с тем же ударением, что в глаголе)	-	акц. кривая c_1
-ем-		-	акц. кривая c_2 (?)
-им-		колебание: а.п. *a* с предсуффиксальным и а.п. *a* с суффиксальным ударением	а.п. *b* (?)
-ен-			колебание: а.п. *b* и акц. кривая c_2

Ниже приводится материал. Отметим, что в § 86-90 а.п. глаголов и причастий во многих случаях установлены лишь по косвенным данным (далее этот факт уже не оговаривается).

§ 86. Причастия от глаголов а.п. *a*. Суффикс *-Ом-: видомъ* "видимый" 3, *невидомъ* 3. Суффикс *-ем-: бываємѡѥ* 107б, *взискаємѡѥ* 224б, 244, *начинаємѡму* 2, *низълагаємѡѥ* 185б, *обладаємѡѥ* 7, *попираємѡ* 58б, *призываємѡмъ* 153, *неприсѧзаємѡмоу* 43, *причитаємѡмъ* 153, *свершаємѡ* 206, *-ѡѥ* 198б, 206, *ствараємѡ* 203б, *-ѡму* 204, *оукараємѡ* 346, *нѧвлаємѡму* 199б; также *глемѡѥ* 167б, 168б (по-видимому, = *глагѡлемѡѥ*, ср. *глагѡлахомъ*). Особо: *свѣдительствуємѡ* 21 (вероятно, здесь два второстепенных ударения: на 2-м заударном слоге *-ствy-* и на 4-м заударном слоге *-мѡ*). Суффикс *-им-: видимѡѥ* 5б, *невидимѡѥ* 43б, *ненавидмѡмъ* 143б, *обидимѡму* 37б, *движимѡѥ* 250б, *недвижим-ѡѥ* 262б, 265б, 266 bis, 266б, *-ѡмъ* 266, *неподвижимѡѥ* 185б, *непостижимѡ* 143. Упрощ.: *оклеветаємому* 22, *невидимою* 5б, *неподвижимомъ* 98, *мучимомъ*| 67б.

Суффикс *-ен-*. От глаголов I спряжения: *вверженѡму* 193, *краденѡѥ* 137, *окраденѡмъ* 145, *оукраденѡ* 120, 334б, *-ѡѥ* 100, *-ѡму* 194, *скрѡвенѭю* Р.дв. 39б (также *скрѡвенъ* 2, 52, *-у* В.ед. 53_2б, *-ѣмь* 45, *-аѧ* 11б, *-ѧхъ* 40, *-о|ѥ* 261 с *о* упрощ.)[72], *ѡ^{т}терженѡ* 112. От глаголов II спряжения: *оузакѡненѡ* 206б, 345 (также *оузакѡнено* 206, *но* - упрощ.), *оузакѡньнѡму* 205 (*ь* написано вместо *е*), также *оузакѡнени, -а, -агѡ, -имь, -имъ, -ихъ* (13×: 203-207б), *взакѡненагѡ* 200, *-ихъ* 170, *взакѡньнаѧ* 166б (*ь* вместо *е*); *оумаленѡ* 53, *-ѡѥ* 167, *оумнѡженѡѥ* 45, *оуправленѡѥ* 50, *порабѡщенъ* 108, *оставленѡ* 91, *-ѡѥ* 132, 181, 241б (*о||*), *поставленѡму* 94б, 195б, *съставленѡѥ* 205б, *оуставленѡ* 203б,

[72] Относительно *ѡ* в *скрѡвенъ* см. Противоп., §8.

-ѡѥ 198б, *прооуставленѡму* 175, 185б, *оумазвенѡѥ* 7. Упрощ. *изверженому* 85б, *оукрадено* 340 (также *-огѡ* 121, см. § 47).

Вероятно, корневое ударение имело также *изъѣденѡ* 268, 120б [Б] (ср. Чуд. *снѣденъ* 67а, *снѣденьѥ* 137а).

Производные на *-еньѥ*: *закѡненіемь* 174, *о взакѡненьи* 69б, 208, *озлѡблен-ъма* Р.ед. 82б (*-има* 82б), *о порабѡщеньи* 183.

§ 87. Причастия от глаголов а.п. *b*. Вариант с предсуффиксальным ударением. Суффикс *-им-*: *вѡдимъ* 65б, *-и* В.мн. 94б, *въвѡдиму* Д.ед. 204б, *привѡдим-агѡ* 147, *-ихъ* 156б (также *привѡ^{о}ми* И.мн. 186б)[73], *ѡ^{т}гѡнима* Р.ед. 114б, *нѡсимъ* 269, *внѡсимъ* 19б, *принѡсима* 155, *тѡмими* 8б. Суффикс *-ен-*: *купленѡму* 183, *совкупленѡ* 205б, *искушенѡ* 15б, *расмѡтренѡѥ* 244, *оустрѡено* 24б (*но* - упрощ.), *-и* 348б, *неоутѡмлена* В.ед. 167, *затѡченъ* (6×: 189б-194б), *-а* И.ед. 191, *-и* 190б, 191б.

Вариант с суффиксальным ударением[74]. Суффикс *-им-*: *пригонимі* 202б, *неоудѡбь носима* В.мн. 57, *приносимѣ* Д.ед. 191, *-има* 170б, *любимоѥ* 266б, *судимома* 44, 52, 167. Суффикс *-ен-*: *оумоленъ* 44, *въпрошенъ* 80, *-и* 265, *испрошеноѥ* 157, *строѥны* 91б, *-ихъ* 95, *пристроѥныхъ* 171, *оустроѥни* 79.

Производные на *-еньѥ* обнаруживают такую же двойственность. Без колебаний - *затѡчен-иѥ* (7×: 10б, 137 bis и др.), *-ьѥ* 84, 192б; однако *расточенима* 147б. Случаи *нахѡженіѥ* 114б, *смѡтрен-иѥ* 186, 207, *-има* 117, *оустрѡѥніѥ* 129б - редкие варианты к гораздо более многочисленным *-хожениѥ* (с разными приставками в разных формах 9×), *-смотреніѥ* (16×), *-строѥніѥ* (43×). Только с *о* встретились *-ношеніѥ* (6×), *въвоженима* 146б, *моленима* 24, *прошеніѥ*, *въ-* (5×), *своѥніѥ* 170, *присвоѥнима* 221б, *изволеніѥ* (7×). Производное на *-еньн-*: *расуженьно* 19б.

Отметим особо *дерзнѡвеніѥ* 61, 142б, 230, *-ма* 146, *-ѥмъ* 29б, 116 (но *дерзновеніѥ* 4, *дерзно||веніѥ* 42б), *дерзнѡвень|но* 202б (*ньно* - упрощ.); кроме того, *ѡ^{т}риѡвенъ* 97 [Б] (но *ѡ^{т}риновенъ* 114б), ср. колебание в Чуд., где для глаголов на *-риноути* обычна а.п. *a*, но встретились также *йзринѹ* 153б, *йзриноу̑* аор. 63а.

§ 88. Причастия от глаголов а.п. *c*. При суффиксе *-ом-* наблюдается акц. кривая c_1: *блю||дому* Д.ед. 207б, *неблюдоми* 134; *небрегомъ* 138; *вѣдомѣ* Д.ед. 40б; *вѣдомо* 45б, 122, 254, *вѣдомо же* 223, *невѣдомо* 12б кин., *вѣдому* Д.ед. 149б, *превѣдоми* "хорошо известны" 53_2б, *оувѣдому* "узнанному" 191, *невѣдомымъ* 5; *влекомъ* 58б, *-и* 58б, *влѣкомѣ* Д.ед. 143б.

При суффиксе *-ем-* выступает, по-видимому, акц. кривая c_2: *дакѡмѡѥ* 240б, 270, *дакѡмѡм же* 266, *продакѡмѡѥ* 260, 261б, *ѡ^{т}дакѡмѡмъ* 145б (автономное ударение на корне менее вероятно, ср. Чуд. *под^{а}|кѣмѣ* 131а). Возможно, сюда же *чакѥ-*

[73] Кроме того, *привѡдим-и* (или *-ии*?) 253б в искаженном тексте.

[74] Следует учитывать, однако, что какие-то из приводимых написаний могут быть упрощенными.

мѡѥ же 28, *нечаѥмѡ* 28 (в Чуд. глагол "чаять" в части случаев акцентован по а.п. *c*).

При суффиксе *-им-* находим: *нераздр҃шимѡ* 202, *обдержимомъ* 226б, *хранимомъ* 147 (*мо*|), 242; вероятно, сюда же *повлачимомъ* 158б; этот небольшой материал формально соответствует а.п. *b*. Малопоказательны *неразорима* 38б, *творими* 222б, *-аѧ* 208, *-ѧмъ* 24б, 165б. Не исключено, что здесь, помимо а.п. *b*, были возможны и какие-то другие акцентные варианты.

При суффиксе *-ен-* наблюдается систематическое колебание (у одних и тех же причастий) между а.п. *b* и акц. кривой c_2. В нечленных формах *b* и c_2 совпадают, т.е. здесь устойчивое флексионное ударение. Словоформы на *-енО:* от глаголов I спряжения – *сведенѡ* 11б, *погребенѡ* 68, *испасенѡ* 121б, *попасенѡ* 121б, *съпражденѡ* 43б, *реченѡ* 64б, 95б, 115б, 151б (*речнѡ* 10×: 20б, 56б, 142б и др.), *нарѣчнѡ* 56б, *ѡ^{т}реченѡ* 78б, 151б, (*ѡ^{т}речнѡ* 131), *оуречнѡ* 183, *пѡчтенѡ* 200б; от глаголов II спряжения – *взбраненѡ* 79 (*възбраненѡ* 76, 89, 252б, *возбраненѡ* 196, 205, 222), *свершенѡ* 60б, 116, 202, 207, *развращенѡ* 9, *ѡ^{т}ло*|*женѡ* 93, *ѡ^{т}лученѡ* 35, *вмѣненѡ* 205б, *ѡ^{т}мщенѡ* 208б [Б], *прощенѡ* 130б, 204, 207, *пущенѡ* 212 [Б], *ѡ^{т}пущенѡ* 72б, 175б, 203, *порученѡ* 133б, 208, *расоленѡ* 58, *затворенѡ* 33б, *растворенѡ* 56, 58, *оутворенѡ* 7б, *оутвержденѡ* 204, 274, *наоученѡ* 56, *схраненѡ* 115б, 181б, 188 (*съхраненѡ* 208б [Б]), *ꙗвленѡ* 110, 176, 338б. Сюда же *блс҃нѡ* 45б (по-видимому, = *благословленѡ*, ср. *бл҃гословлен-иѥ* 203, *-иѧ* 172б)[75]. Упрощ.: *ѡ^{т}речено* 60б, *възбранено* 170, *ловлено* 339, *ꙗвлено* 332б.

Прочие нечленные формы (кроме Д.мн.): *прободенъ* 194б, *ѡгороженъ* 209 [Б][76], *раздвоѥнъ* 30, *преклонени* 44, *оукоренъ* 92, *вложени* 264б, *възложена* И.В.мн. 100, 109, *изложена, -ы, -и* (6×: 76, 206 и др.), *положена* И.мн. 243, *ѡ^{т}ло*|*женъ* 224, *сложенъ* 345б (*о*|), 346, *прощенъ, -и* (6×: 48, 138 и др.), *рожени* 224б, *порожени* 171б, *свобоженъ* 108, 270б, *-и* 304б, *скопленъ* 'castratus' 130 bis, *творена* И.ед. 246, *затворенъ* 49б, 228, *-и* 32б (*о*|), *-а* И.мн. 33б, *створенъ* 230б.

Единичное отклонение в сторону корневого ударения (по образцу причастий от глаголов а.п. *b*): *свобѡженъ* 131б.

Колебание между *b* и c_2 проявляется в членных формах (и в Д.мн. на *-Омъ*). Вариант с флексионным ударением (т.е. акц. кривая c_2): *спс҃енѡѥ* 2б, *реченѡѥ* 210 [Б] (*речнѡѥ* 251), *реченѡму* 175б (*речнѡму* 43б), *вреченѡѥ* 306б, *нареченѡѥ* 98, *вочтенѡмъ* 160, *пѡчтенѡму* 97; *свершенѡѥ* 205б, *вреженѡму* 195, *изложенѡѥ* 203б, *обрученѡму* 169, *порученѡѥ* 158.

Вариант с суффиксальным ударением[77] (т.е. а.п. *b*): *спражденою* Р.дв. 174, *речноѥ* 199б, *реченому* 6б (*речному* 175б, 260), *реч*|*ною* 207, *вочтеному* 159б bis; *свершен-*

[75] Ср. также прилагательное *студенѡ* (§ 65).

[76] Начальное *ѡ* здесь отражает одну из орфографических особенностей зоны Б (см. Новые данные, §8 и 24).

[77] Какие-то из приводимых написаний могут быть упрощенными.

оѥ (8×: 6б, 145, 170 и др.), *-ому* 205, *изложеною* 205, 207б, *низложеноѥ* 199, *поло|женоѥ* 271, *предложеномъ* 258, *сложеногѡ* 145б, *твореноѥ* 16, *тво|реномоу* 223б, *навленому* 173; вероятно, сюда же *неоцѣненомъ* 248, *оубиѥноѥ* 195. Малопоказательны написания с *о* в особых условиях: *рече-но|ѥ* 140б, *наречено|ѥ* 152, *свѣршено|му* 175 (*ѣ* вместо *е*), *сохранено|мъ* 254б.

В прочих нечленных формах написания Мерила не позволяют отличить *ь* от c_2. Таковы: *изложенихъ*, *положен-агѡ*, *-ую*, *-аѧ*, *-иѧ*, *-ихъ*, *предложенимъ*, *преложенѧ*, *приложе-нагѡ*, *сложенихъ* (14×), *рожении* 244, *новороженыхъ* 248, *свобожен-ии*, *-ии*, *-иѧ*, *-ихъ* (8×), *творен-ии*, *-агѡ*, *-ѣи*, *-иѧ* (8×), *притвореную* 151, *створен-ую*, *-аѧ*, *-иѧ* (4×).

Производные на *-еньѥ* здесь всегда пишутся с *о*: *наводнениѥ*, *вгожениѥ*, *преклонениѥ*, *покореньѥ*, *-ложеньѥ*, *обновленьѥ*, *разореньѥ*, *пощениѥ*, *прощениѥ*, *рожениѥ*, *свобожениѥ*, *блгословлениѥ*, *истопленьѥ* (в разных формах более 100 раз). Неизвестно, однако, какое в них ударение – суффиксальное или флексионное. Производные на *-еньн-*: *неизреченьно* 203, *сщньно* 195б, 206 (= *свѧщеньно*), *-оѥ* 198б, 203, *-о|ѥ* 199 (а.п. *а*, гр. 1).

Особо отметим *поѧновена* И.ед. 136б, *-ии* 199б, *въспоѧновенъ* 117б, 160, *-ихъ* 156б, 157; также *повиновениѥ* 36б.

Причастия с суффиксом *-н-*

§ 89. В Мериле встречаются следующие типы акцентуации таких причастий: а.п. *а* (гр. 2) – *чисанѡ*, *-ѡѥ*; а.п. *а* (гр. 1) – *повелѣно*, *-оѥ*; акц. кривая c_2 – *данѡ*, *-ѡѥ*[78].

А.п. *а* (гр. 2). Случай, когда причастие имеет ударение, общее для всей парадигмы: *глнѡ* 127 (по-видимому, = *глаголанѡ*, ср. *глагѡлахомъ*), *неизглнѡѥ* 211 [Б], *оглнѡѥ* 157; *оуготѡванъ* 28 *-агѡ* 3б; *несдѣланѡѥ* 4; *неоправданѡмъ* 98б [Б]; *слышанѡ* 197. По-видимому, этот же случай представлен в *кѡнчанѡ* 207, *не всдѣанѡ на нь* 33б (от *всдѣдати*). Случай, когда в причастии ударение на слог левее, чем в инфинитиве: *свѣщанѡ* 249, 267, 268б; *писанѡ* (11×: 20б, 22, 63 и др.), *-ѡѥ* 132, 200б, *-ѡму* 171б, 174б, *написанѡ* (9×: 85б, 86, 90, 149 и др.), *-ѡѥ* (5×: 175, 184б, 258 и др.), *пѡдъписанѡ* 208; *испытанѡ* 77б; *поруганѡ* 346. Неясно, к какому из двух случаев относятся *заповѣдан-ѡѥ* 74б, 173, 197, *-ѡму* 175, *исповѣданѡму* 186, *оувѣданѡ* 229.

По-видимому, к а.п. *а* (гр. 2) относятся также *солганѡ* 165б, *необолганѡ* 214б [Б], *пѡсланѡмъ* 201.

А.п. *а* (гр. 1): *повелѣно* (8×: 7б, 93, 205б и др.), *-оѥ* 168, *-о|ѥ* 147б, *-омъ* 151б (также *-омь* Д.мн. 167); *растлѣно* 106. Из причастий на *-анъ* сюда, вероятно, относятся: *держаному* 184б, *оудержаномоу* 94б; *истощано* 252б; *притѧжаноѥ* 178б. Ср. Чуд. *оудержа́н-оу* Д.ед. 78г, *-и* 102в.

---

[78] В одном случае: *хрсто|знаменаноѥ* 168 – можно предполагать а.п. *а* (гр. 3).

Акц. кривая c_2: *данѡ* 7б, 10б, 26б, 243, 253, 254 bis, *данѡѥ* 43б, 253, 268, *вданѡ* 176, 250, 274, *-ѡѥ* 114, 162б, 257, *изданѡ* 248б, *ѡ^{т}данѡ* 250б, *поданѡ* 183б, *-ѡѥ* 143, 179, 183б, *преданѡ* 197б, 240б, *-ѡму* 95б, *продан-ѡѥ* 193б, 240, 260 bis, *-ѡму* 261б; *избранѡ* 21б, 24, 27, 31 bis. Упрощ.: *дано* 249б.

Трудные случаи. Неясно, являются ли упрощенными (при а.п. *a*, гр. 2) или отражают а.п. *a* (гр. 1) написания: *писаному* 95, *написано* 170, *-ому* 169б кин., 170б; *свѣщаноѥ* 175б, *взискано*| 116, *оугнано*|*ѥ* 192б. Неясно также, являются ли упрощенными или отражают акцентный вариант, относящийся к а.п. *b*, написания *поданою* Т.ед. (?) 171б, *незваномъ же* 95 (ср. Чуд. *продáноѥ*, *звáний* и т.п.).

Материал по причастиям на *-ОванО* недостаточен для того, чтобы сделать надежные выводы: *послушьствов-анѡ* 175б (явно конечное ударение), но *-ано* 72б; также *даровано* 51. Вероятна неустойчивость ударения.

Отпричастные производные: *оуготѡванієѥ* 12; *стоѧнима* Р.ед. 200б, *бл҃гостоѧниѥ* 166, *достоѧн-иѥ* 38б, 162, *-ью* 79, *растоѧн-иѥ* 258, *-ьи* 201б; *грохотаниємь* 348, *копаниѥ* 133б, 137б bis, *в локании* 125б ter (опускаем слова на *-ованиѥ*); *непрестаньно* 82б, *несочтаньноѥ* 173б. По-видимому, ударение колебалось в случае: *написа-ньнѡ* 153б (*не-* 154), *-ннѡ* 154 — *написа-ньно* 76б, *-нно* 154, *ненаписаньно* 76б (*но*||), 172б bis.

Причастия с суффиксом *-т-*

§ 90. А.п. *a* (гр. 1): *покрыто* 26. А.п. *c*: *ѧтѡѥ* 167б, *взѧто* 117, 134, 163б, *взѧтѡѥ* 115, *ѡ^{т}ѧто* 261, *приѧто* 10б, 104, 116б.

Сравнение акцентуации причастий в Мериле и в Чуд.

§ 91. С диахронической точки зрения данные Мерила по причастиям представляют исключительный интерес. В 1968 г. В.А. Дыбо теоретическим путем пришел к выводу о том, что "акцентная кривая *b* в причастиях на *-енъ* возникла в результате выравнивания из первичной акцентной кривой *c*" (Дыбо 1968, с. 209), притом что не только древнерусские, но и южнославянские памятники фактически отражают а.п. *b*. Мерило оказалось памятником (единственным из ныне известных), в котором непосредственно представлено постулированное В.А. Дыбо состояние, ср. *свершенѡѥ*, *реченѡѥ* и т.п. (а также, с другими суффиксами, *вѣдомо*, *даѥмѡѥ*, *данѡѥ* и т.п.).

Таблица 15 демонстрирует на типовых примерах различия в акцентуации ряда причастий от глаголов а.п. *c* в Мериле и в Чуд.

Мерило еще сохраняет здесь (хотя бы в качестве варианта) флексионное ударение членных форм, тогда как в Чуд. оно уже заменено наосновным ударением, характерным для

Таблица 15

Суффикс	Мерило	Чуд.
-ом-	c_1: влекомъ, вѣдомо	*a:* влеко́мъ, пасо́мо, зово́мый
-ем-	c_2(?): даѥмѡм же, даѥмѡѥ	*b*(?): подаѥмо̀
-ен-	c_2 // *b:* свершенѡ, *-ѡѥ* // *-оѥ*	*b:* рожѐнъ, свершено̀, свершѐний
-н-	c_2: поданѡ, поданѡѥ	*b:* прода́нъ, продано́, прода́ноѥ

Таблица 16

Суффикс		Мерило	Чуд.*
-ущ-	"мочь"	мога, мѡгуще, мѡгущеѥ	могоу́щю, могоу́щемоу
	прочие	зобла, бѡрющимъсѧ	іща̀, мѐлюще, ме́чющихъ
-ѧщ-		гона, гѡнѧще, гѡнѧщихъ	гона̀, гоня́ще, гоня́щий
-им-		*колебание:* нѡсимъ, ѡтгѡнима, привѡдимагѡ (*чаще*) *и* приносимѐ, пригонимы, любимоѥ (*реже*)	*колебание:* соу́димъ, поно́сими, ѡтво́дими (*реже*) *и* соуди́мъ, носи́мъ, води́ми, гони́ми, люби́маѧ (*чаще*)
-ен-		*колебание:* затѡченъ, неоутѡмлена, оустрѡѥни, купленѡму (*чаще*) *и* оумоленъ, оустроѥни, испрошеноѥ (*реже*)	*колебание:* йзо́стренъ, соу́жено, оуто́млени, коу́плени́, ѡтпро́шена, взлю́бленый *и* йскоуше́нъ, оумоле́ни, о̀соуже́на, расоуже́наѧ
* Единичные отклонения не отражены.			

всех более поздних памятников. Таким образом, в этом пункте Мерило архаичнее, чем Чуд. Заметим, что действительные причастия от глаголов а.п. *c* находятся в Чуд. на более архаичной стадии, чем страдательные: здесь еще встречается флексионное ударение членных форм (*градоущю́ю*,

створшéму), хотя гораздо чаще выступает новое ударение (*градоу́щюю*, *створшемоу* и т.п.).

Сравним теперь ударение в Мериле и в Чуд. у некоторых причастий (не только страд.) от глаголов а.п. *b* (таблица 16); возможные различия сводятся здесь лишь к выбору между предсуффиксальным и суффиксальным ударением.

Как можно видеть, в Мериле гораздо шире, чем в Чуд., представлено предсуффиксальное ударение. Однако систематическое расхождение между Мерилом и Чуд. здесь только в причастиях с *-ѧщ-*; в прочих случаях разница лишь в количественных соотношениях. Вопрос о том, какой из двух типов акцентуации здесь более архаичен, нуждается в дополнительном исследовании.

Причастия на *-анъ* от глаголов на *-ати* в части случаев обнаруживают в Мериле, как и в Чуд., сдвиг ударения влево (§ 89); однако из-за ограниченности материала точно выявить условия, при которых этот сдвиг происходит, не удается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 92. Акцентологическая система, открывающаяся (вернее, приоткрывающаяся) при анализе Мерила, - едва ли не самая архаичная из засвидетельствованных в восточнославянской области.

Как было указано в другой работе (Противоп., § 19), в говоре Мерила, возможно, еще сохранялось просодическое различие между энклиноменами и начальноударными ортотоническими словоформами.

Из более частных акцентологических а р х а и з м о в выделяются: 1) сохранение а.п. *c* у страд. причастий (§ 88, 89); 2) сохранение корневого ударения у аористов а.п. *a* (§ 83); 3) то же у вторичных имперфективов от глаголов а.п. *a* (§ 80); 4) а.п. *a* у прилагательных с суффиксом *-н-*, производных от имен а.п. *b* с односложной основой (§ 59); 5) сохранение у слова "воля" акцентуации, отличной от а.п. *a* (§ 35); 6) статус энклиноменов (а не конечное ударение) у словоформ *никто, ничто, ово, таково*.

Яркую особенность Мерила составляет наличие второстепенного (ритмического) ударения в заударной части ортотонической словоформы. "Возраст" и зону распространения этого явления еще предстоит исследовать.

Основные и н н о в а ц и и по сравнению с реконструируемым праславянским состоянием: 1) переход причастий с суффиксами *-н-*, *-єн-*, *-ем-*, от глаголов а.п. *c* к флексионному ударению в нечленных формах (§ 88, 89); эта инновация охватила в Мериле не только морфологические модели *сведенѡ*, *прощенѡ* и бесприставочное *данѡ* (как в современном литературном языке), но и модели *избранѡ*, *поданѡ* (в отличие от современных литературных *и́збрано, по́дано*); 2) обобщение конечного ударения в ударных двусложных окончаниях местоименного склонения (§ 67); 3) то же в Т.ед. жен. на **-ojǫ* у существительных (§ 35); 4) по-

явление у слова "воля" (и нескольких сходных с ним) особой акц. кривой (§ 35); 5) устранение модели *mǫdr-ȯstъ, -ȯsti у слов на *-ostъ (§ 45); 6) *nikъtó že, *ničъtó že на месте *nikъto žé, *ničъto žé (§ 69).

Продолжим этот список инновациями, которые в Мериле еще не осуществились, а только наметились: 7) в адъективном склонении внутри а.п. *с* некоторые морфологические группы (прежде всего причастия с *-ен-*) и просто отдельные слова имеют тенденцию к замене флексионного ударения членных форм наосновным (§ 53, 60, 88); 8) у нескольких местоимений, в особенности отрицательных, изредка выступает ударение адъективного типа (*-ȯму* вместо *-ому́* и т.д., § 67); 9) в двух-трех случаях ударение *-ств-ȯ* вышло за свои первоначальные рамки (§ 30); 10) в нескольких случаях ударение перенесено с бывшего сильного редуцированного влево - *бѡлии, пребѡлии* (§ 55), *мѡгии, помѡгии* (§ 84), *бѡжии, ѡтень* (§ 65), хотя в большинстве случаев старое ударение сохраняется (ср. *конецъ, орелъ, обещь*, Р.мн. *господии* и т.п.); может быть, сюда же единичные *пѡимъ, кѡнечнѣк* при обычных *поимъ, конечнѣк*.

Инновация 1 состоит в замене энклиномен конечноударными словоформами, например, **положено* заменяется на *положенѡ*; та же замена представлена и в случаях появления акц. кривой c_2 у обычных прилагательных: *цѣлѡ* вместо *цѣло, такѡвъ* вместо **таковъ* и т.п. (§ 49). В Мериле имеется еще несколько примеров такой замены: *госпѡдь, на помѡщь, мѡрѡсть, пакѡсть* (§ 42); возможно, сюда же *домѡвъ* (§ 15). Из-за ограниченности материала трудно решить, лежит ли в основе всех этих замен какая-то единая причина.

По своей акцентологической системе Мерило весьма близко к Чуд. Так, из названных выше особенностей Чуд. разделяет с Мерилом архаизмы 2, 3, 5, инновации 1, 2, 4-9 (возможно, также 3, см. § 35, замеч.). При этом список морфологических моделей, охваченных инновацией 1, в Мериле и в Чуд. в точности одинаков. Особо отметим полное совпадение в Мериле и Чуд. аномальной акц. кривой слова "воля" (§ 35). Почти полностью совпадает распределение непроизводных слов по акцентным парадигмам.

Важнейшее различие между Мерилом и Чуд. состоит в том, что в Чуд. отсутствует архаизм 1; практически отсутствуют также архаизмы 4 и 6. Кроме того, архаизмы 2 и 3 соблюдены в Чуд. менее последовательно, чем в Мериле. С другой стороны, в Чуд. почти не представлена инновация 10. Систематические расхождения между Мерилом и Чуд. затрагивают в основном сферу причастий, см. § 91. Имеются также некоторые расхождения в акцентуации отдельных слов (например, "свойство", "сродство", "злодеи", "отроковица", "иконом", "мраморный" и др.).

Таким образом, Мерило и Чуд. отражают разные, хотя и близкие, говоры древнерусского языка XIV в., причем акцентологическая система Мерила в целом несколько архаичнее.

* * *

Чтобы облегчить использование настоящей работы для справок, приводим краткие сведения о распределении материала по параграфам (дать полный указатель в рамках статьи не представляется возможным).

Общие вопросы § 1-13.

Главное субстантивное склонение.

Мужской морфологический род. Общее § 14-17. Непроизводные и опростившиеся слова: исконные § 18-21, заимствованные § 22. Бессуффиксальные производные § 23. Суффиксы: *-ец-ъ* § 24, *-ник-ъ* § 25, прочие § 26.

Средний морфологический род. Общее § 27. Непроизводные и опростившиеся слова § 28. Суффиксы: *-ств-О* § 29-30, *-л-О* § 31, прочие § 32.

Женский морфологический род. Общее § 33-35. Непроизводные и опростившиеся слова: исконные § 36, заимствованные § 37. Бессуффиксальные производные § 38. Суффиксы: *-От-а* § 39-40, прочие § 41.

Второстепенное субстантивное склонение. Общее § 42. Слова без суффикса *-Ост-ь* § 43. Суффикс *-Ост-ь* § 44-45.

Адъективное склонение. Общее § 46-49. Непроизводные и опростившиеся слова § 50-53. Бессуффиксальные производные § 54. Сравнительные степени § 55. Суффиксы: *-н-* § 56-60, *-ск-* § 61, *-Ов-*, *-ѧн-* § 62, *-к-* § 63 (общее о *-ск-*, *-Ов-*, *-ѧн-*, *-к-* § 64), прочие § 65.

Местоименное склонение. Общее § 66-67. Основная группа § 68-70. Смешанная группа § 71-72.

Неизменяемые слова § 73.

Спряжение. Общее § 74.

Основная часть глагольной парадигмы. Глаголы: на *-ити* § 75-78, на *-ѣти*, *-мати* (с презенсом на *-имъ*) § 79, на *-ати* (*-аѥмъ*), *-ѣти* (*-ѣѥмъ*) § 80, на *-Овати* § 81, с презенсом на *-емъ* (после согласной) § 82-84.

Страдательные причастия. Причастия с суффиксами: *-Ом-* (*-ем-*), *-им-*, *-ен-* § 85-88, *-н-* § 89, *-т-* § 90. Сравнение акцентуации причастий в Мериле и в Чуд. § 91.

Заключение § 92.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Апостол 1564 – Апостол. М., 1564 (старопечатная книга).

Берында – Лексикон словеноросъкый Памви Беринди. Київ, 1961 (ссылки даются на столбцы оригинала).

Васильев – *Васильев Л.Л.* О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI-XVII вв. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии. Л., 1929.

Дыбо 1968 – *Дыбо В.А.* Акцентология и словообразование в славянском. – В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М., 1968.

Дыбо 1969 – *Дыбо В.А.* Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (praesens). – ВЯ, 1969, № 6.

Дыбо 1971 – *Дыбо В.А.* Закон Васильева-Долобко и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском. – ВЯ, 1971, № 2.

Дыбо 1975 - *Дыбо В.А.* Закон Васильева-Долобко в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета). International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, v. XVIII, 1975.
Космогр. - Космография Мартина Бельского. Рукопись Гос. библ. им. В.И. Ленина, ф. 152, № 2. Посл. четв. XVI в., южновеликорусские черты. Акцентуирована, акцентуация русская.
Мерило - Мерило Праведное. Рукопись Гос. библ. им. В.И. Ленина, ф. 304, № 15 (см. также §1).
Новые данные - *Зализняк А.А.* Новые данные о русских памятниках XIV-XVII веков с различением двух фонем "типа *о*". - Сов. славяноведение, 1978, № 3.
Противоп. - *Зализняк А.А.* Противопоставление букв *о* и *ѡ* в древнерусской рукописи XIV века "Мерило Праведное". - Сов. славяноведение, 1978, № 5.
Станг - *Stang Chr.* Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
Фер. - Ферапонтовская Кормчая. Рукопись Гос. библ. им. В.И.Ленина, ф. 98, № 248. Середина XVI в., южновеликорусские черты. Бо́льшая часть слов акцентуирована, акцентуация русская. Содержит значительную часть статей, входящих в Мерило.
Чуд. - Новый Завет господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси (фототипическое издание Леонтия, митрополита Московского). М., 1892 (ссылки даются на листы и столбцы оригинала).

а.п. - акцентная парадигма (см. § 5).
кин. - киноварь.
упрощ. - упрощенное написание (см. § 3).

Дополнения к главе 3

К §57. К числу примеров, относящихся к а.п. *а*, гр. 2, следует добавить *чⱄтотни* 6.

К §78. К списку глаголов а.п. *с* следует добавить *новити*.

К §92. В работе: Зализняк А.А., *От праславянской акцентуации к русской*, Москва, 1985 (см. в особенности §§ 3.4, 26, 35, 50, 54, 57, 58, 66-70 и карты № 3, 10, 11, 16, 17) - на базе сравнительного анализа значительного числа старовеликорусских памятников получен ряд дополнительных важных выводов о месте акцентологической системы Мерила среди других диалектных систем.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ОМЕГЕ В "МЕРИЛЕ ПРАВЕДНОМ"

1. В 1984 г. в сборнике в честь Герты Хюттль-Фольтер появилась статья Дж. Шевелева «Альтернативный анализ некоторых языковых черт „Мерила Праведного"» [1], представляющая собой отклик на серию моих работ о «Мериле Праведном» XIV в., опубликованных в 1978—1979 гг. в «Советском славяноведении» и в «Славянском и балканском языкознании» [2—4]. Статья представляет тем больший интерес, что ее автор в 1978 г. открыл и исследовал омеговую орфографию (по принципу ω = /ô/) в так называемом кодексе Ханкенштейна (Венском октоихе) [5]. Дж. Шевелев принимает основной тезис моих работ о «Мериле Праведном» (далее просто: Мерило), состоящий в том, что омега передает здесь фонему /ô/. В то же время он рассматривает вопрос о возможности иной интерпретации некоторой части данных Мерила и выдвигает гипотезу о том, что Мерило было списано с украинского оригинала. При этом, правда, автор прямо говорит, что он «не предлагает какой-либо окончательной точки зрения, отличной от точки зрения Зализняка». И далее: «Иначе говоря, я хочу поставить вопрос, а не решить его» [1, S. 296].

В настоящей статье обсуждаются вопросы, поставленные Дж. Шевелевым.

В работах [3, § 4] и [4, § 2] были предложены правила, описывающие распределение букв ω и *о* в так называемой зоне А [2, § 9] Мерила. Приводим их в огрубленной форме. 1.* ъ дает *о*. 2. **о* дает ω: а) в ударном слоге ортотонической словоформы (это так называемое «великорусское», или просто «русское», правило); б) во втором заударном слоге ортотонической словоформы; в) в перестроенном (иначе новозакрытом) начальном слоге словоформы или фонетического слова (это так называемое «украинское» правило). 3. В прочих случаях **о* дает *о*. Сверх этих основных правил имеются некоторые частные морфологические правила, касающиеся отдельных морфем.

Существенной дополнительной закономерностью Мерила (общей у него со всеми другими рукописями, различающими /ô/ и /э/) является принцип, согласно которому вместо ω в качестве допустимой замены (не в качестве ошибки) иногда может выступать *о* (так называемое упрощенное написание) [2, § 16—22]. В Мериле это явление наблюдается примерно в 3% случаев. Здесь нам важно подчеркнуть, что это вполне регулярное явление и его нельзя смешивать с аномалиями или непоследовательностями. О подлинных аномалиях или непоследовательностях речь может идти лишь там, где написано ω вместо ожидаемого *о* или где замены ω на *о* резко выходят из рамок 3%-й «квоты».

Дж. Шевелев совершенно справедливо отмечает, что в центре моих интересов при анализе Мерила стоит акцентология и все то, что не связано с ней, отодвинуто на второй план. Самого Дж. Шевелева более всего интересует другая проблема — своеобразное соотношение русских и украинских черт в Мериле и его возможные истоки.

Сохраняя свой преимущественный интерес к акцентологической стороне проблемы, я рассмотрю в первую очередь те замечания, которые могут хотя бы частично повлиять на акцентологическую интерпретацию данных Мерила.

Дж. Шевелев полагает [1, s. 299], что действие «украинского» правила в Мериле нужно считать всеобщим, а не ограничивать его лишь начальным слогом. Соответственно, мою трактовку словоформ типа *закѡнъ*, *достѡиныи*, *живѡтъ*, *отрѡкъ* как отражающих русское ударение на втором слоге он считает произвольной, поскольку столь же успешно (хотя, как говорит Дж. Шевелев, не менее произвольно) можно трактовать здесь ѡ как результат действия «украинского» правила.

Понятно, что этот тезис не безразличен для акцентологической интерпретации написаний Мерила: если, например, ѡ в *живѡтъ* может объясняться просто закрытостью слога, то незаконно делать из написания *живѡтъ* вывод о том, что за ним стоит ударение *живо́тъ*. Ввиду этого рассмотрим вопрос о состоятельности данного тезиса подробно.

Допустим, что при описании Мерила (точнее, его зоны А) принято, как это предлагает Дж. Шевелев, «украинское» правило появления омеги для любых слогов, а не только для начального [1].

В этом случае из данного правила окажется очень много исключений. Некоторые из них, правда, легко объяснить как упрощенные написания, например, *животъ* 26б, *позоръ* 63б, *во особѣ* 244б при во много раз более частых *живѡтъ*, *зазѡръ*, *закѡнъ*, *осѡбно* и т. п. Примеры этого рода мы можем далее уже не рассматривать (все они приводятся в [4], в рубриках, посвященных упрощенным написаниям).

Остается, однако, большой массив примеров, для которых такое объяснение непригодно.

Лишь очень немногие из них содержат *о* вместо ѡ в начальном слоге словоформы или фонетического слова; их разбор содержится в [3, § 21] и здесь нет нужды его повторять.

Подавляющее большинство примеров с *о* вместо ѡ, требуемого «украинским» правилом, содержит это *о* в неначальном слоге. Рассмотрим тот случай, когда это *о* принадлежит основе (об окончаниях см. отдельно ниже). Приводим материал с *о* вместо ѡ (омонимичные формы, например, И. ед., В. ед. и Р. мн. на -ъ, не разграничиваются; там, где это упрощает дело, вместо адресов примеров дается отсылка к [4]):

икѡномъ (5 ×), *солѡмонъ* (5×), *федоръ* (2 ×), *дьяволъ* (2 ×), *дьяконъ* (11 ×), *архидьяконъ*, *идолъ*, *ияковъ* (2 ×), *яковъ*, *никифоръ* (3 ×) [4, § 22];

помощь (6 ×), *похоть* (2 ×), *немощь*, *кротость* (3 ×), *-ью* (2 ×), *-ию*, *бл(а)гокротостию*, *гордость*, *-ью* (2 ×), *крѣпость* (3 ×), *лютость* (2 ×), *мерзость* (4 ×), *милость* (2 ×), *-ью*, *немилость*, *мудрость* (3 ×), *скудость*, *-ью*, *скупость*, *старость*, *несытость*, *твердость*, *тихость*, *трезвость*, *тягость* (2 ×), *-ью*, *оуность*, *хитрость* (2 ×), *-ью*, *-ию*, *-ьми*, *лѣностью* (*-ию*) (4 ×), *радостью*, *ревностию*, *пакость* (7 ×), *-ию*, *ярость* (2 ×), *-ью*, *-ию* [4, § 44];

грамотъ 250, *козмы* 230; *свободь* 129б bis;

---

[1] При желании можно также поставить это правило на первое место внутри пункта 2 (коль скоро Дж. Шевелев усматривает в помещении этого правила на последнее место некую тенденцию к минимизации украинского элемента в Мериле). В действительности, как легко проверить, совокупный результат действия правил 2а, 2б и 2в, «порождающих» омеги, не зависит от порядка их применения.

немощно, -а, -ии, -ымъ (в сумме 9 ×), *немочно*; *свободно, -а, -у, -и, -ы, -ωму, -агω, -ыя, -ую, -ѣмь, -ии, -ыхъ, -ымъ, -ыми* (в сумме 35 ×), *несвободнω, -и, -ы*; *адовныя, домовн-ымъ, -ыхъ* (2 ×), *даровнаго, сладостьнωму, лѣностн-ымь, -ѣ, пакостн-ая, -ыхъ, вѣновн-ωе* (от *вѣно*), *-агω, -а, жалостна, радостно* (2 ×), *-а, яростною, нелѣпотнω* [4, § 56—57]; *чтотни* 6, *оуношьски* 65, *неистовъ* 261б, *адовъ* 22, *дионисовъ* 347б, *леωнтовъ* 131, *бѣсовьскоѣ* 344б (одно из двух *о* — вероятно, второе — является здесь упрощенным написанием);

помощьникъ, с помощникы, похотници, свободникъ, сановникъ, -у, пакостникъ [4, § 25]; ω[т] *сватовьства* 221б, *сиротьства* 229;

положьшю 158, *обновльшему* 274, *свобожша* 324б, *свобожшая* 183 *видомъ* «видимый» 3, *невидомъ* 3, *небрегомъ* 138, *влекомъ* 58б[2].

2. Нетрудно заметить, что эти исключения вовсе не случайны: даже в современном языке большинство перечисленных словоформ акцентуируется так, что интересующее нас *о* безударно [3]. Обращение к данным акцентуированных памятников XIV—XVII вв. показывает, что и у тех словоформ данного списка, которые теперь имеют ударение на *о*, в древности было (постоянно или хотя бы в качестве варианта) иное ударение.

Прокомментируем коротко, не претендуя на полноту разбора, словоформы этой последней категории (а также не дожившие до нашего времени).

Икωномъ: на фоне господствующего ударения *иконо́мъ* отмечен вариант *ико́номъ*, ср. *ико́нома* Дос. 9б, *ико́но*[м] Пат. 568а, *къ ико́номоу* Пат. 628а. Кроме того, в словаре Берынды (столбец 54) дано *домостройте*[л]: οἰκόνομος (в отличие от стандартного греческого οἰκονόμος). В самом Мериле место ударения в этом слове (а именно, на втором слоге) непосредственно видно из омеги после *к* — в соответствии с «русским» правилом, действие которого в открытых слогах не оспаривает и Дж. Шевелев.

Солωмонъ: *Соло́монъ* — постоянное великорусское дониконовское ударение (в отличие от юго-западного *Соломо́нъ*) [6, с. 112—113]; отмечено в Чуд. и в десятках старовеликорусских рукописей. Опять-таки, в Мериле место ударение в этом слове видно и просто из положения омеги.

Свободь (несклоняемое прилагательное): это энклипомен, ср. Чуд. *ни свободь* 123б.

Свободно, -ωму и т. д.: старое подвижное ударение в нечленных формах и флексионное в членных хорошо засвидетельствовано в Чуд.: *сво́бодни* 84в, *сво́бодни* 45г, *сво́бодні* 45г, *свободна́* И. ед. жен. 102б, *о свободн'ѣи* 121г, *свободны́я* Р. ед. жен. 123г bis, ω[т] *свободны́я* 123в (и лишь один пример с новым ударением — ω[т] *сво́бодныя* 123в). В XVI в. старое ударение нечленных форм еще изредка встречается, тогда как членные формы его уже утратили (особо стоит памятник Хр., обобщающий в этом и других подобных случаях ударение нечленных форм: *сво́бодно* 33б, *-і* 1354, *сво́бодн-іи* 299б, *-ы*[м] Д. мн. 950б, *-ыми* 1208б). В самом Мериле в примере *свободнωму* место ударения непосредственно показано омегой.

---

[2] В перечисленных категориях словоформ омега встретилась лишь в *на помωщь* 265, *пакωсть* 87б, *ярωсть* 21б, *порωжьши* 5б. Пример *нарωжьше* 224б, приводимый Дж. Шевелевым [1, S. 298], ошибочен: в действительности это *на*[с] *рωжьше* 'родившие нас'.

[3] Насколько мы можем судить, у этой части словоформ оно было безударно и в древности (правда, в *мудрость, лютость* исконным было суффиксальное ударение, но, как показывает Чуд., в XIV в. оно уже по крайней мере в части говоров было заменено корневым).

Вѣновнѡе: омега показывает, что ударение падало здесь на третий слог (или, может быть, на первый), но не на второй.

Домовнымъ, *даровнаго*, *бѣсовьскоѣ*, *помощьникъ*, *свободникъ*, *сановникъ*, *сиротьства*: все эти слова произведены от слов акцентной парадигмы *c* и по общим правилам акцентуации производных закономерно должны иметь ударение правее интересующего нас слога с *о*. В Чуд. они не встретились; в XVI—XVII вв. они уже выступают преимущественно с новым ударением, но в части случаев сохраняется и старое: *бѣсовскыа* (В. мн.) Час. 324, *помочникѡвъ* Колм. 197 (ср. также современное укр. *помічни́к*, *помічника́*), *сиро*т*ство* Печ. 546 (ср. также *сиротство* в словаре Ф. Поликарпова 1704 г. и *сиро́тство* у Даля). В памятнике Хр., с его описанной выше особенностью, отмечены *до́мовный* 931б, *бѣ'совскіи* 1064б.

Ч(и)стотны, *адовныя*: эти производные от слов акцентной парадигмы *a* несомненно имели в XIV в. ударение на корне; ср. постоянное ударение *чи́стота*, *нечи́стота* в большом числе памятников XVI в. (в Чуд. эти слова не встретились).

Положьшю, *обновльшему* и т. д.: ср. в Чуд. такие ударения, как *рожшо́ся* 167а, *явльшю́ же ся* 84а, *створшѣ* 28в, *створше́му* 143в, *съ*|*творше́моу* 154г, *явльша́гося* 63а. При этом, однако, уже в Чуд. в этих же формах акцентной парадигмы *c* чаще представлено новое ударение — корневое: *поло́жшю*, *ствбрше*, *прими́ршеся*, *ствбршему*, *прими́ршаго* и т. п. Свидетельством аналогичного акцентного колебания в Мериле является единичное *порѡжьши*; но в Мериле, в отличие от Чуд., старое ударение в этих формах еще преобладает.

Небрегомъ, *влекомъ*: в акцентной системе Мерила это энклиномены, т. е. причастия с *-ом-* от глаголов акцентной парадигмы *c* сохраняют в Мериле свой древнейший акцентный статус. Во всех других памятниках, включая Чуд., уже почти полностью победила новая акцентовка — суффиксальная (*влеко́мъ*, *блюдо́мъ* и т. п.). От более древнего подвижного ударения здесь сохраняются лишь следы. Так, косвенным следом такого рода в Чуд. являются ударения *под*^{а}|*емѣ* 131а, *вѣдомѣ есть'* 80а, *влаемѝ* 'колеблемые' 126б (с заменой энклиноменной акцентовки на флексионную). Кроме того, в *вѣрою з'овдмъ* Чуд. 147б маленькая черточка над з, может быть, является знаком второго ударения; но это ненадежно. Далее, в памятнике Жит., различающем /о̂/ и /э/ (по системе «*о* широкое = /о̂/»), причастия с *-ом-* обнаруживают /э/: *о* узкое представлено в *влеко́мы* 286б, *веду́ма* И. дв. 287б (от *вести*), также в написаниях без знака ударения *влеко*^{м} 276б, *влекоми* 274б, *ведоми* 273, *бодо*^{м} 309, *ядомы* 274б (при единственном отклонении — широком *о* в *зово́моу* В. ед. 271). Подвижность ударения в слове *вѣ'домость* (Р. мн. *вѣдомосте́й*), по-видимому, является просто следствием древней подвижности ударения в причастии *вѣдомъ*. Ср. также *по знакомъствоу́* Улож. 333б, которое указывает на древнее подвижное ударение прилагательного *знакомъ*, где выступает тот же суффикс в соединении с основой слова *знакъ* (принадлежащего к акцентной парадигме *c*).

Сверх перечисленных выше словоформ, исключениями из «украинского» правила являются также *близочьство* 246, *-а* 220б, *-омь* 246, *-ѣ* 246б; ср. ѡ в *близѡчьства* 221, 222б bis. В действительности это не что иное, как отражение колеблющегося ударения (ср. ѡ^{т} *блізочьства* Фер. 436б, 437б). Такой же источник, по-видимому, имеет расхождение между *полунощныя* 35б и *полунѡщное* 35.

3. Итак, во всей приведенной совокупности исключений из «украинского» правила *о*, выступающее вместо требуемого этим правилом ѡ, было безударным. В большинстве примеров соответствующее ударение было в XIV в. единственно возможным, в остальных случаях оно конкурировало с другими акцентными вариантами. Таким образом, все эти исключения сразу перестают быть исключениями, если признать, что в неначальном слоге действовало только «русское» правило.

В статье Дж. Шевелева рассмотренной здесь проблеме посвящена всего одна фраза [1, S. 299]: «Правда, суффикс *-ость* (*тихость* и т. п.) регулярно пишется через *о*, равно как прилагательное *свободный*, но в тексте часто встречаются маньеризмы (mannerisms) различного рода». Даже если оставить в стороне утверждение о том, что в Мериле вообще много маньеризмов (с которым мы не согласны), ясно, что маньеризмами необходимо объявить отнюдь не только слова на *-ость* и *свободный*, но и несколько десятков других. Если же мы все-таки захотим как-то избавиться от столь громоздких списков, то лучше всего признать за писцами Мерила следующий «обобщенный маньеризм»: писать *о* вместо ѡ в безударном слоге (неначальном).

Рассмотрим теперь вопрос с другой стороны: нет ли в неначальных слогах таких омег, которые объясняются только «украинским» правилом, а «русскому» правилу противоречат? Дж. Шевелев утверждает, что такие случаи есть [1, S. 299]. Поскольку он не указывает при этом ни одного из них конкретно, попытаемся взять эту задачу на себя (разумеется, не ограничиваясь маленькой выборкой, предложенной Дж. Шевелевым, а в объеме всего Мерила). Разберем тот основной случай, когда интересующее нас ѡ или *о* входит в основу (об окончаниях см. отдельно ниже).

Очевидно, под наибольшим подозрением находятся те примеры, где место омеги не соответствует современному русскому ударению. Таковы: *отрѡкъ* 79б, 169б, 343, *сокѡлъ* 2, 339б, *собѡль* 31б, *горѡднѣ* 341 bis, *-ю* 341, ѡ^{т} *неистѡвьства* 81б, *ипѡдьякѡ*^{н} (Р. мн.) 131, *на помѡщь* 265, *пакѡсть* 87б, *ярѡсть* 21б, *приѡбщиша*^{с} 224б (Дж. Шевелев неточно цитирует эту словоформу как *приѡбщиша*). Однако привлечение данных исторической акцентологии позволяет установить, что почти во всех этих примерах омега соответствует реальному ударению XIV в.— постоянному или допускаемому в качестве варианта.

Отрѡкъ: акцентовка *отро́къ, отрока́* является нормой для Чуд. и для большого числа рукописей XVI в.; акцентовка *о́трокъ, о́трока* отмечается начиная с XVI в. (на востоке великорусской территории) и интенсивно распространяется в XVII в.

Сокѡлъ: акцентовка *соко́лъ, сокола́* является нормой для старовеликорусских рукописей. Она дожила до нашего времени в говорах и в фольклоре; ср. также поговорку *го́л как сокО́л* в литературном языке.

Горѡднѣ, -ю: ср. *горо́дню* Фер. 989, *горо́де́нь* (Р. мн.) Фер. 989, *20 горо́де*^{н} Лет. 243 (при том, что существовал также акцентный вариант *городня́*).

Неистѡвьства: акцентный вариант с ударением на *-ов-* отмечается в XVI—XVII вв. довольно широко, ср. *неисто́вьство* Сенн. 140б, Цв. 111б, *-а* Печ. 90, Ряз. 294, *-у* Сенн. 168б, Хлын. 32б, *неисто́вство* Печ. 147б, *неисто́вьство* Егор. 125, 174, *-а* Пск. 311б.

Ипѡдьякѡ^{н}: скорее всего здесь отразилось ударение на *пѡ* (являющееся инновацией) и второстепенное ударение во втором заударном слоге, ср.

пѡдіяцы Фер. 544, 549, 550, *пóдіáка* (с двумя знаками ударения) Фер. 238б (что касается неустойчивости начального *и*, ср. в Мериле *гѣмономъ* ‘игемонам’ 27). (Подробнее см. [4, § 22].)

На помѡщь, *пакѡсть*, *ярѡсть*: эти написания с ѡ выступают в Мериле лишь как единичные отклонения от обычных *помощь*, *пакость*, *ярость* (см. выше). Их естественно сопоставить с изредка встречающимися во многих памятниках XV—XVII вв. примерами неначального ударения в слове *помощь* и в словах на *-остьь*; ср., в частности: *помóщь* Сенн. 83а, *помощь* Т. пс. 134 bis, *пóмóщью* Лет. 419, *нá помóщь* Хр. 814б, *на помóщь* Пер. 62; *ярóстію* Новг. 252б, *в рáдóсть* Т. пс. 52, *тíхóсть* Фер. 841, *жестóсть* Карг. 47б и т. п. Следует подчеркнуть, что во всех этих памятниках приведенные примеры выступают на фоне гораздо более частых ударений *пóмощь*, *ярость*, *рáдость* и т. д. Таким образом, Мерило в этом отношении вполне сходно с целым рядом более поздних памятников.

Приѡбщиша[c]: это единичное отклонение от регулярных *да не приобьщить*[c] 89б, *приобщати* 117б, *приобщатися* 117, *приобьщающеся* 105, *приобщающеся* 244, *приобщевати*[c] 229 — вероятно, ошибка под влиянием бесприставочных *ѡбьщати(ся)*, *ѡбьщение*, *ѡбьщина*.

И лишь для написания *собѡль* прямых свидетельств старого ударения *соббль* в нашем распоряжении нет, т. е. можно при желании считать это искомым исключением. В действительности, однако, на фоне всех остальных данных естественнее предположить, что перед нами акцентное свидетельство, не сохраненное более поздними памятниками (тем более, что это слово вообще очень редко встречается в памятниках, особенно в единственном числе). Замена старого *собóль* более новым *сóболь* — такая же, как в *соколъ*, *хоботъ*, *овощь*, *хворостъ*, *тварогъ*, *желудь*, *степень* и ряде других.

Что касается приводимого Дж. Шевелевым [1, S. 298] *радимѡвъ с(ы)нъ* 221б, то это в действительности *радинѡвъ с(ы)нъ* — от греч. Ῥαδηνός; ср. *склирѡвъ с(ы)нъ* 221б — от греч. Σκληρός; в обоих случаях, судя по акцентуации греческих имен, следует предполагать ударение на *-ѡв-*. В *изрѡвновахъ* 36, вероятно, отразилось ударение на *-рѡв-*.

Заметим, что, предлагая здесь возможные объяснения для каждого неочевидного написания в Мериле, мы превышаем меру необходимого в доказательстве того, что в неначальных слогах Мерила «украинское» правило не действует. Когда речь идет о считанных примерах, не исключена также какая-то доля простых ошибок. Важно то, что даже спорных примеров совсем мало, а таких, которые можно было бы объяснить т о л ь к о действием «украинского» правила, нет вообще.

4. Несколько особый характер носит распределение ѡ и *о* в окончаниях, а именно, в этой сфере оно частично регулируется правилами морфологического характера. Так, в Д. мн. существительных постоянно (за исключением лишь одного примера) выступает *-омъ*, вопреки как «украинскому», так и «русскому» правилу [3, § 28]. С другой стороны, в окончаниях М. ед. *-ѡмь* и Д. М. ед. *-ѡи* почти всегда выступает омега [3, § 29] (из-за недостатка примеров неясно, не относилось ли к этой же группе также окончание Р. мн. *-ѡвъ* [4, § 21]).

В остальном окончания подчиняются тем же правилам, что и основы. Так, например, не подчиняются «украинскому» правилу написания *въздвигохъ* 15, *скꙗдохъ* 36, *обрѣтохъ* 61, 122б, *сѣдохъ* 14б (в отличие от *придѡхъ* 37б, *сниджхъ* 38); между тем с акцентной точки зрения эта раз-

ница оказывается совершенно закономерной: в Чуд. находим *вздви́гохъ*, но *изидо*^{x} и т. д. [3, § 10]. В Д. мн. прилагательных при окончании *-омъ* (*-ѡмъ*) находим, с одной стороны, в частности, *довѡлномъ*, *по*^{д}*бномъ*, *самовластномъ*, *повелѣномъ* (где окончание входит в первый заударный слог), с другой стороны, в частности, *призываемѡмъ*, *причитаемѡмъ*, *недвижимѡмъ*, *ненави*^{д}*мѡмъ*, *неоправданѡмъ*, *окраденѡмъ*, *пѡсланѡмъ* (где окончание входит во второй заударный слог). (Подробнее см. [4, § 48, 86—89].)

Отметим также следующее обстоятельство, которое, хотя и является, строго говоря, всего лишь следствием рассмотренных выше отношений, ценно своей наглядностью. В Мериле слова с неодносложной основой в подавляющем большинстве случаев сохраняют один и тот же набор *о* и *ѡ* в основе при словоизменении, в частности, при замене окончания *-ъ*, *-ь* на слоговое или наоборот. Так, например, с одной стороны, мы видим: *залѡгъ — залѡга*, *закѡнъ — закѡна*, *канѡнъ — канѡна*, *готѡвъ — готѡво*, *оубѡгъ — оубѡга*, *подѡбенъ — подѡбно*, *рабѡты — рабѡтъ*, *придѡхъ — придѡша* и множество подобных. С другой стороны: *дьяконъ — дьякона*, *дьяволъ — дьявола*, *солѡмонъ — солѡмону*, *ияковъ — ияковѣ*, *помощь — помощи*, *похоть — похоти*, *гордость — гордости*, *неистовъ — неистово*, *дионисовъ — дионисово*, *грамота — грамотъ*, *обрѣтохъ — обрѣтоша*, *сѣдохъ — сѣдоша* и т. д. Совершенно очевидно, что весь этот обширный материал грубо нарушает «украинское» правило, которое во всех этих случаях должно было бы дать чередование *ѡ* : *о*.

Лишь в считанных случаях такое чередование действительно есть. Это *живѡтъ — живота*, *отрѡкъ — отрока*, *видѡкъ — видока*, *сирота — сирѡтъ*, *таковѡе — такѡвъ*. Однако во всех этих случаях ударение таково, что в словоформе на *-ъ* оно падает на конечный слог основы, а в словоформах со слоговым окончанием — правее или левее этого слога: *живо́тъ — живота́*, *отро́къ — отрока́*, *сирота́ — сиро́тъ* и т. д. Итак, «украинское» правило, требующее чередования *ѡ* : *о* в последнем слоге основы, не соблюдается в Мериле у слов с неодносложной основой почти никогда, а в тех считанных словах, где оно все же соблюдается, этого чередования требует также и «русское» правило.

5. Все сказанное можно резюмировать так. За пределами начального слога «украинское» правило появления омеги действует в Мериле тогда и только тогда, когда того же самого результата требует «русское» правило; при конфликте двух правил здесь всегда работает «русское» правило. Это может значить только одно: в неначальном слоге появление омеги определяется в Мериле «русским» правилом.

Таким образом, подкупающий в первую минуту тезис о том, что трактовать *ѡ* в *закѡнъ* и т. п. как отражение ударности и как отражение закрытости слога «одинаково произвольно», не выдерживает серьезной проверки. Совокупность всех данных Мерила (а не нескольких десятков примеров) ясно показывает, что одна из этих трактовок верна, а другая нет.

Помимо проведенного конкретного разбора, здесь нужно учитывать также следующее простое обстоятельство общего характера. Если бы акцентологические заключения делались (в масштабах столь крупного памятника, как Мерило) из написаний, в которых на самом деле не заложено акцентологической информации, полученная в итоге картина акцентной системы неизбежно содержала бы множество нелепостей, внут-

ренних противоречий, немыслимых, ничем более не подтверждаемых ударений [4]. Акцентная система любого восточнославянского говора есть объект столь высокой степени сложности, столь многоплановой внутренней организации, что не существует и одного шанса из миллиарда получить правильную картину этой системы случайно.

Между тем акцентная система Мерила, восстановленная в [4], лишь немногими деталями отличается от акцентной системы Чуд., в тексте которого ударения обозначены прямолинейным способом — акцентными знаками [5]. Далее, акцентная система Мерила определенным образом связана, с одной стороны, с системами XVI в., с другой — с реконструируемой правосточнославянской и праславянской системой. Сами отличия системы Мерила от других систем, в частности от Чуд., не разрозненны и не хаотичны, а касаются как правило целостных групп словоформ и обладают внутренней последовательностью (ср. [3, § 11]). Некоторые специфические детали системы Мерила оказываются промежуточным звеном развития между праславянским и реальными системами памятников [4, § 92]. Совокупность всех этих характеристик столь бесповоротно исключает случайность, что именно она является самой сильной гарантией правильности акцентной интерпретации написаний Мерила[6] (разумеется, речь идет о гарантии самих принципов интерпретации в целом, а не каждого единичного факта в отдельности).

6. Перейдем к вопросу об истоках «украинского пласта» омег в Мериле, т. е. тех омег, появление которых определяется «украинским» правилом. Этот вопрос не затрагивает акцентологической интерпретации Мерила (поскольку омеги данной категории не несут акцентологической информации); соответственно, для наших основных целей он относительно менее существен.

Дж. Шевелев предлагает следующую схему. Мерило было списано с юго-западного (украинского) оригинала, написанного по омеговой системе, т. е. лингвистически подобного кодексу Ханкенштейна (добавим: и евангелию МГУ № 1367). Великорусские (может быть, тверские) писцы сохранили омеги оригинала, но, зная, что ѡ есть знак для /ô/, добавили ряд своих омег для передачи русского /ô/, например, *добрѡ*, *коровѡа* (вместо *добро*, *корова*, стоявших в оригинале).

---

[4] Для наглядности можно провести следующий простой эксперимент: представим себе, что «ради расширения базы акцентологического исследования» мы сняли при описании Мерила «украинское» правило вообще, т. е. объявили даже и начальный закрытый слог сферой действия «русского» правила. В этом случае вместо какого бы то ни было выигрыша акцентолог получит длинный ряд не подтверждаемых ни памятниками, ни теоретической реконструкцией ударений (например, *по́слати*, *про́звати*, *по́тщание*, *бо́ляте*, *бо́вса*, *ко́вчегъ*, *бо́лтарь* и многие другие), которые только скомпрометируют его работу в целом. Отсюда можно видеть, сколь мало заинтересован акцентолог (вопреки подозрениям Дж. Шевелева) в расширении сферы своего исследования за счет акцентологически неинформативного материала.

[5] Заметим, что это сходство укрепляет наше доверие к акцентным знакам в Чуд. в той же мере, как и к омеговой орфографии в Мериле.

[6] По этой причине я считаю излишним подробно обсуждать, например, высказанное вскользь замечание Дж. Шевелева [1, S. 304] о том, что омеги в заударных слогах, быть может, вообще не связаны с ударением, а определяются скорее «несколькими искусственными орфографическими правилами». Если не считать нескольких окончаний, которые ведут себя особо (ср. об этом выше), связь заударных омег с позицией второго заударного слога выявляется вполне надежно, см. материал в [3, § 12] и в тех разделах [4], которые посвящены словам с ударением соответственно на последнем и на предпоследнем слоге основы.

Заметим сразу же, что списывание с юго-западного оригинала вполне вероятно, если учесть интенсивные связи Твери (в том числе культурные) с Юго-Западной Русью в XIV в. Столь же вероятным следует считать заимствование самого графического принципа ω = /ô/ с Юго-Запада. Что же касается непосредственного перенесения омег в Мерило из оригинала, то эта гипотеза наталкивается на очень большие трудности.

Прежде чем разбирать этот вопрос, следует напомнить, что в написании Мерила участвовали три (менее вероятно — два) писца-каллиграфа и не меньше шести учеников [2, § 8—11]. Все писцы, в том числе и ученики, работали весьма тщательно: описок и прочих огрехов очень мало. В отношении «чересполосицы» почерков Мерило едва ли не уникально: в рукописи выявляется около 150 точек перемены почерка. В этих условиях ни о каком систематическом совпадении границ почерков с границами статей (ни тем более с границами почерков оригинала) не может быть и речи: один писец отдает перо другому чаще всего в середине фразы, нередко даже в середине слова.

Соответственно, волею случая Мерило оказывается идеальным пробным камнем для старого спора о том, чем преимущественно определялась орфография древних писцов — копированием оригинала или собственной орфографической выучкой.

Как показывает анализ, почерк каждого из писцов Мерила, в том числе и учеников, обладает высокой степенью графической и орфографической последовательности. В частности, каждый почерк обнаруживает чрезвычайно устойчивые статистические характеристики в употреблении букв-омофонов (*и* и *і*, *оу* и *у*, широкое и узкое *о* и т. д.). При этом у разных писцов графико-орфографические системы несколько различны.

Важнейшее для нас различие состоит в том, что омеговую орфографию (т. е. принцип ω = /ô/) применяют все каллиграфы (так наз. зона А) и один ученик (зона Б); у остальных учеников она отсутствует (зона В). Это не значит, что писцы зоны В вообще не знают омеги; просто они используют ее без связи с /ô/. Все они употребляют ω в морфеме *от*; в почерках «м» и «о» [2, § 11] ω употребляется также в начале слова и после гласной (в почерке «о», охватывающем целых 57 листов, этот принцип реализован почти без отклонений). В других позициях ω в зоне В не встречается (если не считать четырех примеров Р. ед. на *-агω*, *-егω*).

Никаких общих графико-орфографических особенностей, которые объединяли бы, например, двух писцов, списавших вместе ту или иную статью, и отсутствовали бы у них при их работе над другими статьями, нам обнаружить не удалось.

Все эти факты недвусмысленно свидетельствуют о том, что в своих графико-орфографических принципах писцы Мерила были независимы от оригинала. Разумеется, это не касается вопросов фонетического облика слов: например, видя в оригинале *скербьно*, писец скорее всего не считал для себя возможным заменить его на *скорбьно*, поскольку это не вопрос орфографии.

Если принять гипотезу Дж. Шевелева о копировании омегового оригинала, мы сталкиваемся со следующей парадоксальной ситуацией: ученики справились с задачей перераспределения ω и *о* при списывании идеально, не оставив ни единого следа от «украинского» правила оригинала, тогда как учителя-каллиграфы сумели решить эту задачу лишь довольно посредственно.

Можно, правда, попытаться разрешить этот парадокс так: только учителя (но не ученики) знали сам принцип ѡ = /ô/, и это-то как раз и усложняло их задачу. Видя, например, украинское *гордѡсть*, они воспринимали эту словоформу как фонемно отличную от своего *гордость* (т. е. так же, как *скербно* по сравнению со *скорбно*) и должны были каждый раз решать, имеют ли они в данном случае право на замену.

Практически, как уже было показано выше, они сохраняли омеги, не соответствующие «русскому» правилу (и правилу о втором заударном слоге), только в начальном слоге. Очень существенно то, что в этом отношении все три каллиграфа поступали совершенно одинаково; тем самым предполагать здесь какую-то индивидуальную причуду невозможно.

В чем причина такого отличия начального слога от остальных — вот самая трудная проблема в истолковании данных Мерила.

Самое простое предположение состоит в том, что, например, в *дѡмъ*, *вѡзъ* и в первом слоге словоформ *бѡлнѡму*, *пѡслати* и т. п. писцы Мерила действительно произносили /ô/. Далее имеется две возможности: а) это было чертой их говора; б) это было условностью их книжного произношения, украинизмом, который обладал в их глазах престижем (как это предполагает Дж. Шевелев [1, S. 302]). Как некоторую модификацию версии «б» можно рассматривать предположение, что это была чисто графическая условность, т. е. что писцы Мерила говорили только /дэм/, но считали престижным записывать это как *дѡмъ*.

Дж. Шевелев утверждает, что рассматриваемая особенность не могла быть чертой их говора, поскольку ни украинские, ни русские говоры с такой особенностью начального слога неизвестны. Это серьезный аргумент, но все же не абсолютный. Он исходит из того, что любая важная особенность, свойственная некоторому древнерусскому говору, непременно должна отразиться в каких-то из позднейших говоров (а также из того, что науке уже полностью известны все существенные свойства современных говоров). Между тем обе эти посылки едва ли верны. В связи с первой из них достаточно указать хотя бы такое явление, как окончание И. ед. *-е* (*хлѣбе*, *Варламе*) в древненовгородском диалекте: в настоящее время, по-видимому, ни один говор не сохраняет этой черты и даже изолированные ее следы предельно редки. Что же касается распределения /ô/ и /ɔ/ в говорах (как в древних, так и в современных), особенно на великорусской территории, то в этой сфере наши нынешние знания настолько очевидным образом неполны, что было бы совершенно неосновательно заранее исключать здесь возможность сюрпризов.

Считая гипотезу о том, что в основе распределения ѡ и *о* в Мериле лежит особый говор, наиболее вероятной, я тем не менее не исключаю в принципе также и возможность условного произношения или условной записи. Просто мы сталкиваемся здесь с той же самой проблемой: почему эта условность была ограничена лишь начальным слогом? Загадочность такого ограничения во всяком случае не меньше, чем загадочность говора, совмещающего в начальном слоге русские и украинские черты распределения /ô/ и /ɔ/.

Важно следующее: если мы действительно имеем дело с условным произношением или написанием, то ограничение его одним лишь начальным слогом никоим образом не могло возникнуть спонтанно (независимо у каждого из троих каллиграфов) лишь вследствие работы с украинским омеговым оригиналом. Оно непременно должно было составлять часть

их книжного обучения. В самом деле, если бы омеги в *дѡмъ*, *пѡслати* и т. п. попадали в Мерило лишь потому, что они стояли в этих словоформах уже в оригинале, было бы совершенно невозможно объяснить, почему ни один из переписчиков не переносит из оригинала лишние, с русской точки зрения, омеги неначального слога. Иначе говоря, если принять гипотезу об условном произношении или написании таких словоформ, как *дѡмъ* или *пѡслати*, то гипотеза об украинском омеговом оригинале становится излишней: писцы с такой выучкой могли писать точно так же с любого оригинала и просто со слуха. Более того, если верить в теорию копирования, абсолютную свободу зоны В от «украинских» омег, конечно, проще объяснить исходя из безомегового оригинала.

Теория копирования оригинала заставляет Дж. Шевелева интенсивно искать в Мериле следы его украинского оригинала. Не найдя смешения *ы* с *и*, *рь* с *ръ*, *бь*, *пь*, *мь*, *вь* с *бъ*, *пъ*, *мъ*, *въ*, он по разным причинам отводит эти явления из числа обязательных украинизмов. Про написание *жч* и про смешение *в* и *у* сказано, что «эти черты, если они присутствовали в предполагаемом оригинале, были искоренены полностью» [1, S. 301]. Для «нового *ѣ*» Дж. Шевелев все же указывает три примера: *запрѣщѣние* 222б, *щадѣниемь* 67б и (с оговоркой possibly) *нѣ звати* 230б. К сожалению, все три примера ошибочны: на л. 222б в действительности стоит *запрѣщения* (Р. ед.), с *е*; *щадѣние* — правильное образование от глагола *щадѣти* (от *щадити* было бы *щажение*; вдобавок, вариант *щадити* вообще появляется поздно, его даже нет у Срезневского). Наконец, на л. 230б находим: *не по*^{д}*баеть жены звати г*^{с}*жею. по лѣпо же*|*нѣ звати мужа г*^{с}*номь*. При этом Дж. Шевелев не воспользовался готовым списком случаев смешения *ѣ* и *е*, приведенным в [2, § 14] (где нашлось бы, например, *наводнѣниемь* 319б).

В действительности, если принять во внимание орфографическую самостоятельность писцов Мерила, отсутствие всех перечисленных выше явлений не могло бы служить серьезным аргументом против наличия у Мерила украинского оригинала. Другое дело то, что существование такого оригинала вероятно лишь из общих соображений, тогда как ни из каких орфографических или языковых свойств Мерила оно с обязательностью не вытекает.

7. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что доверие к показаниям Мерила основано отнюдь не на наивной вере в то, что все писцы древней Руси стремились как можно точнее передать звучащую речь. Мне неоднократно приходилось работать с древнерусскими памятниками, которые изобилуют графико-орфографическими условностями. В основе доверия к Мерилу лежат именно те индивидуальные черты, которые резко отличают этот памятник (точнее, его зону А) от рядовой книжной продукции XIV в.

Главным из таких отличий является сама омеговая орфография. Сейчас ясно, что в эпоху Мерила такая орфография была чрезвычайной редкостью: попытки обнаружить другие рукописи XIV в. с омеговой орфографией, сверх трех ныне известных, пока что не дают успеха. По-видимому, эта орфография была привилегией немногих очагов книжности, где поощрялось графико-орфографическое новаторство, в частности, попытки найти графические средства для передачи фонемных различий, игнорируемых традиционным письмом.

Кроме того, в Мериле обнаруживается ряд частностей, которые внешне выглядят как орфографические условности, однако при более внимательном анализе оказываются отражением фонетических особенностей. Так, например, постоянство орфограммы *-омъ* в Д. мн. существительных (не-

зависимо от ударения) было бы очень естественно оценить как орфографическую условность; однако от этой иллюзии приходится отказаться, когда выясняется, что почти во всех старовеликорусских памятниках XVI в., различающих /ô/ и /ɔ/, в окончании Д. мн. столь же постоянно представлено /ɔ/ [3, § 28]. Омега, выступающая вопреки акцентным правилам в окончаниях *-ѡмъ* и *-ѡи*, находит соответствие в диалектных безударных окончаниях *-ум* и *-уй* — в говорах (южновеликорусских и белорусских), где в силу аканья здесь ожидалось бы *-ам*, *-ай* [3, § 29]. Постоянной (независимой от ударения) омеге в *-агѡ*, *-огѡ* (в Р. ед.) соответствует постоянное *ô* в ряде старовеликорусских рукописей с каморной системой различения /ô/ и /ɔ/ и постоянное широкое *о* в некоторых рукописях с системой «широкое *о* — /ô/». Аномальные написания *тѡлико* (11 ×), *кѡлико* (5 ×) получают удовлетворительное объяснение, лишь если предположить, что ѡ и *о* записаны здесь по слуху в соответствии с живым произношением этих слов как [тô′л'кэ] и [кô′л'кэ] [3, § 23]. Напомним также, что заударным омегам Мерила типа *праведнѡ* нередко непосредственно соответствуют написания типа *праведнꙋ* (или типа *пра́ведноу́*) в Чуд. [3, § 16]; в старовеликорусских рукописях XV—XVII вв. обнаруживаются десятки аналогичных примеров, где акцентным знаком показано второстепенное ударение. Даже такая супертрадиционная орфограмма, как ѡ^{т}, в рамках Мерила ничем не отличается от других примеров с ѡ в начальном закрытом слоге, т. е. ничто не мешает ей быть в данной системе не условной. Этот список можно было бы продолжить. Конечно, из этих фактов нельзя заключать, что в Мериле условных написаний (в частности, в сфере ѡ и *о*) нет совсем. Однако они служат хорошим предостережением против обратной крайности; иначе говоря, они требуют от исследователя «презумпции доверия» к показаниям Мерила: доказываться должна недостоверность (условность) того или иного написания, а не наоборот.

В целом Мерило представляет собой весьма строгий в лингвистическом отношении памятник. Однако эта строгость выявляется лишь при достаточно глубоком анализе, охватывающем весь материал. При беглом просмотре она не видна; более того, в вопросе об ѡ и *о* легко возникает иллюзия непоследовательности и произвола. Но усматривать лишь игру случайностей и условностей там, где уже обнаружилась закономерность,—значило бы отказываться от подарка, который нам сделали самые чуткие к языку и самые свободные от рутины книжники древней Руси.

Памятники

Дос.— Синайский патерик, 2-я четв. XVI в., Гос. Исторический музей (далее: ГИМ), Увар. 883. **Егор.**—Евангелие учительное, 2-я четв. XVI в., Гос. библиотека им. В. И. Ленина (далее: ГБЛ), ф. 98, № 80. **Жит.**— Сборник житий, 2-я четв. XVI в., ГБЛ, ф. 173, № 57. **Карг.**— Василия Великого о постничестве, 1556 г., ГБЛ, ф. 304, № 133. **Колм.**— Космография Меркатора, Колмогоры, 1670 г. (по изданию: Космография 1670, СПб. 1878—1881). **Лет.**— Троицкий летописец, сер. XVI в., ГИМ, Синод. 645. **Мерило** — Мерило Праведное, XIV в., ГБЛ, ф. 304, № 15. **Новг.**— Псалтирь, 1548 г., ГИМ, Увар. 592. **Пат.**— Скитский патерик. Новгород, 1553 г.; в рукописи ГИМ, Синод. 216. **Пер.**— Слова Аввы Дорофея, 1633 г., ГБЛ, ф. 310, № 194. **Печ.**— Минеи-четьи. Печенга, 1605 г., ГБЛ, ф. 138, № 17. **Пск.**— Феодор Студит. Псков, 1590 г., ГБЛ, ф. 242, № 134. **Ряз.**— Лествица. Солотча, 1611 г., ГИМ, Барсов 246. **Сенн.**— Толкование на евангелия, 1499—1500 гг., ГИМ, Синод. 302. **Т. пс.**—Псалтирь, XV—XVI вв.; в рукописи ГБЛ, ф. 304, № 329. **Улож.**— Уложение царя Алексея Михайловича (печатное). М., 1649. **Фер.**— Кормчая, сер. XVI в., ГБЛ, ф. 98, № 248. **Хлын.**— Златоуст, 2-я четв. XVII в., ГБЛ, ф. 310, № 539. **Хр.**— Хронограф, 4-я четв. XVI в., ГБЛ, ф. 98, № 202. **Цв.**— Триодь цветная (печатная). М., 1591. **Час.**— Часослов, кон. XV в.; в рукописи ГБЛ, ф. 304, № 329. **Чуд.**— Чудовский Новый Завет, XIV в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Shevelov G. Y.* An alternative analysis of some language features of «Měrilo Pravednoje».— Festschrift für Gerta Hüttl-Folter zum sechzigsten Geburtstag.— Wiener Slawistischer Almanach, Bd 13, 1984.
2. *Зализняк А. А.* Новые данные о русских памятниках XIV—XVII вв. с различением двух фонем «типа *о*».— Советское славяноведение, 1978, № 3. [= выше глава 1].
3. *Зализняк А. А.* Противопоставление букв *о* и ω в древнерусской рукописи XIV в. «Мерило Праведное».— Советское славяноведение, 1978, № 5. [= выше глава 2].
4. *Зализняк А. А.* Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV в. «Мерило Праведное».— Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979. [= выше глава 3].
5. *Shevelov G. Y.* Omega in the Codex Hankenstein.— Studia Linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a Collegis Amicisque oblata. Lisse, 1978.
6. *Успенский Б. А.* Из истории русских канонических имен. М., 1969.

Дополнение 2010 года

Благодаря любезности С. Л. Николаева я получил возможность ознакомиться с одной чрезвычайно интересной диалектной системой, проливающей дополнительный свет на оригинальное распределение двух фонем типа *о* в «Мериле Праведном». Речь идет о говоре деревни Выбити Солецкого района Новгородской области (магнитофонная запись М. Н. Толстой и А. В. Тер-Аванесовой 1992 г., роспись и исторический анализ материала выполнены С. Л. Николаевым).

В этом говоре **о* дает два рефлекса: *u̯o* и *o*. В ударном слоге их распределение (в отвлечении от мелких деталей) таково:

1. В открытом слоге энклиноменов — *o*, например: *vódu*, *pól'e*, *kór'en'*, *nógъt'*, *vórъn*.

2. В открытом слоге ортотонических словоформ — *u̯o*, например: *gu̯ón'it*, *mu̯ól'ic:a*, *oxu̯óta*, *oknu̯ó*, *taku̯óje*.

3. В новозакрытом слоге (с любой акцентуацией) — *u̯o*, например: *pu̯op*, *ku̯on'*, *ku̯ot*, *nu̯óška*, *doru̯óška* (ортотонические словоформы); *nu̯os*, *gu̯os't'*, *pu̯ot*, *su̯ol'* (энклиномены).

Эта система очевидным образом сходна с системой «Мерила Праведного». Она не тождественна этой системе во всех деталях, но обладает общим с нею фундаментальным свойством — в ней сочетаются «русский» и «украинский» принципы распределения /ô/ и /ɔ/. В системе деревни Выбити в открытых слогах действует «русский» принцип, в новозакрытых — «украинский»[1]. Это практически то же самое распределение, что в «Мериле Праведном». Так же, как в «Мериле Праведном», энклиномен здесь может получить рефлекс закрытого /ô/ только в начальном слоге — просто потому, что этот рефлекс возможен только под ударением, а ударение энклиноменов — начальное.

Разница в сущности лишь в том, что в «Мериле Праведном» в начальном слоге «украинский» принцип действует независимо от места ударения, отсюда такие примеры, как *пѡслати*, *кѡвчегъ* и т.п. (где начальный слог безударен), тогда как в Выбитях безударные слоги в противопоставлении /ô/ – /ɔ/ не участвуют.

Как мы видели, Дж. Шевелев возражал против признания написаний «Мерила Праведного» отражающими реальный говор писцов на том основании, что ни русские, ни украинские говоры с такой оригинальной особенностью — сочетанием «русского» и «украинского» принципов распределения /ô/ и /ɔ/ — неизвестны. После открытия говора деревни Выбити для этого возражения уже больше нет оснований. Мы можем теперь с уверенностью утверждать, что на какой-то части будущей великорусской территории говоры с указанной фонетической особенностью реально существовали и дожили до нашего времени.

Отметим, что как пространство Ржев – Торопец – Смоленск – Мосальск, к которому выше был предположительно отнесен говор писцов «Мерила Праведного», так и Солецкий район Новгородской области, к которому принадлежит деревня Выбити, относятся к средней части западной половины великорусской территории. Можно предполагать, таким образом, что говоры с данной особенностью встречались (хотя бы в рассеянной форме) во всей этой зоне.

[1] По сообщению С. Л. Николаева, такую же систему имеет говор соседней д. Невское (Свинорт), как показал вновь записанный материал 2005 г. (вопреки его работе [Николаев 1996]).

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

Ссылки даются на главы (цифра перед точкой) и параграфы, например: 1.14, 3.58 (в серии ссылок на одну и ту же главу номер главы не повторяется).

Указатель ориентирован прежде всего на учет цитируемого в книге материала Мерила, а также других древнерусских источников. Прочий материал (например, из современных языков или диалектов) отражен лишь выборочно. Запись слов — нормализованная позднедревнерусская (иногда с небольшими отступлениями в пользу вариантов, характерных именно для Мерила, например, *мужьство*); вместо *ѧ* и *ѩ* пишется *я*, вместо *ѥ* — *е*.

Для компактности родственные слова, стоящие в указателе рядом, в части случаев объединяются в статьи «гнездового» типа. В форме единой статьи могут быть записаны и просто соседние слова, если они имеют одну и ту же отсылку.

У приставочных глаголов (если только приставка не срослась с корнем) и прилагательных с *не* приставка при помещении слова в указатель не учитывается; например, *о-сѣнити* дается на *С*. Обычно все встретившиеся приставки указываются в скобках после глагола. (Ввиду наличия переходных случаев следует, впрочем, проверить вызывающее сомнение слово в указателе дважды — по корню и по приставке.)

В глагольных статьях для большей наглядности особо выделены причастия на *-мыи*, *-ныи*, *-тыи*, поскольку в Мериле они обычно несут наибольшую акцентологическую информацию.

Для удобства ориентировки имена собственные даны с заглавных букв (хотя в тексте книги они даны, в соответствии с оригиналом, строчными буквами).

Авиронь 3.54
адовныи 2.12, 3.57, 59, 4.1, 2
адовъ 3.62, 64, 4.1
александрскии 3.61
алкати 2.16
алконостъ 3.22
Аммонъ 3.22
Амфилои 3.22
Амфилохии 1.14, 3.10 (сн. 23), 22
Анкюра 1.14
Антиох|ъ, -ия, -иискии 2.30
апостольскии 2.12, 3.10 (сн. 23), 61, 64
архидьяконъ 3.22, 4.1
Ахаръ 3.15, 22

баба 3.34
батогъ 3.19
безбѣдныи 3.58
безгодье 3.32
бездѣльныи 3.58
беззакон|ие 3.32; -никъ 3.10 (сн. 23), 25; -новати 3.81; -ныи (не-) 3.58
беззлобие 3.32
бервьно 3.28
Берестово 3.62
бесплодье 3.32
беспомощныи 3.58, 59
бес|порочныи, -скверненыи, -словесныи, -студныи, -членныи 3.58
бесчестныи 3.30, 58, 59
бесчисленыи 3.58
-бивати (по-, у-) 2.16
-бирати: сбираемыи 3.10 (сн. 23)
бисеръ 2.16

бити (от-, по-, про-) 2.25, 26 (сн. 52), -биеныи, бьеныи (по-, у-) 2.25, 3.88
благ|ии, -о 3.28, 52
благо|боязнивыи 2.30, 3.8, 65; -волити 3.78; -вѣрство 3.29; -кротость 3.44, 4.1
благо|лепныи, -прилежныи 3.58
благород|ие 3.32; -ныи 3.8, 58; -ство 3.29
благослов|ити: -еныи 3.88; -ление 3.88
благостояние 3.89
благота 3.39, 40
близочьство 3.29, 4.2
блудничьскии 3.59, 61, 64
блудныи 2.10, 3.56
блюдо 3.28
блюсти: блюдомыи (не-) 3.88, 4.2
бо 2.4, 14, 16, 18, 3.2, 73
бобръ 2.20, 3.21
богатство 3.29, 30
богатыи 3.65
бого|боиныи (не-), -лѣпныи, -носныи 3.58; -словець 3.24
богъ 3.15, 20
бодливыи 2.21
божественыи 2.12, 13, 3.47, 57, 59
божьство 3.20, 29, 30
божии 3.65, 92
бокъ 3.20
болгаре 2.7
болии, боле, больше, больши (*и т. д.*) 2.10, 3.55, 92
болого 3.28
боль ‘больной’ 3.21
больма, больми 2.20
больныи 2.20, 31, 3.4, 9, 56, 59, 4.6
больше *см.* болии
болѣ|знь 3.42 (табл. 8), 43; -сть 3.43
болѣти (по-) 2.20, 30, 3.79
боляринъ 1.14, 3.26
боранъ 3.18
борзыи 2.7, 3.52
борода 2.9, 3.36
борона 3.36
бороти 3.82, 91 (табл. 16)
бортныи 3.47, 56
борть 2.7
бости (про-) 3.82–84, бодомыи 4.2, прободеныи 3.88
боязнь 3.43
бояринъ 3.18
боятися (у-) 2.22, 3.79
бракъ 2.7, 16, 3.10 (сн. 23), 15, 16
бранити: в(о)збраненыи 3.10 (сн. 23), 88
брати: браныи (из-, со-) 2.10, 17, 3.89, 92
братолюбие 3.8
братучадо 3.27
братъ 2.31 (табл.), 3.14 (табл. 2), 15, 18
брачныи 2.10, 3.20, 56, 59
бречи: небрегомыи 3.88, 4.1, 2
бридкии 1.14, 3.63
брозда 1.14
броня 2.7
броснути 2.7
бывати (пре-) 2.16, бываемыи 2.12, 16, 3.86
быстроскочивыи 3.65
быти 1.14, 2.9, 13, 16, 3.84
бѣда 2.11, 3.34
бѣдныи 3.56, 59
бѣжати (по-) 1.12
бѣлогородскии 2.14, 3.30, 47, 59, 61
бѣс|ныи 3.35; -овскии 3.47, 61, 4.1, 2
бѣсъ 2.28

Вавилон|ъ 3.22; -скии 3.61
варварскии 3.61
Васильевъ 2.13, 3.62
ввожение 3.87
вгодныи 1.13, 2.20, 3.58
вгожение 3.88
вдов|а 2.9, 3.33 (табл. 7), 35, 36; -ица 3.41; -ство 3.30
о-вдовѣти 2.27, 3.80
ведро ‘serenum’ 3.28
великии 3.47, 65
вельможа 3.38
велѣти: повелѣныи 3.48, 89, 4.4
вербныи 3.47, 56
вервныи 1.13, 14
-вергнути: вверженыи 2.12, 3.86
вередныи 2.14, 3.47, 56, 59
вертоградъ 3.23

верховнии 3.65
-вершати: свершаемыи 2.12, 17, 3.10 (сн. 23), 86
-вершити: свершеныи 1.14, 3.88, 91
вести (воз-, при, с-) 2.10, 16, 3.83, ведомыи 3.88, 4.2, сведеныи 3.88, 92
весь 1.14, 2.14
ветхии 3.53
взаконение 3.87
взбранныи 3.58
взопити 2.7
видокъ 2.28, 3.14 (табл. 3), 16, 26, 4.4
видомыи (не-) 3.86, 4
видѣти 2.13, 16, 3.79
видимыи (не-) 2.12, 13, 3.47, 86
видомыи 4.1
вина 2.11, 3.34
винныи (*от* вино) 3.59
вино 2.9, 3.28
виноватыи 3.65
виноградъ 3.8, 23
вира 1.14
висѣлица 1.14
владыка 3.33 (табл. 6), 34, 41
властел|ь, -инъ 3.26, 61; -ьскии 2.29, 3.26, 35, 47, 49, 61
власти ‘владеть’ 3.26
влачити: повлачимыи 2.25, 3.48, 88
влаяти: влаемыи 4.2
влечи: влекомыи 3.88, 91 (табл. 15), 4.1, 2
внук|а 3.34; -ъ 1.23
вода 1.16, 2.4, 9, 20, 31, 3.33 (табл. 7), 36
водити (в-, вз-, из-, на-, от-, при-, у-) 2.16, 3.10, (сн. 23), 75 (табл. 12), 77, водимыи (в-, от-, при) 3.77, 91 (табл. 16)
водныи 2.21
водо|важа 1.13; -теча 1.14
воевода 3.38
вож|скии 2.20; -ь 2.20, 3.19
воздухъ 2.8
возможныи (не-) 2.9, 3.58
возъ 2.20, 3.9, 14 (табл. 3), 21, 4.6
вои ‘воин’ 3.19
воини|къ 2.20; -чьскии 3.10 (сн. 23)
воинскии 2.14, 3.61
воинств|енныи 3.4, 57; -о 2.12, 3.4, 27 (табл. 5), 29, 30; -овати 2.13, 3.4, 81
воину, выну ‘всегда’ 2.8, 22
воинъ 2.16, 22, 3.26
воискии 2.20
-волити (из-, произ-) 3.77, 78
волкъ 2.7, 28, 3.4, 16
волна ‘unda’ 2.7
вологa 2.9, 3.36
Володимѣр|ъ 2.9, 3.23; -ь 3.54
волостель 3.26, 61
волость 2.9, 3.42 (табл. 8), 43
волосъ 2.9, 3.14 (табл. 3), 20
волочи (с-) 3.82
волхвовати 2.7, 16, 17
волшебныи 2.7
волъ 2.10, 20, 3.15, 17, 19
вольныи (не-) 2.20, 3.47, 56, 59
воля (не-) 2.10, 31, 3.4, 33 (табл. 7), 35, 36, 92
воница 3.41
вонь ‘наружу’ 2.7
воня 3.33 (табл. 7), 35, 36
в(о)просъ 2.7, 20, 3.23
вопрошение 3.87
ворогъ 2.9, 3.20
ворон|а 2.9, 3.33 (табл. 7), 36; -ии 3.65; -овъ 2.19
ворота 2.9, 3.28
воротити (вз-, за-) 2.9, 3.77
ворочати 2.9, 3.80
воскъ 2.20, 3.20
в(о)сточныи 3.58
вотъ 2.8
вощаныи 2.11, 3.4, 20, 47, 62, 64
впреки 3.4
врагъ 2.28, 3.16
вражда 2.11, 3.34
враждовати 2.17
-вратити: развращеныи 3.88
вредити: вреженыи 3.88
вредныи (не-) 3.56
Всеволод|ичь 3.23, 26; -ъ 3.23
всецелыи 3.52
вскормленикъ 2.7
всходъ 2.9, 3.23

всякии 2.14, 16, 17, 29, 3.66, 67, 72
вторыи 2.10, 3.4, 10 (сн. 23), 50
входъ 2.20, 3.14 (табл. 3), 23
въ, во 1.14, 2.7, 8
во нь, во ньже, во тъ 2.8,
во имя 2.8, 22
-выкнути (на-) 3.83
высокии 3.65
высота 3.39, 40
вѣдати (пропо-) 2.16, вѣданыи (за-, испо-, пропо-, у-) 2.12, 16, 3.89
вѣдомость 4.2
вѣдѣти 2.16; вѣдомыи (не-, пре-, у-) 3.88, 91, 4.2
вѣдѣние (не-) 1.14
вѣкша 2.7
вѣно 1.14, 3.27, 28, 57; -вныи 3.57, 4.1, 2
вѣр|а 3.34; -ныи (не-) 3.56, 59; -овати 2.13, 16, 17, 3.81
-вѣтовати (от-) 2.16
вѣтръ 3.16
вѣчныи 2.10, 3.56, 59, 60
вѣщати: свѣщаныи 2.12, 3.89
вѣщевати (с-) 1.14
вязати (роз-) 2.27, связаныи 2.16

геона 2.30, 3.34
Георгии 2.30
-гибати (по-) 1.14
ги(б)нути (по-) 2.10, 3.83, 84
глава 3.35
глагол|ати 2.13, 3.80 (сн. 71), 83, 86, 89; -емыи 2.12, 3.86; -аныи (неиз-, о-) 2.12, 3.89
гнати (по-) 2.25, угнаныи 3.89
гнои 2.20, 3.21
гнусныи 3.56
гнездо 3.28
гобѣиныи 3.57
година 3.41
годити (у-) 2.9, 3.78
годъ 2.20, 3.20
годѣ ‘годится, уместно’ 3.20
голважня 2.7
голова 2.3, 4, 9, 11, 31 (табл.), 3.2, 4, 33 (табл. 7), 34–36
головни|къ 3.25, 36; -чьство 3.25, 29, 30, 36
голубь 2.9, 3.43
Гоморъ 3.22
гонзати 2.21
гонити (из-, от-, по-) 2.11, 16, 3.4, 77, 91 (табл. 16), гонимыи (от-, при-) 3.87, 91 (табл. 16)
гора 2.11, 3.33 (табл. 7), 34–36
горд|ость 3.44, 45, 4.1, 4, 6; -ыи 2.7
горе ‘несчастье’ 2.28, 3.55
гории ‘худший’: горе 3.28, 55, горѣе 3.55
горьше, горьши (*и т. д.*) 2.20, 3.55
горесть 3.44
горлица 2.7
горнии 2.20
горнчаръ 2.7
городити (пере-) 3.78, огороженыи 3.88
городн|икъ 3.25; -ыи 3.56
городня 3.41, 4.3
городскии 2.9, 3.20, 61, 64
городъ 2.3, 4, 9, 3.2, 4, 14 (табл. 3), 17, 20
горожанинъ 3.26
горохъ 3.18
горсть 2.7
гортань 2.7
горькии 2.14 (сн. 37), 20, 3.47, 63, горьчѣе 2.20
горьше см. гории
горѣ ‘вверх’ 3.36
горѣти (из-, по-, раз-, с-) 3.79
господ|а 3.36; -арь 3.26; -овати 3.81; -скии 3.47, 61; -ство 2.30, 3.4, 29, 30
господь 3.42, 43, 92
гостинноприимство 3.29
гостинъ 3.65
гостити (при-) 3.78
гостолюбивыи 3.8, 65
гость 3.8, 42 (табл. 8), 43; -ба 2.20
готовати (из-, у-) 2.14, 3.80, уготованыи 3.89
готовити (у-) 2.16, 3.75 (табл. 12), 76, 78
готовыи 2.9, 31 (табл.), 3.4, 47 (табл. 10), 50, 62, 4.4
градскии 3.20, 61
градъ ‘город’ 2.7, 3.15, 16, 20

гражанинъ 3.26
грамота 3.33 (табл. 7), 37, 4.1, 4
грекъ 1.14
грести (по-) 2.10, 3.83, погребеныи 2.9, 3.88
Григории 3.10 (сн. 23), 11, 22
гробныи 2.20
гробъ 2.20, 3.17, 20
громныи 2.20
грохотание 3.89
грызти (про-) 2.25
грѣхо|вныи 2.8, 3.19 (сн. 28), 57, 59; -любець 3.8
грѣхъ 3.19
грѣш|ити 2.16; -никъ 2.28, 3.16; -ныи 3.59
грясти 3.91
гумно 3.28

Данилъ 1.14
даров|ати 2.13, 3.81; -аныи 3.89; -ити 3.78; -ныи 3.20, 57, 59, 4.1, 2
даръ 3.14 (табл. 2), 15, 20
датель 3.26
дати 3.26, даныи (в-, из-, от-, по-, пре-, про-) 2.10, 3.47, 49, 89, 91, 92
даяти (пре-) 2.16, даемыи (от-, по-, про-) 1.14, 3.48, 88, 91, 4.2
двигнути (в-, вз-) 2.10, 3.83, 4.4
движимыи (не-, непо-) 2.12, 3.10 (сн. 23), 48, 86, 4.4
двое 2.9, 3.69
двожды 2.20
двои 2.9, 3.69; -ство 2.20
двоити: раздвоеныи 3.88
двоица, двоиче 2.22
дворныи 2.20
дворъ 2.3–5, 10, 20, 28, 3.14 (табл. 3), 17, 19
день 2.20, 3.21
дерево 2.12, 3.27 (табл. 4), 28
держава 3.34
держати (об-) 2.27, обдержимыи 3.48, 88, удержаныи 3.89
дерзновен|ие, -ныи 3.87
десныи 2.12, 3.52
десятыи 3.50
дивныи 3.56
Дионисовъ 2.13, 30, 3.62, 4.1, 4
Дионъ, Диосъ 2.30
дневныи 3.57, 59
до 2.25
доблии 2.20
добро (не-) 2.3, 4, 9, 20, 3.4, 10 (сн. 23), 27 (табл. 5), 28, 51, 4.6
добро- 3.8, 51
добро|воние 3.32; -дѣтель 3.8; -зерноберець 3.51; -покорливыи 3.65; -разумивыи 3.51
доброта 2.10, 3.33 (табл. 7), 39, 40
добрыи 2.9, 20, 3.4, 8, 47 (табл. 9–10), добрѣишии 3.55, добрѣ (не-) 3.51
добытокъ 2.7
довлѣти 2.25, 3.80
довольныи (не-) 2.12, 3.47 (табл. 9), 48, 58, 4.4
дождевныи 2.7
дождь 1.12, 2.7
доже 3.73
доити ‘mulgere’ 2.22, 3.75 (табл. 12), 77, 78
доколѣ 3.73
долгии 2.7, 3.50
долгъ ‘debitum’ 1.14, 2.7, 3.15, 16, 20
должн|икъ 3.25; -ыи 2.7, 10, 31 (табл.), 3.10 (сн. 23), 20, 56, 59
долу, долѣ 3.21
дольн|икъ, -ыи 2.20
о-долѣти 3.80
домашнии, домачнии 3.65
домовныи 3.20, 57, 59, 4.1, 2
домовь 3.15, 92
домъ 2.3–7, 9, 16, 17, 20, 28, 3.14, 4.9, 14 (табл. 3), 15–17, 20, 4.6
донде, дондеже 2.25
дорогии 2.9, 3.4, 47 (табл. 10), 52
доска 2.7
достаточныи 2.12, 3.57
достоинословныи 3.58
достоинство (не-) 3.10 (сн. 23), 29, 30
достоиныи (не-) 2.14, 25, 3.10 (сн. 23), 58, 4.1
достояние 3.79, 89

дотолѣ 3.73
дохнути 2.7
драгии 3.52
древо, дрѣво 3.28
дрова 2.7
другии 3.35, 53
другъ 3.16
Дурново 2.14 (сн. 37)
духовныи, 3.57, 60
душевныи 3.57, 60
дьявол|ъ 3.22, 4.1, 4; -ь 3.54
дьяконъ 2.12, 17, 28, 31 (табл.), 3.4, 11, 14 (табл. 2, 3), 15, 16, 22, 4.1, 4
дѣв|а 3.34; -ство 3.29, 30
дѣиство 2.16, 3.30
дѣлатель, -ство 2.12, 3.29, 30
дѣлати 2.16, дѣланыи (не-) 2.12, 3.89
дѣлити (роз-) 2.27
дѣло 2.7, 16, 3.28
дѣтородныи 3.58
датскии 3.61, 64

евангель|е, -скии 3.61
Евлогии 3.10 (сн. 23), 22
Егупеть, Еюпеть 1.14
едина|ко (ни-) 3.66, (табл. 11), 72; -мо 3.73
единородн|икъ 3.25; -ыи 3.58
единство 3.29, 30
единыи (ни-) 2.14, 29, 3.66 (табл. 11), 67, 68
Еленопонтъ 3.22
Елеонскии 2.30
елико 3.65; -ждо 2.13, 3.65
Енохъ 3.22
ересь 3.22 (сн. 29)
еретичьскии 1.14, 3.61
еродовъ (*от* еродъ 3.62 ‘цапля’)
ествеыи 2.12, 3.57, 59
естество, ество 3.29, 30
етеръ 3.50
Ехония 3.37

жало 3.28
жалостныи 3.57, 4.1
жати (по-) ‘metere’ 2.25
же 2.16, 3.69
желудь 4.3
желѣз|ныи 3.47, 56, 59; -о 3.28
жен|а 2.3, 11, 3.33 (табл. 6), 34–36; -итва 3.34; -скии 3.61, 64
жертв|а 3.34; -еникъ 2.16
жесткии 3.63; -ость 4.3
жечи (о-, по-) 2.25, 27, пожженыи 2.25
живот|ина 3.41; -инь ‘животное’ 3.26; -ныи 2.9, 3.39, 57, 59
животъ 2.7, 9, 30, 3.14 (табл. 3), 17, 26, 39, 4.1, 4
живыи 2.9, 17, 3.47, 52
жидовинъ 3.26
жидъ 3.15, 21
житель, -ство 3.26
жити 3.26
жито 3.28
жрети (по-) ‘поглотить’ 2.25

завѣтъ 3.14 (табл. 2), 15, 21, 23
зазор|ныи (не-) 3.58; -ъ 3.23, 4.1
заимодавец^ 2.6, 3.8, 23
законение 3.27 (табл. 5), 86
-законити (в-, у-) 1.13, 2.9, 3.75 (табл. 12), 76, 78; -законеныи (в-, у-) 2.12, 14, 3.4, 47 (табл. 10), 86
законныи 3.10, 47, 58, 59
законо- 3.8, 23
законо|давець 2.6, 3.8; -положение 3.23 (сн. 32)
законъ 1.16, 2.4, 7, 3.2, 4, 8, 11, 14 (табл. 3), 16, 23, 4.1, 4, 5
-законяти (в-, у-) 3.80
залогъ 3.10 (сн. 23), 23, 4.4
запрещение 4.6
заточение 3.87
заходъ 3.23
зачало 3.31
зачатокъ 2.7
звати (по-, при-) 2.25, 3.48, 82, 4.5, зовомыи 3.91 (табл. 15), 4.2, званыи (не-, по-) 2.25, 3.48, 89
звѣздословие 3.32
здати (со-) 1.12, 2.16
зелье 1.14

земныи 2.17, 3.56, 59
зеркало 2.12, 3.31
зерцало 3.31
зима 2.19
злат|о 2.12, 3.28; -ыи 2.11, 3.28, 35, 47, 52
зло 2.9, 3.4, 10 (сн. 23), 28, 51, зло- 3.8, 51
злоба (не-) 2.20, 3.33 (табл. 7), 34, 41
о-злобити 2.27, 3.75 (табл. 12), 76, 78
о-злобляти 2.10, 3.76 (сн. 69), 80
злоб|ныи 2.20; -ь 2.20, 3.43
злодѣи 3.8, 23, 92; -ство 3.29, 30
зло|нравець 3.8; -творение 3.51
злыи 2.7, 14, 3.4, 47 (табл. 9), 51
-знавати (по-) 2.25
знакомство 4.2
знакъ 4.2
знамен|ати 2.16; -овати (на-) 2.13, 3.4, 81
знати (по-) 2.16, 25, знаемыи 2.16, познаныи 2.25
знои 2.20, 3.21
зобати 3.82, 91 (табл. 16)
зогзуля 2.21
золот|о 2.4, 9, 12, 31 (табл.), 3.2, 4, 27 (табл. 5), 28; -ыи 2.9, 3.52
зоря 3.36
зрѣти (по-) ‘смотреть’ 2.25
-зывати: призываемыи 2.12, 3.47 (табл. 9), 48, 86, 4.4
зѣло 3.51

и (*местоим.*) 1.13, 2.14, 16
ибо 2.14, 3.10 (сн. 23), 73
(и)гемонъ 3.22, 4.3
иго 3.28
идолъ 2.28, 3.22, 4.1
иерусалимскии 3.47, 61
ижеконныи 3.58
из 1.14
избыточныи 2.12, 3.57
изволение 3.87
извѣст|ныи 3.58; -о 3.54; -ословие 3.32
изгои 3.23
изнова 3.53
изобильныи 2.29
изрядныи 3.58
икона 2.31, 3.37
иконом̀ъ 2.12, 28, 3.4, 14 (табл. 3), 15, 16, 20, 92, 4.1, 2
Ильинь 3.35
имати (вз-, из-, по-, под-, от-) 2.16, 25, 26
имовитыи (не-) 3.65
импетиго 1.3
инако 2.12, 16, 3.10 (сн. 23), 66 (табл. 11), 3.72
инокии 3.65
иночим|ль 3.54; -ъ 3.26
инрогъ 3.23
иныи 1.22, 2.14, 18, 29, 3.52 (сн. 51), 66 (табл. 11), 67, 71
Иоаннь, Иовъ 2.30
иподромскии 2.30, 3.4, 61
(и)подьяконь 3.22, 4.3
Иродъ 3.22
искати (вз-) 1.14, 2.26, 3.91 (табл. 16), взискаемыи 2.12, 3.86, взисканыи 3.89
искони 3.73
искреныи, искренныи 2.12, 16, 3.57
исполинь 3.26
исполнение 2.7
исполнь 2.8
истин|а 2.13, 18, 3.33 (табл. 6), 34, 35; -ныи 1.13, 2.12, 16, 17, 3.4, 57, 59
исто 3.50
истопленье 3.88
источникъ 3.25
истощание 2.7
Исус|овъ 2.13, 3.62; -ъ 2.16
исходъ 2.9, 3.10 (сн. 23), 23
исчезнути 3.83
ити (вн-, до-, из-, от-, по-, пре-, от-, при-, про-, рез-, сн-) 1.14, 2.9, 16, 22, 25, 26, 3.83, 4.4
Иустиньяновъ 3.62
Июдинъ 2.12, 3.65
Ияков|ль 3.54; -ъ 3.22, 4.1, 4

Каинъ 2.16
как|ии 2.29, 3.35, 47, 52 (сн. 51), 67, 72; -о 3.66 (табл. 11)
камень, камыкъ 2.16
каноньъ 2.28, 3.16, 22, 4.4

Кападокия 3.37
-каряти: укаряемыи 2.12, 3.86
квасникъ 3.25
кде, кдѣ 1.14
киевскии 3.61
кии (местоим.) 1.22, 2.14, 3.67, 70; -ждо 2.13, 20, 3.69, 70
кланяти 2.16
класти (с-) 3.83, 4.4
клевет|а 3.36; -ати: оклеветаемыи 3.86; -никъ 3.16, 36
Климъ 3.14 (табл. 2), 15, 22
клирос|ныи 3.56; -ъ 3.14 (табл. 3), 16, 22
клонити (по-, при-, у-) 3.78, преклоненыи 3.88
клопотъ 3.15, 21
клосныи, клосненыи (не-) 3.59
-ключати: исключаемыи 2.16
-ключити (ис-) 1.14
ключныи 3.56, 59
клятв|а 3.34; -еникъ 2.16
кляти 1.14
книжныи 3.56, 59
княжь 3.54
кобыл|а 3.36; -ии 3.65
коварство 2.12, 3.29, 30
ковчегъ 2.4, 20, 3.2, 4.6
когда 2.7
коегда 3.73
кожа 3.35, 36
кождо 2.8, 3.69, 70
коз|а 3.36; -лии 2.20
кознь 2.7
Козьма 3.37, 4.1
кои 3.70
колбягъ 2.7
коли 3.73
колико 2.5, 23, 3.65, 4.7
количьство 3.29, 30
колишд|о, -ы 3.73
коло 3.28
колод|а 2.9, 3.36; -ица 3.41
колоти (за-) 2.9, 3.82
коль 2.20; -ко 2.23; -ми 2.20
кольхии 2.20
колѣно 2.12, 3.27 (табл. 4), 28
комаръ 1.3, 3.14 (табл. 3), 19
комитъ 3.22
комканье 2.20
Комнинъ 2.20
коневыи 3.62
коне|цъ 2.20, 3.24, 92; -чнии 2.20, 30, 3.65, 92
конн|икъ 2.20; -ыи 2.20, 3.19, 56, 59
кончание 2.20
кончати (с-) 2.20, кончаныи 2.12, 3.89
кончевати (с-) 2.20
кончина 2.20
конь 2.20, 3.14 (табл. 3), 19
конюхъ 3.26
копа|ние 3.89; -та (ис-) 3.80
копие 2.20, 3.4
-копляти (с-) 3.80
корабль 3.19
корень 2.9, 3.43
-кореняти (ис-) 3.80
коренфѣи 2.30
кориcть 3.42 (табл. 8), 43
корити (по-, у-) 1.13, 3.78, укореныи 3.88
коркодилъ 3.22
кормчии 2.7
кормъ 2.7
о-корнити: окорненыи 2.7
коров|а 2.9, 3.36, 4.6; -ии 3.65
коромольникъ 3.25
короставыи 2.13, 3.65
корчагъ 2.7
корчемница 2.7
косатка 3.41
косматыи 3.65
коснутися (при-) 3.82, 83
Коснячко 3.32
кость 2.3, 9, 3.42 (табл. 8), 43
Костянтиновъ 3.62
котець 2.20
которатися 2.14, 3.4, 80
которыи (ни-) 1.13, 2.3, 9, 14, 18, 29, 3.10 (сн. 23), 47, 50, 67
кошница 2.20
-крадовати (по-) 3.81
крас|а 3.40; -ныи 2.17, 3.56, 59; -ота 3.39, 40

красти 1.14, 3.84, краденыи (о-, у-) 2.12, 14, 17, 18, 3.47, 48, 86, 4.4
крестныи 3.56, 59
крестьянскии 1.11, 3.61
кривыи 3.52
крити ‘купить’ *(през.* кренеть) 1.14
кровавыи 1.14, 2.7
кровать 3.43
кровопролитие 2.7
кровъ 2.20, 3.21
кровь 1.14, 2.7, 31 (табл.)
кромѣ 2.10, 3.73
кропь ‘укроп’ 2.20, 3.21
-кротити (у-) 3.63, 78
крот|кии 2.7, 21, 3.47 (табл. 10), 48, 63; -ость 2.9, 3.42 (табл. 8), 44, 45, 63, 4.1
крыти (по-) 1.3, крытыи 2.9, 3.90, -кровеныи (по-, с-, от-) 2.8, 12, 13, 3.4, 10 (сн. 23), 47, 86
крѣп|кии 2.7, 3.47, 48, 63, 64; -ость 3.42 (табл. 8), 44, 45, 4.1
кто 1.14, 2.6 (сн. 20), 14, 20, 29, 3.4, 66 (табл. 11), 67, 69
Куесторъ 3.22
кума 3.34
купити: купленыи 2.12, 3.87, 91 (табл. 16)
купныи 3.56
куповати 3.81
-кусити: искушеныи 3.87, 91 (табл. 16)
-кушати (ис-) 2.16
къ, ко 1.14, 2.7
кюпрские 1.14

-лагати (с-) 2.16, низлагаемыи 2.12, 3.86
ладныи 3.56
Лазарь 2.16
лалока 3.36
Лаодикия 2.30
ластовица 3.41
лгати: -лганыи (необо-, со-) 3.89
легкии 2.7
лежати 1.14
Леонтовъ 2.30, 3.62, 4.1
Леонъ 2.30
лестныи (не-) 1.12, 3.56
лжепослушствовати 1.14
лжесвидетельствовати 2.16
ли 2.16
Литои 3.10 (сн. 23)
лихва 3.35
лихии 3.52
лихоим|ныи 3.58; -ство 3.29
лицемерныи 3.58
-личати (об-) 2.16
лобзание 2.21
лобызати (об-) 2.16, 3.80
ловець 2.20, 3.24
ловити (у-) 3.78, ловленыи 3.88
ловъ 2.20, 3.9, 21
лодья 2.20
ложе 3.27, 28
-ложенье 3.88 (с разными приставками)
ложити (и произв.) 2.10, 3.75 (табл. 12), 78, 4.1, 2, -ложеныи (в-, вз-, из-, низ-, от-, по-, пре-, пред-, при-, с-) 3.4, 47, 48, 88
ложныи 2.7
локание 3.89
локоть 2.7, 3.43
лоныцина 2.20
Лотъ 2.20
Лука 3.35
лукавство 3.29, 30; -ыи 3.65
лукно 2.7
-лучити: отлученыи 3.88
льяти (воз-, про-) 2.16, 25
лѣвыи 3.52
лѣзти (в-, из-, с-) 2.10, 3.83
ленивыи 3.65
лѣностныи 3.45 (сн. 44), 57, 4.1
лѣность 3.44, 45, 4.1
лѣпот|а 3.35, 39, 40; -ныи (не-) 3.39, 49, 57, 4.1
лѣпыи (не-) 3.52
лѣствичныи 2.12, 3.57, 59
лечебныи 3.57, 59
любимикъ 2.16
любити 3.52, любимыи 3.87, 91 (табл. 16), взлюбленыи 2.16, 3.91 (табл. 16)
любовникъ 2.8
любовь 2.5, 8, 3.2 (сн. 6, 9), 43, 52
любодѣи 3.23

любыи 3.52
людскии 2.14, 3.61, 64
люто|сердыи 3.54; -сть 3.44, 45, 4.1, 2
лютыи 2.29, 3.47 (табл. 9), 51

-малити: умаленыи 2.12, 3.86
малыи (не-) 2.16, 3.50
Марко 1.14, 3.28
мармор|ъ, -овыи 3.56 (сн. 54)
масло 2.4, 12, 31 (табл.), 3.28
мачеха 1.12, 2.13, 18, 3.33 (табл. 6), 34, 35, 41
мелетинскии 3.61
меньшинство 3.29
мерети (у-) 2.9, 3.83
мерз|кии 3.63; -ость 3.44, 4.1
мертвеныи 3.59
метати 3.91 (табл. 16)
мзд|а 2.11, 3.34; -оимець 3.8
миловати (по-) 2.13, 3.81
милост|ивныи (не-) 2.12, 3.57; -ыни 3.41
милость (не-) 3.42 (табл. 8), 44, 45, 4.1
мирити 4.2
мирныи 2.10, 3.20, 56, 59, 60
Мирославъ 3.23
мирскии 3.20, 61, 64
миръ 3.14 (табл. 2), 15, 20
митропол|иискии, -итскии 3.61; -ить 3.22; -ичь 3.54; -ьскии 3.61; -ья 3.37
Михаило 1.14, 3.28
млеко 3.28
мнихъ 2.28
мнишьскии 1.14, 3.61
мног|ашды 2.16, 3.73; -ишдою 2.13, 3.34, 73
многии (не-), 1.23, 2.9, 12, 16, 20
много (не-) 2.30, 3.4, 10 (сн. 23), 47, 50, 55
много|ножица 3.41, 50 (сн. 47); -образныи 3.8, 58
множите (у-) 3.75 (табл. 12), 76, 78,
умноженыи 2.12, 3.4, 47 (табл. 10), 86
множ|ица 3.4, 3.10 (сн. 23), 41; -ьство 2.20, 3.29, 30
могуть 3.26
мои 2.20, 22, 3.68
Моис|ѣи, -ии 2.22, 30; -ѣовъ 2.30
молв|а 2.7, 8, -ити (из-, про-) 2.7, 8, 3.76
молебн|икъ 3.59; -ыи 2.20, 3.57, 59
моление 2.9, 3.87
молитва 3.33 (табл. 7), 34, 41
молити (из-, по-, у-) 2.9, 11, 3.59 (сн. 59), 75 (табл. 12), 77, умоленыи 3.87, 91 (табл. 16)
молния 2.7
молодыи 2.9, 3.52
молоко 2.7, 9, 17, 31 (табл.), 3.4, 27 (табл. 5), 28
молоти 3.91 (табл. 16)
молотръ 3.22
молчати 2.7
мольба 2.20, 3.59
монастыр|скии 3.61, 64; -ь 1.13
море 2.9, 19, 20, 3.28
морити (из-, у-) 3.78
морскии 2.20
мост|ити 3.78; -никъ 2.20
мостъ 2.20, 3.20
мочи, мощи (вз-, по-) 2.9, 13, 16, 20, 3.10 (сн. 23), 82–84, 91 (табл. 16), 92
мочныи (не-), (мощныи (не), 2.12, 21, 3.48, 55, 56, 60, 4.1, мощнеишии (не-) 2.21
мощь (не-) 2.9, 21, 3.43, 4.1
мрамор|ныи 3.56, 92; -ъ 3.56 (сн. 54)
мстити: отмщеныи 3.88
мудр|ость 3.44, 45, 92, 4.1, 2; -ыи 1.23, 3.51
муж|атыи 3.47, 65; -скии 2.9, 29, 31 (табл.), 3.47 (табл. 10), 61, 64; -ьство 2.10, 3.29, 30
мука ‘мучение’ 3.34
мутныи 3.56
мучити: мучимыи 3.48, 86
мыслити 2.16
мыти 1.3
-мышляти (по-) 2.16
мѣлкии 3.63
мѣна 3.34
-мѣнити: вмѣненыи 3.88
мѣра 1.14, 3.34
мѣрило 2.12, 3.10 (сн. 23), 31

мѣстныи 2.6 (сн. 20)
мѣсто 3.16, 27 (табл. 4), 28
мѣсячныи 2.12, 3.56, 59
мюрона 3.37
мясо 2.9, 3.28

набоиныи 3.58
наводнение 1.14, 3.88, 4.6
нагии 3.48
надоб-ѣ 3.38
об-нажити 2.27
наиболе 3.55
наим|никъ 3.59; -ныи 2.29, 3.58, 59; -овати 1.13, 3.81
налогъ 3.23
наложница 3.41
напастныи 3.58
напрасн|ыи (не-) 3.58; -ьство 3.29
народ|никъ 3.25; -ъ 2.9, 3.17, 20, 23
наро|къ 3.23; -читыи 2.10, 3.65
насилова|ти: -ныи 2.16
начало 3.31
начатокъ 2.7
нашь 2.14, 18
не 3.9 (сн. 22)
небесныи 3.56, 60
небо 2.12, 3.28
невѣжество, невѣрство 3.29
невѣста 3.4
недомысленыи 3.58
недоумѣвати 2.16
неистовство 3.29, 30, 4.3
неистовыи 2.13, 3.62, 4.1, 4
ненавид|ѣти 1.14; -имыи 2.12, 3.48, 86, 4.4
нена|вистныи, -вѣжныи 3.58
неоскудныи, неотрочныи 3.58
непре|ложныи, -мѣнныи 3.58; -станныи 3.89
несочтанныи 3.89
нести (вз-, из-, при-) 2.3, 9, 3.10 (сн. 23), 83
Нестории 3.22
неуклонныи 3.58
нещадныи 3.56
никии 3.70
Никифоръ 3.22, 4.1
никогда 2.16
Никола 3.37
николи 3.73
никомидиискии 3.61
никто 1.14, 2.14, 3.9 (сн. 22), 67, 69, 92
ничто 1.14, 2.16, 3.9 (сн. 22), 10 (сн. 23), 69, 92
нищета 2.13, 3.34, 39 (сн. 43)
нищии 2.16
но 2.7
новгородскии 2.21, 3.47, 59, 61
новити (об-) 3.78, 4.1, 2
новороженыи 3.53, 88
новыи 1.22, 2.5, 10, 20, 3.47, 53
нога 1.23, 2.11, 20, 3.2, 33 (табл. 7), 34, 36
ногата 3.33 (табл. 7), 37
ноготь 2.20
ножны 3.59
ножныи 2.20
ножь 2.20, 3.21
ноздророгъ 2.24, 3.23
ноздря, ноздрь 2.24
-нозити (на-) 3.78
Ноии 2.20, 3.22
норовъ 2.9, 3.14 (табл. 3), 20
норъ ‘утка-нырок’ 2.20, 3.21
носити (в-, вз-, из-, на-, по-, при-) 2.11, 16, 3.10 (сн. 23), 75 (табл. 12), 77, носимыи (в-, по-, при-) 3.87, 91 (табл. 16)
носъ 2.9, 20, 3.20
ночь 2.20, 3.43
ношение (*с разными приставками*) 3.87
нощныи 2.8, 16, 20, 3.56, 58, 60
нощь 2.8, 20, 3.9, 42 (табл. 8), 43
нудити: принуженыи 2.16, 3.56
нужныи 3.56
нутро 1.3
ныти 1.3
нѣкако 2.12, 3.66 (табл. 11), 70, 72
нѣкии 1.14, 2.14, 29, 3.67, 70
нѣкогда 2.7
нѣколи 3.73
нѣколикии 1.14

нѣкоторыи 2.29, 3.50
нѣкто 3.66 (табл. 11), 70
нѣльзя 1.14
нѣчто 3.66 (табл. 11) 70

о, об 2.4, 27, 31, 3.2
оба 3.69
обаче 3.73
обельныи 3.56
обещн|икъ 3.25; -ыи 3.56
обидныи 3.58
обидѣти: обидимыи 2.12, 3.86
обильныи 3.58
облада|ти: -емыи 2.12, 3.86
облакъ 3.23
обновленье 3.88
оболкшии 2.7, оболченыи 2.7, 31 (табл.)
во-образити 3.84
образъ 3.15, 23
оброкъ 3.23
обрѣсти 2.10, 13, 16, 27, 3.83, 4.4
общати (при-) 2.21, 4.3
общева|ти (при-) 4.3; -ныи 2.21
общение 2.21, 4.3
общии, обчии 1.14, 2.21, 3.47 (табл. 10), 51
община 2.21, 4.3
-общити (при-) 2.21, 4.3
обыч|аиныи 2.12, 3.57; -ныи 3.47, 58
овенъ 2.20, 3.19
овесъ 2.20, 3.19, 24, 4.5
овогда 2.7, 3.73
овощь 4.3
овца 2.20, 3.36
овча 2.20
овыи 2.20, 3.66 (табл. 11), 67, 69, 92
огненыи 2.12, 24, 3.56, 59
огнищ|анинъ, -ныи 2.24
огнь 2.4, 20, 24, 3.2, 21
одежа 2.27
одинако 3.72
одинъ 2.24 (сн. 49), 3.66 (табл. 11), 68
одръ 2.20, 3.21
оже, ожели 3.73
озеро 3.28
озлобленье 3.86
око 2.3, 9, 12, 3.4, 27 (табл. 5), 28
окол|о 2.9, 12, 3.28; -ьнии 3.65
Олена 3.37
оли 3.73
олтарь 2.20, 4.5
Ольговъ 2.20, 3.19, 62, 64
ометь 3.43
онамо 3.73
онси|и, -ца 2.20
оныи 2.10, 14, 20, 22, 29, 31 (табл.), 3.35, 66–68
опрѣснокъ 2.7
орати (раз-) 3.82
орелъ 2.20, 3.19, 24, 92
оружныи 3.58, 59
осель 3.19
осень 2.9, 31 (табл.), 3.43
оскоминныи 3.57
осля 2.20, 4.5
осмь, осмыи 2.4, 24, 3.2
основа 3.38
особн|ыи 3.58, 4.1, -ии 3.65
особь 3.54
осопь 2.8
оспа 2.8
остри|е 2.20, 24; -ти: изостреныи 3.91 (табл. 16)
островъ 2.9, 20, 3.20
острои ‘устрица’ 3.22
остр|ыи 2.4, 20, 24, 3.2, 54; -ѣе 3.55; -ѣишии 2.24
отгнанье 2.26 (сн. 52)
отець 2.20, 3.24
отечь|скии 2.20, 3.61; -ство 2.20, 3.29, 30
отинудь, отнудь 1.14, 2.26
отколѣ 3.73
отнии 2.20, 31 (табл.), 3.65, 92
отравникъ 2.27
отродъ 3.23
отрокови|ца 2.30, 3.4, 41, 92; -чинъ 3.41
отрокъ 2.26, 3.14 (табл. 3), 17, 23, 4.1, 3, 4
отроча 3.32
оттолѣ 3.73
отчии 2.20
отъ 1.23, 2.26
отъемныи 3.58

отъятие, отятие 2.26
Офонасии 3.22
охвочии 3.54
очныи 2.21

Павелъ 1.14, 2.16; Павловъ 3.62, 64
паволока 2.12, 3.38
пагубныи 3.58
пажить 1.14
паки 3.45
пакост|ити 3.45, 78; -никъ 3.25, 4.1; -ныи 3.56, 57, 4.1
пакость 3.42, 44, 45, 92, 4.1, 3
памфилиискии 3.61
паствинныи 2.12, 3.57
па́сти 3.83
пасти́: пасомыи 3.91 (табл. 15), -пасеныи (ис-, по-, с-) 3.88
Пафлагония 3.37
паче 2.16
Пентаполь 3.22
первыи 1.12, 14, 2.29, 3.47, 50
переносъ 3.23
переяславскии 3.47, 61
песъ 2.28, 3.16
Петръ 1.14, 2.17, 3.14 (табл. 2), 15, 17, 22
печал|овати 3.81; -ьныи 3.56
-пирати: попираемыи 2.12, 3.86
пиръ 3.15, 20
писати (под-) 2.13, 26, писаныи (на-, под-) 2.12, 17, 26, 3.89
пити (про-) 2.25
плевати 1.14
плодити (ис-. при-) 1.23, 3.19, 77, 78
плодъ 1.23, 2.20, 3.19
плот|ныи, -оѣдныи, -скии 2.8
плот|ь 1.14, 2.7, 8, 3.2 (сн. 6), 43; -яныи 3.48
плути 3.82
по 2.4, 25, 31 (табл.), 3.2
побѣд|а 2.25, 3.36, 59; -ныи (не-) 3.36, 58, 59
поваръ 3.23
повинныи (не-) 3.58
повиновение 3.88
поводие 3.27 (табл. 5), 32
погань 3.43
погибель 1.14
погостъ 3.23
подбои 3.23
подвигъ 2.25, 3.17, 23
подвижныи (не-) 3.58
подлѣ 2.25
подножие 2.26, 3.32
подоб|а 3.38; -ати 2.10, 12, 3.4, 80, 84; -ити (у-) 3.76; -ныи (не-) 2.9, 3.4, 48, 55, 58, 4.4
подъ 1.23, 2.26
пожаръ 3.23
пожжение, позвание, познание 2.25
позор|ище 3.11, 27 (табл. 5), 32; -ъ 3.23, 4.1
поити (на-) 2.22
покладежь 1.14
поклонъ, покои, поконъ 3.23
покор|енье 3.88; -ныи 3.58
покосныи 3.58
покровъ 2.8
полата 3.37
поле 3.28
полезныи 3.47 (табл. 9), 56, 59
ползкии, ползти 2.7
полн|ити (на-) 2.16; -ыи 2.7, 8, 3.50
половина 3.20, 41
полон|ити 3.20, 78; -ъ 3.20
полотно 2.3
полотскии 3.61
полоть 2.7, 3.43
полунощ|ныи 3.58, 4.2; -ь 3.43
полъ ‘половина’ 2.20, 3.20
польз|а 2.25, 3.59; -овати 2.25
полѣти (вс-) 3.79
поминати (вс-) 2.16
помнити 2.26, 25
помочникъ, помощникъ 3.25, 4.1, 2
помощь 2.9, 3.42, 43, 92, 4.1, 4
помыслъ 3.23
помянути: вспомяновеныи 3.88
поповъ 3.62, 64
попонъ ‘ряска’ 3.23
поприземныи 3.58
поприще 2.25

попъ 2.7, 10, 20, 28, 3.4, 14 (табл. 2), 15–17, 19, 35
порабощенье 3.86
порекло 3.31
порогъ 2.9, 3.18
порокъ 2.9, 3.4, 23
порося 3.32
порочныи (не-) 3.47 (табл. 10), 58
портити (ис-) 2.7
портъ 2.7
посланье 2.25
послухъ 2.17, 3.10 (сн. 23), 14 (табл. 3), 15–17, 23
послушство 3.23, 29, 30; -овати: -ованыи 3.89
послѣ 2.25
послѣд|и 2.25; -окъ 2.7
пособие 3.32
посольникъ 2.7, 31 (табл.)
посоль ‘поручение’ 2.7
постижимыи (не-) 2.12, 3.86
постити 3.78
постн|икъ 2.20; -ичьскии 2.12, 3.19, 61; -ыи 2.20
постриза|ло 2.12, 3.31; -ти 2.12
постъ 2.20, 3.19, 78
потвор|никъ 2.31 (табл.), 3.25; -ъ 3.23
потирь 3.22
потка 2.7
потокъ 3.23
потопъ 2.3, 3.23
потребныи 3.58
потщание 2.25, 4.5
потъ 2.19, 3.20
похвала 3.34, 35
похороны 2.19
похотникъ 3.25, 4.1
похоть 2.9, 3.43, 4.1, 4
почтенье 2.25
пощение 3.88
поясъ 3.23
правда (не-) 3.34, 59
о-правдати: неоправданыи 3.48, 89, 4.4
праведныи (не-) 2.4, 12, 16, 17, 31 (табл.), 3.2, 4, 10 (сн. 23), 47 (табл. 9), 57, 59, 4.7
правило 2.7, 12, 28, 3.10 (сн. 23), 16, 27 (табл. 4), 31
правити: управленыи 2.12, 3.86
правоверныи 3.58
правыи (не-) 3.50
праздныи (не-) 3.56, 59
-прати: попраныи 2.25
прашати (во-) 2.13
пребожественныи 2.12, 3.57
преболии, пребольшим 3.55, 92
предѣлъ 3.16
преже 2.16
презоривыи 3.65
преклонение 3.88; -ныи (не-) 3.58
прекословье 2.9, 3.4, 9, 27 (табл. 5), 3.32
прелюбодѣиство 3.29
премножаишии 3.55
премудр|еныи 3.56; -ыи 3.51
преподобие 2.30, 3.4, 32; -ныи 3.58
пресильныи 3.56
престол|ъ 3.23; -ьныи 3.58
преходъ 3.23
прибытокъ 2.7
прилогъ 3.23
прилежныи 3.58
приносъ 3.23
приплодие 3.32
присвоение 3.87
присныи 3.56
приставни|къ 2.28, 3.16; -чьство 2.12, 3.29, 30
пристро|иныи 3.58; -я ‘снаряжение’ 3.38
притвор|ныи 3.58; -ъ 3.23
притча 2.7
приходныи 3.58, 59; -ъ 2.3, 3.23
приятныи 3.57
про 2.25
продухъ 3.23
прозвание 2.25
прозорство 3.27 (табл. 5), 29
прозрачныи 3.58
Проклъ 2.20
Прокопии 3.22
прокъ 1.22, 2.20, 3.18
пролияние 2.25
промыслъ 3.23

проныривыи 3.65
проро|кь 2.16; -чьскии 3.61, 64; -чьствовати 2.16
просити (во-, вос-, ис-) 2.9, 11, 16, 3.75 (табл. 12), 77, прошеныи (во-, ис-, от-) 3.87, 91 (табл. 16)
просопь 2.8, 3.23
простець 2.21, 3.24
простити 3.78, прощеныи 2.9, 3.4, 88, 92
просто|сть 3.44, 45; -та 3.35, 39, 40
пространныи 3.58
простыи (не-) 2.9, 12, 20, 3.4, 9, 47 (табл. 9, 10), 49, 52, 55
простыни 3.41
против|ныи 3.56; -о, -у 3.73
проторъ 3.23
проход|ныи 3.58; -ъ 2.9, 3.23
прочии 2.16, 3.10 (сн. 23), 47 (табл. 10), 50
прошение 3.87
прощение 3.88
прямыи 2.9, 3.52
-прячи (со-) 3.83, сопряженыи 3.47, 88
птенець 2.7
пустыи 3.52
пхнути (по-) 2.25
пчела 1.14
пытати: пытаныи 2.12, 3.89
пьянство 3.29, 30
пѣсок 2.4, 7, 3.2
пѣти (вс-) 3.82

раба, роба 2.11, 3.33 (табл. 7), 34–36
рабичныи 3.34
работ|а 3.10 (сн. 23), 11, 33 (табл. 7), 39, 40, 4.4; -ати (из-) 3.4, 3.80; -ити (по-) 2.10, 3.75 (табл. 12), 76, порабощеныи 3.86; -ныи 3.57, 59
-рабощати (по-) 2.10, 3.80
рабъ 2.7, 28, 3.16
равенство 3.29, 30, 59
равномощныи 3.58
равныи (не-) 3.47, 49, 56, 59
Радиновъ 3.62, 4.3
радовати: обрадованыи 2.16
радостныи 3.45 (сн. 44), 57, 4.1
радость 2.3, 12, 3.42 (табл. 8), 44, 45, 4.1, 3
радъ 1.3
разбои 3.10 (сн. 23), 23; -никъ 2.9, 3.10 (сн. 23), 25; -ничьскии 3.61
разденство 3.29, 30, 59
различныи 3.58
разлучныи (не-) 3.58
разн|ыи 3.56, 59; -ьство 3.30
разор|енье 3.88; -ити 3.78, неразоримыи 3.88
разум|ныи (не-) 3.58; -ѣти 2.16
распря 2.16
расстояние 3.89
рассудныи (не-) 3.58
расточение 3.87
Ратиборъ 3.23
ратохотець 3.24
ревность 3.44, 4.1
речи (на-) 2.3, 9, 10, 13, 3.10 (сн. 23), 83, речении (в-, из-, на-, от-, у-) 1.13, 2.17, 3.47, 88, 91
риза 3.34
римскии 3.61
-ринути (из-, от-) 3.87, отриновеныи 3.87
-рицати (на-, от-) 1.14, 2.16
роба *см.* раба
робии 2.20
робити 3.77
роботити 3.75 (табл. 12), 78
ровна|ти: -ныи 2.20
-ровновати (из-) 3.81, 4.3
ровныи 3.49, 56
ровъ 2.21
рогъ 3.20
родитель 1.14
родити (по-) 2.9, 20, 3.75 (табл. 12), 78, 4.1 (сн. 2), роженыи (по-) 3.88, 91 (табл. 15)
родныи 1.14, 2.20, 31 (табл.), 3.56, 60
родство 2.20
родъ 2.9, 20, 31 (табл.), 3.14 (табл. 3), 17, 20
рожение 3.88
рожественыи 2.12, 3.57, 59
рожьство 3.10 (сн. 23)
рокъ 3.21

ролеиныи 1.13, 3.47, 56
Романъ 3.22
роса 3.36
рости (вз-) 1.3, 3.82
рот|а 2.11, 3.33 (табл. 7), 34, 36; -итися 3.78; -ныи 2.20
ротъ 2.4, 21, 31 (табл.), 3.2
ругати: поруганыи 2.12, 3.89
рудныи 3.59
рука 2.11, 3.33 (табл. 6), 34, 35
-ручити: -рученыи 3.88 (об-, по-)
ручныи 3.56
рѣшити: неразрѣшимыи 3.8

садити (до-) 1.13
самоборець 3.24
самовластныи (не-) 3.48, 58, 4.4
самовольныи 3.8, 58
Самоилъ 3.22
самолюбивыи 3.65
Самсонъ 3.22
самъ 2.14, 17, 18, 22, 29, 3.53, 66, 71
санов|итыи 3.65; -никъ 3.25, 4.1, 2; -ныи 3.47, 57, 60
сапожныи 3.59
сбор|ище 3.32; -ныи 2.20, 3.47, 58, 59; -ъ 2.9, 20, 3.10 (сн. 23), 14 (табл. 23), 14 (табл. 3), 23
сватовство 3.29, 4.1
свекровь 2.7, 2.31
свершенство 3.29, 30
свитокъ 2.7
свобод|а 2.10, 3.33 (табл. 7), 36; -ити 3.36, 78, 4.1, свобоженыи 3.88; -никъ 3.25, 4.1, 2
свободныи (не-) 2.10, 12, 14, 31 (табл.), 3.4, 36, 47, 49, 56, 59, 60, 4.1, 2, 3
свободь 3.52, 4.1, 2
свобож|ати 3.80; -ение 3.88
сводъ 2.20, 3.10 (сн. 23), 23
своение 3.87
свои 2.14, 20, 22, 3.68, 70; -ство 2.20, 3.29, 30, 68 (сн. 64), 92
своити (при-, у-) 3.68 (сн. 64), 77, 78
свѣдѣтель 1.14; -ство 2.12, 3.10 (сн. 23), 29, 30
свѣдѣтельств|овати 2.13, 16, 17, 3.4, 81; -уемыи, -ованыи 2.16, 17, 3.4, 86
свѣтило 2.12, 3.31
свѣтлыи 2.10, 3.35, 52
Свято|полкъ 2.7, 3.23; -славъ 3.23
святыи 2.11, 14, 3.35, 47, 52
священн|ословье 3.32; -ыи 3.88
сдоров|ыи 2.9, 3.47 (табл. 10), 50; -ье 3.32
сдравыи 3.50
себе, собе 2.11, 3.34
село 2.9, 3.4, 10 (сн. 23), 16, 28
сельскии 2.29, 31 (табл.), 3.61, 64
сестр|а 2.11, 3.34, 35; -ична 3.34; -ѣница 1.14
Сикевотъ 3.22
сила 3.33 (табл. 6), 34
сильныи 2.14
Симонъ, Симонь 2.16
Сионъ 2.30
Сираховъ 2.13, 3.62
сирот|а 2.9, 31 (табл.), 3.33 (табл. 7), 35, 36, 39, 40, 4.4; -инь 3.65; -ство 3.27 (табл. 5), 29, 30, 39, 4.1, 2
сицевыи 3.62
скарѣд|ыи 2.12, 3.50; -ье 3.50
о-сквернити 2.27
скверными (не-) 3.58
сквозѣ 3.73
скворець 2.20
Склировъ 3.62, 4.3
скербн|ыи 1.14, 3.56, 4.6; -ь 1.14
сколька ‘раковина’ 1.14, 2.20
скоморохъ 2.9, 3.4, 18
скомрахъ 3.18
скончание 2.20
скопа (птица) 3.36
скопити ‘castrare’ 3.78, скопленыи 3.88
о-скорбити 1.14, 2.7
скорыи (не-) 2.12, 20, 3.52, 53
скот|ии 2.20; -ина 3.34, 41; -скии 2.6 (сн. 20), 20, 3.19, 61, 64
скотъ 1.23, 2.20, 28, 31 (табл.), 3.10 (сн. 23), 16, 17, 19
скочити (вс-, у-) 3.77
скровище 2.8, 3.10 (сн. 23), 27 (табл. 5), 32
скровъ 3.23

скуд|ныи (не-) 3.56; -ость 3.44, 4.1; -ота 3.39, 40
скупость 3.44, 45, 4.1
слабыи 3.50
слав|ити 2.16; -ныи 3.56, 59; -ословье 3.10 (сн. 23)
сладкии 2.10, 3.63, 64; -остныи 3.45 (сн. 44), 57, 59, 4.1
слати (по-, от-) 2.4, 25, 26, (сн. 52), 31 (табл.), 3.2, посланыи 2.12, 25, 3.48, 89, 4.4, 5, 6
слеза 1.14, 3.34
словесныи 3.60
слово 2.4, 7, 9, 20, 3.2, 16, 27 (табл. 5), 28
словѣнинъ 3.26
слонъ 3.20
слуга, служба, служебныи, служити 3.59
слушати (по-) 2.25, 31 (табл.)
слыша|ти 2.13, 16, 3.79; -ныи 2.12, 3.89
слѣдовати (в-, по-) 2.16
слѣпота 3.39, 40
слѣпыи 2.14
смертныи 3.47, 56
смотрение (с разными приставками) 3.87
смотрити (рас-) 2.9, 11, 3.10 (сн. 23), 77, рассмотреныи 2.9, 12, 3.87
смотрьникъ 2.20
смысленыи (не-) 3.56
снажда|ти: -емыи 2.16
снопъ 3.19
сноха 2.7, 3.34
снѣденье 3.86
соблазньныи (не-) 3.58
соболь 3.21, 4.3
совкуп|ити: -леныи 3.87
Содомъ 3.22
соколъ 3.19, 4.3
солити: рассоленыи 3.88
солодъ 2.9, 3.20
Соломон|ъ 2.10, 3.22, 4.1, 2, 4; -ь 3.54
солоныи 2.9, 3.47 (табл. 10), 49, 52
соль 2.20, 3.42 (табл. 8), 43
сольникъ ‘посланец’ 2.7
сором|ъ 3.20; -ѣтися 3.80
сотникъ, сотныи 2.7
сотон|а 3.37; -инъ 3.65
Софронии 3.22
Софья 2.20
соха 3.36
сочити (до-, от-) 3.77
срамота 3.36, 39, 40
сребр|еныи 3.59; -о 3.28
сред|никъ, -ныи 2.20; -ство 2.20, 3.29, 30, 92
ставило 2.12, 3.31
ставити 1.14; ставленыи (о-, об-, по-, про-, со-, у-) 2.12, 27, 3.10 (сн. 23), 86
стадо 3.28
стар|ечьство 3.29; -ица 2.16
стар|ость 2.4, 12, 31 (табл.), 3.2, 44, 45, 4.1; -ыи 3.50
старѣишин|а 2.12, 3.34, 41; -ство 2.12, 3.29, 30
стати (в-, недо-, о-) 2.16, 3.84
степень, стопень 3.43, 4.3
стеркъ ‘аист’ 3.15, 21
-стигнути (до-, по-) 2.16, 3.83
стлати: постланыи 2.16
столп|ныи 3.56, 59; -ъ 2.7
столъ 2.20, 3.21
стопа 2.20, 3.33 (табл. 7), 36
сторож|а 3.21; -ивыи 3.65
сторона 2.9, 3.33 (табл. 7), 36
стояние 3.89
стояти (до-, на-, рас-, у-) 2.16, 3.79
страшныи 2.10, 3.56, 59
стремити (у-) 1.14
стричи (по-) 2.25
строга|ти: -емыи 1.14
строение (*с разными приставками*) 3.87
строи 2.20, 3.17, 21
строити (при-, у-) 2.22, 3.10 (сн. 23), 77, строеныи (при-, у-) 3.87, 91 (табл. 16)
строка 3.36
строп|отныи 2.7, 8, 3.56; -тивыи 2.7
-стрѣти (про-, -спро-) 2.25
студеныи 3.4, 65, 88
субот|а 3.37; -ныи 3.56
сугуб|ныи 3.58; -ыи 3.54
судиинъ 3.47, 65
судити: судимыи 3.47, 87, 91 (табл. 16), суженыи (о-, рас-) 3.87, 91 (табл. 16)

судныи 3.56, 59
сует|а 2.13, 3.34, 39 (сн. 43); -ныи 3.57
супротивь 3.73
супруга 3.34
сухии 3.52, Сухово 2.14 (сн. 37)
сшествениkъ 2.16
съ, со 1.14, 2.7
сыновнии 3.65
сынъ 1.14, 3.15, 20
сытость (не-) 3.44, 4.1
сь 2.14, 18
сѣдати: всѣданыи 2.12, 3.89
сѣдѣти 1.14, 2.16
сѣмо 3.73
о-сѣняти 2.16
сѣсти 2.10, 3.83, 4.4
сѣчи (рос-) 2.27, россѣченыи 2.27
-сязати: неприсязаемыи 2.12, 3.86
сяковыи 3.62

таиныи 3.56
таити (у-) 3.75 (табл. 12), 3.84
так|ии 2.10, 3.67; -о 3.66 (табл. 11), 72
таковыи 2.6 (сн. 20), 11, 14, 18, 29, 30, 3.4, 35, 47, 49, 62, 64, 92, 4.4
тамо 3.73
татебныи, татьба 3.57, 59
тварогъ 4.3
-тваряти: ствaряемыи 2.12, 3.86
твердити: утвержeныи 3.88
тверд|ость 3.44, 45, 4.1; -ыи (не-) 2.10, 12, 3.47 (табл. 9), 48, 52
твои 2.20, 22, 3.68
творець 2.20, 3.24
творити (за-, с-) 1.14, 2.20, 3.75 (табл. 12), 78, 91, 4.2; творимыи 3.88; твореныи (за-, при-, рас-, с-, у-) 3.4, 88
творяти (за-) 3.80, створяемыи 3.80
телесныи 3.47, 56, 60
темныи 3.56
тепло 2.7, 3.28, 51; -та 2.10, 3.33 (табл. 7), 34, 39, 40
терпѣливыи 1.14
теряти (рос-) 2.27
тетка 3.34
течи 2.10, 13, 3.83
Тимофеи 3.22
тиунство, тивунство 2.12, 3.29
тиунъ, тивунъ 1.13 (сн. 24), 2.12, 3.29
тихость 3.42 (табл. 8), 44, 45, 4.1, 3
ткнути (вое-, по-) 2.7, 25
тлѣти, растлѣныи 3.89
товаръ 3.18
тогда 2.7
токмо 2.7, 3.73
толико 2.5, 23, 3.65, 4.7
толишды 3.73
толкъ 2.7
у-толченыи 2.7
тольма, тольми 2.20
томити (ис-) 3.77, томимыи, (не)утомленыи 3.87, 91 (табл. 16)
тонкии 2.7
топити ‘mergere’ 3.78 (ис-, по-)
топоръ 3.19
топтати 2.7
-торгнути (ис-, по-) 2.7, от-торженыи 2.7, 12, 3.86
торгъ 2.4, 7, 3.2
торжьство 3.29, 30
тоснутися 2.7
тота (птица) 3.37
тоти 3.73
тотъ 1.14, 2.8
точило 3.27 (табл. 5), 31
точити (за-, по-, рас-) 3.75 (табл. 12), 77, заточeныи 3.87, 91 (табл. 16)
точью 2.7
тощати: истощaныи 2.7, 3.89
требовати 1.12
трезвость 3.44, 4.1
три 1.14
трои 3.69; -ца 2.22
тростье 2.7
трошити 3.78
трудныи 3.56, 59
трѣти (о-) 2.27
тугии 3.52
тщати (по-) 2.25
тщета 2.7
о-тщетити 1.14, 2.27 (сн. 53)

тъ 1.13, 14, 2.11, 14, 18, 20, 22, 29, 3.4, 35, 66 (табл. 11), 67, 69
ты 2.11, 3.34
тысячьскии 2.14, 18, 3.47, 61, 64
тѣло 3.28
тѣсн|ота 3.39; -ыи 3.56
тѣсто 3.28
тягость 3.44, 45, 4.1
тягота 3.36, 39, 40
тяжати (ис-) 1.14; притяжаныи 3.89
тяжкии 3.63, 3.64
о-тяжчати 1.14
-тязати (ис-): истязаемыи 3.10 (сн. 23)
тяти (по-, под-) 2.25, 26, 31 (табл.)

убии|скии 3.61; -ство 3.29, 30
убо 2.14, 3.73
убогии 3.11, 47, 54, 4.4, убожаишии 3.55
убожьство 3.27 (табл. 5), 29, 30
уборокъ (*мера зерна*) 2.30, 3.4, 15, 26
угод|ие 3.32; -ныи (не-) 1.13, 2.9, 3.58
угонникъ 3.14 (табл. 3), 25
уготование 3.89
удобн|ыи 3.58; -ѣе 3.55
удобь (не-) 3.54; -е 3.32
удъ 3.14 (табл. 2), 15, 21
узда 3.34
укоръ 3.23
уность 3.44, 4.1
унот|а 3.39; -ка 3.39, 41
унош|а 3.41; -ьскии 3.61, 4.1
унылыи 3.84
упова|ние, -ти 2.8
урод|ивыи 3.65; -ъ 3.23
об-уродѣти 3.80
урокъ 3.10 (сн. 23), 23
урочныи 3.58
усильныи 3.58
усобь 3.54
устроение 3.87
утовь 2.7
утокъ 2.7
утолити 3.77
утроба 1.3, 3.41
утеха 3.34
ухо 2.9, 3.28
ученикъ 2.28
учити: наученыи 3.88

фараонъ 2.30
Федоръ 2.12, 17, 3.14 (табл. 2), 15, 22, 4.1
Федосья 3.37
Феодоритовъ 2.13, 30, 3.62
Феодоръ 2.30, 3.22
Филимонъ 3.22
филиписѣи 2.30
Филиппъ 2.16
философ|ъ 2.10, 3.22; -ья 3.37
Финеосъ 2.30
Фока 3.37
фока ‘тюлень’ 3.37
Фома 3.37
Халкидон|ъ 3.10 (сн. 23), 22, -скии 3.10 (сн. 23), 61
Ханаонь 2.30
хвалити 2.16
хворостъ 4.3
хитр|ость 3.42 (табл. 8), 44, 4.1; -ыи 3.50
хламида 3.34
хлѣбъ 3.15, 21
хоботъ 4.3
ходити (в-, вс- ис-, на-, от, по-, пре-, при-, проис-, с-) 1.23, 2.3–5, 9, 11, 16, 26, 30, 3.2, 75 (табл. 12), 77
хожение (*с разными приставками*) 3.87
холоп|ии 2.30, 3.4, 65; -ство 2.12, 3.27 (табл. 5), 29, 30; -ъ 2.3, 4, 9, 30, 3.2, 4, 10 (сн. 23), 18
хоромъ 2.9, 3.18
хоронити 3.78
хотѣти (вс-, по-) 1.23, 2.9, 16, 3.10 (сн. 23), 79
храборство 2.7, 12, 3.29
хранило 3.31
хранити: хранимыи, схраненыи 3.48, 88
Христо|въ 3.62; -знаменаныи 2.12, 3.4, 89 (сн. 78)
христьянскии 3.61
худо|гии 3.50; -жникъ 3.25
худыи 3.52
хульныи 3.56, 59

церковныи 2.8, 12, 3.2 (сн. 6, 9), 47 (табл. 9), 56
цѣдити (про-) 1.3
цѣл|ость 3.44, 45; -ыи 3.49, 52
цѣна 3.34, 35
о-цѣнити: неоцѣненыи 3.48, 88
цѣсар|скии 3.61; -ство 3.29, 30; -ствовати 2.14

чадо 2.12, 28, 3.28
чаротворець 3.24
частыи 3.52
чаяти, нечаемыи 3.88
человѣкоугодникь 3.25
человѣ|къ 2.28, 30, 3.15, 16, 18; -чинъ 3.26; -чьскии 3.61, 64
черево 3.28
чересмина 3.34
чертогъ 3.18
чести (по-) 2.25, чтеныи (во-, по-) 2.17, 25, 3.47 (табл. 9), 48, 88
честныи 2.14, 3.56, 59
четвероногии 3.54
четвертокъ 2.7
четверъ 1.12, 14
четыредесятныи 3.58
-чинати: начинаемыи 2.12, 3.86
чинити (в-, у-) 1.13
чинъ 3.15, 16, 20
число 2.7, 31 (табл.), 3.27 (табл. 4), 28
чистот|а (не-) 2.13, 3.34, 39, 40, 4.1, 2; -ныи 3.39, 4.1, 2
чистыи (не-) 3.50
читати (рос-) 2.27, причитаемыи 2.12, 3.48, 86, 4.4
чрево, чрѣво 3.28
ч(с)тити (по-) 2.25
что 3.66 (табл. 11), 69
чювство 2.10, 3.29, 30
чюжии 3.35

шепотник 2.7
широкии 3.65

щадѣние 4.6
щедрота 3.39, 40
щюръ 3.15, 21

ѣдовитыи 3.65
ѣсти: ѣдомыи 4.2, ѣденыи (из-, сн-) 2.12, 3.86
ѣхати 1.13

я 2.11, 3.34, 35
яблоко 1.14, 2.4, 7, 12, 17, 31 (табл.), 3.2, 28
явити 4.2, явленыи 3.88
явля|ти 1.14; -емыи 2.12, 3.84
яво 3.52
язвити: уязвеныи 2.12, 3.86
языкъ 2.16, 3.16
яко 3.66 (табл. 11)
Яковъ 3.22, 4.1, 4
яремство 3.29, 30
Ярослав|ль 3.54; -ъ 3.23
ярост|ивыи 3.45; -ныи 3.47, 57, 4.1
ярость 3.42, 44, 45, 92, 4.1, 3
яти (вз-, от-, по-, подъ-) 1.12, 2.7, 8, 16, 25, 26, 30, 3.84, 92, ятыи (вз-, от-, при-) 2.9, 10, 12, 26, 3.90
ятровь 2.7

Указатель аффиксов

Суффиксы существительных

-б-а 2.20
-(ь)ств-о 2.20, 3.29, 30, 92
-ьj-е 3.32
-ниj-е 3.89
-ениj-е 3.87, 88
-ник-ъ 3.25
-ок-ъ 2.7
-л-о 3.31
-от-а 3.39, 40
-ост-ь 3.44, 45, 4.1
-ец-ь 2.20, 3.24
-ищ-е 3.32

Кроме перечисленных, в единичных словах встретились также суффиксы:
-ов-ь, -от-ь 2.7; -тел-ь, -им-ъ, -ан-е, -ин-ъ, -ар-ь, от-ъ, -ут-ь, -юх-ъ, -ич-ь 3.26; -чк-о, -я(т)- 3.32; -об-а, -тв-а. -к-а, -ык-а, -н-я, -ин-а. -ын-и, -ех-а, -ищ-а, -ош-а 3.41

Суффиксы прилагательных и местоимений

-ав- 2.4, 13, 18, 3.2, 65
-ив- 3.65
-ов- 2.4, 13, 18, 3.2, 64; 3.62 (притяжат.)
-и(j)- 2.20, 3.65
-ак- 2.12, 3.72
-ик- 3.65
-ок- 3.65
-(о)к- 2.7, 3.63, 64
-(е)ск- 2.12, 20, 3.61, 64
-н- 2.20, 3.56–60
-н'- 2.20, 3.65
-ен- 3.65
-ин- 3.65
-енн- 3.87–89
-ян- 3.62, 64
-ждо- 2.4, 13, 17, 18, 20, 3.2
-ат- 3.65
-ит- 3.65
-ш-, -ѣиш-, -аиш- (*сравнит. степень*) 3.55

Глагольные суффиксы

-а-ти 3.15 (сн. 16)
-ова-ти 2.4, 13, 17, 18, 3.2, 81
-и-ти- 3.15 (сн. 16)
-л- 3.84
-ем- 2.12, 3.49, 85, 86, 88, 91, 92
-им- 2.12, 3.85–88, 91
-ом- 3.85, 86, 88, 91, 4.2
-н- 2.12, 3.49, 89, 91, 92
-ен- 2.12, 3.49, 85, 86–88, 91, 92
-т- 3.90
-ш- 2.20
-ущ- 3.91
-ящ-2.11, 3.91

Приставки

вз-, воз- 2.7
въ-, во- 1.14, 2.7
до- 2.25
о-, об- 2.4, 27, 31, 3.2
от- 1.23, 2.26
по- 2.25
под- 1.23, 2.7, 26
про- 2.25
роз- 2.27
съ-, со- 1.14, 2.7

Избранная библиография

Аванесов, Р.И.: 1949, *Очерки русской диалектологии. Часть первая.* Москва.

Аванесов, Р.И., Орлова, В.А.:1965^2, *Русская диалектология*, Москва

Аксенова, Е.А.: 1981, 'Важный памятник средневековой грамматико-лексикографической традиции (текстологический и акцентологический анализ)', *Советское славяноведение* 1981/1, 66-67.

Брок, О.: 1907, 'Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда', *Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук* 83/4, 1-149.

Брок, О.: 1916, *Говоры к западу от Мосальска*, Петроград.

Булаховский, Л.А.: 1961, 'Отражения так называемой новоакутовой интонации древнейшего славянского языка в восточнославянских', *Исследования по лексикологии и грамматике русского языка*, Москва, 3-13.

Васильев, Л.Л.: 1904, 'Гласные в слоге под ударением в момент возникновения аканья в обоянском говоре', *Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук* 9/1, 336-355.

Васильев, Л.Л.: 1929, *О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI-XVII вв.- К вопросу о произношении звука о в великорусском наречии*, Ленинград.

Виноградов, Н.: 1904, 'О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда', *Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук* 77/8, I-II, 1-100.

Высотский, С.С.: 1949, 'О говоре д. Лека', *Материалы и исследования по русской диалектологии* II, Москва Ленинград, 3-71.

Гард, П.: 1974, 'К истории восточнославянских гласных среднего подъема', *Вопросы языкознания* 1974/3, 106-115.

Гецова, О.Г.: 1959, 'О произношении ударенного *о* разного происхождения в говоре с. Катагощи Захаровского района Рязанской области', *Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия* I, Москва, 105-118.

'Диалектологические материалы, собранные В.И. Тростянским, И.С. Гришкиным и др.', 1916, *Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук* 95/1, 1-65, 125-158.

Дыбо, В.А.: 1968, 'Акцентология и словообразование в славянском', *Славянское языкознание. VI. Международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.). Доклады советской делегации*, Москва, 148-224.

Дыбо, В.А.: 1971, 'Закон Васильева-Долобко и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском', *Вопросы языкознания* 1971/2, 93-114.

Дыбо, В.А.: 1971, 'О фразовых модификациях в праславянском', *Советское славяноведение* 1971/6, 77-84.

Дыбо, В.А.: 1975, 'Закон Васильева-Долобко в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета)', *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics* XVIII, 7-81.

Дыбо, В.А.: 1981, *Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском*, Москва.

Ерёмин, С.А.: 1928, 'Описание Уломского и Ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губ.', *Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук* 99/5, I-II, 1-69.

Жилко, Ф.Т.: 1963, 'Возникновение дифтонгов в украинском языке. (Древние *о, е* в новых закрытых слогах)', *Вопросы теории и истории языка*, Ленинград, 112-119.

Зализняк, А.А.: 1977, 'Акцентологическая интерпретация данных древнерусского "Мерила Праведного" XIV века', *Ностратические языки и ностратическое языкознание. Тезисы докладов*, Москва, 18-20.

Зализняк, А.А.: 1978a, 'Новые данные о русских памятниках XIV-XVII веков с различением двух фонем "типа *о*"', *Советское славяноведение* 1978/3, 74-96.

Зализняк, А.А.: 1978b, 'Противопоставление букв **о** и **ѡ** в древнерусской рукописи XIV века "Мерило праведное"', *Советское славяноведение* 1978/5, 41-68.

Зализняк, А.А.: 1979a, 'Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века "Мерило праведное"', *Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность*, Москва, 47-128.

Зализняк, А.А.: 1979b, 'О понятии графемы', *Balcanica. Лингвистические исследования*, Москва, 134-152.

Зализняк, А.А.: 1985, *От праславянской акцентуации к русской*, Москва.

Захарова, К.Ф.: 1959, 'Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей', *Материалы и исследования по русской диалектологии* I, Москва, 6-55.

Колесов, В.В.: 1962a, '[ô] (*о* закрытое) в древненовгородском говоре', *Исследования по грамматике русского языка* III. *Учёные записки ЛГУ. Серия филологических наук* 302/61, Ленинград, 149-161.

Колесов, В.В.: 1962b, 'Эволюция фонемы [ô] в русских северо-западных говорах', *Филологические науки* 5/3, 94-104.

Колесов, В.В.: 1972, *История русского ударения*, Ленинград, ч. I.

Кузнецов, П.С.: 1960, *Русская диалектология*, Москва.

Лыткин, В.И.: 1948, 'К вопросу о севернорусском закрытом *о* ', *Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка*, вып. 2, 35-40.

Лыткин, В.И.: 1949, 'Фонетика севернорусских говоров и заимствования из русского языка в комийский', *Материалы и исследования по русской диалектологии* II, Москва - Ленинград, 128-201.

Мансикка, В.: 1912, 'Говор Грязовецкого уезда Вологодской губ.', *Русский филологический вестник* 68/4, 271-279.

Николаев, С.Л.: 1996, 'Histoire d'O', *Русистика. Славистика. Индоевропеистика*. Москва, 203-242.

Стадникова, Е.В.: 1984, '*Влияние акцентной системы на фонологическую (на материале истории двух фонем "типа о" в русском языке)*', Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.

Стадникова, Е.В.: 1989, 'Материалы к изучению двух фонем "типа *о*" в старовеликорусском', *Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод*. Москва, 135-175.

Тоньшин, Ф.М.: 1912, 'Материалы по Рязанской губ. и у., Новосельской в., с. Новосёлки', *Русский филологический вестник* 68/3, 1-22.

Тугай, Е.В. [= Стадникова]: 1978, 'Различение двух фонем "типа *о*" в старовеликорусской рукописи XVI в.', *Языковая практика и теория языка*, Москва, вып. 2, 70-81.

Тугай, Е.В. [= Стадникова]: 1983, 'К вопросу об эволюции двух фонем "типа *о*" в XVI в.', *Филологические науки*, No. 2, 62-68.

Шахматов, А.А.: 1964, 'Дифтонги *ѹо* и *ie* в великорусских говорах', *Вопросы языкознания*, 1964/5, 110-120; 1964/6, 109-118.

Шахматов, А.А.: 1914, 'Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губ.', *Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук* 18/4, 178-220.

Dolobko, M.: 1926, 'Der sekundäre *v*-Vorschlag im Russischen', *Zeitschrift für Slavische Philologie* III/1-2, 87-144.

Durnovo, N.: 1932, 'Manuscrits russes distinguant l'ancien *o* "acuté" et l'*o* d'une autre origine', *Annales Academiae Scientiarum Fennicae* B/27, Helsinki, 7-13.

Flier, M.S.: 1977, 'On Obojansk dissimilative jakan'e: the canonical case of absolute neutralisation', *Phonology in the 1970's*, Los Angeles, 1-90.

Lehfeldt, W.: 1986, 'Zur graphischen Wiedergabe und zur Distribution von zwei Phonemen des "Typs *o*" in einer russisch-kirchenslavischen Handschrift aus der Mitte des 16. Jh.', Renate Rathmayr (Hg.), *Slavistische Linguistik* 1985, München, 133-145 (Slavistische Beiträge 200).

Lehfeldt, W., Berger, T.: 1984, 'Zur Rekonstruktion des altrussischen Akzentsystems', *Wiener Slawistischer Almanach* 13, 141-160.

Lehfeldt, W., Berger, T.: 1984, 'К реконструкции древнерусской акцентной системы', *Russian Linguistics* 8, 1-16.

Ossowski, L.: 1950, 'O zwężonym lub dyftongicznym *o* w pewnych gwarach i zabytkach rosyjskich (Ze studiów nad akcentem rosyjskim)', *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Jezykoznawczego* X, 141-148.

Akzentsysteme der Ostroger Bibel (Neues Testament) von 1580-1581 und der Moskauer Bibel von 1663, München.

Shevelov, G.Y.: 1978, 'Omega in the Codex Hankenstein', *Studia Linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a Collegis Amicisque oblata*, Lisse, 369-386.

Shevelov, G.Y.: 1984, 'An alternative analysis of some language features of "Měrilo pravednoe"', *Wiener Slawistischer Almanach* 13, 295-305.

АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА ЮЖНОВЕЛИКОРУССКОЙ РУКОПИСИ XVI ВЕКА «КОСМОГРАФИЯ» МАРТИНА БЕЛЬСКОГО

Глава 1

ГЛАГОЛЬНАЯ АКЦЕНТУАЦИЯ В "КОСМОГРАФИИ" МАРТИНА БЕЛЬСКОГО

Исходные положения

§ 1. Настоящая работа посвящена описанию акцентной системы глагола в старовеликорусской рукописи Гос. библиотеки им. В.И. Ленина, фонд 152 (собр. Лукашевича и Маркевича), № 2, именуемой ниже Космография (или сокращенно: Косм.).

После исходных положений (§ 1-3) и общих сведений о Космографии (§ 4-11) и других использованных памятниках (§ 12-13) следует основная часть работы - описание глагольной акцентуации в Космографии как некоторого синхронического целого (§ 14-31). Далее (§32-59) на основе материала Космографии, а также ряда других памятников рассматриваются некоторые общие вопросы акцентной эволюции русского глагола.

§ 2. Термины "ортотоническая словоформа", "энклиномен", "акцентная парадигма" (сокращенно: а.п.), "акцентная кривая" (или, что то же, "схема ударения") используются ниже в том их понимании, которое изложено в работе Акц. Мер., § 2, 5, 6.

В ходе истории русского языка утратилось прежнее просодическое различие между энклиноменами (например, *золото, руку*) и начальноударными ортотоническими словоформами (например, *правило, рыбу*)[1]. Соответственно, если прежде сочетания типа *на золото, на руку* получали начальное ударение в силу чисто фонетической автоматики, то после указанной утраты стало принципиально возможным также ударение *на зóлото, на рýку* (как в сочетаниях *на прáвило, на ры́бу*) и, следовательно, ударение *нá золото, нá руку*, хотя оно фактически еще долго господствует, определяется уже морфонологическим (т.е. традиционным) правилом.

---

[1] Время этой утраты точно не установлено. Вполне вероятно, что она происходила в разных говорах разновременно. Для говора Мерила Праведного XIV в. еще можно предполагать сохранение старого состояния или каких-то его элементов, см. Противоп., § 19. Для говоров, отраженных известными нам памятниками XV-XVI в. и более поздними, разумно предполагать уже новое состояние.

После указанной утраты противопоставление трех акцентных парадигм (как у имен, так и у глаголов) приобрело в восточнославянской области следующий вид.

Слова а.п. *a* имеют неподвижное ударение на определенном слоге основы.

Слова а.п. *b* имеют в одних словоформах ударение на первом слоге окончания, в других - на последнем слоге основы; распределение этих двух акцентных возможностей в каждом морфологическом классе слов особое[2]. Этот тип акцентуации (при котором подвижность ударения ограничена смежными слогами) мы будем называть с м е ж н о - п о д в и ж н ы м.

П р и м е ч а н и е. Как частный случай смежно-подвижного ударения может выступать (только у имен, но не у глаголов) также чисто флексионное ударение, т.е. ударение на первом слоге окончания везде, где окончание содержит гласную.

Слова а.п. *c* имеют в одних словоформах начальное ударение, в других - конечное, в третьих - на предпоследнем слоге; при этом словоформы с начальным ударением в составе фразы передают это ударение проклитике (предлогу, частице), если таковая имеется (о механизме такой передачи см. выше). Распределение указанных трех акцентных возможностей в каждом морфологическом классе особое. Тип акцентуации, при котором представлены первые две или все три возможности, мы будем называть м а р г и н а л ь н о - п о д в и ж н ы м. Подтип только с первыми двумя возможностями может быть назван с т р о г и м маргинально-подвижным, подтип со всеми тремя возможностями - н е с т р о г и м маргинально-подвижным.

§ 3. Для праславянского (и раннего древнерусского) предполагается следующее идеальное соотношение между акцентными парадигмами и акцентными кривыми: в каждом морфологическом классе слов, где некоторая а.п. вообще представлена, она представлена только одной акцентной кривой.

В "точечных" (по времени и месту) русских акцентных системах XIV-XVII вв. мы находим это идеальное соотношение уже частично нарушенным: становятся в принципе возможными, например, две разные акц. кривые при ударении маргинально-подвижного типа в одном и том же морфологическом классе слов. При этом, однако, в большинстве говоров рассматриваемой эпохи еще достаточно хорошо сохраняется сам принцип противопоставления трех типов ударения в парадигме: неподвижного, смежно-подвижного и (нестрогого) маргинально-подвижного. Соответственно, при описании "точечных" систем этой эпохи не только с исторической, но и с чисто синхронической точки зрения мы вправе говорить о трех акцентных парадигмах (*a*, *b*, *c*) в этих системах.

---

[2] Следует учитывать, что в словоформах, где окончание не содержит гласной, противопоставление этих двух акцентных возможностей нейтрализовано. Соответственно, при оценке распределения этих двух возможностей такие словоформы не принимаются во внимание.

Правда, с течением времени в акцентуации русского глагола наступает важная перемена: у глаголов с маргинально-подвижным ударением подавляющее большинство начальноударных словоформ получает (нефонетическим путем) новое ударение – конечное или предконечное; в результате у большинства таких глаголов начальноударных словоформ не остается вообще. Начатки этого изменения обнаруживаются уже в XIV в. (см. § 33, 35, 37, 39); широкое развитие оно получает в некоторых русских говорах с XVI в., в большинстве – с XVII в.

Соответственно, у глаголов третий член акцентного противопоставления постепенно меняет свое реальное содержание: вместо маргинально-подвижного ударения выступает чисто флексионное[3] (например, *пеку́, печёшь, пёк, пекла́, пекли́*) или колонное типа *прощу́, прости́шь, прости́л, прости́ла, прости́ли*. Существенно, однако, что даже это превращение не нарушает самого принципа тройственного акцентного противопоставления[4].

Таким образом, различные "точечные" акцентные системы XIV–XVII вв. имеют общий "структурный костяк", состоящий в том, что сквозь все (или почти все) морфологические классы слов проходит противопоставление трех акцентных парадигм.

Чем же могут различаться между собой эти "точечные" системы? Между двумя "точечными" системами A и B практически возможны следующие основные типы элементарных различий (понятно, что между A и B может быть много элементарных различий одновременно):

1) в некотором морфологическом классе слов некоторая а.п. представлена в A не той или не теми акцентными кривыми, что в B (или даже иным числом кривых, чем в B);

2) некоторое конкретное слово принадлежит в A не к той а.п. (или не к той акц. кривой внутри а.п.), что в B[5].

---

[3] Тем самым чисто флексионное ударение у глаголов оказывается соотнесенным с а.п. *c*, тогда как у имен оно соотнесено с а.п. *b* (§ 2, примеч.).

[4] С чисто синхронической точки зрения, три схемы ударения презенса, представленные в современном языке, наиболее естественно упорядочить так: *a* – *ве́рю, ве́ришь*, *b* – *прощу́, прости́шь*, *c* – *хожу́, хо́дишь*, ср. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977, с. 80. Таким образом, исторической а.п. *b* соответствует современная схема ударения *c* и наоборот; иначе говоря, в презенсе глагола акцентные парадигмы *b* и *c* в ходе истории как бы поменялись своим реальным содержанием, сохранив само противопоставление. Во избежание недоразумений, связанных с этим обстоятельством, мы используем в настоящей работе символы *b* и *c* только в их историческом значении.

[5] Кроме того, возможны различия в акцентуации конкретных слов и словосочетаний, не отражаемые понятиями а.п. и акц. кривой, например, *поста́вляти* в одной "точечной" системе и *поставля́ти* в другой, *на́ золото* в одной системе и *на зо́лото* в другой.

Последний тип различий следует подчеркнуть особо. Он связан с тем, что в истории языка или отдельных говоров нередко происходит переход той или иной группы слов (или даже индивидуального слова) из одной а.п. в другую. Поэтому необходимо четко различать исторически первоначальную а.п. некоторого слова (т.е. ту а.п., к которой оно предположительно относилось в праславянском) и его констатируемую синхронически а.п. в конкретной "точечной" системе.

Из сказанного ясно, что подлинно надежный материал для исторической акцентологии могут дать только описания целостных систем, а не списки примеров (пусть даже длинные), извлеченных из памятников (пусть даже многочисленных), акцентные системы которых не изучены[6]. Так, например, в Т.мн. на *-ми* у существительных а.п. *c* в одних памятниках регулярно представлено флексионное ударение (*ночьмѝ, костьмѝ* и т.д.), в других – наосновное (*нóчьми, кóстьми* и т.д.), в третьих ударение колеблется. С другой стороны, например, слово *скорбь* в одних памятниках относится к а.п. *c*, в других – к а.п. *a*. Очевидно, что в этих условиях пример *скóрбьми*, извлеченный из памятника, акцентная система которого не изучена, не несет в сущности никакой информации – ни об а.п. слова *скорбь*, ни об акцентуации формы Т.мн.

Итак, описание отдельной "точечной" акцентной системы рассматриваемой эпохи в идеале должно включать указание всех акцентных кривых, которыми реализуется каждая а.п. в каждом морфологическом классе слов, а также списки слов, относящихся к каждой а.п. (и акцентной кривой внутри нее). Предлагаемое ниже описание глагольной акцентуации в Космографии в основном следует этой схеме (с тем отличием, однако, что для а.п. *a* полные списки слов не приводятся).

Общие сведения об использованных памятниках

Космография[7]

§ 4. Рукопись представляет собой перевод отдельных частей из IV–X книг третьего издания (Краков, 1564 г.) "Всемирной хроники" ("Kronika, to jest historja świata") известного польского историка и сатирика XVI в. Мартина

---

[6] Не говоря уже о том, что предварительно должна быть тщательно проанализирована система надстрочных знаков каждого используемого памятника. Без такого анализа выписанная из памятника словоформа со знаком ударения может оказаться совершенно иллюзорным материалом; например, такие написания, как *йзбралъ* или *каѧ*, в одних памятниках акцентно значимы, в других же не несут никакой акцентной информации.

[7] Краткое описание рукописи см. в книге: *Щапов Н.Я.* Собрание И.Я. Лукашевича и Н.А. Маркевича. Описание. М., 1959, с. 17.

Бельского[8]. В рукопись вошли в основном космографические разделы труда Мартина Бельского (отметим в их числе пространное описание России, составленное на основании "Записок" Сигизмунда Герберштейна), а также рассказ о жизни Скандербега и рассказ об открытии Нового Света[9]. (Таким образом, название Космография, используемое ниже, соответствует основному содержанию рукописи.)

Рукопись без начала; писана одним почерком[10] (мелкий "круглящийся" полуустав) на 196 листах[11] (из них последние 5 $^{1}/_{2}$ не заполнены). Общая длина текста - около 57 тысяч слов. Ни место, ни время написания в рукописи не обозначены. Я.Н. Щапов (см. сноску 7) датирует рукопись по бумажным знакам последней четвертью XVI в.

В тексте Космографии (особенно в ее начальной части) имеются следы редакторской правки (почерком, отличным от писца, и более бледными чернилами): исправлены некоторые искаженные или бессмысленные места, изменены окончания некоторых словоформ или отдельные буквы и т.п. Акцентуацию редактор, по-видимому, нигде не правил. К счастью, вся правка хорошо заметна, и даже подскобленные буквы легко читаются. Ниже все цитируемые примеры, если не оговорено иное, отражают только собственный текст писца (а не редакторскую правку).

Рукопись представляет исключительный интерес для истории русского языка - не меньший, чем, например, Домострой по Коншинскому списку; было бы очень желательно ее опубликовать. Для акцентологии Космография составляет особую ценность, как один из наиболее ранних русских акцентуированных памятников нецерковного содержания.

§ 5. Не претендуя на полное палеографическое описание Космографии, укажем лишь некоторые ее характеристики, существенные для дальнейшего разбора.

В Космографии используются графемы: *а, б, в, г, д, є*[12], *ж, з, и, ѳ, ї, к, л, м, н, о, ѡ, п, р, с, т, у, ѹ, ф, х,*

[8] О переводах Мартина Бельского на русский язык в XVI в. см.: *Попов А.* Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, с. 93-94; *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков. Библиографические материалы. - Сб. ОРЯС, т. 74, № 1. СПб., 1903, с. 53-55. Работа по установлению того, какой именно из этих переводов представлен в изучаемой рукописи, нами не проводилась.

[9] Глава о Литве по ошибке включена в Космографию дважды (63-64б и 167-168б), причем оба текста совпадают практически слово в слово.

[10] Рукопись явно писана рукой переписчика, а не переводчика. Это видно из того, что в тексте встречаются следы плохого понимания соответствующего места протографа, характерные для переписчиков искажения и т.п.; ср. также сноску 9.

[11] При цитировании лицевая сторона листа обозначается просто номером листа, оборотная - тем же номером с буквой "б".

[12] Неясно, разными ли графемами являются в Космографии начертания є и ε. Ниже они передаются одинаково через *е*.

ц, ч, ш, щ, ъ, ѹ, ь, ѣ, ю, ѧ, ѩ. Ниже *ѧ, ѥ, ѱ, ѯ* передаются соответственно через *а, е, щ, я*, прочие как показано.

Диграфа *оу* (в значении /у/) не встречается. Противопоставления "*о* широкого" и "*о* узкого" нет. Омофоничны: *ф* и *θ* (свободное варьирование); *у* и *ꙋ* (свободное варьирование; *ꙋ* очень редко); *и* и *і* (*і* - факультативная замена для *и* перед гласной); *о* и *ѡ* (*ѡ* - факультативная замена для *о* в начале слова и слога).

Часто применяется вынос буквы над строкой; буква, передающая конечную согласную фонему словоформы, выносится почти всегда. Ниже выносные буквы передаются как надстрочные; знак выноса не передается. Выносное *и*, имеющее в Косм. вид кендемы (◌̑), передается настрочным *и*.

В отношении орфографических норм отметим следующее. В Косм. почти нет следов южнославянского орфографического влияния (типа *а* вместо *я* после гласных, смешения конечных *ъ* и *ь* и т.п.). В безударном положении написание *е* на месте этимологического *ѣ* является для писца нормой (а не ошибкой), хотя изредка встречается и написание *ѣ* (об ударном *ѣ* см. § 9, п. 7). Для окончания Р.ед. *-ого* (*-ово*) писец явно считал равно допустимыми обе эти орфограммы; то же верно для орфограмм *-тся* и *-тца* в презенсе возвратных глаголов.

§ 6. Обозначим условно как "старопечатную" ту систему надстрочных знаков, которая принята в старопечатных книгах XVI-XVII вв. (а также в церковнославянских изданиях XVIII-XX вв.). Несколько огрубленно ее можно описать так. В системе используются три знака ударения: ´ (оксия), ` (вария), ^ (камора) - и знак ’ (спиритус, или псиль), которым снабжаются неприкрытые гласные. Спиритус совместим со знаками ударения. Вария ставится только над конечной гласной фонетического слова: камора ставится над некоторыми односложными словами, преимущественно служебными[13]; оксия ставится в прочих случаях. Спиритус регулярно ставится над начальной гласной словоформы, не вполне регулярно над неприкрытой срединной; над конечной гласной он обычно не ставится.

В Космографии представлен один из вариантов "старопечатной" системы надстрочных знаков. Он характеризуется тем, что камора используется крайне редко, спиритус в середине слова по большей части опускается. По внешнему виду спиритус здесь напоминает камору, поэтому смешение спиритуса с оксией или варией исключено. Оксия нередко принимает вид вертикального штриха. Случаи, где неясно, к какой гласной относится оксия, очень редки; ниже они либо оговариваются, либо вообще не включаются в материал.

---

[13] Употребление каморы обычно лишь факультативно (т.е. вместо нее может выступать вария или оксия). Круг словоформ, снабжаемых каморой, в разных памятниках со "старопечатной" системой несколько различен; соответственно, можно различать варианты "старопечатной" системы в зависимости от употребления каморы (но здесь мы от этого отвлекаемся).

Вария не над конечной гласной встретилась в Косм. всего в нескольких случаях, причем часть из них - это очевидные ошибки (например, в *рекѫ̀ та̀наю*^{c} 25 вария явно поставлена в связи с тем, что писец ошибочно усмотрел здесь сочетание *рекѫ̀ та̀*). Написание предлога *о* как ѿ (в кинова-ри) не связано с передачей ударения.

Двойные знаки ударения в Косм. редки. Написания *вы́смотри́ли* 73б, *вы́шлъ* 29 и некоторые другие, по-видимому, отражают колеблющееся ударение. К иной категории относятся написания *персиéѣ* 12б, *с лáеѣ* 88, *по*^{д} *крьиéѣ* (название города) 111, *дýмоѭ* 106б, *трéмя̀* 170б, *велúкомѹ* 56, *котóромѹ* 71б; скорее всего, это следы орфографических приемов, характерных для XV и первой половины XVI в. (ср. § 13); но не исключено также, что в этих написаниях отразилось ритмическое ударение.

Простыми ошибками мы считаем написания *дó дн҃епрà* 45 (писец сперва усмотрел здесь *дó дн҃е* "до дня"), *нá кáмене* 23, *нъ̀|бежа*^{л} 35б и некоторые другие (всего около десятка случаев).

В настоящей работе при цитировании оксия, вария и камора ставятся в соответствии с оригиналом, но спиритус не воспроизводится (кроме особых случаев, см. § 13). Не воспроизводится также так наз. паерок (ˇ).

§ 7. Назовем "коэффициентом акцентуированности" (некоторого текста) отношение числа обозначенных ударений к общему числу ударений, приходившихся, по нашим предположениям, на данный текст.

В Космографии, правда, не имеет смысла вычислять среднее значение этого коэффициента для всего текста в целом, поскольку здесь действует следующее правило: если над гласной, несущей ударение, стоит выносная буква, знак ударения (за редчайшими исключениями) не ставится. Фактически в таком положении оказывается примерно 30% ударных гласных. Если отбросить все те словоформы, которые, как можно предполагать, подпали под действие данного правила, то для остальных случаев коэффициент акцентуированности составит в Косм. около 80%[14].

Замечено, кроме того, что реже, чем обычно, ударение проставляется: а) в иностранных географических названиях и собственных именах (по-видимому, писец часто просто не знал, как их акцентуировать); б) в словоформах личных и указательных местоимений и глагола *бити* (по-видимому, причина здесь в том, что эти словоформы в ряде фразовых позиций были неполноударными). Если отбросить и эти две категории словоформ, то в оставшемся массиве коэффициент акцентуированности составит уже около 85%[15].

При столь высоком коэффициенте акцентуированности постоянное отсутствие знака ударения у некоторой часто

[14] Коэффициент подсчитывался для выборки, включавшей 13 страниц из разных мест текста.

[15] Для буквы ѣ данный коэффициент несколько ниже этого среднего значения (по-видимому, сам характер начертания этой буквы способствует пропуску знака ударения).

встречающейся словоформы само становится значащим. Например, словоформа *держа*^{т} (3 мн.) встречается более десятка раз и всегда без знака ударения; естественно предположить что ударение здесь падало на последний слог (где его нельзя обозначить из-за выносного ^{т}).

Диалектные черты в Космографии

§ 8. В Космографии отразился целый ряд диалектных черт (в первую очередь фонетических и морфологических). Существенный вопрос состоит в том, кому принадлежат эти черты - писцу Космографии или писцу его протографа. В связи с этим нужно отметить следующее. Почерк писца Космографии совершенно устойчив; вполне постоянны также графические приемы, связанные с выносом букв, сокращениями, расстановкой надстрочных знаков и т.п.; в целом весьма последовательна и орфографическая система писца. Все это дает возможность оценить писца как достаточно квалифицированного профессионала, который писал с высокой степенью автоматизма по усвоенным им нормам, а отнюдь не копировал побуквенно протограф.

Отсюда можно заключить, что по крайней мере в большинстве тех случаев, где писец Космографии отступает от своих собственных орфографических и морфологических норм, отразились диалектные особенности речи самого писца, а не особенности протографа (см. также § 10).

Не ставя перед собой задачи дать полное описание диалектных особенностей Космографии, укажем те из них, которые оказываются наиболее существенными для локализации памятника. К сожалению, современное состояние русской исторической диалектологии таково, что пока еще затруднительно говорить о географических границах тех или иных диалектных явлений, скажем, в XVII в. Такие границы в большинстве случаев известны лишь для нынешней эпохи[16]; для XVI-XVII вв. обычно приходится ограничиваться констатацией того, что то или иное явление засвидетельствовано в памятниках таких-то районов, однако нельзя быть уверенным, что его не было также и в каких-то других районах.

§ 9. Прежде всего, в Косм. выделяется ряд черт, свидетельствующих о диалектных явлениях, которые в XX в., а также, по-видимому, и в XVI-XVII вв. свойственны только

---

[16] Приношу глубокую благодарность сотрудникам сектора истории и диалектологии русского языка Института русского языка АН СССР, в особенности С.В. Бромлей и Е.Г. Буровой, за предоставленную мне возможность ознакомиться с целым рядом диалектологических материалов и за помощь в их использовании. Ниже диалектологические атласы, составленные и хранящиеся в этом секторе, сокращенно обозначаются так: Атлас Юг [Атлас Запад, Атлас Север] - "Атлас русских говоров центральных областей к югу [соответственно: к западу, к северу] от Москвы"; Атлас сводный - "Диалектологический атлас русского языка".

южной половине великорусской территории. Наиболее показательными из таких черт являются следующие.

1. Десятки раз встречается смешение безударных *а* и *о*, что явно указывает на аканье. Ограничимся немногими примерами: *горнастае*^{в} 46б, *качевали* 69б, *по*^{д} *корале*^{м} 27б, *дова́ла* "давала" 117, *догода́лися* 112б, *караблѝ* 144б и др. (при обычном *корабли́*), *тата́рове* 158б и др. (при обычном *тота́рове*) *раманови*^{ч} 165б (ср. *рома́нови*^{ч}), *акима́на* 24б (ср. *ѡким*^{н} 25); особо отметим *гаври́ла* И.ед. 37 ter, *дани́ла* И.ед. 165б. Параллельно встречается смешение безударных *е*, *ѣ*, *я*, *и*, например: *доколя* 30, *ѡ*^{т}*коля* 44б, *крѣпчая* (сравнит.) 132б, *на поля* В.ед. 98, *вѣдаяте* 75б, *на чи́щанои* М.ед. 58, *ти́сеча*, *ти́сечи* (часто), *слы́ше*^{л} 175б, *усли́ши*^{л} 114б, *уви́дивъ* 50б, *по*^{д}*лѣнно* 174б bis, *со*^{л}*ни*^{ч}*нево* 41, *съ еван|ги*^{л}*емъ* 18б, *еросла*^{в}*ско*^{и} 40. В первом предударном слоге смешение отмечено в следующих случаях: *горечѝ* 25, *и*^{з}*нела́* 113б, *привеза́ли* 107, *розрежа́ю*^{т}*ца* 174б (все они согласуются с принципом диссимилятивного яканья, но сами по себе, конечно, не могут служить диалектологическим аргументом из-за их малочисленности).

2. Случаи смешения *х* и *г*: *г кро́ю* 'к городу Кроя (Крой)' 110б, ср. *х кро́е* 110б (относительно *хк* из *кк* см. § 10); *че*^{г} 'Чех (имя)' 158, ср. *че́ха* 157б, *че́хови* 157б, *че́хо*^{в} 157б; *ле*^{г} 'Лех' 158 ter, ср. *лехово*^{г} 31б. Особо стоят случаи смешения *х* и *г* в позиции перед гласной[17]: *неприхо́жи*^{х} "непригожих" 26 и менее показательное *ле́гу* "Леху" 158. Случаи смешения *ги* с *и*, *ге* с *е*: *кня|иня* 40б, *кня́ию* 40б; в заимствованиях - *ма́йстръ* 65б, *ма́йстра* 66, ср. *маги́стра* 65б; *едме*^{н} "гетман" 37б, ср. *ге*^{т}*мана* 37б (менее показательно подобное явление в иноязычных именах собственных, например, *норвеия* "Норвегия" 143, *гестонию* "Эстонию" 65 и т.п.). Хотя в части приведенных примеров смешение может объясняться и нефонетическими причинами, вся их совокупность в целом указывает на фрикативное *г* (т.е. [γ] или [h]).

3. У существительных женского рода с твердой основой в Р.ед. иногда встречается (в основном в сочетаниях с предлогом) окончание *-ѣ* (без ударения *-е*, *-и*): *на ѡбѣи*^{х} *сторона*^{х} *рекѣ во*^{л}*ги* 68, *ѡ*^{т} *то́и рекѣ* 119, *ѡ*^{т} *рекѣ* 22, 119, *до ... рекѣ* 119, *до рецѣ* 134; *у па́пе* 166, *ѡ*^{т} *черемі́се*

[17] Хотя причины смешения букв *х* и *г* в этой позиции неочевидны, сам факт такого смешения именно в южновеликорусских памятниках хорошо известен, см. Котков, с. 121-122; ср. также в Южн. отк. *прихо*^{ж} "пригоже" Елец 280б, *бо*^{р}*тны*^{х} *ѹгожье*^{в} Орел 1259 и др.; ср. еще *бжма́хж*, *гота́ще* в Травнике (§ 12).

57б; ѡ^{т} *венери* 138, *до вя*^{з}*ми* 46б, ѡ^{т} м^{з}*ми* "от Вязьмы" 46, *до буди* "до Буды" 153б (разумеется, при гораздо более частых ѡ^{т} *рекѝ*, *до вя*^{з}*мы*, ѡ^{т} *папы* и т.д.). Аналогично при мягкой основе: *землѣ* Р.ед. 68, 71, 120, 125б, *из ... землѣ* 64, 89б, *до ... землѣ* 62б (при более частом *землѝ*, *из землѝ* и т.д.). В современном языке зона распространения данного явления (Р.ед. типа *у жене́*) лишь незначительно отличается от зоны распространения аканья; см. Диал. член., карта 10. Явление хорошо засвидетельствовано в XVII в. (см., в частности, Котков, с. 177-179).

4. В Косм. местоименные основы *тоб-*, *соб-* выступают, наряду с *теб-*, *себ-*, как в Д. и П., так и в Р. и В.: *тобѣ* Д., *собѣ̀* Д., *к собѣ̀*; *в собѣ*; *у собя̀*, ѡ^{т} *собя̀*, *бе*^{з} *собя̀*, *ме*^{ж} *собя*; *тобя* В., *собя̀* В., *на собя̀*, *за собя*, *по*^{д} *собя* - несколько десятков примеров (наряду с *тебѣ̀* Д.П., *себѣ̀* Д. П., *тебя̀* Р.В., *себя̀* Р.В.). В современном языке основы *тоб-*, *соб-* в Д. и П. (в силу аканья [таб-], [саб-]) представлены лишь в южновеликорусских говорах (почти во всех, кроме части верхнеднепровских и тульских) и в немногих акающих среднерусских; см. Образ., карта 53; в Р. и В. эти основы встречаются гораздо реже - островками внутри той же территории (почти во всех ее частях); см. ту же карту. Для XVI-XVII вв. границы данного явления недостаточно ясны.

З а м е ч а н и е. В Косм. у местоимений "я", "ты", "себя" в Р. и В. господствует окончание *-я: меня̀*, *тобя̀* (*тебя̀*), *собя̀* (*себя̀*); иное окончание только в случаях *у себѣ̀* 96, *менѣ̀* (Р. или В.) 80б; особо отметим *што мнѣ* 104б. Как известно, окончание *-я* в XVI-XVII вв. достаточно широко представлено в южновеликорусских памятниках, ср. Котков, с. 199-200; таким образом, оно не может служить аргументом против южновеликорусского происхождения Космографии (независимо от того, отражает ли это окончание влияние московской нормы или нет).

5. Встретились инфинитивы *ити*^{т} 1, 73б, *поити*^{т} 76, 149б, *ве́сть* 'вести' 58б, *ве́сть* "везти" 166 (наряду с такими примерами, как *итѝ* 2б, 28б и др., *и*^{т}*ти* 83 и др., *поитѝ* 79, 100 и др., *уитѝ* 101, *ввестѝ* 34, *известѝ* 72б, 111). В настоящее время инфинитивы типа *несть* представлены в акающей зоне, а также в новгородских и ладого-тихвинских говорах; инфинитив *ити́ть*, *итти́ть* - на той же территории, за вычетом псковских говоров; см. Образ., карта 26. Явление хорошо засвидетельствовано в XVII в. (см., в частности, Котков, с. 177-179).

Далее, в Косм. имеются черты, которые исключают отнесение памятника к самым западным частям южновеликорусской территории.

6. В Косм. встретились: *толке* 25, 71, 103, *то*^{л}*ке* 13, 16 bis, 24б, 25, 75, 180б, *ко*^{л}*ке*. *со*^{т} 74б (при более обычных *то́лко*, *то*^{л}*ко*, *ко*^{л}*ко*). Это явное свидетельство смягчения /к/ после /л'/. В начале XX в. на акающей территории

западная граница прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных проходила, по данным Д.К. Зеленина, западнее Медыни, Мосальска, Брянска и далее на Севск, Суджу; см. нашу карту 1[18]. Примеры из XVII в. см.: Котков, с. 125-126, Галкина, с. 14. В Южн. отк. написания с *ке, кя* (особенно часто *ско^{л}ке, ско^{л}кя*) обильно представлены во всех отказных книгах, кроме рыльской (в которой их, напротив, нет совсем[19]).

7. На месте этимологического *ѣ* в Косм. под ударением с чрезвычайно высокой последовательностью пишется *ѣ* (в том числе и перед мягкими согласными), без ударения - в подавляющем большинстве случаев *е* (которое изредка может заменяться на *и* в соответствии с пунктом 1). В то же время имеется ряд случаев смешения ударных *ѣ* и *и*: *чере^{з} перемѣрие* 78б, *ѿ перемѣрїи* 100, *хоти^{л}* "хотел" 84б, *хотѣ^{м}* "хотим" 160, *велѣко* 152б (при обычном *вели́ко* и т.д.), *wбѣлно* 1б (ср. *wби́лно* 3 и др.), *го^{д}ни^{и}шїе* (сравнит.) 70б, *нико^{л}ко* "несколько" 35, 38; по-видимому, сюда же *гори^{т}* "гореть" 121б (если это не морфологическая замена) *скѣрдъ* "скирд" 39, *и зроби^{е}ши^{с}* 71б (вместо *и розбѣ^{е}ши^{с}*) и некоторые другие. Особый случай составляет колебание *ѣ/и* в названии Северской земли, ср. *сѣвер|ски^{х}* 38 (также в разных формах 45, 45б) и *си́ве^{р}ско^{и}* Р.ед. 37б, 44б, *си́ве^{р}скіе* 45.

Что касается случаев написания *е* вместо ударного *ѣ*, то почти все они по тем или иным причинам непоказательны. Так, писец пишет названия *Днепр* и *Тверь* только через *е*: *днéпръ* 39, 47, 48 ter, 62 bis, 64 bis, 64б, 168 bis, 168б, *нéпръское* 48, *тверь* 49 bis, *тве^{р}* 36б, *тве^{р} любо wтве^{р}* 48б. Можно предположить, что писец слышал эти названия только в таком произношении, которое с точки зрения его фонологической системы содержало фонему /е/. В самом деле, Днепр (на великорусской территории) и Тверь относятся к зоне, где в эту эпоху **ѣ* уже, по-видимому, дало [е]; отметим для сравнения, что название Северской земли (в пределах которой **ѣ* в целом достаточно устойчиво сохранялось в виде [ê], [ие] или [и]) отражено в Космографии не с *е*, а с *ѣ* или *и* (см. выше). К той же группе, что Днепр и Тверь, следует отнести *ме^{н}ско* "Минск" 61б. Непоказательны колебания типа *w^{т} моисея* 160, *моисѣи* 160, колебания в полонизме *мѣскои* (*мéскои*) из польск. *miejski* "городской" и некоторых других случаях; в *оне мýжеве* "оные мужи" 22 *-не* могло быть безударным. Не вполне ясна причина колебания *ѣ/е* в прош. времени слова *wсѣсти* "населить": *wсели* 32б, 56б, 68б, *wсель* 96 (*ль* вместо *ли*), *wсела* 123б (все

[18] Источник сведений - карта 9 в книге: *Касаткин Л.Л.* Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных в русских говорах. М., 1968.

[19] Поскольку в Рыльске данного явления и в настоящее время нет, этот факт едва ли можно считать случайным.

примеры без знака ударения), наряду с правильным *wсѣ́ли* (5×); не исключена контаминация с глаголом *селити*. Остальные примеры единичны: *земле* М.ед. 19 (в киновари), *разумети* 14, *исте^{л}де^{л}* "с тех пор, потому" 36б (результат опрощения сочетания *ис тѣхъ дѣлъ*); ср. также *ѣ* вместо *е* в *своѣи* М.ед. 77б. Учитывая общую длину текста (57 тысяч слов), эти случаи допустимо рассматривать как случайные ошибки (или, может быть, следы орфографии протографа).

В своей совокупности приведенные факты (в особенности колебание *ѣ/и*), с нашей точки зрения, должны расцениваться как свидетельство существования особой фонемы /ê/ в говоре писца (а не просто как отражение его высокой грамотности)[20].

Наличие фонемы /ê/ является дополнительным аргументом в пользу того, что рассматриваемый говор находился восточнее территории Смоленщины, поскольку для этой территории обычно предполагают ранний переход **ѣ* в [е]. Для прочих частей южновеликорусской территории в XVI-XVII вв. можно предполагать сосуществование говоров, сохранявших фонему /ê/, и говоров, где такая фонема уже отсутствовала; как известно, из южновеликорусских писцов этой эпохи одни смешивают *ѣ* и *е* во всех положениях, другие же последовательно различают их в ударном положении. При этом по крайней мере у части писцов, различающих *ѣ* и *е*, это различение нельзя объяснить хорошей орфографической выучкой[21]. Специально отметим примеры смешения ударных *ѣ* и *и* в Южн. отк.: *на ѡ^{т}диля* "на отделе" Воронеж 632; *с тѣми^{ж} помищики* Воронеж 548; *Тихомѣрова* Курск 58, Орел 320б (ср. также Котков, с. 44-45). Сходно с Космографией колебание между *и* и *ѣ* (или *е*) в слове "Северский", в частности: *Сиве^{р}ск-ому, -ого* и др. (много раз) Белгород 231-232, 269-270б, 336-339, ср. *Сѣве^{р}ск-о^{м}, -ому* Белгород 401б-403, *Северск-о^{м}, -омъ* и др. Белгород 25-26, 403-403б.

8. В Косм. у местоимения "тот" в И.падеже почти всегда выступают словоформы без *j*: *то^{т}*, *та̀*, *то̀*, мн. *тѣ̀*. Словоформы с *j* встретились всего несколько раз: *та́я* 1б (ср. также *тоѝ бра^{т}я шка^{к}дарбе^{р}|кова* "те Скандербеговы братья" 72); *тоѐ короле^{в}ство* 21б (*е* в *тое* подтерто), *за тоѐ* "за то" 171б (*за тое* 79б); *рыцари тие* 163б; И.В.ед. муж. *тои* не встретилось вообще. Аналогично в В.ед. жен. находим

[20] Регулярное отражение в Косм. ударного /ê/ в виде *ѣ* позволяет извлекать дополнительную акцентологическую информацию из написаний, в которых *е* стоит на месте *ѣ*; например, написание *дели^{т}* (3 ед.), хотя в нем и нет знака ударения, указывает на ударение *дели́т*.

[21] Например, новосилец Мартинка Папонов (Южн. отк., Новосиль 757-759, 765-767б) пишет исключительно неумело, нарушая чуть ли не все орфографические нормы, принятые у писцов его времени, и тем не менее у него нет ни одного достоверного случая смешения ударных *ѣ* и *е*.

ту́ (наряду с *тоѣ* и *тоѣ*, о которых см. ниже, пункт 14) и лишь в качестве исключения *ту́ю* 2б, 121б. В настоящее время словоформы с *j* - *той, тая* (В. *тую*), *тое, тые* - распространены на западной (меньшей) части великорусской территории, а словоформы без *j* - *тот, та* (В. *ту*), *то, те* - на восточной (бо́льшей). В акающих говорах западная граница зоны господства словоформы *те* проходит примерно по линии Ржев - Мосальск - Брянск - Севск - Рыльск. Довольно близка к ней и западная граница зоны господства словоформы *та*; см. Образ., карта 24. В Южн. отк. представлены такие же словоформы местоимения "тот", как и в Косм.

9. Только с конечным ударением в Косм. засвидетельствованы: *ничево́* (10х: 3б, 30б, 55 и др.), *никому́* 55, 55б, 171б. В современном языке на западе южновеликорусской территории (к западу от линии Вязьма - Мосальск - Брянск - Севск, см. Диал. член., карта 17) широко распространено ударение *нико́го, ничо́го, нико́му, ничо́му*. Такое ударение не может быть поздним явлением, поскольку оно встречается уже в Мериле Праведном XIV в. (Противоп., § 14). Поэтому полное отсутствие такого ударения в Космографии может служить дополнительным аргументом против крайней западной ее локализации.

С другой стороны, в Косм. имеется ряд черт, свидетельствующих о таких диалектных явлениях, которые в пределах акающей зоны ограничены (по крайней мере, в настоящее время) лишь западной половиной этой зоны.

10. В Косм. встретились: *вплавъ* 'вплавь' 27, 190б, *це́р|ковъ* И.ед. 117б, *семъ* 50, 77, *седмъ деся*^{т} 156б, *пе́рмъ* 56, *пе́рекопъ*[22] 32 (наряду с орфографически правильными *ц҃рквь, во́смь, ѡ́бь, на́пособь* и др.). По-видимому, эти написания отражают отвердение конечных губных. В настоящее время на акающей территории восточная граница этого явления проходит примерно по линии Можайск - Юхнов - Калуга - западее Ельца - Новый Оскол; см. ниже карту 1 (источник: Образ., карта 8). В Южн. отк. в белгородской, брянской, карачевской, курской, мценской, новосильской и орловской отказных книгах многократно встречаются написания *семъ, восмъ*; ср., кроме того, *степъ* Новосиль 487, *Семъ* "Сейм" (вместо *Семь*) Курск 170б, 304б, 509б, 714б. В отказных книгах более восточных районов (елецкой и воронежской) отмечен только один пример: *семъ* Воронеж 544б.

11. Ряд написаний указывает на некоторую неустойчивость в разграничении /р/ и /р'/: *вѣру* "верю" 108, *разберю* 83б, *ныра́я* "ныряя" 190б (ср. *вынира́ючи* 27), *в кори́те* "в корыте" 180, *на*^{д} *ѡзеремъ* 32б, *влади́меря* Р.ед. 35 (о князе, не о городе!). Менее показательны колебания в иноязычных словах, например, *рица*^{р} 102б и *ри́церъ* 104б, *ци́-*

[22] Начальное ударение указывает на то, что это слово женского рода, ср. у Даля: *перекóп*, но *пе́рекопь*. Ср. в Косм. это же слово в Р.ед. (с подвижностью ударения): *до перекопи́ тата*^{р}*ские* 167б. В то же время в Косм. представлено и слово мужского рода *перекóпъ* (с корневым ударением): *до перекóпу тота́рсково* 46.

саря 150 и *цѝсара* 127, *мури́ны* 22б, *мури*^{и}*скои* М.ед. 23б и *мури́нсково* 24б, *мури*^{и}*ски*^{х} 25. В настоящее время неразличение /р/ и /р'/ отмечается лишь в немногих пунктах на самой границе с Белоруссией: но единичные случаи смешения /р/ и /р'/ встречаются (очень рассеянно) во многих пунктах великорусского юго-запада (Атлас Юг, карта № 50). Примеры из XVII в. см. Котков, с. 133-135; довольно много примеров рассматриваемого типа также в Южн. отк.

З а м е ч а н и е. Наблюдаемое в Космографии колебание между *ри* и *ры* в слове "товарищ" (например, *това́рищъ* 75б, *това́рыщи* 182б) непоказательно, так как *ры* в этом слове было распространено очень широко. Написания *на за́втрее* 150б, *до за́втрея* 29 отражают исторически закономерное /р'/ (здесь представлено исходное *zautrьje); ср. современное южновеликорусское *за́втре* (*за́втря*).

12. У существительных женского рода с твердой основой в М.ед. и Д.ед., наряду с обычным окончанием -ѣ (без ударения -е), встречается также окончание -и (-и). М.ед.: *на то*^{и} *горы*^{и}[23] 2б, *на тоѣ горы*[23] М.ед. 5б, *на высоки горы стоѫ*^{л} 88, *на то*^{и} *стороны* 158б, *при реки* 21, 130б, *ѡ* ^{д}*непрѣ реки* 48, *о двинѣ реки* 48, *на реки* М.ед. 81б, *на то*^{и} *реки* 18; *на кото́рои реки* 129, *в то*^{и} *реки* 44б, 182, *в пра́вои руки* 77б, *в лѣво*^{и} *руки* 77б; по-видимому, сюда же *сча́сливо*^{и} *на воины* 38, *на́ воины несча́сливъ бы*^{л} 38б (скорее М.ед., чем В.мн.). Д.ед.: *подо́бна ѡна́ реки ни́лу* 47б, *к во*^{л}*ге реки* 44, *к реки* 141, 150, *к то́и реки* 7; *к полу́|ночнои страны* 190б, *к тоѣ рабо́ты*[24] 14, *по полови́ны* Д.ед. 91, *к го́роду к бу́рси* 71. При мягкой основе М.ед. и Д.ед. на -и встречается примерно столь же часто, как и на -ѣ, например, *в землѣ*, *к землѣ* и *в земли́*, *к земли́*. Отметим также *в ма́тицы* М.ед. 29б, *к то*^{и} *дви́цы*[25] 25.

В настоящее время данное явление (М.ед. типа *о жени́*, Д.ед. типа *к жени́*) представлено двумя оторванными друг от друга ареалами: 1) весь северо-запад и среднерусский запад; 2) курско-орловские говоры, межзональные типа А и верхне-деснинские (брянские); см. ниже карту 1 (источники: Атлас Юг, карта № 90; Атлас Запад, карта № 123). Примеры из XVII в. см. Котков, с. 180-182; ср. в Южн. отк.: *на реки* Орел 459, 459б, *на рѣки* Орел 526б, 563б, *по реки* Воронеж 758б, 759б, Елец 429, *по рѣки* Рыльск 481 bis, *по полугоры* Мценск 203 (ср. *по полугорѣ* Мценск 420б), *о*^{т}*дели*^{л} *вдовы* Д.ед. Орел 676. Следует учитывать, однако, что несколько примеров этого типа зафиксировано и в рязанских документах XVII в., см. Новопокровская, с. 95.

---

[23] Оба раза переправлено в *на то*^{и} *горѣ*.

[24] Переправлено на *к то*^{и} *рабо́тѣ*.

[25] Примеры типа *в ша́пки* М.ед. 118 могут объясняться и чисто фонетически, ср. *в оса́ди* 'в осаде' 84б и т.п.

13. Местоимение "она" в Р.ед. и В.ед. представлено в Косм. так: Р.ед. - *ѐѣ* 33б, 37 bis, 162, *еѣ* 34б, *у нѐѣ* 122, *ѡ^{т} нѐѣ* 44, *ѡ^{т} неѣ* 121б, *из неѣ* 182б, но также *е́и* 21, 88б, 162б; В.ед. - *ѐѣ*, *еѣ* (часто: 7, 18б, 37б и др.), *про нѐѣ* 121б, *про неѣ* 80, *в нѐѣ* 44б, *в неѣ* 41, *через неѣ* 136, *скро^{з} ѐѣ* 134 (один раз *чере^{з} нею* 140б). Ни в Р.ед., ни в В.ед. написание *ее* не встретилось.

В современных южновеликорусских говорах картина такова. В Р.ед. [jejé][26] представлено в основном лишь на западной окраине, [jej] - на остальной территории; [jejó] встречается островами (в смешении с [jej]) восточнее линии Орел - Курск - Белгород; см. Образ., карта 21. В В. ед. [jejé] распространено гораздо шире, чем в Р.ед., охватывая весь запад южного наречия (и некоторые другие участки), см. нашу карту 1 (источник: Образ., карта 22); в остальной части южного наречия господствует [jejó].

В Южн. отк. у писцов, строго различающих *ѣ* и *е* (и не записывающих [jê] через *е*[27]), отмечены: Р.ед. *еѣ* Брянск 975б, 979б, Воронеж 432б, Елец 213, Карачев 608б, Курск 125б, 259, 259б (6×), 260, 450б (3×), 451 (4×), 451б, Мценск 360б, Орел 999б, В.ед. *еѣ* Курск 450б - Р.ед. *ее* Воронеж 380, 758б bis, Елец 372. Воронеж и Елец - самые восточные пункты района, отраженного в Южн. отк. Таким образом, в XVI-XVII вв. уже начинало складываться то географическое распределение между [jejé] и [jejó], которое существует теперь.

14. Те же формы от указательного местоимения представлены в Косм. так: Р.ед. жен. - *тоѐ*, *тое* (очень часто: 2б, 3, 5 и др.), *то̀ѣ* 119, *тоѣ* (9×: 5б, 67, 93 и др.); изредка также *то́и*, *то^{и}* (15б, 119 и др.); В.ед. жен. - *ту̀* (чаще всего), но также *тоѐ*, *тое* (7×: 6, 19 и др.), *то̀ѣ* 14, *тоѣ* 26, 40б (особо стоит *ту́ю* 2б, 121б, см. пункт 8).

В современных южновеликорусских говорах в Р.ед. господствуют односложные словоформы - *той* (на востоке), *тэй*, *тый* (на западе); двусложные словоформы (обычно с [-jó] - [tajó, тэjó, тыjó]) встречаются (в разных районах) лишь в виде рассеянных мелких вкраплений (Атлас сводный, карта № 34). В В.ед. положение таково: на западе господствует *ту́ю* (примерно до линии Старица - Юхнов - Брянск - Севск - Рыльск), далее к востоку расположена полоса [tajé, тыjé, tajó, тыjó][28] (в смешении с *ту*); начиная примерно с линии Болхов - Мценск - Щигры - Старый Оскол и далее к востоку полностью господствует *ту* (Атлас Юг, карта № 186; Атлас Запад, карта № 220).

---

[26] Используя записи [jejé], [jejó], мы отвлекаемся здесь от вариаций вокализма первого слога.

[27] Эта оговорка существенна, поскольку имеется определенная категория писцов, которые записывают (регулярно или факультативно) [jê] как *е*, безупречно соблюдая различие ударных *ѣ* и *е* в остальных позициях.

[28] Словоформы с [-jé] и с [-jó] обычно выступают в смешении; к северу и северо-востоку от Курска чаще встречается [-jó], к югу и западу - чаще [-jé].

В Южн. отк. как в Р.ед., так и в В.ед. преобладают *тоѣ, тое*. При этом *тое* десятки раз встречается у писцов, строго различающих *ѣ* и *е* (и не записывающих [jê] как *е*), например: Р.ед. *тое* Брянск 977, 982б bis, Воронеж 544б–548 (часто), Новосиль 102, Рыльск 251, В.ед. *тое* Елец 211, Карачев 558, 766б, Курск 219б, Мценск 420б, Новосиль 105б, Орел 1165, Рыльск 60, 135, 251б, 252 (причем у тех же писцов может встретиться и *тоѣ*). В более восточных районах рассматриваемые словоформы, по-видимому, встречались реже: у В.Н. Новопокровской из рязанских документов приведено лишь два примера В.ед. *тае* (См. Котков, с. 203).

Таким образом, странная, на первый взгляд, система писца Космографии – *еѣ* (без *ее*), но *тое* наряду с *тоѣ* – оказывается тождественной системе писцов Южн. отк., различающих *ѣ* и *е*, кроме воронежских и елецких.

§ 10. С нашей точки зрения, главным источником всех 14 рассмотренных здесь черт Космографии является наличие соответствующих диалектных особенностей в говоре писца Космографии (а не особенности протографа или условные орфографические приемы писца); ср. выше, § 8. Этот вывод представляется нам: а) вполне надежным для черт 1, 6, 7, 9, 10, 13, 14; б) высоко вероятным для черт 3, 5, 11, 12; в) вероятным для черт 2, 4, 8. Как можно видеть, в составе каждой из трех групп черт (1-5, 6-9, 10-14), задающих соответственно северную, западную и восточную границы искомой области, имеются черты, определенно отражающие диалектные особенности самого писца Космографии. Следовательно, этими границами очерчивается не что иное, как область, к которой относится говор писца Космографии.

На карте 1 показаны современные границы распространения пяти наиболее существенных для нашей цели диалектных явлений.

Из явлений, ограничивающих искомую область с с е в е р а, на карте 1 показано аканье (§ 9, п. 1). Поскольку зона аканья в ходе истории расширяется, в XVI в. граница аканья могла проходить лишь несколько южнее, чем теперь, но не севернее. Тем самым современная северная граница аканья надежно ограничивает искомую область с севера также и для XVI в. Явления, рассмотренные в § 9, п. 2-5, лишь подкрепляют эту границу.

Из явлений, ограничивающих искомую область с з а п а д а, на карте 1 показано (в пределах акающей зоны) прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных (§ 9, п. 6); ср. также западную границу южного ареала Д.М.ед. типа *к жен́и, о жен́и*. На очень похожую западную границу (примерно Мосальск – Брянск – Севск) указывают и пункты 8, 9 из § 9 (ср. также п. 7). Хотя каждая из указанных границ в XVII–XX вв. могла несколько сдвинуться, вероятность сколько-нибудь значительного совместного сдвига всех этих границ в одну и ту же сторону ничтожно мала.

Из явлений, ограничивающих искомую область с в о с т о к а, на карте 1 показаны: отвердение конечных губных (в пределах акающей зоны); Д.М.ед. типа *к жен́и, о жен́и*; В.ед. [jejé] (в пределах акающей зоны); см. § 9, п. 10, 12, 13. Правда, последние два явления в XVI–XVII вв., ве-

роятно, заходили на восток дальше, чем теперь; но восточная граница отвердения конечных губных (в южновеликорусской зоне почти совпадающая с границей Литовского государства в XV в.), по-видимому, не могла проходить намного восточнее. Ср. также § 9, п. 13, 14 о словоформах *еѣ* и *тоѣ* (*тое*) в Южн. отк.

На карте 1 заштрихован район, где в настоящее время совмещаются все пять картографированных диалектных черт. Он охватывает бо́льшую часть курско-орловских говоров и межзональных типа А, а также некоторые брянские и елецко-оскольские говоры. Разумеется, нельзя считать, что говор писца Космографии локализуется непременно внутри данного района. Учитывая возможные сдвиги изоглосс в XVII–XX вв., мы должны включить в область допустимой локализации этого говора, помимо указанного основного района, также небольшую полосу с запада и несколько более широкую полосу с востока (предположительно до линии Калуга – Елец – Воронеж или даже немного восточнее). Заметим, что полученная область почти совпадает с той, которая отражена в издании Южн. отк.

Укажем также (без подробного разбора) некоторые другие черты Космографии, которые непосредственно сближают ее с деловыми документами XVII в., относящимися к названной территории. (Эти черты не были включены в число основных либо потому, что соответствующие диалектные явления известны на очень обширных или нечетко ограниченных территориях, либо потому, что в Косм. мало соответствующих примеров.)

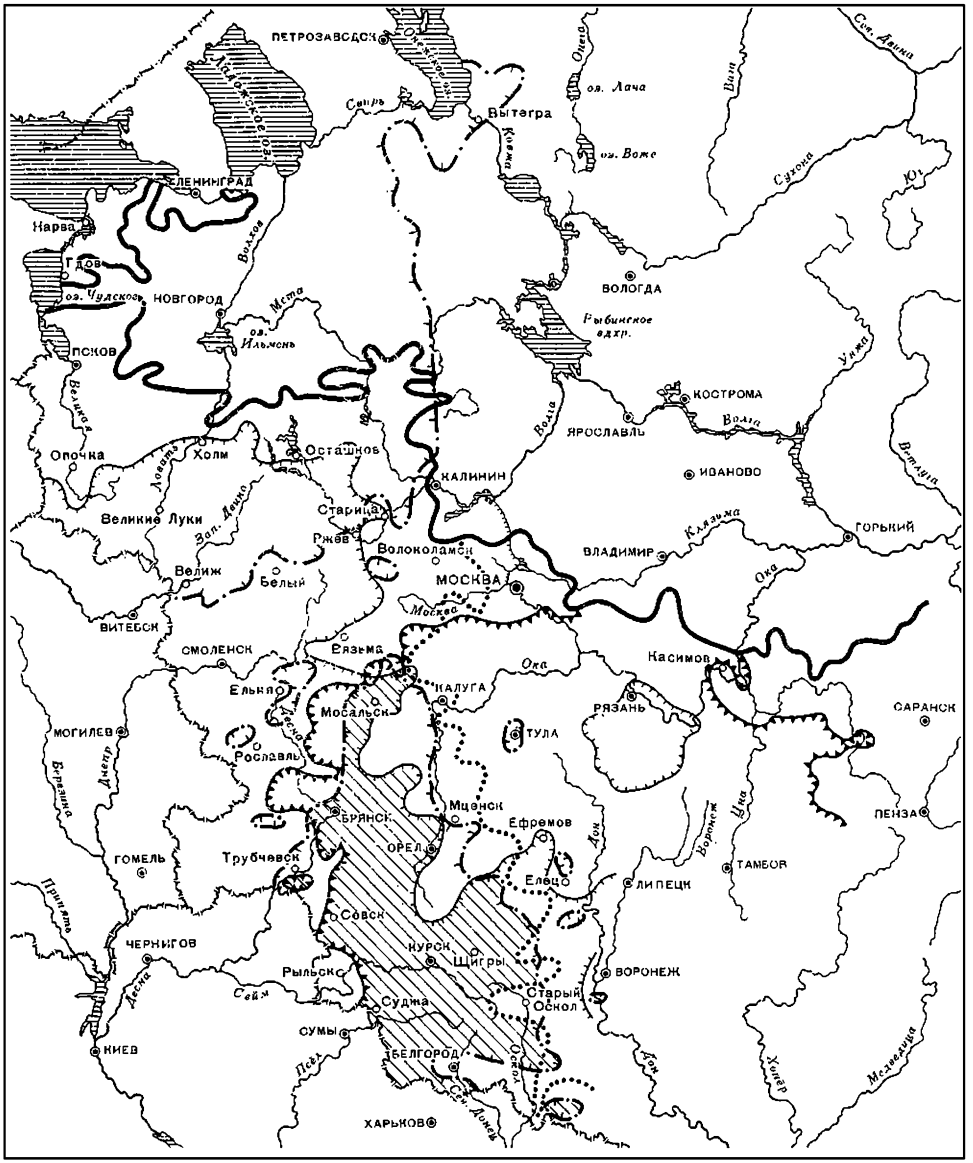
В Косм. *щ* иногда смешивается с *ш* или *сш*: *ешо* "ещё" 83, *же́ншину* 176, *же́нши*^{н} 28, *на́ помо*^{ш} 99б; *щи*^{б} *евѡ* "сшиб его" 98, *що*^{л}*ся* 81 (ср. *сшо́лся* 81б), *вы́щая* "высшая" 9б. С другой стороны, встретились также *сче́пи* "щепы" 188б (ср. *щепѝ* 188б), *счекъ* "Щек" 161б bis[29].

После *ч* в Косм. пишутся *ю*, *и*, после *ц* – *у*, *и*, например: *лачю́ги*, *по плечю́*, *пе́рцу*, *финицы́я*; изредка пишется *ця* (при обычном *ча*), например: *гореця́* 25, *стрецяти*^{т} "встречать" 170б. Часто встречается *о* после шипящих и *ц*, например, *ещо́*, *що*^{л}, *жо́нки*, *чо́рные*, *стрелцо́въ*, *ѡ*^{т}*цо́ва* и т.д.

Многократно встречается *хт*, *хк* на месте *кт* (*гт*), *кк* (*гк*), например, *хто́* (часто), *нихто́* 2, 32 и др., *но*^{х}*ти* 43, *мя*^{х}*ко* 24б, *х королю́* (часто), *х кораблю́*^{м} (часто).

В связи с поведением *в* отметим: *в цр҃кве узд*^{в}*иже́нїа* 165б, *чре*^{з} *реку сау́* "Саву" 149, *при лево́не* 166 (ср. *лешна* Р.ед. 166); *скорми*^{л} "вскормил" 83 (ср. *вскорми́ти* 33), *ско́рмленика* 95б, *-у* 79б, *спо́мни*^{т} 88б, *спо́метовати* "вспомнить" 32б. Слова "угры", "угорский" пишутся то с *у-*, то

[29] Ср. положение в Южн. отк., где весьма часто встречается смешение *щ* с *ш* или *сш*, однако находим также *ще*^{т}*верико*^{м} "с четвериком" Курск 639.

Карта 1

Границы распространения в XX в. важнейших диалектных явлений, отразившихся в Космографии

1 – северная граница аканья; 2 – границы распространения прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных (в пределах акающей зоны) по данным Д.К. Зеленина (в показанные границы включены также небольшие участки, не отмеченные Д.К. Зелениным, но обнаруживающие данное явление в настоящее время); 3 – границы распространения Д.М.ед. типа *к жены́, о жены́*; 4 – восточная граница отвердения конечных губных (в пределах акающей зоны); 5 – огрубленная граница распространения (в пределах акающей зоны) В.ед. [jejé] ([jajé], [jijé]); 6 – район, где представлены все пять отраженных на карте диалектных явлений.

с *ву-* (и то и другое часто), например: *угро́ве* 56б и др., *до уго*^{р} 164, *уго́рсково* 148 и др. - *вугры* 95, *вугро́ве* 32 и др., *и*^{з} *вуго*^{р} 164, *вуго́рсково* 103б.

Есть примеры, свидетельствующие о "расшатывании" среднего рода: *на вс́еи гдр*^{с}*тв*$\acute{ъ}$ 162, *для золото*^{и} *руны* 32. Есть примеры И.В. мн. сред. на *-и*: *вся́кие дв*$\acute{ъ}$*ли... чиня*^{т} 118; Р.ед. сред. на *-у*: *во́иску* Р.ед. 81, 97, 119б; М.ед. муж. на *-у* у одушевленных: *о ска*^{и}*да*^{р}*бергу* 69б.

Окончания В.ед. жен. и Т.ед. жен. у прилагательных и местоимений иногда смешиваются: *в*$\acute{ъ}$*рв*$\acute{ь}$ *греческою* 168, *по*^{д} *кору́ною франц́ускую* 127; особенно интересны примеры с ударным окончанием - *чере*^{з} *нею* 140б, *всѣ*$\grave{ю}$ *твою пра́в*^{д}*у* 104, *тое*^{ж} *доро́гою* 181б. См. также § 5 о Р.ед. на *-ово*. Во мн. числе краткие формы прилагательных часто имеют (независимо от рода) окончание *-и*, например: *жи́ви* 91б, *з*^{д}*рави* 131б, *послу́шни* 172, *ра́ди* 72б, 96, *сы́ти* 55, 157.

В Косм. в качестве равноправных вариантов употребляются словоформы *ѡни*$\grave{ѧ}$ и *ѡнѣ* (и то и другое чрезвычайно часто)[30]. Такое же колебание в окончании находим в Косм. в *ѡ*^{д}*нѣ* 160 при *ѡ*^{д}*ни* 68, 90б, также *лю*^{ди} *твоѣ* 13б, *своѣ́ же ем*$\acute{у}$ *лю́ди* 109, *на своѣ шеи* 89б (при обычных *твои*$\grave{ѧ}$, *свои*$\grave{ѧ}$). Отметим еще *такѣе мѣ́ста* И.мн. 12 (при обычном окончании *-ие*).

З а м е ч а н и е. Большой интерес представляет единичное *ухвате*^{м} "ухватив" 30б: это, по-видимому, самый ранний засвидетельствованный пример деепричастия с показателем *-ем-* вместо *-ив-* (вычлененным из деепричастий типа *вземъ*, *снемъ*). В настоящее время деепричастия типа *покурёмши* наиболее характерны для межзональных говоров типа А, верхне-деснинских, части смоленских и части курско-орловских, см. Диал. член., с. 126, 130, 132, 136.

§ 11. Отдельно отметим те черты Космографии, которые могли бы вызвать сомнение в предложенной выше локализации.

Вопреки тому, что можно было бы ожидать, в 3-м лице презенса мы находим в Косм. (в тех немногих случаях, где *т* не выносное) *-тъ*, а не *-ть*: *у́мретъ*| 81б, *впа́даетъ* 51б, *зв*$\acute{ѣ}$*титъ*| 127б, *лежи́тъ* 16, *да́стъ* 88, 96, 114, *вы́дастъ* 83б, *зову́тъ* 189б, *покладу́тъ*| 54, *и́мутъ*| 174б, *ска́зываютъ* 44б (однако *бг*$\tilde{ъ}$*ъ вѣ*|*стъ* 155б). Возможно, написание *-тъ* было для писца чисто орфографической нормой, тогда как реально он произносил здесь /т'/ или даже нуль. С другой стороны, нельзя исключать и того, что писец действительно произносил в презенсе твердое /т/ (причем причины это-

[30] Ср. такое же колебание в Южн. отк.: *ани* Белгород 702б, Орел 1073б, Рыльск 477б, *ѡни* Елец 295 - *анѣ* Елец 50, *ѡнѣ* Курск 525, *онѣ* Елец 448б, 449б, Курск 305, Рыльск 67б, *оне* Белгород 818б.

го могли быть различными). Как бы ни объяснялась, однако, данная особенность Космографии, очевидно, что она не может служить аргументом против южновеликорусского происхождения рукописи, поскольку эта же особенность имеется во многих заведомо южновеликорусских документах этой эпохи, например, в Южн. отк.: *стоiтъ* Белгород 26б, *стоитъ* Елец 429б, Новосиль 83 bis, *бу*^{де}*тъ* Новосиль 1029б, *влодѣятъ* Орел 1077б, ^{в}*ладѣетъ* Елец 84, 359, *влодѣютъ* Елец 449б, *е*^{з}*детъ* "ездят" Рыльск 69 (ср. более редкие *стоить* Новосиль 203, *ѣздеть* Мценск 749б).

Далее, в Косм. отмечены: *назадѣ* 89б, *в русѣ* "в Руси" 34, *не в любвѣ* 187б, а также *ззадѣ* 39, *ззадѣ* 92, *спередѣ* 99 (ср. обычный вид М.ед. - *назадѝ*, *напередѝ*, *в русѝ*, *в ночѝ*, *в честѝ*, *в рознѝ*, *в западѝ* и др., а также такие примеры Р.ед., как *и*^{з} *русѝ*, *до русѝ*, *до перекопѝ*). В настоящее время в пределах южного наречия подобные словоформы (с окончанием *-е́*) характерны в основном для его восточной половины; см. Образ., карта 16; в XVII в. они отмечены в рязанских говорах (см. Новопокровская, с. 97, Галкина, с. 17); ср. также Улож. *в росписѣ* 135. Однако в рассеянном распространении они известны и в западной половине южного наречия, особенно в курско-орловских говорах (см. ту же карту). Ср. также в Южн. отк. *на степѣ* "в степи" Белгород 512б.

Наконец, в Косм. встретилось несколько примеров Р.мн. с окончаниями *-ох*, *-ѣх*: *городо*^{х} Р.мн. 2, *ѡстрово*^{х} Р.мн. 22б, *королѣ*^{х} Р.мн. 17 (*х* подтерто и переправлено на *и*); ср. также ѡ *стары*^{х} *прусо*^{в} 162б (где *-о*^{в} вместо *-а*^{х}). В настоящее время эта особенность известна в рассеянном распространении в разных частях южновеликорусской территории (как на востоке, так и на западе), но в основном севернее и восточнее интересующего нас района. В пределах этого района можно указать, например, *iz γas't'о́х* "из гостей" в мосальских говорах[31].

Таким образом, ни одна из рассмотренных здесь особенностей не может служить основанием для того, чтобы отклонить предложенную выше локализацию говора Космографии.

Прочие памятники

§ 12. Для сопоставления с Космографией в работе использован ряд памятников XIV-XVII вв. Они перечисляются ниже с указанием тех особенностей, которые существенны для нашего разбора. Памятники обозначены теми сокращениями, которые используются в дальнейшей работе.

Чуд. - Чудовский Новый Завет[32]. XIV в. (предположительно 1355 г.). Содержит несколько почерков, однако никаких

[31] *Брок О.* Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916, с. 33.

[32] По фототипическому изданию: Новый Завет господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси (издание Леонтия, митрополита

системных различий в акцентуации между разными писцами усмотреть не удается; поэтому практикуемый всеми акцентологами подход к Чуд. как к единой системе, по-видимому можно считать оправданным. Знаки ударения - оксия, вария и камора, но их распределение существенно отличается от "старопечатной" системы (§ 6): оксия и камора могут стоять над любой гласной; вария стоит в основном над конечным слогом (не обязательно открытым). Начертание спиритуса неустойчиво, поэтому он ненадежно отличается от знаков ударения. Характер использования надстрочных знаков в Чуд. исследован все еще недостаточно полно; однако уже сейчас можно указать некоторые особенности, которые необходимо учитывать при извлечении из Чуд. акцентологической информации: 1) в части случаев акцентные знаки передают не главное, а второстепенное ударение, см. Противоп., § 16; 2) над неприкрытой гласной надежным обозначением ударения в большинстве случаев можно считать лишь пару "спиритус + оксия" или "спиритус + варйя" (но над *оу* - также и одиночную оксию, варию или камору, поскольку в Чуд. спиритус над *оу* не ставится); в прочих случаях возможно смешение спиритуса со знаком ударения; 3) вария, передающая ударение на конечном слоге, может смещаться как влево (создавая иллюзию предконечного ударения, ср. Акц. Мер., § 35, замеч.), так и вправо (создавая иллюзию ударения на конечном ъ или ь).

Сложный вопрос представляет оценка говора Чуд. с диалектологической точки зрения. Относить говор Чуд. непосредственно к Москве, как это делала М.И. Корнеева-Петрулан[33], нет достаточных оснований. Не разбирая здесь этот вопрос подробно, укажем лишь следующее. По целому ряду акцентных особенностей Чуд. сближается с западной частью восточнославянской области (т.е. с украинским и белорусским, а также с северо-западными великорусскими говорами); см., в частности, ниже § 39, 41, 45, 46, 55 в отношении глагольной акцентуации. В то же время в Чуд. представлены и некоторые акцентные черты южновеликорусского типа. Наиболее вероятно, таким образом, соотнесение говора Чуд. с юго-западновеликорусской зоной.

Мер. (или Мерило) - Мерило Праведное XIV в.; ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 15[34]. Рукопись с различением /ɔ/ и /ô/ (омеговая система), неакцентуированная: о способах извлечения из нее акцентологической информации см. Акц. Мер., § 4. Предположительная локализация говора Мерила - от южной части бывшего Тверского княжества до юго-

---

Московского). М., 1892. Ссылки даются на листы оригинала; буквы *а, б, в, г* обозначают столбцы. Все примеры из Чуд., в том числе взятые из лингвистических работ, выверены нами по этому изданию.

[33] См.: *Корнеева-Петрулан М.* К истории русского языка. Особенности письма и языка писцов московских владык XIV в. - Slavia, roč. 15, № 1.

[34] Фототипическое издание: Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961.

западных границ великорусской территории (см. Новые данные, § 14).

Цв. - Триодь Цветная. М., 1591; старопечатная книга, печатник Андроник Невежа. Три пагинации (236, 81 и 247 листов); ниже мы обозначаем вторую пагинацию цифрой II, третью - III (для первой номер пагинации не ставится)[35]. Система надстрочных знаков - правильная "старопечатная" (§ 6). Акцентологическая система во многих отношениях сближается с южновеликорусскими памятниками (ср. § 34-36). Отметим несколько написаний, которые, может быть, отражают аканье: *с ломъ|на́дож* 206б (ср. *лампа́дꙋ* 206); *во свѣти́лище* III 38б, *со́лнячныи* 157б; ср. также *мѣсецъ, -ꙋ, -емъ* и др. (180 и др.).

Дом. - Домострой по Коншинскому списку[36]. По-видимому, граница XVI и XVII вв.[37] В настоящей работе рассматривается только второй (т.е. основной) почерк рукописи (4б - 124). Система надстрочных знаков - "старопечатная". В написаниях широко представлено смешение безударных *а* и *о*, равно как *е, я* и *и* (для первого предударного слога отметим *полтявóго* 75, *пя|кꙋтъ* 47б, *по пѣтѝ* "по пяти" 120, *нацыдя*^{т} 79); *е* и *ѣ* смешиваются в любом положении. Отметим *оу невóли* М.ед. 44б, *оу вꙋтокъ* 72, *оу вꙋжинꙋ* В.ед. жен. "в ужин" 86б, *оу вꙋжины* В.мн. "в ужины" 86, 86б, *прибавъ* "прибавь" 74б, *оуправъ* "управь" 123б, *нишимъ* "нищим" 87, *денекъ* "денег" 103, частые *тобя̀, собя̀* в Р. и В., *менѐ* в Р. Акцентологическая система гораздо менее архаична, чем в Косм. (что указывает, ввиду хронологической близости двух памятников, на их диалектное различие). Локализация говора внутри акающей зоны затруднительна; более вероятна западная половина (причем без ее южных районов)[38].

Трав. (или Травник) - Травник и лечебник; ГБЛ, ф. 37 (собр. Большакова), № 431. По-видимому, первая треть XVII в. Рукопись с различением /ɔ/ и /ô/ (омеговая система); см. Новые данные, § 3, 19, 24. Приводим общие сведения о рукописи несколько полнее, чем в указанной работе. Почерк один во всей рукописи. Система надстрочных знаков - в основном "старопечатная", но спиритус ставится только над начальной безударной гласной (таким образом, знак ударения вытесняет спиритус, а не совмещается с ним). Особенности: а) иногда вместо спиритуса по ошибке поставлена оксия; б) в нескольких случаях вария, вероятно, не передает ударения, например, *непра́вдà* 248б; в) не менее 50 раз находим два акцентных знака над одной словоформой; значительная часть таких написаний явно отражает акцентное колебание, например, *де́ржи́ть* 489, *на́ тѣле* 355б, *го́ловѫ* 454б; в нескольких случаях, возможно, отражено ритмичес-

---

[35] При этом, например, вместо II 17, II 21 пишется просто II 17, 21.

[36] Домострой по Коншинскому списку и подобным. К изданию приготовил А. Орлов, кн. 1. М., 1908.

[37] См. там же, с. 40-41 (первой пагинации).

[38] Однако относить говор памятника именно к Москве (как это нередко делают), по-видимому, специальных оснований нет.

кое ударение, например, *на́добѣ* 454 (NB *е*, а не *ѣ*), *ω^{ш} исто́чнико́въ* 500б, *ѡ́гнены* 43б, 275; в прочих случаях мы, по-видимому, имеем дело с неиктусной варией (ср. выше) и просто с ошибками.

Диалектологически значимые особенности таковы. Имеются десятки примеров смешения безударных *а* и *о*, а также безударных *е*, *ѣ* и *я* (но не *и*); для первого предударного слога отметим *инпѧти́го* 439 (ср. *инпети́го* 52б ter), *процади* 533б (при обычном *процеди*), *имѧнжють* 439, *столчаны* 511б (ср. *столчены* 529), *гореча* 453б, *воденая* 102 и др., *по деветѝ* 485, *по десети* 407. При этом, однако, под ударением *е* и *ѣ* почти не смешиваются[39]. Смешение *г* и *х*: *из рω^{х}* "из рогов" 27 (ср. *из рω^{г}* 245); *бжма́хж* 384, *гото́ще* (вместо *хото́ще*) 187, ср. сноску 17. Смешение *в* и *оу*: *оу неволи же* М.ед. 536б, *оу фистилж* "в фистулу" 131б, *вмали^{т}* "умалит" 455б и некоторые др. Встречается также написание *жк* вместо *кк*, *ш* вместо *щ*. Из области морфологии отметим: *-тъ* в 3-м лице презенса (наряду с более редким *-тъ*); инфинитив *рѡ́сти* 40, *ро́сти* 477; частое *-ово*, *-ова*, *-ѡ́ва* в Р.ед. (например, *аржанѡ́ва* 121б); *во оутробя* М.ед. 128б; *гнѣзды* И.мн. 140б; *ради* "рады" 288б, *равни* 148, *зна́еми* 106, *держи́ми* 319б; примеры типа *в себѣ* В. 147, *ис тебѣ* 489б (наряду с частыми *собѧ*, *себѧ*). Кроме того, показательны: *вишино́ю* "вышиной" 208б; *в ди́ржж* 330б, *ди́речки* 482, *диравы* 513б; *комарѝ* И.мн. 467б, В.мн. 57; *ве́сь нжтрь* 32 и др., *нжтрю* Д.ед. 330б и др., *нжтре^{м}* Д.мн. 32б. Не имея возможности разбирать здесь все эти факты с той же подробностью, что для Космографии, укажем лишь, что в своей совокупности они позволяют отнести говор Травника примерно к той же территории, что и говор Космографии (см. также Новые данные, § 3). Этот вывод подкрепляется тем обстоятельством, что акцентологическая система Травника весьма близка к системе Космографии (см., в частности, § 34-35).

Памятники Чуд., Мер., Цв., Дом. и Трав. мы ниже обозначаем, вместе с Космографией, как о с н о в н у ю г р у п п у. Эти памятники были обследованы нами относительно более полно и разносторонне. Они образуют главный источник материала для нашей работы.

§ 13. Материал прочих памятников используется ниже лишь там, где он в чем-либо существенно дополняет показания памятников основной группы.

В число таких дополнительных памятников входит прежде всего группа рукописей северо-западного происхождения, различающих /ɔ/ и /ô/ с помощью каморной системы (см. Новые данные, § 4, 5)[40].

[39] Замеченные случаи смешения: *в тби водѣ* 105, *сме́шена* 367б, *несозре́лы^{х}* 395 bis, *ис те^{х}* 395 (ср. также *не ме́шкая* 521).

[40] Одна из этих рукописей (Егор. ев.) не упоминается в работе Новые данные, поскольку наличие в ней каморной системы было обнаружено позднее.

Час. (или Часослов) - основной почерк (187 - 462) часослова, входящего в состав рукописи: Псалтирь с восследованием, ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 329. Этот почерк приходится на ту часть рукописи, которая по бумажным знакам (Лихачев № 1203 - 1485 г.; типа Piccard. Голова быка. Abt. XII, № 721 - 1484, 1485 гг.)[41] датируется последней четвертью XV в.

Пролог - второй почерк (3б - 127б) рукописи: Пролог, ГБЛ, ф. 354 (Вологодское собр.) № 19. Как гласит запись, в 1516 г. рукопись была послана в Вологду из Новгорода.

Егор. ев. - Евангелие учительное, лицевое; ГБЛ, ф. 98 (собр. Егорова), № 80. По оценке Н.Б. Тихомирова (устное сообщение), конец 1530-ых - начало 1540-ых гг. Один почерк во всей рукописи.

Муз. ев. - Евангелие-тетр, ГБЛ, ф. 178 (Музейное собр.), № 3650. Первая пол. XVI в. Материал этой рукописи цитируется по выпискам, сделанным Е.В. Тугай (см. Новые данные, § 5).

Помимо наличия во всех этих четырех рукописях каморной системы, которая, насколько в настоящее время известно, применялась именно в северо-западных областях, в них имеется и ряд других черт, хорошо согласующихся с такой локализацией (в частности, случаи смешения *ц* и *ч* в Часослове, Прологе и Егор. ев., написания с *жг* вместо *жд* в Прологе и др.). Эти рукописи обладают также целым рядом общих акцентологических особенностей (§ 33, 37, 38, 39, 41, 45, 46, 55).

В то же время между ними есть и некоторые расхождения диалектного характера. Так, в Егор. ев. наиболее отчетливо выражены акцентные особенности, свойственные западным говорам (см. § 34-36); кроме того, здесь встретились *воуже* "веревка" 470б, *воужемъ* Т.ед. 470б (на великорусской территории протетическое *в* перед *у* — юго-западная и псковская черта). Таким образом, Егор. ев. можно предположительно отнести к псковской зоне. С Егор. ев. в некоторых отношениях сближается Час. (ср. табл. 6). С другой стороны, Пролог и Муз. ев. обнаруживают в акцентуации некоторые черты сходства с более восточными памятниками (см. § 32, 38); соответственно, их допустимо связывать с восточной частью северо-западной зоны.

В некоторых случаях мы обращаемся также к материалу следующих памятников.

Фер. - Кормчая, так наз. Ферапонтовская; ГБЛ, ф. 98 (собр. Егорова), № 248. По-видимому, 1540-ые годы[42]. Один почерк во всей рукописи. Оригинальная орфографическая особенность: под ударением как правило пишется *і* (если это не начальная и не конечная буква словоформы), в прочих случаях - *и*, например, *никіфоръ, лисіца, кѡнѝ, ѝстъкнеть*. Имеются случаи смешения безударных *а* и *о*, безударных *е*, *ѣ* и *я*. Рукопись примечательна тем, что писец здесь был склонен при наличии двух вариантов ударения указывать

[41] Установлено Л.П. Грязиной; см. Новые данные, сноска 6.
[42] См.: Правда Русская, т. I. М.-Л., 1940, с. 235-236.

их оба; примеры: *прибѝтóкъ, рáзжмъ, дѡмѡ́ве, тáковдъ, свѡбѡ́дни, нарóчѝта, соýгжбо, гóркóмж, нóвáа, распя́тáго, недвѝжи́маго, запоýстѝть, дрóжѝтся, достóи́ть, протѝви́тся, ви́дя́щꙋ^{M}, слáвя́ще, припáдáетъ, напрáвля́ти, нé дáлъ, блюстѝся, прѝзвáни, свя́зáнъ, не послоýша́нъ, ѡ^{m}вéржéно* и ряд других. Нами обследованы: 468 - 556б, 748 - 853, 957 - 1001.

Ап. (или Апостол) - Апостол. М., 1564; старопечатная книга (печатники Иван Федоров и Петр Мстиславец).

Постн. - Триодь Постная. М., 1589; старопечатная книга (печатник Андроник Невежа, ср. выше Цв.).

Пс. - Псалтирь Максима Грека; ГБЛ, ф. 304, № 62. Первая пол. XVII в. Акцентуация южновеликорусского типа. Цитируется по работам В.А. Дыбо (Дыбо 1969б, Дыбо 1972а).

Ратн. - Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647; старопечатная книга. Цитируется по работе Х. Станга[43] (а также Дыбо 1972а).

Улож. - Соборное Уложение 1649 г. М., 1649; старопечатная книга.

Авв. - Житие Аввакума (автограф). По фототипическому изданию Пустозерского сборника[44].

Не имея возможности рассматривать здесь систему надстрочных знаков каждого из названных памятников, отметим лишь некоторые особенности, которые необходимо учитывать при извлечении акцентной информации. В Час., Егор.ев. и Муз.ев. знак ` над конечной неприкрытой гласной[45] не является знаком ударения (ср. *живоѐ, ѡ сѝ́рноѝ* и т.п.); соответственно, такие написания, как, например, *твоѐ, твою*, не несут акцентной информации. В Прологе неиктусная вария почти не встречается (отмечено всего несколько примеров); в более поздних памятниках встречаются лишь ничтожные ее следы (ср. § 6 о Косм.). В Муз.ев. и Фер. комбинация знаков ᷅ (так наз. исо) над начальной гласной может не передавать ударения, ср. *а᷅враáмъ*. В Час. и Фер. знак ударения обычно вытесняет спиритус (а не сочетается с ним); в Час., Фер. и реже в Прологе иногда вместо спиритуса находим оксию, например *ѡ́вчáти* (ср. выше о Травнике). В Авв. в функции спиритуса выступает точка, прикрытая сверху знаком типа каморы; знак ударения при наличии спиритуса не ставится. Распределение "вария над конечной гласной, оксия в прочих случаях" соблюдается в целом довольно точно. Однако в Час. часто встречается оксия над

---

[43] *Stang Chr.* La langue du livre "Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей". - Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, II. Hist.-Filos. Klasse., 1952, № 1.

[44] Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975.

[45] Этот знак есть либо вария, либо так наз. "долгая" (которая длиннее вария и располагается более полого); однако надежно разграничить эти два знака обычно не удается.

конечной гласной (даже чаще, чем вария); в Егор.ев., напротив, нередки примеры варии над неконечной гласной. В Ап., Постн., Пс., Ратн. и Улож. представлена обычная "старопечатная" система.

В настоящей работе при цитировании всех памятников соблюдаются те же принципы передачи букв и надстрочных знаков, что и для Космографии (§ 5, 6); но для Чуд., ввиду его особенностей (§ 12), сохраняем спиритус, когда он сочетается со знаком ударения.

Разбор материала Космографии

§ 14. Ниже при записи словоформ русского языка XIV-XVII вв. (если это не цитата из памятника) используется несколько идеализированная орфография, отражающая состояние после падения и прояснения редуцированных. В ней, в частности, не различаются *е* и *є* (*ѥ*), *о* и *ѡ*, *и* и *і*, *у* и *оу* (*ѹ*), *я* и *ѧ* (пишутся соответственно *е*, *о*, *и*, *у*, *я*). Для инфинитивов за норму принят исход на *-ти* (*-чи*), для 3 ед. и 3 мн. презенса – на *-ть*, для 2 ед. – на *-шь*. Ударение обозначается варией (над конечной гласной) и оксией (в прочих случаях)[46].

В списках глаголов (но не в цитатах из памятников) каждый глагол представляет, если прямо не оговорено иное, не только себя, но и все свои приставочные производные. В длинных списках глаголы расположены по алфавитному порядку корней.

В выписках из памятников словоформы на *-ить*, *-еть* относятся, если прямо не указано иное, к 3 ед. презенса (а не к инфинитиву, как в примерах из современного языка), словоформы на *-имъ*, *-емъ* – к 1 мн. презенса.

При подсчетах знак × заменяет слово "раз". Если подсчет дан после серии примеров, при которых нет ссылок на страницы (или подсчетов), он означает сумму по всей серии. Запись "и др." после ссылки на страницу памятника означает (в отличие от записи "и др. формы"): "и на других страницах".

§ 15. Структура глагольной парадигмы (не считая аналитических форм) в языке Космографии такова. Личные формы: изъявительное наклонение - презенс и прошедшее время (прежний перфект); повелительное наклонение. Неличные формы: инфинитив, деепричастие презенса (на *-я* и на *-ючи*, *-ячи*), деепричастие прош. времени, страдательное причастие прош. времени (употребительны лишь краткие формы; полные очень редки).

Все прочие формы, известные из других памятников этой эпохи, для языка Космографии неактуальны и в настоящей работе не рассматриваются. В частности, писец Космографии совершенно не владеет аористом: из полутора десятков встретившихся форм аориста половина употреблена с ошибкой в лице или в числе. Таким образом, мы имеет дело с глагольной системой, характерной для нецерковных памятников

[46] Но в примерах из современного языка ударение обозначается, как обычно, единым знаком.

рассматриваемой эпохи; эта система весьма близка к современной.

Ниже мы будем пользоваться следующей номенклатурой морфологических классов глаголов. Как к о р н е в ы е обозначаются глаголы, у которых показатель инфинитива присоединяется непосредственно к корню (например, *дати, бити, пѣти, нести, беречи*), а также глаголы на *-ети, -оти* (например, *мерети, колоти*). Корневые глаголы подразделяются на V-корневые (инфинитив оканчивается на гласную + *ти*) и C-корневые (инфинитив оканчивается на согласную + *ти* или на *-чи*). Подразделения некорневых глаголов: *aj*-глаголы – инфинитив на *-ати*, презенс (3 ед.) на *-аетъ*; *ěj*-глаголы – соответственно *-ѣти, -ѣетъ*; *ova*-глаголы – *-овати* (где *-ова-* – суффикс), *-уетъ*; *a*-глаголы – прочие на *-ати, -етъ* (например, *писати, пишетъ, брати, береть, совати, суетъ*); *i*-глаголы – *-ити, -итъ*; *ě*-глаголы – *-ѣти* (*-ати* после шипящих и *j*), *-итъ*; *nǫ*-глаголы – *-нути, -нетъ* (не входит в перечисленные классы лишь несколько изолированных глаголов).

Назовем т е м а т и ч е с к и м и э л е м е н т а м и (у некорневых глаголов): в основе инфинитива – морфемы *-а-, -ѣ-, -ова-, -а-, -и-, -ѣ-, -ну-* (соответственно классу некорневых глаголов); в основе презенса – *-aj-, -ěj-, -uj-, -н-* соответственно у *aj-, ěj-, ova-, nǫ*-глаголов (в прочих классах в презенсе тематический элемент не выделяется). Обозначим ударение, падающее (в некоторой словоформе) на тематический элемент, как т е м а т и ч е с к о е.

Для описания прош. времени и некоторых других форм нам потребуется также понятие п р е д ф л е к с и о н н о г о ударения, которое объединяет тематическое ударение у некорневых глаголов и корневое ударение у корневых глаголов.

§ 16. С синхронической точки зрения глагольная акцентуация в Космографии может быть в наиболее общих чертах охарактеризована так. В системе презенса противопоставлены три акцентных парадигмы: *a* – неподвижное наосновное ударение, *b* – смежно-подвижное, *c* – маргинально-подвижное (вариантом которого может выступать также чисто флексионное ударение), ср. § 3; при этом, однако, не во всех морфологических классах представлены все три а.п.

Характер ударения в прош. времени и других формах вне презенса в нормальном случае однозначно определяется ударением презенса и морфологическим классом глагола (хотя при этом и необязательно, чтобы ударение, например, прош. времени оказалось того же типа, что ударение презенса). Имеются, однако, некоторые отклонения от этого общего принципа. Во-первых, в классе C-корневых глаголов в Косм. (как, впрочем, и в других русских "точечных" системах) при одной и той же акцентовке по а.п. *c* в презенсе в прош. времени у одних глаголов представлено предфлексионное ударение, у других – флексионное. Во-вторых, в Косм. нет связи между акцентовкой системы презенса и акцентовкой остальных форм у тех корневых и *a*-глаголов,

Таблица 1

А.п. презенса / Морф. класс	*a*	*b*	*c*	
			с предфлексионным ударением в прош. времени	с подвижным или флексионным ударением в прош. времени
aj-, *ěj-* и *ova*-глаголы	копа́е[T] копа́ли	–	–	
ě-глаголы	уви́ди[T] уви́дели	–	держи́т держа́ли	–
i-глаголы	уда́ри[T] уда́рили	во́зя[T] вози́ли	(см. § 24)	говоря́т го́ворили
a-глаголы	порѣ́же[T] кли́кали	пи́ше[T] писа́ли	–	емле́шъ и́мали
V-корневые глаголы	доста́ну заста́ли	–	–	живу́т не́ жили
C-корневые глаголы	слѣ́зе[T] лѣ́зли	мо́гу[T] моглѝ	покладу́ть накла́ли	блюдете́ся привелѝ

которые имеют в презенсе неслоговой корень (*шле*[m], *по́шле*[m], *у́чне*[m] и т.п.). Все такие презенсы акцентованы в Косм.: без приставки – по а.п. *c*, с приставкой – по а.п. *b* (см. § 18). Между тем в прош. времени здесь возможны акцентные различия, например, *посла́лъ*, *посла́ла*, но *у́чалъ*, *учала̀*.

Табл. 1 демонстрирует основные акцентные противопоставления в глагольной системе Космографии. Глаголы, имеющие в презенсе неслоговой корень, в таблице не отражены. Не отражены также *nǫ*-глаголы (ввиду недостатка материала).

§ 17. Переходим к разбору материала Космографии[47]

[47] Глаголы с приставкой *вы-* в § 17–31 не рассматриваются (и не учитываются те акцентные модели, которые представлены только такими глаголами); см. § 59.

Презенс

Акцентуация презенса в Косм. иллюстрируется табл. 2.

Для а.п. *a*, представленной очень большим числом глаголов (в основном производных), ограничимся немногими примерами (ссылки неполны)[48]: I спряжение – *бу́дете* 91б, *добу́ду* 106б, *дви́нется* 86б, *не дивую́ся* 104, *не зна́ю* 80б, *има́е*^{т} 80б, *има́ю*^{т} 46, *поима́ю*^{т} 41б, *прииа́ю* 94б, *прїима́е*^{т} 57б, *не имѣ́ю* 94б, *вки́ну*^{т} 41б, *роски́не*^{т}*ся* 29, *копа́е*^{т} 145б, *кро́ю*^{т}*ся* 2, *мо́ю*^{т} 177, *мо́ю*^{т}*ся* 21, *впа́дае*^{т} (часто), *пла́вае*^{т} 52, *порѣ́же*^{т} 122, *ста́вляю*^{т} 176б, *ста́не*^{т} 122, *ста́не*^{м} 77, *ста́ну*^{т} 157, *доста́ну* 72б, *состарѣ́е*^{т}*ся* 3б, *заста́не*^{т} 122, *ча́ете* 106б, *ча́ю*^{т} 31б, *ѣ́дете* 84, *поѣ́де*^{т} 39б, *прїѣ́дешъ* 129; II спряжение – *ви́жу* 150б, *ви́дите* 75б, *увѝди*^{т} 21, *увѝдя*^{т} 77, *не вѣ́ря*^{т} 31б, *уда́ри*^{т} 118, *уда́ри*^{м} 91, *гото́ви*^{т}*ся* 74, *кручи́ни*^{т}*ца* 96, *мы́сля*^{т} 88б, *спо́мни*^{т} "вспомнит" 88б, *слы́шите* 106, *ста́вя*^{т}*ца* 174, *чи́стя*^{т} 188, *ѣ́здя*^{т} 2б.

§ 18. Материал по а.п. *b*. I спряжение: *вѣ́жу*^{т} 26б, *идѫ̀* 150б, *и́дешъ* 58б, *и́де*^{т} (часто), *и́де*^{м} 68, 91, *и́ду*^{т} (часто); *и́мутъ* 174б; *и́цу*^{т} 88б; *коли́ше*^{т} 26б; *ку́плю*^{т}*ся* "купаются" 26б; *пома́ше*^{т} 118; *не могѫ̀* 162б, *мо́гу*^{т} 104б и др., *помо́же*^{т} 82, *не помо́гу*^{т} 105б; *ѡ*^{т}*ка́ж-е*^{т} 40, 58б, *-у*^{т} 117б, *покажѫ̀* 105б, *пока́же*^{т}*ца* 187, *ска́ж-ешъ* 67б, *-е*^{т} 58, *-у*^{т} 58; *па́шу*^{т} 2, 173; *пи́ш-ешъ* 80б и др., *-е*^{т} 39б и др., *-у*^{т} 67б, *не спи́шу*^{т}*ся* 1. Сюда же *хо́чеш ли* 87, *хо́че*^{т} 40б и др., *похо́ч-е*^{ш} 102б, 105б, *-е*^{т} 17б, 128 (см. § 51, замеч.); отметим еще *хо*^{ш} 102б. О *до́хне*^{т}, *взля́гне*^{т}, *при́сне*^{т} см. § 58.

Особо выделим случаи, где основа презенса состоит из приставки и неслогового корня: *взо́иде*^{т} 28б bis, 86, *не изо́иде*^{т} 160, *на́иде*^{т} 16, *на́иде*^{м} 89, *прїи́де*^{т} 105б, *при́ду*^{т} 150, *по́иде*^{ш} 63, 167, *не по́идеш* 80, *по́иде*^{т} 86б, 128, 161, *по́иде*^{м} 109б, *по́иду*^{т} 94б, 97, 155, *не со́иде*^{т}*ся* 1, *со́иде*^{т}*ца* 178, *у́иде*^{т} 2б; *не́име*^{т} 21, *во́зме*^{ш} 68, *во́зме*^{м} 84б, *во́зму*^{т} 41б, *не за́име*^{т} 94б, *со́име*^{т} 118; *на́лье*^{т}*ся* 28б; *у́мре*^{ш} 68, *у́мретъ* 81б, *у́мре*^{т} 3б, *ѡбу́мру*^{т} 54; *пошлю́* 80, *по́шле*^{т} 16; *на́чну*^{т} 58б, *по́чне*^{т} 73, *у́чне*^{т}174б, 184, *у́чнете* 88б, *у́чну*^{т} 26б, 93б. Презенсов такой структуры с флексионным ударе-

[48] Здесь и далее помета "ссылки неполны" означает, что указываются не все вхождения цитируемой словоформы в текст (обычно лишь одно).

Таблица 2

А.п.		*a*	*b*	*c*
ед.	1	зна́ю, ви́жу	иду̀, пошлю̀	1) учю̀, бою́ся, 2) го́ворю
	2	прїѣ́дешъ	и́дешъ	емле́шь, ѡбрати́шся
	3	поѣ́де^{т}, уви́ди^{т}	и́де^{т}, спро́си^{т}	лежи́тъ
мн.	1	ста́не^{м}, слы́ши^{м}	и́де^{м}, ѡсту́пи^{м}	терпи́мъ
	2	ѣ́дете, ви́дите	у́чнете	блюдете́ся, положитѐ
	3	ста́ну^{т}, вѣ́ря^{т}	и́дут^{т}, хо́дя^{т}	зову́тъ, бо́ятся

нием (не в 1 ед.) в Косм. не встретилось; неакцентуированные *побїе*^{м} 106б, *дожде*^{м}*ся* 61б двусмысленны.

II спряжение: *боро́ня*^{т}*ся* 57б, 64; *ся во́дя*^{т} 158; *во́зя*^{т} 126б и др., *во́зи*^{т}*ца* 151, *приво́зя*^{т} 4, 34 и др.; *воло́ча*^{т}*ся* 22; *воро́ти*^{м}*ся* 61б; *ко́рмя*^{т} 122б, 177, *ко́рмя*^{т}*ся* 42б, *вско́рмя*^{т} 190б; *ку́пи*^{т} "покупает" 39б; *налу́пи*^{т}122; *полю́бя*^{т}*ся* 40; *мо́л-тся* 175б, -^{т}*ца* 177; *но́ся*^{т} 12, 63б, 65б, *но́си*^{т}*ся* 17; *свѣ́тить* 127б; *смо́три*^{т} 1б; *спро́си*^{т} 58 и др.; *ѡсту́пи*^{м} 112б; *хва́ля*^{т} 17bis; *хо́дя*^{т} 41, 43 и др., *исхо́ди*^{т} 14, *ѡбхо́ди*^{т} 24, *перехо́ди*^{т} 125б, *прихо́д-и*^{т} 15б и др., -*я*^{т} 188б, *прохо́ди*^{т} 121, *не схо́дя*^{т} 57б, *схо́дя-тся* 55, -^{т}*ца* 126б, 135. Вероятно, сюда же *че́рня*^{т} 42 (ср. § 47), *посо́би*^{м} 73. Менее ясны *кра́ся*^{т} 10б, 43 (а.п. *b* или *a*, ср. § 48), *во́зри*^{т} 158.

§ 19. Материал по а.п. *c*. В 1 ед. находим: 1) *сотворю̀* 102, *не сотворю̀* 104б, *стою̀* 105б, *учю̀* 114, *не бою́ся* 101б (вероятно, сюда же *помщу̀* 106б); 2) *го́ворю* 114 (единственный пример). Отметим еще *терплю* 80б (без ударения).

2 мн.: *блюдете́ся* 106, *положитѐ* 183б, также *хотитѐ* 88б, 94б, 106, *похотитѐ* 33б, *здадитѐ* 88б.

Прочие формы, к сожалению, в большинстве случаев оказываются неакцентуированными, так как постановке знака ударения мешает выносная буква. Акцентуированы только: *емле́шь*[49] 80б, *живу́т* 180, *зову́тъ* 189б, *зову́тся* 10б, *покладу́тъ* 54; *бо́ятся* 77б, *не ѡбрати́шся* 80, *говоря́т* 118б, *держи́т* 117б, *держи́*^{т} 32, *не держи́*^{т} 39б, *лежи́тъ* 16, *лучи́тся* 2б, 179б, *роди́тся* 10б, 53, 185, *терпи́мъ* 186б, также *хоти́мъ* 106б (отметим еще повел. *здади́мъ* 89). Далее, акцент-

[49] Но встретилось также и *пое́млю*^{т} 182б.

но значимы (ввиду *е* на месте *ѣ*, ср. сноску 20) *прибежи*^{т} 35б, *розбежа*^{т}*ся* 3 мн. 57 (ср. *бегу*^{т} 136б, с другим окончанием), *дели*^{т} 124б, 134, 141, 146, *покрепи*^{т} 118, *перемени*^{т}*ся* 51б.

Приведенные выше акцентуированные написания поддерживаются также многочисленными неакцентуированными (ср. § 7), в частности: *говор-и*^{т} 117б, *-я*^{т} (часто), *взговори*^{т} 40, *приговоря*^{т} 103б, *держ-и*^{т} (часто), *-а*^{т} (часто), *ѡдержи*^{т} 63, *приложи*^{т} 19, *ро*^{з}*ложа*^{т} 122, *род-и*^{т}*ся*, *-и*^{т}*ца*, *-я*^{т}*ся*, *нарóди*^{т}*ся* (часто), *терпя*^{т} 174 и т.п.; особо отметим *емле*^{т} 57, *емлю*^{т} 16, 54, *не емлю*^{т} 41б (ср. сноску 57). Из прочих написаний подобного рода укажем: *варя*^{т} 51б, 52б, 122, *городи*^{т} 24б, *дружа*^{т} 187, *ловя*^{т} 15б, 51б, 145б, *пусти*^{ш} 102, *спусти*^{т} 29, *росполи*^{т}*ся* "разольется" (о реке) 21 bis, *стои*^{ш}, *стои*^{т}, *стоя*^{т} (51б, 53, 71 и др.), *чини*^{ш}, *чини*^{т}, *чиня*^{т}, *учини*^{т}, *учини*^{м} (84б, 105, 118 и др.); особо отметим *виси*^{т} 24, 128, 190б, *вися*^{т} 119 (ср. § 46).

Повелительное наклонение

§ 20. В повелительном наклонении в Косм., как обычно, глаголы а.п. *а* имеют безударное *-и*, глаголы а.п. *b* и *c* – ударное. Примеры: *бýди* 114 bis, *стáни* 83б, *пóмни* 101 и др.; *соимѝ* 67б, *возмѝ* 114, *молúся* 114, *пошлѝ* 72б и др., *пошлúте* 33б; *держѝ* 114, *не губѝ* 114, *не емлѝ* 114, *припадúте* 91. С редукцией *-и* до нуля находим, частности: *не кручúнся* 101, *мо*^{л}*вте* 85, *не пóрте* "не портите" 77, *не бóитеся* 106б и др., *смѣ́ятеся* 106б. Особо отметим странное *ѡ*^{т}*пýстъ* "отпусти" 80б (с *ъ* вместо *ь*).

Деепричастия презенса

§ 21. Акцентуация деепричастий презенса показана в таблице 3 (из таблицы видны также некоторые особенности распределения двух типов деепричастия).

Деепричастия от глаголов а.п. *а*. Для многочисленных *aj-*, *ěj-* и *ova*-глаголов ограничимся немногими примерами (ссылки неполны): *воюючи* 49б, *впрягáючи* 56б, *не вѣ́дающи* 23, *жáлующи* 80, *имѣ́ючи* 181б, *покáзываючи* 27, *прошá-*^{т}*чи* 71; *дивýючися* 39б, *гоняючи*^{с} 94, *рáдующися* 75, *убереráючи*^{с} 45б; *гоняѧ* 56б, *нае*^{з}*жáя* 70, *начúнивая* 177; *надѣ́ятся* 109б, *рáдуются* 129б. С основами иной структуры: *бýдучи* (часто), *клúчючи* 91б, 94, *чáючи* 93, 115 и др., *ѣ́дучи* 46б, 58б и др.; *вúдячи* (очень часто), *слы́шачи* 24, 67, 68, *по-*

Таблица 3

А.п. презенса		*a*		*b*		*c*	
		I спряж.	II спряж.	I спряж.	II спряж.	I спряж.	II спряж.
*-учи, -ячи**	не-возвр.	бу́дучи, вѣ́дающи	ви́дячи	1) идучѝ, 2) пи́шучи	1) просячѝ, 2) ту́жа^{т}чи	беручѝ	стоючѝ
	возвр.	гоня́ючи^{с}	–	–	–	бьючи́ся	–
-я	не-возвр.	гоня́ѧ покиня	ви́дя, ви́дя	–	просѧ, излюбя	–	1) говоря́, роспустя́, 2) сто́я, по́норовя
	возвр.	надѣ́ѧся	закручи́няся	–	проси́ся, ѡборотя́ся	блюдя́ся	бо́ѧся, зговоря́ся

*Нередко вместо *-учи, -ячи* пишется *-у^{т}чи, -я^{т}чи*.

сли́шачи[50] 67б, *бздячи* 189; *ви́дя* (часто), *ви́дя* 71, 73б и др., *не вѣ́ря* 79, *поки́ня* 152б, *сли́ша* 73б, *усли́ша* 72, 155, *ѡста́вя* 86б, 89б и др.; *закручи́няся* 87. Отклонение: *видячѝ* 100б, 101 (по-видимому, под влиянием колебаний между корневым и конечным ударением в а.п. *b*).

А.п. *b*. I спряжение: 1) *идучѝ* 2б, 12б, 44б, 64б, 90, 127б, *не могучѝ* 111б; 2) *и́щучи* 68, *пи́шучи* 98б, *ска́чючи* 86б.

II спряжение. Суф. *-ячи:* 1) *приеодячѝ* 102, *гонячѝ* 114б, *носячѝ* 11, *просячѝ* 67б, 96, 100, 166б, *служачѝ* 174б, *ходячѝ* 25, 26; 2) *ту́жа^{т}чи* 157б, *хва́ля^{т}чи* 157б (отметим еще неакцентуированные *прося^{т}|чи* 163б, *ходячи* 96). Суф. *-я: возводя* 89, *не любя* 72б, *излюбя* 159, *прося* 97, 99б, *не смотря* 86, *посмотря* 149б; *оборотя́ся* 101, *моля́ся* 96, 110б, *проси́ся* 112б.

Можно заметить, что в Косм. у глаголов а.п. *b* деепричастия на *-чи* (кроме *служачѝ*) имеют конечное ударение, если в праславянском корень содержал краткую гласную, и корневое – если долгую (*ид-* < **jьd-*, в отличие, например, от *иск-* < **(j)isk-*, ср. чешск. *jdu* и *jískat*).

А.п. *c*. I спряжение: *беручѝ* 186б, *берегучѝ* 97, *даючѝ* 26, 91, 108, *ѡ^{т}даючѝ* 113б, *емлючѝ* 23б, 170 (ср. *емле́шъ* § 19), *живучѝ* 119, 117, *пловучѝ* 50, *секучѝ* 7б, *то^{л}кучѝ*

[50] По-видимому, единственный пример деепричастия на *-учи, -ячи* от глагола совершенного вида.

27 (ср. также *бегучѝ* 39б); *берегучи́ся* 71, 113, *бьючи́ся* 86, *бью*^{т}*чи́ся* 87, *блюдя́ся* 92, 165.

II спряжение. Суф. *-ячи: говорячѝ* 13б, 61, 118, 171б, *держачѝ* 117б, *стоячѝ* 38б, сюда же *хотячѝ* (14×: 30, 57, 60, 98б и др.); *бо*^{т}*чи́ся* 93 (ср. *бо*^{т}*чи*^{с} [3×]). Отклонение: *си́дячи* 118 (вероятно, под влиянием *си́дя*, см. ниже).

Суф. *-я*. У невозвратных: 1) *говорѧ* 72б, 115, *роспустѧ* 43, *нарыдѧ* 67б, *урядѧ* 83б, сюда же *хотѧ* "volens" 72б bis, 78б, 79б, 112, *не хотѧ* 72, 73 (ср. также *хотѧ* "velut" 25, 42б и др.); вероятно, сюда же *не губѧ* 69б (менее ясно *ростопѧ* 86); 2) *ле́жа* 38б, *си́дя* 34, 74, 156б, *сто́я*[51] 186б; *и зго́воря* 71б (менее вероятно прочтение *изго́воря*), *по́норовя* 151. По-видимому, архаичная начальная акцентовка (группа 2) уже была закреплена в говоре Космографии за ограниченным списком словоформ (ср. ударение *ле́жа, си́дя, сто́я* в современном литературном языке). У возвратных: *бо́ися* 107б, 156, *не бо́ися* 152б, *зговоря́ся* 73б, 163, *помиря́ся* 97, 148б, 165б, *не вошружа́ся* 151б; вероятно, сюда же *дивя́ся* 39б, *удивя́ся* 92, *крестя́ся* 176.

Прошедшее время

§ 22. Прошедшее время в Косм. представляет наибольший интерес для акцентолога. При этом самым ценным оказывается материал по *i*-глаголам.

i-глаголы

В прош. времени *i*-глаголов четко противопоставлены три типа акцентовки, показанные в таблице 4.

Наосновное (но не тематическое) ударение представлено в случаях: *прибáви*^{л} 150; *перепровáдили* 39; *прои*^{з}*вóли*^{л} 180б, *-ли* 171; *не вѣ́ри*^{л} 72б, *вѣ́рили* 135б; *гото́ви-лся, -ли*^{с}, *изгото́ви*^{л}, *-лися, нагото́вили* (33б, 86б, 102, 189 и др.); *погра́били* 102; *уда́ри*^{л}, *-ла, -ли, -лся, -ло*^{с}, *-лися* (часто); *жа́лили*^{с} "жаловались" 27б; *кручи́ни*^{л}*ся* 92, *закручи́нили*^{с} 58; *по́мни*^{л} 118, *попо́мни*^{л} 80; *мо́лви*^{л} 81, 89; *мы́сли*^{л} 97, 150б, *-ли* 85б, *умы́слили* 160б; *розмѣ́ри*^{л} 62; *мѣ́тили* 169б; *изнево́ли*^{л} 34б, 37; *уни́зилъ* 14б; *сплемя́ни*^{л}*ся* 183; *испо́ртили* 93б; *проти́ви*^{л}*ся* 95; *ра́ни*^{л} 71б, 101, *-ли* 27 bis и др.[52]; *посро́чили* "договорились" 98; *ста́ви*^{л}, *-ли, ѡста́ви*^{л}, *-ли, поста́ви*^{л}, *-ла, -ли, ро*^{з}*ста́ви*^{л}, *-ли, уста́ви*^{л}, *-ли* (часто); *устро́или* 96; *встрѣ́ти*^{л}*ся* 39, *стрѣ́тили*

---

[51] Чтение *стоя* 157 ненадежно.

[52] Единичное *по́|ранили* 84 – либо просто ошибка, либо отражает ударение, возникшее под влиянием глаголов а.п. *с* (по пропорции типа *чи́нили : по́чинили = ра́нили : x*).

Таблица 4

		Неподвижное ударение		Маргинально-подвижное ударение
		наосновное не тематическое	тематическое	
Не возвратные	ед. м.	уда́ри^{л}	ωступи́лъ	пу́сти^{л}, на́пусти^{л}, не́ говори^{л}
	ж.	уда́рила	исходи́ла	пустила̀, уловила̀
	с.	–	приходи́ло	ώпустило
	мн.	уда́рили	приходи́ли	пу́стили, не́ пустили, при́говорили
Возвратные	ед. м.	уда́рился	борони́лся	*обычно без знака ударения*: пустился (см. § 24)
	ж.	ро^{з}ши́рила^{с}	ωкр^{с}ти́лася	розгородила́ся
	с.	уда́рило^{с}	полюби́лося	прилучило́ся
	мн.	уда́рили^{с}	борони́лися	пустили́ся, договорили́ся

95б, *стр҃тилися* 110; *ро^{з}ши́ри^{л}, -ла^{с}, -ли^{с}, ра^{з}ши́ри^{л}, -ла, -ло^{с}* (33, 53, 137, 164б, 167б и др.); *҃зди^{л}, -ла, -ли* (часто); вероятно, сюда же *пря́жили* "жарили" 179.

Такое же ударение в *устра́ши-^{л}ся* 74, *-лися* 180, *-ли^{с}* 189 (ср. *устра́ша^{т}ся* 61, а также *устра́шая* 106б); однако *устраши́ти* 84б показывает, что здесь было колебание между а.п. *a* и *b* (или *c*). Колебание представлено также в случаях *не ру́шилися* 77, *не руши́лося* 110.

§ 23. Тематическое ударение в прош. времени (без колебаний) представлено у нескольких групп глаголов.

1. Основная группа: глаголы, которые обнаруживают в самой Косм. (§§ 18, 31) или в других памятниках (§ 47, 48) акцентовку по а.п. *b*: *бороно́-лся* 105, *-лися* 113б, 116, *-ли^{с}* 180, *ωборони́ли* 92, 115б bis, 173б; *вози́ли* 93б, *привози́ли* 191; *приводи́ли* 26; *вороти́-ли* 38, *-лися* 62, 153, *-ли^{с}* 86б, *ωвороти́ли^{с}* 94; *искази́ли* 143; *казни́лъ* 187б; *ω^{т}купи́лися* 33; *укуси́ла* 33; *изломи́лося* 71б; *лупи́ли* 95б; *полюби́ли* 69, *полюби́лося* 22б, *улюби́лося* 157б; *помоли́лся* 18б; *носи́ли* 115, 153, *приноси́ли* 7б, *сноси́ли* 7; *плоди́лися* 179б, *ра^{з}плоди́-лося* 9, *ро^{з}плоди́-ло^{с}* 158, *-лися* 169, *-ли^{с}* 172, *росплоди́-лися* 119; *проси́-ли* 69, 186б, *-лися* 72б, *-ли^{с}* 72, *упроси́-ла* 37, *-ли* 61, 98б, 156б; *ωбруби́лися* 153б; *ωсв҃ти́ла* 34;

ω^{б}скочи́ли 109, *прискочи́ли* 84; *служи́ли* 178б; *смотри́ло* 71б, *ωсмотри́ли* 73б, 87б (ср. также *вы́смотри́ли* 73б, с двумя знаками ударения); *ωступи́-лъ, -ло, -ли, ω^{б}ступи́ли* (*ω^{п}ступи́ли*), *ω^{т}ступи́-ло, -ли, приступи́ли* (17×: 12, 52, 75б, 115б, 142б и др.); *истоми́-лися* 92, 96б, *-ли^{с}* 86б, 92б, 94, *поистоми́лися* 83б; *расточи́ли* 9б; *тужи́ли* 158; *хвали́ли* 138, 140, *не хвали́лися* 23б; *похвати́ли* 87б, 98, *ухвати́ли* 190б; *ходи́-ло* 191, *-ли* 50, 170б, *исходи́-ла* 141, 141б, *-ло* 7, *переходи́ли* 170, *понаходи́ли* 178б, *приходи́-ло* 14, 117, *-ли* 148б, 149, 179б, *не сходи́ли* 30; *похорони́ли* 28б, 115. Сюда же примыкают многочисленные неакцентуированные написания: *ωбороня^{л}*, *(по)вороти^{л}*, *вороти^{л}ся*, *(и^{з})люби^{л}*, *(у)проси^{л}*, *(при)скочи^{л}*, *ωсмотри^{л}*, *усмотри^{л}*, *ω^{б}ступи^{л}* и т.п., *похвати^{л}*, *(при)ходи^{л}* и другие; ср. также *корми^{л}*, *прекорми^{л}* и т.п., *поизрони^{л}*, *пособи^{л}*.

2. Глаголы, которые обнаруживают в других памятниках (§ 49) акцентовку по а.п. *с* (а в самой Косм. их презенс не засвидетельствован): *ро^{з}громи́ли* 39; *диви́лся* 81, *подиви́ли^{с}* 150б, *удиви́лися* 182; *заживи́ли*[53] 101; *разори́ли*[53] 140; *плени́ли* 104 (ср. также *плени^{л}* 106, 107, с *е*, а не *ѣ*); *ωслепи́ли* 36б; *всели́лися* 19б. См. об этой группе § 24. В *мсти́ла* 34 тематическое ударение, вероятно, объясняется влиянием словоформ **мсти́лъ, -о, -и*.

Особо следует выделить: *кр^{с}ти́лася* 34, 162б, *кресте́лися* 18б, 118, *кр^{с}ти́-лися* 53б, 111б, *-ли^{с}* 50, *ωкр^{с}ти́лася* 163 (ср. *ωкрещенъ* 136 – по а.п. *с*); см. § 24.

§ 24. Маргинально-подвижное ударение представлено в следующих случаях.

1. Без колебаний: *побранили́ся* 111б; *го́вори^{л}* (25×: 38, 58б, 62, 71 и др.; также *го́воли^{л}* 88 [с опиской]), *не́ говори^{л}* 91, *говорила̀* 38б, *го́ворили* 89, 183б, *договорили́ся* 37б, *зго́вори^{л}* 85, *зго́ворили* 91, *и зго́ворилъ* (менее вероятно прочтение *изго́ворилъ*) 88б, *и зго́вори^{л}* (менее вероятно *изго́вори^{л}*) 50, 94б, 101, *при́говорили* 83, 103, *ро́зговори^{л}* 89; *розгородила́ся* 145б; *да́ри^{л}* 89б, 100, 176б, *да́рили* 29б, 176, 176б; *ω^{т}катила́ся* 18б; *уловила̀* 182; *ώбложи^{л}* 34б, *по́ложи^{л}* 34, 82б, 162 bis, 169, *сло́жили* 169б, *у́ложили* 83; *прилучило́ся* 94; *по́мори^{л}* 45; *но́рови^{л}* 72, *не́ норовили* 162; *по́и^{л}* 2; *про́сти^{л}* 99б; *пу́сти^{л}* 37б, 66, 91б, 107, 189 (также 182, где по контексту уместнее мн. число), *пустила̀* 33б, *пу́стили* 75, 116, *не́ пустили* 75 bis, 85,

[53] Знак ударения не вполне надежен.

пу́сти^{Л}|*ся*[54] 175, *пустили́ся* 107, *на́пусти*^{Л} 78 bis, 81, 87б, 110, 156, *на́пустили* 94, *ѡ́пустило* 31, *по́пусти*^{Л} 98, 183б, *при́пустили* 96, *про́пусти*^{Л} 102б, *у́пустили* 92; *роди*^{Л}|*ся* 4б; *со́руди*^{Л} 34б, 65, *со́рудили* 7; *ѡ́садили* 89, *по́сади*^{Л} 37 bis, 74, *по́садили* 59б, 156б; *по́спѣшили* 150б; *у́чи*^{Л} 4б, 162, *на́учи*^{Л} 35, 56, 77б, 114, *научили́ся* 160; *на́ви*^{Л} 170.

2. Группа с колебаниями в сторону тематического ударения. Встретились с маргинально-подвижным ударением: *ѡ*^{т}*-делила̀* 18, *раз*^{д}*елила̀* 25б, *ро́з*^{д}*елили* 172, *ра́зделили* 36; *у́крепи*^{Л} 105, 111, 113 bis, *у́крѣпи*^{Л} 104, *укрепили́ся* 155б, *укрѣпили́ся* 164б; *и́змени*^{Л}[55] 70б; *за́стрели*^{Л} 112, *по́стрели*^{Ли} 181; *со́творили* 116; *потопила̀* 33б; *чи́ни*^{Л} 187, *не́ чини*^{Л} 171б (также *не́ чини*^{М} 151, с *м* вместо *л*), *чи́нили* 27б, 96б, 153б, 169б, 183 bis (также *чи́нилъ* 103, с *ъ* вместо *и*), *по́*||*чини*^{Л} 36б, *по́чинили* 103, 104, *у́чинилъ* 169б, *у́чини*^{Л} 69, 77, 78б, 83, 90б, 93, 187, *не́ учини*^{Л} 60б, 87, *у́чинили* 61б, 106, 112б, 153, 154, 155, 164б, *учинила́ся* 88. Встретились с тематическим ударением: *раз*^{д}*ели́ли* 32б, *раз*^{д}*ели́лася* 13б; *покрепи́лъ* 9; *и*^{з}*мени́ли* 103б, *измени́лися* 50; *стрели́ли* 29, *постреля́ли* 181; *сотвори́л* 4, *ѡ*^{т}*твори́лися* 115 (по контексту уместнее ед. жен.); *потопи́ло*^{с} 39б; *учини́лися*[55] 32б.

Полезно отметить также (для глаголов обеих групп) некоторые неакцентуированные написания: *и*^{з}*говори*^{Л} 114, *прилучило*^{с} 57б, 177б, *пустила*^{с} 48б, *ѡ*^{т}*пусти*^{Л} 63, 85, 157б, 167, *ѡ*^{т}*пустили* 75б, *ро*^{з}*пустили* 39, *зародили*^{с} 169, *уродили*^{с} 157, *по*^{д}*садилъ* 90б, *не учили*^{с} 160, *научили*^{с} 160, 178, *не ѡ*^{б}*вила*^{с} 31б; *роз*^{д}*ели-ла*^{с} 118б, *-ли*^{с} 169; ср. также *не ѡ*^{б}*валила*^{с} 20, *з*^{д}*ружили*^{с} 176. Во всех этих случаях допустимо предполагать маргинально-подвижное ударение, обозначить которое помешала выносная буква.

Имеются, однако, и такие примеры, где указанной помехи нет, в частности: в группе 2 – *роз*^{д}*елилась* 123б, *творили* 69б, *сотворили* 116, *учинили* 79, *учинилося* 109б; в группе 1 – *зговорилися* 79, *случилося* 82, *напустили* 152б,

---

[54] Пример не вполне надежен: знак ударения имеет несколько необычную форму и стоит над буквой *с*, которая написана по стертому.

[55] Знак ударения не вполне надежен.

родила 190, *спѣшило* 84б, *научила* 38б, *научили* 88; ср. также *помирили* 35б.

Довольно много также неакцентуированных примеров с конечным *-и*^{Л}: в группе 2 – *роздели*^{Л} 37б, *роз*^{Д}*ели*^{Л} 34б, *раздели*^{Л} 110, *укрепи*^{Л} 155б, *укр*^{е}*пи*^{Л} 90б, *измени*^{Л} 80б, *и*^{з}*мени*^{Л} 83, *не перемени*^{Л} 114, *твори*^{Л} 105б, *сотвори*^{Л} 94б, *учини*^{Л} 86б; в группе 1 – *говори*^{Л} 83б, 101б, *не говори*^{Л} 79б *напусти*^{Л} 74, 101, *не соруди*^{Л} 37б, *посади*^{Л} 106, *спѣши*^{Л} 151, *поспѣши*^{Л} 150, *научи*^{Л} 84; отметим, кроме того, *ѡбрати*^{Л} 123, *преврати*^{Л} 75, 75б, *извести*^{Л} 182б, *угоди*^{Л} 87б, *не горди*^{Л} 118, *пустоши*^{Л} 76.

Разумеется, в большинстве приведенных примеров знак ударения отсутствует просто в силу его факультативности. Поскольку, однако для рассматриваемой категории словоформ коэффициент акцентуированности (§ 7) оказывается существенно ниже среднего, можно предполагать, что в части случаев писец предпочел здесь оставить ударение необозначенным потому, что фактически оно колебалось.

Как показывает акцентуация презенса в самой Космографии (§ 19, 31), а также данные других памятников (§ 49, 50), мы имеем дело в настоящем параграфе с глаголами а.п. *c*. Из материала видно, что в Косм. акцентуация прош. времени *i*-глаголов а.п. *c* (кроме муж. ед. с *-ся*) еще очень близка к реконструируемому первоначальному состоянию; отличие лишь в том, что у части глаголов (еще сравнительно небольшой) наряду с маргинально-подвижным ударением встречается также и тематическое[56].

Что касается группы 2 из § 23, то у большей части представленных здесь глаголов маргинально-подвижное ударение, вероятно, не встретилось лишь случайно. Иначе обстоит дело с глаголом *креститися*: прош. время явно здесь имело устойчивое предфлексионное ударение, тогда как презенс скорее всего акцентуировался по а.п. *c* (ср. причастие *ѡкрещенъ*). Таким образом, здесь можно предполагать "смешанную" акцентовку: *крести́шься, крести́лася*; однако прямых свидетельств этого материал Косм. все же не дает. Не исключено, что смешанную акцентовку имели и какие-то другие глаголы, в частности, *разорити, пленити, вселитися* (ср. § 52).

В особом положении находится у *i*-глаголов а.п. *c* форма на *-лся*. Акцентуированы только *роди*^{Л}*|сѧ* 4б, не вполне надежное *пу́сти*^{Л}*|ся* 175 (см. сноску 54), а также *дивѝлся* 81 (§ 23, п. 2). В остальных случаях знака ударения нет: а) без выносной буквы над *и* – *пустился* 185б, 188, *научился* 65, 160, также *ѡ*^{т}*менился* 119; б) с выносной буквой –

---

[56] На 157 случаев старого ударения приходится всего 11 случаев нового ударения в материале § 24 и еще 12 в группе 2 из § 23 (глагол *креститися* не в счет).

роди^{л}*ся* 5б, 40б, 88б, *народи*^{л}*ся* 158, *учи*^{л}*ся* 166б, также *мири*^{л}*ся* 103, *помири*^{л}*ся* 173, *ѡбрати*^{л}*ся* 80, *прео*^{б}*рази*^{л}*ся* 5б.

По-видимому, ударение в этой форме колебалось, причем преобладало ударение на слоге перед *-ся*; ср. аналогичную картину у V-корневых и *а*-глаголов (§ 26). Сколь часто здесь встречалось начальное ударение, оценить затруднительно. Что касается ударения на *-ся*, то не исключено, что оно факультативно сохранялось лишь в словоформе *родился* (ср. особое положение данного глагола и в современной акцентологической системе).

V-корневые и *а*-глаголы

§ 25. В прош. времени глаголов этих классов хорошо представлено маргинально-подвижное ударение. Ему противопоставлено неподвижное ударение; см. таблицу 5.

Приводим материал (не исчерпывающий) по неподвижному ударению (ссылки неполные).

Наосновное (но не предфлексионное) ударение у *а*-глаголов: *дѣлося* 67, *ѣхали* 189б, *наѣха*^{л} 182, *приѣхала* 33б, *ро*^{з}*ѣхалися* 99, *съѣхалося* 75б, *покáлся* 68, *клúка*^{л} 112, *плáкали* 158, *чáяли* 31б, *почáли* 156.

Предфлексионное ударение у *а*-глаголов. Неслоговой корень: *гнáлися* 29, 109б, *ѡтогнáли* 71б, *погнáли*^{с} 180, *пригнáли* 104; *послáлъ* 70, 150, *послáла* 33б bis, *послáли* 30б, 33б и др., *присылáли* 76б, 184б. Слоговой корень: *навязáла* 33б, *ро*^{з}*вязáли* 187б, *связáли* 28б, *скскáли* 184б, *показáли* 30б, *сказáли* 47б, *метáло* 183б, *метáли*^{с} 189, *вметáлися* 116, *пахáли* 118б, *писáли* 31б, *записáла* 81б, *топтáли* 153, *шептáли* 4.

Предфлексионное ударение V-корневых глаголов: *бúли* 50б, *бúлся* 87б, 153, *бúлися* (часто), *ѡ*^{т}*бúли* 85б и др., *перебúли*^{с} 185б, *побúлъ* 172б, *побúла* 33б bis, 105, *побúли* (часто), *побúлся* 71, *побúлися* 165, *убúли* (часто), *убúло*^{с} 185б; *знáли* 94, *узнáли* 178б; *розрѣли* 113б и др.; *не смѣли* 186; *не успѣли* 190б; *стáла* 22б, 163б, *не стáло* 37, 39б, *стáли* 27, 37б и др., *стáлося* 92б, *встáли* 59, *востáли* 186б, *достá-лися* 10, *-ло*^{с} 13б, *застáла* 90, *не застáли* 61, *ѡстáли* 147б, 187, *ѡстáлся* 33, 162 и др., *не ѡстáлося* 74, *ѡстáлися* 164, *перестáли* 151б, *пристáли* 36б.

§ 26. Материал по маргинально-подвижному ударению. У *а*-глаголов с неслоговым корнем: *брáли* 18б, *в*^{з}*обрáлися* 156б, *нáбра*^{л} 20, *нáбрали* 29, 31, 84, 175б, 190б, *ѡбра*^{л} 37, *ѡбрали* 32б, 85, *ѡтобра*^{л} 80б, *пóбралъ* 91б, 98, *пóбра*^{л} (часто), *сóбралъ* 111б, *сóбра*^{л} (часто), *сó|бра*^{л}*ся* 90, *собралúся* 37б, 68б, 96б, 151б, 165; *рóзодра*^{л} 80, *рóзо*^{д}*рали* 115; *звáли* 6б, *нáзва*^{л} 183, *пóзва*^{л} 70б, *прúзва*^{л} 95, 171, *прóзва*^{л} 9, 148, 158, 161б bis, *прóзвали* 19б, 29б, 68, 136,

Таблица 5

		Неподвижное ударение		Маргинально-подвижное ударение
		наосновное не предфлексионное (только у *а*-глаголов)	предфлексионное	
Невозвратные	ед. м.	на^{л}ѣ́хал	поби́лъ, посла́лъ	у́чалъ, не́ подня^{л}, и́ма^{л}, ѡ́тобра^{л}
	ж.	прие́хала	поби́ла, посла́ла	жила̀, учала̀
	с.	–	не ста́ло, мета́ло	бы́ло, не́ было, у́чало
	мн.	почя́ли	поби́ли, посла́ли	жи́ли, не́ позажили, по́имали, ро́зодрали
Возвратные	ед. м.	покя́лся	ѡста́лся	*обычно без знака ударения*: уда^{л}ся (см. § 26)
	ж.	–	–	здала́ся, зачала́ся
	с.	дѣ́лося	ѡста́лося, уби́ло^{с}	зачало́ся
	мн.	ро^{з}е́халися	ѡста́лися, гна́лися	не дали́ся, ужили́ся, прозвали́ся

148 и др., *про^{з}вали́ся* 164б, *со́зва^{л}* 112. У *а*-глаголов со слоговым корнем: *и́ма^{л}* 81б, 107б, *и́мали* 29б, 35б, 150, 163б, *не́ има^{л}* 110, *по́има^{л}* (часто: 35, 38б bis, 45, 76, 78 bis, 81, 82 и др.), *по́имали* 38, 78, 78б, 84б, 87, 114б, 154; *ѡ́ра^{л}* "пахал" 108б[57].

П р и м е ч а н и е. В Косм. встретились также словоформы с предфлексионным ударением: *има́ли* 179б, *има́лися* 76б, *поима́ли* 28б, 112, 155, 165. Только с таким ударением находим *изима́ли* 36б, 37б, 92б, 107б, 182, 189, *прима́ли* 176. Однако мы имеем здесь дело не просто с неустойчиво-

[57] Приведем некоторые параллели, подтверждающие первоначальную принадлежность глаголов *имати, емлеть* и *орати, ореть* к а.п. *с*: Пролог *емлю́тъ* 107б. Ап. *емле́тъ* 126б, Трав. *емле́мъ* 241б, Ратн. *и́малъ* 71б. Улож. *не́ ималъ* 88б, 238б, ср. написание *имол* в курском акте 1624 г. (Котков, с. 84); Мер. *разореть* "распашет" 339 (с *о*, не ѡ), Фер. *ѡрю́тъ* 769б, ср. у Васильева (Вас., с. 54) примеры *плю́го^{м} -о́ралъ* из Обихода Кирилловского XVI в. и *до́ралъ* из Космографии XVII в.

стью ударения: существуют два разных глагола – *емлéшь, úмалъ* и *имáешь, имáлъ* (последний первоначально имел итеративное значение), каждый со своими производными. Так, с первым глаголом соотносятся (по крайней мере, морфологически), в частности, словоформы *емлéшъ, емлючѝ, úмаⁿ, úмали, пóимаⁿ. пóимали,* также *поиманѝ* (§ 31), со вторым – *имáю*^{m}*. поимáю*^{m}*, приимáю, имáли(ся), поимáли, приимáли, изимáли,* также *поúманье* (§ 31). Но четкого семантического различия между этими двумя рядами словоформ в Косм., по-видимому, уже нет.

У V-корневых глаголов: *былà, бúло, бúли* (часто), *нé было* 6б, 8б, 14, 22б, и др., *нé были* 159б; *дáли* 27б bis, 38 bis и др., *нé даⁿ* 13б, 85, 90б, 111, *нé дали* 91, 153б, *не далúся* 116, *вóздаⁿ* 78б, *вóзᵊали* 59, *здáли* 75б bis, 89, 90б, *здалáся* 76б, *здалúся* 105, 165б, *ѡ*^{m}*далъ* 74, *пóдаⁿ* 152б, *повдалáся* 125, *продалà* 34, *рóздаⁿ* 100б, 109, сюда же примыкает *сóздаⁿ* 169; *жилà* 20б, *жúли* 2, 14, 23 и др., *нé жили* 160б, *нé позажили* 88б, *прúжиⁿ* 14, 47, *ужилúся* 121б; *пóмерли* 72б bis, 180б и др., *нé померли* 27, *прúмерли* 191, *úмеръ* 13б, 49, *úмеᵖ* 4, 14, 30б и др., *умерлà* 34, 37, *úмерли* 33, *нé умеᵖ* 72б; *заперлà* 33б; *пúли* 88б, *нé пили* 88б; *плúли* 27б, *прóплыли* 181б, *прúплиⁿ* 175, 175б, 178 и др., *прúплыли* 29б, 187б; *рáспяли* 7; *зáчалъ* 65, *зáчаⁿ* (часто), *зáчали* 20, 119, 143 bis и др., *зача-лáся* 44б, *-лóся* 22, *-лúся* 69, *нáчаⁿ* 85б, *пóчаⁿ* 14, 119, *пóчали* 77, 83, 153 и др., *úчалъ* 37б, 185, *úчаⁿ* (часто), *учалà* 121б, *úчало* 101, *úчали* (часто)[58]; *взялà* 33б, *взялú* (часто), *нé взяⁿ* 51, *нé взяли* 10б, *зáняли* 2б, *иᵊнелà* 113б, *ѡ*^{m}*няли* 92б, *пóняⁿ* 14, 33, 35 и др., *пóняли* 50, *нé поᵊняⁿ* 97б, *прúняⁿ* 69, 70 и др., *прúняли* 19б, 27б и др.[59], *úняⁿ* 78, *нé уняⁿ* 89б.

Ударение не перенесено на частицу в случаях: *коⁿко ни жúли* 157, *не прúняли* 125б.

С приведенными данными хорошо согласуются также многочисленные неакцентуированные написания вроде *прозвалаᶜ, здалиᶜ, передалиᶜ, придалоᶜ, ѕлилаᶜ* и т.п.

Особый интерес представляет форма на *-лся*. Помимо *сóбраⁿся* 90, находим только неакцентуированные *собраⁿся*

---

[58] Запись *úчалиᶜ бúти* 71 фактически передает сочетание *úчали ся* [или *сь*] *бúти*, где *ся* относится к *бúти*; ср. еще *учался бúти* 71б.

[59] В *прúняли* 3б оксия стоит строго над *н*; судя по всем остальным данным, мы имеем здесь дело с незначимым смещением оксии вправо.

187, *да^{л}ся* 34б, *не да^{л}ся* 95, *переда^{л}ся* 99 bis, *зда^{л}ся* 47, *уда^{л}ся* 52б, 100б, *по^{д}ня^{л}ся* 78б. Можно предполагать, таким образом, что здесь преобладало ударение на слоге перед *-ся*, ср. § 24 (конец).

С-корневые глаголы

§ 27. В прош. времени противопоставлены два типа ударения: неподвижное корневое и неподвижное флексионное. Приводим материал (не исчерпывающий; ссылки неполны).

Неподвижное корневое ударение: *розбѣглися* 79б; *не бѣли* 157, *не побѣли* 181б, *сѣбѣли* 30б; *клáли* 146, *наклáли* 93б, *изнаклáли* 183б; *лѣзли* 86; *пáла* 42, *пáло* 14б и др., *пáли* 30б, *впáла* 41б и др., *впáли* 41 и др., *пропáла* 108; *сѣлъ* 98б, *сѣли* 5б, *засѣли* 72, 164, *wсѣли* 32 bis, 142, 144 bis, *посѣли* 68, *ссѣли* 58; *ссѣкли* 169б (ср. *ро^{з}сѣкли* 179, а также *w^{т}сѣкъ* 82, *по^{д}сѣкъ* 155б, *усѣкъ* 72, *усѣ^{к}* 71); отметим еще *обрѣ^{л}* 76б, *разши^{б}* 78.

Неподвижное флексионное ударение: *берéгъ* 184, *береглѝ* 69б, 113б (ср. *бере^{г}ся* 71б); *блюлúся* 71; *велѝ* 8б, *извелѝ* 99б, *навелѝ* 153, *w^{т}велѝ* 93б, *повелѝ* 179б, *привéлъ* 158, *привелà* 13б, *развелѝ* 8б; *перевезлúся* 151б; *поволоклѝ* 30б, *со^{ж}глà* 33б, *-ѝ* 68б; *прилеглà* 68; *не моглà* 34, *не моглò* 35б, *не моглѝ* 28 и др.; *во^{з}несли* 45б, *принéсъ* 29б, *принеслѝ* 33б и др.; *рклúся* "обещали" 27б, 74б; *дорóслъ* 162; *wптеклà* 128б, *поутеклѝ* 28б, *стеклúся* 5; *шóлъ*, *шлà*, *вошлѝ*, *дошлѝ*, *нашлѝ*, *wбошлà*, *-ò*, *-ѝ*, *wтошлѝ*, *перешлѝ*, *пошлà*, *-ѝ*, *пришóлъ*, *пришлà*, *-ò*, *-ѝ*, *прошлà*, *сшóлся*, *сошлúся*, *ушлò*, *-ѝ* и др. формы (часто).

Прочие классы глаголов

§ 28. У *nǫ*-глаголов, возможно, существовало, наряду с неподвижным, также и подвижное ударение в прош. времени (ср. § 58), но реально оно в Косм. не встретилось. Приводим имеющийся материал: 1) *не загúнула* 165, *погúнуло* 160, *погúбнуло* 160, *кúнули* 50 bis, 190 bis, *кúнулися* 155б, *вкúну^{л}* 37, 88, *w^{т}кúну^{л}* 104, *перекúну^{л}ся* 88, *покúну^{л}* 14, *-ли* 114б, *клúкнули* 106б, *не заклúкну^{л}* 185б, *крúкну^{л}* 108б; 2) *w^{т}верну́ли* 156, *по‖верну́лися* 77б (ср. также неакцентуированные *согну^{л}ся* 71, *wберну^{л}ся* 25, *прилну^{л}* 80, *измѣну^{л}* "промахнулся" 71б и другие). Словоформы без *-ну-*: *изнавúкли* 50, *погúбли* 158; особо отметим *перетоплѝ* 116.

У глаголов всех прочих классов в прош. времени в Косм. встречается только неподвижное наосновное ударение, например: *вѣда^{л}*, *надѣлали*, *плáвали*, *слýшали*, *дéржывали*, *wставливали*, *бивáлися*, *видáли*, *попродавáли*, *испужáлися*, *не слыхáли*, *поро^{з}сыхáлися*, *поутекáли*, *воевáлся*, *миновáли*, *пировáли*, *имѣли*, *вúдели*, *слúшали*, *розбежáлися*, *розболѣлся*, *велѣлъ*, *держáла*, *дрожáли*, *подо^{м}чáли*, *стоялò*, *хотѣла* и многие другие.

Инфинитив

§ 29. Ударение на *-ти* (*-чи*) встретилось в случаях: *ввести* 34, *извести* 72б, 111, *привести* 186, *провести* 114б (все от корня *вед-*); *привести* "привезти" 29; *ити* 2б, 28б и др., *поити* 79, 100 и др., *уити* 101, *не перемочи* 107б (отметим еще *и*^{m}*ти* 83 bis, 84б, *взоити* 91б, *ѡтоити* 71, *соити*^{c} 57; ср. также *ити*^{m} 1, 73б, *поити*^{m} 76, 149б). Однако параллельно с этим находим: *вести* "вести" 58б, *вѣсть* "везти" 166; двусмысленны *жечи* 75б, *ѡ*^{б}*лечи* 83б.

Особо отметим единичное *взяти* 32б (с древним ударением), на фоне *взя́ти* 50, 67, 99, 111б, 183, также *ня́ти* "взять" 4, *изня́ти* 85, 102, *перея́ти* 150, *приня́ти* 155б, *поня́ти* 40.

Во всех прочих случаях встретилось только наосновное ударение (при этом *-ти* и *-ть* находятся в отношении свободного варьирования). Характерные примеры (ссылки неполны): *разгнѣвати* 182б, *има́ти* 28б, *изыма́ти* 45б, *поима́ти* 92, *иска́ть* 189б, *перемога́ти* 165, *пла́ва*^{m} 26б, *проша́ти* 190 (ср. *ѡседа*^{m} 180б, *поссекать* 169б); *глазѣти* 39 (ср. *глядѣ*^{m} 129); *и*^{з}*гну́ти* 111б, *погну́*^{m} 88б, *вкну́*^{m} 39б, *ѡпочи́нути* 86, *ѡману́ти* 79б; *ѡ*^{m}*говори́тся* 100, *гони́ти* 86б, *дари́ти* 186б, *лазу́чи*^{m} 93, *молви́ть* 185б, *ѡпои́ти* 72б, *ѡсмотри́ти* 181 (ср. *смотри*^{m} 129); *по*^{д}*да́тся* 172б, *ста́тися* 54, *поколо́ти* 71, *сколо́ти* 87б (ср. *помере*^{m} 116, *умере*^{m} 95); *кла́сти* 155, *лѣсти* 30, *упа́сти* 128, *сѣсти* 59б; *засѣсти* 79, *ссѣ́сть* 57б, *ѣсть* 171б (ср. *и*^{з}*сѣчь* 111б, *шипти* "подшибать" 7б).

Деепричастие прош. времени

§ 30. У глаголов с подвижным ударением в прош. времени встретились следующие деепричастия с *-въ*, *-вши*: 1) *со́бра*^{в} 110б, 148б, 179 (наряду с *собра́въ* 141б и *собра*^{в} 33б, 81б, 87, 99, ср. также *собравши* 141), *собравсѧ* 116, 150 (ср. *собрався* 76, 95, 188, *собра*^{в}*ся* 180б), *собравши́ся* 56б, 75б, 76, 173 (ср. *собравшися* 130б), *по́бра*^{л}*въ* 115б (писец смешал прош. время и деепричастие; ср. также *набрався* 189б, *набра*^{в}*ся* 175б); *пустивсѧ* 175б; 2) в прочих случаях представлено то же ударение, что в инфинитиве: *дари́въ* 75б, *ѡ*^{m}*дели́въ* 36, *помири́вся* 61б, *напои́въ* 176, *упои́въ* 33б, *по*^{д}*сади́въ* 84 (из неакцентуированных отметим *пожи*^{в} 56б, *поча*^{в} 148, *дож*^{д}*ався* 99б, *положи*^{в} 89б, *ѡслонився* 57, *ѡсади*^{в} 89б, 171).

У глаголов с неподвижным наосновным ударением в прош. времени это ударение всегда сохраняется и в деепричастии

на *-въ, -вши*, например: *побúвъ* 8, *ѡстáви*^{в} 36б, *ѡстáвивши* 13, *крᶜтúвъшися* 68б, *ѡбослáвся* 150б, *изымáвъ* 183, *взвязáвъ* 182, *насмѣ́вся* 85, *приᴹчáвши* 78 и т.п.

Из деепричастий иной морфологической структуры отметим: *взеᴹ* 74б и др., *почéнши* 24б; *ѡᵀвеᵀчи* "отведши" 98, *ѡᵀдáчи* (sic) "отдавши" 76, *сѣᵀчи* "севши" 29б, *пошоᵈчи* 68, *пришеᵈчи* 66б, 67, *сшеᵈчися* 165; *ухватеᴹ* "ухватив" 30б.

Страдательные причастия прош. времени

§ 31. Причастие с *-ен-*. У *i*-глаголов а.п. *a* и *b* ударение в этом причастии такое же, как в презенсе (не считая 1 ед.). У С-корневых глаголов с корневым ударением в прош. времени такое же ударение и в этом причастии. У *i*-глаголов а.п. *c* и у С-корневых глаголов с флексионным ударением в прош. времени ударение в данном причастии в кратких формах флексионное, в полных - суффиксальное.

Корневое ударение. *i*-глаголы (а.п. *a* и *b*): а.п. *a* - *испóлнена, напóлн-еᴺ, -ена, -ено* (часто: 67б, 90б, 126 и др.), *испóрчеᴺ* 139б, *рáнеᴺ* 81, *рáнена* В.ед. 156, *-о* 87, *-иˣ* 87, 87б и др., *стáвлены, ѡстáвленыˣ, постáвл-еᴺ, -ена, -ено, -ены, устáвл-еᴺ, -ены* (часто: 6, 27, 54б и др.), *на чúщанои* М.ед. 58; а.п. *b* - *ѡборóненъ* 133, 142б, *-ы* 13б, *задáвлеᴺ* 96б, *истóмлена* В.ед. 92, *-ы* 86, *-иˣ* 107б, *похорóн-еᴺ* 33б, 115, 165б, *-ена* 34, 121, *-ено* 136; неясно, а.п. *a* или *b* - *жáрен-ые* 181б, *-иˣ* 181б bis, *укрáш-еᴺ* 125б, *-ены* 9, *-енныˣ* 142б, *потóрчена* "насажена, воткнута" 179, *-иˣ* 181б. Особые случаи: *украшéнныˣ* 142б, *за упрошéнныᴹ* 153. С-корневые глаголы: *поклáдеᴺ* 54б, *проклáдеᴺ* 46б, *ѡᵀсѣ́чену* В.ед. 179.

Флексионное ударение (в кратких формах). *i*-глаголы: *разᵈѣлена̀* 1, *разᵈелена̀* 142, *ѡкрещенѐ* 136, *плѣнéнъ* 6, *не положенѐ* 54б, *ѡпружена̀* 140, *запустошена̀* 56, *соруже-на̀* 135б, *-нѐ* 126, *-ны̀* 133, *научены̀* 70б (ср. также *укрепленᴺ* 138 [с *е*], *соружеᴺ* 130, 144б, *ѡсажеᴺ* 67б, *посажеᴺ* 37, *учинеᴺ* 85). С-корневые глаголы: *заведена̀* 7, *ѡᵇведена̀* 17б, *привед-ена̀* 7, *-ены̀* 22б, *роᵊведена̀* 119; *навезенѐ* 155; *принес-ена̀* 34, *-енѐ* 8б (ср. еще *убережоᴺ* 100б). Полные формы - *зжéные* 187, *уложéнноᵁ* В.ед. 149б, *печéн-ое* 34, *-ые* 182, *прерéчéнные* 1, *прирожéн-ово* 26б, *-ые* 24, *учéные* 22 и некоторые др. Особые случаи: *насáжено* 56 (глагол а.п. *c*); *извѣщéнна* 157 (по-видимому, церковнославянизм), *устремлéны* 70б.

Причастие с *-т-*. При подвижном ударении в прош. времени это причастие тоже имеет подвижное ударение: *ра́спѧ*^{т} 4б, *взя́то* 23, 97б, *взя́ты* 109, *при́няты* 29б. При корневом ударении в прош. времени такое же ударение и в причастии, например: *поби́-то* 130б, *-ты* 156, *-ты*^{х} 26б и др., *уби́то* 92, *закры́то* 88б, *покры́-то* 186, *-ты* 157б.

Причастие с *-н-*. При подвижном ударении в прош. времени картина такова: *дано̀* 35, 162б, *при́да*^{н} 138; *звана̀* 35, *про́зва*^{н} (часто: 13, 20б, 25б, 37 и др.), *прозвана̀* (7×: 27б, 31б, 55б и др.), *прозвано̀* 1б, 10б, 24б, 138, *про*^{з}*вано̀* 21б, *прозваны̀* 32, 41, *про*^{з}*ваны̀* 118б (но также *про*^{з}*вано* 5×, *про*^{з}*ваны* 170); *поиманò* 54б. Таким образом, здесь представлена акцентная кривая с начальным ударением в муж. ед. и флексионным ударением в прочих кратких формах. Полные формы: *избра́нн-и*^{х} 87, 90б bis, 154б, *-и*^{м} 152, *-ыми* 100, *собра́нного* 151б.

При неподвижном ударении в прош. времени причастие также имеет неподвижное ударение, причем если ударение прош. времени предфлексионное, в причастии оно сдвигается на слог влево. Приводим материал (не исчерпывающий): *по-би́ва*^{н} 83б, 163, *не ви́дано* 29, *вое́вана* 8, 66, *неи*^{з}*вое́ванно* 10, *вя́заны* 178б, *ѡ*^{б}*вя́зано* 180б, *ѡбвя́заны* 185, *повя́заны* 185, *свя́заны*^{х} 178б, *пода́вани* 133, *прика́зано* 149, *ко́па*^{н} 7б, *покры́вани* 178б, *ни́зано* 17, *пи́са-на* 80 и др., *-но* 19б и др., *-ны* 6 и др., *напи́сано* 5, *и*^{з}*ро́вня*^{н} 7, *по́сла*^{н} 26, 148, 166, *-ны* 151, *по́слана* "постлана" 185, *те́саны* 176б; *дѣ́ла-но* 15б и др., *-ны* 123, *подбла́ны* 4, *ѡкла́дывани* 187, *заси́па*^{н} 7. Особо отметим *по|и́маные* 180 (см. § 26, примеч.). Ни одного примера предфлексионного ударения в причастии на *-н-* (т.е. без сдвига влево) в Косм. не отмечено.

Обсуждение акцентуации отдельных глагольных форм

§ 32. Не ставя перед собой цели обсудить все звенья акцентной системы глагола, рассмотрим несколько подробнее (на материале как Космографии, так и ряда других источников) некоторые из них, представляющие особый интерес, – прежде всего акцентную парадигму *с*. Как уже отмечено в § 3, основным направлением акцентной эволюции глаголов а.п. *с* (кроме тех, которые в ходе истории перешли в другую а.п.) является постепенный переход к колонному ударению (чисто флексионному в модели *пеку́, печёшь, печёте, пекла́, пекли́*, смешанному флексионно-тематическому в модели *прощу́, прости́шь, прости́те, прости́ла, прости́ли*). Ниже рассматриваются некоторые детали этой эволюции в отдельных грамматических формах.

Форма 2 мн. презенса в а.п. с

Исторически первоначальным здесь является ударение на *-те* (Станг, с. 199). Оно хорошо представлено в Чуд. (см. Дыбо 1969б, с. 116). В настоящее время на восточнославянской территории ударение на *-те* сохраняется, во-первых, в белорусском и украинском языках (его граница почти совпадает с границей РСФСР с БССР и УССР), во-вторых, в северо-восточных великорусских говорах; см. Образ., карта 30.

В XVI в. на великорусской территории можно указать по крайней мере три системы акцентовки данной формы.

1. Старая система (*-етѣ, -итѣ*). Она сохраняется, в частности, в Косм. (§ 19).

2. Смешанная система: еще *-итѣ* во II спряжении, но уже *-е́те* в I спряжении. По-видимому, она возникла как компромисс между общей тенденцией к колонному ударению (т.е. к *-е́те, -и́те*) и стремлением не утратить различия между изъявительным *говоритѣ* и т.п. и повелительным *говори́те* (ср. *несете* и *несите*, где разница сохраняется при любой акцентуации). Эта система представлена, например, в Прологе и в Цв. (с небольшими отклонениями также в Ап.); в дальнейшем она становится церковнославянской нормой (действующей и поныне). Ср. в Прологе: *скорбитѣ* 51, *мнитѣ* 91, *не оумертвитѣ* 125б; но *да събере́тесѧ* 20. В Цв.: *соблазните́сѧ* 83б, *держитѣ* III 182б, *дивите́сѧ* III 30б, *оузритѣ* 127б, *сварите́сѧ* III 33б, *вселите́сѧ* III 181, *скорбитѣ* III 167, *спѣшитѣ* II 50б, *стоитѣ* (9×: III 117 и др.), *пре*$^{\partial}$*стоитѣ* III 225, *оутвердите́сѧ* III 183б, *творитѣ* 220б, *сотворитѣ* III 181, *оучитѣ* III 150б, *наоучите́сѧ* III 24, *сохранитѣ* III 181, *цѣнитѣ* III 23, *чюдите́сѧ* III 57б; но *соблюде́те* 45, *со*ѡ^{м}*веде́тесѧ* 45б, *ѡблече́тесѧ* (4×: II 126 и др.), *сожже́те* 180, *да ... принесе́те* 88б, *наречéтесѧ* 190[60].

Незавершившийся переход от системы 1 к системе 2 отразился в Муз. ев. (*-итѣ* во II спряж. при колебании в I спряж.): *ѹбѣжитѣ* 83, *не мнитѣ* 87б, *стѡитѣ* 70, 152, ѡ^{м}-*стѡитѣ* 201, *твѡритѣ* 23, 134 и др., *постите́сѧ* 24б (но один раз *не ѹсъмни́тесѧ* [буд.] 74б); *даетѣ* 161, 202, *иж*$^{\partial}$*енетѣ* 83б, *пїетѣ* 198, наряду с *рече́те* 75, *облече́тесѧ* 25б, *пече́тесѧ* 25б.

3. Новая система: *-е́те, -и́те*. Она представлена, в частности, в Час., Егор. ев., Фер. Ограничимся примерами из Егор. ев.: *пожене́те* 418б, *изнесе́те* 21б, *принесе́те* 54, 54б, *пїе́те* 287б, 475б, 539; *обрати́тесѧ* 412, 539б, *побежи́те* 412б, *оудержи́те* 117, *кр*^{с}*ти́тесѧ* 89б, *мни́те* 65 и др., *пости́тесѧ* 38б, 39, *съдѝте* 287б, *твори́те* 55б и др.,

---

[60] Индивидуальная особенность системы Цв. состоит в том, что двусложные словоформы 2 мн. здесь имеют ударение на *-тѣ* независимо от спряжения: не только *зритѣ* (6×), *мнитѣ* 70б, *спитѣ* 99б, но также и *жжетѣ* 94, *бїете́ мѧ* III 30б и другие.

ω^{т}стои́те 314, *съхрани́те* 418б, *яви́тесѧ* 191б и некоторые др. (во всех этих случаях наклонение изъявительное).

Примечания. 1. Мы не рассматриваем здесь акцентуацию 2 мн. у атематических презенсов (*есте, дасте, вѣсте, ясте*). Отметим лишь, что их акцентуация может подчинятся индивидуальным правилам и должна при описании отмечаться особо.

2. Словоформы двойственного числа на *-та* необязательно имеют такое же ударение, как 2 мн. на *-те*. Так, во многих "точечных" системах они постоянно имеют ударение *-е́та*, *-и́та*, ср. Пролог *раздѣли́тася* (буд.) 115, Цв. *не терпи́та* (наст.; 3×: III 89 и др.).

Форма 1 ед. презенса в а.п. с

§ 33. Первоначально энклиномен (Станг, с. 110-112; Дыбо 1962, с. 9-15; Дыбо 1971, с. 95-97); соответственно, при наличии *ся* ударение падало на *ся*. Однако здесь очень рано (особенно в возвратной форме) появляется параллельное флексионное ударение, которое впоследствии побеждает[61].

Так, уже в Чуд. застаем колебание, например: *ствóрю* и *створю́; постыжюсѧ́*, но *поклонúсѧ* и т.п. (см. Дыбо 1969б, с. 116, 117, 121). В XV-XVI вв. можно различать лишь памятники с полным и с неполным устранением старого ударения данной формы. К числу памятников, частично сохраняющих старое ударение, относятся, в частности. Фер., Ап., Косм., Постн., Цв. С другой стороны, в северо-западных памятниках Пролог, Егор. ев., Муз. ев. засвидетельствовано только новое ударение; в Час. один раз встретилось *воспóю* 413, при более обычном флексионном ударении. Заметим, что в возвратной форме прежнее ударение на *-сѧ* было устранено, по-видимому, повсеместно.

Примеры старого ударения в 1 ед. из памятников XIV-XVII вв. собраны у Л.Л. Васильева (Вас., с. 47-48; см. также Дыбо 1969б, с. 117). Добавим к ним материал Цв.: *сóберѫ* 110, III 181, *ввéдѫ* III 181, *úзведѫ* III 1, *нáведѫ* 138, *пóгребѫ* (3×: 200б и др.), *спóгребѫсѧ* 153б, *дáю* 193, *прéдаю* 134б, *дúвлюся* III 160б, *ѡ́жесточю* 184, 184б, *азъ жúвѫ* 188, *зóвѫ* II 13, *прúзовѫ* 137б, 234, *ѡ́кроплю* III 181, *нé вложѫ* (3×), *пóложѫ* (4×), *да прúложѫ* III 95, *пóю тя* "canto" III 174б, *нáпою тя* III 82б, *ѡ^{т}пѫщѫ* 122б, *сóтворю* 123 III 181, *нé терплю* 200б, *не тéрплю* 106, *прéтерплю* 159, *нáоучю* 126б; параллельное флексионное ударение в данном классе словоформ встречается в Цв. примерно в два раза чаще[62].

Замечание. С акцентологической историей 1 ед. презенса близко сходна история деепричастия на *-я*. Наибо-

[61] Возможно, впрочем, что старое ударение дожило до наших дней в некоторых мещерских говорах (см. Бромлей).

[62] Что касается описанного В.А. Дыбо (Дыбо 1969б, с. 118-119) появления аналогических начальноударных словоформ 1 ед. у глаголов а.п. *b*, то в наших материалах оно отмечено лишь в случаях: Цв. *нáпишѫ* 193, Трав. *нáпишѫ* 155б (наряду с *напúшѫ* 141).

лее заметное отличие здесь в том, что из числа деепричастий некоторые сохранили свое старое ударение до сих пор: *лёжа, сидя, стоя, молча, глядя* (также *нехотя*) – в значительной мере в связи с их адвербиализацией (частичной, как, например, в *лёжа*, или полной, как в *нехотя*), которая оторвала их от основной массы деепричастий. Как показывает Косм. (§ 21), формирование этой особой группы началось достаточно рано.

Эволюция маргинально-подвижного ударения в прош. времени

§ 34. Общее направление эволюции в данном звене системы – переход от маргинально-подвижного ударения к предфлексионному. Однако в разных говорах и для разных классов этот процесс протекал с разной интенсивностью.

V-корневые и *а*-глаголы

Старая акцентуация прош. времени хорошо сохраняется (если не считать словоформ на *-лся*) во многих памятниках, в частности, Чуд., Косм., Цв., Трав., Дом., Ратн., Улож., Авв.

Материал Чуд., к сожалению, невелик: *не бѣхомъ тобѣ предали е*^{2} 51а, *не бѣ оумерлъ* 47в bis; *вздала* 156в, *оумерла* 31б, *-а* 31в, *не ѵмерла* 19а, *не оумерла* 31в, *зачала* 26б [63].

Самый богатый материал представлен в Косм., см. § 26. Приведем, кроме того, полный материал Цв., Трав. и Авв. В Цв. находим: *собралъ* III 65б, 122б, *пребылъ* III 122, 155б, 242б, *подалъ* (10×), *подало* II 8б, *предалъ* 116, 195б, *предали* 139б, *создалъ* (7×), *позвалъ* 22, *призвалъ* 11б, 16, *проклялъ* 40, *не бѣ оумерлъ* 18, 21б, *не бѣ оумеръ* 8б; *пребыла* 199, III 144, *зачала* (5×); однако предфлексионное ударение[64] в *воздалъ* 157, *не бѣ оумерлъ* 21, 27б. Из словоформ на *-лся* в Цв. представлено только *распялся* II 45, 33, 46б.

Трав. *привилъ бѣ* 506б, *не занелъ* 448; *была* 315 и др., *ѡжила* 518б, *оумерла* 518б, *ся почала* 458, *оунылося* 509.

Авв.: *было, не было* (часто), *добылъ* 47, *прибыло* 8б, *перегнило* 38б, *дали* 36, *не дали* 37, *подалъ* 59б, 73, *-ли* 22, 24, *предалъ* (3×), *-ли* 71б, *содрали* 26б, *зажилъ* 81б, *-ло* 81, *нажилии* 114б, *пожилъ* 20б, 70, *не пожили* 76б, *звали*

---

[63] Пример *со|здалъ* 137а сюда не относится: в говоре Чуд. этот глагол еще принадлежал к а.п. *b* (а не перешел в а.п. *c*, как в более поздних системах).

[64] Особый случай составляет прош. время глаголов на *-яти* (но не *-няти*): *ѡтнялъ* 19б, *подъялъ* III 51, *прїялъ* (4×), *прїяла* II 64, *воспрїялъ* 14б; ранний переход этих церковнославянских словоформ к неподвижному ударению представляет собой индивидуальное событие, не связанное с акцентной эволюцией корневых глаголов в целом.

92, 94б, *прóкля*^{л} 100, *прóлилъ* 50б, *пóме*^{р}*ло* 140б, *-и* 30, 40б, *зáпе*^{р} 43б, *дóпли*^{ли} 54, *пóпли*^{л} 93, *пóпли*^{ли} 40, *при-плыли* 32, 55б, *нáча*^{л} (4×), *пóча*^{л} 18, *взя́ли* (часто), *нé взя*^{л} 44б, *пéреняли* 38б, *пóдня*^{л} 20, 66, *нé приняли* 64; *былà* (часто), *не* ^{з}*гнилà* 40б, *далà* 106, $\omega^{т}$*далà* 115, *жилà* (2×), *прижилà* 96б, *лилà* 140, *умерлà* 47б, *учалà* 97, *взялà* (2×); *перепили́ся* 65. Словоформы на *-лся: собрáлъся* 92б, *дрáлся* 90, *напи́лъся* 58б. Особые случаи: $\omega^{т}$*нялъ* 27, *учалú* 155 (отметим еще *сковáли* 34, 60б).

Новое ударение ранее всего обнаруживается в северо-западных памятниках. Материал Час.: *собрáлъ* 324б, *пребы́лъ* 311, *въздáлъ* 330, *подáлъ* 399, *пожи́лъ* 283, 318б, 337, *прїáлъ* 265б, 300б, 342б; *прїáлá* 328, 333б, *прїáла* 317. Материал Егор. ев.: *събрáлъ* 358, *пребы́лъ* 478б, *подáлъ* 108, 111, 511, *предáлъ* 50, 283 bis, 306б, 501, *създáлъ* 197б, *призвáлъ* 428, 465, *ѹмéрлъ* 94, 122б, *ѹмрълъ* 123б, 428, *испи́лъ бы* 133б, *начя́лъ бы* 231б, *начя́л бы* 483, $\omega^{т}$*ня́лъ бы* 304б, *прїáлъ* (часто); *былá бы* 50б, *ѹмерлà* 342б, *не ѹмерлá* 342б, *прїáла бы* 140б, *бы́ли* 304б; *распя́лся* 544б, *не распя́лъся бы* 428. Начальное ударение в данном классе словоформ в Час. и Егор. ев. не встретилось вообще.

Акцентуация прош. времени у н е в о з в р а т н ы х V-корневых и *а*-глаголов в современных русских говорах описана (в основных чертах) в книге Оч. морф. (с. 250-263). Как явствует из этого описания, акцентуация данной группы словоформ в говорах характеризуется двумя основными признаками[65].

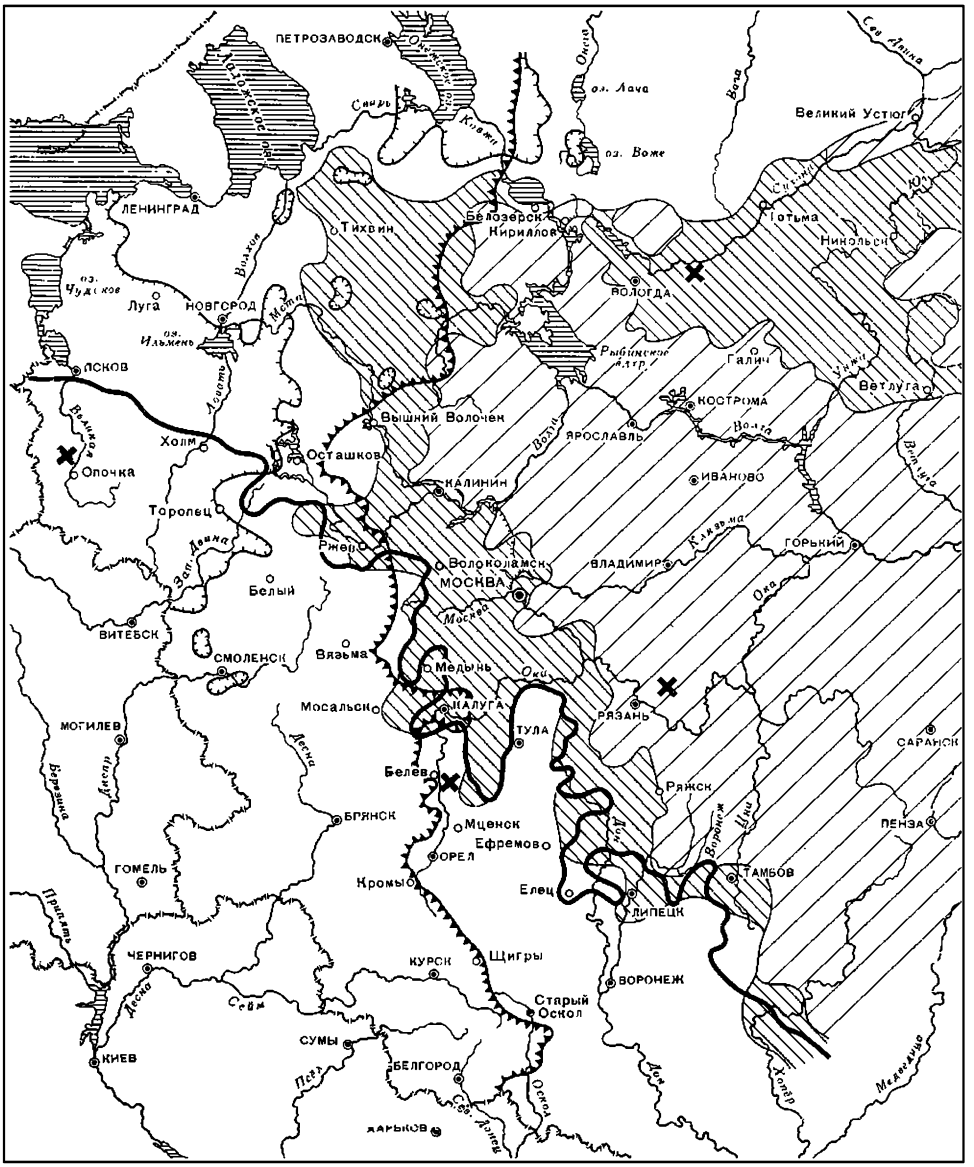
1. Ударение в форме жен. ед. - флексионное (т.е. старое) или наосновное (т.е. новое). По этому признаку великорусская территория разделяется так: а) на крайнем западе представлено наосновное ударение - *забрáла* (или *зáбрала*), *прожи́ла* (или *прóжила*); б) в западной половине, кроме крайнего запада, находим *забрáла* (или *зáбрала*), но *прожилá*; в) в восточной половине представлено флексионное ударение - *забралá*, *прожилá*[66].

По данным атласов (Атлас Север, карты № 327, 328, 330, 332, 335; Атлас Запад, карта № 325; Атлас Юг, карта № 226), восточная граница распространения ударений *брáла, врáла, звáла, спáла, проспáла* проходит примерно от Онежского озера к Селигеру и далее на Ржев, Калугу, Кромы, Старый Оскол; см. нашу карту 2. Заметим, что такое же

---

[65] В настоящем разборе мы не касаемся проблем, связанных с появлением в некоторых говорах (главным образом, юго-западных) нового флексионного ударения типа *былó, лилó, жилó* (реже также *былú, лилú, жилú*), как в белорусском и украинском.

[66] Бесприставочные словоформы имеют такое же ударение, как приставочные (а если в последних ударение на приставке, то в соответствующих бесприставочных ударение предфлексионное); образец *забрáть* представляет *а*-глаголы, *прожи́ть* — V-корневые глаголы.

Карта 2

1 2 3 4 5 6

Ударение прошедшего времени V-корневых и *а*-глаголов в XX в.

1 - северо-восточная граница зоны безусловного преобладания ударений *нача́л, отда́л, прода́л, прожи́л, пробы́л*; 2 - огрубленная восточная граница распространения ударений *бра́ла, вра́ла, зва́ла, спа́ла, проспа́ла*; 3 - зона распространения ударения *взя́ла*; 4 - зона преобладания ударений *начался́, взялся́* (или *-ся́, -са́, -се́, -сё*); 5 - переходная полоса, в которой представлены многочисленные островки или отдельные населенные пункты с ударениями *начался́, взялся́* (или *-ся́* и т.д.), притом что в целом преобладают ударения *нача́лся* (или *на́чался*), *взя́лся*; 6 - точки, к которым относятся говоры, отраженные в табл. 6.

ударение представлено у *а*-глаголов в белорусском и украинском языках.

У V-корневых глаголов соответствующая граница проходит для разных глаголов по-разному. Так, ударение *взя́ла* представлено в основном в псковских, новгородских и прионежских говорах, см. карту 2 (источники: Атлас Север, карта № 326, Атлас Запад, карта № 324 и диалектологические материалы, хранящиеся в Институте русского языка). Несколько у́же, чем *взя́ла*, распространены ударения *да́ла* и *пи́ла*. Напротив, ударение *поме́рла* (*поме́рла*) или *по́мерла*, которое на северновеликорусской и средневеликорусской территории представлено практически там же, где *взя́ла*, на южновеликорусской территории распространено гораздо шире (примерно до линии Ржев – Мосальск – Брянск – Рыльск); ср. белор. *паме́рла*, укр. *поме́рла*.

2. Ударение внутри основы в словоформах с наосновным ударением – начальное или предфлексионное. По этому признаку великорусская территория разделяется так: а) в полосе шириной в 200–250 км, идущей вдоль границы с Белоруссией и Украиной, господствует предфлексионное ударение (*забра́л, -и, прожи́л, -и*); б) на остальной территории (кроме ее северо-восточной части) господствует *забра́л, -и*, но преобладает *про́жил, -и*; в) на северо-востоке преобладает начальное ударение как в *про́жил, -и*, так и в *за́брал, -и*.

К сожалению, по данным атласов границу между зонами "б" и "в" установить не удается. Северо-восточная граница безусловного преобладания ударений *нача́л, отда́л, прода́л, проби́л, прожи́л* показана на нашей карте 2 (источники: Атлас Север, карта № 325; Атлас Запад, карты №№ 320, 321; Атлас Юг, архивная карта № 130; диалектологические материалы, хранящиеся в Институте русского языка); такое же ударение представлено в белорусском и украинском. С северо-восточной стороны к показанной на карте 2 границе примыкает полоса шириной в 50–100 км, где примерно одинаково часто встречается корневое и префиксальное ударение. К северо-востоку от этой полосы преобладают уже ударения *на́чал, о́тдал* и т.д.

Что касается ударения в прош. времени у в о з в р а т н ы х глаголов, то здесь диалектологических данных существенно меньше. Атласы дают некоторые сведения лишь об ударении в форме муж. ед. По данным атласов (Атлас Север, карта № 336; Атлас Запад, карта № 331; Атлас Юг, карты №№ 224, 225), старое ударение *начался́, взялся́* (или *-ся́, -ся́, -ся́, -ся́*) преобладает в восточной половине великорусской территории, кроме ее крайнего севера; в остальной части господствует новое ударение *нача́лся* (или *на́чался*), *взя́лся*; см. карту 2. Корневое ударение представлено также в белорусском и украинском.

Карта 2 сама по себе дает основания для некоторых диахронических выводов. Характер географического распространения акцентной инновации *нача́лся* (*на́чался*), *взя́лся* – такой же, как у ряда так наз. западно-северных явлений (см. Образ., с. 200–213). Соответственно, можно предполагать, что эта инновация распространялась на север с тер-

ритории нынешних Украины и Белоруссии и охватила западные великорусские говоры, в частности, новгородский; это произошло столь рано, что инновация успела захватить также колонизованные новгородцами области севера.

Новое ударение *начáл, отдáл* и т.д., очевидно, тоже распространялось из белорусско-украинской зоны, но существенно позже: оно не захватило новгородских говоров.

Новое ударение *дáла, пúла, взя́ла* и т.д. (у V-корневых глаголов), по-видимому, возникло (сравнительно поздно) в псковской зоне; эта инновация независима от белорусского и украинского (где у этих глаголов представлено флексионное ударение во всем прош. времени). Новое ударение *брáла, врáла* и т.д. (у *а*-глаголов), вероятно, имеет два источника: а) на юге оно связано с таким же ударением в белорусском и украинском; б) на севере оно связано с инновацией *дáла, пúла, взя́ла*. С *а*-глаголами отчасти сблизились глаголы на *-еретъ*.

і-глаголы

§ 35. У *і*-глаголов старое маргинально-подвижное ударение в прош. времени сохраняется (полностью или хотя бы в основном) лишь в меньшинстве памятников; из них самым богатым по материалу является Косм. (§ 24).

Материал по маргинально-подвижному ударению в прош. времени *і*-глаголов в Чуд. и Пс. см. у В.А. Дыбо (Дыбо 1972а); там же примеры из ряда других памятников. Заметим, что уже в Чуд., наряду со старым ударение – *по́ложилъ* 113б, *и́ мстилъ* 157а, *ствó|рилъ* 74в, *ꙗ́вилъ* 99б, *пре^{д}варілà* 23г, *не согрѣшилà* 111а, *напоилà* 156б, *просмра|дилà* 157а, *створілà* 14в, *ствóрили* 29б, *сложилъ|сѧ* 40в, *сложилѝся* 75г – находим также и новое[67]: *но бꙋ̀|взрастúлъ* 109б, *прїчастúлъ|ся* 145а.

Представляет значительный интерес материал Цв. С маргинально-подвижным ударением здесь встретились: *нé возбранилъ* II 41б, *пóбѣдилъ* III 27б, *сóвершилъ* (4×), *вóзвѣстилъ* III 179, *ѡ́гꙋстилъ* III 28, *вóдрꙋзилъ* 9, *óдꙋшилъ* 10, *ѡ́жестилъ* 192б, *óживилъ* 158б, 162б, *вóскр҃силъ* 16б, *сóкрꙋшилъ* (5×), *лúшилъ* III 190б, *пóложилъ* (8×), *пóлꙋчилъ* 70, *прúмирилъ* III 31б, *ѡ́бнажилъ* 158б, *ѡ́бновилъ* (11×), *плѣ́нилъ* II 25, 48, 55б, *нáпоилъ* 80, III 80б, *úспѣстилъ* 26б, *рáзрѣшилъ* III 52, 81, *нáсадилъ* 138, *пóсадилъ* 92, III 115б, 131б, *свóбодилъ* 229, *прóсвѣтилъ* III 8б, 182, *оу́твердилъ* III 93б, *зáтворилъ* 76б, *сóтворилъ* (10×), *оу́толилъ* 9, 11б, 21б, *úстощилъ* 158б, II 31, *ꙗ́вилъ* III 36, 71б; *доилà* III 54, *родилà* (49×), *породилà* II 71б, 80, III 54, 94, *потаилà* II 24б; *пóтаило* 137. Из возвратных

[67] Не совсем ясно *не бꙋ̀ скратúлися* 13в: не исключено, что здесь следует читать просто *і*, а не *і҃*. В словоформах типа *блг҃о|словѝлъ* 145а, *живо|творúлъ вы* 131а (где основа составная) замена энклиноменов конечноударными словоформами, вероятно, относится уже к глубокой древности (ср. в Чуд. постоянные *блг҃одарю̀*, *блг҃одарѧ̀* – только с конечным ударением).

сюда примыкают: *ро́дился* (3×), *про́слезилъся* 9, *не́ тр҃дился* 183, *ꙗвился* (29×); *ꙗвила́ся* III 98б.

Наряду с этим широко представлено и тематическое ударение, например: *соверши́лъ, воскр҃си́лъ, сокр҃ши́лъ, измѣни́лъ, разори́лъ, плѣни́лъ, свободи́лъ, сотвори́лъ, исцѣли́лъ* и т.п.; *оудиви́ла, премѣни́ла, разори́ла, возрасти́ла; побѣди́ли*. У невозвратных, если отбросить частое *родила̀* (где представлено только конечное ударение), а также *воскр҃силъ, свободилъ, просвѣтилъ* (где господствует тематическое ударение), находим около 60 примеров старого ударения и около 75 примеров нового. Возвратные для наглядности приводим полностью: *пригвозди́лся* II 29, *лиши́лся* 77, *сложи́лся* III 242б, *не ѡ^{m}лр҃чи́лся* III 112, *воплоти́лся* II 4б, 33, *прослези́лъся* 10б, *наоучи́лся* 70, *поучи́лся* 77, *ꙗви́лся* II 34б; *оутаи́лася* 154, *ꙗви́лася* II 72, III 163б.

Очень интересен также материал Травника (хотя, к сожалению, прош. время встречается здесь редко): *на́вари́лъ* (9×: 506, 506б, 516б quater и др.), *вло́жилъ* 514, *вло́жи^{л} бы* 515, *при́ложилъ бы* 521б, *кто́ бъ пр҃сти^{л}* 506, *не́ сотворилъ* 6, *на҃сѫшилъ* 515; *возложила̀* 506, *приложила̀* 154. Ни одного примера тематического ударения у *i*-глаголов а.п. *c* не отмечено. Между тем в а.п. *b* такое ударение представлено в Травнике совершенно регулярно, например: *вкѫси́ла* 133, *оукѫси́ла* 133, *ѡбмочи́лася* 286б, *носи́лъ* 514б, *перестѫпи́лъ* 189б, *захвати́ли* 127, *не заходи́ло* 525б, *похо-д-и́лъ* 466б, *-и́ла* 63б, *-и́ло* 393, *проходи́ли* 467. Поскольку материал невелик, было бы неосторожно на его основании заключить, что столь же безукоризненное акцентное распределение соблюдалось и в говоре в целом; ясно, однако, что древняя система акцентовки прош. времени здесь еще сохранялась достаточно хорошо.

Притом что на юге старая система акцентовки прош. времени *i*-глаголов (кроме формы на *-ился*) хорошо сохраняется, по крайней мере в части говоров, еще в XVII веке, северо-западный памятник Час. показывает глубокую перестройку этой системы уже в конце XV века. Так, в Час. в муж. ед. находим уже только новое ударение: *побѣди́лъ, соверши́лъ, возвесели́лъ, погаси́лъ, р҃ради́лъ; ѡзари́лъ, искорени́лъ, р҃кроти́лъ, разори́лъ, испепели́лъ, низложи́лъ, положи́лъ, породи́лъ, посрами́лъ, р҃твердѝлъ, твори́лъ, оутончи́лъ, потреби́лъ, нар҃чи́лъ, исцѣли́лъ* и некоторые др. (особо стоит единичное *возвесе́ли^{л}* 319). В жен. ед. ударение колеблется (но преобладает еще старое ударение): *родила́* 195б, 219б, 230, *посрамила́* 274б, *-а̀* 322б, *сохранила́* 340б, *побѣди́|ла́* 279, *побѣди́ла* 274б, 275, *р҃гаси́ла* 287.

С другой стороны, в отличие от южных памятников, Час. еще сохраняет старое ударение *-илсѧ: ꙗвилсѧ* 280, *поклонилсѧ* 293б, *сподобилсѧ* 315б, *ѡбогати́лсѧ* 271 [с двумя знаками ударения] (последние два глагола перешли в говоре Час. в а.п. *c*, см. § 45); новое ударение в *оуклони́лся* 299.

В Егор.ев. представлено уже только тематическое ударение. Муж. ед. (без *-ся*): *съверши́лъ, ѡ^{m}врати́лъ, съгрѣ-*

ши́лъ, раздѣли́лъ, покwри́лъ, възложи́лъ, положи́лъ, предложи́лъ, приложи́лъ, получи́лъ, посади́лъ, свободи́лъ, ости́лъ, твwри́л бы, сътвwри́лъ, наѵчи́лъ, яви́лъ и некоторые др. Прочие формы: *не бы роди́ла* 86б, *ся ѵтаи́ло* 119, *полоучи́ли* 235б; *спwдоби́лся* 324б, *крстѝлся* 544б, *преложи́лъся* 533, *роди́лся* 153, 544б, *въцри́лся* 155б, *не напо|и́лася* 86б, *причасти́лося* 164б.

Тематическое ударение господствует также в памятниках Дом., Ратн., Улож., Авв. Следы старого ударения, если не считать глагола *родити(ся)*, который стоит особо, здесь совершенно единичны: Дом. *не говорилà* 52б, Ратн. *обворотилúся* 97б, Улож. *свободилúся* 259, *не шбьявилúся* 262, Авв. *вѣвáлиⁿся* 52б, *взвá|лиⁿся* 57б, *повали|лáᶜ* 95б.

В XX в. из *i*-глаголов только *родить(ся)* почти повсеместно сохраняет элементы подвижности ударения в прош. времени: в литературном языке и в большинстве говоров представлены *роди́л, -о, -и, роди́ла́, роди́лся́*[68], *роди́ла́сь, роди́ло́сь, роди́ли́сь;* кроме того, в говорах разных районов встречается *ро́дил, -о, -и,* а также *ро́дила*. У прочих *i*-глаголов от прежнего подвижного ударения прош. времени остались лишь слабые следы. У невозвратных глаголов реликты подвижности отмечаются только в немногих восточных среднерусских и юго-восточных говорах (*пу́стил, -и, впу́стили, до́пустили, о́тпустили, ро́спустили, про́стил, ро́стил, -и, по́ложил, пустила́, распустила́, спустила́* и др.; см. Станг, с. 143, Бромлей, с. 106) . У возвратных глаголов реликты ударения *-ила́сь, -ило́сь, -или́сь* (главным образом, словоформы *случило́сь* и *годило́сь*) встречаются, помимо указанной территории, также в курско-орловских говорах (ср., в частности, *случила́сь, годил-а́сь, -и́сь, согласил-а́сь, -и́сь* и некоторые др. в говоре дер. Дулово Белёвского района Тульской области[69]) и изредка в северо-восточных говорах.

* * *

§ 36. Ниже приведена обзорная таблица (табл. 6), демонстрирующая эволюцию подвижного ударения в прош. времени V-корневых, *а-* и *i*-глаголов[70]. В левом столбце показано реконструируемое раннедревнерусское ударение словоформ-образцов (по работам: Станг, Дыбо 1971); знак ˝ передает автоматическое начальное ударение энклиноменов, знак ˊ – ударение ортотонических словоформ. Далее приводятся сведения об акцентуации соответствующих классов словоформ в памятниках Чуд., Косм., Пс., Цв., Авв., Час., Егор.

---

[68] В говорах ударения *родился́* и *роди́лся* (или *ро́дился*) распределены в основном так же, как ударения *начался́* и *нача́лся* (или *на́чался*); на это указывает, в частности, Атлас Юг, карта № 224.

[69] См.: *Данилов А. А.* Особенности ударения форм прошедшего времени глагола в русских народных говорах. – Вопросы теории и истории русского языка. Вологда, 1967, с. 103-105.

[70] Относительно *nǫ*-глаголов см. § 58.

ев.[71], в нескольких современных говорах, а также по нормам современного литературного языка (сведения о литературной норме даны несколько огрубленно)[72]. Из говоров выбраны: северо-восточный (между Вологдой и Тотьмой, по описанию О. Брока[73]), юго-восточный (Деулино[74]), срединный южный (близ Белёва, по описанию А.А. Данилова, см. сноску 69), крайний западный (близ Опочки, населенные пункты Авдеенки, Быки, Лямоны, Лукино, Пружки, по диалектологическим материалам, хранящимся в Институте русского языка); на карте 2 эти четыре точки отмечены крестиками.

В табл. 6 минус означает сохранение исконного места ударения, плюс - предфлексионное ударение, символ Н - начальное ударение (неисконное). Колеблющееся ударение (или неодинаковое у разных глаголов одного и того же класса) передается сочетанием соответствующих знаков. Небольшие отклонения от минуса в сторону плюса и наоборот символизируются звездочкой. Так, переход от минуса к плюсу имеет следующие градации: −, −*, ∓, ±, +*, + (граница между −* и ∓ и между ± и +* нестрогая). Клетки, для которых нет надежного материала, не заполнены. При заполнении таблицы не принимался во внимание глагол *родить(ся)*, поскольку его акцентуация непоказательна для *i*-глаголов в целом. Не отражено также флексионное ударение типа *било́, били́* (см. сноску 65).

Следует учитывать, конечно, что в части клеток, относящихся к памятникам, знак, выставленный в таблице, отражает лишь очень небольшое число примеров; см. материал в § 34-35.

Из табл. 6 непосредственно видно, что из памятников XV-XVII вв. самую архаичную систему акцентуации прош. времени (если не считать муж. ед. на *-лся*) имеет Космография. Таблица позволяет также сопоставить диалектные данные XV-XVII вв. с современными. Так, Авв. отчетливо сближается с восточными говорами (Тотьма и Деулино), Егор. ев. (отчасти также Час.) - с западными (Опочка). Сочетание нового (наосновного) ударения в муж. ед. на *-лся* с большей или меньшей архаичностью в акцентовке прочих форм сближает Косм., Пс. и Цв. с современными срединно-южными говорами (Белёв). Эта картина хорошо согласуется с данными о локализации Косм. (§ 10), Егор. ев. и Час. (§ 13) и

---

[71] Двум системам, описанным у В.А. Дыбо (Дыбо 1972а, с. 91-93), в табл. 6 соответствуют графа Пс. и графа Авв.

[72] Данные по V-корневым глаголам и по *a*-глаголам приводятся вместе (кроме нескольких клеток в "точечных" системах XX в., где между этими классами обнаруживаются некоторые акцентные различия).

[73] См. *Брок О.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. - Сб. ОРЯС, т. 83. Спб., 1907.

[74] Невозвратные формы - по Оч. морф. (с. 441-444), возвратные формы - непосредственно по кн.: Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.). Под ред. И.А. Оссовецкого. М., 1969.

Таблица 6

	XIVв.	XV – XVII вв.						XX в.				
								С.-В.	Ю.-В.	Ю.	З.	
	Чуд.	Косм.	Пс.	Цв.	Авв.	Час.	Егор. ев.	Тотьма	Деулино	Белёв	Опочка	Лит. норма
prȍdalъ, -o, -i	–	–	–	–*	–*	+	+	–	–	+*	+	∓
prȍzъvalъ, -o, -i									+	+		+
prodalȁ (sę)	–	–		–	–		–	–	–	–	+	–
prozъvalȁ (sę)										–*		
prodal-ó sę, -í sę		–			–			–	–	∓	+	∓
prozъval-ó sę, -í sę												
prodalъ sę́		+,H	+	H	±		+	–*	–	+	+	±
prozъvalъ sę́									∓			+*
prȍstilъ, -o, -i	–*	–*	–*	±	+	+	+	+	+*	+	+	+
prostilȁ	–	–	–*	+	+	∓	+	+	+*	+	+	+
prostilȁ sę		–*	+*	+*	+*		+	+	+	+*	+	+
prostil-ó sę, -í sę	–	∓	+		+		+	+	+	+*	+	+
prostilъ sę́	∓	+,H	+	H,+	+,H	∓	+	+	+	+	+	+

тем фактом, что Аввакум – уроженец села Григорова (ныне Горьковской области).

Проведенный разбор показывает, что в прош. времени у V-корневых, *а*-глаголов и *i*-глаголов возникали одни и те же акцентные инновации. Важнейшие из них: 1) замена ударения на *ся* в *простилсѧ́*, *прозвалсѧ́*, *продалсѧ́* наосновным (предфлексионным или начальным); 2) замена начального ударения в *прȍстил, -о, -и, прȍзвал, -о, -и, прȍдал, -о, -и* предфлексионным; 3) замена флексионного ударения в *простилȁ*, *прозвалȁ*, *продалȁ* таким же ударением, как в словоформах на *-л, -ло, -ли*. Интенсивность каждой из этих инноваций максимальна у *i*-глаголов, меньше у *а*-глаголов, еще меньше у V-корневых глаголов. У *i*-глаголов, кроме *родить(ся)*, все три инновации победили практически повсеместно; у прочих глаголов они дошли до границ, показанных на карте 2. В таблице 6 графа опочецких говоров представляет ту зону, где соединились все три инновации, причем каждая в ее максимально сильной форме; соответственно, эта система представляет собой предел акцентной эволюции. Современная литературная норма с диалектологической точки

зрения оказывается примерно между деулинской и белёвской системами; но разговорная речь гораздо более продвинута в сторону системы с повсеместным наосновным ударением.

По данным памятников, инновация 1 возникла у *i*-глаголов не позднее XIV в. (Чуд.), у прочих глаголов - не позднее XVI в. В XVI в. она проведена у глаголов всех типов в южновеликорусских памятниках Косм. (кроме словоформы *родилсѧ*) и Пс., а также в Цв.

Инновация 2 возникла (у глаголов всех типов) не позднее XV в. (Час.), инновация 3 у *i*-глаголов - тоже не позднее XV в. (для глаголов прочих типов недостаточно данных). В XVI в. инновации 2 и 3 представлены в нашем материале в основном в западном памятнике Егор. ев.

Таким образом, предположения об исторической эволюции подвижного ударения в прош. времени, высказанные в конце § 34, не противоречат данным памятников. При этом, однако, памятники позволяют выявить некоторые особенности этой эволюции, невыводимые из современных диалектологических данных. Так, из карты 2 видно, что в настоящее время северо-восточные границы ударений *нача́л, отда́л* и т.д. и ударений *нача́лся, взя́лся* начиная со Ржева и далее к юго-востоку в основном совпадают. Между тем в Космографии представлена система типа *на́чал, нача́лся* (т.е. у V-корневых глаголов инновация 1 осуществлена, а инновация 2 - нет). Отсюда следует, что на южновеликорусской территории эти две инновации достигли своих нынешних границ неодновременно: инновация 1 распространялась раньше, чем инновация 2; последняя "догнала" первую лишь после XVI в.

Деепричастие прош. времени у глаголов с подвижным ударением в прош. времени

§ 37. Первоначально словоформы на *-ъ(-въ)*, например, *умеръ, подавъ, собравъ, говоривъ*, были здесь энклиномена-ми[75] (Станг, с. 145; Дыбо 1962, с. 24); но в этой группе словоформ процесс перехода к предфлексионному ударению шел интенсивнее, чем в прош. времени.

В Чуд. в данной форме у V-корневых глаголов полностью сохраняется старое ударение: *прⷭ́сте*^{р} 17а, *оу́меръ* 85б, *по́давъ* 71б, *пре́|давъ* 66в; ср. также *давшѹ̀* Д.ед. 118б, *вдавшѣ̀* 76б, *оумершѝ* 108а, *оумершѣ̀* 102в и некоторые др. У прочих глаголов ударение уже колеблется: ср. старое ударение в *со́звавъ* 163в, *не́ положи*^{в} 37г, *ствóривъ* 79г, *на́оучивъ же* 140б, *вспо́мяноувъ* 140б (менее надежно *о́бщетивъ* 31г)[76] и новое ударение в *призва́в же* 75г, *при|гвозди́въ* 131а, *вложи́въ* 95б, *про|оубѣди́въ* 127г, *вспомяноу́въ* 86б,

[75] Исключение составляют, согласно Дыбо, глаголы с корнями **čьn-* и **jьt-* (акцентуированные в презенсе по а.п. *b*): у них данная форма была конечноударной.

[76] Однако приводимое Стангом (Станг, с. 145) *ѡ^{т}пустивсѧ̀* 162а следует исключить: это *ѡ^{т}пусти всѧ̀* ἐπέλυε πάντα (Марк, IV. 34).

140б (ср. также *призва́вше* 60г, 62а, *ѵгоди́вши* 19б и другие).

В Косм. и Цв. представлена переходная система, в которой данное деепричастие еще сохраняет (хотя бы факультативно) старое ударение у V-корневых и *а*-глаголов, но уже перешло (если не считать единичных реликтов) к новому ударению у *і*-глаголов. О Косм. см. § 30. В Цв.: *и́збывъ* III 203б, *пре́бывъ* III 62, *о́бвивъ* III 70, *по́вивъ* II 75, *по́давъ* (4×: II 9 и др.), *пре́давъ* 76б, 122, *со́здавъ* (4×: 158б и др.), *сѳбравъ* (3×: III 60 и др.), также *ѡковавъше* 194б; однако примерно столь же часто и *пребы́въ, обви́въ, пожи́въ, подда́въ, раздра́въ* и т.д. Между тем у *і*-глаголов в Цв. господствует *-и́въ: испѵсти́въ, наоучи́въ* и т.д.; начальное ударение лишь в *о́дѵшивъ* 9б, *по́ложивъ* 171, *ро́дивъся* III 96, 134б, *я́вивъся* III 145б, 154.

Новое ударение во всех морфологических классах (например, *собра́въ, пожи́въ, не да́въ, пи́вше, собра́вшеся, положи́въ, наоучи́вся* и т.д.) проведено в Час. и Егор.ев. (отклоняется лишь единичное *вмѣ́нивъ* Час. 286).

Страдательные причастия прош. времени

§ 38. Наибольший интерес представляет акцентуация кратких форм страдательных причастий прош. времени с суф. *-ен-* и *-н-* от глаголов с подвижным или флексионным ударением в прош. времени.

В моделях *проданъ* и *прозванъ* первоначальным было маргинально-подвижное ударение (Станг, с. 147), например: **prъ̀danъ, *prodanà, *prъ̀dano, *prъ̀dani*. Такое же ударение можно предполагать для праславянского в моделях *прощенъ, привезенъ* (см. Дыбо 1968, с. 209, Акц. Мер., § 91). Однако в восточнославянском в последних двух моделях достаточно рано маргинально-подвижное ударение было заменено (по-видимому, во всех говорах) флексионным. Дальнейшее акцентное развитие в разных говорах различно.

Важнейшее диалектное различие касается моделей *прощенъ, привезенъ*, а именно, в XIV-XVII вв. здесь возможно флексионное ударение (*-е́нъ, -ена̀, -ено̀, -ены̀*) или суффиксальное (*-е́нъ, -е́на, -е́но, -е́ны*). Ударение *-е́нъ, -ена̀, -ено̀, -ены̀* представлено (всегда или лишь с единичными отклонениями), в частности, в Чуд., Мер., Косм., Дом., Трав.; см. также ниже о Ратн., Улож., Авв. Ударение *-е́нъ, -е́на, -е́но, -е́ны* последовательно проведено, в частности, в Егор. ев., Муз. ев., Ап., а также во многих других рукописях XV-XVII вв., не включенных в настоящую работу. Со временем (по-видимому, в XVII в.) это ударение становится церковнославянской нормой (действующей и поныне). В некоторых памятниках при безусловном преобладании суффиксального ударения встречается также и более старое флексионное; таковы, в частности, Пролог, Фер., Цв.

Можно предполагать, таким образом, что в XVI-XVII вв. ударение *-ена̀, -ено̀, -ены̀* было характерно в основном для восточных и срединных южных говоров, *-е́на, -е́но, -е́ны* — в основном для западных. Следует учитывать, однако, что в связи с включением суффиксального ударения в церковную

норму различие типа *разоре́но* - *разорено́* приобрело стилистический (а не просто диалектный) характер. Так, в московских церковных изданиях XVII в. выступает *-е́на, -е́но, -е́ны* (иногда также *-е́нна, -е́нно, -е́нны*), в светских (Ратн., Улож.) — обычно *-ена́, -ено́, -ены́*; у Аввакума находим, например, *разорено́* 37б, *растащено́* 37б, *ѡ^{т}ворены́* 67б, *говорено́* 75, 78б в бытовом тексте, но *рече́нно* 113б, *ѡблече́ны* 136, *розведе́ни* 142 и т.п. в богословском.

Оба эти типа акцентовки известны и в современных говорах. Например, тотемский говор, описанный О. Броком (см. сноску 73), обнаруживает в рассматриваемых причастиях флексионное ударение (как литературный язык), белёвский говор, описанный А.А. Даниловым[77], - суффиксальное. Кроме того, встречается также акцентовка типа *прине́сен, -а, -о, -ы*; она представлена (наряду с суффиксальным ударением), например, в мосальских говорах, описанных О. Броком[78]. Вопрос о распределении этих трех типов акцентовки на великорусской территории требует дополнительного исследования.

§ 39. Для моделей *проданъ, прозванъ* (приставочных) в обследованном нами материале можно различить по меньшей мере четыре системы акцентовки, см. табл. 7 (бесприставочные *дана, дано, даны* при всех этих четырех системах имеют флексионное ударение).

Системы перечислены в порядке нарастания числа инноваций. Парадоксальным образом самая архаичная система (вообще без инноваций) представлена в современном литературном языке (по-видимому, отражающем в этом пункте акцентуацию восточных говоров), а самая продвинутая система — в древнейшем памятнике Чуд.

Система 2. Цв.: *пре́данъ* 101, *да не́ преданъ бы́хъ былъ* 139б, *пре́дана* В.ед. 101, *предана́* И.ед. 133б, *преданѡ́* 144, *про́данъ* (5×: 38 и др.), *-ѹ* Д.ед. 87, 91б, *со́зданъ* 95, *-ѹ* Д.ед. 114, *-и* III 174, *созданѡ́* III 107, *со́брани* (13×: 84б и др.), *собрана́* И.мн. 32 (но также *со́брана* И.мн. 179), *во́звани* 84б, *ѡ́ковани* 194б, 195; бесприставочные *дана́* III 226б, *данѡ́* 140б; отклонения: *избра́нъ* III 237, *пре́дана* И.ед. 42. Фер.: *веданѡ́* 815б, *изданѡ́* 813б, *пре́данъ* 348б, *преданѡ́* 768, 821б, *про́данъ* (ъ вместо ѣ) 791б, *-оу* Д.ед. 837б, *продана́* 834б, *пѡ́звани* 821, *при́званы* 966б, *при́зва́ни* 359б; *данѡ́* 815 bis, *дана́* 291б, *даны́* 749б; отклонения: *избра́нъ* 384, *прода́нъ* 834б, *придана́* 518б, *пре́дана* И.ед. 293б, *-ѣ* Д.ед. 517б. Ср. также Авв.: *ско́ванъ* 67, *ско́ва^{н}* 37, *скова́на* В.ед. 35б, *при́кованъ* 90, *-ы* 94б; *данѡ́* 158 bis; в подвижный тип здесь перешли также *сослана́* И.ед. 37, *посланѡ́* 77, *при́сланы* 77.

---

[77] *Данилов А.А.* Особенности образования и ударения причастий в русских народных говорах. - Учен. зап. ЛГПИ, т. 293, 1968, с. 245-246.

[78] *Брок О.* Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916, с. 39, 75, 116. Заметим, что такую же акцентовку имеют эти причастия в украинском и белорусском, ср. укр. *принесений*, белор. *прынесены*.

Таблица 7

1	2	3	4
Соврем. литерат. язык	Цв., Фер.	Косм.	Чуд., Пролог, Муз. ев.
про́данъ	про́данъ	про́данъ	прода́нъ
продана̀	продана̀	продана̀	продана̀
про́дано	продано̀	продано̀	продано̀
про́даны	про́даны	проданы̀	проданы̀

Система 3 представлена в Косм., см. § 31.

Система 4. Чуд.: *преда́нъ* 69в, *преданꙋ̑* Д.ед. 40г, *-а̀* И.ед. 28а, И.мн. 32г, *предан$^{a'}$* И.мн. 7в, *-и* 68г, *-і́ же* 38г, *прода́нъ* 102в, *проданó* 23г, *избра́нъ* 64б, *избранá* В. ед. 84б, *-оꙋ̑* Д.ед. 84б, *со|бранꙋ̑* 66г, *собранꙋ̀* В.мн. 157в, *ѡснова|нꙋ̀* 126а, *основанꙋ̀* 130в, *основ^{a}|на́* И.ед. 29г (два знака ударения); бесприставочные *данꙋ̀*, *-д*, *-оꙋ̑*, *-ꙋ̀*, *-а̀* (14×), *звани* (6×); отклонения: *преда́на* И.мн. 163б, *основа́|на* И.ед. 5в. Пролог: *преда́нъ* 10б, *преданꙋ̀* 95б и др., *вданꙋ̀* 58 bis, *избра́нъ* 73б, 95, *призванꙋ̑ же* Д.ед. 68б, *прозванá* 50, *-д* 16б, *ѡкова́нъ* 104б. Муз. ев.: *преда́нъ* 62б, 71, 92б, 143, 148, *преданꙋ̀* И.ед. 191б, И.мн. 222, *проданꙋ̀* 161, *созда́нъ* 193б, *звани́* 71, *оснѡванá бо* 28б, *оснѡванꙋ̀* 203б. Ср. также Егор.ев. *преда́нъ* 89 и др. (часто), *преданꙋ̀* 41, 536, *-а̀* 30б, *прѡда́нъ* 253, *данꙋ̀* 317 bis, 513б, 525б, *данꙋ̀* И.ед. 469, 565б, И.мн. 392б и др. (но также *да́но* 16, *зва́ни* 230б и др., *избра́ни* 274б, 552б).

Данные Мер. (*данѡ*, *поданѡ*, *преданѡ* и т.д., *избранѡ*, см. Акц. Мер., § 89) укладываются в любую из систем 2-4, данные Трав. (*на́званъ*, *названа̀*) – в любую из систем 1-3. Колебание в Дом. (*ѡ^{т}данꙋ̀*, *ѡбрандꙋ̀*, *перебрандꙋ̀*, но также *ѡ́брано*), в Ратн. (*розорванꙋ̀*, *ѡснованꙋ̀* и *ро́зорваны*, *со́браны*), также в Улож. (см. Станг, с. 185, замеч. 114).

§ 40. Для прочих групп страдательных причастий ограничимся лишь краткими замечаниями.

Причастия с *-т-* от глаголов с подвижным ударением в прош. времени в целом сравнительно хорошо сохраняют подвижное ударение (модель *за́чатъ*, *зачатà*, *за́чато*, *за́чаты*). Однако в некоторых памятниках, в частности, в Чуд. и в Цв., встречаются отклонения в сторону корневого ударения (*зача́тъ* и т.д.).

Причастия с *-ен-* от *i*-глаголов а.п. *b* имеют корневое (например, *осꙋ́женъ*, *-а*, *-о*, *-ы*) или суффиксальное (*осужéнъ*, *-а*, *-о*, *-ы*) ударение; первое является, по-видимому, более старым. В Косм., Дом., Трав., Ратн., Авв. всегда или почти всегда выступает корневое ударение. В Мер. встречаются оба ударения, но преобладает корневое. В Чуд. Прологе, Цв. и некоторых других памятниках преобладает суффиксальное ударение (но встречается и корневое). В части памятников последней группы (Пролог, Цв.) суффик-

сальное ударение преобладает и в причастиях с *-ен-* от глаголов а.п. *c* (§ 38); таким образом, здесь в акцентуации причастия различие между а.п. *b* и *c* в значительной мере утрачивается. Заметим, что этого различия нет также и во многих современных говорах из числа тех, которые не знают флексионного ударения в данном причастии.

Причастия с *-н-* от *aj-*, *a-* и *ě*-глаголов с тематическим ударением в прош. времени обнаруживают в памятниках с большей или меньшей регулярностью сдвиг ударения влево (*пи́сано, по́сланъ, ве́лѣно* и т.п.). В некоторых памятниках, в частности, в Косм., встречается только сдвинутое ударение (правда, материал здесь не очень велик). В большинстве памятников XIV-XVI вв. встречаются также примеры причастий с тематическим ударением (*писа́но, посла́нъ, велѣ́но* и т.п.); но вопрос о распределении этих двух акцентовок требует дополнительного исследования.

Распределение глаголов по акцентным типам

§ 41. В настоящем разделе разбираются данные обследованных памятников о распределении глаголов по акцентным парадигмам и по группам с разным ударением внутри основы (для глаголов а.п. *a*). Этот разбор позволяет, в частности, выявить случаи перехода тех или иных глаголов из одной акцентной парадигмы (или акцентной группы) в другую. Отметим важнейшие типы таких переходов.

1. "Тематизация" ударения, т.е. сдвиг ударения с корня вправо на тематический элемент (§ 15). Этот сдвиг обнаруживается в ходе истории у многих *i-*, *ě-*, *a-*, *aj-* и *ěj*-глаголов а.п. *a* (у *i* и *ě*-глаголов этот сдвиг приводит к а.п. *c*, у *a*-глаголов - к а.п. *b*; у *aj-* и *ěj*-глаголов а.п. не меняется).

Примечания. 1. На великорусской территории данное явление шире всего представлено в северо-западных памятниках (Час., Пролог, Егор.ев., Муз.ев.) и в Чуд., а также в Авв. Кроме того, это явление широко представлено в староукраинском и старобелорусском (в частности, у Берынды; см. также Огиенко, с. 446-449). Таким образом, тематизация характерна для всей западной половины восточнославянской области (и, по-видимому, также для дальнего великорусского севера - района старой новгородской колонизации). 2. В отглагольных именах (особенно на *-ние* и *-тель*) сдвиг ударения повсеместно происходил интенсивнее, чем в самих соответствующих глаголах.

2. Переход от а.п. *b* к а.п. *c* у *i*-глаголов (сокращенно: переход "*b* → *c*").

3. Переход от а.п. *c* к а.п. *b* у *i-* и *ě*-глаголов (сокращенно: переход "*c* → *b*").

Все эти переходы носят нефонетический характер. Мы имеем здесь дело с различного рода выравниваниями и с формированием новых морфологических или семантических правил распределения глаголов по акцентным типам.

Последующий разбор охватывает не все морфологические классы глаголов; основное внимание уделено *i-* и *ě*-глаголам.

i- и *ě-глаголы*

§ 42. В разборе учитывается прежде всего материал основной группы памятников: Чуд., Мер., Косм., Цв., Дом., Трав.

Если при некотором глаголе дано, например, указание "Чуд. *c*", это означает (если прямо не оговорено иное), что все содержащиеся в Чуд. словоформы самого этого глагола и всех его приставочных производных акцентованы так, как требуется (или хотя бы допускается) в "точечной" системе[79] Чуд. для слов а.п. *c*, и притом ни в какую другую а.п. засвидетельствованная совокупность словоформ не укладывается. Указание вида "Чуд. формально *b* или *c*" означает, что в Чуд. не встретилось словоформ, позволяющих различить а.п. *b* и *c* (но гарантировано, что это не а.п. *a*). Указания вида "Чуд. *c*" или "Чуд. формально *b* или *c*" даются только для памятников основной группы. Они всегда основаны на полном материале соответствующего памятника; однако из-за недостатка места сам материал приводится только в особо интересных случаях (и не обязательно в полном объеме). Материал Косм. см. в §§ 17-31, материал Мер. - в работе Акц. Мер.

В разбор не включены *i-* и *ě*-глаголы с неслоговым корнем - *льстити, мстити, зрѣти, мнѣти* и т.п. (они требуют особого анализа).

А.п. *a*

§ 43. Ниже приведены важнейшие *i*-глаголы, для которых материал всех памятников основной группы укладывается в рамки а.п. *a*[80] (если не считать некоторых колебаний в Чуд., о которых см. § 45): *бабити* (Цв.)[81], *-бавити, о-богатити* (Чуд.), *вадити, величити, воложити* (Трав.), *высити(ся)*[82], *вѣрити, -вѣсити, вялити* (Дом.), *гадити* (Трав.), *гладити* (Трав.), *готовити, грабити* (Дом.), *жалитиси* "жаловаться", *жалити* "жалить" (Трав.), *жилитися* (Трав.), *квасити, кручинитися* (Косм.), *пре-лазити* (Чуд.), *-малити, медлити, множити, молвити, мыслити, мучити* (Трав.), *мѣрити, мѣтити, у-низити* (Косм.), *нудити* "понуждать", *парити* (в воздухе; Чуд.), *парити* (пищу; Дом.), *печалити, -полнити, портити, правити, о-правдити, противитися, по-работити, у-ранити* "прийти рано" (Чуд.), *ранити* "нанести рану", *ратитися* (Чуд.), *встрѣтити* (Косм.), *салити* (Трав.), *-силити, о-склабитися, -слабити, славити, ставити, у-сыритися* (Цв.), *тѣшити, чистити (цѣстити), ѣздити* (Косм.).

---

[79] Описывать полностью каждую из этих "точечных" систем мы здесь, разумеется, не можем; ряд существенных частных сведений об этих системах см. в § 32-40.

[80] Для глаголов *бабити, воложити, вялити, гадити, гладити, жалити, жилитися, мучити, салити* встретились только словоформы не позволяющие отличить а.п. *a* от *b*.

[81] Название памятника в скобках означает (в настоящем параграфе), что глагол встретился только в этом памятнике.

[82] Здесь и в дальнейшем *ся* выписывается лишь там, где возвратный глагол встречается чаще невозвратного.

К а.п. *a* относятся также *i*-глаголы, образованные от именной основы, уже содержащей приставку, например: *подобити-(ся)*, *-законити*, *покоити*, *у-сугубити*, *неволити* (по-видимому, сюда же *ударити*).

Особо отметим *жарити* (Косм. *жа́рен-ые*, *-ы*^{x}, Дом. *ижжа́-ритъ* 69б, Авв. *жа́ри*^{m} инф. 54б), *ощедрити* (Чуд. *ощедрю* 103г bis, Цв. *ощедр-ивъ*, *-итъ* и др.), которые, по-видимому, примыкают к § 48.

§ 44. Для группы *i*-глаголов можно предполагать в восточно-славянском первоначальную а.п. *a*[83], но фактически для них засвидетельствована не только а.п. *a* или просто не а.п. *a* (причем обычно в более поздних памятниках больше отклонений от а.п. *a*): *ближитися* Чуд. *a*, Цв. *a*, Трав. *c* (*приближи́тся* 465 bis); *здравити* Трав. *c* (*здрави́тъ* 297); *злобити(ся)* Чуд. *a* (*озло́б-ити* 66в, 71в, *-и* аор. 62в и др. формы), но также *да не злоби́мъся* 124б, *озлобле́нымъ* 148в; Мер. *a*; Цв. *a* (*озло́битися* 133, *ѡзло́б-илъ* 188, *-итъ* 93б) наряду с *c* (*да ѡзлоба́тъ* 50б, 93б, 128); *у-милити(ся)* Чуд. *оуми́ле*^{n}*ѥ* 128б, но *оумили́шася* 60а; Цв. *оумиле́нъ* 150б; *в-мѣстити* Чуд. *a* (*вмѣстити* 52в, 87г и др. формы); Цв. *вмѣст-ила* III 4 и др., *-ивши* III 223, *-и*^{m}*ся* 32б, но также *вмѣст-и́ла* III 35б, 38б, *-и́вши* III 30б; *сквернити* Чуд. *a* (*оскве́рн-ити* 76б, *-иша* 150б и др. формы), Цв. *c*; ср. Пс. *ни о́скверню же* 98; *-сытити* Чуд. *a* (*насы́тіти* 9в, *на|-сы́щюся* 107а и др. формы), но *насы|ще́нии* 29в; Цв. *a* (*насы́титися* и т.д.), но *насыщѫ* 186; Дом. (в другом значении) *сыти́ти* 4б, 79б, *сы́чен-ые* 90б, *-ая* 91; *о-сѣнити* Чуд. *a* (*осѣні* аор. 10а, *въ осѣненьи* 81б), но также *осѣні́* аор. 32а (если это действительно *i*, а не *ѣ*); Цв. *a* (*ѡсѣнити* 182б, *осѣн-илъ* 136, *-итъ* 131), но также *осѣни́ тя* аор. III 244; ср. Пс. *о́сенилъ* 149б; *чудитися* Чуд. *a*, Цв. *что́ чю́дитеся* III 123 и *что́ чюдите́ся* III 57б; *язвити* Чуд. *a* (*ꙗзвівше* 36б), Цв. *a*, Трав. *c* (*оуꙗзви́тъ* 484). Во всех этих случаях можно предполагать, таким образом, тематизацию ударения (§ 41).

Возможно, сюда же относятся: *у-далити* Цв. *a* (*оудал-ится* 130б, *-и* повел. 120, *-ившимся* 39), но также *оудали́шася* 165; ср. Пс. *оудали́лъ* 111; *рушити* Чуд. *разроуши́шася* 61г; Косм. *не ру́шилися* 77, но *не руши́лося* 110; Цв. *разрѫшивши* 178, *разрѫшитъ* III 237, но также *разрѫш-и́ти* 34, *-и́лъ* 8, *ра*^{з}*дрѫши́тъ* 130; ср. Фер. *разрѫши́ти* 803б, *пороу́шитъ* 757б; *страшити* Чуд. *оустраши́ти* 120а, Косм. *а* (*устра́ш-а*^{m}*ся*, *-и*^{л}*ся*, *-илися*), но также *устраши́ти* 85б; Цв. *оустра́шится* 8, III 231, *ѡ*^{m} *кого́ ся оустра́шѫ* 236, но чаще *оустраш-и́тъ*, *-и́теся*, *-и́въся* и др. формы; Дом. *оустраши́теся* повел. 16;

[83] В основном это производные от имен а.п. *a*; о принципе сохранения отыменными *i*-глаголами акцентной парадигмы исходного имени см. Станг, с. 112, Дыбо 1970, с. 54.

ср. Пролог *ся ѹстрашúти* 79б; *по-сѣтити* Чуд. *посѣтúсте* 14б, *посѣтúвѣ* повел. 69в, Цв. *с* (*посѣтúтъ* 4б bis и т.п.), но также *посѣтивъ* 15; ср. Пс. *пóсети*^{Л} 172б, 173, Егор. ев. *посѣтивъ* 380; *-хитити* Чуд. *всхúти*^{т} 47а, *расхúти*^{т} 46г, *расхúще*^{н}*е* 53а, но также *расхíтí*^{т} 7г, *всхищенѣ* 120г, *-à* В.ед. 120г, *всхитúти* 75г и др., *всхитú* аор. 64а; Цв. *а* (*восхúт-илъ* 15, *-ятъ* 130б); *-ширити* Чуд. *а* (*рашúрите* повел. 118в), Цв. *разшúрившася* III 29 и *разширúлъ* 67б, 157б. Отметим еще Фер. *продолжúть* 804, Улож. *продолжúтся* 114.

§ 45. В более интенсивной форме, чем в основной группе памятников, тематизация ударения обнаруживается в северо-западных памятниках. Так, в Час. находим, в частности: *да приближúтся* 210б, *ѡбогатúвся* 266, *ѡбогатúлсѧ* 271, *высúтися* 237б, *возвысúвся* 305, *възвысúвся* 310б, *ѡзлобúти* 210, *ѹмнѣ*‖*жúлъ* 275б, *мѧчя́щихъ* 254, *оуневѣстúся* 2 ед. аор. 328, *сподобúся* аор. 320 bis, *сподобúлсѧ* 315б, *сподобú мя* повел. 223, 243б, *исполнú мя* повел. 451б, *не поработúмся* 205, *разрѹшúлъ* 212, 266б и др., *славя́ще* 336б, *насытя́тся* 213, *насú*‖*тя́тся* 219б, *чюдя́ся* 303б, *ѹказвúлъ* 330, *оуказвúвши*^{с} 326. В Прологе: *мѧчúмъ* прич. 93б, *нѹдя́ще* 8б, *ноудя́щѹ* 43, *не ѡправдѫ* аор. 109, *насытúтися* 68, *възхитѫ* аор. 106, *възхúтѫ* аор. 79б, *чюдúвся* 6. В Егор. ев.: *приближúся* аор. 35, *сподобúмся* 104, *спѡдобúлся* 324б, *ѹподобúмся* 215, *не оправдúтся* 57б, *оусырéна* И.ед. 241б, *насытúтися* 19, *очистúхомся* 41, *очищéнѣ*^{м} Д.мн. 65б и другие. В Муз. ев.: *окаменéно* 138, *славѧ* 197б, *славя́ще* 185 bis, *молвя́ше* 223б, *смысля́ща* 125б, 212б, *поставѫ* аор. 191б, *насыт-úти* 137, *-úшя*^{с} (часто: 57б и др.). При этом во всех четырех рукописях в тех же словоформах встречается также и корневое ударение.

Из основной группы повышенную склонность к тематизации ударения обнаруживает Чуд. Помимо уже отмеченных выше примеров для *злобитися, умилитися, рушити, страшити, насытити, осѣнити, -хитити*, укажем: *взвисúтъ вы* 82в, *размѣрú* аор. 120а, *-ú*|*лъ* 110г, *поноудѫ* аор. 162б, *славúмъ* прич. 162г, *ѡ*^{т}*ставúти* 93б, *очї*|*щéнымъ* Д.мн. 146б (ср. также *помнúте* повел. 49г); менее надежно читаются: *исполня́тъ*^{с} 15а, *ісправíте* 41в, *прославѝ* аор. 60б, *оутѣшúшася* 73б[84].

Отметим также в Авв.: *мѧчúли* 67, *мѧчúли* 93б, *помú*|*слúвъ* 138, *опечáлúхся* 100 (при более частых *мѧчили* и т.д.).

Повышенную склонность к тематизации ударения обнаруживает также староукраинский (см. Огиенко, с. 449).

§ 46. Из *ѣ*-глаголов первоначальную а.п. *а* следует предполагать для *видѣти* (с обособившимися производными *ненавидѣти, обидѣти*), *слышати, висѣти, скорбѣти*. Практически,

[84] Написание *вадитѐ* 40а двусмысленно: *-тѐ* может отражать либо акцентовку по а.п. *с*, либо передавать второстепенное ударение (при необозначенном главном ударении на корне); см. Противоп., § 16.

однако, для каждого из этих глаголов встречаются также примеры с тематизацией ударения; при этом *висѣти* и *скорбѣти* по общему правилу (§ 41, п. 1) включаются в а.п. *c*, а *видѣти* и *слышати* сохраняют корневое ударение в личных формах презенса.

Тематизация ударения у *видѣти* и *слышати* (всегда лишь факультативная) представлена в северо-западных памятниках и в Чуд.; у *видѣти* (но не у *слышати*) она иногда встречается и в других памятниках, в частности, московских.

Так, в Чуд. при десятках примеров с корневым ударением находим: *ви́дѣста* 41г, *ві|дѣсте* 44в, *видѣв же* 93б, *видѣвше* 156а, *ві́дѣвше* 159г, *обидѣни* 117а; *слы́|шаша* 26б, *слышаша* 22б, 42г, *слышаи* 159а, *слышащи*^{x} 61б[85]. Примеры из Час.: *видѣти* 225, *видѣвъ* 269б, 296, *прѣобидѣвъ* 325, *слышащи* 453, *ѹслышá* аор. 208б, 221, *оуслышáвъ* 315б и т.п.; из Пролога: *видя́ше бо* 87б, *слыш-а́въ, -а́вше, -а́хъ, -а́ше, -а́ще* и т.п. (часто); из Егор. ев.: *видѣ́вше, видѣхомъ* и т.п. (часто), *обидя́ще* 37б, *слышáнїа* 53б; из Муз. ев.: *видѣти, видѣ́, видѣвше, видя́ще, ненавидя́щи*^{м} (очень часто); *слыша́ти, слышà, слыша́щимъ* и т.п. (очень часто). Ср. также в Ап.: *видѣхъ* 14, 150б, *видѣхомъ* 121, *видя́ще* 86б, *ненавидя̀* 76, *-я́и* 76, *обидѣ́* 177б, *обидя́и* 177б и др. формы (но ударения *слыша́ти* здесь нет).

С другой стороны, в Косм. и Трав. у глаголов *видѣти* и *слышати* (встречающихся часто, особенно в Косм.) тематизация ударения не отмечена ни разу. В Цв. встретилось единичное *видѣ́* 149б (не считая слов *видѣ́нїе, привидѣ́нїе*) при постоянных *ви́д-ѣти, -ѣ, -ѣвъ, -я* и т.д.

У глагола *висѣти* старое ударение находим в Чуд.: *ви́сяхуˀ* 38а, *низъви́|сящю* В.ед. 65а (*висящю̀* В.ед. 66а двусмысленно, ср. сноску 84); также в Цв.: *ви́ситъ, ви́сяща* В.ед., *ви́сима* В.ед. (часто; однако также *вися́ща* В.ед. 137 bis, *вися́и* 175); в Ратн.: *ви́сятъ* 45, *не ви́сѣла* 46. С другой стороны, новое ударение представлено в Час. (*виси́тъ* 417, *вися́ща* В.ед. 347), Егор. ев. (*висѣти* 63), Ап. (*вися́щъ* 19б, *-ѧ* 51б), Авв. (*виси́тъ* 153б, *вися́тъ* 98), по-видимому, также в Косм. (см. § 19). В отличие от Ап., в более поздних церковнославянских изданиях нормой (действующей и поныне) является ударение *ви́сѣти, ви́ситъ*; ср. также книжное слово *зави́сѣти*, которое с таким ударением вошло и в литературный язык.

У глагола *скорбѣти* в Чуд. строго а.п. *a* (*ско́рбѣти, ско́рбя, ско́рбяще* и др. – всего 9×), но в позднейших памятниках уже а.п. *c*, ср., в частности: Пролог *скорбѣти* 107б, *скорбитѐ* 51, *не скорбѝ* 60; Час. *скорбя́щиˀ* 453 и др.; Егор. ев. *скорбѣти* 111 и др.; Цв. *поскорби́тъ* 125б, *скорбитѐ* III 167 и др. формы; Дом. *скорбя̀* 24б.

З а м е ч а н и е. Глагол *вѣдѣти* в Чуд. состоит из двух полупарадигм с разными морфологическими и акцентными характеристиками: а) система инфинитива-аориста соответствует *ѣ*-глаголу а.п. *a* (*вѣ́дѣти* и т.д.); сюда же от-

[85] О написаниях *слы́шастѐ, слышѝтѐ* и т.п. см. Противоп., § 16.

носятся те словоформы презенса и императива, которые образованы по модели *ѣ*-глаголов (3 мн. *вѣ́дя*^{т}, повел. *вѣ́дите*), а также аномальное 1 ед. *вѣ́дѣ*; б) система презенса (включая причастия), кроме указанных словоформ, относится к атематическому типу и акцентуируется по а.п. *c* (*вѣ́сѝ, вѣ́мѝ, вѣ́стѐ, вѣ́доущѐ* и т.д.). В Мер. причастие презенса *вѣ́домо* представляет собой энклиномен (Акц. Мер., § 88), что тоже указывает на а.п. *c*.

А.п. *b*

§ 47. Приводим важнейшие *i*-глаголы, для которых материал всех рассмотренных памятников укладывается в рамки а.п. *b*. При каждом глаголе указаны (до пометы "ср.") памятники основной группы, в которых он засвидетельствован с а.п. *b* (или хотя бы формально с а.п. *b* или *a*)[86]; после пометы "ср." могут быть приведены данные (не обязательно полные) из прочих памятников и другие дополнительные сведения.

Сюда относятся: *блудити* Чуд. (*блоу́димъ* 112а, *блоу́дѣ́те* 22г)[87], Цв. (*блѫ́дятъ* 184), Дом. (*блѫ́дятъ* 36); ср. Фер. *съблоу́дить* 756б, Ап. *сблѫ́ди*^{м} 122б; *боронити(ся)* Косм., Трав.; ср. Ратн. *боро́нится* 73; *бродити*: ср. Авв. *бро́дя*^{т} 102, *збро́д-и*^{т} 40б, *-и*^{м} 103; *бѣ́ситися* Цв. (*бѣ́сится* 81б), Трав. (*бѣ́шенъ* 54б, 327, *-а*^{а} 491); ср. Авв. *взбѣ́сится* 95; *водити* Чуд., Мер., Косм., Цв., Трав.; *возити* Косм., Трав.; *волочити* Дом. (*не разволо́чено* 93б); ср. Фер. *своло́чя*^{т} 749б; *вопити*: ср. Авв. *во́пить* 20, *во́пять* 21, 133б, *вопи́лъ* 155; *-глотити* Трав. (*прогло́тить* 481, *прогло́тить* 536б); ср. Фер. *погло́тим же* 99, Чуд. *погло|ти́ти* 85г; *гонити* Чуд., Мер., Цв., Дом., Трав.; *давити* Косм. (*задо́вле*^{н} 96б); Трав. (*оудо́ви*^{т} 186б); ср. Чуд. *оудо́влениѧ* (3×: 74б и др.), Цв. *оудови́лъ* 70; *женитися* Чуд.; *казнити*: ср. Фер. *казни́ти* 756, *ка́зн-итъ* 755б, *-ить* 756б, *да ка́зня*^{т} 757, Косм. *казни́лъ* 187б; *кормити* Косм., Трав.; *купити* Чуд., Косм., Дом.; *со-во-купити* Чуд. (*совокоу́пи*^{т} 129г, *совокоу́пленыѧ* 41а), Цв. (*совокѫ́п-иши, -итъ, -лено* и др. формы); *в-кусити* (*у-*) Чуд. (*не вкоу́си*^{т} 46а), Трав. (*оукѫ́сить* 491б, 495б и др.); ср. Косм. *укуси́ла* 33; *ис-кусити* Чуд. (*не іскѫ́си*^{ш} 28а, *искоу́сите* 115в), Цв. (*искѫ́сѡши* III 172, *ис-*

[86] Для глаголов *бѣ́ситися, волочити, скоблити, -сочити, чернити* встретились только словоформы, не позволяющие отличить а.п. *b* от *a*. Это верно также для глагола *пособити*, но здесь действительно неясно, какая из двух а.п. более вероятна.

[87] Чуд. *блоудитѐ* 22г двусмысленно, ср. сноску 84.

кѫсíлъ 89); *ломити* Чуд., Трав.; ср. Ап. *лóмимъ* 123, Косм. *изломúлося* 71б; *лупити* Косм.; ср. Пролог *ѡблѫпить* 87б [*ѡ* вместо *ѡ̀*]; *любити* Чуд., Косм., Цв., Дом., Трав.; *молити* Чуд., Мер., Косм., Цв.; *мочити* Дом. (*не измóчено* 32, *не намóчено* 98б, 101б), Трав. (*мѡ́чить* и т.д. [около 400×]); *с-мѣсити* Цв. (*смѣшен-ѵ* III 239, *-ни* II 55, *смѣсúвъ* 70б), Трав. (*смѣшенъ, -а, -о* [часто], *примѣшена* 97б, *смесúв* 536б; но однажды *смѣшенѡ̀* 466б); *носити* Чуд., Мер., Косм., Цв., Дом., Трав.; *палити* Цв. (*пáлитъ мя* III 230б, *палѧ̀* 92б); ср. Авв. *ѡпáлиши* 101; *просити* Чуд., Мер., Косм., Цв., Дом., Трав.; *своити* Мер.; *скоблити* Трав. (*скóблимъ* 412); *скочити* Мер.; ср. Косм. *ѡ^{б}скочúли* 109, *прискочúли* 84; *служити* Чуд., Цв.; *смотрити*[88] Мер., Косм., Цв., Трав.; *-сочити* "вести тяжбу" Мер.; ср. Фер. *не ѡсóчя*^{т} 987, *досóчится* 991б; *судити* Чуд., Цв.; *томити(ся)* Чуд., Мер., Косм., Трав.; *травити* "переваривать пищу" Трав. (*трáвить* 487б, 489 и др., *стрáвить* 489, *истравúлъ* 490б, *истрáвлено* 488б); *трубити* Цв. (*вострѵ́би*^{т} 27); ср. Чуд. *в ... троýбленьи* 115б, Егор. ев. *троýби*^{т} 39; *тужити* Косм. (*тýжа*^{т}*чи* 157б, *тужúли* 158); *хватити* Чуд. (*всхвáти*^{т} 35б); ср. Косм. *похватúли* 87б, 98, *ухватúли* 190б; *ходити* Чуд., Мер., Косм., Цв., Дом., Трав.; *хоронити* Косм. (*похорóне*^{н} и т.д., *похоронúли*, §§ 23, 31); *прицѣпитися* Чуд. (*прицѣпять|ся* 105а, *прі|цѣпятся* 105а); *чернити* Косм. (*чéрня*^{т} 42), ср. Пролог *ѵ́чéрнене* Зв. ед. 79б.

Кроме того, отметим: Авв. *брос-úлъ, -úла, -úли, -úла*^{с}, *-úли*^{с} (9×: 8, 50, 72б, 106б и др.); Егор. ев. *лоýнится* "somnambulat" 246; Дом. *наря́д-и*^{т} 69б, *-я*^{т} 80 (ср. Фер. *ѡбря́ди*^{т} 757б); Трав. *цѣ́мить* 279б, 306б. Едва ли первична акцентовка по а.п. *b* в случае: Трав. *ка́з-ить* 520, *-ать* 522, *ска́зить* 527, Косм. *исказúли* 143, ср. Чуд. *прока́же*^{н} И.ед. 17а, Р.мн. 36г, Цв. *прока́жен-ое* 38, *-ыя* 106, 132.

З а м е ч а н и е. 1 мн. повел. у глаголов а.п. *b* может либо совпадать с 1 мн. презенса, либо сохранять исконное флексионное ударение, как в Чуд. *не любѝмъся сло|вомь ... но дѣло*^{м} 89г, Час. *въсхвалúмъ* 256б, *похвалúмъ* 281б (ср. соврем. укр. повел. *ходíмо, ходíм* и т.п.).

[88] Первоначальный корень **motr* здесь уже сросся с приставкой *съ*. Перевод в класс *ѣ*-глаголов происходит (притом не во всех говорах) лишь с XVI–XVII вв.

Возможно, что в какой-то косвенной связи с ударением повел. наклонения находятся также и случаи ударения *-и́ши* во 2 ед. презенса у глаголов, в остальном акцентуированных по а.п. *b*: Чуд. *взлюби́ши* 124а, Муз.ев. *взлюби́ши* 222б (оксия над *ю* зачеркнута), Час. *моли́ши* 216, *осѫди́ши* 225, Егор. ев. *помоли́шися* 377б, Цв. *совокѫпи́ши* 55б; возможно, сюда же Час. *воли́ши* 243б, Пролог *блазни́шися* 121б, Фер. *ѡ*^{т}*стоупи́ши* 787б, Цв. *источи́ши* 100, Авв. *не ѡ*^{т}*гони́шъ* 44 (см. § 48). Таким образом, ударение *-и́ши*, засвидетельствованное у глагола, обычно относящегося к а.п. *b*, само по себе еще недостаточно для вывода о том, что в данной "точечной" системе а.п. этого глагола колебалась.

§ 48. Для группы *i*-глаголов (значительная часть которых - это производные от имен а.п. *b*) можно предполагать в восточнославянском первоначальную а.п. *b*, но фактически в рассмотренных памятниках у них засвидетельствована не только а.п. *b*: *блазнити* Чуд. *b* (*да не ... сблажню* 111в, *бла́зни*^{т} 44г, *сбла́зните*^{с} 14г, *сбла́знять*^{с} 14г и т.д.), Цв. *b* (*бла́знитеся* III 29 bis, 30, *небла́знены* III 233б), но также *c* (*соблазните́ся* 83б); ср. Пролог *блазни́шися* 121б, Муз. ев. *собла́зни҄ть* 144 (при обычном *събла́зни*^{т} и т.п.), Пс. *о́блазни*^{л} 120б; *из-волити* Чуд. формально *b* или *c* (*изволи́ся* аор. 69б и др.), Мер. *b* (возможно, наряду с *c*, см. Акц. Мер., § 77), Косм. *a*, Цв. *a*, Трав. *a*; ср. Час. *воли́ши* 243б, Авв. *изволи́ла* 13б (при обычном *изво́лилъ*); *воротити(ся)* Мер. *b*, Косм. *b*, Трав. *b* (*воро́тится* 453), Ратн. *b* (*ѡбворо́т-итъ, -ятся, поворо́т-ишъ, -ится, -ятся* и др. формы) наряду с *c* (*ѡбворот-и́шися, -я́тся, поворотя́тся, обворотили́ся*); ср. также *вырытил-а́сь, -и́сь* в белёвском говоре (§ 35); *добрити* Чуд. *добри́тися* 132б, Цв. *оудобри́лъ* III 131б, но *оудо́бривъ* 162; *красити* Чуд. *b* (*оукраси́ся* аор. 94а, *оукра́шена* И.ед. 38в), Косм. формально *b* или *a* (*кра́ся*^{т} 10б, 43, *укра́ше*^{н}, *-ны* и др., § 31), Цв. *b* (*кра́ситъ* II 6б, *оукра́симъ* 56б, *оукра́шенъ* 86б и т.п., *оукраси҄* повел. 24б), Дом. *ѡкра́шено* 48б; однако Трав. *c* (*краси́ть* 89 bis); ср. Авв. *украси҄* 141б, но *кра́силъ* 143б, *кра́*‖*сити* 162б; *об-личити* Чуд. *b* (*да не обли́чать*^{с} 42в, *обличи́* аор. 56а и др. формы), Цв. *c* (*обличи́тъ* III 22б); ср. Пс. *обличи́ши* 4б; *у-мертвити* Чуд. *оумерь*|*шве́на* Р.ед. 101б, но *оуме́ртвите же* 131б (повел., = νεκρώσατε οὖν, Колосс. III. 5); Цв. *оумертвѝмся* 49 и др., но также *оуме́ртвити* 66; ср. Пролог *аще не оумертвите҄* 125б; *у-мудрити* Цв. *a* (*оумѫ́дрил мя* 161б, *оумѫ́дри* аор. II 70, III 207 и др. формы); ср. Пс. *оу́мѫдрил мя* 134; *-острити* Чуд. формально *b* или *a* (*изо́*|*стренъ* 149г), Цв. *c* (*поѡстри́тъ* 8б); *плодити(ся)* Мер. *b*, Трав. *c* (*расплод-и́тся* 381, *-и́тсѧ* 137); ср. Муз. ев. *пло҆ди*^{т} 123, Егор. ев. *вспло҆дить* 315б, Фер. *припло҆дить* 959б, Косм. *плоди́лися* и др. (§ 23);

плѣнити Чуд. *b* (*плѣ́нени* 38г, *плѣ|ни́въ* 126а), Косм. *плѣнéнъ*, но *плени́ли* (§§ 23, 31), Цв. *c* (*плѣни́тъ* 10б, *плѣненà* II 22б, 28, *пленены̀* III 245б, *плѣ́нилъ* [3×]); *у-праздни́ти* Чуд. *a* (*оупра́зн-итися, -іхся* и т.д.), Цв. *a* (*оупра́здн-илъ* 222б и др. формы), но также *оупраздни́лъ* 226; ср. Ап. *оупра́знитъ* 118 и *оупразни́тъ* 114; *свѣтити* Чуд. *b* (*да свѣ́т-ті*^{m} 4в, *свѣ́тить*^{c} 41б, *пр*^{o}*|свѣ́ті*^{m} 109в, *да просвѣ́тіть*^{c} 4в), однако также *свѣтитéся* 128в, *освѣти́|ть тя* 126г; Косм. *b*; Цв. *b* (*свѣ́тится, просвѣ́т-иши, -итъ, просвѣти́лъ* и др. формы), однако также *про́свѣтилъ* III 8б, 182; ср. Пролог *не просвѣ́тится* 87б, Час. *просвѣти́тъ* 223, Муз. ев. *просвѣти́тся* 20; *строити* Чуд. *пристроится* 114а (оксия плохо видна; в *пристрои́лъ* 53а надстрочный знак может быть и спиритусом); Мер. *b* наряду с *c* (Акц. Мер., § 77); Косм. *a*, Цв. *a*, Дом. *a*; *ступити* Чуд. *о престу́плен*^{ĸ}*і* 16в, *пре|стоу́пленье*^{ĸ} 100а, но ω^{m}*|стоупѝ*^{m} 137а; Косм. *b*; Цв. *b* (*застѫ́пить, ω*^{m}*-стѫ́пятъ, пристѫ́пимъ* и т.п.); Трав. *b*; ср. Пролог *престѫпилà* 69, Фер. ω^{m}*стоупи́ши* 787б; *у-толити* Чуд. *оутол-и́ти* 80б, *-и́въ же* 72г; Мер. *b*; Цв. *c* (*оутоли́тся* 181, *оу́толилъ* [3×]); Дом *c* (*оутоли́ши* 119б); ср. Ратн. *оутѫ́лится* 200б; *точити* "испускать, изливать" Чуд. *не расточи́*^{в} 14а, *расточе́ни* 61г; Мер. *b*; Цв. *b* (*тѫ́ч-иши, -итъ, -ится, -ать, истѫ́чить, источи́лъ* и др. формы), но однажды *источи́ши* 100; Трав. *b* (*тѫ́чить* 102); ср. Егор.ев. *истѫ́чить* 68б, но Пс. *ро́сточи*^{л} 172 (ср. также Дом. *не протѫ́чено* 89, с другим значением); *хвалити* Чуд. *b*, Косм. *b*; Цв. *b* (*хва́л-итъ, -ится, восхва́лить, похва́лимъ* и др. формы), но однажды *да хвали́тъ* 228б; Дом. *b*, Трав. *b*; *хулити* в Чуд. колебание (*хоу́лити, похоу́лиша* и *хоули́ти, похоули́ша*, презенс *хоу́лится, похоу́лится* и *да хоули́тся*).

А.п. *c*

§ 49. Приводим важнейшие *i*-глаголы, для которых материал всех памятников основной группы[89] укладывается в рамки а.п. *c*. К ним присоединено несколько глаголов (*крѣпити, пустити, тушити* и др.), у которых в относительно более поздних памятниках встречается также акцентовка по а.п. *b*, по-видимому, отражающая начало перехода "*c* → *b*" (§ 41). При каждом глаголе указаны (до пометы "ср.") памятники основной группы (с добавлением Пс.), в которых он засвидетельствован с а.п. *c*; после пометы "ср." даются дополнительные сведения.

Сюда относятся: *блажити* Чуд., Цв.; *о-божити* Цв.; *-бранити* Чуд., Косм., Цв.; *о-бременити* Чуд.; *-будити*: ср.

[89] Кроме того, несколько глаголов включено в список на основании данных Фер., Ратн., Улож., Авв.

Ратн. *взбуди́тъ* 27 (но также новое ударение в *збоу́дятъ* 205); *бѣдити* Чуд., Цв., Пс.; *валити* Цв. (*ѡ^{т}вал-и́тъ* II 51, *-ен҃* Д.ед. 13); ср. Постн. *ѡ́^{т}валилъ* 387б, Улож. *повали́тся* 158б, Авв. *повали́тся* 39б, *вва́ли^{л}ся* 52б, *взва́|ли^{л}ся* 57б, *повали|ла́^{с}* 95б; *варити* "coquere" Цв. (*варено҃* 180), Дом. (*варя́тъ, свари́тъ, переварено҃* и т.д.), Трав. (*вар-и́ть, -и́мъ, -я́ть, -ено҃, на́варилъ* и т.д.); *(пред-)варити* Чуд., Цв.; *с(о)-вершити* Чуд., Цв., Пс., Дом.; *веселити(ся)* Чуд., Цв., Пс., Трав.; *винити* Чуд. (*ви́ня же* 116а); *влачити, облачити* Цв.; *вредити* Трав.; *-вѣстити* Чуд., Цв., Пс.; *гасити* Трав. (*гаси́ть* 456б); ср. Егор. ев. *погаси҃ть* 68б; *-гласити* Чуд., Цв.; *гноити* Дом. (*не згноено҃* 89); *говорити* Косм., Дом., Трав.; *-годити(ся)* Мер., Дом., Трав.; ср. Ап. *оу́годи-лъ* 177, *-въ* 222; *городити* Мер., Косм.; ср. Ратн. *огороди́шъ, огороженъ҃, -ы* (7×); *гостити* Мер.; *гнѣздитися* Цв. (*оугнѣзда́тся* 187); *-градити* Чуд.; *по-грузити* Цв. (*погрѫ́женꙑ* 84); *грѣшити* Чуд.; *о-густити* Цв.; *дарити* Косм.; *во-дворити(ся)* Цв.; *дивити(ся)* Чуд., Цв., Трав.; *о-дождити* Цв., Пс.; *доити* Цв., Дом., Трав.; *о-должити* Чуд.; *раз-дражити* Чуд., Пс.; *дробити* Трав.; *во-друзити* Цв.; *-душити* Цв.; ср. Авв. *задꙋша́тъ* 19б, 65; *дѣлити* Косм., Пс.; ср. Ратн. *раздѣл-и́шъ, -и́тъ, -я́тъ, -я́тся* (6×); *у-жасити* Цв. (*да ... оужаси́тъ* III 178б); *у-жастити* Цв. (*да не оужасти́шися* 72б); *о-жестити* Чуд., Цв.; *о-жесточити* Цв.; *живити* Цв., Пс., Трав.; *по-златити* Чуд.; *кадити*: Цв. *кади́тъ, када́тъ, покади́тъ* (8×), но однажды *пока́дитъ* 206б; *катити* Косм.; *клеити*: ср. Ратн. *ѡклеенꙑ* 45б, Улож. *клеи́ти* 264; *-ключити* Чуд. (*не склю҃чи҃ть^{с}* 29а), Цв. (*приключи́тся* 50б); *-корити* Чуд., Мер., Пс.; ср. Постн. *покорила҃* 117, 350; *ис-коренити* Чуд.; *косити* (траву); ср. Улож. *покоси́тъ* 20, 159б; *с-кратити(ся)* Чуд.; *крестити* Чуд. (*кр^{с}ти҃т вы* 16г, *кр^{с}ти҃та́^{с}* 21г), Косм. (*ѡкрещено҃* 136, но прош. вр. по а.п. *b*, см. §§ 23-24); ср. Егор. ев. *кр^{с}ти́тся* буд. 89б (по а.п. *c*), Улож. *крестя́тъ* 51б; *окровавити*: ср. Улож. *окравави́тъ* 71б; *кропити* Чуд., Цв., Трав; *оу-кротити* Мер., Пс., Трав.; *крошити* Трав. (*крашено҃* "накрошено" 503); *со-крушити* Цв., Пс.[90]; ср. Фер. *съкрѫши́тся* 842, 843б; *крѣпи-*

[90] В Чуд. находим только двусмысленные *не скроу́ши́ть^{с}* 51в (с точками над *и* и над *оу*) и *скроуше́ны҃* 28а (с оксией строго над *ш*).

ти Косм., Цв., Трав. (*крепи́ть* 364б, *крепи́ть* 461б, *оукрепи́ть* 85б, 86); ср. Дом. *покрепленѡ* 101б, *перекрѣпленѣ* 81б, но также *перекрѣплено* 81б, *перекре́плены* 80б (с новым ударением); *вос-крѣсити* Цв.; *легчити* Трав. (*легчи́ть* 36, 488б, *оулегчи́ть* 455б); *лишити* Чуд., Цв.; ср. Постн. *лиши-ла́ся* 83; *ловити* Чуд. (*ловя́ть бо* 76а), Мер., Косм.; ср. Ап. *ловя́ть бо* 44, Ратн. *ловя́ть* 33; *лучити(ся)* "случаться" (также *по-*, *при-*, *с-*, *у-*) Чуд., Косм., Цв., Дом.; *раз-лучити* (*от-*) Чуд., Цв.; *лѣнитися* Чуд. (*лѣ|ни́шися* 75а, *да не облѣни́ть*^{c} 64г), Дом. (*лени́тца* през. 99); *лѣпити* Цв. (*прилѣпи́шися* III 139б); *лѣчити* Трав. (*леч-и́ть* 510б, 527б, *-и́мъ* 476, *-а́ть* 189б, *-а́тца* 248б, *лѣч-и́мъся* 45, *-и́мся* 398); *мирити* Чуд., Цв., Пс., Дом.; *морити* Мер., Косм., Пс., Трав.; *о-мрачити* Чуд.; *-мутити* Чуд., Цв., Пс.; *с-мѣжити* Цв. (*смѣженѣ* 201); *-мѣнити* Чуд. (*измѣн-и́мся* 115б, *-я́тся* 143а), Косм., Цв. (*измѣня́тся* III 24, *вмѣня́ть* 46б), Трав. (*премени́тся* 76б, 88, 465, 503б); ср. Ратн. *перемѣня́тся* 92б; *об-нажити* Цв.; *у-пичижити* Цв., Пс.; *об-новити* Цв., Пс.; *норовити* Косм.; *при-общити* Чуд., Цв.; *раз-орити* Чуд., Мер., Пс.; *пакостити* Чуд. (*пакостя́ть* 134б); ср. Егор. ев. *пакости́ти* 211б; *в-перити* Цв. (*вперѝмъ* III 124); *платити* "уплачивать": ср. Ратн. *не плаченѡ* 39, Улож. *не плата́ть* 259б, *не заплат-и́ть* 148б, *-я́ть* 230б; *платити* "исправлять, ставить заплату" Дом. (*поплаченѡ* 46, *исплаченѡ* 60б); *поити* Косм., Цв., Пс., Дом., Трав.; *полонити* Мер.; *постити-(ся)* Чуд., Мер., Цв.; *простити* Мер., Косм., Цв., Трав.; *о-прудити* Косм.; *прѣтити* Чуд., Пс.; *пустити* Чуд. (*пусти́*^{m} 164в, *ѡ*^{m}*поустѣмѐ* 52а и много др. форм), Косм., Цв. (*пѫсти́ши* 140б, *шпѫсти́ть* III 226б, *ѡ́*^{m}*пѫщѫ* 122б, *и́спѫстилъ* 26б); ср. памятники, где постепенно появляется новое ударение, — Фер. *поу́стилъ* 996б, *попоусти́ть* 842б и т.п., но также *запоусти́ть* 984б; Дом. *спѫ́стит* 100б; Трав. *пѫ́стилъ* 506, *перепѫщенѣ*, *попѫщенѣ* (часто), но также *не попѫ́стится* 456, *впѫ́стимъ* 131б, *спѫ́щена* 197; Ратн. *подпусти́ть*, *распусти́ть*, *оупусти́ть*, но чаще *напоу́стито*, *шпу́стиши*, *ѡ*^{m}*поу́стять* и др.; *-пустошити* Косм.; *радити* Дом.; ср. Ап. *не радитѐ* 124б; *-разити* Чуд., Цв., Пс.; *растити* Чуд., Цв., Пс., Дом., Трав.; *родити(ся)* Чуд., Мер., Косм., Цв., Пс., Дом., Трав.; *с-о-рудити* Косм.; *по-ручити*: ср. Фер. *по́ржчилъ* 787; *рѣшити* Чуд., Цв., Пс.; *-садити* Чуд., Цв., Пс., Трав.; ср. Ратн. *всади́ть* 13б; в Косм. при *ѡ́садили*, *по́сади*^{л}, *-ли* один

раз находим *насáжено* 56б (см. § 53); *сваритися* "ссориться" Чуд., Цв.; *свободити* Чуд., Цв.; ср. Улож. *свободили́ся* 259; в Мер. при регулярной акцентовке по а.п. *с* один раз находим *свобѡженъ* 131б (см. § 53); *святити* Чуд.; *селити* Чуд. (*да вселúтся* 120г и др.), Цв. (*всел-úтся* III 72б, *-итéся* III 181, *-ятся* 126 bis, *населúтся* 188б, *преселúтъ* 130), Пс. (*нé преселюся* 64а, *и преселúт тя* 55а и др. формы); ср. Улож. *поселя́тся* 259; *скопити* "castrare" Мер.; *-сладити* Цв.; *слезити, прослезитися* Цв.; *слѣпити* "ослеплять" Чуд.; *про-смрадити* Чуд.; *солити* Чуд. (*осолúтьᶜ* 21б bis, *осолúᵀᴱ*| 21б), Мер., Дом. (*солúт*‖ 73б, *соля́т*| 71, *соленѡ* 105); *сорити* Дом. (*не насоренѡ* 102б, *не засорены* 102); *спѣшити* Косм., Цв.; *становити* ср. Ратн. *становя́тъ* 200б; *стрѣлити* Косм., Трав. (*застрѣлúтъ* 495б); ср. Ратн. *застрѣлúтъ* 208б, но также и *стрéл-ишь, -итъ* (5×); *студити* Трав. (*стждúтъ* 496б, *ѡстждúтъ* 451б); *сушити* Цв. (*осѹшенѡ* 45), Трав. (*сжшúтъ* 441б, 448 и др., *сжшáтъ* 461б, 481, *нáсжшилъ* 515); *таити* Чуд., Цв.; *тащити*: ср. Авв. *тащáтъ* 59б, 63, *растащенѡ* 37б; *твердити* Цв., Пс., Трав.; *о-темнити* Чуд.; *тончити* Трав.; *топити* "mergere" Мер., Косм., Цв. (*да не потопúтъ* 125б, III 59, *потопя́тъ* III 226б), Пс. (*пóтопилъ* 159); ср. Егор. ев. *потопѝтъ* 68, Фер. *истопúтся* 842, 984, но также *истóпитъ* 842, Постн. *потопилà* 139, 339, Улож. *потоп-úтъ* 7, *-я́тъ* 90; *ис-тощити* Чуд., Цв.; *-требити* Чуд., Цв., Трав.; *трѣзвитися* Чуд.; *тушити* "гасить": Трав. *тжшúтъ* (15×), *тжшúтся* 230б, 468, *тжшúмъ* 61б, *оутжшúтъ* 65, 97, но также и *тúшиᵀ* 38, 359 (с новым ударением); *о-тщетити* Чуд.; *у-тѣснити* Трав.; ср. Ратн. *стеснены* 94б; *о-тяготити* Цв.; *о-тягчити* Чуд.; *учити* Чуд., Косм., Цв., Пс., Дом., Трав.; ср. Постн. *оучилá ли ся* 453б; *о-хладити* Трав.; *холодити* Трав.; *о-хорошити* Трав.; *хранити* Чуд., Цв., Пс., Дом.; *воцаритися* Цв.; *цѣдити* Дом. (*цѣженѡ* 83, ср. также *нацыдя*ᵀ 79); *цѣлити* "исцелять" Чуд., Трав.; *цѣнити* Цв. (*цѣнитѐ* III 23); ср. Ратн. *цѣня́тъ* 19б, Улож. *оцѣня́тъ* 165б, 167; *чинити* Чуд., Косм., Цв., Дом., Трав.; *защитити* Цв.; *явити* Чуд., Косм., Цв., Пс., Дом., Трав.; ср. Улож. *не ѡбъявилúся* 262; *у-ясниити* Цв. (*да оумсни́тся* 54).

Отметим, что в приведенный список входит целый ряд глаголов, образованных от имен, для которых реконструируется праславянская (или по крайней мере, правосточносла-

вянская) а.п. *b*. Таковы, в частности, *вершити, водворити, гнѣздитися, грѣшити, одождити, -ключити, крестити, легчити, -общити, поститися, сваритися, селити, студити, охорошити, воцаритися, защитити*. Почти для всех этих глаголов следует предполагать первоначальную а.п. *b*; ср. § 52.

§ 50. Особый характер носят отклонения от а.п. *c* в следующих случаях: *по-губити* Чуд. *c* (*по́гоублю* 108в, *да не ... погоуби́ши* 106б), но также *a* (*погу́бити* 38а, *погу́би*^{m} 7б), Цв. *c* (*погу́б-и́ши* 20б, 60 и др., *-и́тъ* 26б, *-я́тъ* 122б), но также *a* (*погу́бити* 75б, *погу́бихъ* 8б). Трав. *c*, Дом. *c*; ср. Егор. ев. *погоуб-ѝть* 69, *-ѝмъ* 420б, Пролог *погу́бя́тъ* 24, но *гу́би́тъ* 109б, Фер. *по́гѫбилъ* 985, Улож. *погу́би́тъ* 60, 328; *-вратити, обратити* Чуд. *c* (*да не взврати́тъ*^{c} 23б, *обрати́тся* 117в, *обря́тятся* 8б), но также *b* (*обра́тять*^{c} 48в, *взврати́ли|ся* 137в); Косм. *c*, Цв. *c*, Пс. *c*, Дом. *c*; *клонити* Чуд. *c*, Мер. *c*, Пс. *c*, Цв. *c* (*поклон-и́тся, -и́мся, -я́тся* [часто], *оуклон-и́тся* 131, *-и́мся* 38б, возможно, сюда же *покло́нюся* 118б), но также *покло́нимся* 124б, 129б, 177, *не покло́нитеся* 194б, *прикло́нихъ* 162б; ср. Егор. ев. *покло́нимся* 103 и др. (часто); *-ложити* Чуд. *c* (много примеров), но однажды *прило́жи* аор. 66в; Мер. *c*, Косм. *c*; Цв. *c* (много примеров), но также *поло́жисте* 28, *да прело́жиши* 110б, *не прило́жи*^{m} 124б, *поло́жена* В.ед. 16б; Пс. *c*, Трав. *c*, Дом. *c*; ср. Ап. *изложили́ся* 260б; *-срамити* Чуд. *c* (*ѹсрамя́тъ*^{c} 12а, *оусрамя́тъ*^{c} 38б), Цв. *c* (*посрам-и́тъ* III 71б, *-я́тся* 125), однако также *посра́ми*^{m} III 99, *посра́мятся* 196 и др., *посра́мленъ* 39, 58б; ср. Пролог *посра́млені* 117; *творити* Чуд. *c*, Мер. *c*, Косм. *c*; Цв. *c* (много примеров), но также *сотво́ривыи* 12б, *тво́ритъ* 5б, *тво́ри*^{m} 43б, *затво́ришися* 42; Пс. *c*, Трав. *c*, Дом. *c*; ср. Час. *тво́ри*^{m} 208, Пролог *ство́риши* 88, *затво́рят бо*^{c} 87б (при обычной акцентовке по а.п. *c* в обоих этих памятниках)[91]; *трудити(ся)* Цв. *c* (*не́ тру́дился* 183), Дом. *c* (*кто потру́ди́тся* 39б); ср., однако, Пролог *тро́у́дить мя* 33б.

У *вратити, срамити* и *-ложити, творити, трудити(ся)* примеры с корневым ударением могут объясняться влиянием южнославянской акцентуации: в среднеболгарском все эти глаголы относятся к неподвижному акцентному типу (бывшие а.п. *a* и *b*; см. Дыбо 1969а); впрочем, для *-ложити, творити, трудитися* не исключена и возможность сохранения каких-то следов праславянской а.п. *b*. Для *вратити, срамити* можно предполагать влияние не только южнославянской акцентуации, но и соответствующих собственно русских слов (презенс *воротитъ, соромитъ*); такое влияние было возможно в основном в раннюю эпоху, когда еще не полностью сфор-

[91] Каких-либо акцентных различий между первоначальными **tvoriti* и **-voriti* (последнее в *отворити*) на восточнославянской почве не усматривается.

мировалось правило об а.п. *c* у глаголов на *-и́ти* с неполногласием (§ 52). Более трудные случаи составляют *губити* и *клонити*: в среднеболгарском они относятся к подвижному акцентному типу (бывшая а.п. *c*; при этом, правда, *губити* иногда колеблется, см. Дыбо 1969а, с. 86). Возможно, мы имеем здесь дело со старой акцентной вариативностью в восточнославянском. Разумеется, к указанным причинам могла присоединяться также тенденция к переходу *"c → b"* (§ 53); существенно, однако, что нельзя объяснить все рассматриваемые колебания одной лишь этой тенденцией (ср. такие ударения, как *погу́бити, прикло́нихъ, поло́жисте, сотво́ривши*). Поэтому целесообразно отделять материал данного параграфа от явных случаев перехода *"c → b"*.

§ 51. В рассматриваемых памятниках к а.п. *c* относится довольно значительное количество *ѣ*-глаголов. Некоторые из них обнаруживают колебания в сторону а.п. *b*, однако *ѣ*-глаголов с исконной а.п. *b*, по-видимому, не было (ср. Станг, с. 113). Ниже для каждого из перечисляемых глаголов названы памятники из основной группы, в которых он засвидетельствован с а.п. *c* (отклонения от а.п. *c* оговорены): *боятися* Чуд., Мер., Косм., Цв., Пс., Трав.; *болѣти* Мер., Трав. (однако в Мер. один раз *бѡлимъ* 47б, с корневым ударением неясного происхождения); *бѣжати* Чуд., Косм., Цв., Трав.; *велѣти* Чуд., Цв., Трав.; *ворчати* Трав.; *горѣти* Чуд., Мер., Цв., Трав.; *гордѣти(ся)* Чуд. (*да не ... гордите́ся* 109в, ср. *разгордѣ|вшихся* 109г, *разгордѣша* 109г); *гремѣти* Трав.; *держати* Чуд., Косм., Цв.; но в Трав. уже господствует *де́ржить, де́ржимъ, де́ржать* (в сумме более 30×), *поде́ржить* 408, *заде́ржится* 452б, *соде́ржать* 447б, ср. *де́ржи́ть* 489, *содержи́ть* (5×: 65б, 232 и др.); аналогично в Дом.: *де́ржишь* 43; в Ратн. сосуществуют оба ударения; ср. также *дрьжи́тся* 969б уже в Фер.; *дрожати* Трав.; *дышати*[92]: ср. Авв. *дыши́ть* 40, *не дыша́лъ* 106б; *кипѣти* Трав.; *лежати* Чуд., Косм., Цв., Трав.; *молчати* Чуд., Цв.; *полѣти* "пылать" Мер. (*въсполитьс* 68); *смердѣти* Цв., Трав.; *стояти*[93] Чуд., Мер., Косм., Цв., Дом., Трав.; *стыдѣти(ся)* Чуд., Цв., Трав.; *сѣдѣти (сидѣти)* Чуд., Косм., Цв.; но в Трав.

---

[92] Современное *дыша́ть, ды́шит* - это, по-видимому, результат контаминации глаголов *дыхати, дышеть* (а.п. *b* или *a*) и *дышати, дышить* (а.п. *c*).

[93] Однако презенс *достоить* в значении "licet, decet" рано обособился и получил корневое ударение: Чуд. *досто́итm*, Мер. *достѡить* (не говоря уже о более поздних памятниках). Возможно, здесь определенную роль сыграли пропорции типа *поко́иныи: поко́ить = досто́иныи : досто́ить*. Сходная эволюция намечалась и у презенса *пристоить* "decet", ср. Трав. *пристои́ть* 486б, *пристои́ть* 469б (при более частом *пристои́ть*). В Мер. отмечено также единичное *растѡить* 35.

находим *сѝдѧть*[94] 498б (при *сѣдѝшъ* 458б); *терпѣти* Чуд., Косм., Цв.; но уже новое ударение в Ап. *тѐрпитъ* 65, *тѐрпи*^{M} 116б (наряду с *не терпѧтъ* 71б, *терпѝмъ* 200б); только новое ударение в Трав.: *тѐрп-ито* 515, *-и*^{m} 457б, *-ять* 526, *оутѐрпить* 11б; *хрипѣти* Трав.; *щадѣти* Чуд. (*щѐжю* 111а, *нѐ пощажю* 121б, *щѐдя* 119в bis, *пощядѣ* аор. 87а и др. формы); ср. Цв. *щадѣти* 116б.

Отметим еще Авв. *гляжѫ* 60б (но *погляжѫ* 36б), *глядѝ|тъ* 60б, *поглядѝтъ* 159б, *глѐдя* (5×).

З а м е ч а н и е. Глагол *хотѣти* во всех рассмотренных памятниках ведет себя как состоящий из двух полупарадигм, различающихся морфологически и акцентологически: а) личные формы презенса, кроме 3 мн. (в некоторых памятниках, в частности, в Косм., — кроме всего мн. числа), относятся к I спряжению и к а.п. *b*, т.е. к модели *писѐти, пѝшешь*; б) все прочие формы парадигмы соответствует *ѣ*-глаголу а.п. *c*, т.е. модели *горѣти, горѝшь*.

Основные тенденции акцентной эволюции

§ 52. Как видно из материала, у *i*- и *ѣ*-глаголов основные типы переходов из одной а.п. в другую — это, во-первых, переход в а.п. *c* (из *a* и *b*), во-вторых, переход в а.п. *b* (из *c*)[95]. На первый взгляд, наличие противоположных друг другу переходов представляется странным; в действительности, однако, наибольшая интенсивность этих двух переходов приходится на разные эпохи и условия их реализации весьма различны.

Рассмотрим вначале случаи перехода к а.п. *c*.

Переход из а.п. *a* в а.п. *c* (тематизация ударения) характерен в наибольшей степени для северо-западных памятников (см. § 45; в этих памятниках можно предполагать тенденцию к переводу всех вообще *i*-глаголов а.п. *a* в

[94] Едва ли ударение *сѝдѧть* отражает переход *"c → b"* (поскольку глагол *сидѣти* и впоследствии не развил смежно-подвижного ударения). Скорее мы имеем здесь дело с диалектной экспансией ударения словоформы 1 ед.; ср. данные Авв.: *сѝжѫ* 64б, *сѝдитъ* 27б, наряду с *сижѫ* 89, *сидѝтъ* 77б, *сидѧтъ* 71; ср. также акцентовку *сѝдю, (он) сѝдя, сидѧт* в некоторых мещерских говорах (Бромлей, с. 103).

[95] Существенно реже встречается переход в а.п. *a*. Сюда относятся: 1) *-двоити, клеити, -своити, строити, -троити*; здесь переходу в а.п. *a* (у части этих глаголов довольно позднему), по-видимому, способствовала особая структура корня (а именно, исход на гласную + *j*); 2) *-добрити, ускорити, -щедрити* (отадъективные); *бросити, изволити, жарити, красити, сваритися*. В современных говорах представлены также некоторые другие примеры такого перехода: *дѐбить, крѐбить* (ср. п. 1); *вѐпить, полѐжить, рѐдить, рассѐрдить, стрѐлить* и др. (см. Оч. морф., с. 251).

а.п. *c*). В современном литературном языке этот переход отразился лишь в ограниченном числе случаев: *обогати́ть, умали́ть, умили́ться, вмести́ть, поработи́ть, оскверни́ть, осени́ть, усугуби́ть, чуди́ть, уязви́ть* и некоторые другие; также *висе́ть, скорбе́ть*. Это главным образом отыменные глаголы, причем такие, у которых тематическое ударение встречается уже в XIV-XVI вв. Основной массив *i*-глаголов а.п. *a* сохраняет свое старое ударение достаточно хорошо, ср., например, *увели́чить, ви́ситься, гла́дить, мно́жить, му́чить, осла́бить, ста́вить, чи́стить*.

Гораздо интенсивнее был переход "*ъ* → *e*". Наиболее ранние примеры этого перехода относятся к эпохе, предшествующей появлению первых акцентуированных памятников; более поздние прослеживаются уже непосредственно по памятникам. Соответственно, целесообразно различать более ранний и более поздний пласты *i*-глаголов, испытавших данный переход.

К более раннему пласту, по-видимому, можно отнести *-ложити, разорити, творити, раздражити, -мутити*, из отыменных — в частности, *водворити, -ключити, -кратити, крестити, -общити, поститися, селити* (вероятно, также ряд других). Условия и характер этого древнейшего перехода остаются не вполне ясными (см. Дыбо 1970, сноска 12).

Ряд глаголов этой группы, например, *положити, затворити, крестити, селити*, успел впоследствии подвергнуться обратному акцентному переходу ("*e* → *ъ*", § 53). Ситуация здесь осложнена, однако, тем, что некоторые ранние примеры акцентовки по а.п. *b* у этих глаголов могут быть не инновациями, а, напротив, следами древнейшего состояния, т.е. не исключено, что у части этих глаголов переход "*ъ* → *e*" охватил не всю парадигму или совершился не повсеместно. Так, в принципе могут быть архаизмами ударения *тво́рить, тру́дить* в северо-западных памятниках (§ 50), *крести́лися, всели́лися, разори́ли* в Космографии (§ 23). Для выяснения этого сложного вопроса необходим дополнительный материал.

З а м е ч а н и е. Индивидуальными причинами объясняются следующие изменения. Глагол **lǫčiti* "разлучать и т.п." (праслав. а.п. *b*, ср. чеш. *loučiti*, польск. *łączyć*) на восточнославянской почве объединился с **lučiti* "попадать, случаться" (праслав. а.п. *c*, ср. чеш. *lučiti*, польск. *lucyć*) и усвоил его акцентуацию. Глагол **paliti* "опалять, сжигать" (праслав. а.п. *b*, ср. чеш. *páliti*) в презенсе стал смешиваться с *ě*-глаголом **polěti* "пылать" (праслав. а.п. *c*), отсюда колебание в акцентуации презенса.

К более позднему пласту относятся, в частности, следующие глаголы (приводим 3 ед. презенса современного языка): *соблазни́т, вопи́т, казни́т, присовокупи́т, вкуси́т, искуси́т, обличи́т, умертви́т, умудри́т, заостри́т, плоди́тся, упразднит, просвети́т, утоли́т, источи́т* (свет), *труби́т, хули́т, черни́т, защити́т* и ряд других.

Для некоторых глаголов, недостаточно полно представленных в памятниках (например, *гнѣздитися*), неясно, к какому из двух пластов они относятся.

Из состава *i*-глаголов более позднего пласта можно заключить, что переходу в а.п. *c* здесь способствовали два основных фактора: а) принадлежность глагола к церковнославянской лексике (соответственно, книжная окраска при употреблении в обычном языке); б) отыменный (отсубстантивный или отадъективный) характер глагола[96].

Частным проявлением пункта "а" оказывается тот факт, что со временем (по-видимому, не позже XVII в.) все глаголы на *-и́ти* с неполногласием в корне получают акцентовку по а.п. *c* – даже если соответствующие собственно русские глаголы с полногласием относятся к а.п. *b* или *a*; ср. в современном языке *влачи́т* и *воло́чит*, *возврати́т* и *воро́тит*, *омрачи́т* и *моро́чит*, *осрами́тся* и *соро́мится*, *храни́т* и *хоро́нит* (не говоря уже о таких словах с исконной а.п. *c*, как *преградѝт*, *насладѝтся*, *охладѝт* и т.п.)[97].

Указанные факторы актуальны и для современного языка. Так, в современном языке глаголы книжного характера на *-и́ть* как правило имеют в презенсе флексионное ударение, например: *обличи́т*, *умертви́т*, *упразднѝт*, *поработѝт*, *осквернѝт*, *осенѝт*, *утоли́т*, *хули́т*; *возбудѝт*, *предвари́т*, *совершѝт*, *согрешѝт*, *водрузѝт*, *сокруши́т*, *воскресѝт*, *уничижѝт*, *пораз́ит*, *сооруди́т*, *посети́т*, *сотвори́т*, *истреби́т*. Показательно различие ударения в таких парах, как *возбудѝт* – *разбу́дит*, *погрузи́т* (в жидкость) – *погру́зит* (на транспорт), *одари́т* – *пода́рит*, *вкуси́т* – *уку́сит*, *насади́т* (учение) – *наса́дит* (картошки), *учини́т* – *почи́нит* и т.п.; ср. также выше примеры типа *влачи́т* – *воло́чит*.

С другой стороны, в современном языке действует правило, согласно которому глаголы на *-и́ть*[98], имеющие, с синхронической точки зрения, отчетливый отыменной характер (т.е. такие, что у них, во-первых, однозначно определяется направление производности, во-вторых, семантическая связь с исходным именем не затемнена), получают в презенсе флексионное ударение, например: *бомби́т*, *графи́т*, *грязни́т*, *оживи́т*, *оздорови́т*, *укороти́т*, *укрупни́т*, *облегчи́т*, *молоди́т*, *рули́т*, *освежи́т*, *застекли́т*, *застолби́т*, *труби́т*, *хитри́т*, *черни́т*. Ср. возможность смежно-подвижного ударения в случаях, где хотя бы одно из указанных условий не соблюдено, например: *да́рит*, *ле́нится*, *све́тит*, *су́дит*, *тру́дится*, *це́нит*, *ко́сит*, *пи́лит* (неочевидно, следует ли считать эти глаголы производными от *дар*, *лень*, *свет*, *суд*, *труд*,

---

[96] Кроме того, в нескольких случаях (*вопи́т*, *блуди́т* "распутничает", возможно, также *томи́тся*, *щеми́т*) переходу в а.п. *c* могло способствовать непереходное значение глагола, ср. § 53.

[97] См. также: *Воронцова В.Л.* Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М., 1979, с. 228 (там же цитата на эту тему из Я.К. Грота).

[98] Ударение *-и́ть* в современном языке представлено, говоря огрубленно, в производных от имен с любым ударением, кроме неподвижного наосновного (здесь нет необходимости рассматривать вопрос об отклонениях от этой нормы, типа *бомби́ть* от *бо́мба* или наоборот, *дура́чить* от *дура́к*, *дурака́*).

цена́, коса́, пила́ или наоборот); *се́рдится* (семантическая связь с *се́рдце* затемнена), *бе́лит* (исходное значение "делать белым" сузилось; ср. *черни́т, желти́т* и т.п.).

Следует отметить также выработавшееся в современном языке морфонологическое правило, согласно которому у глаголов на *-и́ть* смежно-подвижное ударение невозможно, если слог перед *-и́ть* не является первым слогом корня (этого ограничения нет лишь для корней с *-оро-, -оло-*)[99]. Примеры: *обогати́т, весели́т, нагромозди́т, колеси́т, лебези́т, освободи́т, тереби́т, тормози́т, утяжели́т, шелуши́тся;* с другой стороны, *польсти́т, отомсти́т, почти́т* и т.п.

§ 53. Что касается перехода "*c* → *b*", то в рассматриваемый нами период он еще только начинается; его результаты полнее всего представлены в современном языке. Так, из глаголов, перечисленных в § 49-51, смежно-подвижное ударение в презенсе в современном литературном языке имеют (хотя бы факультативно и хотя бы при некоторых приставках): *бу́дит, ва́лит* (деревья), *ва́рит, га́сит, горо́дит, гу́бит, гру́зит, да́рит, до́ит, ду́шит, де́лит, ка́тит, кло́нит, ко́сит* (траву), *кре́стит, кро́шит, ло́вит, -ло́жит, полу́чит, ле́нится, ле́пит, ле́чит, мо́рит, му́тит, -ме́нит, пла́тит, по́ит, пу́стит, поручит, са́дит, се́лит, со́лит, -стано́вит, -стре́лит, сту́дит, су́шит, та́щит, затво́рит* (*о-, при-* и др.), *то́пит* (в воде), *тру́дится, ту́шит, у́чит, це́дит, це́нит, чи́нит* "ремонтирует", *я́вит; де́ржит, те́рпит;* в разговорной речи также *одо́лжит, вклю́чит* (*от-* и др.), *кре́пит, ми́рит, осле́пит, со́рит.*

Переход "*c* → *b*" проявляется прежде всего именно в замене флексионного ударения презенса смежно-подвижным. У *i*-глаголов дополнительным проявлением этого перехода является смена ударения в страдательном причастии с *-ен-* (в "точечных" системах, где в этом причастии а.п. *b* и а.п. *c* различаются, ср. § 40)[100].

В нашем материале первые надежные примеры перехода "*c* → *b*" в презенсе относятся к XVI в. (см. § 49, 51). Однако почти до самого конца XVI в. таких примеров еще очень мало: в Фер. (1540-ые годы) *запоу́сти́ть, дрьжи́тся, исто́пить* "утопит", в Ап. (1564 г.) *те́рпитъ, те́рпи*^{м}, в Цв. (1591 г.) *пока́дитъ*; прочие примеры ненадежны, так как допускают и другие объяснения (см. § 50). Лишь в Дом. (граница XVI и XVII вв.) и в памятниках XVII в. примеры нового ударения становятся более многочисленными; при этом везде наиболее продвинуты к новому состоянию глаголы *пустити, держати* и *терпѣти.*

З а м е ч а н и е. Сдвиг ударения в причастиях с *-ен-* мог развиваться не вполне параллельно со сдвигом в пре-

---

[99] Исключениями являются только *шеве́ли́т(ся), стано́вит-(ся), облоко́ти́т(ся).*

[100] Что касается прош. времени, то здесь замена маргинально-подвижного ударения тематическим (§ 35) не имеет отношения к переходу "*c* → *b*", поскольку она распространяется на все *i*-глаголы а.п. *c*. К тому же эта замена в большинстве говоров хронологически предшествует переходу "*c* → *b*".

зенсе. В части говоров, а именно, в западной половине восточнославянской области переакцентовка причастий, по-видимому, опережала переакцентовку презенса. Первый надежный пример такой переакцентовки представлен в Мериле: *свобѡженъ* 131б; не исключено, что такого же происхождения ударение *прока́же*^{и} в Чуд. В Косм. находим *наса́жено*, при отсутствии примеров сдвига "*с* → *ь*" в презенсе. В современных украинском и белорусском языках причастия с корневым ударением, даже при флексионном ударении в презенсе (например, укр. *про́щений, прине́сений* при *прости́ш, принесе́ш*), является нормой.

Таким образом, перевод всего приведенного выше длинного списка глаголов от флексионного ударения презенса к смежно-подвижному совершился в основном за последние четыре столетия. Тенденция к такому переводу продолжает активно действовать и в настоящее время. Не претендуя на полный разбор этого сложного вопроса, изложим лишь предполагаемую нами схему действия данной тенденции в современном языке.

У *i*-глаголов тенденция к замене флексионного ударения в презенсе на смежно-подвижное в принципе является всеобщей; однако ей может препятствовать ряд факторов (помимо общего для всех подобных случаев консервативного фактора традиции). Сюда относятся прежде всего факторы, рассмотренные при анализе противоположного акцентного перехода (§ 52): 1) книжный характер глагола; 2) отчетливый отыменной характер глагола; 3) особая морфонологическая структура основы (двусложность корня или наличие слогового суффикса).

Кроме того, препятствующим фактором является непереходность глагола (или принадлежность его к числу глаголов речи). Ср., с одной стороны, такие переходные глаголы, как, например, *бу́дит, ва́рит, га́сит, горо́дит, ду́шит, де́лит, ло́вит, поло́жит, полу́чит, ле́чит, заме́нит, по́ит, пу́стит, поса́дит, застре́лит, сту́дит, ту́шит, у́чит, почи́нит* и т.д. также *ве́ртит, де́ржит, те́рпит*; с другой стороны, непереходные (и глаголы речи), например: *бурли́т, угоди́т, грусти́т, норови́т, следи́т, спеши́т, шали́т; брани́т, вопи́т, говори́т, кори́т*; также почти все *ѣ*-глаголы – *бежи́т, дрожи́т, лежи́т, кричи́т, молчи́т, сиди́т, стои́т, хрипи́т* и т.п.[101]. Показательные такие противопоставления, как *ва́лит* "опрокидывает" – *вали́т* (дым, народ), *ко́сит* (траву) – *коси́т* (глазами). В исключительных случаях данное различие проявляется даже между простым глаголом и соответствующим возвратным: *(по)са́дит*, но *сади́тся, поло́жит*, но *ложи́тся*, ср. еще *полу́чит* и *случи́тся*; однако нормой здесь все же является единое ударение внутри пары, например, *де́лится, ле́чится, у́чится* как *де́лит, ле́чит, у́чит*.

Ни один из указанных препятствующих факторов не является, однако, полностью непреодолимым: в некоторых слу-

[101] Ср. в этой связи тот факт, что переходные *ви́дит, слы́шит* сохранили прежнее корневое ударение (даже в памятниках с ударением *видѣти, слышати*), а непереходные *висѝт, скорбѝт* получили флексионное ударение (§ 46).

чаях (правда, немногочисленных) тенденция к смежно-подвижному ударению оказалась сильнее этих препятствий; ср., в частности, *предъя́вит, зая́вит* (книжные слова), *со́лит* (отыменной глагол), *стано́вится* (особая структура основы), *ле́нится* (непереходный глагол); в глаголах *облоко́ти́тся, дру́жит, сторо́нится* представлено даже по два таких препятствия.

С другой стороны, в некоторых случаях, где ни одного из указанных препятствий нет, в литературном языке традиция все еще удерживает старое флексионное ударение, например, *долби́т, накали́т, прости́т, расти́т, роди́т*. В значительной части подобных случаев новое ударение засвидетельствовано в разговорной речи или в говорах.

aj-, ěj- и *a*-глаголы

§ 54. Остановимся прежде всего на процессе тематизации ударения в этих классах глаголов.

В соответствии с общими принципами акцентуациии производных (Дыбо 1968), глаголы, производные от имен а.п. *a* или от глаголов а.п. *a*, первоначально имели неподвижное ударение на производящей основе: *избáвляти, оправдати, ослáбѣти* и т.п.[102] В ходе истории ударение таких глаголов в значительной мере перестроилось. В современном языке все приставочные вторичные имперфективы с суф. *-a(j)-* (а также те бесприставочные, которые сохранили итеративное значение) имеют ударение на суффиксе, например: *избавля́ть, приближа́ться, уподобля́ться, исполня́ть, ослабля́ть, подвига́ть, впада́ть, съеда́ть, убега́ть, подстрига́ть, разгрыза́ть, оседа́ть* и т.п.; также *еда́ть* (тогда как у глаголов, не сохранивших итеративного значения, возможно и такое ударение, как *па́дать, бе́гать, дви́гать* и т.п.).

З а м е ч а н и е. Несколько *aj*-глаголов (первоначально итеративного значения) уже с праславянского времени относились к а.п. *a*, хотя они произведены от глаголов а.п. *c* или *b*. Таковы, в частности, *пла́вати, по́лзати, воро́чати, кла́нятися*. В дальнейшем эти глаголы попали в ту же группу, что *па́дать, бе́гать* и т.д. (см. выше) и соответственно сохранили корневое ударение[103]; в то же время построенные на их основе приставочные вторичные имперфективы (например, *уполза́ть, наклоня́ться*) получили по общему правилу суффиксальное ударение.

У отыменных *ěj*-глаголов тоже действует сильная тенденция к суффиксальному ударению. Она практически победила там, где исходное имя непроизводное (ср. *окамене́ть, ослабе́ть, поздорове́ть, устаре́ть* и т.д.), и довольно актив-

---

[102] Если исходный глагол корневой и у него система презенса и система инфинитива имеют разную акцентуацию, вторичный имперфектив сохранял акцентуацию системы инфинитива, например: *кладе́ть, кла́ла - покла́дати*.

[103] Лишь в памятниках с самой сильной тенденцией к тематизации ударения находим такие примеры, как Чуд. *плава́нью* 78в, Муз. ев. *кланя́ася* 61б, 141б.

на также в ряде случаев, где исходное имя производное (ср. *порозове́ть*, *побагрове́ть*, разг. *ржаве́ть* и др.).

Для этих двух категорий производных глаголов памятники показывают просто различные степени продвижения от реконструируемого первоначального состояния к современному.

В Мер. встретилась только старая акцентовка (но примеров довольно мало): *оузакѡнѧєтъ*, *ѡзлѡбляющими*, *порабѡщаєтъ*, *ворѡчати*, *обурѡдѣша* (Акц. Мер., § 80); кроме того, *постризалѡ* указывает на ударение **постри́зати*.

В Чуд. конкурируют старая и новая акцентовка. Характерные примеры старой акцентовки: вторичные имперфективы – *избáвляти* 87а, *прибли́жаємъся* 145б, *озлóбляєми* 85а, *опечáляємы* 118в, *сподóбляєтся* 94г, *испóлняются* 8б, *порабóщаю* 112а, *оскóрбляющимъ* 134в, *ослáбляюще* 127б, *постáвляе*^{т} 145в, *оутѣшаємъ* 109г, *сгля́дати* 122б, *накла́дае*^{т} 29а, *впáдаю*^{т} 138а, *посá|гаю*^{т} 12в, *растéрзати* 78а; отыменные *ѣj*-глаголы – *окáменѣ* 48в, *-ѣша* 104г, *обо|ржáвѣ* 82г, *о|слáбѣша* 70б, *обурóдѣе*^{т} 35в, *раши́рѣ* 118в. Характерные примеры новой акцентовки: *пріближáюще*^{с} 35в, *не о|злобля́ємъся* 117г, *помы|шля́єши же ли* 99в, *не оскверня́и* 66а, *оскорбля́ємымъ* 134в, *подвизáтися* 91г, *поса|гáти* 110г, *протерзáхоу же*^{с} 28в и т.п.

В памятниках XV–XVII вв. старое ударение встречается уже гораздо реже, чем новое. Вот некоторые примеры старого или колеблющегося ударения: Час. *ѡбогáщая* 320б, *настáвля́а* 310б, *припáдаю* 242, 244б; Пролог *прослáвляющiи* И. мн. 75б, *съгля́дать* инф. 125, *впáдаютъ* 94, *ссѣдавши*^{с} 107, *ѡслáбѣемъ* 126, *рассла́бѣша* 4б, *не стáрѣющееся* 72; Егор. ев. *впáда-ти* 109б, *-емъ* 35б; Муз. ев. *помы́шля́ющи*^{м} 189б, *ѡбъгля́даше* 127, *приклáдаемо* 110, *напáдати* 119; Фер. *впáдаетъ* 801, *напáдающоу* 467б, *припáдáетъ* 996б, *направля́ти* 477; Косм. *стáвл-ю*^{т} 176б, *-ѭ*^{л} 14, *устрáшая* 106б, *угля́да* 38, *поклáдая* 103, *впáда-е*^{т}, *-ю*^{т} (часто); Цв. *готóвля́шеся* 117б, *припáдаемъ* (часто), *разсѣдатися* 112б; Дом. *припáдáи* 9; Трав. *впáдаетъ* 461, *напáдаетъ* 80б; Авв. *кúдать* 58б, *перекúда*^{л} 102, *припáдая* 4, *посúнялъ* "посинел" 38.

§ 55. Иная картина у остальных *aj*-глаголов а.п. *a* и у *a*-глаголов а.п. *a*. Здесь тенденция к тематизации ударения сильна только в северо-западных памятниках, а также в Чуд. и Авв.; в прочих памятниках и в современном литературном языке она захватила всего несколько глаголов: *знаменати*, *подобати*, *оправдати*.

Приведем некоторые примеры старого ударения (не совпадающего с современным): Мер. *подѡбаєтъ*, *котѡрающегѡся*; Чуд. *назнáмена* 66б, *подóбаєе*^{т} (часто), *опрáвдаюся* 109в; Фер. *не опрá|вдася* 996б; Цв. *опрáвдалъ* 73. Но наряду с этим находим и новое ударение; отметим из наиболее ранних рукописей: Чуд. *подоба́е*^{т} 59б, *подоба́ше* (часто), *оправда́ющии* И.мн. 36б; Час. *подобáетъ* 203, 204, *ѡправдáлъ* 289б; Пролог *пѡдобáетъ* 53, *ѡправдáется* 69.

Приведем теперь примеры нового ударения в тех случаях, где современный литературный язык все еще сохраняет старое ударение: Чуд. *повѣдáкѥтся* 128а, *-юща* И.дв. 69б, *заповѣдáти же* 69а, *проповѣдáти* 95б, *свѣдáкѥте* 49б, *оу|вѣдáсте* 126б, *не дѣлá|ти* 111в, *сдѣлáти* 85б, *дѣлáтель, -я* и т.д. (регулярно), *послушáше* 23а и др. формы, *сдѣѩвшии* И.мн. 43г, *помазá* 46б, *-á|вше* 83а, *поплакáсте* 110а, *не плачѝ* 151а, *не плачíте* 40б; Час. *повѣдàвъ* 316, *исповѣдáлъ* 260б, 311, *-áтися* 204, *проповѣд-áлъ, -à, -áвши* и др. (часто), *дѣлáнїе* 371, *дѣлáтелемъ* 338, *плакáшеся* 397, *препомсáся* 400, *всѣѩвъ* 315, *ѡ^{т}чаѩнныя* 388б; Пролог *повѣдáѧ* 59б, *не послѫшáста* 25б, *съдѣѧ* 50, *плак-áшеся* 29, 39б и др., *-áхѫся* 51, *чаѩнїе* 10; Егор. ев. *исповѣдáють* 77, *заповѣдáемаа* 44б, *дѣлáтеля* В.мн. 52, *работ-áю* 23, *-áете* 33б, *раскаѩнїе* 103б, *ѡ^{т}чаѩнїе* 103б; Муз. ев. *заповѣдà* 55, 128б, 196б, *исповѣдáю ти ся* 222, *прѡповѣд-áти, -áя* и др. (часто), *не послѫшáе^{т}* 64б, *мáзáше* 207б, *о помазáвшїи* М.ед. 109, 173, *сѣдáнїа* 199; Авв. *вѣдáю* 74б, *свѣдáвъ* 102, *подѫ|мáвъ* 29б, *задѫмáлися* 72, *дѣлáешъ* 52, *здѣлáю* 83, *плакáвся* 15, *слѫшáи* 31. При этом, однако, почти все приведенные слова встречаются в этих рукописях и со старым ударением.

В отличие от этой группы рукописей, в Косм., Цв., Дом., Трав. таких ударений нет, по крайней мере, в глагольных словоформах (в отглагольных именах сдвинутое право ударение иногда встречается, например, Косм. *помазáнїе* 166б, 167; ср. также современные литературные *послушáние, деянúе*, просторечн. *вероисповедáние*; см. § 41, п. 1, замеч. 2).

В несколько особом положении находятся *ова*-глаголы. Ударения типа *радовáти, вѣровáти, помиловáти, мудрствовáти* и т.п. (также двойные типа *рáдовáти*), в изобилии представленные в памятниках с сильной общей тенденцией к тематизации, по-видимому, связаны одновременно с двумя факторами: морфологической тенденцией к тематизации и проявлением второстепенного (ритмического) ударения. О том, как соотносятся в подобных случаях морфологический и ритмический факторы в Мериле и в Чуд., см. Противоп., § 12-19.

В староукраинском все рассматриваемые в настоящем параграфе группы глаголов обнаруживают весьма сильную тенденцию к тематизации (см. Огиенко, с. 446-448).

§ 56. В нецерковных памятниках XVI-XVII вв. (в частности, Косм., Дом., Трав., Ратн., Улож.) широко представлены вторичные имперфективы с суффиксом *-ива(j)-* (тогда как в церковных текстах они редки). Они имеют ударение, как и в современном языке, на предсуффиксальном слоге. Вот некоторые примеры из Косм.: производные от глаголов а:п. *а* – *и^{з}вѣдива^{л}* 74, *шкладывани* 187, *попáдывали* 30б, *спáдива^{л}* 109б, *застáвливаю^{т}* 58, *шстáвлива-ю^{т}* 179б, *-ли* 149, *устáвлива^{л}* 77б; от глаголов а.п. *b* – *покáзываючи* 27, *скáзываючи* 74б, 180б и др., *спрáшива-ючи* 58б, *-ли^{с}* 94б,

ха́живали 179б; от глаголов а.п. *c* - *ро*^{3}*гова́ривающи* 166, *де́рживали* 126, *ра́стывали* 8б, *начи́нивая* 177, *почи́нива*^{m} 14.

Особо отметим Косм. *ска́зывáючи* 63, Дом. *подва́ри|ва́етъ* 74, Трав. *прикла́дыва́емъ* 309б, *не приса́жива́ютъ* 329, также Фер. *постра́ива́ти* 478б. Вопрос о том, является ли здесь ударение на *ва* ритмическим или имеет иное происхождение, не вполне ясен.

Презенс с неслоговым корнем (у корневых и а-глаголов)

§ 57. У корневых и *а*-глаголов с неслоговым корнем акцентовка презенса (при наличии приставки) образует в XIV-XVII вв. весьма сложную картину. Для полного ее анализа имеющегося материала недостаточно, поэтому ограничимся лишь некоторыми наблюдениями.

Как показал В.А. Дыбо, древнейшая система акцентовки приставочных презенсов этой группы, практически совпадающая с поздней праславянской, представлена в Чуд. Ее можно условно записать так (отобразив каждый корень одной словоформой[104]): *во́зъметъ, по́жнетъ, по́идетъ, по́слетъ, оу́бьетъ* (а.п. *b* в презенсе) - *пропне́тъ, оумре́тъ, испье́тъ* (а.п. *c* в презенсе). В соответствии с данными других славянских языков, к первому ряду должны были принадлежать также (см. Дыбо 1972б, с. 75-76) **со́мнетъ, *по́третъ, *на́дметъ, *со́лжетъ, *по́чнетъ, *по́жметъ*, ко второму - **простре́тъ, *пожре́тъ, *попре́тъ, *потне́тъ* (по-видимому, также **совье́тъ, *пролье́тъ, *почте́тъ, *пожже́тъ, *пожде́тъ, *порве́тъ*)[105].

Во всех рассмотренных памятниках XV, XVI и начала XVII в. у презенсов с *-ид-, -им-* (*-ъм-*), *-сл-* (*-шл-*) находим последовательную акцентовку по а.п. *b* (т.е. старую): *на́идешь, за́идетъ, по́идемъ, изо́идетъ, отъ́идетъ, за́иметъ, по́иметъ, со́иметъ, оу́имемъ, во́змемъ, во́ньметъ, по́шлемъ, во́слетъ* и т.д. (примеров очень много) при *поидѫ, возмѫ, пошлѫ* и т.д. (отклоняется лишь единичное *изме́тъ* 194б в Цв.).

В остальном памятники могут расходиться. Ближе всего к системе Чуд. стоит Цв. Старую а.п. *b* здесь сохраняют презенсы с *-ид-, -им-, -сл-* (см. выше), старую а.п. *c* - *пожре́тъ* "devorabit" 125б, III 59, *прострѣтъ* II 42б, III 143, *почте́мъ* (часто), *изочте́тъ* III 101, 109б, *причте́т мя* III 99, *сочте́тъ* 180, *ражже́тся* 188б, *пожже́тъ* 192б; с колебаниями также: *сраспне́мся* 49 (при более частых *да ра́спнется, да про́пнѣтъ*), *оумре́мъ* 187б, *оу́мре́тъ* 92 (при более частых *оу́мр-етъ, -емъ, - тъ*); ср. также Постн. *не́ оумрѣ* 392, *оумре́мъ* 297, *оумретѐ* 136б, 150 (при *оу́мретъ* 282, *оу́мрем же* 297, *оу́мрете* 150). Инновации (помимо уже отмеченных колебаний) представлены в Цв. немногочисленными

[104] Для наглядности везде взято 3 ед. Реально в Чуд. встретился несколько иной набор словоформ, см. Дыбо 1972б, с. 75.

[105] От "идеального" распределения в Чуд. отклоняются только *оу́мре*^{m} 48б и *потретѐъ* 152а.

примерами а.п. *c* на месте старой а.п. *b*: *сотре́мъ* 138, *зачне́ши* 191, *пребїю́тся* 113, *солжѫ́тъ* 218б. (Заметим, что инновации *оу́мреть* и *потре́ть* наметились уже в Чуд., см. сноску 105.)

Система с полным обобщением а.п. *b* представлена в Косм., см. § 18 (особо существенны здесь *у́мр-е^{ш}*, *-етъ* и т.д. и *на́лье^{т}ся*; ср. также *у́чне^{т}* и т.д.). Такая же система в Прологе; особо отметим здесь *ра́спнѫтъ* 114б, *по́ждеши* 79, *оу́рвется* 24, *по́бїютъ* 81б; также *на́чн-е^{т}*, *-ѫтъ*. Необходима, впрочем, некоторая осторожность, поскольку в обоих этих памятниках представлены далеко не все разбираемые глаголы.

Для Фер. и Дом. можно предполагать систему, где в основном обобщена а.п. *b*, но презенсы с *-nj-* и *-lj-* акцентованы по а.п. *c* (для *-bj-* примеров нет); ср., в частности, Фер. *оу́мреть* 750, *на́чне^{т}* 798, но *пропїе́тся* 984б, *излїе́тся* 843; Дом. *оу́мретъ* 23б, *на́чнетъ*, *оу́чнетъ* и т.д. (часто), но *налье́тъ* 69б. Сюда близок также Трав.: ср., в частности, *оу́мрѫть*, *по́мрѫть* (часто), *со́жжемъ* 400б, *по́треть* 467б, *оу́трешъ* 467б, но *не оупїе́шися* 522; однако также *начне́мъ* 13б, *начне́тся* 278 (при господствующем *на́чнетъ*, *на́чнется*) и, с другой стороны, *ѡбо́вьется* 191б, *оу́вьемъ* 384.

В памятниках середины XVII в. (Ратн. и Улож.) мы сталкиваемся уже с сильно расшатанной системой (с колебаниями почти у всех глаголов рассматриваемой группы).

nǫ-глаголы

§ 58. Из *nǫ*-глаголов в памятниках сравнительно хорошо представлены лишь глаголы а.п. *a*. Таковы, в частности, *по-виснути*, *-вихнути*, *ги(б)нути*, *дви(г)нути*, *кинути*, *кликнути*, *крикнути*, *молкнути*, *плюнути*, *-торгнути*, *опочинути* и др.

Глаголы а.п. *b* представлены беднее, причем лишь в редких случаях удается найти внутри одного памятника набор словоформ, гарантирующих принадлежность глагола именно к а.п. *b*[106]. Так, в Чуд. находим *прїкоснoу́ся* буд. 6в и др., *ко́снется* 148б, *прї|коснѹ́ти^{с}* 29б и др. формы; прочие примеры формально неоднозначны: *взбноу́вше^{ж}* 32а, *сдро́гноуть^{с}* 80в, *въскресноу́сте* 131б, *поманоу́вшю* 76в, *не оу́снемъ* 115б. Косм. (примеры формально неоднозначны): *ѡ^{т}вернѹ́ли* 156, *по‖вернѹ́лися* 77б, *до́хне^{т}* буд. 114б, *ѡманути* 79б (неясна а.п. в случаях *взля́гне^{т}* 126, *пря́сне^{т}* 144б); также *перетопли* 116 (ср. Муз. ев. *потднеть* 63б); Цв.: *да*

[106] Заметим, что для приставочных *nǫ*-глаголов с неслоговым корнем (*уснути*, *исхнути*, *-дхнути* и т.п.) в памятниках XIV-XVI вв. встретилась только акцентовка по а.п. *b*; ср. § 57.

не ко́снешися 52, *не прико́снется* 153б, III 225б, *коснꙋ́вся* 114б, *прикоснꙋ́ся* аор. 150 и др.; *воскре́снеши* 203, *да воскре́снетъ* 175, 228б и др. (но однажды *да воскресне́тъ* 207), *воскреснꙋ́* буд. 154, 172 и др., *воскреснѝ* 153б, 172 и др., *воскреснꙋ́ти* 112б (но *воскре́снꙋ́ти* 165б); *оу́снете* 128, *оусно́лъ* 160, 172б и др., *оусно́въ* 157 и др.; прочие примеры формально неоднозначны: *оужа́снешися* 179, *не оужа́снется* 39, *ме́тнемъ* 141 и др., *да ѡ^{т}ря́гнꙋ́тъ* 166; *вдохнꙋ́лъ* 10б (ср. *дъхне́тъ* III 142б, по-видимому, односложное; ср. также Постн. *воздо́хнемъ* 179б); *да не и́схнемъ* 38б, *и́съхнетъ* 138б. Ср. также некоторые примеры из Ратн.: *пове́рнешъ* 76б, 77, *ѡбве́рнетъ* 173б, *трону́ть* инф. 72, *не тронoу́лъ* 62б; из Авв.: *заверну́лъ* 98б, *вздохнꙋ́лъ* 106б, ѡ^{т}*дохнꙋ́ть* инф. 65б, ѡ^{т}*дохнѝ* 21, *до́хне^{т}* буд. 65б (но также *дохне́тъ* буд. 95), *не тронꙋ́ли* 99, *не тро́не^{т}* 89, *тянꙋ́ть* инф. 37б, *потя́нꙋ́тъ* 39б, *хле́бн^{е}шъ* 106; также *переслѣплѝ* 45б.

Наконец, акцентовка по а.п. *c* встречается совсем редко – только у *обинутися, помянути, минути* (причем в XVI–XVII вв. обычно лишь наряду с а.п. *b*). Так, в Чуд. находим *оби|не́тся* 147а, *вспо́мяноувъ* 140б (но также *вспомяноу́въ* 86б, 140б). В Цв.: *не помяне́тся* 138, *да воспомяне́тся* 130б (но также *помя́нꙋ́-тъ* 192б, *-тся* 120); *ми́нꙋ́вши^{м}* Д.мн. III 208б. Ср. Егор. ев. *въспомян-е́ши* 38б, *-оу́тся* 52б (и др. формы), Ратн. *мине́тся* 211б, Улож. *мине́-тъ* 240б, *-тся* 131.

Поскольку материал по а.п. *b* и *c* очень невелик, выводы здесь могут носить лишь предварительный характер. Можно предполагать, что перестройка старой системы включала два процесса: 1) в XV–XVII вв. немногочисленные *nǫ*-глаголы старой а.п. *c* постепенно уподобились основной массе глаголов на ударное *-ну́ть*, т.е. глаголам а.п. *b*; 2) в XVII в. и позднее у глаголов на согласную + *нуть* происходит процесс разложения смежно-подвижного ударения (т.е. а.п. *b*) с образованием либо колонного корневого (*воскре́снуть* как *воскре́снет*), либо колонного послекорневого ударения (*повернёт* как *повернуть*). Глаголы состояния реализовали первую возможность, глаголы однократного действия – вторую; ср., например, *до́хнуть, сдо́хнуть*, но *дохну́ть, вздохну́ть*. Напротив, у глаголов на гласную + *нуть* (но не с суф. *-ану-*) смежно-подвижное ударение (старое, как у *тону́ть*, или вторичное, как у *помяну́ть, мину́ть*) в основном сохранилось.

Что касается *nǫ*-глаголов старой а.п. *a*, то они в подавляющем большинстве случаев сохранили первоначальное ударение.

Глаголы с приставкой вы-

§ 59. Особого рассмотрения требуют глаголы (любого морфологического класса) с приставкой *вы-*. Материал здесь дают только нецерковные памятники (в церковных приставка *вы-* обычно отсутствует). Как показывают Косм., Трав., Ратн., в XVI–XVII вв. современное положение (ударное *вы́-*

в совершенном виде, безударное *вы-* в несовершенном) еще не было полностью достигнуто.

Так, в Косм. *вы-* всегда безударно во вторичных имперфективах с суф. *-а(j)-*, *-ыва(j)-*; однако у прочих глаголов несовершенного вида с *вы-* неоднократно встречается ударение на приставке. В частности, *вы́ходи*^{т} "exit" встречается даже чаще, чем *выхо́ди*^{т} (*вы́ход-и*^{т} 7, 53, 54, 124б, 166, *-я*^{т} 53, 62, 126б, *-ѧ*^{т} 55, *-и*^{л} 179б, *-или* 90, 126б); кроме того, встретились *вы́лазя* 113, *вы́води*^{л} (несов. вид) 106, *вы́носити* (несов. вид) 183б. Ср. в Трав. *вы́чища́ѣть* 256б, в Ратн. *вы́водити* (несов. вид) 38б, *не вы́мышляютъ* 146б.

В совершенном виде в Косм. регулярно выступает *вы́-*, например: *вы́волоку*^{т}, *вы́веда*^{в}, *вы́гна*^{л}, *вы́дастъ*, *вы́лезли*, *вы́мори*^{м}, *вы́ня*^{л}, *вы́ня*^{в}, *вы́пленили*, *вы́ше*^{л}, *вы́шло*, *вы́еду*^{т}, *вы́ехал*^{л} и многие др. Однако в *вы́шло̀* 29, *вы́ѣхали* 150б, *вы́смотри́ли* 73б находим по два знака ударения. Ряд примеров с безударным *вы-* находим в Трав.: *выведе́тся* 112б, *выки́нетъ* 519, *выкипи́ть* 505б, *вымо́ешь* 64б, *высжши́ть* буд. 107, *выся́кнетъ* 94б; также *вы́бери* 458, *вы́шелъ* 196б (однако *вы́гнить*, а возможно, также и *вытя́нетъ* относится в Трав. к несовершенному виду); ср. ударения типа *вымо́ешь* в современных южновеликорусских говорах.

Можно предполагать, что первоначальным было ударение на *вы-* во всех случаях. В несовершенном виде глаголы с *вы-* — это, во-первых, вторичные имперфективы (*выставляти*, *выпрашивати* и т.п.), во-вторых, небольшая группа глаголов типа *выходити*, *вылазити*, *выглядѣти*, образованных от глаголов, у которых добавление приставки не меняет вида. Смену ударения в случаях типа **вы́ставляти* → *выставля́ти* естественно связывать с общим процессом выработки единого суффиксального ударения у вторичных имперфективов с суф. *-а(j)-* (см. § 54); параллельно у всех имперфективов с суф. *-ыва(j)-* вырабатывалось единое предсуффиксальное ударение (§ 56). Что касается глаголов типа *выходити*, то они позже всего включились в процесс обобщения безударного *вы-* у глаголов несовершенного вида; это хорошо видно по Космографии. Заметим, что глаго́л *вы́глядеть* сохранил древнее ударение до настоящего времени.

Перестройка ударения у глаголов типа *выходити*, по-видимому, сопровождалась (по крайней мере, в части говоров) некоторым расшатыванием ударения также и у глаголов совершенного вида с *вы-*; ср. в особенности положение в Травнике.

Заключение

§ 60. Проведенный разбор позволяет дать итоговую характеристику системы глагольной акцентуации в Космографии.

Важнейшие акцентологические а р х а и з м ы Космографии (кроме тех, которые общи всем или почти всем говорам русского языка на всем протяжении его истории) таковы.

I. Архаичные черты акцентных кривых в акцентной парадигме *c*.

1. Ударение *-етѣ̀, -итѣ̀* в 2 мн. презенса.

2. Остатки начального ударения в 1 ед. презенса и в деепричастии презенса (помимо *лéжа, сúдя, стóя*): *гóворю, згóворя, пóноровя*.

3. Сохранение маргинально-подвижного ударения прош. времени (кроме муж. ед. с *-ся*) у корневых и *a*-глаголов (модель *прóдалъ, продалà, прóдало, прóдали, продал-áся, -óся, -úся*).

4. То же (с незначительными отклонениями) у *i*-глаголов (модель *прóстилъ, простилà, прóстило, прóстили, простил-áся, -óся, -úся*).

5. Сохранение маргинально-подвижного ударения в деепричастии прош. времени *a*-глаголов (*сóбравъ, собравсѧ̀, собравшúся*).

6. Остатки такого ударения в той же форме у *i*-глаголов (*пустивсѧ̀*).

7. Начальное ударение в краткой форме муж. ед. страдательного причастия с *-н-* у корневых и *a*-глаголов (*прóданъ, прóзванъ*).

8. Ударение *-énъ, -енà, -енд, -енѝ* в причастии с *-ен-* у корневых и *i*-глаголов.

II. Прочие архаизмы.

9. Корневое ударение в причастиях с *-ен-* у *i*-глаголов а.п. *b* (*истóмлены* и т.п.).

10. Отсутствие случаев перехода "*c* → *b*" у *i*-глаголов (кроме причастия *насáжено*).

11. Сохранение устойчивого корневого ударения у глаголов *видѣ́ти, слышати*.

12. Принадлежность к а.п. *c* глаголов *имати* (*емлешь*) и *орати* "пахать".

13. Частичное сохранéние ударения на приставке *вы-* у глаголов несовершенного вида.

Важнейшие акцентологические и н н о в а ц и и Космографии по сравнению с реконструируемым правосточнославянским состоянием (кроме тех, которые, как можно предполагать, были общи всем русским говорам XVI в.):

1. Частичная замена старого ударения новым в случаях, соответствующих пунктам 2, 4, 6, 13 списка архаизмов.

2. Почти полная утрата ударения на *-ся* в муж. ед. прош. времени глаголов а.п. *c* (с заменой его на предфлексионное или, реже, на начальное ударение).

3. Флексионное ударение в кратких формах (кроме муж. ед.) страдательного причастия с *-н-* у корневых и *a*-глаголов (*прозванà, -ò, -ы̀*).

4. Появление в инфинитивах с первоначальным ударением на *-ти* нового (корневого) ударения - почти регулярное у корневых глаголов на *-яти*, спорадическое у С-корневых глаголов.

5. Почти полное обобщение суффиксального ударения у вторичных имперфективов с суффиксом *-a(j)-*, предсуффиксального — у вторичных имперфективов с суффиксом *-ыва(j)-*.

6. Обобщение в презенсе акцентовки по а.п. *b* у корневых и *a*-глаголов с неслоговым корнем (при наличии приставки).

В целом система глагольной акцентуации южновеликорусского говора XVI века, отразившегося в Космографии, должна быть оценена как весьма консервативная.

Сокращения

Авв. - Житие Аввакума (автограф); см. § 13.

Акц. Мер. - *Зализняк А.А.* Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века "Мерило Праведное" — В кн.: Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979.

Ап. - Апостол. М., 1564.

Атлас (Север, Юг, Запад, сводный) - диалектологические атласы русского языка, см. сноску 16.

Бромлей - *Бромлей С.В.* О следах общеславянской *c*-парадигмы в акцентной системе русского глагола (по материалам говоров). - В кн.: Общеславянский лингвистический атлас 1976. М., 1978.

Вас. - *Васильев Л.Л.* О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI-XVII вв. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии. Л., 1929.

Галкина - *Галкина Г.С.* Язык рязанских деловых документов XVII-XVIII веков (фонетика и морфология). АКД. Тула, 1961.

ГБЛ - Гос. библиотека им. В.И. Ленина в Москве.

Диал. член. - *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Дом. - Домострой по Коншинскому списку; см. § 12.

Дыбо 1962 - *Дыбо В.А.* О реконструкции ударения в праславянском глаголе. - В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 6. М., 1962.

Дыбо 1968 - *Дыбо В.А.* Акцентология и словообразование в славянском. - В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М., 1968.

Дыбо 1969а - *Дыбо В.А.* Среднеболгарские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (praesens). - ВЯ, 1969, № 3.

Дыбо 1969б - *Дыбо В.А.* Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (praesens).- ВЯ, 1969, № 6.

Дыбо 1970 - *Дыбо В.А.* Фрагмент праславянской акцентной системы (ударение прилагательных с суффиксом *-ъk-*). - Сов. славяноведение, 1970, № 5.

Дыбо 1971 - *Дыбо В.А.* Закон Васильева — Долобко и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском. - ВЯ, 1971, № 2.

Дыбо 1972а - *Дыбо В.А.* Реконструкция ударения *l*-причастия от глаголов на *-nq-* и *-i-* в праславянском. - В кн.: Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Дыбо 1972б - *Дыбо В.А.* Акцентные типы презенса глаголов с *ъ, ь* в корне в праславянском. - ВЯ, 1972, № 4.

Егор. ев. - Евангелие учительное XVI в.; ГБЛ, ф. 98, № 80; см. § 13.

Косм. - Космография Мартина Бельского XVI в.; ГБЛ, ф. 152, № 2; см. § 4.
Котков - *Котков С.И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963.
Мер. - Мерило Праведное XIV в.; ГБЛ, ф. 304, № 15; см. § 12.
Муз. ев. - Евангелие-тетр XVI в.; ГБЛ, ф. 178, № 3650; см. § 13.
Новопокровская - *Новопокровская В.Н.* О некоторых морфологических особенностях рязанских говоров XVII в. (имя существительное). - Учен. зап. Орловского пед. ин-та, т. 13, вып. 5. Орел. 1958.
Новые данные - *Зализняк А.А.* Новые данные о русских памятниках XIV-XVII веков с различением двух фонем "типа *о*". - Сов. славяноведение, 1978, № 3.
Образ. - Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.
Огиенко - *Огієнко І.* Український наголос в XVI віці. - Сборник ОРЯС, т. 101, № 3. Л., 1928.
Оч. морф. - *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
Постн. - Триодь Постная. М., 1589.
Пролог - Пролог XVI в.; ГБЛ, ф. 354, № 19; см. § 13.
Противоп. - *Зализняк А.А.* Противопоставление букв *о* и *ѡ* в древнерусской рукописи XIV века "Мерило Праведное". Сов. славяноведение, 1978, № 5.
Пс. - Псалтирь XVII в.; ГБЛ, ф. 304, № 62; см. § 13.
Ратн. - Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647; см. § 13.
Станг - *Stang Chr.* Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
Трав. - Травник и лечебник XVII в.; ГБЛ, ф. 37, № 431; см. § 12.
Улож. - Соборное уложение 1649 г. М., 1649.
Фер. - Кормчая XVI в.; ГБЛ, ф. 98, № 248; см. § 13.
Цв. - Триодь Цветная. М., 1591.
Час. - Часослов XV в. в составе рукописи ГБЛ, ф. 304, № 329; см. § 13.
Чуд. - Чудовский Новый Завет XIV в.; см. § 12.
Южн. отк. - Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М., 1977 (при ссылках название города обозначает соответствующую отказную книгу).

Глава 2

АКЦЕНТУАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В "КОСМОГРАФИИ" МАРТИНА БЕЛЬСКОГО

§ 1. Настоящая статья продолжает акцентологическое описание рукописи последней четверти XVI века «Космография» Мартина Бельского (РГБ, ф. 152, № 2), начатое статьей «Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в.» (Зализняк 1981). Все общие сведения о данном памятнике, именуемом далее просто Космография (сокращенно: Косм.), см. в указанной статье.

Ниже описывается акцентуация существительных в Космографии. Рассматриваются в первую очередь непроизводные существительные; из производных взяты только некоторые группы, наиболее интересные в акцентологическом отношении.

Как и во всех прочих древнерусских акцентуированных памятниках, в Космографии у существительных противопоставлены три акцентные парадигмы (а. п.).

Акцентная парадигма *a*, как обычно, реализуется в виде неподвижного наосновного ударения. Акцентные парадигмы *b* и *c* представлены кривыми, показанными в приводимых ниже таблицах. В качестве образцов взяты словоформы, встречающиеся в Косм.

При рассмотрении примеров следует учитывать, что в Космографии *е* вместо *ѣ* пишется только в безударной позиции. Таким образом, написание типа *река*^{х} показывает, что слог *ре-* здесь безударен, следовательно, ударение падает на второй слог (хотя оно и не обозначено).

Акцентная парадигма *b*

		муж.	сред.		жен.	
ед.	И.	кора́бль	кна^{ж}ствò, селò		река̀, воина̀	
	В.				реку̀, воину̀	
	Р.	корабля̀	писма̀		рекѝ, воины̀	
	Д.	кораблю̀	кна^{ж}ству̀		рекѣ̀	
	М.	животѣ̀, кораблѝ	писмѣ̀		рекѣ̀, воинѣ̀	
	Т.	корабле́мъ	чело́мъ		реко́ю, воино́ю	
мн.	И.В.	животы̀, конѝ	кна^{ж}ства̀	се́ла	рекѝ	во́ины
	Р.	послóвъ, коне́и	гнѣ́здь		рѣ́къ	
	Д.	корабле́мъ	се́ламъ		[слуга^{м}]	
	М.	ко́нехъ	се́лехъ		река^{х} (= река́хъ)	
	Т.	королѝ, коро^{л}мѝ, корола́ми	крыла́ми	сте́клы	река́ми, воина́ми	

Акцентная парадигма *c*

		муж.		сред.	жен. (*a*-склонение)		*i*-склонение	
ед.	И.	го́ро^{д}, на́ горо^{д}		зо́лото, и́ма, на́ золото	сторона̀		по́мо^{ч}, на́ помо^{ч}	
	В.				сто́рону, на́ сторону			
	Р.	го́рода (-у), до́ города (-у)		зо́лота, и́мени, до́ мора	стороны̀		по́мочи, и́зо твери	
	Д.	го́роду, по́ городу		мо́рю, по́ морю	сторонѣ̀	к зе́мли, по́ водѣ	но́чи	
	М.	го́роде, на́ городе		зо́лотѣ, и́мени, при́ ѡзерѣ	сторонѣ̀		в ночѝ	в … ча́сти
	Т.	го́родо^{м}, пе́ре^{д} городо^{м}		сло́во^{м}, и́мене^{м}, за́ слово^{м}	голово́ю		по́мо^{ч}ю, но́чью	
мн.	И.В.	го́роды, зве́ри, по́ дары	мосты̀, глаза̀	слова̀, пола̀, имена̀	сто́роны, за́ ноги		во́лости, ре́чи, на́ люди	
	Р.	городо́въ, звере́и		по́ль, ѡзеръ	земе́ль, [сторо^{н}]		помоче́и, рече́и	
	Д.	лесо^{м} (= лесо́мъ), леса^{м} (= леса́мъ)		—	[нога^{м}]		лю́демъ	
	М.	ле́се^{х}, ѡстрове^{х}	леса^{х} (= леса́хъ)	по́ла^{х}, на́ нб҃сѣ^{х}	земна́хъ		лю́дех, на́ санех	
	Т.	го́роды	города́ми, звѣрмѝ	чюдесы̀	голова́ми		костмѝ	

В Космографии у слов а. п. *c* оттяжки ударения на предлог еще носят вполне систематический характер. Новая акцентовка (без оттяжки ударения на предлог) регулярно представлена у слов с *не́-* (типа *не́другъ*), например, *на не́друга*, факультативно также у слов с начальным *о́-* (*о́стровъ*, *о́бразъ*, *о́зеро*), например, *по^{д} ѡ́стро^{в}* 175б, *на ѡ́строве^{х}* 53, *по ѡ́бра^{э}* 173, *из о́зера* 48 (в сумме около 10 раз). В прочих случаях она встречается крайне редко[1]. С другой стороны, почти не встречается и случаев оттяжки ударения на предлог у слов, не принадлежащих к а. п. *c*.

На частицы и союзы ударение с существительного в Космографии не оттягивается (за исключением *не́ в пору*), например, *не́ воды* 174б и т. п.

Замечание. Слова *через* и *дла* могут себя вести в Косм. как полноударные, ср. *че́ре^{э} зе́млю* 114б, *че́ре^{э} вѣ́ру* 104б. Соответственно, написания типа *че́ре^{э} ми^{р}*, *че́ре^{э} пско^{в}*, *че́ре^{э} море* нельзя считать надежными примерами оттяжки ударения на предлог.

[1] Следует учитывать, впрочем, что, как и в других тактовых группах, в сочетании предлога с существительным ударение может быть вообще не проставлено; то есть в произношении колебаний могло быть больше, чем это видно по тексту Косм.

Рассмотрим материал раздельно по морфологическим классам.

Мужской род

§ 2. К а. п. *a* относится очень большое число существительных (главным образом производных). Перечислять их все нет необходимости; ограничимся немногими — преимущественно такими, которые по той или иной причине представляют специальный интерес для акцентологии.

Здесь и далее слова приводятся в одной или нескольких формах из числа засвидетельствованных в Косм. Адреса примеров обычно не приводятся; они даются лишь в некоторых случаях, где мы сочли полезным документировать пример более строго (в частности, для некоторых редких слов или редких способов акцентовки). Грамматические пометы при словоформах даются лишь там, где это необходимо для устранения двусмысленности[2].

Выборка слов а. п. *a*: *арáпы*; *бавóлы* ‘буйволы’; *бúскупо*^{в}; *бóлгаро*^{м} Д. мн.; *брáта*, *-ы*, *-о*^{в}; *волóхи*; *ѿ вѣ́тра*, *ѡ тѣ*^{х} *вѣ́тра*^{х}; *грéки*, *-ове*, *-ами*; *жемчю́гъ*, *-у*, *-о*^{м}, *-и*; *жúды*, *-ове*, *-ово*^{м}, *на жúдовъ*; *кáме*^{н}, *на кáмени*, *кáменевъ*, *на кáмене*^{х}; *кýро*^{в} ‘петухов’; *пéрсы*, *-ове*, *-о*^{в}; *прýсы*, *-ове*, *-о*^{в}; *рыцарми*; *сéрбы*, *-о*^{в}; *татáрове*, *татáро*^{в}; *тýрки*, *-ове*, *-о*^{в}, *тýрокъ* В. мн.; *филосóфы*; *ѳýнта*, *-о*^{в}; *на хлѣ́бъ*, *хлѣ́бы*; *холóпи*, *-е*^{х}; *ꙗзы́ка*, *-и*;

некоторые производные — *гражáне*, *з добы́тком*, *со кнꙗжúче*^{м} 33б, *колоко́лчики*, *кролúко*^{в} 177б, *кролúками* 177б, *лѣ́каре*^{м} Д. мн. 101, *москвúчами* 42, *мещáне*, *нѣ́мцы*, *-о*^{м}, *-а*^{х}, *из нѣ́мець*, *ѡбы́чае*^{м} Д. мн., *ѡбы́чеевъ*, *ѡстровúчи* ‘островитяне’ 30б, *племáнникъ*, *послýшникъ*, *прúгоро*^{л}*ки*, *-а*^{м}, *пристáво*^{в} 16, *к пристýпу*, *на прожúтокъ*, *рúмлꙗне*, *рыболове* И. мн. (с переосмыслением *-ове* как окончания), *-е*^{и} Р. мн., *сосýды*, *сусѣ́ди*, *-о*^{м} Д. мн.

К а. п. *a*, вероятно, относятся такие формально неоднозначные примеры, как *бáрхат*, *бáрхату* Р. ед., *-ы*, *внýку*, *гáда*, *дóхтора*, *мрáмору* Р. ед., *пáрусы*, *с ... плáче*^{м}, *с прáпоро*^{м}, *с прáпоры*, *сáхаро*^{м}, *в свáты*, *шéлко*^{м}, *ꙗхонтъ*; также *грáбеже*^{м}, *кýбокъ*, *ѿ ... зáпаху*, *зговóръ*.

Менее определенны: *влáстели* Р. ед. (sic) 187, *пéрста* 11, *прóмыслъ* 135, *тéстꙗ* 117, *ѣ́зду* Р. ед. 3.

§ 3. С ударением, указывающим на а. п. *b*, засвидетельствованы следующие слова (приводятся в одной или нескольких формах из числа встретившихся):

волы̀; *бобрà*; *воробїѝ*; *до верхỳ* 130, *верхѝ* 23б, *гонцà*; *грехѝ*; *дворà*; *днепрà*; *дїакà*; *ересникѝ* 138б; *животà*; *змеѝ* Р. ед. 20б, *змеéвъ* 181б; *в кирпичѣ̀* 4, *в кирпичю̀* 14; *ключà*; *на колѣ̀* 179; *колоколкѝ* 188б; *конѝ*, *конѝ* 16б; *конéцъ*, *концà*; *корáбль*, *кораблѝ*; *корóль*, *королѝ*; *королкѝ* ‘кораллы’ 54; *кулакѝ* Т. мн. 185б; *купцы̀*; *лемешѝ* 108; *ноꙗбрѝ*; *ѡвóщь*, *ѡвощ̀и*; *ѡгóнь*, *ѡгню̀*; *ѡслопы̀* ‘дубинами’ Т. мн. 50; *монастырѝ*; *панѝ* 152б; *пастухѝ*; *перунà* 50; *петрà*; *в ... полкỳ* 108б, *полкѝ* 152, *по*^{л}*кóвь* 89б; *полóнъ* 28, *полонỳ* Р. ед. 173б, *в полонỳ* 8б, 62; *попà*; *послà*; *пу*^{ш}*карѝ* 173б; *песóкъ*, *по пескỳ*; *ѿ ревлꙗ* ‘от Ревеля’ 65б; *на рубежѝ* М. ед. 64б; *рублѝ*; *русакѝ* ‘русские’ 32, 165; *к томỳ садỳ* 122; *скотà*; *столà*; *то*^{л}*мачà*; *с торгóм* 126б, *торгѝ* 48; *без умà*; *ученикà*; *ѳевралꙗ*; *ѳонарꙗ*, *в ѳонарѣ̀*, *с ѳонарѝ*; *в хвостѣ̀*; *царꙗ*; *часà* (также *часы̀* ‘horologium’ 2б); *черницы̀* 135; *шатры̀*. Сюда же, очевидно, относятся формально неоднозначные *городóкъ* 113, *донéцъ* 44б, *до кошéи* 78, *кошáми* 174, *рвà* 7, *сто*^{л}*пóвъ* 178, *стре*^{л}*цóвъ* 151б, *сцóмъ* ‘мочой’ 124б.

[2] При этом в парах омонимов типа *вѣ́тро*^{м} (Т. ед. и Д. мн.), *вѣ́тры* (И. В. мн. и Т. мн.), *кораблѝ* (И. В. мн. и М. ед.) помета дается только при Д. мн., Т. мн., М. ед. (соответственно).

Особо стоит группа этнонимов с И. мн. на *-о́ве*: *вандоло́ве*, *гото́ве*, *испано́ве* (но также *испа́нове* 183б, *ишпа́нове* 27), *камбало́ве* ‘каннибалы’ (но также *ка*^{м}*ба́лове* 179б), *угро́ве* (*вугро́ве*), *шкото́ве*. С другими окончаниями находим *ишпа́ном* Д. мн. и т. д. (но один раз *ишпаны̀* 27б), *камба́ла* и т. д., однако обычно *угры̀* (*вугры̀*), *угро́въ* и лишь однажды *у́гры* 153. Отметим еще колебание *полѧкѝ* 139, но *поля́ки* 139б, *с поля́ки* 74.

В М. мн. наосновное ударение встретилось только в *на ко́не*^{х} 71б и *в монастыре*^{х} 67. Флексионное ударение прямо вообще не засвидетельствовано; его можно предполагать, в частности, в *ω послѣ*^{х} 57б, *в послѣ*^{х} 36б, *в по*^{п}*кѣ*^{х} 98, *в вожѣ*^{х} 28, *на концѣ*^{х} 56б, *кораблѣ*^{х} 185б.

§ 4. О принадлежности слова к а. п. *с* говорят прежде всего оттяжки ударения на предлог:

на́ бере^{г} 30 и др., *у́ берегу* 179, 182; *про́ бг҃ъ* 96, *за́ бг҃а* 105б, 157б, *на́ бг҃а* 85, *у́ бг҃а* 81, 115; *до́ вечера* 152б; *до́ вѣку* 38, *во́ вѣки вѣчныи* 157; *на́ город* 85б, *до́ города* (часто), *до́ городу* 129, *и́з города* (часто), *у́ города* 92, 112, 154б, *по́ городу* 116, *на́ городе* 87 и др., *о́ городе* 49, *пе́ре*^{д} *городо*^{м} 5б; *во́ гра*^{д} 97, 113б, *до́ града* 8, 183, *во́ градѣ* 115б; *по́ дары* 30; *на́ дн҃ь* 1, 184 (ср. также *два́ дн҃и* 142б, *три́ дн҃и* 3); *и́з дому* 163; *про́ до*^{н} 47б; *дру́гу за́ друга* 116, *дру*^{г} *за́ друго*^{м} 91б; *на́ звера* 52б, *на́ звѣри* В. мн. 43б; *на́ мостъ* 50; *за́ му*^{ж} 162, *у́ мужа* 37; *по́ леду* 52, 56б, 159б; *и́з лука* 7; *на́ ле*^{с} 29б, *по́ лесу* 29, 74б; *на́ ѡкупъ* 108 и др.; *на́ ѡстро*^{в} 25, 175, 187б, *по́д ѡстро*^{в} 185б, *до́ ѡстрова* 29б, 179, *до́ ѡстрову* 181, *и́з ѡстрова* 180б bis, *по́ ѡстрову* 178б, *на́ ѡстрове* 12 и др.; *на́ полдн҃ь* 14б и др.; *по́ по*ы^{с} 185 и др.; *по́до пско*^{в} 51, *и́зо пскова* 33, *ѡ́то пскова* 49б, *о́ пскове* 51; *и́з роду* 148 bis; *на́ свѣте* (часто); *по́ снегу* 56б; *с ста́ну на ста*^{н} 150б; *о́ сн҃е* ‘о сыне’ 95б; *до́ угла* 23б; *по́ чину* 63, 167.

Сюда же *на́ похороны* 95б (как показывает Р. *похороновъ* 16б, это слово было в говоре Косм. мужского морфологического рода). Относительно не вполне ясного примера *на́ похорона*^{х} 96б см. ниже, § 5.

Нет оттяжки ударения в *на бе́регу* 74б, *из го́рода* 86 (о словах *островъ*, *образъ* см. выше, §1). В *и*^{з} *стану̀ в ста*^{н} 27 представлено флексионное ударение (вместо *и́з стану*); вероятно, это связано с превращением всего оборота в комплекс с единым ударением.

Подвижность ударения засвидетельствована также непосредственно в следующих случаях (приводятся только наиболее показательные словоформы):

бе́рега – на берегу̀; *ва́ло*^{м} 46б – *в валу̀* 46б; *го́ду* Р. ед. – *во вса́ко*^{м} *году̀* 41б; *го́лу*^{б}, *го́луби – голубе́и*; *го́ро*^{д}, *го́рода – городо́въ*, *-а́ми*; *да́ры – дарово́въ*, *-а́ми*; *до́му* Р. е́д. – *домо́въ*; *до́ну* Р. ед. 64, 168, *до́но*^{м} 43б и др. – *о дону̀* 43б; *зве́ра – звере́и*; *зу́бы – зуба́ми*; *ки́емъ* 30б – *кие́ми* 50б; *кна́за – кн҃зе́и*; *лу́ки* (оружие) – *с лука́ми* 29, 186 и др.; *лѣсы – лесо́въ*; *ми́ру* Р. ед. – *в миру̀*; *с мо́сту* 50 – *мосты̀* 52; *не́дру*^{г}, *не́друга – недруго́въ* 67 bis; *ѡ́стро*^{в}, *ѡстрова – ѡстрово́въ*, *-а́ми*; *ро́ду* Р. ед. – *в роду̀*; *со́боли* 53, 55 – *соболе́и* 53б; *чи́ну* Р. ед. – *в чину̀*. Кроме того, словоформы с начальноударным полногласием: *го́ло*^{д}, *го́лодо*^{м}; *го́лосо*^{м}; *во́лосы*; *ко́локо*^{л}; *ко́ло*^{с}; *со́ро*^{м} 58 и др., *со́рома* 94б, *-у* Р. ед. 26б; также *со́ро*^{к} 43б, 87.

Сюда же, по-видимому, относятся и такие формально неоднозначные примеры, как: *глазà* В. мн. 2б; *гла́су* Р. ед., *-о*^{м}; *го́сти*; *гро́бу* Р. ед., *гро́бы* И. В. мн. 13, 23б, Т. мн. 23б; *гу́си*; *во́лки*; *во́ру*; *дру́гу*, *-о*^{м}; *ко́рень*; *ко́рму* Р. ед.; *лю́до*^{м}; *ме́ду* Р. ед., *-о*^{м}; *мѣ́ло*^{м}; *но́су*, *-о*^{м}; *пи́ру* Р. ед.; *по́лу* Р. ед. ‘sexus’; *мехо́въ* 84; *полозо́въ* ‘полозьев’ 56б; *ѡ́бра*^{з}, *ѡ́бразы*; *сло́ны* 16б, *смра́ду* Р. ед.; *ро́сто*^{м}; *со́ко*^{м}; *су́ды* ‘naves’ 41 и др.; *та́тю* 85; *хо́ду* Р. ед. 136б, 141; *че́рви*; *чо́рта* 17; *цвѣто*^{м}; *шу́мо*^{м}.

§ 5. Рассмотрим грамматические формы, представляющие у слов а. п. *с* особый интерес для акцентологии.

В И. В. мн. флексионное ударение обнаружено только в случаях: *глазà* В. мн. 2б, *мостьì* В. мн. 52, *домьì* В. мн. 57б (ср. *дóмы* И. мн. 157б, В. мн. 34, *в дóмы* 50). Во всех прочих случаях представлено наосновное ударение: *бóги, гóды, гóлуби, гóроды, гóсти, грóбы, гýси, вóлки, вóлосы, дáры, звѣ́ри, зýбы, лýки, лѣ́сы, мýжи, нéдруги, óбразы, óкупы, óстровы, слóны, снѣ́ги, сóболи, сýды* 'naves', *ýглы, чéрви; также дáрове* В. мн. 60, 186б, *мýжеве* 22, 124б.

Омонимичная форма Т. мн.: *гóроды, грáды, грóбы, дáры, óбразы, óстровы*; отметим также *с велúкими дáрове* 102.

В Д. мн. ударение не проставлено ни разу; ср., в частности, *по лесо*^{м}, *голубе*^{м}, *острово*^{м}, *по стано*^{м}, *судо*^{м} 'navibus', *по леса*^{м}, *по луга*^{м}, *по острова*^{м}. Очевидно, как при *-омъ*, так и при *-амъ* ударение флексионное.

В М. ед. при старом окончании *-ѣхъ* (без ударения *-ехъ*) в недвусмысленных случаях находим наосновное ударение: *на óстрове*^{х} 53, *в лѣ́се*^{х} 42б, *на острове*^{х} 16б, *в ... городе*^{х} 121, *в тѣ́х граде*^{х} 5. (Предполагать здесь окончание *-ехъ*, восходящее не к *-ѣхъ*, а к *-ьхъ*, не приходится, поскольку оно сочетается только с мягкими основами.)

Встречаются, правда, и написания с *-ѣхъ*, типа *острове*^{х}, *городѣ*^{х}; остается неизвестным, является ли здесь *ѣ* чисто орфографическим или отражает вариант с флексионным ударением.

При новом окончании *-ахъ* мы находим флексионное ударение: *в леса*^{х} 44, 55 и др., *в тѣ́х леса*^{х} 29б и др. Иное ударение представлено в *нá похорона*^{х} 96б. Возможно, это акающая запись вместо *нá похороно*^{х}, с окончанием *-охъ*, которое, в отличие от *-ахъ*, могло быть в а. п. *с* и безударным.

В М. ед. возможны два варианта ударения:

1) *в ... гóроде, о ... гóроде* (часто), *о ... грáде* 46, *о ... кнáзе* 31б, *в лѣ́се* 178б, *об óстрове* 17б, *на то*^{м} *óстрове* 26 и др., *в ... óстрове* 142б, *на се*^{м} *свѣ́те* 109б; также с окончанием *-у* — *на бéрегу* 74б, *в то*^{м} *же гóду* 28, *на то*^{м} *óстрову* 178б, 181б, *на котóро*^{м} *óстрову* 29б, *в ... óстрову* 180.

2) *на берегу̀* 21, 189, *в валу̀* 46б, *во всáко*^{м} *году̀* 41б, *о дону̀* 43б, *в лесу̀* 74б, *в то́*^{м} *же лесу̀* 48, *на лесу̀* 75, *в миру̀* 36, 105б, *в то*^{м} *острову̀* 142б, *в роду̀* 33, *на роду̀* 176, *на холоду̀* 122, *в чину̀* 175, *во все*^{м} *чину̀* 57б.

Таким образом, флексионное ударение возможно только при окончании *-у*; но, в отличие от современного литературного языка, наосновное ударение возможно не только при окончании *-ѣ* (*-е*). Словоформы на *-у̀* встречаются преимущественно при контактном расположении предлога и существительного.

§ 6. Особые случаи.

Слово *бои* колеблется между а. п. *b* и *с*: *бою̀* Р. ед. 78б, 90, 94, Д. ед. 83б, *на бóи* В. ед. 112, но *бóю* Р. ед. 82б, *бóемъ* 101, 189, *нá бои* 189б, *нá бо*^{и} 84 (как к а. п. *b*, так и к а. п. *с* могут относиться *о бою̀* 76б, *на бою̀* 153, *на ... бою̀* 28 и др., *боéвъ* 114б).

Возможно, что так же колебались слова *знои* и *сторожь*: *знóа̀* 18б, *знóа* 4б, 13, *знóю* 20б, 24; *за сторожѝ* В. мн. 40б, *стóрожи* И. мн. 84.

Разница ударения между *плода̀ всáково овощнóво* 5б и *дла плóду* 'на развод' — такая же, как в современном просторечии и говорах, а именно, она соотнесена с различием значений (см. Зализняк 1977, с. 100).

Слова *римъ* и *западъ* колеблются между а. п. *a* и *c*: *до ри́ма* 67, 76 и др., *до ри́му* 216, *ри́му* Р. ед. 666 и др., но *и́з рима* 67, *и́з риму* 127; *на за́па*^{п} 51, 174, *ѿ за́паду* (часто), *ѿ за́пада* 116б, 139, но *на́ запа*^{п} 44, 79б, 105 и др.

В названии Новгорода, как обычно в памятниках этой эпохи, склоняются обе части, причем первая имеет флексионное ударение, а вторая преимущественно безударна, но иногда обнаруживает тоже флексионное ударение (по-видимому, ритмического происхождения). Таким образом, наиболее обычны формы *но́вгородъ*, *нова́города*, *нову́городу*, *в новѣгородѣ* (однако *с но́выⷨ го́родоⷨ*), но встречаются также формы *нова́городà*, *нову́городù*, *в новѣгородѣ*.

Средний род

§ 7. Из слов а. п. *a* отметим лишь немногие: *во́иска* мн. 159, *дѣлы* Т. мн. 85, *зе́ркала* мн. 186, *-ы* Т. мн. 176, *зна́мена* мн. 74, 121б, 133, *лѣта* мн. 326, 102, *-ѣ*^{х} 36, 27, 296, *мѣста* мн. 175, *-а*^{х} 41. С новым ударением представлено *стадà* И. мн. 147б.

С ударением, указывающим на а. п. *b*, засвидетельствованы:

во взаⷮ̀и 75, *винò*, *воровⷭ̀ствòмⷭ̀* 172б, *кнаⷦ̀ствò* 51, 121, *-ù* 386, *колесà* Р. ед. 36, *ѡснò* ‘острие, шип’ 566, *писмò*, *-ѣ̀*, *племà* 396, 61, *плечà* Р. ед., *-ю̀*, *рунà* Р. ед. 196, *селò*, *серебрà* Р. ед., *сребрò*, *сукнà* Р. ед., *челò*, *-ѣ̀*, *числà* Р. ед., *ѧицò*.

Во множ. числе у таких слов ударение как правило перенесено на основу: *гнѣгда* 34 (*г* вместо *з* — описка), *дере́вца* 185, *ко́пїи* Т. мн. 876, *пла́тна* 1976, *на плéчеˣ* 706, *поло́тна* 133 bis, *-ы* Т. мн. 185, *се́ла* 16, *по се́лаⷨ* 746, *в тѣˣ се́леˣ* 121, *сте́кла* 188, *-ы* Т. мн. 188, *су́кна* 106, 19. Без переноса ударения: *кнаⷦ̀ствà* 326, *крыла́ми* 246.

§ 8. В а. п. *c* отмечены следующие случаи оттяжки ударения:

на́ времѧ 336, 89 и др.; *и́з древа* 1786, *ѿ древа до́ древа* 266; *на́ золото* 1776, *по́ золото* 1906; *во́ имѧ* 43, 1756; *на́ море* (В. ед. и М. ед.), *на́ мори*, *за́ море*, *до́ моря*, *по́ морю* (все часто), *ѿ морѧ* 556, *на́ⷮ море* 68, *на́д мореⷨ* 174; *на́ нб҃ѣ* 12, *на нб҃сѣˣ* 1066; *за́ очи* 61; *и́з озера* 506, 536, *при́ озере* 54, *на́д озеромⷭ̀* 51; *на́ поле* (М. ед.) 98; *на́ слове* 376, *за́ словоⷨ* 82; *по́ ухꙋ* 118.

Оттяжки ударения нет в *на зла́то* 184.

Во множ. числе отметим: *древесà* 86, *дивесà* 19, *именà* (часто), *полà* 26, 56, *словà* 54, 197 bis, *словесà* 1066, 115, *чюдесы̀* 2. С наосновным ударением: *на тѣˣ по́лѧˣ* 1086, *в у́шаˣ* 177.

Женский род

§ 9. С ударением, указывающим на а. п. *b*, засвидетельствованы:

В. ед. *a*-склонения: *бедȕ*, *винȕ*, *воинȕ*, *главȕ*, *двинȕ*, *деснȕ* (река), *длинȕ*, *долготȕ*, *дубнȕ*, *женȕ*, *звездȕ*, *змею̀*, *красотȕ*, *литвȕ*, *москвȕ*, *на менȕ*, *окȕ*, *рекȕ*, *рудȕ*, *сестрȕ*, *слугȕ*, *стражȕ*, *странȕ*, *стрелȕ*, *стрелбу* (с *е*), *травȕ*, *тюрмȕ*, *упȕ* (река), *ширинȕ*.

И. В. мн. *a*-склонения: *бедꙑ̀* 276, *женꙑ̀* (часто), *казнꙑ̀* 25, *кишкѝ* 177, *вели́кие лукѝ* 486 bis, *пашѝ* 83, *рекѝ* (часто), *слугѝ* 50, 506, *страньі̀* 53, 1716, 181, *стреⷯбы* (б. уд., но с *е*), *тамгѝ* 1666, *трубꙑ̀* 546, *чоⷯмꙑ̀* 12.

Наосновное ударение во множ. числе у слов этой группы в Косм. представлено еще весьма слабо. Можно указать только *во́ины* 256, 356, 1416 и несколько случаев колеблю-

щегося ударения: *главы̀* 55 – *гла́вы̀* 17, *змеѝ* 122б – *зме́и* 2, 181б, *всѣ стрелы* 170 (б.уд., но с *е*) – *стрѣ́лы* 26б, 170 bis, *щепы̀* 188б – *сче́пы* 188б.

§ 10. Случаи оттяжки ударения таковы:

в *а*-склонении — *на́ весну* 54, 76, 113, *на́ голову* 68б и др., *на́ землю* 67б, 157, *на́ зиму* 171, *про́ иглы* 188, *за́ ноги* 30б, 188, *на́ ѡрды* 172, *не́ в пору* 39, 88б (также *в тѣ поры* [часто]), *за́ руку* 101, *на́ сторону* 104, *на́ стену* 72, 86 и др. (также *по*^{л} *стену* 93б bis, 156б, *по*^{л} *стены* 93б, *че́рез стену* 85 — с *е* вместо ѣ);

в *і*-склонении — *до́ нощи* 96, *на́ по*^{л}*но*^{ч} 37б, 174б, *на́ полнощь* 55б, *на́ помочь*, *на́ помощь* (часто), *на́ сане*^{х} 56б, *и́зо твери* 49, *ѡ́то твери* 52б.

Отметим здесь также слово *і*-склонения *люди*: *за́ люди* 30б, 186б, *на́ люди* 105, 136 и др., *по́ люди* 79.

Ср. также наречия *на́пособь* 81, 97б, *и́стари* 135.

Слово *смерть* колеблется: *на́ см҃рть* 170, но *до см҃рти* 187б.

В ряде случаев подвижность ударения засвидетельствована также непосредственно: *гора̀*, *-ы̀* Р.ед., *-ѣ̀*, *го́ру* (но 1 раз *на гору̀* 100б), *горо́ю*, *го́ры* мн. (но 1 раз *горы̀* 132б), *гора́ми*; *к да́ни* 183б, *дане́и* 55: *о ло́воти* (река) 48 и др., *на ловоти́* 49. В словоформе *ско́вороды* 179 об а. п. *с* говорит место ударения.

При обычных формах множ. числа *зе́мли*, *по́ры*, *стѣ́ны* имеются единичные примеры с флексионным ударением: *землѝ* 118б, 136, 150, *в тѣ поры̀* 154б, *стены̀* 85б.

У ряда слов встретились только формы, не дающие возможность определить акцентную парадигму. Отметим из таких примеров: *ло́дьи* 179, *ко́пны* 92б, *сви́ньи* 17.

В целом акцентуация существительных в Космографии должна быть оценена как весьма консервативная. Она существенно ближе к раннедревнерусскому состоянию, чем к ситуации в современном русском языке.

Литература

Зализняк 1977 — *А.А. Зализняк.* Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. Вып. 8. М., 1977. С. 71–119.

Зализняк 1981 — *А.А. Зализняк.* Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М., 1981. С. 89–174.

Зализняк 1985 — *А.А. Зализняк.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

ПЕРЕНОС УДАРЕНИЯ НА ПРОКЛИТИКИ В СТАРОВЕЛИКОРУССКОМ

§ 1. Система переноса ударения на проклитики в старовеликорусском была кратко охарактеризована нами (без разбора материала) в книге «От праславянской акцентуации к русской» [Зализняк 1985, § 3.48]. В настоящей статье эта система разбирается более подробно. Материалом служат те же памятники, что в указанной книге; сохранены и их условные наименования. Мы полностью опираемся на данную книгу во всех общих положениях (что позволяет нам их здесь не пересказывать), а также в том, что касается способов передачи цитируемого материала.

Следует подчеркнуть, что перенос (или, иначе, оттяжка) ударения на проклитики понимается ниже как условное наименование определенного синхронического соотношения между ударением словоформы без проклитики и с проклитикой, а не диахронического процесса сдвига ударения (в рассматриваемых сочетаниях, по-видимому, вообще никогда не происходившего).

С исчезновением фонетического различия между энклиноменами и начальноударными ортотоническими словоформами (относящимся предположительно к позднедревнерусскому периоду) ударение на проклитиках становится фонетически необусловленным, т. е. традиционным. Наряду с *на́ воду*, *не́ на воду* становятся в принципе возможными также акцентовки *на во́ду*, *не на́ воду*, *не на во́ду*. В ходе истории сфера употребления этих исторически более новых акцентовок постепенно расширяется.

В Чудовском Новом Завете, т. е. в XIV в., система ударения на проклитиках еще очень близка к первоначальной. Основные инновации здесь таковы: 1) союзы *а*, *но* в энклиноменных группах ударения на себя уже не принимают (исключения: *но́ чту* 46а, *но́ да спс҃у* 48в, *но́ се гряде*т 67в); 2) союз *да* в таких группах принимает ударение только перед односложными местоименными энклиноменами (*мы*, *вы*, *кто*, *что*), а перед прочими энклиноменами не принимает (*да ство́рю* и т. п.); см. [Дыбо 1975, с. 20–30].

Перечислим отмеченные в **Чуд**. оттяжки ударения на проклитики в их сочетаниях со словоформами существительных:

и́ блоуда, *о́ бз҃ѣ*, *на́ брак*, *на́ брезѣ* (2×), *і бѣси*, *і бѣсы*, *и́ вар* В. ед., *до́ вечера*, *на́ взрастъ*, *по́ взрастоу*, *а не́ видомь*, *и́ волк* И. ед., *і глади*, *внѣ града*, *по́ градоу*, *по́ градом*, *оу́ гроба* (2×), *и́ в дн҃ь*, *во́ дни* В. мн. (2×), *до́ долу* (2×), *но по́ долгу*, *на́ друга* (2×), *ни́ жезла*, *и́ звѣри* В. мн., *и́ кн҃зи* И. мн., *и́ миръ* И. ед. (2×), *ѿ́ мира*, *а не́ мирови*, *бе́з моужа*, *и́ моужи* И. мн. (2×), *ни́ мѣха*, *і попелѣ*, *по́ разоумоу*, *но не́ по разоумоу*, *и́*

*ро*д И.ед., *по́ рядоу* (4×), *на́ ряды*, *о́ свѣтѣ*, *при́ свѣтѣ*, *по́ страху*, *и́ трепето*м Т.ед., *і́ труси*, *і́ холмо*м Д.мн., *и бе́щиноу*, *по́ чиноу* (4×), *а не́ брашна* Р.ед., *и́ время* И.ед., *до́ времени*, *ни на́ древо*, *на́ древѣ*, *при́ езерѣ*, *по́ име*ни, *о́ имени*, *по́ морю* (2×), *на́ море*, *на́ мори* (2×), *при́ мори* (2×), *ни́ слово*м Т.ед., *внѣ тѣла*, *по́ тѣлоу*, *вѣ оуши*, *і́ в воду*, *на́ землю* (5×), *и́ землю* (2×), *на́ ноз҃ѣ* В.дв. (2×), *и́ ноз҃ѣ* В.дв., *за́ руку*, *и́ роуц҃ѣ* В.дв., *по́ стѣнѣ*, *по́ власти* Д.ед., *и́ властемъ*, *и́ кости* В.мн., *до́ крове* (2×), *и́ крови* Р.ед., *на́ лесть*, *бе́з лѣности*, *на́ площадї* В.мн., *и́ свѣсть* И.ед., *и́ стоудени* Р.ед., *и́ червлени* Р.ед., *бе́зо чти*, *на́ люди* [Зализняк 1985, с. 8–15].

Опущены некоторые примеры из списка В.А.Дыбо, где, с нашей точки зрения, надстрочный знак может не передавать ударения, добавлены *і́ холмо*м 40б, *по́ име*ни 46г, *вѣ оуши* 82г, *на́ лесть* 92а.

Лишь в нескольких случаях ожидаемая оттяжка ударения в Чуд. отсутствует: 1) с союзом *и* — *и миръ* 99г, *и нощь* 64в, *и сло́во* 49б, *и бе́щиноу* 134а; 2) с предлогами — *по вѣкоу мира сего* 125б, *із до́моу̑* (два знака ударения) 26г, *на мо́ри* 18а, *і ѿ стра́ха* 9а, *ѿ тѣла* 113б; менее показательны *внѣ гра́да* 68в, *внѣ гра́да* 69г (см. ниже § 3, примеч. 2).

§ 2. В XV–XVII вв. картина несколько меняется. Оттяжки ударения на союзы уже практически отсутствуют[1]. Сохраняют способность принимать на себя ударение только предлоги и частица *не*, в очень ограниченной степени (только при глаголах) также частица *ни*.

В разных частях морфологической системы древний механизм оттяжек ударения на проклитики сохраняется с различной степенью полноты. Так, у прилагательных (где оттяжки были возможны только при нечленных формах) в связи с постепенным отмиранием нечленных форм косвенных падежей сфера оттяжек резко сужается; они выступают в основном лишь в адвербиализованных сочетаниях (*за́ ново*, *по́ суху* и т. п.), которые постепенно превращаются в единые слова. У глаголов сфера оттяжек еще уже — прежде всего из-за прогрессирующего вытеснения форм-энклиноменов из парадигм спряжения. Сильной перестройке подверглось также ударение проклитико-энклитических групп.

Имеется, однако, морфологическая сфера, где механизм оттяжек ударения и в эту эпоху почти полностью сохраняет актуальность, — это сочетания предлогов с существительными. Их разбору и посвящается вся остальная часть настоящей работы.

Рассмотрим вначале тот важнейший случай, когда в сочетании с предлогом участвует непроизводное существительное.

Анализ материала показывает, что для подавляющего большинства изученных нами памятников нормой здесь является сохранение старого ударения, т. е. ударение на предлоге в случае, если именная словоформа есть энклиномен. Соответственно, при описании этих памятников заслуживают повышенного внимания единичные примеры типа *без му́жа*, *о ми́рѣ*, *на гро́бъ*, *над до́момъ*, тогда как бесчисленные примеры типа *бе́з мужа*, *о́ мирѣ*, *на́ гробъ*, *на́д домомъ*, *до́ Пскова*, *на́ мясо*, *ко́ Твѣри*, *пе́ред городомъ* и т. п. для рассматриваемой эпохи совершенно стандартны. Отсюда следует, между прочим, что принятая в большинстве акцентологических описаний манера цитировать из средневековых памятников именно примеры типа *бе́з мужа* и

[1] Из реликтов такого рода отметим *н҃бѡ и́ землю* Новг. 237, *и́ в вѣки вѣко҃м* Новг. 264, *но́ сами* Хрон. 225б, *и́ со страхѡ҃м* Дос. 151б, *по рублюҀ и́ по два* Дом. 120 (не считая нескольких примеров, где исо над *и* может быть неиктусным).

не отмечать примеры типа *без му́жа* (ср. примеч. 5) не соответствует синхронической ситуации в этих памятниках. Она создает ложное представление, что разница между XVI и XX вв. в этом вопросе чисто количественная, тогда как в действительности за это время произошел переворот в соотношении нормального и исключительного: *без му́жа* и т. п. стало нормой, *на́ голову* и т. п. — исключением.

Замечание. Во многих рукописях сочетания предлогов с энклиноменами часто оставляются без знака ударения; очевидно, они вызывали у писца какое-то затруднение (в частности, из-за возможных колебаний ударения). В связи с этим в ряде рукописей (особенно ранних) материал по акцентуации предложно-именных сочетаний оказывается довольно бедным (даже при значительном объеме рукописи).

Ниже приводится список непроизводных существительных[2], дающих в изученных нами памятниках XIV–XVII вв. (кроме Стар. и Цел.) достаточно регулярные оттяжки ударения на предлог; в дальнейшем он именуется «основным списком». В принципе любое из этих существительных дает в этих памятниках оттяжку на любой предлог, содержащий гласную, в любой форме (кроме Р. мн. и Т. мн.[3]), где без предлога данная словоформа в данной микросистеме имеет начальное ударение[4] (вопрос о возможных отклонениях от этого принципа рассматривается в § 3–5). Слова основного списка во всех изученных нами микросистемах акцентуируются по акцентной парадигме *c*, причем как правило только по а. п. *c*; лишь немногие из этих слов в некоторых микросистемах колеблются между а. п. *c* и какой-то иной а. п.

Некоторые слова основного списка в составе предложно-именных сочетаний встречаются в памятниках редко. При таких словах указаны памятники, где отмечен хотя бы один пример оттяжки ударения на проклитику. Отсутствие таких указаний означает, что оттяжки засвидетельствованы достаточно широко.

Masculina: *берегъ* (Лет., Косм., Колм.); *богъ*; *бокъ* (Авв.); *боръ* (Лет.); *бракъ*; *брегъ*; *бѣсъ*; *валъ* (Ратн.); *варъ* (Чуд.); *вечеръ*; *видъ* (Чуд., Цв., Ряз.); *власъ* (Биб., Хр., Ик.); *возъ* (Лет., Увар.); *волкъ* (Чуд., Цв., Печ.); *волокъ* (Лет., Авв.); *волосъ* (Авв.); *воронъ* (Колм.); *воротъ* (Лет., Ик.); *воръ* (Улож.); *вѣкъ*; *гладъ* (Ион., Дан., Жит., Ап.); *глазъ* (Улож.); *гласъ*; *годъ*; *голубь* (Фер., Увар.); *городъ* (Лет., Косм., Ратн., Улож., Колм.); *господь* (*господъ*); *гость* (Дом.); *градъ* 'город'; *гробъ*; *громъ* (Дос., Трав., Печ.); *гусь* (Фер., Увар., Колм.); *даръ*; *день*; *долъ* (Чуд., Нил., Смол.); *долгъ*; *домъ*; *Донъ* (Косм., Сол.); *другъ* ('amicus', 'alius'); *дубъ* (Биб., Хр., Постн., Трав., Матф.); *духъ*; *жаръ* (Цел.); *жеребей* (Улож.); *звѣрь*; *зубъ*; *квасъ* (Сенн., Муз., Увар., Цв., Матф.); *колоколъ* (Лет.); *корень*; *кормъ* (Увар., Улож.); *князь*; *кругъ* (Лет., Печ.); *кусъ* (Чет.); *ледъ* (Ион., Лет., Косм., Авв.); *ликъ* 'сонм' (Цв.); *ловъ*; *лугъ* (Новг., Колм.); *лукъ* 'arcus' (Биб., Хр., Постн., Косм., Ратн.); *лѣсъ*; *медъ*; *миръ* ('рах', 'mundus'); *моръ* (Дос., Лет.); *мостъ*; *мракъ* (Час., Егор., Новг., Увар., Сел.); *мужь*; *мѣхъ* (Чуд.); *ноготь* (Трав., Хлын.); *носъ* (Ап., Трав., Улож.); *островъ* (Ап., Косм., Клон., Печ., Сол.); *пепелъ* (Цв., Печ.);

---

[2] В список включены также некоторые опростившиеся слова (и, кроме того, слова *помощь*, *помочь*, которые по акцентологическому поведению примыкают к непроизводным).

[3] Оттяжки в Р. мн. представляют собой редчайшую аномалию (см. § 7 о сочетаниях *до́ западъ*, *ѿ́ западъ*). В Т. мн. в некоторых микросистемах (Лет., Печ.) оттяжки допускаются; ср., например, Лет.: *со́ кнѣзи* 473, *за́ возы* 124б, *за́ сторожи* 183б, *на́д гробы* 331б. В качестве единичных исключений оттяжки в Т. мн. отмечены также в Корн., Дан., Биб.

[4] Исключение составляет форма множественного числа слова *поле*, где был возможен вариант (возникший под влиянием Р. мн. *по̂лъ*) с неподвижным начальным ударением и фонемой /о̂/, ср. *по по́лемь* Трав. 142 (в Трав. *ѡ* =/о̂/), а также *по по́лемь* Егор. 214б, *на по́лѣхъ* Цв. 183 (+ Библ. 992б).

тиръ; *попелъ* (Чуд.); *платъ* (Трав., Цел.); *полъ* 'половина'; *порохъ* (Увар., Трав., Ратн.); *потъ* (Ратн.); *поясъ*; *Псковъ*; *рогъ* (Биб.); *родъ*; *ростъ* (Улож.); *рядъ*; *санъ* (Сенн., Матф.); *свѣтъ* ('lux', 'mundus'); *слухъ*; *слѣдъ* (Фер., Биб., Улож.); *смрадъ* (Сенн.); *снѣгъ* (Косм.); *сорокъ* (Ратн.,Улож.); *соромъ* (Фер., Увар.); *станъ* (Лет., Косм., Ратн., Улож.); *сторожь* (Лет., Хр., Ратн.); *страхъ*; *сынъ*; *трепетъ* (Чуд.); *троскотъ* 'хворост' (Новг., Тар., Постн., М.пс., Рж.); *трупъ* (Печ.); *трусъ* 'землетрясение' (Чуд., Дан.); *тукъ* (Новг., Тар., М.пс.); *уголъ* (Ап., Биб., Постн., Косм., Колм.); *хладъ* (Амф.), *чинъ*.

Neutra: *брюхо* (Трав., Авв.); *горе* (Егор., Пск.); *время*; *диво* (Колм.); *древо*; *езеро* (Чуд., Печ., Сол.); *золото* (Косм.); *имя*; *море*; *мясо* (Такт., Лет., Фер., Увар., Цв.); *небо*; *озеро* (Лет., Косм.); *око*; *пиво* (Корн., Лет., Улож.); *поле*; *слово*; *сто*; *сѣно* (Новг., Тар., Постн., Рж., Улож.); *тѣло*; *ухо*; *чрево*.

Feminina: *борода* (Лет., Авв.); *весна*; *вода*; *голова* (Косм., Авв.); *душа*; *земля*; *зима*; *игла* (Косм.); *копна* (Улож.); *нога*; *пора*; *роса*; *рука*; *сѣмья* (Дом.); *сторона* (Лет., Косм., Ратн., Авв., Колм.); *строка* (Тих.); *стѣна*; *щека* (Хр.); *брань*; *власть*; *волость* (Лет.); *вѣсть*; *грудь* (Трав., Сол.); *дань* (Лет., Увар.); *дочь* (Дом., Улож.); *земь* (Лет.); *клѣть* (Ион. С, Фер., Увар., Библ.); *кость* (Чуд., Лет., Фер., Увар., Тих.); *кровь*; *лебядь* (Увар.); *лесть* (Чуд., Ап., Амф., Ик., Сел.); *лошадь* (Тих., Улож., Авв.); *ночь*; *нощь*; *осень* (Лет., Увар.); *печь* (Трав., Авв.); *пещь* (Новг., Цв., Печ., М.пс., Тих.); *плоть*; *площадь* (Чуд.); *помочь*; *помощь*; *рѣчь* (Биб.); *сласть* (Корн., Жит., Дан.); *соль* (Корн., Печ.); *страсть*; *Тверь* (Лет., Косм., Улож.); *треть* (Лет., Ратн.); *трость* (Сенн., Ег., Муз., Цв., Матф.); *часть*; *чепь* (Авв.); *честь*.

Pluralia tantum: *врата* (Т.пс., Вас.пс, Лет., Новг.); *дѣти*; *люди*; *мощи* (Печ.); *сани* (Лет., Косм.).

Привести здесь весь материал памятников, разумеется, невозможно, поскольку он слишком велик. Заметим, что для большинства перечисленных слов примеры оттяжек ударения на предлог можно найти в ряде работ (см. прежде всего: [Васильев 1929; Станг 1952; Колесов 1972]). Ограничимся примерами лишь для некоторых слов, редко встречающихся в памятниках в составе предложно-именных сочетаний (опущены примеры из Чуд. и Косм., см. § 1 и 4, и из Вас.сб. и Ратн., см. [Васильев 1929; Станг 1952]):

по́д боро^{м} Лет. 239, *бе́з вида* Цв. 102б, 201, *по́ виду* Ряз. 182б, 310б, *за́ воз*| Увар. 811б, *за́ возо*^{м} Лет. 265, *за́ возы* Т. мн. Лет. 124б, *ѿ́ волка* Цв. 15, *оу́ волка* Печ. 176, *у́ ворона* Колм. 254, *за́ воротъ* Лет. 51, *оу́ ворота* Ик. 114б, 118б, *за́ воромъ* Улож. 223, *за́ глась* 'за глаз' Улож. 325, *за́ голоубь* Фер. 987б (+ Увар. 811б), *до́ голуби* Фер. 471, *про́ гость* Дом. (4×), *про́ гости* Дом. 81б, *ѿ́ грома* Дос. 56б, *бе́з грому* Трав. 501б, *и́з грома* Печ. 560, *за́ гоусь* Фер. 987б (+ Увар. 811б), *у́ гуся* Колм. 254, *до́ долу* Нил. Т 259, *по́ долу* Смол. 7, *за́ доно*^{м} Сол. 5, *на́ жаръ* Цел. 37, 117б, *на́ жеребей* Улож. 216б, *по́ жеребью* Улож. 183, *не́ ѿ кваса* Сенн. 73а, *ѿ́ кваса* Увар. 510б bis, Муз. 586 bis, *бе́з кваса* Увар. 510б bis, *о́ квасѣ* Увар. 511 bis, 512б, *не во́ квасѣ* Цв. 174б, *по́д колоколы* В. мн. Лет. 334б (+391 [В. мн. или Т. мн.]), *за́ кормъ* Увар. 812б, *на́ кормъ* Увар. 429, Улож. 82б, *ко́ кругу* Лет. 337б, *о́кругъ* 'вокруг' Печ. (4×), *на́ кѹ́сы* Чет. 36, *ѿ́ лика* Цв. 91, 104, *ѿ́ лоуга* Новг. 146б, *на́ луги* Колм. 26, *ѿ́ мору* Дос. 148, *о́ мору* Лет. 242б, *на́ ноготь* Трав. 493б, *за́ ногт* Хлын. 134б, *на́ пепелѣ* Цв. 182, *ѿ́ пепела* Печ. 510, *на́ пла*^{т} Трав. 65, Цел. 70, *бе́с пороха* Увар. 430, *на́ порохъ* Трав. 511 (+528), *по́ рогь* В. ед. Биб. 23, *бе́з росту* Улож. 21, 128б, 164, *за́ ростъ* Улож. 47б, 272, *по́ сану* Сенн. 41а, *не по́ сану* Матф. 71б, *бе́-смрада* Сенн. 125б, *за́ соромъ* Фер. (неоднократно), Увар. (неоднократно), *на́ трупѣ* Печ. 103б, *о́ трусѣ* Дан. 161, *на́ хла*^{п} Амф. 113, *на́ брюхо* Трав. 373б, Авв. 108б, *на́ брюхе* Авв. 106, *по́ брюху* Авв. 35б, 214, *ѡ́ горе!* 'vae' Егор. 357б, Пск. 323 (+153,

250б, 283б), *на́ диво* Колм. 93, 146, *о́ пївѣ*ж Корн. 184, *ѿ́ пива* Лет. 33, *на́ пиво* Улож. 337б; *за́ копну* Улож. 170, *про́ семью* Дом. 85б); *на́ волость* Лет. 362, *про́ волость* Лет. 130, *и́з груди* Трав. 30б, *ѡ́ груде*х Трав. 36, *по́ грудемъ* Сол. 189, *за́ да*н Лет. 75, *ѿ́ дани* Увар. 604, *на́ дочерь* Дом. 226, *за́ дочь* Улож. 323б, *за́ дочерью* Улож. 49, 278, *на́ земи* Лет. 41, *за́ лебе*д Увар. 811б, *на́ осень* Увар. 549 (+Лет. 244), *ѡ́ рѣчехь* Биб. 111б, *не о́ сласти* Корн. 179б, *на́ сласть* Жит. 273 (также *съ́ сластьми* Дан. 131б), *бе́з соли* Корн. 302, Печ. 21, *до́ трети* Лет. 285б, *на́ чепь* Авв. 258 (+73б), *за́ чепь* Авв. 66, 250б, *во́ врата* Вас.пс. 135б (+Новг. 172), *во́ вратѣхъ* Новг. 366 bis (+Т.пс. 136, Вас.пс. 11б, Лет. 73, 103), *ко́ врато*м Лет. 219б, *по́ врато*м Лет. 218, *на́ мощи* В. мн. Печ. 469б, *на́ сане*х Лет. 184б (+184, Косм. 56б).

§ 3. Как показывает материал, новое ударение (типа *без му́жа*) выступает несколько чаще, чем в среднем по памятнику, при наличии хотя бы одного из следующих особых факторов:

1) входящий в сочетание предлог есть *отъ*, *подъ*, *надъ*, *п(е)редъ* или *ч(е)ресъ* [*ч(е)резъ*]; в некоторых памятниках (Библ., Матф.) к этой особой группе относится также предлог *о*;

2) основа именной словоформы неодносложна;

3) именная словоформа начинается с гласной;

4) именная словоформа или все сочетание имеет отчетливую книжную окраску. В последнюю рубрику попадают словоформы двойственного числа (например, *нозѣ*, *ногу*), словоформы с *ц*, *з*, *с* вместо русских *к*, *г*, *х* (*брацѣ*, *брезѣ*, *усѣ* и т. п.), сочетания *во вѣки*, *во вѣкъ*, *во вратѣхъ*, *ис чрева*, *ѿ чрева*.

Соответственно, в дальнейшем разборе мы подразделяем совокупность предложно-именных сочетаний (с непроизводными именами из основного списка) на следующие группы:

I (общий случай),

II (неодносложная основа),

III (гласное начало),

IV (неодносложная основа и гласное начало одновременно, например, *на озерѣ*),

V (книжность).

В группе I различаются подгруппы Iа (обычный предлог) и Iб (предлог *отъ*, *подъ*, *надъ*, *п(е)редъ*, *ч(е)ресъ*). Сочетания с предлогом *о* рассматриваются в составе подгруппы Iа; там, где они ведут себя особо, это отмечается.

Примечания. 1. У предлогов *въ*, *съ*, *къ* выбор между неслоговым или слоговым вариантом (например, /в/ или /во/) сам по себе не зависит от ударения. Слоговой вариант обычно употребляется перед определенными группами согласных, часто также перед гласной; но в некоторых памятниках он встречается и перед одиночной согласной (что, по-видимому, отражает старую церковно-книжную манеру чтения), ср., например, *въ́ весь*, *въ́ дх҃ъ*, *къ́ бг҃оу*, *съ́ бг҃ѡ*м и т. п. в Сенн. Что касается оттяжек ударения на предлог, то слоговые варианты /во/, /со/, /ко/ подчиняются тем же акцентным правилам, что и обычные односложные предлоги, — независимо от того, по какой причине выбран именно такой вариант предлога, например: *со́ княземъ*, *во́ свѣтѣ*, *ко́ вратомъ*, *во́ весь* (орфографически также *съ́ княземъ* и т. д.).

2. Предлоги *близь*, *внѣ*, *для*, *мимо*, *около*, *среди* (не говоря уже о сложных предлогах типа *посреди*, *впереди* и т. п.) могут иметь самостоятельное ударение, независимо от акцентных свойств имени, например, *внѣ́ вѣ́ры* (а в силу факультативности акцентных знаков можно встретить и вводящую в заблуждение запись типа *внѣ́ вѣры*). В связи с этим в дальнейшем разборе сочетания с указанными предлогами вообще не рассматриваются.

В реализации оттяжек у слов основного списка можно выделить следующие типы.

1. Архаичный тип: в подгруппе Ia новое ударение вообще отсутствует или ограничено одним-двумя примерами; в прочих подгруппах новое ударение представлено несколько шире, но преобладает обычно все же старое. Такова ситуация во всех памятниках основной части восточной зоны, кроме Библ. и Костр. (о восточной и западной зонах и их подразделениях см. [Зализняк 1985, § 3.33]; конкретно это Ион., Увар., Тар., Цв., Косм., М. пс., Ряз., Сел., Пер., Тих., Улож.[5], не считая памятников, где слишком мало материала). К данному типу относится также большинство памятников широкой промежуточной полосы (см. [Зализняк 1985, там же]), а именно: Нил., Прол., Корн., Карг., Лук., Клон., Печ., Муз., Новг., Дос., Дан., Фер., Рж., Библ., Ап., Дом., Трав.

Особый вариант архаичного типа представлен в Матф.; он отличается от основного варианта тем, что предлог *о* ведет себя здесь как предлоги подгруппы «б» (*отъ*, *подъ* и т. д.).

2. Переходный тип: в подгруппе Ia новое ударение составляет уже заметную долю (но не более 20%, обычно менее 10%); в прочих подгруппах оно может даже преобладать. Таковы: а) все памятники основной части западной зоны (из них удовлетворительное количество материала имеют Час., Т. пс., Сенн., Лих., Пр., Егор., Пск., Смол.) и, кроме того. Лет., Хр., Амф., Библ.; б) относительно поздние северо-восточные памятники Сол., Колм., Хлын., Авв., а также Костр. К этому же типу (а не к архаичному, как можно было бы ожидать, исходя из хронологии) относится Чуд. (см. материал в § 1).

3. Новый тип: новое ударение в подгруппе 1а встречается столь же часто, как и старое, или даже преобладает; в прочих подгруппах старого ударения уже практически нет. Таковы Стар. и Цел.

§ 4. Для демонстрации архаичного типа достаточно разобрать два образца — Косм. для светских памятников и Цв. для церковных.

Система энклизы имен в **Косм.** весьма близка к первоначальной. У непроизводных основного списка в группе I старое ударение выступает во всех случаях, кроме *чере*^{з} *да́ры* 190 (около 180 примеров); отметим некоторые менее банальные:

про́ бг҃ъ 96, *по́ дары* 30, *про́ до*^{н} 47, *на́ звѣри* В. мн. 43б, *и́з лука* 7, *по́до псковъ* 51, *и́зо пскова* 33, *ѡ́то пскова* 49б, *о́ пскове* 51, *че́ре*^{з} *пско*^{в} 51, *с ста́ну на ста*^{н} 150б, *ѿ́ древа до́ древа* 26б, *на́д море*^{м} 174, *на́*^{д} *море* 68, *че́ре*^{з} *море* 2, 3, *на́ весну* (3×), *на́ зиму* 171, *че́ре*^{з} *стену* 85, *и́зо твери* 49, *ѡ́то твери* 52б, *по́ люди* 79, *на́ сане*^{х} 56б.

В группе II два примера нового ударения — *на бе́регу* М. ед. 74б, *из го́рода* 86 и около 70 примеров старого, в частности:

на́ бере^{г} (3×), *у́ берегу* 179, 182, *до́ вечера* 152б, *на́ горо*^{д}, *до́ города*, *и́з города*, *у́ города*, *по́ городу*, *на́ городе*, *о́ городе* (часто), *пе́редъ городо*^{м} 56, *по́ поя*^{с} (3×), *на́ золото* 177б, *по́ золото* 190б, *на́ голову* 68б, 165б, *на́ сторону* 104, *на́ помочь*, *на́ помощь* (часто).

В группе III только старое ударение; *до́ угла* 23б, *во́ имя* (2×), *за́ ѡчи* 61, *по́ уху* 118, *про́ иглы* 188.

В группе IV счет примеров 18 : 9 в пользу старого ударения: *на́ ѡстро*^{в} (3×), *по́д остро*^{в} 185б, *до́ ѡстрова* 29б, 179, *до́ ѡстрову* 181, *и́з острова* 180б bis, *по́ ѡстрову*

[5] Вероятно, сюда же относится Ратн., но это ненадежно: Станг приводит материал по оттяжкам [Станг 1952, с. 41–42], но не указывает, встретились ли примеры нового ударения.

178б, *на́ ѡстрове* (4×), *и́з озера* 50б, 53б, *на́д озером* 51, *при́ ѡзере* 54 — *по*[п] *ѡ́стро*[в] 175б, *до ѡ́строва* (2×), *до ѡ́строву* 175б, *об о́строве* 15б, *ѡ о́строве* 19б, *на ѡ́строве*[ж] 53б, *из о́зера* 48, *ѿ о́зера* 48б.

Группа V не представлена.

Отметим, что практически столь же чистая система обнаруживается и в более позднем памятнике Улож. Для основного списка новое ударение ограничено здесь всего двумя примерами: *на сл҃дъ* 311 (ср. рядом *на́ сл҃дъ* 311), *с очи́ на о́чи* 55 (при постоянном *на́ очи*); примеров старого ударения — около 150.

Образцом церковного памятника с архаичным типом энклизы может служить **Цв.** В подгруппе Iа, насчитывающей здесь около 1000 примеров (из которых около половины приходится на слово *гробъ*), с новым ударением представлены только *прорцы҇ на ко́сти сі҇я* 174, *о дв҃техъ* 336 (относительно *на по́лѣхъ* 183 см. ниже примеч. 4); в подгруппе Iб (около 150 примеров) — только *ѿ стра́ха* 163, 210б, *ѿ льсти҇* 27, *ѿ пе́щи* 196, ср. *ѿ́ льсти* 78, *ѿ́ пещи* 194б; в группе II (немногочисленной) — *за пе́пелъ* 190, ср. *на́ пепелѣ* 182. В группах III и IV отмечено только старое ударение (*за́ имя*, *по́ имени*). В группе V нет энклизы в *на но́зѣ* В. дв. 67, *из бо́ку* Р. дв. 202, *ѿ о́чію* 181б, *во вра́тѣхъ* 5б (но есть и ударение *на́ руку* М. дв. 120б; регулярно представлены *и́з чрева*, *ѿ́ чрева*, *во́ вѣки*).

С приведенными образцами сходны и остальные памятники с энклизой архаичного типа. Отметим, что в подгруппе Iа ни одного примера нового ударения не представлено, помимо Косм., также в Прол., Ион., Дос., Фер., Муз., Увар., Карг., Биб., Лук., Печ., М. пс., Тих.

Ситуация в подгруппе Iб в одних рукописях (в частности, Прол., Дос., Муз., Увар., Лук., Косм., Печ., М. пс., Тих.) такая же или почти такая же, как в Iа; в некоторых других (в частности, Фер., Ап., Рж.), напротив, между Iб и Iа имеется довольно заметное различие. Так, в Рж. в Iа новое ударение представлено только примером *не на лу́къ бо* 70, а в Iб находим *ѿ вѣ́ка* 172б, *ѿ гра́да* 168б, *ѿ лу́га* 136б, *ѿ ро́да* 125, *ѿ стра́ха* 154б, *ѿ ту́ка* 98б, *ѿ пе́щи* 272 (при 8 примерах старого ударения).

Особый вариант архаичного типа, представленный в Матф., выглядит так. В подгруппе Iа, если не считать предлога *о*, старое ударение сохранено в 100% случаев (около 130 примеров). С предлогом *о* здесь три примера старого ударения и семь нового (*ѡ да́рѣ*, *ѡ звѣ́ри*, *ѡ кна́зѣ*, *ѡ стра́сти* и др.); колебание в *ѡ́ сто҇* (предисловие 3б). В подгруппе Iб новое ударение выступает примерно в четверти случаев (таким образом, предлог *о* способствует здесь новому ударению даже сильнее, чем *отъ*, *подъ* и т. д.). В группах III и IV представлено новое ударение (*по и́мени*, *о́ко за о́ко*, *на оу́глы*, *во у́глѣ* и др.), за исключением *во́ имя*; прочие группы представлены слабо.

Сравнение Матф. с Улож. показывает, что в церковной книге новое ударение используется несколько шире, чем в современной ей светской; при этом, однако, различие не очень велико.

§ 5. Образцом переходного типа энклизы имен может служить обширный памятник **Лет.**

В подгруппе Iа здесь около 470 примеров старого ударения и 40 примеров нового: *на бре́гъ* (4×), *на бѣ́сы* 38, *за ва́лы* 409, *из гла́да* 244, *ѡ гла́дѣ* 242б, *из гра́да* 226б, *на́* | *дн҃ь* 33, *за до́нъ* (3×), *дроу́*[г] *со дру́го*[м] 351, *за кн҃зь свои҇* 74б, *у кн҃зя* 92, 192, *из лѣса* 308б,

по лѣсо^{м} 308б bis, *ѡ ми́ру* 91б, *и*^{з} *но́са* 33, *из са́ну* 241б, *прѳ̑ сн̃а* 77б, *по чи́ну* 33б, *на бра́*^{н} 148б, *бе*^{з} *бра́ни* 359б, *по гру́ди* 240б, *по да́нь* (3×), *на ле́сть* 136б, *во́ тве́рь* 186, *на тве́*^{р} 204б, *на че́пе*^{х} 251б, *на че́сть* 142б, *на дѣти* 141, *по дѣти* 251б, *ѡ дѣте*^{х} 133б, *ѡ лю́де*^{х} 38 (в части приведенных примеров проставлены оба ударения). Большинство этих сочетаний встречается в Лет. также и со старым ударением (*и́з града*, *за́ князь*, *по́ лѣсо*^{м}, *ѡ́ миру*, *на́ брань*, *на́ тверь* и т. п.).

В подгруппе Iб около 60 примеров старого ударения и 12 примеров нового, в частности, *ѡ̑ гла́да* 15, 232б, *ѡ̑ кн̃зя́* 401, *на*^{д} *тѣло*^{м} 183б, *чре*^{з} *зе́млю* 216б, *ѡ̑ да́ни* 27, *под тве́*^{р}*ю* 206б, *ѡ̑ ча́сти* 44 bis. В группе II счет примеров 53 : 11 в пользу старого ударения, в группе III — 6 : 2 (отметим, в частности, *из го́рода* [4×], *на во́локъ* 193, *по по́мо*^{ч} 190, *на о́ча*^{х} 392б). Иное положение в группе IV: при остаточных *на́ ѡзерѣ* 50б, *на́ ѡсе*^{н} 244 находим 24 примера нового ударения (*на ѡ́стро*^{в}, *за ѡ́зеро*^{м}, *по е́зеру*, *на о́бласть* и т. п.). Группа V представлена слабо; отметим *за́ нозѣ* В. дв. (2×), *пѡ́*^{д} *руцѣ* 189б. Таким образом, в Лет. новое ударение составляет: в подгруппе 1а — 9%, II —17%, III — 17%, IV — 92%.

В **Сенн.** в подгруппе Iа около 150 примеров старого ударения и следующие примеры нового: *на бра́къ* 103а (ср. еще *не́ на бракъ* 91в), *зоу́бъ за зоу́бъ* 26г, *о ква́сѣ* 72г, *бещи́на* 121в, *за́ роу́ку* 39г. В подгруппе Iб, как это ни поразительно для столь ранней рукописи, отмечено (если не считать особого случая *не́ ѡ̑ кваса* 73а) только новое ударение: *ѡ̑ бѣса* 55б, *ѡ̑ свѣта* 181б, *ѡ̑ ча́сти* 88в, *по*^{д} *вла́стію* 34г. В группе II отмечено *оу по́яса* 166г (при преобладании старого ударения); прочие группы представлены скудно.

В **Егор.** в группе I (около 150 примеров) находим *ѡ да́рѣхъ* 462б, *на гро́бъ* 504б, *на пи́ръ* 381б, *на са́нъ* 350б, *на стра́хъ* 456б, *на тѣло* 311б, *ѡ̑ бра́ни* 155; в прочих группах — *на по́мощи* В. мн. 413б, *о́ко за о́ко* 538, *на оу́сѣ* 'на ухе' 379б. Аналогично в Пск. в группе I (около 100 примеров) представлено *ко свѣтоу* 101б, *по тѣлоу* 165б, *ѡ̑ тѣла* 40, *на стра́сть* 139; в прочих группах — *оу по́яса* 123, *во оу́глы* 134. Таким образом, доля инноваций здесь не очень велика; различий между Iа и Iб не замечается.

В рукописях Час., Т. пс., Лих., Пр., Смол, число примеров нового ударения невелико, однако доля его значительна, поскольку здесь мал общий объем материала (около 70 примеров в группе I в Час., 40 в Т. пс., не более 20 в остальных рукописях). Приводим материал по новому ударению:

Час.: Iа *из гро́ба* 365, 365б, 399, *ѡ сло́вѣ* 38б, Iб *ѡ̑ ми́ра* 283, *ѡ̑ но́щи* 202б, II *ис ко́рене* 419б (исо в *и́с* может быть неиктусным).

Т. пс.: Iа *на ло́въ* 186, *на сы́ны* 145б, *на бра́нь* 43, 143б, *на стра́сть* 54, Iб *ѡ̑ вѣка* 63б, 176б, *ѡ̑ ро́да* 39, *ѡ̑ стра́ха* 78, 104, II *за слѡ́веса* 41, V *из чре́ва* 166.

Лих.: Iа *из гра́да* 46б, 135а, 233в, *за до́лгъ* 61, Iб *ѡ̑ гла́да* 128а, *ѡ̑ гра́да* 111а, *ѡ̑ ро́да* 86б, II *на по́мощь* 184в, 248б, 258г, *до по́аса* 203в.

Пр.: Iа *на бра́къ* 99в, *за до́лгъ* 88а, *кровь за кро́вь* 339а.

Смол.: Iа *ни по да́ру* 24б, *съ стра́хомъ* 87б (ср. *на два̀* 116б), Iб *ѡ̑ вѣка* 98, *ѡ̑ дре́ва* 46, *ѡ̑ тѣла* 148, *ѡ̑ кро́ви* 89б, *ѡ̑ ча́сти* 172б, *подо вла́стію* 101, V *по бра́цѣ* 140б.

Памятники Лих., Пр. и Смол, сходны с Сенн. в том, что в них вообще не отмечено случаев оттяжки ударения на предлог *отъ* (в Т. пс. такая оттяжка встретилась только один раз). Ввиду малого объема материала нельзя точно установить степень распространения нового ударения в соответствующих микросистемах; в некоторых из них она могла быть довольно высока.

Рукопись Библ. обладает той особенностью, что здесь, как и в Матф., сочетания с предлогом *о* попадают в подгруппу Iб. Новое ударение в обследованной нами части рукописи составляет: в подгруппе Iа – 14%, Iб – 84%, II – 33%, V – 64%.

Что касается переходного типа энклизы, отразившегося в поздних северо-восточных памятниках, то в качестве примера здесь можно взять **Авв.** В подгруппе Iа новое ударение: *на да́ры* 152б, *у ду́ба* 161б, *во свѣ́тъ* 236, *за че́пь* 25б, *за че́пъ* 206б, *на че́пь* 29; Iб — *ѿ до́му* 274б, *чре*з *мо́ре* 235, *ѿ тѣ́ла* 220б, *по*д *пе́чь* 270; II — *ѿ бе́регу* 216, *до вре́мени* 273, *на ло́шедь* 270б. При этом в подгруппе Iа и в группе II безусловно преобладает старое ударение (*по́ брюху*, *на́ весну*, *на́ печь*, *на́ чепъ*, *за́ волокъ*, *на́ лошедь* и т. п.); в подгруппе Iб старое ударение представлено лишь в *пре́д бо́гомъ* 229б. Сходная картина обнаруживается в Костр., Сол., Хлын. Сильнее продвинута в сторону нового типа рукопись Колм. В подгруппе Iа новое ударение выступает здесь примерно в четверти случаев, в подгруппе Iб (а также в группе IV) — в 100% случаев. В группе II старое ударение еще преобладает; в группе III колебание.

Образец нового типа энклизы — **Цел**. В подгруппе Iа новое ударение встречается здесь в полтора раза чаще, чем старое (так, преобладают *на де́нь*, *на зе́млю*, *до кро́ви* и т. п.); в подгруппе Iб счет примеров 8 : 0 (представлены только *ѿ ро́ду*, *ѿ му́жа* и т. п.), в группе II — 5 : 0 (только *по ве́черу*, *ѿ ко́рени* и т. п.).

В **Стар.** новое ударение (*на лю́ди* 20б, 21, 34, 42, *из до́му* 31, *по мо́рю* 86, 99, *ми́ръ на ми́ръ* 111, *на гра́ды* 93б, *на зе́млю* 23) представлено в подгруппе Iа примерно столь же часто, как и старое (*на́ люди*, *до́ моря*, *ми́ръ на́ миръ* и т. п.); в Iб встретилось только новое ударение.

§ 6. Оттяжки ударения на проклитику встречаются также у ряда слов, не входящих в наш основной список. Здесь следует различать несколько случаев.

Во-первых, имеется группа слов, которые не включены в основной список главным образом потому, что они слишком слабо документированы (не только в составе предложно-именных сочетаний). Ввиду этого для некоторых из них не вполне надежна даже сама принадлежность к а. п. *с* (или неясно, не было ли здесь колебаний а. п.). Сюда можно отнести: *по́ горбу* Костр. 21, *вѣ́ зрацѣ* Корн. 154б, 271б, *на́ кри*к Улож. 56 (но также *на кри́къ* Улож. 310б), *а не́ по мечь|ту* Сенн. 142в, *а не по́ мечтоу* Сенн. 138а, *на́ плавѣ* Лет. 234, *во́ плѣ*н Лет. 282б (но также *ѿ плѣ́на* Лет. 159б), *со́ свекро*м Хр. 327, *на́ смѣхъ* Печ. 438, *со́ смѣхомъ* Пер. 276б (но *со смѣ́хомъ* Костр. 245б), *на́ спѡды на́ спѡды* Муз. 132, *по́д стяго*м Лет. 95, *ѡ тате*х Фер. 946б (но *за та́темъ* Улож. 318б, *ѡ та́тѣ* Улож. 53б), *на́ црѣ́не* Сол. 3б, 227 (но также *на црѣ́не* Сол. 228), *по́ шаху* ‘по шагу’ Ратн. 94б; *по́ *скы* В. мн. ‘за досками’ Лет. 149 (но также *на *ску́* Лет. 183), *на́ лодію* Сол. 254б, 263б, *на́ лодїю* Сол. 254 (но также *на лодію* Сол. 257б), *на́ лехы на́ лехы* Муз. 132; *за́ вервь* Фер. 987б, *по́ верви* Фер. 978б (но *за ве́рвь* Увар. 811б, *по ве́рви* Увар. 810б), *на́ лопь* ‘на лопарей’ Сол. 215б, *на́ месть* Цв. III 148б, *на́ пя*д ‘на пядь’ Лет. 338б, *по́*д *твердію* Дан. 75б, *по́ цѣли* Ратн. 22, 51, *на́ челюсть* Хр. 625 (но также *ѿ че́люсти* Хр. 626б), *по́ шерти* Улож. 134б.

Далее, ряд слов обнаруживает отчетливую вариативность а. п. (в рамках одного и того же памятника или с распределением по памятникам). Оттяжки ударения соответствуют здесь варианту, акцентуированному по а. п. *с*, отсутствие оттяжек — двум прочим а. п. В части таких случаев вариант с а. п. *с* отражает древнейшую акцентовку слова (или хотя бы одну из достаточно старых), в других он явно возник вторично. К сожалению, разбор акцентуации каждого из таких слов вышел бы за рамки настоящей

работы. Поэтому здесь мы просто перечислим их, указав памятники, где отмечены оттяжки ударения (хотя бы спорадические); иногда приводятся и сами примеры. Сведения о случаях отсутствия оттяжек мы вынуждены здесь опустить. К данной группе можно отнести:

блудъ (Чуд.; *не по́ блоуду* Синн. 88б), *бои* (Лет., Косм., Улож., Колм., Цел.), *вредъ* (*бе́з вреда* Синн. 219б, Дос. 101), *гнѣвъ* (Синн., Т.пс., Муз., Новг., Пск., Лук., Стар., Сол., Печ., Ап., Биб., Хр., Рж., Пер., Костр.), *кровъ* (Муз., Биб., Хр., М.пс., Рж., Матф.), *плодъ* (*бе́с плода* Синн. 114б, *бе́з плода̀* Синн. 160б, *ѿ́ плода* Муз. 153, 162б, Новг. [4×], Пск. 67б [+ Вас.пс. 5б, 142, 184]), *полонъ* (*ис полону* Колм. 170), *ровъ* (*ѿ́ рова* Прол. 86б, Новг. 81б [+275], Цв. 32б, Рж. 64б, Пер. 105, *из рова* Цв. 26б, также *по́ рву* Лет. 292, *на́ рвѣ* Лет. [3×]), *холмъ* (Чуд.; *на́ холмъ* Прол. 26б, Ион. С 6б); *племя* (*на́ племя* Биб. 46б, *ѿ́ племени* Печ. 92), *сердце* (Ион., Вас.пс., Новг., Ап., Лук., Рум., Ряз., Печ., Тих., Матф.); *бедра* (*по́ бедрѣ* Т.пс. 169 [+ Биб. 37б]), *брада* (*на́ браду* Увар. 394б, Цв. 69, М.пс. 144, Рж. 228), *глава* (Час., Т.пс., Муз., Егор., Новг., Ап.), *гора* (практически повсеместно), *овца* (*за́ овцу* Лет. 3, *за́ овца* В.мн. Ег. 194б, *за́ овцѧ̀* Егор. 446б, *на́ овцы* М.пс. 78б), *пята* (*за́ пяту* Рж. 264, Стар. 9б), *среда* (*на́ среду* Печ. 443б, также *по́средѣ* в Т.пс., Ег., Ион., Печ., М.пс.), *страна* (*на́ страну* Дан. 34, 35 С [+ Хр. 1308], *во́ страноу* Хр. 41б, *во́ странѣ* Ег. 24б, Пск. 70б, *во́ страны* Цв. 63); *весь* (*вѣ́ весь* Синн. [4×], *до́ веси* Лих. 35б, Лет. 22б, *по́ весемъ* Печ. 459б [+ Фер. 768]), *дверь* (*ко́ двере*ᵐ Кир. 41, *ко́ две́рямъ* Авв. 257б), *ересь* (*ѿ́ ереси* Печ. 418б, *на́ ереси* В.мн. Рж. А 31б), *скорбь* (*на́ скѡрбь* Егор. 409б [+ Ап. 169], *по́ скръби* М.ед. Ег. 63б, Корн. 88), *смерть* (Час., Синн., Егор., Цв., Косм., Дом., Сел., Улож., Матф., Хлын.).

Сюда же примыкают: *срамъ* (Корн., Лет., Пер., Ряз.), *храмъ* (Муз., Новг., Корн., Карг., Лук., Лет., Биб., Тар., Цв, Хр., Печ., Тих.), *злато* (Прол., Ион., Новг., Хр.), *вещь* (Синн., Новг., Лук., Печ., Дос., Дан., Фер., Биб., Ряз., Костр.); эти слова наряду с а. п. *с* допускают, в силу своего книжного характера, также акцентовку по а. п. *а*. Заметим, что книжное *дщерь* (в отличие от народного *дочь*) вообще не обнаруживает оттяжек ударения, если не считать единичного *за́ дщерь* (Печ. 473б) в памятнике, изобилующем «незаконными» оттяжками ударения.

Неясно, можно ли отнести за счет колебания а. п. такие примеры, как *при́ ноѝ* Синн. 18а, 116г, *бе́с щука* Печ. 72, 85 (при *без щю́ка* Ион. 618б, *без щоу́ка* Ряз. 101), *на́ купы* Муз. 216 (ср. *вку́пѣ же* Синн. 166б).

Особо стоят слова с неслоговой основой, поскольку у них противопоставление акцентных парадигм может проявляться только в наличии или отсутствии оттяжек ударения. Соответственно, можно рассматривать как колебание в сторону а. п. *с* примеры: *на́ лобъ* Трав. 528б, *на́ сонъ* Печ. 155, Трав. 2, Ряз. 179, Матф. 156б. Менее показательны *ко́ лбу* (Лих., Трав.), *ко́ сну*, *во́ снѣ* (Нил.), *во́ рте* (Трав., Авв.), *на́ здѣ* (Т.пс.), *во́ тмѣ* (Ег.), *во́ лжю* (Лих.) и т. п., поскольку такие примеры могут объясняться так называемой дефинализацией ударения [Зализняк 1985, § 3.9–10].

Наконец, имеются случаи, которые естественно интерпретировать как результат аналогического расширения первоначальной сферы оттяжек ударения. В этих случаях существительное, обнаруживающее ту или иную «незаконную» оттяжку ударения, может и не переходить целиком в а. п. *с*, т. е. не менять своей исконной акцентуации вне рамок данного предложно-именного сочетания.

Один случай такого рода получил практически общерусское распространение: это *о́крестъ*, превратившееся в наречие и предлог. Оно отмечено в 20 памятниках самых разных районов (напротив, *окре́стъ* встретилось только в Синн., Ион., Хр., Сел.,

Пер.). Значительное распространение имеет также ударение *на́ крестъ* (Час., Егор., Цв., Сол., Яр.); ср. еще *на́ крестѣ* в Час. и Егор. В определенной связи с данным словом находятся также ударения *о́ Христѣ* (Новг., Егор., Фер., Карг., Библ., Ап., Хр.), *по́ Христѣ* (Егор., Ап.), *до́ Христа* (Егор.), *на́ Христа* (Егор.); на акцентовку этих сочетаний, вероятно, влияли также синонимичные сочетания со словом *Богъ*.

В остальном данное явление наиболее заметно выступает в северо-западных памятниках. Так, в Печ. находим: *на́ перъстѣ* 532б, *на́ плачь* 120б, 231б, *на́ полки* 175, *на́ постъ* 87, *на́ оуды* 473б, *на́ югъ* 297, *на́ чюдо* 72, *на́ жизнь* 120, *на́ перси* В.мн. 292, *на́ персѣхъ* 'на груди' (8×), *при́ персѣхъ* 'у груди' 422б, *на́ рать* 425б, 435, *на́ русь* 149б, 151б; вероятно, в этом же ряду стоит *за́ дщерь* 473б (ср. об этом выше). Наряду с этим выступают и примеры без оттяжки: *на оу́ды*, *на ло́но*, *о дще́ри* и т. п.

Аналогично в других памятниках северо-запада, а также некоторых смежных районов: *на́ брата* Фер. 795, *ѿ́ врага* Пск. 103б, *во́ греки* Хр. 1388, *со́ греки* Хр. (4×), *на́ грѣˣ* Сенн. 154б, *ѿ́ мраза* Прол. 107, Лет. 240, *на́ плаᵘ* Т.пс. 26 (+ Лук. 46б, Стар. 19, 28), *на́ полкъ* Хр. 377, 645, *на́ поуть* Пск. 253б (+210б), Смол. 125 (+ Клон. 74б, 106), *на́ поутеˣ* Пск. 272б, *и́з рима* Лет. 242б, *до́ скота* Хр. 370б, 373, *на́ соудѣ* Пск. 289б, *по́ судоу* Смол. 103б, *бе́³ труда* Лет. 413, *на́ югъ* Стар. 49 bis, *ѿ́ бремене* Новг. 147б, *на́ ложе* Хр. 316, *на́ лѣто* Лет. 273б, *по́ лѣтѣ* 'через год' Лих. 148г, *по́ праву* Фер. 992б, *на́ воню* Хр. 1283б.

В памятниках прочих районов такие примеры довольно редки: *по́ двору* Дом. 56б, 61, 102б, *на́* | *ка́мене* Косм. 23 (возможно, описка), *на́ полкъ* Цв. 185, *и́з рима* Косм. 67, *и́з риму* Косм. 127, *до́ скота* Биб. 453, *по́ суду* М.пс. 136, Улож. 174, Косм. *на́ ѡрды* 172, *во́ броняˣ* Ик. (3×), *на́ стезю* М.пс. 131.

§ 7. У производных существительных оттяжки ударения на предлог гораздо менее регулярны, чем у непроизводных, и в части памятников вообще не встречаются.

Слова *помощь*, *помочь* занимают особое положение: они дают оттяжки (в основном в сочетаниях *на́ помощь*, *на́ помочь*, *бе́с помощи*) с той же степенью регулярности, что и непроизводные; ввиду этого они были выше при разборе объединены с непроизводными.

Далее, следует выделить слово *западъ*; регулярные оттяжки при этом слове (*на́ западъ*, *на́ запады*, *на́ западѣ* и др., аномальным образом также Р.мн. *до́ западъ*, *ѿ́ западъ*) представлены в Час., Т.пс., Ион., Дос., Фер., Егор., Лет., Муз., Новг., Вас. сб., Увар., Ап., Лук., Печ., нерегулярные оттяжки — в Дан., Биб., Косм., Хр.; оттяжек нет (т. е. выступает ударение *на за́падъ* и т. д.) в Карг., Библ., Рж., Сел., М.пс., Хлын. Таким образом, у этого слова (в отличие от большинства других производных) энклиза характерна преимущественно для западных или территориально близких к ним памятников.

Прочие производные, для которых отмечены примеры оттяжек (хотя бы наряду с примерами без оттяжки), перечисляются ниже (в обратном алфавитном порядке). В части случаев приводятся сами примеры; материал из Чуд. см. в § 1, из Вас.сб., Ап., Постн., Улож., Ратн. — см. [Васильев 1929, с. 41].

Бессуффиксальные (а также с формантом *-ть*):

а) *подвигъ* (*на́ подвигъ* Печ. 275б, 467, *на́ подвиги* Печ. 306б), *ободъ* (*на́ ободы* Хр. 400), *образъ* (Прол., Ион., Постн., Цв., Печ., Ряз., Сел., Костр.), *облакъ* (Сенн., Ион., Ап., Цв., Печ.), *отрокъ* (*ко́ отроку* Печ. 189б, *ѡ́ отроцѣ* Печ. 353б, *на́ отрокї* Хр. 805б, *со́ ѡтроки* Печ. 165б), *в(о)стокъ* (*на́ встокъ* Прол. 95б [+26], *на́ восто́къ* Цв. 219б), *обыскъ* (Улож.),

сыскъ (Улож.), *помыслъ* (Вас.сб.; *до́ помысла* Корн. 19б), *промыслъ* (*и по́ промыслу* Нил. 243б, *о́ промыслѣ* Дан. 90 bis, *на́ промыслъ* Сол. 209), *прокормъ* (Улож.), *разумъ* (Чуд.; *по́ разоумоу* Такт. 36б, 46г и др. [+ Корн. 132б, 252, Карг. 567б], *не́ по разуму* Нил. 284б, Т 167б, *на́ разоумъ* Корн. [4×], *а не́ ѿ разоума* Жит. 294б), *окупъ* (Косм., Улож.), *искупъ* (Улож.), *откупъ* (Улож.), *ужасъ* (Вас.сб.; *вѣ ужасѣ* Новг. 119б), *в(о)зрастъ* (Чуд., Ап., Хр., Печ.), *в(о)здухъ* (*на́ въздоусѣ* Егор. 428б bis, *по́ воздуху* Печ. 438, *по́ въздуху* Печ. 41), *похороны* (*на́ похороны* Косм. 95б, *на́ похорона*ˣ [вместо *-но*ˣ] Косм. 95б);

б) *заповѣдь* (Такт., Нил., Прол., Фер., Вас.сб., Карг., Корн., Лук., Ап., Биб., Постн., Кир., Костр.), *проповѣдь* (Корн., Увар., Хлуд., Ап.), *снѣдь* (*бе́з снѣди* Ряз. 258б), *запись* (Хр., Улож.), *роспись* (Ратн.), *похоть* (Вас.сб.; *на́ похоть* Печ. 429, Ряз. 152 [+ Прол. 40б], *и на́ похоти* В.мн. Нил. 318б, *о́ похоти* М.ед. Печ. 428), *четверть* (Ратн., Улож.), *область* (Ап., Печ.), *пропасть* (*на́дъ пропасть* Прол. 26б, *на́ᵖ пропастїю* Печ. 18), *прелесть* (*на́ прелесть* Нил. 108, Сенн. 114г, Печ. 437б, *по́ прелести* Ион. 615, *ѿ́ прелести* Цв. 16), *почесть* (Жит., Хлуд., Рум., Постн.), *зависть* (Сенн., Ион., Вас.сб., Корн., Ап.), *с(о)вѣсть* (Чуд., Ап., Цв., Печ.), *опашь* (Постн.; *за́ ѡпашь* Ряз. 53), *немощь* (Сенн., Лет., Ап., Цв.). Сюда можно добавить еще *по́лдень* (Фер., Косм., Цел.), *по́лночь* (Косм.), наречие *на́пособь* (Косм., Улож.).

Существительные с суффиксом *-ость* (даем непосредственно примеры): *на́ болести* В.мн. Трав. 524, *за́ грубость* Ион. С 1, *за́ бл҃гость* Амф. 260, *по́ бл҃гости* Амф. 261, *со́ бл҃гостїю* Амф. 96, *вѣ бл҃гости* М.ед. Биб. 393 [+ Рж. 180б], *за́ гордость* Постн. 76, *ѿ́ гордости* Вас.сб. 273б, 286, *за́ дерзость* Печ. 36, 528б, *на́ паᵏᵒсть* Такт. 8а, *на́ млᵗть* Сенн. 39б, *бе́з лѣности* Чуд. 128г, *за́ юность* Печ. 528, *на́ бодрость* Сенн. 161а, *до́ скорости* М.пс. 156а, *со́ скоростїю* Цв. II 27б, *за́ кротость* Сенн. 121б, *на́ крость* Печ. 551б (пропущено *то*), *ѿ́ кротости* Вас.сб. 326б; см. также [Колесов 1974, с. 84], где указаны еще примеры *на́ блѣдость*, *за́ скудость*.

Из прочих суффиксальных отмечены: *изо́ дъбрянска* Лет. 271, *ѡ́ властеле*ˣ Фер. 994, *на́ перечень* Улож. 99, *а не на́ пустоᵚ* Ион. 568б, *на́ гузнѣ* Авв. 105б, *на́ судно* Авв. 200б, *на́ городно* ‘на Гродно’ Косм. 62, *по́ реклу* Карг. 1. Укажем еще аномальные *на́ вечери* М.ед., *по́ вечери* М.ед. (от *вечеря*), встречающиеся в ряде памятников, в основном церковных (Увар., Фер., Хр., Цв., Хлын.).

Наряду с указанными в настоящем параграфе случаями оттяжек обычно имеются также (в других памятниках, а нередко и в тех же самых) примеры неоттянутого ударения.

Подавляющее большинство примеров энклизы у производных в XV–XVII вв. приходится на памятники средней и южной части восточной зоны (прежде всего Такт., Ап., Постн., Цв., Косм., Ряз., Улож.) и на памятники белозерские, онежские и некоторые из новгородских (прежде всего, Нил., Сенн., Прол., Ион., Вас.сб.).

Вопрос об энклизе производных имен связан (хотя и не всегда прямолинейно) с их акцентовкой при склонении. Дело в том, что эти имена лишь в восточной зоне акцентуируются (и то довольно непоследовательно) по а.п. *c*, т.е. обнаруживают такие ударения, как, например, *в немощѝ* (М.ед.), *заповѣдéи*, *похотьмѝ*, *помыслóмъ* (Д.мн.) и т.п. В большинстве западных памятников они имеют неподвижное начальное ударение (у части слов встречается также неподвижное корневое ударение, например, *обрáзъ*, *ужáсъ*, *возрáстъ*, *воздýхъ*, *заповѣдь*, *похóть*, *пропáсть*, *завúсть*, *помóщь*). В принципе возможны различные соотношения между акцентовкой бессуффиксальных производных слов (по а.п. *c* — модель *заповѣдéи*; по а.п. *a* — модель *зáповѣдеи*)

и их энклизой (модели *по́ заповѣди* и *по за́повѣди*). Среди рукописей, содержащих удовлетворительное количество материала, можно выделить две основные группы: 1) группа «*заповѣде́и, по́ заповѣди*» — сюда определенно относятся Чуд., Нил., Прол., Цв., Косм., Улож.; сюда же можно отнести более бедные материалом рукописи Ион., Амф., М. пс.; 2) противоположная группа — «*за́повѣдеи, по за́повѣди*»; сюда определенно относятся Егор. и Пск. Особое соотношение — «*за́повѣдеи, по́ заповѣди*» — представлено в раннем северо-западном памятнике Сенн. Обратное соотношение — «*заповѣде́и; по за́повѣди*» — находим в позднем северо-восточном памятнике Цел. Во всех прочих памятниках с достаточно большим материалом представлена смазанная картина (с колебаниями того или иного рода).

Итак, в XV–XVII вв. у непроизводных существительных древний механизм оттяжек ударения на проклитики еще достаточно хорошо сохраняется в основной части восточновеликорусской зоны; в прочих ареалах он начинает несколько расшатываться. Переход к современному состоянию совершился, таким образом, у этого класса существительных в основном в XVIII–XIX вв. У производных существительных данный процесс происходил раньше и быстрее.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев 1929 — *Л. Л. Васильев.* О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII вв. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии. Л., 1929.

Дыбо 1975 — *В. А. Дыбо.* Закон Васильева-Долобко в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета) // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, XVIII, 1975. P. 7–81.

Зализняк 1985 — *А. А. Зализняк.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Колесов 1972 — *В. В. Колесов.* История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972.

Колесов 1974 — *В. В. Колесов.* Просодические диалектные признаки в истории русского языка // ВЯ, 1974, № 1.

Станг 1952 — *Chr. Stang.* La langue du livre «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей». Oslo, 1952.

УДАРЕНИЕ ПРОСОДИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Как известно, две тактовые группы (в частном случае две словоформы) иногда могут объединяться в единую тактовую группу с одним ударением. Мы будем называть такую результирующую тактовую группу просодическим комплексом.

Просодический комплекс может быть как сложным словом (например, *пятьдеся́т*), так и словосочетанием (например, *не́ у кого*). Из числа сложных слов просодическими комплексами являются только те, которые возникли из словосочетаний путем одного лишь акцентного объединения, без замены целых словоформ их основами. Например, сложное слово *Но́вгород* — это просодический комплекс, а *новостро́йка* — обычное сложное слово.

Акцентные явления, происходившие в истории русского языка при объединении двух тактовых групп (так называемой универбации), описаны Х. Стангом (1978). Но Станга интересуют в основном лишь общие правила; об отклонениях от них, в частности, в сложных числительных, Станг говорит весьма коротко, констатируя только, что в XVII веке такие числительные могли акцентуироваться двумя разными способами.

В настоящей работе акцентная эволюция просодических комплексов в ходе истории рассматривается более подробно.

Для описания древнерусского состояния фундаментальным является хорошо известное различение (см., например, Зализняк 1985, § 2.5) двух классов тактовых групп (в частном случае — одиночных словоформ):

ортотонические (символ: Orth);

энклиноменные (символ: Encl).

Самую важную часть имеющихся ныне просодических комплексов составляют современные сложные числительные, возникшие из прежних сочетаний простых числительных[1]. Именно им посвящена основная часть последующего разбора.

Укажем в связи с этим, что среди древнерусских простых числительных:

к классу энклиноменов относились словоформы И.В. падежа числительных *дъва*, *оба*, *трие*, *пѧть*, *шесть*, *девѧть* (а также словоформы *трьмъ* и *трьхъ*); кроме того, все словоформы единств. числа слов *десѧть, сѫто*, кроме *десѧтью* (тем самым, в частности, и важное для дальнейшего сочетание *на десѧте*), а также их словоформы И.В. множ. и И.В. двойств.

к ортотоническому классу относились все словоформы числительных *одинъ*, *четыри*, *семь*, *осмь*, а также те словоформы слов *дъва*, *оба*, *трие*, *пѧть*, *шесть*, *девѧть*, *десѧть*,

[1] Во избежание громоздких формулировок мы позволяем себе применять название «числительное» не только к собственно числительным, но и к счетным существительным (в частности, *десѧть, сѫто*), поскольку для нашего разбора это различие несущественно.

съто, которые не подпадают под действие пункта об энклиноменах (например, *дъвою*, *дъвѣма*, *трьми*, *пѧти*, *шестью*).

Древний принцип акцентовки просодических комплексов

§ 2. Имеющийся материал позволяет заключить, что в древнерусском языке просодические комплексы акцентуировались по общим правилам для тактовых групп (о которых см. Зализняк 1985, § 2.8; 2008, § 0.4). В этом и состоит древний принцип их акцентовки.

Практически это означает, что:

два энклиномена дают единый энклиномен;

при соединении ортотонической группы с энклиноменной (в любом порядке) побеждает ударение ортотонической группы;

в случае объединения двух ортотонических групп побеждает ударение первого члена (но обычно такие две группы в древности еще не объединялись).

Можно описать ту же картину и так: при различии просодических статусов побеждает ортотоническое слово; при тождестве — первый член. Именно так описывает ее Станг, только в терминах «восходящее ударение — нисходящее ударение».

Изредка встречаются также просодические комплексы из трех членов. Их ударение определяется теми же правилами. Так, *полъ* (Encl) *вътора* (Orth) *съта* (Encl) дает ударение *полтора́ста*; *полу* (Orth) *вътора* (Orth) *съта* (Encl) дает ударение *полу́тораста*.

Новый принцип акцентовки просодических комплексов

§ 3. В ходе истории русского языка со временем развивается новый принцип акцентовки просодических комплексов.

Он состоит в том, что просодический комплекс получает ударение своего последнего члена, независимо от просодических характеристик его членов.

Этот принцип развивается в связи с формированием той особенности, характерной для современного русского языка, что в словосочетании из двух фонетических слов более сильное ударение (если нет какой-то эмфазы) в нормальном случае имеет второй член. Примеры (более сильное ударение отмечено акутом, более слабое — грависом): *двѐ ло́шади, до̀м ста́росты, бо̀к о́ бок, с бо̀ку на́ бок, дру̀г от дру́га, земля̀ и не́бо, нѐбо и земля́, му̀ж и жена́*.

Эта особенность согласуется с тем, что в современном русском языке действует общее правило, которое в работе Исаченко 1967 сформулировано так: фразовое ударение падает на последнее слово интонационной группы. В значительной части случаев этот «акцентный перевес» соответствует тому, какой член более нагружен новой информацией (и тем самым более важен в смысловом отношении). Это наиболее ясно проявляется там, где непосредственно представлено соотношение «тема – рема», например, *пришел Иван* (а не кто-либо иной) и *Иван пришел* (а мы опасались, что он не придет). Смысловое соотношение сходного типа представлено и в таких случаях, как, например, *остался доволен*, *пришел проститься*, *дорога домой* и т. п.

Но правило «акцентного перевеса» последнего члена носит общий характер, т. е. действует и в тех случаях, когда в смысловом отношении последний член явного (или даже никакого) перевеса не имеет, например, *Петр и Иван*, *трижды два*, *восемь на девять*, *черный дым*.

Конкуренция двух принципов акцентовки

§ 4. История ударения просодических комплексов определяется взаимодействием и конкуренцией указанных двух принципов акцентовки: древнего и нового.

В том случае, когда оба принципа дают одинаковое решение, просодический комплекс имеет на всем протяжении истории вполне устойчивое ударение. Такова модель Encl+Orth, например: *пятьдеся́т*, *шестьсо́т*.

Там, где эти принципы находятся в конфликте, поздно сложившиеся комплексы, естественно, подчиняются новому правилу, а у древних комплексов в значительной части случаев в ходе истории происходила постепенная смена древнего ударения новым. Некоторые примеры:

сумасше́дший (модель Orth+Orth, позднее объединение);

семнадцать (модель Orth+Encl — древнее ударение *се́мь на десяте*, новое — *семна́дцать*);

полгода (модель Encl+Encl — древнее ударение *по́лъ года*, новое — *полго́да*);

пятнадцать (модель Encl+Encl — древнее ударение *пя́ть на десяте*, новое — *пятна́дцать*).

Но небольшая часть древних комплексов сохраняет старое ударение, не подчиняясь новому правилу. Сюда относятся прежде всего сложения, утратившие семантическую прозрачность, например: *спаси́бо*, *сего́дня* (модель Orth+Encl); но также и некоторые другие, например: *оди́ннадцать* (модель Orth+Encl); *три́ста*, *по́лдень*, *втри́дорога* (модель Encl+Encl).

В некоторых случаях прежний просодический комплекс утратил единство, то есть вернулся к состоянию двух самостоятельных тактовых групп; например, древнерусскому просодическому комплексу *три́ годы* в современном языке соответствуют две тактовых группы: *трѝ го́да*.

Новый принцип акцентуации комплексов наиболее активно проявился в следующих случаях:

а) при соединении двух ортотонических групп;

б) при соединении двух энклиноменных групп, если при второй из них была хотя бы одна проклитика (а в поздних сложениях с *пол-* — даже и без этого дополнительного условия: *полго́да*, *полно́чи*).

В связи с этим внутри класса энклиноменных тактовых групп нам в дальнейшем потребуется различать два подкласса:

Encl-1 — словоформы-энклиномены (без клитик);

Encl-2 — энклиноменные тактовые группы, содержащие одну или несколько проклитик[2].

Заметим, что почти все имеющиеся примеры Encl-2 — это сочетание *на десяте* (и его потомки) в составе сложных числительных.

Важным явлением в изучаемой области является также воздействие на слово его парадигматических соседей. Это касается прежде всего числительных, которые в ряде случаев уподобляются по ударению соседним членам натурального ряда (примеры этого мы увидим ниже). Существенно то, что в таких случаях аналогическое выравнивание всегда идет в сторону, соответствующую новому принципу акцентуации.

[2] Энклитик в этих случаях быть не может, так как наличие энклитики превращает любую тактовую группу в ортотоническую.

Данные памятников

§ 5. Данные акцентуированных памятников позволяют непосредственно увидеть некоторые элементы сосуществования и конкуренции старого и нового принципов акцентовки просодических комплексов. Следует, правда, учитывать, что общее количество материала здесь невелико, поскольку в памятниках числительные в подавляющем большинстве случаев записываются цифрами. В частности, к сожалению, почти нет примеров записанных полностью (и акцентуированных) сложных числительных в самом важном из древнерусских акцентуированных памятников — Чудовском Новом Завете XIV века.

Для настоящей работы использован ряд памятников из числа обследованных в книге Зализняк 1985, с добавлением некоторых других. Для памятников, где слова разделены, слитное или раздельное написание дается в соответствии с оригиналом; в прочих случаях словоделение условно. Для примеров, встречающихся в памятнике неоднократно, как правило ограничиваемся приведением лишь одного адреса.

Ниже при изучении просодических комплексов вначале рассматривается общий случай, а затем более подробно тот частный случай, который представляет для нашего разбора наибольший интерес, а именно, сложные числительные.

Общий случай

Начнем с примеров, где в памятнике в обоих членах сочетания проставлено ударение. Такие примеры весьма многочисленны; мы ограничимся здесь очень немногими. Следует учитывать, что такая расстановка знаков ударения не всегда соответствует обычному произношению в живой речи: писцы иногда выставляли два ударения вместо одного по той причине, что проговаривали про себя каждый элемент словосочетания или сложного слова раздельно.

Модель Orth+Encl-1 — Лет. *к бѣлу́ го́роду* 115; Косм. *ѿ полу̀ но́чи* 128об., *на четы́ре у́глы* 130об.; Улож. *по штѝ рꙋ́бле́въ* 107.

Encl+Orth — *за́ три часа̀* 100об., *за́ пѧть рꙋ́бле́въ* 166.

Encl+Encl-1 — Улож. *в тѣ̀ | но́ры* 211об.

Encl+Encl-2 — Сенн. *дроу́гъ на́ дрꙋ́га* 204г; Ап. *дрꙋ́гъ ко́ дрꙋ́гꙋ* 4об., *дрꙋ́гъ за́ дрꙋ́га* 60об.; Ратн. *дроу́гъ при́ другѣ* 16об., *дроу́гъ пе́редъ другомъ* 38, *дроу́гъ и́зъ-за друга* 122.

Примеры, где в памятнике комплекс имеет один знак ударения.

Случаи, где древний и новый принципы акцентовки дают одинаковый результат:

Модель Encl+Orth — Чуд. *трикра́ты* 120в bis, *пятькра́ты* 120в, *полъ часа̀* 152б; Косм. *две*[3] *ма́тицы* 29об., *два рублѝ* 41об.; Улож. *по две де́нги* 83, *по три рꙋ́бли́* (часто), *за полтретьѧ̀* [*рꙋ́блѝ*] 166.

Случаи, где два принципа акцентовки дают разные результаты.

Примеры победы древнего принципа:

Модель Orth+Orth — Улож. *по полꙋ́третьи* [*де́нги*] 239об., *по полꙋ́осмѣ* [*де́нге*] 240.

Замечание. Ударение *двоюро́дный* (Косм. *двоюро̀дноѥ бра*т 45об.) указывает на ударение *двою́ роду* в исходном словосочетании (Р.дв. — Orth+Orth).

[3] В памятнике Косм. *е* вместо *ѣ* пишется только в безударной позиции. Таким образом, написание типа *две* показывает, что слово безударно.

Orth+Encl-1 — Чуд. *всѧ̂ дн҃и* 26в, *по всѧ́ дн҃и* 38а, 39в, 70г bis, *по всѧ̀ дн҃и* 69г, 72а; Егор. *вéсь градъ* 212, *вéсь миръ* В.ед. 69, 75об., 76 [+ Пск. 70, 77, 192, Чет. 35об.]; Пск. (*на вéсь миръ* 69, *въ вéсь миръ* 83об., *всегó мира* 166); Новг. *на вéсь годъ* 269; Лет. *бѣлáгорода* 356об., *к бѣлоýгороду* 115об., *в цáгород҃* 211об., *во цариградѣ* 223об., *из ц҃р҃áграда* 221; Косм. *ѿ полýночи* 137, *ѿ полȕдн҃и* 2, *по всѧ̀ дн҃и* 28об., *сúрѣчь* 'то есть' 157 [+ Матф. часто, Колм. 168, 222]; Ратн. *по всѧ́ ночи* 27; Улож. *в белѣгородѣ* 199об., *полýгода* (Р.ед.) 210об. (и часто).

По модели Orth+Encl-1 акцентуируются также все словоформы слова *Новгородъ* (как если бы прилагательное *новыи* относилось к акцентной парадигме *b* — при том, что фактически оно колебалось между акцентными парадигмами *c* и *b*). Например, в Лет., где это слово встречается очень часто, оно акцентуируется так: *нóвгородъ*, *новáгорода*, *новýгородꙋ*, *в новѣгородѣ* (иногда выставляется еще и ритмическое ударение на последнем слоге: *новáгородá*, *новýгородý*, *в новѣгородѣ́*); то же и в других рукописях.

Encl+Encl-1 — Лет. *трú годы* 300, *нá три годы* 167, *пó*л *града* 352об.; Косм. *трú дн҃и* 3, *пó три дн҃и* 79об., *в трú годы* 4, *в тѣ́ поры* (часто); Пск. *дроýгъ дроуга* 101; Печ. *нá дрꙋгъ дрꙋга* 357; Улож. *трúгоды* 300, *пó тридни* 178, *пóлгода* 301об., *нáполгода* 210об., *в тѣ́поры* (часто); Матф. *въ трú дни* 232об. Сочетания *двá года*, *трú года*, *двá дни* (*двá дня*), *трú дни* (*трú дня*), *двé ночи*, *трú ночи*, *двá раза*, *трú раза*, *двá ряда*, *трú ряда* встречаются также в текстах XVIII–XIX вв. (см. Еськова 2008: 191–194). Ср. еще у Пушкина («Моцарт и Сальери»): *И в голову пришли мне две, три мысли* — где размер указывает на ударение *двé три*.

Примеры победы нового принципа (для наглядности в этих случаях указываем даты памятников):

Модель Orth+Orth — Косм. (посл. четв. XVI в.) *все полѧ̀* 2об. (NB *все* вместо *всѣ*).

Encl+Encl-2 — Ион. (1530 г.) *око зá око и зꙋбъ зá зꙋ*[6] 292об., Печ. (1605 г.) *дрꙋгъ нá дрꙋга* 396об. (если только в этих примерах это не пропуск знака ударения в первом члене).

Сложные числительные[4]

§ 6. Отметим, что наибольшее количество акцентологических сведений по этой категории комплексов содержит памятник 1647 года Ратн.[5], описанный Х. Стангом.

Примеры, где в памятнике в обоих членах сочетания проставлено ударение.

Модель Orth+Orth — Ратн. *сéдмь сóтъ*, *óсмь сóтъ*, *по пятú сóтъ*, *по шестú сóтъ*, *двѣмá стыí*, *двемá стáми*, *пополýтора*, также *трéхъ сóтъ* (где новая форма Р. падежа *трехъ*, заменившая прежнее *трии* [ортотоническое], уже должна расцениваться как ортотоническая); Хр. *сéмь сóтъ* 424об., *сéдмь сóтъ* 467об.

Orth+Encl-1 — Ратн. *четы́ре стá*.

Orth+Encl-2 — Ратн. *четы́ре нáдесять*, *óсмь нáдесять*, *двý нáдесяти* (Р. падеж).

Encl+Orth — Ратн. *пя́ть сóтъ*; Хр. *шéсть сóтъ* 753.

---

[4] В перечни примеров не включены косвенные формы, не наследующие прямо древние словосочетания, а построенные заново на основе формы именительного падежа: *пятнáдцатью*, *семнáдцатью* и т.п., а также *двадцатú*, *-тью́*, *тридцатú*, *-тью́* (получившие такое ударение по аналогии с *дéвять – девятú*, *-тью́* и т. п.). Не включены также формы типа *четыренадесáтиМ* 'четырнадцати' (Д. падеж), где ударение заимствовано у порядковых числительных.

[5] Данные памятника Ратн. приводятся по работе Станг 1952; поэтому адреса примеров не приводятся (см. указанную работу).

Encl+Encl-1 — Ратн. *два́ ста́.*

Encl+Encl-2 — Ратн. *два́ на́десять, три́ на́десять, по́ три на́десять, тре́мъ на́десять, ше́сть на́десять.*

Примеры, где в памятнике сложное числительное имеет один знак ударения.

Случаи, где два принципа акцентовки дают одинаковый результат:

Модель Encl+Orth — Ратн. *пятьдеся́тъ, шестьдеся́тъ, девятьдеся́ть, пятьсо́тъ, шестьсо́тъ, полтора́*; Дос. *па*т*|со̑тъ* 127; Корн. *шестьдеся́ть* 44об.; Хр. *шестьсо́тъ* 375. (И так же во многих других памятниках.) Сюда же Косм. *двадевано́ста* 49.

Случаи, где два принципа акцентовки дают разные результаты.

Примеры победы древнего принципа:

Модель Orth+Orth — Чуд. *четы́рьсотъ* 123а, *болѐ пѧтѝ* | *сотъ* 114в; Егор. *се́дмьдесѧтъ* 528об., *ѡ́смьдесѧть и четы́ремъ* 516об, *пѧтѝсѡтъ* 156об.; Лет. *дв*ѣ́ *сотъ* 282; Пск. *седми́десѧтъ* (Р.) 100об., *ѡсми́десѧтъ* (Р.) 100об.; Ратн. *се́дмьдесять, -ть, ѡ́смьдесять* (*во́с-*), *-ть, попяти́десятъ, пошести́десятъ, поседми́десятъ, поосми́десятъ, подевяти́десять*; Улож. *по шти́ десѧтъ* 196.

Orth+Encl-1 — Ратн. *четы́редесять, четы́реста.*

Orth+Encl-2 — Ратн. *оди́ннатцать, четы́ренадесять, четы́рнатцати, пяти́надесяти, попяти́натцати, шести́натцати, шти́натцати, восми́надесяти, ѡсми́натцати, поѡсми́натцати*; Улож. *двоу́натцати* 120об., *осми́натцати* 80, *попѧти́надцати* 86; Матф. *четы́ренадесѧте* 10об.

Encl+Encl-1 — Чуд. *дв*ѣ́ *ст*ѣ 153б, *дв*ѣ́ | *ст*ѣ 76а; Хр. *три́ста* 81, 744, 1377; Ратн. *два́десять, два́тцать, три́десять, три́тцать, дв*ѣ́*сть* (*-сте, -сти*), *три́ста, три́ ста*; Косм. *дв*ѣ́*сте* 90об., *три́ста* 23об., 44об.; Улож. *на́ дватцать* 140. (И так же во многих других памятниках.)

Замечание. В микросистемах, где форма И.В.мн. среднего рода была не энклиноменной, а конечноударной, сочетание *три ста* относится к группе Encl+Orth, соответственно, должно иметь ударение *триста́*. И действительно, мы находим в системе этого типа такие примеры, как Т.пс. *триста̀* 229, Новг. *триста́* 243об.

Encl+Encl-2 — Флав. *лѣтъ трѝ на десѧте* 397а; Острож. *два̑ на десѧте* (Мт. 26.53); Матф. *два́надесѧть* 3 (и часто), *о́банадесѧть* 132; Ратн. *два́надесять, три́надесять, тре́мънадесяти, пя́тьнадесять, ше́стьнадесять.*

Приведем также изредка встречающиеся примеры тройных комплексов.

Encl+Orth+Encl — Косм. *по*л*тора́ста* 44об., *по*л*тре*т*а̀ ста* 56, *по*л*ѡсма̀ ста* 56.

Encl+Encl+Encl — Улож. *два́тцатьпѧть* 103об., *три́тцатьпѧть* 103об.

Примеры победы нового принципа:

Модель Orth+Orth — Ратн. (1647 г.) *трехъсо́тъ.*

Orth+Encl-2 — Дос. (2-я четв. XVI в.) *ѡсмь на́ деса*т 110об. (если только это не пропуск знака ударения в первом члене); Косм. (посл. четв. XVI в.) *восм*ь*на́*т*ца*т 90; Улож. (1649 г.) *в восмьна́тцать* 80; Авв. (1670-е гг.) *семна́тцеть* 248 (ср. Ратн. *ѡсмна́тцати, поѡсмна́тцати* — косвенные формы, перестроенные по И. падежу).

Encl+Encl-2 — Алекс. (посл. треть XV в.) *двана́десѧть* 67; Сенн. (1500 г.) *два̑ на́ деса*т 50б, 71в (надстрочный знак в *два̑*, по-видимому, не передает ударения); Дос. (2-я четв. XVI в.) *три на́ деса*т 101, *по два на́ десѧте* 88об.; Острож. (1581 г.) *оба на́ десѧть* (часто); М. пс. (нач. XVII в.) *два на́ десѧте* 62; Синод. (XVII в.) *два на́ десѧте* (часто);

Ратн. *двена́тцать, трина́десять, потрина́тцати, пятна́тцать, шесть на́десять, шес(т)на́тцать.*

Материал памятников показывает, что даже и в XVII веке древний принцип акцентовки комплексов еще господствует. Основное изменение по сравнению с древним периодом касается комплексов с Encl-2 во второй части. В энклиноменных группах класса Encl-2 (то есть с проклитикой) ударение становится более устойчивым, приближаясь в этом отношении к ударению ортотонических словоформ. Иначе говоря, вместо двойной градации по устойчивости (Orth > Encl) формируется тройная: Orth > Encl-2 > Encl-1.

В модели Encl+Encl-2 новый тип акцентовки (*два на́ десяте* и т. д.) появляется не позднее, чем в XV веке, а в XVII веке уже преобладает. Но его полная победа в русском языке относится все же к более позднему времени.

В модели Orth+Encl-2 аналогичный процесс начинается позже и развивается намного слабее; древние ударения *оди́ннадцать, четы́рнадцать* устойчиво сохраняются и поныне.

Относительно поздно развивается новый тип акцентовки в модели Orth+Orth; древние ударения *се́мьдесят, во́семьдесят* устойчиво сохраняются и поныне.

Ударение просодических комплексов в современном русском языке

§ 7. В итоге рассмотренной выше эволюции в современном русском языке сложилась следующая ситуация.

Просодический комплекс в качестве единого ударения получает ударение либо своего первого члена, либо второго. У просодических комплексов, составленных из слов, которые существовали уже в древнерусском, современное ударение можно описать, исходя из древних просодических характеристик их членов, с помощью следующего основного правила:

при объединении двух древнерусских тактовых групп разного просодического класса побеждает ударение более сильного класса, в соответствии с градацией (по убывающей силе) «Orth > Encl-2 > Encl-1»;

при объединении двух групп одинакового класса побеждает ударение первого члена.

Примеры из современного языка (помимо литературных, включены также некоторые диалектные слова [из СРНГ и Даля]):

Модель Orth+Orth: *се́мьдесят, во́семьдесят*; *пятью́десятью, шестью́десятью* и т. д.; *полу́тора*; *пока́мест* (из варианта с ортотоническим *ка* В. мн. ср.); *не́где, не́когда* 'нет времени', *не́кого, не́чего, не́ к кому, не́ для чего, не́ о чем* и т. п. с древним *нѣ* 'нет, не имеется'; диалектные *се́йзимы, сего́лета.*

Orth+Encl-1: *четы́реста, пяти́десяти, шести́десяти* и т. д., *спаси́бо, сего́дня, полу́дня, полу́ночи, Бе́лгород, Но́вгород* (см. об этом слове выше), *Ста́ргород, Ива́нгород* (из *Ива́ньгород*)[6]; диалектные *Вели́кдень, Нико́льдень, (о)номе́дни, оного́дни, одного́дни, навсе́дни, злы́дни, добры́дни, сево́года, се́сьгод, се́йгод, се́йночи* (последние два с колебанием ударения), *се́йвечер, добра́ночь* (западное), *ты́ждень* (западное). Сюда же диалектное *оба́пол* (*оба́полы*) из словосочетания, в составе которого энклиномен *оба* рано был заменен ортотоническим вариантом *оба́* (см. об этом Зализняк 1985, § 2.9, п. 3).

[6] Внешне сходны с этими названиями такие, как *Вы́шгород, Ми́ргород, Звени́город* и т. п., но это уже не просодические комплексы, а обычные сложные слова.

Orth+Encl-2: *оди́ннадцать*, *четы́рнадцать*.

Encl-1+Orth: *полтора́*, *полчаса́*, *пятьдеся́т*, *шестьдеся́т*, *пятьсо́т*, *шестьсо́т*, *девятьсо́т*.

Encl-1+Encl-1: *две́сти*, *три́ста*, *два́дцать*, *три́дцать*, *три́девять*; диалектные *два́дни*, *два́дорога*. Сюда же *по́лдень*, *по́лночь*, где *полъ* — это древнее неизменяемое по родам прилагательное (или существительное-приложение), т. е. древнерусское *полъ дьнь* аналогично по структуре, например, итал. *mezzogiorno*; ср. Р. ед. *полу дьне* (так же и *полъ ночь*, Р. ед. *полу ночи*).

Encl-1+Encl-2: *двена́дцать*, *трина́дцать*, *пятна́дцать*, *шестна́дцать*, *девятна́дцать*.

Encl-2+Encl-1: *втри́дорога*; диалектные *втри́дешева*, *вте́поры*, *вту́пору* (последние два с колебанием ударения).

Тройные комплексы: *полтора́ста*, *полу́тораста* (см. о них выше).

От приведенного основного правила имеются, правда, некоторые отклонения. Все они состоят в том, что победило ударение не первого члена, а второго; иначе говоря, это эффект нового принципа акцентовки комплексов (действующего уже за рамками тех случаев, которые покрываются основным правилом).

Ясно видны два фактора, которые определили в этих случаях победу нового принципа:

а) по́зднее возникновение комплекса (позднéе древнерусского периода);

б) для числительных — аналогия с соседними (по натуральному ряду) числительными.

Вот эти отклонения.

При схеме Orth+Orth: *семьсо́т*, *восемьсо́т* и косвенные падежи от сотен — *двухсо́т* (*двумста́м*, *двумяста́ми*), *трёхсо́т* (см. об этой форме выше), *четырёхсо́т*, *пятисо́т*, *шестисо́т*, *семисо́т* и т. д. (аналогия с *пятьсо́т*, *шестьсо́т*, *девятьсо́т*); судя по данным памятников, это поздние объединения, то есть в древнерусский период это были еще пары самостоятельных тактовых групп;

сумасше́дший, *сейча́с* (поздние объединения).

При схеме Orth+Encl-2: *семна́дцать*, *восемна́дцать* — аналогия с *пятна́дцать*, *шестна́дцать*, *девятна́дцать*.

При схеме Encl+Encl-1: *полго́да*, *полно́чи*, *полсло́ва*, *вполу́ха*, *вполго́лоса* (поздние объединения).

Почему числительные *семна́дцать*, *восемна́дцать* и *семьсо́т*, *восемьсо́т* подверглись аналогии, а *оди́ннадцать*, *четы́рнадцать* — нет? По-видимому, здесь оказалось существенным то, что акцентно-слоговая структура словоформы *семь* (в эпоху после утраты фонетических различий между прежними энклиноменами и прежними начальноударными ортотоническими словоформами) — такая же, как у *пять*, *шесть*, а у *во́семь* — такая же, как у *де́вять*, тогда как *оди́н* и *четы́ре* имеют другую структуру.

Краткое сравнение с другими славянскими языками

§ 8. Сравним теперь в общих чертах выявленную выше картину акцентной эволюции сложных числительных в русском языке с данными других славянских языков. Ограничиваемся здесь данными современных литературных языков, не углубляясь в историю и диалектологию каждого отдельного языка, поскольку для выявления общей картины в данном случае в этом нет необходимости.

Группа '11–19'.

Во всей этой группе во всех славянских языках со свободным ударением, кроме русского, ударение полностью унифицировалось, а именно, закрепилось ударение на элементе *-на-*.

В качестве образца приведем украинский: *одина́дцять, двана́дцять, трина́дцять, чотирна́дцять, п'ятна́дцять, шістна́дцять, сімна́дцять, вісімна́дцять, дев'ятна́дцять*.

Далее ограничиваемся приведением числительных '11' и '14'.

Белорусский: *адзінáццаць, чатырнáццаць*.

Сербский: *једàнаест, четрнаест* (где восходящее ударение — результат переноса ударения с *-на-*).

Словенский: *enájst, štirinájst*.

Болгарский: *едина́йсе(т), четирна́йсе(т)*.

Из всех этих форм ни одна не соответствует древнему принципу акцентовки. Новому принципу соответствуют числительные '12', '13', '15', '16', '19'. Остальные — '11', '14', '17', '18' — получили свое нынешнее ударение по аналогии с первой группой ('12' и т. д.). Из этих данных можно заключить, что фактор «акцентного перевеса» второго члена и фактор «акцентого усиления» сочетания *на десѧте* были актуальны не только для русского языка, но для всех славянских.

Русский язык, в отличие от всех остальных, сохранил древнее ударение числительных '11' и '14': *оди́ннадцать, четы́рнадцать*. Но '17' и '18' переакцентованы по аналогии и в русском языке: *семна́дцать, восемна́дцать*.

Ситуация в русском языке (в частности, данные Ратн.) не позволяет объяснить единство показаний всех прочих славянских языков (а именно, одинаковость ударения во всей группе '11–19') общей инновацией праславянской эпохи. В самом деле, система Ратн. явно архаичнее, чем выровненные системы сербского, словенского, украинского, белорусского языков, поскольку она реагирует на различие древних просодических классов, а те уже нет. Соответственно, необходимо допустить параллельное изменение в разных славянских языках.

Числительные '20', '30'.

Старое ударение в основном сохраняется: укр. *два́дцять, три́дцять*; белор. *два́ццаць, трыццаць*; болг. *два́йсе(т), три́йсе(т)*; словен. *dvâjset, trîdeset*. Сюда же примыкает болг. *четѝрисе(т)*.

Но сербск. *два́десēт, три́десēт* (из *двадѐсēт, тридѐсēт*) представляют собой акцентную инновацию.

Десятки '50'–'80' (и '90' там, где оно из **девѧть десѧть*).

В ряде языков ударение в этой группе выровнено по аналогии с '50', '60':

Украинский: *п'ятдеся́т, шістдеся́т, сімдеся́т, вісімдеся́т*.

Болгарский: *петдесе́(т), шейсе́(т), семдесе́(т), осемдесе́(т), деветдесе́(т)*;

Сербский: *педѐсēт, шездѐсēт, седамдѐсēт, осамдѐсēт, деведѐсēт*; в этот ряд перешло также *четрдѐсēт*.

Иная ситуация в словенском: здесь весь этот ряд выровнен по схеме «простое числительное (*štírje, pêt, šêst, sédem, ósem, devêt*) + *-deset*»: *štírideset, pêtdeset, šêstdeset, sédemdeset, ósemdeset, devêtdeset*.

Исконное акцентное противопоставление конечноударных '50', '60' и начальноударных '70', '80' сохранилось только в русском (*пятьдеся́т, шестьдеся́т,* но *се́мьдесят, во́семдесят*) и в белорусском (*пяцьдзеся́т, шэсцьдзеся́т,* но *се́мдзесят, во́семдзесят*).

Сотни.

В названиях сотен повсеместно произошло выравнивание (не только акцентное) — всеобщее или внутри двух основных групп.

Например, в украинском: *двісті*, *трúста*, *чотúриста*; *п'ятсóт*, *шістсóт*, *сімсóт*, *вісімсóт*, *дев'ятсóт*. Аналогично в белорусском.

В сербском: *дв҃ѣ̀ста*, *трѝста*; далее сотни выровнены по модели «простое числительное + *-стō*»: *чѐтиристō*, *пѐтстō*, *шѐстстō*, *сѐдамстō*, *о҃самстō*, *дѐвѣ̄стстō*; наряду с этим возможны свободные сочетания со словом *ст҃о҃тина* 'сотня' (*чѐтири ст҃о҃тине*, *пѐт ст҃о҃тѝнā* и т. д.).

В словенском все сотни выровнены по модели «простое числительное + *-sto*»: *dvêsto, trísto, štíristo, pêtsto, šêststo, sédemsto, ósemsto, devêtsto*.

В болгарском из старых комплексов сохранились *двéсте* (и *двéста*), *трúста*; далее следуют уже новые комплексы с элементом *-стотин*: *чéтиристотин*, *пéтстотин*, *шéстстотин*, *сéдемстотин, óсемстотин*, *дéветстотин*.

Как можно видеть, в отношении акцентуации числительных русский язык — самый архаичный во всем славянском мире. Акцентному выравниванию здесь подверглись только числительные *семнáдцать, восемнáдцать, семьсóт, восемьсóт.* Украинский, белорусский, болгарский, сербский, словенский уже унифицировали ударение числительных '11', '14' по всему ряду '12–19'; почти везде выровнено также ударение в ряду '50', '60', '70', '80'.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ, СОКРАЩЕНИЯ

Ниже приводится сводная библиография для всех частей настоящей книги. В связи с тем, что в книге представлены статьи разных лет, в некоторых случаях имеется по два варианта обозначения для одного и того же текста.

ПОМЕТЫ И СОКРАЩЕНИЯ

а. п. — акцентная парадигма (см. Акц., § 2.10).

б. уд. — без знака ударения.

п.-др.-р. — позднедревнерусский.

р.-др.-р. — раннедревнерусский.

И., Р., Д., В., Т., М., П., Зв. — обозначения падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный, предложный, звательная форма.

1 ед., 2 мн. и т. д. — обозначения лица и числа глагола.

D, Deox, Init, Marg, Monosyll, Polysyll, Triv — см. Акц., § 1.21.

Min, Re — см. Акц., § 2.7.

ИСТОЧНИКИ, ХРАНИЛИЩА

Авв. — два автографа протопопа Аввакума (см. Акц., § 3.31).

Алекс. — Александрия. По изд.: *В. М. Истрин.* Александрия русских хронографов // Чтения ОИДР, 1894 г. Кн. 2. Отд. 2.

Алф. — Алфавит духовный, сер. XVII в. – РГБ, ф. 218, № 714.

Амф. — Святцы с восследованием. Коломна, 1571 г. – РГБ, ф. 7, № 27 (см. Акц., § 3.27).

Ап. — Апостол. М., 1564.

БАН — Библиотека Академии наук СССР в Санкт-Петербурге.

Бер. — Лексикон словенороський Памви Беринди. Київ, 1961.

Биб. — Библия, XVI в. – ГИМ, Синод. 30 (1-й почерк) (см. Акц., § 3.30).

Библ. — 2-й почерк рукописи Биб. (см. Акц., § 3.28).

Бук. — Буковница, 1592 г. – РГБ, ф. 173, № 35 (см. Акц., § 3.30).

Вас. пс. (Васильевская псалтирь) — Псалтирь, XVI в. – РНБ. Р.1.7 (см. Акц., § 3.22).

Вас. сб. — Сборник, XVI в. – РНБ, Соф. 1460 (см. Акц., § 3.22).

Вед. — Ведомости времени Петра Великого, вып. I–II. М., 1903–1906.

Вер. — Сборник, XVI в., Верея. – РНБ, Р.II.255 (см. Акц., § 3.32).

ГБЛ *см.* РГБ.

ГИМ — Государственный исторический музей в Москве.

ГПБ *см.* РНБ.

Дан. — Сборник, 1543 г. – РГБ, ф. 113, № 490 (см. Акц., § 3.26).

Джемс — Записи Р. Джемса, сделанные в 1618–19 гг. в Колмогорах (см. Акц., § 3.31).

Дом. — Домострой, XVI–XVII вв. (по Коншинскому списку) – РНБ, Q.XVII.149 (см. Акц., § 3.28, Глаг., § 12).

Дорог. — Сборник. Дорогобужский уезд, 1626 г. – ГИМ, Барсов 1280 (см. Акц., § 3.26).

Дос. — Синайский патерик, 2-я четв. XVI в. – ГИМ, Увар. 883 (см. Акц., § 3.26).

Ев. — Евангелие, XV–XVI вв. – РГБ, ф. 113, № 39 (см. Акц., § 3.31).

Ег. — Евангелие, XV–XVI вв. – РГБ, ф. 98, № 20 (см. Акц., § 3.22).

Егор. (= Егор.ев.) — Евангелие учительное, 2-я четв. XVI в. – РГБ, ф. 98. № 80 (см. Акц., § 3.24).

Жит. — Сборник житий, 2-я четв. XVI в. – РГБ, ф. 173, № 57 (см. Акц., § 3.26).

Зап. — Записная книжка монаха, XVI–XVII вв. – ГИБ, р.XVII.67 (см. Акц., § 3.32).

Ик. — Иконописный подлинник, посл. четв. XVI в. – РГБ, ф. 209, № 409 (см. Акц., § 3.28).

Ион. — Маргарит Иоанна Златоуста, 1530 г. – РГБ, ф. 256, № 195 (см. Акц., § 3.30).

Карг. — Василия Великого о постничестве, 1556 г. – РГБ, ф. 304, № 133 (см. Акц., § 3.31).

Кир. — Сборник. Кириллов монастырь, 1612 г. – РГБ, ф. 209, № 327 (1-й почерк) (см. § 3.30).

Кирил. — 2-й почерк рукописи Кир. (см. Акц., § 3.30).

Клон. — Сборник житий, кон. XVI в. – РГБ, ф. 209, № 271 (см. Акц., § 3.31).

Колм. — Космография Герарда Меркатора. Колмогоры, 1670 г. (см. Акц., § 3.31).

Корн. — Василия Великого о постничестве, 1543 г. – ГИМ, Увар. 255 (см. Акц., § 3.31).

Косм. — Космография Мартина Бельского, посл. четв. XVI в. – РГБ, ф. 152, № 2 (см. Акц., § 3.28).

Костр. — Слова Аввы Дорофея. Кострома, 1628 г.; в рукописи РГБ, ф. 138, № 25 (см. Акц., § 3.30).

Лес. — Лествица. Москва, Чудов монастырь, 1558 г. – ГИМ, Чуд. 227 (см. Акц., § 3.27).

Лет. — Троицкий летописец, сер. XVI в. – ГИМ, Синод. 645 (см. Акц., § 3.26).

Леч. — Лечебник. Шуя, XVII в. – РНБ, собр. Колобова, № 649 (см. Акц., § 3.32).

Лих. — Пролог, 1501 г. – РНБ, Соф. 1345 (см. Акц., § 3.22).

Лук. — Скитский патерик, 1570 г. – РГБ, ф. 256, № 307 (см. Акц., § 3.31).

Матф. — Толкование Феофилакта болгарского на евангелия. М., 1649 (толкование на евангелие от Матфея).

М.пс. (Максимова псалтирь) – Псалтирь в переводе Максима Грека, нач. XVII в. — РГБ, ф. 304, № 62 (см. Акц., § 3.28). [Но в статье Глаг. вместо М.пс. используется сокращение Пс.]

Мер.— Мерило Праведное, XIV в. – РГБ, ф. 304, № 15 (см. § 3.26).

Муз. (= Муз.ев.) — Евангелие, 1-я пол. XVI в. – РГБ, ф. 178, № 3650 (см. Акц., § 3.22).

Нв. — Новгородская летопись, 1-я четв. XVII в. – БАН, 34.4.32 (см. Акц., § 3.24).

Нил. — три тома Житий святых, писанные в 1490-х гг. Нилом Сорским. – РГБ, ф. 113. № 630; РГБ, ф. 304, № 684 (Нил Т); Гос. лит. музей, № 126 (Нил М) (см. Акц., § 3.31).

Новг. — Псалтирь лицевая, 1548 г. – ГИМ, Увар. 592 (см. Акц., § 3.22).

Окт. — Октоих. Новгород, 1436 г. – ГИМ, Синод. 199 (см. Акц., § 3.22).

Острож. (Острожская библия) — Библїа, сирѣчь книги Ветхаго и Новаго Завѣта по ꙗзыкѹ словенскѹ. Острог, 1581. Фототипическое переиздание: М.; Л., 1988.

Пат. — Скитский Патерик, Новгород, 1553 г. – ГИМ, Синод. 216 (см. Акц., § 3.22).

Пер. — Слова Аввы Дорофея, 1633 г. – РГБ, ф. 310, № 194 (см. Акц., § 3.30).

Печ. — Минеи-четьи на сентябрь и октябрь. Печенга, 1605 г. – РГБ, ф. 138, № 17 (см. Акц., § 3.31).

Полик. — *Поликарпов Ф.* Лексикон треязычный. М., 1704.

Постн. — Триодь Постная. М., 1589.

Пр. — Пролог. Новгород, 1518–19 г. – РГБ, ф. 247, № 461 (см. Акц., § 3.22).

Правда Русская. I — Правда Русская, т. I. М.; Л., 1940.

Прол. (= Пролог) — Пролог, нач. XVI в. – РГБ, ф. 354, № 19 (см. Акц., § 3.31).

Пс. — Псалтирь, кон. XV в. – РНБ, Погод. 86 (см. Акц., § 3.32). [Но в статье Глаг. сокращение Пс. используется для другой рукописи — М.пс.]

Пск. — Житие и творения Феодора Студита. Псков, 1590 г. – РГБ, ф. 242, № 134 (см. Акц., § 3.24).

Пч. — Пчела. Вологда, 1640 г. – РНБ, Кирил.-Белоз. 114/1191 (см. Акц., § 3.32).

Ратн. — Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. М., 1647.

РГБ — Российская государственная библиотека в Москве (бывш. ГБЛ).

Рж. — Псалтирь. Ярославль, 1612 г. – ГИМ, Муз. 95 (см. Акц., § 3.26).

РНБ — Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге (бывш. ГПБ).

Рум. — Сборник XVI в. – РГБ, ф. 256, № 181 (см. Акц., § 3.26).

Ряз. — Лествица. Солотча, 1611 г. – ГИМ, Барсов 246 (см. Акц., § 3.29).

Св. — Стоглав. Серпухов, 1646 г. – РНБ, 0.11.102 (см. Акц., § 3.32).

Сел. — Канонник. Троице-Сергиева лавра, 1616 г. – РГБ, ф. 304, № 283 (см. Акц., § 3.26).

Сенн. — Толкование Феофилакта болгарского на евангелия от Матфея и от Марка, 1499–1500 г. – ГИМ, Синод. 302 (см. Акц., § 3.23).

Синод. (Синодальная библия) — Библїа, сирѣчь книги свѧщеннаго писанїѧ Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1914.

Смол. — Сборник. Смоленск, 1580 г. – РГБ, ф. 173 III, № 108 (см. Акц., § 3.25).

Сол. — Житие Зосимы и Савватия Соловецких. Соловки, 1632 г. – РГБ, ф. 209, № 235 (см. Акц., § 3.31).

Стар. — Книги 16 пророков, XVI–XVII вв. – ГИМ, Синод. 301 (см. Акц., § 3.26).

Т.пс. (Троицкая псалтирь) — Псалтирь, XV–XVI вв.; в рукописи РГБ, ф. 304, № 329 (см. Акц., § 3.22).

Такт. — Тактикон Никона Черногорца. Москва, Симонов монастырь, 1461 г. – РНБ, Р.1.207 (см. Акц., § 3.27).

Тамб. — Синодик Троицкой Новой пустыни на Цне, 1621 г. – ГИМ, Барсов 961 (см. Акц., § 3.29).

Тар. — Псалтирь. М., 1568.

Тит. — Пятидесятница. Троице-Сергиева лавра, 1541 г. – РГБ, ф. 304, № 146 (см. Акц., § 3.31).

Тих. — Сборник грамматический, 1-я пол. XVII в. – РГБ, ф. 299. № 336 (см. Акц., § 3.30).

Трав. — Травник и лечебник, XVI–XVII вв. – РГБ, ф. 37, № 431 (см. Акц., § 3.28, Глаг., § 12).

Увар. — Кормчая, сер. XVI в. – ГИМ, Увар. 296 (см. § 3.30).

Угл. — Псалтирь. Углич, 1491–1492 гг. – ГИМ, Увар. 569 (см. Акц., § 3.30).

Узк. — Евангелие безвыходное (так наз. узкошрифтное). Анонимная типография, 1553–1564 гг.

Улож. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича. М., 1649.

Уст. — Житие Прокопия и Иоанна устюжских чудотворцев. Великий Устюг, кон. XVII в. – БАН, 45, 10.2 (см. Акц., § 3.32).

Фер. — Кормчая, сер. XVI в. – РГБ, ф. 98, № 248 (см. Акц., § 3.26).

Хл. — Сборник, 1560-е гг. – ГИМ, Хлуд. 147Д (почерк 271—384) (см. Акц., § 3.28).

Хлуд. – Почерк 112–159б в рукописи Хл. (см. Акц., § 3.28).

Хлын. — Златоуст, 2-я четв. XVII в. – РГБ, ф. 310, № 539 (см. Акц., § 3.31).

Флав. — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. 1–2. М., 2004.

Хр. — Хронограф лицевой, посл. четв. XVI в. – РГБ, ф. 98, № 202 (см. Акц., § 3.26).

Хрон. — Хронограф, 1-я четв. XVI в. – РГБ, ф. 113, № 650 (см. Акц., § 3.26).

Цв. — Триодь Цветная. М., 1591 (см. Глаг., § 12).

Цел. — Целебник, XVII–XVIII вв. – ГИМ, Музейск. 1226 (см. Акц., § 3.31).

Целеб. — 2-й почерк в рукописи Цел. (см. Акц., § 3.31).

Час. — Часослов, кон. XV в.; в рукописи РГБ, ф. 304, № 329 (см. Акц., § 3.22).

Чет. — Минея-четья на апрель, 1560-е гг. – ГИМ, Синод. 91 (см. Акц., § 3.26).

Чуд. — Чудовский Новый Завет, XIV в. – По изд.: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси. (Фототипическое издание Леонтия, Митрополита Московского.) М., 1892 (см. Акц., § 3.28, Глаг., § 12).

Яр. — Служебник. Ярославль, 1635 г. – ГИМ, Барсов 1149 (см. Акц., § 3.30).

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов 1949 — *Р. И. Аванесов.* Очерки русской диалектологии. Часть первая. М., 1949.

Аванесов, Орлова 1965 — *Р. И. Аванесов, В. А. Орлова.* Русская диалектология. Изд. 2-е. М., 1965.

АГ-52 — Грамматика русского языка, т. I. М., 1952.

АГ-70 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

АГ-80 — Русская грамматика. М., 1980.

Аксенова 1981 — *Е. А. Аксенова.* Важный памятник средневековой грамматико-лексикографической традиции (текстологический и акцентологический анализ) // Сов. слав., 1981, № 1. С. 66–67.

Аксенова 1982 — *Е. А. Аксенова.* Акцентная система северо-восточной русской рукописи конца XVI века (диахронический и синхронический анализ). Канд. дис. М., 1982.

Акц. — раздел 1 «От праславянской акцентуации к русской» в настоящей книге (с. 1–428). [Перепечатка книги Зализняк 1985.]

Акц. Мер. — *А. А. Зализняк.* Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное» // СБЯ. История литературных языков и письменность. М., 1979.

АО — Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник / Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.

Атлас Запад, Атлас Север, Атлас Юг, Атлас сводный — диалектологические атласы, составленные и хранящиеся в Институте русского языка АН СССР (соответственно: «Атлас русских говоров центральных областей к западу [к северу, к югу] от Москвы», «Диалектологический атлас русского языка»).

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1950–1965.

Брике — *C. M. Briquet.* Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier. Genève, 1907.

Брок 1907 — *О. Брок.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // Сб. ОРЯС. 1907. Т. 83. С. 1–149.

Брок 1916 — *О. Брок.* Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.

Бромлей 1976 — *С. В. Бромлей.* Форма 2-го лица множественного числа изъявительного наклонения в русских говорах северо-восточной диалектной зоны // Общеславянский лингвистический атлас 1974. М., 1976.

Бромлей 1977 — *С. В. Бромлей.* О взаимодействии форм изъявительного и повелительного наклонений в восточнославянских языковых системах // Общеславянский лингвистический атлас 1975. М., 1977.

Бромлей 1978 — *С. В. Бромлей.* О следах общеславянской *с*-парадигмы в акцентной системе русского глагола (по материалам говоров) // Общеславянский лингвистический атлас 1976. М., 1978.

Брох 1900 — *О. Брок.* Угорусское наречие села Убли // Исследования по русскому языку. Т. II. Вып. 1. СПб., 1900.

Булаховский 1947 — *Л. А. Булаховський.* Східнослов'янські мови як джерело відбудування спільнослов'янської акцентологичної системи // Мовознавство. 1947. Т. IV–V.

Булаховский 1961 — *Л. А. Булаховский.* Отражения так называемой новоакутовой интонации древнейшего славянского языка в восточнославянских // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961. С. 3–13.

Васильев 1904 — *Л. Л. Васильев.* Гласные в слоге под ударением в момент возникновения аканья в обоянском говоре // Изв. ОРЯС. 1904. Т. 9/1. С. 336–355.

Вас. (= Васильев 1929) — *Л. Л. Васильев.* О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII вв. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии. Л., 1929.

Виноградов 1904 — *Н. Виноградов.* О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда // Сб. ОРЯС. 1904. Т. 77/8. Вып. I–II. С. 1–100.

ВЯ — «Вопросы языкознания».

Воронцова — *В. Л. Воронцова.* Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М., 1979.

Высотский 1949 — *С. С. Высотский.* О говоре д. Лека // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. II. М.; Л., 1949. С. 3–71.

Галкина — *Г. С. Галкина.* Язык рязанских деловых документов XVII–XVIII веков (фонетика и морфология). Автореф. канд. дис. Тула, 1961.

Гард 1974 — *Л. Гард.* К истории восточнославянских гласных среднего подъема. // ВЯ, 1974, № 3. С. 106–115.

Гард 1976 — *P. Garde.* Histoire de l'accentuation slave. T. 1. Paris, 1976.

Гард 1978 — *P. Garde.* Modèle de description de l'accent russe // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. T. 73, 1978.

Гецова 1959 — *О. Г. Гецова.* О произношении ударенного *о* разного происхождения в говоре с. Катагощи Захаровского района Рязанской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. I. М., 1959. С. 105–118.

Глаг. — статья «Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в.» в разделе 3 настоящей книги (с. 709–796) [Перепечатка статьи Глаг. акц.]

Глаг. акц. — *А. А. Зализняк.* Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в // СБЯ. Проблемы морфонологии. М., 1981. [См. также Глаг.]

Горск. Нев. — *А. В. Горский, К. И. Невоструев.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 1–3. М., 1855–1917.

Грамм. — *А. А. Зализняк.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.

Гринченко — *Б. Д. Гринченко.* Словарь украинского языка. Т. 1–4. Киев, 1907–1909.

Грот — *Я. К. Грот.* О глаголах с подвижным ударением // *Я. К. Грот.* Труды. Т. 2. Филол. разыскания. СПб., 1899.

ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.

Даль — *В. И. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.

Диал. член. — *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Диал. мат. — Диалектологические материалы, собранные В. И. Тростянским, И. С. Гришкиным и др. // Сб. ОРЯС. 1916. Т. 95/1. С. 1–65, 125–158.

Долобко 1925 — *M. Dolobko.* Der sekundäre v-Vorschlag im Russischen // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1926. Bd. III/1–2. S. 87–144.

Дурново 1932 — *N. Durnovo.* Manuscrits russes distinguant l'ancien *o* "acuté" et l'*o* d'une autre origine // Annales Academiae Scientiarum Fennicae B/27. Helsinki, 1932. P. 7–13. [рус. изд.: *Н. Н. Дурново.* Русские рукописи, различающие древнее "акутированное" *о* и *о* другого происхождения // *Н. Н. Дурново.* Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 638–643 (пер. с франц.)]

Дыбо 1962 — *В.А.Дыбо.* О реконструкции ударения в праславянском глаголе // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962.

Дыбо 1968 — *В.А.Дыбо.* Акцентология и словообразование в славянском // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М., 1968.

Дыбо 1969а — *В.А.Дыбо.* Среднеболгарские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (praesens) // ВЯ, 1969, № 3.

Дыбо 1969б (= Дыбо 1969) — *В.А.Дыбо.* Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (praesens) // ВЯ, 1969, № 6.

Дыбо 1970 — *В.А.Дыбо.* Фрагмент праславянской акцентной системы (Ударение прилагательных с суффиксом *-ьк-*) // Сов. слав., 1970, № 5.

Дыбо 1971а — *В.А.Дыбо.* Закон Васильева–Долобко и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском // ВЯ, 1971, № 2. С. 93–114.

Дыбо 1971б — *В.А.Дыбо.* О фразовых модификациях в праславянском // Сов. слав., 1971, № 6. С. 77–84.

Дыбо 1972а — *В.А.Дыбо.* Реконструкция ударения *l*-причастия от глаголов на *-nǫ-* и *-i-* в праславянском // Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Дыбо 1972б — *В.А.Дыбо.* Акцентные типы презенса глаголов с *ъ, ь* в корне в праславянском // ВЯ, 1972, № 4.

Дыбо 1973 — *В.А.Дыбо.* Балтославянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента // Кузнецовские чтения 1973. История славянских языков и письменности. М., 1973.

Дыбо 1975 — *В.А.Дыбо.* Закон Васильева-Долобко в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета) // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. V. XVIII, 1975. P. 7–81.

Дыбо 1981 — *В.А.Дыбо.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.

Дыбо 1982 — *В.А.Дыбо.* Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (материалы к реконструкции) // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982.

Дыбо, Замятина, Николаев 1990 — *В.А.Дыбо, Г.И.Замятина, С.Л.Николаев.* Основы славянской акцентологии. М., 1990.

Ерёмин 1928 — *С.А.Ерёмин.* Описание Уломского и Ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губ. // Сб. ОРЯС. 1928. Т. 99/5. Вып. I–II. С. 1–69.

Еськова 2008 — *Н.А.Еськова.* Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков. Ударение, грамматические формы, варианты слов. Словарь, пояснительные статьи. М., 2008.

Жилко 1963 — *Ф.Т.Жилко.* Возникновение дифтонгов в украинском языке. (Древние *о, е* в новых закрытых слогах) // Вопросы теории и истории языка, Л., 1963. С. 112–119.

Зализняк 1977 — *А.А.Зализняк.* Акцентологическая интерпретация данных древнерусского «Мерила Праведного» XIV века // Ностратические языки и ностратическое языкознание. Тезисы докладов. М., 1977. С. 18–20.

Зализняк 1978а — *А.А.Зализняк.* Новые данные о русских памятниках XIV–XVII веков с различением двух фонем «типа *о*» // Сов. слав., 1978, № 3. С. 74–96.

Зализняк 1978b — *А.А.Зализняк.* Противопоставление букв *о* и *ω* в древнерусской рукописи XIV века «Мерило праведное» // Сов. слав., 1978, № 5. С. 41–68.

Зализняк 1979а — *А.А.Зализняк.* Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века «Мерило праведное» // СБЯ. История литературных языков и письменность. М., 1979. С. 47–128.

Зализняк 1979b — *А.А.Зализняк.* О понятии графемы // Balcanica. Лингвистические исследования, М., 1979. С. 134–152.

Зализняк 1985 — *А.А. Зализняк.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. [См. также Акц.]

Зализняк 1989 — *А.А. Зализняк.* Перенос ударения на проклитики в старовеликорусском // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989. С. 116–134. [См. также Прокл.]

Зализняк 1990 — *А.А. Зализняк.* "Мерило Праведное" XIV века как акцентологический источник. München, 1990. [См. также МПр]

Зализняк 2008 —*А. А. Зализняк.* Древнерусские энклитики. М., 2008.

Захарова 1959 — *К. Ф. Захарова.* Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. I. М., 1959. С. 6–55.

Исаченко 1967 — *А.В. Исаченко.* Фразовое ударение и порядок слов // To honor Roman Jakobson, The Hague; Paris, 1967.

Земская — *Е.А. Земская.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.

Изв. ОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности. СПб.

Иллич-Свитыч — *В.М. Иллич-Свитыч.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.

Кипарский 1962 — *V. Kiparsky.* Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962.

Кипарский 1963 — *V. Kiparsky.* Russische historische Grammatik, Bd. I. Heidelberg, 1963.

Кипарский–Халле 1977 — *P. Kiparsky, M. Halle.* Towards a Reconstruction of the Indo-European Accent // Studies in Stress and Accent (Southern California Occasional Papers in Linguistics, 4). Ed. L. Hyman. Los Angeles, 1977.

Клосс 1980 — *Б.М. Клосс.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.

Колесов 1962а — *В.В. Колесов.* [ô] (*о* закрытое) в древненовгородском говоре // Исследования по грамматике русского языка III. Учен. зап. ЛГУ. Серия филол. наук, 302/61. Л., 1962. С. 149–161.

Колесов 1962б — *В.В. Колесов.* Эволюция фонемы [ô] в русских северо-западных говорах //. Филол. науки, 1962, № 3. С. 94–104.

Колесов 1965 — *В.В. Колесов.* Об одной древнерусской диалектной системе ударения // Вестник ЛГУ, 1965, № 8.

Колесов 1969 — *В.В. Колесов.* Ударение neutra **о*-основ в древнерусском языке. // Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXVIII, вып. 1, 1969.

Колесов 1972 — *В.В. Колесов.* История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Ч. I. Л., 1972.

Колесов 1973а — *В.В. Колесов.* Знаки ударения и надстрочные знаки в русских рукописях XIV–XV вв. // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. I. М., 1973.

Колесов 1973б — *В.В. Колесов.* Надстрочные знаки «силы» в русской орфографической традиции // Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973.

Колесов 1974 — *В.В. Колесов.* Просодические диалектные признаки в истории русского языка // ВЯ, 1974, № 1.

Колесов 1978а — *В.В. Колесов.* Ударение суффиксальных прилагательных в древнерусском языке // Slavia Orientalis, rocz. 27, № 2. Warszawa, 1978.

Колесов 1978б — *В.В. Колесов.* Очерки по русской исторической акцентологии. (Acta Universitatis Szegediensis de Attila Józef nominatae. Supplementum). Szeged, 1978.

Компл. — статья «Ударение просодических комплексов в истории русского языка» в разделе 3 настоящей книги (с. 817–826).

Котков — *С.И. Котков.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963.

Кузнецов 1960 — *П.С. Кузнецов.* Русская диалектология. М., 1960.

Курилович 1946 — *Е. Курилович.* Система русского ударения // *Е. Курилович.* Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 436–444.

Лауцявичюс — *E. Laucevičius.* Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Vilnius, 1967.

Леонид — *архим. Леонид.* Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания А. С. Уварова. Ч. I–IV. М., 1893–1894.

Лефельдт, Бергер 1984а — *W. Lehfeldt, T. Berger.* Zur Rekonstraktion des altrussischen Akzentsystems // Wiener Slawistischer Almanach, 13, 1984. S. 141–160.

Лефельдт, Бергер 1984б — *W. Lehfeldt, T. Berger.* К реконструкции древнерусской акцентной системы // Russian Linguistics, 8, 1984. P. 1–16.

Лефельдт 1986 — *W. Lehfeldt.* Zur graphischen Wiedergabe und zur Distribution von zwei Phonemen des «Typs *o*» in einer russisch-kirchenslavischen Handschrift aus der Mitte des 16. Jh. // Renate Rathmayr (Hg.), Slavistische Linguistik 1985, München, 1986, 133–145 (Slavistische Beiträge 200).

Лихачев — *Н. П. Лихачев.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. I–III. СПб., 1899.

Лобан 1957 — *Н. П. Лобан.* Націск у назоўніках з невытворнай асновай у сучаснай беларускай літаратурнай мове // Працы інстытута мовазнаўства АН БССР. Вып. IV. Мінск, 1957.

Лопатин — *В. В. Лопатин.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.

Лыткин 1948 — *В. И. Лыткин.* К вопросу о севернорусском закрытом *о* // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та рус. языка. Вып. 2, 1948. С. 35–40.

Лыткин 1949 — *В. И. Лыткин.* Фонетика севернорусских говоров и заимствования из русского языка в комийский // Материалы и исследования по русской диалектологии II. М.; Л., 1949. С. 128–201.

Мансикка 1912 — *В. Мансикка.* Говор Грязовецкого уезда Вологодской губ. // Рус. филол. вестник 68/4, 1912, С. 271–279.

МАС — Словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1957–1961.

Мат. — Материалы по русским народным говорам (т. I–XI в Изв. ОРЯС и Сб. ОРЯС).

МДК — Труды Московской диалектологической комиссии.

МПр — часть «"Мерило Праведное" XIV века как акцентологический источник» в разделе 3 настоящей книги (с. 531–708) [Перепечатка книги Зализняк 1990.]

Нахтигал — *R. Nachtigall.* Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung, I. Substantiva auf Konsonanten. Heidelberg, 1922.

Николаев 1996 — *С. Л. Николаев.* Histoire d'O // Славистика. Русистика. Индоевропеистика. Сб. статей к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. С. 203–242.

Новопокровская — *В. Н. Новопокровская.* О некоторых морфологических особенностях рязанских говоров XVII в. (имя существительное) // Учен. зап. Орловского пед. ин-та. Т. 13. Вып. 5. Орел, 1958.

Новые данные — *А. А. Зализняк.* Новые данные о русских памятниках XIV–XVII веков с различением двух фонем «типа *о*» // Сов. слав., 1978, № 3.

Обр. — Обратный словарь русского языка. М., 1974.

Образ. — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

Огиенко — *І. Огієнко.* Український наголос в XVI віці // Сб. ОРЯС. 1928. Т. 101, № 3.

Однослож. — *А. А. Зализняк.* Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. Вып. 8. М., 1977. С. 71–119.

Ожегов — *С. И. Ожегов.* Словарь русского языка. 9-е изд. М., 1972.

Орлова 1949 — *В. Г. Орлова.* О говоре села Пермас Никольского района Вологодской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. М.; Л., 1949.

Оссовский 1950 — *L. Ossowski.* O zwężonym lub dyftongicznym *o* w pewnych gwarach i zabytkach rosyjskich (Ze studiów nad akcentem rosyjskim) // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Jezykoznawczego. Z. X, 1950. S. 141–148.

Оч. морф. — *С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

Погрібний — *М. І. Погрібний.* Словник наголосів української літературної мови. Київ, 1964.

Поливанова 1976 — *А. К. Поливанова.* Морфонология русского субстантивного основообразования. Автореф. канд. дис. М., 1976.

Прокл. — статья «Перенос ударения на проклитики в старовеликорусском» в разделе 3 настоящей книги (с. 804–816). [Перепечатка статьи Зализняк 1989.]

Противоп. — *А. А. Зализняк.* Противопоставление букв *о* и *ѡ* в древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное» // Сов. слав., 1978, № 5.

Редькин — *В. А. Редькин.* Акцентология современного русского литературного языка. М., 1971.

РИС — *А. А. Зализняк.* Русское именное словоизменение. М., 1967.

Рус. диал. — Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.

Сб. ОРЯС — Сборник отделения русского языка и словесности. СПб.

СБЯ — Славянское и балканское языкознание.

Селищев 1951 — *А. М. Селищев.* Старославянский язык. Ч. I. Введение. Фонетика. М., 1951.

Сидоров 1969 — *В. Н. Сидоров.* Из русской исторической фонетики. М., 1969.

Скляренко 1969 — *В. Г. Скляренко.* Історія акцентуації іменників *а*-основ української мови. Київ, 1969.

Смирнов — *И. Т. Смирнов.* Кашинский говор // Сб. ОРЯС. 1904. Т. 77, № 9.

Сов. слав. — «Советское славяноведение».

Сологуб — *А. И. Сологуб.* Об ударении в парадигмах существительных женского рода ед. числа в русских говорах // ВЯ, 1980, № 3.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.

Стадникова *см.* Тугай.

Станг 1952 — *Chr. Stang.* La langue du livre «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей». Oslo, 1952.

Станг 1957 — *Chr. Stang.* Slavonic accentuation. Oslo, 1957.

Станг 1978 — *Chr. Stang.* Zur Frage der Betonung univerbierter Bildungen im Russischen // Studia linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a collegis amicisque oblata. Lisse, 1978.

Сущ. — статья «Акцентуация существительных в южновеликорусской рукописи XVI в.» в разделе 3 настоящей книги (с. 797–803).

Тихомиров 1942 — *М. Н. Тихомиров.* Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания // Исторические записки. Т. XIII. М., 1942.

Тоньшин 1912 — *Ф. М. Тоньшин.* Материалы по Рязанской губ. и у., Новосельской в., с. Новосёлки // Рус. филол. вестник. Т. 68, № 3. С. 1–22.

Тугай [Стадникова] 1978 — *Е. В. Тугай.* Различение двух фонем «типа *о*» в старовеликорусской рукописи XVI в. // Языковая практика и теория языка. Вып. 2. М., 1978. С. 70–81.

Тугай [Стадникова] 1983 — *Е. В. Тугай.* К вопросу об эволюции двух фонем «типа *о*» в XVI в. // Филол. науки, 1983, № 2. С. 62–68.

Тугай [Стадникова] 1984 — *Е. В. Стадникова.* Влияние акцентной системы на фонологическую (на материале истории двух фонем "типа *о*" в русском языке). Канд. дис. М., 1984.

Тугай [Стадникова] 1989 — *Е. В. Стадникова.* Материалы к изучению двух фонем «типа *о*» в старовеликорусском // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989. С. 135–175.

Тростянский — Диалектологические материалы, собранные В. И. Тростянским, И. С. Гришкиным и др. // Сб. ОРЯС. 1916. Т. 95, № 1. С. 1–65, 125–158.

Устинова 1974 — *Е. Г. Устинова.* К вопросу об ударении относительных прилагательных с суффиксом *-ое-* (*-ев-*) в современном русском языке // Языковая практика и теория языка. Вып. 1. М., 1974.

Устинова 1977 — *Е. Г. Устинова.* Ударение украинских прилагательных с суффиксом *-ов(ий)* // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.

Устинова 1980 — *Е. Г. Устинова.* Об ударении префиксальных существительных в современном русском и украинском языках // Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М., 1980.

Ушаков — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1935–1940.

Федянина — *Н. А. Федянина.* Ударение в современном русском языке. М., 1976.

Флайер 1977 — *M. S. Flier.* On Obojansk dissimilative jakan'e: the canonical case of absolute neutralisation // Phonology in the 1970's. Los Angeles, 1977. P. 1–90.

Хабургаев 1980 — *Г. А. Хабургаев.* Становление русского языка. М., 1980.

Хазагеров 19736 — *Т. Г. Хазагеров.* Ударение как средство дифференциации грамматических форм // ВЯ, 1973, № 4.

Хазагеров 1973а — *Т. Г. Хазагеров.* Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973.

Хивуд — *E. Heawood.* Water-marks mainly of the 17th and 18th centuries. Vol. I. Hilversum, 1950.

Частотн. — Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.

Чернышев Пушк. — *В. И. Чернышев.* Говор Пушкинского района // *В. И. Чернышев.* Избр. труды. Т. 2. М., 1970.

Шахматов 1914 — *А. А. Шахматов.* Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // Изв. ОРЯС. 1914. Т. 18. Кн. 4. С. 178–220.

Шахматов 1915 — *А. А. Шахматов.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. СПб., 1915.

Шахматов 1964 — *А. А. Шахматов.* Дифтонги *уо* и *ie* в великорусских говорах // ВЯ, 1964, № 5. С. 110–120; № 6. С. 109–118.

Швайер 1987 — *U. Schweier.* Zum Flexionsakzent in der großrussischen Literatursprache des 16. und des 17. Jahrhunderts. Beschreibung und vergleichende Einordnung der Akzentsysteme der Ostroger Bibel (Neues Testament) von 1580–1581 und der Moskauer Bibel von 1663, München, 1987.

Шевелев 1978 — *G. Y. Shevelov.* Omega in the Codex Hankenstein // Studia Linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a Collegis Amicisque oblata. Lisse, 1978. P. 369–386.

Шевелев 1984 — *G. Y. Shevelov.* An alternative analysis of some language features of "Merilo pravednoe" // Wiener Slawistischer Almanach 13, 1984. S. 295–305.

Шелюто — *Г. А. Шелюто.* Русское ударение. Ч. 1. Ужгород, 1962.

Южн. отк. — Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М., 1977 (при ссылках название города обозначает соответствующую отказную книгу).

Якобсон 1963 — *Р. О. Якобсон.* Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии // American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. The Hague, 1963.

Якубинский 1953 — *Л. П. Якубинский.* История древнерусского языка. М., 1953.

Якше 1965 — *H. Jaksche.* Slavische Akzentuation. II. Slovenisch. Wiesbaden, 1965.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Первые издания публикуемых работ

1. От праславянской акцентуации к русской. — Печатается по изд.: М.: Наука, 1985.
2. Ударение в современном русском склонении // Русский язык в национальной школе, 1963, № 2. С. 7–23.
3. «Условное ударение» в русском словоизменении // ВЯ, 1964, № 1. С. 14–29.
4. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. Вып. 8. М., 1977. С. 71–119.
5. О некоторых связях между значением и ударением у русских прилагательных // СБЯ: Просодия. М.: Наука, 1989. С. 148–164.
6. Новые данные о русских памятниках XIV–XVII веков с различением двух фонем «типа *о*» // Сов. слав., 1978, № 3. С. 74–96.
7. Противопоставление букв *о* и *ω* в древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное» // Сов. слав., 1978, № 5. С. 41–68.
8. Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное» // СБЯ: История литературных языков и письменность. М.: Наука, 1979. С. 47–128.
9. Дополнительные замечания об омеге в «Мериле Праведном» // Сов. слав., 1985, № 4. С. 97–107.
10. Указатель слов // «Мерило Праведное» XIV века как акцентологический источник. München: Otto Sagner, 1990.
11. Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. // СБЯ: Проблемы морфонологии. М.: Наука, 1981. С. 89–174.
12. Перенос ударения на проклитики в старовеликорусском // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М.: Наука, 1989. С. 116–134.
13. Ударение просодических комплексов в истории русского языка // Исследования по лингвистике и семиотике: Сб. статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова. М.: Языки славянских культур, 2010 (в печати).